

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я.МАРРА

Н.Я.МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ПЯТЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

4
ЛМ.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я.МАРРА

Н.Я. МАРР

ЭТНО- И ГЛОТТОГОНΙΑ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1935

ПЕЧАТАЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ РЕДАКЦИОННОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ

*С. Н. Быковского, акад. И. И. Мещанинова, **акад. С. Ф. Ольденбурга***

НАСТОЯЩИЙ ТОМ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

В. Б. Антеевым

Ответственный редактор *Ф. В. Кириллов* Технический редактор *Г. Г. Гильо*
Рисунки для переплета, титула и контртитула работы *В. Д. Дворяковского*
Форзац автолитографии *Е. Г. Дорфман*. Супер-обложка по макету *Г. Г. Гильо*

Цена книги 16 руб., переплет 1 руб. 50 коп.

Отпечатано в количестве 5 тыс. экземпляров в типографии Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, № 12

Сдано в набор 4 июля 1934 г. — Подписано к печати 5 декабря 1935 г.

Ленинград № 33697. Авт. л. 68,2. Бум.: формат 72 x 110, л. 43¹/₄. — Тащ. зн. в бум. л. 109,2 тыс. — Тпр. 5000. — Зав. № 1171

Предисловие к пятому тому

I

Н. Я. Марру не довелось видеть пятый том своих «Избранных работ» напечатанным, так как настоящий том, скомплектованный и подготовленный к печати, как и остальные томы пятитомника, на основе указаний Н. Я., выходит из печати уже спустя почти год после смерти Н. Я. (20 декабря 1934 г.). Пятый том «Избранных работ» Н. Я. Марра озаглавлен «Этно- и глоттогония восточной Европы», так как в его состав входят работы, освещающие преимущественно сложный комплекс проблем, связанных с древнейшими историческими судьбами европейской части СССР, в частности проблемы скифскую, русскую, русско-кавказские связи, место украинского языка в мировом глоттогоническом процессе, вопросы древнейшей истории народов Приволжья и Приуралья.

Не только широким слоям, но и узким кругам ученых-специалистов Н. Я. известен преимущественно как языковед. Лингвистика, действительно, была главным полем его многогранной научной деятельности, проблемы языка бесспорно занимают первое место в кругу тех исследовательских задач, разрешению которых были отданы сорок пять лет его работы, но вместе с тем Марр-языковед все же лишь один из аспектов этого великого ученого.

Дело в том, что изучение языка никогда не являлось для Н. Я. самоцелью: даже в специально-лингвистических работах язык привлекается им как средство к познанию истории человечества, частью которой является разработанная Н. Я. история языка в мировом масштабе, учение об едином глоттогоническом процессе. Для Н. Я. язык — исторический источник наравне с письменными документами и памятниками материальной культуры. Язык — источник, позволяющий проникнуть в отдаленнейшие эпохи, от которых не осталось письменных и вещественных памятников, притом источник, вводящий в навсегда утерянное, казалось бы, общественное мышление прожитых стадий истории человечества. Не голые, абстрактные отношения изолированных от мысли и жизни звуков и форм речи приковывали к себе внимание Н. Я., а вскрываемые ими конкретная жизнь, мышление и труд людей, их борьба с природой и рожденная и умирающая вместе с классовым обществом борьба классов, поскольку они отразились в языке.

Анализ внутренней структуры языка и его сложных взаимоотношений с другими явлениями общественной деятельности людей давал Н. Я. ключ к пониманию истории тех общественных групп — племен, классов, сословий, партий, школ и т. д., — для которых изучаемый Н. Я. язык являлся средством общения

и орудием классовой борьбы и идеологию которых он отражал. С фактами языка Н. Я. сопоставлял археологические и этнографические материалы, данные литературных источников, и работы его над памятниками истории материальной культуры являются в то же время лингвистическими исследованиями, а филологические его работы по своим выводам с таким же правом могут быть названы историческими монографиями.¹

Углубленное исследование Н. Я. древнейших периодов истории, его внимание к историческим судьбам теперь забытых и, казалось бы, бесследно исчезнувших племен и народов продиктованы были доминирующим во всей деятельности Н. Я. стремлением полнее, шире, глубже и лучше понять слагающиеся отношения современности, уяснить действительную историю человечества, подчеркнуть значение в историческом процессе малых народов.

В результате работ Н. Я. давным-давно мертвые племена — скифы, халды, колхи, этруски, иберы и т. д. — были вскрыты как пережиточно сохранившиеся в архаичных, занесенных позднейшими отложениями слоях современных народов и классов. Так, окутанные дымкой классических мифов Эллады колхи предстали в свете трудов Н. Я. как коренной пласт грузинского крестьянства (гlexи), сам русский термин «крестьянин» разъяснился как двойник племенного названия этрусков,² загадочные пелазги, о существовании которых до сих пор еще идет спор в исторической науке, воскресли в языке и племенных названиях лезгин Дагестана. Точно также киммерские и скифские предания раскрылись в основе преданий и легенд, сохраненных позднейшей письменностью армян и русских,³ религиозные верования сарматов и этрусков удалось уточнить путем изучения чувашей, сванов и других народов Кавказа и Поволжья. На берегах Волги и Камы, в сложной, перекрещивающейся этнической среде населения Поволжья и Приуралья — татар, удмуртов, чувашей, мариев, вогулов, коми (зырян и пермяков) — Н. Я. мог разглядеть не только памятники начальной эпохи русской письменной истории — культуру хазар и болгар, бытующих в современности, не только живущие и ныне названия сказочных скифских племен — аргипшаев, аримаспов и др., но и явственные связи населения Поволжья с древнейшим культурным народом Месопотамии — шумерами. В Армении клинопись халдов выступила как

¹ См., напр., Н. Я. Марр, Арнау, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонятах, ВВ, т. XII, № 1—2, стр. 1—68, Сиб., 1906 г., или «По поводу русского слова «само» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века (К вопросу о древнерусско-кавказских отношениях)», здесь, стр. 67—113.

² См. работу Н. Я. Марра «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, и русской речи и топонимике (Вперед к чувашам и на Волгу)», здесь, стр. 310—322.

³ См. Н. Я. Марр, Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, здесь, стр. 44—66.

яфетическая речь, близкая к современным языкам Закавказья, а остатки грандиозных древних водоснабжающих сооружений позволили поставить вопрос о возможности их технической реставрации и использования. И когда Н. Я. в последнюю поездку свою в Турцию побывал на развалинах Трои, Сард, Эфеса и Пергама, его исследовательская мысль смогла увидеть в массе турецкого крестьянства, в его материальной культуре и языке живые и в настоящее время переживания древнейших насельников Анатолии — хеттов и лидийцев, а за популярной фигуркой турецкого Петрушки-Карагеза — легендарный образ царя-богача Креза.

Как же Н. Я. удалось все это? Почему не усмотрели этого те многочисленные ученые, которые всю свою жизнь потратили на поиски хотя бы хазарских памятников? Ответ мы находим у Н. Я., который, говоря о бесплодности старых научных путей индоевропеизма в исследовании кельтской проблемы (одной ли кельтской проблемы?), отмечал, что «кельтский вопрос интересен не только сам по себе, кельты иллюстрируют своей судьбой судьбы народов, преемствовавших позднее во владениях скифов, от Кавказа с его Каспийско-Черноморским междуморьем до пределов их экспансии по Волге и Дону на север, они иллюстрируют исторические судьбы хазар, исторические судьбы болгар, которые везде были, и ничего прочного от них не находят ни по материальной, ни по речевой культуре там, где они известны исторически. Какое поразительное, невероятное явление: ищут и не находят даже целые города, столицу болгар, ну хотя бы Саркел, и никогда не найдут; если бы ученые оказались в самой этой хазарской столице (может быть, она и сейчас красуется на Волге или на другой реке без всяких раскопок), то они ее не признали бы, ибо ученые ищут то, чего никто не терял, они ищут доселе примитивными приемами расовой этнологии, ищут народов-массивов без изменчивости типа во времени и пространстве, т. е. в вопросе о текущем социально-экономическом образовании, не устоявшемся типологически коллективе бурного переходного времени, ищут фантомов, создаваемых по образу и подобию представлений о стабилизированном впоследствии историческом или современном нам этнографическом типе без учета в их речи эволюции «пермутационного» порядка, собственно без учета революционных сдвигов, перерождавших сами типы языков в зависимости от сдвигов в хозяйственной жизни и в развитии общественных форм, и без учета творческой роли руководящих слоев, классов или сословий, выделявшихся в путях развития, когда при определенных однородных социально-экономических предпосылках один и тот же результат получается в различных местах, независимо от миграции».¹

¹ Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, здесь, стр. 430.

Смело продвигаясь вперед по новым, непроторенным дорогам, порывая с устаревшими авторитетами, подвергая исследованию и критике каждый наблюдаемый и привлекаемый факт, Н. Я., изучая историю древнейшего населения восточной Европы, не только отбросил старые, одряхлевшие представления и схемы, но и наметил принципиально иные подходы и пути, с помощью которых может быть построена марксистско-ленинская история народов СССР. В изданной в 1933 г. в Тифлисе работе «К истории Кавказа по данным языка» Н. Я. писал: «вся история не Грузии и Армении, не Закавказья, не Кавказа лишь, а в мировом масштабе, оказалась и находится в положении, требующем коренного пересмотра... Кавказ доселе имеет не историю, а классовую феодально-буржуазную фальсификацию истории отдельных национальных мифов при наличии богатейших материалов для построения подлинной истории, марксистско-ленинской, при наличии уже четких намёток истории, сделанных в освещении нового учения об языке и для общекавказской истории. Да разве только по Закавказью, да Кавказу, наличны такие четкие намётки исторического построения, прорублены яркие просеки новым учением об языке в темном бору устаревших исторических знаний, подрыты напластования позднейших эпох, казавшихся грунтом, прослежены жизненные побегы начальных завязей, вскрытых при оголении корней, о коих не только конкретного представления не было, не было даже стихийно-гадательных исканий? А по эпохам истории населения самой западной Европы, того, что действительно и творчески предшествовало и Франции и доримской Галлии на галло-бретонском материке, — того, что развертывалось на Британских островах до развития Англии, и того, что созидалось на Пиренейском или Иберском полуострове, до порождения из него Испании и Португалии? И в восточной Европе в том же порядке с яркостью осязаемых предметов установлены уже требующие учета достижения по связи с мидами, скифами, кимерами и т. д. Или история трактовки проблем истории восточной Европы должна протекать на конгрессах в старых путях замалчивания этих конкретных достижений о конкретных советских нациях, чувашах, удмуртах, коми и т. д.? А самое новое учение призвано пробивать себе пути как бы подпольно в кавказских ущельях?»

II

Работы, включенные в состав пятого тома, распадаются на две группы. В первую группу вошли исследования скифского вопроса и русско-кавказских связей, во вторую — труды, относящиеся к изучению народов Волжско-Камского края. Внутри каждой группы работы расположены в хронологическом порядке, что позволяет читателю не только следить за ходом научных работ Н. Я. Марра,

но и показывает на конкретном материале, как изменялась методология нового учения об языке, как в процессе его развития старые теоретические позиции заменялись новыми, позволившими Н. Я. Марру переключить свою деятельность на пути марксизма-ленинизма. Вне хронологической последовательности помещена одна небольшая статья «О происхождении имени Анапа», опубликованная Н. Я. Марром в 1914 г., но по своему содержанию теснейшим образом увязанная с циклом его работ 1924—1926 гг. по абхазоведению.

Ряд работ, посвященных скифской проблеме, открывается исследованием термлина «скиф». Посвященное памяти В. Ф. Миллера, оно было впервые напечатано в первом томе «Яфетического сборника» в 1922 г. Основное положение работы—яфетическое происхождение скифов, которое доказывается подробным разбором дошедших до нас разновидностей их племенных названий. Если лингвистическая техника этой работы остается старой, формальной, то общая методология содержит много черт нового, выявляет качественное отличие подхода Н. Я. от традиционной индоевропейской трактовки вопроса. Так, наряду с анализом изменения форм показателей множественности, особое внимание уделено Н. Я. проблемам семантики, и племенные названия рассматриваются в связи с их разнообразными дериватами.

«Этнический термин Σκίθης,— пишет в этой работе Н. Я. Марр,— мало сказать, что яфетического происхождения и по корню, и по основе, и по формативу; мало сказать, что он имеет давнишнее распространение в яфетических странах, еще до момента исторически засвидетельствованного вторжения скифов, очевидно, одного из громких эпизодов позднейшей мировой их истории, в Переднюю Азию; он давно неразрывно врос в пережиточный слой географической номенклатуры Кавказского края. Более того, у кавказских яфетидов и полуяфетидов основа термина отложилась в речи в качестве названия золота, со скифом в их представлении связывалось добывание золота, золотых дел мастерство в широком смысле слова, вообще золото». Анализ сохранных Геродотом имен скифского родословия позволяет Н. Я. Марру сделать вывод о связи скифов с яфетическими народами Северного Кавказа и Закавказья и сопоставить с намеченной скифской генеалогией мифологическое изображение генеалогии народов Черноморского Кавказа, раскрываемое им в мегрельской сказке о «Гериа». «Как ни важен вопрос о скифах в связи с выяснившимся значением их древностей, с их ролью в мировых событиях эпохи, с их распространением от Черного моря до Закаспийской области, Туркестана, Персии и Малой Азии, но вопрос становится еще более важным и сложным,— заканчивает исследование Н. Я. Марр,— поскольку он этнологически связывается с Кавказом. Он был бы таким «еще более важным и сложным», если бы эта этнологическая связь касалась

лишь названия, но налицо более реальные духовные и вещественные связи с Кавказом, и это вынуждает еще раз указать на большую важность и сложность скифского вопроса, чем то представляется при современной постановке в научной литературе».

Эти «более реальные духовные и вещественные связи с Кавказом» прослеживаются Н. Я. Марром в последующих его изысканиях, о характере которых можно судить по представленной им в ноябре 1921 г. в Отделение русского языка и словесности Академии наук «Записке» (датирована 9 ноября 1921 г.):¹ «В процессе яфетидологической работы над вопросами о сродстве или скрещении кавказских яфетических языков с яфетическими языками населения, занимавшего некогда юг России, в первую голову со скифским (до его иранизации и вообще индоевропеизации), все больше и больше всплывают у меня в последнее время случаи вскрытия яфетидизмов в русской речи... Отсутствие слависта-яфетидолога, однако, является естественным препятствием на пути внесения яфетидологических изысканий в Русское отделение в необходимом для него аспекте, в частях, говорящих об яфетическом вкладе в русскую речь, будет ли он разъяснен как заимствование или, что с нашей точки зрения представляется возможным, как наследие скрещении предшествовавших на юге России славянской речи индоевропейских языков с бывшими еще раньше там же яфетическими языками, прежде всего скифским и сарматским или, вернее, их наречиями и говорами. В то же самое время считаю себя нравственно обязанным не таить того, что вскрывается передо мной в пределах моих слабых яфетидологических сил и, разумеется, бесконечно меньшей компетенции по славянскому языкознанию. Особенно не могу умолчать о случаях, когда яфетидологические, допустим, пока лишь теоретически возможные толкования касаются языковых явлений или фактов, признаваемых темными или недоуменными при подходе со стороны индоевропейской лингвистики. Только-что такое «возможное» яфетидологическое разъяснение получилось для глагола «купаться» и мифологического термина «купала» («Иван-Кувала»), что и подвинуло меня написать настоящее обращение, переполняя чашу мсего, разрешите так выразиться, терпеливого молчания. Думаю, не один глагол «купаться» со сродным значением может оказаться в русском тяготеющим к яфетическому источнику, но в связи с термином *karala*, уносящим нас в глубь далеких культурно-исторических, более того — этнокультурных или расово-культурных перспектив, яфетическое происхождение слов основы *kor* и пр. способно представить исключительный интерес. Повидимому, мы находимся на пути обнаружения пережитка культа яфетического водяного

¹ ИРАН, 1921 г., стр. 170—171.

божества рыбы, на древнем Востоке известного под название *všar* и т. п.). Свою «Записку» Н. Я. Марр заканчивает предложением печатать в одном из изданий Отделения яфетидологические этимологии русских слов под заглавием «Яфетические элементы в русском языке», серию, аналогичную ранее предпринятой Н. Я. Марром серии — «Яфетические элементы в языках Армении».

Задуманная Н. Я. Марром новая серия несколько задержалась, однако, реализацией, так как другие проблемы, вставшие перед ним, заставили отложить в сторону работу над русско-яфетическими связями. Н. Я. Марр практически осуществляет свое намерение только 18 мая 1922 г. в речи, произнесенной на торжественном годовом общем собрании ГАИМК, озаглавленной «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Клева на Руси», где сообщает о своих изысканиях по древнейшим связям Кавказа и Руси, устанавливая общую яфетическую, конкретно — скифскую, подпочву обоих этнокультурных районов.

В начале этой работы Н. Я. Марр подчеркивает исключительное богатство русской «живой старины», восходящей к яфетическим истокам. «Что можно представить себе более сильное по яркости и где в иной из просвещенных стран такое невероятное разнообразие этнографического материала, такое обилие материализованных в самой жизни доисторических реальностей, как в России? Языки или наречия с их конкретно ощущаемым звуковым составом и словосочетанием, словесность со сказками и мифами, ошеломляющий европейца-горожанина быт, окружающая нас живая и мертвая материальная среда, не исключая и повседневно используемых нами имен и названий, названий самых близких русскому народу, самых для него интимных, с печатью изначального события с ним, все, все это и многое другое неудержимо тянет нас к далеким и сложным началам русского народа». Оговорившись, что лингвистический индоевропеизм завладел «русской научной мыслью до невероятной степени ослепления и равнодушия к окружающей яркой русской действительности», Н. Я. Марр резко критикует господствующую в науке установку «вопрос о племенном составе русского народа возводить к славянскому единству, к совершенно первобытно воспринимаемой этнической чистоте славянства», которую он характеризует как миф, «созданный в кабинетах», «книжный постулат лингвистической рабочей теории, построенной на сродстве позднее сбытовавшихся языковых явлений, не разъясненных генетически, да и не могущих быть разъясненными безжизненной гипотетической схемой».

Точно также как в свое время при раскопках средневекового Ани Н. Я. Марр разоблачил серию легенд, образующих «книжную историю» этого города, так и здесь, сопоставляя известное предание летописи о начале Клева с параллельным сказанием о построении города Куара в Армении, сохраненное армянским писателем V в. Зенобом Глаком, и подвергая яфетидологическому анализу

ономастический, топо- и этнонимический материал сказаний, Н. Я. Марр доказывает, что обе легенды возникли на базе позднейших преданий, давших как армянскую, так и русскую версии.

Развернутое обоснование тезиса о племенной и культурной общности древней Руси и яфетического Кавказа, разъясняющее ряд деталей, лишь бегло наметченных в «Книжных легендах», Н. Я. Марр дал в работе, которая писалась им почти в то же время, что и «Термин «скиф», но которая появилась в печати много позднее;¹ речь идет об обширном труде (сам Н. Я. именовал его «заметкой») «По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века (к вопросу о древнерусско-кавказских отношениях)». Взяв за исходный пункт своего исследования анализ одного слова, не понятого издателями текста «Истории албанов» армянского историка Моисея Каланкатуйского (VII в.), Н. Я. при помощи тончайшего филологического и лингвистического анализа и подавляющей по обширности эрудиции создал труд, посвященный выявлению взаимоотношений племен и языков Черноморского и Каспийского бассейнов. Эта работа характерна и для прослеживания разрыва Н. Я. Марра с индоевропейскими представлениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести здесь следующее заявление автора: «нас интересует генезис языков не в разрезе лишь теоретического построения о происхождении от праязыка одной расы с развитием презумируемых атавистических его задатков, а в жизненной многогранности полноты материально-реальной природы их, сложившейся в результате протекавшего веками процесса гибридизации и вообще скрещивания, или метисации, со всеми ее последствиями по перерождению материи и форм».

Во всех перечисленных выше работах русско-яфетические связи прослеживаются Н. Я. на материалах яфетических языков Кавказа. Три этимологических этюда, объединенных в небольшую работу «Из яфетических пережитков в русском языке. I. Мяч. II. Племя. III. Красный», напечатанную в 1924 г., показывают яфетические элементы в русском языке уже на более обширной лингвистической базе, включающей также и яфетические языки Запада.

Четыре последующих работы: «Термины из абхазо-русских этнических связей «Лошадь» и «Тризна» (к вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения)», «Сухум и Туансе (Киммерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья)», «Абхазоведение и абхазы (к вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы)» и «Русское «человек», абхазское аоуџ» — составляют в рамках первой группы особый цикл работ,

¹ В 1925 г. в связи с тем, что издание первого тома ТРКФ, где напечатана эта работа, продолжалось более года, Н. Я. Марром были внесены в текст значительные изменения и дополнения, что и заставило нас поместить ее здесь на третьем месте.

посвященных специально русско-абхазским связям.¹ Сюда же следует отнести и небольшую статью «О происхождении имени Анапа» (1914 г.), где дано яфетидологическое разъяснение топонимического термина северо-кавказского побережья Черного моря и где термин этот выявляется как абхазский по происхождению, предшествующий более позднему греческому названию того же пункта — Горгиппия.

«Термины из абхазо-русских этнических связей» — доклад, посвященный Первому краеведческому съезду в Абхазии, читанный 23 июля 1924 г. на публичном заседании ГАИМК и в том же 1924 г. изданный в Ленинграде Наркомпросом Абхазии. В начале работы Н. Я. Марр указывает, что его и Академию истории материальной культуры обвиняют в том, что они объединяют археологию и лингвистику. «Вызывает нареkanie сама основа нашей новой организации, само с трудом налаживающееся в ней скрещенье деятельности разобщенных замкнутостью в себе специальностей. Академии в упор ставится в вину, что она не делит наук на духовные и материальные; что, изучая памятники материальной культуры, она задается мыслью использовать методы всех наук, служащих освещению связи сотворенных вещей с творившей их общественностью, в числе их науки об языке, этого наиболее контрольного орудия при проверке правильности археологических подходов в целом ряде случаев даже за исторические эпохи (напомню лишь о важности для вещеведов точного представления о терминах), тем более, когда речь идет о памятниках доисторической и протоисторической культур, ибо новая лингвистика, вскрывающая доисторическое состояние речи, это учение о формах вещей и образах и их связи в представлении человечества, без правильного учета которых нет и не может быть никакой прочной теории ни по доистории, и вещественной, ни по живой старине народного быта. Приходится доказывать, что Волга впадает в Каспийское море». Лучшей иллюстрацией плодотворности увязки языкознания с историей материальной культуры в конкретной исследовательской работе является доклад, где на основе анализа абхазо-баскских и абхазо-армянских языковых связей видна сложность состава абхазской речи, органически связанной с древнейшими яфетическими языками юга восточной Европы — кимерским, сарматским и скифским. Преемником этих мертвых ныне языков является, однако, не только абхазский, но и русский язык.

¹ Таким образом, в пятом томе собраны почти все те работы Н. Я. Марра, в которых он говорит о русско-абхазских, герм. яфетических связях, за исключением таких трудов, как «Предисловие к абхазско-русскому словарю», «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык», «Абхазский язык» (статья в ЛЭ), которые будут по ряду соображений помещены в других томах «Избранных работ».

«Языковым явлениям, переходящим в наследие к новым народным образованиям в этнографических путях, — отмечает Н. Я. Марр, — сопутствовали и бытовые явления, народные названия, народные обычаи и, понятно, вообще народный эпос. Вот почему изучение абхазской речи и абхазской народной жизни до этнических глубин языческой поры, по сей день бытующих и доступных наблюдению, видных точно на ладони, должно бы представить, на наш взгляд — уже представляет, исследовательское дело первостепенной важности и для реально интересующихся родными русскими древностями». В этой связи Н. Я. останавливается на анализе семантического пучка 'заря — лошадь — солнце', прослеживая функции 'лошади' в обрядах «тризны» у различных народов, от басков до русских.

В топонимическом этюде «Сухум и Туапсе», напечатанном в 1925 г., Н. Я. исследует отложения киммерской и скифской речи в современной топонимике Черноморья, подчеркивая роль в культуротворчестве Припонижийского края древних и современных народов-аборигенов, роль, почти совершенно игнорируемую сторонниками господствующих в исторической науке не критических представлений, которые носителями цивилизации хотят видеть лишь греков и римлян.

В значительной мере итоговой работой по выявлению значения абхазов и абхазского языка для этно- и глоттогонии восточной Европы является доклад Н. Я. Марра «Абхазоведение и абхазы», прочитанный осенью 1924 г. в Сухуме на первом съезде деятелей краеведения Черноморского побережья и западного Кавказа и напечатанный в 1926 г. в «Восточном сборнике» Гос. Публичной библиотеки. Абхазо-русские связи исследуются здесь в связи с тмутараканской проблемой, в освещение которой Н. Я. вносит ряд важнейших моментов, разоблачая нереальность индоевропейских путей. «Как нации абсолютно не творцы всей исторической культуры, а тот или иной класс, как различные классы и сословия одной и той же нации — носители различных в реальности культур, так племенные образования или объединения доисторической общности не могли в еще большей степени не представлять картины расслоения в творчестве культурных ценностей, но в одной ли области звуковой речи? В одних ли языках человечество за доисторическую эпоху связано с племенной общностью? При выяснении флуктуиции родства самих памятников и территориального распределения их между потребителями необходимо искать источник производства, выслеживать самих производителей не по существующим цельным массивам этнических образований, а по племенным их слоям, как в исторические эпохи по классам нации. Памятники материальной культуры, чем художественнее, тем менее могут иметь иную историю генезиса, чем различные роды и виды человеческой речи, создания не каких-либо цельных племенных слоев, получающих творческую силу на фоне именно этого объединения и скрещения. Не пора

ли и в истории материальной культуры вообще отказаться вместе с единными генетическими центрами от миража — чудодейственного творчества воображаемых, ^{цельных} племенных или национальных образований?»

Небольшая статья «Русское «человек», абхазское аоуџ» доложена была Н. Я. 10 марта 1926 г. ОИФ АН и напечатана в ДАН в том же году. Это — семантический этюд, вскрывающий тесные связи русского и абхазского терминов.

Итоговой работой по скифской проблеме, взятой в языковом ее аспекте, является доклад Н. Я. «Скифский язык», читанный им 6 сентября 1926 г. на Керченской археологической конференции. Критикуя в этой работе установки Ростовцева об иранизме скифов и игнорирование им местных материалов и связей скифской речи, Н. Я. подтверждает ценность сообщения Геродота, интерпретируя сохраненные им драгоценные факты в свете материалов яфетических языков Кавказа и богатейших яфетических переживаний в языках Поволжья и Приуралья.

Последней работой первой группы является труд о месте украинского языка в мировой глоттогонии — «Яфетические зори на украинском хуторе (Бабушкины сказки о свинье Красном солнышке)», опубликованный Н. Я. в 1930 г. в «Ученых записках» Института этнических и национальных культур народов Востока в Москве. Работа эта писалась Н. Я. во время заграничной командировки, в разгар исследований кельтских, в частности бретонского, языков и языка берберов. Проблема украинского языка рассмотрена Н. Я. не только в традиционной плоскости его взаимоотношений с русским языком, — выясняются связи украинско-яфетические, украинско-кельтские и т. п., а в вопросе о взаимоотношениях украинского языка с русским особое внимание уделено расхождению этих двух столь близких языков.

Приведя огромный лингвистический материал, свидетельствующий игнорируемые индоевропейцами мировые связи украинской речи, Н. Я. замечает, что «можно, конечно, и эти факты, равно вызываемые ими соображения, отвести как «анекдоты», особенно, когда при незнании техники нового учения об языке сопоставления кажутся маловразумительными, а еще больше, когда научное мышление лингвистов господствующей школы, без различия национальности, в дополнение к европейскому самовнению доселе заковано в шоры того или иного национального мира (когда речь идет о русском или украинском — миража славянского «братства» и славянского «праязыка»), как изначальной основы в языкотворчестве каждого из входящих в это позднейшее речевое классовое содружество «народов».

В конце лета 1924 г. Н. Я. установил факт родства чувашского языка с яфетическими, а первая поездка в Поволжье зимой 1924—1925 гг. дала ему

материалы для осознания значения этого открытия для дальнейшего развития нового учения об языке. В «Отчете о поездке к восточноевропейским яфетидам», который был им 28 января 1925 г. доложен в ОИФ АН, Н. Я. отмечает, что «хотя чувашский язык и является лингвистически лучше сохранившимся на Волге и Каме представителем яфетической речи, но вся этнокультурная основа Волжско-Камского края, со включением языковых данных, выступает ли та или другая народность с финским обликом или турецким, одинаково едино-яфетическая, быть может, в некоторых случаях другие расчувашенные или отошедшие от языкового яфетидизма народности общественно более яркие яфетиды, ближе стоят к доисторическим яфетидам, чем чуваша». Так был открыт путь для яфетидологических изысканий в Волжско-Камском районе.

Первой специальной работой по яфетидологическому исследованию Приволжья, опубликованной Н. Я., явилось исследование «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий», доложенное им вскоре после первой поездки к чувашам в ОИФ АН. Основные положения этой работы, где широко использован не только чувашский, но и другие языки Поволжья и Приуралья, сводятся к установлению того, что «в формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая материальная сила формирования: оно послужило в процессе зарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещения фактором образования и русских (славян), и финнов. Доисторические племена, следовательно, по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и в Финнах, равно и в приволжских турках, получивших вместе с финнами доисторическое праурало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, более раннее, чем идио-европейцы получили из той же доисторической этнической среды свое праиндоевропейское оформление, но конкретные народы, русский, финский и турецкий, Приволжского района можно располагать хронологически в порядке лишь событий исторического значения, но отнюдь не в смысле явлений этногенетического характера, поскольку речь идет о генезисе новых видов». Не трудно заметить, что, несмотря на ряд недостаточно четких формулировок, в этом отрывке заложена основа для полной реконструкции процесса этно- и глоттогенеза в Волжско-Уральском крае, коренным образом изменяющей традиционные схемы этногенеза и русского населения.

Спустя месяц, в заседании ОИФ АН 15 апреля 1925 г., Н. Я. Марр специально обращается к анализу ряда русских терминов («Москва», «Кремль», «Муром», «скорабль» и др.), в которых отложились яфетические племенные названия,

вскоре разъясненные, в свою очередь, как основные лингвистические элементы.¹ В том же заседании им была доложена статья «Чувашские слова с основой *чу* в освещении одного из положений яфетической семантики», где приведены чувашско-шумерские семантические параллели.

Почти одновременно с этими работами, весной 1925 г., на заседании разряда первобытной культуры ГАИМК Н. Я. Марр выступил с докладом о русско-чувашских культурных связях, рассматривая их на фоне общих взаимоотношений древнейших яфетических слоев в восточной Европе. Доклад этот, озаглавленный «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике», в 1926 г. был издан Чувашским Госиздатом отдельной брошюрой и представляет яркий образец приложения палеонтологического метода к решению ряда проблем истории восточной Европы.

К этой работе примыкает другой доклад Н. Я. «Чуваши-яфетиды на Волге», читанный в Чебоксарах 30 июня 1925 г. на объединенном заседании IV сессии ЦИК Чувашии с участием членов Общества изучения местного края, членов партии и профсоюзов. В этом докладе Н. Я. определяет место чувашского языка среди яфетических и приводит конкретные примеры его мировых лингвистических связей, причем специально подчеркивает значение чувашского языка для изучения действительных древностей русского языка». Особое место уделено в докладе яфетидологической интерпретации передаваемого летописью известного эпизода о восстании волхов в Ростовской области в 1071 г., которая позволяет Н. Я. показать реальное значение замолчанного старой официальной русской историей прошлого народов Поволжья. В докладе содержится много интересных выводов и по хазарской и по болгарской проблемам. Вывод гласит: «из доисторического населения Европы, яфетического, создателя начал европейской культуры, в восточной Европе сохранился один-единственный чувашский народ, органически связанный и с созданием средневековой культуры того же района, и этот народ с языком, перебрасывающим мост на север к угро-финнам и на восток к туркам и монголам, должен занять первенствующее место в очередных изысканиях человечества по истории зарождения и эволюции своей культуры и по установлению ее источников, чего нельзя достигнуть без интенсивной работы в Чувашии и соседних по населению прилегающих странах над памятниками материальной культуры, нельзя достигнуть без объединения изысканий по физическим типам, хозяйству, быту, религиозным верованиям, праву, искусству, фольклору, или живой старине, речи и, конечно, истории за средние

¹ См. ИАН, 1925 г., стр. 971—972.

века и новейшие времена не с меньшим напором, чем за металлические и каменные века».

Длительный процесс печатания доклада в Чебоксарах (он вышел отдельной брошюрой только в 1926 г.) позволил Н. Я. в приложенном в конце брошюры «Послесловии» ввести ряд коррективов; важнейший из них — указание на новую технику яфетидологических исследований, именно, на применение палеонтологического анализа по четырем лингвистическим элементам, разработанного Н. Я. летом 1926 г.

30 мая 1926 г. в заседании ОИФ АН Н. Я. Марр заявил о необходимости поездки в Поволжье и в Сибирь к енисейским осяткам (кетам, динлинам), отмечая, что, «не располагая временем для изложения наблюдений фактов порядка генетического родства языков мордовского, остяцкого и юкагирского с яфетическими, именно — общность типологии не только формальной, но идеологической этих северных евразийских языков, несмотря на принадлежность их к различным группировкам позднейших формаций, помимо делаемого сообщения общего характера, могу сейчас заявить, что, во-первых, во всех случаях особо поразительные встречи у этих языков наблюдаются с языками Армении (древнелитературным и народным) и абхазским на Кавказе и с баскским в Пиренеях, у мордовского в особой степени с армянским; во-вторых, во всех перечисленных северных языках мы находим первичные элементы часто в тех случаях, когда в других языках, даже яфетических, палицо их скрещения. Но ни в одном из тех языков нет простых первичных элементов: даже в остяцком и юкагирском мы имеем и скрещенные образования иногда рядом с самостоятельным использованием первичных элементов, и вообще в юкагирском имеем язык сильного скрещения позднейшей формации, а вовсе не подлинную первобытность». К этим наблюдениям добавились, с одной стороны, факты схождения палеоазиатских языков с американскими, а с другой — яфетических языков с китайским.

Поездка на Енисей в силу ряда обстоятельств, однако, не состоялась, и Н. Я. ограничил свою очередную исследовательскую экспедицию лишь районом Приволжья и Прикамья, ход и результаты которой изложены им в «Отчете о лингвистической поездке к вол-камским народам», доложенном 29 сентября 1926 г. на заседании ОИФ АН. В эту поездку Н. Я. Марр работал над языками чувашским, мордовским, марийским, удмуртским, коми́йским (зырянским и пермяцким), а также над суоми, в частности над текстом «Калеваль». «На конечной стоянке, в Перми, и произошло, что, во-первых, вскрылось, что в пазвании зырян мы имеем одну из разновидностей названий скифов, а в национальном названии их города, да реки Sæktov, отложение другой разновидности названия тех же скифов-саков, и вслед за тем, вспомнив перечень у Геродота северных народов, в их

названиях усмотрел благодарный материал для отождествления с современной приволжской и соседящей племенной номенклатурой, а сообщаемые Геродотом скифские слова и выражения стали разъясняться как яфетические, и началась не только новая работа по скифскому языку, но, думаю, и новый поворотный пункт в развитии яфетической теории; именно со скифами яфетическая теория вносится в разработку или в освещение тех исторических эпох Средиземноморья, которые покрыты мраком полного забвения». Первой работой из этой новой серии явился «Скифский язык».

Результаты поездки частично были опубликованы Н. Я. в работах «Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка» (доложено в ОИФ 2 апреля 1927 г.) и «Из двухэлементных абхазских слов (в встречах с чувашским)» (доложено в ОИФ 16 марта 1927 г.).

В 1927 же году напечатана была Н. Я. в «Литературной энциклопедии» статья «Булгарский язык», сжато резюмирующая результаты разысканий Н. Я. по языкам Поволжья.

Зимой 1928—1929 гг. Н. Я. поехал в Карелию; предварительным отчетом об этой поездке служит статья «Суоми-карельские и сомех-картские языки» (доложена в ОГН 11 января 1929 г.). В ней Н. Я. обращает внимание на факт параллельности взаимоотношений суоми и карельского языка на севере с взаимоотношениями армянского и грузинского языков в Закавказьи.

В июле 1928 г. Н. Я. во время пребывания в Чебоксарах читал доклад «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема». Доклад этот в качестве вступительной лекции был повторен Н. Я. в Ленинградском Восточном институте, в издании которого он был напечатан в 1930 г. Темой доклада послужил вопрос о культурной роли родного языка, блестяще проанализированной Н. Я. на примере чувашской речи.

Последние две экспедиции по исследованию народов Поволжья и Приуралья были проведены Н. Я. Марром летом 1930 г. (мары) и летом 1931 г. (удмурты). Яфетидологическое освещение проблемы первой экспедиции дано Н. Я. Марром в работе «Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев» (доклад в Йошкар-оле 18 августа 1930 г.). Марийскому языку посвящено и предисловие Н. Я. к работе М. П. Чхаидзе «Вторая марийская яфетидологическая экспедиция» (издана в 1931 г.). Удмуртский язык освещен Н. Я. в специальном исследовании «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык (К удмуртской экспедиции Научно-исследовательского института народов Советского Востока)», первая часть которого была нами включена в состав первого тома «Избранных работ». Помещаемая в пятом томе вторая часть работы содержит богатый материал по палеонтологии удмуртской речи,

выявляющий ее теснейшие связи с далеким яфетическим югом — современными яфетическими языками Закавказья и древними мертвыми клинописными языками Передней Азии — мидийским (язык второй категории ахеменидских надписей), халдским, шумерским и др.

Исследования Н. Я., составляющие настоящий, пятый том его «Избранных работ», послужат ценнейшим источником для построения новой, марксистско-ленинской истории древнейшего периода восточной Европы, истории малых и великих народов этой огромной и территориально, и по удельному весу в мировой истории системы взаимно увязанных культурных областей и стран.

В составлении приложенных к книге шести указателей ценную помощь оказали мне многие товарищи, которых прошу принять искреннюю и глубокую благодарность.

В. Анткаръ

Москва
14 августа 1935 г.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н. Я. МАРРА

(продолжение списка, помещенного в т. I «Избранных работ»)

1933

508. Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия. — Вестник АН СССР, 1933, № 2, стр. 13—20 [то же в Сборнике статей к 50-летию научной деятельности С. Ф. Ольденбурга, изд. АН СССР, 1934, стр. 5—14].
509. Турция сегодня (Из личных научных работ и впечатлений). — ЗКП, 1933, 16 VII, № 183/1369.
510. К истории Кавказа по данным языка. — Закавказский филиал АН СССР, Загыз, Тифлис, 1933.
511. Доистория, преистория, история и мышление. — Известия ГАИМК, вып. 74.
512. Предисловие к изданию «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления». — Известия ГАИМК, вып. 75, стр. 3—8.
513. Notes d'un savant soviétique en Turquie. — «Les nouvelles soviétiques», 1933, № 6, стр. 17—21 [то же в немецком и английском изданиях].
514. Предисловие к работе И. Джишкарини, Хеттская проблема на базе кавказских языков. — Тифлис, 1933, стр. III—VI [русский и грузинский тексты].
515. Предисловие к сборнику «Язык и мышление», т. I, изд. АН СССР, стр. I—II.

1934

516. К 50-летию смерти Карла Маркса. — Сборник «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». Известия ГАИМК, вып. 90, стр. 3—21 [то же: Известия ГАИМК, вып. 82, стр. 3—20].
517. Турецкое латинизованное письмо. — Журнал «Строим», № 9/10, стр. 16—17.
518. Памяти С. Ф. Ольденбурга. — Журнал ГАИМК «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 3, стр. 14.
519. [Совместно с И. И. Мещаниновым] Общее учение о языке и памятники материальной культуры. — Журнал ГАИМК «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 3, стр. 15—23.
520. О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье. — Известия ГАИМК, вып. 89.

1935 (посмертно)

521. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. — Известия ГАИМК, вып. 105.
522. Памяти моего слушателя Теряна. — «Литературное Закавказье», 1935, № 2, стр. 93—102.
523. Из беседы с преподавателями русского языка. — «Русский язык и литература в средней школе». 1935, № 1, стр. 6—12.

**ЭТНО- И ГЛОТТОГОНИЯ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ**

Термин «скиф»¹

Посвящается памяти В. Ф. Миллера

В январе 1854 г. д-р Латам (Latham) в записке «О раннем водворении в некоторых частях Европы тюркских племен», прочитанной в Лондонском Азиатском обществе, утверждал, что «в настоящее время тюркское происхождение этих двух племен [гузнов и скотов (или скифов)] не требует особых доказательств».² Может быть, не с такой решительностью, но все-таки с не меньшим энтузиазмом и значительно большим единодушием не одно лицо, а весь ближайше заинтересованный в скифском вопросе круг ученых ныне мог бы выставить следующее положение: «в настоящее время иранское происхождение скифов не требует особых доказательств». С моим докладом, можно думать, я тороплюсь получить такое же место для нового положения о происхождении скифов: «в настоящее время яфетическое происхождение скифов не требует особых доказательств». Это было бы большим недоразумением. Я отнюдь не имею в виду отрицать значение других племен, особенно же «иранцев», в генезисе исторически существовавших на юге России скифов, но утверждаю, что яфетические материалы разъясняют племенное название скифского народа, и у яфетидов, прежде всего яфетидов Кавказа, со скифами есть и более существенные связи, в числе их связи, повидному, генетического порядка.³

В известной мере и при этнических названиях приходится считаться с тем, что говорит вообще о философских терминах Лессинг: «предмет, которому языковый навык продолжает давать определенное название, конечно, продолжает сохранять также нечто общее с тем предметом, для которого название это было изобретено».⁴ Но в племенных названиях — несколько иная обстановка «изобретения» термина, чем в области философии. Традиция в этнических терминах играет значительно большую роль, чем рационалистическое творчество. Однако традиция связана не с племенем и народом, а со страной.

Что касается технических дефектов самого исполнения мною работы, то пусть слова «первый опыт изложения» будут для них некоторым смягчающим обстоятельством. Много не успел я использовать даже из того, что мне стало известным и теперь уже проштудировано. Но не беда, если к тому, что все знают, иногда без знания его, я привнесу то новое, чего нигде нет и без чего никогда не будет действительного знания интересующего многих предмета, тем более, что, как мне казалось, от преподносимого в настоящем этюде получается проникновение в существо вопроса, в раскрытие и формальной оболочки, и содержания,

¹ [Напечатано в ЯС, т. I, 1922, стр. 67—132.]

² Вестник ЕГО., 1854, т. X, V, стр. 45.

³ В одной заметке о книге Минуса (Minns) «Scythians and Greeks» Journal of hell. studies, 1915 стр. 141) поддерживается мысль, что «для археолога этнологический вопрос, как он сам по себе ни важен, имеет второстепенное значение (subsidiary); для археолога главный интерес в культурном образии (cultural uniformity)». Потому, вероятно, автор и довольствуется принятием примиренной формулы по вопросу о происхождении скифов, по которой в них — «два главных элемента, иранский и турецкий, первый с господством в языке, второй — в повседневной жизни».

⁴ R. Eucken, Philos. Term., стр. 502, прим. 1.

и процесса его нарастания, словом, нечто большее, чем то, что при своих средствах ожидал от подобных изысканий наиболее ревностный насаждитель их, писавший: «имена без знания их значения — бездыханные трупы, жизнь с их смыслом отлетела от них. Мы должны отказаться от заманчивости тончайшего порядка в исследовании имен, от влияния духовной деятельности, потраченной на их творчество, и ограничиться сравнением с именами тождественно или подобно построенными».¹

I

Предлагаемое ниже толкование могло бы давно стать общим достоянием.

Столь позднее его появление объясняется тем, что заинтересованными сторонами поднесь оставляется вне круга занимающих их внимание материалов все то, что по яфетическому языкознанию установлено теоретически и выявлено фактически, заинтересованная же сторона это не только юристы, но и исследователи основ южнорусских древностей.

Положение дела пока мало обнадеживает в том смысле, чтобы яфетидологические достижения были учтены в опытах разрешения общих проблем по этническим и историческим культурам смежных с Кавказом стран. Наоборот, создавшийся издавна в ученом мире культ индоевропеизма, часто фиктивного, пережиточно дает основание самим кавказоведам подходить к разрешению этнологических и связанных с ними историко-географических вопросов по Кавказу с данными или материалами ариоевропейской лингвистики, вне путей яфетического языкознания.

Для примера сошлюсь на следующие строки касательно Урарту в популярной брошюрке покойного армениста К. И. Костаянца «История Армении», появившейся в Москве не так давно:

«В позднейшей клинописи оно», т. е. государство Урарту, читаем у К. И. Костаянца, «названо Урасту. Очевидно, это есть искажение имени Араст (вар. Браст), которым арийцы-переселенцы назвали свое новое отечество, именуя его «арья-ста», что означает «стоянка арийцев». Древнее сказание связывает с этим и имя Аракс (вар. Эрасх). Оказывается, что наименование великой реке дано арийцами, которые считали ее «арья-кша», охраною арийцев. Вообще говоря, Аракс для арийцев имя родное. С этим именем упоминаются реки в Персии, в Малой Азии, в Греции» и т. д.

Все это совершенно соответствует индоевропейстическому настроению господствующего пока старого культурно-исторического мировоззрения, исходившего всегда и во всем от ариоевропейских основ и тянувшего все, понятно, плохо лежавшее, к тому же источнику, но оно ни в малейшей степени не соответствует ни фактической, ни теоретической действительности по этническо-географической номенклатуре Кавказа, в частности и Армении. Вообще, такие названия, как «стоянка арийцев» или «охрана арийцев», на Кавказе в природе вещей не

¹ August Fick, *Nattiden und Danubier in Griechenland*, стр. 4

мыслимы, архаические этнические и географические термины являются продуктами совершенно иного мышления, притом народно-психологического. И Аракс с Эраском и Араст с Эрастом и Урасту (а не Урашту первично, несмотря на такую ассирийскую его транскрипцию) являются закономерными разновидностями одного и того же этнического термина, отложившегося в названии реки.

Никакого искажения не представляет Урарту или Урасту в отношении Араста или Эраста. Урасту не позднейшая, а диалектическая разновидность, лингвистически более древняя, чем Ugartu или Alarod (←*Aragod) = Ararat. Это все также закономерные соответствия того же термина по сравнительной фонетике яфетических языков. Появление той или иной разновидности в (позднейшей всегда) клинописи не дает вовсе даты возникновения самой формы: основной термин, да и все его разновидности возникли задолго до появления в крае ариоевропейцев.¹

Материал, собранный В. Ф. Миллером, сосредоточен на трех последних страницах (стр. 281—283) его работы «Эпиграфические следы иранства на юге России».² Эта заключительная часть дается под названием «Экскурс», на самом деле в разъяснении предложенного В. Ф. Миллером положения мы имеем прежде всего свидетельство о непоколебимом сознании того, что на предшествующих страницах подготовлена почва для развиваемого осетиноведом обоснования. «Экскурс» не только имеет прямое отношение к самой работе «Эпиграфические следы иранства на юге России», но он вытекает из нее: без этой работы не было бы «Экскурса», не было бы почвы для самой мысли о теме «Экскурса». Обо всем этом я говорю нарочно, чтобы не дать повода предположению, что у меня нет сознания ответственности вопроса или что от меня ускользает необходимость противопоставить прежде всего хотя бы одной цитованной основной работе «Эпиграфические следы иранства на юге России» соответственное исследование в пользу нашего положения, именно «Эпиграфические следы яфетических народов на юге России», и затем лишь выставлять то или иное яфетидологическое разъяснение столь важного термина как «скиф». И действительно, у русских археологов, поскольку они исходят из своих посылок, все ярче и реальнее намечается исследовательский уклон навстречу нашей теории не только в вопросах о средиземно-малоазийских древностях, но и об извлекаемых из-под южнорусской почвы памятниках культуры.³ И в связи с этим у меня возникла мысль о таком разыскании в области имен, и с ней собрались материалы об яфетических элементах в надписях юга России, но сейчас дело идет не о столь ответственной реальной постановке вопроса, а о формальной стороне

¹ Анализ перечисленных этническо-географических терминов см. Н. Марр, Надпись Сардура II, сына Аргиштиа в Даш-Керпи на Чалдырском озере, Петроград, 1919, стр. 5—10 сл.

² ЖМНП, 1886, окт., стр. 231—283.

³ Говоря о ходе археологов навстречу нашей теории, я имею в виду тот уклон, который, вытекающий из независимого исследования подсудных им вещественных памятников, вполне соответствует по существу нашим лингвистическим изысканиям и выводам, хотя и с этой стороны нет, за чрезвычайно редким исключением, ясного сознания этой встречи независимо от получаемых выводов. Насколько мне известно, первое такое ясное выражение сознания самого факта принадлежит перу Я. И. Смирнова, утрата которого особенно чувствительна в нашей области (см. отзыв его, составленный совместно с В. В. Бартольдом, ЗВО т. XXIII 1916, стр. 410—411).

дела в связи с тем, что в отношении яфетических терминов Кавказа выяснилась их переносчивость от коренных местных племен к пришлым, как ариоевропейским, так и турецким. Потому-то независимо от реальных отношений скифо-яфетических и сармато-яфетических возникла потребность в пересмотре вопроса о терминах соседних с населением Кавказа народов, прежде всего на чисто формальных лингвистических основаниях при свете яфетических материалов. В рабочем проекте «Племенной состав населения Кавказа»¹ в этом смысле я вынужден был самими материалами по кавказской этнической номенклатуре поставить вопрос о сарматах, прежде всего, понятно, о кавказских сарматах, имевших общую межу с иверами.

К вопросу о термине «скиф» я также подводился самими реальными кавказоведческими материалами, поскольку с ними отождествлялись саки хотя бы по представлению одних лишь персов,² которым более, чем какому-либо иному народу, была известна живая этнография Кавказа, особенно юго-восточной его части,³ между тем здесь, именно в юго-восточной части и вообще в восточных областях Кавказа, и находим мы пережиточные свидетельства распространения племени саков, помимо историков, в самой этническо-географической номенклатуре. Да и появление саков вне пределов Кавказа всегда сопровождается упоминанием сопугствующих племен, заведомо принадлежащих к семье народов, известных по нахождению своему в составе коренного населения Кавказа или являющихся ныне предметом притязания яфетидологии как яфетическое добро, если не всегда по реальному содержанию, то по наименованию. Когда у греческих писателей появляется группа народов, то саки+согдийцы+масагеты, хотя бы и с Индией, как у Диодора Сицилийского, то саки+согдийцы+бактрийцы, как у Эратосфена, для яфетидолога нахождение саков в обществе масагетов, да и в обществе согдийцев имеет совершенно особое, ориентирующее по яфетическому миру значение, прежде всего по чисто формальным основаниям терминологии.

Таково же вынужденное самой реальностью форм отношение яфетидолога к вопросу в пользу яфетической родни, когда саки определяются термином *ἀριούροι* и особенно, когда саки *ἀριούροι* по Гекатею именуется, если верна была догадка Григорьева,⁴ *Μυρρέται*.⁵ Еще более тесной становится связь с яфетидами, именно уже с кавказскими яфетидами, когда по Геродоту они появляются в обществе каспиев [«во всех известных рукописях Геродотовых» в составе XV сатрапии вместе с саками упоминаются каспии (*Κάσπιοι*)]. Ссылаюсь

¹ [ТКИПС, вып. III, 1920]

² Геродот, VII, 64

³ Приводя показание Геродота о том, что «саками назывались скифы», Григорьев в своем исследовании «О скифском народе Саках Историческая монография, написанная к двадцатипятилетнему юбилею Русского Археологического общества» (Пб, 1871) присовокупляет (стр. 1—2): «Саки у персов были таким же собирательным именем для малоизвестных им народов Средней Азии, каким, для тех же народов, было у греков имя скифы». Показание Геродота, с цитатой из которого Григорьев связывает свое понимание представления древних персов о саках-скифах, не дает никакого основания для отождествления совершенно иного представления об особом народе саках-скифах с какой-то этнической мешанной.

⁴ Уд соч, стр. 6

⁵ Термин этот, однако, известен по Стефану Византийскому, у которого в данном чтении усматривают ошибку в *Μυρρέται* Страбона или *Μυραγέται* Плиния

на то, что «большая часть комментаторов и переводчиков находит тут» опяску «потому, что каспии упомянуты уже у Геродота перед тем, как входившие в состав XI сатрапии, Григорьев торопится использовать конъектурную поправку Κάσιοι в пользу приурочения народа, дружки саков, к Туркестану¹ (правда, с весьма серьезными оговорками), не чуя, что исправление Κάσιοι в Κάσιοι ничего не меняет, поскольку вопрос перед нами прежде всего этнологический, а не лишь исторический, ибо Кас есть лишь особая форма (ед. число) того же термина Кас-р, стоящего во мн. числе по губному ряду, что помимо «аламского» языка разделяют ныне и живые кавказские яфетические языки, прежде всего языки шпипащей группы — мегрельский и чанский.² Таково же положение, когда саки называются с киссиями или киссийцами (Κίσιαι),³ как не случайно совместное упоминание Геродотом в основном для нас цитованном месте саков, персов и мидян,⁴ а Ксенофонтом — саков, гирканцев и кадуссиев.⁵ Но, повторяю, для обсуждения вопроса с реально-этнологической стороны момент еще не настал. Пока речь лишь о формальной стороне, вскрываемой лингвистической палеонтологией; хотя мы и затрагиваем ниже мимоходом и названия предметов материальной культуры, однако все внимание в настоящей работе сосредотачивается на формальном анализе главного скифского имени, собственно двух основных племенных названий самих скифов. К вопросу о термине «скиф» такой формальный подход также является вынужденным и обязательным с момента, когда со скифом отождествляется сак не только по содержанию исторически или даже реально-этнологически, но и формально-лингвистически, как то делал В. Ф. Миллер.

Положение В. Ф. Миллера исходит из мысли, что племенные название $\Sigma\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota$ и Saka — разновидности одного и того же термина. Между тем, племенное название Sak, в древнеперсидском языке звучащее Saka, представляет непосредственный интерес по пальчику его в кавказской этническо-географической номенклатуре. В рабочем проспекте по племенному составу населения Кавказа мною не только рассмотрен, но и разъяснен термин, как продукт яфетического творчества в области местных этнических терминов Кавказа. Аргументация формального отождествления Saka с $\Sigma\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota$ меня вынуждает

¹ «Удовлетворительнейшей» между предположительными чтениями «представляется нам», писал Григорьев (ук. соч., стр. 6), «гипотеза, высказанная впервые Венцелем и поддержанная Ларше, что вместо Κασπίος следует читать в означенном месте Κάσιος , разумея под касиями обитателей страны, именуемой у Птолемея (VI, 15) Κασία χώρα , страны, соответствующей нынешней Кашгарии в Восточном, или Китайском, Туркестане». По любезно наведенной справке С. А. Жебелева, к Κάσιος в данном месте имеется лишь одно рукописное чтение — Κασπέριος ; если последнее не описка, то в чтении мы могли бы иметь случай сугубого образования мн. числа — Кас-р+ег-1, или палеонтологически оправдываемое образование той же формы, т. е. мн. числа, с помощью слова 'сын' -рег.

² Н. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXII, стр. 18—19 [Введение к работе см. ИР, т. I, стр. 50—58]. Понятно, теперь термин «тубал-кайянский» оставлен, его заменила «шпипающая группа сибирянской ветви».

³ Гер., XI, 7 В самих яфетических языках соответствие kas || кош || киш поддерживается баскской разновидностью *gis-*, основой слова *gis-on* 'человек', эквивалента г. $\text{ka}\acute{\delta}$ (kas) и и., ч. $\text{ko}\acute{\delta}$ ($\text{ko}\acute{\delta}$) → $\text{go}\acute{\delta}$; к раннему появлению *i* в *u* в этом слове ср. также шум. *giš* 'мужчина', 'господин', 'человек'.

⁴ VII, 96.

⁵ Кирил., V, 2, 3; I, 3—4.

отозваться по этому вопросу в мере пока лишь одних лингвистических данных: яфетидологии со стороны фонетической, морфологической и семасиической. И отозваться я решаюсь тем охотнее, что мои разъяснения в данном случае не только подтверждают по существу основную часть положения В. Ф. Миллера, родство племенных названий «саки» и «скифы», но подводят под них новую основу, на которой круг названий, служивших для обозначения таинственного племени, расширяется сродством терминов «саки» и «скифы» с племенным названием «сколоты», как называли себя сами скифы.

II

В заметке, скромно названной «Экскурсом», В. Ф. Миллер к формальному освещению вопроса о перечисленных терминах поднес ярко горящий факел, и не его вина, если частью по состоянию разработки кавказоведения и еще более в силу научной ориентации эпохи в своих сомнениях об иранизме морфологического явления он обращался к урало-алтайскому и «особенно» к угро-финскому, но ни словом не было упомянуто широкое распространение той же формы в коренных кавказских языках. Речь о форме мн. числа с показателем множественности *t* в разновидностях окончаний при одной огласовке «а» — *-ta* → *-da* → *-ða*. В работе о племенном составе населения Кавказа мною выясняется фактическое богатство разновидностей этого яфетического показателя множественности, от яфетидов передавшегося и не яфетическим, за пределами Кавказа, а тем более в пределах самого Кавказа от коренных кавказских племен, яфетических, пришлым иранцам — курдам и осетинам.

Самый подход В. Ф. Миллера к основной части положения о сродстве двух сопоставляемых терминов не только подтверждается яфетидологическим путем, но в яфетических материалах и в законах сравнительной фонетики яфетических языков встречается поддержку в мере такого расширения лингвистической базы, что со Σκόθης, resp. Skp-ða (← *Sko-da) и Sak отождествляется и Skol-ot.¹

III

В. Ф. Миллер подготовкой материального обоснования своего положения настолько кстати подводит с своей стороны фундамент под яфетидологическое

¹ Для нашего лингвистического изыскания в области этногонии и глоттогонических вопросов исторические свидетельства и не являются в какой-либо мере руководственными данными, и, например, если историк нам говорит, что «в VI и VII веках к северному берегу Понта Евксинского устремился из Азии новый народ — скифы, которые называли себя сколотами», это вовсе не значит, что скифская порода не может быть этнологически и лингвистически прослежена именно по Черноморскому побережью и далее в глубине Кавказа задолго до этого культурно-исторического выступления скифов, но все-таки любопытно отметить, помимо этого факта (Герод., IV, гл. XI), и то, что Диодор Сицилийский говорит про них (II, гл. 43: τὸ μὲν οὖν πρῶτον παρὰ τὸν Ἀράξην ποταμὸν ὀλίγοι χυτφοὺς. То, что племенное название возводится к имени царя, это, конечно, имеет лишь цену курьеза, когда даже о том говорит Геродот, зависевший в этом сведении от народных преданий: συμπάσι δὲ εἶναι οὐνομα Σκολότους, Σκολότου, τοῦ βασιλέως ἐπωνυμίῃ» (впрочем, по любезному осведомлению С. А. Жебелева, это чтение Stein'a, место-то самое, повидимому, испорчено).

решение вопроса, что мы можем воспроизвести ее без поправок и без изменений. Цитую, мы сохраняем и иранистические освещения, чтобы тем яснее было наше понятное расхождение в конечном выводе.

«Из Геродота (VII, 64) мы знаем», начинает свой «Экскурс» В. Ф. Миллер, «что персы называли вообще скифов, как азиатских, так и европейских, саками (Σάκαι). Достоверность этого известия подтверждается, как мы видели, древнеперсидскими надписями времен Дария Гистаспа, в которых упоминаются Sakā hušavaṅkā (Σκύθαι Ἀμύργιοι), Sakā tigraḥanda и Sakā tuay paraḍaraya — т. е. саки заморские. Сами европейские скифы называли себя, по словам Геродота, Σκόλοτοι. «Общее название всех скифов (европейских) по имени царя их, сколоты; скифами же называли их эллины» (Герод., IV, 6). Оставляя совершенно в стороне вопрос о первоначальном значении имен Sakā и Σκύθης, мы можем спросить себя, в каком лингвистическом отношении находятся между собою эти оба имени? Конечно, нельзя допустить, что имя Σκύθαι, которое греки давали и европейским, и азиатским скифам, было изобретено греками. Оно должно было быть действительным народным, туземным названием и притом широко распространенным».

Мы прерываем цитату на подчеркнутой нами фразе, мысль которой является основной для всего дальнейшего построения, но, естественно, в 1886 г., когда писал В. Ф. Миллер, в науке существовало одно представление о «действительном народном, туземном» населении края, именовавшегося Скифиею и в пределах Черноморской области; иное мнение намечается ныне по тому же вопросу, если не господствует, совершенно независимо от яфетидологов, в среде археологов, специально работающих над скифскими древностями, вообще над древностями Кубанской области и вообще северо-восточной части Черноморья, равно Крыма с Керчью.¹ Усилившийся интерес к этнологическому вопросу страны специалистов по ее вещественным памятникам древности и культурной истории воочию знаменует высказываемыми при общих попутных суждениях мыслями, что в рабочей научной среде, имеющей непосредственное общение с первоисточниками, памятниками искусства и вообще древностями края, оказывается неудовлетворительной прежняя дуалистическая теория, когда-то казавшаяся все разрешающим откровением, о составе населения, помимо греческого, из иранского элемента: наметилась потребность в третьем этническом элементе не только не иранском, но и не ариоевропейском или индоевропейском. Она наметилась, эта потребность, и на юге, в частности и в Малой Азии и Архипелаге, и находит свое оправдание в местных письменных памятниках той седы современности; она уже намечается в занимающем нас археологическо-культурном районе, представленном памятниками лишь материальной культуры, и, за неимением письменности тех эпох

¹ В кругу специалистов-словесников общая ориентированность прошлого столетия остается неизбежной и в наши дни. Иранизм же скифов среди историков-словесников, не вещеведов, обратился в догму. Во втором издании «Очерка истории русской культуры» М. Н. Покровский пишет (стр. 20): «о скифах мы знаем доподлинно, что они, по языку, принадлежали к иранской группе, — значит, никакого отношения к русской культуре не имеют». Впрочем, не совсем ясно, почему именно культурно, историко-культурно (а не этнокультурно) не могли бы иметь известного отношения к русским скифы, если бы они были, допустим, хотя бы чистейшие иранцы.

на «действительно народных туземных языках», этнологическая «живая старина» является ближайшим источником для освещения волнующего всех заинтересованных древней культурой юга России нового вопроса — вопроса о новой этнической единице в племенном составе местного населения, действительно народной и действительно туземной. Естественно прежде всего справиться в этнографической действительности самой страны и неразрывно связанного с нею именно в племенном отношении края — Кавказа. Если бы автор заметки, собственно публичной лекции «Из истории западного побережья Тавриды»,¹ заглянул в соответствующую литературу по племенному составу населения северо-западного угла Кавказа, вещественные древности которого его, да и не его одного, заставляют говорить об единстве краевой культуры с критско-эгейской, может быть, он признал бы неудобным *Τορέται* считать «искалеченным» *ταυρίται*, сознал бы несвоевременность кавказских ахейцев (*Ἀχαιοί*), соседей керкетов, упоминать лишь в освещении греческого предания об их иммиграции из Пелопоннеса, когда они — местный яфетический народ, и, может быть, когда речь идет у него о керкетах, как носителях той тогда мировой культуры,² захотел бы услышать, что в этом племенном названии мы имеем слово бесспорно яфетического происхождения, с яфетической морфологиею.³

С реально-этнологической стороны я обращаю внимание лишь на то, что «действительная народность и туземность» этнического элемента отнюдь не гарантирует распространения его ономастикона в господствующей среде населения края, следовательно, не обеспечивает его присутствия в письменных памятниках.

Переходя к лингвистической части своего обоснования, В. Ф. Миллер продолжает: «Если мы допустим это [т. е. «действительное народное, туземное» происхождение термина] и сравним оба имени *Saka* и *Σάκαι*, то невольно обратим внимание на звуковую близость обоих этнических названий: кажется, будто в имени *Σάκαι* мы имеем ту же основу *Saka*, осложненную каким-то суффиксом *-ta, который при эллинизации этого имени побудил грека склонять последнее по 1-му склонению, подобно тому, как по тому же склонению пошло множество иранских имен, исходивших на «а» (ср. *Ξέρξης*, *Φαρνάκης*, *Μιτράδατης*, *Καμβύσης*, *Ἀρταφέρνης*, *Ἀριαράμης* и мн. др.). Этот суффикс *-ta как будто присоединен к основе *Sak* посредством гласного, получившего в греческой транскрипции вид *υ*: *Σκ-υ-θαι*, хотя нам, конечно, неизвестно, насколько точно здесь греческая транскрипция; или, может быть, конечный «а» основы **Saka* — перешел в какой-то другой, более слабый гласный, при присоединении суффикса *-ta; затем из сравнения предполагаемого **Saki(?)*-ta с греч. *Σκ-υ-θαι* мы видим, что наращение основы *Saka* суффиксом вызвало исчезновение (или ослабление до неразличаемости) корневого гласного «а». Конечно, все это предположения, но позволим себе идти дальше и посмотрим, не находится ли тот же суффикс

¹ Л. А. Моисеев, Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории, ИТУАК, вып. 54, 1918 г., отд. отт., стр. 1—19

² Ук. соч., стр. 7.

³ См. Н. Марр, Яфетические названия красок и плодов в греческом, ИРАИМК, т. II, стр. 225—231.

в других этнических названиях в местах, называемых древними Скифией и Сарматией. Уже первые поиски дают нам будто довольно обильную жатву».

«Вот список до двадцати скифских и сарматских этнических имен с суффиксом *-ta».

В филологической части этой пространной тирады остроумно намечается история двух терминов Σκίθαи и Sak, resp. Saka, скорее интуитивным путем, чем в результате лингвистического ее обоснования. В лингвистической части удачной является со стороны несведущего в языческих языках и в сложных их фонетических законах отождествление названных терминов, так как и здесь, если исключить признание в -θα суффикса, все остальное — сплетение догадок, притом, как будет показано, излишних и ненужных, а не раскрытие реально-лингвистического положения вещей, из которого вытекало бы основное лингвистическое теоретически оправданное положение о тождестве Σκίθαи и Sak или хотя бы о наличии бесспорно суффикса -θα в термине Σκί-θαи. В. Ф. Миллер не совсем уверен в широком распространении, даже в существовании самого суффикса -θα. Отсюда психологически вполне понятное чрезвычайное колебание в признании выдвигаемого им же родства Sak и Σκίθαи. Колебание настолько чрезвычайно, что автор, против обыкновения, вынужден допустить стилистическую неловкость выражения: *«кажется, будто в имени Σκίθαи мы имеем ту же основу Saka, осложненную каким-то суффиксом *-ta»*, пишет В. Ф. Миллер. И он доказывает распространенность такого суффикса наличием его в «других этнических названиях в местах, называемых древними Скифией и Сарматией» (там же), и насчитывает «до двадцати этнических имен с суффиксом *-ta».

И лишь ввиду этого в дальнейшем обсуждении вопроса уже в третьей части осетиновед с большой опасливостью решается признать в исходном слого -ta суффикс мн. числа,¹ «тот самый, который образует мн. число в осетинском языке». Здесь перечислены суммарно способы и случаи использования этого суффикса -θᾶ («тᾶ»). В отношении употребления исследователь отмечает,² что «суффикс -тᾶ образует все осетинские фамильные имена и при переделке осетинских фамилий на Кавказе на русский лад заменяется нашими суффиксами -овы, -евы: Тукка-тᾶ — Тукаевы, Сана-тᾶ — Шанаевы, Коки-тᾶ — Кокиевы, т. е. потомки Туккая, Шаная, Кокия». В выяснении способа образования вплетается в качестве догадки опять-таки ad hoc создаваемый фонетический закон, чтобы оправдать тождество основ sak || ski или, как выражается сам В. Ф. Миллер, «объяснить форму Σκίθαи при единственном Saka».

Но лингвистического сравнительного материала и на нем построенного обоснования нет и в этой по существу последней и заключительной части, поскольку вопрос идет о лишнем клине, чтобы вбить в научное сознание интересующихся основную мысль всей работы «Эпиграфические следы иранства на юге России», чтобы дать реальное жизненное оправдание этой идее, охватившей десятки исследователей и держащей в своей власти вот уже пятое

¹ В. Ф. Миллер пишет (ук. соч., стр. 282): «Ввиду этого мы рискуем предположить, что в -таи, -етаи, -стаи etc.) скрывается суффикс мн. числа».

² Ук. соч., стр. 282.

десятилетие, если не все полу столетие полностью. Как и в первой части «Экскурса», сравнительная работа лингвиста ведется на основании предположительного материала и крайне субтильных попутно ad hoc выставленных соображений. Если исключить опять-таки самый факт существования š и в осетинском языке окончания мн. числа - šä («тә»), все остальное свидетельствует об остроумии, используемом для объяснения предполагаемого ариоевропейского, в частности иранского происхождения этого суффикса путем выведения его из осетинской формы, кстати сказать, весьма сложным путем. Однако надо отдать справедливость, что В. Ф. Миллер был совершенно чужд того догматизма, который присущ его последователям, в самих выводах не слышится этого утвердившегося в ариоевропейистической лингвистической среде бессознательного настроения *sic volo, sic jubeo*. И в этом громадное преимущество осетиноведа. В. Ф. Миллер спешит¹ «говориться, что существование в скифо-сарматском предполагаемого суффикса множ. числа -*ta*, тождественного с осетинским, еще не может служить само по себе (без других данных) доказательством иранизма. Осетинский суффикс мн. -*tä* для нас не ясен, и попытки иранистов уяснить [объяснить?] его происхождение, в том числе наша (см. Осетинские этюды, II, стр. 125), еще не вполне убедительны».²

Велика сила инерции раз полученного уклона иранистического. Даже то, что исследователь — осетиновед, т. е. он самым объектом своей специальности привязан к Кавказу, не содействовало охоте осведомиться в кавказских материалах, поскольку осведомление должно было вестись не для того, чтобы проследить в них иранские следы, но чтобы получить от них ключ для разрешения иранистических недоумений.

Все подмеченные и в осетинском суффиксе - šä особенности, равно его использование в фамилиях, а также законы, нормирующие звукоотношение *sk* с *sku-*, герр. Skúfuz , находят свое объяснение в условиях жизни коренных кавказских языков, в среде которых долго жил и, несомненно, получил свою окончательную отливку в психологическо-материальное явление осетинский язык. Речь, понятно, о тех коренных кавказских языках, которые со времени, когда над нашим вопросом работал В. Ф. Миллер, успели сложить вокруг себя новое лингвистическое учение и определялись как яфетические. В них-то, этих яфетических языках, и надлежало раньше, чем где-либо, порыться тому, кто искал источника, откуда произошел смущавший ираниста образовательный элемент, осетинский суффикс мн. числа - šä , или его прототип -*ta*, и сам способ

¹ Указ. соч., стр. 283.

² Яфетическое происхождение этого суффикса и в осетинском, где он звучит - šä , не может быть поколеблено ни фактическим материалом, появлением его в среднеиранском языке, ни доводами В. Ф. Миллера (ОЭ, II, стр. 125, 126; Oset., стр. 26, 33—34, в), не устранявшими недоумений в глазах самого их автора и им же признававшимися неубедительными, ни теоретизированием лингвистов-индоевропейцев; последние не считались даже на Кавказе с фактом яфетической основы местного языкового творчества, в какой бы расовой среде оно ни происходило, и, понятно, вовсе не предполагали такой подосновы и на Западе, бассейне Средиземного моря, и в виде ее существенных элементов, и на среднеазиатском Востоке, вплоть по крайней мере до Памира. Об яфетическом зубном показателе множественности в гибридном армянском языке см. Н. Марр, Два яфетических суффикса -*te* (|| -*ti* → -*t*) в грамматике древнеармянского [хайкского] языка (ИАН, 1910, стр. 1248 сл.); в самих яфетических языках см. пока Н. Марр, Яфетические названия деревьев и растений, ИАН, 1915, стр. 773, 841—845, 849, 939 et pass.

образования мн. числа, прекрасно наблюдаемый В. Ф. Миллером, по «неиндоевропейскому принципу», каковой принцип им был усмотрен из индоевропейских «только в иранских языках (например, новоперсидском, курдском и др.)», тогда как и у носителей яфетической языковой психологии на меже яфетического мира с иранским, у армян, индоевропейцев, но отнюдь не иранцев, имеем полное и наиболее действенное проявление того же принципа в одном из их языков, рейском (найском), а в другом, кейском (найкском), налицо сам вызывающий недоумение суффикс мн. числа в двух основных видах -*ša* → -*š* (св. -*da* и -*de*, г. -*ša* → -*š*, абх. -*š* и -*š*) и -*te* → -*ti*.¹

Сейчас имею возможность дополнительно подтвердить яфетизм суффиксов мн. числа -*ta* и -*te* их наличием в столь далеком от Востока представителе яфетической семьи, что ви о каком иранском в нем влияния не может быть и речи: это баскский язык, особо близко стоящий к абхазскому или абаскскому, спиралтному или месхскому слою сванского, равно тому же слою в грузинском и вообще яфетическому слою древнелитературного армянского языка, т. е. всем тем яфетическим языкам Кавказа, которые в той или иной степени сохранили ту или иную разновидность того же чужого показателя множественности.

В баскском это окончание налицо в двух разновидностях -*ti* (||-*te*) в качестве суффикса мн. числа, образующего глагольное имя, и -*ta* (e-*ta*) в фамилиях, как то наблюдал еще В. Ф. Миллер в осетинском.²

Во всех случаях не только, когда речь об языках ариоевропейского происхождения кавказского мира — осетинском, армянском и курдском, но и о персидском, наличие в них согласного звука того же образовательного элемента одно из ярких свидетельств господства яфетических языков, архаических в Передней Азии, и влияния их норм на языки внедрившихся впоследствии индоевропейцев. Из этой родной среды если не иранизма вообще, то во всяком случае яфетических элементов в иранских языках, даже заброшенных в Среднюю Азию, — упомяну хотя бы о термине *mag-ag-eu* и неразрывно связанном с ним *mag*, — трудно, да и неправильно выделять языки для объективно построенного исследования без предварительного двустороннего учета яфетическо-иранских связей. Обаяние мистического учения о влиянии иранских языков на кавказские, прежде всего коренные яфетические, без всякого обратного воздействия, пора бы давно бросить.³

¹ Касательно последней пары см. Н. Марр, Два яфетических суффикса в грамматике древнеармянского языка.

² Aug. Fr. Pott, Ueber Baskische Familiennamen, Detmold, 1875, стр. 32—34. Палеонтология яфетического показателя множественности будет вскрыта особо, и тогда разъяснится его отношение как к египетскому суффиксу мн. числа, так к наследию одной группы доэллинических средиземноморских языков в племенных и географических названиях, в числе их в названии острова Крита (Крити). Впрочем, пока для нас достаточно и наличие этого суффикса -*te* в халдском клинописном языке (Н. Марр, Надпись Русы II из Маку, ЗВО, т. XXV, стр. 34).

³ Но брошено не будет, ве скоро будет, — не будет дотоле, пока научное исследование этих мировых общественно-научных вопросов находится в руках одних европейцев: ведь как в самом деле требовать от европейцев научного интереса к кавказским яфетическим языкам, когда его не хватает у них даже на брошенный среди них загадкой баскский язык, до сего момента не имеющий университетской кафедры нигде, даже во Франции? Между тем, без изучения баскского и родных с ним языков нельзя разрешать ни одного общего вопроса, прежде всего генетического, по родным языкам самих европейских ученых.

Дело далеко не в одном суффиксе мн. числа, как вкладе яфетической речи. Разумеется, в то время В. Ф. Миллеру, как теоретику-иранисту, естественно было прийти к выводу о туранизме суффикса, смягченному оговорками той осторожности, которая присуща была нашему ученому, как осетиноведу-реалисту и, в смысле знания кавказского реального мира, как кавказоведу. Вывод этот гласит: «так что, быть может, не слишком смело предположение, что этому приему научился Иран от соседнего Турана». Надо отчасти иметь в виду и то, как широко понимался в то время термин Туран с легкой руки Макса Мюллера, видевшего и в грузинском, вообще в языках одного с ним круга, туранскую агглютинативную речь.

В поисках за конкретным источником, откуда мог бы быть усвоен этот камень угла в построении всей формальной стороны «Экскурса», В. Ф. Миллер, повторяю, в ту эпоху, естественно обратился к тому, что в научной среде и раньше, и после пользовалось особым вниманием при возникновении загадочных вопросов, наиболее разрабатывалось русскими и западноевропейскими востоковедами и вообще учеными, т. е. к «урало-алтайскому» миру. «Напомним», пишет В. Ф. Миллер,¹ «что вследствие фактической утраты древнего иранского суффикса мн. числа осетинский язык должен был принять новый знак множественности,² и, найдя таковой в загадочном для нас -тә, переделал свое склонение на урало-алтайский или угро-финский лад».

Вот здесь, в последней части, В. Ф. Миллер и дает сравнительный материал, но из «угро-финских» и «урало-алтайских» языков. И непосредственно вслед за тем дается заключение (стр. 283): «Если это совпадение в суффиксе мн. числа у осетин с урало-алтайцами и особенно угро-финнами не чистая случайность, то можно было бы предположить, что предки осетин, приповтйские иранцы, заимствовали знак множественности -t-a у своих соседей скифов, все равно, были ли последние отураившимися иранцами или обираившимися турапцами».

Между тем, суффикс -да, чтобы начать с виновника всей создавшейся В. Ф. Миллером разъяснительной истории термина Σκίθαι, лишь один представитель из ряда разновидностей -ta → -da → -да яфетического окончания мн. числа с двумя еще разновидностями каждого вида по групповой перегласовке о || и (-to → -do → -до) и е || 1 (-te → -de → -де).³ Сами звуковые ряды, однако, — представители позднейшей стадии развития, поскольку их наблюдаем в перемещенном состоянии: первичное состояние окончаний требует порядка последовательности в них сначала гласного и за ним согласного: -at → -ad → -аэ и т. п. Достаточно ознакомиться с картой сопредельных кавказских, и вне Осии («Осетии»), стран, где в этой форме этнические и географические названия исчисляются не одной парой десятков, ибо это вообще широко распространенный яфетический суффикс мн. числа, в разновидностях не только по перегласовке и по ступеням звонкости, но и по степени сложности, ибо, напр., рядом с про-

¹ Ук. соч., стр. 283.

² Я не останавливаюсь ни здесь, ни ниже на той простоте, какая отличает восприятие нашим исследователем процесса усвоения морфологических элементов речи.

³ А в последних двух рядах еще колебание — в первом между о и и, во втором — между е и и.

стыми согласными в составе появляются ряды с аффрикатами, так $\rightarrow -ta \rightarrow -\dot{d}a \rightarrow -\dot{d}a$ и т. п.¹

Интерес сохраняет по сию пору этнологическая часть «Экскурса» В. Ф. Миллера, где дается перечень двадцати скифских и сарматских племенных названий, однако теперь недостаточно констатировать в термине слог $\dot{d}a$, resp. ta , чтобы в нем признать суффикс мн. числа. Кроме того, яфетидологиею ныне уже установлен незыблемо ряд важных в связи с формами мн. числа явлений, в числе их два основные: 1) составность или сложность образования мн. числа — сугубые, тройные и более-кратные формы мн. числа, плоды гибридизации, вообще метисации племенных разновидностей, 2) первичность или пережиточность первичных полных форм этнических терминов из доисторической жизни яфетических языков, из эпохи агглютинативного их состояния, когда суффиксами служили цельные слова; на первый взгляд эта первичность кажется также составной, и эта кажущаяся составность способна породить в свою очередь недоразумения, разъяснить которые иногда не так-то легко, так как сами примеры отвлеченно способны поддаваться и тому, и другому толкованию.² Ввиду этих основных и сопутствующих в отдельных случаях приходящих явлений данные В. Ф. Миллером в перечне племенные названия требуют соответственного разбора и классификации. И здесь анализ этот далеко не так прост, как может казаться, поскольку мы хотим быть уверены в тех случаях, когда налицо действительно суффикс мн. числа, притом первичный или составной — сугубого типа, так, напр., $\Theta\upsilon\rho\sigma\alpha\gamma\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$, $\Theta\upsilon\rho\sigma\alpha\gamma\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ || *Thyrsagetae*, $\text{Κερχ\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota}$ могли бы формально представить примеры образования сугубой формы мн. числа ($-ke-ta \rightarrow -ke-t$, с озвончением первой составной части — $-ge-ta \rightarrow -ge-t$), но в действительности о таком образовании с некоторой уверенностью можно говорить лишь касательно $\text{Κερχ\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota}$. В отношении $\text{Μασσα\acute{\gamma}\epsilon\tau\alpha\iota}$ не устранимо вполне соответственно поддержанным разъяснением подозрение, что в нем начальный слог ($ma-$) известный яфетический префикс, весьма уместный в этнических названиях, и тогда согласный g в его составе может оказаться коренным. В том же районе, где ныне проживают потомки керкетов или, допустим, лишь носители их имени в родственной параллельной форме опять-таки сугубого мн. числа $\text{ϕεr-ke-s} \rightarrow \text{ϕεr-qe-z}$, т. е. черкесы, до сих пор сохранилось племенное название с простой формой мн. числа на $-\acute{g}e$: $a-\dot{d}\acute{e}-\acute{g}e$ 'адыгей', 'черкесы'. И потому, если бы было верно, что имя одного перса, упоминаемого у Геродота (VII, 71), $\text{Μασσα\acute{\gamma}\epsilon\tau\alpha\iota}$, имеет отношение к этническому термину $\text{Μασσα\acute{\gamma}\epsilon\tau\alpha\iota}$, и в последнем первое пришлось бы признать осложненным, как то казалось В. Ф. Миллеру, и осложненным показателем множественности $-t$, то и основа

¹ Излишне останавливаться на этих подробностях, тем более, что и без того приходится повторяться, так как предмет изысканий в различных случаях вынуждал говорить о них неоднократно. Дополнительно к цитированной выше работе «Яфетические названия деревьев»; см. также рабочий проект по племенному составу населения Кавказа.

² Первоначально первичность и я принимал за позднейшую составность, и эта мнимая составность способствовала появлению нескольких случаев неправильного анализа и морфологии имен, в частности и собственных имен — этнических названий, и их надо будет выделить в моих работах, но и выделение требует большой осторожности.

имени *Μασσαγης* отнюдь не представляла бы чистую тему, а форму мн. числа на *-ge* (← *-ǵe*): *Masa-ge*.

Не одна формальная сторона, не одно наличие суффикса *-ta* в яфетических языках виновник того, что я поднимаю настоящий вопрос. Стимулом явилось не одно то обстоятельство, что в «Экскурсе» В. Ф. Миллера я неожиданно для себя нашел подготовку к яфетидологическому решению проблемы.

Интерес мой к тезе об отождествлении *Sak'a* с *Σκιδης* определяется исследовательским настроением, создавшимся в работе последних лет над этническими терминами яфетидов. Результаты ее находят свое более полное выражение в труде о началах исторической жизни Кавказа, пока составляющем вступительную часть моего курса «Главнейшие этапы развития культуры Кавказа» или курса «Введение в изучение кавказского культурного мира», и в рабочем проспекте по племенному составу населения Кавказа. В этих результатах устанавливаются следующие факты:

1) Кавказ есть житница мировых этнических терминов: ряд племенных названий, безусловно коренных Кавказа, получили международное значение уже в эпохи средневековья в качестве названий народов или со спорным родословием, как, напр., «скифы», или заведомо чуждых кавказскому миру племен, усвоивших кавказское наименование.

2) Кавказские племенные названия представляют или тотемные термины, названия животных, светил, металлов, богов и т. п., или основы со значением 'человек', герср. 'люди', 'божество', то простые, то производные с суффиксом мн. числа, часто и с префиксом, или составные с одним из слов, означающих 'дитя', 'сын', герср. 'дети', 'отроки' во второй части, причем эти вторые части со значением 'сын', герср. 'дети', одновременно являются выразителями мн. числа и несомненно проявляют родство с показателями множественности.

3) Племенные названия кавказского севера повторяются на юге кавказского мира или сами представляют повторение племенных названий крайнего юга.¹

4) Повторное расположение одного и того же племени на севере и юге Кавказа, а также на его северо-западе и юго-востоке, находится в связи с миграционными движениями соответственных этнических масс в обе стороны, и с юга на север, и с севера на юг, понятно, в различные эпохи.

Одно из этих переселенческих движений стало прослеживаться по этническим терминам и географическим названиям этнического происхождения в направлении с юго-востока на северо-запад. Речь о племени *Siuni* с составным названием, в котором при второй части, означающей 'сын' (*un*), герср. 'дети', и в то же время суффиксе мн. числа, *-e/i* есть именное окончание, а чистая основа—*si*. Эта основа или на валочной низшей ступени, или с закономерным подъемом согласного

¹ Статьи мои, как то «История термина абхаз» (ИАН, 1912, стр. 697 сл.), «К истории движения яфетических народов с юга на север Кавказа» (ИАН, 1916, стр. 1400 сл.) и «К дате эмиграции мосхов из Армении в Сванию» (ИАН, 1916, стр. 1689—1692), помимо того, что капля в море сравнительно с наличием богатым материалом, подлежащим использованию, ведены чересчур неуверенно, так как не было и пока все еще нет возможности организовать настоящую большую исследовательскую работу за отсутствием охотников учиться яфетическим языкам.

на высшую ступень, с взрывным -ti (собственно с аффрикатом -ti), дает ряд этнических терминов, названий племен или географических пунктов, заселявшихся ими, — от озерного нагорья Урмии до основания главного хребта Кавказских гор в материковой его части, если не далее, до самого моря Понтийского: это — Ma-nti-a-ne, название Урмийского озера, и Ma-ti-an-e, название части Мидии || Si-un-i, название области бассейна Севанского озера || Eтиun, название обширной страны, приблизительно от пределов Севанского озера до Ахалкалакского уезда, в эпоху халдских царей Биайны || O-te-^reⁿ-e или U-ti-q, название области на меже древней Армении с Албаниею || Θιαn (← Tī-an), основа грузинского названия города Тионет в Тифлисской губернии. Страна Eтиun, как звучит термин в халдских клинообразных надписях (Сэйс ее отождествлял с Грузиею), на севере доходила, повторяю, до Ахалкалакского уезда, следовательно, до пределов позднейшей Месхии. В этих пределах Eтиun сохранялась до Гекатея, который, называя населявший ее народ безукоризненно правильным по яфетической морфологии термином с префиксом ша — Ματιηνοί, сообщает, что «мосхи, племя колхов, примыкает к матиенам» (Μόσχοι, Κόλυων ἔθνος προσεχὲς τοῖς Ματιηνοῖς).¹

Из всех перечисленных терминов, все в форме мн. числа, для нас сейчас исключительный интерес представляет Si-un-i с Se-vaп'ом.

В отношении Ma-ⁿti-an-e достаточно сказать, что это форма одновременно и прилагательного, с тем же префиксом ша-, и в нем имеем слово со значением 'зеленый', 'синий', 'голубой' (собственно 'небесного цвета'), как то указывает Страбон.² Следовательно, это эквивалент г. m-tvan-e 'зеленый' по шипящей группе сибилитной ветви яфетических языков, имея в виду гласный характер префикса и исчезновение слабого коренного w или его эквивалента «у».³ Вообще в этнических и географических терминах, представляющих разные производные формы от основы одного и того же племенного названия (si ~ tī), мы имеем большинство образований по норме языков шипящей группы — преф. ша-, o- → u- и e-, причем в последних двух префиксах, утративших и начальный перебойный спиралт *ɣ*, сказывается влияние фонетической нормы языка спирантной ветви. Позднейшие яммигранты, ариоевропейцы-иранцы, лишь перевели на родной свой язык яфетическое название Mantiane || Matiane, когда они наименовали прилагательным Кароут 'голубой', внедрившимся и в армянскую речь и в армян-

¹ Гекатей, Fr. 188 (Латышев, Scythica et Caucasica, т. I, стр. 3).

² XI, 14, 8: Εἰσὶ δὲ καὶ λίμναι κατὰ τὴν Ἀρμενίαν μεγάλαι, μὴ μὲν ἢ Μαντιανή, Κιζνὴ ἑρμηγευθεῖσα.

³ Аффрикату в эквиваленте, по шипящему типу, грузинского m-tvan-e следовало бы быть t̃ в м. ч., но здесь сказались свистящая природа грузинского языка. Наращение или кажущееся таковым n || t в тех же условиях обычно диалектически в мегрельском и чапском языках, языках шипящей группы, и тогда, когда слово — вклад грузинской речи или подвергалось воздействию ее фонетической нормы, напр. м. t̃nθ-i в м. t̃nθ-i 'минута', 'секунда', м. g-tvan-e в м. t̃n-tvan-e 'зеленый', м. ша-ngar-i в м. ша-gar-i 'крепкий' и т. п. Кроме того, ныне выясняется история префикса m-, resp. ша-, по которой -n в ша-n может быть и не фонетическим лишь наростом. Как бы то ни было, нет основания и перед t Μαντιανή считать оиской: в нем выдвигается диалектической разновидности, бережно сохраненный Страбоном (ср. Крамер, ук. м., стр. 495, 9: «Μαντιανή fortasse scribendum»). В ч. t̃n-tan-i 'маленькая зеленая птичка' t̃n, по всей видимости, — прилагательное 'зеленый', откуда все составное слово буквально должно означать 'зелено-тальный', и в таком случае в нем имеем форму основы, наличную в Maⁿti-an-e || Ma-ti-an-e лишь с предварительной утратой исходного n в паузе (t̃n → t̃i, resp. ti).

скую географическую номенклатуру в качестве названия именно Урмийского озера.¹

Переводившие, однако, не учли одного семаспического существенного обстоятельства. В яфетических языках *se* не столько по корню означает цвет, сколько функционально, в известном сочетании мыслей и образов, так как *se* собственно означает 'небо', более того, в связи с космическими их представлениями слова и 'море', и 'земля' одновременно означают в одном случае и 'море' и 'небо' (водное), в другом случае 'земля' и 'небо' (твердь). До сих пор, особенно в сказках — 'небо-земля' верхнее, наше небо, и нижнее, наша земля, или еще 'небо-море' верхнее, наше 'небо', и нижнее, наше 'море', так что собственно нет и слова 'небо', 'земля', 'море', а в связи с мифологическими представлениями для понятия 'небо-земля' — 'железо', как бы 'твердь' и т. д.

Основа *ti* этнического термина *E-ti-un-i* || *U-ti-q*, пройдя исторически и среднюю ступень звонкости, со звонким *d* сохранилась в современной разновидности *Uti*, как она — *Udi* — звучит в племенном названии удин, пережитков древнего населения Эгиуни, продвинувшихся на восток до Каспийского моря, в бассейне которого они занимают ныне всего два села — Варташен и Ниж.

Движение этого же племени, весьма раннее, если не исконное его нахождение на Черноморском побережье могло бы свидетельствоваться племенным названием *di*, основой мегрельской формы названия северной части Мегрелии — *O-di-ш*, а равно **Me-di-an* (/ *Ve-di-an* → *Ve-di-a*), названия столицы этой части, из коих первое образовано с префиксом общим с *O-te-ʿeʿne* || *U-ti*, а второе по норме *Ma-ti-an-e* (|| *Ma-nti-an-e*). Однако здесь мы встречаемся с необычайно опасным при решении таких ответственных вопросов созвучием, которое может послужить, если не послужило, к отождествлению двух совершенно различных названий, одного, восходящего к *te* || *ti* ← *ten* || *tin* с его аффрикатными сородичами *ten* || *tin* и т. д., другого — к *du* ← *dul*.

По первому термину, племенному названию чанов || йонов с их тотемом 'ковь', нам приходилось дать сравнительно-лингвистические разъяснения.

Второй термин *du* ← *dul* (*dvi*) — разновидность свистящей группы, следовательно, по шипящей группе его эквивалент должен бы гласить **dgu* ← **dguḡ*. От первой разновидности, в форме мн. числа на *q* → *q*, resp. *ḡ* → *ḡ*, племенное название: а) в греческой передаче с неизбежной заменой *ḡ* звуком *ḡ* — ζυ-γ-οί, ζυ-γ-οί, ζυλ-χοί,² б) в грузинской передаче — *ḍi-q-i* (вм. **ḍvi-q-i*), в) в адыгейской передаче — *a-də-ḡe* (← **a-du-ḡe*, resp. **a-du-ḡe*).

Наличие *v* в архетипе грузинской разновидности явствует из использования этого этнического термина у грузин же в виде *ḍiqv-i* (← **ḍvi-q-i*)³ в значении 'олень'. Со значением 'олень' появляется тот же термин и у адыгеев в виде *ḡə-ḡ* (/ **ḍəḡ*).

¹ Невольно приходится улыбаться, когда, не имея представления о существовании в крае до праидеи, вообще до арийцев, хозяев края, яфетической семьи с ее особыми языковыми материалами, Kratzer решительно опорачивает сообщение Страбона XI, 14, 8 (ἡ Μαντιανή, Κισσῆ ἐρμηνεύειται): «explicationem certe nominis a Strabone subiectam falsam esse ex Armeniorum lingua facile evincitur, in qua nullum invenitur verbum simile, quod illam habeat vim» (ук. м., стр. 495).

² И. А. Орбели, Город близнецов Διοσκουρίας и племя возниц Νύτοχοι, ЖМНП, 1908, стр. 195—215.

³ *K*ḍviq-i* → *ḍiqv-i* ср. г. *kvjḡ-i* → *kvjv-i*

Разновидность по шипящей группе обычно появляется со средней озвонченностью согласных — $\check{d}qu-$ ($\leftarrow *d\check{g}u-$) или с состоянием их на низшей ступени — $squ-$ и т. п., однако с иным окончанием мн. числа, как то увидим; значение же 'олень' присуще термину во всех главных разновидностях, и 'олень' есть вообще тотем этого племени, именно скифов.

И вот вопрос, имеем ли в основе м. $O-d_1-ш$, $Be-d_1-a^n$ этнический термин d_1 ($\leftarrow d_1 \parallel \check{d}_1$), с первичным «и», т. е. название племени с тотемом 'олень', или в нем — перебой первичного «и», т. е. основа — архетип $\check{d}u-$ ($\leftarrow \check{d}u \parallel \check{d}gu-$ $\rightarrow \check{d}gur-$), название племени с тотемом 'олень'?

Тот же вопрос встает при этническом термине t_1 ($\parallel te$) $\rightarrow d_1$ [$\check{N} s_1$ ($\parallel se$)], лежащем в основе $E-t_1-ш$, $U-t_1-q$ и т. п. Не предвосхищая возможного и здесь решительного ответа в ту или другую сторону, хочу только отметить, что $d_1 \leftarrow \check{d}_1 \parallel \check{d}_1$ и $d_1 \sim du \leftarrow \check{d}u \parallel \check{d}gu$ — это усеченные формы двух различных этнических названий, одинаково важных для вопроса о первоначальном составе припонтийского населения.

Разновидностями племенного названия $d_1 \leftarrow \check{d}_1 \leftarrow \check{d}in \parallel \check{d}en$, основами различной диалектической среды и на различных ступенях развития, опоясано Черноморское побережье от Синопа до Пантыкалея. Не менее органически связан этнический термин $d_1 \sim *du \leftarrow \check{d}u$, основа названия $\zeta u \rho i$ и $A-d\check{e}g\check{e}$, с Черноморским побережьем, особенно с его северо-восточной частью.

История этнического термина $\check{d}u-$ ($\zeta u-$) разъясняется ниже. Каково бы ни было лингвистическое отношение к нему названия $t_1 \parallel te \check{N} s_1 \parallel se$, природный хозяин последнего в своем движении в том или ином направлении, между Урмийским и Севанским озерами, народ исторический, засвидетельствованный в эпоху халдских царей Вана, перенес название Урмийского озера 'Голубое', 'небесного цвета' на Севанское озеро, и турецкое наименование Гёк-ча 'голубая вода' есть лишь позднейший перевод местного народного названия Севанского озера, дошедшего до времени турок *этнографически*, т. е. устно на том или ином местном говоре. Вместе с названием озера в том же направлении неслось миграционным движением и название народа, населявшего район Урмийского бассейна. На месте он именовался в халдских клинообразных надписях $Map-a$, по другим письменным источникам — с перегласовкой $Men \leftarrow Min$, а если считать с этнографически сохранившимися материалами в Дагестане, конечном прослеживаемом северном пункте их переселенческого движения, — $Mon \leftarrow Min$.¹

Но $map \parallel men$ в яфетических языках имеет весьма обширное семасическое развитие. Первоначальное его значение до сих пор под вопросом в той лишь мере, что, совпадая с основой слова, означающего 'вода', 'море', при наличии связи в яфетических языках между понятиями 'вода' и 'строительство' невольно возникает вопрос, случайное ли созвучие или генетическое сродство связывает тождественные яфетические слова, с одной стороны означающие 'воду', 'озеро', с другой — 'рождение', 'созидание', 'строительство'. В значении 'воды', 'озера'

¹ См. Племенной состав населения Кавказа, ч. III.

шап, геср. его разновидность вап, это слово имеем как будто в названиях трех озер — Van'ского, как бы *озера хат'էջօղի*, Se-van'a «Сейского озера» и Թօբագա-վափ «Топарского озера», но, не говоря о том, что и в этих как будто бесспорных случаях, когда речь идет об озерах, географическое наименование может быть отложением этнического термина, названием того или иного племени,¹ нам в связи с этническим названием Мала || Мен || Миш прежде всего приходится считаться с тем, что эта основа в виде ряда закономерных разновидностей вап || шап / рап → бап → фап и их эквивалентов по групповым перемещениям, как то разъясняется в цитованном не раз рабочем проспекте, составляет собою вторую часть составных племенных названий и, означая 'сына', геср. 'дитя' или собирательно 'детей', функционально равнозначит суффиксу мн. числа или показателю множественности, присущему яфетическим племенным названиям, большинству их.² И потому в Se-van нельзя не усмотреть синонима Si-иш-и, т. е. в обоих случаях — составное название племени Se || Si, эквивалент Te || Ti, со словом (вап || *ноп → ип), означающим 'сын', геср. 'дети', во второй части. Из этих двух синонимных племенных названий, обратившихся в географические термины, одно — Siиш — прикрепило к области, населенной поименованным племенем, другое — Se-van — к озеру, в бассейне которого находилась та область или расселено было, как господствующий элемент, все то же племя. Оба ваши положения встречают поддержку в местной этническо-географической номенклатуре.

В Sevan легко было армянской народной этимологии признать сродство с армянским словом sev 'черный', и это, действительно, так и произошло. Однако народная память не изменила тому, что термин все-таки этнический, притом составной, и вторая часть означает 'сына', геср. 'детей', значит 'род', 'народ' и т. п.: восприняв в целокупности Se-van, означавшее собственно 'сейские дети', по армянской народной этимологии в значении Sev-ordi-q 'черные дети', армяне, естественно, дали новообразованию права гражданства. Этот народный этнический термин, всплывающий в X—XI вв. в армянской литературе у Иоанна Католикоса³ и Асогика, употребляется в качестве географического названия той армянской области U-ti-q «к западу от Аракса между Арцахом и рекой Курой», которая, звуча у Плиния O-te-'e'ne, своим названием воспроизводит в диалектической форме название обширного некогда, именно при ванских царях, края E-ti-иш-и, заключавшего в свои пределы Se-van и представляющего своим

¹ Посему даже Ванское озеро носило свое название по имени племени Вап, геср. Мап, т. е. того же племени, которое некогда населяло район бассейна Урмийского озера. Что Вап не происходит от Бнайны (Vi-aup-a, геср. Vi-an-a), это попутно указано в работе моей «Надпись Русы II из Маку», стр. 43, прим.

² Разновидность шап в значении 'сына' пережиточно налицо в таких яфетических элементах древнелитературного армянского языка, как шап-иш 'мальчик', 'отрок', шап-эг (→ *шап-иш || шап-иш) 'мелкий'. В грузинском шап используется как суффикс отвлеченного понятия — tot-шап 'слава' (← 'чванство'), kok-шап 'колебание', 'чванство', gog-шап 'ласканье', 'лелеяние' (см. П. Марр, Вступительные и заключительные строфы поэмы «Витязь в барсовой коже» Шоты из Рустала, ИАН, 1910, стр. 19, прим. 1, с); у грузин тот же шап || вап появляется в качестве окончания, придающего собирательное значение, в прилагательных tigi-шап-и 'мелочи', didg-van-и 'крупные'.

³ Лишь, можно бы думать, паад случайного созвучия составляет то, что китайцы сакон называют се (Григорьев, ук. соч., стр. 46—47, особ. 46, прим.).

наименованием лишь разновидность этого именно слова Se-van. Армянский народный термин достиг Константина Багрянородного: ἄρχων τῶν Σερβοτῶν τῶν λεγομένων Μαῦρα παιδία.¹ Термин известен и Истахри в форме Siawerdī: «жители Партава (Бердака) и Шамхора (Шамкур) — армянского происхождения и называются Сиавердиями, народ мешанина, негодные и придорожные разбойники».² К. П. Патканов был, казалось бы, прав, недоумевая, почему жители области Утии назывались у армян черными детьми,³ но напрасно он отвергал пояснение Католикоса Иоанна, что Sev-ordi-q назывались так по имени родоначальника.⁴ Однако родоначальником этим являлось не лицо с именем Sev или даже Sev-uk, а племя Se || Si, и, казалось бы, этнический термин 'черные дети', собственно — 'дети черных', 'черное племя', 'черные' возник в связи с позднейшими представлениями населения на основании уже ариоевропеизованной армянской народной этимологии. Однако и прилагательное *se со значением 'черный', как выясняет сравнительная фонетика яфетических языков, существовало у яфетидов и по природе сибиланта принадлежит к свистящей группе сибилантной ветви языков. Грузинский язык имеет в значении 'черного' ныне лишь прилагательное шав-1, предполагаемое ариоевропейское слово, чему, будь оно яфетическим или, что для нашего сейчас вопроса безразлично, природно усвоенным яфетидами, яфетизованным в грузинском, в мегрельском должно было дать *sqov, тогда как в мегрельском со значением 'черный' в наличии лишь прилагательное с префиксом u- — u-ḡa, основа которого -ḡa, с согласным элементом в подъеме, т. е. восходящая к архетипу *-ша, требует эквивалента по свистящей группе в точности, принимая и перегласовку, звукового комплекса *se, что мы и имеем в первой части Se-wordī (древнейшее чтение Se-ordi). Следовательно, если племя действительно не называлось 'черным', что отнюдь не может исключаться, а стали величать его, допустим, лишь по народной этимологии, его нет основания датировать временем внедрения армян: для возникновения такой народной этимологии условия имелись в местной яфетической лингвистической среде и раньше.

Наравне с Se-van и племенное название Si-un-1, герм. мн. число Si-un-1-q, означало 'си-йские дети', и когда Хоренский производит население края от Сисака, ссылаясь на персидскую, очевидно, народную терминологию, именно название Сюнии Сисаканом,⁵ то армянский историк, располагающий прекрасным живым фольклорным материалом, этимологизирует так же неудачно, как и евро-

¹ De ceremoniis aulae byzantinae, II, 48, стр. 687. В греческом подлиннике искаженное чтение Σερβοτῶν. Привожу весь пассаж с контекстом в списке, любезно сделанном по моей просьбе А. А. Васильевым: εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Κοκοβίτ, 'Αρμενία' εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Ταρῶ, 'Αρμενία' εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Μῶεξ, 'Αρμενία' εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Αὐζαν, 'Αρμενία' εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Συνηξ, 'Αρμενία' εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Βατζῶρ, 'Αρμενία' εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Χατζιένης, 'Αρμενία' εἰς τοὺς γ' ἄρχοντας τῶν Σερβοτῶν τῶν λεγομένων Μαῦρα παιδία' ἐπιγραφή εἰς πάντας τοὺς προεξημένους: κέλυσσις ἐκ τῶν φιλοχρίστων δεσποτῶν πρὸς τὸν ὀ δέϊνα ἄρχοντα τοῦδε. Булла (печать) при письме к этим князьям отсутствовала.

² Bibl. Geogr. ar., I, стр. 191—192.

³ Армянская География VII века, стр. 51, прим. 170.

⁴ Ук. место. Литературу по вопросу о Севордиях см. также Hübschmann, Die altarmenischen Ortsnamen. Mit Beiträgen zur historischen Topographie Armeniens und einer Karte, Strassburg, 1904, стр. 240, прим. 1.

⁵ I, 12, 72, стр. 41 et pass.

пейские ученые XIX и XX вв., в толковании яфетических терминов исходящие из чуждых им норм иранских языков: Si-sak-an — яфетическое слово в форме мн. числа на -an, и в нем налицо составной этнический термин, как и Se-van || Si-pp-1 и др., означающий 'сийские дети', ибо sak, resp. шак, представляет яфетическое слово, форму с расклиниванием, опять-таки из шипящей группы сибилантиной ветви яфетических языков, означающее 'сын': это в то же время местное в Мидии «эламское» слово шак и в то же время эквивалент другого, также яфетического слова man, resp. van, с тем же значением. Следовательно, Si-sakan и Si-pp-1 не только два названия одного и того же края Армении, как то свидетельствуется историческими источниками, но названия одинаково яфетического, доиранского происхождения, одинаково, как и E-ti-pp-1 халдских клинообразных надписей, означающие 'дети тиев' или сиев, равно 'дети теев' или сеев, как то теперь выясняется лингвистической палеонтологией в этнической номенклатуре Кавказа на основе яфетического языкознания. И, понятно, также ныне неприемлемо категорическое утверждение армениста-индоевропеиста Гюбшмана (Hübshmann): «in keinem Falle gehört Siunikh mit dem anderen Landesnamen Sisakan zusammen»,¹ как и его изошрненные предположительные этимологические разъяснения принимавшегося им за иранский термин Sisakan, с прокрустовым расчленением его по предполагаемому иранскому типу на основу Sis и суффикс -akan, с ссылкой на другое армянское название Aterpatakan,² которое, кстати, доарийского, в корне яфетического происхождения. Когда же Hübshmann'у приходит простая и здравая мысль, что Sisakan представляет тип фамильного образования на -an, он опять не может выйти из заколдованного круга иранских фактов, в -an узнает иранский суффикс -ān, а в основе цельное имя Sisak, не чуя, что это составной этнический термин с яфетическим словом sak || шак 'сын', эквивалентом по значению другого яфетического слова — man.

В то же время как man появляется самостоятельно в роли этнического термина в названии населения в халдском районе бассейна Урмии — ассир. Man или Man-a, resp. Men-1 || Mп-1, так слово Sak 'сын' в той же среде являлось племенным названием. Отсюда название области Шака-шеуп,³ страна саков или шаков,⁴ позднее название одной из областей все того же края Утии, известного под тем же названием и Страбону (Σακαστηνή) и Плинию (Sacasani).⁵ Более существенно расхождение в названии той же области у армянских авторов: по тексту армянского географа она называется Шика-шеуп, т. е. этническая часть составного слова, ее простая основа, звучит шк, resp. шек, или по перебою *шук.

Однако в линии этих данных работу пришлось приостановить из-за двух обстоятельств, ставших поперек дороги. Одно обстоятельство формальное. Слова

¹ Die altarmenischen Ortsnamen, стр. 263.

² Указ. соч., стр. 265.

³ Фауст, 215 (Пб., 177).

⁴ О шеуп → шён см. ниже, стр. 35.

⁵ VI, 10. У Птолема Σακαστηνή, и я не спешил бы «исправлять» его в Σακαστηνή, как то предлагает Патканов (ук. соч., стр. 51, прим. 170), имея в виду полную закономерность появления rep, разновидности ряда с огласовкой e—ven (→ vel) || шеп / реп → беп → феп во второй части яфетических составных этнических терминов.

со значением 'сын', служащие второю частью составных племенных названий и, казалось, игравшие лишь морфологическую роль суффиксов мн. числа, появились самостоятельно в значении этнического термина. Другое обстоятельство — реальное. В значении 'сына' появилось яфетическое слово sak, разновидность эламского шак, герр. шакиг-1, а оно в качестве этнического термина казалось чуждым Кавказу.

Правда, появление саков в свидетельствах значительной части источников рядом или совместно с племенами, имеющими отношение к видимо яфетическим или бесспорно яфетическим терминам, должно было дать нам смелость поставить вопрос хотя бы о формальной стороне дела, о происхождении самого племенного названия из яфетической этно-языковой среды. Но за привнесённость термина в Кавказский край и не яфетическое его происхождение говорили и нерасторжимая связь саков со скифами и распространение самих саков и на Востоке далеко за пределы Кавказа. Подойти к вопросу об этническом термине «сак», как яфетидологическому, и в широкой постановке со значением внекавказским не решалась мысль и тогда, когда наметилась возможность расселения яфетических племен на пространстве с востока от Каспийского моря в связи с открывшимся за Индукушем в вершикском и бурипском наречиях членом одной яфетической семьи языков — языком, находящимся в той или иной степени генетического родства с яфетическими. Представлялось все-таки рискованным толковать яфетически название племени, имевшего славу вторгшегося с севера представителя территориально не кавказской семьи народов и, следовательно, долженствовавшего именоваться термином не коренного кавказского происхождения.

«Экскурс» В. Ф. Миллера с положением о генетической связи терминов «саки» и «скифы» (Σκίθαι), собственно Sak и Sku-θa, открыл нам новую перспективу для более смелого яфетидологического подхода к решению пока хотя бы формальной стороны вопроса.

Итак, рассмотрим формальную сторону вопроса на яфетической почве, где является исконным, отнюдь не заимствованным тот суффикс мн. числа -θa, который В. Ф. Миллером был усмотрен в племенном названии Σκίθαι на основании созвучного в осетинском эквивалентного суффикса -θй, новообразования в нем, именно в осетинском, насколько осетинский язык рассматривается и есть ариоевропейский.

Основа ski- (Σκι-) на яфетидологической почве вполне закономерно отождествляется с Sak, для этого отождествления, предложенного В. Ф. Миллером, отнюдь не требуются приводимые у него изошранные, ad hoc устанавливаемые звуковые переходы. В яфетических языках существуют богатые лексические и морфологические материалы одного гнезда по корню этого термина. При наличном в определенной группе той же лингвистической семьи законе о расклинивании согласных гласным,¹ мы вынуждены возвести sak и ski к одному источнику, отождествить их самих по значению, по корню и даже по форме, учтя в последнем отношении лишь принадлежность каждого из них к особой диалектической среде, характеризуемой одним из представителей перегласовочной тройки:

¹ Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, VI, ИАН, 1913, стр. 421.

а || о (→ u) || е (→ i). Влияние этой диалектической перегласовки дает себя знать и в расклиненной разновидности sak: преемственно от яфетидов это слово со значением 'сын', 'детеныш' перешло и в персидский язык в виде zak, означающего 'детеныш', равно 'ребенок', и в грузинский в виде zaq, означающего 'детеныш буйвола', и в армянский в виде dag, означающего 'детеныш' (пернатых, но и четвероногих),¹ а с обычным пристрастием окающего диалекта к шепелявым звукам, по шипящей группе слово должно бы звучать ðak- (вм. *ðakw ← ðakw ↘ şakw),² и с суффиксом el к качеству окончания ж. рода его действительно имеем у мегрелов в виде ðak-el-1 в значении 'телицы'. Вполне закономерный и в отношении огласовки эквивалент основы ðak по свистящей группе должен был бы звучать *ðek, и его с десибилляцией зубного, но опять-таки с суффиксом то -ol, то -na в роли женского рода, также имеем у единственного представителя свистящей группы, грузинского народа, в виде ðek-e-ul и ðek-na в значении опять-таки 'телицы'. Но из категории значений, связывающих термин с определенным кругом животного мира, для нас особый интерес представляет zaq || sak, означающее 'олень',³ как и мегрельское sqwer.⁴

В отношении же этническом важно отметить нам, что zak (← sak) с перегласовкой окающего диалекта, именно разновидность zok сохранилась как племенное название того армянского ныне племени в пределах древней области Сисакан, или Сюнии, которое говорит поныне также с оканием на одном из наиболее своеобразных наречий уже армянского языка. Своеобразие наречия этого, если не сказать языка, есть результат гибридизации. Уже армянский язык как яфетическо-арноевропейский, представляя собою продукт скрещения, дает нам примеры измены яфетическим традициям, в частности и в фонетике, как речь народа, утратившего в процессе скрещения безупречную приспособленность произносительных органов к воспроизведению яфетических звуков и яфетических сложных звукосочетаний. И языковое явление это общее для гибридизованных народов. В этом смысле расклинивание согласных гласным в яфетических языках имеет большое реально-историческое этнологическое значение, указывая не только на скрещенность племенной среды, но и на гибридизацию яфетического племени именно с не яфетическим, лишней огласовкой облегчавшего произношение усвоенного им в процессе скрещения не народного ab origine яфетического языка. Таким гибридизованным яфетическо-арноевропейским племенем могли стать и скифы, если sak, их название, есть как расклиненная разновидность продукт их же родной речи. Этому нашему лингвистическому освещению этнологического вопроса вторит один родословный рассказ Геродота (второй, из уст колониального грека, жившего в Понте), интересный как предание о гибридизации населения Скифии (в главах 8—10).⁵

¹ По яфетидологической формуле s → z ↗ ð.

² Сейчас мы не задерживаемся на племенном названии этой разновидности, отложившемся в грузинском названии старинного рода ðak-el 1 и в грузинском названии реки ðaqv-1.

³ Отсюда и осет. zaq.

⁴ Огласовка природная (a) утрачена, следовало бы—*sqwat; его эквивалент по свистящей группе шvel в грузинском означает 'козулю'.

⁵ Латышев, ук. соч., стр. 12—14.

Расклинивание согласных обыкновенно стоит в связи с продвижением гласного к началу слова, но расклинивающий гласный может быть иногда и совершенно независимым от огласовки данного слова вкладом народа, нуждающегося в облегчении себе произношения. Во всяком случае, в лингвистической среде с законом расклинивания иного вида, как *sak* (|| *шак*), и не могло принять слово *ska*, представляющее одну из трех характеризованных огласовкой разновидностей — *ska* || *ska* (→ *sku*) || *ske* (→ *ski*).

По составу коренных парой согласных *sk* при значении 'сын' выявляется принадлежность всех разновидностей к шипящей группе, ныне состоящей лишь из мегрельского и чанского языков, и в свистящей группе паре *sk* || *шк* соответствует *ш*, что и есть первый коренной эквивалентного глагола свистящей группы, причем речь идет не только о корне *шчп* → *шчл*, от которого грузинское *шча* 'родил', грузинское *шчл* (← **шчп*) 'сын', чему в шипящей группе соответствует м. и ч. *sqał* → *squa* 'сын', но и о корне *шуп*, от которого *шеуп* 'строить' с эквивалентом **skan* в шипящей группе, но в вопрос о размежевании этих двух корней сейчас не углубляемся.

В *sku*, resp. *ska*, мы имеем, таким образом, разновидность мегрельского *squa*, resp. *skwa*, означающего 'сын'. Это собственно усеченная основа, в мегрельском с раздвоением гласного «о» в двугласный *wa*, причем, однако, мегрельский восстанавливает во мн. числе третий коренной теперь в виде плавного *l* (можно бы ожидать *г*) — *sqał* ← *skol* — с наличным ныне у мегрелов окончанием мн. числа — *sqał*-*оф*. Если бы окончание с губным показателем множественности имело огласовку по окающему наречию, та же форма мегрельского слова должна бы звучать **sqał*-*оф*, без раздвоения **sqol*-*оф* (← **skol*-*оф*).

Разновидность *ske*, также усеченная, в том же значении 'сын', налично у сванов в лентехском наречии их языка, но в самом названном наречии формой мн. числа *skey*-*ар* вскрывается более полный вид этой разновидности — *skey*, в котором полугласный «у», падение исходного *г*, — второй коренной. В сванском же имеем третью разновидность *ska* не только со вторым коренным — также полугласным *у* (∼ *w*, в письме *u*), притом предшествующим огласовке — в виде *ska* (∼ *ska*), но и с пережитком в виде спиранта *h* 3-го коренного плавного *г* — в форме *sguah*, восходящего к прототипу **sguar* (∼ *sgwar*) все в значении 'сын'.¹

Мегрельское и чанское ныне *squa* ← *sqał*-*l*, представитель третьей разновидности *sku*, также попало в ту же сванскую речь, но в ее спирантный слой, почему оно преобразилось в *gua* ← *gual* со значением *gua* 'мальчик', *gual*-*ар* — мн. числа 'мальчики', и любопытно, что у сванов термин получил религиозный оттенок: так называют детей до крещения. Оно же употребляется и в качестве мужского имени (ср. арм. *Map-uk*, груз. *Ві-ла* и т. п.).

И *ska* и *шко* → *шк* сохранились у армян в сказочных преданиях о первых насельниках родной страны, с которыми, естественно, связано представление о 'великанах', 'героях' и т. п. Потому в армянском *ska* без префикса или с префиксом *hu* — *hə-ska* значит 'исполин', 'титан', 'герой', *шк* — с префиксом

¹ См., в отчасти ср. Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, VI, ИАН, 1913, стр. 421 сл.

hu- (← ho-) — hə-jki ← hu-jki (← hu-şku ← ho-şko) значит 'герой', 'силач' и т. п., но в сравнительной степени hojkuagoyn у слова всплывает его нарицательное значение 'молодой', 'отрок'.¹ Мы еще не вскрываем первичного смысла корня, но 'сын', 'отрок', 'молодой' одно из основных его значений, и в связи с этим значением находится присущность ему и таких разновидностей семасиического развития, как 'проворный', 'быстрый' и т. п.

У мегрелов, усвоивших и основу ski, но сохранивших ее с позднейшим перебоем «и» в «и» в виде sqi, она появляется с именным префиксом φ- в слове φ-sqi в значении 'потомок', 'племя', букв. 'сын'.²

С другой стороны, выяснилось, что этнический термин sak, герс. шак, значит 'сын', и значит он это не отвлеченно лишь как эламское слово, но реально-этнически в составе племенных названий кавказского населения того района, где, по историческим данным, господствовали саки. И вот едва ли при всех стекающихся обстоятельствах случайность, что архетип основы ski-, именно skua, значит 'сын', и, что особенно важно исторически для нашего вопроса, это яфетическое слово по природе принадлежит языку, собственно ныне двум языкам шипящей группы сибялнтной ветви яфетических языков, не только имеющих в своей родной речи одного с «эламитами» типа разновидность слова 'сын', но разделяющих с ними общность образования мн. числа с помощью губного показателя (эл. р || м. и ч. φ (← b ← p)).

Этим лингвистическим показателям движения эламитов на запад вторит такой памятник материальной культуры, как viş-ar 'рыба великан', шпра «эламитов», шпа в составном Те-шпа халдов ванских. Дело здесь уже не в термине, форма которого, мн. число, эламитского типа, а в самом предмете, обозначаемом этим названием. С Севанского озерного района и его нагорья мы передвигаемся на запад до г. Ахалкалака — у верхнего течения Куры, не за одним термином. Нас туда ведут сами фигуры вишапов: в 1917 г. прослежены присеванские и гехамские вишапы, с храмом главного из них — Те-шпа — у Севанского озера, постройкой халдского царя, до самого Ахалкалакского края, а отсюда нас ведет поход Сардура II.

Этот именно Ахалкалакский ныне район входил в пределы если не чистых, то все-таки мешавных со скифами i-şku → i-şki единоплеменников скифского народа. Из Эрахива, в бассейне Аракса и Арпачая, Сардур II идет походом через Işki-gulu, полускифскую страну еще, значит, в VIII в. до н. э., через Куриан то в Катары (по-местному с яфетическим суффиксом мн. числа — за: Katar-za, ср. A-şku-za), то в Ионию, в обоих случаях к Черноморскому побережью, где ныне обретаются чаны и мегрелы, народы шипящей группы, в языках которых природны в значении 'сына' skua-, skual (← skuar), ski и т. д.

Эти два народа занимают испокон веков Черноморское побережье. С одной стороны это лазы, в древности чаны, с другой — мегрелы (мингрельцы). Это те яфетические народы, которые имеют свои этногонические счета, независимо

¹ Филон, *Shushshib*: «более молодые прислуживают вином и отроки (hojkuagoynqan) приносят воду».

² Таким образом, с sqilada связывать можно sqi лишь семасиологически.

от скифского вопроса, с греческим народом, и именно с его ионийским племенем, точнее — с племенами, внесшими в эллинский национальный тип племенное течение — ионизм и грецизм. Это те народы, которые позднее, в христианские эпохи, были нераздельно привходящими частями греческой церковности, греческой христианской культуры и затем ее пропагандистами на кавказском востоке. Их язык, особенно чанский, менее, чем мегрельский, подвергшийся позднейшему влиянию грузинской культуры и грузинской речи, полон грецизмов, ни в каком случае не объясняемых воздействием греческой речи христианских времен, византизмом, но не объяснимых и одним культурно-историческим влиянием античных греков. Языковый материал вскрывает взаимодействие этих языческих народов с иониями на этнокультурной стадии развития, имеющее первостепенное значение для этногонических вопросов, но прежде всего по населенному и населявшемуся чанами и мегрелами краю, а это все Черноморское побережье от Синопа с Halys'ом до Анапы, до Пантикапеи. Ныне береговое распространение чано-мегрелов сокращено: на южном берегу они отброшены на восток от Синопа вплоть до Кемера, даже Атины, на восточном берегу на юг от Пантикапеи и Анапы до р. Дѣгашеш, между Сухумом и Очемчиром. Более того, ныне и уже давно, со времени политического роста средневековой Грузии, и в оставшейся в их владении прибрежной полосе между ними, чанами и мегрелами, наблюдается иноплеменный прорыв грузинский с выходом в Батум у юго-восточного изгиба Черного моря, причем более древнее название занятого грузинами края, мегрельское, сохранилось: это Guria, географическое название.

Оно представляло не раз камень преткновения, соблазняя перспективами генетической связи то с колхами (kol-q), то с иверами, но окончательно оправдалось первоначальное толкование, именно отождествление с Ивериею.¹ Gur-ia собственно помен gentile по мегрельской форме -ia (← -iwa) || -wa, с усечением -п в исходе им. Gur-iaп, что воспринимается не только как фамильное имя, но и как мн. число и собирательное слово, откуда и употребление в значении названия страны и отвлеченное понятие. Существование некогда формы Guriaп явствует из названия известного гурийского села Guriaп-за. Не входя сейчас в вопрос о взаимоотношения основ (gur || kur), с Guriaп морфологически отождествляется Kuriaп-г халдских клинообразных надписей, где это название северной страны, через которую лежал путь, напр., царя Сардура в Ионию или Iup. Тут важно отметить сейчас в них образование сонорного мн. числа на п — Guriaп, Kuriaп, в противоположность показателю множественности q у народов kol-q, при полногласии *koloq, откуда *toloq → ʘoloq, название речки на южной границе Гурии, равно *kogoq, откуда Togoq, т. е. река Чорох. Нам сейчас достаточно было установить, что Гурия, где ныне господствует грузинская речь, есть архаичная мегрельская страна, и чаны с мегрелами непрерывно занимали всю береговую линию. Хотя это и мелочь, характерен и тот штрих, что и в грузинской речи

¹ Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия), Спб., 1905. стр. 169; его же, статья «Guria — Iberia», ожидающая опубликования.

в качестве названия индивидуума гурийского племени или гурийской страны возобладала мегрело-чанская форма на $-og \rightarrow -ur^1$ (при стечении двух г — $-ul$): $gur-ul-i$ 'гурец'.

Разумеется, в довершение всего, и чаны, и расположенные севернее их и потому нас сейчас более интересующие мегрелы оттеснены к морю. Одно время они заходили в глубь материковых частей, мегрелы по бассейну Фазиса-Риона до Лихского перевала своим исторически более известным наименованием яверов или имеров и далее на восток вплоть до Албании. Приморская часть бассейна Риона-Фазиса, или Чороца-Фазиса, эта Колхида древних греков, население которой пережиточно сохраняется в нынешних мегрелах, успевших за свой век, вместе с чанами или лазами, претерпеть не одну метаморфозу не только в названии, но и в своей природе, прежде всего в природе своей речи.² Из литературно известного термина $e-ger-swan-q$, сохраненного армянским писателем Фаустом, мы знали о гибридном народе, с мегрелами в составе, а теперь, когда вскрылось тождество $e-ger$ ($\leftarrow *e-gwer$), $gerp. gur$, и чистой основы этнического термина $i-ber$ ($\leftarrow *hi-hver$), ясно, что в эгер-сванах армян имеем бер-дзенов, т. е. иберо-чанов или гуро-йонов, $gerp. hep-гуров$, и такая метисация сванов или сонов, в произношении спирантной речи $hop'ов$ или $hep'ов$, с gur' ами или ger' ами, при префиксе $e-ger'$ ами, поддерживается и местной номенклатурой, отложением эквивалентного народного этнического термина $hep-gur$ в названии реки $Ep-gur \rightarrow Ip-gur$, берущей начало у Кавказского хребта, прорезающей Сванию и вливающейся в Черное море с прорывом на меже между мегрелами и абхазами. И это не мешает, однако, этнической мешанности абхазов с мегрелами, хотя гибридного термина для такой составной этнической единицы как будто не существует. Факт, что абхазская оседлость в Мегрелии, именно в Гурии, свидетельствуется географическими названиями, напр. села Двабзу,³ а на севере, ныне в Абхазском районе, сохраняется до наших дней мегрельское название речки $Neki-squa$. Мешанность племенного состава мегрелов, понятно, не ограничивается тремя этническими разновидностями.

Анализ пережиточных географических названий вскрывает на протяжении мегрельской территории вплоть до первичной межи с чанами господство таких чуждых и мегрельской, и абхазской речи фонетических явлений, как исчезновение носового «п» в паузе,⁴ продвижение гласного или расклинивание им двух согласных,⁵ что невольно приходится заключать о привхождении в крае языка чеченской группы, типа цова-тушинского или бацбийского, в котором те же звуковые особенности наблюдаются как закон.

¹ Н. Марр, Грамматика чанского языка § 116, ж; И. Кипшидзе, Грамматика мегрельского (иверского) языка, § 127, в, I.

² Мегрельский, да и чанский язык, отнюдь не чистый, а мешанный гибридный, при том не в одной степени метисации, несмотря на перевес в них особенностей принадлежащей к субиатской ветви афетических языков, к которой и относим их. На этом основании, в генеалогической таблице афетической семьи, см. Н. Марр, Грамматика чанского языка.

³ Н. Марр, История термина «абхаз», стр. 702.

⁴ См. $Gur-i$ в. $Gur-lan$ (стр. 25), $Wed-i$ в. $Wed-lan$ (стр. 16).

⁵ См. стр. 23, 31.

Как ни далеко отброшены ныне цова-тушины или бацбии, составляющие население одного села, с ними сближает мегрелов и такое характерное морфологическое явление, как форма мн. числа на *-bi*: *baḡ-bi*.

Один из основных признаков метисации мегрелов это образование мн. числа в обоих языках, и в мегрельском и чанском, языках шипящей группы, с помощью губного показателя множественности *-φ* (м.-еф || ч. *-φε*). Этой особенностью мегрельский и чанский языки становятся в один круг с «эламскими»,¹ увлекая туда же своей пропагандой того же показателя множественности и грузинский язык, но в грузинском окончание имеет огласовку «е», идентичную с чанским и лазским, что еще лишний раз свидетельствует о заимствованности или усвоении по скрещению этого форматива. Суффикс имел формы и с огласовкой «а» — *ар*, как в «эламском», да и в интересующем нас Черноморском районе, и с огласовкой «о» — *ор* там же. К последнему типу и относится, между прочим, *Sim-ор*. Остановлюсь сейчас лишь на двух примерах образования мн. числа с оканием, в одном случае с зубным показателем множественности *-ot*, в другом с нашим губным показателем множественности *-ор* от одного и того же этнического термина в спирантной разновидности, именно *mau-k*, эквивалента *mas-k* или *bas-k*, т. е. племенного названия, между прочим, абхазов. Собственно основы *mas-k* || *bas-k*, как и *mauk*, оформлены уже в отношении мн. числа показателем множественности, чистые основы в них *mas* / *bas* и *mau*. То же слово между прочим означает 'звезду', а равно 'землянику'. В значении 'земляника' имеем его у гибридных сванов в одних наречиях с заднеязычным показателем множественности по сибиллянтной ветви *bas-k*, в других наречиях — с плавным показателем множественности по спирантной ветви — *mau-ōi*.² Что касается племенного названия абхазов *bas-k*, то мн. число с зубным показателем множественности *-ot* (первоначально долгое *ō*: *-ōt*) образовано непосредственно от чистой основы спирантного типа *ma-u*: это *Maυ-ōt* (греч. *Μαῖῶται*, *Μαῖῶτις λίμνη*), а мн. число с губным показателем множественности *-ор* образовано от той же спирантной разновидности основы, уже оформленной показателем множественности, — *Maυ+k-ор*. Здесь губной показатель множественности выявляет себя позднейшим вкладом, как увидим, лишний раз.

Этот показатель множественности — природная особенность народа *-р*, племена которого владели Черноморским побережьем, как бы они ни назывались, от Синопа, с захватом Батумского загиба у Хопэ, по крайней мере до Анапы и Пантикапей: все четыре названия городов представляют форму мн. числа *-p^гe¹* — *Sino-pe*, *Qo-pe*, *A-na-p-a*,³ *Pantika-pe*. Этот суффикс мн. числа *-pe* || *-ар* → *-ра*, следовательно, показатель множественности *-р*, впоследствии в живой речи у чанов и мегрелов переродившийся в *-b* → *-φ*, причем *-φ* застаем у чанов (*-φε*) и мегрелов (*-еф*), тогда как грузинский сохранил тот же звук на пред-

¹ Н. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей, стр. 18, см. также стр. 17.

² И в роли этнического термина эта же основа *mau-* / *baυ-* с тем же плавным показателем *l*, но с позднейшим перебойным *i* (← *o*), отложившись в названии села в Гурии — *Va^гu¹-i-eḡ-i-eḡ*, как *-i*, известные грузинские морфологические варшания

³ Н. Марр, О происхождении имени Анапа [см. здесь, стр. 272—273].

шествующей стадии его развития по закону нисхождения (-eb), как то наблюдаем и в названии халибов (-ub → -wb, resp. -ib)¹ и в родном названии пова-тушин — baš-bi, рядом же с архаичным его представителем p, наличным и в древнем и в позднейшем «эламском» или «анзанском». Имеется прототип -m, чередующийся с -v, resp. -w: он появляется спорадически и в «эламском» (-u-me), и в мегрельском (-em), и в грузинском (-me → -m), а -v, resp. -w, в ближайше интересующей нас сейчас этнографической среде — в племенном названии чанов (Tan-iv) или лазов (Laz-iv)² у древних армян (-iv, resp. -iv) и в широкой мере у абхазов-авасгов как живой образовательный элемент, показатель множественности одиноко (-wa, resp. -va) или обычно в составе сугубого, равно трончно составного мн. числа (-q̄a из -q-wa, -š̄a из -š-wa, -gaq̄a из ga-q-wa, gaš̄a из ga-š-wa).

Абхазы, точнее авасги (a-vas-g, a-bas-q̄),³ для нас в этом случае представляют исключительный интерес, так как, прежде всего, это племя с ближайшими своими сородичами на севере, многоплеменными черкесами или адыгегями, и отделяет мегрелов от скифского района, северо-восточного побережья Черного моря, образуя своей нынешней речью лингвистический прорыв между мегрелами, представителями народа -p, хотя бы по усвоению лишь этого суффикса, поскольку они образуют мн. число на -ef || -fe, и отрезком их района с тем же образовательным элементом в названиях существовавших, да и существующих центральных культурных пунктов — Pa'n¹-tika-pe, Ana-p'a¹.⁴ Затем, будучи основной природой связаны с северными своими сородичами, абхазы, этот terque quaterque метис-народ, одновременно в особо тесных связях находится со своими непосредственными южными соседями — мегрелами: абхазы разделяют с ними в речп и основные природные их свойства, в некоторых отделах уделяя им и от своей природы, и особенности, одинаково усвоенные от общих соседей — сванов, грузин и др., общих соседей их самих, т. е. мегрелов и абхазов, или слившихся с ними народов; абхазы разделяют с ними, мегрелами, народные религиозные верования и многие стороны бытового культа, иногда до степени идентичности с общностью терминологии. Отсюда для освещения и положения мегрелов в нашем основном вопросе представляет существенное значение анализ сложного племенного состава абхазов, более наглядного в некоторых отношениях, но особенно в отношении занимающего нас формального вопроса об образовании множественного числа.

¹ Н. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей, § 18.

² Н. Марр, О положении абхазского языка среди афетических, § 7, в, 4, стр. 17, прим. 3.

³ Перечень разновидностей этого термина см. Н. Марр, История термина «абхаз», стр. 697 сл.

⁴ Название Ана-ра сохранилось лишь *народно*; в древности, по письменным источникам, пункт назывался Gogtre, в разнообразных греческих формах (Н. Марр, О происхождении имени Анапа, стр. 3, прим. 3 [см. здесь, стр. 273, прим. 4]), что едва ли случайно созвучно своим конечным слогом с занимающим нас суффиксом. Во всяком случае, при намечающейся связи скифов с мегрелами, лингвистически имеющими свои особые отношения к эламской речи, делается более приемлемым наше «второе толкование», казавшееся «более сложным и более ответственным», потому что, как сказано у меня в цитованной заметке (стр. 2) [см. здесь, стр. 273], «оно невольно внушает мысль связать местное население теснее с народом, говорившим на языке второй категории ахеменидских клинообразных надписей, так называемом новоэламском». Вопрос об Анапе требует, понятно, пересмотра нашего же освещения.

В абхазском народе мы имеем как бы «этнометр» наступавших на занимаемую им часть приморской полосы народов и племен, поскольку их тот или иной образовательный элемент мн. числа отливался в его живой речи, исключительной по сложной составности обычных для него форм множественного числа, по богатству показателей множественности, не только v (w), q , $\dot{\zeta}$, r , как то было показано при перечне сугубо и троячно составных окончаний, но и целого ряда других, спорадически всплывающих. В числе их наличны и такие, какие имеют прямое отношение к нашему основному вопросу о скифах и скифской стране, таковы p ¹ и $\dot{\zeta}$.² Последний показатель множественности также отнюдь не чужд ни мегрельскому, ни чанскому, сохранившись в обоях их особенно полноправно в глаголах. Более того, наличная в древнелитературном армянском языке разновидность окончания мн. числа $-te$ || $-ti$ с этим показателем представляется вкладом именно языков шипящей группы без отношения к тому, по основной ли природе присуще им это окончание, или оно также усвоено ими с одним из этнических слоев, осложнивших их племенной состав. В чанском именно окончание $-\dot{\zeta}$ ($\leftarrow -te$) всплывает в местоимениях,³ в этих после глаголов наиболее стойких хранителях архаических элементов: в них $-\dot{\zeta}$ появляется рядом с $-\text{pe}$ ($\leftarrow -\text{pe}$).

Для нашего вопроса, быть может, более важно отметить, что тот же показатель множественности первичной ступени наличен и в языке второй категории ахеменидских надписей: окончания с ним наблюдаются опять-таки в местоимениях, притом в форме и $-te$, и $-ta$,⁴ т. е. с огласовкой «а», как в $Sku-\dot{\zeta}a$ ($\Sigma\kappa\acute{\upsilon}-\dot{\zeta}a$). Тот же показатель множественности на второй ступени, т. е. звонкий d , имеется в сванском преимущественно в глаголах и известен, между прочим, в форме $-da$ в именах (сущ. и прил.).⁵ Историю появления того же окончания, совершенно тождественного с наличной в $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}-\dot{\zeta}a$ формой, т. е. $-\dot{\zeta}a$, в древнелитературном грузинском, здесь можно обойти, достаточно сослаться на его в нем широкое распространение, не говоря о таком же широком распространении, одинаковом с древнелитературным, согласного элемента $\dot{\zeta}$, без огласовки все того же показателя множественности и в современной живой грузинской речи, когда дело касается глаголов. Нам пока важно установить факт распространения этого показателя мн. числа, как и p , притом с огласовкой a || e непрерывно от Мидии до Скифии, и особенно в припонтийских областях, от Синопа до Пантикапеи, т. е. до Керчи.

По показателям множественности весьма целесообразно определяются народы, если возьмем их лингвистически архетипные виды, в каких бы разновидностях они ни предлежали. Понятно, такого существенного значения не имеет, когда наше знание о существовании той или иной формы мн. числа ограничивается преде-

¹ Н. Марр, О происхождении имени Анапа, стр. 1: plurale tantum $a-\text{ua}-p\grave{e}$ 'рука', $a-\text{pa}-p\grave{e}$ 'нога' [см. здесь, стр. 272].

² Н. Марр, К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических, МЯЯ, т. V, 1912, § 7, и, 2, стр. 14.

³ Н. Марр, Грамматика чанского языка, § 48, е, 3, стр. 35.

⁴ Н. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей, § 19, стр. 21.

⁵ Н. Марр, Яфетические названия деревьев и растений, §§ 3 (стр. 772), 4, 8, 1, 2 (стр. 773).

лами племенного названия данного народа, но правильный анализ формы этнического термина сам по себе представляет большой успех в разъяснении этнологических вопросов. Определенная форма племенного названия все-таки свидетельствует о господстве соответственной этнической массы в этнографическом антураже интересующего нас народа, она свидетельствует о влияниях, объектом которых он являлся. Потому даже с иллюстрацией лишь на племенных названиях, безразлично, исторически ли они нам известны или этнографически, интересна таблица показателей множественности для классификации народов, воздействовавших на мегрело-чанов и тесно связанных с ними соседей-абхазов, поскольку они переносили удары, в большинстве общие, этнических волн, заливавших заселенную ими с весьма ранних пор занимающую нас по связи с Скифиею Черноморскую прибрежную территорию. Я ограничиваюсь главными разновидностями показателей множественности и примерно приводимых племенных названий с подлежащими суффиксами. Перечень дается в порядке, устанавливаемом историей языка — хронологией наращения соответственных показателей множественности в абхазских составных суффиксах мн. числа. Для хронологии движения народов в интересующую нас среду лингвистически устанавливаемой последовательности не может быть отказано ни в реальности, ни в важности, как средства определения времени. Так, напр., хронологическая последовательность трех показателей множественности *k*, *p*, *t*, устанавливаемая нами на основании абхазского образования мн. числа, поддержку находит в названиях халибов различных эпох: 1) *qal-k*, откуда греческое название металла меди — *χαλξ qalks*, 2) *qal-ib* и 3) самая поздняя армянская форма — *qal-ti* (*Հալծիա*). Однако мы отнюдь не настаиваем на абсолютном ее значении особенно для культурно-исторической жизни края и связанных с ней дат политических возвышений и падений, появлений и исчезновений исторических народов.

Получается следующая таблица:

Народы:	Этнические названия и их отложения в географических названиях.
s- народы:	<i>E-gr-is</i> , <i>Tana-is</i> , <i>Qer-s</i> (→ * <i>Ker-s</i>); ¹
г- народы:	<i>Kim-er</i> (<i>Kimmer</i>), <i>Gan-ir</i> (арм.) калпадокиец, <i>pwan-ar</i> сваны, <i>Qaz-ar</i> <i>Qaz-ir</i> (арм.), <i>Dan-d+ar</i> из <i>Danda-ra</i> (<i>Dandarii</i> у Танаиса и на восточном берегу Черного моря, г. <i>Danda-ra</i> → * <i>Dan-dar</i> с перестановкой — <i>Dran-da</i> близ Сухума); ²

¹ Я не останавливаюсь сейчас на возможной форме сибилантной разновидности по шипящей группе **Ker-sh*, что в подъеме могло бы дать *Ker-š*, в таком случае без надобности в перебое *q* в *š*, как то указано ниже. О показателе множественности в названии одной из частей Мегрелии — *O-di-sh* см. мой рабочий проспект по племенному составу населения Кавказа: здесь ш вовсе не перебой *š*, гезр. *q*, как то предлагалось раньше, ср. Н. Марр, История термина «абхаз», стр. 701.

² И. А. Орбели, ук. соч., стр. 201. Иранская этимология В. Ф. Миллера (ук. соч., стр. 241), считающего и с кавказским *Dandarii* «на восточном берегу Черного моря» по Тациты (*Ann.*, XII, 15), представляет поразительный пример бесплодных усилий, во что бы то ни стало, иранизовать слово, толкуя этнический термин в смысле «держателей реки!» Впрочем, сам автор приводит ее с оговоркой: «можно, кажется, видеть в этом названии иранские слова» и т. д.

k- народы:	Kolq, *Abaz-q (Abas-k, Aφqaz) Bazg- Avas-g, A-də-ǵe, *Ker-ke → *Ker-k ~ Ker-ǵ;
p- народы:	Qal-ub → Qal-ib, Bz-əb ← bz-ib, Sino-pe, Mayk-op, A-na-pa, A-gr-wa мегрел = E-gr-ew в составе 'Εγρευτική;
t- народы:	Qal-ti (Qal-te), Sin-ti, Sarm-at, Sin-da, Sug-da (Σουδαία), Kab-ar-da, Sku-za (Σκώδα), Ker-ke-t.

Не раз придется возвращаться к составу предложенной таблицы, имеющей еще быть значительно пополненной примерными терминами племенного состава населения все в пределах тех же припонтийских областей. И тогда речь будет о генетических связях или культурно-исторической преемственности племен, названия которых появляются в таблице, сохраняя свое этническое значение или став географическими; тогда будет речь и о нарицательном значении самих основ, как, напр., о ker (→ker) → qer (→qer) со значением 'свинья', об их этно-культурном, тотемном смысле и т. п. Но образовательные элементы, вообще морфологическая сторона каждого из терминов давно получила свое разъяснение и обоснование на яфетидологической почве или в чисто лингвистических или этнолого-лингвистических работах. И потому нет, надеюсь, надобности заниматься различными их толкованиями, безразлично, праиндоевропейские ли они или иные. Авторы их, не чужая под собою чужеродной почвы, не считались и не могли считаться с морфологией терминов, как, напр., в случае с названием города Σουδαία, ныне Судак, в основе которого лежит этнический термин в форме мн. числа на -da, между тем В. Ф. Миллер писал: «Название Σουδαία несомненно иранское и объясняется словом *suḍa — чистый, святой, сравн. осетин. суг-äg — святой. Это прилагательное мы находим в названии страны и главного города древних согдиан, в Авесте — Suḍa, в древнеперсидских клинописных текстах sug-uda (у Птолемея Σόγδια)». Исследователь не интересуется вовсе лингвистической историей термина с прикавказской территории, где, как и на Кавказе, в районе одинаково сильной метисации племен и наречий, требуется соблюдение основного правила лингвистического анализа — *сначала история языка, потом этимология* на основании сравнения. Основа sug, представляя случай расклинивания согласных или продвижения гласного по бацбийскому закону,¹ восходит к архетипу sgu, в чем в свою очередь имеем основу или форму ед. числа термина «скифы» — sku-za (Σκώδα) с k на второй ступени, т. е. со звонким g.²

¹ Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, VI, стр. 420. То же самое наблюдаем, впрочем, и в сванском: ср. zǵuva 'море' в сванском — diǵva.

² В связи с полногласием, существенно отличающим припонтийские яфетические языки шипящей группы, можно бы sug-объяснить на такой почве, возведя sug-da к sugu-da, и такая разновидность также намечается на Западе с озвончением начального s при звонких g, d и с обычной для мегрельского языка диссимиляцией «u—u» в «u—i» (см. N. Marr, Let erime basque «uda-gaga» 'loutre') → Zugid-i (← *Sugu-d'g'al-i), уездный городок в Мегрелии, каковое название у абхазов сохранилось в виде Zərgid ← (*jugid, с мегрельским же фонетическим варием g перед заднеязычным g), а грузины полусмыслили в Zug-did-i 'Зугдид', точно 'Великий Зуг', восприняв суффиксы -d-i за часть грузинского слова did-i 'большой'. Созвучное с Sugda на иранском Востоке я пока обхожу молча. В случае генетической подкладки этой звуковой связи, одна из его форм, именно Suḍida («Suḍida»), сохраняемая древнеперсидским (I,16), нашла бы объяснение в лингвистической среде с полногласием шипящей группы. Однако для этого случая в древнеперсидском тексте можно найти и иное объяснение, пожалуй, и графическое. Во всяком случае в «эламском» тексте именно

Суффикс -da — средняя ступень с зубным показателем множественности звукового ряда в три ступени: -ta → -da → -да. Тот же суффикс на последней ступени развития по закону нисхождения и имеем в основе термина Σκῦδα. Подлинная форма, следовательно, чистая основа греческой формы — Sku-да.¹

Самая усеченная основа sku, гесп. шки с префиксом 1- — *1-шки ~ 1-шки нами вскрыта в гибридном термине халдских клинообразных надписей — I-шк1-gul-u, в названии страны на меже между бассейнами верхних частей Ахуряна (Арпачая), притока Аракса, и Куры.²

Ту же основу с суффиксом мн. числа -za мы уже вскрыли в ассирийской письменной передаче а-шку-за и 1-шку-за, причем префиксы получили разъяснение как яфетические, имеющие и историческое и этнографическое распространение в яфетическом мире, префикс а- на запад вплоть до Черного моря, именно вплоть до пределов Абхазии и прилежащего с севера участка в этнических терминах a-bas-g (вм. *a-bas-ğ) → a-bas-q, a-bad-eq, a-ps-il³ || a-рш-еğ, а-qay. Суффикс -za, как яфетическое окончание мн. числа, также был прослежен на запад до юго-восточного участка Черного моря в термине халдских клинообразных надписей Katalg-za, впоследствии Kəlag-d.⁴

От основы sak- || sku- на западе мы не находим образования мн. числа на z^гa^г. Подъемный представитель второй разновидности sku, гесп. sçu, именно šçu-, с диалектическим произношением šço- образует мн. число и с помощью губного показателя множественности m—šço-m || šçu-m, что и имеем в грузинском названии города šço-m или šçu-m \ Sçu-m, откуда наш Сухум на реке, называвшейся также šço-m. В названии города имеем опять-таки отложение этнического термина, племенного названия народа, на востоке достигавшего страны, сопредельной со Сваншю: по словообразованию сванского языка, понятно, с заменой свистящего шипящим — мы имеем название этой сопредельной страны Le-šçim. Но тут происходит контаминация с опасностью признать за форму мн. числа с -m другой совершенно созвучный этнический термин šçom → šçim, с тотемом 'рыбою', в котором ш коренной. Таким образом, все-

этого полногласия и нет у того же термина, разве усмотреть в его клинописной транскрипции Su-uk-das-re (I, 13) неточную передачу (-ku- в виде -uk-), вм. Su-ku-das-re. Зато бесспорно яфетидологический интерес представляет сугубое образование мн. числа — as+re, как и в Sarauk-as+re (I, 12), если не говорить пока о тройном — d+as-re в Sugidasre.

¹ Фактическая поддержка того, что в этой основе -да, гесп. -дä || -де, есть суффикс мн. числа, могла бы быть усмотрена, если в том есть надобность, и в грузинской форме названия Скифия — Skw-де (Грузинские летописи, 47, з). Будь -де частью основы, восприми грузин этот слог не как суффикс, Скифия по-грузински должна бы гласить: Skw-да или Skw-д-д-и.

² См. Н. Марр, Надпись Сардура II, сына Аргиптия, в Даш-Керпи на Чалдирском озере, Игр., 1919, стр. 22—23. Так как е- || 1- префикс — равнозначен с префиксом о- || а- именно в шипящей группе, то в О-вк1-, первой части древнеармянского названия селения на правом берегу Аракса по Моисею Хоренскому, V, 30 (31), стр. 83, з, — О-зк1-^гу¹о¹ау можно бы усмотреть отложение того же этнического термина, а если предположить разночтение некоторых далеко не худших списков, то в нем, звучащем Оск1-ко¹-ау (← *Оск1-ко¹-аг), имели бы мы основание признать передачу целиком халдского названия Iшк1-gal-u (← *I-шк1-gol-og). Это гибридное племя могло иметь или соответственное распространение, или отселок (ср. Г. Халатьянц, Арийский эпос в Истории Моисея Хоренского, Москва, 1896, стр. 190). Имеется местность с названием Оск1-у у верховьев Арпачана (Hubschmann, Die altarmenischen Ortsnamen, стр. 361), но оно, быть может, связано с нарицательным значением того же слова.

³ Ср. Ва^гу¹-ил-, выше, стр. 27, прим. 2.

⁴ См. стр. 24.

таки вполне был прав И. А. Орбели, когда он писал: «Лечхум прежде, несомненно, означало территорию особого племени или территорию, принадлежащую особому роду».¹ Дело лишь в том, что племя или род, вероятнее, народ, хотя бы с тотемом 'рыбой', мог быть скифской породы, но при наличии в племенном его названии суффикса мн. числа -m (ჭყი-m, ღყი-m) этим народом могли быть сами скифы, широко разливавшиеся как будто разрозненными волнами по припонтийским областям Кавказа, образуя звенья цепи, объединявшей этнографически Мидию или Азербайджан, юго-восток Кавказа, с его северо-западной, также приморской окраиной, некогда Скифией, и с Кубанью. От основы ღყი- нашего племенного названия в Грузии сохранилось образование мн. числа с зубным показателем множественности ღ, как в Σκόθης, это ღყი-ღ, и эту форму имеем в сванской форме имени места с префиксом la-² — Lap-ღყიღ, в названии одного из селений в Гурии, на юге от Мегрелии. И термин ღყიm отнюдь не прикреплен к Сухуму и вообще к северной полосе западного Кавказа: тот же этнический термин отложился, как уже отметил И. А. Орбели,³ в ღყიm-ur, в названии реки, буквально означающем 'цхум(ская) вода', как бы «цхумский» ни понимать — чисто этнически («скифский»? «кимерский»? или тотемически ('рыбный' в связи с культом 'Рыбы'),⁴ затем по переносу названия и обитаемого пункта, кочевья села Порты в бассейне реки Имерхева, притока Чороха. То же слово в виде og мы могли бы иметь и в названии реки Абхазии Kod-og. Ko-d — форма мн. числа от ko-, усеченной основы kol- (kol-q), и Kod-og, следовательно, могла бы означать буквально 'Колх(ская) вода' (по-абхазски — Kud-og, с ослаблением u в ə).⁵ В названиях реки суффикс -og → -og не имеем основания толковать непременно как окончание мн. числа, хотя такое образование племенных названий отнюдь не исключается.

Первичная форма ღყი-m (↖ Sqi-m) как будто имеет параллельную разновидность, точно с показателем мн. числа -r в названии мыса I-skur-ia, I-skur-ღe, где предполагаются остатки Диоскуриады.⁶ Здесь мы сталкиваемся с совершенно особым глоттогоническим обстоятельством помимо того, что между Диоскуриадой и названными местными терминами существуют еще не вполне разъясненные соотношения, между прочим все еще остается сомнение, совсем ли независимо от греческого термина Διόσκουρσι местное название Iskuria и т. п. То же совершенно особое глоттогоническое обстоятельство состоит в том, что в основе Iskur-ღa, Iskur-ia и т. п., названии прежде всего реки, некогда этническом термине, отложилось название собачьей породы, тотемного животного, и его отождествление с племенным названием скифов чрезвычайно затрудняется, пока

¹ Ук соч., стр. 204.

² Это плавный п, появляющийся в языках шпильцев группы (мегр., чавск.) перед зубными.

³ Ук соч., стр. 204.

⁴ Здесь -ur, быть может, не грузинский и даже не мегрельский суффикс, а имя сущ.; в таком случае естественно бы в нем усмотреть яфет. og- || ur- ← bog || bur 'вода' → 'речка', см. N. Marr, Le terme basque «badagara» 'loutre'. Вопрос о грузинской мове ღყიm-ur-1 требует особого рассмотрения, вероятно, уже в плоскости грузинской морфологии, см. И. А. Орбели, ук. соч., стр. 205, прим. 1.

⁵ В живой речи и Kudə

⁶ И. А. Орбели, ук. соч., стр. 201.

история термина «собака» не выяснена окончательно, до дна, палеонтологически.¹

Сугубое образование мн. числа с показателем множественности на втором месте, при том в форме абхазского суффикса мн. числа на -га, мы имеем от основы *sqi-* в этническом термине *sqi-d-*га, сохраненном ахеменидскими клинообразными надписями,² где он основательно толкуется как название одного из скифских племен, даже как племенное название самих скифов: Йенсен (Jensen) термин отождествлял с Геродотовым — *Σκολοται*.³

Поразительна в первичной форме мн. числа на -т — *θqo-t* → *θq̄u-t* сохранность губного т без подъема в *p* → *b* → *φ*, как ожидали бы мы в живой речи, если не в виде архаичного *p* — **θqo-re*, то позднейших *b* или *φ* — **θqo-bi* → **θqo-φi*, когда особенно начальный согласный не на низшей ступени, т. е. когда чистая основа гласит *θqo-* → *θq̄u-* вм. *sqo-* → *sq̄u-*.

Чистая основа *sqo-* → *sq̄u-* и ее двойник *sko-* → *sku-*, как уже выяснено, есть усеченная форма слова, равнозначного слову *sak* и означающего подобно ему 'потомство', 'род', 'племя', 'поселение' и т. п.

Одна из разновидностей полной формы этого слова по шипящей группе должна была звучать *skol*, и, очевидно, мн. число от него с зубным показателем множественности -т с окающей огласовкой по шипящей группе на первичном ее месте, следовательно, в общем с окончанием мн. числа на -от и имеем в том этническом термине *skol-ot*, каким, по Геродоту, именовали себя скифы.

С нашим разъяснением отпадает этимология Сухума, обстоятельно изложенная И. А. Орбели,⁴ но еще вопрос, отпадает ли надобность в ней, пока не разъяснена генетически история приурочения культа близнецов к району Сухума.

Сейчас нам важно отметить, что *kol* → *ku*, основа этнического термина *kol-q̄*, представляет разновидность по спирантной, собственно спирантно-шипящей лингвистической норме архетипа *skol* → *skul*, основы нашего племенного названия *sku* || *шк̄и*. Имеются усеченные формы в спирантной разновидности *kol-* → *ku-*, именно *ko-* → *ku-*. Как св. *gual* → *gua* 'мальчик' спирантного строя сванской речи есть эквивалент мегрело-чанского *squal* → *squa*, так полные формы *kol* → *ku* и усеченные *ko* → *ku* суть разновидности той же спирантной среды, уравновешивающие полные формы *skol-* → *skul-* и усеченные **sko-* → *sku-*. Как *sku*, resp. *skual* (→ **sgual* → *squal*) означает 'сына', так и *ko*, притом на Кавказе у яфетидов адыгеев или черкесов в Кубанской области это звучит *ko*, а у басков, утративших гортанный аффрикат, *ko*, у последних в фамильных названиях. Как от *sku-* и *skol-* с различными суффиксами мн. числа, то зубным *skol-ot*, *sku-za*, то губным — *skol-op* и т. п., мы получаем этнические термины, служившие племенными названиями или эпонимными именами этнического происхождения, так от *kol* → *ku* и *ko* → *ku* имеются этнические термины, образованные с помощью различных показателей множественности: *q̄*, *n*, *ma*. Они-то и появляются

¹ Лишь отчасти задается этот вопрос в нашей работе *Le terme basque «ndagara» 'loutre'*.

² НК а, 29

³ *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, VI.

⁴ Ук. соч., стр. 204.

в качестве племенных названий, частью отложившихся в географической номенклатуре края, как то *ko-l-č*, *ko-ban* → *ku-ban* и т. п., не исключая и *Hu-pan-es* (*Hu-pan-es*). Не мешает отметить следующее: в местном лфетическом произношении и *ko-ban* звучал *ko-ban*, что у сванов сохранилось в виде *kwa-ban*, т. е. с абхазским, мегрельским и грузинским раздвоением *o* в *wa*,¹ чем выявляется еще ярче соответствие этого слова *kwa* мегрельскому *squa* 'сын'; *kwa* также, как *ko*, означает 'сына', и в этом значении его находим в длинном ряде фамильных названий Абхазии и Мегрелии, напр., *Ingo-go-kwa*. Но слово *kwa*, двойник *ko*, сохраняло и значение племенного названия, спирантного эквивалента сибилантного *sqo-* / *šqo-*, основы не только термина «скиф», но и названия скифского некогда города Сухума, по-грузински *Šqo-m*. Потому на абхазском языке, как спирантном, слово *Kwa* без всякого показателя множественности или иного суффикса с причацей лишь абхазского префикса *a-*, т. е. *A-kwa* есть единственное название города Сухум. Потому же *Kwabap* или *Kobap*, уже с суффиксом мн. числа *-ban*, равнозначным, напр., суффиксу *-ša*, иначе нельзя понять, как 'скифы', а потом 'страна скифов'.

Благодаря той же спирантной разновидности названия сколота-скифа, притом в полной уже форме основы *kul*, мы получаем возможность провести знак равенства между скифом и саком в том определенном районе Армении, где, во-первых, находилась область с названием *sak* или *šak*: *Šakameun* || *Šikameun*, *Saka*,² и где, во-вторых, *sak* в нарицательном уже его значении 'сын' входил и в состав названия более обширного края *Si-sak-an*, с населением, по преданию, происшедшим от родовачальника по имени *Si-sak*, т. е. опять-таки с тем же *sak* в нарицательном значении 'сын' в составе.³ Здесь, как было разъяснено, армянское население до сих пор сохранило этническое название *sak* с озвончением первого согласного и окающей перегласовкой — *zok*, и название главного или центрального населенного пункта этих зоков-саков поныне гласит *A-kul-is*, в чем имеем спирантную разновидность этнического термина *kul*, эквивалент чистых тем *skol*, resp. *skul* → *sku* || *šku* основ *skol-ot*, *sku-ša* (*Σχύ-θα*), *a-šku-za*, с префиксом *a-*, как в *a-šku-za*, и суффиксом *-is*, окончанием мн. числа сибилантного типа, также как все в том же *a-šku-za*.⁴

Основа термина *skwš* или как племенного названия скифов, или как нарицательного слова, означающего 'отрок', послужила для образования ряда имён, собственных или нарицательных. В личных именах имеем не только *Σχόλοτος*, имя скифского царя, но ту же основу с губным показателем множественности

¹ Сванская норма: *o* || *we*.

² См. выше, стр. 20.

³ См. выше, стр. 20.

⁴ Требуется, впрочем, еще исследование, имеем ли в *-is* группу из вращенного характера им. падежа *-i* || *-e*, относящегося к основе и показателя множественности *-s* (*kul+e/i-s*), как это можно с точки зрения древнелитературной армянской морфологии, в которой к тому же *s* стал окончанием специально мн. падежа мн. числа, или это сохранившееся с нашим термином пережиточное у армян окончание мн. числа *-is* (|| *-es*), как, напр., в древнелитературном грузинском названии Мегрелии — *E-gr-is*, образованном при том же суффиксе с префиксом «*e*», эквивалентом префикса «*a-*» в *A-kul-is*. То, что армяне воспринимают *A-kul-is* как образование по древнелитературной армянской морфологии и соответственно склоняют (род. пад. *Akul+e-aš*), ничего не решает по палеонтологическому термину.

р в м. зубного в качестве имени Skolo+p-it-us,¹ да и без всякого показателя множественности с ослаблением и в w — Σκόληης, имя скифского царя.² С зубным показателем множественности t (→ d → џ) при обычном яфетическом подъеме s ↗ џ получено грузинское прилагательное ღჳwl-t-1 'проворный', 'быстрый', имеющее целый ряд сродных разновидностей по свистящей группе в различных языках Кавказа, но здесь во всяком случае яфетическая семасология нас приводит опять к нарицательному слову со значением 'отрок', как основному понятию.

Привлекая три-четыре примера из реалий, мы несколько остановимся на названиях оружия, по тем или иным причинам связывавшихся с этническим творчеством скифов или во всяком случае носивших яфетическое наименование.

По Дионисию Периегету, саки по течению Яксарта «стрелами бьющиеся, изо всех стрелков в мире самые искусные, наудачу стрел не пускающие».³ В связи с этим нельзя умолчать о том, что названия и лука, и стрелы у кавказских яфетидов носят племенное название скифов.

По-грузински 'лук', по-свански 'стрела' называется «скифом», притом у сванов чистой усеченной основой в подъеме — ღჳი (↖ *sǵi ← sku) — ღჳwl 'стрела',⁴ а у грузин ее соответствием по норме свистящей группы (ш || sk, resp. шq), представленным, однако, не только в полном виде, без усечения исходного коренного шл- ← швл-, но и в форме мн. числа с зубным показателем множественности (d) — швл-d-1 'лук'.⁵ У мегрелов это же название скифов, также полностью, но в разновидности шипящей группы (шq ← sk ~ ш) и без показателя множественности — шqvl-1 — означает 'лук',⁶ а в другой разновидности sak — служит основой мегрельского названия стрелы — sag-an (← sak-an).⁷

Sagar В. В. Григорьев использовал для подкрепления своей мысли о славянском, до разделения с литовцами, происхождении саков: В. В. Григорьев отождествлял его с русским «секира», производя его от глагола «сечь» в смысле 'рубить'.

О связи русск. «секирь» и лат. «securis» с глаголами «сечь», «secaге» говорить преждевременно, поскольку форма на -г || -г в названиях оружия пока не установлена. Преждевременно прибегать к такому объяснению национального сакского названия, пока не исчерпаны все средства для истолкования его как

¹ Юстин, 2, 4. Если не в данном случае, то в иных rit в составе имен имеется возможность толковать яфетидологически, как целое слово в значении 'отрок' (г. bit-1).

² Герод., IV, 78.

³ Geogr. Graeci Minores, т. II, стр. 151.

⁴ В парском говоре -ღჳი, в энгерском (э), парском (п) и лахамульском (х) говорах ღჳwl-ღემღ 'стрела и лук', в лашхском — ღჳwlღემღ id. и т. п. Любопытно, что ღჳwl 'стрела' стало означать 'пулю' в тех же говорах — э, п, х. Отсюда и грузинское tkvi-a (← *tkvi-a) 'пуля' ↖ *skvi-a. По спирантизации сибиланта в начальной группе *sǵi (↗ ღჳ), та же основа sǵi (↗ ღჳ) в абхазском дала ღჳ (← *hǵi), что самостоятельно употребляется в значении 'пуля', в составе с ჳа—ა-ღ-ღჳ в значении 'стрелы' и в составе с ჳა—ა-ღ-ღჳ в значении 'лука'.

⁵ Поскольку в названиях населенных пунктов мы вскрываем этнические термины, название города Sa-sh+shvl+d-e (арм. Sa-sh+shov+t) могло бы быть истолковано как 'резиденция скифов'.

⁶ Впрочем, и в мегрельском термине появляется qa-shqvl-1 'роговой лук' с показателем мн. числа — шqvl-d 1 || швл-d-1.

⁷ М. qa-sagan-1 'роговая стрела'; отсюда и г. saqan 'мишень для стрелы', 'цель', 'предмет'. Касательно формы на -an ср. sak-an при анализе Szakan (выше, стр. 20).

термина этнического происхождения: в предметах материальной, да и духовной культуры приходится серьезно считаться со словотворчеством с помощью племенных названий. Так, напр., 'сабля' по-грузински lek-ur || lesk-ur, букв. 'лезгинское (оружие)'.

Точно также sag-ar, гесп. sak-ar, имея двойник с суффиксом -ur (→ -ər), именно sak-ur 'секира', происходит от племенного названия sak'ov. Форма sakur сохранилась у армян, у которых это слово в древнелитературном языке означает именно 'боевую секиру'.¹

У Хоренского слово появляется с ослаблением и ↘ ə, причем оно следует склонению плавногогласных основ.

Вооруженные этой боевой секирой именовались sakərawog.² В генезис слова сейчас не входим: термин может быть по корню связан и в яфетических языках с глаголом, означающим 'резать',³ но это отнюдь не освещает палеонтологическую историю термина, этнокультурного.⁴

Как скифское слово яфетической морфологии, оно, повидимому, получило распространение не только у славян и римлян, но и у семитов: у сирийцев sekur-ā 'секира', что у латинян «securis». Такое широкое распространение яфетических названий не только в металлургической терминологии, но и в предметах материальной культуры из металлов это факт, независимо от того, скифское то или иное слово или не скифское. Мною уже прослежено распространение названия железа gkpa || kpa, одновременно и племенного названия, из яфетического мира в семитической. Более полная форма основы этого слова по сибилантийной ветви — skin (~ gkin) при спирантной разновидности kin (← *hkin): от kin по спирантной разновидности имеем названия копья у грузин с суффиксом -ep — kin-ep и с префиксом a- и суффиксом -ak — a-kin-ak 'копье'⁵ в том же значении. Собственно, это значит 'железо', а вид оружия зависит от бытового употребления, посему a-kin-ak у греков, называющих это слово персидским, известен со значением 'меч': Мейр (Meyer) замечает (Handbuch der griechischen Etymologie, Lpz., 1901—1902): «Also ein persisches Wort, dessen Originalform noch nicht aufgefunden zu sein scheint»,⁶ но его и не найти никогда, если персидский понимать в смысле видового значения арновропейского языка Ирана.

Сибилантийная разновидность askin также известна была грекам в передаче ἀξίνη со значением 'топор', собственно опять-таки 'железо': с расклиниванием группы qs в основе aqsin имеем яфетический эквивалент лингвистической среды

¹ Слово наблюдается в форме sakur у Фауста (венск. изд.), V, 32, стр. 238, 33; 239, 34; у Хоренского — III, 28, стр. 290, 10 et pass.

² Фауст, стр. 239 et pass.

³ 'Резать' г. tar (от tra) || и. tkor- ↘ шkor- || skor-, при расклинивании sakur и т. п.

⁴ Поскольку благодаря расклиниванию (или подногласию) sagart представляет видоизменение архетипа skart, как на материал, относящийся к вопросу о нем, может быть указано на его разновидность по свистящей группе (ш || sk, с || a) — шерт- 'секира', основа армянского слова шертawog (Фауст, III, 7, 20, Хоренский, I, 24 (25), стр. 72: շերտաւոցի է սակեր եւ է տէգ նիդակի գանեաւը), синонима sakərawog.

⁵ Это слово предполагалось заимствованием из греческого.

⁶ Для Бузака (Boisacq), s. v. ἀξινάκης, это «cimeterre» sabre recourbé à deux tranchants des Perses et des Scythes» также «mot iranien». По мнению Б. В. Фармаковского назывался персидским акинак, так как им вооружен воин на Бейстунских рельефах, хотя вооружен-то им именно скиф.

гибридизованного племени *kasin, откуда арм. kašin 'топор', арб. خصبين 'топор', сир. كسبينا 'топор' и т. д.¹

Индоевропейско-лингвисту кажется, что в латинском заимствовании «ascia» из askina, сохраняющем правильно первоначальное расположение группы sk, надо исправить в «*ascia».² Было бы еще более уместно сейчас, как уже говорилось, вскрыть яфетические основы, хотя бы формальные, скифо-сакских имен, не смешивая их с сарматскими, как, напр., имени Sak-uk, в котором имеем яфетическую форму личного имени на -uk → -ug, составляющую особенность вообще «эламской» морфологии, но присущую определенной группе и кавказских яфетических языков, так, напр., сванскому, именно в личных именах.³

Наконец, один пример по этногоническому словотворчеству в связи ли с названиями определенных племен или, насколько дело касается первобытных времен, в связи и с религиозными представлениями о сродстве металлов с небесными светилами.

Использование этнических терминов в качестве нарицательных в связи с производственным хозяйством племен и, повторяю, одновременно с их культом — тотемически — у яфетидов уже наблюдаются в различных категориях семасиологии.

Известны и частью уже разъяснены такие случаи с названиями металлов, как kina, resp. kina 'железо',⁴ от яфетидов перекинувшееся к семитам, одновременно этнический термин, название канитов или чанов, или отложившаяся в греческом языке в виде χαλκός 'медь' яфетическая основа qal-k в форме plurale tantum, разновидность яфетического же plurale tantum qal-ub → qal-wb ~ qal-ib, отложившегося в эллинской речи в качестве этнического термина Χαλβύ-. У яфетидов, точнее у яфетидо-ариевропейцев, — именно армян, то же племенное название мы имеем с зубным яфетическим показателем множественности в форме -te || -ti, именно qal-ti, resp. qal-te, часто у них же дополнительно с древнелитературным показателем множественности — qal-ti-q, а у греков опять-таки Χαλδαίσι, отложившееся с течением времени в виде названия народа того же района, где жили халибы.⁵

В связи с такими же словами племенного хозяйства равным образом в металлургической терминологии армян для нашего вопроса представляет немалый интерес название 'золота' oski: основа слова двух эпох, одна — o-sko → o-ski, другая — o-ske → o-ski. Имею основание утверждать (и тому не противоречит свистящий звук армянского слова), что в термине этом мы имеем оформление по норме шипящей группы яфетических языков, именно префикс o- вм. a-. Слово

¹ Кажущееся искусственным расклинивание группы ks, получившейся от перестановки sk, это обычное, совершенно естественное явление в соответственной гибридной языковой среде, и оно происходит по типу gezel 'сын' у сванов в их гибридном спирантно-шипящем языке, где история этого термина представляется формулой: gezel ← *gzal ∞ *zgel || *zgay, resp. skay → sgya. Sgya в значении 'сын' также сохранилось в сванском рядом с gezel.

² Не стоит тратить время на ознакомление с той или иной индоевропейской праформой этого яфетического термина вроде той, что выставляет Прелльвиц (Prellwitz) *ag(ō)sia, см. также Boisacq, s. v. (hom. ἀγίω); по существу то же самое («ascia»), A. Walde², s. v.

³ Н. Марр, О «Набарнугии», мирском имени Петра Ивера, ХВ, т. VI, 1917, стр. 95—97.

⁴ Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, I, Происхождение най'к'ских слов: e-kin 'небо', e-kaš 'железо', ar-ад 'с ребро', bašw 'сло', ИАН, 1911, стр. 137 сл.

⁵ Н. Марр, Грамматика древнеармянского языка, § 109, 8.

к армянам пришло, по всей видимости, через лингвистическую среду шипящей группы, где заодно группа *sk* могла звучать нормально и *шк*, следовательно, все слово могло гласить *ошкі*, что действительно сохранилось, во-первых, в качестве названия известного населенного пункта на верховьях Чороха, откуда это название с грузинскими афонскими деятелями, выходцами из этого района, перекочевало на Афон и в качестве названия первого грузинского поселения там, где впоследствии возник Иверский монастырь. Первым называю это географическое название, так как в нем имеем отложение этнического термина.

В древнелитературном армянском сохранилась более архаичная разновидность основы *oski*, с огласовкой и вм. *i*, *osku*, что проявляется в косвенных падежах — родительный *o-skw-o-y*, творительный *o-skw-o-w* и т. п., т. е. интересующая нас часть звучит *o-skw*, без префикса — *skw* ← *sku*. С другой стороны, в грузинской, да и вообще в чистой яфетической речи исходный *i*, равно его архаический представитель *u*, будучи одновременно и характером именительного падежа, мог восприниматься как падежное окончание, и основа, напр., *o-шкі*, гесп. *o-шкi*, сойти на *ошк*, что, во-первых, мы видим в названии села на Чорохе, в районе халибского и халдского населения.¹ Во-вторых, тот же *ошк* в виде *шк* с сванским суффиксом уменьшительных или ласкательных имен *-ul* мы находим в названии *Uшк-ul*, известного села в Свании рядом с селением *Qal-de*, также с пережитком этнического термина в наименовании, притом этнического термина, равным образом связанного с занимающим нас околотком Чорохского бассейна. Название сванского села отнюдь не потеряет для нас интереса, если в нем ковенное *-ul* будет толковаться не как сванский суффикс, а как органическая часть основы, т. е. в названии получим основу *шкul* (|| *skol*) с префиксом *u-* (|| *o-*); следовательно, названиями этих двух сел *Uшкul* и *Qal-de* свидетельствуется эмиграция двух племен металлургического района из бассейна Чороха на берега Ингура в Свании, где только война 1914 года помешала пачавшейся разработке золотой руды недалеко от названных сел.

Разыскания Ипствгута археологической технологии при Российской Академии истории материальной культуры в его геологической секции или в секции металлов могли бы возбудить вопрос, не находится ли не только на Чорохе, но и в Свании появление слова *ошкі* (\ *oшкi*) || *шкul* в качестве названия села в связи с местонахождением золота в тех же пунктах. Во всяком случае позднейшая усеченная основа того же слова с потерей даже ее огласовки и \ *i*, принятой за именное окончание, именно *ошк*, в значении 'золота' сохранилась в производном от него слове **ошк-а-гап*, означавшем 'хранилище (-гап) золота (ошк)'. Этого чисто армянского образования с обычным древнелитературным префиксом *гап-* не досчитываемся в памятниках армянской речи ни письменной, ни устной, но его находим у грузин с особенностью их произношения, раздвоением начального *o* в *va*, в виде *вашкагап-и* в св. Писании² в значении 'сумы',

¹ По спирантизации первого согласного *sk* || *шк*, гесп. *шкi* без особого префикса *š*1 → *š*1, в абхазском означает 'золото': *a-š*1, едн.ч. *š*1-k

² По Чуб. 2 Быт. 42, 27; 44, 8; Мф. 10, 10; Лк. 22, 35. Цитируется еще Пр., 1, 12, но ничего подобного в доступных мне подлинниках нет.

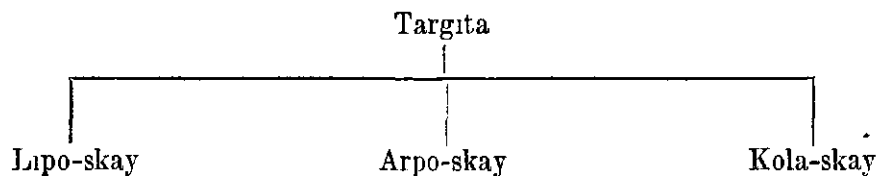
‘мешка’ (первоначально: ‘место хранения золота’). И вот этот металлургический термин $o-sku \searrow o-ski$, resp. $o-sku \searrow o-ski$, означающий ‘золото’, есть одновременно не только просто неопределенное племенное название, но племенное название скифов: в $sku \searrow ski$, resp. $sku \rightarrow skw$ имеем чистую основу термина $\Sigma\kappa\acute{o}\delta\eta\varsigma$, появляющуюся и в виде ski , с префиксом $i-$ в разобранном уже географическом названии из халдской надписи $I-ski-gulu$, и в виде sku в ассирийском племенном названии $a-sku-za$, также яфетического происхождения — с суффиксом мн. числа $-za$ и с префиксом именным $a-$, эквивалентом префикса $o-$ шипящей группы.

Итак, этнический термин $\Sigma\kappa\acute{o}\delta\eta\varsigma$, мало сказать, что яфетического происхождения и по корню, и по основе, и по формативу; мало сказать, что он имеет давнишнее распространение в яфетических странах, еще до момента исторически засвидетельствованного вторжения скифов, очевидно, одного из громких эпизодов позднейшей мировой их истории, в Переднюю Азию; он давно неразрывно врос в пережиточный слой географической номенклатуры Кавказского края. Более того, у кавказских яфетидов и полуяфетидов основа термина отложилась в речи в качестве названия золота, со скифом в их представлении связывалось добывание золота, золотых дел мастерство в широком смысле слова, вообще золото, и так как полная основа этого племенного названия $skol$ есть лишь разновидность основы kol племенного названия $kol-q$, то путем лингвистической палеонтологии мы добираемся до глубоко лежащих слоев народного мифотворчества, давших основание возрасти сказанию о походе за колхидским золотом.

Ашкиза послужил предметом обсуждения ряда востоковедов.

Винклер (Winckler) предполагал в слове термин ему подсудный для семитологического анализа. Любопытно для характеристики легкого отношения к формальной стороне дела его следующее примечание: «Имя ассирийцами пишется $A\check{s}-gu-za-ai$ (Assarhadon) и $I\check{s}-ku-za-ai$ (Солнечный оракул), дело при первом гласном явно имеем лишь с полугласным, предпосылаемым семитами каждой начальной паре согласных, эльф-ул-васл'ом, так что имя звучало $skuz$, что естественно легко могло быть уподоблено термину $\Sigma\kappa\acute{o}\delta\alpha\omega$.¹

Скользнем лишь слегка по народным генеалогическим преданиям о населении обсуждаемого района в свете яфетидологического анализа, как они записаны у Геродота и как они отразились в местных мегрельских сказках. У Геродота в основе родословия скифов следующая таблица в яфетическом воспроизведении по-гречески транскрибированных имен, в которых помимо надбавки окончания $-z\varsigma$ наблюдается обычная передача группы sk звуком ξ :

¹ Altorientalische Forschungen, первая серия, I—VI, 1893—1897, Лейпциг, 1897, стр. 488, прим. 1.

Targita это составное слово, означающее 'глава таргов', или таргов, или тергов, т. е. черкесов. Родоначальником выдвигаются, следовательно, черкесы, а производятся от них Lipo-skaу, дети Lip'a, или Lip'ы (арм. Լիբ), т. е. племя лезгинского происхождения, Arpo-skaу, дети Agr'a, т. е. \surd haгma ~ sarma, т. е. сарматы, и kola-skaу, дети кола, т. е. колхи, родоначальник которого, по Геродоту (гл. 5), и получает в наследие золото. Каждое из перечисленных имен скифского родословия в передаче Геродота есть племенное название, связанное с целым рядом сродных терминов, но мы довольствуемся указанием, что по этой традиции в скифское племенное объединение входят по нынешней терминологии северо-кавказские яфетиды, действительно имеющие связь более тесного родства друг с другом по природе и с колхами и сарматами по скрещению, как то выявляется палеонтологическими разьянениями и в языках их и в языках мегрелов и грузин, этих эпигонов колхов и сарматов.

На Кавказе в местных письменных источниках времени Геродота нет родословия интересующих нас племен и народов, но отраженными историческими событиями племенной жизни кавказские сказки, когда в них оказываются ее отложения, вскрывают не менее глубокие перспективы древности.

Такова одна мегрельская сказка.¹ Она также дает почву для разнообразных этнолого-лингвистических разьяснений, но в мегрельской сказке с ее мифическими или животными героями сейчас мы отметим лишь мифологическое изображение генеалогии исторических народов восточного и северо-восточного Черноморского побережья.

Дело идет о сказке, которую мы озаглавили бы Gera; так, впрочем, и пометил ее в оглавлении своей хрестоматии покойный И. А. Кипшидзе — «О „Герпа“, единственном сыне бедняка». Однако имя Герпа вовсе не простое нарицательное слово 'волчонок', как обыкновенно толкуется, а этническое название мегрелов, эпонимный герой мегрельского народа: его форма — форма фамильных названий, общая с формой племенных названий, а в связи с ними и стран. Как название народа, термин может означать и племенного бога, или тотем, но будет ли это 'волк' или другой зверь, напр., 'дракон' или 'вишп', пока оставляем нерешенным.² Если речь о змее-вишпале, то мегрелы в таком случае выводятся нашей сказкой борцами эламского божества в схватке со скифским объединением из трех племен, как у Геродота, с той разницей, что у мегрелов родословие изложено сказочно, в одном эпизоде, уже приводившемся мною в работе «Faqonđ-i осетинских сказок и яфетический термин faskunđ 'маг', 'вестник', 'вещая птица'».³ Эпизод сам обычного сказочного характера, хорошо известный и из русских сказок, но в мегрельской сказке исключительный интерес представляет связь столкнувшихся героев, как будто героев из животного мира, на самом

¹ А. А. Цагарели, Мингрельские этюды, I, стр. 18—25; И. А. Кипшидзе, Хрестоматия мингрельского языка, стр. 31—35.

² Gera значит 'волк', а gweri 'змея' по-мегрельски, но по-чански и gweri значит 'волк'. Вопрос идет о выяснении связи палеонтологически и между названиями 'волка' и 'змея'.

³ Ovetica-Jarhetica, I, ИАН, 1918, стр. 2092—2093.

ного моря до Закаспийской области, Туркестана, Персии и Малой Азии, но вопрос становится еще более важным и сложным, поскольку он этнологически связывается с Кавказом. Он был бы таким «еще более важным и сложным», если бы эта этнологическая связь касалась лишь названия, во много более реальные духовные и вещественные связи с Кавказом, и это вынуждает еще раз указать на большую важность и сложность скифского вопроса, чем то представляется при современной постановке в научной литературе.

Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси¹

«Кто поедет прямо, будет всю дорогу и голоден, и холоден; кто вправо поедет, будет жив, да конь его умрет; а влево кто поедет, сам умрет, да конь его будет жив».

Собираясь прочитать сказку, яфетическую сказку, я не мог не предварить ее присловием из сказки о трех путях: наш путь со смертью для ездока, но с жизнью для коня — яфетического коня (кстати, «конь» — яфетическое слово, также как «лошадь»). Надо жить коню: конь доведет.

Однако у меня совершенно искренняя претензия на научность моей речи, и без эпиграфа ученого характера не обойтись. Беру слова Костомарова по сюжету моей темы:

«В нашей летописи... мы встречаем известия о древних родоначальниках, которых источником не могло быть ничто, кроме преданий».² «Сказание об основателе Киева есть драгоценное известие».³

На самую необходимость считаться серьезно с этими этногонимическими сказками русских летописей обращал внимание еще Ломоносов: «Владѣтели и здатели городовъ въ предѣлахъ Россійскихъ извѣстны по Нестору въ Полянехъ Кій, Щкъ и Хоревъ; Славянъ Новгородскихъ по лѣтописцу Славенъ и Русь. И хотя въ ономъ лѣтописцѣ съ начала много есть извѣстий невѣроятныхъ, однако же его откинуть невозможно. Баснь о претвореніи Словенова сына въ крокодила сходствуетъ весьма съ тогдашними обыкновеніями».⁴

Совет Академии истории материальной культуры меня почтил предложением занять внимание сегодняшнего годового собрания речью по моей специальности. Совет благодарю за честь.

Тема: «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси». Значит, не совсем по моей специальности? Напротив, — к теме подхожу яфетидологически. Из заглавия, для краткости, выкинут подзаголовок — «Скифское предание в яфетидологическом освещении». От этого мое дело хуже: у меня возникло сомнение в том, располагаю ли я вообще речью для изложения темы.

Из газетного сообщения мне стало известно, что я занят исследованием единого языка человечества, более того — работаю над созданием международного языка. Многих это скандализовало. Между тем, единство языка будущего человечества, именно созданного языка, для всякого, подошедшего к разумению реальной истории человеческой речи, не может представить ничего фантастического: оно неизбежно. Что же касается трудностей, то, конечно, такое предприятие сопряжено с невероятно сложным и длительным разысканьем, но все-таки его, на мой взгляд, куда легче довести до конца, чем создать единый язык ученых, ученых гуманитаристов.

¹ Речь, произнесенная на торжественном годовом общем собрании Академии истории материальной культуры 18 мая 1922 г. [Напечатана в Известиях ГАИМК, т. III, стр. 257—287.]

² Исторические монографии и исследования, т. XIII, стр. 35—36.

³ Ук. соч. стр. 38.

⁴ Краткой Россійской лѣтописецъ съ родословіемъ, 1760, § 6.

Остается сказителю сказок подойти к собранью слушателей фольклористически, обратиться с одной язветической поговоркой:

«В чью лодку садишься,
Того песню пой!»

Правда, у нас песня еще не сложилась, чтобы предлагать кому-либо ее петь (и сложится ли она у нас? и когда это сложится?), да и суденышко наше — слишком утлая ладья, чтобы удобно разместиться садящимся в нее, однако на час прошу терпения, чтобы отнестись к чужой песне в процессе ее сложения со вниманием, рекомендуемым абхазской поговоркой. Поговорка из бытовой речи отважных некогда моряков — кавказских басков. Кавказские баски¹ когда-то совершали не менее успешные морские предприятия, чем пиренейские баски, в свое время прославленные китоловы. Но у Черного моря исторические традиции больше колебались, сильнее сбивались: у кавказских басков, давно отторгнутых от моря, совершенно исчезла из памяти прародительская связь с морской жизнью, с родным Понтом. Память им изменила в такой же степени, как русским в их доистории: у русских не живет предание о том же, им не менее родном море, как русском море, русском буквально, этнически-русском и этнически-скифском, греками обращавшемся то в Аксенское, то в Евксинское море; забыв исторически не только о русском-Евксинском море, но и о Хвалынском море, также родном им в так называемые доисторические времена, русские лишь материально натапливаются, точно против воли, на природное, племенное свое влечение к морскому простору, или ищут, ищут, искали в степях его удовлетворения. Для осознанного проявления в жизни природных племенных влечений русского народа все же нашелся человек, казалось бы, менее всего подходящий для роли подлинного русского творца — Петр Великий. Но кто всколыхнет так глубоко целину почвы, над которой уже надстроена русская историческая наука, чтобы увидеть во всей жизненной реальности из-под ряда позднейших наслоений основные, первичные, племенные слои в составе коренного населения России, т. е. племенные слои доисторических или протоисторических эпох, не только скифский, но и ионийский, и даже этрусский, или урартский, т. е. тот же русский, и еще иные, и еще иные? Однако русский народ, не помнящий своего русского родства, прародительских изначальных источников, еще тогда весьма сложно сплетенных, не представляет исключения. Не больше помнят персы не только о своей протоисторической, но и о целых двух бесспорно исторических, всему миру известных эпохах. Не помнили и древние греки своей протоистории. Да и современный просвещеннейший европеец, хотя бы член ученого учреждения в Париже, так же мало имеет средств знать и понимать язык древнейшей географической номенклатуры родной Франции, наследия доистории края, даже названий Сены и Парижа, как проживающий в кавказской одичалости народ мало осведомлен бывает об истории названия реки, на которой он живет, часто с доисторических времен. В забвении подлинных начал родного мира тем или иным народом сказывается не какая-

¹ Ныне они именуется искаженно «абхазы», в древности назывались «а-баски» *Аваски.

либо национальная или расовая его черта и менее всего недостаток в материалах, а отсутствие жизненного интереса и связанный с ним дефект научного мышления, беспомощность наших избитых научных подходов и научной техники.

Ведь весь вопрос собственно — этнологический, и кто не согласится с тем, что мы в России — это факт — изнемогаем от тяжести, обилия этнографического материала: русская земля стоном стонет, не со вчерашнего дня, от бремени многоплеменности, до сего дня все ищущей, чтобы ее привели в какой-либо порядок.

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами». «Слова простые, краткие и сильные», восклицает, приводя их, Карамзин, забыв прибавить: «в России — более вечнозеленые, чем хвойные леса». Карамзин имел в виду протонисторическую эпоху русской государственности. Мы же имеем в виду нечто другое, не только хронологически. Мы имеем в виду и не то или иное государственное состояние, это касается не нас, а политики, а ее царство переходяще. Мы имеем в виду наше научное строительство. Я хотел было сказать: «это владычество вечное», но неправда. У науки нет вовсе владычества вечного, она сама в вечном движении, пока не перестает быть наукой, она не «владычество вечное», а «строительство вечное», и для этого же строительства по сегодняшней теме — по действительно начальной истории страны, сложению ее населения «земля наша велика и обильна материалами», но мы ждем, от мала до велика, кто бы пришел княжить и владеть у нас лучшими из человеческих достоинств, творчеством в науке, творчеством даже в такой науке, как наука о зачатии русского народа, начало русской истории. Впрочем, надо оговориться: он уже пришел, этот знатный иностранец, лингвистический индоевропеизм, созданный на Западе и завладевший русской научной мыслью до невероятной степени ослепления и равнодушия к окружающей яркой русской действительности.

Что можно представить себе более сильное по яркости и где в иной из просвещенных стран такое невероятное разнообразие этнографического материала, такое обилие материализованных в самой жизни доисторических реальностей, как в России? Языки или наречия с их конкретно ощущаемым звуковым составом и словосочетанием, словесность со сказками и мифами, ошеломляющий еврейца-горожанина быт, окружающая нас живая и мертвая материальная среда, не исключая и повседневно используемых нами имен и названий, названий самых близких русскому народу, самых для него интимных, с печатью изначального события с ним, — все это и многое другое неудержимо тянет нас к далеким и сложным началам русского народа, между тем по драгоценной, занесенной в летопись хотя бы лишь в XI в. русской легенде о возникновении матери русских городов, не ведется до сих пор этнологически научно поставленной в строго определенном общем плане исследовательской работы, нет вообще научной литературы.

Да и в тех областях, где такая работа велась усиленно, например, в былинах, спасая это доисторическое наследие от исторического их восприятия, мифологическая школа искала генезиса сюжетов и имен в глубокой древности того общиндоевропейского языка, который есть теоретическое создание ученого мира

XIX—XX вв., так же абсолютно не конгенитальное с реальными началами русских былин, как и с первообразами гомеровских творений.

Показания летописей об «биталище полян»,¹ в числе их и сообщение «о месте поселения здесь легендарного основателя Киева — Кия и его братьев», одному исследователю дали основание «происхождение этого племенного названия», т. е. полян, признать докиевским,² но, повидимому, сама легенда об основании Киева Кием, Щеком и Хоривом представлялась покиевской, между тем ее происхождение не только также докиевское, предшествующее построению исторического Киева, но оно предшествует многим векам составу населения Руси в IX в., хотя также, допустим, трехплеменному еще с VIII в.,³ как устанавливается он на основании мусульманских восточных писателей IX—X вв., русских летописей и отчасти археологии и филологического подхода к палеонтологии языка.

И здесь этнологическая проблема усекается перспективой начального государственного строительства на Руси, и в XX в., сорок лет спустя после Костомарова, племенное разнообразие, вопрос этнологический, разъясняется по обыкновению от культурно-исторических начал, в данном случае от трех будто одинаково племенных культур — византийской, хазарско-восточной и норманско-финской.

Между тем мы с этой легендой о Кии, Щеке и Хориве проникаем не только в докиевское и доиндоевропейское этническое состояние края, но и в его этнической жизнью созданную, с нею неразрывно связанную богатую номенклатуру. И надо бы семь раз примерить раньше, чем отрезать, и, например, племенное название «поляне» производить от слова «поле»,⁴ не чуя опасности такой явно-народной этимологии, и вопрос о племенном составе русского народа возволить к славянскому единству, к совершенно первобытно воспринимаемой этнической «чистоте славянства». Ведь чистота этнического состава славянства — миф, но миф не народный, а созданный в кабинетах, книжный, постулат лингвистической рабочей теории, построенной на средстве позднее бытовавших языковых явлений, не разъясненных генетически, да и не могущих быть разъясненными безжизненной гипотетической схемой.

Для громадного большинства собрания доклад мой может представиться заслуживающим внимания из-за темы в аспекте русской истории, по интересу, связанному с Киевом в истории России или истории Украины. Киев для нас, однако, пока лишь новый наиболее отдаленный западный пункт распространения скифов или скотов, фиксируемый яфетидологически. С этими скутами неразлучимы их двойники-тезки — саки, отложившие свое название в древней Армении у Севанского озера, в области Si-sak-an, на рубеже с Миднеем, и шхумы,⁵ населявшие северо-западную часть Кавказа, от Лечхума (Le-shkum) в исторической Грузии до Сухума в Абхазии. Если саков-скифов (а с ними и согдов-скифов) мы имеем

¹ В. А. Пархоменко, Русь в IX веке, ИОРЯС, 1917, т. XXII, кн. 2, стр. 132; см. также того же автора, Три центра древнейшей Руси, ИОРЯС, 1918, т. XVIII, кн. 2, стр. 78—87.

² Ук. м.

³ Ук. соч., стр. 136.

⁴ Этимология равноценна производству названия области Гилян в Персии от персидского gil 'грязь' или названия пиктов в Британии от лат. pictor.

⁵ По формуле: шqu-m || squ-m / ſqu-m || ſqu-m.

в направлении на восток вплоть до Средней Азии, скуты-скифы тянутся на запад до Балкан, с устремлением на юг, и до Альп и далее.

В свою очередь и скифский вопрос, весь скифский вопрос в масштабе развертывающихся яфетидологических исканий — одна из частных; с нею рядом выступают вопрос о расенах, или расах (пеласгах, этрусках, урарту), вопрос об ионах (шопах или сванах и т. д.), вопрос о касах, или каспиях (равно каситах и т. д.) и вопросы о других, не менее важных многочисленных яфетических племенах. Правда, и эти доисторические племенные образования представляют непосредственный интерес для древностей России. С ними связан не только сравнительно поздний хазарский вопрос, но и вопрос о Руси, и вопрос, пожалуй, о первоначальном населении России, когда прослеживаем места расселения ионов-яфетидов, не позднейших уже эллинизованных понян. Но и в интересе к этим отдельным этническим образованиям у нас внимание сосредоточивается, естественно, прежде всего на пределах их распространения, выносящих нас территориально за пределы не только России, но и так называемого славянского мира. Кроме того, и хронологические пределы нас обязывают не замыкаться материалами русской территории. Дело в том, — и теперь это уже бесспорный факт, — что предшествовавшее образованию новых народов и новых для того мира языков яфетическое население Средиземноморья распределено было непрерывно тянувшимися узлами. Узлы эти повторяют одви и те же группы племен в различных, самых отдаленных друг от друга районах. Что объединяло эти повторяющиеся группы? Повидимому, перерождавшаяся в племенное побратимство тотемная связь, что внушает мысль о бесконечно древней оседлости, повидимому, об исконности яфетического племени в составе населения Средиземноморья.

С другой стороны, устанавливаются незыблемые основы учения о названиях мест, в числе их положение, по которому названия гор и рек вскрывают племенные наименования древнейших слоев первоначального населения. Естественно, что тождественные географические названия, поскольку они — отложения племенной жизни, нас заставляют с Роспеею рассматривать в объединении ту или иную страну с населением тождественного доисторического племенного состава, в каком бы отдалении ни находилась эта страна территориально от России. Что древнее на восточном юге России, чем название реки Волги Rha и неразрывно связанное с ним Oar ($\leftarrow *Ohar \swarrow O-gar$)¹ и даже Lag-² и то и другое — свидетели пребывания в этом крае русского племени, как части сохранившегося в лезгинском ответвлении северных кавказских яфетидов, в Каспийском бассейне, и в отторгнутых от них rask'ax, или рачинцах, в Понтийском бассейне. Но этого мало. В географической номенклатуре этого порядка, в зависимости от первоначального племенного состава Евразии, наименования реки или рек Rha и Oar в России приходится освещать в связи с рекой Rahn в Армении и с долиной Расской или Рарской, т. е. Араратом, и Урарту там же, и в связи с этнографически

¹ По Герод. 4, 123, 124 (*Oaros), впадает в Мэотию и потому, по Форбигеру (Forbiger) (стр. 453), это приток Таваниса, им же отождествляемый с Lagus'ом Плиния (6, 77), а по Маннерту (Mannert) (IV, стр. 110), указывающему на смешение Геродотом Волги с Таванисом, это Волга, «Uzen» и Урал.

² Плиний, ук. м.

всплывающим в средние века названием реки Saône (Saucron) во Франции, названием, звучавшим Agar. В такой обстановке нам представляется весьма сомнительным (просто — так называемой народной этимологиею), когда совсем недавно ставшее известным название горы Урала, однако, всплывшее также этнографически, разъясняется как слово, нарицательно понятное на языке ныне живущего поблизости народа, без всякого учета того, что в нем безукоризненно закономерный эквивалент той же основы Ugar- или Agar- терминов Ugar-tu и Agar-at, из коих последний — название не только армянской равнины, но и всеветно известной горы. Наше яфетическое дело, однако, и с гаг'ами, или гаг'ами, на Урале не останавливается даже в направлении на восток.

Что древнее для юга России с направлением на запад, чем названия рек Тапаис || Dop, Dap-ub || Dop-aw, не говоря о гибридных названиях с тем же Dop- || Dap- или с его корнями, согласными по составу, между тем в этих названиях, в большинстве также в формах мн. числа (-a'г' +is, -ab' -av), отложилось наименование того племени, которое некогда обитало здесь, по северу Черноморского бассейна, но и по южному его побережью, равно в Малой Азии и, до образования греческого и римского народов, вообще по Средиземноморью, от крайних его восточных пунктов до крайнего запада: лиц, знающих основные элементы сравнительной фонетики и морфологии яфетических языков, уже не смущает утверждение, что согласно произносительным органам различных еще чистых яфетидов представляют один и тот же этнический термин не только Фои-ik (финикияне) и Рип-'ik', но и Ни-спри-ia и даже Роп-t, что это лишь разновидности все того же племенного названия уоп.

Черное море называлось Понтом вовсе не потому, что это в какой-либо мере исключительное море, а потому, прежде всего, что его берега были заселены, в доисторические времена, йонами или ионами: роп-t в данном отношении лишь племенное название в форме мн. числа с зубным показателем множественности, и как племенное название и отложилось то же слово в названии области Понта. И как племенное название, по тотемической семантике яфетидов, оно же и название 'вод', название 'пучины' и 'моря'. То же самое мы наблюдаем и с другим яфетическим племенным названием, именно с relasg, которое в слабо дифференцированных еще на яфетической почве разновидностях, и означает не только тотем-птицу πέλαργός 'анст', но и тотем-море πέλαγος. То же самое мы наблюдаем и с третьим этническим названием sal, в яфетическом подъеме tal \ tal, находящимся в форме мн. числа на -ass (-at или -аш) в греческом θάλασσα 'море', догреческое происхождение которого вынуждены признать и индоевропейцы. Это — яфетическое племенное название, давшее яфетические формы названия стран *Te-tal-ia, по-гречески Θεσσαλία, или Θετταλία, и *Si-tal-ia, лат. Italia; племя sal и tal существовало не только на Апеннинском и Балканском полуостровах, но и по западному побережью Каспийского моря — в Тальшии, и везде им сопутствовали с севера их двойники с тем же названием в свирантной разновидности основы, 'h'al, и в форме губного мн. числа: на Кавказе — Hal-by и страна Albania, на Балканском полуострове — Albania, на севере Италии также *Hal-pi, оставившие свое имя в наименовании Альпийских гор.

Серия народов, носящих яфетические племенные названия и общих Средиземноморью и югу России, отнюдь не исчерпывается четырьмя перечисленными случаями. С другой стороны, номенклатурно прослеживаемые по своеобразным разновидностям термина уоп (ионы, ионяне) народы фоушк, пуны и испаны вовсе не окружены народами, носящими племенные названия, не имеющие ничего общего с яфетическими языковыми материалами; они, даже называя наиболее известные в мировом масштабе, хотя бы в Африке, также вскрываются как разновидности еще пятого яфетического племенного названия, особо близко стоящего к названию «скиф», — если остановиться пока на пятом, — и это название яфетического народа, жившего в своем природном этническо-культурном состоянии в доисторические времена на обоих берегах Средиземноморья, и в Африке и в Европе и в частности на юге России и на Кавказе. Можно, думаю, догадаться, что раз речь об африканском этническом термине мировой общезвестности, то намек касается непосредственно египтян. Ведь животрепещущий в научном мире вопрос о доисторической этнографии Египта, надеюсь, и со стороны египтологов не исключает возможности положения, что в числе этнически неизвестных народов и племен, входивших в состав первоначального или, во всяком случае, доисторического населения Египта, был и народ, по примитиву своей природы носивший племенное название, лежащее в основе термина «Египет». Когда, таким образом, целая школа американских ученых упорно отстаивает мысль, что весь мегалитический мир, и на Западе и на Востоке, даже в Америке, находился под влиянием египетской культуры, и что эта культура разносилась по белу свету финикийцами, то поскольку в аргументация их имеются действительно серьезные данные по доистории, мы и это приемлем, но приемлем так же, как единственно можно принять и драгоценное показание Геродота, что у колхов на Кавказе с египтянами в Африке была общность ряда очень характерных, существенно отличительных черт бытовой жизни; мы приемлем реальность самих свидетельствуемых фактов без предлагаемой теории их объяснения, когда Геродот отмечаемое им явление объясняет исторически — поселением на Кавказе остатка египетского войска, а американец Смит (Smith) с его единомышленниками возлагает все бремя утверждения мегалитической культуры в мире на плечи позднейших финикийцев-семитов, исторически известных как торговцы. Разрешение генетического вопроса доистории Средиземноморья, откуда, повторяю, нельзя изъять и юг России с Кавказом, вопроса исключительно этнолого-лингвистического (естественно, в тесной связи с доисторической археологиею), никак не по плечу истории царей и купцов, хотя бы это были древнейшие в мире цари и купцы, египетские и финикийские. Вопрос тут не в разнице социальных соотношений, а в непроходимой безголовокружительного скачка пропасти, которая разделяет доисторическое и историческое мировоззрения. И там и здесь жизнь, движение вперед, но иной ритм. Совершенно непроходимая уже пропасть между научными мышлениями, необходимыми для восприятия того и другого мировоззрения. Чтобы понять тот ритм, нам нужно в нашей специальной лингвистической науке нарушить, разрушить ритм культурно-исторических научных построений. Никакого примире-

ния, никакой эволюции. Напрасно Ф. А. Браун¹ старается перекинуть мост, называет ряд высокочтимых исследователей человеческой речи, говоривших как будто о том же самом, о чем твердит яфегидология, теперь — не моими лишь устами. Ничего общего между нами нет: для них — сказка, для них — абсурд, для нас — сама действительность. Что в культурно-историческом восприятии 'ад' или 'рай', 'загробный мир', то в восприятии доисторических эпох — мир той же человеческой жизни, для яфетидов тех эпох населенный теми же яфетическими племенами. У реки Дона был приток, назывался 'Αγαρδέος; название яфетическое — pl. tantum A-ǰag-de, с префиксом а- и суффиксом -de; основа — ǰag, по перегласовке еще двух языковых групп — ǰig и ǰeg; форма A-ǰag-de — двойник формы A-ǰeg-de, яфетического слова, у греков означавшего 'груша', но уже разъяснено, что это — эквивалент грузинского sǰal-1 'груша', что фонетически представляет разновидность слова tkal-1, означающего между прочим 'вода', 'река' и т. п. Это слово в эпоху ли двухсогласия корней или по потере долготы гласного (sāl / tāl) звучало sal / tal, что также означало 'вода'. Следовательно, можно бы думать, что A-ǰag-de, приток Дона (равно его двойник *A-ǰeg-de, а также в Армении река A-ǰig+e-an), означает просто 'вода', 'река' (в яфетических языках для этих двух понятий одно слово); это подошло бы и к тому, что этим же словом в иной форме мн. числа, паличвым в греческом в виде 'Α-χέρων, называются еще несколько других рек, в числе их река в преисподней. На самом деле это одновременно племенное название. Переводя его на сибилантную речь в форме соответственного доисторического населения Апеннинского полуострова, это *Si-tal, в исторические эпохи — итал: италы, имевшие, как мы знаем, сородичей на западе Каспийского моря, да и на севере, по Волге, жили некогда и на притоке Дона — Aǰagde, а затем не только в стране племени Θε-tal на Балканском полуострове, но и в преисподней; по их племенному названию, тотему, ǰag || ǰeg называлась и река в преисподней — с префиксом — 'Α-χέρων, и перевозчик у этой реки, без префикса — Χέρων. Мы ожидали бы сродные разновидности термина прежде всего в племенных или географических названиях Греции: их, по всей видимости, имеем мы в критской топонимике — 'Αχερδέοντα (вин. пад.) и в названии аттического демоса 'Αχερδοῦς, сопоставляемых Фиком (Fick)² не как индоевропейские, даже по его представлению, слова. В основе именно племенное название, но если выявлять нарицательное его значение, то почему воспринимать только в смысле 'воды'? Ведь слово, означающее 'вода', по яфетической семантике означает еще не только 'река', но и 'рука', и 'женщина', и 'хлебный злак', 'благодать', 'милость', и 'радость', 'жизнь'³ и 'смерть'.⁴

Значения 'рука', 'милость', 'радость' сохранил за нашей основой и греческий язык в словах χείρ, χάρις, χάρω и в ряде других, представляющих наследие одного из доэллинских яфетических языков. Для усвоения даже такой про-

¹ Die Urbewölkerung Europas und die Herkunft der Germanen, JS, I, Lzg., 1922.

² Vorgriechische Ortsnamen, стр. 13.

³ Груз. ზოდჱალ-1 (← *iaw-ikal-1) 'живой'.

⁴ Груз. tkla 'ранил', 'резал' ~ [h]k[ɪ]||[h]k[ɪ]d: груз. k[ɪ]a 'убил', 'убил', kuda → kwda → kta'umer' || dǰr (сванск. h-dǰre) 'мочить' → dǰr (сванск. h-dǰari) 'убивать', 'умирать'.

стой вещи, как эти обычные яфетические переливы значения слов, семантики, необходимо эгнокультурное, а не культурно-историческое восприятие: разница между этими двумя научными мышлениями такая же, как между бытовым совершенно правильным восприятием слов и восприятием их палеонтологическим, не менее бесспорным. В бытовой речи во все исторические эпохи одинаково реально воспримут везде, если кто определит сильное расхождение сравнением: «как небо и земля», или приведет евангельское слово о предложении сыну 'змеи' вместо 'рыбы', но в палеонтологическом представлении этно-лингвиста 'небо' и 'земля' — более чем близкие миры, они называются оба одним и тем же словом; так же отождествляются 'рыба' и 'змея', носящие одно и то же название.

Хронологические, как и территориальные грани в доистории еще более резки, чем в исторические эпохи, но ограничиваемые пространства, протяжения, относятся ли они ко времени или к территории, отличаются обширностью геологических масштабов, в пределах которых нормы исторических измерений не имеют никакого конструктивно существенного значения, более того — мешают свободному восприятию действительных соотношений.

Исторически мы не можем не противопоставлять Восток Западу, Европу — Азии и Африке, но этнологически соотношения территориально разобщенных общественных явлений Востока и Запада менее далеки, чем соотношения отложений различных эпох на одной и той же территории, и особенно в Европе. Того Востока, который рисует себе европейское мышление как какую-то культурную антитезу Западу и Европе, в Европе гораздо больше, чем в Азии. Для палеоэтнолога не существует двух культурных миров, Востока и Запада. Археологические раскопки по ярусам должны вестись, да и ведутся не только под насыпной почвой, но и в надпочвенной материальной и духовной среде современной бытующей ключом жизни, где этнологу, да и этно-лингвисту первобытно говорит все, вплоть до отдельных звуков и отдельных движений. Историка не может не приводить в ужас новое «лажеучение», что финикийцы не семиты. Этого я не говорю, но нельзя не утверждать, что финикийцы носят название фойников-яфетидов. Однако, когда Отран (С. Autran), питомец французской высшей школы, обстоятельно старается доказать, что те древние финикийцы, творцы (протоисторической) средиземноморской культуры, были не семиты, да, конечно, и не индоевропейцы,¹ то мы могли бы ему сказать: «вы врываетесь в помещение, куда яфетидологии уже открыты двери и свободен доступ, с большим усилием, чем это по существу необходимо, так как вы подходите не с той стороны, вы подходите и работаете во всеоружии исторического метода, когда вам нужна этно-лингвистическая подготовка». Нельзя этнологически работать в пределах, отмежевываемых для финикийцев ареной их исторической деятельности. Нельзя этнологически работать над названием Руси, с горизонтом исторической перспективы о северном происхождении русов, может быть, и правильной. Этнология требует рассмотрения того же вопроса в другой плоскости без разобщения юга России с Урарту у Ванского озера, по-армянски позднее эгэш-тун, т. е. страны

¹ Phéniciens, Essai de contribution à l'histoire antique de la Méditerranée, P., 1920.

рушов; с рушами, или этрусками-целастами, этнологически нельзя разлучать и мидян и скифов. Ведь Мидия находилась, независимо от наших этно-лингвистических изысканий, в теснейшем общении со скифами, основным обиталищем которых предполагается юг России. Правда, захватным порядком и мидийский народ теперь признается от начала индоевропейским, даже на основании таких давних хозяйственно-бытовой культуры, которые говорят об обратном, именно о неиндоевропействе. Когда население Мидии признается,¹ как население Армении и Каппадокии, производителем лучших коней и ездоков, то ведь это именно та этническая зона, которая последней может быть вырвана из яфетического мира, давшего и европейским индоевропейцам этно-лингвистически названия лошадей, как тотемные термины его различных племен. Да и в этом деле коневодства с мидийцами на первый план выдвигаются скифы и саки, те же скифы.

Одно время в языке второй категории ахеменидской клинописи упорно хотели видеть скифский язык, именно, как тогда воспринималось, туранский или тюркский скифский язык; туранизм отпал, но уже наметились данные, при которых было бы трудно утверждать, что скифский язык, насколько выясняется его яфетическая природа, не имеет никакого отношения ни к языку второй категории ахеменидской клинописи, ни к мидийскому языку. Этот комплексно-этнический подход, улавливающий как бы круговую поруку всего мешаного населения Средиземноморья, отводит совершенно скромное место частному, южнорусскому, вопросу о скифах. Тем не менее, скифский яфетический элемент в местном отложении, в частности на юге России, приобретает и для нас, естественно, особо важное значение, если он доисторически связывается и с другим краем. Всем хорошо известны блестящие попытки сближения Кавказа и Передней Азии с югом России по вещественным памятникам исторической культуры. Но в тесной связи тех же стран нет ничего неожиданного и в этнографическом отношении. Общность племенных названий, отложившихся в топонимике, отнюдь не исчерпывается одним термином «Ширак», названием области на реке Ахурияне в Армении, и народа шираков (*Σίρακες* Strab. 506, *Siraci* Tac. 12, 15, 16), или ширак + енов, на яфетической реке *Acherde*, притоке яфетического Дона (*Σίραχηνοί* Ptol., V, гл. 9, § 17); ведь это не более, не менее, как самое неотразимое свидетельство пребывания расенов, или русов, еще до н. э. на юге России, также как в Армении. Может быть, случайно, что как область населения сираков относится к кругу особо богатых хлебных районов России, так армянский Ширак армянам служил житницей. Но едва ли случайно, что в русском языке пережиточно валичны яфетические названия злаков и термины земледелия. Например, даже «пахня», «пахать», а с ними и «пахнуть», происходящие одинаково от понятия 'дыхание — бык — паханье', общи у русского с халдским клинописным языком (халд. *paḫni* 'бык').

На жизненность сродства психологии населения юга России и Кавказа едва ли что иное указывает с такой неотразимой яркостью, как давно

¹ V. Hehn и O. Schrader, *Kulturpflanzen und Haustiere*, B., 1911, стр. 31—33.

отмеченная общность характерных черт народной музыки украинской и грузинской.¹

Наш уважаемый сочлен А. А. Миллер своими изысканиями об украинском чубе дал толчок к уточнению этнической связи юга России с Армениею в этом исключительно характерном бытовом признаке. Мне как будто удалось разъяснить яфетическое происхождение Купалы, божества воды и леса, двойника грузинского Корага, если не малоазийской Коуэлл, впрочем, независимо от намекающей для толкования в смысле 'Матери' — Великой матери. Другой уважаемый наш коллега, В. К. Шилейко, вскрыл, как будто, общую основу вавилонских мифологических представлений об Иштар с русскими представлениями о русалках.

Особенно интересны случаи, когда какой-либо яфетический вклад с русскими разделяют и турки: имею в виду не только «лошадь», но и такие слова, как «тьма», «туман», и в числовом значении употребляемый тот же термин «туман», который считался турецким по происхождению.

Тем более важно для конкретного уточнения проблемы, когда удается уловить племенную связь юга России с бассейнами Ванского и Урмийского озер, страной Урарту и Мидиею, в доисторическом племенном предании, доступном нам лишь в различных сказочно изложенных хотя бы книжных версиях.

Такое племенное предание мы видим в русском повествовании о построении города Киева тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом. В изложении русской летописи это, конечно, легенда. Для исследователя исторической жизни России это, повидимому, мало на что пригодная легенда, но для доистории не только России, но и всего Средиземноморья это — одно из ценнейших племенных преданий Понтийского района; она тем более возбуждает именно реально-исторический, народно-исторический интерес, что ее параллель рассказывалась еще в IV—V вв. на берегах Ванского озера в Армении. Ее использовал армянский историк Зеноб Глак, по традиции — писатель V в., а по научному определению писатель как будто VII в. Обе даты приблизительные, но если бы он был писателем даже более позднего времени, чем VII в., сама легенда своим существом, обстоятельным ядром, восходит ко временам, значительно более древним, чем IV—V вв. н. э.; она, можно сказать, материально соприкасается с древнейшей эпохой доисторической яфетической Армении. Она материально соприкасается так, что до 1909 г., года открытия вишалов, или каменных рыб-великанов, мы не были бы в состоянии представить конкретность, вещественную воплощаемость этого соприкосновения.

Используя предание в воссоздаваемой им протодоистории, армянский писатель — историк родной христианской церкви, — естественно, выдвигает в легенде элементы религиозного характера, хотя бы и языческие. Эти религиозные эле-

¹ Арсений Корещенко, Наблюдения над восточной музыкой, преимущественно кавказской, ЭО, 1893, вып. 1. Призывая к изучению «грузинского народного мелодического богатства, бесспорно имеющего некоторые черты, родственные малороссийским песням», автор писал (стр. 22): «я глубоко убежден в музыкальном родстве этих двух народностей». Дела не меняет, что Корещенко не учитывал возможности племенного сродства и украинского народа с яфетидами-грузинами.

менты не только мы воспринимаем, но и в эпоху этого автора воспринимались как таковые и тогда, когда в связи с тем или другим названием не повествуется в памятнике ничего религиозного, но сами названия, как теперь заведомо нам известно, чувствовались как религиозные термины из обихода еще существовавшего народно-языческого культа¹ и производили соответственные эмоции.

Три сейчас интересных для нас строителя армянской земли носят имена Ку-аг,² Меї-te и Ноґе-ап. Эти имена, морфологически совершенно ясные образования множественного числа, с одной стороны на -ап → -аг (г есть архаизм с стремлением точнее выразить по-армянски яфетическое г), с другой — на -te. И если бы мы захотели произнести в чистом виде основы этих племенных названий, то мы должны были бы назвать для первого племени Ку, для второго — Меї и для третьего — Ноґ.

Различные способы образования мн. числа дают опору в определении времени и племенной принадлежности имен трех армянских строителей. Хронологические соотношения их окончаний и сами формы основ показывают, что в сказании о них речь не об изначальном строительстве в крае, хотя говорится о доисторической эпохе. Во всяком случае, предание дошло до историка Зеноба Глака с терминами в формах племенной речи не хайков-басков, издревле наличных в этнографии доисторической Армении, а хайев-сонов, выступающих последними в исторической жизни страны, именно в христианский период. Но хан-соны это — яфетиды-йоны, древнейшее племя, и этнографически они могли находиться в крае с доисторических времен.

Естественно, что и самое протосторическое строительство этих, по легенде, трех героев Куаг, Меїte и Ноґеап в Армении, более сложное дело, чем деятельность трех братьев, Кия, Щека и Хорива на Руси, как она изображена в записи более позднего русского летописца сравнительно с армянским.

Три названных героя Армении совершают, по преданию, подвиги двух строителей, двух для них современных эпох. Кроме того, они выводятся продолжателями дела строителей предшествующей этногонической эпохи, дела двух строителей, которые также не первостроители. Но этими пятью членами исчерпывается состав лишь двух этнических групп из многоплеменной семьи строителей доисторической Армении — семьи, имеющей дохристианское культовое значение.

Ни в одной из двух групп нет бога Карапет, наиболее чтившегося божества: оно свое название передало Иоанну Крестителю и тем передвинуло его в центр позднейшей, уже сбытовавшейся у армян религии. Это божество совершенно отпало потому, что оно у армян успело народно христианизоваться.

Но в первые века насаждения новой религии армяне-прозелиты всячески старались связать культ уже своего христианизированного Карапета, Иоанна Крестителя, с прославленными языческими святынями: мощи уже ставшего хри-

¹ О более длительном, чем это предполагается, существовании язычества, как бытового явления в Армении и Грузии и после возникновения в них христианства, см. Н. Марр, Мученичество девяти отроков колабцев, ТР, т. V, стр. 83.

² В -аг не простой г, как впоследствии, так как яфетическое г воспринималось как г = гь, ср. Ajerhahak.

стианским святым Карапета Григорий Просветитель, по легенде об его деяниях, помещает в местопребывание идола Гисанея, у родника о десяти источниках.

Но кто такие эти наши три племени Ку-ар, Mel-te и Ноге-ар, названия которых здесь выступают как личные имена героев одного поколения, одного общественного дела?

Что это племенные названия, притом органически связанные с племенным составом населения Армении, это явствует из их распространения в крае, из того, что они отложились в названиях географических пунктов и родов, в фамильных названиях. Для двух из них, именно племенных названий Ку- и Ноге-, нет надобности даже в фонетическом разъяснении, чтобы отождествить их с известными географическими и этническими названиями Армении, в частности и в районе бассейна Ванского озера, но полная картина роли всех трех племенных названий в этно-географической номенклатуре Армении получилась по разъяснении их в свете связи языковых соотношений в звуках и в значении слов с племенами, их названиями и племенными богами. Нельзя обойти две детали из этой работы.

В эпоху трехгласия полногласный вид кагар получил женское окончание в виде кагар-ет; как божество с женским окончанием, еще -оѢ || -аѢ, он проследживается у лазов, мегрелов, сваянов, грузин, у последних и в сибилантной разновидности *kaḡm-aḡ*; этнически этот термин связывал яфетическое население Азербайджана, Армении и Грузии с сарматами.

Термин больше сохранился без женского окончания, в значении 'лебедя' — *kaḡ-ar* у армян¹ и, очевидно, в байкском-баскском произношении — *agam*, с падением начального *k* в исчезающий спирант, по баскскому закону; *Agam* не только эпоним-родоначальник армян, но прямое их племенное название. Отсутствие женского окончания в *кагар* и *agam* (✓ **kaḡam*), тотеме и названии армян, могло бы быть связано с заменой яфетического матриархата индоевропейским родовым строем, возглавлявшимся отцом.

Запомним, что *каг-ар* 'лебедь' есть двойник Хореана-Хорива.

Племенное название *mel* (|| *vel*) представляет достойные племени со спирантной речью, разновидность этнического термина *med* и его двойника *mad* и вместе с тем пережиток термина *gvel* (✓ **γvel*), прототипа названия *gel*.

Множественное число у этой основы — *geḡ-am*, как в *fel-am*, да по существу и как в *viṣ-ar*. *Geḡ-am* в Армении то племя, в пределах распространения которого, на высотах названных именно по ним Гехамских гор, открыты культовые каменные рыбы-великаны, вишалы, драковы. Племя *geḡ* имело тотемом и 'волка'.

Рядом с формой *geḡ-am* у этой основы мн. число могло быть образовано и **geḡ-te*, как у нашего термина *Mel-te* || *Mel-ti*.

Оба племенных названия и другие еще их разновидности определяют народы в составе древнейшего населения не только Кавказа, Ирана и Малой Азии, но и Европы.

Основа *mel-* имени среднего из трех героев, Мелтея, соответствующего русскому Щеку, по норме перегласовки трех групп имеет разновидности *maḡ-*

¹ Ср. груз. *a-ka-ur-i* (← **a-kaḡ-ur-i*) 'лебедь'.

и *mog-* (последняя в составе груз. *mog-i-el* 'скорпион', букв. 'порождение змей'). Две другие основы *mel-* || *mag-* представляют, как было сказано, разновидности хорошо известной пары *med* || *mad* (*Mēḏoi*, *Mada*),¹ т. е. племенного названия мидян и их тотема — змеи.²

При подходе от нашей темы главное значение, однако, представляет старший член — *ku* или *kuag*, скифское племя.

К факту отложения скифов в племенном составе армянского народа нас подводит и другое армянское предание, сохранный древнеармянским эпосом.

Геродот рассказывает, что «большинство их (скифов) Киаксар и мидяне, пригласив на пир и напоив пьяными, перебили; таким образом мидяне спасли свое царство и овладели теми (землями), которыми владели прежде».³

Армяне, казалось бы, «национализировали» это восточное, дошедшее до Геродота предание о мидийском вероломстве за трапезой: в роли скифов появляются армяне. Однако у армян предание об этом сохранилось, как действительно народное, в народных песнях; Хоренский сообщает его в своем переизложении с удержанием лишь нескольких стихов.⁴ Но еще в историческом изложении Хоренского всплывает эпический источник: армянский царь Тигран первую жену Астиага Анойшу с детьми поселяет в расщелине большой горы (у Аракса), и ей прислуживают слуги из тех же мидян, поселившихся у подножия той горы. В этой еще прозаической части «Астиаг», «мидяне» названы в формах «Аждабак», «мары», т. е. в таких формах, что, когда народный эпос от глубины исторически незапамятных времен их донес до эпохи позднейшей исторической Армении, индоевропеизованной и находившейся уже под влиянием также позднее сложившегося индоевропейского Ирана, все эти термины и персами и древними армянскими учеными, как современными европейскими специалистами, без оговорок принимались за персидские, иранские по происхождению и, следовательно, индоевропейски е. Согласно персидской народной этимологии *ajdahak* был воспринят даже как составной термин из двух слов, без всякой палеонтологической перспективы. Перс. *ajdahak*, казалось, есть 'дракон' и только; *māg* → *mag*, казалось, — 'змея' и 'дракон' или *vīšar* и только.⁵ Но на самом деле это тотемы — божества племенные, это одновременно и племенные названия. Так обстоит дело не только с *māg* (→ *mag*) || *māḏ* (→ *maḏ* [← *mad* ← *mat*]), названием мидян, означаящим и 'змея', 'дракона' (отсюда груз. *mat-l-i*, мегр. и чанск. *munt-ur-i* → *munt-ri* 'червь', V. диал. 'большой червь'). Так же обстоит дело с *ajdahak*, не только 'драконом', но и племенным названием, отложившимся и в имени мидийского царя Астиага, или *Ajdahak*, и в названии известной армянской области *Nahtean*.

¹ Можно бы думать, что *med* → *mel* — по ламбдизму и *maḏ* (← *mad*) → *mag* — по роттазису, или что надо считать, пожалуй, с формулой *mag* || *maḏ* → *mad* и т. п.; но при известном соответствии *l* || *g* двух определенных групп яфетических языков наличие *d* вм. *l* (|| *g*) нам представляется естественным по типу грузинской основы *vel* || *ved* глагола 'ходить'.

² В новоэламской *šada* используется именно в значения племенного названия, потому мн. ч. — *šada-re* 'мидяне'.

³ В. В. Латышев, *Scythica et Caucasica*, стр. 5.

⁴ 83 сл. = I, 30.

⁵ Так разъяснял еще Хоренский, когда он писал (84 = I, 30): «*Ajdahak* на нашем языке *vīšar*, т. е. 'дракон', а *vīšar*, как мы теперь знаем по их каменным эмграмм, собственно — великан-рыба, великан-змея и т. п.

Аждаһак также форма мн. числа с префиксом ʿуʿа- и суффиксом -ак. Основа его появляется у армян же и в более позднем виде, с утратой и спиранта h и без именного окончания -ак, в виде аштеау → аште-у: слово в таком виде означает 'копье', 'стрела', что по яфетической семантике связывает этот предмет со змеею, и как уязвляющее орудие, жало, и по фигурному сходству головки змеи и стрелы.¹ Такого же происхождения и другое армянское слово для копья geļ-agd, основа которого geļ представляет также слово со значением, как уже было указано, 'змея'. И когда в христианской Армении видим господствующим культ копья geļagd, хранящегося как важнейшая народная святыня по сей день в Эчмиадзине, то еще большой вопрос, есть ли это лишь создание христианской легенды, культ копья, которым был прободен Христос, как это предполагается, или это — христианизованное наследие от языческих эпох яфетического культа змеи.

То же На-штаһ-ак появляется без префикса в виде шаһ-ар в форме вш-ар 'дракон', кар-ар 'тотемный лебедь', и шаһ-ар этот означает духа-хранителя могил, появившегося то в виде человека, то змеи. Производное от его основы слово шаһ-атак христианская церковь в Армении использовала как эпитет святых подвижников, мучеников: на самом деле это — 'змей', 'бог', 'герой', 'доблестный'; это значение — из эпохи, когда змей в стране почитался еще добрым гением.

Это же аштеу (*hаштеу || *hаштаһ),² собственно со следом спиранта h в виде долгого ē или ā, но с окончанием уменьшительных имен -kw, сохранил сванский язык в двух параллельных видах: а-шдē-kw || а-штā-kw (← ha-шдē-kw || *hаштā-kw) 'ящерица'.³

Но и в первоначальной, казалось бы, форме аждаһак спирант h — позднейший представитель вм. г ← п: более древние формы — а-штаг-ак ← а-штан-ак.

Из этих менее далеких видов того же слова аждаһак у армян, еще древних, аштагак употреблялось в смысле 'башня', собственно 'столп', а аштанак в смысле 'подсвечник', но на самом деле ни 'столпу', ни 'подсвечнику' в значениях этого слова нет места. Такие значения появлялись лишь по образному представлению о 'долгом' и 'длинном', отсюда и 'высоком', связанном и у древнейших культурных яфетидов с понятием 'змея'. На этом яфетическом реально-языковом факте основано сродство в эламской клинописи знаков для слов, означающих с одной стороны 'пресмыкающееся', с другой — 'быть длинным, высоким', как разъясняет независимо от нас Тоскан (Toscanne) в своих этюдах о змее, фигуре и символе в эламской древности.⁴

Слова *hаштагак и его закономерный двойник *hаштегак 'змея', 'дракон' представляют без окончания -ак ту основу уаштер-, от которой своим уменьши-

¹ Мы затруднились бы сослаться в этом случае на использование змеиного яда для питания им стрел (см. ЭО, т. LVIII, стр. 104, прим. 1). Смазывание богатирем стрелы змеиным жалом, как в былинке о Дунае (ук. м., стр. 104), может быть пережитком и культового отношения к стреле-змее, и стреле, 'освященной богом' (ук. м.).

² Аштеу (← аште[h]ау) → аштеу.

³ Суффикс -kw ← -ku (ушкульск. наречие: аштā-ku), герр. -ko, представляет спирантизованную разновидность баскского -sko.

⁴ Délégation en Perse. Mémoires... т. XII, Recherches archéologiques, 4-я серия, 1911, стр. 155.

тельным суффиксом «-ица» образовано русское слово «ящерица», при чистой основе без префикса и суффикса «щер-», «ще-», в яфетических языках — штер, ште.¹

В числе многочисленных змеиных или драконовых культовых мест Армении особо выдающееся значение приобретают, при таком освещении, три сгруппированные вместе святыни близ Эчмиадзина: 1) Ошакан, место культа дракона Вишапа, христианской национальной жизнью или легендой обращенное в усыпальницу изобретателя армянского письма св. Месропа, 2) Мугни, место культа дракона Моѳэ, спирантизированной разновидности шумерского дракона ночи Мошге, обращенное в монастырь св. Георгия, змеборца, и 3) Аштарак, где на развалинах древней святыни дракона, называвшегося Аштарак-Аждаһак или шдѳк-, сооружен был христианский храм древнейшего базиличного типа.

Таковую же троицу драконовых святынь мы находим и в бассейне Вана, где, с христианизацией народного быта и народных верований, языческая троица переродилась в прославленные места христианского культа. Таковы богомолья Вишап или 'Драконы', Ашгишат или, следовательно, 'Змеград' и Муш, или 'Дракон', где, однако, рано успело внедриться женское божество Кагарст [лебедь-пророчица], у христиан обратившееся в Предтечу, эпитет христианского пророка Иоанна Крестителя, крестившего водою при посланнице-птице (голубе).

Для разъясняемого вопроса реальный интерес представляют подлинные слова древнеармянского эпоса. Хоренский пишет:²

«Выявляют это правдиво и песни (народных) сказителей (Չօվեաճափ), которые, как я слышу, сохранились у людей окраины, обильной вином области Гохлтана. В них сложены песенные слова об Арташесе и его детях с иносказательным упоминанием и о потомстве (զաղմիճոն) Аждаһака, которых они называют вишанородными, так как Аждаһак на нашем языке значит вишап. Говорят же (в песнях) еще:

Пир устроил Аргаван
В честь Арташеса,
Поступил с ним вероломно
Во дворце вишапов».

На этом пиру, предполагается, армяне с их царем Арташесом были так же перебиты, как скифы, по Геродоту, на званом обеде тех же мидян. Это совпадение скифов Геродота с армянами армянского народного эпоса в роли мядоборцев-змеборцев теряет характер случайности, когда народное же предание армян дает нам основание утверждать о наличии скифского элемента в племенном составе армянского народа.

Существа дела не меняет то, что армянский историк племенное предание связал с деяниями армянского царя Валаршака, что он предание о событиях подлинной протостории и доистории края, значительно позднее сконструиро-

¹ Груз. штер-1 'опшломленный', букв. 'пораженный [богом] штер'ом', 'безумный'.

² Ук. м., 84.

ванной, внес в рамки книжной доистории Армении, как это наблюдаем с использованием племенного предания о Кии, Щеке и Хориве в сообщении русской летописи, с перенесением доисторического события на момент основания исторического Киева, собственно на момент создания центра в издревле населенном пункте с древним названием Киев или Куи-ав. Ведь Киев и по летописи строился не один: «вдушою же ему опять, приде к Дунаеви, и възлюби мѣсто, и съруби градъкъ малъ, и хотяше сѣсти съ родъмъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущии, еже и доньнѣ наричють Дунаици городище Кыевьць».¹

Да, конечно, легендарному для истории Кью и «близъ живущие» и сам летописец не могли предоставить во владение даже малого придунайского Кыева, но реальному этнологически Кью, т. е. скифу, принадлежали, да отчасти продолжают принадлежать десяток (быть может, десятки) поселений с тем же названием, которое означало не только племя «скиф», представляя спирантизованный вид его чистой основы *ski*, но и 'порождение', 'селение' на том же языке.

На Кавказе, где также есть ряд названий сел и городов с этим этническим термином в основе, по сей день сохранилось оно в виде -qə- у абхазов как нарицательное слово со значением 'поселение' (→ 'город') а-qə-за.

Мы теперь можем выслушать армянскую легенду Зеноба Глака и рассказ русской летописи.

Повествуя о происхождении двух идолов в Армении, с культом которых пришлось бороться Григорию Просветителю, Зеноб Глак рассказывает:²

«А причина нахождения названных идолов в этом месте следующая: Деметр и Гисаней были князья индов (*h-andəkaš*)³ и братья племенами (*šəlov-q*). Они замыслили против царя своего Динаскея (*Dinazqea*) козни, узнав о чем, царь послал за ними (с наказом) или убить их, или изгнать их из страны. Оказавшись на волосок от смерти, они искали убежища у венценосца Валаршака, и он пожаловал им землю Тарон с правом владеть, где они построили город и назвали его Вишан. Придя затем в Аштишат, они поставили здесь идолов по именам тех идолов [Деметра и Гисанея], которых они почитали в Индах. Спустя пятнадцать лет (армянский) венценосец убил обоих братьев, не знаю из-за чего, и дал власть трем их сыновьям — Куару, Мелтею и hОреану, а Куар построил город (*qm-shin*) Куары, и назван был он Куарами по его имени; а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтий; а hОреан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени hОреан.

«И по прошествии времен, посоветовавшись, Куар и Мелтей и hОреан поднялись на гору Каркся и нашли там прекрасное место с благорастворением (воздуха), так как были там простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев, и построили они там селение (*qm-shin-khri*), и поставили они двух идолов, одного по имени Гисанея, другого по имени Деметра».

¹ Шахмагов, Повесть временных лет, т. I, 1916, стр. 9—10.

² Стр. 35—36.

³ В точности «индийцев», но это — по недоразумению.

Русская книжная легенда в «Повести временных лет», как известно, гласит:¹ «Полямя же живъшемъ о собе, и владѣющемъ роды своими, иже и до сея братия бяху Поляне, и живяху кѣждо съ своимъ родѣмъ на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кѣждо родѣмъ своимъ. И быша 3 братия, единому имя Кьи, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, а сестра ихъ Лыбедь. И сѣдѣше Кьи на горѣ, идеже нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, идеже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ негоже прозвася Хоривица. И створиша градъкъ въ имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кыевъ. И бяхе около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловище звѣрь; и бяху мужи мудри и съмыслъни, и нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне Кыевъ и до сего дне».

В более древней, более обширной и более обстоятельной, именно армянской книжной легенде часть, представляющаяся параллелью к русской книжной легенде, ее явно генетическим двойником, поражает совпадением не только отдельных конструктивных деталей, числа и имен героев, их деяний, но и описанием природы. По русскому тексту читаем, что «на горе... бяхе около града (Кыева) лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловище звѣрь», в более обстоятельном, пожалуй, и многословном армянском изложении говорится, что на горе Գաղզ «нашли прекрасное место с благорастворением (воздуха), так как были там простор для охоты и прохлады, а также обилие травы и деревьев».

Основное различие сказа о самих героях в том, что в армянской легенде еще не утрачена деталь были, братская связь героев племенами, ведь это три племени — куй, или скифы, мелы, или миды, хормы, или армяне, тогда как в русской легенде это единоутробные братья, и потому, естественно, во-первых, лебедь, равнозначащая с арм. кагар (← кагар-ет) 'лебедь' и тотемным божеством, как бы эманация Хореана-Хорива, может быть (и то по распаду или раздвоению) сестрой лишь его одного, между тем в русской версии она становится сестрой всех трех братьев; во-вторых, для русского летописца «поляне» есть единое племя, породившее в своем лоне трех братьев: «и до сея братия бяху поляне», между тем ни один из трех героев с наличным именем не мог бы, по естественному порядку, отождествляться с племенем, носившим не прозвище поляне, из средств исторической русской речи, по проживанию на полях, чего вовсе и не было, а подлинное племенное название поляне доисторического происхождения.² Этот древнейший этнический термин сохранен армянской легендой в соответственной форме в виде Բալ-ուս, в чью страну проникает своим строительством Ногеап.

Это действительно древнее племя упоминается и в Сардуровой клинообразной надписи VIII в. в соответственной (халдской) форме Pul-ua (← Pol-ua).³

В самой существенной части сказа дело, конечно, не в совпадении лишь числа братьев-строителей, столь обычного во всех сказках; дело и не в строи-

¹ По начальной сводной редакции, Шахматов, Повесть временных лет, т. I, 1916, стр. 8—9.

² Сюда надо направить, повидному, поиски за источником для былинных терминов «поляница» в значениях 'амазонки', 'богатырши', и «польник» в значении 'гиганта' (см. А. Марков, ЭО, т. LVIII, стр. 101).

³ IV, стр. 9; см. также V, стр. 14: Ihtel-nam (Ihtel+ua-n?).

тельстве городов по именам героев, не менее общераспространенном эпонимном приеме исторического повествования, а в полном соответствии общего характера и существенных фактических деталей и в бесспорной генетической связи обеих легенд во всех трех братских именах, да по существу и в четвертом имени, имени сестры Лыбеда.

Если отбросить окончания, чистые основы первого и третьего племенных названий в русских разновидностях «кэ-» или «ко-» (↘ «кь») и «хор» — являются тождественными с армянскими эквивалентами *ku-* и *hor-*. В качестве названий городов эти основы в русском сохранили форму яфетического мн. числа губного (-ев || -ив: Кы-ев || Куи-аб и Хор-ив), как и армянские, а «Хор-ив» так оформлен и в качестве личного имени, но основа *ku-* в качестве личного имени появляется в ед. числе: Кый. Первое и третье имена, племенные названия, и в русской версии, как и в армянской, оформлены одинаковыми показателями мн. числа, в русской губными, в армянской плавными, и все они объединяются принадлежностью к сонорной ветви яфетических языков. А у среднего имени в русской версии, Щека, — показатель мн. числа -к, обычный для яфетических племен со спирантной речью.

Что же касается чистой его основы «ще-», т. е. *šte-*, то она нам уже известна: это усвоенное русским с потерей долготы яфетическое *štē*, восходящее к архетипу *šter*,¹ а это представляет собою, как разъяснено, название народа с тотемом змеєю, подобно названию второго героя, *Mel-te* по армянской легенде.

Отсекаем обсуждение вообще значений племенных названий Хорива и Щека и отложение их первичных основ *hor-* (а с ней *her-* и других разновидностей) и *šter* в названиях рек и населенных пунктов всего северного района Черноморского бассейна.

Нам важно сейчас отметить деяние старшего героя — Куара или Кья, старшинство которого признается обеими версиями самого предания, а он — скиф, как его дело — скифское дело, и как само старшинство его в версиях, очевидно, — скифский вклад, результат скифской устной народной редакции, т. е. в обеих книжных легендах имеем, *mutatis mutandis*, скифское племенное предание.

Самая форма губного мн. числа, будет ли она -ав (↗ -ар), или -ив, или с другими еще гласными, т. е. *Ku-av* || *Kə-ev*, *Qor-iv*, объединяет север Понта с его югом. Здесь мы имеем ряд племенных названий того же порядка, как то *Qal-ib*, *Tan-iv* и т. п.² Эта форма губного мн. числа нам прокладывает дорогу к целому ряду образований, отложившихся из скифского в русском, вообще в славянских и соседних языках. Приняв во внимание, что не только спирантизованное *ku*, но и сибилантная чистая основа *ski*, представляет усечение полного вида *skul-* (← *skol-*), мы с тем же окончанием -ab получаем *skulab*: на яфетической еще почве архетип двух основных разновидностей названия славян без префикса — *sklav-* и «слав-».³

¹ Груз. *šter*-1 им., см. выше, стр. 59, прим. 1.

² Вообще в припонтийских яфетических языках шипящей группы, в наличном состоянии.

³ Основа *sklav* всплывает и у арабов с их огласовкой, во избежание стечения двух согласных в начале, и виде *saklab*: صَقْلَبِي.

Разъяснение имен Гисаней и Деметр нас бы вынесло далеко за пределы русско-кавказских связей. В изложении армянского историка это два брата, они как будто старшее поколение строителей Армении, насадителей нового культа. На самом же деле Гисаней и Деметр расселяются по краю, уже устроенному в культовом отношении тремя предполагаемыми их детьми, второй группой тотемно-племенного объединения.

С данными одной нашей легенды лучше не трогать вопроса о времени деятельности обеих групп, об их хронологическом взаимоотношении. Иначе обстоит дело с местом происхождения. Армянский историк менее всего был способен сочинить эпизод с бегством Гисаней и Деметра из страны народа *hind*.¹ Армянский историк так же мало представлял местонахождение страны этих *hind*, как ученые XIX и XX веков, которые хотели видеть ее в Индии, и из отсутствия фактов, подтверждающих их догадку, они заключали об измышленности использованного историком предания. В *hind* мы имеем племенное название яфетического мира в форме зубного множественного числа. Как национальное название армян *hay* есть спирантизованная разновидность названия племени *san*'ов, так *hin*- представляет армянскую же разновидность сибилантного вида *sin*- || *shin*-, этнического термина, отложившегося, в другой форме мн. числа, в названии города *Sin-op*. Здесь по всему южному побережью Понта, а также на севере, жило носившее это название в многочисленных разновидностях племя, древнейшее, если не самое древнее, также в пределах Кавказа, вплоть до восточного завершения Кавказского хребта у Каспийского моря. Из многочисленных того же вида *sin* || *shin* разновидностей исключительный сейчас для нас интерес представляет *sin-o* || *shin-o*; последнее с подъемом (*šin-o*) у одного из народов того же племени, мегрелов, сохранилось повывне в составе социального термина, названия дворян, в форме составного слова *sin-o-squa* || *shin-o-squa*, а также *šin-o-squa*: оно буквально означает 'сын (племени) джив', но его семантическое восприятие могло быть столь же разнообразно, как круг тотемных терминов, воспроизводящих племенное название. Оно могло означать даже 'сын бога', т. е. племенного бога. Думаю, не случайность, что десибилантная разновидность *šin*- того же племенного названия *šin*- всплывает перед нами в имени царя этого народа *hind* или *shind*, которое в армянской передаче звучит *Dina-sqe*: слово *sqe* сванский да и скифский эквивалент (скифск. *-skaу*² || св. *sgya*) того же мегр. *squa*, означающего 'сын', и *Dina-sqe*, следовательно, как мегр. *Dino-squa*, могло бы означать не только 'сын (племени) Дино', но и 'сын (бога) Дино'. Последнее толкование можно оправдать не одними общими соображениями, а и тем, что в том же крае такого типа имя *Dio-šini* нам известно теперь по Сардуровской халдской надписи VIII в. до н. э., откопанной в Ване И. А. Орбели.³ Мы этого *Dio-šini*, царя ионов, отождествляли с греческим *Διογενής*, предполагая в ионах уже индоевропеизованных яфетидов-ионов.

¹ Армянский историк совершенно искренен, когда признается в бессилии понять, почему царь Динаскей вознамерился убить князей Гисаней и Деметра.

² См: Н. Марр, Термин «скиф» [см. здесь, стр. 24].

³ Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, доклады Н. Я. Марра и И. А. Орбели, Спб., 1922.

Исторической связи легендарного *Dinasque* с историческим Диогеном (собственно *Dyōtīn*) VIII века до н. э. мы не думаем устанавливать. Но нельзя не отметить чрезвычайную важность того факта, что и легендой, собственно армянским народным преданием, обновление богов, т. е. появление нового этнического элемента, связывается с племенем исключительного этногонического значения, как выяснено анализом двух племенных названий армян:¹ это именно племя, будучи первоначально яфетическим, послужило орудием весьма раннего еще на Кавказе скрещения яфетидов с индоевропейцами, и в таком гибридованном виде оно распалось, предполагается, на две ветви, одна из которых вошла в состав кавказских гибридов — армян, другая — малоазийско-европейских гибридов, греков. При таком положении, вопросы о божестве Деметре, о царях Динасее и Диогене (Диоцине) становятся в высшей степени ответственными и чреватými, тем более, что с ними нельзя различать и вопроса о происхождении Зевса, до сих пор не находящего удовлетворительного разъяснения.

Во всяком случае, живая связь армянской легенды о Гисанее и Деметре с этнографией, даже с протописторией Понтийского побережья выступает довольно ярко. Сомнение остается лишь касательно того, была ли племенная среда, откуда, по легенде, прибыли в Армению Гисаней и Деметр, на южном или на северном берегу Понта: территория исторического местопребывания племени синов или сонов здесь, у Босфора (*Σινδοί* и т. п.), этнологически требует значительного расширения по рекам, сохранившим в своих наименованиях разновидности того же этнического термина в типе с начальным зубным: *Don*, *Dan* (← *Tap-*) и др.

На севере Понта мы и находим на памятниках изображения скифов с тем характерным чубом, который, этнографически выслеживаемый на юге России и у кавказских горцев, является бытовой отличительной чертой древних армян. Там могли скреститься в архетип армянской легенды скифское предание о Гисанее и Деметре со скифским о Куаре, Мелтее и Хореане. Там же, казалось бы обшая родина архетипного предания, скифского, давшего в раздвоении две версии: одну, отложившуюся в армянской книжной легенде, другую — в русской. К культурно-историческому созиданию Киева, протекавшему позднее, уже на глазах истории, к строительству русской земли из наличных к тому времени условий племенной обстановки скифское предание не имеет непосредственного отношения, но оно приподнимает завесу с созидания тех именно условий в доисторические эпохи, с накопления и скрещения этнических сил, определяющих в конечном результате размах перебоев культурной мощи, и устанавливает собственный ритм творчества. Этот жизненный ритм являлся источником для претворения подражания в творчество при грозивших затопить волнах цивилизаций восточной, южной (византийской) и западной (европейской). Этот ритм жизни прерывался лишь в моменты этнического преобразования в новые виды путем скрещения после-

¹ Н. Марр, *Астрономические и этнические значения двух названий армян*, ЗВО, т. XXV, стр. 229—246.

довательно с иранцами, финнами и турками, что на юге могло иметь место не через примитивы, а через соответственно гибридизованные яфетические народы. Ритм возобновлялся с усиленным темпом новой мощи. Творческая мощь слагается не из одних замирающих горизонталей текущей жизни, распластывающих нас по земле, как пресмыкающихся, а в равной мере из вертикалей бесконечности, возносящих нас в человеческом творчестве до уходящих небес, как победоносных змееборцев; корни же этих вертикалей, уходящие в исконную этническую подоснову, питаются соками ее все еще девственной первобытности. Эта исконная почва никогда не смещалась, лишь перерождалась, и в своей первобытной потенциальности она — основа и источник всей человеческой на земле эмоциональной жизни, эволюционно не учитываемой.

Однако такая живая первобытно заквашенная этническая почва была везде в таком же скрещенном сочетании, как в России, по всему Средиземному морю. Каждое из основных яфетических племен, тотемически связанных друг с другом, так, например, руши, или расы, они же пеласги, или этруски, были и на юге России, и на Кавказе, и в Малой Азии, и в Палестине, и в Египте, и далее — на Пиренеях, в Британии, во Франции, в Италии и на Балканах, везде в неразрывном сплетении сототемных племен, и в целом замыкали непрерывный круг. Откуда, однако, пошли они? Пусть ответят мне на вопрос: «Где начинается круг? Где его творческое начало?» Центр? Но центр нашего этнического круга в Средиземном море. Значит, от искания прародины яфетидов на современной поверхности земли надо отказаться? Как будто, да. Во всяком случае и палеонтология яфетических языков дает воочию узреть потрясающее зияние времён между эпохами, когда творилась человеческая речь, — эпохами, длительными как геологические периоды, и эпохами, когда уже начался исторический период жизни человеческого рода с его столетиями и годами, протяжениями короткими, как мгновения человеческого века. Прародина яфетидов, уже говоривших, — в пластах ископаемого человека. И потому, если историку важно знать, как и откуда приходили племена различных культурно-исторических народов в соприкосновение с культурным населением Средиземноморья, этнологу столь же, если не более, важно доискаться, в какую эпоху и как выделялись из начальной средиземноморской этнической семьи пространственно разлученные с ней, но по природной для них речи и повывне в той или иной степени генетически родственные с ней же не только хамиты и семиты, но и дравидические племена. Молчим пока об этноглобтогонической проблеме туземного населения Америки.

Без общего учета отложения того же этнического субстрата всего наличного средиземноморского населения не справиться никак ни с одним местным протоисторическим вопросом культурных народов, возникает ли он в Африке, Азии или в Европе, не разъяснить и скифского вопроса, связанного с нашей легендой. Как к вопросу местному, лишь частично и южнорусскому, и армянскому, но в целом общему средиземноморскому, к нему нельзя подходить в шорах ориентации от территориально замкнутых культур. Но иного подхода пока не может быть: недостает главного двигателя, соответственного эмоционального элемента в общечеловеческой. На яфетическом Кавказе яфетиология оказалась в противо-

речи с изжитыми эмоциями культурных наций Кавказа. Иначе ли обстоит дело в Европе, в частности в России? И должны ли мы ждать извне, сверху или из низов, все тех же первобытных низов, нужного творческого элемента, энтузиазма и свежести мировосприятия, новых исследовательских сил, которые могли бы, влив дыхание жизни в нас, претворить в научно-безукоризненную действительность яфетическую сказку о русской и армянской версиях драгоценного скифского предания?

По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века¹

(К вопросу о древнерусско-кавказских отношениях)

I

О Черном море известный арабский географ, сын IX—X в. по своим историко-географическим представлениям, в свое время утверждал: «По показаниям астрономов и древних ученых об этом море выходит, что море болгар, руссов, ногайцев, печенегов и баджгардов — последние три народа тюрки — не что иное, как Черное». Приведя это утверждение Масудия в предложенном переводе, выдающийся русский ориенталист XIX в., Д. А. Хвольсон,² спешил указать, что под живущими около Черного моря «башкирами» (баджгардами) надо разуметь мадьяр. Лишь в примечании оговаривался Хвольсон, что древние ученые ничего не знали о море руссов, печенегов и башкиров и т. д. и не могли знать о таковом. И все-таки оставалось и останется впечатление, что турецкие племена и в средние века больше имели отношение к Черному морю, чем исконное, коренное, ныне именуемое яфетическим, население Кавказа, также способное выставить своими представителями ряд народов в те именно эпохи средневековья с не меньшими правами на то же море, чем ногайцы, башкиры и хотя бы мадьяры. Если так безнадежно порваны в научном мире нити, соединявшие Понт и в средние века с племенами и народами Кавказа, то, когда речь заходит о Прикаспийском районе, коренному населению Кавказа места, следовательно, и того меньше. Вслед за гуманитаристами в ту же односторонность порой впадали и естествоиспытатели, когда, напр., вид змей, водящийся вблизи Каспийского моря, был назван *Eguch turcicus*, и название было дано всему роду, хотя этот каспийский вид отнюдь не связан хронологически с бесспорно позднейшим появлением турецкого племени по побережьям названного моря. За углублявшимся в жизни забвением кавказского мира следовало отнесение его народов на задний план и в научном строительстве позднейшего, нового и новейшего времени, в различных его теориях. Трудно было бы ожидать иного отношения от общественности, увлекавшейся военными победами и увлекавшей с собою в массу строителей нашей гуманитарной науки.

«Русское сало», зацепленное мною в настоящей заметке, естественно, потянуло за собою ряд двусторонних вопросов. Они двусторонни по существу, когда с судьбой предметов вещественной культуры не может быть разлучена разработка словесных материалов. Они же двусторонни по территориально-культурному характеру относящихся к вопросу материалов, по подходам с территориально-культурных сторон, различных и материально и словесно и не уместающихся целиком в компетенцию одного лица, а при существующем распределении иссле-

¹ [Напечатано в ТРКФ, т. I, изд. РАН, Ленинград, 1925, стр. 66—125.]

² Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон, 1869, стр. 104.

довательских сил ни в какой мере и не включаемых в эту компетенцию. Если тем не менее я решился взяться за вопрос, то вовсе не по уверенности в том, что мне посильна работа и в иностранной для меня, не кавказоведной, области знания. Далеко не уверен я, наоборот — имею основания быть неуверенным в полноте знаний и по кавказоведной части. Но мною руководила полная уверенность в том, что в вопросах, не мною возбуждаемых впервые, — в вопросах, часто уже решенных, — не принимались во внимание существенно важные кавказоведные материалы. Судьба русско-восточных культурно-исторических отношений по какому-то роковому стечению обстоятельств попадала в руки первоклассных ученых или вовсе не ориенталистов или ориенталистов, на Востоке заинтересованных более Средней Азией и турецким миром, чем древней и средневековой Передней Азией. Помимо зависимости от других привходящих обстоятельств, уклон этот тем более получал гражданственность в науке, что его притягательность повышали политические события и связывавшиеся с ними общественные настроения. Даже такой мирный кабинетный ученый, казалось бы, лишь технически призванный помочь расширению осведомленности по вопросу, как востоковед Д. А. Хвольсон, не обинуясь заявлял, что к труду «Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах ибн-Дасты» «приступить заставили его патриотические чувства».¹ Будучи эбраистом, вообще семитологом и исследователем переднеазиатской культуры, Д. А. Хвольсон «особенное внимание обратил» «на известия магометанских писателей о торговых сношениях древних руссов и других приволжских народов с среднеазиатскими странами, которые после славных побед нашего оружия получили возможность пользоваться плодами европейской цивилизации и христианской образованности». Я не остановлюсь на том, как мало этот патриотизм бряцающего оружия был к лицу работнику над извлечениями сведений из арабских текстов или как он и не был вовсе близок сердцу общественного мыслителя Д. А. Хвольсона; чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать страницы, посвященные им в том же труде оценке «индоевропейских народов вообще», как почитателей меча, т. е. оружия, материальной силы, с неискоренимой наследственностью,² и единственного народа, иудейского, вообще семитов, с героями из «мужей духа», — стравицы, где с резкостью и прямолинейностью математической абстракции проводится непреходимая грань между «отличительной чертой индоевропейцев» — «почитанием мужей меча», — и природой «семитов» — носителей «библейского идеализма», «производителей государственных переворотов» не «мечом, а идеею».³ Вопрос не в таких противоречиях личного значения, а в самой подоснове наших отношений к науч-

¹ Ук. соч., стр. XII.

² Ук. соч., стр. 154—155.

³ Ук. соч., стр. 156—157, см. также стр. 192—193, где рядом с «мужами меча, уничтожавшими государства и разорявшими города их», т. е. индоевропейцами, «народы алтайской расы» представляются «вообще способными только принимать идеи, но не производить их». В отношении противопоставления мирных семитов разрушителям индоевропейцам надо, впрочем, иметь в виду, что мысль Д. А. Хвольсона не у него возникла впервые, у него лишь переносилась на восточных индоевропейцев. В «Origines des Basques de France et d'Espagne» у D. J. Garat мы читаем (стр. 90): «в оправдание карфагенян и финикийян следовало бы согласиться (conséder), что их любовь к лихве была выгодна национальностям, с которыми они торговали; что они строили там, где их соперники индоевропейцы разрушали».

ным заданиям. Увлекаясь мимолетными интересами злободневной общественности и в связи с этим работая всегда вразброд, разве мы, ученые, не обрекаем сами себя на скучное зрелище, «что воз поныне там»? Разумеется, естественно потому с точки зрения общей постановки научного дела, что даже тогда, когда речь шла о племенах, заселявших Кавказский хребет, Tulas'ax и Luğar'ax, после неуспеха признать в них известные ему турецкие народности, дальнейшее исследование Хвольсон предоставлял целиком тем, кто специально занимается этнографией турецких народов. Более того, хотя и специалист по переднеазиатской культуре, востоковед Хвольсон бдительно смотрел за тем, как бы не смешать финский этнографический элемент с турецким, и ставил упрек арабским географам, что особенно они не умели отличать «финские племена от тюркских»; а как быть с теми, которые и в XIX и в XX вв. вовсе не замечали тех, кто в районе их интереса и частичной компетенции играли роль раньше турок и раньше угро-финнов, да и при них отнюдь не переводились, т. е. как быть с автохтонами Кавказа, которых ныне именуем яфетидами? Другой исследователь, также эбранист, по вопросу о хазарах даже тогда, когда он сам склонялся к тому, чтобы признать более справедливым «мнение, высказанное неспециалистом» (именно компромисс, предложенный Соловьевым, что «по всем вероятностям, это был народ, смешанный из разных племен», и соответственно он делал вывод о принадлежности хазарского языка к мешаному типу), этот ученый — речь идет о Гаркави — равным образом не считал нужным вспомнить о существовавших в непосредственном соседстве коренных кавказских народах. Гаркави писал: «в таком случае и язык хазарский был смесью финских и тюркских наречий с перевесом, однако, последних, как видно из названий чинов и властей хазарских (хаган, хаган-бей, тархан)».¹ Здесь не остановимся ни на том методологически показательном приеме, когда племенной состав народа решается на основании административной терминологии, «названий чинов и властей», ни на уверенном утверждении эбраниста, что «хаган», «бей» и «тархан» по своему корню турецкого происхождения. Нас, архсологов, не может не смутить лишь одно, это равнодушие к окружающей территориальной и племенной среде кавказской стороны, наиболее архаически засвидетельствованной и наиболее цепкой этнически. Между тем аналогичное явление среди ученых мы наблюдаем по славяно-кавказскому вопросу и за скифские времена: Пейскер (J. Peisker) не выделяется вовсе из круга специалистов, когда славянам с юго-востока, на Понте, соседями сажает скифские кочевнические пастушеские племена, говорящие на одном из иранских языков, возлагая бремя такого ответственного решения на подбор «мидийских заимствованных слов в древнеславянском», кстати, весьма легковесный и сомнительный, и совершенно не считаясь опять-таки с отнюдь не иранским составом ископного коренного населения северного Приповтийского края.² Таким образом, в отношении кавказоведения впору бы вернуться к положению в России ориенталистики в первой половине XIX в., когда ученые занимались писанием диссертаций о пользе восточных языков для

¹ Об языке евреев, стр. 6.

² J. Peisker, Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozial-geschichtliche Bedeutung, Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, т. III, 1905, стр. 188.

изучения истории России.¹ Однако и без того явно противоестественно такое теоретическо-научное игнорирование того, что бесспорно существует с точки зрения здравого смысла самих материалов, в значительной мере доступных восприятию непосредственно и реально. Правда, до сих пор пережиточно остается во всеобщем пользовании торный исследовательский путь, который три четверти века тому назад наметил востоковед В. В. Григорьев; этот выдающийся русский ориенталист-историк XIX в. в монетах русских кладов видел сохранившие всю свою свежесть зримые и осязаемые памятники исторической материальной культуры, во всем же прочем бесследное мгновенное течение времен: над монетами, этими современниками «VII, VIII, IX, X и XI веков», по словам Григорьева, «невидимо пролетело тысячелетие», для них «десять столетий прошли как десять минут, и только они, выходя из гробов, свидетельствуют истину, не прибавляя и не убавляя единого слова, так что их можно разглядывать и ощупывать».² Но рядом с документами, воскресающими из-под почвы, свежесть доступных наблюдению фактов материального порядка являют объективные показания из живого быта населения. Народы у грани Руси и Кавказа, этой интересующей нас в связи с нашим вопросом территории, отнюдь не оставались лишь девственно нетронутыми свидетелями развертывавшихся на ней событий времени переселения и последующих эпох скрещения и метисации: на этих живых народах и племенах, оставшихся на своих местах или откинутых с мест в близь и даль, высечены не менее выразительные легенды и образы, чем на монетах, в их быту и речи зарыты не менее беспристрастно свидетельствующие истину факты материального порядка, которые равным образом можно зреть, осязать и даже слышать. Но, конечно, работа требуется и тонкая и сложная, едва ли менее сложная, чем самое углубленное разъяснение нумизматических фактов.

I

Текст «Истории албанов»,³ произведения армянского историка Моисея Каланкатуйского⁴ или, вернее, как то выяснил Я. А. Манандян, Утийца,⁵ до сих пор

¹ Буквально так гласит заглавие работы Куника: *Dissertation sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie*, 1834.

² О кувических монетах, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории, ЗОО, Одесса, 1844, отд. отт., стр. 39 = Россия и Азия, 1876, стр. 150.

³ В армянском новом произношении албанов, в древнелитературном — алованов (алуанов, алуванов), а это то же, что аланов, в буквальной же и точной передаче самого термина на русский язык — алов (hal'ov). Народ hal'ы, в местной форме своего именованья на -by, столь же древней, как яфетический мир Кавказа, на Кавказе же сохранился по названию до наших дней: это hal-by, как называется и ныне аварское племя яфетического населения Дагестана, см. дока Н. Марр, Непочатый источник истории кавказского мира (Из третьей лингвистической поездки в Дагестан, 24 дек.—12 янв.), ИРАН, 1917, стр. 332, где требуется лишь та поправка, вызываемая новыми сделанными с января 1917 года наблюдениями касательно суффикса -ban || -van в Al-ban || Al'ol'-van, что это цельное окончание, а не составное (-b+an и т. п., так называемое сугубое образование мн. числа).

⁴ Или, по принятому Паткановым, чтению Каланкатуйского (Kalankatuađi вы. Kalankatuađi), в новоармянском произношении — Каганкатуйского (Kađankatuađi). Не знаю, откуда Boré (см указ. выше, стр. 96, прим. 2, статью, стр. 50) взял форму Kalkantui, в его произношении «Galkantui», но она любопытна (см. ниже, стр. 81, прим. 1).

⁵ Agop Manandian, Beiträge zur albanesischen Geschichte, Лейпциг, 1897, стр. 22.

не обработан филологически, до сих пор не анализирован с точки зрения критики текста. Филологического удостоверения нет, какие его части — первичны, относясь к VII в., и какие — позднейшие, вклад X в.¹ Соответственно и текст описания хазарской трапезы до настоящего момента не может почитаться окончательно установленным.

Изданий два, и оба они вышли в один и тот же год (1860), одно в Москве под редакцией Эмина,² другое в Париже — под редакцию Шахназаряна.³ У последнего такие чтения вообще, а в частности и в интересующем нас отрывке, что могла бы возникнуть мысль о молчаливых исправлениях, допущенных ученым издателем в чтениях *pop liquet*, так именно оба занимающие нас термина *սաղոյ* *sałoy*, в форме род. падежа мн. числа — *sałoyš*, и *շորոմ* *šogom* в составе сложного слова, стоящего в вин. падеже мн. ч. — *šogomašewš* в парижском издании читаются первый — *sałoy* (р. *sałoyš*), второй — *šегег* (в составном слове вин. падежа — *šегегашewš*). В данном месте первое чтение (*sałoyš*) в обычном его значении 'лед' прямо-таки бессмысленно, второе (*šегегашewš*), не лишнее значения для нашей контроверзы, начальной своей частью *šегег* является глоссой и для армян, очевидно, с давних пор непонятого термина *šogom* в составе *šogomašewš*.⁴ Появление вместе с ними ряда заведомых искажений в качестве вариантов ставило вне спора, что эти чтения обязаны своим происхождением частью невежеству писца рукописи, бывшей в распоряжении издателя, частью его попыткам заменить непонятные ему термины созвучными понятными, хотя и не оправдываемыми ни в какой мере контекстом. Пересмотр рукописных преданий впервые произвел вардапет Хачик в статье, помещенной в «Арапате» за 1896 — 1897 гг. под заглавием «Рукописные списки Истории Албанов Моисея Каланкайтуйского, находящиеся в библиотеке первопрестольного монастыря».⁵ Он же дает классификацию пяти эчмиадзинских рукописей, по его определению, распадающихся на две группы, но классификация эта мотивируется настолько поверхностным выявлением самих разночтений, что нет ни слова ни об одном существенном для текста историка варианте из занимающего нас

¹ Автор поименованной в предыдущем примечании диссертации к вопросу подходит также лишь исторически; более того, он отклоняет (ук. соч., стр. 4) даже то слабое проявление филологического подхода, которое у Зарбаналаяна выразилось (*հայկական հին դպրութեան պատմութիւն*) в попытке характеризовать стиль произведения в различных частях. Даже тогда, когда Манандян призывает различать формы рядом с различием степени исторического интереса, он не придает никакого значения этой формальной, стилистической стороне, т. е. важнейшему моменту в оценке писателя (ук. соч., стр. 16). Манандян и для разности формы находит достаточно обоснования в предполагаемой им скудости и недостаточности источников по истории Албании после VII века.

² *Պոփսեի կաղանկատուացւոյ Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի ի լոյս ընծայեաց Մկրտիչ Եմին*, Москва (с пензурным разрешением от 25 июля 1858 года).

³ *Պատմութիւն Աղուանից տրարեալ Պոփսեի կաղանկատուացւոյ ի լոյս ընծայեաց հանդերձ ծանօթութեամբր Վ. Վ. Շահнаզарեան*, Париж, 1860.

⁴ См. ниже, стр. 77 сл.

⁵ *Խաչիկ Վ., Պոփսեի կաղանկատուացւոյ Աղուանից պատմութեան Մայր Աթոռոյ Մասնադարանում գտնուած ձեռագիր օրինակները* (Арапат, 1895, июль, стр. 235—238, сент., стр. 333—348, окт., стр. 388—390, ноябрь, стр. 424—426, 1896, янв., стр. 22—26) *Կիւմիքի օւսումնասիրութեան Աղուանից պատմութեան*, а с 25 стр.: *համեմատական տարրակ Պատմութիւն Աղուանից Մ. Վաղ. Կիրքե թղթոց Անանիայի կաթուղիկոսի*, февр., стр. 67—71, март, стр. 125—128, апр., стр. 176—179, 1897, февр., стр. 67—71.

սպասուորք ի թիկանց կողմանէ և ոչ անգամ որդւոյ թագաւորին. բայց զինուորք¹ որք² զդուռն նորա պահէին շուրջանակի ասպարափակ նիզակախիտ³ զգուշութեամբ.

«Там мы увидели восседания их (хазар за трапезой), склонившихся на коленях подобно каравану тяжелоношных верблюдов, каждого с миской, полной мяса от нечистых животных; при мисках и чаши с соленой водой, куда макали куски, когда они ели, также серебряные кубки и сосуды для питья с резьбою, целиком (отделанные) золотом, которые и принесены были ими из тифлисской добычи; вместе с тем и громадные сосуды для хлебания роговые и тыквообразные деревянные, которыми они лакали взвар. С той же неотмытой грязью жира-сала на губах, они по два и по три (пили) из одного и того же кубка, и бесчувственно (без чувства меры) наполняли сверх краев ненасытные свои чрева цельным вином или молоком верблюдиц и кобыл, как вздутые бурдюки. Ни виночерпиев не было перед ними по ритуалу, ни слуг за их спинами, даже у царевича, а были только воины с чащею пик, чутко охранявшие дверь сомкнутыми в круг щитами».⁴

Первый осведомитель об «Истории албанов» в европейском ученом мире в сокращенном ее изложении из описания хазарской трапезы выкинул ряд подробностей, в числе их и часть о сале.⁵

Первый переводчик К. П. Патканов обратил внимание на интерес описания трапезы для сравнения «с описанием быта монголов у Киракоса» Гандзакского, армянского историка XIII в.⁶ Если миновать общее указание Моисея Утйица на употребление хазарами мяса нечистых животных, сравнение выявляет существенное различие. Про монголов Кириак детально говорит об употреблении ими всякого рода нечистых животных: независимо от конины «монголы едят без различия мясо всех животных, чистых и нечистых, вплоть до мышей и всякого рода пресмыкающихся»,⁷ пишет историк XIII в. Сомнительно, чтобы очевидец хазарской трапезы VII в. опустил такие детали, если бы он их видел. В другом случае, когда монгольский воин Чармахан устроил «блестящий пир» армянскому князю Авагу, Кириак пишет: «принесли массы мяса, чистого и нечистого,

¹ բայց ի զինուորաց V. — ² որ V. — ³ նիզակախ V.

⁴ Замечания М. Д. Орехова, любезно доставившего мне в письменном виде ряд реальных замечаний, дали мне повод пересмотреть русский текст в частях, для не армениста, повидимому, представлявшихся неясными. Но слова «восседания» (bazmofds), побудившего М. Д. Орехова указать на соответствие «монгольского и турецкого восседания семитскому возлежанию» и предложить перевести прямо «совершение трапезы», я не мог заменить: это древний армянский термин, совершенно независимый от монгольского и турецкого влияния; не мог я устроить и тавтологии «жирного сала» или «жира-сала», так как источник столь уверенно возбуждаемого мною вопроса в этом именно стилистическом явлении, в своем месте разъясняю. При пересмотре перевода для меня стало ясно, что перс. *shirak* = *شور* у армянских албанов употреблялось метафорически в значении 'губы', 'уста', в связи с переносным значением его и у персов 'край источника', 'берег реки' (ср. у грузин или армян 'уста' в значении 'край', 'берега'), или с буквальным смыслом — 'место питья воды', 'водопой', следовательно, и 'место, которым пьют', т. е. 'губы', 'уста'.

⁵ См. Vogé, ук. соч., стр. 55.

⁶ История агван Моисея Каганкатвадци, писателя X века, перевод с армянского, 1861, стр. 121, прим. 1.

⁷ Deux historiens arméniens. Kiracos de Gantzac, XIIIe v. Histoire d'Arménie; Oukhtanes d'Ourha, X^e v. Histoire en trois parties, traduites par M. Brosset, St.-P., 1871, стр. 123.

кусками вареными и жареными, и различные сорта кумыса (*ġətuiz, qətuiz*), конского молока, их обычный напиток».¹ Моисей Утвец рядом с напитком из молока не только конского, но и верблюжьего, притом на первом месте, называет вино — «вино цельное». Очевидец, показаниями которого пользуется Моисей Утвец, если это не он сам, отнюдь не сообщает, что обычный напиток хазар был кумыс, в его изложении нет вообще этого слова или иного равнозначного ему термина; он свидетельствует лишь, что хазары пили также конское и верблюжье молоко. Мог бы быть особый напиток, но не кумыс, а кислое молоко того вида, который излюблен у мегрелов-горцев и абхазов. В главе, представляющей краткие разъяснения о быте татар, тот же историк монголов, армянский писатель XIII в., дает картину параллельную тому, что у Моисея Утвца рассказано о хазарах VII в., как будто и схожую с ним. Однако, помимо того, что картина сводная, и еще вопрос, не зависит ли автор от литературных источников по шаблонному описанию трапезы «варварских» народов, детали все-таки ярко выявляют иную не только историко-культурную, но и этнографическую среду. Текст гласит:² «смотря по обстоятельствам, они ели и пили без передышки, ненасытно; а то соблюдали умеренность. Они ели всякого рода животных, чистых и нечистых, предпочитали, однако, конину, нарезанную ломтиками в вареном или жареном виде, без соли, а затем мелко изрубленную и смоченную в соленой воде. Они совершали трапезу или на корточках, как верблюды, или сидя, причем пища раздавалась одинаково господам и рабам. Когда они пили кумыс или вино, один из них черпал из большого сосуда, оттуда переливал в малый, выливал к небу, затем на восток, на запад, на север и юг, затем совершивший возлияние отпивал глоток и преподносил сосуд главному лицу. Когда кто приносил напиток или пищу, первым его заставляли отведать, из опасения стать жертвой смертоносного зелья, затем вкушали поднесенную вещь». Монгольская трапеза вообще обставлена церемониями религиозного или специального значения.³ На пиршеском столе хазар VII века очевидец не отмечает того, что было обычной или излюбленной едой хазар X в. по показанию очевидца-араба, именно Ибн-Фадлана: «главное в их пище — рис и рыба» (*والغالب على قوتهم الرز و السمك*).⁴ Для характеристики настроения, какое должно было получиться у очевидца при виде занятых едой и питьем хазар и что могло повлиять на уклон его наблюдательности, любопытна также карикатура VII в. на хазарского хакана у того же историка Моисея: тифлисцы вздумали высмеять этого союзника императора Ираклия после неудачной для них обеих осады родного (тифлисцам) города, они выставили на показ с городских стен карикатурное изображение хазарского царя, названного

¹ Brosset, ук. соч., стр. 127.

² Brosset, ук. соч., стр. 154.

³ Часть об еде мяса в определенном порядке у монголов, описанная у Рашид-эд-дина, нашла этнографическое разъяснение в заметках Ильминского «Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов». Пояснение одного места в «Истории монголов» Рашид-Эддина (письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву) в Изв. Археол. общ., т. II, 1861, стр. 164—175, лампы Галсана Гомбоева «Примечание на письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву», там же, стр. 176—179.

⁴ Френ; стр. 585, 10.

hup'om, на исполпнской тыкве.¹ Представление албанского армянина VII в. о современных ему хазарах, как «о брюхатых», ясно видно из его сравнения их чрев со вздутыми бурдюками. Не мешает упомянуть, что и о русских еще в XVIII в. то же представление имели грузины, судя по следующему двустишию поэта Давида Гурамишвили:

ցնսկը քոչեցոտ:
 փառնո շնոօշեցո, քսցնո մսկոն,
 մատնո նսփմնո նսնհսկոն

«Повидал я Россию: женщины
 без кальсон, мужчины — брюхаты,
 а дела их притча во языцех».

Текст Моисея Утийца ставит нам вопрос в первую очередь о связи хазар не с монголами, а с русским и кавказским этническим миром. Потребность в постановке такого вопроса была бы яснее, если бы от Патканова не ускользнули материально реальные подробности описания хазарской трапезы VII в.: они замолчаны или ступшевались в его переводе.² При чтении перевода не возникает мысли о том, что в живом изложении албанского армянина о хазарской трапезе, все в кругу прикаспийского мира, слились два термина из речи припонтийского населения, один северный — русское слово «сало», другой южный — мегрело-чанское слово шогот «тыква». Толкование последнего термина шогот в первой части составного слова шоготадew 'тыквенный' или 'в форме тыквенного сосуда' дается мною на основе яфетического языкознания и его материалов, оно получается гипотетически путем сравнительным, в реальности такое слово неизвестно и в яфетических языках, пока, во всяком случае, его существование фактически не удостоверено. Явно западного происхождения в том же тексте слово φαλαγγ 'фаланга' в значении 'каравана'. В живой местной армянской речи, какою изложено описание хазарской трапезы, всплывает, казалось бы, книжное греческое слово. Греческое слово φαλαγγ рано входит в письменные памятники древних армян, однако в древнелитературном употреблении у Л. Парбского, равно в переводных текстах Златоуста значение его обычное — 'отряд', 'легион', 'толпа', а у Моисея Утийца термин означает 'караван', как у киликийского армянского писателя XIII в., вардапета Георгия, в толковании Исаи, где сказано: *Մի անցքեն (ընդ Բաբելոն) արարացիք կամ լաճառականք փաղանգաւք*³ «да не пройдут (в Вавилон) аравитяне или купцы караванами (φαλαγγαυք)». На гре-

¹ Отрывок с этим эпизодом (II, 11, изд. Эмина, стр. 109=изд. Шахназаряна, стр. 246) плохо или вовсе не понят переводчиками (К. Патканов, стр. 108=Манандян, стр. 46 [ближе к русскому переводу Патканова, чем к оригиналу]), что они сами и признают, и требует самостоятельной переводной переработки. Достаточно сказать, что в фразе «по месту ресниц провели зонкую черту, чтобы никто и не заметил» слово *zon*, дефектно написанное ви. *zon*, принято за *zon* или *zon* (последнее чтение вульгарного произношения в издании Шахназаряна), означающее 'отпрыск ветви', 'срезанная ветвь', и соответственно в переводе у Патканова (стр. 108) читается: «вместо ресниц нарисовали несколько обрезанных ветвей», у Манандяна (стр. 44) приблизительно так же: «als Augenwimpern zeichneten sie einen Zweig von der Weinrebe (?)», между тем в словаре мыхитаристов вся фраза эта приведена с классической орфографией обсуждаемого слова и правильным его толкованием на должном его месте.

² Я. А. Манандян, приводящий добрую часть нашего отрывка в своих извлечениях (ук. соч., стр. 9—10), вторя добросовестно русскому переводу К. Патканова, уклоняется подобно ему от точной передачи терминов материальной культуры.

³ По цитате в Большом словаре.

цизмы в армянской речи писателя албанского района есть основание смотреть как на вклад живого общения населения Албании непосредственно с Западом, Черноморским побережьем и далее через море с Византией каспийско-понтийским путем по северному Кавказу. В книге канонов армянского писателя также восточного Кавказа, Давида Гандзакского, сына Алавика, казалося бы, греческое слово появляется как термин армянской бытовой материальной культуры того времени.¹ Слово это badron ← badron. Греческое слово βαδρόν в виде badron в значении 'ступени', 'лестницы' существовало как в древнелитературном армянском (уменьш. badronak), так, повидимому, в древнелитературном грузинском;² у древних армян то же слово употребительно, как в греческом, и в значении 'скамья', 'ложа', по-гречески βαδρόν означало еще 'порог', 'основание', 'грунт', 'земля'. В ином значении, из письменных источников неизвестном, использовано то же слово в «Книге правил» Давида Гандзакского, сына Алавика. В статье 2-й, где речь идет об осквернении различных предметов от соприкосновения с мышью, в перечне мест ее падения близ очага предусматривается невинный случай нахождения павшей мыши на возвышении, в котором устраивается «тондир», местная печка в виде зарываемого в землю глиняного кувшина с широко открытым сверху зевом и дымоходом ниже чрева. Это возвышение названо в армянском подлиннике термином badron.³

Впрочем, касательно этого слова, обслуживает ли оно греческую среду или ту или иную кавказскую, теперь у нас возникает подозрение, не наследие ли это яфетидов, усвоенное и армянским и греческим независимо друг от друга, в этнографических путях из народной речи.⁴

Для разъяснения слова «сало» (salu-yú) у нас нет таких определенных торных путей, как для греческих слов, когда мы вынуждаемся заняться историею его внедрения в кавказскую среду. Посредничество литературы в древнерусско-грузинских отношениях исключается. Пути бытовых связей уходят в движущуюся чаще меняющихся племенных средостений, где они теряются и тогда, когда путь намечается через хазар, так как этот народ по сей день лишь предмет проблем,

¹ Подлинным текстом располагаю в списке К. И. Костянянца (1919), подготовившего его для издания по поручению Академии наук.

² Антиох Стратиг, Падение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст исследовал, издал, перевел и арабское извлечение приложил Н. Марр, ТР, т. IX, 1909, стр. 62.

³ Фраза гласит: «если мышь будет найдена на badron'e тондира и в акид'е, вреда нет для них». Акид К. И. Костянянц толкует как «маленький очажок, сооруженный для спешного употребления на badron'e, ныне называемый очаг (očač)», а слову badron покойный армянин посвящает следующее примечание (17-е), как также давнишнему армянскому бытовому термину: «Badron или badron, древнее слово, — оно греческое по происхождению, — означает особо сооруженное в доме возвышение, в котором устроен Зоиг, народ теперь называет его иначе — žambik (буквально это «холмик»), от žimb (холм), однако вардапет Давид Гандзакский имеет в виду, кажется, какое-то хранилище, устроенное на badron'e. Диалектически имеется, напр., на эриванском говоре baduž, bat ž, маленькое хранилище, устроенное в местонахождении Зоиг'a. Повидимому, употребленное Давидом слово badron означает это хранилище». Каково бы ни было местное реальное значение, которое Давид вкладывал в него, факт тот, что этот армянский восточнокавказский писатель из Гандзака не смущался использовать его как бытовой армянский термин, если оно не было уже таковым в его родном околотке, между тем слово — как будто греческое.

⁴ О термине придется говорить особо в связи с арм. a-žog || греч. žg+on-os, доисторическое яфетическое происхождение которых уже разъяснено, когда удастся напечатать сообщение о них, прочитанное летом 1923 г. в Академии истории материальной культуры на заседании разряда «Кавказ и яфетический мир».

приятно даже в мере такого предмета девственно не тронутый с кавказоведной точки зрения. Наш текст вынуждает нас коснуться его, но время не настало для яфетидологического освещения, и ниже вопрос о происхождении хазар затрагивается в мере лишь связи с их племенным названием.

II

В русской передаче текста армянского историка, опустившей слово «сало», собственно нет и другого слова оригинала — *шоготадэвс*, с термином также материальной культуры в своем составе — *шогот*. Но переводчик Патканов все-таки выразил смущение в отношении *шогот*, собственно *шоготадэвс*. Его поразило то, что они не оказываются в словаре мыхитаристов.¹ Он не отмечает лишь того, что термин *шогот* смущал также других работников по тексту, почему ему был предпочтен повятный вариант, собственно глосса, *шегеф*, наличный в издании Шахназаряна как единственное чтение,² и в обычном ныне значении этого варианта-глоссы 'уполовник', 'большая ложка', 'ковш' Патканов и понял неизвестное *шогот*, причем армянский подлинник передал все-таки дефектно: он избег перевода составности выражения *шоготадэвс* || *шегефадэвс*.³ Содержащая это составное выражение фраза Паткановым передана по-русски предложением: «Тут же разные чаши и большие деревянные ковши, которыми хлебали отвар», с некоторыми отсебятинами или неточностями; они выделены мною (курсивом). Термином «ковш» Патканов, повидимому, передает *шоготадэвс* подлинника, но это слово в армянском тексте, повторяю, — составное. Независимо от подсказываемого вариантом-глоссою значения, оно гласит с сохранением первой неизвестной части без перевода — «шоромовидные».

Хазарские древности нам не дают опоры для подхода к принятию того или иного толкования со стороны формы самого предмета. Показательно, что в редкой, чуть не единственной в русской литературе сводной популярной статейке «Хазарское ханство» нет даже особой рубрики об утвари у хазар.⁴ В памятниках материальной культуры из хазарских, или, вернее, принимавшихся за хазарские, могильников⁵ обретаются или глиняные стаканы, не порождающие

¹ Ук. соч., ук. м.: «*Շոտոտ*» — слово неизвестное, его нет даже в большом лексиконе мыхитаристов».

² См. ниже, стр. 78, 87—89.

³ Вогé в своем сокращенном изложении опустил это слово, как и «сало».

⁴ Русская история в очерках и статьях. Составлена при участии профессоров и преподавателей под редакцией проф. М. В. Довнар-Запольского, т. I, изд. 2-е, стр. 34—41.

⁵ В. Бабенко название города Салтово и его окрестности связывал с племенем половцев «на основании летописных сказаний и других соображений» («Древне-салтовские придонские окраины южной России» в указ. ниже томе «Трудов XII археологического съезда», стр. 437). По мнению же В. Е. Давилевича, хотя тип огромного количества вещей из Верхне-Салтовского могильника «указывает на Азию», характеризуя собственника их как недавно перешедшего из кочевого быта в оседлость, но собственно это был народ далекий «от дикости степных кочевников-хищников, как печенеги, торки, половцы и другие», как нет ничего общего с ними у погребений славян в той же Харьковской губернии [Значение нумизматики в изучении русской истории (пробная лекция, прочитанная 20 февраля 1903 г.), Харьков, 1903, см. Зап. Харьк. ун-в., отд. отг., стр. 14—15]. О принадлежности Салтовского могильника хазарам предположение делали В. Е. Давилевич, Курс русских древностей, Киев, 1908, стр. 156—158, и Д. И. Багалей, Русская история, т. I, Москва, 1914, стр. 114.

особенностью своей формы потребности сравнить их с каким-либо предметом, или кувшины самого обычного повсеместно известного типа. В инвентаре Верхне-Салтовского могильника налицо один оригинальный шарообразный подобно тыкве сосуд, но он стеклянный, а, главное, с узким горлом,¹ мало подходящим одновременно и для хлебания отвара и для питья вина или молока, согласно смыслу текста; тыквенный сосуд такой формы также мог бы существовать, да и бывает, но указанную двоякую службу, естественно, могла служить тыква со срезанным верхом или по образцу такой тыквы-посуды изготовленный деревянный сосуд.

Несколько иная иллюстрация могла бы получиться для описания хазарской трапезы, если в ней мы усмотрели бы не этнокультурно, а историко-культурно сложившуюся материальную обстановку, с вкладом в нее некоторых подробностей из обихода русской жизни. Русские действительно «любили выпить из рогов», как то указывают находки в курганах близ Седнева² и «кубки роговые» армянского историка-описателя, быть может, следует понять в этом смысле. Русские позднее и вели торговлю с хазарами, и жили в составе хазарского национального объединения.³

О русских не менее чем о хазарах пришлось бы говорить при подходе со стороны предметов материальной культуры, когда занимающий нас термин стоит рядом с русским словом «сало», что, однако, могло входить в меню и хазарского стола в VII в. По контексту ясно, что речь идет о сосуде для хлебания, может быть и о ковше, как то можно понять с опорой на обычное позднее известное значение варианта-гlossы шегер 'уполовник', 'большая ложка', 'ковш', но писатель хотел дать нам представление о форме сосуда по предмету, ни разу не появляющемуся под тем же названием во всей богатой армянской литературе. Для понятия 'ложка' или 'ковш' не было никакой надобности армянскому писателю использовать именно при сравнении для образного пояснения такой неизвестный термин, оказывающийся *ἀπὸ τῆς λεγόμενον*, если, впрочем, это не связанное с хазарской средой иностранное слово с подходящим для контекста значением.

На кавказском севере, в соседстве с хазарами, имелось русское слово «шелом». Знатоки русских источников лучше меня могли бы, конечно, сослаться на такие образные выражения в литературных памятниках, как «испием, брате, шеломом своим воды быстрого Дону»,⁴ но вопроса это не решит. Было бы более чем рискованно, увлекаясь созвучием нашего шогош'а с древнерусским «шеломом», допустить предположение, что армянский историк сравнил хазарские сосуды для питья со шлемами, точно читатели его без всякого пояснения могли знать русское слово «шелом» или хотя бы его в таком случае исковерканную форму «шором». Во всяком случае раньше, чем настаивать на действительности такого

¹ А. М. Покровский, Верхне-Салтовский могильник, Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г., т. I, Москва, 1905, стр. 475, табл. XXII, № 105.

² П. Голубовский, Известия Ибн-Фадлана о Руссах (по поводу статьи г. Стасова) и в Унив. Известиях, Киев, 1882, июнь, стр. 11—отд. отд., стр. 11.

³ Масудий, Золотые луга, II, стр. 9 сл.

⁴ См. в Материалах для словаря древнерусского языка у Срезневского (из Слова о Заденщине), см. также Слово о полку Игореве: «любо испити шеломом Дону».

объяснения, надо получить убеждение, что историческим фактам — военным вторжениям русских в Каспий, в 880, 909, 913 (914) и 744 гг., из коих два последние в Албанию, предшествовало давнишнее переселенческое их продвижение в тот же край, успевшее совершить свой круг этнического воздействия, в частности внесения русского элемента, на речь местного населения, ко времени хазарского нашествия в VII в., — простой ссылки на пример такого пока единичного факта, как выясняемый ниже случай со словом «сало», недостаточно.

На юге Кавказа, в непосредственной связи с Албаниею, у нас известный источник исторического культурного воздействия, немало злоупотреблявшийся, — иранский. В персидском существует созвучное слово شورم *шурма*: означает это слово, по Вуллерсу, *genus mali citrei*, и с этим толкованием оно приводится в Ferheng-1-шизиги без примера; соответственный текст этого словарного труда читается *ترنج نوعندن حماص و مرکب ذيرلر بر نوعدر*. При отсутствии примера, фразу можно, действительно, понять реально так: разновидность померанца, кислая, и называют ее *shugaḡab* 'один вид', а *shugaḡab* также 'вид померанца или апельсина', т. е. айва (*Cydonia vulgaris*). Но дело в том, что понятое мною, как, очевидно, и Вуллерсом, в значении *shugaḡab*, может быть прочитано *shagḡab*, что значило бы 'повозка', 'верховое животное', 'судно',¹ и в таком случае в толковании могло быть отражено иное значение, для нас интересное, — именно сосуда. В числе значений занимающего нас слова нет именно этого, а есть совершенно неожиданно, если не считать его идущим в связи с другой нам неизвестной основой или, наконец, недоразумением, именно 'гора': его указывают, как то видно из любезно сделанной по моей просьбе справки Ф. А. Розенберга, Джонсон (Johnson), Штейнгас (Steingass) и, вероятно, их источники Burhan Qati (کوه 'гора' и только), Ferheng-1 Dehangir-1, где, кстати, приводится стих некоего *فخرکانی*:

جو بر داری میان شورم آواز * [با] لواز نرا پاسخ دهد باز

Предмет стиха эхо, что естественно прежде всего связывается с горной местностью, и стих, очевидно, понимается так: «когда возвышаешь голос (кричишь) среди горы, на глас твой гора обратно дает тебе ответ». Но эхо, в объясняемом поэтом виде, как отклик на каждый наш крик, легко представить себе в другой обстановке, связать с иным предметом, так, напр., с большим сосудом (следовательно, «когда возвышаешь голос» [кричишь] 'внутри большого сосуда', «сосуд дает тебе ответ»). У грузин существует поговорка: «что крикнешь

¹ У меня возникает подозрение, что со словом مرکب *m-g-q-b* («m-g-k-b»), внесенным в объяснение термина شورم *шурма*, в среде самих лексикографов персидской речи произошло недоразумение, быть может, не одно, на почве контаминации с созвучными, а еще более в арабском письме тождественными, по составу букв, словами. Так, напр., когда у Johnson'a, Steingass'a приводятся для занимающего нас персидского слова значения «hill; mountain; ink; a quince», то второе толкование 'чернила' есть результат присвоения *шурма* того значения, которое действительно присуще *شورم* и по-арабски, и по-персидски, и по-турецки. О сомнениях касательно другого значения, именно 'гора', и предположительном объяснении его возникновения, если оно плод недоразумения, см. ниже в тексте.

вниз в винный кувшин (букв. «внутри винного сосуда»), тем он и откликнется тебе эхом».¹ Словом, могло бы возникнуть предположение, что в شورم имеем слово в действительности со значением сосуда, в частности и винного сосуда. Но и в таком случае объяснение в смысле определенного сосуда, общего у населения Албании с персами, представлялось бы, как оно ни соблазнительно, рискованным, когда неизвестное пришлось бы толковать реально не вполне ясным термином. Да и этимология этого иранского слова едва ли не яфетическая, поскольку речь идет о названии древесного плода, вообще плода.² Персидскому слову не установленного значения и не выясненного происхождения невольно уделяем все наше внимание, так как за ним могло оказаться преимущество живого этнографического термина, если бы предмет, допустим — сосуд, именовался по форме или веществу, из которого он сделан, названием определенного плода.

В нашем армянском тексте ясно, что внимание очевидца могла привлечь деревянная посуда по несвойственной для дерева форме, своим подобием неизвестному шогош, вероятно, по природе требовавшему округлой, шарообразной или яйцевидной формы, мы предполагаем «тыкву» или «сосуд из тыквы», «тыквенный сосуд», впоследствии сосуд из любого материала, но той же формы. Тыквы специального назначения для изготовления сосуда горькие, несъедобные, существуют различных видов, один из них, разумеется, нарочито возвращаемый в целях получить кувшин с длинной шейкой.

Перс. کدو qedu 'тыква' употребляется в значении винного сосуда (طرق شراب), как поясняет Вуллерс (Vullers) (s. v.), метафорически 'кубок, чаша'; дело не в метафоре, а в факте, что тыква служила сосудом. У семитов также, напр., в древнесирийском — ܩܕܘܩ qadū 'тыква' появляется в значении винного сосуда. У яфетидо-ариевропейцев из кавказских народов, именно армян в древне-литературном слово 'тыква' dādum употреблялось в значении 'сосуда для вина'.³

Сейчас для нас интереснее проследить положение дела в более тесной среде бесспорно чистых яфетических народов в соответственном кругу терманов материальной культуры. В значении тыквы шогош объяснения не находит; не находит объяснения и в значении тыквенного сосуда для напитка, герм. вина, если исходить из слова в нашем отвлеченном лингвистическом представлении о связи понятий, а не из реального представления об означаемом словом материальном предмете в быту.

Слово, надо думать, принадлежало той живой среде, для которой писал Моисей Утиец или так называемый Калакантуец или Калакантуский⁴ (Каганкатвац), во всяком случае тот, кто действительный автор цитованного отрывка. Автор этой среде и принадлежал по происхождению или воспитанию. Эта среда

¹ Подлинный грузинский текст: ზღუშის გარეშად ზასდაცებ, შინა ამოგდაცებს.

² Независимо от моего взгляда, справка Ф. А. Розенберга заключается фразой: «Сомневаюсь, чтобы это было персидское слово».

³ В синаксари Григория Анаварзского — 'тыквенный сосуд' dādmeay apoš.

⁴ Название села у Моисея Утица появляется два раза (11, 10 и 11), и оба раза в издании Шахназаряна (стр. 238, 240) с сохранением полугласного «й» в основе, как то находим и в переводе Патканова (стр. 102, 106: «Каганкайтук»), тогда как в московском издании Эмива (стр. 103, 107) с пропуском означенного звука.

арменизованного албанского населения или, как удачно называл парижский издатель армянского историка Шалназарян, албано-армян. В армянском тексте этот термин было бы уместно принять за албанизм местной речи, к толкованию которого, в таком случае, следовало бы подходить или от общеалбанского языка, или от утийской разновидности албанской речи, раз дело идет о писателе-утийце, или от говора населения Каланкату, о чем у нас нет никаких лингвистических данных, если их не искать в лакском или кази-кумукском на том основании, что это название населенного пункта *Kaġankatu* — по исходному слогу *tu* могло бы быть принято за яфетическое образование с суффиксом мн. числа *-tu*, как *Urag-tu* и т. п., и в лакском действительно налицо этот морфологический элемент.¹ Фактически, однако, ни в лакском, ни в аварском, наиболее вероятном пережитке на Кавказе общеалбанского, ни в утийском искомого термина шогош не находим.² С утийским (удинским) его роднит лишь полногласие, как, впрочем, и с аварским, а с чухским наречием аварского языка или чухским языком аварской группы — окание, наконец, и с аварским³ и чухским принадлежность наглядно характеризующих корень согласных шипящей группы, но такое сродство в аварском и утийском языках легко наблюсти со многими словами, и вовсе не аварскими и утийскими: для этого достаточно, чтобы слова те, буде они яфетические, были природными для языков шипящей группы.

Если нашему термину искать объяснение в кругу кавказских языков, по форме он действительно имеет вид слова шипящей группы яфетической семьи, т. е. мегрельского и чанского, вклад которых отнюдь не исключается ни в албанском или в его диалектических разновидностях, ни тем более в древнеписьменном языке Армении, равно как в языке современных армян и их прямых предков. Наблюдения не последнего лишь времени убеждают нас в теснейшей связи яфетических основ или привходящих элементов восточного кавказского мира с западным кавказским. В частности общность элементов местной речи в Албании с мегрельской и чанской находится в связи с тем, что в состав населения Албании внедрились утийцы, ныне малочисленные удины Вардашена с Нижем близ Нухи, пережитки великого в свое время, при ванских халдах, на Кавказе народа, населявшего страну Этиуни (*Eti-uni*), впоследствии также известных исторически под названием у греков *O-te-ne* (←**O-te-en-e*) и у армян *U-ti-q* (вм. *U-te-q*;

¹ Н. Марр, Непочатый источник истории кавказского мира (Из третьей лингвистической поездки в Дагестан 24 дек. — 12 янв.), ИАН, 1917, стр. 332—333. Остающаяся часть — *kalakaq*, полнее — *kaġakaq* (см. выше, стр. 70) — находит свое толкование с помощью языковых материалов бацбийцев и тушин, ныне одного села с сохранением родной речи, но некогда господствовавших в крае, судя по отложениям их языка во многих кавказских языках: на бацбийском имеем название города (г. *qaġaq*-г, арм. *qaġ* || *qaġaq*) в разновидности (*qaġuqau*) при вин. — *qaġiq*, исходн. — *qaġiqe* и т. п.: мн. число ныне от него у бацбийцев — *qaġuqau*-ш, но при существующем у них же показателе множественности в та же форма могла звучать — *qaġuq*-п, в тогда название *qaġuqau*-tu, гезр. *kaġakaq*-tu, с обычным сугубым окончанием мн. числа в новой среде, означало бы — 'Порядки'. Наоборот, *kaġakatu* (по Вонге, см. выше, стр. 70, пр. 4) вскрывает существование названия города *kaġakatu*, произведенного от основы *kaġik*, гезр. бацб. *qaġiq*. Надо, однако, считаться и с возможностью наличия в конечной части — *katu* целого слова 'дом', 'селение'.

² Впрочем, пока исчерпывающей регистрации терминов этого порядка на многочисленных языках Дагестана у нас нет. В нашем личном собрании слов по андо-дилейским языкам имеем: 1) аид. *gawoqul* 'кувшины для воды из тыквы', мн. *gawoqul-ol*, 2) ботл. *muġu id.*, мн. *muġee*, 3) кид. *kokosa* или *koġoġa id.*, мн. *kokosabi*, *koġoġobil*.

³ Н. Марр, ук. соч., стр. 324.

отсюда *u-te-ađ-ı* 'утпец').¹ Вплоть до сегодняшнего дня у удин, современных угийцев, мы находим ряд лингвистических явлений, и морфологических, связывающих обитателей Прикаспийского края с населением восточного Черноморского побережья. Само образование названия страны (*E-tı-ımı* || *O-te-ne* || *U-tı-q*) с помощью префикса *e-* || *o-* → *u-* не только находит наилучшую живую иллюстрацию ныне в морфологии языков шипящей группы, мегрельского (собственно «герского») и чанского (лазского), но имеет в этом отношении двойников в названиях той же Мегрелии (Мингрелии), соответственно Герпи, один с префиксом *e-* в *e-ger*, герс. *E-gı-ıg* (отсюда арм. *e-ger-ađ-ı* 'гер' или 'герец', 'мегрел', г. *me-gr-el*, герс. *Me-g've'r-el-ıa*), другой — с префиксом *o-* в **O-dıı* (← *O-dı-ım*), с потерей долготы — *O-dıı*.²

Ни в одном из языков шипящей группы, однако, мы не находим соответственного слова. 'Черпалка для вина' по-мегрельски — *коре*, что усвоено и грузинским то в том же значении, так диалектически, у гурийцев, т. е. грузинизованных мегрелов или герцев,³ то, согласно толкованию Орбеллиана — 'винный сосуд для вмещения десяти тухтов',⁴ каковое слово с пережиточной основой в форме мн. числа (-ш) в виде *кореша* по-мегрельски означает 'тыкву (горькую)'. В чанском (лазском) то же слово в форме *кор-а* означает большую ложку (х), ложку для снятия пены (V, х).⁵ С передвижением, при губном, «о» в «и» и с аффрикатом *q* в качестве первого коренного, вч. *k*, основу того же слова находим у сванов, в виде *qır*, откуда в лашхском наречии со сванскими образовательными аффиксами (*la-*, *-ag* || *-ıg*) — *la-qırar* 'лопатка для мешания при чистке хлеба-зерна' (тх *la-qıwar-ıg*), а в таврарском говоре нижнепнгурского наречия, где закон раздвоения «о» в группу *we* перекрещивается с законом исчезновения *w*, тот же вид *qır* в закономерной разновидности *qer* означает 'большую ложку для черпания похлебки из котла'. Корень в слове трехгласный *qır* || *qır*, что находится в неразрывной связи с понятием 'пить', но этот вид слова, усваиваемый из спирантного в сибилантные языки, вносил в новую среду то или иное свое

¹ Н. Марр, Термин «скиф», стр. 91 сл. [см. здесь, стр. 16].

² Впервые мысль об отождествимости армянского термина *Utiq* || *Otene* с Египетскими надписями, насколько мне известно, возникла в эчмиадзинской келье у ивока-армениста Галушта Тер-Мыкертчиана (Мивабана), поделвшегося ею с московским кунелогом Никольским, откуда она нашла место в печатных работах и Никольского, и самого Галушта, у последнего в его заметке на армянском языке «Язык урартских клинописей» *Արարտի Գալուստի Գալուստի լեզուի*, *La langue des inscriptions cunéiformes de l'Arménie par Galouste Ter-Mekertchian*, «Арагат», 1893, ноябрь, стр. 922, прим. 2, в самом журнале «Арагат» с голой ссылкой на стр. 762—764 того же тома, где ныне покойный арменист вносит свое разъяснение в армянский перевод статьи М. В. Никольского, Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России, Древн. Вост., т. I, вып. 3, 1893 = отд. отт., Вагаршапат (Эчмиадзин), 1893, стр. 3—5, прим. 1, где доказывалась мысль о родстве утигского языка с языком халдских надписей, но и здесь лингвистическое отождествление терминов, разумеется, было возведено именно на созвучии, естественно, без морфологического обоснования в истории латинских языков, тогда и не существовавшей, см. Н. Марр и И. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, 1922, стр. 59, прим. 2.

³ Мне в этом значении его употребление у гурийцев известно непосредственно из жизни: это мелкая горькая тыква то овальной, как «ртутные сосуды», то шарообразной формы со срезаемым верхом, с втиснутой сбоку деревянной ручкой, в общем имеющая вид большой ложки или уполовника, см. также Бакрадзе, стр. 170, 179; Ч²: «порода тыквы; посуда из этой тыквы для черпания вина, ковш, ԳՐԳ [Бакрадзе, Путешествие в Гурию и Аджару], стр. 170, 179».

⁴ «Тухт», собственно *tuqt* по Орб. 33^{1/2} золотника.

⁵ Эрвстов, Краткий грузинско-русско-латинский словарь из трех естественных царств природы, стр. 12, 180.

бытовое значение без изменения, хотя форму, природную свою огласовку, он и изменял применительно к новой среде; так, разновидность *qor-* (м. *d̄iṣqash qor-e* 'деревянная лопатка'), *kor-*, воспринятая в усвоивших ее языках шипящей группы как родное слово и потому в языке свистящей группы, грузинском, появляющаяся с природной огласовкой свистящей группы, «а» при «о» шипящей группы; в таком виде *qar* у грузин означало, как мне известно, 'тыкву',¹ но то же грузинское слово *qar* означало и 'черпалку из тыквы',² откуда глагол *a-ṣo-qar-v-a* в значении 'вычерпывать'.³ Не говоря о метафорическом развитии значения нашего слова, именно воспринимания *qar* 'тыква' как 'голова', откуда *ṣo-qar-va* 'срезывать голову',⁴ на том же термине мы наблюдаем проявление фигуры *materiam pro ge* и, наоборот, *gen pro materia*, как семасиологической нормы: 'сосуд для питья (разливания)', 'сосуд из тыквы' ('черпалка из тыквы'), 'тыква'. Означая сосуд для питья, смотря по среде, этот бытовой предмет мог быть и из иного материала, так, напр., глины, потому тот же *qar* с перебоем также сванским *q̄* в *q̄* звучит *q̄af*: у гурийцев это 'большой глиняный кувшин', 'водонос';⁵ затем это *q̄af* мера жидкости, как то находим у грузин (восточных),⁶ и, наконец, то же *q̄af* вообще всякая мера, каково употребление слова у древних армян, судя по литературным их памятникам (к понятию 'мера' по вскрывшейся теперь семантической палеонтологии, как, впрочем, и к 'тыкве', герс. 'шарообразному предмету', можно подойти и от формулы прагнезда *небо+вода* с его дериватами в различных разрезах значимости); что касается современных армян, то в быту всплывают значения, связанные с материальным представлением о мере, о том или ином сосуде, да и специально о сосуде для питья: у ванцев эта мера для сыпучих тел, равная *kod'u*,⁷ у карабахцев, т. е. в районе уже Албании, образованный от него глагол *q̄af-el* значит 'наполнять сосуд сверх краев', и его именно в этом смысле употребляет Моисей Утпец в нашем отрывке, когда он пишет: «они наполняли сверх краев ненасытные свои чрева цельным вином» и т. д. Лишнее доказательство народной жизненности стиля этого писателя. У сванов *q̄af* имеет значение 'большого глиняного кувшина',⁸ но в этом же значении употребительно по-свански — *tab*. Последний термин — от эквивалентного корня свистящей группы, из трехсогласного пустого, т. е. со вторым полу-гласным *w*, сведенного к двухсогласному *tb*: в грузинском от него глаголы *tba* 'пить', 'с жадностью припадать к воде', в том же значении при основе с огласовкой *a* — *taf* (*da-e-tafa* 'он жадно пил', 'припал к воде'), в связи же с тем, что вода у яфетидов имеет значение 'благодати', 'дара магов и знахарей (← неба)',

¹ Сюда бы отнести надежало, пожалуй, и св. *kor* (тх *kwor*, шх *kōb*) 'деревянная чашка для питья воды'.

² То же слово с суффиксом мн. числа — *ga* → *g*, *qare-ga* || *qare-g-1* (Ч²) означает 'род тыквы'.

³ Ч¹, с. v.

⁴ И. Чкония, Грузинский глоссарий.

⁵ Сюда же, вероятно, относится и рачинское *q̄afiga* 'кувшин', в толковании Беридзе, Грузинский глоссарий (с. v.) — 'глиняный кувшин (*doq-1*) с широким зевом (*q̄afze tuṣiani*)'.

⁶ По Ч²: «4 тунга или 36 фунтов (Кавказский календарь, 1846, *Dastulama*, 18); четыре с половиной тунга, 93 чапа — один воз вина, кн. Джорджадзе, *Samzaganelos tigsi*, 151; или три кувшина = *doq'a*, Бакрадзе, Путешествие в Гурию и Аджару, стр. 331».

⁷ Это $\frac{1}{8}$ *q̄ila* или 44 турецких оки (Ачария, *ZQF*, с. v.).

⁸ Наречие *tḥ*, но в *sh*, сначала удостоверив, в 1914 году отвергли.

как рассматривается по яфетической доисторической семасиологии и 'грамотность', 'чтение', то та же основа означает 'учение', буквально 'припадание к магии', 'приобщение к знахарскому дару', и отсюда в форме имени действующего лица — *mo-taφ-e* 'ученик', в частности ученики Христа.¹ И тем не менее не только *tab*, но и *qar*, ныне понимаемое лишь как 'тыква', в корне означает 'пить', отсюда *qar-a* 'питух', 'пьяница'.² В языках шипящей группы имелось еще название тыквообразной и даже тыквенной, из тыквы 'изготовленной посуды, также вовсе не происходившей от слова 'тыква'. Его, правда, равным образом, не находим ныне ни в мегрельском (герском), ни в чапском языке, но термин существовал в одном из них и с тем же значением был усвоен литературно древними грузинами. О нем забывает и Орбелиан в следующем разъяснении различных видов тыквы, данных им в гнезде под *ჟურბე*: «*Akigo*, их три рода — *akigo*, *gogga* и *qari*. *Akigo* тыква с толстой кожурой, походит на винный кувшин; некоторые называют его *kuq*. *Gogga* тонкокожа, едят как овощ (вареную). *Qar* походит на *akigo* без шейки; крестьяне из него делают сосуд для питья (*sazms*), что есть кош. Эти также различного сорта (Ип. 4, 6)». Ни один из приведенных Орбелианом трех терминов не грузинский по происхождению: *akigo* усвоено из сванского;³ также заимствовано или усвоено грузинским в процессе племенной метисации *qar-i*⁴ и *gog-ga*; последнее, прошедшее на Восток и в язык бацбийцев или цова-тушин, чеченского племени, в виде *gug-g*, в этой форме *plurale tantum* на -га указывает на абхазо-сванское происхождение⁵ и у грузин значит 'череп', 'голова'.⁶ Лексикограф Орбелиан забыл или сознательно опустил наличное в древнеписьменном языке грузин также заимствованное *o-šm-e* [*o-šum-o*], им же объясняемое на своем месте словами 'тыква для черпания вина';⁷ это-то слово и по форме с префиксом *o-*, и по корню (*šwm* 'пить') происходит из шипящей группы: этимологически, а в корне и семантически это же, что в древнеписьменном языке грузин уже но-грузински — *sa-sm-el* (← *sa-sum-el*) || *sa-sm-is* (← *sa-sum-is*) || *sa-sm-ug* (← **sa-sum-or*), т. е. собственно '(посуда) для питья', как-то 'ковш, чаша, стакан' и т. п. Как часто слово общего значения, идущее из чужой культурно-исторической среды с определенным реальным смыслом в соответствующем быту, удерживает за собою лишь бытовое значение, присущее обозначаемому им предмету материальной культуры.⁸

¹ Изложенное семантическое разъяснение обсуждаемого термина путем сравнительного подхода теперь есть возможность углублять яфетической палеонтологией речи, которая, помимо уточнения, приводит нас к тому соотношению этих различных значений, которое существовало в реальности; тогда, между прочим, выяснится, что совмещение в одном слове значений 'вода' и 'милость' объясняется фактом обозначения одним словом 'неба-воды', причем 'милость' составляет дериват 'неба (тотема)'.
² И. Чкония, Грузинский глоссарий, с. v.
³ Св. *na-kaq* 'тыква' (не съедобная, для воды сосуд).
⁴ См. выше, стр. 82.
⁵ Н. Марр, Яфетические названия деревьев и растений (*plurilia tantum*), стр. 773, 775, 776-
et pass.
⁶ В литературном языке обыкновенно иронически или насмешливо 'банша', 'глухая голова'.
⁷ Чубинов лишь переводит толкование Орбелиана, раз словами «сосуд тыквенный, *gourde, vase fait de citrouille*» (Ч¹), другой раз точнее — «ковш из тыквы для вина» (Ч²).
⁸ Использование у грузин *o-šm-e* (← *o-šum-e*), вкладка шипящей группы, как слова из круга терминов, связанных специально с употреблением вина, может истекать из того, что в грузинском же, так диалектически, напр., в гурийском говоре, термин *šm*, происходя равным образом от того же

«О-шт-е» стянутая форма с потерей внутреннего гласного и ← о, слияния коренного w с огласовкой а.¹ Существовал вид того же корня с плавным вторым коренным г по шипящей же группе в м., полугласного (w) при l свистящей группы: это сильный трехсогласный корень шгт, и от него та же форма с префиксом о-должна была звучать отвлеченно *о-шгт-о, а при особенностях произносительных органов мегрелов и чанов, требующих перестановки группы шг в гш² — *о-гшт-о, что и сохранилось как заимствование у грузин, с позднейшим закономерным перебоем и в l, в виде термина о-гшт-о, означающего «черпалку для вина из зарытого в землю винного сосуда — *ṭur-i* у западных грузин, *qvevt-i* у восточных грузин». Черпалка эта представляет собою ковш или уполовник с вместилищем из тыквы. Опять-таки совершенно оттесняется бытовым употреблением словарное происхождение его названия в установлении за ним определенного значения. В Беридзе, занесший это слово в свой глоссарий из живой речи, так и начинает его объяснение: «горькая тыква со срезанным верхом для черпания вина из *ṭur'a* (т. е. зарытого в землю большого винного сосуда из глины)».³ Яфетический слабый пустой корень swm || шwm представляет собою в обеих разновидностях один из диалектических видов корня в сибилантной ветви.⁴ Второй коренной слабый полугласный w есть перерождение плавного l, эквивалента г, наблюдаемого в шипящей группе, где и существовал соответственный уже сильный корень шгт, от которого, как было показано, происходило заимствованное грузинами у мегрелов или чанов о-гшт-о (← *о-шгт-о) «черпалка для вина». Тот же сильный вид корня продолжает жить в сибилантной ветви и с первичным l по свистящей группе: это грузинский корень slp (↘ *slm) в грузинском же глаголе *svlera* «пить» (о собаках),⁵ «лакать». В спирантной ветви тот же корень должен звучать hlp, с подъемом первого коренного — klp → qlp (→ qlφ), из коих первый палицо с потерей спиранта в армянском *laφ-el* «глотать», «лакать» (кстати, этот глагол использован Моисеем Утйцем, когда он представляет, как хазары пили или хлебали), второй усвоен грузинским в двух формах, в одной —

корня одного из языков шипящей группы, по Кишвидзе — мегрельского (Грамм. мивгр. яз., в словаре, в. ч. 2^я), означает «цельное вино», «вино без воды» (Орб.), «чистое, крепкое вино», тогда как первично оно значит просто «наливок». Гибридный сванский язык в этом общем значении «пить» и пользуется глаголом *li-shv-e*, усвоив по сибилантному своему слою шипящему тот же корень частично — *li* (∞ *li*) → *li*, об исчезновении 3-го коренного ш см. ниже, стр. 85, прим. 4. Следовательно, о-шт-е явилось бы, походя со стороны слова шшт «цельное вино», словарно эквивалентом другого грузинского термина — *sa-ḡvin-e* (древнеит. *sa-ḡvin-e*) «(посуда) для вина» (кувшин, черпалка и т. п.) в котором основа *ḡvin* также не коренного грузинского происхождения (она усвоена из языка спирантной ветви, ср. св. *ḡvin-al* «вино», но начальный слог *sa-* чисто грузинский эквивалент префикса о-, гражданственной в шипящей группе. И все-таки факт, что за оште и у грузин упрочилось явно не отвлеченное, словарно по корню прослеживаемое, а реально в быту сложившееся его материальное значение «тыквенного», затем «тыквообразного сосуда для вина», ср. употребление грузинского *vaḡvine* у бацбиев в форме *vaḡvi* в значении «глиняного кувшива для вина», хотя в самом слове нет ни одного звука, означающего или «глину», или «кувшин».

¹ В отношении исчезновения и (о-шт-е в м. о-шт-е) см. новогруз. *sa-sm-el* в м. древнеит. *sa-sm-el*.

² Напр., мегр. *gshal-i* в м. груз. *gshal-i*.

³ Грузинский (картский) глоссарий по иверскому и рачинскому говорам, МЯЯ, т. II, 1912, в. ч.

⁴ Третий коренной ш с его историческими разновидностями (ш ↗ р → б → φ), по аналогии воспринимаемый флективно-функционально, исчезает, исчезал он и в древности и в родной почве сибилантной ветви языков в аористных образованиях обеих ее групп и шипящей (в мегрельском языке, чанском языке) и свистящей (в грузинском языке).

⁵ Орб., в. ч., причем в наличном издании глагол с новогрузинской орфографией — *svlera*.

с огласовой свистящей группы: klar 'глоток', klar-v-a 'глотать', klara 'он глотал', в другой — с огласовой шипящей группы: klur (← *klor) 'глоток'; диалектические разновидности этих же форм представляют в грузинском q̄lar || q̄lur 'глотать'. Сванским утрачен этот природный для него, собственно для его спирантного слоя, вид корня,¹ иначе он должен был звучать при сохранении той же формы с природной для сванского огласовой е — kler → q̄leb, гезр. q̄leb;² в основе наличного в сванском образования от корня этого вида — li-klaraw-i 'глотать' лежит грузинская форма klar+v-a.³ Наоборот, грузинский язык, также отнюдь не простой тип, нам сохранил корень спирантного типа qlb в форме архаичного причастия (действит. и-е, страд. и-и), в составе глагола, казалось бы, с образовательным префиксом вымершей породы Ә (← d ← t, таковая засвидетельствована другими пережиточными формами) — Ә-qileφ-a 'выедание собаками жидкости языком' (Орб., отнюдь не просто 'жадно поедать', как переводит Ч², вернее Ч¹: 'вылизывание'), н. Ә-qileφ-s, аор. Ә-qilifa. [Но теперь палеонтология речи вскрыла, что qlb производный корень с функциональным b, как φ в Әq̄lφ, а остающиеся части их Әq̄l и q̄l не только отождествляются вполне закономерно друг с другом фонетически, но Әq̄l в его форме Әq̄ul (← *Әq̄ul- \ skul-, уменьш. skul-ak, σκόλαξ), не говоря о других формах уже в чисто яфетических языках, отождествляется, как и qlb, с различными корнями, означающими 'собаку', соответственно установленной семантической норме 'вода' || 'собака'. В связи с этим понятно значение Әqileφa 'выедание собаками жидкости языком'.] Семейство обсуждаемого спирантного вида этого корня весьма многочисленно, оно рассеяно своими членами и за пределами природной для него среды по сибилантичным языкам или как заимствованиями, или в связи с гибридацией яфетических племен — усвоениями этногивических эпох. Многочисленно также и семейство сибилантичного вида того же корня, в разновидностях которого и определяется место для семитического эквивалента,⁴ по выявление всей родни обоих многочисленных семейств корня и по спирантной и по сибилантичной ветви нас отвлекло бы слишком от предмета наших исканий в пределах одной сибилантичной ветви по шипящей группе, где корень был пред-

¹ В значении 'глотать' у сванов распространен другой корень — r-ikw || n-ikw: li-rtkw-i, tx li-ntkw-i, см., впрочем, ниже, стр. 87 сл. Палеонтологического анализа термина здесь я не даю, прослеживаются его разновидности в стадии двухслогового состояния корней, как, напр., арм. kul — н. kəl+an-el 'глотать', новоарм. kul-tal.

² Когда писались эти строки, не было еще у нас намечено палеонтологических норм, вносящих поправки в то, что добывается одним сравнительным методом, в представлениях о реальной связи русского со скифским-яфетическим, следовательно, с пережитками в мегрело-чанской группе и также сванском, и, разумеется, даже мысли не было тогда о том, что индоевропейские языки это лишь трансформация яфетических. Понятно потому, что я хранил мое знание, когда в приволенных материалах факты теперь запрашиваются на то или иное использование в подкрепление всех этих уже новых положений яфетического языкознания.

³ Звук и, гезр. средневековый w (w), вульгарно пишется v = z, так всегда в новогрузинском (ср. выше, стр. 85): svlera.

⁴ Семитическим эквивалентом этого яфетического корня, представленного многочисленными разновидностями сибилантикой по свистящей группе — slp \ slm || swm | шwm (гипр.), по шипящей группе шгm / штр и т. д. и спирантной ('h')p → ktp | q̄lp [→ q̄lφ]) ветви является шrb, наличный в арабском в значении 'пил, выпил, проглотил'. От него и шаgab 'напиток' (перс., тур. 'вино'), как от мегр.-чанск. шwm, груз. шm-i 'вино (цельное)', от него же مشربہ mī-шgab-аф, 'сосуд, чаша для питья', как от мегр.-чанск. шwm — груз. о-ш'u'ш-е; от него же شوارب шаwārb 'усы', как от мегр.-чанск. шwm — мегр. о-шom-еш-1 → о-шmт еш1 'усы' и т. д.

ставлен с сильным согласным плавным г в составе, т. е. в виде шгш и его исторических разновидностей — шгр → *шгб → шгф. Разновидность с глухим губным и его перерождением ф сохранили и западнокавказские яфетические языки. Грузинский язык сберег ее с заменой, однако, шипящего ш природным для грузинского эквивалентным звуком s, стоящим в подъеме (s ↗ t), и природным для него же сведением полногласия шипящей группы сенакского типа (u — u ← o — o) к одногласию — tgr (← *tigr ← togr, resp. togr) 'глоток', откуда отыменный глагол tgrа 'он пил маленькими глотками' или 'понемногу',¹ 'он пил всасывая'. Если бы тот же корень шгр попал в сванское население или в сродную с ним лингвистическую среду, то с ее огласовкой при сохранении полногласия мы должны бы получить шегер, позднее — шегеф. И вот действительно эту именно разновидность слова от корня шипящей группы языков находим не только в армянском языке, лингвистической среде с архаическими связями подосновы своего яфетического слоя с сванским языком, но и в чанском или лазском языке, имеющем, как это выяснено, особо тесную связь, не в пример ближайшему родственному мегрельскому, со сванским. У чанов или лазов слово звучит шегер-г, и в атинском их говоре оно означает 'большую ложку для черпания из котла'. У армян в этой же разновидности, т. е. с более древним глухим произношением третьего коренного — шегер слово в значении 'большой ложки для снятия пены', 'шумовки' или 'друшлага', встречается в армянской версии греческого произведения Георописа, и так как оригиналом для армянской версии, возникшей около XIII в. в Киликии, служил, предполагается, арабский перевод с греческого, до сих пор, впрочем, не обнаруженный, то об этом средневековом литературном армянском слове шегер, при киликийском его произношении шегеб, мог бы возникнуть вопрос, не южноармянская ли передача созвучного арабского слова от родственного арабского корня шгб. Готовый отказаться посему пока, из осторожности, от поддержки названного армянского литературного памятника, я вынужден, однако, отметить и то, что ни в значении 'друшлага', ни 'ложки' или 'ковша' не удалось установить в арабском существование слова шегеб.² У армян слово это, во всяком случае разновидность со средней звонкости третьим коренным, находим в литературном памятнике с примесью народной речи,³ как, впрочем, писан и трактат Георописа. Словом, термин у армян народный, и как таковой, и из недр народной речи, находится в составе народных названий животных и растений.⁴ Особенно показательно использование его в названии 'головастика'.

¹ В. Беридзе, ук. соч., в. т.

² После бесплодных личных поисков я обратился к помощи И. Ю. Крачковского, который также отнесся с сомнением к существованию на арабском языке такой формы в требуемом значении. В любезно сделанной им выписке из Лисан-ал-Зараб I, 472 в значении водоема (المستقاة) приводится слово المشربة от того же корня, но все-таки и по форме не тождественно оно с нашим термином.

³ Оskրոցիկ (по Большому словарю).

⁴ Так в составе народного названия птицы или насекомого шегефакоф (Вавакан, հարցմանը հարցմանի տեսակի բնույթի բնույթի պարզամտաց, по Больш. сл.), что буквально означает 'ручку ковш'; диалектически в многочисленных говорах шегеф-ав-ук || шегеф-ук || шегеф-ик 'головастик', 1) (по Амадуни, 2ff) 'водяное животное с длинным хвостом, с головой в виде шегеф'а — ложки', 2) (по Ачаряну) 'детеныш лягушки, прообраз лягушки', в ряде говоров шегефик 'съедобное дикое растение', шегеф быговой армянский термин и в значении выдающихся заверший колес арбы с двух сторон.

Черпалка из тыквы, как она водится в быту на Кавказе, напр., у гурийцев, действительно, походит на головастика. В то же время слово распространено и в северных армянских наречьях и говорах, оно внедрено в быт, напр., армян-зоков на северо-востоке, говорящих на особом наречии и произносящих это слово *шггф* в значении 'большой разливательной ложки'.¹ Зокская огласовка возбуждает лишь вопрос, не являются ли формы и *шегер* → *шегерф*² и *шггф* позднейшими перерождениями прототипа по известному закону исторической фонетики яфетических языков, особенно шипящей группы, именно по закону перебора губных гласных *o* → *u* в *e* → *i*, т. е. восходят ли они к прототипу *шогот* → *шигиш*. По корню термин прежде всего мог означать 'питье', 'напиток', 'сосуд для питья', как тот, из которого пьют, так тот, чем пьют, а затем по бытовой истории термина то же слово *шегер* могло означать не только большую 'ложку', 'чумичку', 'уполовник', 'ковш', 'друшлаг', 'шумовку', каковые значения свидетельствуются наличным его употреблением в армянском и лазском, а у армян и в литературных памятниках, или 'черпалку для вина' и даже акт 'черпания', но в частности 'черпалку из тыквы', а также самую 'тыкву', метафорически же и 'череп'. По контексту *шегер* → *шегерф* в составе *шегерфадэws* в заглавном нас тексте Моисея Утйица могло бы означать любое из перечисленных его значений, как они нами выяснены лингвистически, частью и этнографически и филологически.

Если мы дали предпочтение значению 'тыквы', то лишь потому, что описыватель хазарской трапезы безусловно отличает богатую посуду в ее убранстве из драгоценных металлов, да еще художественной отделки, как вклад добычи, награбленной в Тифлисе, от инвентаря сосудов первобытного общества, каким характеризует он, этот очевидец, наблюдаемую им хазарскую среду VII века, где даже виночерий не водился, да и прислуживавших за столом слуг не было, собственный же хазарский национальный подбор сосудов состоял, натурально, лишь из рога и дерева, да еще в форме тыквы: «сосуды для питья громадные роговые и тыквообразные деревянные». При такой обстановке мы как будто вещественно направляемся в этнографическую среду кавказских горцев не только по подбору посуды, как то водится уже пережиточно до сего дня, напр., в сванском быту, но и по материалу, в частности по громадным турьим рогам и деревянной преимущественно посуде. Конечно, не исключаем возможности, что то же слово *шегер* → *шегерф* очевидец VII в. понимал в значении 'черпалки для вина' или даже 'черепа'. Сообщением о деревянных сосудах для питья в форме черепов он еще больше углубил бы представление о дикости северных народов, вторя

¹ На зокском же 'тыквенный сосуд', именно 'ложка с ручкой целиком из тыквы' — *keṛdēqāsh* (по сообщению Г. С. Микаэляна).

² Разновидность *шегерф* также находим в живой речи восточных армян, так, напр., в говоре селения Даш-алты (арм. *Չալիս-տակ*), Шушинского уезда Елисаветпольской губернии, жители которого — переселенцы из сел. Хыцаберда (*Չեխաբերդ*) на границе Зангезурского уезда. Описывая приготовление местных голубцов у жителей Даш-алты, Г. Осянов, автор статьи, помещенной в СМ, вып. XXV, 1898, *шегерф* приводит в значении 'большой чумички' в следующем отрывке (стр. 116): «размельченное мясо берут в глубокую посуду, туда кладут разную зелень, подмешивают водку, перец, соль и долго мешают. Затем кладут эту массу в большую чумичку (*շեղեֆ* = *шегерф*) и ставят осторожно в котел, который уже с нагретой водой находится на огне».

в этом характеристике русских именно древнейшей поры, как то дается в житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского,¹ и невольно сближаясь с отнюдь не ирреальным преданием об использовании ими прямо-таки черепов в качестве сосудов для питья. В этом смысле созвучие шегер и с русским словом «череп», при условии нахождения его в тексте рядом с бесспорно русским «сало», могло бы внушить мысль, что шегер и есть первоначальное чтение, передача русского слова «череп», и шегераճեւս следует понимать именно в значении 'череповидный'. Однако, не предвещая вопроса о возможной связи русских слов «черепа» или «черпания» или их обоих с нашим шегер'ом, о том или ином значении их для бытовых русско-кавказских или чисто лингвистических славяно-яфетических отношений, армянским текстом вынуждаемся отвести с порога мысль о том, что шегер есть заимствованное из русского слово, передача русского «череп», тем более, что в древнеармянском тексте чтение шегер, по всем видимостям, — позднейшее, это — вклад глоссатора, причем, как понятное и впоследствии слово, глосса вытеснила непонятное первоначальное чтение шогош в составе прилагательного шогошаճեւ. Редактору, конечно, вовсе не было известно, что шогош — лишь разновидность того же слова шегер → шегер с двумя особенностями — 1) с первичным состоянием третьего коренного, губного ш вм. р и 2) с родной для корня огласовкой шипящей группы (о — о). Эта разновидность не обретается ныне в родной среде шипящей группы, ни в мегрельском, ни в чанском языке, но ее сохранил утиец Моисей в Албании в безукоризненной форме, природной для корня шипящей группы. И эта разновидность шогош на родне могла иметь все перечисленные выше значения шегер → шегер как 'питье' или 'налиток', так метафорически — 'сосуд для питья',² в бытовом обиходе 'тыквенный сосуд для питья' или 'черпалка из тыквы', наконец, и 'тыква', каковое специальное бытовое значение могло сохраниться и сохранилось, по всей видимости, в усвоившей его среде албанской или утийской. Что в тексте армянского историка с тыквенным или тыквообразным сосудом сравнивается деревянный, тому иллюстрацией может служить такое толкование Орбеллианом грузинского термина, кош-1, как 'чаша деревянная и из тыквы', тогда как кош-1, собственно, означает 'тыкву', как и его разновидность с удвоением первого коренного ко-кош-а, толкуемая словарями лишь в значении 'чаши из тыквы'.³

III

В отношении слова salo-y || saļo-y, resp. pl. tantum saloy-q || saļoy-q, в тексте историка Моисея Утийца представленного в форме род. надежа мн. числа — saļoy-ճ, Патканов не отмечает, что его нет в словаре мыхитаристов. Ему, повидимому, неизвестно, что это странное слово смущало и переписчиков. В одной группе

¹ В. Г. Васильевский, Русско-византийские исследования, Труды, т. III, стр. 64, 95; И. М. Собестьянский, Д. И. Багалей, Русская история, т. I, стр. 174—175.

² Семантически ср. в персидском употреблении арб. شراب шегāb, в значении 'бокала', а также производство у арабов термина سقا sīqāʿun 'бурдюк', 'мех' от корня سقى 'давать пить', 'напоить'.

³ Так ЧЗ, см. также выше, стр. 81, прим. 2, видеро кокоша || kōkoʃa.

списков, так, напр., в рукописи из Вана, привезенной И. А. Орбели,¹ есть попытка заменить непонятное *saļou-ǰ* понятным *zaļou-ǰ* 'льда', герср. 'льдов', но это бессмысленно в наличном контексте.² Патканов не обратил внимания на такое чтение и в издании Шахназаряна.³ Правда, отсутствие этого неизвестного в армянском языке слова не приносит существенного ущерба смыслу текста, так как переводчик имел возможность сохранить его определение *paġartakan* 'тучный', 'жирный'. Дело в том, что это определение есть глосса, что вместе с *saļou-ǰ* представляет случай той особенности армянского стиля, когда одно понятие выражается двумя равнозначными или синонимными словами,⁴ причем одно из них может принять форму прилагательного, как в данном случае *paġartakan saļou-ǰ* буквально значит 'жирных сал' или 'жира-сала', собственно двумя словами 'жир' ('тук') и 'сало' выражено одно понятие: или 'жир', 'тук', или 'сало'. Потому пропуск одного из них не причиняет существенного ущерба полноте смысла данного места, но ускользает материальная яркость мысли, да замалчивается наличие в тексте термина.

В армянских словарях термин имел бы основание отсутствовать потому именно, что это не армянское, а русское слово.

Древность самого русского термина «сало» (польск. *sadło*) и его исконное славянское происхождение, повидимому, не подвержены сомнению. Именно эта разновидность без «d» считается восточно-да южнотславянской, русской, в противоположность западнотславянской, польской *sadło*. В. Ф. Миллер допускал возможность нахождения русского слова в составе названий населенных пунктов России.⁵

Салом у русских пользовались в различных видах, помимо употребления в пищу. Добывание его происходило и охотой наравне с мехами.⁶ Жертву изготовляли с чистым салом. Вообще у славян жир, следовательно и сало, употреблялся как предмет туалета: им натирали тело.⁷ Его подмешивали к воску, предмету вывоза из Руси.⁸

Появление сала в числе туалетных предметов заслуживает особого внимания. Пережитки базиллов, одно время союзников хазар,⁹ ныне именующиеся бацбиями (зовут их другие цова-тушами), сохранили по сей день такое использование сала

¹ Привошу И. А. Орбели благодарность за предоставление рукописи мне для пользования

² См. выше, стр. 71.

³ См. выше, стр. 71.

⁴ Эту же особенность стиля мы наблюдаем также в памятниках грузинской литературы, в частности у Шоты из Рустава. Р. Блэйк отметил ее и в переводных агнографических грузинских текстах X в., и работы, между прочим, над этим вопросом грузинского стиля его увлекли в поездку на Кавказ к грузинским рукописям.

⁵ В рецензии на М. П. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка (ЭО, 1890, № 4, стр. 181): «Быть может, финское слово «сало» (лесистый, лесная местность и т. п.) сохранилось в некоторых названиях русских сел, возникших на территории финнов, но что не мешает нам производить название деревень с этим корнем (напр., Салово) от славянского сала или от фамилии Саловых». Поскольку топонимические термины — доисторического происхождения, названия *sal*, *sal-t* (ср. Верхние Салты и т. п.) намечаются к разъяснению как этническое наследие от сарматов, о чем особо.

⁶ «Добыша много зело, блют сало звѣриное и кожи то ѿ добытки», Жит. Зосимы и Савватил (Бул., 733) по цитате в словаре Срезневского, с. 7.

⁷ Сперанский в рецензии «Новый труд Л. Г. Нидерле о славянских древностях» (Lubor Niederle, Slovanske starožitnosti . . .), ЭО, 1912, № 3—4, стр. 64.

⁸ Договор с Рогой 1330 г., см. в словаре Срезневского, с. 7.

⁹ См. ниже, стр. 95.

в туалете: «в сале растирают ртуть, тадбйқи, букв. 'серебряную воду'¹ и этим раствором мажут себя для уничтожения вшей».² Это же открывает возможность обращения сала в предмет широкого товарообмена. У армян, поныне сохранившихся местами использование ртути в тех же гигиенических целях, в средневековом городе Ани раскопки обнаружили громадное количество «яйцевидных» глиняных так называемых ртутных сосудов.³ Потребность в сале в одних этих целях должна была быть еще ббльшая, если средство против вшей готовилось по-бадбйски. Для армянского автора слово *salo*-у являлось, по всей видимости, экзотическим, во всяком случае не всем понятным, почему он и прибегает к армянской фигуре своеобразного *év dix duxt*. Если это вклад писателя X века, задача сравнительно более легкая: со вторжением русских в Албанию, в 914 или в 944 г., придется связать и судьбу термина. О первом походе Масудий свидетельствует, что «русские оставались многие месяцы» на Каспийском море,⁴ о втором же походе, вторжении в самую Албанию, из Ибн-ал-Асира, предполагается, известно, что русские пробыли больше года в Бардаке (Партаве) и у реки Куры.⁵ Но если пребывание было даже более короткое, за это время одно-другое слово, конечно, могло быть усвоено частью населения от русских.

Но если слово нельзя выделить как чужеродное из описания очевидцем хазарской трапезы VII в., то задача усложняется: еще тогда, следовательно, пришлось бы признать существование этой чисто русской разновидности слова, допустить проникновение русского, герр. восточнославянского элемента на Кавказ в составе ли хазарского объединения,⁶ или независимо от него.⁷

Если пока, идя по стопам Куника, не придавать никакого значения сообщению арабского источника об усвоении хазарами славянского языка наравне с печенегами и русскими, славянские, именно восточнославянские слова (в числе их и термин «сало»), так же могли иметь право гражданства в хазарской речи, — в речи по природе ни в какой мере не турецкой, по словам Константина Багрянородного (*De Adm. imp.*, § 40), — как позднее славянский лексический материал усваивался половцами или команам,⁸ точнее — тем турецким племенем, которое в науке связывается с племенными названиями половцев и команов.

Правда, про хазар X в. у нас нет сведений, что они употребляли в пищу сало; наоборот, преимущественными предметами пищевого их довольствия настойчиво указываются рис и рыба,⁹ и о сале можно говорить разве гадательно при распространительном толковании этого показания, как о приправе для блюда из

¹ Как в грузинском — *verđqis ikal*.

² Из моих записей 1914 г. для тушского или бадбйского словаря.

³ Исследование их, принадлежащее перу И. А. Орбели, должно было появиться в одной из серий Кавказского историко-археологического института, затем было намечено и к напечатанию в изданиях Академии истории материальной культуры.

⁴ Масудий, II, стр. 22.

⁵ По Гаркани, ссылающемуся на Ибн-ал-Асира без указания места, такое долговременное «пребывание легко могло подать повод к ошибочному известию, что русские живут там», см. Сказания о хазарах, стр. 324.

⁶ См. ниже, стр. 98.

⁷ См. ниже, стр. 92 сл., 108.

⁸ Голубовский, ТНП, стр. 63.

⁹ Ибн-Хаукаль в переводе Н. А. Караулова, СМ, вып. XXXVIII, стр. 112; ЭО, 1902, вып. 1—2, стр. 38.

риса. Арабское показание о хазарской пище имеет оговорку, что остальное привозится из Руси, Болгарии и Куябы (Киева),¹ но в предметах привоза для местного в Хазарии потребления называется лишь мед и пушной товар, в том числе мех бобровый.² Нет упоминания о сале и в перечне почти тех же предметов, стекавшихся в Хазарию для вывоза, предметов своего рода транзитной торговли.³ Однако в VII веке, поскольку хазары сохраняли природу хазар-горцев, придерживались обычаев горского народа, употребление сала могло быть и племенной особенностью хазарского стола. Даже у снизившихся с гор абхазов любовь к салюной пище по сей день чрезвычайно сильна. Разъясняя, почему свечу абхазы называют 'восковой лучиной' и в связи с этим указывая на позднейшее появление у них салюной свечи, знаток абхазской жизни П. Чарая писал: «Жи́р (сало) редко поистратит абхаз на что-либо другое, так как он составляет его лакомую пищу».⁴

Картина, набросанная армянским историком, не дает места сомнению в любви хазар VII века к жирным яствам.

Однако хазары или русские — проводники занимающего нас слова, спотливо отложившегося от живой речи в литературном памятнике, в народную албано-армянскую среду, где оно, надо думать, не обреталось в столь блестящем одиночестве? Ведь это особое счастье, что армянский историк Албании писал исключительным стилем, нарушая чистоту заветного литературного языка свободным использованием местных народных слов. Хазары же, да и русские народно и мирно были связаны с населением Кавказа, совершенно независимо от военных походов. Хазары, по крайней мере по племенному названию, выходцы с Кавказа или наследники политические таких выходцев. Не касаясь столь изношенного вопроса (но, однако, решенного ли?), как вопрос о племенном названии «русь», термине, как теперь выясняется, яфетического происхождения, мы не можем отрицать, что для яфетидолога в русской речи чужется нечто психологически родное — «здесь яфетический дух... здесь яфетическим миром пахнет». Интимные связи русских с яфетическим Кавказом, как здесь, касаются западной его части, Понтийского района, но и на востоке, и на западе русские в своих этнических

¹ Френ, *Veteres memoriae Chazarorum ex Ibn-Fozlano, Ibn-Haukale et Schems-ed-dino Damasceno arabice et latinae*, стр. 585, 11—12 — перев., стр. 591.

² Френ, ук. соч., стр. 601. Onseley в переводе (стр. 186) персидской версии Ибн-Хаукаля вместо пушного товара дает 'воск'.

³ Ибн-Фадлан называет «мукку, гезр, рабов (при чтении رقيقъ см. دقيقъ), мед, бобровые и другие меха» (Френ, ук. соч., стр. 586 — пер., стр. 591). О сале на культурном юге уже не как самостоятельном блюде, да и не приправе к пище, а как материале, технически приводящем в предметы также первой необходимости по гигиене или медицине (см. выше, стр. 91), по слесарному делу и т. п., конечно, мы не можем и ожидать прямых указаний в общих историко-географических сочинениях, как о перце, имбире, гвоздике, нарде и т. п. произведениях Востока, называемых испанским арабом Абу-Бекром Тортуши и в перечне виденных им в Майнце товаров, шедших в тот край, повидимому, с необходимыми в нем саманидскими дирхемами (Френ, *Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers aus dem XI Jahrhundert über die Stadt Mainz*, *Mém. de l'Ac. des sc. de St. P.*, 9-я серия, II, стр. 83; В. Григорьев, *О купеческих монетах, отлитых из 300*, стр. 52 — *Россия и Азия*, стр. 166), т. е. в путях торговых связей славян с одной стороны с Востоком (в определенное время через хазар), с другой — с Прибалтийским краем и далее. Разве вскрыются данные в специальной литературе, как, напр., в лечебниках и т. п. сочинениях.

⁴ П. Чарая, *Об отношении абхазского языка к яфетическим*, МЯЯ, вып. IV, 1912, стр. 47. Ср. любовь украинцев к салу.

отношениях к коренному населению Кавказа таинственно сплетаются друг с другом, да в довершение всего многоименная меняющаяся на рубеже с Кавказом масса гадательно определяемых племен чинит разрыв их с древним и ныне живым яфетическим миром. Распутать этот клубок пока нет сил. Пока достаточно отметить существование этого клубка и его сложность на ряде конкретных фактов и остановиться на торговых сношениях, собственно на этно-лингвистической подоснове названий товаров. Такой подход, разумеется, еще не решит вопроса, как прошло слово «сало» к армянам Албании, но он способен бросить некоторый свет в сторону искомого пути.

IV

В первую очередь выступает терминологический вопрос о хазарах. К вопросу о племенной номенклатуре кавказских и прикавказских народов мы подходим в другой работе, где излагаются основы яфетической морфологии в соответственной части этнических терминов. Пока мы можем лишь констатировать, что происхождение хазар раскрывалось с помощью письменных источников исторических эпох и отбираемыми из них данными для предопределенного научного умоностроения. В пределах этих более доступных материалов хазары постепенно выявились если не как бесспорные турки, то как бесспорно турецкая политическая организация. В посмертном издании 1916 г. «Исторической географии» С. М. Середовина хазары так и названы «повидимому, тюркский народ».¹ Для этих турок-хазар имеет, быть может, лишь пережиточное декоративное значение то, что известно теперь нам, яфетидологам: они носят яфетическое название (qaz-ag || qaz-ig), унаследованное от древних яфетидов, потомки которых иной племенной среды тем же по существу названием, словом от основы того же термина kas (→kaz) ←kas (→kaz →qaz) в параллельной яфетической форме мн. числа kaz-oq →qaz-q и т. п., величают ныне и русских.² Правда, и про более поздних,

¹ Стр. 96.

² Что слезгини и другие народцы Кавказа до сих пор называют евреев «хазар» (Хазарское царство, указ. изд., стр. 41), требует более точных указаний, если это не плод недоразумения. О названии русских тем же этническим термином речь будет особо. Есть, конечно, ряд и с простым k, не аффрикатом, — kas, герм. kaz, и не только у Jordanes с подъемом в /ʃ/ (ср. bas /ʃ baʃ в термине baʃbi, Н. Марр, Кавказские племенные названия и местные параллели, стр. 32): a-kaʃ-ig, герм. a-kaʃ-ig, в Getica, 63 (изд. Mommsen'a), в Ravennatis anonimi Cosmographia, IV, I, изд. Pinder et Parthey, Берлин, 1860, стр. 168 и Guidonis Geographica, там же, стр. 552, но и у Приска, то с ассимилированным, то с десимилированным подъемом — a-kaʃ-ig (герм. a-kaʃ-ig) || a-kat-ig в рассказе о событии V века (448), и др. В предании этих западных авторов, за дополнительные справки по которым приношу искреннюю благодарность А. А. Васильеву, название для яфетидолога представляет интерес и суффиксом мн. числа -ig, по тождеству с армянской разновидностью — qaz-ig, и именным префиксом a-, общим с племенными названиями именно горцев a-da-ge, a-baz-g'ы (абхазы), a-qs-ii'ы и т. п. Может не уходить материал из круга яфетидологической морфологии племенных названий и тогда, когда образовательный слог -er || -ig появляется в составе сугубого мн. числа (-kas || -ig+s) в сочетании с показателем множественности s, так в племенном названии A-gaʃ-ig+s, как в бабийском языке чеченского ответвления северо-кавказских языков эввивал (в этом же s, шипящая его разновидность — ш /ʃ/ дает в сочетании с тем же образовательным элементом мн. числа -ag || -ig параллельное сугубое окончание мн. числа -ag-ʃ || -ig-ʃ). Единственное возражение, которое мне представляется законным, против предложенного анализа A-gaʃ-wg'a, связано с возможностью наличия в нем составного этнического термина, в таком случае разлагающегося на части A-gaʃ-wg'a, т. е. за отстранением префикса a- наличие двух племенных названий gaʃ (← kaʃ ↖ kas) и wga, герм. gwa, следовательно, в переводе 'касо-русы'. Имеются факты, оправдывающие для kas разновидность

вполне исторических хазар арабский географ X века Ибн-Хаукаль как будто ясно пишет: «Язык чистых хазар не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из языков известных народов»,¹ и в этом русском переводе сообщение араба давно воспроизведено на пользу интересующихся и в «Этнографическом обозрении»,² но при туркологической абинации ученой среды (однако, в конечном счете, на пользу ли туркологии?) ныне и несвоевременно, даже «ненаучно» указывать на такие резкие противопоставления по излюбленным гипотетическим построениям.³ Вопрос, наконец, не в языке одном, а в этнологических сведениях, если пока не касаться этнографических данных и памятников материальной культуры. Те же письменные первоисточники прямо говорят о гибридности хазарского народа, о типе черном, курчавом, и типе светлом, и если историческая наука, однако, бесспорно права в разъяснении средневекового хазарского политического объединения как турецкого, то этнолог и лингвист не менее прав в утверждении, что в таком случае хазарский народ, как этническое целое, в массе не гибридная, а трехсоставная помесь, яфетическо-арийско-турецкая,⁴ и всякий унитаризм в исследовательском подходе к вопросу о хазарах обречен быть поме-

гад и для гис разновидность итс → wтs. Что же касается того, что акадиг'ы отождествляются с гуннами, а а-гад-угс'ы являются по Геродоту одним из подразделений скелотов или скифов, это лишь повелительнее требует бережно относиться в этих вопросах к кавказским яфетидологическим материалам. У этих материалов не только особые счеты со скелотами-скифами, но в них самих, яфетических номенклатурных данных, мскони наличны, более того, природны такие термины, как гун (hон → hун) и т. п. Этнологическое освещение вопроса об Агадугс'ах с признаками матриархии отводит им место в кругу яфетидов: с этой точки зрения оценивается существование у них полиандрии (W. Ridgeway, Who were the Doriaus, Anthropological essays presented to Edward Burnett Tylor, Оксфорд, 1907, стр. 299).

¹ В переводе Н. А. Караулова, Сведения арабских географов IX и X вв. по р. X. о Кавказе, Армении и Азербейджане, IX, Ибн-Хаукаль, СМ, XXXVIII, стр. 113. В подлиннике текст гласит: *والخزر الخلق لسانهم غير لسان الترك*, *و الفارسية ولا يشاركة لسان من السنة الامة*.

В некоторых списках Хаукаль вторит Ибн-Фаллану (Френ, ук. соч., стр. 608, прим. 75): *لسانهم غير لسان الترك والفارسية* («язык их отличен от языка турецкого и персидского»). Да и в тексте по изданию de Goeje (см. выше) Ибн-Фаллан по передаче у Якута (Френ, стр. 585, 13—15): «язык хазар отличен от языка турецкого и персидского, и не имеет с ним ничего общего иной язык — язык какого-либо народа», и хазары не похожи на турок» и т. д. У Хаукаля любопытная оговорка, что речь идет об языке подлинных или чистых хазар — *الخزر الخلق*.

² ЭО, ук. м. (см. Френ, ук. соч., стр. 602, прим. 74).

³ Эта абинация как будто имеет давнишнюю дату: в некоторых списках сочинения Ибн-Хаукаля, так во всяком случае в английском переводе его персидской версии, утверждается совершенно обратное, именно, что «язык их подобен языку турок» (Ouseley, The Oriental Geography of Ibn Haukal translated, стр. 186) и «народ хазарский почти то же, что турки, на которых они похожи» (ук. соч., стр. 188, см. Френ, ук. соч., стр. 603, прим. 74 и 78). Более того, у самого Якута в большом географическом словаре хазары появляются под названием турок, так, напр., в описании трех городов Беленджера, Семендера и Хамлиджа, приведенном еще Френом, ук. соч., стр. 612—613, но в нашем вопросе о таком *terque quaterque* гибридованном народе, как хазары, есть основание возникнуть подозрению, не обязаны ли своим происхождением эти чтения и разночтения позднейшего восприятия термина «турки», когда уже не знали о существовании коренного местного кавказского турка-яфетида. О кавказских туках-яфетидах, их прослеживаемой по переживаемым в этнографической номенклатуре Кавказа названиям переселенческой истории см. Н. Марр, К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа, ИАН, 1916, стр. 1403—1405. Пока она прослежена в направлении от центрального перивального района Кавказского хребта на запад к северо-восточному побережью Черного моря — в тот гео-этнический район, где рано всплывают и хазары.

⁴ Отстраняем пока иудаизм, как связанный, повидимому, лишь с религиозной и социальной стороной хазарского вопроса в его культурно-историческом аспекте, но не этнологическом, если речь действительно о семитах-иудеях.

хой на пути правильного его разрешения. В настоящих условиях для того, чтобы говорить о хазарах-яфетидах, нам пришлось бы, пожалуй, значительно отодвинуть хронологически от VII в. их этнографическую среду дальше в глубь, хотя бы во II век н. э., к каковой эпохе относится упоминаемое Моисеем Хоренским вторжение кавказских горцев, именно и хазаров, герс. хазиров, и бесспорных их сородичей баселов, по названию предков нынешних цова-тушин, поныне именующих себя бацбиями, параллельным к термину «басилы» образованием мн. числа — $ba\delta-bi \searrow *bas-bi \parallel bas-i$.¹ Если бы не сохранять яфетических окончаний мн. числа ни $-ar$ ($\parallel -ur \sim -ir$), ни его эквивалентов $-q$ и $-bi$, по-русски хазар мы должны бы называть хаз'ами, герс. кас'ами и т. п., а бацбиев (цова-тушин) или басилов — бас'ами, герс. бац'ами.² Выделение этих горцев-хазар Хоренского из племенного содружества с басилами и усматривание в их вторжении протостории позднейших хазар, насыщенных турецкими элементами, как то делал Григорьев, предполагает в нем самоуверенность в обладании таким запасом этнографических знаний по Кавказу, каким не располагал тогда и не располагает и теперь ни один кавказовед. Фактическое положение таково, что разъясненная морфологическая природа племенного названия $qaz-ar$ ($\parallel qaz-ir$), при постановке затронутого нами этнологического вопроса во всем его жизненном масштабе, требует освещения его в объединении с вопросом о таких исторически известных горских народах западного Кавказа, как сваны и абхазы, поныне сохранившие в живой речи образование мн. числа, первые — на $-ar \rightarrow -\ddot{a}r \rightarrow -er$, вторые на $-ra$ ($\infty -ar$).³ Мы будем ближе к истине, если признаем, что в случае с Григорьевым было, как и ныне наблюдаем с Марквартом (да с одними ли ими?), полное игнорирование местных кавказских этнологических вопросов: они им даже не чуялись. Это незнание со сложными этнографическими материалами

¹ Н. Марр, К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа, ИАН, 1916, стр. 1400 сл.

² Когда академик А. И. Соболевский (см. ниже, ук. соч.) в «каспиях» опознает греческое $\iota\lambda\lambda\iota\kappa\acute{\alpha}$ путем признания в нем «скифского [?!]», собственно иранского $*ak(a)-asr$ 'зло-ковный' (ук. соч., стр. 44), то это и есть одно из ярких доказательств нахождения в тушике без надежды на самостоятельный выход не того или иного лингвиста-индоевропейца, а всей индоевропейской лингвистики, ибо движущаяся вперед жизнь науки выдвигает вопросы порядка цитованного случая, а индоевропейцы вынуждены или молчать с ссылкой на неразрешимость (это мудрейшее проявление научной компетенции), или давать разъяснения в роде толкования «каспия», мн. ч. от *kas*, через иранск. *asra* 'лошадь'.

³ Мы не исчерпываем перечня связанных с ними в этом отношении народов Кавказа, поскольку сейчас не касаемся вопроса во всем его объеме, следовательно, не касаемся и кавказского востока и юга. Строки многознающего Маркварта (Marquart), посвященные форме мн. числа на $-ar$ (Über das Volkstum der Komanen в Osttürkische Dialektstudien. Von W. Bang und J. Marquart, Abhandl. der K. Ges. der Wissensch. zu Göttingen, Philol.-histor. Kl., новая серия, т. XIII, Berlin, 1914, стр. 26, прим. 2), нас повергают в крайнее смущение отсутствием знания кавказских лингвистических фактов в полной мере, не говоря об отсутствии меры в научных построениях и особенно в злоупотреблении ими в областях ему малоизвестных. До геркулесовых столбов произвола, основанного на отсутствии даже элементарных знаний по кавказоведению, Маркварт доходит в своей «кавказоведной» этимологии термина «турк», морфологически отождествляемого им с «уграми» (Osteur. und Ostas. Streifzüge, Leipzig, 1903, стр. 56). Впрочем, мы не в претензии несколько и не имеем права быть в претензии на иностранного ученого, когда вас не читали и не читают и разумеющие по-русски. Достаточно зарегистрировать, как факт, появление в 1923 г. в ИОРЯС, 1921 г., т. 31, разъяснений акад. А. И. Соболевского о скифах (стр. 3 сл.), каспиях (стр. 44) и т. п. яфетических племенных названиях в его работе «Русско-скифские этюды».

Кавказа и давало смелость таким крупным ученым, как названный русский ориенталист, не только легко отводить место сообщению местного писателя о хазарах в своем о них построении,¹ но и аннулировать собственным остроумным предположением значение кавказского предания, как то случилось под пером того же ученого с сообщением Грузинских летописей.² И как письменный источник, Грузинские летописи в части о хазарах имеют не самостоятельное, а связанное с восточнокавказской традицией значение. В этом смысле нельзя разлучать их с персидским и армянским источниками, выделять их в нечто по существу особое. Правда, в 1876 г., когда перепечатывалась цитованная статья Григорьева, впервые появившаяся в 1835 г.,³ немецкий ученый Гутшмид⁴ отверг историческое значение основного источника и армянских преданий, выражаясь словами Куника,⁵ «самого Моисея Хоренского сдвинул, как историка, с того пьедестала, на котором он, благодаря недостаточной критической оценке, стоял в продолжение целого столетия», а двумя десятками лет позднее сдвинутый с пьедестала кумир был низвергнут арменистами Каррьером и Г. А. Халатовым и разбит ими вдребезги в работах, открывших заинтересованным кругам, что и критическая оценка не менее подлежит смещению с пьедестала и свержению в прах, когда она не основана на возможной полноте знаний материального мира, выяснению истории которого служит судимый источник. Легендарные детали, вплоть до сказочной хронологии, это неотъемлемая особенность каждой действительной национальной традиции народа об его начальной истории, какое бы бесспорно здоровое племенное предание ни лежало в ее основе. Факт же тот, что в части сообщения Грузинских летописей о хазарах и ядро, народное предание, и оболочка, письменная разработка, есть вклад восточных грузин, картвелов, имевших особые генетически-племенные связи с народами Албании, с жизнью этой именно страны. Для них хазарское нашествие как бы начало истории родного края, и с установлением его времени надо быть осторожным, особенно же осторожным с тем, в каком смысле местные племена, в числе их именно картвелы, впоследствии отложившиеся в грузинах-картвелах или составившие их основу, употребляли народно такие этнические термины, как «хазар».⁶

В вопросе этом, кроме реально-бытовых местных материалов, выделяемых в другую работу специально по племенной номенклатуре кавказских и прикав-

¹ Обзор политической истории хазар (Россия и Азия, 1876), стр. 48 сл.

² Ук. соч., стр. 45 сл., особенно 46—47.

³ Сын Отечества и Северный Архив, т. XVIII, стр. 566—595.

⁴ Berichte der philos.-histor. Klasse der K. Sächsisch. Gesellschaft der Wissenschaften, 1876.

⁵ Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, часть I (Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена), приложение к XXX тому Записок Академии наук, № 2, стр. 148.

⁶ В примечании 6 на 47 стр. цитованного труда Григорьев отвошевил к грузинскому источнику, тогда казавшемуся произведением Вахтанга, определял своим отношением к переводчику Клапроту (Klaproth), на основании отзыва Броссе (Brosset) о малых его познаниях в грузинском, но дело не в Клапроте, кстати для того времени в горско-племенных вопросах лучше ориентированном, чем грузиновед Броссе, не в Броссе и не в Вахтанге, а в племенном составе населения Кавказа и смежным веками клубке его этнических традиций, в который вклинен и вопрос о хазарах: его, этот клубок, легко, пожалуй разрубить, и несравненно труднее его размотать, но задача ли науки идти в направлении наименьшего сопротивления?

казских народов, порою вторгаются книжные данные, притом не только из кавказской литературы, но и из св. писания, используемые по «научным» соображениям средневековых писателей, и этой части библейской терминологии интересно теперь же коснуться, поскольку ее влияние сказывается и на армянском историке Моисее Утице. Еврейский «путешественник Петахия называет хазар мешехом, а позднейшие (еврейские) писатели обозначают этим названием Россию (Московию)».¹ Гаркави, делая сообщение об использовании еврейскими писателями в применении к хазарам и русским термина мешех, герс. мошох, который к тому же, как теперь мы знаем, есть не библейско-книжное, а реальное яфетическое племенное название, приводит с основательным изумлением² дальнейшее развитие всерьез этого несуразного отождествления под пером Раулинсона (Rawlinson): «английский ученый считал достаточно обоснованным возведение мосхов или мушков [наших яфетидов] в предки московитян, «призванных Фивнов» «гуравской расы», «завоевателей славян»».³ Но сейчас я обращаю внимание лишь на факт называния, в кругу еврейских средневековых писателей, хазар мешехами, библейским термином, и перенос этого же термина на русских. Моисей Утиец использовал равным образом тот же библейский термин в форме мосох, следовательно, мошох в качестве названия северного варварского национального объединения, но в сочетании с другим, также библейским племенным названием «рос», герс. «рош». В то время царь рос-мосохов с своими полчищами Фовельскими (тубальскими) собрал также все войско гуннов (нон'ов),⁴ «сам великий царь рос-мосохов».⁵ Любопытно это составное, именно сугубое племенное название с прихождением «рос» в устах албаво-армянского писателя, когда он говорит о северном грозном национальном объединении: Моисей Утиец говорит о гуннах (нон'ах), но в использовании составного термина из библейских племенных названий он руководствуется не реальным этнологическим обоснованием,⁶ а, во-первых, географическим, речь об объединении племен северной страны, и, во-вторых, созвучием библейского роса с реальным ему же известным названием современного ему племени: современник хазаров, равным образом северного народа, по их образу, как объединение мосохов с росами, представляет армянский историк себе и более древних гуннов (нон'ов), и, следовательно, косвенно может давать нам указание на наличие в составе хазарского объединения не библейских, а реальных росов, т. е. уже восточных славян.

¹ Гаркави, Сказания о хазарах, стр. 316—317.

² Ук. соч., стр. 317, прим. 1.

³ History of Herodotus, Лондон, 1862, т. I, стр. 535, ср. там же, т. IV, стр. 180, где, впрочем, еще в 1847 году то же самое книжное библейское составное название из текста историка Албании Боре (Bore) серьезно толковал в том же смысле русских московитян как самостоятельный живой этнический термин (ук. соч., стр. 53, прим. 4): «On peut remarquer ici le radical ros, nom qui se rapproche de Russie ou Russe que les orientaux appellent aussi Moscou».

⁴ Моисей Утиец, I, 29. изд. Эмина, стр. 73 (перев. Патканова, стр. 73): ... ճագաւորաբ Բոսմոսօղաւ . Օօբելակաբ ցանձաւաբ . . . չօրօս Ոռոսճ .

⁵ Ук. соч., I, 30, изд. Эмина, стр. 76 (перев. Патканова, стр. 76): իրօբ իճկ մե՛ ճագաւորաբ Բոսմոսօղաւ .

⁶ Мы пока не решаемся признать, в распоряжении ли Моисея Утицы положительные знания или хотя бы предания о тех действительно обитавших искони на северном Кавказе рошах и мосохах, существование которых вскрывается лишь в наше время яфетической лингвистической палеонтологией в местной кавказской же этно-географической номенклатуре.

Одно время самих хазар в ученом мире склопались признать или готовы были склониться признать, согласно изысканиям Венелина,¹ славянским племенем: как ни как, такому мнению отводилось место в авторитетном международном научном органе.² В доводах Венелина совершенно примитивные, пожалуй, и для его эпохи, приемы филологической работы лингвистических обоснований. Естественно, это надолго должно было испортить в ученой среде вкус к выяснению реальных славяно-хазарских, особенно русско-хазарских этнокультурных связей.

Востоковед академик Френ письменными первоисточниками, бывшими в его распоряжении, вынуждался начать свою сводную материальную по источниковедению работу с положения, что история хазар есть часть древней истории Руси в состоянии особого с нею сплетения.³ Это сплетение, повидному, нет основания ограничивать вопросами лишь политико-экономического порядка.

По показанию, дошедшему до нас в компилятивном труде арабского ученого конца XI века, ал-Бекри (ум. 1094), хазары из-за смешения со славянами говорили по-славянски наравне с другими народами севера, в числе их наравне с печенегами и русами.⁴ Правда, Куник считает маловероятным, чтобы хазары и печенеги усваивали славянский язык, смягчая свое ни на чем материально не основанное опорачивание восточного известия оговоркой, что славянский «мог быть общим языком, особенно в пограничных областях». Но, быть может, в настоящее время мы также можем не смущаться вообще недоверием Куника к сообщению арабского источника об усвоении хазарами славянского языка, как мало смущался сам Куник считать норманными русов, упоминаемых ал-Бекрием между такими «северными народами», как печенеги и хазары, и постольку выражал готовность вполне доверять в этой части тому же арабскому источнику о замене ими родного языка, по Кунику шведского, славянским.⁵ Впрочем, для целей настоящей работы по вопросу о русском слове «сало», когда ищем путей его прохождения от русских в Албанию, было бы достаточно знания хазарами восточнославянской речи хотя бы в пределах, отводимых оговоркой Куника.

¹ Ю. И. Венелин, Критические исследования об истории болгар, Москва, 1849, стр. 134.

² L'Institut, journal universel des sciences et des sociétés savantes en France et à l'étranger, II-ème section, sciences historiques, archéologiques et philosophiques, т. 12, 1847, avril, № 136, где на стр. 54 в статье «Ethnographie. Histoire des Aghovans» Eug. Boré про наших именно хазар писал: «чтобы успешнее парализовать силы противника, император Ираклий заключает союз с хазарами, славянской расой, по новейшим изысканиям Венелина» и т. д.

³ Veteres memoriae Chazarorum ex Ibn-Fozlano, Ibn-Haukale et Schems-ed-Dino Damasceno arabice et latine (Mém. de l'Ac. Imp. des sciences de St. Pétersbourg, т. VIII, 1822, стр. 577): «Nos prae ceteris Russiae magnopere interesse debet, ad quam quippe illius res maxime attinent, quae, ex parte quondam Chazaris vectigalis, eorum deinde vires sociis Graecorum armis adjuncta, fregit, eos delevit, eorum, agros occupavit, ditioni suae adjecit, cujus (ut paucis dicam) historiae antiquae arcte mixta Chazarorum historia est».

⁴ Куник и Розен, Известия ал-Бекри, стр. 39, 5—6 = русск. пер., стр. 54, 5—8.

⁵ Мы здесь не поднимаем вопроса о реальном значении термина «славянин», оказавшегося, как теперь уже разъяснено, равнозначностью «скифа» или «сколота», именно вопроса о том, идет ли в цитруемых источниках речь всегда исключительно об индоевропейских славянах, русских и др., или иногда еще о не тронутом индоевропейцами «арктическом» народе Прикавказья скифского племени.

V

Не исключается, впрочем, и самостоятельное движение русских в Восточно-кавказский район, поскольку исторический факт, что они были хозяевами по северо-восточному побережью Черного моря. Нельзя учитывать лишь для царьградской стороны потенциальное значение того, что «существовала какая-то Русь южная, которая громила берега Черного моря еще в первой половине IX века, которая и в то уже время является народом давно на юге известным, а, следовательно, фигурировавшим на юге еще раньше».¹ Материалы, бывшие еще в распоряжении Хвольсона, располагали его заключать с некоторой достоверностью, «что имя Русь не было дано нынешней России варягами, но было туземным у нас именем и употреблялось уже очень рано в обширнейшем смысле».² Во всяком случае «русы жили на берегу Черного моря», и, по Масудию,³ «по этому морю ходят исключительно их же суда». Помимо весьма тесных связей русских с Тмутараканью, их раннее существование на северо-восточном берегу Черного моря свидетельствуется арабской версией жития св. Григория, памятником в переводе не позднее IX в., в котором Русь смешивается или отождествляется с населением северного Понтийского геэтнического района, именно с абхазами.⁴ Мое скептическое отношение к этому отождествлению абхазов с русами⁵ вытекало из желания быть осторожным, причем мною упускалось из виду, что ввиду отнюдь еще фактически не разъясненных русско-кавказских отношений, при бесспорно тесной их связи, осторожность именно требует бережно относиться к каждому фактическому указанию.⁶

С другой стороны, когда араб приводит русское или славянское слово в арабской транскрипции, нельзя предпринимать правильное чтение такого лингвистического материала с заранее составленным мнением, что арабский источник под русским или славянским понимает то, что общепринято ныне понимать у нас, а, наоборот, возможно бережным анализом сообщаемого лингвистического факта установить: что данный араб в данном случае понимал под термином «русский»

¹ П. Голубовский, Критико-библиографический обзор трудов по древнейшему периоду русской истории, Киев, Унив. известия, № 8, стр. 52.

² Ук. соч., стр. 177.

³ Стр. 15, там же, стр. 1, 262 и выше, стр. 142, прим. С.

⁴ Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (Арабская версия), 1905, ЗВО, т. XVI, арабский текст, стр. 132, 17, 133, 24—25.

⁵ Ук. соч., стр. 160—161.

⁶ Кстати, ввиду какой-то тесной связи руссов с абхазами внимание обращает на себя совпадение названия одного из племен их с названием населенного пункта на абхазской территории. Перед рассказом об экспедиции руссов 913 года на южное побережье Каспия Масудий пишет (II, стр. 18—24, см. Хвольсон, ук. соч., стр. 166): «Руссы состоят из многих народностей разного рода. Самое многочисленное племя их, по имени ei-Lūdžan-ад, торгует с Испаниею, Римом, Константинополем и Хазариюю». Попытки найти объяснение племенного названия путем внесения в него «поправок», иногда многочисленных изменений, от названия не оставляющих ничего, пожалуй, и можно оправдать палеографически, как то старались сделать толкователи, в числе их Хвольсон (ук. соч., стр. 167), по «ближайшей и самой простой конъектуре» в Lūdžana узнававший Nūgmān'a, т. е. норманнов, но, отнюдь не возражая против самого отождествления этих двух племенных образований по совершенно иному основанию, я все-таки считаю нужным учесть и то, что у Пицунды поныне сохранилось село с созвучным названием Ldā (Ldāā ← *Ludāān).

или «славянин»? В этом смысле очень характерен тот бурный натиск, который проявляли ученые в исправлении арабских транскрипций, чтобы вычитать славянские слова, так как у арабов они шли за славянские, как, напр., السح al-s-h в значении 'улья' у Ибн-Дасты¹ Хвольсон прочитал الشح sh-ш-d, чтобы вычитать слово, отождествимое по созвучию с хорв. ulšće 'улей'.² Между тем возможно, что s-h (al-, герм. el-, есть член арабский) может быть арабской передачей абхазского шқа 'пчела' или šqa (↘ sqa) 'улей'³ в составе а-šqa-šqa 'воск',⁴ груз. ska 'улей', м. ska 'улей' (фска 'пчела', sqa id.) и т. п.⁵

С другой стороны, наблюдения последнего времени над историко-культурным значением гео-этнических единиц Кавказа обратили наше внимание на то, что кто утверждался ногой на северо-восточном побережье Черного моря, тот являлся притязателем, всегда успешным, на активное участие в направлении судеб Прикаспийского района Кавказа. Любопытно в этом смысле прослеживание этого явления по распространению царьградской культуры в эти края: утвердившись на северо-восточном побережье Понта, царьградская культура, будучи христианской, поддерживала византийское, т. е. греческое, православие; став же мусульманской, она была опорой суннитства турецкого и вообще как бы католического арабского. Именно Албания в этом отношении представляет интерес, как поборница греческого православия, да и греческой политической ориентации, независимо от Грузии. И в мусульманском мире восточного Кавказа прослеживается культурно-историческая связь с тем же понтийским миром, более интимная и реальная, чем мы себе то представляем по наличным в специальной литературе разъяснениям. Когда местный восточнокавказский персидский поэт Низами использовал для своего поэтического творения налчие в крае предания о русских, то, можно думать, они имели более глубокие корни, чем преходящая связь кратковременных опустошительных их вторжений в IX—X вв.⁶ Но вопрос в полном и реальном масштабе связан еще более, чем с религиею и поэзиею, с источником развития материальной культуры, торговыми путями. Когда мы имеем такое количество, хотя бы, одних куфических монет в России,⁷ то не показатель

¹ Хвольсон, гл. V, § 2, стр. 21, I и разв. 2.

² Ук. соч., стр. 127.

³ Н. Марр, К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических, МЯЯ, вып. V, § 18, стр. 40.

⁴ И. Чарал, Об отношении абхазского языка к яфетическим, МЯЯ, вып. IV, стр. 46, 120.

⁵ Материал для поддержки яфетического происхождения термина оказывается и в речи европейских яфетидов, народа месекского или абхазов (← а-басков) — бацков. Особого разъяснения требует и الشح медовый напиток болгар (см. Френ, Die älteste Nachrichten über die Wolga-Bulgaren, стр. 557, 569, и раньше, стр. 516, прим. 46: в правильности вокализации с кесрол, как читает Френ — «Silschil» можно сомневаться). Пока отмечу лишь излюбленность этого напитка у яфетидов-горцев — сванов, абхазов — со сродным названием.

⁶ См. Григорьев, О древних походах руссов на Восток, Россия и Азия, стр. 32—33. Вторжений было не менее четырех, о р. Kunik, Sur l'expédition des Russes Normands en 914 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizami, Ibn-al-Athir et Ainy (Lu le 18 decembre 1846) в Bullct., т. IV, стр. 188 = отд. отт., стр. 10.

⁷ Еще В. В. Григорьев в результате простой регистрации кладов восточных монет VII—XI вв. халифата, в частности Передней Азии, в России и вообще на севере пришел к следующему выводу: «Если не вся, то большая часть монет в России и Прибалтике обязаны существованием своим тор-

ля это, что в обмен на Восток могли попадать предметы русского производства, естественно, с русскими названиями.

Те же торговые пути до куфических монет выявляются сасанидскими блюдами и сасанидскими же их сверстницами-монетами. И едва ли есть основание вообще культурные, следовательно торговые сношения Кавказа и Передней Азии с тем же севером начинать с сасанидских монет V и VI веков н. э.¹ Справедливо было замечание А. И. Черепнина, что «начало торговых сношений северо-восточной Европы с востоком (Азией)» «скрыто от нас в глубине веков», и, очевидно, для этих эпох глубокой древности, раз не находим таких показательных предметов материальной культуры, как монеты, тем более неизбежно сосредоточение внимания на лингвистических кавказских и переднеазиатских материалах соответственной давности, или письменных, значительно предшествовавших сасанидским и вообще иракским письменам, или живых словесных, пожиточно сохранившихся на Кавказе до позднейших времен, до наших дней. Впрочем, когда нас интересуют эти мирные культурные связи Передней Азии и Кавказа с населением вообще территории, на которой возникла русская историческая жизнь, теперь нельзя говорить, что «мы не имеем никаких определенных данных» и материального порядка, «которые хотя бы приблизительно указывали на эпоху начальных сношений». Если даже откажемся от ссылки на до сих пор не оправданное памятником сведение о захождении клинописи и ванской системы до северных пределов Албании в Прикаспийском районе Кавказа, откопанная Орбели в Ване надпись халдского царя Сардура II, повествующая об его походе, как выходит из толкования, до берегов Черного моря в VIII в., не стоит одиноко, поскольку она вскрывает перспективу более тесных не только военных, но и мирных сношений интересующих нас юга и севера, откуда также были военные вторжения в те же эпохи в кавказские и далее прилегающие с юга страны.² Памятники юга России, именно вещественные из могильников, уже обратили впервые внимание ученых на связи тех же культурных стран северной с южной. Но при хазарах и русах лишь военные походы находились в связи с торговыми делами и торговыми путями.

Итак, торговые пути известны и до куфических монет и после куфических монет по вещественным памятникам, но у нас нет такого реального представления о тех работниках, если не творцах, этого товарообмена, которые ходили по этим путям. Из уст специалиста, интересовавшегося торговлею русских, мы слышим, что «торговые связи восточных славян, как известно, существовали

говле, которую эти страны должны были вести с мусульманскими и не мусульманскими владениями Передней Азии, преимущественно Каспийского побережья» (О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории, ЗОО, Одесса. 1844 отд. отт., 1842, стр. 41—45 = Россия и Азия, 1876, стр. 151). Возражение Хвольсона на торговое происхождение калон в сточных монетах VII века в России, на отложение в них мерных единиц торговли именно VII столетия (вк. соч., стр. 165) специально и не убедительно. В дальнейшем исследовательская линия с этих нумизматов велась именно и убедительно, что в монетах кладов имеем отложение торговли соответственных эпох.

¹ А. И. Черепнин, Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях, издание Рязанской ученой архивной комиссии, Рязань, 1892, стр. 7.

² Н. Марр и И. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Раскопки двух ниш в Ванской скале и надписи Сардура Второго из раскопок западной ниши, 1922.

с христианской Византией, с отдаленным Востоком, с финским Севером и с соседним полуварварским Западом»,¹ и ни слова о христианском Востоке, равно о Кавказе с южным армяно-грузинским яфетическим миром и северным яфетическим миром, точно и не подозревается их существование ни культурное, ни некультурное; между тем вкладом торговли с Кавказом и через Кавказ является живой инвентарь, не менее показательный, чем такие памятники материальной культуры, как кувшиты и предшествующие им сасанидские блюда и монеты, вскрывающие торговые пути: это — армянские колонии. Для нашего вопроса непосредственный интерес представляет надписями засвидетельствованная армянская колония в Болгарах, энигонов которой естественно усматривать, как то делает Б. В. Миллер, в армянах, которые, поселившись в Астрахани в 1619 г., «закключают с московским правительством специальный договор о торговле, главным образом шелком-сырцом». Жизненно интереснее становится для нас этот факт как путеводная нить к реалиям прошлого, когда особенно бытовая речь приволжан вскрывает более давнее и более глубокое влияние армян в этой отрасли торговли, поскольку чуваша шелк-сырец называют «армянским шелком».² Ведь вне спора, что Албания, с центром в Партаве (араб. Bardağ), служила пунктом, через который проходила артерия товарообмена севера русского и хазарского с переднеазиатским миром. Из самой Албании в Хазарию ввозили не один сырой материал, березу и дуб.³ Из соседних с Албаниею Азербайджана и Армении, частью сливавшихся с нею, Албаниею, или частично сливавшихся ее с собою, вывозили «материю для платья» не только в Хазарию, но и в Русь, вообще в соседние с Хазарию страны. В связи с этим мне представляется преждевременным решение вопроса о происхождении термина «шелк», как заимствования из герм. *silke*, пока не выяснено происхождение основы шег армянских слов шег-ас и шег-ам, одинаково означающих 'шелк', и связь их с яфетическими основами, с одной стороны с мегрельско-чанской *шшала* ← *гшшала* 'ткать', груз. *qsel* 'основа ткани' и др.,⁴ с другой при подъеме начального сибиланта ш в џ — с џег-, наличной в русск. «червь» (← џег-ве || џег-ш-) и т. п. Вопрос, по-видимому, не в одних армянах, игравших с раннего средневековья существенную посредническую роль и в значительно более отдаленных сношениях, чем те, которые связывали Кавказ с прилегающими северными странами. Но все-таки интересно, если бы оно было даже единично, терминологическое свидетельство «товарообмена в обратном направлении», с Кавказа на север, со внесением кавказского термина в русскую речь, как то указывают наблюдения И. А. Орбели касательно армянского названия 'ковра' — *kapert*.⁵ Не касаясь вопроса,

¹ В. Завитневич, К вопросу о культурном влиянии.

² Б. В. Миллер, указ. отчет.

³ Ибн-ад-Факих, *Kitāb al-boldān* (по цитате у Хвольсона, ук. соч., стр. 183), Мн. Sprenger в Берлине № 2, а, стр. 121.

⁴ Терминологический вопрос о шелке настолько богат материалами, что я вынужден извлечь их отсюда для обсуждения в особой статье.

⁵ «Ковер» в письменности свидетельствуется как предмет обстановки у русских с X века (И. Голубовский, Известия Ибн Фодлана о руссах = отд. отт., стр. 12 — 13). Ковер был предметом торговли славяни: «хазарам доставлялись также для передачи в Азию от славян ковры» (Хазарское царство, указ. изд., стр. 36). О наблюдениях, давно сделанных И. А. Орбели, мне известно из личной беседы. Было бы желательно скорейшее их обнародование.

кто у кого заимствовал, мы не можем не указать и на общность в одеянии названия, напр., куртки (русск. «куртка», араб. *ḳurtak*),¹ с грузинским *ḳurtak*, означающим по Ч² «куртка» (с присоединением *ḳatv* «цель», «кольчуга» — *ḳatv-ḳurtak* «панцырь»), по грузинскому же разъяснению того же Ч² «шубка», а по Орб. «барма (*varme*), это одеяние война парадное, надеваемое поверх кольчуги».² Слово известно и в лезгинских языках, так, напр., в кидеройском говоре дидойского языка — *ḳurtāu* «архалук», «бешмет» (мн. *ḳurtāu-bi*), и если, напр., текст эль-Балхия *الأقبية و لفراطق*, как его читал и Хвольсон,³ понять не словарно, а материально и этнографически, эта, по его словам, одежда хазар и его соседей, следовательно, и русских, будет не «куртки и верхнее платье», а обычный ныне кавказский костюм — «архалук и черкеска». Дело не в данной лишь разновидности этого слова, но и в его форме без уменьшительного суффикса *-ak* в виде *ḳorθ*, гесп. с разложением *o* → *wa* в древнелитературном грузинском — *ḳwaḳθ* «хитон», «рубашка».⁴ Также выступает загадкой перед нами связь русского «кресло» с грузинским *ḳwaḳθq̄l* (← **ḳor-θq̄l* ↗ **ḳor-θl*) «престол», наличным в церковно-грузинском *ḳwaḳθq̄l-berk* «подножие престола» и в свою очередь стоящим

в несомненном родстве с араб. *كرسي* *ḳorsāy*.⁵ Распространение этого слова, как названия мебели, далее в белорусском, польском и литовском также мало может указывать само по себе на местное происхождение термина, как нахождение кладов восточных монет в тех же странах — на местный источник чеканки. Впрочем, в названиях мебели у древних русских общи с кавказцами и другие термины, какого бы последние ни были происхождения, как, напр., «скамья».⁶

Дело будет еще более сложным и, пожалуй, безнадежным, если в том или ином термине мы имеем не заимствование, в частности не заимствование из русского, а общее с русским слово. Будет безнадежным потому, что из вопроса о племенном составе русских до сего дня последовательно исключается серьезное внимание к русско-кавказским этническим, в числе их и лингвистическим отношениям. Нашего утверждения не ослабляют своим существованием дилетантские работы доморожденных грузиноведов старой школы, а также и ученых, вовсе не знающих грузинского. Эти работы посылно дискредитируют вопрос не только незнанием с теоретическими основами сравнительного изучения в нашей области, элементарными его приемами, но и незнанием истории грузинского языка,

¹ Эль-Балхи сообщает (см. Хвольсон, ук. соч., стр. 100): «одежда руссов — короткие куртки, а хазар, болгар и печенегов — просторные» или «полные».

² Судя по стиху Шоты из Рустава (Карич., 542, 4), кольчуга была особая, когда надевали «*ḳurtak*».

³ Указ. место.

⁴ Этимология и происхождение термина — вопрос второй очереди, имеющий захватить и семитические материалы. Палеонтологического разъяснения не случайно созвучных *ḳwaḳθq̄l* «трон» и *ḳwaḳθ* «хитон», как терминов, связанных каждый независимо от другого с представлением о «исбе», я здесь вовсе не затрагиваю.

⁵ Это арабское слово употреблено в значении «скамья», когда у Ибн-Дасты рассказывается о процедуре самоудушения русской женщины, особенно любившей мужа, одной из трех жен: по смерти мужа «она становилась на скамью, и концы... веревки завязывает вокруг своей шеи; тогда скамью вытаскивают из-под нее» и т. д. (Хвольсон, ук. соч., стр. 30).

⁶ Распространение этого термина в различных разновидностях (г. *skam-1*) оказалось гораздо более широким, чем можно бы думать по материалу, предложенному мною в работе «Грузинская поэма „Витязь в барсовой шкуре“ Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема», ИАН, 1917, стр. 491—492.

фактического положения дела в нем. Наконец, в этом еще более сложном вопросе дело идет о взаимоотношениях вообще славянского и яфетического миров, в частности взаимоотношениях русских и коренного населения восточного Черноморского побережья, в первую голову мегрелов, имеющих неразрывную связь и несомненно этногонические счеты с чистыми не иранизованными скифами, первоначальным населением России или, что представляет лишь разновидность скифов, славянами. И эта сторона дела тем менее должна упускаться из виду, что, по армянским племенным преданиям, население Албании производится от прародителя Sisak'a, как то выясняется мною в другом месте, скифа по имени.¹ Значения, разумеется, не роняет, что те племенные предания дошли до нас в труде плохо понятого, более того, незаслуженно осужденного, как источник исторического осведомления, Моисея Хоренского (ему, впрочем, вторит и Степан Асогик, следуя за ним). Но все-таки поддержки одних племенных преданий недостаточно. Реальную поддержку могли бы оказать вскрывающимся перспективам, служа и проверкой их, кавказско-русские древнебытовые связи, если бы их удалось осветить не одними лингвистическими фактами, но и памятниками исторической и современной народной материальной культуры.

VI

Для русско-кавказского народного с живой речью общения, этой главной базы в странствовании бытовых слов, важнее было мирное гражданское сплетение русских с хазарами, одинаково тяготевших к югу, особенно в своего рода транзитной торговле Хазарии, чем объединение на поле брани и во время военных походов. В торговле хазар русскими товарами главенствующую роль играл пушной зверь. Надо естественно считаться с распространением пушного зверя, как было в ту эпоху, а не переносить в нее наши современные представления, когда при речи о мехах нам рисуется Сибирь и далекий турецкий мир вплоть до якутов.² Переселение зверей, как и переселение народов, раздвигая кругозор культурного мира в шаг с удалением материально интересовавших его предметов, вместе с тем заносило в уходящую даль и обиходные термины, создавшиеся в центральных культурой захватывавшихся ее районах. Гоги и магоги, реальные племена, делавшие набеги на соседнюю Сирию и Палестину, из населенных ими пунктов на армянской и вообще кавказской территории, постепенно приурочивались к уходившему северу культурного мира, передвигались в представлении этого

¹ Происхождение термина «скиф» [см. здесь, стр. 20]. Отметив то же показание Хоренского, т. е. то, что «la race principale, connue sous le nom d'Arhoviens, a avec les Arméniens une origine commune par Sisag», Боре как бы в возражение на это указывает, как тот же самый писатель, М. Хоренский, «даёт тем не менее понять, что по языку совершенно расходились эти два народа, будучи неспособны общаться друг с другом без драгоманов», но когда далее у Боре развивается мысль признать заодно с армянами и албанов арийцами, его уже не смущает факт общения через переводчиков (ук. соч., стр. 50). «Que l'on n'objecte point la difficulté réciproque des deux peuples à se comprendre. La langue russe qui a des liens de parenté si étroite avec le grec et le latin, est-elle comprise de l'Hellène et de l'Italien?»

² Даже тогда, когда у нас есть известия, что и халифат соболь (السومور) и куница (الفنك) вводились от «турок», не надо спешить с выводом, что речь идет о Сибири (ср. Хвольсон, ук. соч., стр. 165, прим. в, и стр. 169, прим. а).

культурного мира о них и обращались в легендарные существа, тему для сказок, тогда как продолжали физически существовать на месте своего действительного первоначального пребывания, с сохранением своего имени. Обратное представление о происхождении племенной номенклатуры, тем более о распространении терминов материальной культуры требует значительного ограничения и во всяком случае крайне осторожного применения. Названия пушного зверя, имеющие мировую гражданственность, общераспространенные, определяются далеко не местом, где он водится, и во всяком случае не той страной, где он водится теперь. Не только север, но и юг России был полон пушного зверя и в более поздние эпохи, чем хазарские времена. Рядом фактов свидетельствуется прямо-таки «изобилие бобров в прежнее время во всей лесистой полосе южной России».¹

Русская историография на заре своей уже письменно осознанной национальной жизни помещает сведение о ценности пушного зверя и особенной заинтересованности в нем именно хазар. Под 859 (6367) годом отмечается, что хазары брали с полян, северян и вятичей по белке² или по белке и веверице с дыма или, как по установленному тексту А. А. Шахматова читается: «по беле веверицы» от дыма.³ Еще вопрос, какой вид пушного зверя называют арабские источники, бобра ли, соболь ли, куницу или белку. Если арб. خز 'бобр', 'бобровый мех' действительно то же слово, что خز = قز (перс. тур., арб.) 'шелк-сырец', как то обыкновенно толкуется и как истолковано оно еще у Френа,⁴ то с последним в связи находятся сир. ܩܙ kaz, г. 𐎧𐎠𐎫𐎡𐎴 kaṭ (сюда же бацб. kaṭ, хотя и со значением, как то мне объяснили сами бацбийцы, просто 'нити', а не «rohe Seide», как у Шифнера), м. 𐎧𐎠𐎫𐎡𐎴 kaṭ+1 и арм. и kaz и haṭ → haḍ, а также haṭağ, resp. haṭal,⁵ равным образом греч. γασβιον 'вид шелкового платья',⁶ также γασβιδιον,⁷ и в таком случае термин требует пересмотра лишь с точки зрения истории материальной культуры, имеющей нам уяснить превращение шелка-сырца в пушного зверя — допустим бобра. Но достаточно ли лингвистического основания для отождествления двух созвучных слов, означающих два названных различных предмета, и откуда термин в конце концов? Указание, напр., на то, что «персидское происхождение

¹ М. Левченко, Исчезнувшие и исчезающие южной России животные, Киевская старина, год первый, т. III, 1882, стр. 376.

² Это чтение было воспринято С. М. Середоным, Историческая география, посм. изд., 1916, стр. 98 - 99. «хазары (по летописи козары) брали дань на полянах, северянах и вятичах, по белке с дыма». Оговорившись, что если «белка» и «веверица» (см. ниже) воспринимать как термины, вместе или порознь означающие прямо-таки монетные единицы (а это, повидимому, не совсем исключается), все дальнейшее разъяснение придется пересмотреть и переизложить. И «белка» и «веверица» по яфетической палеонтологии речи (а оба слова унаследованы от яфетидов) могут быть истолкованы как один и тот же 'благородный металл' и в связи с этим 'монетная единица'.

³ Повесть временных лет, т. I, Пггр., 1916 г., стр. 19. Срезневский в Словаре при толковании веверицы «шкурка бѣла как денежная единица» соответственное место и вводит в чтение: «по бѣлѣ и веверицѣ с дыма» (ср. также о куньем мехе, как о денежной единице, Хвольсон. ук с., стр. 101). В третьей редакции Повести временных лет слово встречается именно в качестве зверя (изд. Шахматова, под 6622 [1114], стр. 350): «съпадеть туча велика, и в той тучи съпадеть веверица млада, акы тошрно рожена».

⁴ Ук. соч., стр. 604, прил. 89.

⁵ П. Марр, Сборники притч Вардана, т. I, § 39, стр. 44. См. также рецензию P. de Lagarde'a на Nouveaux schélanges orientaux в Gotttingische gelehrte Anzeigen, 1887, стр. 298, 299 с ссылкой на его же Armen. Studien. § 1072.

⁶ У Багрянородного, Cerem., 607, G. Phraudzes, 146, 2.

⁷ Ср., однако, г. ḡazid-1, ниже, стр. 106.

особенно — черные, удовлетворялся ввозом и через Дербенд¹ и Партав (арб. Бардаџа), т. е. через Албанию.¹ Никто не оспаривает естественности того, чтобы названия предметов торговли возникали в связи с местом их действительного происхождения. Вывозившиеся из земли бургасов меха черных и красных лисиц, по Масудию, назывались «бургасскими» — арб. البرطاسى al-burtāsī.² Юфть, выработка которой процветала у болгар в связи с очень развитым у них скотоводством, на (мусульманском) Востоке называлась болгарской.³ По обилию орешников, целых лесов ореховых в Болгарии, орехи на (мусульманском) Востоке называли болгарскими или орехами из Болгара, ğuzı-bolgar.⁴ Когда, однако, речь заходит о ğaz'e, названии пушного зверя, надо иметь в виду роль хазар в его распространении, независимо от места происхождения. Заодно с другими и Ибн-Хаукаль осведомляет, что хазары, вернее — хазарские купцы, сами торговали на вывоз лишь тем, что получали из северных стран, и особенно русская торговля имела непосредственный выход в Хазарию вплоть до времени самого Ибн-Хаукаля. Как некогда в Китае христианское миссионерское дело сирийцев называлось персидским, так различные предметы русского производства или русской добычи, попадая в мировой товарообмен на восточный юг через хазар, шли, очевидно, за хазарские. Любопытно, что в рукописи сочинения эль-Балхи, там, где говорится, что «меха бобровые (хаз'ские), вывозимые (из Хазарии) в различные страны, находят только в тех реках, которые текут в странах Болгара, Руси и Куяба» и т. д., имеется маргинальное замечание: «шкура хаза, это бобр (الغندس), и называется он хазар».⁵ Хвольсон по этому поводу оговаривается: «что бобр назывался и الخزر, того я до сих пор не встречал».⁶ Но дело в том, что если название этого пушного зверя, действительно, из категории этнических, то, разница между хаз'ом (ğaz) и хазар'ом (ğaz-ar) лишь та, что ğaz есть ед. число, это основа этнического термина ğaz-ar || ğaz-ır, общая с грузинским словом ğaz-ıd, означающим 'соболь'.⁷ Вопрос в таком случае будет не в том, чтобы отличить бобра, вообще пушного зверя, от шелка-сырца, а в том, чтобы определить тот вид пушного зверя, о котором идет речь в том или другом контексте, бобр ли это, соболь или иной зверь, по соображениям привходящим данных материального значения, так как словарно термин «хаз» (ğaz) может означать многое что, тем более, что племенное название ğaz ← *kas, герм. kas доисторического происхождения, и от него в различных формах мн. числа мы имеем ряд топонимических терминов, в числе их губное мн. число в названии Касийского моря.

¹ Хвольсон, ук. соч., стр. 164.

² Золотке дуга, II, стр. 15 сл., см. Хвольсон, стр. 165, прим.

³ Френ, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren, стр. 542 и 534, прим. 16; Карамзин, Ист. гос. Росс., I, 9, стр. 129, изд. Эйнгераднга; Савельев, Мухаммед, нумизм., стр. XXXIV, см. Хвольсон, ук. с., стр. 185.

⁴ Френ, ук. с., стр. 542, 562 и 573, см. Хвольсон, стр. 183.

⁵ Хвольсон, ук. соч., стр. 169.

⁶ Ук. и.

⁷ Ясетические племенные названия Кавказа с зубным показателем множественности известны и в более глубокой древности, и специальный в форме окончания -ıd случай имеем в ğaup-ıd (Птолемей).

VII

Русско-кавказские древнебытовые связи, повидимому, более многочисленны, чем всплывающие сейчас перед нами случаи. В лингвистической области русско-кавказские бытовые связи захватывают, однако, общие материалы, усвоение которых той или иной стороной едва ли всегда можно связывать с товарообменом, как ни важен и как ни мало учтен этот путь. Особенно тогда, когда речь о фауне, да и о флоре, случаи не уместаются в круг предметов товарообмена. Они как будто задевают более глубокие этнически важные связи коренного населения Кавказа с русскими в названиях именно растительного и животного мира. Это не значит еще, чтобы все такие слова были показателями родства сближаемых языков в первичном их отвлеченном идеализуемом состоянии, когда она, эти языки, были, предполагается, чистыми представителями с одной стороны яфетической семьи, с другой — ариоевропейской или индоевропейской. Нас интересует генезис языков не в разрезе лишь теоретического построения о происхождении от праязыка одной расы с развитием презумируемых алавистических его задатков, а в жизненной многогранности полноты материально-реальной природы их, сложившейся в результате протекавшего веками процесса гибридизации и вообще скрещивания или метисации, со всеми ее последствиями по перерождению материи и форм.¹ Во всяком случае о генетической связи, в той или иной стадии развития, с яфетическими языками Кавказа свидетельствует название одного из пушных зверей — «куница», в ц.-славянском — «куна» и т. д.² Слово считается ариоевропейским потому, что оно распространено по многим ариоевропейским языкам, в некоторых — с закономерными звуковыми перерождениями. Яфетический эквивалент также имеет разновидности, дифференцированные по различным группам спирантной и сибилантной ветвей яфетической семьи. Разновидности ныне разбросаны чересполосно, в связи с метисацией и скрещиванием кавказских яфетических языков. С привходящим в них разложением «и» по грузинскому раздвоению в we, а по сванскому — в wɪ, а «о» по грузинскому раздвоению в wa → aw, а по сванскому — в we, разновидности яфетического эквивалента звучат: а) по спирантной ветви — св. kwep (← коп) 'куница' (у, хл, ип, м, шх, чл, тр), по обьявлению некоторых — 'лисица' (но не в у, м, шх, тх, тр), уменьш. kwep-ɔl (шх, э), kwap-ɔl (тх), г. kuerna (kurn-a) 'куница', по-гур. 'белка';³ б) по сибилантной

¹ Теперь это мертвящее учение о праязыке особенно индоевропейской расы взрывается помимо нереальности какого-либо единого праязыка в начале. Когда праязычное состояние определяется именно множеством зачаточных языков, налицо новое наблюдение, что индоевропейские языки вовсе не представляют расово особую семью, это лишь новое типологическое состояние, трансформация яфетических языков в их доисторическом еще состоянии.

² Ср. Verneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1908—1913, v. v., где в числе значений на различных языках появляются и 'ласка' и 'лисица'.

³ Для 'белки' у грузин имеются и другие названия, так именно ღია или ღიჟია (Sciurus vulgaris), а также ვიძაფ (белка круглохвостая, Sciurus ussuricus). Происхождение последнего термина также особый вопрос, ничуть не находящий ускоренного решения в том факте, что он в разновидности ვიძაფь наличен и в арабском, и в персидском, и в турецком. У волютоведов-мусульманов колебание, признать ли его по происхождению арабским (такое решение не шлет и, надо думать, лишь тем, что арабская речь есть мать всей мусульманской культурной речи) или турецким (такое решение диктуется, повидимому, тем, что этот вид пушного зверя водится в Туркестане и в Сибири, откуда единственным заносным путем рисуется, так, напр., Вулдерсу (Vullers), турецкая среда).

ветви: м. *twin-og-1* 'соболь' (и в грузинском Ч² отмечает *tvin-og-1* в значении 'выдры'), ч. *twin-ag-1* 'бобр' (x) → *tin-ag* (A), отсюда и название местности в Атинском уезде в получасе ходьбы от Атины, в Лазистане, — *No-tin-ag-e* [← *No-twin-ag-e*] 'бобровые горы', букв. 'место бобров', и др. В яфетических языках и тот и другой термин имеют еще более многочисленную родню, но не исчерпываем ее, поскольку сейчас мы не углубляем истории двух этих общих терминов до вопроса о происхождении самих корней. Лишь указываю попутно на наличие яфетической разновидности *twin-og*, resp. **tin-og* и в семитических языках — сир.

saḥūgā 'кошка' (|| *šmūgā* || араб. *šmūgā*), араб. *šmūgā* || *šmūg* кошка и др. (в библейском еврейском эквивалентного термина этого корня нет, хотя есть «корень» *šm*, общесемитический, но извлечен из слова названия животного, а отнюдь не первичен, насколько это касается мяукания кошки).¹ И одновременно должен предупредить, что термин сибилантной ветви *twin-og* || *tvin-ag* теперь уже разъяснен палеонтологически: он означает 'водяную собаку', букв. 'воды' (*tvin*) 'собака' (-*og* || -*ag*).²

При полном, до дна, разъяснении вопроса надо обратить внимание на общность названий пушных зверей у народов Передней Азии, основанную не на семитическом и не на индоевропейском, как и не на турецком общем источнике. Таков, напр., еще древнелитературный армянский термин *saḥuḡ* (← *saḥ-og-1*) 'соболь', наличный, между прочим, у такого древнего армянского историка, как Фауст;³ то же слово в форме *saḥūg* имеется и в сирийском (у позднейших авторов), и в арабском, и в персидском, и в турецком, а в грузинском и *saḥuḡ* и *siasaḥuḡ*, последнее, конечно, заимствовано из персидского в значении 'черного соболя' (перс. *سیاه سمور* *sīāh-samūr*⁴), и в этом смысле прав лексикограф Орбелиан, поясняя, что *siasaḥuḡ* — «иноязычное слово, по-грузински называют *qazid*». Но происхождение самого слова *saḥuḡ* (арм. *saḥuḡ*) еще под вопросом. Не поможет установлению его «индоевропейского праиндизма» и нахождение его у парфян в виде *σῆμως*, как то указывал де Лагард (de Lagarde), и в пехлеви — *saḥūg*, resp. *saḥog*, по такому позднему памятнику, как Бундегеш.⁵ Блау (Blau) в свою очередь то же слово в сирийском считал вкладом «турок-скифов», resp. «турок-саков»,⁶ прошедшим через Персию, так как есть, мол, основание подозревать, что зверь название получил на родине, почве не иранской, а «туранской»,⁷ а, с другой стороны, «Персия есть мост для

При установлении истории термина следует помнить, что *šmūgā*, resp. *šmūg*, имеет параллель или двойник в этом значении 'белки' *šmūgūt*, вернее *šmūgūt* ← *šmūgūt*, в армянском языке диалектически, так в александропольском говоре. Кроме того, с точки зрения истории материальной культуры интерес представляет пояснение грузинского лексикографа Орбелиана, что «*šmūgā* — русская белка».

¹ В таком же отношении находится к св. *kwēn* куница и др. (ср. и *kn-ut* 'котенок'), корень *kwēn* ∞ *kwēn* в ивритском и в грузинском означающий 'мяукать', м. *kwian-s* (↗ ↘) || г. *kwian-s* 'мяукает', м. *kwial-1* (← *kwian-1*) || г. *kwian-1* 'мяукание'.

² N. Мятт. *Le terme baḥque «indigala» 'loutre'*, ЯС, т. I, стр. 23 сл.

³ IV, 15. изд. Патканова, стр. 101 = изд. Всенц. мышат., стр. 122, 15.

⁴ По Масудию, из Болгарии получались дары в виде черных мехов: «вероятно», разъясняет Хвольсон (ук. соч. стр. 81), «меха червобурных лисиц», но, может быть, меха черных соболов (*siasaḥuḡ*).

⁵ *Ges. A. I. h.*, стр. 71 и 226.

⁶ Стр. 31, см. Hubschmann, AG, стр. 236, 368.

⁷ Речь, собственно, об якутах и якутском слове «*saḡba* 'соболь'».

таких заимствований.¹ Весьма возможно, что слово это — северного происхождения, как склонялся признать еще Срезневский,² но как нахождение слова на крайнем юге не доказывает семитического его происхождения, равно существование его на иранском востоке — иранского происхождения, так распространение его на севере само по себе ничего не решает. Пока важнее было бы указать ближайших сородичей термина, чтобы восстановить непрерывную цепь его разновидностей, намечающую реальную посредническую как бы службу связи, без чего разговоры о путях совершенно беспочвенны, если даже считать эти пути историческими и выслеживать их, цепляясь за фалды тех или иных исторически более близких нам «рас». В курдском словаре у ЖАбы, повидимому, книжные формы *samug*, да и (по Лерху) *samugék* уже признаны редактором названного словаря Юсти (Justi) «туранскими»,³ надо думать, на основании соображений Блау. Для нас интереснее настоящие местные народные разновидности в пределах Мока не только по-курдски *səwogik*, но и по-армянски *şəbriq*,⁴ оба означающие, что также любоньтно, не 'соболя', а 'белку'; более того, в том же мокском говоре или, было бы правильнее сказать, на мокском наречии армянского языка, то же слово со звучным губным *v* (*s^Гə¹vog-ik*) вм. глухого *m* (**samug-ik*) налицо в спирантной разновидности с перебоем *s* в исчезающий *h* и повторно дополнительным суффиксом уменьшительной формы *-ek*, причем *ç* этого вторичного окончания или также предшествующего *-ik* → *-k* успели переродиться соответственно в *ç* и (в паузе) *ç*: это — *wogk-eç* (** ← həwog+k-eç*) или *wogç-eç*, означающие опять-таки 'белку'. Здесь и возникает вероятие, что слово, имея не видовое, а родовое значение, могло означать и 'соболя' и 'белку'.⁵ Очевидно, этот общий у северных и южных разноприродных народов термин имеет такие местные глубокие бытовые корни, что объяснение его распространения было бы трудно искать лишь в одном товарообмене, да и вообще в исторических путях

¹ *Aramäische Miscellen*, 2. *Türkische Lehnwörter im Aramäischen*, ZDMG, т. XXIII, 1869 стр. 268—269.

² Следы знакомства русских с южной Азией. Девятый век (Вестник РГО, т. X, 1854): «слово (арабское) саммур-семур, кажется, то же, что соболь, измененное произношение, следовательно, также северное» и т. д.

³ *Dictionnaire kurde-français*, 245, a.

⁴ А не *-ik*, resp. *-iki*, ср. курд. *samug-ék*.

⁵ А также, казалось бы, и 'бобра' и 'выдру', по-грузински гласящих созвучно с основой термина *sam-ug* || *sav-og*; именно *fav*, resp. *ivav* (← *iov*), по-баш. *fav* означает 'бобра', по-грузински и 'выдру', и специально морского бобра, камчатского. Для понятия 'выдра' в точности грузинский язык не имел иного выражения, как *fav*, resp. *ivav* (→ *iov*), с префиксом *m* — *m-fav*, *m-ivav*. При передаче армянского термина *šəp-çri*, буквально означающего 'водяная собака', язык, можно бы было думать, осложняя из раболепия перед иностранным образцом прибавкой слова *daği* 'собака' — *m¹fav-daği*, но так как *fav* в свою очередь может быть по корню разновидностью эламского слова *zaw* (пишется *zau-*), с глухим подъемом первого коренного, эламское же слово, сохранившееся в смысле 'милости', первоначально означало 'воду' (ср. абх. *a-da* 'вода' и др.), то г. *fav* в значении 'выдры' может быть остатком составного *m¹fav-daği*, как то находим в Физиологе, гл. 28 (IF, т. VI, стр. 117), и в таком случае этот составной термин буквально должен означать 'водяную собаку', как передаваемое армянское слово *šəp-çri*, также составное, в свою очередь воспроизводящее буквально не греческий в том же литературном памятнике засвидетельствованный термин *ἐνυδρίς* или *ἐνυδρίος*, а народное курдское слово, по записи И. А. Орбели звучащее *şəvvek* → *şəvve* → *şəv* (ср. чанск. *ğah-katu* 'бобр', букв. 'речная кошка'). Потому-то надо быть весьма осторожным при выяснении происхождения г. *fav* || *ivav* (← *iov*), напрашивающегося своим созвучием на сближение с основой *sam* || *sav-* слова *sam-og* и т. д. К вопросу, подлежащему пересмотру в более широком масштабе, теперь см. N. Marr, *Le terme basque «udagara» 'loutre'*, ЯС, т. I, стр. 1 — 30.

общения. Тут (и только ли тут?) мы вступаем, по всем видимостям, в пережиточные материалы доисторической подосновы евразийского населения, еще яфетического его состава [и, как теперь выясняется, доисторического состояния].

VIII

При современной разработанности или, вернее, неразработанности вопроса о русско-кавказских бытовых связях у нас нет данных, чтобы значение термина «сало» выносить за пределы простых заимствований из русского в албано-армянскую речь. Какого бы происхождения оно ни было, слово «сало» — русское, это факт бесспорный.

Вопрос все-таки сложный, как объяснить появление русского слово «сало» в армянской речи писателя Албанин. Через хазар ли, находившихся «в состоянии особого сплетения с Русью», или непосредственно от русских, которые на Кавказе могли появляться первоначально и под названием хазар? В том и другом случае странствование слова пришлось бы связать с военными походами или товарообменом, если не наличием еще тогда русской колонии в Албании. Все это пути реальных возможностей при условии, что термин «сало» заимствованное из русского слово. Но что, если это бесспорно русское слово по происхождению не индоевропейское, а усвоено славянами, в числе их, следовательно, и русскими от аборигенов-яфетидов юга России, и термин яфетического корня? Кажется, изучение русско-кавказских, вообще славяно-кавказских племенных отношений пока не настолько углублено, чтобы исключать и такую возможность.¹ Ведь наблюдаемое сродство нынешнего населения юга России в области народного музыкального творчества с Кавказом, сродство украинской музыки с грузинской, есть сила вещей, материальная подкладка которой не может быть обретаена вне племенного сродства, хотя бы сродства в результате этногонического процесса скрещивания и метисации. А наличие двух параллельных, армянской и русской, версий скифского предания, приуроченного в Армении к Куару у Ванского озера, на Русь к Куябу или Киеву, да и яфетическо-скифское происхождение самого названия Киев и т. д.² разве не диктуют нам необходимости осторожного, с оглядкой вступления на почву сложного этнического скрещивания в России яфетидов с индоевропейцами?

В итоге, пожалуй, правы были мои предшественники по толкованию армянского текста Мопсея Утйица, не обратившие внимания на появление русского слова «сало» в описании хазарской трапезы VII века. Обратив на него внимание и зацепив его, мы вынуждены были тянуть с ним вереницу проблем и материалов по русско-кавказским племенным и культурным связям, без освещения которых трудно расчистить путь проникновения термина из русской земли в албано-армянскую среду. Единичными усилиями, однако, вместо расчистки мы достигаем лишь засорения пути через и без того засоренную среду сложных этнокультур-

¹ Такая возможность уже наметилась, но об этом впоследствии, и тогда в обсуждение будет привлечено и слово «жир».

² [См. здесь, стр. 44—66].

ных отношений юга России и Кавказа. Удастся ли в дальнейшем переложить такие ответственные задачи с единичных тружеников на коллективные усилия, это очередной вопрос настоящего и будущего, но в прошлом мы видим по Кавказу отсутствие не только организации для коллективных работ, но и непрерывности работы, связи и преемственности в разработке от времени до времени возникавшего вопроса о русско-кавказских этнокультурных отношениях. Еще в 1876 году, следовательно, ровно 44 года [в момент печатания 48 лет] тому назад, А. И. Стоянов в «Путешествии по Свании», предпринятом им для изучения сванского языка, писал:

«Многому приходилось мне удивляться в Свании, но едва ли я повергался когда-нибудь в большее изумление, как теперь. Еще в Кутаисе, перечитывая статейку Бартоломея, я попал в пей на одно в высшей степени странное место: г. Бартоломея поразила физиономия мулахского азнаура (дворинника) Давида Курдиани, имевшая большое сходство с типами малороссийских гетманов. При этом прибавлено, что на одной из старых карт Кавказа он видел по тому месту, где расположены Мулах и Мужаль, надпись: «Запорожцы». Вообще, у нас, на Кавказе, распространены были прежде легенды, что в разных уголках горной страны засели зашедшие туда когда-то русские поселенцы, потерявшие с течением времени язык и сознание своего происхождения, но сохранившие кое-какие следы этого происхождения в именах и прозвищах. Конечно, я посмотрел на возможность малороссийского поселения в глубине сван^Гет^Гского ущелья, как на наивнейшую фантазию и скоро совсем позабыл об этом курьезном предположении. Представьте же мое изумление, когда, спускаясь в Мулах, я встретил женщину, одетую в чисто-малороссийский костюм: на ней были плахта и намятка. Подошедшая к нам группа мужчин, принеших нам обед, поразила меня еще более. Физиономия чисто хохлацкого типа, с длиннейшими усами, в свитках; волосы острижены в кружок, да кроме того темя еще выстрижено, так что передние и задние волосы длиннее средних. Я вытаращил глаза и сам не сообразил свачала, куда я попал. Если бы не сван^Гет^Гская речь — мне показалось бы, что я в самом центре Полтавской губернии. . . К довершению всего, перед нами прогоняли стадо в горы. . . В группе, шедшей позади стада, я опять увидел женщину в малороссийском корсете, а девочку с длинными заплетенными назад косами. . .

«Костюм южнорусского крестьянина, стриженная в кружок голова, а прежде и бритая, с чубом, — все то несомненно не европейское, а восточноазиатское. Будущему исследователю южнорусской этнографии придется выяснить связь между древним славянским населением южнорусских окраин, назвавшим себя после черкасами, и восточным кавказским побережьем Черного моря. В Абхазии встречаются такие же прически и такие же типы. Не естественнее ли предположить, что все это заимствовано было славянами южными от тех неутомимых сродников, которые постоянно двигались к Днепру и затем сливали свою кровь со славянской и теряли свою национальность, передавши некоторые черты типа и костюма своему смешанному поколению. Замечу кстати для будущего исследователя-этнографа Сван^Гет^Гии, что такого рода черты встречал я только в Мулахе и Местии»¹.

А. И. Стоянов, впоследствии мой учитель и уже директор Кутаисской гимназии, свое предположение, казавшееся ему более естественным, противопоставил мысли о когда-то, мол, засевшем в Свании южнорусском поселении, тогда как, кроме костюма и отчасти типа, никаких следов не осталось. Я бы не решился утверждать, что нет никаких следов русской речи от древнего влияния в сванском языке, и обратно, не мог бы утверждать и того, что у сванов единственно название 'ячменя' *čəpɪn*, очевидно, не общее с грузинским или мегрельским термином, вообще не яфетическое, а русское. Но вопрос не в этом единичном термине, как и не в единично появляющемся под пером древнеармянского историка русском слове «сало», а в том, что какими бы местными основаниями ни выдвигались общие вопросы по Кавказу, при перерывах интереса к кавказским материалам с зиянием в полвека, всякие попытки к постановке общих вопросов со стороны кавказоведов и предположительные ответы на них, являются ли они результатом случайных впечатлений от первых поверхностных наблюдений, или убеждением, складывающимся в процессе единоличного углубления в материалы, естественно принимаются за одинакового порядка личные, никого ни к чему не обязывающие, мало кого тревожащие домыслы впервые ставящих эти вопросы работников. И вполне естественно, что с нашими даже бесспорными положениями, не говоря о выдвигаемых жизненных проблемах, не только не считаются, казалось бы, наиболее заинтересованные ученые, ничего из печатного не читают (или читают без элементарной подготовки к этому чтению), но и публично в научных организациях откровенно заявляют: «мы таких мыслей, которые игнорируют нами построенный праязык (праязык индоевропейский, праязык славянский и т. д.), слушать не желаем». Ну, что же? Может быть, тем лучше едва ли для науки, а для убегающих от наших научных мыслей: науке нужна терпимость и свобода, а убегающим скорейший разрыв общения с нами, иначе их научное мышление рухнет и погибнет.

¹ Путешествие по Сванѣт'ли, Зап. КОРГО = отд. отт., Тифлис, 1876, стр. 36—38.

Из яфетических пережитков в русском языке¹

I. «Мяч»

Предпосылки:

а) Семантическое положение: 1) закон значимости одного слова 'небо+гора+голова', 2) закон использования слова 'небо' в значении 'свода', 'круга', 'шара', в связи с последним и 'мяча'.

б) Фонетический закон $г \sim nd$, resp. $nt \rightarrow nd \rightarrow n\delta$, дезаспир. $nt \rightarrow nd \rightarrow n\delta$ (между прочим, такого происхождения nt в *argent-um* [$\rightarrow *har+gent-$] 'серебро' и др.).

Отсюда с огласовкой различных групп мы имеем:

А) С огласовкой окающей ($o \leftrightarrow u$) — 'небо' \rightarrow 'гора' \rightarrow 'голова' и в связи с этим — бск. *bur-u* 'голова', семантический дериват от 'горы' — г. *bor+ǰu-1* 'холм' (уменьш. от 'горы'), семантический дериват от 'неба' — г. *bur+ǰ-1* 'шар', 'мяч', со сванским раздвоением $u \rightarrow w$ — древнел. г. *bir+ǰu-1* ($\leftarrow *bwir+ǰ-1$).²

Та же основа с первым коренным на низшей ступени ($b \searrow m$) при учете названного закона $г \sim nt$ и т. д. — $*mont \rightarrow *mond \rightarrow mund$, с десибилляцией $mont \rightarrow mond \rightarrow mund$ —

а) в семантическом разрезе 'неба' (ср. в лат. *mundus stelliger* 'небо' и т. п.):

1) в связи с тотемно-божественным значением 'неба' — г. *mund-1* 'немой' (такова же палеонтология по яфетической семантике других физических дефектов — 'глухой', 'слепой' и т. п., подобно вообще болезням, воспринимавшимся как состояние существа во власти 'бога-дьявола');

2) в связи со значением 'неба', как выразителя и 'нижнего неба', т. е. 'земли', 'вселенной', и всех трех небес, верхнего, нижнего, преисподнего, т. е. всего 'мира', — л. *mund-us* 'мир', бск. *mund-u* || *mund-o id.*;

3) в связи со священным и светлым значением 'неба' — л. *mund-us* 'чистый', 'нарядный' и пр.

Теперь, может быть, кое-кто согласится понять реальную подкладку факта, у Вальде (Walde) отмечаемого словами (LEW², s. v.): «ср. греч. *κόσμος* 'украшение' и 'мир'» (*κόσμος* 'украшение', впрочем, ср. г. *kazm-va* 'украшать').

б) *mont-* 'гора': лат. *mons*, родит. *mont-is* и т. д.

В) С окающей огласовкой, также с первым коренным на низшей ступени и также при учете того же яфетического закона $г \sim nt$ и т. д. — $mer \sim *ment \rightarrow *mend \rightarrow men\delta$, по десибилляции $ment \rightarrow mend \rightarrow *men\delta$:

а) в семантическом раздвоении 'неба' — 'небо' \rightarrow 'круговращение' \sim 'время' \rightarrow 'год' (ср. греч. *ὄρανος* \sim *χρόνος* и т. п.) [?: бск. *-ment-u* 'эпоха', поскольку этот суффикс не отождествим с суффиксом овлеченных понятий *-mendu*: *ene augmentuan* 'я во время моего детства'], бск. *ment-ǰ* 'время', 'жизнь';

¹ Доложено в ОИФ 9 IV 1924 [напечатано в ДАН, 1924, стр. 65—67].

² Раздвоение в данном случае представляет результат, повидимому, эпентезиса: *bwir-ǰ* \leftarrow *bur+ǰ-1*.

в) в семантическом разрезе 'неба' в связи с его значением 'свод', 'арка', 'круг', 'шар' — русск. «мяч», восходящее к праформе *menǵ;

с) в значении 'горы' бск. mend-1 'гор'а (← *mend-1),¹ mend-1-ska 'холм' (уменьш. с помощью -ska 'дитя').

II. «Племя»

Предпосылки:

а) Палеонтологическое положение по семантике: в первичные эпохи жизни языка нет общих отвлеченных понятий, присущих общественному восприятию исторических времен; племя тогда собрание или группировка одного определенного этнического состава, вначале, предполагается, простого, хотя бы в смысле господства в нем одного племенного элемента;

б) Фонетический закон s ~ h → -, причем с исчезновением спиранта связана долгота предшествующего гласного, теряющего часто и ее;

с) Морфологические явления: образование имен с помощью показателя множественности -men и префикса p-.

Следовательно, «племя», род. «племени», имеет на почве яфетической языковой жизни доисторию по формуле p-le-men ← *p-lē-men ← *p-leh-men ~ p-le-men, а это значит, что первоначально слово означало 'расены', герр. 'этруски' или 'расенство', герр. 'этрускство'.

Форма основы, как и префикс, тождественны с таковыми в лат. p-lē-be-s, которое, означая сословие, представляет в корне также племенное название.² Что же касается окончания -be, подъема -me, то оно могло бы быть обычной усеченной формой bep \ men, если бы не было того, что в той же роли в яфетических переживаниях латинского является семантически равноценный комплекс beg, с потерей г в паузе дающий тот же слог be → b.

III. «Красный»

Предпосылки:

а) Палеонтология по семантике: 1) понятие 'красный', как 'красота', связано с представлением о 'свете', именно об утренней заре (румяной заре) и лошадях, на которых выезжает утреннее солнце, т. е. одно слово совмещает мифологическую значимость 'заря + солнце (утреннее)' + 'лошадь (красная)', тотем этрусков, отсюда и 'красный' цвет, 'краса' и т. п., 2) слово, означающее 'красный', обнимает и различные оттенки 'красноты';

б) Фонетические законы: 1) ш ~ f → -, с известной уже нам оговоркой о долготе предшествующего гласного, 2) групповая перегласовка — сс а || шп о ↔ и;

¹ Экающая основа наблюдается и с b, равно без перебора г, как в нем. «Ber-g» 'гора' и т. д., но мы в настоящей заметке намеренно усекаем массу относящихся сюда примеров, идя прямо и без задержки к намеченным в заголовке целям.

² N. Marr, La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges, Petrograd, 1922, стр. 13—14 и сл. [перевод этой работы см. в ИР, т. I, стр. 137—148].

с) Морфологические явления: образование имени с помощью суффикса *-ten*, на славянской почве давшего «мян», и префикса *k-*, как в *K-re-te*, *K-ro-tona*, *K-gu-ten*'ы (см. Британов) и т. п.

Следовательно, в прилагательном «красный» имеем основу *gas* от племенного названия этрусков в его свистящей разновидности (ср. национальное название этрусков: *gas-ena*), шипящая же разновидность той же основы *guš* → *guj* (ср. в грузинском *gijw-gajw* ← **gij-goj* 'утренняя заря', г. *гаш* (←* *gāš*) → *гај* 'сказочная лошадь' и др., равно романские дериваты той же шипящей разновидности в значении 'красный' — фр. «*rouge*», исп. «*rojo*», ит. «*rosso*», куда восходит не только русск. «*русьй*», но и «*рыжий*», не говоря о германских эквивалентах (нем. «*goth*» и т. п.).¹ Более того, спирантизованный вид той же шипящей основы с потерей спиранта *gn-* в русском «*румяный*» ← *gimēn*, в лат. *gu-ber* и т. п., иногда с сохранением долготы *gū-bid-us* 'темно-красный'. Я усекаю примеры использования той же основы в значении 'лошади' (равно 'птицы'), 'утренней зари', 'солнца'. Отчасти они разъяснены в других работах, но, разумеется, не исчерпаны.²

¹ С окончанием появляется основа и при префиксе *k-* в лит. *k-gbāz* 'краска'.

² Н. Марр, 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрuscoго племени и еще два этапа его миграции, ЯС, т. I, стр. 183—186; его же, К вопросу об л-этидизмах в германских языках, там же, стр. 47—52, его же, *La Sepe, la Sabie, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges*, Peirograd, 1922, стр. 22—26 и 43, прим. 18 [русский перевод: ИР, т. I, стр. 187—148]; ср. также его же, Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян, ЗБО, т. XXV, стр. 225, и доклады и лекции, читанные в Академии истории материальной культуры (касательно гены о построении Киева) [см. здесь стр. 44—66], на собраниях Ассоциации грузин в Париже (О культурном фронте грузин) [напечатано на грузинском языке в журнале «Мпадоби», 1924, № 4 (12), стр. 192—211, № 5—6 (13—14), стр. 289—328], в Ленинградском университете и в Москве (Об логической теории и сравнительных степенях) [напечатано в ИВ, т. V, 1924, стр. 303—319 и отд. изд. ВНАВ, М., 1924; перепечатано в ПЭРЛТ, стр. 190—243; см. ИР, т. III, стр. 1—34], одни из которых, отпечатанные, неизвестно когда появятся в свет, другие, сделанные для опубликования в то или иное издательство, неизвестно когда будут напечатаны, обреченные всегда на появление уже в устаревшем виде.

Термины из абхазо-русских этнических связей «Лошадь» и «тризна»¹

(К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения)
Первому Краеведческому съезду в Абхазии посвящает автор

«Здесь русский дух, здесь Русью
пахнет». Руслю, конечно, яфетической
(Н. Марр, Об яфетической теории, Новый
Восток, № 5, стр. 329).

Скитаясь на Кавказе по новым центрам университетской и научно-исследовательской жизни в Азербейджане, Грузии, Армении и Абхазии, где уже организованной, а где лишь намеченной к организации, когда приходится выступать в качестве лектора или докладчика по специальности, естественно, я имел дело с аудиторией, в большинстве слабо, если вообще сколько-нибудь подготовленной. Разумеется, даль мы любим и идеализуем, и на Кавказе ленинградские условия научной работы казались особенно обнадеживающими. Даже совершенно определенно отрицательные в Ленинграде отношения чисто научного порядка (есть ведь и такие) к своим основным положениям яфетидолога на Кавказе невольно окрашивал в розовый цвет и розовое благоухание, с улыбкой вспоминая упреки в том, что к лингвистике мы приплетаем археологию. Может быть, это привнесенное с юга солнечно-светлое, оптимистическое настроение является виной, что с сегодняшним докладом я смело выступаю на публичном научном собрании Академии истории материальной культуры, а не на специальном заседании ее разряда «Кавказ и яфетический мир» или Яфетического института Академии наук. Однако, находясь на Кавказе, я не порывал связи с Ленинградом, осведомлен достаточно обо всех изгибах научного мышления, в числе их о столь устойчивом персжиточном течении, как поход против вещеведного использования человеческой речи. Вызывает нарекание сама основа нашей новой организации, само с трудом налаживающееся в ней скрещение деятельности разобщенных замкнутостью в себя специальностей. Академия в упор ставится в вину, что она не делит наук на духовные и материальные; что, изучая памятники материальной культуры, она задается мыслью использовать методы всех наук, служащих освещению связи сотворенных вещей с творившей их общественностью, в числе их наукой об языке, этом наиболее контрольном орудии при проверке правильности археологических подходов в целом ряде случаев даже за исторические эпохи (напомню лишь о важности для вещеведов точного представления о терминах), тем более, когда речь о памятниках доисторической и протоисторической культур, ибо новая лингвистика, вскрывающая доисторическое состояние речи, это учение о формах вещей и образах и их связи в представлении человечества, без правильного учета которых нет и не может быть никакой прочной теории ни по доистории и вещественной, ни по живой старине народного быта. Приходится доказывать, что Волга впадает в Каспийское море.

¹ Доклад читан 23 июля 1924 г. на публичном заседании Академии истории материальной культуры [издан отдельной брошюрой Наркомпросом Абхазии в Ленинграде в 1924 г.].

Обо всем этом я прекрасно осведомлен, и все-таки нахожу нужным с настоящим докладом выступить именно на публичном собрании Академии истории материальной культуры.

Прежде чем начать свой доклад, позвольте привести в качестве уже чисто научной интродукции отрывок об этническом происхождении египтян. Не одним археологам-вещеводам приходится, говоря о русских древностях, обращаться в Египет. Что касается Абхазии, то я только что познакомился с десятилетним трудом местного ученого, абхаза, о том, что абхазы выходцы из Египта, именно — Абиссинии. Доисторик-лингвист, палеонтолог-лингвист, разъясняя абхазо-русские этнические связи, вынужден также заглянуть в Египет, не за готовым светом и не за готовым племенем, чтобы от него кого-либо в отдельности производить где-либо, хотя бы на Кавказе, — нет, а за материалом для полноты собственного освещения. Но как стоит там вопрос о происхождении племенной общности египтян, а в связи с ним исторической их культуры, включая в культуру и язык, это создание первоначально каждый определенной территориально-исторической племенной общности? Отрывок я привожу из старой, имеющей почти четвертьвековую давность книги, английского изложения 1901 г., хорошо вам известного труда профессора антропологии в Римском университете Серджи (G. Sergi) — труда, озаглавленного: «Средиземноморская раса. Опыт изучения вопроса о происхождении европейских народов». Отнюдь не упускаю из виду последнюю работу по проблеме о происхождении египетской племенной культуры, статью Моргана (de Morgan), помещенную в прошлогоднем июльско-сентябрьском номере *Journal Asiatique*. Я ее использовал и убедился, что после сводки Серджи вопрос по существу ни на шаг не сдвинулся с места. Немало новых, весьма здравых, отдельных мыслей, очень много новых ценных фактов, но по существу проблемы — все то же хождение вокруг да около, и воз поныне там. После очной ставки всех авторитетов, поныне огнюдь не потерявших своего значения, Серджи пишет (стр. 100—101): «Во всем этом мы видим то же самое явление, что уже наблюдали мы в письме и в способе погребения: начальная форма новой египетской цивилизации среди так называемых аборигенов, ливийского населения, медленно развивающаяся и оставляющая после себя следы своего (its) происхождения. Так, как трудно разделить убеждение, чтобы такой автохтонный элемент, повлиявший, как указывает сам Эванс, на совокупность исторической египетской цивилизации, воспроизводил эти грубые цилиндры, тип которых был взят от Египта и халдеев, так, с другой стороны, мы не можем допустить, опираясь на аналогию цилиндра, что египетская цивилизация, такая непохожая в своих формах и такая одинокая (unique), происходила из Халдея.

«Если же обратимся к египетскому языку, я думаю, что все благоприятствует африканскому его происхождению. Может быть, как то утверждают Масперо (Maspero), Сэйс (Sais) и другие, египетский язык тесно (intimately) связан с семитическими, и что хамитические и семитические языки это две ветви одного ствола, но каждая из них имеет свои определенные формы со многими чертами общими, но многими расходящимися. Между тем в Аравии, где ищут источник египетского ствола, нет ни малейших признаков какого-либо хамитического диалекта, а

в Африке не только существует древний хамитический язык — египетский, но там существует также целый ряд (сродных хамитических) языков, на которых говорят многочисленные народности вплоть до юга Европы и запада, через Сахару к Средиземноморью и Атлантическому океану...¹ Позволительно выразить удивление, когда на египетский язык ссылаются в доказательство азиатского семитического и в особенности арабского происхождения хамитических языков, так как не легко понять, как эта столь распространенная и многочисленная в Африке семья, с подразделением на множество народов, могла бы происходить из страны, где нет ни малейшего ее следа...»

Как будто весь вопрос в том: на чужбине или у себя родился народ? Убийственно это очевидное трафаретное уподобление образования народа акту физического рождения от пары определенных лиц, известных родителей (иногда даже не без заботливого указания благородного происхождения), папы и мамы, имеющих прочный семейный очаг, словом, точно это дело одного момента и одного места. Не говоря о неизвестности долго папы (ведь не семьей же начинается первобытная животно-стадная общественность!), доисторический человек абсолютно не оседл. Процесс возникновения племени, тем более образования народа, это длительный акт нарастания все новых и новых сматывавшихся в один клубок слоев не только в различные эпохи, но и в различных местах. Искать прародину народа в одном пункте это искать то, что не потеряно. Можно и надлежит искать, где впервые сложилось вообще человечество с доступной нашему прослеживанию первобытной общественностью? Очевидно, в очень обширном районе. Но если говорить о составных частях, то как каждому человеку ничто человеческое не чуждо, так каждой группе этого общественно связанного человечества генетически не чужда ни одна часть территории, так в Средиземноморье африканским народам Европа и европейским — Азия и обратно. Мы очень резко отмежеваемся в своих доисторических исканиях от исторических наук и их методов, но исследователь доисторической общественности, доисторического человека вынужден не в меньшей степени отмежевываться от научных исканий о «человеке», как зоологическом типе, если такую тварь правильно называть человеком. Хорошо Серджи и его единомышленникам или противникам, прежним и современным нам, проводить такую резкую этническую демаркационную линию между Африкой и Азией и ссылкой на принадлежность, допустим, бесспорную, прото-египтян либийскому племени, считать творцов нильской культуры генетически отрезанными от Азии и тем более, казалось бы, Европы, но что делать нам, яфетидологам, когда наши исследования вскрывают, во-первых, что в Африке термин *li-bys*, разновидность племенного названия *li-ber*, как на другой стороне, в Европе, *li-gur* (если хотите, и *li-gus*) есть разновидность того же термина *li-ber*, африканский *li-bys* 'либиец' не только по префиксу, но и по основе тождественен с европейским *li-gur*,² и в этом отношении свидетельство даже словаря Стефана Византийского (s. v., стр. 263): «ибо либийцы — соседящий с колхами народ» (Λιβυστίνοι γὰρ ἕθνος παρακείμενον Κόλχαις), конечно, важнее, чем мировоззрение

¹ Ссылка на его же работу *Africa*, стр. 110.

² См. Н. Марр, Об яфетической теории, *НВ*, 1924, № 5, стр. 333 [ИР, т. III, стр. 28].

ученейшего доисторика-этнолога XIX века Жюбенвилля (Jubainville), который присутствие лигуров в Колхиде отрицал заодно с родством населения западной Европы с Кавказом.¹ Что делать нам, яфетидологам, когда, во-вторых, названия Африки (по-баскски A-rig-ka, A-rig-ka), Азии (Азии) и Европы это также отложение названий определенных яфетических племен, Африка — иберов,² а Европа и Азия — отложения названий двух разновидностей этрусков — рош'ов и расенов, каждое из названий соответственно оформленное яфетически.³ Старый мир, когда смело оглянется на себя в лингвистическое зеркало прошлого, увидит, что жизнь им пачата с яфетического осознания мира, и яфетиды, точно боги, дали имена Африке, Европе и Азии. Или будут спорить, что это египтяне или греки или кто из других индоевропейцев первые восприимчивики-нарекатели, первые осознатели Средиземноморья? Ну, тогда скажем, в-третьих, за каждым яфетическим названием стран идут яфетические названия народов и богов, а за яфетическими названиями народов и богов — яфетические названия не только предметов культа, но и вообще предметов быта, и когда за дедкой тянет пока лишь бабка и показывается репа, то это громадная яфетическая репа, сказочно громадная: на Пиренеях не один ее кончик-усик, вся она лежит и в Африке, и в Европе, и в Азии, да так, что африканский ее кусочек иногда составляет существенную приправу эллинского изысканного блюда; так, на эллинском Парнасе играет важнейшую роль тотем иберского племени, казалось бы, африканского оформления. Ни в эпосе, ни в искусстве, в частности зодчестве, нельзя спастись вообще от иберизмов, не говоря о других яфетидизмах. Но разве из этого надо заключить, что яфетидизмы в Элладу вносились из чужих стран, в частности иберизмы из Африки? Разве иберизмы и другие яфетидизмы, как этрусцизмы или пеласгизмы, не были и в Элладе свои, со своей родной территории?

Собственно, и по книге Серджи видно, что вопрос был правильно поставлен о возникновении египетской культуры, египетского языка из своих же этнических недр, но такое намечавшееся решение было отмечено применением исторического подхода к доисторическим явлениям, исканием оправдательных документов полностью в ближайшем окружении, тогда как данные доисторического состава населения каждой исторической страны, в частности и Египта, приходится собирать со всего белого света в процессе восстановления доисторического облика «средиземноморской» расы в мировом масштабе развития всего человечества Африевразии. Потому-то, не находя пути для выхода при историческом мышлении,

¹ N. Marr, *La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pélasges*, Petr., 1922, стр. 41—42 [перевод см. ИР, т. I, стр. 142 сл.].

² По Сольмсену (Felix Solmsen, *Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte*, herausgegeben von Ernst Fraenkel, Heidelberg, 1922, стр. 28). «Название Africa раньше привязано было (haftete) первой в этой части света римлянами учрежденной провинции, Карфагенскому краю на западе от Б. Сирта. Название происходит, вероятно, от оселлого там племени Afarika или Awrigha (едва ли стоит в связи с Офиром). Затем название «Африка» было перенесено на все области северного побережья западного Египта, причем последний край, как и Эфиопия, был выделен в особую часть. Лишь позднее имел место перенос названия на всю часть света, которую греки называли Ат-бу-η, по народу I iby или Rbu в Киренею (Cyrene), по вому племени, с которыми они там познакомились». Solmsen не чует, что Ат-бу-η (← Ly-bur-η) и Rbu (∞ *Bri, герм. *Bur), равно A-ri-ka — разновидности одного и того же племенного названия.

³ Об «Европе» см. Н. Марр. Об яфетической теории, стр. 320 [ИР, т. III, стр. 15].

в последней своей атаке, направленной к решению той же проблемы, Морган ничего по вопросу не может предложить, кроме утверждения, что даже первые творцы культуры были мешаные народы. Но ведь это — аксиома, элементарная мысль: до скрещения собственно и не было человеческого племени. Неужели это еще надо доказывать? Ведь из этого приходится исходить. Правда, то, из чего мы исходим как из аксиомы, не для одной эпохи Серджи неведомая новость, и не при сегодняшнем докладе или в докладе их разъяснять; но об одном чисто лингвистическом положении необходимо предварить до начала чтения доклада: это о существовании семантической фонетики, т. е. звукового различия слов, вызываемого потребностью к различным значениям одного и того же слова, приспособлять разновидности этого же слова, представляющие лишь фонетические (реже морфологические) его изменения. Это вовсе не значит, что сами фонетические разновидности возникали для удовлетворения указанной потребности семантики, они возникали по причинам зоологически-племенного расхождения по основаниям физиологическим говорящих групп, но, раз оказавшись в том или ином подборе в языке определенного народа, всегда скрещенном, они, эти фонетические разновидности, использовывались уже в порядке творчества социальных ценностей, для уточнения речи, первоначально не располагавшей для дифференцировавшихся уже в сознании человека предметов соответственно различными звуковыми комплексами, впоследствии словами.

Один из докладов общего, может быть, чересчур широко захваченного общего значения я имел случай начать мыслью, что «надо жить коню, конь доведет». Яфетический конь довел и, пожалуй, завез *in medias res*, в самое нутро вопроса. Этот же конь начинает вывозить не только словарно, но и материально, увлекая за собою народные названия и народные обычаи. Ведь яфетическая палеонтология речи есть одна из дисциплин истории именно материальной культуры. Сам доклад со ставкой на яфетического коня был посвящен вопросу об этнической связи Киевской Руси и Ванской Армении по легенде об основании городов армянского *Ku-aṛ'a* и русского *Ku-āb'a*, или Киева.¹ Правда, это все не находит достаточно сбыта в заинтересованных, казалось бы, кругах, но ведь и идея газового мотора, когда сам готовый мотор надо было выносить на рынок, подверглась серьезной опасности. «Она была встречена скорее с любопытством, чем с восторгом... Все умные люди неопровержимо доказывали, что подобный мотор не может конкурировать с паровой машиной». Американский миллионер-изобретатель, из переживаний которого беру эти сведения, сопровождает их, казалось бы, лишними комментариями, следующими простыми и все-таки здравыми мыслями:² «Таковы все умные люди — они так умны и опыты, что в точности знают, почему нельзя сделать того-то и того-то. Они видят пределы и препятствия. Потому я никогда не беру на службу чистокровного специалиста». Так могут рассуждать и поступать в Америке, да еще в области наук сегодняшней или злободневной, примитивно воспринимаемой материальной пользы. Яфетидолог предпочитает, подобно Молле-Насреддину (это редкий мусульманский остроумец-

¹ [См. здесь, стр. 44—66].

² Генри Форд, Моя жизнь, мои достижения, Ленинград, «Время», 1924, 2-е изд., стр. 44.

острослов, авторитет которого на Кавказе признается и христианами), выслушивать всех, даже жену, судить и рядить, а где и пока это еще позволяют, делать по-своему, по-яфетически. В нашей специальности, относимой также к области «интересного, но непонятного», яфетический конь, собственно яфетические кони, когда речь о Руси, и «конь», и «комонь», и «лошадь» начинают нас вывозить, хотя и не в скифской колеснице с легендой о Кые, Щеке и Хориве. Единственно «комонь» мог бы быть из этой колесницы, но и как в отношении этнического термина ᲞᲚᲗ , находящегося в основе Le-ᲞᲚᲗ , области-племени на верховьях реки Рлона, и непочто наличного в грузинском с сюсюканием названия Сухума — Цхум, здесь колебание от возможности разъяснить его как разновидность и скифов и кимеров-иберов (мы в пользу последних). Во всяком случае, три названия лошади это три яфетических племени, тотемно представленные в них — ионы-доны, иберы-кимеры, в средневековой Руси смерды, если это не скифы-кубаны, и этрусски-русы. Мы сейчас остановимся на этрусско-пеласгском тотеме «лошади». В слушателях я предполагаю знакомство с техническим обоснованием того, что исласги и этрусски, равно, конечно, расены, разновидности трех типов одного и того же племенного названия.¹

Если связь по племенному названию и многим переживаниям русских с этрусками, собственно с гош'ами → гиш'ами, для нас вне спора, то отношение абхазов к этрускам может показаться неожиданным и специалисту, освоившемуся с яфетическими данными.

Как постепенно выяснилось в работе над абхазским, в особо близких встречах часто до тождества сродных явлений находятся баски и армяне, поскольку речь идет о чисто сохранившихся яфетических элементах. По одежде, геср. по званию, встречают: баски сами себя называют этрусками. Таково значение национального названия басков ewᲗk-aldun или ewsk-el , баскского языка ewᲗk-aga и т. п. Аквитания оказалась и по названию страна именно этих eskw'ov , или askw'ov . Все это теперь разъяснено технически с точки зрения сравнительной и исторической фонетики яфетических языков, да и палеонтологически.²

Этрусский слой баскского языка имеет не менее важный тыл и за Пиренеями на Иберийском полуострове в его топонимике, прежде всего в Лузитании. Любопытнее отметить, что, отождествляя свое национальное самосознание с этрусским, баски иберское противопоставляют себе как чужое. За время поездки на Кавказ разъяснилось, и это составит содержание специальной лингвистической заметки, что термин herd-ega , которым баски именуют чужую им речь (французские баски — французский язык, испанские баски — испанский язык), буквально означает — 'по-иберски'; основа термина herd диалектическая разновидность архетипа *hwer-d , точно так же, как баскское erd-1 (← *herd-1 / *kerd-1) 'половина', в грузинском отложившееся в числе баскизмов или мескизмов kerd-o 'половина', эквивалент армянского keys 'половина' из его баскского или хайкского слоя, в мегрельском представлена с сохранением v в форме gverd-1 , в том же значении

¹ П. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этрусски» и «пеласги». ЗВО, т. XXV, стр. 301 сл.

² Отчасти см. П. Марр, Об яфетической теории, стр. 331 [см. ИР, т. III, стр. 26, 27].

‘половина’. В таком же соотношении диалекта к диалекту находится, повторяю, основа баскского термина племенного названия *ber-d* к ее архетипу **hwer-d*, спирантной разновидности *smeg-d*, да и спирантный архетип, в чистой основе **hwer* представленный на низшей ступени, на высшей ступени — *gwer* — дает архетип основы известной разновидности того же термина *i-ber*, на Западе известный с префиксом *li-* в виде *Li-gur*, т. е. баски пережиточно сохранили в себе доисторическое противопоставление еще яфетических племен этрусков, самосознание которых ими унаследовано, — противопоставление себя иберам-лигурам, действительно населявшим в доисторические эпохи территории нынешних Франции и Испании. Итак, баски сами себя считают этрусками, противопоставляя себя иберам и, очевидно, отделяя себя от басков, но это отнюдь не значит, что в языке дошедших до нас басков мы имеем примитивный племенной язык, факт обратный: в нем сложный язык скрещенного народа, в различных слоях которого мы находим отложения не только этрусского, но и иберского, и баскского, и ионского, и итало-альпийского или, что то же, сарматского, т. е. того доисторического сарматского этнического слоя, с которым неразрывно связана Исольда, героиня автохтонного и на Западе любовного эпоса, и который лишь пережиточно, по умонастроению ученых 70-х—80-х годов прошлого столетия, хотят представить впервые вступившим в Европу, как иранцев в эпоху переселения народов.

Армяне считают своим прародителем Наук’а, свой древнелитературный язык *хайским* или *хайкордным* (*haukazean, haukakan*): Наук — светло ‘Орион’, тотемный небожитель отложившегося в армянах племени, с которым, конечно, нельзя более смешивать, это давно установлено, *хайев* или *хайнов*, *энихов* или *ионов*. Наук по законам армянской фонетики это *Pask* → *Bask*, термин, также сохранившийся в родословии армян в качестве одного из их патриархов, притом в полной форме *Pas-kam*. Закон, действовавший на перерождение *Pask*’а в Наук’а, очевидно, особенность одного лишь слоя армянского языка, того слоя, который индоевропейское *ater* ‘отец’ обратил в *haug* ‘отец’: закон этот останется и в том случае, если *haug*, восходящее непосредственно к архетипу **rag-1*, представляет разновидность этрусского *rag* ‘отец’ в Италии и грузинского *rag-1* ‘отец’ в составе *ipa-rag-n-1* ‘предки’ (ср. арм. *pača-haug, id.*) на Кавказе. В обоих языках пережиток одного и того же племенного языка. В армянском не только баскское-хайское и ионское-хайское отложение, но и этрусское, равно иберское; как только-что мы видели на термине ‘отец’, в нем и италийско-альпийское или сарматское отложение: нося в себе сарматское племенное переживание, армяне-халды или кары имеют право притязать на тотем Карапет — сарматский тотем, если вовсе умолчать о скифском вкладе в армянский язык, свидетельствуемом не одной легендой о построении города Куара, параллелью древнерусской легенды, также скифского происхождения, о Кие, Щеке и Хориве и построении Киева. Касательно занимающего нас сейчас этрусского племени, думаю, в отношении топонимики Армении нет особенной нужды останавливаться на господствующем положении его названия в ней, т. е., следовательно, на вхождении этрусков в состав племенного населения доисторической Армении,

копечно, в различных видах этого термина, как то: U-gar-tu или A-lar-od, в м. U-gas-tu и *A-gas-ot, равно Au-gar-at → A-gar-at, E-ga-ḡin в м. сибилантного *E-gas-ḡin,¹ откуда E-gas-ḡ или A-gas-ḡ в греческой передаче A-gaqs (Ἀράξης), и т. д. Из геоэтнических терминов этого происхождения в Армении я остановлю ваше внимание по связи с окающей разновидностью gos → gus, точнее для родной яфетической среды goš → giš, на названия племени и области Ванского района Rəš-tun, собственно Rəš-tun-e. Об исторической роли рушов-урартов, хорошо памятной ассирийцам, можно не распространяться, поскольку этим названием месопотамские завоеватели продолжают именовать новых властителей Армении халдов, авторов вавилонской клинописи, по названию собственно халов (-d опять окончание мн. числа), племя альпийское или сарматское, с внедрением которых получает почву для обоснования термин ag-men в качестве племенного названия населения в Армении и северного, впоследствии семитического, района Сирии и Месопотамии, т. е. Арамейской земли. Очевидно, это внедрение — древнее халдских клинописных надписей Вана, IX века. Этруское ли, т. е. руштунийское, самосознание завещало армянам или самосознание иного вошедшего в их этническое образование племени, армяне, подобно баскам, именно к иберам относились как к чужому племени. Но здесь надо иметь в виду, что как свое, родное, домашнее выражалось собственным или признаваемым за собственное племенным названием, так иноплеменное, пришлое именовалось соответственным племенным названием, осознававшимся в родном племенном предании не только как 'враждебное' и 'чужое', но и 'гость'. Кто знает армянский язык, новый или древнелитературный, естественно, с недоумением вспомнит основу vīg, которая в древнелитературном с окончанием мн. числа vīg-d, а в так называемом новоармянском языке с окончанием -aḡi — vəg-aḡi одинаково означает 'ивера', 'грузина' и только. Но мы говорим не об исторических временах с этими литературно переданными в качестве племенного названия иверов и грузин словами, а о взаимоотношениях яфетических племен в доисторические эпохи и отложениях терминов того времени, пережиточно наблюдаемых в древнеармянской речи в значении именно и только 'гостя': это — hūw, диал. huw, что при учете законов армянской исторической фонетики представляет — последнее диал. huw — дериват архетипа *huwer (собственно *zuwer), спирантной разновидности сибилантного шипет, в формах г. stumar || м. sumar наличного и на Кавказе у грузин и мегрелов в значении опять-таки 'гостя', очевидно, как месхизм,² а первое hūw — дериват архетипа → *huwer, т. е. того именно архетипа, к которому восходит основа баскского her-d, т. е. *huwer с его сибилантным двойником smer-, во мн. ч. smer-d, оно же трехсложная разновидность пазваия iber'a. Это племенное название, обратившееся в нарицательное имя со значением 'гость', у армян и их соседей имеет еще значение ремесленного занятия в связи с перерождением племен с тотемами в средневековые цехи, но сейчас сказанного достаточно.

¹ В детали не вхожу и не указываю на существование рядом с ḡin равнозначущей формы ḡin-i.

² В мегрельском встречаем и vur eb-a, или в соответствии г. stumar-eb-a, с утратой ш в м. sumreba, или по соответствию vur ← *sver ~ h'w'er.

Принимая во внимание подобного рода тождества у армян с басками далеко не в одном только-что разъясненном случае, я полуптно утверждаю, что армянские баски-хайки, еще чистые яфетиды, и пиренейские баски некогда находились в непосредственном общении, составляли часть одного и того же яфетического народа, а не только племени, словом, были расположены на одной и той же территории, отнюдь не предполагая, что это было или на Кавказе, или у Пирснеев. Вопрос об этой общей слянке — проблема, а наше утверждение есть готовое научное положение.

Абхазы, или, точнее, A-bas+k'i, т. е. «баски» с префиксом «а-», вторые, следовательно, по счету кавказские баски, уже чистые яфетиды, сами не носят подобно пиренейским баскам особого национального названия помимо баскского: они именуют себя а-фс-wā || а-фс-wā, что представляет собою коренные согласные той же основы bas с префиксом «а-» и в другой форме мн. числа wā, пережитке слова var 'дять', т. е. иверского племенного слова. В составе населения современной маленькой Абхазии, естественно, трудно бы ожидать целой особой области этрусков, как у средневековой Армении была руштунийская область. Абхазия за время внедрения так называемой европейской культуры обездолена в своей даже центральной этнографической части, так от всего Гумистинского района остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского: заселявшие эту центральную полосу гиш-ā, или гумы, абхазское племя, должны были, под варварским колониальным натиском европейцев, выселиться в Турцию, спасая свою крепко сложенную древнекультурную общественность, свое человеческое достоинство. Абхазия в этом отношении давно сводилась к такой же миниатюрной территории, какую на наших глазах отводит армянам Еврова, предательски провоцировавшая их на участие в борьбе с вековыми согражданами-турками, часто с единокровными, лишь мусульманами, и так, как от средних веков у себя сводили к крохотной территории и басков. И в исторической судьбе армяне (хайки-баски), абхазы (абаски-баски) и баски европейские имели по существу одинаково сродную долю, общекбаскскую долю. Однако у абхазского или, что было бы правильнее с устранением грузинской перестановки «х», у абаскского народа имеется отложение племенного названия lud → ləd в наименовании села у Пицунды Ldā = Ld-āā (← Lud-āāp¹ или Lud-āg), в обоих случаях разновидности Lud-āāp-а, как звали народ, двойник норманнов. Не касаясь и теперь действительной связи с норманнами, отложившееся в абхазском селе Пицунды племя это lud'ы, или luz'ы, как на Западе, за Пиренеями, рядом с басками и иберами доисторическое население Лузитании, или также лузы, т. е. этрусски. В эпохи же своего народного процветания абхазы сплетались в одно племенное объединение не с одной территориальной разновидностью этрусского племени, вошедшего, несомненно, в их этническое образование отложившего в их скрещенной речи этрусцизмы, или рушизмы. Я имею в виду не область Эрушвию (у грузин E-гиш-еэ), входившую в состав уже национального объединения абхазов, впоследствии Грузинского царства. Можно в такой же

¹ Н. Марр, По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века [см. здесь, стр. 99].

мере отстранять тот момент, когда при начале роста Абхазского царства исходной территориальной опорой Багратидов являлись земли, населенные мегрело-чанами, в бассейне Чороха, в IX—X веках н. э. Смещение политической роли и связанных с ней научных изысканий с историческими данными в доисторических вопросах, требующих этнологических фактов, — фактов совершенно иного порядка, нас сбilo бы так же, как оно не раз сбивало и сбивает некоторых грузинских историков (да правда ли одних грузинских и кавказских историков?), но в данном случае я имею в виду С. И. Какабадзе, автора работы *Qatgdi saqelmti fobeglobis genezisis sakidqebi* ('Генетические вопросы грузинской государственности'). Приняв историческое преемство иберского или иверского и картвело-грузинского государств за основание для отождествления их и этнографически, не различая в связи с этим авторских показаний в одних случаях политико-исторического, в других этнографического значения, молодой грузинский историк несколько недоумевает, что историческая Иберия соседит с Албаниею, а между тем иберы весьма для этого рано свидетельствуются у Чороха, хотя бы Плинием. На самом деле этнологические данные, топонимика доисторического происхождения, так названия Гурии, Спера и других областей, гораздо ярче, чем Плиний или более древние западные писатели, нам указывают на иберов как исконное здесь население края, и, конечно, иберы, как этнический примитив, совершенно неотожествимы с картвелами-грузинами. Более того, и политически господствовавшие иберы — иберы, сыгравшие уже культурно-творческую роль в пределах впоследствии грузинской территории на Куре, словом, исторические иберы Кавказа — вовсе также не отождествляются этнически с историческими картвелами-грузинами, иначе Кура называлась бы по-грузински не *M-tkvar-i* (← **M-tqor-i*), а родным грузинским словом *Tka-l-i*, и вопрос, конечно, вовсе не в форме одного этого слова, а в целой сети топонимических терминов, покрывающих пережиточно коренную теперь Грузию, центр исторической Грузии, перерезываемый Курой, т. е. *Mtkvar'*ом, а не *tkal'*ом (кстати, *tkal*, означающее по-грузински 'воду', одновременно является совершенно определенным племенным названием). И мы, повторяю, не думаем этнологически разрешаемый вопрос о генезисе и генетических узах абхазского народа, т. е. о доисторических общественных связях абхазов, запутывать отнесением к ним населения территории, находившейся в их владении за время абхазского политического господства, собственно господства абхазских царей и феодалов. Но имеются этнологические данные, чтобы утверждать, что абхазы имели несомненно народное распространение, следовательно, этнографическое, на юге до Чороха. Достаточно название гурийской реки Супсы, представляющей абхазское название 'Сур-ская река', так как Гурия называлась и Суриею, по-грузински *Sur-eb* (теперь *Sureb-i* — область Гурии на верховьях Супсы). Сама река *Togoq* называлась *Abs-ar*, разновидностью национального названия абхазов-абасков, именно *Aqs-wā* || *Afs-wā* за много столетий до возникновения средневекового Абхазского царства. Плиний в *Hist. Naturalis*, т. е. к 77 году н. э., пишет: «река Абсар с соименной крепостью у ее впадения в 140 тысячах стадий (шагов) от Трапезунта. В этой местности за горами Иберия», т. е. Гурия за Чорохом, включая сюда теперь и омусульманенную

и полутуреченную ее часть — Ачару и Qobul-eš. У абхазов-басков в это время здесь происходило общение не только с иберами (мегрелами и гурами) и тогда их южными соседями, но и с чанами-ионами, но чаны одновременно носят и название «лаз», чистую основу термина «пе-лас-г», разновидность чистой основы «этруск» по свистящей группе. А «лазы-этруски», сожители с абхазами с давних пор,¹ значительно более древние обитатели Черноморского побережья, не только на юге, но и на севере. Однако не только это обстоятельство подлежит реальному учету в вопросе о происхождении абхазов, о скрещенном с этрусским составе их кавказского баскского языка. На востоке, в пределах бассейна реки Фазиса, носящего племенное название абасков, или афš-wā, мы наблюдаем в исторической жизни смену этого названия реки грузинским Рионом, на котором — город Qid-a'š'is в грузинской форме вскрывает основу qida 'поселок', 'селение'. Это скифский племенной термин по корню qu → q и скифский пережиток в абхазской форме, позднее всплывающий в грузинской исторической оправе, идущий, однако, из этнографических залежей глубокой древности, передаваемый в догрузинской форме еще Прокопием и особенно Стефаном Византийским мегрельской Κῶταία² и чисто абхазской у Стефана Κῶτα.³ Таким же образом исторически позднее сменявший Фазис термин Ри-он отнюдь не позднего происхождения,⁴ он идет от древнейших этнических залежей края, где в составном названии, каким является Ри-он, отложились в скрещении два племенных названия, ионское -он (кстати, в этой именно форме оно сохранилось в названии города в Раче, в бассейне истоков Риона) и этрусское ги, остаток гиц, к чему мы еще вернемся.

Скрещение этрусков с ионами, как в Лазистане лазов-этрусков с чанами-ионами, имеет в этом крае параллель в самой географии, поскольку с Рионом, у классиков одно время Фазисом, сливается, его притоком является Иппос, у грузин ოქენის-იკალ-ი, буквально река ионского тотема 'коня'.

Само название ныне грузинской области Рачи, именно Rač-a, у сванов Račw, представляет дериват чистого этрусского племенного термина гоč (↗ гош), и если на самой ее территории мы имеем и сейчас осадок ионского поселения в городе Он-и, слившего свое название с этрусским в виде Риона, то непочто rač- || rosk,

¹ Procopi, De bello gothico, IV, 3, 12—13: οἱ δὲ Ἀβασγοὶ Λαζῶν μὲν κατήκοοι ἐκ παλαιῶ ἦσαν, ἄρχοντας δὲ ἀμογενεῖς δύο ἑσσεὶ εἶχον ὧν ἄτερος μὲν ἐστῆς χώρας τὰ πρὸς ἐσπέριν, ὁ δὲ δῆ ἕτερος ἐς τὰ πρὸς ἀνίσχοντα ἡλιον ἴδρυτο.

² De bello goth., recens. Sac. Nauy, MCMV, IV, 14, 48 — Κῶταία-ον. У Прокопия приводится и новогреческая форма Κῶταίς (груз. Qidals-и), но с любопытной оговоркой: «теперь, впрочем, Κῶταίς называют его лазы по незнанию слова, нарушая стройность имени. Об этом поведал сам Арриан». Лазского происхождения в Κῶταίς вовсе и нет признака и в том случае, если в нем признать s заменяющим звук «ш» по его отсутствию в греческом. В передачах этого имени и в других (Καίταίου, Κριταίεξ) чувствуются отсебятины переписчиков или правщиков, как в Ουδμερίος вм. Ουχιμερίος.

³ Города с этим названием имелись и в других странах, один даже в Скифии, причем и комментатор Стефана Berkelius в своих примечаниях упоминает, что «кой-где колхи называют скифами» (Stephanus Byzant. cum annotation. L. Holstenii, A. Berkelii et Th. de Pinedo, т. III, Lips., 1825, стр. 95), но все это требует специального и детального филологического обследования или переобследования.

⁴ Прокопий пишет (De bello goth., IV, 14, 47) Ῥέων, сохраняя ли древнее произношение ге[h] вм. ги[h] или воспринимая местное название как причастие настоящего времени греческого глагола 'течь' ῤεων.

в греческом восприятии $\rho\omega\zeta$, в соединении с аланами-оланами¹ дало термин «Роксолан», опять показатель того, что Абхазия кругом мало сказать соседила, она сожительствовала с рушами-этрусками, не могшими не отложиться в племенном образовании абхазского народа так же, как они отложились своим названием в сугубых племенных названиях $Ri-on$ и $Roqs-olan$. Потому-то не случайным нам представляется, как не раз приходилось повторяться, то обстоятельство, что в арабской версии Жития Григория Просветителя абхазы названы русскими: это, конечно, не русские, воспринимаемые как индоевропейские русские, а русские яфетиды, этруски или пеласги.

Но кавказские баски, абаски или абхазы, и население Армении, и древней, и новой, объединяются с пиренейскими басками не одними племенными названиями, собственными или усвоенными по скрещению или как чужое воспринимаемыми.

У них ряд общих родственных черт в самой речи, даже в полуиндоевропейской армянской речи. Правда, эти общие с баскским родственные черты не всегда разделяются одинаково и абхазским и армянским.

Иногда баскский бывает связан, так в составных словах, на половину с армянским, на половину с абхазским, напр., в слове *alaba* 'девушка', образованным, как все яфетические термины того же значения, из сложения слов 'женщина' и 'дитя': первым словом *ala-* 'женщина' баскский совпадает с армянским *aġa-* в термине *aġa-ġin* 'девушка', 'служанка', букв. 'женщина+дитя', а вторым словом *-ba* 'дитя' баскский совпадает с абхазским *-ba* 'дитя' в составе абхазских фамилий (напомню, кстати, *-ra* в термине *ġi-ra* из эламских женских имен, слове того же состава, анализированном с помощью абхазского).²

Один общий яфетический слой в этих трех языках, пережиток доисторических времен, проявляет соотношение трех групп одной ветви, отличающихся, как известно, друг от друга определенной перегласовкой: 1) аканием, 2) оканием (часто при сужении «о» в «и») и 3) эканием; так — 'далескай' с аканием абх. *ġag-* (*ġag-owp*), с оканием (о → и) бск. *hug* (*hug-up* || *hug-in*, 'дальность' *hug-ut-i*), с эканием арм. *heġ-* (*heġ-u* || *heġ-i*).

С такой же перегласовкой сохранилось, очевидно, в этих трех языках племенное название *поян*: с аканием 1) абх. *a-ġau* (плем. назв.), 2) *-ġa* ('господин'); с оканием бск. *op* → *hup* ('хороший'); с эканием арм. *hep* 'наезд',³ но так как племенное название использовано было и в качестве тотема-животного, равно тотема-божества 'господа', затем и 'господина', тотемного прилагательного 'хороший', то при распределении разновидностей с перегласовкой между различными значениями термина сопоставленные по норме звукового соответствия а || о || е три слова абхазского, в двух разновидностях, выступают со значением

¹ Окающая форма получена на почве перегласовки ширящей группы, куда вместе с чанским и мегрельским примыкает яфетический субстрат болгаро-чувашского языка.

² Н. Марр, Нарцательное значение термина *ġera* в «митаиских» женских именах (по яфетическим данным). Прил. к прот. VI засед. ОИФ РАН 24 марта 1920 г., стр. 121—127.

³ Н. Марр, Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян, ЗВО, т. XXV, стр. 254: 'наезд', 'разбойничий наезд', букв. 'кони'.

племенного названия и 'господина' (→ 'владыки', 'царя'),¹ баскское — тотемного прилагательного 'хороший' и арм. *hep-* 'наезд', собственно 'кони', хотя племенное значение и армянской разновидности *hep-* свидетельствуется целым рядом фактов, напр., наличием его в основе наименования племени *hep+1-oq* (форма мн. ч. от *hep+1-*), населившего Абхазию еще до появления абхазов в кругозор истории.

Тотемный термин ионян сохранился и у западноевропейского яфетического народа, басков, в двух видах, один в виде *hup* или *op* со значением 'хороший', другой в виде *yaup* или *qawp* в значении самого тотема — 'господа', впоследствии и 'господина'. В значении 'господа' рядом с *qawp* у басков имеется и *qau* → *qau*,² и эта наличная в баскском форма интересна для абхазского, поскольку в нем в значении 'святыни', 'божества' появляется *qa* → *q* в составе сложного слова *a-pə-qa* → *pə-q* 'икона', а с префиксом *a-* — *a-qau* это такая же абхазская разновидность названия того же племени, как *a-bask*, древнее название абхазов, есть разновидность названия европейских басков у Пиренеев.³ Как известно, это племя *a-qau* действительно существовало в Абхазии, и святыня, *qa* → *q*, в *pəq*, очевидно, пережиток их тотема, как его разновидность *ha* в значении 'господина', 'владыки' в составном *a-fs-ha* || *a-fs-ha* 'царь'.⁴ Не случайно созвучие не только абх. *qa* ↘ *ha*, но и баскского *qau* с названием армян *hau* ↙ *qau*, так как у басков особенно с армянами целые слои общих элементов, некоторые из которых восходят к этому поиско-эпихскому племенному языку. Не случайно созвучие абхазского племени *a-qau* с ахаями Греции, так как в греческом прослеживаются и другие элементы абхазского или баскского происхождения, то с префиксом, то без префикса «а».

В некоторых случаях у армянского совершенно тождественные формы или особенно близкое созвучие с баскским, между тем как абхазский оказывается стоящим в стороне, так:

- 1) В армянском *gaḡ* 'ячень', в баскском *gaḡ* 'пшеница', *gaḡaḡ* 'ячень'.
- 2) В армянском *ḡaḡ* 'злой', как в баскском *ḡaḡ*.⁵
- 3) В армянском 'омерзительный', 'скверный' — *gaḡi*, вид древний, а новый вид того же слова *geuḡ* (← *geuḡ*), причем нехватает посредствующего вида *ḡauḡ*, и именно этот вид сохранил баскский язык своим *ḡauḡ* 'зло', 'несчастие', 'болезнь', *ḡauḡto* («*ḡaiḡto*») || *ḡauḡto* («*ḡaiḡto*») 'злой', 'скверный'.

¹ В составе *a-fs-ha* || *a-fs-ha* 'царь', букв. 'владыка абхазов' (собственно басков или месков) или 'господин знати' или 'дворянства', так как основа племенного названия *fs* || *fs* ~ *ms* у абхазов означала и благородное сословие, так в термине *a-təw+ḡa*.

² *Qau*кока 'бог'. *qau* 'праздник', ср. ниже абх. *-ha* 'господин', 'владыка'.

³ С этим не отпадала бы прежняя этимология, с сопоставлением с г. *qat-1*, если история последнего слова такова: м. *qap-t* → **qā-t* → г. *qa t-1*, однако *pt* в мегрельском может восходить через *pt* (→ *pt*) к г (|| 1), что нас вернуло бы опять к архетипу *qag* || *qal*, с суффиксом мн. числа *qas-t* || *qal-t* → *qal-d*.

⁴ См. прим. 2.

⁵ В абхазском мы ожидали бы **ḡāi* = **ḡā* → *ḡa*, и последнюю форму сохранил сванский язык, очевидно, в абхазском своем слове, но со значением положительным — 'хороший' в составе слова *ḡo-ḡa* 'хороший', собственно 'лучший', так как *ḡo-ḡa* представляет сванскую форму сравнительной степени (*ḡo-*), ср. у арм. *law* в древнеписьменном 'лучший', в народном — 'хороший'. См. также Н. Марр, Об яфетической теории, ИВ, 1924, № 5, стр. 319 [ИР, т. III, стр. 12].

4) В значении 'нести' у армянского с баскским один и тот же корень *kr*, но с разницей в огласовке: «*o*» в армянском — *kr* — *kəg-ei* 'носить', «*a*» в баскском — *kar* — *e-kar-i* 'носить'.

5) В армянском род. падеж ед. числа сохранил признак -г, в местоимениях полностью -ге, и т. п., как в баскском -ге (←-ген).

Конечно, с абхазским у баскского сильнее или чаще проявляются связи, в частности и в грамматических категориях, так:

1) Как в абхазском, баскский в паузе утрачивает плавный г; это наблюдаем, впрочем, и в истории языков Армении, как древнелитературного, так и вульгарного.

2) Один слой абхазского также не допускал в начале плавного г, как не допускают его вовсе ни армянский, ни баскский, причем в числе способов обхода начального г (о них речь особо) есть один — замена плавного г звуком шипящего ряда *j* или его подъемом *ǰ* → *ǰ*, и вот этот аффрикат *ǰ* в абхазском становится простым зубным *d*,¹ как в баскском, где такой аффрикат вообще вывелся.

3) Подобно абхазскому, звук *q* || *k* баскский использует как показатель множественности, и это, впрочем, разделяется также языками Армении, древнелитературным армянским языком, именно в им. пад. мн. числа, как в баскском. Более древний вид этого окончания — согласный аффрикат *q*, переживший в сванском (в глаголах, да и в именах собственных).

4) Подобно абхазскому, орудивный падеж баскский образует с помощью агглютинативного -*la* (в баскском для выражения обстоятельства образа действия).

5) С абхазским у баскского общий в глаголах местоименный префикс 3-го лица *d-* и др.

6) Подобно абхазскому, баскский глагол в неопределенном наклонении получает гласный префикс (бск. «*e-*» || абх. «*a-*»), чередование каковых гласных явление диалектическое.

7) Тот же звук г в то же время есть показатель множественности, что одинаково проявляет абхазский, равно армянский, но не древнелитературный, а народный, и вместе с ними и этрусский.

8) Подобно абхазскому, баскский проявляет в слове 'брат' префикс (бск. *au-* || абх. *ya-* → *ye-*) — особенность, на Кавказе прослеживаемая лишь у сванов (*e-* в св. *e-qwbar*, откуда в арм. *e-ǰbar*, ср. груз. *me-gobar-i*),² причем европейский яфетический язык, баскский, ту же черту сохранил и в других терминах родства: *au-ta* 'отец', *au-sra* 'сестра'.

9) Подобно абхазскому в союзе *eu-ǰa* 'также', 'еще', собственно 'и', только баскский язык проявляет тот же префикс *eu-* ← *au-* в союзе 'и', в баскском также звучащем *eu-ta*, тогда как в других яфетических языках — голая основа без префикса, в грузинском -*da*, энкл.: -*ǰa*, в мегр.-*do*, энкл.: -*ǰi*.

10) Подобно абхазскому, баскский определение ставит всегда обязательно после определяемого — черта, разделяемая из яфетических еще лишь шумерским языком Месопотамии, языком с письменностью 5-го тысячелетия до н. э.

¹ Напр., абх. *a-daǰ* ← г. *ǰaǰv-i* 'цепь'.

² Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги», ЗВО, т. XXV, стр. 4—5.

11) Подобно абхазам, в числе языческих богов своих баски имели божество I-штаг, у абхазов I-џаг (а-уџаг),¹ с его богатым культом, да еще с особым праздником à-уџаг ləba 'Айтарова палка', три недели спустя после Пасхи. Это, собственно, итало-альпийский, на Востоке сарматский тотем, с зубным согласным на низшей ступени i-sag, что мы имеем и у этрусков с префиксом ау-, ау-sag (αισαρ) по Дионисию Галикарнасскому с нарицательным значением 'бог', да и в этрусских надписях Торп (Torp) хорошо его опознал, напр., в peduni aisagi 'бог Нептун'. Имеем его и у басков в форме i-sag («i-zag») со значением, также нарицательным, 'звезда', все в линии семантического ряда 'небо' → 'заря' → 'утренняя звезда' || 'закатная звезда' → вообще 'звезда'; что i-sag у басков действительно означало 'зарю', 'утреннюю' и 'вечернюю звезду', ясно из того, что по-нижненаварски у басков 'роса' называется isag-ihñ, букв. 'исарский иней', 'утренняя, гесп. вечерняя роса' и т. п.

Когда мы сравниваем, то мы можем уверенно полагаться на действительное средство сравниваемых явлений, так как нам известна их реальная палеонтология, так, напр., показатель множественности q || k, общий у армянского (древнелит.), абхазского и баскского, в архетипе q̄, представляет остаток слова q̄n-1 'дитя', 'сын', наличного в этом виде, равно усеченно q̄1, в халдских клинописных надписях Ванского царства. Слово воспринималось и в значении 'рожденного', имея двойник *q̄n.² Как пережиток языка клинописи IX—VIII вв. до н. э., q̄n в значении 'дитя' сохранилось в разобранном уже нами армянском термине ala-q̄n 'служанка', 'девушка', букв. 'женщина+дитя'. Это q̄n, как и его двойник q̄ep- (↘ hep), — ионский или энохский тотемный термин; между тем уже выяснено, что энохи, к которым восходит одно из национальных названий армян, входили в состав населения абхазской территории в древнейшие времена, однако у абхазов это племенное название не могло звучать с огласовкой «е», а лишь «а», как мы и видели при анализе абхазского и по префиксу племенного названия а-џау. Следовательно, и в значении имени 'дитя', 'рожденный' по-абхазски вм. «е» или «а» слово должно бы иметь огласовку «а», и это также налицо в виде основы q̄a в абх. глаголе а-џа-га 'рожать', отсюда м. q̄a-ɫa || q̄a-ɫa 'рожать'.³

При указанном характере взаимоотношений баскского, абхазского, армянского языков отпадает возможность и смысл предположения о переселении, напр., кавказских абхазов и пиренейских басков, или первых с Кавказа в Пиренеи, или вторых с Пиренеев на Кавказ. Следовательно, не одно тождество названия этих трех народов басков, абхазов-абасков и отложившихся в армянах найков-басков, как и органически скрестившихся с ними других яфетических племен, вынуждает на территории непосредственного распространения каждого из этих народов предполагать наличие ab ovo каждого из перечисленных яфетических племен. После сказанного будет понятно, что в этих трех языках и по этрусскому слою

¹ У басков с давних пор ревностных христиан, в значении 'дьявола', притом с первичным, аффрикатом џ вм. -шџ и суффиксом -ep вм. -п ефикаса i-: *џаг-ep||џег-ep (юда же џаг 'зло', ср. выше, стр. 129).

² Доклад, читанный в Яфетическом институте 9-го июля 1922 г.: Из яфетической семантики... в) 'Дитя + женщина (женщина + дитя)' → 'девушка' и греч. παρθένος.

³ Н. Марр, Надпись Сардура II, сына Аргистия в Даш-Керпи, на Чалдырском озере, Зап.-Кавк. Музея, серия В-1, Петр., 1919, стр. 11.

должны выявиться общие элементы. Мы сейчас дополнительно увидим, в какой степени абхазы не менее, чем баски и протоармяне, переплетались с этрусками, в пределах именно своего территориального распространения, и соответственно вторят этой исконной связи этрусские языковые элементы в абхазской речи, иногда и не разделяемые даже баскским и армянским, так, напр., вспомогательный глагол *ma*, общий с этрусским (абх. *1-mo-wp*, этр. *a-ma*), числительное 'три' (абх. *q̄*, этр. *ki* [\leftarrow **k̄i*]) и др.

Но в настоящем сообщении я ограничиваю подбор этрусцизмов в этих трех языках кругом трех тотемных слов, связанных единством мифологического представления, именно 'заря'+ 'лошадь'+ 'солнце'.

Так-то каждое слово, что бы оно ни означало, как теперь выяснилось, в языке восходит по данному племенному слову всегда к единственному в прототипе слову этого племени, его названию, но та или иная его значимость \leftarrow 'вязала с восприятием того или иного идеоизобразительного или идеопластического смысла в том или ином семантическом разрезе, т. е. имеются законы семантического использования слова, его семантическая история, с которой приходится считаться несколько не менее, чем с так называемыми фонетическими законами, собственно бытовым и общественным приспособлением части звуковых особенностей к мистически общим неизблемым порчам семантики.

Так-то в смысле указания важности этрусских лексических отложений в наших трех языках подбор этрусцизмов, конечно, может быть увеличен или усилен в значении выявлением их в выражении самых обыденных понятий, так, напр. расенская, разновидность этрусского племенного названия, именно основа *gas*, попав в армянскую языковую среду, должна была или утратить начальный, или сохранить его предпосланием гласного, обыкновенно *a-* || *e-*. И так как палеонтология речи выяснила, что 'говорить', как и 'рожать' \rightarrow 'творить' || 'делать' представляют основы племенных названий, то когда армянин в древности *as-eu* упогреблял в смысле 'он говорит', это значило 'расенит' или 'этрuscит', так же, как когда он же произносил *a-gag-1* (вм. **a-gas-1*) в смысле 'я сделал', это значило, собственно, семантически архетипно 'я расенил' или 'сэтрuscил': в первом случае *gas*, чистая основа племенного названия, утратила в начале непронизносимый в армянском древнелитературном *g*, получилась основа *as*, во втором случае *g* сохранен предпосланным гласным *a-*, *a-gas* с дальнейшим перерождением *s* в *g*, как в *Au-gag-at* и т. п. (но в будущем — *a-gas-šes*, *a-gas-šeu* и др.). Предпосланием гласного *a-* или *e-* плавный звук *g* мог сохраниться у основы *gas* и при значении 'говорить', и действительно с префиксом *e-* мы находим эту основу у басков в форме *e-gañ-1* со значением 'говорить', отсюда бск. *e-gañ-le* 'оратор', бск. *e-gañ-te* 'разговор', 'беседа' и т. п.¹

Наоборот, в значении 'делать' баскский то опускает *g* — *as-1* (*az-i*) 'делать', 'заставлять', то сохраняет его, предпосылая гласный префикс или, как в арм., *a-* — *a-gas-1* (*a-gaz-i*) 'делать' или *e-* — *e-gas-1* (*e-gaz-i*) также 'делать', в обоих

¹ В связи с этим подлежит пересмотру вопрос о происхождении арм. *a-ga-k* 'притча' (ср. Н. Марр, Непечатаемый источник истории кавказского мира, ИРАН, 1917, стр. 329 сл.), арм. *a-gat* 'пословица', 'поговорка' с аварск. *gaḡi* 'слово', 'речь'.

случаях в сочетании с основой другого глагола, используя глагол 'делать', в смысле 'заставлять', для описательного образования побудительного залога, совершенно так же, как это наблюдается в рейском, т. е. так называемом новоармянском языке. Трудность и опасность отождествления вовсе не в установлении закономерных звуковых соответствий без всякой натяжки, а в реальном размежевании совершенно созвучных слов согласно строгим законам семантики, обоснованным на нормах доисторической социальной жизни и соответственного мышления доисторических народов, иначе это не наука о жизни языка, а средневековая схоластика. Конечно, 'говорить' и 'делать' легко размежевать семантически: несмотря на совершенно неслучайное созвучие, часто и тождество слов, выражающих эти два понятия, они, однако, не имеют в смысле отношений друг с другом абсолютно никакой генетической связи. Но при историческом мышлении легко, алауронистическим бытовым подходом восприняв 'говорить' материально, как 'акт взаимоотношения', переносное использование физического общения, тем более глагол 'рожать', 'делать', одинаково возвести к действительно существующим созвучным словам, означающим физиологический акт, т. е. по абберации анахронистического восприятия принимать за реальность именно фантастические сближения, что не раз происходило и с нами именно по неспособности освободиться от исторического мышления в вопросах доисторической семантики. Но такое внешне-материальное, собственно физиологическое или натуралистическое обоснование возникновения значимости слов, плод отвлеченного от общественной среды восприятия словотворчества, равноценно глубокому недоразумению с попыткой целой школы лингвистов производить человеческую речь от звукоподражательных слов. Идеопластика и схематический символизм, естественно и неотвратимо вытекающий из общественного строя эпохи, взгляд человечества на общественное значение предмета, вот что в действительности определяет происхождение выражающего его термина.

Остановлюсь на термине 'прелюбодей'. В яфетических языках, как пережитках доисторической общности, совершенно немислимо такое исторически морализующее образование слова, как 'прелюбодей'. Соответственный термин в яфетических языках связан также, конечно, с общественностью, но доисторической, он происходит от доисторического представления об общественном культе. Ведь даже богиня Ишгарь, в средние века переродившаяся в идеализованный тип великой любви, на Западе в Исольду, героиню романа о Тристане, одновременно есть ведь 'распутница' и естественно в яфетических языках те же племенные названия, что были использованы для обозначения тотема 'божества', послужили для обозначения 'распутного существа', первоначально определенного общественного типа в культовом понимании доисторического человечества, и вот почему, напр., окающая разновидность этрусского племенного названия *тш* в древнелитературном грузинском языке с префиксом *тн* — *тн-тш-т* означает 'распутное существо', 'прелюбодей'.

Но нас сейчас интересует лишь определенная семантически связанная группа слов-образов 'зари'+ 'лошадь' || 'солнце'+ 'лошадь', короче 'заря'+ 'лошадь'+ 'солнце', с одной стороны со включением неизбежного восприятия 'зари+лошадь', как

‘красного’, ‘светлого’ цвета, с представлением о приходящей лошади или восходящем солнце (кстати, у армян *aregagal*, буквально ‘приход арега’, очевидно, первоначально ‘лошади’, а не ‘солнца’, означал ‘зарю’), с другой стороны со включением неизбежного восприятия ‘лошади+солнца’, как символа загробного мира, самой смерти, и связи с представлением об уходящем или закатающемся солнце.

Если по общей части сравнительной грамматики яфетических языков помнить, что по трем группам, акающей, окающей (o → u) и экающей (e → i), основа подвергается тройному переформлению, не говоря о закономерных также групповых чередованиях согласных l || г и s || ш и что, кроме того, рядом с сибилантным видом имеется, может всегда получиться спирантизованная разновидность, то в остальном надо учитывать лишь звуковые особенности каждого данного языка.

Так богато представлен интересующий нас семантический подбор в армянском, но не по акающей группе:

а) По акающей группе, казалось бы, есть один термин *aḡawot* или *aḡawat*¹ ‘утро’, но и это, как увидим, только кажется.

б) К окающей группе относится: 1) *a-ros+e-ak* → *a-gis+e-ak* ‘утренняя заря’, ‘Луцифер’, ‘солнце’, в котором паличие «s» вм. «ш» и неослабление «и» в неударном слоге говорят о какой-то особой традиции: наличие «-e» перед уменьшительным суффиксом *-ak* именно окончания той же окающей или шипящей группы — архаичная черта, как появление его иногда и с не затемненной огласовкой «o» в основе — *a-ros+e-ak*.

2) Собственно, основа в первичном виде должна бы звучать *rosh* → *gish*, и раз *gish*, то с префиксом *a-* для сохранения начального *г* и с ослаблением «и» в неударном слоге основа *a-gish-* должна была переродиться в *a-gəsh* → *a-gsh*, и эту идеально закономерную форму мы имеем со значением ‘зари’, ‘утренней зари’ в основе арм. *agsh+a-luys* ‘свет утренней зари’ → ‘заря’, и вот при учете перерождения *gsh* в придыхательный *ḡ* (*n*),² эту разновидность *agsh-*, с соединительным гласным *agsh-*, по спирантизации *aḡ-*, мы имеем в составе арм. *aḡ+a-wot*³ ← *aḡ+a-wat* в (*aḡawat*in ‘восточный’) вм. **agsh-vat*, суффикс *-wat* → *-wot* тот же, что *-mat* || *-vat* в племенных названиях *sar-mat* || *qor-vat* и т. п.

Слово *agsh-* ‘утренняя заря’ означало и ‘лошадь’, отсюда форма мн. числа на *-vap* — *agshavan* ‘лошадь’ у армян в древнелитературном часто с придатком своего окончания мн. ч. *q*, также яфетического наследия — *agshavan-q*, означающая ‘наезд’, ‘разбойничий наезд’.⁴ От той же формы в усеченном виде *agshav-* образован глагол *agshav-el* ‘делать наезд’, ‘разбойничий набег’ (мн. ч. *agshav-q*, то же, что *agshavan-q*).

с) К экающей группе, притом со спирантизацией *s*, т. е. *geh* из *ges*, относятся два армянских слова, означающих одинаково ‘солнце’, собственно две формы мн. ч.,

¹ В прилаг. *aḡawat-in* ‘восточный’ (Балх). Напрасно издатели этой форме у Хоренского, II, 2 предпочли обычную *a-ḡawawt-in*.

² Как, напр. *ḡagsh-ah-1* → *ḡagsh-el* ‘сохнуть’, ‘пнуть’.

³ Гласный «o» (→ «aw») из «a» под влиянием предшествующего губного звука *w*.

⁴ Ср. семантическое развитие *heup-q* (выше, стр. 128—129).

одинаково утратившие спирант *h*, одна с заднеязычным *-g* — *a-re-g* (←**a-reh-g*), другая с губным *-w* — *a-re-w* с двойником, при префиксе *e-* — **e-re-w*, от всех которых с уменьшительным суффиксом *-ak* — *a-re+g-ak-ən*, *a-rew-ak-n* и *e-re+w-ak-ən* — одинаково 'солнышко', а от **e-re-w* 'солнце' глагол *e-rew-i* 'являться' и т. п., первоначально 'восходить'. Смещенная с гласного «е» на «и» по армянской норме, эта экающая разновидность, именно *ri* из *rih*, валична в самом армянском древнелитературном с префиксом *e-* и окончанием *-var* (ср. абх. *-wa* ← *-war*): *e-ri-var* в значении 'лошадь', 'конь'.

Вспомним, что этот спирантный вид этрусского племенного названия *ri* сохранился в составе названия реки «Рион», буквально означающего этрусск-ион и так и переведенного нами. Но возможно, что этот формально точный перевод не реален, и племенные названия здесь надо понимать как ионское *on* (первоначально *hōn* / *kop*, отсюда **hōn-a* → *hup-e* 'конь', русск. «конь»), и этрусское *ri* в значении 'лошади', т. е. налицо те случаи составных слов, настоящих гибридов, в которых каждое в отдельности из двух слагаемых означает то же самое, что и другое, нарицательно 'лошадь'.

Во всяком случае чистая основа *rih*, с сохранением даже спиранта, в соседней с Рионом Свании на сванском языке означает 'утро', а как тотем этрусский или пеласгский, это самое *ri* у восточнокавказских пеласгов, лезгин, именно дидойцев (наречие кидеро) в форме мн. ч. на *-gi ri-gi* означает 'хороший'.¹

Если пока даже откинем прилагательное со значением 'хороший', *ri* ← *rih*, разновидность этрусского племенного названия выявляет мифологически связанное пучковое значение 'заря' || 'утро' (св. *rih*) — 'лошадь' (арм. *e-ri-var*), не говоря о нахождении его в составе названия реки *Ri-on*, в значении ли опять-таки 'лошади', или просто племенного названия.

Однако в одном армянском языке, в самом древнелитературном, выступает полностью это мифологически органически связанное пучковое значение одного и того же племенного названия, но в различных групповых разновидностях, именно, как мы видели, — *a-gus+e-ak*, равно *agsh-* (в *agshaloys* 'утренняя заря'), *e-ri-var* 'лошадь', *a-re-g* || *a-re-w* 'солнце', т. е. 'заря+лошадь+солнце'; не надо забывать, что сюда относится и арм. *loys* (← *los-i* → *lus*) 'свет' — слово, любопытное опять несохранением первичного звука «ш» для окающей группы, ибо следовало бы *losh* → *lush*; что в окающей разновидности вл. ожидаемого *g* налицо *l*, это понятно, поскольку в армянском начальный *g* нетерпим, как нетерпим был он на Западе в баскском и в языках с примесью баскско-этресской речи.

Точно так же в одном сванском налицо мифологически оправдываемое пучковое значение этрусского племенного названия, но в различных опять-таки разновидностях, именно в спирантной *rih* 'заря' → 'утро' и шипящей *roj*, но с диалектическим в шипящей группе перебоем начального *g* в *ɟ* и с раздвоением в шипящей группе гласного «о» в двугласный *aw*, в сванском дающий долгий *ā*, почему в целом в сванском получилась разновидность *ɟāj* 'лошадь', но у сванов эта же

¹ Прилагательное 'хороший' || 'дурной' во всех языках оказалось племенным тотемом, богом, почему это слово так разнообразно в различных племенных группах. См. Н. Марр, Об афетической теории, НВ, № 5, стр. 315 сл. [ИР, т. III, стр. 23 сл.].

шипящая разновидность сохранилась с заменой начального *g* плавным *l* и окончанием мн. числа *q*, — обе особенности, клопнщце на посредство доиндоевропейского яфетического языка Армении, или абхазский язык, — это разновидность *lāsh-q*: она служит в самой Свании теперь лишь названием протекающей в ней реки *Ἰπλος*, по-грузински *Ἰπλῆς ἰkal*-1, также означающей 'реку-лошадь', но 'лошадь' ионскую; однако, как можно было видеть, на ту же роль названия этой реки притязает, несомненно, не с меньшим правом *lāsh-q* 'этруски' или этрусские тотемные 'лошади', и единственное примирение, вторящее действительности, было бы назвать эту реку 'этрусско-ионской', как это произошло с *Ri-on*'ом, очевидно, по соответственному племенному составу населявшего его парода, некогда басков или *fas*'ов, по названию которого также называлась река, если не уточнять, следовательно, в таком случае конкретного нарицательного значения племенного названия в применении к 'реке+воде'.

Но баски, это то же, что *masiq*'и, *mošoq*'и или *mušk*'и, *mesq*'и. *Masiq*'и у армян отразили себя топонимически в названии той горы, ветхозаветно прославленной, которая в зависимости от Библии во всем мире известна как Арарат; следовательно, и здесь встреча точно органически неразлучных басков, т. е. масихов, с этрусками, т. е. арасским или расепским племенем. *Mošoq*'и, или *mušk*'и, по ассирийским клинописным документам известны в Армении с XI века до н. э., т. е. за два столетия до появления ванских клинописных надписей Армении на языке халдов. На халдов ассирийцы перенесли по инерции племенное название более древних абсолютно или по появлению в местной исторической жизни насельников того же края урарту, или этрусков. Значит, в Ванском районе этрускам, впоследствии геоэтнически пережившим в *Ruštuni*, в эпоху, предшествовавшую еще халдам, творцам ванской яфетической культуры, присуще сожительствование с мушками, или, что то же, басками.

Понятно, если баскско-этрусские лингвистические переживания прослеживаются в преобладавших им языках Армении, двух языках, древнелитературном и так называемом новом, т. е. литературно в древности мало использованном, самостоятельно же, как письменный язык, вовсе и не обработанном, но тем не менее тогда еще существовавшем в живом быту.

В числе этрусцизмов армянского древнелитературного языка один, давно разобранный в своем месте, выделяю особо по курьезу, однако реально важного значения; это именно тот 'нидѣл который в описании одного и того же события, построения Армавира, один армянский историк, католикос Иоани, употребляет как название исполинских строительных камней, а другой армянский историк, Моисей Хоренский, приводит как имя исторического лица, будто внука Араменака, по имени которого назван, мол, Аракс, и по существу оба историка правы, так как этот термин *E-gas-toy* || *A-gas-t* — племенное название, с зубным мн. ч. *-to*, этрусков, в Армении — урарту, и мы могли бы сказать 'урартские камни' и 'урартец строитель' или 'герой', по имени которого назван Аракс, не погрешая против даже исторической правды, в устах же армян, этих восточных басков-найков, наследовавших урартские традиции или, вернее, по языку представляющих скрещение с ними, это естественно.

Месхи, т. е. те же баски, вошли в племенной состав Грузии и в грузинский язык внесли, естественно, все элементы его скрещенного этнического образования, т. е. элементы не только понского или сонского, равно месхского языка, т. е. скрещенной свано-месхской или сомехской речи, но и этрусского.

Но лучшую иллюстрацию доисторического сожительства различных, в числе их и интересующих нас яфетических племен в пределах исторической Грузии трудно подыскать, чем слияние давно вослестой грузинским поэтом Бараташвили «быстро бегущей с откликом-эхом лесов и долин» Арагвы с Курой у Мцхета. О «Куре», по-грузински «Мткваре», также отложении очень важного в этническом образовании грузинского народа племенного языка, сейчас не буду говорить; палеонтология вскрыла его действительную природу (мимоходом слегка я ее уже коснулся), но Мцѳеда, как известно, значит 'Месхская столпка', с этим не приходится расставаться и после остроумной попытки грузинского историка С. Н. Какабадзе дать иное объяснение,¹ даже форма с суффиксом -ѳа, по всей видимости, абхазская, а «Арагва» это этрусск или пеласг, как это уже разъяснено в печати; теперь можно прибавить лишь два уточняющих объяснения. Во-первых, подлинная грузинская форма А-га-ги (древнегруз. Агаgw, новогруз. Агаgv-1) это лезгинская, теср. дидойская (в Кидеро), форма с тем яфетическим суффиксом мн. ч. -ги, который мы знаем и по прилагательному гиги 'хороший', и который в то же время представляет более древний вид абх. мн. ч. q-а, собственно q из -ги (← -g).² Во-вторых, наше толкование данного термина как племенного названия «этруск» или «пеласг», собственно спирантной разновидности термина e-gas-g^hi¹, находит подтверждение в другом названии, как то доказывает только что названный историк С. Н. Какабадзе,³ именно этого притока Куры, на основании показания Дно-Кассия:⁴ царь Иберии Артаг по оставлении своего города и заключении мира с Помпеем, увидев, что и Помпей перешел Куру, испуганный, бежал к реке Пелору, которая находилась также в его владении (ἐπειδὴ εἶδεν αὐτὸν διαβέβηχότα πρὸς τὴν Πέλωρον ἐν τῇ ἀρχῇ). Pelog (долгота Pe'log навязанная или отражающая яфетическое ударение) — разновидность без окончания мн. ч.,⁵ с префиксом pe-, как pe-las-g и с обычным перерождением s в r (ср., впрочем, и в греч. πέλαργός 'журавль'), без окончания восходит к архетипу Pe-los-. Существует множество этрусских пережитков названий городов с этим архетипом, одно даже в Египте Πλοσίον (Геродот, 2, 17). Словом и здесь баски-месхи сожительствуют, скрещиваются с этрусками или пеласгами.

Естественно, если в речи позднее образовавшейся и политически возобладавшей нации qarḡvel'ov — грузинской, рядом с общераспространенным на Кавказе

¹ Указ. соч., стр. 14. Впрочем, оговорюсь, что наше толкование по существу не противоречит самой мысли в названии города искать культовый смысл, каждое племенное название представляло культовый термин, во сомнительно возведение Мцхета к наличным абхазским словам — а-шза 'луна' и а-ѳа 'доля'.

² От с-ставности суффикса q-а из q+wa приходится отказаться.

³ Указ. соч., стр. 16 сл.

⁴ Hist. Rom., XXXVII — Латышев, Scythica et Caucasia, т. I, 613.

⁵ С. Н. Какабадзе часть основы -og (-ōg) принял за окончание мн. ч., а префикс pe- — за часть основы pei, чтобы отождествить со сванским, но это вне норм яфетической топонимики.

этреским тотемным гаш-1 → гај-1, названием сказочной лошади-пегаса, мы находим и в полной мере шипящую разновидность гш-гој, в грузинской древне-литературной передаче со сванским раздвоением «ш» в «wш» — гшw-гајw (см. *гшw-гwај) в значении 'зари', т. е. опять 'зари-лошади'.

Исходя из и территориально и эгипически связанных с Абхазией народностей, мы вынуждены таким образом в абхазской речи видеть скрещенный племенной тип, включающий в себя прежде всего рядом с баскским этрусский слой, не включая, конечно, элементов или слоев, отложений от иберского, скифского, сарматского и других яфетических языков. Это мы утверждаем не только на общем основании, по таким положениям яфетической теории, как «нет яфетического языка, не представляющего скрещения одного и того же сложного состава», или «где улавливаем одно какое-либо яфетическое племя, там обязательно присутствие всех остальных». В отношении абхазского языка мы все-таки настолько продвинулись в исследовании, что спокойно можем утверждать скрещенность в нем со спирантным языком языка свистящего типа, следовательно, типа сармато-грузинского, и наличие в нем элементов, если не слоя, мегрело-чанской или фонетической номенклатуре шипящей группы, а это ведь пережитки скифской речи со включением иберо-ионских отложений, не говоря о независимых скифских элементах и не говоря вообще об общественной среде этого процесса языкового творчества, именно не говоря о том, в каких путях и где это происходило, но утверждая решительно: вовсе не на юге Кавказа и не через кристаллизовавшиеся уже в наличные виды языков шипящей группы, мегрельский или чанский, точно так же, как свистящий слой абхазского языка воспринят вовсе не через единственный более цельный теперь представитель свистящей группы, грузинский язык, прямые заимствования из которого¹ подлежат особому учету, составляют группу слов, отдельную от свистящего слоя, органически входящего в состав абхазской речи. Наш вопрос относится к глоттогонической эпохе, и из вопроса об абхазском в этом отношении не может быть выделен тесно примыкающий к нему черкесский, равно другие северо-кавказские яфетические языки, но теперь же становится совершенно ясным, что глоттогоническая эпоха, из которой вышли перечисленные языки в наличных их видах, территориально связана со скифско-сарматским районом юга России, с самими этнографически пребывавшими здесь племенами, не только скифским и сарматским, но и кимеро-иберским и др., имевшими преемников отнюдь не без матеряльного и идеообразительного в мышлении-речи преемства не только в наличных или вообще в яфетических языках Кавказа, но и в так называемом индоевропейском, собственно перешедшем в стадию индоевропейского развития славянском, русском языке: речь о том русском языке, который в названиях своих и родовом, и видовом унаследовал яфетические термины «славянский», т. е. «сколотский» или «скифский», и «русский», т. е. «этреский», конечно, не бессодержательно формально, а с неизбежным этническим приданым. Языковым явлением, переходящим в наследие к новым народным образованиям в этнографических путях,

¹ Как, впрочем, и заимствования из абхазского в грузинском.

сопутствовали и бытовые явления, народные названия, народные обычаи и, понятно, вообще народный эпос. Вот почему изучение абхазской речи и абхазской народной жизни до этнических глубин языческой поры, по сей день бытующих и доступных наблюдению, видных точно на ладони, должно бы представить (на наш взгляд уже представляет) исследовательское дело первостепенной важности и для реально интересующихся родными русскими древностями.

Но и в скромной доле этого интереса, связанного с «лошадью» и «тризной», мы не покончили еще с подготовкой к анализу наличных в самом абхазском этрусских переживаний. Мы сознательно отстранили значение этрусской речи для понятий выделенного нами круга еще в клинописи, где спирантная разновидность этрусского или расенского племенного названия та в составе идеограммы 'конь' является, как разъяснено, тотемным словом, означающим 'лошадь', следовательно, по намечившимся нормам яфетической семантики, и 'зарю+лошадь' и 'солнце+лошадь'. Это представляет сравнительный интерес, выходящий за пределы не только Кавказа, но и Передней Азии, в сторону архаичного Средиземноморья. Я не касался вовсе палеонтологии самого пучкового значения 'зарю+лошадь+солнце'. Это лишь одно из частных применений общего термина 'неба', закрепление в позднейшие эпохи языковой жизни его долевого эпифаниса. Кавказ сохранил и это первичное значение. Этрусское племенное название в экзотической разновидности сибил. геш ~ спир. геш в форме мн. ч. на -en → -in у восточнокавказских этрусков-лезгин, именно сибилантию у куандатлцев и эхваццев геш-en (карат., годаб., богл., анд. — геш-in) ~ спирантно у тиндальцев геш-en означает именно 'небо', собственно 'небеса'.

Но с другой стороны в связи с тем, что у каждого яфетического племени-примитива, не только у этрусков, 'небо' было основным его тотемом, т. е. фактически племенное название и слово 'небо' обозначались одним и тем же термином, а племя явилось общим названием 'людей', то совпадали и слова, обозначающие 'небо' и 'человек', часто для отличия называвшийся 'сыном племени', т. е. 'людей', отсюда пережиточно выражение 'сын человеческий' вм. 'человека'. Но 'человек', как и 'люди', 'племя', первоначально воспринимался исключительно собирательно, как символ 'множества', 'несметного количества'. Поэтому-то, подобно речи некоторых американских племен, яфетические языки выявляют в значении казавшихся первобытному человеку несметными чисел, именно 'десяти', 'ста' и т. п., слово, означающее 'человек', напр., сибилантиные языки Кавказа в роли 'десяти' и 'ста' имеют каситское, или касское, племенное название с позднейшей дифференциацией согласных для отличия 'десяти' от 'ста'; так 'сто' по свистящей группе — as, по шипящей — oш, в сванском в форме мн. числа [ɣ]аш-иг, давшее в армянском har-igr (← har-ig). Этого материала, имеющего прямое отношение не только к семитическим, но и к индоевропейским числительным, я здесь коснулся лишь для подготовки к восприятию такого же использования и этрусского племенного названия.

Охотнее мы остановились бы (и это нас держало бы в кругу интересующих нас образов-понятий) на анализе, которому поддаются, казалось, бессмы-

словные сакраментальные слова кавказских бессловесных песен, так именно у абхазов

о gàda o re gàша
или gàша gàша gàшшаḡàga,¹
или о gàda gàша,
gàша qḡша,

но их приходится рассматривать с другими грузинскими и иными терминами из бессловесных песен того же порядка, как aba-delia, delia, и это в целом требует специального особого доклада.

Не могу здесь воздержаться лишь от одной подробности, имеющей отношение если не к абхазскому языку (хотя и это не исключается, поскольку и здесь окажется замешанным этрусский язык, уже подлинный исторически и эпиграфически известный этрусский язык), то во всяком случае к Абхазии. Эта подробность разъясняет, думаю, окончательно вопрос о божестве Apaturo (Apaturu) Афродите в постановке И. И. Толстого. В работе «АПАТОРО на памятниках De la Motraue» по поводу содержания надписи на одном скульптурном памятнике с «азиатской стороны Киммерийского Востора», собственно бесспорно читаемого АПАТОРО, уважаемый коллега писал:² «Название Ἀπάτουρον носило знаменитое святилище Афродиты-Урании, находившееся в восточной стороне Восторского пролива, недалеко от древней Фанагории. Культ Афродиты, «владычицы Апатура», был распространен и на противоположном берегу пролива в Пантикалее. Страбон именуется богиню Ἀφροδίτη Ἀπάτουρος. В слове АПАТОРО надписи De la Motraue может, стало быть, скрываться либо название святилища, Ἀπατούριον, либо название божества Ἀπάτουρος». Упомянув затем об известности Гекатею Милетскому того же термина, как названия залива на азиатской стороне Востора, в конце концов И. И. Толстой заключает так:³ «уже в начале V века богиня именуется владычицею Апатура, того самого святилища, о котором рассказывает Страбон в XI книге и о котором, начиная с IV века, говорят эпиграфические памятники».

Спрошенный тогда, я терялся в догадках. Только слепота исторического подхода, когда речь о доисторических явлениях, могла меня отвлечь от правильного пути и держать в тисках верности принципу искать толкование доисторического термина в речи ближайшего окружения края, в слове усмотреть окончание -ur, мегрело-чанское, да иногда и грузинское, и основой считать a-pat-. В слове можем иметь окончание -ur, гесп. -or, собственно его пережиток -o → -u, как, напр., в баскском ser-u 'небо' (← 'небеса') и т. п., но наличное в слове or → ur часть чистой основы.

На самом деле Apaturu Ἀφροδίτη то же самое по существу, как если бы сказали Ἀφροδίτη Οὐρανίη. Само слово Apatur-u составное из ara и tur (-u || -o ~ -i именное окончание, яфетическое, собственно пережиток плавного мн. ч. -or ←

¹ 'Единственный'.

² ЖМНП, стр. 217—218.

³ Ук. соч., стр. 221.

-ur ~ -ir), tog → tur — чистая основа названия Иштари или Афродиты, у этрусков появляющаяся с обычным для них окончанием мн. ч. -ap, в виде tur-ap со значением 'Афродиты'. Хевсурское apa-tog-i представляет такое использование основы tog со словом ап-а 'бог', букв. также 'небо' в первой части; в окающей разновидности этим же термином от кавказских горцев хевсуров мы относимся на север до чувашей, у которых «тура || турй» 'бог' и «тор-й» 'бог', 'икона'; в окающей же разновидности то же слово нас относит не столько на север (у казанских татар «тәри» 'икона'),¹ сколько на юг: азербайдж. «гар-и» 'бог'. В мегрельском основа переходит, очевидно, под влиянием соседних языков также в окающую группу в том же сложном, как у хевсуров, составе ап-дар-и, причем это та же основа dar, что с префиксом i-dar, у абхазов с членом а-удар есть эквивалент Иштари. То же самое и dēl на Кавказе, откуда грузинский припев «бессловесных песен» Aba-dēl-ia, причем и dēl (в различных яфетических языках Кавказа dāl, dah и т. п.) и tur, как и иштаг, означают, собственно, 'небо', герср. 'небо-вода', 'небеса-воды', но то же самое означало, подобно ап-а и ап в только что приведенных хевсурском и мегрельском терминах, и ара → aba в Ара-tur-и и Aba-dēl-а, спирантная разновидность сибилантного sab-а 'небеса', у басков 'небо' и т. п.²

Но по прямому интересу к нашей теме нам важно именно в баскском констатировать существование этрусских отложений из круга все того же мифологически оправдываемого пучкового значения 'заря+лошадь+солнце', собственно 'заря+лошадь' || 'солнце+лошадь'. Нам важно это не в разъяснение того, что баски сами себя именуют этрусками-эвскалдунами (а по перемещению «в» и эскалдунами), это сам по себе значительный этнологический факт, с которым приходится считаться независимо от сохранных баскским этрусцизмов. Нам важно констатировать общность звуковых комплексов этрусского племенного происхождения со значениями, хотя бы с пережитками значений космической эпохи по нормам мифологического словотворчества. Ведь при таких данных баскского языка не может быть вопроса о случайном наличии этих терминов в зависимости от миграции слов в процессе позднейшего исторического общения. Схожие явления пиренейского баскского и кавказского баскского (абхазского) стоят выше подобных подозрений благодаря бесспорной территориальной разобщенности. В то же время не может быть и речи о том, что баски составляют особую колонию абхазов, или, наоборот, абхазы переселенцы с Пиренеев. Это исключается не только характером взаимоотношений баскского и абхазского языков, во и степенью сраченности каждого из них со своей геоэтнической средой, абхазского со всеми разновидностями языков населения Кавказа, а баскского с языками окружающих и окружавших его народов западной Европы.

Конечно, баскский не сохранил всех свойств яфетических языков, как доисторических. Уже в фонетике по богатству состава с абхазским, в котором 78 са-

¹ На севере, если не источники, то хранители этого яфетического наследия родственные хаварам болгары, о чем речь будет особо.

² N. Marr, Quelques termes d'architecture désignant 'côte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 143—144 [перевод см. ИР, т. III, стр. 377].

мостоятельных звуков, нельзя сравнивать баскский, уступающий в этом отношении даже новогрузинскому, в котором всего-навсего 34 звука. Правда, в баскском по некоторым наречиям также 34 звука благодаря разновидностям плавного «г», как в армянском, и богатству шипящих, как в абхазском, но он утратил все заднеязычные аффрикаты, даже тот звонкий аффрикат *ǵ*, который сохранился в полундоевропейскоизовавшемся армянском. Он сохранил из переднеязычных аффрикатов только те, что и в русском, *ц = ǰ* и *ч = ǰ*, но ни глухих взрывных *t̥* и *t̥ʰ*, ни звонких *d̥* и *d̥ʰ*, прекрасно сохранившихся, однако, у армян, в этом отношении более верных доисторическому состоянию речи; между тем именно с армянской и абхазской фонетикой у баскского языка, как было показано, общие черты, в частности по плавному *г* (|| 1), столь важному именно при прослеживании терминов, происходящих от племенного названия этрусков, во всех разновидностях которого плавный звук *г* || 1 или их дериваты играют основную роль, иногда единственно представляют корень, состав согласных, так как сибилант, *з* ли он или *ш*, в спирантных разновидностях исчезает бесследно. Представьте русское племенное название, использованное в форме без префикса, и тогда при нетерпимости начального *г* в баскском у спирантной разновидности вынуждены были или создать условия для его сохранения, или заменить его фонетически сродным другим согласным, или вовсе утратить и этот единственный коренной согласный, и это все мы увидим на примерах именно из интересующего нас круга понятий. Но чего не увидим в баскском, так этрусского тотемного названия 'лошадь'. След существования его в баскском остался, это также увидим, но в значении 'лошади' его вытеснили термины других языческих племен, именно иберский сибилантный эквивалент общероманского *cabal-us*, именно *zamar* («*zamar-i*»), и итало-альпийский (фессальский) или сарматский, он же сальский (салы одно из важнейших племен в этнологии населения Галлии-Франции), опять-таки в сибилантной разновидности, именно *sal-di* 'лошадь', собственно *sal-* с зубным окончанием мн. числа *-di*. Что касается этрусских племенных терминов, идя к нашей цели от легких для восприятия примеров к более трудным, мы заранее должны предупредить, что, как и в армянском языке, в круге относящихся к теме значений баскский язык пользуется формами окающими и экающими.

А) С удержанием *г*.

а) В экающей форме *г* сохраняется при префиксах *e-* и *t-*, причем:

1) Префикс *e-* в данном случае — чисто фонетического порядка, он ставится, как в армянском, для сохранения иначе нетерпимого в начале *г*, так *e-ges-i* 'погребальная песнь', 'элегия', что семантически находится в связи с космическим представлением о закатывающейся лошади-солнце (*o tēs'e* 'лошади' у фракийцев, да и в греческом античном эпосе, А. Н. Генко давно готовит особое исследование) и в связи с заходящим солнцем-лошадью с представлением о роли лошади в погребальных церемониях и на поминках, об играх-бегах лошадей. Словоупотребление его использовало в значениях вообще 'песни', 'псалмов', 'эпоса', 'рассказа' и 'описания', так как в погребальных песнях, причитаниях, как то наблюдается у абхазов, имеются все соответственные моменты.

Более краткий вид этого термина, без усеченного окончания мн. числа *l-* (← *-lɪ --lɪ?*), *e-ges*, в баскском употребляется лишь в значении 'рассказа', 'повествования', 'истории', 'описания', но у него *g* в некоторых диалектах заменяется одним из его закономерных эквивалентов, то другим плавным, именно *l* — *e-les*, то зубным *d* — *e-des* (собственно, по законам шипящей группы аффрикатом *d* — **e-des*, но баскский утратил этот аффрикат).

2) С префиксом *t-* и с суффиксом мн. числа *-na* мы имеем термин с многочисленными значениями: с одной стороны 'грубый человек', 'неотесанный', с другой — то 'детская игрушка' (кукла), 'фигура шахматной игры', то 'наряд', 'одеяние', 'орудие', 'подбор земледельческих инструментов', 'утварь', 'мебель', 'приданое', появление которых становится естественным, когда иметь в виду с одной стороны, очевидно, первоначальные бытовые его значения, поскольку речь о 'неотесанном', как бы «мужике» (по яфетической палеонтологии — название поработанного племени), с другой — 'ряженный' и 'наряд', и мы доходим до архетипов, если учесть значение производного от него глагола *tresna-tu* 'harnacher', т. е. 'надевать (на лошадь) упряжь, шоры, сбрую', впоследствии, несомненно, 'наряжать' (смешно или песмешно), 'надевать', 'готовить', 'снаряжать' и т. д., но доисторически 'лошадить', т. е. мы восходим по линиям двух семантических разрезов 'мужика' и 'ряженого', 'наряда' с одной стороны к племенному названию, в данном случае эгрусков, и тотему их 'лошади', собственно по форме с окончанием *-na* 'лошадям'. Несомненно, к кругу этого термина относится и словацк. «*truzníšia*» 'веселиться' и ряд сродных терминов у славян, которые также сближает А. Потебня,¹ на что обратил мое внимание К. Д. Дондуа, но с совершенно иной палеонтологией, будто от представления о питье; для нас сейчас важно отметить самую форму с сужением окающей огласовки (*o* → *u*) лежащей в основе термина разновидности племенного названия *guz* ← *rus*, общей с *et-rus-k*. Что касается значения 'веселье', к нему раньше чем 'надгробный пир' ведет 'солнце', 'свет', 'красота', одинаково правомочные входить в круг значений нашего слова.

б) С сохранением *g* в окающей форме с перерождением «*o*» в «*u*», как в армянском, при префиксе *e-* → *l-* и суффиксе *-ki*:

1) *l-gus-ki* («*i-guz-ki*») 'солнце', основа та же, что в арм. древнелит. *a-gus+e-ak* 'утренняя заря', *Lucifer*, но также 'солнце'.

2) В той же форме и в том же значении, сохранившись, *g* заменен заднеязычным *g*, собственно *g* переродился, как в армянском, в *ǰ*, но за утратой баскским аффриката при наличном его состоянии мы застаем *g*, так что слово целиком с префиксом и «*l-*» и «*e-*» звучит то *l-gus-ki*, то *e-gus-ki*, означая всегда, подобно также наличному *l-gus-ki*, 'солнце'.

в) С полной потерей *g*, когда он начальный без предшества какого бы то ни было префикса.

а) В окающей форме нам уже известны случаи появления *gus-k* (→ *gusk*) без *g* и с раздвоением «*u*» в «*ew*» и «*o*» в «*aw*», как в армянском в *ewfuk-aldun*

¹ О некоторых символах в славянской народной поэзии, Харьков, 1860, стр. 14, 17 и 28, где «словац. *truzníšia* 'веселиться' могло образоваться и от значения надгробного пира, потому что он не был печален».

‘этруски’, как называют себя баски, и awñk с перестановкой w (añkw) и с перерождением ñ в исчезающий спирант (*añkw → akw) в названии страны Aquitania, при Страбоне и Цезаре населенной еще яфетидами, говорившими по-баскски.

б) В экающей форме:

1) e-ki ‘солнце’ вм. *ge-ki, где -ki как в i-gus-ki суффикс мн. ч., а ge-спирантная разновидность основы ges, терпящая в силу общего с армянским закона начальный г. Можно бы его сохранить придачею префикса a- или e-, т. е. получить, напр., форму *a-ge-ki, что и существовало и сохранилось у найков-басков в армянском a-ge-g ‘солнце’.

2) Так как с ‘солнцем’ семантически связано понятие ‘действительность’, ‘правда’ (это установлено яфетической палеонтологией речи), то совершенно прав был ван-Ейс (van Eys), когда он, хотя и с колебанием, отождествлял с бск. e-ki ‘солнце’ бск. e-gi-a ‘правда’, ‘истина’, впрочем с неудачной ссылкой на анахронистически-отвлеченное для истории умствование Ренана, что «идея правды извлекается из прочности, а красоты — из блеска».¹

Я здесь не останавливаюсь на том, что «солнце правды», христианское образное выражение, лишь относительно ново, это новая лишь деградация, под влиянием исторического мышления отвлеченными понятиями, доисторического образного представления о ‘правде-солнце’ или о ‘солнце-правде’.

3) Еще материальнее связано с ‘солнцем’, равно ‘зарюю’ — ‘свет’, ‘день’, и в баскском основа «e» слова e-ki ‘солнце’, восходящая к архетипу ge, в сочетании с равнозначным суффиксу -ki → -gi окончанием мн. числа (то полным -gip, то усеченным -gi) появляется в форме e-gip → e-gi (вм. *ge-gip → *ge-gi) в значении ‘дня’.

Припомним, что окончание мн. числа -gi наблюдается и в восточнокавказском этрусском, т. е. у лезгин-дидоев, в слове gi-gi ‘хороший’, термине по основе того же этрусско-тотемного происхождения, и это окончание -gi имеет свои ближайшие ступени развития в абхазском (-q), да по существу и в армянском (-g → -q)²

Что же касается основы «e», собственно ее полного вида ge, если не говорить об ее действительном архетипе geh,³ то она, и основа «e», и основа ge, самостоятельно также могла означать ‘солнце’, больше того — ‘лошадь+солнце’ или ‘заря+лошадь+солнце’, и для такой значимости абсолютно не имеют никакой обязательности формы с огласовкой экающей «e» → «i» или экающей «o» → «u», как то представляют нам согласно основному этно-фонетическому своему составу баскский язык и яфетический пережиточный слой, найско-баскский, армянского языка. То же могла означать, должна была означать и не сохранный с этим пучковым значением ни в армянском, ни в баскском экающая форма ga, третья по огласовке этрусская племенная разновидность, и когда мы именно слово ga находим в значении ‘лошади’ в клинописи халдской и в значении ‘солнца’ в египетском языке, то мы не можем не утверждать, что слово ga, означавшее и ‘лошадь’

¹ Histoire générale des langues sémitiques, стр. 22, 23 (см. van Eys, Dictionnaire basque-français, s. v. egia): «l'idée du vrai se tire de la sol dite, celle du beau de la splendeur».

² Дела не меняет, когда q ← q̄ мы возводим к халдскому qip-1 ← gin (→ gin в лат.), параллели нашего -gip (ср. лат. -go[ñ]) → -q̄ip.

³ Ср. выше, стр. 139: geh-ep ‘небо’ (← ‘небеса’).

и 'солнце', замыкает круг трех групповых по племенам перегласовок (а || о || е) этого этрусского термина, га || го || ге, причем разновидности с огласовками «о» и «е» в громадном большинстве характеризуют север и запад Средиземноморья (отсюда гб и в основе названия Еw-гб-ра, где «ew-» префикс, а «-ра» окончание мн. числа),¹ тогда как акающая разновидность представляет восток и юг Средиземноморья, почему ее находим и в основе евр. гəfā-īn, собственно основе га+фа, опять с мн. числом на -фа (← -ра). Любопытно, что, прибавив окончание своего мн. числа -īn, еврей этим пережиточным термином пользовались не только в качестве племенного названия одного из главных племен первоначального населения Палестины, т. е., как уже разъяснено, этрусков или пеласгов, но и в значении 'покойников', 'мертвых', пребывающих в Шэале, в загробном мире, в совершенном согласии с тем, что это же слово в архетипе у яфетидов означало 'лошадей', символы смерти, но в значении 'лошади' (у евреев и 'наездника') семитические языки усвоили сибилитную разновидность, опять-таки акающую gas || гап с префиксом фа-, евр. fā-gāš, арабск. فارس faḡasun и т. п.

4) Тот же экающий вид основы этрусского племенного названия «е», иногда с сохранением спиранта eh при суффиксе -un (вм. -gun), именно e-un ← eh-un (вм. *geh-un), баски употребляют как числительное 'десять', ибо оно означало, как было разъяснено, не только 'небо', но 'человек' (← '*люди' ← '*племя') → '*множество', как у аваров экающее племенное название этрусков gos (вм. гош) означает 'муж' (← 'человек') и т. п.

Наконец, баскскому лексикону приходится присвоить в значении имени 'солнца' Tristan, как правильно толковал еще Г. Пари (G. Paris) самый тип известного средневекового героя, певца-любовника, носившего это имя.

Дела не изменит, есть ли звук «i» в Tristan'e обычный заместитель звука «е» или перебой экающей с сужением огласовки о → и в раньше засвидетельствованном Drustuk. В обоих случаях зубной префикс t- → d- и суффикс мн. числа -tan (|| -ten). Обе формы специалистами романо-германской филологии выслежены как пиктские, а «пикт», как выяснено яфетическим языкознанием, — двойник термина «баск»: это с губным мн. числ. -t спирантная в основе rik разновидность основы bisk в названии Bisk-ay, основы pusk в названии G1-pusko-an и т. п.

Но как представлен тот же лексический материал в языках северо-восточного или восточного и северного побережья Черного моря, в чистом яфетическом абхазском, следовательно, баскско-этрасском и пережиточно в индоевропейском славянском русском, т. е. до индоевропеизации в скифском этрусском? И какое место отводят этим языкам формы наличных в них разновидностей тех же терминов, восточное средиземноморское, наравне с акающей разновидностью, или северное средиземноморское с экающей и экающей разновидностями?

На первый взгляд, кажется, что у абхазов с одинаковым правом гражданства приняты две основные разновидности племенного названия этрусков, именно их

¹ Подробная мотивировка будет в специальной работе по вопросу отдельно или в составе до-исторической топонимики Европы, пока см. Н. Марр, Об яфетической теории, НВ, 1924, № 5 стр. 320, прим. 1 [ИР, т. III, стр. 16, прим. 2].

чистые темы *гш* (из *гош*) и *лаш* (из *las* || *gaz*) с присущими им, как тотемным терминам, в других яфетических языках значениями, 'зари' (→ 'света')+'лошади', причем так как наличный в абхазском подлинный или примитивно-абхазский, т. е. абаскский слой не терпел звука *г* в начале слов, то окающая *гш* сохранена с обычным перерождением плавного *г* в *ј* / *џ*, т. е. в виде *щџ* в значении 'утра', но в значении 'лошади', в абхазском специально 'мерина', разновидность *а-лаш-а*, как будто акающая, собственно *лаш*, так как префикс *а-* и суффикс *-а* специально абхазские формативы. Однако при шипящем виде сибиллянта и при естественности замены плавным *л* плавного *г*, не терпевшегося в определенном слое абхазского языка, надо учесть отсутствие в абхазском долготы гласных, посему натуральность восхождения наличной в нем основы *лаш* к состоянию с долгим *а*, т. е. *лаш*, как то находим мы у соседящих и во многих случаях близко сродных с абхазами сванов: сванский термин — *лаш-џ* 'лошади', название реки 'Ітлос, а его основа *лаш* восходит через раздвоение *aw*¹ к архетипу *лош*, лишь диалектической разновидности *гош* (→ *гаш* → *гаш*). Следовательно, можно бы думать, что две разновидности *лош* и *гош* одного и того же слова, означавшего одинаково и 'зарю' ('свет') и 'лошадь' (равно 'солнце', 'заходящее солнце'), были использованы для усвоения каждой одного лишь значения: разновидности *лаш*, в абхазском давшей *а-лаш-а* значения 'лошади', а разновидности *гош* → *гш*, в абхазском давшей *а-щџ*, — значения 'зари', 'утра' (→ 'света' и т. п.). Так, по всей видимости, бытовало в абхазском семантическое употребление разновидностей окающей основы архетипа *гош* → *гш*, именно *лош* и *гш*. Но абхазский дериват *а-лаш-а* сам по себе означает не только лошадь 'мерин', но и 'свет', т. е. абхазский в неприкосновенности сохранил, как во многих иных случаях, доисторическое словоупотребление; что же касается второй разновидности — *гш*, одно его звуковое преломление в абхазском, с перерождением начального *г* в шипящее *щ*, сохранено в форме *щџ* лишь со значением 'утра', но прототип его *гш* с сохранением начального *г* благодаря префиксальному образованию *џ-* (← **џи-*), в архетипе с окончанием мн. числа **џи-гш-еп*, в наличном абхазском состоянии дал *џџ-џу* (с членом *а-џџџу*). Такое преобразование архетипа связано с подъемом *ш* в *џ* и падением конечного *п*, как в армянском, в полугласный «у» при общеабхазском ослаблении «п», как в армянском, в неопределенный звук «ə», впоследствии теряющийся. По существу то же самое наблюдаем опять-таки в армянском деривате *а-гш* (вм. *а-гəш*) с префиксом «а» от той же основы *гш* в двух словах: 1) производном *а-гш+а-чап* ['лошади' →] 'наезд', 'набег', 'бег' и т. п. и 2) составном *агш-луис* 'заря' (← 'утренний свет') и т. п. И вот в абхазском слово *џџ-џу*, с неопределенным членом *а-џџџу*, используется исключительно в семантическом разрезе лишь одних 'лошадей'. Что же специально и конкретно значит *а-џџџу* по-абхазски? Из первых поездок в Абхазию по объяснению в селе Калдахваре, следовательно в Бзыбской части, у меня следующая запись в словаре: «бег на лошади во время поминок; лошадь, начиная с седла, назад прикрывается красной или синей материею, иногда наездник держит

¹ См. выше, стр. 135.

ее в руках. Кто догонит, тот берет, обыкновенно, отрывая». В только-что совершенную поездку один бзыбец (из северной области Абхазии), другой абжувец (из южной области Абхазии) настаивали на различении роли лошади а-дэгдѳѳу во время похорон и во время поминок: «на похоронах покрытая черной материей лошадь вводится в круг оплакивающих покойника, и ее оплакивают; на поминках с нею или с ними, лошадьми, устраиваются бега».

Но мы не можем здесь не сделать свода ближайше сродных формально-фонетически с абхазскими разновидностями слов, происходящих от того же этрусского племенного названия, и не обозреть распределения их значений из интересующего нас примитивного пучкового круга в различных странах, далеких от Абхазии:

1) Основа дэгдѳѳу слова а-дэгдѳѳу, в абхазском означающего 'лошади' на похоронах в роли оплакиваемых, представляющих символически покойников, или на поминках в состязании, восходит к прототипу *tugush-en, который в части без суффикса tugush является основой египетского названия этрусков tugша → tugша, а в полном виде это одновременно архетип также средиземноморской основы, отложившейся в латинском turs-en-us → tugh-en-us.

2) Основа lаш слова â-lаша, в абхазском означающего и 'свет' и лошадь 'мерин' со следующими связями:

а) Во-первых, в этой же форме без долготы основа налична по различным сванским говорам, утратившим долготу, в сванском поныне названии реки у греков 'Ἰππερ'α — Лошади, — Лаш-ѳ, в той же абхазской форме с префиксом а- и суффиксом -а — а-lаш-а со значением 'лошади' в османском и казанском турецких языках и у вогулов в бассейне Оби и т. п.,¹ а также у египтян, но у последних в виде А-lаш-ia, названия острова Кипра, в связи, очевидно, с основным племенным составом его населения, этрусским, как от племенного названия одного из народов в составе его населения, также этрусского, назван остров Крит, ибо, как выяснила палеонтология, само название К-рѳ-t ~ *К-res-t значит 'этруски'. При таких доисторических связях и Египта и Кипра, равно Крита, с абхазским районом Кавказа мы не можем признать случайным, что на Крите, по сводному труду Стефана Византийского, был известен сомнительный с абхазским, следовательно, Кѳта на берегу Фазиса-Риона город Кѳταιον, упоминаемый Плинием (IV, 12) и Птолемеем (III, гл. 17) и помещаемый на восточной стороне названного острова.

У османских турок, равно казанских, и у вогулов, это, по всей видимости, заимствование или усвоение из языка абхазов, имевших значение в древности, разумеется, не по теперешнему их масштабу;² что же касается наличия того же термина в египетском документе в качестве наименования острова Кипра, вкупе с племенным названием населения острова Крита, то это связано, разумеется,

¹ Н. Марр, К вопросу об яфетидизмах в германских языках, ЯС, т. I, стр. 52, прим. 2. Специальные занятия чувашским выявили мне значительно большее распространение и гражданственность термина в приволжских языках, о чем речь будет в работе о чувашах.

² Уточнению пути должны подействовать замеченные уже яфетические связи или пережитки у хазар и болгар, а с последними и у чувашей.

не с нашими абхазами, а с баскско-этрусским и вообще яфетическими языками самого Средиземноморья, соответственного его отрезка.

Ведь слово налично как культовый термин в самом историческом этрусском, в Италии. Еще Эллис (Ellis) определил Lasa, имя божества, духа, δαίμων'α, указав на его наличие в надписях, то самостоятельно на зеркале, то в составных словах. Но он предполагал признать его индоевропейским, так как 'бог', мол (suga, deua), означает у индоевропейцев 'свет', а в санскрите имеется слово lash (las и laç) 'свет', хотя он сам оговаривался, что lash существует и в абхазском со значением 'свет'. При этом Lasa, по его определению, были крылатые женские фигуры, скорее 'духи' (spirits), иранские изеды или ангелы, чем божества. Он указывал также, что этрусское Lasa ассоциируется с различными божествами и героями Гомера. Палеонтология абх. а-лаш-а 'свет' нас вводит именно в этот мир. Это тотемный термин, одновременно означающий и 'лошадь', именно las-. Мы сейчас не усложняем вопроса привлечением сюда других относящихся к обсуждаемому предмету этрусских слов, дериватов от las или составных с ним, ни разъяснением степени соответствия или расхождения этрусского акающего эквивалента с абхазским словом, восходящим к акающему архетипу.

б) Во-вторых, сванское лаш в этой же форме с долгим ā — lāш — основа опять-таки в сванском названии Lāш-q реки 'Ιπτος'а по сванским наречиям, сохранившим долготу гласных; но ближайшая и более древняя разновидность этой же основы с долгим ā — *gāш с перебоем начального г- и j- / d- налична в позднейшей форме ǰā, сванском живом бытовом, поныне единственном слове со значением 'лошадь'.

в) В-третьих, архетип основы lāш-loш-, чтобы не останавливаться на ряде слов с промежуточной разновидностью lawш-, налично в языках Армении в двух видах — в одном с з вм. ш *lōs (→ loys) → lus в значении вообще 'света', но в составном термине агша-loys || агша-lus, в другом luш → luш¹ со значением исключительно 'утреннего света', 'зари' в составе агша-luш → агша-luш || аша-luш / аша-luш².

3) Что же касается фонетических же преломлений, по нетерпимости в начале г, основы-архетипа гош → гпш в порядке звукового перерождения этого плавного в сибилант, прежде всего в ряд шипящих j / d → ǰ, то, если такая разновидность основы в абхазском -щә, в слове а-щә, как мы видели, значит 'утро', в грузинском шош- в словах шош-а, шашу- из шауш-, обозначает птицу 'дрозд', а также этнический термин в составе названия грузинской области Шавш-еѳ, т. е. Шавшии, на меже с Ерушиєю, т. е. также Эгрускею, из семитических же языков в еврейском с его сюсюканием одиноко стоящее sūs означает и 'лошадь', и птицу 'ласточку', тогда как в арамейском sūs-a, sūs-ya, как очевидно, связанное с ним егип. śśm-t значит только 'лошадь', как значительно более обстоятельно уже давно разъяснена вся эта часть в работе «'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа в его миграции».² Но разве миграция может нам помочь, когда рядом с абхазо-египетской встре-

¹ Звук г перед ш паразитичный нарост.

² ЯС, т. I, стр. 133—136.

чей в терминологии мы имеем связь русско-средиземноморскую, опять на почве яфетической морфологии. Ведь префикс k- в K-gē-te, означающем 'этруски', прослеживается в яфетических переживаниях европейского мира и на Западе от Италии до Британских островов, где он перешел к кельтам, чередуясь с общераспространенным яфетическим губным префиксом, в эквиваленте термина Bgutan, именно *K-gū-ten (Cruten), а на Востоке — у русских того же происхождения, как это разъяснено в другом месте, начальный согласный «к» в слове «к-раса», «к-расный» и т. п.¹ Слово k-gas, как вскрывает палеонтология, означало собственно также 'зарю+лошадь+солнце'. Приношу здесь благодарность К. Д. Дондуа за подсказ следующего ценного для нас в данном месте пассажа из пятируемых в примечании княжки А. Потемби² (стр. 37): «Гораздо лучше сохранилось значение 'света' вообще и света светил: красота, любовь, веселье. Сл. «хорош» не без основания считают притяжательным от «хрьсь» 'солнце'. «Красный», «красивый» также сродны с солнечным светом в сл. «крес», солноворот, «кресник», Купало, солнечный праздник, в Яросл. красить, светить: — Поглядитко ты в востошную сторонушку, не «красит» ли красное солнышко (Этн. сборн.), и с земным огнем в сл. «кресать», рубить огонь. «Красно солнце» — прежде всего светлое, потом — прекрасное. Сближение красоты с кресаньем подтверждается сравнением ее с искрой: Млр. «гарный як искра». Если исключить солнечную связь прилагательного «хорош» с «хрьсь» 'солнце', что с другой стороны представляет лишь окающую разновидность q-gos (вм.* q-гош) шиящей группы, эквивалент якающей — k-gas, все остальное может быть нами оставлено без оговорки, разве прибавить, что 'прекрасный' и в яфетических отождествляется с 'красным', а затем отметить, что по устранении префикса k- (← k- → ġ-) → q- налицо хорошо нам известные разновидности gas (вм. las) || gos (вм. гош) || ges, одинаково означавшие 'зарю+лошадь+солнце'.³

Поэтический образ «красное солнышко» в выражении «Владимир красное солнышко», если вскрыть доисторию, архетипно значило бы 'заря+солнышко', тавтологически 'солнышко+солнышко'. Понятно, в русском языке не одно это слово является таким ярким этрусцизмом или расенизмом, если выйти за круг интересующей нас тройцы 'заря+лошадь+солнце'. Есть этрусцизмы по всем трем группам: акающей, помимо «красного» и сродных с ним слов, «радонница» → «радунница», «рад» и дериваты, равно «кляча», хотя бы и заимствованная из польского, с архетипом *k-lāsh-a, по окающей группе — «рожать», «род», «народ» и т. п., «ржать», «рыжий», «румяный», «дрозд» и др., по экающей группе — «река», «речь» и мн. др.

«Радонница» заслужила бы не одного упоминания в сегодняшнем нашем докладе, конечно, семантически, не в связи с 'радоваться' или 'родитель', а с этрусским тотемом.

«Румяный» и «красный» — две разновидности этрусского племенного названия, восходящие в основе к двум групповым архетипам, по сибилантной ветви —

¹ Н. Марр, Из яфетических пережитков в русском языке, см. здесь, стр. 114—116].

² Совершенно независимо от яфетических форм, А. Потемби самими славянскими материалами был вынужден поставить вопрос о префиксе ka-, но, конечно, с восприятием его как предлога (О некоторых символах в славянской народной поэзии, Харьков, 1860, стр. 188, прим.).

³ См. Марр, О яфетической теории, НВ, 1924, № 5, стр. 324 [ИР, т. III стр. 29—30].

гиш и gas. В этих словах Русь не изолирована в кругу вообще европейских народов (не одних славянских), так как «румяный» ее объединяет благодаря латинскому *ru-ber* с Италией, а «красный» — благодаря пережиточному в средневековогреческом, отнюдь не новому слову *χρᾶσι* 'вино' с Элладой: связь между «красным» такая же, как в арабском *خمر qamr*^{an} 'вино' и *أحمر raqmar*^{an} 'красный', от одного и того же корня *qmr*. Существующая этимология греческого слова нам представляется в корне несостоятельной лингвистически. Кто улавливает смысл моих фактических указаний, тот обратит внимание, что акающая разновидность *χρᾶσι* принадлежит к пеласгической Элладе, а окающая разновидность *ru-ber* к этрусской (следовательно, в примитивности и не расенской) Италии, т. е. они отражают соотношение окания основ доисторического населения названных двух стран, *pe-las+g*'ов и *et-guz+k*'ов.

Но интересующий нас круг понятий 'заря+лошадь+солнце' в русском нас сейчас займет лишь фрагментарно, иначе мы должны бы привлечь и термин «заря», и термин «солнце», которые типологически того же семантического порядка однако он не этрусского, а сармато-италийского, или, что то же, сало-альпийского племенного происхождения, и Русь этим племенным словом роднит с Западом, Италией и Галлией, причем распространение этого сарматского племенного пережитка, имеющего особенно важное значение на Кавказе, для его восточной половины, предшествует рождению индоевропейских языков, так как они наличны еще в яфетических языках тех же стран: «заря» в форме *i-zaq* в баскском, собственно евскарском, т. е. этрусском, Пиренеев, со значением 'звезды', в семантическом архетипе 'утренней' || 'вечерней звезды', 'зари' и в форме **sil ~ ril* в этрусском Италии со значениями, семантически закономерно исходящими одинаково от 'неба' — '*солнце', 'год', причем мы не имеем в виду этрусского слова *usil* 'солнце', отнюдь не итало-сальский тотем.

Сейчас нас, однако, интересуют из этого круга понятий лишь этрусцизмы; таковы, как известно, во-первых, «лошадь» с «лошаком» и «луч», т. е. в основе тот архетип *losh*, к которому восходят по основе абх. *a-lash-a* 'свет', абх. *a-lash-a* лошадь 'мерян', св. *lāshq* → *lāshq* 'лошади', название реки Иппоса, во-вторых, «тризна», термин, образованный от основы *gis*, собственно архетипа *giš ~ giush*, как пиктское, т. е. баскское в Британии имя с суффиксом *-tan* — *Tristan*, оно же, как разъяснено, 'солнце' (следовательно, палеонтологически 'заря+лошадь+солнце'), как пиренейское баскское *t-ges-na* 'наряд' (← 'краса') и т. д., как абхазское *a-ḏə-gḏ-èu*, восходящее к архетипу, как лат. *ty-gis-en*, к *ḏu-giush-en*, племенному названию этрусков, у египтян звучавшему *ti-gi-sha* → *ti-gi-sha*, а конкретно у абхазов означавшему в связи с архетипным значением 'лошади' то же, что русское «тризна». То, что акад. Соболевский выяснил в отношении значения «тризны», как игр на лошадях, по существу как-будто не требует изменений. В дополнение к тем значениям, которые приведены мною по статье уважаемого коллеги в отчете о второй заграничной моей командировке «Из поездки к европейским яфетидам»,¹ борьба, состязание *ἄδλον, στάδιον, παλαίστρα* «тризнице» — место состязания

¹ ЯС, т. III, стр. 59.

зания, арена, беру указание из любезно сообщенных мне И. И. Яковкиным материалов на то, что, если в значении 'награды' термин встречаем у Григория XI слов., то в значении 'подвига' он в Изборнике 1073 г. Акад. Соболевский был наведен реально бытованием у осетин, в этом, как и во многих языковых отношениях, носителей яфетических переживаний, у которых до сих пор «состязания в память умершего. . . часть погребального обряда». Это — скачки, с призами из одежды покойного, его оружия, седла, иногда лошади, денег. Но прежде всего нам важно отметить в значениях роль 'лошади+солнца'. Есть особые основания, кроме бегов и наезднической удали, для исключительной роли лошади на похоронах, именно то, что лошадь — символ смерти, на похоронах и поминках это 'солнце-лошадь', 'заходящее солнце', 'черная смерть' и оно же 'солнце-лошадь', восходящее солнце, 'заря', румяная, красная неумирающая жизнь, воскресение.

Повторяю, разве здесь может быть речь о миграции в смысле обычного совершенно законного на своем месте восприятия переселения народов в исторические эпохи или тем более заимствования в процессе торгового, герм. военного общения. Мы уже видели, в какой тупик вошли наиболее опытные искатели этнокультурных начал Египта, подходя к этой доисторической проблеме историческим методом. Мы теперь знаем, как даже тогда, когда речь идет о бесспорно генетически родственных народах, так в случае с басками, абхазами и армянами, разновидностях, казалось, одного баскского народа, устраняется возможность объяснения сродных черт, иногда доходящих до полного тождества, как результат простого исторического процесса, переселения этого одного уже народа с одного места на другое. Каждый из сравнивавшихся, известных уже исторически трех конкретных народов, басков, абхазов и армян, так неразрывно связан с окружающей его этнографической средой, что если признать факт переселения данного народа, то пришлось бы весь Кавказ с югом России и Передней Азией признать переселившимся на Пиренейский полуостров или всю эту западную Европу, обратно, на Кавказ. Таково же положение между северным, европейским, и южным, африканским, побережьем Средиземного моря. Очевидно, мы дело имеем с явлением иного порядка, чем средневековые переселения. Это не переселение готовых этнических образований, племен или народов, а доисторическое расселение человеческого рода в эпохи его племенного формирования или этногонии по всему Средиземноморью, почему в суждениях о племенных взаимоотношениях тех времен неприменимы наши представления о различии Востока и Запада или различных стран света, Европы, Азии и Африки: тогда это — единая еще по племенному составу или состоянию населения страны Африевразия.

Таким образом, все это разбросанное по белу свету этрусское наследие имеет корни в доисторической расселенности не одного сложившегося уже какого-либо народа, а многочисленных племен различных этнических образований, независимо от возникших впоследствии в каждом из этих разобитенных территориальных гнезд исторических народов и культур. Корнями оно уходит в этнический фонд, существовавший раньше не только их возникновения, но и образования семитической семьи языков, и, конечно, раньше завершения особенно мощного

процесса индоевропеизации, т. е. процесса трансформации яфетических языков в индоевропейские. Словом, и здесь дело имеем с проблемой о роли яфетических языков по Средиземноморью, где, поскольку речь идет о мифологически оправданном пучковом значении 'заря+лошадь+солнце', оказывая разновидность наших терминов описывает дугу, со случайным заходом в Палестину и особенно в Египет, непрерывно идущего совершенно правильного северного средиземноморского или европейского круга от Кавказа до пиренейской Иберии.

Но вот вопрос: как быть с наличием того же этрусского вклада в русской речи, общего у нее с абхазской? Считать ли это наследием сожителства абхазов с русскими в каком-либо южнорусском крае, напр. в Тмутаракани, или видеть в них явления на общих правах доисторического наследия, пережившего в русском в процессе его независимого образования, как образовались независимо и другие славянские языки, наравне с теми встречами, отнюдь не случайными, которые характеризуют взаимоотношения абхазского и армянского с баскским или приморских языков Средиземноморья с припонтийскими языками Кавказа? Мы не торопимся настаивать сейчас на нашей точке зрения в решении этой проблемы, если она не ясна из доклада, потому именно длительного и, думаю, обстоятельного, чтобы мне не продолжали приписывать давно отжившее положение, что Кавказ есть колыбель народов, когда самая мысль об искании доисторической колыбели какого-либо народа в одном определенном месте отмечается как пережиток библейского мировоззрения. Если, однако, при устранении нашей личной точки зрения, характер несомненных абхазо-русских этнических связей, вскрываемый яфетическими языковыми раскопками, в отношении источника происхождения объективно пока является проблемой, кто в силах ее решить? Тот, кто найдет путь теоретические искания и сродные материалы связать неразрывными узлами. Где? И для меня это все более и более осложняющийся вопрос. Я бы не мог сейчас по совести утверждать, что у нас в Ленинграде.

Сухум и Туапсе¹

(Киммерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья)

Давно ли приходилось трактовать о происхождении терминов того же порядка, названий населенных пунктов Черноморского побережья, таких, как Анапа² и само Туапсе?³ То было время увлечения и, во всяком случае, систематического применения одного формально-фонетического сравнительного метода, без опоры в законах учения о значениях, семантики, и без палеонтологии, в частности без норм семантики в названиях населенных пунктов. Точно века прошли. Мы историю не занимаемся, даже историей нашего вопроса; иначе мы коснулись бы не только чужих, но и своих грехов, в том числе попытки разъяснить «Туапсе», видеть в нем, а с ним и в названии села в Гурии, Двабзу («— Duabzu), образование с префиксом to- → du-, присущим мегрельскому языку.⁴

Если нам приходится так расходиться с самим собой, то естественны громадные размеры дистанции, отделяющей нас от тех, которые никогда не только не вникали в основы яфетической теории, но и вовсе не подходили к элементам яфетического языкознания — при этом дело идет не только о Туапсе и Сухуме, но вообще о топонимике Абхазии, особо городов и особо сел.⁵

Настоящие строки посвящаются идее черноморских краеведческих съездов. Доистория человечества началась с воды, в большем масштабе, мировом — с моря. Речь не только о путях, речных или иных водных путях, которые, несмотря ни на какие иные технические успехи, не теряют по сей день значения, продолжают оказывать свое благотворное воздействие на хозяйственную и общественную жизнь человечества, следовательно, на его мышление, на его творческую философию. Речь о том, что человечество с зачатками мировой общности и орудием ее, речью линейной (ручной или мимической) и звуковой, возникло, по всей видимости, у моря, по бережьям Средиземного моря, из бассейна которого никак нельзя выкинуть даже Каспийского и Аральского морей, несмотря на их нынешнюю отрезанность. Об изоляции же Черного моря и по ошибке-то думать нельзя. У морей, а с ними и побережий морей, т. е. прибрежных населений, есть свои общие интересы, независимо от племенного происхождения и государственных образований, начиная от болезней и кончая высшим проявлением человеческой изобретательности, умением устраивать человеческую жизнь в линии ее освобождения не только от людского же насилия, но и от порабощения природой. Из этого общего положения также, конечно, нельзя изъять прибрежное население Черноморья, в частности и прибрежное

¹ [Напечатано в ИГАИМК, т. IV, стр. 299—310].

² О происхождении имени Анапа [см. здесь, стр. 272—273].

³ История термина «абхаз», ИАН, 1912, стр. 700, 702.

⁴ История термина «абхаз», ук. м.

⁵ Отрицательный ретроспективный взгляд на наши прошлые топонимические изыскания, однако, вовсе не означает, что мы можем отказать сейчас же от нашего анализа Анапы в пользу понимания термина как «Ане-ппе» 'нос || устье (речки) Аны' (Тамбиев, Адыгейские тексты, СМ, т. XXV 1898 отд. III, стр. 91).

население черноморского востока или кавказского запада. Население здесь пестрое, ныне не менее, чем в древности; в этом гарантия доброкачества местной общественной работы, стимул живого обмена веществ, с ними и мыслей, и здоровой конкуренции, из которой, однако, никак нельзя исключить местное же коренное население. Пора уделить внимание и в науке таким самостоятельным, исключительно оригинальным явлениям, как этнические образования, выросшие в почву Черноморского побережья, вымершие ли они, собственно переродившиеся в новые народности, в роде кимеров и скифов, или пережиточно здравствующие, как лазы (чанлы) мегрелы и отмеченные печатью особого своеобразия абхазы и примыкающие (увы! в значительной мере примыкавшие когда-то к ним) сродные племена и народы, в числе последних на первом месте здравствующие поныне, хотя не без урона, черкесы, адыгей. Если и дальше мы будем вести свои занятия на поводу политических интересов пришлых элементов, набегавших в процессе своей торгово- или военно-захватнической экспансии с островов и полуостровов, что за морями, или континентальных, всегда более однородных человеческих скоплений, что за горами, то едва ли мы когда-либо проникнем не только во внутреннюю природу житья-бытья прибрежного населения, но и в смысл его внешнего облика, его облачения, названий его населенных пунктов, городов. Как городов? Разве у этих народов были культурные центры? Города? Известно, их основывали греки и другие, по истории господствовавшие на берегах Черного моря торговые, военные и иные культурные народы. Странно, конечно, что все эти культурные народы, обосновываясь на побережье Черного моря, несли свои яйца и вылупляли своих птенцов в чужих гнездах, городах и населенных пунктах, носивших чуждые новонаселенникам названия. Ведь не с одной Ольгией дело обстоит так. Не помогает укрыть любопытный факт и всплывающая иногда попытка переделать местное название оказавшего гостеприимство облюбованного пункта, переименовать его по-своему. Старое все-таки переживает и, как правда, кое-кому колет глаза. А нас берет иногда сомнение, впрямь ли несшиеся в этих гнездах яйца и вылуплявшиеся в них птенцы, эти золотые яйца и златоперые птицы, были продукцией одних наезжих, часто лишь проезжих, молодцов?

Интерес к происхождению названий Сухума и Туапсе естественен; его приходилось наблюдать и в научной среде. Не раз приходилось слышать и за только что совершенную (30 сент. — 18 окт.) поездку в Абхазию. Не раз слышал я на пароходе вопрос: «Что значит Туапсе? Почему называется город Сухумом?» Но вопрос оставался без ответа. В этом нет ничего удивительного. Ведь точно так же никто до сих пор не знает, почему Москва называется Москвой. Есть, конечно, целый ряд научных толкований, но они одинаковой цены: одинаково несостоятельны. Предупреждаю: когда речь о Москве, они несостоятельны даже тогда, когда их объясняют с помощью финского. Ведь есть толкование и названия города Сухума, очень простое, легкое и вразумительное, т. е. со всеми признаками неподдельной истины: город расположен у моря, у 'воды', и на берегу масса 'песку', отсюда, мол, 'Вода-Песок' — название города Сухума: по-турецки су 'вода' и ким \rightarrow ким [\rightarrow қим = хум] 'песок'. К сожалению, название Сухум древнее появления турецкой речи не только на Черном море, но вообще на

Кавказе. Сухум = Siqum — сравнительно новая форма с полногласием слова *squm / šqum, как еще в древности назывался город у грузин, но и эта форма šqum — позднейшая усеченная; полная форма в этом произношении šqumag, что представляет собой племенное название, скрещенное, т. е. возникшее из слияния двух племенных названий šqu, на низшей ступени squ (← zǵu ← *sku), и mag. Каждая из приведенных разновидностей имеет свои дериваты в роли нарицательных имен в языках Кавказа, яфетических языках Кавказа, который полон переживаний этнической культуры тех двух племен, скрещенные названия которых мы имеем в šqum'e, собственно, в его архетипе šqu-mag \ squ-mag (← sku-mag, resp. skumag).

Squ / šqu два звена из цепи или длинного ряда разновидностей племенного названия скифов, собственно его основной по принятому формальному анализу части (sku-ḡa → Σκú-ḡα-ι). Если взять подлежащий ряд полностью, с колебанием губной огласовки в стороны то узкого (u), то широкого (o) ее произношения, именно:

на низшей ступени	sk $\frac{o}{u}$ → zǵ $\frac{o}{u}$ → sq $\frac{o}{u}$,
на высшей ступени	tk $\frac{o}{u}$ → dǵ $\frac{o}{u}$ → šq $\frac{o}{u}$,
с опрошением переднеязычных аффрикатов (десибиллованно)	tk $\frac{o}{u}$ → dǵ $\frac{o}{u}$ → šq $\frac{o}{u}$,
со спирантизацией сибиллянтов	k $\frac{o}{u}$ → ǵ $\frac{o}{u}$ → q $\frac{o}{u}$,

и т. д., и т. д., то нет почти ни одной из этих разновидностей, которая не была бы налицо в сохранности использованною в качестве того или иного нарицательного имени.

Возьмем два случая использования племенного названия, один тотемный, другой — классовый или сословный, для чего придется остановить выбор на zǵ $\frac{o}{u}$ (↗ dǵ $\frac{o}{u}$) и tk $\frac{o}{u}$.

а) Уже известен факт наречения моря тотемно по названиям яфетических племен, греч. πέλαγος — пеласгов,¹ лат. mare || русск. море ~ ↗ лат. pont-us — беров (и-беров)² и др.

Само собою понятно, что историческими языками индоевропейской группы, греческим, латинским, русским и т. п., эти слова унаследованы в процессе их созидания от яфетических племен, у которых они возникали в порядке перво-

¹ Н. Марр, Об яфетической теории, НВ, 1924, кн. 5, стр. 330 [ИР, т. III, стр. 18]; его же, Предисловие немецкого переводного с русского труда Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, 1923, стр. 17 [русский перевод предисловия см. в ИР, т. I, стр. 149—157]. О другом тотеме, уже из птичьего мира, того же племени, именно 'аисте', унаследованном греками в виде слова πέλαγός, см. работу «К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги», ЗВО, т. XXV, стр. 33.

² Н. Марр, Краеведение, стр. 12—13, изд. Ассоц. горск. краев. орган. Сев. Кавк., Ленинград, 1925.

бытного доисторического мышления и словотворчества. Происхождение того же порядка имеют слова со значением 'море' у наличных представителей яфетических племен, так существующее для понятия 'море' слово у грузин *zǧu-a* (← *zǧu-va*, новогруз. *sǧva*), у сванов *duǧw-a* (← **ǰǧu-va*) есть не иное что, как скрещение племенного названия скифов, наличного в разновидностях его чистой основы формы *zǧu*, с берским племенным названием *var* (|| *maǧ*, тем же *maǧ*, что в латинском в форме *maǧ-e* самостоятельно означает 'море'), в усечении — *va*, т. е. архетип термина, следовательно, **ǰǧuvar* (↘ *zǧuvar*).

б) Известен также, яфетидологически давно наблюден и разъяснен факт использования племенных названий в значении сословных, *resp.* классовых терминов. Как шаблонный пример, мы обычно приводим использование берского (я-берского) племенного названия в значении 'дворянина': св. *var+gǧar* 'дворяне',¹ и колхского — в значении 'крестьянина', 'раба': груз. *gleq*.²

По средству понятий 'крестьянин', 'раб' и 'пленник' в связи с их общественным положением, к категории этих слов относится и груз. *tkue* (новогруз. *tkve*), 'раб', 'пленник', с производным от него отыгненным глаголом *da-tkvev-eb-a* 'брать в плен'.³ Изолированное в самом грузинском и не имеющее закономерных соответствий-двойников в ближайше родственных языках, слово представляет вклад языка с раздвоением *o* в *we*, т. е. грузинское *tkue* (новогруз. *tkve*) является передачей чтения *tkwe*, восходящего к архетипу **tko*. Этот архетип с его двойником *tki*, как мы теперь знаем, основа скифского племенного названия. Архетип с широкой губной огласовкой **tko* в самом грузинском мог разложиться лишь в **tkwa*, *resp.* *tkva*. Такое раздвоение гласного «о», свойственное свистящей группе, к которой принадлежит и грузинский язык, разделяется, как известно, и абхазским. Поэтому-то в абхазском слов на «о» — очень мало: к цельным губным гласным у абхазского языка точно отращение, и потому-то там, где надлежало бы им быть, «о» раздваивается в *wa*, как в грузинском, но последовательнее, чем в грузинском, а «и» в *wə*, в параллель разложению того же узкого гласного у чувашей в *əw*. И вот в том же слове древнеит. *tkue* (новогруз. *tkve*), в котором грузины нам сохранили в значении 'пленника', 'раба' с сванским раздвоением «о» в *we* архетип **tko*, абхазы выявляют присущее им раздвоение «о» в *wa*, что при наличии у них лабиализованных согласных архетипу **tko* по разложению в **tkwa* дало переродиться в разновидность *tk,a-*, и в этой именно форме слово это со значением не 'пленника' или 'раба', а племенного названия, мы находим в составе названия Туапсе, по-абхазски: *Tk,a-φs*.

Таким образом выходит, что обычное название нашего города представляет случай утраты гортального *k*. Эга утрата отнюдь не чужда абхазскому языку в том же племенном слове, но с узким произношением губной огласовки, т. е. *tki*, с утратой же *k*, как то наблюдаем и в «Туапсе», основа *tu* по разложению согласно абхазской норме в **twə*, переродилась в силу господства в речи абхазов

¹ Ср. Н. Марр, Батум, Ардаган, Карс, Петр, 1922, стр. 31, где напрасно мы сомневались в правильности этого отождествления; см. также Об яфетической теории, стр. 318 [ИР, т. III, стр. 15].

² Батум, Ардаган, Карс, стр. 31; Об яфетической теории, стр. 317 [ИР, т. III, стр. 14].

³ По Орб.: «захваченный из пойска или насильственно согнанный с жительства или запродаанный по похищению (Быт. 31, 26)».

лабиализованных зубных в разновидность *tə*, и ее мы имеем уже со значением 'раба' в абх. *a-l-ə* 'раб' на этот раз семантически в параллель груз. *t̃kve* (древнелит. *t̃kpe*) 'пленник', 'раб'.

Итак, первая часть названий обоих городов и Туапсе (*Tka-qs*) и Сухума (*Əq̃u-m ← Əq̃u-maq*) — название скифского племени, собственно его, как принято представлять себе, основы *sku* (*Σκῦ-θα-ι*). Но зато различны вторые части. Так казалось когда-то и нам.

Вторая часть термина Сухум (*Əq̃u-maq \setminus *Sq̃u-maq*), т. е. *maq* (\rightarrow -ш), вполне ясна. Она — основа племенного названия *i-ber*. Это второе племенное название, оно же племенное слово — налично и в качестве нарицательных имен в самом абхазском языке, языке народа, происхождению и родственным связям которого с другими яфетическими народами посвящена особая наша работа «Абхазоведение и абхазы».¹ Понятно, в абхазском языке это слово приняло тот или иной вид, иногда также не один, соответственно сложному составу абхазской речи, соответственно звуковым особенностям различных отложившихся в ней племенных языковых слоев. Так берское племенное слово, именно в акающей форме, *maq* означало 'руку'. В этом значении оно сохранилось у грузин непочто в составном слове *maq-d̃vep-a* (древнелит. *maq-d̃vep-e* 'правый', букв. 'рука (*maq-*) правая (*-d̃vep ← -d̃vep*)). От той же основы с подъемом *m* / *b*, т. е. *baq-*, грузинский имеет глагол *ɟa-a-baq-a* 'он поручил ему'.

В абхазском *maq* 'рука' имеет гораздо более широкое распространение с падением вавного *g*, в исходе или паузе, в слабый гласный *ä*: это *ä-maj = ä-mā* 'рукоять', *ä-š-maj = ä-š-mā* 'рукоять плуга'.²

Но так как от 'руки' происходил глагол 'делать', 'строить', то *mā = maj* могло бы означать и 'постройку', 'селение', 'город' и т. п. У грузин, утративших в своей речи долготу гласных, *mā* переродился в *ma*, и его мы имеем в названиях населенных пунктов в Гурии, как-то *Ɔaq+šq-ma*, *Dvaq+šq-ma*.³

К осмыслению *-ma* в названиях населенных пунктов мы могли бы подойти и иначе, как к пережитку племенного названия. В связи с этим можно бы выявить не только использование его в значении различных нарицательных имен, в том числе и 'реки-воды', но и различное функциональное значение, между прочим и выражение мн. числа. Сейчас мы уточнением палеонтологии данного термина не занимаемся; иначе мы привлекли бы и зарубежные мате-

¹ [См. здесь, стр. 162—186].

² См. другие эквиваленты, в том числе и армянский, Н. Марр, Прилагательные 'длинный' и 'короткий', ИАН, 1925, стр. 718.

³ В И в статки *Ɔaq+šq-*, *Dvaq+šq-* вовсе не простые основы, а скрещенные, сугубые. Из них вторая часть *šq* — пережиток также особого племенного слова, формально-фонетически в данном случае одного происхождения с *šq ← šqep* в составе или в основе целого ряда грузинских нарицательных имен (*šqep-1* 'лошадь', *maq-šqep-a* 'левая рука', *maq-šq-1* 'несчастье' и др.), где она уже разъяснена в других значениях, а в топонимике требует иного семантического разъяснения, причём лет надобности увлекаться в той мере, чтобы в *Dvaq* названия *Dvaq-šqma* усматривать ввременно христианский символ *dvaq-1* 'крест', хотя и название села произносят «окульзуревно» и *Dvaqšma* 'распятие', в несомненном предположении, что этот топонимический термин христианского происхождения. О суффиксе *-ma* в северной топонимике в Приволжье см Н. Марр Приволжские и соседние с ними вародности в яфетическом освещении их племенных названий [см. здесь, стр. 304], но особенно в печатаемой Чувашиздатом работе «Чуваши — яфетиды» [см. здесь, стр. 323—372].

риалы, без которых нельзя обходиться ныне при исчерпывающем и правильном толковании и грузинских материалов;¹ факт же пока достаточный для нас, что это — племенное название.

Это же племенное название с усечением огласовки у абхазов налично, соответственно закону, общему у абхазов опять-таки с северным приволжским народом, чувашами, г~s, resp. s и т. п. — в виде $\varphi s \leftarrow b z$ и т. п.: это основа национального названия абхазов — $a-\varphi s-w\bar{a}$, что означает, следовательно, 'бер' ('и-бер').

Как любое иное племенное название, в том числе и другая разновидность того же племенного названия, и слово $\varphi s \rightarrow \varphi s$ может означать 'поселение', 'город', и его-то с этим значением и можем иметь прежде всего в названии города Туапсе, по-абхазски звучащем $Tka-\varphi s$, что восходит к архетипу $*Tko-\varphi s$, т. е. опять-таки, как и в названии Сухума ($\dot{\theta}qu-m \leftarrow \dot{\theta}qu-mar$), в архетипе налицо или основа названия скифов $sku-$ ($\nearrow \dot{\theta}qu-$, $tko-$, ср. $skol+o-t$) с берским племенным названием ($-m \leftarrow -mar$, $-\varphi s \leftarrow -bz \sim -br$) в нарицательном значении 'поселение', или скрещение двух упомянутых племенных названий, как то мы наблюдаем, напр., в $ki-me\grave{e}$ и $\dot{\theta}u-vash$ ($\dot{\theta}e-vash$), т. е. $\dot{\theta}qu-m$ ($\leftarrow \dot{\theta}qu-mar$ || $*Tko-\varphi s \rightarrow$) $Tka\varphi s$.

Входящие в состав этих двух сложных названий элементы в отдельности встречаются и самостоятельно, как то показано выше,² и в сочетании с другим племенным словом, именно ионским — $\dot{\theta}an \rightarrow \dot{\theta}a$. Таково, как теперь выясняется палеонтологически, происхождение племенного названия $sku-\dot{\theta}a$ ($\Sigma\kappa\acute{\upsilon}-\dot{\theta}\alpha$) $\leftarrow *skul-\dot{\theta}an$, т. е. букв. 'скул-йон' или 'скол-йон' (ср. $skol+o-t$), если не ограничиваться формально-сравнительным анализом, при котором $-\dot{\theta}a$, будучи того же ионского племенного происхождения, является функциональным, отправляет службу признака мн. числа или собирательного имени.³

Когда в абхазском та же составная основа $sku-\dot{\theta}a$ со спирантизацией $qu-\dot{\theta}a$ ($\leftarrow *hku-ta$) появляется в виде $a-q\grave{e}\dot{\theta}a$ со значением 'деревня', мы не можем не колебаться, функционально ли в нем слово $\dot{\theta}a$, служа в абхазском в связи с собирательностью и суффиксом местонахождения (так в абхазском), или же это скрещенное племенное название $ску^{\Gamma^1}$ -йонское, и, как таковое, в одних случаях, когда это $ску^{\Gamma^1}$ -йонское скрещенное образование, подлинно скифское, являлось земледельческим классом, сельским населением, его название служило нарицательным именем, означающим 'село', 'деревня', а в других случаях, когда оно представляло военное, организующее племя-класс, тем же его названием обозначались строившиеся им города, что мы видим на названии Кутаиса, основа которого $qu-\dot{\theta}a$ тоже абхазское слово скифского происхождения — $a-q\grave{e}\dot{\theta}a$, но, очевидно, со значением 'город'.

С составными терминами, названиями Сухума и Туапсе, восходящими, как выяснено, ближайше к архетипам $*\dot{\theta}qu-mar$ || $*Tko-\varphi s$, мы попадаем и на яфети-

¹ Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности [см. здесь, стр. 288—308].

² См. выше, стр. 155 сл.

³ Н. Марр, Термин «скиф» [см. здесь, стр. 34—35], где спирантизованный архетип и с сохранением плавного: kol || kul .

ческий север, в Приволжье. Здесь * $\acute{\Theta}\dot{\zeta}u$ - $\text{ma}\acute{g}$, двойник, не забудем и это, $\text{шмег}'а$, имеет и другие разновидности-двойники, в числе их $\acute{\zeta}\acute{\epsilon}$ - $\text{va}\text{ш}$ 'чуваш' и т. п. Если же отвернуться пока от языков, в которых плавный г представлен в виде свистящего (s) или шипящего (ш, resp. ζ) сибирянта, и держаться в точности полногласия в древнейшем его подборе, то перед нами выбор одной из двух основных форм: или 1) форма эпохи грамматической морфологии со скрещенным полногласием окания+акания, как в наших терминах $\acute{\Theta}\dot{\zeta}u$ - $\text{m}'\text{a}\acute{g}$ || Tko - $\text{q}\zeta$, или 2) формы дограмматической племенной морфологии с однообразным полногласием данного племенного примитива, целиком или аканием, или оканием, или эканием. Надо иметь в виду, что эти названия, как ни воспринимать отдельные части, в целом все-таки двуплеменные скрещенные образования, разновидности реального племенного названия, и, как племенное слово, оно могло быть использовано в порядке тотемного словотворчества в значении 'неба', и в значении того или иного 'священного животного', а затем и вообще 'животного', 'живого', так с тем же грамматическим полногласием о—а, как * $\acute{\Theta}\dot{\zeta}o$ - $\text{ma}\acute{g}$ (|| * Tko - $\text{q}\zeta$) → * $\acute{\Theta}\dot{\zeta}u$ - $\text{ma}\acute{g}$, его разновидность с чередованием губных m || v — $\acute{\zeta}\dot{\zeta}o$ - $\text{va}\acute{g}$ означает в тотемном порядке 'овцу', уже затем 'животное' и т. п. (отсюда глагол $\acute{\zeta}\dot{\zeta}o\text{v}\acute{r}$ - eb -а 'жить', 'жизнь'), причем это собственно по шипящей группе, где начальному согласному следовало бы быть шипящего ряда — $\acute{\zeta}$: * $\acute{\zeta}\dot{\zeta}o\text{va}\acute{g}$ → * $\acute{\zeta}\dot{\zeta}o\text{a}\acute{g}$, что и сохранил нам армянский с присущей ему перестановкой: $\text{o}\acute{\zeta}\dot{\zeta}o\text{a}\acute{g}$ 'овца', а свистящий его эквивалент $\acute{\zeta}\dot{\zeta}o$ - vel имеет лишь это вторичное значение, общее — 'животное' и т. п. Раз составной скрещенный термин был, очевидно, названием реального племенного образования, то ясно, что по основам палеонтологии речи, мы должны иметь его и в значении 'неба', resp. его двойников, 'нижнего неба', т. е. 'земли', и 'преисподнего неба', т. е. 'моря' или, по крайней мере, его дериватов, в числе последних 'арки', 'свода', 'лука' и т. п. Грузинский язык нам сохранил то же скрещенное племенное слово со значением 'лук' от другой племенной разновидности корня с потерей заднеязычного согласного (по типу племенного названия шмег || глагольного имени действующего лица г. m - shobel 'родительница'), в той же огласовочной форме (о-е || о-и) — ш-vil-d (← * шu-vil-d), связь которого именно с нашим племенным названием вскрывается и наличием в сванском $\acute{\zeta}\dot{\zeta}w\text{l}$ +а- qemet (стянуто: $\acute{\zeta}\dot{\zeta}$ - qemd) || $\acute{\zeta}\dot{\zeta}w\text{l}$ - qemad || $\acute{\zeta}\dot{\zeta}w\text{l}$ - $\acute{\zeta}\dot{\zeta}em\text{d}$ 'стрела и лук', раз $\acute{\zeta}\dot{\zeta}w\text{l}$ (← $\acute{\zeta}\dot{\zeta}u$) [← $\acute{\zeta}\dot{\zeta}u\text{l}$] 'стрела'. Это дает основание утверждать, что 'лук' рядом с самостоятельно существующим qemad → qemd звучал — $\acute{\zeta}\dot{\zeta}em\text{d}$, во всяком случае архетип этого слова, означающего 'лук', тоже двуплеменное сал-берское слово * $\acute{\zeta}\dot{\zeta}e$ - $\text{m}\acute{a}\text{d}$ || * $\acute{\zeta}\dot{\zeta}e$ - med (с зубным вм. плавного, как во второй части термина Sar-mat).

Если же держаться дограмматической племенной морфологии, то при акании мы получим Ta-bal , при экании Te-bel , resp. Teber и т. д., что налицо в названии городов Цебельды (абх. Tabal , груз. Tebel , с суфф. - da : Tebel-da) и Теберды (Teberda). Эти и названные выше формы, одни этническо-морфологической эпохи с огласовкой а — а и т. п., другие грамматическо-морфологической эпохи с огласовкой о — е || о — а появляются и за рубежом Кавказа: так, напр. евр. Qubal ||

греч. *Θοβελ*, асс. *Tabal*¹ (ср. абх. *Ṭabal*). Ведь в этих разновидностях имени библейского эпонимного имени корень-то общий с нашими терминами. Считать ли представителями спирантной группы (*t* ~ *k*) или спирантизованными разновидностями от двузвучных *tk* ($\rightarrow \dot{d}g \rightarrow \dot{d}q$), как *q̄mād* (~ *ṣqe-mād*), сюда относятся: *Keber-de* || *Kabar-da* с двуплеменной основой *ka-bag* \ *ka-mag*, основой в то же время названия того племени камаритов, которое, по Страбону, входило в племенной состав населения страны, ныне называемой Абхазией. По названию их, предполагается, известен был один тип судна *ka-mag-a*, и вот тут встает вопрос, правда ли, по названию этого черноморского племени, или вообще яфетического племени, название которого тотемно означало 'небо', герср. 'море' и все его дериваты?² Впрочем, об этом названии судна и его разновидностях поговорим особо, а пока зарубим себе на память, что названия Сухума и Туапсе одинаково местные, в них, как в точных закономерных эквивалентах, отложились названия скрепленного племени Цхумар *Ṭḡu-mag*, оно же со спирантизацией — **komag* (\rightarrow *komag*) || *ko-var* \rightarrow **ku-wa* (в абх. *к̄а*: *A-к̄а* 'Сухум'),³ с эканием — *ki-meg* (*i-ber*) или, что то же, *Tk̄a-ḡs*, с которым, у черкесов звучащим по А. Н. Генко *fu-ḡs* (или *te-ḡs*? В Сухуме мне сообщали, будто есть форма: *Ṭo-ḡs*), имеет более интимные связи приволжский *ḡa-vash* 'чуваши'. В самой Абхазии есть другие разновидности этого двуплеменного слова, в названиях городов, то с *tk̄* — *Tk̄a-bep* 'Драпда', то с *ta-* (*te-*, герср. *t̄i-*, см. выше), в качестве первой составной части.⁴ Говоря о племенном названии в основе топонимического термина, мы отсюда не предпрещаем, что в том или ином случае название населенного пункта ничего, кроме племени, не означало. Достаточно сказать, что речь может идти о предмете культа данного поселения: племенное название, как известно, одновременно и название божества, вначале тотема.

Перед нами встает вопрос о датировке строительства этих западнокавказских кимеров и чувашей, именно цхумаров или цхумов, герср. чхумаров и чхумов, следы деятельности которых прослеживаются на восток до верхнего течения Риона, до Свапии, на меже с которой расположена страна Ле-чхум с давно усевшим огрузиниться населением.

Но можно ли братья всерьез за такой вопрос, когда до сих пор не положено начала научно оборудованным систематическим раскопкам, которые, направляемые специалистами во всеоружии и теоретических знаний по стране и технических приемов, а не случайно пабегающих научно босых наездников, ввели бы нас, от слоя до слоя, в богатые пережитыми культурами недра глубочайшего общечеловеческого интереса, и вводили бы по памятникам материальной культуры,

¹ Иос. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, Пб., 1914, МЯЯ, т. XIII. О Сухуме-Цхуме || Кимере-Ибере см. Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «тризна» [см. здесь, стр. 122].

² N. Marr, *Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc'*, ЯС, т. II, стр. 140 сл., 167 [перевод см. в ИР, т. III, стр. 201 сл.]. Предложенный здесь формальный анализ *ka-mag* ныне имеет колюче, лишь условное значение позднейшей морфологии.

³ Н. Марр, Термин «скиф» [см. здесь, стр. 35].

⁴ О других еще названиях нас ленных пунктов Абхазии, связанных с кимерским или иберским племенным образованием, см. Н. Марр, Абхазоведение и абхазы [см. здесь, стр. 163].

доколе их хватит, в параллель с палеонтологическим углублением в абхазскую речь, открывающим далекие перспективы в бездну времен, требующих на свое покрытие соответственным содержанием — бездны творческого труда и бездны творческого знания? Или, мы думаем, это найдет само собой, что не нужно ве только усилия, а иногда и насилия где над человеческой косностью, а где над назойливыми беззастенчивыми научными выступлениями неучей, искусных, при нашей явной неорганизованности, ловкачей на все руки?

Абхазоведение и абхазы

(К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы)¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тон делает музыку. Музыка это ритм и звуки. Ритм и колебание, звуки оно или линии, это двигатели общественности как исторической, так доисторической, двигатели, сами создаваемые работой над материалом, основой хозяйственно-общественной жизни. Ритм и звуки это техника и материальная природа создания доисторической общественности, звуковой человеческой речи. Революция сбивает и ритм, и звуки, и линии общественности. Старый ритм, не говоря о линиях и звуках, — живой труп, или пережиточный предмет, отнюдь не отмирающий бесследно, даже тогда, когда он доисторический, как не бесследно исчез у человека хвост. Месопотамское племенное название «шумер» представляет, если бы не углубляться сразу до дна, основу шум- и окончание множ. числа -ег, на самом деле это ахронистическое восприятие в путях позднейше установившейся структуры языка и на ней обоснованного учения о формах; в действительности в термине шумег, которому значительно более чем полдесять тысячелетий, составное слово (шм-ег) и шум его усеченная основа, как и более цельный в отношении начального согласного (š / šq || šq) пережиточно сохранившийся вид šqum, в котором доисторический еще не расчлененный сложный звук, эквивалент начального согласного «ш», представлен полной группой šq (чх), и вот этот пережиточный вид основы, однако усеченной (šqum вм. šqumer || šqumar), дожил не только до эпох исторических самостоятельно (оп, между прочим, название города Сухум, архетип самого слова «Сухум»),² но с доисторическим образованием, казалось бы, мн. ч. при помощи префикса le-, именно Ledqum, являясь, как выходило при таком толковании, племенным названием, терминологически равнозначным шум-ег'у, сохранился в качестве названия ныне грузинской области, некогда населенной, мы имели основание думать и заключать, «чхум»'ами или «шум»'ами. Однако как название месопотамского народа оказалось вовсе не флективно возникшей формой, а составным двуплеменным термином шум-ег, так и кавказский le-šqum — скрещенное, уже трехплеменное, именно «рас-шумерское». Исторические шумеры из жизни и быта исчезли вместе с именем бесследно, а доисторические их тезки сохранились этнографически до наших дней, конечно, не в первой трансформации; сохранился в живом быту сравнительно непочато и доисторический вид их названия — трегубо скрещенный «ле+чхум», собственно, следовательно, «рас-шумеры».

¹ [Доклад, прочитанный на Первом Съезде деятелей краеведения Черноморского побережья и западного Кавказа в Сухуме осенью 1924 г. и повторенный на публичном собрании РАИМК. Напечатан в «Восточном Сборнике» Ленинградской Публичной библиотеки, Лнгр., 1926, т. I, стр. 123—163.]

² Н. Марр, Сухум и Туапсе (Кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья) [см. здесь, стр. 153—161].

У Крыма с северо-восточным Черноморьем также свой доисторический ритм и звуки, пережиточно поддерживаемые в их полноте до наших дней речью и современным яфетическим населением соответственного района.

Как во всех яфетических районах, так и здесь, есть тройное колебание гласного а || о || е, смотря по племени, если пользоваться древними местными племенными названиями — сарматское (а), скифское (skwə'ское, собственно ску-та'йское) или скелотское (о), киммерское или иберское (е). Огласовка «е» несколько не моложе огласовки «а» или «о». Ныне она поддерживается в указанном районе черкесской речью. У черкесов Кабар-да, т. е. готовая уже форма племенного названия Кабар- с суффиксом мн. числа -да (← -dap → -дап → -да, ср. -да в Σκί-θαί), звучит Кебер-, как Тебер-да там же, а в Абхазии Tebel-da в своих основах Тебер-, Tebel- представляют сибилантные двойники того же черкесского Кебер. Древность огласовки «е» подчеркивается и архетипом названия самих черкесов, именно керкет'ами.

Само название абхазов, позднейшее искажение правильной формы «абаск», собственно ее основу bas, здесь не могли природно произносить иначе, еще в древности, как с киммерским эканьем — bes, откуда с префиксом о- — хорошо известное из русской истории племенное название «обезь», форма гибридная по огласовке, именно скифо-киммерская, так как на этом понтийском севере, конечно, не мегрелы или чаны, т. е. не колхи с юга, могли скреститься своим окающим суффиксом с черкесским эканьем основы и завещать средневековому русско-северокавказскому населению, так в частности тмутараканскому государственному образованию, а могли это сделать скифы с кимерами. А. А. Спицын даже предполагал, что в Тмутаракани русский князь мог опираться лишь на свою дружину, так как не имел, мол, поддержки в местном населении, обезях, с которыми русские, как то обычно предполагается, ничем не были связаны.

С доисторическим эканьем, следовательно, гражданское равноправие получает в древности Керчь рядом с Кор-чев || Кор-чем. Это, конечно, не значит, что основы kar || kor || ker в какой-либо мере первичные; это спирантизованные виды сибилантных разновидностей, так kor — спирантизованный skor → skur, в доисторическом пережиточном произношении у яфетидов tkur (tkur); и вот этот сравнительно более древний вид наличен в основе названия того же города Scur-u-ev и в составе известного древнему миру города в Абхазии Dio-skur-la-s, в основе населенного пункта там же, в Абхазии, l-skur-la,¹ Skur-да,² равно в основе названия местечка A-tkur-1 на Куре в Грузии и т. п. Skur, как нарицательное имя, значат 'населенный пункт', 'селение' или 'город', 'страна', подобно его спирантизованному виду kur, в шумерском сохранившемся со значением 'страны'. Сейчас я не обращаюсь к палеонтологии речи, чтобы оправдать и все другие значения шумерского слова, восходящего к племенному названию и его семантическим дериватам ['небо' →] 'гора' и т. п. Значение 'страны', 'населен-

¹ Du Bois, т. I, стр. 316: Rottiers (Itinéraire etc., стр. 23) в 1817 г. на развалинах Диоскурии находит жалкое селение Искурию.

² Ук. соч.: Paul Guibal в 1831 г. в своих заметках от Абхазии называет Искурию Скурчею (Courcier de la nouvelle Russie, № 103).

ного пункта', 'селения' или 'города', устанавливаемое за *skur* или его разновидностью *kur*, имеет существенное значение не для яфетического лишь юга. В полной яфетическими переживаниями Армении это самое *kur* с природной для обеих ее языков трансформацией звучит — *guł*, resp. *guğ* (→ древнелит. *giwğ*) 'селение', а еще южнее у сирийцев *kur+u-að* 'селение', 'город (*oppidum*)', одинаково дериваты все того же яфетического термина. На севере, по всей видимости, это яфетическое переживание мы имеем в русской речи Слова о полку Игореве, в стихах: «Всеслав князь... сам в ночь вълком рыскашеть, из Кіева дорыскашеть до Кур Тмутараканя», т. е. до селений или град Тмутаракани.¹

Наличие одних и тех же названий на северо-восточном побережье Понта не ограничивается повторением тмутараканских терминов в одной Абхазии: они заходят на самый юг. Так окающая форма туда занесена мегрело-чапами, пережитками скифов, или колхов, как, напр., в бассейне Чороха *Kog-id*, в груз. форме *Kog-id-eð*, в праформе **Kog-ud* (с тем же суффиксом, что *Artan-ud* на самом Чорохе), буквально повторяющей название Керчи, по Вестбергу,² за хазарское время в IX веке, в греческом произношении *Kog-wđ* (*Κόρ+υζ-ος*). Я не останавливаюсь на окающей форме *kar* той же основы, широко использованной и на севере (Приволжье, Финны) и на юге (Кавказ, Сирия, Африка и т. д.) как название то 'города', то 'села', в зависимости от положения карского, resp. салского или талского, племени в социальной структуре данного района.³ Наконец, интересна и окающая разновидность *ker*, паличная в названии в форме архаичного удвоения *Ker-ket* (отсюда «черкес»), равно Керчь (←**Kerðem*).⁴

С другой стороны, Корчев || Корчем своим суффиксом мн. числа *-ðem* нас повлек бы теперь на далекий север к чувашам, вместе с болгарам и хазарам органически, а некогда и топографически близким к Тмутаракани: у Чувашии особенно существенные для нее топонимические связи и с Керчью и с Карачаем-балкарами, вообще со всей Тмутараканью и Кавказом, но чуваша, ведь, не благодарные далекие от нас шумеры, исчезнувшие с лица земли много тысяч лет тому назад, чтобы они могли числиться в кругу благоприятствуемых в мировых научных кругах предметов изучения или обучения, это загнанный, до последнего времени культурно преследовавшийся, у нас под боком обретающийся живой народ, едва-едва заслуживший пока внимание провинциальных ученых, ученых краеведов. Не естественно ли, что и весь доклад мой, посвященный таким же мировой науке мало интересующим краеведческим вопросам с краеведческим подходом, и был-то прочитан на краеведческом съезде в Сухуме, и потому заранее припошу извинение за его непривычную в высоких научных кругах свободу,

¹ Такое по существу толкование давали комментаторы Слова, как Эрдман (Следы азиатизма в Слово о полку Игореве, ЖМНП, 1842, № 10, стр. 20—21), но предполагали использование арабского слова! Снегирев также сближал со словом «курень» 'селение', см. Барсов, Слово о полку Игореве как художественный памятник, т. III, стр. 417, и В. Д. Смирнов, «Что такое Тмутаракань?», ВВ, т. XXIII, стр. 54—58.

² К анализу восточных источников о восточной Европе, ЖМНП, 1908, март, стр. 21.

³ Н. Марр, *Olybia* и *Alba Longa*, ИАН, 1925, стр. 663—672; его же, Чуваши-яфетиды [см. здесь, стр. 369]; его же, Из переживаний доисторического населения Европы в русской речи и топонимике [см. здесь, стр. 315].

⁴ См. выше, стр. 163, едва ли от **Kerðem*, resp. *Kerket*, как предполагалось нами раньше.

может быть и шокирующую тонкий вкус и хороший научный тон, трактовку темы.¹

Настоящий доклад мой читан в Абхазии на краеведческом съезде.² Членам Первого Съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и западного Кавказа в городе Сухуме не могла бы быть безразлична сама тема «Абхазоведение и абхазь». Уклон трактовки, естественно, краеведческий.

Не только в мире, изучаемом естествоиспытателями, растительный он или животный, играет значительную роль ландшафт. Распространение известных видов не одной флоры и фауны связано с пределами определенного ландшафта. Существуют также племенные ландшафты, на которые и делится вся территория, занимаемая человечеством. На связи населяющего племени с определенной территорией и основана попытка моя ввести в этнографическую науку термин «геоэтническая единица». Палеонтологическое разъяснение названий населенных пунктов, морей и озер, рек и гор, т. е. всей топонимики, поскольку она пережиточная, архаическая, установило, что племена доисторического населения всей Африке были рассеяны, одни и те же, по всему обширному району средиземноморского окружения и прилегающим к нему районам трех названных старых частей света — Африки, Европы, Азии. Везде одна и та же группа племен, яфетических племен, ложится в основу общественной жизни данного района, в основу происходящего в каждом таком районе процесса нарастания нового этнического типа, образования новых видов племен и народов, все под теми или иными старыми тождественными названиями или их разновидностями. Возникает сомнение в полезности исканий особых центров зарождения, когда везде происходило одно и то же. Поскольку речь касается вопроса о каком-либо общем первоначальном источнике, это так и есть. Мы считаем бесполезным и ненужным, вообще не реальным, переводить, например, с востока вообще с востока на запад или с запада на восток, или в обе эти стороны с юга из Африки (есть, ведь, и такое исследовательское устремление). Но совсем другое дело, когда обсуждается население определенной геоэтнической единицы, определенного ландшафта. Тут перед нами конкретные явления, исторические факты и тогда, когда захватывает или вовсе нет исторических данных, и мы основываем свои выводы на языковой палеонтологии и других этнологических фактах. Здесь считаемся с переселением и вносимыми им конкретными изменениями содержания геоэтнических районов племенных ландшафтов. Племенной ландшафт — единица исследования для каждого специалиста по истории человеческой культуры. Большую неурядицу составляет, когда естественный племенной ландшафт нарушают отвлеченным административным делением. Не всегда легко, однако, определить естественный племенной ландшафт, непрерывно нарушавшийся всякого порядка насильственными или искусственными мерами и разъяснениями, не только административными, но общественными и в связи с ними также научными. Основная задача исследователя человеческой культуры определить этнический ландшафт данного национального

¹ Предисловие при втором чтении доклада, что имело место на публичном ученом собрании РАИМК.

² 1924 г.

образования в его простоте или сложности, в первую очередь наличный ландшафт, затем и предшествующие его пределы и очертания вплоть до первоначальных пределов и очертаний, т. е. вплоть до праландшафта, вместилища определенного этнического образования на соответствующей ступени его развития.

Абхазия в этом смысле еще непочатое поле для исследователя.

Абхазоведение пока, собственно, и не начинало организованно вестись, да оно и не могло бы быть вообще организовано, так как не организовано краеведение, а абхазоведение есть часть краеведения.

А что такое краеведение, поскольку мы интересуемся человеческой культурой, на этом здесь мы не будем останавливаться, разве в мере выявления нашего отношения к нему.

Мощный поток краеведческого интереса это самое жизненное в настоящий момент явление в научно-организационной жизни России и громадного большинства союзных республик. Тому свидетели непрерывно следующие один за другим краеведческие съезды. О важности краеведения никто не спорит, но понимание сущности краеведения далеко не тождественно у всех его ценителей. Краеведение для нас не простое приращение наших знаний и не особая какая-либо область знания, а особый метод. Метод этот органически связан с новой нашей общественностью. В краеведении основной залог спасения наших центральных научных организаций, которым иначе угрожает внутри косность и омертвление, а извне отмирание от всей живой, движущейся вперед современной, мятущейся и все-таки творческой общественности.

О краеведении нам приходилось высказаться в линия подобных мыслей,¹ могущих при ориентации отживших мировоззрений показаться парадоксальными. О нем придется высказаться в других местах. Одно то, что у науки в центре прервалась нормальная связь с зарубежными центрами, должно бы было толкнуть на хотя бы запоздалое признание в краеведении якоря спасения. Мы не замечаем, что мы гибнем, несмотря на богатство нашего содержания и жизненной энергии, — гибнем как организации, по их несоответствию требованиям, беспощадным, немумолимым требованиям жизни. По краеведению должна перестроиться и вся наша школа.

Во всяком случае факт тот, что к предмету нашего доклада (об этом не может быть двух мнений) академическая наука проявила поразительную косность. Как научное кавказоведение, до последнего времени сводившееся к арменистике и грузинологии, могло относиться к абхазскому краеведческому делу, это также достаточно выражено, думаю, в заметке моей «Кавказоведение и абхазский язык», появившейся почти 10 лет тому назад.²

Однако работ по абхазоведению имеем не мало. Разряд Российской Академии истории материальной культуры «Кавказ и этнографический мир» и Этнографический институт Российской Академии наук уже предприняли в объединении коллективную работу «Библиографию абхазской литературы по общественным наукам».

¹ Н. Марр, Краеведческая работа, Научный работник, кн. 1, стр. 10—18, Москва, 1925; его же, Краеведение, изд. Ассоц. горск. краеведч. организаций Сев. Кавказа, Ленинград, 1925.

² ЖМНП, 1916, № 5, стр. 1—27 [перепечатана в ИР, т. I, стр. 59—78].

Поспевшая к съезду часть охватывает русские работы, однако и этого достаточно, чтобы убедиться в количественной отнюдь не бедноте этой литературы. Кстати, предприятие наше не ограничивается простой сводкой печатных данных по данному библиографическому вопросу, а проверяет их по самим книгам, наличным в богатых наших книжных собраниях в Ленинграде, со внесением во многих случаях суммарно содержания или указания затрагиваемых в книге интересных для абхазоведа вопросов или предметов.¹

Одно обстоятельство мы можем отметить и утверждать сейчас же. Сами абхазы или краеведы, опирающиеся на показания абхазов, вот кто главные работники; судя по этой библиографии, им принадлежат и качественно лучшие абхазоведные материальные работы.

У абхазов вопрос об абхазоведении не отвлеченно-научный, но и не отвлеченно-общественный вопрос. Без абхазоведения в самом даже узком, примитивном смысле этого термина, именно без науки об абхазском народе, следовательно,¹ в первую голову об абхазском языке, и без использования ее в практически необходимых делах, не может быть речи ни о просвещении абхазских масс, ни даже о возможности правильно и плодотворно построить хотя бы начальную национальную школу.

Фактически гуманитарное абхазоведение, в краеведческих путях организованное, началось было в тот момент, когда возникший в центре отвлеченный научный и природный на месте краеведческий национальный интерес скрестились именно в Абхазии, и сразу стали накапливаться материалы, абхазские тексты, сказки, фольклор, этнографические наблюдения, начинавшие стягивать вокруг себя кружок любителей-абхазов, и дали толчок к теоретическому освещению ряда общих и абхазских местных научных вопросов, причем результаты и по той и по другой стороне общего исследовательского дела пробивали себе пути в общенаучный обиход, печатаясь в сериях Российской Академии наук. Организационно намечалось образование Бзыбского абхазского научного кружка в объединении с Академией наук через мои работы персонально: Яфетического института еще не было. Но разруха, последовавшая за войной, и гражданская война не дали прочно сложиться наладившемуся было делу.

Конечно, на месте среди абхазов, на которых лежит в первую голову долг упрочить общественно гражданские права абхазоведения, интерес к родной краеведческой отрасли знания, давно пробужденный, не замирал. Интерес возбуждали на месте различные стимулы: официальный вероисповедный стимул, абхазами использованный для изучения родного языка (Патейпа и др.), национально-педагогический (Гулия, Чочуа и др.) и этнокультурный с географическим (Джанашия, Мачавариани). Прямо-таки по обилию материалов и большей их доступности абхазоведение на месте сразу ориентировалось больше на этническую, чем на историческую культуру.

К этнической культуре относятся в громадном большинстве как лучшие, представленные самими абхазами материалы, так занимавшие их вопросы, в числе

¹ Дальнейшее ведение этой работы, повидимому, потребует привлечения работников и Публичной библиотеки.

их основной — о происхождении абхазов. Этот вопрос и сейчас не только важнейший по особым основаниям, когда речь об абхазах: он первоочередной и в центрах теоретической работы. Каков бы ни был источник, определенное его решение впускалось самим абхазским общественным мышлением. Еще в первую четверть XIX века европейцы знали, что идея о родстве абхазов с египтянами была популярна в Абхазии, и ее абхазы поддерживали доступными им научными доводами.¹

Эта идея не покидала краеведов-абхазов. Ей мы обязаны работой П. Чарая.² Ею воодушевлен в наше время уважаемый наш коллега Д. Иос. Гулия.³

Мысль сама по себе не является отнюдь ирреальной, необходимо лишь уточнение пределов и возможностей этого вопроса, уяснение себе сложных племенных взаимоотношений яфетических народов, с учетом которых вопрос должен получить то или иное решение.

Яфетическое языкознание, медлившее его освещением, в заботах об укреплении предварительно своей материальной базы по абхазскому языку, теперь вынуждено им заяться под давлением накапливающихся теоретических положений, требующих некоторой ориентированности в действительном положении дела. Так-то теоретически родство египетского с абхазским может не подлежать сомнению, поскольку абхазский язык — яфетический, а яфетические языки родственны с семитическими, у которых с хамитическими, включающими в себя египетский, имеются бесспорные признаки родства. Следовательно, наличный абхазский язык не может теоретически не быть в родстве с египетским. Но когда переходим к самим конкретным особенностям и вообще к природе абхазского языка и сравниваем его с египетским, получается целый ряд черт как материального, так типологического порядка, которые действительно подтверждают родство абхазского с египетским, однако родство это фактически обосновывается более по тому положению, что египетский имеет много общего с яфетическими языками, в семью которых входит и абхазский, чем по линии исключительного родства египетского именно с абхазским.

Для примера беру одно и типологически и материально характерное явление: 1) египетскому свойственно префиксовое образование, имеется губной префикс *m-*. Ему Грапов (Dr. Hermann Grapow) в год начала мировой войны в Актах Прусской Академии наук посвятил специальную статью;⁴ и вот префиксовое образование роднит египетский не менее с яфетическими, чем с семитическими языками, но префикс *m-* актуальным является из яфетических языков в действующей грамматике сибилантной ветви по обеим группам, свистящей и шипящей, в абхазском же языке разве пережиточно, в виде неосознаваемого придатка, этот префикс не

¹ Берже, Краткий очерк горских племен и народов, ОПН, Кавказский календарь, стр. 272: «Абхазы сами себя называют Абсае и на этом основании, уверяет Эйхвальд (1, 311), считают себя потомками древних египтян и абесинян, между тем как по догадкам других ученых они происходят от армян».

² П. Чарая, Об отношении абхазского языка к яфетическим, МЯЯ, т. IV.

³ За это время Д. И. Гулия успел напечатать свой труд, докладывавшийся автором на съезде, где он вызвал горячий обмен мнений. Труд издан Наркомпросом ССР Абхазии: Д. Гулия, лектор абхазского языка Тифлиского Государственного университета, История Абхазии, т. I, Тифлис, 1925.

⁴ Über die Wortbildungen mit einem Präfix *m-* im ägyptischen, Abhandl. der k. Preuss. Akad. d. Wiss., 1914, Phil.-Hist. Kl., № 5, Berlin, 1914, стр. 1—33. Я не останавливаюсь на том, насколько примеры Грапова далеко не всегда оправдываются яфетической палеонтологией.

дает себя знать, как не наличен он в роли действующей сейчас грамматической категории и в баскском, и возникает то большое «но», к которому приходится подходить с точки зрения более уточненного представления о внутренних взаимоотношениях языков каждой этнической среды, не только черноморской, но и средиземноморской. В Африке, казалось бы, чего легче: коптский язык, родственный с египетским, считать его дериватом, позднейшим его видом, и более поздним, как коптская христианская литература, бесспорно более поздняя, чем египетская литература иероглифов и примыкающей древней письменности. Конечно, доступный нам по христианской литературе коптский с громадным усвоением греческих слов нельзя сравнивать по древности с египетским языком иероглифов, но вот решаюсь утверждать, что по своему основному, именно природному, слою этот коптский язык несколько не менее древний язык, чем египетский. Коптский язык перед нами встает в ореоле, наоборот, особого архаического интереса, когда мы считаемся с тем, что христианские литературы Средиземноморья открыли путь речи раскрепощавшихся народных масс, вызвали вхождение элементов языка низших народных слоев и у греков, и у латинян, в Египте же переход полностью на такую же социально тогда низкую местную речь, а социальные слои, как выяснилось, — пережитки особых племен, низшие сословия — пережитки более древних племен, чем населившие на них. Словом, коптский язык для нас представляет в своих природных слоях, негреческих, исключительный интерес, когда мы доискиваемся соотношений черноморских западно-кавказских наличных языковых фактов с средиземноморскими северо-восточными в целях подойти правильно к вопросу о таких же взаимоотношениях в древнейшие эпохи. Кроме того, некоторые особенности коптского языка ему отводят место в первичной стадии развития яфетических языков, так именно преобладание глухого губного звука датирует его эпохой древнейшего слоя доисторической топонимики Европы, куда относятся Ew-gō-ra, Al-ri, Pугene и др.¹

В числительных выражение '80' словами 'четыре двадцатки' выявляет у коптов такой же пережиток из доисторических яфетических языков Средиземноморья, как то же самое у французов, а наличие звуковой группы nt, являясь указанием на близость коптского к доэллиническому языку, в то же время по выяснившемуся его восхождению, как и одного зубного t к плавному г (отсюда восхождение pont'a к por), свидетельствует, что природный слой коптского языка в его яфетическом состоянии принадлежит к шипящей группе яфетических языков, конкретно ныне на Кавказе к мегрельскому и чанскому, или лазскому. И вот

¹ Н. Марр, Из поездки к европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 37; его же, Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков μεύρον, у римлян ātrium, ИАН, 1924, стр. 236; его же, Analyse nouvelle du terme Pугénées, ДАН, 1925, стр. 5—8 и Les Pугénées ou Monts Ioniens, там же, стр. 15—18. Интересны в этом отношении такие звукосоответствия коптского с яфетическими языками Кавказа, как

р - член (местоим. элем.)
рē - 'тот', рi - указ.
раi - 'этот', 'это' → rei - id.

яфет.:
абх. b в ab-гi,
г., м., ч. m в г. m-18, a+m-18, м., ч. mi-шi.

См. также ре ж. р. 'небо' ←рег, но не рег (|| mar || мор ['море']) или бер ~ bes (|| bog → bo: русск. «не-бо», «не-бе-са») → фег.

коптский язык, действительно, проявляет в самих названиях чисел, не только в типологии числительных, да и в длинном ряде нарицательных слов, терминов родства и др., бесспорное сродство с мегрельским и чанским языками. Иногда эти яфетические переживания шипящей группы в коптском сохранились лучше, чем в доселе чистых яфетических языках; так 'три', по-грузински звучащее *saṃ-1*, по шипящей группе должно бы звучать *шот* → *шш*, что почти утрачено в этой непочатой форме у чанов и совершенно у мегрелов, ввиду замены «ш» свистящим *s*. но в коптском с пережиточным суффиксом мн. числа *-[u]nt -- -ur* → *-u*, как в баскском *ig-u*, первичная форма основы *шот-*: *шот-nt*.¹

Число 'десять', собственно 'десяток', как 'двадцатка', 'сотня', 'тысяча', 'десять-тысяч' в яфетических языках выражается словом, означающим и 'человека', так как это племенное название, тотемное, используемое в значении 'неба', собственно 'небо — вода', отсюда с одной стороны в пучковом значении 'небо+гора+голова', с другой 'вода' ← 'море'. Еще в первый год существования Яфетического института на его собраниях давался обстоятельный анализ с подходом от представления 'море' → 'песок' к турецкому термину, означающему 10 000 — *tuman*. Тогда еще было нами указано яфетическое происхождение этого турецкого слова с подходом от представления о 'море', отчасти с филологическими доводами, ссылкой на ванскую клинопись, на ее халдский словарный материал. Тогда же было мне указано нашим коптоведом П. В. Ернштедтом на созвучие коптского *tba* с турецким *tuman*. Теперь, после вскрытия, благодаря чувашскому генетической связи турецкого с яфетическими, дело представляется проще. И исходить ли из представления о 'море' с песком (о 'тьме', см. ИРАИМК, т. III, стр. 271), о 'небе' со звездами, о 'голове' с волосами, или о другом предмете, образе многочисленности, данное яфетическое слово в коптском представлено так, как в грузинском заимствованное или усвоенное им из языков шипящей группы *toba*, по-грузински звучащее *tba*, т. е. буквально так же, как у коптов то же самое слово в числовом значении.²

Такая близость, полное тождество, коптских слов с мегрело-чанскими выступает иногда даже в глаголах, в этой позднее возникшей категории, так, напр., *kwt* 'строить дом' — ч. *kod* 'строить', ч. *kod-a* 'стена'³ и т. п.

По семантической типологии в коптском представляет доисторическое, именно нормами яфетических языков разъясняемое явление, что 'брат' (*сок*) и 'сестра' (*соне*) выражаются одним и тем же корнем, разновидностями одного и того же корня, как в греческом (*ἀδελφος, ἀδελφή*), где это пережиток яфетической еще речи, как ее пережиток в латинском так же, как в албанском, один корень, одна основа для выражения 'сына' и 'дочери', так как на одной стадии развития яфетических языков, разделяемой с ними отчасти еще семитическими, вообще тер-

¹ Формальная звуковая сторона остается в силе, хотя палеонтология успела вскрыть составность этого слова: *шо-шт* (~¹ *шо-штг*) → *шш-ш*.

² Конкретное значение этого, как теперь уже выяснилось, составного по скрещению сал-банского, т. е. сал-йонского, если не сал-берского дуплеменного слова требует еще окончательного установления по формам семасиологии числительных.

³ См. N. Matz, *Synaxaire géorgien, Préface* (печатается в *Patrologia Orientalis*) [напечатано в т. XIX, вып. 5, Париж, 1926].

мины родства были по корням одни и те же, шла ли речь о мужчине или женщине. Но коптский сохранил более яркий яфетидизм, общий у него с абхазским, в термине 'брат' || 'сестра', это то, что корень у этих слов общий со словом 'кровь' (снoц).

На самом корне этих слов, независимо интересном для яфетических народов Средиземноморья, я сейчас не останавливаюсь, но в коптском находим и другой корень, у яфетидов означающий 'брат', равно 'сосед', 'друг', при том сванский его вид, однако со значением исключительно 'друга', как в грузинском, который его усвоил также из языка сванского типа, с той разницей, что на Кавказе яфетические языки его сохранили с префиксом *me-* — св. *me-q̄wbar-* || **me-q̄wber*, г. *me-gobar*, и вот основа **q̄wber* с коптским перерождением гортанного *q̄* в шипящий «ш» и имеем в *щъыр* 'друг'. Это та же самая основа, которая у современных армян сохранилась с префиксом *a-* (*a-ğ̄ber* → *a-ḡ̄ber*), у древних с префиксом *e-* (*e-ğ̄baur*), у тех и других в значении 'брата'.

Однако такое вторжение экающей спирантной разновидности сванского типа не меняет в общем шипящей яфетической основы коптского языка. Рядом со внесением отдельных слов спирантного типа влияние спирантной ветви сказывается в коптском в том, что шипящая разновидность слов, как сейчас увидим, иногда спирантизуется, как в мегрельском и чанском. Но шипящая основа яфетического состава коптского языка остается непререкаемо господствующей так же, как в наличных представителях шипящей группы, языках мегрельском и чанском.

'Сын', по-грузински *шv̄l-1*, у народов шипящей природы, мегрелов и чанов, должен бы звучать *sker-e* или *skir-e*, с грузинской огласовкой и окончания — «i» вм. «e» — *skir-1*, что и есть налицо в чанском, и вот коптский сохранил при первичном именном окончании «e» с перерождением группы *sk* → ш: *шер-e*, равно *шг̄-e* 'дтя', 'сын', но то же самое перерождение, наблюдаемое в зависимости от яфетического субстрата и в германских языках («sch» = ш ← *sq̄* || *sk*), видим и у лазов, именно «трапезундских лазов», которые нынешнее чанское *skir-1* произносят *шг̄-1* в значении именно 'сына', как копты.

'Брат' по-грузински — *m-ter-1* (← **mter-1*): его закономерного соответствия по шипящей природе — *ṭaḏ-e* в мегрельском не находим, но оно налицо в коптском с мутацией зубного *ḏ* — *ṭaṭ* («ṭaṭ-e»).

Еще более в этом отношении характерно перерождение аффриката *ḏ*, на низшей ступени *j*, герс. ш, в спирант *ʃ*, как это мы замечаем и в шипящих языках последовательно в префиксе *u* ← *o* ← **fo* вм. *ḏ* (→ *d*), на низшей ступени *j*, герс. ш, отсюда и в соответственном слое баскского, а в чанском и в числительном 'два' *jug-1* (← **шug-1*) ~ *ug-1* ← *uog-1*. Соответственно 'собака' м., ч. *ḏoḡor* ↘ **шоуог* ~ **foуог* → коптск. *uhor*, успевшее проникнуть и в египетский (*whr*). Сюда и примыкает баскское *hor* → *or* (✓ **hoуог*) 'собака'. Таким образом, Шухардт (*Schuchhardt*) фактически был прав, производя те же самые сближения и отождествления,¹ но терялся идеологически, не располагая данными для правильной классификации фактов и их закономерного распределения.

¹ См. N. Marr, Le terme basque «udagara» 'loutre', ЯС, т. I, стр. 2—4.

Сюда же и перебойный эквивалент шипящей группы *dip, что представлено богатейшей родней в черноморских яфетических языках шипящей группы и в скрещенном с этой группой армянском. Без фрикативности, именно dip, налицо в одном из основных его значений 'дом' у армян, которые произносят его в одной своей части и с мутацией — tip, тогда как мегрелы с обычным для них перебоем гласного «и» в «и» сохранили его и с зубным d — dip-o 'ну́тро', 'внутри', в глаголах предлог 'в-', и без него, т. е. со спира́нтизацией по- (← *rip-o) 'внутри' → 'в-' (в глаголах), и вот с такой же спира́нтизацией без утраты спира́нта h и без изменения губного гласного «и», именно в виде hipe, находим его у черноморских яфетидов черкесов в основном значении 'дом' (ср. абх. а-ʔipə). Эквивалент этого слова в грузинском шп-а (→ ʒo- || ʒj-) означает и 'дом' в смысле англ. home и 'внутри' → 'в'.

Конечно, у черноморских яфетических языков шипящей группы с коптским оказываются общими и другие слова, которые паличны также в египетском, как 'голова' (к. ʒo, ег. dʒdʒ), 'рука' (к. TOOT, ег. dʒt), при м., ч. dud-1 'голова', м. (и г.) tot-1 'рука' → 'ветвь' (с аканием — ʒaʒ у армян, да и у грузин 'лапа') и т. п. Но и в этих случаях господствуют слова в разновидностях шипящего типа.

Наблюдаются, наоборот, некоторые черты сродства с самим коптским и у абхазского, напр., корень bl для выражения 'глаза': к. bal, абх. а-bl-а и др. Это, кстати, термин не иберского или тубальского племенного происхождения по спира́нтному типу (ʒbal), как мы предполагали, а простого берского, герс. балского племенного происхождения: его эквивалент, можно сказать двойник — вторая часть двуплеменного г. ʒo-wal-1 → ʒ-val-1. Это грузинское двуплеменное слово ʒo-val → ʒ-val в том же значении 'глаза', более же древняя его форма ʒo-vaг-e → ʒ-vaг-e с палеонтологически оправданным значением 'луна', 'месяц' сохранились донныне в грузинском, но первоначально и ʒ-val (← ʒowal), означающее лишь 'глаз', некогда одинаково означало 'луну', 'месяц', откуда в грузинском глагол ʒ-vala 'считал'.¹ Теперь мы еще знаем, что плавный элемент l || г, кажущийся последним коренным согласным и таковым действительно являющийся, с определенной эпохи во всех этих разновидностях есть функциональный согласный, показатель множественности, пережиток того или иного племенного слова и, следовательно, в некоторых разновидностях основ bal (коптск.) и bl (абх.) от чистого корня налицо лишь один согласный b-, с огласовкой ba-, и вот от этого простого первичного вида корня в значении 'глаза' и образован в абхазском глагол 'видеть' а-ba-га, т. е. в абхазском налицо осознание слова в форме как будто более ранних эпох, чем в коптском.²

¹ Основа ʒowal явно воспроизводит известное племенное название ʒubal, которое, конечно, также составное, двуплеменное, как то выявили новейшие почува́шские наблюдения, см. Н. Марр, Сухум и Туапсе [см. здесь, стр. 160].

² Обычно в анализе видов простых племенных названий мы останавливались, да и теперь останавливаемся, на звуковом комплексе, представляющем закрытый слог, — bal, гош, uop или vad и т. п., но, когда речь об абхазо-коптских взаимоотношениях, вообще абхазо-египетских, то приходится приподнимать завесу с более раннего их вида, собственно с более раннего состояния и яфетических языков.

Но вот и здесь вопрос, в какой степени наличный абхазский представляет конкретно ту народную речь, которая слышалась на восточном побережье Черного моря из уст его древнего населения, называвшегося колхами. В какой степени мы можем утверждать, что абхазы наследственно продолжают сохранять в своей речи пережиточный язык колхов, и сложился ли абхазский язык в том виде, как он теперь раскрывается в своей изумительной сложности еще у колхов или по скрещении абхазов с колхами, и где этот процесс произошел, в пределах ли нынешней Абхазии или за ее пределами? Вот очередная сейчас абхазоведная проблема, главнейшая, важная не для одних языковых явлений, а для всей этнической, да и поэтической культуры абхазов. Вот на разрешение чего в ближайшие годы должно быть направлено все внимание и краеведов, общающихся повседневно с материалами Абхазии и смежных стран, и специалистов, работающих без такого непосредственного контакта с памятниками-первоисточниками.

А пока что, одно из достижений яфетического языкознания по абхазскому вопросу это то, что абхазский язык, а вместе с языком, очевидно, природно и по наследству говорящий на этом языке абхазский народ представляют сложный тип гибрида, в котором скрестились два слоя коренного его состава из двух различных ветвей яфетической семьи языков.

Один коренной слой спирантный, который роднит его со спирантным слоем яфетического субстрата, собственно пережиточного субстрата армянского языка,¹ преимущественно древнелитературного языка армян, и вообще с языками спирантной природы, отложившимися в значительной мере в северо-кавказских яфетических языках.

Другой коренной слой — сибилантной ветви, именно из той свистящей ее группы, к которой принадлежит из наличных языков главной своей основой грузинский язык. Отсюда абберация, заключающаяся в том, что все сродные с грузинским явления языка и быта Абхазии без разбора возводятся к грузинскому языку или быту. Действительный вклад конкретного грузинского языка в абхазскую речь, конечно, имеется, как и обратно абхазского языка в грузинский, об этом говорилось неоднократно. Частично соответственный материал приводился и в печати. Но и по отвлечении бесспорных грузинских элементов абхазский язык остается в особо близком родстве с грузинским благодаря целому коренному слою свистящему. Благодаря именно этому свистящему слою абхазский отделяется в значительной мере от братски родственной с ним черкесо (адыгео)-кабардинской группы языков. Отсюда тот факт, что абхазский язык занимает совершенно исключительное положение, как внутренний яфетический гибридный тип, среди всех яфетических языков Кавказа. Имея одновременно ближайшую связь и с северокавказскими и южнокавказскими наличными языками, абхазский в целом выделяется в одиночный тип рядом со сванским языком, также одиночным

¹ Надо учесть, что со времени прочтения доклада выяснилось, что индоевропейские языки выработались из яфетических, так называемая индоевропейская семья языков лишь позднейшая трансформация яфетической, а не особое расовое явление (ДАН, 1924, стр. 6—7 [перепечатано в ИР, т 1, стр. 185—186]), и, следовательно, всякий не трансформированный элемент в индоевропейских языках, совершенных или недоработанных, — есть пережиток, а не нечто чуждое.

типом, с той, однако, особенностью, что сванский язык в основе не спирантно-свистящее, а спирантно-шипящее скрещенное образование. При этом бросается в глаза, что абхазский язык скрещен со свистящей группой, принадлежащий к которой грузинский язык и сейчас отрезан от абхазского населения, а в древности еще более был отделен от него этнографически-территориально мегрельским населением, а сванский язык, соседящий и ныне отнюдь не меньше с грузинским, чем с мегрельским, особенно в пхенисцхальской своей части, оказывается основным образом скрещенным только с шипящей группой, к которой принадлежат мегрельский и чанский (лазский) языки. Более того, сванский язык во многих случаях стоит ближе к территориально совершенно разлученному с ним чанскому (лазскому) языку, чем к соседящему с ним мегрельскому, подвергнутому сильному грузинскому влиянию, от которого чанский язык в такой мере безусловно свободен.

Грузинский язык и территориально врезывается между мегрельским и чанским, образуя клин ныне и этнографически своей областью Гурией. Само название Gur-ia сохранило свою догрузинскую форму. Гурия внесла в грузинскую речь своего населения ряд чанизмов или мегрелизмов, но этот грузинский язык, так называемый гурийский говор, все-таки разбил сплошное население из племен, говоривших на многочисленных наречиях шипящей группы, на две части. Началось ли по Черноморскому побережью с самого юга или лишь с юго-востока, это сплошное население с языком шипящего типа занимало непрерывно, не исключая и Гурии, восточную сторону Понта, но до какого предела? До Абхазии ли? Это кардинальный вопрос по этнографии Кавказа, имеющий немалое значение и для освещения того этнического переплета, который занимает умы многочисленных ученых всего мира, как один из главных источников этногонии, т. е. возникновения новых типов не только племенных, но и языковых в восточной и даже средней или северной Европе, здесь начиная с германского и кончая венгерским. Ведь привлечение к нашему исследовательскому делу и языка угро-финской семьи нас уже не смущает, раз чувашский язык своими яфетическими переживаниями перебрасывает прочный мост к родству двух типологически давно сближаемых друг с другом группы: турецкой и угро-финской. Намечается уже такое разрешение: обе эти группы представляют дальнейшее развитие яфетических языков, как выделившиеся еще в период их совершенного агглютинативного состояния из яфетической речи, в них языковый тип более древний и долженствующий быть, естественно, более близким к яфетическим языкам в их более древней формации.¹ И вот вопрос о том, доходили ли племена мегрело-чанской речи, т. е. племена, говорящие на языках шипящей группы, до Абхазии с населением и тогда того же сложного состава, как в исторические эпохи, с момента появления абхазского имени в исторических анналах, или сюда позднее проникла

¹ За последние месяцы, особенно после вторичной поездки (лето 1925 г.) к чувашам и вообще в Приволжье, финские языки, не исключая суоми, конкретно вошли в круг яфетидологических работ и дали возможность уточнить здесь положение их, собственно их яфетических прообразов, среди яфетических. Здесь также наблюдается деление на группы алашскую (куда относится суоми, обычно называемый финским) и окашскую (куда коми, или зырянский, равно удмуртский, или вотякий, и др.), да в окашскую, хотя бы по скрещению.

эта сложная абхазская речь, конечно, еще раньше существовавшая, а по типологии коренного своего слоя значительно более древняя, чем мегрельский и чанский, равно грузинский языки.

У нас, думаю, есть что ответить, хотя бы пока в виде ближайшей рабочей гипотезы.

Во-первых, к шипящей группе, по всем вероятностям, принадлежал скифский язык, родной яфетический язык скифов. Следовательно, абхазы одно время также врезывались клином между племенными языками шипящей группы, деля их тогда на южных колхов, позднее иберов, или гуров, и на северных скифов, т. е. деля первоначально все чисто скифские, следовательно, племена, как теперь грузинский клин отделяет чанов или лазов от ближайше с ними родственных мегрелов, или гуров. Не буду останавливаться на технической стороне тождества терминов «гур» и «ивер», как вообще на вопросе если не возможно более близкой связи и этнически скифов с иберами или, что то же, как выяснил наш молодой яфетидолог А. Н. Генко, кимерами, заклятыми врагами скифов, то о постоянном их тесном общении.¹

Но факт тот, во-вторых, и на этом я продолжаю настаивать, думаю, с основанием, что с названием скифов, которые себя именовали сколотами, отождествляется племенное название колх (или koloq): это лишь спирантная пли, точнее, спирантизованная разновидность skolot'a; эта спирантизованная разновидность племенного названия в более близком к первоначальному виду skolot облике звучала kolot и kolt (→ koqt), каковые обе формы сохранились и с изменением и непочто в качестве нарицательных слов, означающих 'золото' и другие сродные понятия, как на южном Кавказе, у грузин и армян,² так на севере у германцев, и, повидимому, также у русских, у последних в древности в принимаемом, повидимому, за искажение превосходном разночтении в летописях «сколоты» в значении «злати».³

Таким образом, скифы первоначально соседил с юга непосредственно со скифскими же племенами, колотами, или колхами, говорившими, следовательно, одинаково на различных наречиях или языках шипящей группы, к которой абхазы, разумеется, никак не могут быть отнесены своей речью в целом и общем, несмотря на присутствие в ней многих элементов шипящей группы.

В-третьих, со скифами непрестанно переплетаются везде кимеры, или иберы, они же тубалы, или тибарены, везде, а не на одном северном или восточном Черноморском побережье, и с доисторических эпох, а не с VII лишь века дохристианской эры, эпизода военных столкновений кимеров со скифами. То же самое сплетение скифов с иберами наблюдаем, судя по топонимике и языковым соотношениям, в частности по особенностям коптского, и в Египте. Специально

¹ За последние месяцы окончательно установилось, что термины «скиф», «кимер» и «ивер» в своей лишь, казалось бы, оформленности (суфф. -фа, преф. ki- \ 1-) — пережитки двуплеменных слов: *ski-дан, *ski-тег (см. выше, стр. 163) и «ивер» с разновидностью «кимер» в первой своей части содержат одно и то же с термином «скиф» племенное название: skol, гевр. skol → sku (→ шу, гевр. su- / tu- || → tu-) ~ *hku ~ ki- \ 1-.

² П. Марр, Термин «скиф» [см. здесь, стр. 1—43]; его же, Об яфетической теории, НВ, 1924, стр. 303—339 [перепечатано в ИР, т. III, стр. 1—34].

³ По вопросу подготавливается заметка, где будет речь и о русском «скот» и др.

в Абхазии с кимерским или иберским племенным образованием связаны наиболее выдающиеся названия населенных пунктов. Ведь чистая, казалось, основа тубалов (так называемая сибилантная разновидность), на самом деле усеченный вид двуплеменного термина,¹ есть нехарактеризованно *tub*, характеризованно *ʃum*, на низшей ступени *шум*, двойники полного по виду названия кимеров, или иберов (спирантизованная разновидность), усеченно — *km*, и архетипы их для сибилантной разновидности — *tom* (← *ʃom*), для спирантной — *kom*. Акающую форму этой основы в полном виде и сохраняет грецизованный термин *kamar-it*, название племени, населявшего в исторические времена Абхазию, севернее Сухума.²

Но сибилантный прототип усеченного вида *tom* → *tum* это одна из трех огласовочных разновидностей, нехарактеризованно — *tam* || *tom* || *tem*, характеризованно — *ʃam* || *ʃum* || *ʃem*, resp. *ʃem*, на низшей ступени *sam* || *шум*, однако все эти разновидности позднейшие с утратой как будто второго коренного, собственно части разложившегося составного звука *ʃ*, и, напр., *tum* восходит к прототипу *ʃqum* (← *tqum* / *ʃkub*), в яфетическом аффрикатном произношении шилящего типа — *ʃqum* (архет. **ʃum*). И вот то в позднейшей, то в первичной разновидности все эти слова доисторически вросли в топонимику Закавказья от Черноморского побережья до первоначальной территории сванов на верховьях Эгура, Цхенис-цхали или *Ниррос*'а и даже Риона, и равно в роли нарицательных имен в сванской речи,³ в частности в топонимику Абхазии, так даже племенное название *tam* отложилось в названии большого абхазского селения *Там-эш*. Но исключительное значение представляет для Закавказья, в частности для Абхазии, разновидность *ʃqum*, первоначальная форма названия Сухума, племенное название, равно название племенного божества, тотема, нарицательно означавшее не только 'близнецы' (отсюда г. *tqur* → *tqub*), но, как теперь выясняет палеонтология яфетических языков, и 'братья', т. е. термин материально свидетельствует о том, что Сухум именно есть Диоскурия или Диоскуриада, как то доказывал И. А. Орбели, и в роли названия это слово не менее древнее, чем Диоскурия и в том случае, если последнее название, как то вероятно, также местного происхождения.

Наконец, сама абхазская речь дает нам терминами первостепенной важности необлужное указание, откуда явились абхазы в своем исторически уже сложившемся окончательном виде, как приблизительно в таком окончательно сложившемся виде клином врезалась между чанами, или лазами, и мегрелами грузинская речь гурийцев.

Если возьмем название 'лошади', игравшее, несомненно, громадную роль у скифских племен и культово, то абхазское название *лаш* с префиксом — *а* и окончанием *-а* — *а-лаш-а*, и многочисленные его разновидности, не исключая и русского «лошадь» и немецкого «*Ross*» (← **qros*), тянут нас на север. На севере мы находим не одни эти разновидности. Русские термины «лошадь», «лошак»

¹ См. выше, стр. 162—163 в предисловии, 172.

² Н. Марр, Сухум и Туапсе [см. здесь, стр. 153—161].

³ Из нарицательных значений интерес представляет грамматический 'голова', см. Н. Марр, Пособие к лекциям по практическому изучению живого грузинского языка, § 12, изд. ЛИЖВЯ, № 8, стр. 20.

даже не разновидности, так как их основа *loш* есть прототип, к которому восходит абхазская основа *laш*, пройдя промежуточные стадии развития, именно¹ и раздвоение **lawш*, откуда г. *laш-а*, и затем утрату *w* с удлинением гласного *a-lāш*, как то прослежено у сванов в названии реки 'Лошади' — «Цхенис-цхали», по-гречески Ἰππος.

В работе «Из абхазо-русских этнических связей»¹ эти материалы подробно излагаются и приводятся отмечавшаяся и раньше уже чисто абхазская форма *a-lаша* у вогулов на крайнем севере. Теперь же точно по мосткам, от абхазов до крайнего севера на Волге, мы можем проследить природное пребывание этого термина через Сванию, затем Осетию («*alаша*»), Дагестан, где авары его произносят *alagʒa*, затем татарскую речь Казанского района, и, наконец, у чувашей *lаша* → *лажа*. Службу связи перерыву между верхневолжскими народностями и прикаспийским югом исправляет река Волга своим древним названием того же происхождения *Rha*: древность этого названия *Rha* датируется эпохой существования здесь этрусков или пеласгов, тотемным словом которых является этот термин в различных разновидностях. Это те на западе в Греции пеласги, в Италии этруски, которые сами себя называли «расеами» (*ras+en-a*), а на востоке в сегодняшней наличности — северо-кавказский многоплеменный народ «лазг» или «лезгин».

Однако абхазская основа интересующего нас термина *laш* восходит по форме, как было сказано (стр. 176), к шипящей группе, к скифской, следовательно, племенной речи; вместе с рядом слов того же порядка, типичным представителем которого она является, ее могли усвоить себе абхазы и на западе, непосредственно общаясь со скифами, или колхами. Этому мешало бы лишь то, что весь Северо-Кавказский район и все Поволжье это слово в значении 'лошади' знают в форме дальнейшего абхазского развития, тогда как чисто скифское его оформление *loш*, еще первичнее *гош*, сохраняют в своей передаче русский и германский языки.

Дело в том, что, как то указывает огласовка того же слова в названии реки Волги — *Rha*, переносившегося в древности и на Дон, абхазская разновидность с огласовкой «а» в обсуждаемом районе характеризует восточных соседей скифов — сарматов.

И как у грузин с сарматами, относимыми по звуковому облику их названия одинаково к свистящей группе, тождественная природа речи и сарматский тотемный бог в его составной форме *saг-mat* / *taг-maʒ*, так у абхазов в основе родной речи один коренной слой той же сарматской, именно свистящей, природы, и у них же главный 'бог' также сарматский тотемный 'бог', но в простой форме без суффикса (палеонтологически также племенного названия || слова) *-mat*, именно *ʒaг* с префиксом *1-ʒaг*, по-абхазски с неопределенным членом *a-уʒaг*. Префикс *1-* формы *1-ʒaг* равнозначен мегрело-чанскому префиксу *o- → u-*, и в западной Грузии это параллельная мегрело-чанская форма *O-ʒaг* еще в прошлом столетии продолжала быть популярной по традиции у князей

¹ Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «Тризна» (К вопросу о племенном составе доисторического населения Средиземноморья) [см. здесь, стр. 117—152].

и дворян гурийских, мегрельских и сванских, очевидно, как пережиток теофорного, т. е. богоносного, имени.

Сама основа абхазского слова точно так же наблюдается давно в значении 'бога' у соседей мегрелов (ап-заг-и), но прослеживается она и по линии распространения абхазского слова а-лаш-а 'лошадь' по северному Кавказу, в этот раз у хевсуров (окающая с префиксом а- : ап-а-заг), с заходом в Азербайджан и опять-таки по Волге у чувашей. В Азербайджане она вскрыта в XIX в. в глубоких народных слоях, где ее не смыли господствовавшие здесь государственные религии, ни маздеизм, ни отчасти христианство, ни ислам, — вскрыта в форме Загы.¹ На северном Кавказе и у болгар-чувашей она появляется и с перегласовкой не только окающей, но и экающей — Заг. У чувашей, именно с окающей огласовкой (Заг-э → Заг-э), она употребляется в значении 'бога', означавшего 'небо' (собственно 'небо-вода'), тогда как с ослаблением окания (а-Заг) она сохранилась в нарицательном значении 'вода+река'. Интересно оформление экающей формы основы ter, resp. ter у аваров Дагестана в слове 'бог' — be-tèr-hàp, как в bežèd 'бог', другом также тотемном боге у тех же аваров, с префиксом be-, разновидностью префикса pe- (↘ me-), что, между прочим, налицо в племенном названии pe-las+g, и с суффиксом -hàp (↙ -qan).

Без префикса ту же форму ter нам сохранили не поддававшиеся толкованию ученых неславянские имена в списке болгарских князей, оказавшиеся сплошь яфетическими: это теофорное, очевидно, имя Ter-bel, составленное как г. žur-bel 'облако', букв. 'дитя неба', и др. из основы ter 'бог', 'небо' и окончания -bel, как слова, означающего 'дитя', т. е. Ter-bel типологически построен как все пережиточные у различных индоевропейских народов яфетические имена героев, напр., Her-cul-es, букв. 'дитя неба' (→ 'бога') и т. п. Перерыв между северным Кавказом и Прикаспийским районом с одной стороны и северными народами Волги с другой в употреблении имени этого тотемного бога, племенного названия сарматов, собственно салов (саров), восполняется опять-таки рекой, в архаические времена именовавшейся Rha, в названии которой в позднейшие эпохи разновидности имени этого же тотемного сарматского бога (I-tal || A-tal-a, чув. A-žel)² борются с болгарским племенным названием, также тотемом — Vol-ga (↗ Vol-ga).³

Мы переносимся как будто целиком в этногонию европейского Востока в средние века, но надо иметь в виду, что наш Заг (i-Заг и т. п.) имеет давность богинь — месопотамской (I-štar), этрусской (Tur-an) и, как мы видели, египетского бога (Toz), равно племенного названия первоначального населения на Апеннинском и Балканском полуостровах (I-tal, Œe-tal), как Волга, полная форма Vol-gar ↗ Vol-gar есть с придатком окончания -gar, в яфетическом произношении -gar 'дитя', по основной части vol- ↗ bol-, разновидность i-beg'a, племенного названия не только известного древнекавказского народа, но и первоначального

¹ Н. Марр, Краеведение, изд. Асоц. горск. краев. организ. Сев. Кавк., Ленинград, 1925, стр. 10.

² Н. Марр, Приполюские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий [см. здесь, стр. 295].

³ Н. Марр, Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам, Прилож. к протоколам ОИФ, 1925 [см. здесь, стр. 286].

населения Пиренейского полуострова и западной вообще Европы, прежде всего доисторической Галлии.

Что касается до интересующего нас конкретно территориального района, из показаний древних писателей, главным образом Страбона, видно, что сарматы занимали северный Кавказ, соприкасаясь в это позднее время на юге с иберами, изучение же кавказской топонимики нам открывает поразительную картину распределения Закавказья между сарматскими и иными племенами. Как на севере в общем сарматы со скифами, отложившими свое имя в Кубани (← *sku-ma), находились территориально в отношении восточного народа к западному, так на кавказском юге, в Закавказьи, сарматы оказались основным слоем восточных племенных образований — Албании, Азербайджана, Грузии, именно qarḡvel'ov, и Армении, тогда как на западе Закавказья имеем скифов в виде колхов или переплетающихся с ними иберов; и вот, в эту иберо- или кимеро-скифскую или, что то же, тамо-скифскую этническую массу мы видим заброшенным племенное образование абхазское, с сарматским по речи слоем в составе, в Закавказьи представляющее и по местоположению в западной его части не менее исключительное, одинокое явление, чем по архаизму и по резко выраженной двуприродности строя своей речи, абхазской речи. По характеру двух разноприродных слоев этой речи, спирантной и свистящей, племенное образование могло бы по праву называться не скифо-сарматами, а кимеро- или иберо-сарматами, а если воспринять одну из усеченных сибилантных разновидностей термина ки-мер || и-бер, именно ta-m (в полной форме — *ta-ma) и наличную в абхазской речи со значением главного тотемного бога (a-uḡar) форму sarḡmat'a также без конечной части, здесь уже цельного племенного названия -mat, но с префиксом i- (i-ḡar), первично o- (→ u-), то это племенное образование следовало бы именовать Там-оḡar.

Наличное название абхазов, в первоначальном его виде a-bas-k, по-абх. a-ḡḡ-wā, в своей чистой основе bas || *buḡ ↘ ḡḡ воспроизводит простое берское племенное название (i-ber) с соблюдением так называемого чувашского закона соответствия г ~ ш (→ ḡ) || s и т. д., отвечая таким образом на реальность — иберский коренной слой, собственно берский, абхазской речи. Реальное разъяснение этого термина находится в связи со сложным вопросом о коренных олоях и наслоениях в яфетических языках одноименных с абхазами с одной стороны басков на Пиренеях, с их таким же сложным отношением к пиренейским и-берам, с другой стороны доарийских армян, именно байков или *pask'ov (← Pas-kam) у Ванского озера с их также отношениями к кавказским и-берам.¹

Дальнейшее уточнение анализа абхазского языка, сложившегося, по всей видимости, в основных своих слоях на северном Кавказе, представляет несо-

¹ Если бы я мог держаться историзма, я был бы вынужден при вскрывающихся фактах решительно связать эти этнические образования берского состава на восточном и южном побережьях Черного моря и особенно в Армении с вторжением кимеров в Малую Азию, т. е. датировать возникновение их VII в. до в. э., но независимо от того, что нахождение [басков ||] мушков у Ванских озер свидетельствуется также исторически за четыре столетия раньше, сложность первоначального этнического насыщения всей Афроазии нас отвращает от использования всех подобных исторических дат при решении этнологических проблем.

интерес не только для истории кавказских народов, но и для этногонии всеевропейского значения, в частности и той, которая происходила на юге России и в древнейшие эпохи, и в средние века. Без этого уточнения исследования абхазской речи нам не работать над вопросом о колхо-египетском родстве, в более правильной конкретной постановке — не египто-колхском, а копто-колхском или копто-чанском (лазском), равно копто-мегрельском родстве.

Без того же уточненного анализа абхазской речи нам не разъяснить ни болгарского, ни хазарского, ни других сродных вопросов, следовательно, в первую очередь и русского. В частности, с вопросом о возникновении абхазского народа и наличного абхазского языка несомненно находится в тесной связи вопрос тмутараканский, как реально, так терминологически. Последний мне известный наиболее обстоятельно разработанный трактат «Что такое Тмутаракань?», посвященный вопросу о происхождении самого названия покойным туркологом В. Д. Смирновым,¹ несмотря на ряд остроумных и интересных сопоставлений и массу усилий, страдает той же нереальностью постановки вопроса в целом, что и известная его работа о слове «челеби». Под термин, глубоко сидящий в быту, в поэзии, можно сказать в эпосе, вообще в племенной жизни целого ряда народов Востока, подводится греческое слово. Даже когда речь о «тархане» и совершенно основательно В. Д. Смирнов в корне отрицает возможность турецкого его объяснения, он свое отношение все-таки формулирует так: «В данном случае, когда дело идет о фактах VIII столетия н. э., не могло быть и речи о каком-то татарском, а тем менее монгольском титуле или имени «тархан»: здесь несомненно надо обратиться к тому же источнику, откуда произошло имя Т м у т а р а к а н ь, т. е. источнику греческому». И куда же нас это ведет? К произведению племенного названия *турок* от предполагаемого исковерканного византийского чиновничьего звания. Мы здесь попадаем буквально в тот общеевропейский мир мышления, который навязывал ученым название термина «Азербайджан», оказавшееся этническим по происхождению, возводит к имени перса-сатрапа, ставленника Александра Македонского.² Вот в точности формулировка мысли В. Д. Смирнова о термине «тархан» его же словами:³ «Этот титул, будучи греческого корня, с течением времени отатарился, встретившись, в особенности в эпоху Тамерлана, с настоящим турецким словом *Тархан*, служившим собственным именем одного из многочисленных турецких племен Средней Азии». Однако «настоящее турецкое слово», когда оно племенное название, никак нельзя различить с термином социального значения, каковым слово являлось у монголов, у которых слово означало и «кузнеца», как культовый термин, он же тотемное выражение, «бог», первоначально «небо», что и устанавливается за его основой словом *tor-ə*, между прочим в чувашском, где сам наш социальный термин звучит *torğan*. А главное то, что это слово и с окончанием мн. числа, также племенное название, равно племенное божество, впоследствии и полубог, эпический герой, независимо от вхождения в виде *tar-qa* в состав *Tam-o-tarqa*, в полном:

¹ ВВ, т. XXIII, стр. 15—73.

² Н. Марр, Краеведение, стр. 9—10.

³ Указ. соч., стр. 45.

виде Таг-џап или Таг-џип, как уже основательно указывалось в печати еще 12 лет тому назад,¹ нас заносит не только в Среднюю Азию и турецко-монгольское средневековье, но и в архаический средиземноморский мир, в Малую и вообще Переднюю Азию и далее в Италию, здесь древнее этрусков VIII—IX века дохристианской эры.

Пора бы было и раньше кончить с этими фетишами, грекоманиею или ираноманиею, особенно же византинистическим разъяснением Востока востоковедом, когда реальность требовала и еще требует «востоковедного» разъяснения Византии не только исторической, но и этнографической объединенными силами и востоковедов и специалистов по Западу. Теперь же, когда и славянские, и турецкие племенные образования, последние благодаря вскрытию яфетидов в чувашах, генетически сближены, вернее связаны, с той же общеевропейской доисторической семьей, т. е. яфетической, о таких хитросплетенных заносно-эллинистических толкованиях неразъясненных живых бытовых элементов в племенной и социальной номенклатуре славянской и турецкой речи, думаю, можно бы и не говорить вовсе. Да в том и нет надобности. Пока яфетидология не только не исчерпана, но не почата в трактовке этого рода вопросов.

Подобно долго не поддававшимся разъяснению слову «челеби», к которому мы теперь благодаря хеттским данным имеем возможность вернуться в линии уточнения наших давно высказанных мыслей,² входящие в «Тмутаракань» слова яфетические, это племенные названия, и, естественно, тотемные термины, в связи с этим впоследствии и социальные (речь о звании «тарлан»). В целости «Тмутаракань» и «Таматарха», эти две языковые разновидности одного и того же составного термина, если бы перевести их привычными нам терминами, гласили бы одинаково «кимеро-» или «иберо-сармат», но это было бы не совсем точно: в точности они гласили бы «ким^гер^г-сар» или «иб^гер^г-сар», т. е. гласили бы так, как мы вынуждались назвать абхазский язык в результате установления его двуприродного состава и этнической среды его окончательного оформления. И в применении к абхазам для «ибер-сара» мы получали вариант тамодаг, т. е. хорошо известный и тем не менее всех нас ставивший в тупик термин Тамотар-џа без окончания џа (← џап).

Вторая часть термина Тмутаракань или Тамотарха, это в простой форме таракан || тарџа, с префиксом же u-таракан или o-тар-џа, в праформе o-џаг-џап, т. е. разновидность теперь уже известного нам племенного названия и в то же время тотема-божества, с суффиксом -џап, как в аварском be-ter-џап, где префикс be- одного рода с re- в re-las-g'е, вместо префикса o- → u-, наличного и в упоминавшемся уже теофорном кавказском имени O-џаг и равнозначщего

¹ И. А. Джавахов, К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене по вновь обследованным эпиграфическим памятникам, ХВ, т. I, стр. 296—297. Правда, сам автор, при существовавшей стадии развития яфетидологии, естественно старался устранить зависимость термина «џаг-џоп из надписи IX в. от имени џагџап, имени, встречающегося среди хазар», как В. Д. Смирнов отгораживает причерноморский џагџап VI в. от среднеазиатского созвучного слова, но это понятно: при существовавшей тогда стадии развития яфетидологии осторожный исследователь не мог и думать об их связи, об общем источнике.

² Н. Марр, Еще о слове «Челеби». К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии, ЗВО, т. XX, стр. 99—150.

префикса *l-* в сохранный абхазами форме *l-ḡār*, основы их слова *a-uḡār* (← *a-l+ḡār*) 'бог'.

О первой части того же географического термина «Тмутаракань» = *Tamotarqa* сначала племенного названия, теперь спорить не приходится: в полной форме целый ряд по трем групповым огласовкам это *tam* || *tom* → *tum* || *tem*. *Tamañ*, конечно, или мн. число его акающей разновидности (**Ta+m-an-e*), с ионским племенным словом (*-an* / *-ḡan*) в роли признака мн. числа, или разновидность полной его формы (*ta-man*). С огласовкой «о» его дает Феофан в выражении *εἰς Τσμην*. С огласовкой «е», то в полной форме *temir* (→ **temur*), то с усечением завершающего слога *-ir* (→ *-ur*), легко принимаемого за окончание мн. числа, мы имеем его в составе одного из современных нам племенных названий того же района *Tem+ir-goу* или *Tem-guу*. Древнерусское начертание Тьмутаракан в самом нашем термине подсказывает форму с огласовкой «е» — **Tem-utara-kan* рядом также с архетипной формой **Tom-utara-kan*.

Литературные языки окружения не передают тех же основ с характеризованным зубным *t̥* в *tam* вм. *tam*, *t̥* в *tum* вм. *tom* и т. д., но представитель *tam* на низшей ступени *sam*, весьма распространенный вид этого слова в яфетических языках, сохранен в названии Тмутаракани еврейским *sam-kaḡ-ḡ*, арабским *sam-kaḡ-š*. Появление *kaḡ* вм. *taḡ* во второй части сохранный арабским и еврейским источниками варианта есть лишь закономерный спирантный эквивалент сибилантного *taḡ*, первоначально *taḡ*.

Групповая перегласовка *a* || *o* → *u* || *e* присуща и этому спирантному эквиваленту того же корня, именно *kaḡ* || *koḡ* → *kuḡ* || *keḡ*, отсюда, как мы уже указывали в введении, полная закономерность и притом одинаковая древность трех форм названия Керчи: *Kaḡ-ḡ* || *Koḡ-ḡev* || *Koḡ-ḡem* || *Keḡ-ḡ*. Это глубочайшее заблуждение, когда время возникновения таких разновидностей определяют временем появления их в литературе, и потому, напр., форме *Keḡḡ*, кимерской, отказывают в древности, в существовании даже в XI веке или до появления «татар». Если говорить о действительной хронологии, основа *koḡ* (наравне с *kaḡ* и *keḡ*), как мы видели, позднейший спирантизованный вид архетипа **skor* → *skur*.

Яфетической сравнительной грамматикой и палеонтологией разъясняются все остальные разновидности самого составного термина, как то *Тьматарха* в *Notitia episcopatum*¹ и др.

Чистая основа термина, представленная еврейской и арабской разновидностями, именно *sam-kaḡ*, сохранилась в виде *sam-kuḡ* || *sam-kaḡ* и т. п. у сванов в значении 'святыни', 'храма', 'церкви', 'алтаря', 'чудотворной иконы', первоначально, очевидно, племенного самкарского или таматарского тотема-бога.

В успешем печатно появиться лишь в 1922 г. «Извлечения из свано-русского словаря», повидимому, не без основания писалось мною, что *samkaḡ* и сродные с ним сванские слова «культурные термины, происходящие от прикрывающих собою какое-то местное языческое божество». Теперь ясно, что

¹ Изд. de Boor, Zeitschrift für Kirchengeschichte, т. XII, стр. 319.

и слово само дохристианское, которое удастся выследить и у других народов Кавказа.

С вопросом о происхождении культового термина, первоначально тотема-бога гибридного по составу племени *šam-kaq* или *šam-o+taq-č*, связаны и генетически, и методологически поучительные, если не сказать изумительно-наглядные, случаи перерождения языческого божества в христианское, или, пожалуй, будет правильнее сказать обратно — перерождения христианского святого в народно-культовое существо, от язычества наследованное божество. При том и при другом восприятии явления, процесс перерождения состоял в адаптации, приспособлении звукового состава названия вновь вводимшегося социально торжествовавшим христианством предмета поклонения к звуковому составу прежнего привычного названия издревле народно известной святыни, понятно, языческой.

Один такой случай имеем с термином 'архангел', по-грузински *m+šavaq-angel-oz*. Из Грузии распространялось христианство в горной полосе сванов и осетин, у которых христианский термин *m-šavaq-angeloz* претворился у одних, осетин, в *θarandäl-os*, а у других, сванов, в *šarngzel* и многочисленные его разновидности, как то *šarngzel*, *šarizel*, *šaridel*, *šardel*, казалось бы, все дальнейшие случайные искажения. На самом деле каждый шаг отхода от христианского архетипа, грузинского слова *m+šavaq-angeloz*, приближал к языческому термину, также составному, но из совершенно иных слов, названий народно известного важнейшего языческого бога. Эти отдельные, народные названия, во-первых, *šar*, во-вторых, *del*. Языческое божество *šar*, в различных оформлениях, прослеживается, как мы видели, от абхазов у Черноморья до чувашей на Волге, причем именно в промежутке между абхазами и хевсурами, казалось бы, утратили его и чистые яфетиды, сваны, и индоевропейцевавшиеся осетины, на самом деле они укрыли его путем адаптации в христианском термине, грузинском названии архангела; что касается языческого божества *del*, оно поныне живо у самих сванов, в виде богини *Dał* и у соседящих с осетинами чеченцев в виде *Del*, означающего 'бог'. Таким образом, пока языческое просвещение господствовало в этих странах, сваны и осетины составной термин воспринимали, соответственно по-своему расчленив его (*šar+g-del* || *šar-del* → *šar-del* и т. п., *šar+an-däl*), как название своего родного божества.

То же самое произошло с именами архангелов, Михаилом и Гавриилом, или, наоборот, с составным народным названием языческой святыни, языческого божества, по-осетински звучащим *Mə+qalə-gäbər-šä*, а по-мегрельски — *Mi+qam-gar-jo*. Случай методологически поучителен в том отношении, что, толкуя осетинское *Məqalə-gäbər-šä*, В. Ф. Миллер, руководимый русской звуковой ориентацией, в первой части *məqalə* усмотрел Миколу или Микулу вместо Николая, а Н. Я. Марр, отнесшийся к этому отождествлению с полным основанием отрицательно, сам впал в ту же ошибку, тогда незаметно для себя оказавшись под влиянием преувеличенного восприятия значения христианской культуры, и не только в *Məqal*, первой части осетинского *Məqalə-gäbər-šä*, но и в слове *Miçam*, первой части мегрельского *Miçam-gar-jo*, признал имя архангела Михаила, а в обеих частях по совокупности имена архангелов Михаила и Гавриила,

и фонетически это ему удалось, увы, вполне обосновать.¹ Между тем в обоих случаях, и в осетинском, и в мегрельском, начальный слог $m\bar{i}- \rightarrow m\bar{e}^1-$ есть обычный яфетический префикс, функционально эквивалент префиксов $pe-$, $o-$ ($\rightarrow u-$), $i-$ и т. п., а палеонтологически пережиток племенного слова $m\bar{i}g$, *resp.* peg , и является этот начальный слог и здесь в роли функционального придатка, префикса или племенного названия, в таком случае результата третичного скрещивания, и без него чистые основы в осетинском $qal\bar{e}-gab\bar{e}g$ с осетинским окончанием множ. ч. — $\bar{d}\bar{a}$, в мегрельском $qam-gag$ с мегрельским суффиксом $-lo$ представляют составные племенные названия, соответственные тотемные божества, именно $qal\bar{e} \leftarrow gag$ ($\leftarrow kar$), это спирантная разновидность первого племенного названия составного термина «сармат», а $qam \leftarrow gab$ — усеченный вид также составного двуплеменного $g\bar{a}-b\bar{e}g$ ($\swarrow *ga-mig$), разновидности $i-b\bar{e}g$ 'а, одинаково с ним спирантных разновидностей, с тем формальным расхождением этих двух народных разновидностей $M\bar{i}-qam-gag+i-o$ и $M\bar{e}-qal\bar{e}-gab\bar{e}g+\bar{d}\bar{a}$ самого составного термина, собственно их основ ($-qam-gag-$ и $-qal\bar{e}-gab\bar{e}g-$), что тотемные слова, племенные названия, кажущиеся одинаково простыми по давности их употребления, при сложении расположены в мегрельском в порядке ибер-сара ($qam-gag-$), как в $Tam-otag'e$ || $T\bar{e}^1m-utag'e$, а в осетинском в порядке сар-ибера ($qal\bar{e}-gab-$), как в также разобранном уже нами $Kor+ko-dam'e$. Ясное дело, что чистая мегрельская основа этого гибридно-племенного культового термина $qam-gag$ есть безукоризненно закономерная, в обеих частях выдержанно спирантная разновидность. Такая в этом отношении последовательность наблюдается в обеих частях сибилантного племенного, *resp.* географического, названия $Tam-otag$ или $T\bar{e}m-utag$, тогда как их же эквивалент $sam-kag$, у евреев сохранившийся в значении племенного названия, именно названия Тамотархи или Тмутаракани, а у сванов в значении культового предмета или места, собственно племенного тотемного божества, скроен пестро, именно первая часть сибилантная — sam , вторая спирантная — kag . И все эти, и еще другие опускаемые мною многочисленные переливы народного термина лишь усиливают наше положение, все больше и больше свидетельствуют об исконности и значении гибридного яфетического племенного образования, в Тмутаракани славянизовавшегося, в другой среде или окружении могшего отуречиться или иранизоваться, а в Абхазии оставшегося чистым яфетическим.

Однако еще вопрос, была ли Тмутаракань славянизована или ославянившейся, точнее обрусевшей. А. А. Спицын нас уверяет, что «русского населения здесь нет и не может быть», что «Тмутаракань Таманская не могла быть русским княжеством». Как мы уже в самом начале упоминали, по мнению А. А. Спицына, «русский князь здесь мог опираться лишь на свою дружину», но никак, мол, не на местное население обзюгов. Он далее ставит вопрос, не была ли «Абхазия покоренной землей», причем Абхазией он называет именно Тмутаракань. Исторического вопроса о государственном образовании мы не касаемся, нас интересует этнографический процесс. На юго-востоке, несомненно, происходила трансфор-

¹ *Osetica-Japhetica*, I, ИАН, 1918, стр. 2072—2073.

мация яфетических племен в славянские, в частности русские. Тмутаракань IX—XI века не могла представить исключения из этого процесса, и вопрос именно в том, какого порядка процесс тут происходил, скрещение ли уже готового русского с языками пережиточного яфетического населения или перерождение местных яфетических племенных образований в индоевропейское русское, и в какой стадии развития находился этот процесс трансформации. Несомненно, что процесс протекал и здесь, как везде, классово, в порядке влияния господствующего слоя с индоевропейской речью на яфетическое массовое население, в этих путях могло совершаться скрещение индоевропейского языка с яфетическим.

Во всяком случае термин *ta-m* с разновидностями — теперь вполне разъяснившееся и фонетически и семантически слово — в данном случае племенное название, равнозначущее полновидным терминам *ki-mer* \ *i-beg*.

В то же время разновидностью этого *i-beg* является, в другой лишь форме, именно без префикса *i-* и с окончанием *-ğar*, — *Bol-ğar*, окончанием, означающим 'дитя' и заменяемым любым другим суффиксом из многочисленных равнозначущих яфетических служебных слов, между прочим и словом-окончанием *-van*, почему термин *bol-van* может быть не только племенным названием, равнозначущим термину *bol-ğar*, но и тотемным божеством болгар, или иберов, или, равным образом, там'ов, племени, входившего в состав «Тамотархи»; и когда в «Слове о полку Игореве» мы имеем совершенно естественно выражение «тмутараканский болван», т. е., следовательно, «иборо-сарматский» или «болгаро-сарматский», точнее «ибер-сарский» или «бер-сарский» 'бог', 'идол', собственно 'болгарское тотемное божество', то, думаю, при наличии кавказского краеведческого знания, в частности абхазского, два лучших ученых специалиста начала XX века турколог проф. П. М. Мелиоранский и классик, он же востоковед, академик Ф. Е. Корш, не теряли бы времени в бесконечных пререканиях касательно мнимого, для одного — турецкого, для другого — иранского происхождения термина «болван» в выражении «тмутараканский болван».¹ Вообще не возникал бы такой подход к тмутараканскому, русско-кавказскому вопросу ни у кого, ни еще раньше у академика-турколога В. В. Радлова, который также возводил тмутараканский термин к турецкому источнику, этому среднеазиатскому миражу, ни у профессора-турколога В. Д. Смирнова, который первый обратил внимание на случайное, да и сомнительное, созвучие тмутараканского «болвана» с абсолютно по значению не подходящим в контексте Слова о полку Игореве персидским *fehlevan*, заменяя турецкий мираж сплетением иранского и византийского миражей вообще в цельном генетическом вопросе о Тмутаракани.

¹ Термины *i-beg*, *bol-ğar*, герм. *bol-gar* разновидности не только формальные, но и реальные, поскольку мы в *i-* и *-ğar*, герм. *-gar*, перестаем видеть лишь функциональные элементы и признаем реальное племенное значение за ними, как пережитками племенных названий (см. выше, стр. 175, 183). То же самое придется сказать о *bol-van*, то же самое о **bol-kan* || **bul kan*, т. е. в таком случае бер-ионском племенном названии, которое и лежит с утратой плавного *l* (|| *г*) в основе чув. *pu-gan*, 'кукла' (← 'пстукан'). Все это существа дела в нашем вопросе не меняет, лишь подтверждает наши разъяснения, впрочем, о чув. (указ. выше) *pu-gan*, «болгар» и т. п. см. печатающийся в Чебоксарах доклад «Чуваши-яфетиды» [см. здесь, стр. 323—372].

Нашим докладом мы так же мало считаем окончательно разъясненным вопрос по Тмутаракани, как по черноморско-африканскому языковому родству, по которому лишь выдвигаем реально положение о родстве коптского ближайше с мегрело-чанскими языками, пережитками колхских или скифских наречий, вместо известного исторического свидетельства о родстве колхов с египтянами по речи и некоторым бытовым явлениям. Однако, как ни важны глоттогонические или генеалогические вопросы касательно таких ответственных или узловых районов исключительного значения, как Египет для всего архаичного Средиземноморья, как Абхазия и Тмутаракань для восточноевропейского средневековья, дело, однако, не в них, в этих все-таки частных вопросах. Дело в том, с чего я и начал вводную часть доклада: «Ритм и звуки это техника и материальная природа создания доисторической общественности, звуковой человеческой речи». Доисторическая общественность это племенная, а племенные образования абсолютно не однородные массивы, а производственно-классово слагавшиеся объединения или этнические образования. Как нации абсолютно не творцы всей исторической культуры, а тот или иной класс, как различные классы и сословия одной и той же нации носители различных в реальности культур, так племенные образования или объединения доисторической общественности не могли еще в большей степени не представлять картины расслоения в творчестве культурных ценностей, но в одной ли области звуковой речи? В одних ли языках продукция человеческого творчества за доисторическую эпоху связаны с племенной общественностью? При выяснении филиации родства самих памятников и территориального распределения их между потребителями необходимо искать источник производства, выслеживать самих производителей, не по существующим цельным массивам этнических образований, а по племенным их слоям, как в исторические эпохи по классам нации. Памятники материальной культуры, чем художественнее, тем менее могут иметь иную историю генезиса, чем различные роды и виды человеческой речи, создания не каких-либо цельных племенных массивов, а определенных племенных объединений, в частности их различных слоев, получающих творческую силу на фоне именно этого объединения и скрещения. Не пора ли и в истории материальной культуры вообще отказаться вместе с едиными генетическими центрами от миражей — чудодейственного творчества воображаемых цельных племенных или национальных образований? Я ставлю лишь вопрос.

Русское «человек», абхазское а-оуџ¹

О русском, да вообще славянском, термине «человек» писано не мало, справка о литературе может уподобиться диссертации. Об абхазском ничего или почти ничего. Однако результат один и тот же: происхождение русского термина «человек» ничем не больше ясно, чем происхождение абхазского слова а-оуџ, в форме единичности оуџ-к. Происхождение и того и другого названия «человека» менее разъяснено, еще более запутанная проблема, чем происхождение самого человека.

По палеонтологии речи в части семантики «человек» на всех языках это племенное название, для каждого языка определенное племенное название. В этом смысле человек оказывается синонимом «брата», имеющего такое семантическое обоснование с эпохи образования семьи,² а раньше — синонимом названий тех членов племени, которые являлись товарищами по принадлежности к одной трудовой организации.

Так обстоит дело не только в яфетических языках, но и в протемеидских («индоевропейских»), равно семитических и др. Расхождение лишь в том, что в одних языках слова, обозначающие «человека», простые или одноплеменные, напр., в грузинском каџ-і, в мегрельском и чанском — коџ-і, в чувашском — зып, в других скрещенные, так и в латинском — homo, р. homin-is, а в греческом тот же термин даже трехплеменное скрещенное — ανθ-γῶ-ρο (ἄνθρωπος), во второй, именно двуплеменной части — рош-берской, представляющее существенный интерес для соответственной части термина Еw-гῶ-ра.

Если определять сейчас здесь же по первоначальной племенной принадлежности сравнительно более простые названия, чувашское зып (✓ *sun) — ионское племенное слово, грузинское, мегрельское и чанское слова каџ (↘ kas [~ kal || kor] ~ кош ↗) коџ — касское, resp. салское племенное слово, а лат. ho-шо (← *fo-mog ~ *fo-meg || *fo-mig ~ *fo-mint →) ho-mip — сал-берское, конкретнее — шумерское (фонетически точнее — кимерское) племенное слово, как и имя легендарного эпического поэта Греции — Гомера, в каком бы нарицательном значении ни воспринимать этот термин в применении к поэту,³ — нужно ли разъяснять, что племенные названия это остовы звукового состава каждого слова и, напр., по формуле семантической филиации (тотемно-магически: «бог», «господь») социальное: «друг» ← «хозяин» ← (свое) племя (чужое) → «гость» → «враг» (тотемно-магически: «чорт») тот же звуковой комплекс *fo-mint, давший термин ho-mip- «человек», лежит в основе hos-pit (← *hos-pit), при сюсюкании *hos-pit → латинск. hos-pit, равно hos-pes || hos-pit «хозяин», основа термина «hospiti-um», именно hos-pit, синоним груз. as-pind || арм. as-rənd- с их роднею, тогда как сал-ионское скрещенное

¹ Доложено в ОИФ 10 III 1926 [напечатано в ДАН, 1926, стр. 81—84].

² Н. Марр, Наша «брат — кровь», Юбил. сб. в честь С. А. Жебелева, стр. 456—462; его же, О полигении семантики, ИАН, 1926, стр. 781—786.

³ Н. Марр, К толкованию имени Гомер, ДАН, 1924, стр. 2—5.

у латинян же в виде *hos-ti-* используется в значении 'врага', оно же русское слово «гос-ть». Предполагая подробнее остановиться в другом месте на семантическом этом порядке использования племенного слова, со включением, с одной стороны, с 'врагом' и 'пленника' || 'заложника' (греч. *δμηρος*) и тотемно-магически 'чорта', с другой, также тотемно-магически, 'бога', 'господа' и т. п., здесь обращу внимание лишь на два значения племенного названия, связанные с его использованием в смысле 'человека', именно 'мужа' ('мужчины'), равно 'отроков', 'детей' → 'сына', т. е. понятий или, вернее, представлений, в досемейные эпохи стоявших вместе с 'людьми' в теснейшей, органически (социально) неразрываемой связи с 'племенем', когда 'люди' конкретно это было 'племя', 'сын человеческий', 'человек' это было 'дядя племенное', ибо не было не только терминов семейного родства, как то: 'сына' в нашем понимании, 'мужа-супруга' за отсутствием семьи, но и абстрактных представлений вроде нашего понятия о 'внеплеменном человеке', о 'человеке вообще'. Подходя именно с этой точки зрения мышления подлинно доисторического человека, лат. *hom-o* || *ho-mi-* 'человек', через свой архетип **ro-miŋt-~*ro-mi-* || **ro-met*, находит подпочвенную также доисторическую поддержку не только на Востоке в племенном названии «шумерь», равно в имени поэта Гомера, но и на Западе, здесь прежде всего на родной апениннской почве в разновидности второй составной его части *mi-* || *vi-* 'муж', 'мужчина', собственно 'человек', именно 'берский человек', и еще точнее, и еще авторитетнее в наших глазах для доистории Европы в баскском слове *hume*, *gesp. *hu-met* 'дитя'. Ведь не надо и того забывать, что если на Востоке мы имеем пользующихся мировой известностью «шумеров» и носителей спирантной разновидности их названия менее известных «и-беров», то на Западе рядом с хорошо известными «и-берами» «шумеры» также оставили свой след, собственно сибиллянтный вид своего именованья, в налячном поныне национальном баскском названии сулетинцев (фр. *soul, souletin*).— *Июбер*.

Этого введения, думаю, с избытком достаточно, во-первых, для того, чтобы понять, что если в значении 'человека' мы имеем скрещенный термин, состоящий из двух слов (разумеется, как всегда, племенных), нарицательно означающих каждое 'человек', как и целое, уже составное, то из этого вовсе не вытекает, что в данном случае простые нарицательные слова скрещивались и слагались специально для получения термина, обозначающего 'человек'. Абсолютно нет. Дело обстоит так, что племенные названия, как таковые, и простые, и составные, являлись непосредственно словами, означавшими 'человека', первоначально естественно лишь 'данного человека' ('человека данного племени'). И если мы имеем в абхазском а-о+уѳ составной термин 'человек', то существовало, следовательно, племя с таким составным названием, причем каждое из входящих в его состав простых слов также являлось племенным названием и, как нарицательное слово, также могло обозначать и обозначало человека, первоначально 'человека' в доисторическом восприятии, 'племенного человека'. И, действительно, скрещенная основа разлагается на две части, из которых первая (о-) в самом абхазском, разлагаясь закономерно на группу *wa*, означает 'человека', образуя мн. числа на *-ag* (|| *-га*) → *-à*: *а-уѳ-à* 'люди', *gesp. wā* в составе племенных

названий, напр., а-қәғџ-wā 'грузины', а-gr-wā 'мегрелы', букв. 'картские люди', 'черские или иурские люди'. Сам не разложенный вид этого слова «о» имеет акающий эквивалент а- в племенном названии а-bas-k, названии самих абхазов, как «о» налично также в роли племенного названия в составе племенных названий, синонимов — о-bez, о-br и т. п. А мы теперь знаем, что эти составные племенные названия — разновидности, когда они с аканием, sag-mat'a, когда с оканием ki-mer'a, resp.*sku-mer'a, или ши-mer'a, т. е. в а- || о- мы имеем пережитки ʔal || *ʔog, resp. hol, по сибилантному типу sal || шог, resp. mol (~ mel || шл), в подъеме tel || tɪl, resp. tɪl. Как племенное название tɪl, resp. tɪl, прослежено уже на среднем и восточном Кавказе: в Грузии в составе названия населенного пункта — Tɪl-kan 'Цилкан', село и станция на почтовом тракте Военно-грузинской дороги, также в Абхазии — Tɪl-o-w 'село с пещерою', местопребывание легендарного Amiran'a-Abarskil'a, в Дагестане в составе племенного названия Tɪl-b (арм.) || Sil-vi (лат. «Sil-vi-i»). Но в районе адыгейско-абхазского племенного образования tel || tɪl с редукцией гласного и с произношением группы tɪ в виде особого диффузного звука ʧ в черкесском налично в значении 'человек'. Вторая часть абхазского слова а-оуџ 'человек', именно -уџ формально, как и 'вино', есть пережиток звукового комплекса wɪu, в значении 'человека', восходящего к архетипу *wɪg [|| *wɪg (~ wog) ~ wɪtɪ и т. д.], т. е. к сохраненному самостоятельно латинскому слову wɪg, которое, впрочем, даже в латинском значит не только 'муж-мужчина' и 'муж-супруг', но и 'человек', именно 'совершеннолетний человек'. Так-то использование берского племенного слова в значении 'человека' (→ 'тело' ~ 'душа') абхазов сближает не только со Средиземноморьем, благодаря общности основы ʧʂə / *ʧʂu у абхазов с греками в словах, означающих 'душу' (абх. а-ʧʂə, греч. ψυχή),¹ но, не говоря о Кавказе, со всей восточной Европой, о чем особо при обсуждении как вотск. wɪr-t ↔ wog-t 'человек', так г. q-mag 'муж' || м., ч. qo-mol и qo-molɔ, ср. архетипы латинского -mo (ho-mo) и -mɪn- (ho-mɪn-): *-mog и *-mɪtɪ.

Таким образом, абхазский термин — а-оуџ представляет собою спирантный вид с оканием сал-берского, сарматского || шумерского (~ киммерского)² племенного слова, в форме едичности — о-уџ-k, в архетипе *ʔog-wɪg-k, по сибилантному типу с заменой абх. о- (← *ʔog, resp. *ʔol) черкесской его разновидностью ʧə — *ʧə-wɪg-k, с разложением диффузного звука ʧи огласовкою соответственной среды, именно в русском, да и вообще в славянском мире — укр. ʒlo-vɪ-k || русск. ʒel-o-vě-k ← *ʒlo-vɪ-k || *ʒel-o-veg-k. Огласовка «е» в русском одного порядка с «е» салской же части в таких русских скрепленных словах, как «дер+е-во», «сер+е-бро» и т. п. Появление же l при g в этих словах находится в связи с тем колебанием согласных, в данном случае плавного l || r, которое наблюдается в зависимости то от формально-фонетических расхождений (при физиологическо-территориальных факторах), то от идеологически-семантических дифференциаций (общественно-

¹ Конечно, вторая часть теперь трактуется не как суффикс мн. числа (ср. Н. Марр, Истический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземноморской культуры, стр. 41 [перепечатано в ИР, т. I, стр. 118], а вторая часть скрепленного термина, ионское племенное слово ʒē || ʒā ← ʒān || ʒān, гер. ʒān || ʒān у сванов: ʒān 'бык' ('дыхание', 'животное'), ʒān 'пахнет'.

² См. выше, стр. 187.

организационные факторы), почему как рядом с г в салской части ser+e-bro выявляет l немецкое sil-ber, баскское sil-'h'ar, так рядом с г в салской же части deg+e-vo, равно арм. ter+e-v'o' 'листва' (← '*дерево') находим l в грузинском виде del-1 'дерево' (древнелит.), 'доска' (ныне), да и в самой чистой основе сал-берского термина 'человек' [→ 'тело' и т. д.] — џel+o-vē-k ← *џel+o-veу рядом с l наблюдается и г, когда эта основа используется в значении pars pro toto, именно 'живота' — џge-vo. Что касается русского слова «человек», в нем не только использована или унаследована основа, уже скрещенная сал-берская, кимерского типа, но и огласовка «е» — кимерского типа, да и конечный «к» — пережиток яфетического признака единичности, как в абх. о-уџ-k.

Скифский язык¹

I

В своей капитальной, я бы сказал — классической работе «Скифия и Боспор»² М. И. Ростовцев попутно, в одном из примечаний, делает важнейшее сообщение о методе своей работы, открывает установку исследовательской работы о скифских вещах и скифской культуре. Он пишет:³ «В своем изложении я... стараюсь различать отдельные элементы и придавать решающее значение в вопросах хронологических греческим вещам, в вопросе деления на группы — вещам восточного стиля. Третий элемент, которому А. А. Спицын придает решающее значение, — местный, — слишком мало изучен, чтобы на нем строить классификацию». Мы не оспариваем правильности такого подхода. Нет надобности ставить вопрос, нужно ли и можно ли строить классификацию скифских вещей, если у нас в распоряжении нет света местного озарения. Я констатирую устами одного из наиболее авторитетных судей, что в скифских памятниках материальной культуры местный элемент не учтен. Но учтен ли местный элемент в скифской речи? В отношении вещей неучет местного элемента мотивируется «слишком малой его изученностью», следовательно, самый факт существования местного элемента, третьего элемента, все-таки признается. А в лингвистике — никакого местного элемента, если не признать таковым иранской речи, никакого третьего элемента. Была в одну эпоху речь о турецком языке, урало-алтайском, следовательно, угро-финском, но вскоре отстранили (скажу в скобках — напрасно). Греческий да иранский и... точка. Язык скифов, конечно, не греческий, а все-таки так наз. индоевропейский, именно иранский, и только. Он иранский во что бы то ни стало, даже тогда, когда скифский материал абсолютно не поддается иранскому толкованию. Один из ярких случаев такого беззаветного поборничества идеи иранизма скифов, вопреки всем стихиям, это — отношение к Геродоту и сообщаемым им материалам скифского языка. Материал, сообщаемый Геродотом, в целом не поддается толкованию средствами иранских языков, следовательно... следовательно, как вы думаете, заключают поборники иранизма? Следовательно, заключают они, данные Геродота неверны и неточны, даже измышлены. И в самом деле, как могло быть иначе, когда Геродот скифского языка не знал, сообщал со слов горожан Ольвии, вовсе не скифов и мало что смысливших в скифском и путавших, да и сочинявших. Потому, когда Геродот говорит, что такое-то скифское слово

¹ Доклад, читанный 6 сентября 1926 года на Керченской археологической конференции и повторенный в более подробном изложении в АИМК. Доклад остается осведомительным и не притязает на исчерпанность вопроса, на исчерпывающее изложение материала. Работа лишь начата [напечатан в ИЭРЯТ, стр. 336—387.]

² Критическое обозрение памятников литературных и археологических, изд. АИМК, Ленинград, 1925.

³ Ук. соч., стр. 309, прим. 1.

звучит так, он коверкает, а переводы и толкования, при сем прилагаемые Геродотом, не заслуживают никакого доверия. Пример: *ouogpata* по Геродоту 'человекоубийца', это, оказывается, неверно; по мнению поборников иранизма скифов, слово то значит не 'человекоубийца', а нечто совершенно иное, напр., 'госпожи мужчин', так как речь идет об амазонках, и слово то надо читать не *oír-pata*, а *oírópata*. Почему? А потому, что иначе по-ирански нельзя толковать. Если нельзя иначе толковать, то, по-нашему, значит: скифский — не иранский, и во всяком случае Геродоту нельзя подсовывать чтений, которых ни он, ни кто другой не дает, кроме самого толкователя-ираниста, сочиняющего ничем реально не оправдываемый иранизм скифского языка так же, как сочинен индоевропейцами никогда не существовавший праязык, праиндоевропейский язык. В то же время еще менее интересуются тем, что собою по происхождению представляет иранизм да иранские языки. Правда ли, иранизм хотя бы по речи представляет такую непримиримую антитезу с так наз. третьим элементом, третьим по очереди, когда доходит все-таки и до его изучения, на самом деле первым и древнейшим элементом не только доиранским, но и допрометейским («доиндоевропейским»), элементом, насыщающим всю почву Европы, а Малой Азии и Ирана еще больше, элементом яфетическим, составляющим «субстрат» населения, как теперь стало известно, всей Афревазии? Да и есть ли где какой-либо иранский язык, который так легко трактовался бы до глубин без учета этого так наз. третьего элемента, на самом деле первого и основного в генетических вопросах, тем более, когда дело идет об языке народа, находившегося вместе с кровно-неразлучными сарматами, родственными иберам, в среде и отчасти в самой гуще кавказского населения, народов этого же третьего элемента, т. е. яфетических народов, и особенно, когда этот народ, скифы, доселе — предмет спора во всех отношениях генетического порядка, а в вопросе об языке в особенности. Курдский, бесспорно, иранский, но можно ли понять генезис курдского без учета третьего элемента, яфетического? Осетинский язык — иранский, но можно ли трактовать даже бесспорный его иранизм без учета третьего элемента, яфетического, когда, независимо от словаря, в самой фонетике, морфологии и в составе такой части речи, как числительные, он содержит яфетизмы, а в словаре «индоевропейский» слой да вклады мировых языков составляют всего лишь 35%, по вычислению осетиноведа В. И. Абаева, а 65% неизвестного элемента, того неизвестного по сей день в кругу иранистов и массы индоевропейцев элемента, который разъясняется как яфетический. Понутно отметим: в германских языках неизвестного элемента в словаре всего 30%. Да и в отношении сообщаемых Геродотом, да и другими источниками, преданий о связи скифов с яфетидами Кавказа то же изумительное воздержание, упорное нежелание с ними считаться. В результате — деквалификация источников, признание их недостоверными, потому что они мешают ираистическому построению скифского мира.

Когда скифов предание связывает с бесспорно яфетическими народами Кавказа, на показание набрасывается тень разъяснением его как постулата теоретического построения. У Гелланика М. И. Ростовцев отмечает «тенденцию... включить скифов в число тех племен, которые сыграли известную

роль в истории мировой культуры. Наряду с другими народами и скифы входят в число тех, с которыми связывались известные *εὐρήματα* 'изобретения' [греср. 'открытия']... Скифы, связанные с халибами, оказываются изобретателями железа (или меди) и железного (или медного) оружия».

Защищать Гелланика и древних писателей его направления от научной тенденциозности не в нашей компетенции. Такие уважаемые ученые писатели, жертвы собственных или чужих научных измышлений, не переводятся и в наши дни. Пример поразительный: известный иранист в руководственном труде по этимологии новоперсидского языка при обсуждении сотен, свыше тысячи персидских слов не слышал ни одного отклика на Кавказе: на многоязычном Кавказе, сплошь насыщенном иранскими словами или общими с иранским языком словами, он нашел лишь один случай для привлечения кавказского материала, единственное слово — грузинское (*angatin* 'счет'), как одно всего-навсего слово приводится там же из скифского (*amalu* 'северный'), т. е. скифский язык, с десятком-другим до сих пор не разобранных слов, и Кавказ, с десятками доступных исследованию языков, в этом мире ученых оказываются в одном и том же положении, им уделено одинаковое внимание. Что же это — недостаток названного ученого? Одно отсутствие материального знания за пределами иранского? Нисколько. Это метод, это убийственный метод мертвящего учения, того самого учения, которое в испанском языке, насквозь пропитанном доисторическими иберизмами от первоначального многоязычного яфетического населения полуострова, свело эти переживания к *shinim*'у, как то свидетельствует Мадридский академический словарь испанского языка,¹ а известный испанский романист, академик Пидаль (*Pidal*), открывает в составе нарицательных имен, помимо слов на -гго, всего-навсего один явный случай для привлечения такого сложного яфетического языка, как баскский, — одно баскское слово, означающее 'левую руку'.² И почему 'левую руку', но не 'правую'?

Но в скифо-кавказских взаимоотношениях причастность скифов к «изобретению металла», не только золота, но и железа, явствует ведь и из легенды о 'скифском золотом плуге', о скифском пахарстве, связанном, разумеется, с металлической культурой. Можем ли мы отметить предание об изобретении скифами 'железа', когда палеонтология речи вскрывает, что название 'железа' у яфетидов окрещено словом *eg-kin*, *g-kina*, *eg-kað*, разновидностями скифского племенного названия? Можно ли без вникания в смысл отбросить предание о 'плуге', выпавшем скифам с 'небес', когда у армян, да и лавов, то же слово, название хотя бы 'железа', все-таки металла, является и названием 'неба' (*eg-kin*)?

Можно ли отнестись отрицательно к показанию о культурной связанности, т. е. о так называемом родстве, скифов с халибами, раз палеонтология речи вскрыла, что из халибов и халдов, народов одного и того же района на южном Кавказе

¹ Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española, Décimocuarta edición, Madrid, 1914.

² R. Menéndez Pidal, Manual de gramática histórica española. Cuarta edición, corregida y aumentada, Madrid, 1918, стр. 23.

и южном побережье Черного моря, первые носят наименование $\varrho\alpha\lambda\omega\beta$ — разновидность названия сарматов, что на северном Кавказе, а термин «халды», полнее «халдин» и непочто полно «халдины» — разновидность термина «скиф» или «сколо», что на северном побережье Черного моря? Или, отрицая эти показания, мы согласимся отрицать связь скифов и с сарматами, и будем утверждать, что халибы не причастны к изобретению металлов? Что это им приписали греки в угоду своим тенденциозным теоретическим построениям?

Впрочем, утверждения источников о скифах подвергаются сомнению независимо от игнорирования третьего элемента и независимо от пристрастия к роли иранцев, выделяемых с идеализацией, именно по неправильности общих представлений. До сего часа у нас господствует простота восприятия этнологических явлений. Так, напр., мы теперь знаем, что с доисторических еще времен простых племен не существует, все — скрещенные. Потому же не только племенные названия, но и нарицательные слова в громадном количестве скрещенные, т. е. представляют слияние двух и более однозначных слов различных того же количества племен, образовывавших одну общественность и скрещивавшихся уже физически. Само название «скиф» $skw\text{-}\vartheta a$ / $sku\text{-}\vartheta a$ оказалось составным термином, продуктом такого скрещения наравне с «сарматом» из двух племенных названий, племенных слов или двух элементов; в первой части элемент общий у термина $sku\text{-}\vartheta a$ с термином $sar\text{-}mat$, это sal или sar в одном произношении и ska ↔ sku в другом, а во второй части различные элементы, в названии скифов — ϑa , в названии сарматов — mat : все три элемента имели, как увидим, самостоятельное существование, и каждый из них обозначал особое племя. Такие скрещения различных племенных образований происходили и позднее, и соответственно они носили в качестве названий новые сочетания племенных слов, напр., кельтиберы. М. И. Ростовцев термин «кельтибер» считает созданием Посидония: «одна из любимых этнографических теорий Посидония, — пишет М. И. Ростовцев», — это образование смешанных племен, для которых Посидоний создавал и особые имена. Так, им, несомненно, созданы кельтиберы и эллиногалаты». Это обосновано ссылкой на Мюлленхофа (Müllenhoff, II, стр. 169 сл.) и Шультена (Schulten, Hermes, 1911, стр. 588 сл.). Вспомнив термин того же типа Κελτοσκήθαι у Страбона (1, 2, 27, С 33), проф. Ростовцев и его легко возводит к Посидонию, как первоисточнику и сочинителю данного племенного названия, также в угоду особой его, мол, Посидония, теории о проникновении кимбров от западного океана до Мэотиды и оседания их здесь под именем киммерийцев.¹ Сейчас по существу вопроса кимбро-кимерского не трогаем, он сложнее и реальнее, может быть, чем критикуемая теория Посидония. Но, когда на основании не источников, а работ поборника иранизма Мюлленхофа, сочинителя скифских слов и толкований путем искажения геродотовских показаний, и хотя бы заслуженного раскопщика, исследователя иберийских древностей Шультена, М. И. Ростовцев категорически утверждает, что кельтиберы созданы Посидонием, то это неосторожно. Скажу более: это утверждение в такой формулировке абсолютно неприем-

¹ Скифия и Боспор, стр. 40.

лемо, ибо иначе можно подумать, что скрещенных племен, в частности скрещенных с иберами и кельтами, в Испании не было, а между тем племенная номенклатура западной Иберии (средиземноморско-атлантической) не менее, чем восточной (черноморской) и вообще Кавказа, нам сохранила ряд таких составных этнических терминов бесспорно жизненного происхождения, напр., *kan-ta-br* или *kan-ta-ber*. *Kan-ta-br* это не двух-, а трехэлементное соединение, из трех племенных слов, ионского (*kan*), салского (*ta*) и берского,¹ т. е. в двух первых своих частях то же, что представляет собой термин *kel-t* по составу элементов (не по порядку их расположения), а в третьей — основной ныне элемент термина *1-ber*. Выходит, пожалуй, так, что Посидонию надо написать создание и термина *kantabr*.

Что же касается страбоновского *Κελτοσκόδοι*, его отрицание в значительной мере объясняется мыслью, направленной против движения их с запада вместе с кимврами, между тем наличие *kelt'*ов рядом со *skw-ḡa'*ми или *skolot'*ами — изначальное явление; термин *kel-t* с его двойником *gala-t* — лишь разновидности и только, разновидности по акающей и акающей группам термина акающей группы *skolo-t*:² кельты носят то же составное из салского и ионского элементов наименование, что и скифы, или сколоты. Сколоты, или скифы, яфетиды по происхождению, сыграли с течением времени такую же роль в процессе зарождения протоевразийского («индоевропейского»), перевоплощения яфетических народов в иранские, как их двойники на Западе, кельты, также яфетиды, в процессе зарождения западного протоевразийского («индоевропейского»), перерождения яфетических народов Запада в романские, и как армяне на Кавказе, сами застрявшие на переходной ступени развития.

Когда речь о скифах и кельтах, то, понятно, надо иметь в виду состояние речи армян, вернее насельников армянской территории соответственных эпох. С армянами мы продвигаемся и исторически к району скифского населения. Армяне наравне с русскими сохранили в своих сказаниях о первом национальном строительстве, армяне — в сказании о построении Куара, русские — в сказании о построении Киева или Куйаба, легенду не скифов, как раньше мы говорили, но все-таки тесно связанных со скифами кимеров.³ Палеонтологический же анализ термина «скиф» вскрыл, что армянские земли населялись скифами, один из районов сплошь был населен скифами под известным их именем «сак» (|| zok).

Самое название скифов, в первую очередь общераспространенное греческое *skw-ḡa*, давно уже разъяснено яфетидологически, но разъяснение то, данное четыре года тому назад,⁴ было сделано нами тогда, когда к анализу мы подходили с одним формальным сравнительным методом. Тогда мы учитывали одни морфологические признаки, без палеонтологии и без разложения на первичные

¹ N. Marr, *Analyse nouvelle du terme Pygénéés*, ДАН, 1925, стр. 8.

² Н. Марр, *Qarḡvel eris kulturuli shvili enadmi ḡmerobis miqdeviḡ* ['Культурный фронт грузинского народа с точки зрения науки о языке'], *Миаḡobi*, 1921, стр. 42 отд. отт.

³ [Н. Марр, Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, ИРАИМК, т. III, стр. 257—287, см. здесь, стр. 44—66.]

⁴ Н. Марр, Термин «скиф» [см. здесь, стр. 1—43].

элементы. Подобно иранисту В. Ф. Миллеру,¹ мы в звуковом комплексе *skw-ða* усматривали основу *sku-* и окончание мн. числа *-ða*, с той разницей, что тогда как иранист-осетиновед в этом окончании мн. числа узнавал осетинский суффикс мн. числа *-tǎ* и, не находя иного источника происхождения, возводил его к финскому мн. числу с зубным согласным, мы, зная исконное распространение того же окончания мн. числа во многих разновидностях в яфетических языках Кавказа, признавали его в осетинском, как и в ряде других языков иранской группы, вкладом яфетических языков, формальным яфетизмом. Потому только и представлялся этот суффикс наличным как в общеизвестном названии скифов *skw-ða*, так в виде одного зубного *t* в национальном их же названии *skol+o-t*. И мы отстраняли вовсе прикосновенность финских языков к этому факту. Теперь, после того, как прометеидские («индоевропейские») языки оказались новейшим перевоплощением яфетических, а финские, вслед за чувашским, родственными с яфетическими и также их перевоплощением, но перевоплощением в систему более древнюю, чем система прометеидских («индоевропейских») языков, нам, казалось бы, нет нужды в корне расходиться с толкованием В. Ф. Миллера, усматривавшего в осетинском *-tǎ* финский вклад. Оставалось бы переработать лишь изложение в том смысле, что это явление в осетинском родственно с финским, и в языках обеих систем, и прометеидской («индоевропейской»), и финской, оно — наследие от яфетической речи. Но, увы, этого мало. Мы расходимся не только с В. Ф. Миллером, теперь, пожалуй, более коренным образом, чем раньше, но и с самим собой в анализе термина, как мы его толковали несколько лет тому назад, ибо палеонтология за это время вскрыла, что слово *skw-ða* составной термин из двух элементов, салского племенного слова в окающей разновидности *sku ↔ sko* и ионского племенного слова *ða*, причем оба находятся в усечении, первое — вместо *skul ↔ skol*, resp. *skur ↔ skor*, второе — вместо *ðap*.

Отсюда — обоснованное, казалось бы, навсегда отождествление термина *scla+v-us* 'сла+вянин' со «скифом» (*sku-ða*) потеряло полноту своей реальности, ибо, при равенстве первого элемента, салского, в обоих терминах, во второй их части имеем не функциональные придатки, не равнозначные суффиксы мн. ч. *-ða* и *+a-v-*, действительно ставшие таковыми в позднейшие морфологические эпохи, а пережитки двух различных племенных названий, ионского *ðap* и берского *veg*. Следовательно, *scla+v* по составу элементов представляет разновидность не «скифа», а «кимера». Потому же *k1+e-v* или *kuu+a-b* — город, разумеется, город сказания, перенесенный на русский Киев, есть насаждение не скифов, а кимеров.

Этот анализ двух терминов *skw-ða*, *k1+mer* (\rightarrow *k1mer*) с разложением каждого на два элемента, из которых один общий, нас возводит в плоскости доисторического состояния к трем элементам: 1) салскому, отложившемуся в Греции в названии области *Θe-tal-ia* или *Θe-sal-ia*, у римлян в названии *I-tal-ia*, 2) берскому, наличному в иберах западной Европы вплоть до Атлантического

¹ Эпиграфические следы иранства на юге России, Экскурс, ЖМНП, стр. 231—283.

океана, и 3) ионскому, нам всем хорошо известному в Средиземноморьи и без территориального приурочения.

Национальное название скифов *skol+o-t*, также двухэлементное из салского и ионского племенных слов, в противовес термину *skw-ða* с его разнобойной огласовкой *u* ($\searrow w$) — *a*, отличается выдержанным оканием, причем полный его вид звучит **skol+o-ton*, как полный вид разнобойного *skw-ða* — **skul-tan*, и недостает двойника первого, т. е. окающего вида, — двойника с выдержанным аканием **sal-tan*, чтобы получить три основные разновидности позднейшей формации: от **skol+o-ton* (\leftrightarrow **skul+u-tun*) русское «золото», от **skul-tan* — финское *kul-ta* (но карельск. *kul-du* \rightarrow нем. *gol-d*), означающее равным образом 'золото', и от **sal-tan* — як. *al-tan* [еще] 'медь', [также] 'золото', как исключительно 'золото' и тур. *al-tun* и чув. *yl-tən* (\swarrow **ul-ton*). С этим возникает связь Скифии не с одним финским ныне севером, но и с турецкой Средней Азией, притом с глубинной Азией, не только отвлеченно словарно, но и материально, благодаря тотемной номенклатуре, названию птицы 'орла' и божества 'духа' (у якутов) и топонимике, отложению той же разновидности названия скифов, именно *al-tan*, прежде всего в названии гор, откуда добывались и 'медь' — *al-tan*, и 'золото' *al-tun*, именно гор Алтайских.

Связи со средиземноморским югом у скифов по этому драгоценному металлу поддерживаются лишь Грецией в термине $\chi\rho\upsilon\sigma\acute{o}\varsigma$ (\leftarrow **qur-son*), общем у эллинов с евреями — *qar+ū-š* и ассирийцами — *qur+a-su*.¹ Этот термин общий у греков, евреев и ассирийцев в том смысле, что все три приведенные их слова одинаково двухэлементные сал-ионские составные термины. Имеется то же название 'золота' и у митани, но со спирализацией второго элемента — ионского — в разновидности: *qar+u-qa*. Имеем это же слово в более древнем по письменности языке, именно в шумерском, в разновидности, более близкой по огласовке первого элемента, салского, к ассирийскому эквиваленту (*gish-* || асс. *qur-*), но со вторым элементом, ионским, спирализованного типа, как у митани, однако полнее митанской разновидности, да и с иной огласовкой (*-kip* || мит. *-qa* \leftarrow **-qan*).²

Но уже из сообщенного видно, что отнюдь нельзя заключить, как это делалось, о заимствовании названия золота греками из ассирийского или еврейского или тем более — митанского. В семитических языках имеется трехгласный корень, сходный по созвучию со значением 'желтый', 'бледный', так в арабском и сирийском, то же слово независимо имеется в значении 'рыжего' и в грузинском, но этот материал, свидетельствуя об общих чертах соответственных языков, абсолютно ничего не говорит о происхождении столь важного во всех отношениях термина материальной культуры, как 'золото'. В греческом существует прилагательное $\acute{\omega}\chi\rho\acute{o}\varsigma$ 'бледножелтый', еще Гомер его знает в форме существ. $\acute{\omega}\chi\rho\acute{o}\varsigma$ в значении 'желтого' или 'бледного цвета', 'бледности'. Не может быть

¹ В других семитических языках лишь в значении 'желтого': арб. *ħrd*, сирийское со спирализации — *qarū-š-ā* и *qro+š-ā*, ср. г. *qeqag* \rightarrow *qeqa* 'рыжий'.

² Архетип шумерского без разнобоя и огласовке **kush-ku*, сохранивший первичную огласовку в названии идеограммы 'золота' — *kūgu*.

никакого сомнения, что груз. *ოდო* 'золото' — одно слово со столь древним греческим термином, обозначающим цвет, формально не может быть никакого сомнения, что греч. *ῥυρός* с начальным долгим *ῥ* (*ω*), пережитком яфетического *vo-*, и аффрикатом *χ* древнее груз. *ოდო*. Но совершенно исключается возможность производить грузинский термин *ოდო* 'золото' от 'желтизны' или 'желтого'. Одно из незыблемых положений палеонтологии речи, как она разработана яфетической теорией, это то, что название металла не возникало никогда ни по месту его нахождения, ни по физическим его свойствам, ни по внешнему виду или цвету, а по общественному его назначению, по его функции, по замене им 'имущества', 'предмета накопления' или 'богатства', в эпоху появления золота еще при скотоводческом или ему предшествующем кочевом хозяйстве — по замене им господствовавшего в нем конкретного животного или его стада. Потому-то 'золото', в архетипе восходящее к яфетическому термину, в частности скифскому национальному названию *skol+o-t*, в его точнейшем по спирализации двойнике на Кавказе *kolot*, значит 'мех', 'пушной зверь'. Независимо от того, что по одному недооцененному различию в русских летописях, именно «колоти» появляется вместо «злати», поговоря — независимо от того, едва ли есть основание отвергать возможность появления «золота» в глубине времен доскотоводческих эпох еще на этапе охотничьего хозяйственного уклада жизни. 'Мех' часто в яфетических языках представляет собою одно из таких пушных одомашненных животных, как 'овца'.

Но «золото», в архетипе *skolot*, в самом русском имеет свой двойник, с утратой полногласия и плавного исхода сальским элементом в виде *sko-t*, разновидности которого на Кавказе, также спирализованные, но в более полной форме, у грузин *kol-t* значит 'стадо' (лошадей, верблюдов, волов, свиней), у армян *koṽ-t* ($\rightarrow k\bar{o}-t$) значит по преимуществу 'табун лошадей', однако, несомненно, это разнообразие обозначаемых термином животных зависит от типа хозяйства, а из скотоводческого хозяйственного инвентаря древнейших эпох, эпох первого появления золота, никак нельзя исключить 'овцу' и 'барана'. И, действительно, обратившись за равнозначным термином в яфетический мир Кавказа в соответствие *sko-t*'а мы находим закономерно точную передачу первого элемента в чисто яфетическом произношении $\dot{\text{q}}\text{qo}-$ || $\dot{\text{q}}\text{qo}-\leftrightarrow\dot{\text{q}}\text{q}\text{u}$ и самостоятельно — м. $\dot{\text{q}}\text{q}\text{u}-\leftarrow\dot{\text{q}}\text{q}\text{u}\text{c}\leftrightarrow\dot{\text{q}}\text{q}\text{ou}\swarrow\dot{\text{q}}\text{q}\text{u}\text{c}-\leftrightarrow\dot{\text{q}}\text{q}\text{u}\text{c}$ — 'корова', равноч. $\dot{\text{q}}\text{q}\text{u}\text{c}-\text{t}$ 'овца', и в скрепении, как в скифском племенном названии, откуда и русский термин «золо-то» и русский термин «ско-т», — в скрепении, однако, не с ионским племенным словом, а с берским — г. $\dot{\text{q}}\text{qo}-\text{vel}$ || шп $*\dot{\text{q}}\text{qo}-\text{var}$, у грузин $\dot{\text{q}}\text{qo}-\text{var}$ 'животное', конкретно 'овца' и только. Ни малейшего, казалось бы, признака значимости этого термина как 'золота' или иного драгоценного металла, т. е. обычно 'серебра', но это неверно. Во-первых, если 'золото' называлось по функции именем животного, такова была судьба и 'серебра', не говоря о том, что при одновременности появления обоих названных драгоценных металлов, в силу положения о наречении предметов по функциональности, название одного благородного металла, естественно, непосредственно должно было перейти на другой благородный металл. И, действительно, 'серебро' пред-

ставляет скрещение из двух племенных элементов, салского и берского, но тогда как в яфетических языках Кавказа на первом месте стоит берский элемент (г. *ver-šq* [a]l || *var-šqil* ~ **var-šqur*), да и в армянском (*ar-taš* в м. **var-taš*), в яфетическом языке Европы, баскском (*sil-har* ← **sil-bar*), и в так наз. индоевропейских языках салский элемент предшествует (*ar-~sar-* в *ἄρ-γυρον*, *ar-gent-um* и др.).

Потому-то и 'золото' в латинском *a-ur-um* (чит. *a-wr-um*) представляет скрещенную основу сал-берскую, именно *a-wr-~a-ws*,¹ идущую из племенной речи яфетического субстрата с фонетикой абхазо-сванского типа. На Кавказе интересны эквиваленты этого термина в армянском *a-rg-* (✓ *a-rit-*), основе глагола *a-rg-el* 'жить', и в Европе баскское *a-beq-e* 'жертвенное животное', конкретно или 'овца', как закономерные его полной формы разновидности г. *šqo-var* 'овца' и *šqo-vel* 'овца', или 'крупный скот', как закономерная его усеченная разновидность *A-riš* у египтян.

Если же возьмем тот же подбор элементов, салский и берский, но в обратном порядке, как, между прочим, использовано такое скрещенное двуплеменное бер-салское слово со значением 'овцы', 'животного' в разрезе представления о нем как четвероногом, давшем у грузин числительное 'четыре' — *o-šq* (*vo-šq* ~ **vo-sk* ← **vo-skor* ~ *vo-qor*), то тем самым мы получим и термин для выражения 'золота' как армянский *v'o-sku* ~ *vo-ski*, так грузинский — *v'o-qro*, в архетипе **vo-kog*, из многочисленных разновидностей которого и на Западе и на Востоке интересно отметить: евр. *bā-kār* 'крупный скот', осм. *u-küz* 'бык' или *ö-küz* 'бык', лат. *re+us*, *re+cor-is*, в деривате *re+sū-n-ia*.

В результате мы замечаем, что скрещенные термины для обозначения 'золота' и 'серебра' распадаются на две категории:

- 1) одна представляет скрещение салского элемента с ионским, равнозначное по составу элементов скифскому племенному названию;
- 2) другая является скрещением салского элемента с берским — скрещением, равнозначным по составу элементов кимерскому или иберскому племенному названию.

Названия 'золота' и 'серебра' не различаются по составу элементов и происхождению, ибо один и тот же термин, функционально ставший словом, обозначающим один из благородных металлов, функционально же стал обозначать другой благородный металл с момента его появления в мировом обороте, но одни народы для обозначения 'золота' пользуются кимерским (иберским) племенным словом, другие народы — скифским племенным словом, именно: средиземноморский мир с югом Кавказа 'золото' именуется исключительно кимерским или, что то же по происхождению, иберским племенным словом, за исключением эллинов, а север и восток Европы с Месопотамией, за исключением семитического мира, — только скифским термином. Семитический же мир, как эллинский, пользуются обоими терминами, эллинский более скифским (однако от кимерского термина пережиток в виде названия 'желтого цвета', как у немцев *kim*.

¹ Саб. *aws-om* («аушош»), лит. *a-wkzas*.

gei-b при скифском 'золоте' gol-d), а семитический — кимерским рядом со скифским.

Имеем в Европе еще один район со встречей благородного металла иберского со скифским, это — мир прибалтийских финнов. Можно бы думать, встреча здесь — в связи с волной торгового течения, морского пути с Запада, но, во-первых, это касается исключительно 'серебра', но серебро в иберском (кимерском) наречении обретается, однако, не только на крайнем севере у приморских финнов, суоми, и эстонцев, но заходит далеко в глубины материкового Востока с южнее расположенными турецкими народами, у всех одинаково со спирантизацией салского элемента, как в греческом и латинском, но с оканием, у финнов суоми ho-rea (← *hog-peg), эст. hõ-be, у турок — gu-təш. Однако 'серебро', тем более иберское 'золото' — вклад позднейших исторических эпох. И все-таки венгерцы удержали скифское название ag-anl.

Можно ли при таком распределении иберского и скифского названий 'золота' не учитывать реально показательной силы разности терминов? Едва ли. Лингвистически мы имеем основание утверждать, что, если бы два различных по составу термина обозначали изначально 'золото' любого происхождения, то мы имели бы соответственно единый скрещенный термин из трех элементов или из двух иного подбора. Дело работника археологической технологии — проверить высказываемую мысль на его вещественном материале, но языковедным материалом нам навязывается вывод, что благородные металлы шли в мировой оборот из двух рудных центров: с востока из Алтайских гор, собственно — от населения с тотемом Алтаном, с запада с Иберийского полуострова; восточные металлы именовались скифским племенным названием, западные — кимерским или иберским, и в районе встречи двух течений, охватывающих Элладу, Сиро-Палестину и Месопотамию, оба термина встречались и в некоторых кругах уживались, в иных один вытеснялся другим.

Можно ли отнести это явление к доисторическим? Ни в каком случае. Хотя бы потому, что широкое хозяйственное использование золота и серебра — это дело уже исторических эпох. Но есть и формальные признаки сравнительно поздней даты того, что нам говорит палеонтологический анализ терминов.

Дело в том, что оба разобранных термина — скрещенные двуплеменные. Между тем, золото существовало и до скрещения терминов: у ряда народов название золота — термин одноэлементный, то салский, то вонский. Так именно салский получаем, как если бы мы имели от скифского и кимерского названий только первый элемент салский ski-, по спирантизации ku- (~k1-), что и сохранил шумерский язык, а вонское племенное слово мы получаем, как если бы от тех же терминов мы имели лишь второй элемент, именно от шум. giш-k1п — k1п, его в разновидности q1п на Кавказе нам сохранили абхазы в термине qə (a-qə, q1-k) 'золото'. Что полный вид абхазского слова звучал q1п, поддерживается и тем, что у черкесов, ближайше родственных абхазам, 1) его сибилантный эквивалент в виде lpe ← lpen (в редукции от lshn) входит в состав скрещенного термина для 'золота' — də-lpe (ср. инг. do-ш1, ихч. de-ш1), если даже одно недоразумение, что диалектически термин, как мне подсказал один из черкесов, звучит

в той же основе с огласовкой китайского слова *də-ŋin* (кит. *ŋin*), 2) более полная форма скрещенного термина *dəzən* сохранилась, функционально став названем 'серебра'.

Более того, сам ионский элемент без всякого скрещения, один-одинешенек, означал оба благородные металла, и 'золото', и позднее открытое 'серебро'. Кто этому ручательством? Не буду сейчас настаивать на том, что от 'золота' происходит у черкесов 'золотуха', звучащая как одна чистая ионская основа: *шэн*. Нашему положению ручательство — китайцы с их древнейшим по системе во всем мире по сей день языком и древнейшей письменностью. И 'золото', и 'серебро' у китайцев, также и у японцев, именуется одним без скрещения элементом, ионским, с дифференциацией: у китайцев для 'золота' сибилантная разновидность *ŋin*, а для 'серебра' спирантная — *ун*, у японцев для 'золота' разновидность с начальным согласным глухим *kin*, для 'серебра' — звонкам *gin*.

Рядом со скифскими металлами, с одной стороны благородными, точнее декоративными или обменными, золотом и серебром, с другой — рабочим и ковким — железом, мы имеем скифский плуг: это чувашское, равно русское слово «соха», в полной форме **so-ɣan*, сал-ионское скрещенное слово, как и его эквивалент с подбором спирантной и сибилантной разновидностей в обратном порядке — *gu-ɣan*, у яфетидов-земледельцев грузин, равно армян и др., в том числе у чеченов *gotā*, у чеченов в значении 'полного комплекта всего, что нужно для пахоты: плуг, лошади и т. д.'¹

У восточного побережья Черноморья, где унаследован пережиточный пастушеский быт яфетидов-пастухов, среди мегрелов и в грузинской речи огрузинившихся мегрелов (гурийцев и имеров) **soɣan* представлен словом архетипно **So-ɣan*, откуда груз. и чанск. *Soɣ* 'мотыга',² грузинский глагол *So-ɣn-a* 'копать мотыгой'. Что *so-ɣa* в значении 'сохи', 'плуга' есть скрещенный термин, не имеющий по генетической семантике никакого отношения к 'дереву', это очевидно из самостоятельного некогда существования одной второй части термина *ɣan* в значении 'сохи', 'плуга' и т. п., почему от нее одной произведен общепринятый грузинский глагол *ɣan-* (*ɣn-va*) || м. *ɣon-u-a* 'пахать'. И в том же районе у грузин производное от *ɣn-va* 'пахать' с префиксом *sa-* и суффиксом *-is* слово *sa-ɣn-is* 'плуг', 'соха', обычный термин.³

Налична непочато у одних грузин в древнелитературном их языке сванского типа, спирантно-шипящего, равно ныне в имерском говоре и мегрельском языке, третья разновидность со спирантизацией обоих эквивалентов, но с разнотойной огласовкой спирантно (е)-шипящей (о) — *eg-ɣvan* 'плуг' (← **heg-kon*); отсюда и существовавший у армян в усеченном виде *heg-k-*, основа армянского глагола *heg+k-el* 'пахать', как у грузин от древнелитературного *eg-ɣvan* — глагол *eg-ɣvna* 'пахать', у армян же сохранившийся и в полном виде *eg-kin* (← **heg-kin*) в значении 'неба', оно же у чанов *egkin-a* 'железо' по «малодостоверному»

¹ З. К. Мальсагов, *Ингушская грамматика со сборником слов*, Владикавказ, 1925, с. в.

² Ср. лат. *vos-us* 'заступ', 'вирка', 'сашник'.

³ По освобождению от суффикса *-is* основа *saɣn* могла бы быть стянутой формой *sa-ɣan*, двойника *so-ɣan*.

Эркерт (Erkert), и 'небо', судя по названию 'вторника' — er-kna-ḡḡa, ранно 1-kna ḡḡa, а 'железо' у грузин — r-kna, герр. kna.

Итак, три разновидности скифского по составу племенного элемента, термина для обозначения 'плуга', одна из этих разновидностей — одновременно название не только 'плуга', но и 'неба' и 'железа'. С плугом и металлами мы отходим от подлинной доистории, более того — мы отходим от подлинно-архаичных государственных строительств *исторических* эпох, но так основательно забытых человечеством, что они представляются предметом доистории и мифологического интереса, в действительности же это «доистория» разве прометеидских («индоевропейских») и семитических народов, «доистория», успевшая у народов древнейшей формации протечь с *мотыгой, металлами и плугом* в строительстве исторических государств мирового масштаба и созидании общественного мировоззрения со связью космических явлений с металлами. Мы не стремимся к славе Герострата, трудно нас упрекнуть в принадлежности к той группе мыслигелей, которая предпочитает всему Пушкину, хотя бы части его творений, любой, будь самый будничнейший утилитарнейший предмет, но мы готовы были бы кликнуть с полным убеждением в своей правоте: «Долой Милосскую Венеру, да здравствует мотыга». До установления эпохи мотыжной культуры в связи с мотыжным хозяйством можно сколько угодно наслаждаться Милосской Венерой, упиваться ее красотой, как упиваются красотой природы, да и чарами хорошего вина, прелестью красок и ароматом розы, но не понять, никогда не понять генетического вопроса о ней, Милосской Венере. В частности у нас до установления во всех подробностях и воцарения мотыжной эпохи в археологических работах Академии не носить ей по праву названия Академии истории материальной культуры и не понять ни скифской культуры, ни скифской речи.

II

В девятом столетии дохристианской эры на Кавказе возникло последнее государство мирового значения из тех, что создавались руками народов подлинно древнейшей формации, яфетических народов. В эпохи возникших впоследствии мировых государств прометеидов («индоевропейцев»), римского и позднее иранского, яфетиды переживают лишь культурно языками в письменности, на Востоке в актах государственного значения — это новоэламский язык во втором столбце надписей ахеменидских царей, на Западе в надгробных надписях культово-семейного значения — это этрусский язык. Государственное строительство и позднее не выпадает полностью из рук яфетических народов или полуяфетических на Кавказе, в Крыму и на Волге. На Кавказе — это армянское, затем грузинское государства, на Волге хазары, затем болгары, но мировое значение роли яфетидов идет все время на убыль. Иное дело за восемь, девять веков до христианской эры.

В IX в. дохристианской эры произошло событие громадной важности для нашего вопроса, вопроса о скифском языке и вообще о скифах.

У Ванского озера, на территории, впоследствии, в позднейшие исторические эпохи, так называемые древнюю и средневековые эпохи, называвшейся Армениею, утвердилась власть халдинов или халдиев, с классовой жреческо-государственной письменностью. Никому не известно, откуда есть пошла Халдиния, собственно не масса со скотоводческо-земледельческим бытом, занимавшая эту страну, исторически и раньше известную с давнишним дохалдинским населением, а организующее ее племя, классово сложившееся так, как мы то понимаем теперь с точки зрения яфетической теории, классово-племенное образование. Если наука до сих пор бродит влотьмах по вопросу, откуда есть пошла Русь, дело сравнительно недавнее, дело IX в. после христианской эры, то, казалось бы, естественно не удивляться тому, что мы не знаем генезиса явления исторически бесспорного факта, относящегося к IX в. дохристианской эры. Однако удивляться все-таки есть чему. Не в пример вопросу о русах в историческом его разрезе вопрос о царстве халдинов в Ванском районе обставлен значительно более благоприятно в отношении исторических свидетельств. Царство халдинов находилось в центре мировой исторической жизни. Об этом царстве у Ванского озера, что ныне в исторической Армении, повествуют месопотамские летописные памятники. Государство, именуемое ванским по занимаемой им коренной площади, само писало летопись своих деяний на прочном материале, на скалах и каменных стелах. Эти анналы писались родным руководящему классу языком, халдским языком, говоря не урезанным термином — халдийским или халдинским языком. От халдинского государственного строительства остались, помимо надписей, памятники материальной культуры не только у Ванского озера (здесь, в центре, естественно, богаче и монументальнее), но и на всей территории позднее возникшей Армении, да и за ее рубежом, в сторону Каспийского моря, Кавказских гор и Понта или, пользуясь нынешними этнически именуемыми странами, в сторону Азербайджана, Грузии и чанского населения южного Причерноморья. Наконец, следовало бы учесть интенсивное строительное организующее господство халдинов, не можем скрыть — оно же беспощадно разрушительное (об этом вопиют камни, писанные камни); это господство длилось в стране почти триста лет, немногим меньше, чем скифская власть на северном Причерноморье, оно действовало уже в обладании своей собственной письменностью государственно-религиозного значения длительнее романовской династии в России. И в условиях соотношений того времени в языках Кавказа и юга России, сплошь яфетических и в той или иной мере друг с другом сродных, отложения классового халдинского языка, откуда бы он ни приходил, — отложения его в дошедших до нас яфетических языках также являются материалом, ценнейшим материалом для решения генетического вопроса о халдинах, а в связи с ними и о скифах.

Беда, однако, в том, что до последних десятилетий подлинные анналы государства халдинов или халдиев были почти немые. Было одно гадательное их понимание, текст брался графически, а не фонетически, более значимостью условных обихов во всех клинописных языках изобразительных символов, детерминативов и идеограмм, чем постижением и ощущением живой реальной речи с учетом облика и так наз. природы, т. е. системы живого звучащего слова.

С трудом улавливая основные мысли каменописных документов, наука не учитывала вовсе, не была в состоянии учесть того громадной важности для вопроса о происхождении свидетельства, которое нес в себе сам язык надписей независимо от их содержания. Для языка этих надписей также не находили места, как для живого баскского языка, брошенного, казалось, игрой судьбы среди романских, как не находили места и для многочисленных языков Кавказа, не исключая и грузинского, казавшихся изолированными, — изолированными даже во внутрикавказских взаимоотношениях. Не будем говорить уже о полном доколе отсутствии иных инструментов, необходимых для правильной постановки генетического вопроса, его трактовки и разрешения, так, особенно, об отсутствии подлинной палеонтологии речи, ее исследовательских приемов и ее технических средств.

Словом, абсолютно не было сколько-нибудь уверенного этнологического подхода к вопросу о происхождении творцов этой халдинской культуры, строителей ванского царства.

Их звали урарту, многие зовут и поныне так, только потому, что *так* звали их ассиро-вавилонские источники, продолжавшие твердить название того времени, когда страну действительно населяли Urartu («U-гап-ту»), т. е. народ с расенским или этрусским плеченым образованием в основе. Если бы ассирийцы продолжили свое существование до появления армян, то и армян они продолжали бы называть урарту, как впоследствии, когда и армян сменили *һал*, как называют себя армяне; мы этих *һайев* неизменно продолжаем именовать армянами по наследию от реально давно изжитой исторической обстановки. Для историка термины мирового обращения — это лишь клички, ничего с собой не приносящие для изучаемых им исторических эпох, кроме условного обозначения тех нужных ему для связного рассказа лиц или индивидуалистически воспринимаемых как массив народов, наций, деяния которых прежде всего и интересуют этого круга специалистов в их историческом построении. Для нас, этнологов-доисториков, племенное название — один из первоисточников для определения происхождения народа, собственно, одного слоя из его состава, его руководящего или организующего классово-племенного образования. История вовсе и не считается с названиями народов, не привлечших ее внимания деяниями мирового значения или соучастием в них.¹ У населения Армении в целом меньше исторических имен, чем сколько оно носит на самом деле в устах ли соседящих народов или в своей собственной родной среде как национальное название, да притом и национальное не одно. Кроме общеизвестного армен 'армянин' и свидетельствуемого ассиро-вавилонянами urartu, армяне у других народов носят названия — so+me-ǰ, ǰal-a (еще в клинописи *ruǰ-an'ы)² и у себя Һау и черешиточно Һау+k; у скифов также два названия, даже три, одно национальное — skolot, два других еще более известных: это общепринятое «скиф», собственно skw-ǰa,

¹ Мы знаем теперь и то, что для «археолога — этнологический вопрос, как он сам по себе ни важен, имеет второстепенное значение» См. ЯС, т. I, стр. 67, прим. 2.

² В клинописи халдинов — Pal-an, Pal-ua, Ru-ǰi или, вернее, Ru-ǰi (у армян Ваз+ап-ипи или, вернее, Ваз+ап-ипи). О курдск. ǰala см. Н. Марр, *Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян*, ЗВО, т. XXV, стр. 241, прим.

и хорошо известное sak. Как давно устанавливалось и теперь окончательно разъяснено, уже не формально-сравнительным методом, а палеонтологически,¹ все три названия скифов оказались разновидностями одного составного термина, сложенного из двух племенных названий — салского и ионского. В более многочисленных племенных названиях населения занимающей нас халдинской территории нет возможности дать такое исключительное место дифференцирующему воздействию различных языков, разъяснить все эти наименования как формальные разновидности одного термина.

В то же время формально-палеонтологический анализ тех же названий вскрыл, что все они — составные термины, т. е. все они сложены из двух или даже трех элементов, и курдский термин fəla и армянский термин hauk, по законам звуковых соответствий двойник bask'a, разновидность mišk'a, и даже армянское поныне национальное название haу, казалось бы одноэлементное, при полном учете его грамматической основы haу оказалось двуплеменным. В архетипе это *han+и-о (← *han+и-ог), с ионским элементом на первом месте, салским на втором, являясь эквивалентом эпиха. Состав не изменится, будь даже архетип *haг-оп, с салским элементом на первом месте, ионским на втором, как в слове artan, основе топонимического термина Ar+tan-ud.

Таким образом, два национальных названия армян hauk и haу (мн. ч. haу-q), несмотря на полное, казалось бы, созвучие, — два различных племенных названия, отнюдь не разновидности одного термина. Наоборот, малосозвучные someq и агмен имеют общую основу; можно сказать, что они — разновидности одного термина, первая с излишком q, отнюдь не функционального, а материального значения, поскольку q — пережиток ионского племенного названия и свидетельствует о наличии соответственного этнического слоя в составе именуемого так народа. Что someq составной термин, разъяснялось раньше,² но палеонтологический анализ сбил наше прежнее толкование, будто первый элемент so — пережиток ионского племенного слова son, гесп. шоп: это ионское племенное слово в виде пережитка спирантной его разновидности qm (~ qm) и без того налицо в термине. Это, как было сказано, исходный согласный q, тождественный с показателем множественности и раньше принимавшийся за таковой. Следовательно, so-me-q — трехэлементное скрещение, сал-бер-ионское. Второй и третий элемент появляются самостоятельно в составном me-q, с утратой спиранта h (*meh-q), двойнике хорошо известного на Кавказе племенного названия me-q, которое представляет лишь экающую разновидность рядом с формами акающей bas-k и окающей moш-q (полногл. moшo-q) ↔ miш-k, как звучало в XI в. дохристианской эры название населения Армении, собственно, одного из входивших в его состав народов. Но, равным образом, первый и второй элемент so-me представляют пережиток составного племенного названия so-mes ~ so-meg, разновидности miшeg'a, т. е. это сал-берское скрещение, начальный слог so-пережиток sor, гесп. шог, эквивалента свистящего sal, гесп. sag, по спиранти-

¹ См. выше, стр. 195—196.

² Предполагалось в термине шоп-meс+q'ское или свано-месхское скрещение. См. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян, стр. 243, и другие работы.

зации *har* → *ar*, и в целом *so+me*, resp. **so+mer* ← **sor+mer*, спирантный двойник разновидностей не только *armen* 'армянин' (← **har-men* / **kar-men* → **kar-men*), но и *kurmand*, ныне 'курд', как другое название того же народа *kur-d* ← *kur+ti-* (Κύρτι-οι), общеизвестное, есть разновидность и племенного названия населения ванской клинописной Армении — *qal-d-1* ← *qal-din-1*, и национального племенного названия грузин — *qar-š-vel*, собственно его древней двухэлементной сал-нопской части *qar-š* ← **qar-šun* ~ **qar-šin* → *Qar-š1* 'Грузия' (этнографическая, ныне 'Карталиния').

В общем налицо, если не объединять разновидности, восемь названий населения армянской территории, со включением всего-навсего одного ставшего «мировым» наименования «армянин», и эти восемь племенных названий *muški*, *ugaru*, *qaldin*, *armen*, *hašk*, *haš*, *someš*, *fəla*. Однако перечень, в только что данном порядке, требует поправки. Порядок взят применительно к древности, определяемой временем процветания литературы народа, употреблявшего то или иное племенное название, с постановкою одного из восьми, *fəla*, на последнем месте, так как этот термин в данной форме принадлежит современному нам бесписьменному народу, народу без древней письменности — курдам. Однако, независимо от того, что курдский термин *fəla* получает подтверждение исконности от речи древних армян, равно языка клинописи халдинов в ряде разновидностей его архетипа **rug-an* (*Ru-ua* ~ *Ruz-un*, у древних армян — *Bəz+ən-un* || *Ral-an*), когда речь о курдах, грузинах и самих армянах, то датировка различных используемых ими названий населения армянской территории может происходить не по древности армянской или грузинской литературы или в зависимости от бесписьменности курдов, а потому, что армяне своим названием самоопределяют себя, и это есть древнейшее подлинное название именно современного армянского населения, собственно его определенной социальной группы, а грузины и курды, последние не только соседствовавшие с армянами, но часто образовывавшие с ними одно «землячество» в пределах самой Армении, одну общественность, свои названия армян они получили в наследие от предшественников незапамятных и для истории времен. Речь идет о таких далеких эпохах, когда не только не было древней письменности грузин или армян, но не было ни одной письменности, ни государственного образования в Месопотамии, и вопрос еще, были ли вообще народы с языками позднейших формаций, с языками новых систем, семитической и протоевропейской («индоевропейской»). Как ассиро-вавилонские источники термин *ugaru* переносят на страну халдинов, так грузинский термин *someš* и курдский *fəla* перенесены на средневековых, а затем и современных армян, без учета социально-этнических трансформаций, происшедших в течение веков и тысячелетий в населении края, даже в самих армянах, как произошла подобная трансформация и в курдах, носящих ряд названий, из которых два, одно национальное *kur-mand*, а другое общее — *kur-d* (→ *gur-an*, у курдов земледельческий класс, см. стр. 208), бесконечно древнее состояния их речи, ныне и с давних пор иранского, ибо, как разъяснилось палеонтологически, *kur-mand* значит 'кимер', а *kur-d* ~ *gur-an* 'халдин', resp. 'халдий' или 'халд'.

И вот, исходя из всех этих предпосылок, мы получаем следующий порядок названий населения армянской территории, учтя сводимость нескольких разновидностей к одному термину, всего пять: 1) u-rar-tu, 2) hay-ḡo¹ || qal-din, 3) fəl-a, шиш-ki ~ haуk, 4) ar-men, 5) so-me-ḡ. Если перевести формально точно на более известные в широких кругах термины, без притязания таким образом получить и реальное определение перечисленных пяти племенных образований, то это в том же последовательном порядке — 1) этруски, 2) скифы, 3) баски, 4) кимеры или шумеры, они же иберы, 5) те же кимеры или шумеры, они же иберы, но, кого бы ни иметь в виду, все с помесью ионов (-ḡ).

Хотя исторически в мировом масштабе из племенных названий населения армянской территории известен лишь агмен по короткой памяти «индоевропейцев», творивших письменно всеобщую историю действительно империалистически, ибо urartu и qaldin стали конкретными историческими величинами лишь с XIX в., все пять названий сами по себе могут служить хронологическими вехами на пути социально-этнических перевоплощений означенного населения.

Из этих пяти господствовавших племенных образований qal-din, в сокращении qal-di → qal-d, одного состава по элементам с названием скифов, как qal-w-b, усеченный вид *qal-ber'a, одного состава с названием не только кимеров (ki-mer ~ *ku-mer), но и сарматов (sar-mat). И после падения ванского царства халдинов халды-скифы и халибы-кимеры продолжают пребывать этнографически в районе чанского или ионского населения и восточного, и южного Причерноморья, где, по датам упоминания о них в письменных источниках, халибов смещают халдины, т. е., следовательно, как на северном Черноморьи скифы смещают кимеров, отложивших свое имя и на юге, далеко не в одном названии приморского города Кемер, ныне в Лазистане, а в названиях десятка и более городов в том же южном и восточном Причерноморьи. Минуем сейчас давно уже разъясненные этнологические связи южного Причерноморья с северным Причерноморьем в топонимике, равно лингвистические связи тех же двух сторон, двух берегов Понта, прочно утверждаемые непрерывностью населения шипицей группы с оканием от Лазистана по восточному побережью, до Скифии, до Дона на севере, с позднейшим, как выяснено, прорывом этой линии абхазским народом, наследовавшим колхам-сколотам и носителем, в путях скрещения, слоя языка свистящей группы с аканием. Здесь возможность связаться с историей.

С городами этого района Ḫqum — Сухум, Бай-бердом или Бай-бурдом, столицей халдиев на Чорохе, здесь же на Чорохе Artanud'ом мы переходим во всем известные исторические эпохи. Города к тому же идут в сторону от массового населения в линии строительства классово организующего племенного образования со своим особым общественным укладом и культом. Строители древних городов Ḫqum'a и Bay-burd'a или Бай-берда, собственно Бай-града, в древности в полной форме Səmbat-града, это кимеры и сарматы; Ḫqum, в полной форме Ḫqumer,¹

¹ Н. Марр, Сухум и Туапсе (Кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья) [см. здесь, стр. 153—161]; его же, Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы) [см. здесь, стр. 162—186].

и Səmbat || sambat это тотемные их боги, *šqumer ← šqum или 'кумир' кимеров, — и səm-bat || sambat или tarmaš — сарматов. Когда у армян и у русских всплывает общее сказание о построении древнейших их городов, у русских Киева и у армян Куара, то это — последние предания об исторической жизни кимеров и сарматов, не скифов. В этом смысле получает оправдание показание Константина Багрянородного, что Клев или Куар в древности назывался Самбатом: . . . ἐπὶ τῷ κάστρῳ τὸ κινάβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβάτας. Наоборот, строители Артануджа, или Артанграда, это халдины-скифы с тотемным богом artan или qaldin, во имя которого они и сооружали город. Национальный эпос армян с легендарным изложением о борьбе с таг'ами-змиями или вишалами-драконами, борьба армян со страной маров — это унаследованное в легендарном изложении сказание их предшественников в родном крае, халдинов-скифов, об исторической их борьбе с марами-медами (мидийцами)-кимерами, с независимым воспроизведением эпизода из скифо-кимерской борьбы (у Геродота о вероломном избиении врагов на званом обеде). Еще клинописные летописи халдинов-скифов отмечают движение ванских скифов, халдинов, в VIII веке в страну чанов, тогда иуниев или ионов, страну южного Причерноморья, они отмечают и бесспорный интерес к черноморскому северу, впоследствии Скифии, но тогда, т. е. в IX веке? Тогда исторически также не Скифия, как и не греческому колониальному торговцу, а или Ионии, как на южном берегу Понта, или уже Кимерии. Взаимная дача и отдача скифов и кимеров, или иберов, сказывается в истории халдинов, тех же скифов, и в пределах самого Кавказа. В классовом порядке халдины захватывают власть в Грузии из Ванской допрометеидской («доиндоевропейской») Армении, как, можно бы сказать, впоследствии в том же порядке Багратиды, явившись из других яфетических стран, после Армении строят грузинскую государственность. Но Багратиды были династия, впрочем, по всей видимости, с военными силами в виде дружины, а халдины или халды — классово-племенное образование со своим культом. В Грузии смена иберов картвелами — это та же смена кимеров халдинами, герр. qarḡin'ами-скифами, и с этим фактом органически связана если не всегда полная смена сарматского и кимерского племенного богов tarmaš'a и štegš'a скифским šida (← šu 'r'-šan), то борьба их названий в культовой терминологии, вытеснение скифским словом кимерского š+teg-š почти полностью из косвенных падежей, а сарматского совершенно. С этим культовым термином *šur'g'-šan, кстати, находится в связи и название плуга gu-šan и название земледельческого класса курдов gur-an. Между тем, грузинский язык по основному типологическому своему слою, свистящему с аканием, сарматский, а никак не скифский, а по своему материальному составу название сарматский ближе родственно с кимерским или иберским. В исходе борьбы в Грузии победителями выходят скифы-картины, но господствующий язык этого классово-племенного образования сохраняет достижения сарматской и кимерской или иберской культуры, ибо он наследует многие особенности как иберской, так и сарматской речи, и самое племенное название получившегося от сугубого скрещения племенного образования из двухэлементного qar+š'-ского, т. е. халдинского или скифского, что сохранилось в названии языка —

qag+θ-π-ι 'картский', становится трехэлементным сал-ион-берским — qag-θ-vel 'грузин'.¹

Даже об этих событиях раннего средневековья письменные источники истории ничего не говорят или говорят мало, вроде того, что грузины раньше говорили, мол, на сомехском языке, т. е., следовательно, на кимерском, или иберском, а потом стали говорить на картском, т. е. халдинском, или скифском. Естественно было быть преданным полному забвению исторической жизни, предшествовавшей более чем тысячелетием и появляющейся ныне как дела доистории. Эти, казалось бы, доисторические события во взаимоотношениях Кавказа халдинов с северным Черноморьем, назревавшие с IX века и в материально деловых штрихах освещаемые эпиграфической летописью VIII века, ныне приходится (т. е. можно и должно) сочетать не только с позднейшей кавказской историей, но и с древнейшей историей Средиземноморья, колониальным движением западных яфетидов, этрусков, с Апеннинского полуострова. С IX века и раньше это является лишь развитием торговых предприятий этрусков, основывающихся, следовательно, свои фактории по всему Черноморью, в первую очередь Ольвию и ряд других торговых или военных пунктов под тем же названием в диалектических разновидностях этрусского языка, как то вскрывает анализ их названий. Это — явно дела давно минувших дней, протекавшие задолго до появления греческих колоний. Оба исторические течения, восточное и западное, заслоняют собою еще более древнюю историческую жизнь притекавших сюда же доскифских народов с востока и доэтрусских с запада. Оба исторические течения выступают как этапы развития мировой истории, завершившейся далее походами уже прометеидов (киндоевропейцев), персов Ахеменидов в Скифию. И мы не можем ждать, пока намечающиеся вехи нового исторического построения пробьют себе дорогу в среду ученых и смогут поставить в рамки действительности историю эпохи, империалистически вогнавную европейской наукой в орбиту греко-македонской истории. Мы не можем не учитывать сейчас же значения этих исторических сношений Кавказа с кимеро-скифской страной на Черноморском севере и для толкования скифской речи с помощью скифских вкладов, исторически внедрившихся в языки Армении со времен Ванской Халдинии. Мы не можем не учитывать этих вкладов в языках рядом с данными этнографической Скифии по южному и восточному побережью Черного моря и независимо от них. С этой этнографической массой, на черноморском юге, там, где ныне чаны, мы находимся в среде, отмеченной и историческим строительством в лице племенного образования Иуни, как то узнаем из надписи Сардура, а на черноморском севере та же этнографическая среда имеет отголоски в ионских названиях рек, также окающей и акающей формы, к востоку без скрещения — Доπ или в скрещении с салами — Таπ+αλ-s (чит. Тап-αυ / *Тап-αγ), к западу в скрещении и с салами, и с берами — l-str, Dne-str и Dne-рг, с колебанием от борьбы салов с берами в названии одной и той же реки — Dun-αυ (/ *Dun-αγ) || Dap-u-b, и здесь столкновение или смычка Алтайской Азии с Пиренейской, или Иберской, Европой.

¹ Таким образом, отпадает возможность из национального названия грузин выделять какой-либо ←-фикс — -eī или -vel (←*-veg).

Мы подходим к эпохам нового этапа культурного строительства, после металлов и земледелия, новых империалистических государственных образований подлинных так наз. индоевропейцев — римлян и францев.

III

Иное дело с народами севера. Их культура нас отводит в своих этнографических переживаниях по связи со скифами к эпохам культуры доземледельческого строительства. Добыча материала для разъяснения скифского языка и здесь не менее обещающая. Правильно отмечали прежние исследователи, что идентификация северных народов, называемых Геродотом, с современными — невозможна, если, прибавим мы, искать их двойников ныне в самостоятельных отдельных народах. Но сумма характерных их особенностей, как то получается в итоге сообщений Геродота, прослеживается с замечательной яркостью в общем этнографическом облике наших приволжско-уральских народов. Семь языков перечня Геродота находят полную поддержку в семи языках той же группы. Список по Геродоту: 1) Sawro-mat, 2) Bu-din, 3) Twша-getae, 4) Jur-ka или Tur-ka, 5) Argipraу, 6) Issedon'ы и 7) Arimasrou. Bu-din, как увидим, и по названию сохранились самостоятельно. При поисках соответствия остальным надо учитывать прежде всего то, что современные их представители иногда уснели войги в состав того или иного племенного образования в путях нового скрещения, иногда отложиться в двух и более народах. Так, Sawro-mat, собственно *Шого-mat, он же Sarmat, в других местах представлен не только черемисами, но и чувашами, при этом такая связь этих двух народов, чувашей с черемисами, находит оправдание реально в языке: между прочим, окончание мн. числа луговых черемисов шашәф одного происхождения с окончанием мн. числа чувашей sam (|| sem): чувашское окончание оказалось усеченным видом черемисского.¹

Как будто теперь и в помине нет племени Jurka, вполне основательно у Плиния именуемого закономерной его разновидностью Tur-ka (к нему примыкает и Twша-geta, Τουσσαγεται), но это племя с тотемным богом, очевидно, Tur-э, а этот народ мы находим отложившимся в чувашском племенном образовании, усвоившем от него главного своего бога Тог-э ↔ Тур-э. С чувашами столбовая дорога в генетический вопрос о турках, о турецкой системе человеческой речи. Все на нашем севере также в отложении в составе коми и удмуртов (зырян и вотяков) найдем мы исседонов, племя, названнем самостоятельно пережившее, как выяснилось, в эстах. Мы давно уже на другой столбовой дороге, именно финской. Разъяснен и термин суоми-финнов. Из геродотовских названий остались Argipraу и Arimasrou. Про аргипраев Геродот говорит, что «никто их не обязает, так как на них смотрят как на священный народ» (IV, 23: τούτους οὐδεὶς ἀδικεῖ ἀνθρώπων, ἰσοὶ γὰρ λέγονται εἶναι), а аримасы Геродот толкует 'одноглазые'. Не правда ли, это все басни? Однако басней считали ученые утвер-

¹ Отчет о поездке [1926 г.] к вол-камским народам [см. здесь стр. 373—379].

ждение Геродота о замерзании больших рек и даже моря. Басней считали и утверждение Геродота о гинеκραтии у северных народов, а между тем мы и сейчас наблюдаем у удмуртов яркие пережитки женской власти, матриархата. И сказочные названия аримаспов и аргиппаев, скифские слова, соответственно разъясним в своем месте.

Особый интерес священного народа аргиппаев еще в том, что они носили общее со скифами одеяние. В этом отношении исключительный интерес представляет для нас сообщение Геродота, что «за четырьмя первыми народами несколько восточнее, раньше аргиппаев, пребывает маленькое скифское племя, восставшее против царских скифов и переселившееся в эти части». Эго ведь, приблизительно, место зырян, ныне оттесненных более не то к западу, не то к северу.

Об этих северных народах показания Геродота полны неподдельной правдивости. Даже тогда, когда он сообщает совершенно невероятные вещи, он правдив в том смысле, что в среде описываемых народов имелись языковые особенности, порождавшие сообщаемые Геродотом с чужих слов, именно со слов скифов, рассказы о тех невероятных вещах. Так обстоит дело с рассказом о массовом выпадении перьев в северных за Скифию странах. Сам Геродот относится с сомнением к этому рассказу и старается объяснить так: «А что касается до перьев, которыми, по словам скифов, воздух наполнен... , я думаю вот что: в странах, лежащих за этой землей, постоянно снег идет, только, как это понятно, летом менее, нежели зимою. А уж всякий, кто ближе видел, знает, что я хочу сказать: снег именно походит на перья, и вследствие такой суровости тамошней зимы северная часть этого материка необитаема. Итак, по моему мнению, перьями скифы с окрестными народами, выражаясь иносказательно, означают 'снег'...» (τὰ ὄν πτερὰ εἰκάζονται τῆν χιόναν)

По этому поводу в имеющей появиться в ближайшие недели работе «Чуваши-яфетиды»,¹ где это место геродотова сообщения подробно разъясняется, мы замечаем: «У первоначального доисторического населения северо-восточной Европы 'снег' назывался 'перьями' не иносказательно, а прямо-таки словарно».² Источник такого, для нас странного, словоупотребления не в том, что 'снег' походит на 'перья' [греср. 'пух'], а в том, что, как установлено палеонтологией речи, 'снег' носит одно название с 'небом', как его, подобно 'грозе' и другим стихийным явлениям, эпифания, в то же время по 'небу' назывались и 'птицы', с которых то же название переходило на 'перья', по положению: «часть по целому». Отсюда последовательно совпадение 'снега' с 'пером'. Год-другой тому назад было нами установлено, что в чувашском языке 'снег' и 'перо' назывались одним и тем же словом, и рассказ о 'перьях' вместо 'снега' мы приписали чувашской языковой среде, но то же самое нам этим летом удалось установить в языках коми и удмуртов, т. е. это была особенность речи не одного, а ряда народов; выражаясь словами Геродота, это была особенность речи «скифов с окрестными народами».

¹ [См. здесь, стр. 323—372.]

² [См. здесь, стр. 332.]

В другом случае Геродот передает рассказ об аргиппалах как древоедах, живущих соком и плодами дерева, называемого *ront* (греч. *ροντιχόν*). Геродот, описывая пользование плодами этого дерева, приводит и слово, которым называют на месте густой сок, выжимаемый сквозь 'ткань', звучащее — *ἄσχυο*. И вот именно у северных народов, между прочим, коми и удмуртов, мы находим пережиток обычая питаться деревом, именно его молодыми еще ягодами и выжимаемым из древесного слоя из-под коры вкусным соком. Эти деревья — у одних липа, у других сосна. Самая съедобная жидкость у удмуртов и коми (и зырян, и пермяков) называется *л*, по семантическому положению о наречении части по целому, так как одноэлементный *л* некогда означал 'липу'. Приводимое Геродотом (IV, 23) название дерева *ront* с греческим окончанием — это название 'сосны', у черемисов звучащее *ronđ*. 'Сосна' одна от хладных скал Финляндии до пламенной Колхиды, на Кавказе, в подлинной Колхиде пережившая в основе названия христианского храма Пизунды (*Βιτύνδα*) на месте некогда бывшей сосновой рощи, языческой святыни, да в придачу она святыня и Эллады, и Индии, это одно из наиболее чтимых некогда культовых деревьев, на севере же неиссякаемый предмет использования в легендах и сказках удмуртов и коми; однако густой сладкий сок, как предмет питания, особенно используется от липы. Между тем в названиях этого сока теперь мы не находим сообщаемого Геродотом термина *ἄσχυο*. Мы могли бы *ἄσχυο*, как жидкость, сопоставить с груз. *a-sqa* 'лил', 'проливал', *a-sqig'a* 'поливал', 'кропил' и т. п. Но мы не можем отступить от палеонтологического обоснования, не можем не возводить термин к 'липе', и тогда с аргиппальским *a-sqw* отождествляется груз. *ḡa-ḡq̄w* 'липа', свистящая разновидность со спирантной.

Однако *δενδρσφαγῶν* или 'древоедами' был некогда не один аргиппальский народ, как то отмечает Геродот, да и не одни северные народы. Это не так наз. расовая черта, а показатель определенного этапа хозяйственной жизни, через который проходит все человечество. В Африке бушмены до наших дней сохраняют эту черту. На европейском Западе баски, на памяти истории, древесным плодом того же порядка, именно жолудями дуба, пользовались для изготовления хлеба, до возникновения у них земледелия, когда название жолудей, скрещенный сал-ионский термин *ar-to*, перешло на их хлебный продукт — 'манс'. У яфетических народов Кавказа местами застрял один из двух элементов термина; так, у сванов — салский элемент *ḡih* → *ḡi*, у абхазов также (*a-ḡ*), у мегрелов и чанов — ионский элемент (*ḡkon* → *ḡkon* и др.) в значении то плода 'жолудя', то самого дерева 'дуба', тогда как скрещенный сал-ионский термин и ч. и м. *ḡkid* (~ ч. *ḡkid* \ м. *ḡkəd*) означает уже 'мансовый хлеб' (|| груз. *ḡad*), точно также св. *ḡi* (← *ḡih*) 'жолудь' (→ абх. *a-ḡ* 'дуб') у абхазов налицо в составе термина *aḡi-ḡreu* 'кукуруза'. В Элладе же сошлись оба термина, и кавказское *ḡkid* → *ḡid* (из **ḡid*), на низшей ступени **ḡit*, в виде *σίτος* (русск. «жито», обращаю внимание на мн. ч. греческого слова *σίτα* в значении 'хлебных злаков', 'blé') и пиренейское *ar-te* в виде *ἄρτο-ς* в значении 'печеного хлеба' точно так же, как *pān* (← **pa-h'an*) 'хлеб' у персов, как и у зырян *цац* (← **ца-ап*) 'хлеб' и 'немолотый', но на всем Иране 'печеный хлеб', даже когда термин

диалектически налицо, именно у персов, в архаическом двухэлементном рошпонском виде *pa-gan* («п. *pa-γan*, *ming.* *pa-γan*»), да и у армян *pə kan* 'хлеб', специально 'выпеченный в золе хлеб', в яфетической среде на Кавказе и в финской на севере сохранился с доисторическим своим значением, со значением от доземледельческого хозяйства, на севере со значением 'липы' (ком. *дпрп*, удм. *дпц* ~ *поп* || *пан*), на Кавказе — 'ореха' (у абхазов еще одноэлементно, но с удвоением *a-ka+kan*), и нас хотят уверить, что финны-зыряне заимствовали название 'хлеба' у персов, у иранцев. Да ведь это и значит, что у лингвистов XIX века «Волга течет из Каспийского моря». Актуально важно отметить и проследовать явление более общего культурно-исторического значения, именно то, что греки в названии 'хлеба' еще резче отделяются от Запада и более многообразно связываются с Востоком, скифским Востоком: *σῖτος* и *ἄρτος* состоят из тех же элементов — салского (*si-* ← *шкi-* ~ *шкu-* ← *шкаг-* || *сар-* ~ *ар-*) и ионского (*-to* ← *-ton*), что и название скифов или сколотов. Связь греч. *ἄρτος* с бск. *arto* 'манс' ставит вопрос об особой территориальной среде (вне западной Европы), откуда термин усвоен как родной и греческим, и баскским, в последнем заодно с *arte* 'дуб' и т. п. Во всяком случае у прометеидов («индоевропейцев») на Западе ни греч. *σῖτος* 'хлебные злаки', ни греч. *ἄρτος* 'печеный хлеб' не имеют в целом сродного по звуковому комплексу эквивалента, у него в целом нет ничего сродного с латинским *ra+ni-s*: будучи бер-ионским, едва ли бер-рошским скрепленным термином, в архетипе это **ra-l-an*, двойник греч. *βάλαν-ος* 'жолудь', 'дуб'. Какая пропасть в отношении протяжения времени между этапом развития, на котором застряли греки со значением 'жолудя-дуба' данного слова и той культурной ступенью, на которой у латинян то же слово значит 'печеный хлеб'? Не находятся ли греки и римляне в вопросе о 'хлебе' в таких же взаимоотношениях, определяемых борьбой скифского и иберского хлеба, как в вопросе о 'золоте'? Мы сейчас не будем проследивать всей линии распространения берского элемента в простом виде или в скрещении в значении 'хлеба', в том числе и у русских в пережитке сал-берского скрещения — *χ-лѣб* (← **qel+e-b*). Но тот же термин *rou-*, что сообщает Геродот в значении 'дерева', используемого аргиппаями для 'еды', и отождествляемый нами с черем. *фонд* 'сосна' и его разновидностями, представляет с безукоризненной закономерностью одно берское племенное слово в диалектической разновидности, двойник слова *rig*, у грузин наличного уже в значении 'хлеба', и то же берское племенное слово, появляющееся в названиях 'хлеба', не только в романском, германском и славянском мире, но и на семитическом Востоке, равно у самих финнов, у финнов же, да и у русских налицо в скрещении с салским элементом в термине, означающем 'дуб', и вместе с ним и 'жолудь'. В заметке «Китайский язык и палеонтология речи» один общий термин прослеживается от Кавказа до Китая, у китайцев, понятно, без скрещения, одноэлементно (*mu* [↔ *mo*]) в значении 'дерева'.¹ В значении 'дерева' одноэлементно (*ru* ← *руи*) среди большинства финнов, в значении 'дуба' среди тех же финнов, у одних в акающей

¹ ДАН, 1926, стр. 109—112.

форме: суоми $ta-mi \rightarrow$ эст. $ta-m$, у других в окающей форме — коми $tu-pi$ (удм. ты-ры), черем. $tu-mo$, у чувашей в разновидности спирантной ветви $уи-шап$ и т. п., и на Кавказе у сванов — $шгъ-б$ ($\sim шгwi-b \leftarrow шkw1-b \leftarrow *шkir-b$) ‘жолудь’, т. е. тот плод, который у всех народов соответственной зоны был до перехода к земледелию хлебным питанием, и потому сал-берское скрещение у таких яфетидов Кавказа, как грузины, даже мегрелы и чаны, означает ‘хлебный злак’, ‘пшеницу’, ‘хлеб’ в разновидностях совершенно полных или всегда более полных (г. $qog-bal$, м. $qo-bal$ и т. п.), чем уже изношенные финские слова со значением ‘дуба’ или сванское со значением ‘жолудя’. Однако глагол ‘кушать’, ‘есть’, происходящий от основного предмета ‘еды’, как ‘пить’ от ‘воды’, у тех же грузин и мегрелов представляет основы слов, означавших еще не ‘хлеб’, а их функционально доземледельческий предшественник ‘жолудь’, и грузинский с мегрельским и чанским языками буквально повторяют финские окающие и окающиеся названия ‘дуба’, первоначально означавшие ‘жолудь’, повторяют они, как яфетические языки, разумеется, со свойственным им архаичным аффрикатным произношением, грузинский (окающий язык) повторяет финск. tam — в виде ʧam ‘кушать’, ‘есть’, мегрельский, равно чанский (окающие языки) — финск. tum (чм. $tumo$) — в виде ʧom^1 ‘кушать’, ‘есть’.

Нет основания останавливаться на этом, почить на утверждении, что еду свою человечество начало с жолудей. Во-первых, без отношения ко времени, несомненно, по территориальным условиям, с жолудями в инвентарь подлинно первобытной пищи нельзя не вводить не только деревьев с другими питательно равноценными данными, но и рыбы, и с этим возникает в самой лингвистике необходимость дальнейшей проработки выдвинутого нами положения о полигении семантики, т. е. в частности по нашему термину имеем тот факт, что подлинное для данного племени название ‘рыбы’ также лежит в основе подлинного для того же племени глагола ‘есть’, ‘кушать’; так у самих мегрелов и чанов, приморских жителей, по языку пережитков скифов, эта изначальная связь между терминами ‘рыба’ и ‘есть’ сохранилась по сей день: ʧom ‘есть’ и ʧom ‘рыба’. Во-вторых, как ‘рыба’, так и особенно растительная пища ‘жолудь-дуб’ имеют ряд функциональных заместителей, предков и потомков, и без установления этого терминологического ряда по эволюции хозяйственной жизни наши положения будут половинчатыми, почти так же ирреальными, как утверждения оторванной от материальной жизни старой лингвистической школы. Мы уже не говорим о том, что при семантических предшественниках ‘жолудя-дуба’ вместо двухэлементного скрещенного термина $\text{ʧa-ша} \parallel \text{ʧko-ша}$ имеет появиться простой одноэлементный звуковой комплекс, в качестве самостоятельного слова и в значении ‘есть’. И для этого нам оправдательный материал начинают давать, помимо самих яфетических, не только китайский, но и тибетский, да в иных случаях и любой из финских.

¹ К сведению незнакомых с элементами яфетической сравнительной грамматики: по закону звуковой корреспонденции в сибилантной ветви яфетических языков Кавказа ʧk пишущей группы есть закономерное соответствие ʧ свистящей группы.

С 'жолудем-дубом' вм. 'хлеба' мы все-таки нисходим уже в эпохи доземледельческой, да и доскотоводческой культуры. Мы уже на грани подлинной истории. А зачем вам это знать, когда мы говорим об исторических скифах? А потому, что скифы в различные эпохи мирового хозяйственно-государственного строительства различны, и, когда перед нами стоит генетический вопрос о скифском языке, мы должны это и в их творчестве учитывать. Понятно, от Геродота таких углубленных наблюдений мы не в праве требовать. Мы не в праве требовать от него того, чтобы он нам дал верные лингвистические знания о соотношениях языков северных народов со скифским. Даже категоричное указание Геродота на несхожесть того или иного языка, в частности аргипайского со скифским, никак не может быть учтено как лингвистическое определение их генетических соотношений. Геродот, конечно, не мог наблюдать, что северные народы ближайшего соприкосновения со скифами говорили на языках шипящей группы с оканьем; он не мог наблюдать, что, начиная с Кавказа вплоть до полнощных стран, народы расположены группами из трех разновидностей, по отличительной племенной огласовке своего языка — акающей, окающей и экающей, хотя этот факт и ныне наблюдается вне Кавказа среди приволжских народов в виде противоположения везде акающего языка с окающим, а пережиточно и экающего, в наречиях и говорах. Геродот не мог в линии того же интереса отметить факт, что как на Кавказе, так и у северных народов в словах с оканьем губной гласный u ($\leftrightarrow o$) перерождался в i , и подобно Qal-din-1 , заменявшему $^*\text{Qal-don}$, в названиях северных народов Bu-din и Isse-don вторые части представляют две (i, o) разновидности (по формуле: $o \leftrightarrow u \sim i$) одного окающего вида ионского элемента. Достаточно, что Геродот дал эти два термина с отмеченным перебоем губного гласного «о» во втором слоге. Достаточно, что сообщаем об общности термина pont- , в значении определенного для питания используемого дерева, у скифов с северными народами Геродот нам дал лишний роскошный пример в доказательство принадлежности некоторых северных народов и самих скифов не просто к окающей группе, но к шипящей группе яфетических языков, в особенности которой входит и оканье (гесп. уканье), в определенных случаях. Геродот занес, как предмет изумления, в свой труд факт существования народа, обходящегося без хлебных злаков — живущего пищею, добываемую только с деревьев. Можно ли упрекнуть его в том, что ему был неизвестен тот же факт из взаимоотношений греческого языка с языком Апеннинского полуострова, когда это неизвестно и лучшим классикам, хотя бы лингвистам XX века. Но его знания, более того — и интерес, вовсе не простирались до того, чтобы занести в свою историю тогда еще существовавшие названия хлебных злаков — сарматское, или иберское (имерское), у грузин, мегрелов и чавов, сал-ионское, оно же скифское по составу элементов, у армян ($\text{šog+en} \rightarrow \text{šog-en}$), а у чувашей ныне и сал-ионское ($\text{тыр-э} \swarrow ^*\text{tur-on}$) и бер-ионское ($\text{пул-э} \swarrow ^*\text{pul-on}$). Геродот не отметил нам даже того, как называли скифы-пахари 'плуг' (гесп. 'соху'), сохранившийся доселе на Кавказе под наименованием почти архетипной разновидности общеизвестного названия скифов — $\sigma\kappa\upsilon\text{-}\delta\alpha$, во всяком случае в более полном, чем он, виде ($\text{gu-}\delta\alpha\text{n} \leftarrow ^*\text{hku-}\delta\alpha\text{n} \sim ^*\text{sku-}\delta\alpha\text{n}$),

и что этот скифский плуг был, как полагается, культовый предмет, носил название общее с тотемным богом скифов, что также по сей день сохранилось в виде *ġu-ða* в грузинской речи, где мы застаем его в борьбе с названиями сарматского и кимерского или иберского тотемных богов *taġ-mað* и *ġ+meġ-ð*, в последнем из которых на чisto кимерское название *ġ-meġ* накинута ионский элемент *ða*, ныне представленный его пережитком *ð*.

Естественно, что Геродот по северным народам мог бы нам дать не меньше этнографических сведений, имеющих прямое отношение и к скифам и к скифской речи. Но столь же естественно, что, не будучи лингвистом, он не отметил в речи общности со скифами подъема губного *m* в *p* → *b*, как в армянском, ни падения плавного *g* без огласовки у некоторых северных народов, как в армянском, но мы не можем не учесть всего этого и вынуждены утверждать, что *Bu-ðnp*, архетипно **Bu-dop*, утратившее *g* как Мокша, является двойником **Mog-dop*, архетипа нынешнего названия *Mog-dva*, и только по недомыслию толковали термин «мордва» как 'людоед', с помощью случайно созвучных иранских слов. Впрочем, не надо было быть лингвистом, чтобы отметить такую бросающуюся в глаза особенность ряда северных языков, как недопущение плавного *g* в начале слов, свойственное, между прочим, армянскому и баскскому. И вот почему рошское племенное слово (оно же этрусское) в хорошо известной разновидности *geš* → *gej* || *gīš* → *gīj* обращено в *ij* и *ej*, и это во времена Геродота в термине *Isse-dop*, который в первой своей части *isse-* (вм. *ij-e*) пережил в основе ряда топонимических названий, как, напр., *Id-va*—«Иж-ма», «Иж-ев-ск» и др. Поэтому, вопреки молчанию Геродота, мы вынуждены утверждать, что тотемный бог скифов имел распространение и на севере, как более полная и более древняя форма племенного названия скифов *Skw-ða*, именно *skul-ta*, на севере у суоми используется спирантизованно в виде *kul-ta* в значении 'золота' (кар. *kul-du*), но еще более древний его вид, именно лишь первый его элемент, звучащий *kuġ*, тотемный бог соответственно простого еще племени, сохранился пережиточно у зырян в значении 'злого духа', 'нечистой силы', у тех же зырян, у которых в значении 'бога', а затем в христианстве — 'иконы', 'образа' до сих пор господствует также простой тотемный бог, уже ионский, второй элемент *ða* (← *ðan*) скрещенного термина *skw-ða*, в экающей спирантной разновидности *uep*, с акающим спирантным эквивалентом *an* 'бог' и в шумерском, и в абхазском (*an-ða* 'бог'). Раньше могла бы поразить такая идеально чистая сохранность на севере, именно у зырян, названия одного из тотемных богов племени, вошедшего еще в доисторические времена в племенной состав скифов, не говоря о самостоятельном появлении ионского бога. На самом деле у зырян сугубое право на обладание в своем пантеоне богом-примитивом *kuġ*. Изумить могло бы не это, а разве то, что у зырян он низведен до ступени 'злого духа' и 'нечистой силы'. Объясняется это, с одной стороны, соотношением 'добра' и 'зла' в представлении племен, стоящих на ранних ступенях культуры, с другой стороны — повторными процессами скрещения зырян и вообще коми с родственными финскими племенами еще в эпохи лфетического их состояния, в результате чего название 'неба', которое и есть первичное космическое значение 'бога' и должно бы звучать *uep*,

осложнилось наращением известного уже нам рошского племенного слова *ej* и звучит *uep-ej*. Между тем, зыряне носят два названия, в каждое из которых входит салское племенное слово, и ни в одно из них — рошское. Из этих двух названий одно *zəg-uap*, в архетипе *zəg-uap*, разновидность племенного названия *ski-ḡa*, равно *gug-ap* и ряда терминов культа у кавказских яфетидов (*ḡu-ḡa*, *gu-ḡap* и др.), другое — *ko-mi*, в архетипе **kol-miʔ* (\leftrightarrow **kol-meʔ*) или **kol-miʔ*, разновидность племенного названия — *ki-meʔ* или с архетипом **komer* \leftrightarrow **ku-miʔ*,¹ также хорошо известного и на Кавказе, в виде *go-meʔ*² \leftrightarrow *gu-miʔ* \searrow *g-miʔ*³ || *ga-miʔ*,⁴ все в значениях терминов культа или эпоса, имен богов, жрецов или героев. Также у западных финнов: при трех сибилантных разновидностях того же *ko-mi* и значении национального названия — *Suo-mi*, *Suo-men-*, *Suo-mal* — одна спирантная в значении 'бога', явно тотемного — *Yu-mal-a* (эст. *Yu-mal*).

Естественно, что термин *kol*, наличный в обоих племенных как бы названиях народа *ko-mi*, *ki-meʔ*, был некогда его 'бог', впоследствии деградированный в злого духа — *koʔ*. Что касается берского племенного слова, второго элемента в названии *ko-mi*, ни у зырян, ни у пермяков нет его в том же кругу понятий, но оно появляется в акающей форме *шаг* у ближайше родственных с теми и с другими удмуртов, или вотяков, в термине 'бог': *шшаг*.

В значении же 'золота' и удмурты, и пермяки, подобно зырянам, имеют скифское название *zəg-d*, по глубочайшему недоразумению признанное заимствованием из иранского, где у термина нет никаких корней, кроме яфетических предпосылок. Скифский же элемент служит в виде *zəg-ḡi* и *zəg-ḡi+ḡi* глаголом со значением 'разговаривать', первично 'скифить', 'говорить по-скифски', у коми и у удмуртов.

Наконец, у зырян скифское племенное название появляется в третьей известной разновидности, именно *sa-k* (\leftarrow *sa-kan*) в окающей форме *so-k*, как в Армении при *sa-k* и *zo-k*, у зырян с перебоем *so-k* в *şik* \rightarrow *zɪ-k* или с редукцией губного гласного в $\text{э} \leftrightarrow \text{ы}$ — *zək* \leftrightarrow *зык*. Последнее, как племенное название, отложилось и в наименовании реки Сысолы — *Sыk-тыv*, и в наименовании города Усть-Сысольска — *Sыk-тыv kəg* или *Sыk-тыv dп*. Что же касается *şik*, то это племенное название у яфетических народов Кавказа звучит *ḡiḡ*, в греческом произношении это *Zixxi*, народ на северо-восточном берегу Черноморья, в Тмутаракани. С окончанием мн. ч. *-t* у зырян (коми) — *şik-t* 'деревня', 'поселок', на Кавказе его эквивалент у мегрелов *ḡi-ḡa*, у грузин *ḡi-ḡe* 'крепость', как и на Волге у мариев, или черемисов, *ḡik* 'город', крепость'.⁵

У самих коми синоним этого *şik-t* 'деревня' — коми́ское же слово *got-t* \leftrightarrow удмуртское *gug-t* 'село', 'деревня', на Кавказе его же двойник *qə-ḡa* у абхазов (*a-qə-ḡa*) также 'селение', хорошо известное и из *qu-ḡa*, первоосновы названия крепости-города Кутанса, и значительно раньше; один же первый его элемент

¹ Русское «кумир», ср. г. *qug+u-m*, арм. *qug-məp* 'жрец'.

² Племенное название, в Библии обращенное в имя патриарха.

³ Груз. 'герой', осет. *id.*

⁴ Арм. *ga-miʔ-q*, название каппадокийцев, разновидность того же *gʔu-miʔ* или *gomer*.

⁵ Отчет о поездке к вол-камским народам [см. здесь, стр. 373—379].

kur не раз указывался для разъяснения тмутараканского термина kur 'село' в Слове о полку Игореве. Эти кавказско-, порой тмутараканско-зырянские встречи, вытекающие из общей скифской почвы, особенно важно наблюдать и в скифском вазвании Зевса. Дело в том, что слова, означающие 'бог', в наших северных языках дают полное оправдание тому положению, по которому в значении 'бога' используется слово 'небо', и вот, когда Геродот в значении Зевса приводит скифское слово παπαῖς, т. е. Рапау, то оно, следовательно, значит 'небо', и это подтверждается существованием в том же кругу северных языков слова рара или рапау 'птица' (удм.), что палеонтологически представляет дериватное значение 'неба'. В то же время выяснилось, что рара историей своей формы восходит к архетипу *paɾaɪ → bal-bal || bal-ban, разновидностью которого является bol-van, название тмутараканского 'идола'.

Яфетический анализ с опорой на кавказско-финские сродные материалы дает полное оправдание Геродоту, когда он ἐνάρεις толкует греческими ἀνδρόγυνοι (Геродот, I, 105 и IV, 67): ἀνδρόγυνος есть точный перевод скифского термина, который, по устранении греческого окончания мн. числа, звучит en-age-, что буквально значит 'женщина+мужчина', т. е. в точности ἀνδρόγυνοι, как толкует Геродот, но в обратном порядке слагаемых слов, в том именно порядке, в каком данный термин составляется у грузин (qaga-bit), у армян (kəna-mard) и т. п., ибо en значит 'женщина', так у северных пережитков скифов-зырян по сей день, а ag-e значит 'самец', 'мужчина', 'отец', так ныне у тех же зырян ау (✓ ag) 'отец' и сродных с ними удмуртов ау-ə (ag-u) 'отец' ('самец'), мокш. морд. йг → ег 'каждый' из первичного значения 'человек', а на Кавказе — у армян, наследовавших скифам-халдинам, — аг-и 'самец', ауг из аг-1 'мужчина' и у абхазов с наследием речи скифов-колхов аг- 'самец'. И нет и не было никакого основания искажать чтение Геродота и его показания в угоду предвзятому построению об исконном иранизме скифов и переводить известный термин 'женщина+мужчина', т. е. 'гермафродит', через 'не-мужской'.¹

Анализ одного из во многих отношениях любопытных скифских слов (это именно сообщаемое Геродотом ουογ-ρατα 'человекоубийца') уже напечатан нами в введении выходящего на днях в свет Абхазо-русского словаря. Ограничусь здесь заключительной частью этого анализа, предвослав ей заимствованное отсюда же указание на то, что сейчас «переживаем момент, когда открылась племенная связь зырян со скифами, и получились конкретные возможности толковать скифский лексический материал с двух сторон: со стороны их, сколотов, тёзок — колхов, переживающих своей речью в языках шипящей группы на Кавказе, и со стороны их, скифов, тёзок — зырян. Здесь также приходится искать переживания шипящей речи уже на севере». Анализ же чисто лингвистический мы заключаем словами:² «Таким образом, выходит, что: а) во-первых, скифское составное слово ουογ-ρατα 'человекоубийца' сложено из двух яфетических слов шипящей группы: 1) ου+ογ 'человек', параллельную разновидность которого

¹ Max Vasmer, Die Iranier in Südrussland, Untersuchungen über die älteste Wohnsitze der Slaven I, стр. 13.

² Н. Марр, Абхазо-русский словарь, стр. XXXI—XXXII.

*ou-wug сохранили нам абхазы в своем o-wə, с членом a-o-wə 'человек', и 2) rat-a 'убийца', основа которого rat, здесь использованная самостоятельно, еще до скрещения, сохранялась в шипящих языках Кавказа безукоризненно точно, в виде vad || se ved (← *vad || se ved ← *vat / rat) и в шипящем слое армянского языка уже с диалектическим уклоном rap (← *ra'n't ← *ra'n't), но в состоянии скрещения, без скрещения же мы его имеем в скифской разновидности, да с уклоном в огласовке к свистящей форме (e) в основе мордовского мокша реф+k-ап 'убивать', и б) во-вторых, скифский язык в отношении огласовки проявляет обе основные черты яфетических языков Кавказа шипящей группы: окание (skw-да, особенно национальное их название skol+o-t) и акание (pa-ta) при экании свистящей группы».

И там же присоединяю: «К скифским словам с оканием относится, как в последний момент выяснилось, еще sru 'глаз', а с аканием, в соответствие «е» свистящей группы, агша 'один'».

Но эти два слова известны нам из составного скифского термина агша-sru и агша-srou, приводимого Геродотом, однако с толкованием не только целого составного слова, но и каждой из его составных частей, ἄριμα γὰρ ἐν καλέουσι Σχόδαι, στὸν δὲ ὀφθαλμόν («ибо словом агша называют скифы 'один', а sru 'глаз'»).

Там же речь об агша 'один', составном термине из 1) аг+1 'один', как у абхазов а- из аг, сохранившееся у кавказских пережитков скифов, именно мегрелов и чанов, аг — в аг+д-1 'один' (у чанов и самостоятельно аг), да у армян -аг (в и+е-аг 'друг друга') и 2) -ша 'один' или нумеративное имя, как в абхазском -ба, при пассивных или неразумных словах. Обо всем этом в специальной работе о числительных.¹ Равным образом и о s-ru ← s-rou (✓ *ш-rog, resp. \ *j-rog ↔ j-wug), оказавшемся скрещенным термином, причем второй в нем элемент в архетипе rog, безукоризненно закономерный по шипящей группе эквивалент второго элемента val свистящей группы в грузинском ə-val 'глаз', двойника самостоятельного у абхазов bla (à-bla) и коптов bal 'глаз' и т. д., и т. д.²

Но какой же народ получил скифское название, означающее 'одноглазый'? Да тот именно, который по сей день носит составное сал-берское название ko-m, в архетипе kol-me, означающее 'три' потому, что последняя его часть -me также означала в эпохи яфетического состояния 'один', а первая часть — 'два', 'пару', 'руки', но также 'глаз', и это племенное название скифами было воспринято по народной этимологии как 'глаз+единый' или 'одноглазый', и соответственно переведено по-скифски.

Наконец, культовые термины, названия богов и космических предметов, — наиболее консервативная часть словаря. Они требуют подхода со средствами, годными для анализа явлений доисторического порядка, особым методом, в особой мере палеонтологическим, с учетом хозяйственной жизни и ею обоснованной общественности и мировоззрений.

¹ [О числительных (К постановке генетического вопроса), Сборник «Языковедные проблемы по числительным», т. I, Л., 1926, стр. 1—96; ИР, т. III, стр. 246—306].

² Н. Марр, Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этиогонии восточной Европы), стр. 141—142 [см. здесь, стр. 172].

Первым назову Tabiti (Ἰαβίτι) Ἰστίη, божество 'очаг', палеонтологически 'огонь', сам 'предмет и материал производства' и т. д., и т. д. Термин представляет точный эквивалент по свистящей группе спирантного abid ↔ abed ← habed, из которых нарицательно первое, со значением 'огонь', 'сжигание' находится в основе халдинского глагола 'предавать огню', 'сжигать', второе ha-bed у сванов (равно ho-bed), a-bed у грузин 'трут', а как собственное имя это двойник Прометея — Yà-ret (Ἰαπέτος). Термин представляет сал-берское скрещенное слово, т. е. возникшее от слияния двух равнозначущих слов, салского ya-, в полной форме yaI, у грузин сохранившегося в значении 'пламени' — aI, и берского ret → bed ← фeθ 'взрыв огня' (фeθ в г. фeθ+q-a 'вспыхнуть'), усеченно bI (на севере по сей день налично у коми в значениях 'огня').

• Как мифологический термин 'герой', 'полубог' и 'бог' Иапет — «сын Уран-неба» и «Gaуа-земли», палеонтологически он не только 'сын Урана', но само 'Уран-небо' и сама 'Гая-земля', так как палеонтологическую речь установлено, что 'небо', 'земля' и 'преисподняя'-'море' носили одно и то же название, и различаться стали впоследствии или прибавкой словечек, означающих 'верх', 'низ' и 'под', или фонетической дифференциацией, и вот спирантный двойник скифского Tabiti 'Очага', 'бога огня', именно Yaret или *Yarit (ср. Abid), в усечении Ari, могло означать и 'землю' и 'море', гесп. 'воду', и, действительно, ari || avi и значило 'воду', и только 'воду', у иранцев, но у скифов ari сохранилось в значении 'земли', 'божества Земли'. С другой стороны, этот усеченный вид, как и более полный Yaret, есть скрещенный термин, из a- и -ri, одинаково означавших каждое самостоятельно 'землю', 'низ' и т. п., и, действительно, a- — пережиток aI || ar через au, у халдов означавшее 'земля', 'страна' (aI-e 'в страну', aIa 'бог земля' и т. п.), а aI 'низ', 'под чем-либо' в мордовском, и его сибилантный эквивалент ta, как в скифском Ta-biti, у абхазов первично африкатно ta значит 'дно', 'низ', именно 'под', у грузин озвонченно da значит 'низ', а второй элемент ri, при учете скифского подъема r в ш, являясь двойником шI, есть эквивалент зырянского ши 'земля', 'страна' и тот самый шI, который, скрестившись с равнозначущим первым элементом ta, в обратном порядке дал шI-ta, сохраненное грузинами в значении 'земля', как его скифский двойник ari 'божество земля'.

В связи с этим любопытную пару представляют скифские ar+gim-pasa (Ἀρῦμι-πασα) 'Афродита Урания' и θa+gim-asad (Θαῦμιασαδα) 'Посейдон', т. е., подходя с точки зрения первобытного мышления, богиня 'верхнего неба', нашего 'неба', 'Урания', и 'бог нижнего неба', что под нами, т. е. нашего 'моря'. Откинув слова, означающие 'богиня', 'бог', вообще 'божество' (во втором термине — asad, это azat у армян, 'священный', 'бог', передавшийся от яфетического субстрата и иранцам), в первом термине — pas-a, слово, сохраненное в значении 'бог' племенем эрзя из мордовского национального образования, мы получим слова argim в значении 'неба' и θagim в значении 'моря'; но и эти слова составные: в них gim — основное слово, означающее то 'небо', которое может быть и 'верхним' (по-скифски ar), и 'нижним', и 'преисподним' (по-скифски θa) небом. Этот gim — усеченный вид одной разновидности того распространенного по всему

Средиземноморью термина *камаг* с его роднею, который уже разъяснен мною в работе «Несколько архитектурных терминов, означающих 'свод' и 'арку'». ¹ Но тогда разъяснение было дано формально, без учета палеонтологии значения и скрещенности термина. Основное в нашем термине слово *gim* также скрещенное, но нам сейчас не нужен дальнейший его палеонтологический анализ. Само слово *gim* самостоятельно означало и 'небо', и 'землю', и 'море'. Поэтому у сванов *gim* сохранилось со значением 'земли', у северных народов финского круга оно сохранилось в дериватных от 'неба' значениях: 'гром' — ком. *gym* ↔ *gəm*, в иных — 'небо', гесп. 'нёбо' (ср. *-gom* в скрещенном чм. *рыl-gom* 'небо'), а на Кавказе у грузин 'небо' в удвоении *kim-ki+mel* ² и также *ḡim-ḡi+mel*, ³ а в скифском в одном случае также — 'небо', отсюда 'богиня небесная' — Афродита, Уравия, Иштарь месопотамская, Туран этруская, с прибавкой в начале *ag-* 'верх', как в грузинском *a-* (в глаголах, в именах же его синоним — *ze*), *ag-gim* 'верхнее небо', т. е. наше 'небо', в другом случае — 'море', отсюда 'бог моря и вод', Посейдон, с прибавкой в начале *ḡa-* ← *ta*, что в связи с абхазским *ta* и грузинским *da* мы уже разъяснили как 'низ', даже 'под', здесь именно 'низ', 'под', как в грузинском *ḡa-* или *шḡa-*, так что скифск. *ḡa-gim*, буквально 'небо под ногами', 'небо преисподнее', т. е. наше 'море', и, следовательно, *ḡa-gim-asad* 'бог моря', 'Посейдон'.

Теперь мы можем вспомнить народ аргиппаев: в связи с *argim* 'небо' толкуется и *ag-gir* в их племенном названии, буквально означающее 'дети неба', так как *rau* — это архетип абх. *фа* 'дитя', 'сын', эквивалент основы *rou* финского слова *суоми rou-ka* 'сын' (кар. *rou-gu* 'ребенок'), эст. *рое-g* (р. *rou-a*) 'сын' и т. д. Теперь нам, во-первых, понятно, что аргиппай считались 'священным народом', ибо 'священный' — по палеонтологии речи 'небесный', а аргиппай значит 'дети неба'; во-вторых, мы теперь знаем, какой из северных народов носил это название не по-скифски, а по тогда еще, следовательно, яфетическому языку, — это вогулы, успевшие переработаться в финнов и по языку: племенное название *vo-gul* уже год тому назад разъяснено печатно как 'дети неба' или 'небесята', путем сравнения с яфетическими языками Кавказа. ⁴

И, наконец, о божестве Аполлоне, т. е. космически 'солнце'; палеонтологически это обычно или то же самое слово, что 'небо', или, в отличие от него, 'небесенок', 'дитя неба'. По-скифски Аполлон — *Γοιτοσυρος*, т. е. явно составное *goyto-sur* или *goyto-sur*, resp. шуг: *swr* это 'сын' в языках шипящей группы — ч. *skir* 'сын', равно шуг, ⁵ м. *sqir*, *squa* ← *squ*, а *Goyto*, через **Gor-to*, тотемно использованное в значении 'неба' племенное название скифов, разновидность *skolot'a*, как немецк. *gold* (кар. *kuldu*) и *суоми kulta*, но более выдержанное в отношении губной огласовки. Несомненно, его лишь разновидность *kaldə-sin* (← **koldo-*

¹ Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 137—167 [см. русский перевод, ИР, т. III, стр. 199—218].

² Специально 'орбита Юпитера' по Орб.: 'небо Зевса (ḡozb) шестое'.

³ Специально 'орбита Марса' (у Чуб. сам 'Марс'), по Орб.: 'небо Марса (ḡozb) пятое'.

⁴ Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий [см. здесь, стр. 301].

⁵ По Ачаряну, у «трап. лазов», см. Н. Марр, Грамматика чанского языка, в. в.

sin), название 'бога' у удмуртов, не знающих, однако, какого. Это же *gordo* (← **gorto*) и самостоятельно должно бы означать, однако, 'солнце', также 'румяную зарю', равно 'лошадь', и потому *gord* у удмуртов и *gərd* у коми значит 'румяный', 'красный', 'рыжий', а у коми *gərd*-ыпы значит также 'ржать', следовательно, палеонтологически очевидно, *gordo* значило 'лошадь'. С этим яфетическим конем мы могли бы далеко уехать в глубь доистории, пересев на простых яфетических коней с простыми названиями из одиноких элементов.

Термин *gor-do* || *gor-de* скрещенный. Элементы этого скрещения также означают, каждый в отдельности, 'лошадь': первый элемент *gor* — салский, это — двойник наличного идеографически и в хеттском клинописного *kur* 'лошадь', а второй элемент *do* → *de*, ионский, это двойник термина *dop* 'лошадь', чеч. инг. *dɨ* ← *dī*, resp. *dɨn* (мн. *dwoy*), арм. *ḏ* 'лошадь' и баск. *-dɨ* 'лошадь', в последнем также из скрещенного термина — *sal-dɨ* 'лошадь'. Но сейчас нам важно отметить именно использование этого сал-ионского, т. е. скифского, скрещения в значении 'лошади' и связанных с ним космических представлений 'неба', 'солнца', resp. 'утренней зари', 'румяного цвета', 'лошади', также и 'седла' по функциональному развитию значений, как то учит палеонтология речи. Спирантной разновидностью окающей *gor-do*, прослеживаемой палеонтологически в удмуртском и коми со значением 'лошади', у скифов в виде *goy+to* означавшей 'небо' → 'солнце', на Кавказе отвечает спирантная же разновидность с аканием *qal-dɨ*, в полной форме *qal-dɨnɨ* ['*небо' →] тотемный бог халдов или халдинов, в разновидности с утратой спиранта *ag-dɨnɨ* 'солнце', 'бог солнца' в халдской же триаде богов. Сибилантную разновидность *sal-dɨ* 'лошадь' сохранили нам в Пиренеях баски, но баски имеют особые языковые связи и с финнами, хранителями яфетических переживаний северо-восточной Европы в своей речи, и с кельтами, хранящими языковое наследие от соответственных яфетидов Британских островов, в частности пиктов, т. е. тех же басков; потому-то баск. *gor-ɨ* с одной стороны означает 'красный', вторя удмуртскому (вотскому) *gor-d* и коми (зырянскому) *gər* 'румяный', 'красный', 'рыжий', а с другой стороны то же слово *gor-ɨ*, усеченный вид архетипа **gor-in* || **gor-yan*, представляет использование в значении 'красного цвета' именного значения этого слова 'солнце', в каковом значении сохранили нам его ирландцы в своем средневековом *gr-an* || *gr-en* (∞ **gr-an*) в архетипе **gr-yan* 'солнце'. И с такой же разноречивой огласовкой, повторяющей огласовку известной основы *sku-ʒa* термина скиф, с полной формой обоих элементов скрещения в архетипе **skur-tan* (→ *skul-tan* и т. д.), слово означало 'лошадь', и это свидетельствуется тем, что грузины сохранили его со спирантизацией начального свисгающего в виде *kur-tan* в значении 'седла' (специально 'вьючного седла'), согласно положению о функциональной семантике. Что 'золото' и 'солнце', resp. 'небо', носят созвучную разновидность скрещенного сал-ионского термина, наименования скифов, это находит параллель и в клинописных начертаниях 'золота' и 'серебра', представляющих использование идеограмм 'луны' и 'солнца'. Не менее в порядке вещей тождество той же разновидности скифского племенного названия и в значении 'бога': это теперь альфа палеонтологии речи, что с установления эпох космического мировоззрения

‘бог’ это ‘небо’, герр. его та или иная частичная эпифания: ‘солнце’ и т. п. Внимания заслуживает, с каким бы интересом ни подходить к скифам, — с интересом ли доисторика, или историка, особенно историка культуры, — лишь одно громадной важности обстоятельство, собственно непрекаемый факт: совершенно реальные достижения скифов в области материальной культуры, в том числе и открытие металлов, в особенности ‘золота’, и изобретение ‘плуга’, — настолько древнее явление, что они успели войти, еще до возникновения письменных источников истории, в систему космических представлений и до нас сохраниться в легендарных изложениях с приемами мифов. Геродот или, вернее, его источники и в этом отношении добросовестно повторяют то, что передавалось в народе в сказаниях мифического склада о *скифском* золотом *плуге* с неба, очевидно, со *скифского* золотого неба, о *скифском* золоте и т. п. Нужно ли прибавлять, что все это космическое мировоззрение, с которым неразрывно связаны и религиозные представления, — не что иное, как отложение успехов в эволюции хозяйственной жизни и ею порождавшейся общественности? Скифская общественность ушла далеко от первичной ступени развития с ‘жолудями’ или древесным питанием, отложившим свидетельство своего господства в культовых образах, ставших одной орнаментикой, на вещественных памятниках. Скифская общественность ушла далеко и от ранней ступени развития культуры с оленем в роли животного передвижения. За оленем и лошадь становилась культовой. Скифская общественность переживала, т. е. оставляла за собой ступень культуры с одной лошадью в роли животного передвижения. Скифы скрещены уже с кимерами или иберами, этими скитальцами Средиземноморья, вместе с этрусками, мореплавателями, проторявшими путь и финикийцам-сеμίтам и грекам-прометеядам («индоевропейцам»). Скифский пантеон знает и морское божество, и небесное, Посейдона и Афродиту, уже раздвоенное или иностаси одной Иштари, в терминах иберского, или кимерского, племенного происхождения. Яфетических доисторических коней, в том числе и скифского коня, мы покидаем, чтобы переместиться на все еще яфетические кимерские и этрусские кони-корабли, для пути, освещаемого светилами уже астрального культа, и чтобы с яфетически понятным языком скифов из доистории въехать в забытые человечеством, замолчанные и ученым миром исторические эпохи Средиземноморья.

Яфетические зори на украинском хуторе¹

(Бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке)

Посвящается
Второму Всеукраинскому съезду
востоковедов

Кому Милосская Венера, да Владимир Красное Солнышко, а кому богиня Мотыга или, что то же, богиня Рука, да Свинья Красное Солнышко. Неладно: нет солнышка женского рода. Но не наша вина, что, зная прекрасно про женский род солнца и невозможность вгереть очки современникам, сразу обратить ее, еще женщину в осознании первобытного матриархального общества, в бородастого представителя человечества, кое-где правду-матку прикрыли фиговым листиком, и солнце оказалось существом очень сомнительного рода: среднего. Что солнце в осознании не одних современных нам или средневековых яфетидов представлялось женским творением, это легко видеть не только по тому, как в таком архаическом по нормам хамитическом языке, как берберский, 'огонь', получивший функционально по 'солнцу' свое название *ḡi-təs*, — женского рода, но с женским оформлением называется и 'глаз' — *ḡi-t*,² являющийся по палеонтологии речи названием 'солнца'.

Впрочем, ведь эта социально-половая метаморфоза (конечно, не в природе вещей, а в представлении человечества) произошла не с одним солнцем. С солнцем не определившегося еще рода можно было бы, пожалуй, хоть по эпическому представлению мириться. В эпосе, так у армян, солнце — 'отрок', 'дитя', а 'дитя' ведь тоже среднего рода. Однако то же самое видим с 'небом'. Про 'землю' как будто не забыл никто, что это мать-сыра-земля, т. е. попираемая мужчинами, захватившими общественную власть, женщина, но небо, эта прекрасная сводчатая или купольная надстройка, конечно, также среднего, если уже не мужского рода: где *soelum* и «небо» (т. е. средний род), а где *οὐρανός* и *le ciel* (т. е. мужской род). Впрочем, про французов говорят, что они потеряли средний род, как и склонение. Однако как можно терять то, чего не только ни французы, ни их настоящие предки не имели, но чего в природе не было, этого «среднего» рода, да, если хотите, и склонения. Однако, что 'небо' было женского рода, тому свидетели такие бесспорно почтенной древности языки, как латинский, греческий, да и кельтский, ну хотя бы бретонский. Ведь из палеонтологии речи известно, что «часть по целому», т. е., напр., по 'небу' носило название 'облако', в первобытном представлении являвшееся одним целым с 'небом'. В русском опять средний род, но уже во французском «la nue», не говоря о «la nuée» (*le nuage* — позднейшее образование), а о греческом (*νεφέλη*), латинском (*nebula, nubes*), да бретонском («*nepp*») и говорить нечего. В бретонском за отвлечением второй части, при формальном анализе — окончания женского рода -*ep* (по ложной орфографии «*ep*»), остается *ng*, что без всякого надбавочного признака, вместе с его

¹ [Напечатано в «Ученых записках Института этнических и национальных культур народов Востока», т. I, М., 1930, стр. 1—75.]

² См. ниже, стр. 253.

двойником означало 'женщину', 'девушку', хотите и 'невесту' (ведь свадьба это обряд культа неба). Не забыть, что об *пг* и *ог со* значением 'женщины' приходится говорить по связи с армянским языком, по многим слоям своего состава более близким к бретонскому, чем французский: это арм. *ог+1-огд* 'девушка', буквально 'женщина-дитя', это скрещенное образование арм. *-urhi*, герср. *-urhe*, обратившееся в суффикс, показатель женского пола, на самом деле скрещенье *иг* 'женщина' и *не* 'женщина'.¹

Понятно, что яфетидологические утверждения, как бы они ни были слабо разработаны (тоже ведь не по нашей вине) и как бы таинственно ни нашептывали современные маги хулений, прорывающихся изредка по неуравновешенности искалеченных голов, как бы их ни хаяла стоустая молва с задворков и как бы торжествующе-величественно ни замалчивались они в кругах настоящих и будущих, чем и молодые надеются стать, сенаторов науки, это призыв к свету и свежему воздуху, к яркой радости и живой общественности, т. е. к полуденному солнцу, сжигающему беспощадно всякие миазмы, а не тяготение или возврат к ночи. Это не вечер, а зори, красные радостные зори. На то и роднящий нас с так называемыми индоевропейцами Прометей. Похитив, как яфетид, огонь-свет у Неба, он оказался обращенным индоевропейцами в «Провидение» (живущие задами ведь доселе повторяют этот вздор), а провидение, т. е. мудрость, как известно индоевропейцам-грекам, вылетело из головы Зевса, и как же можно было не усвоить Прометея в прародители сочиненным, т. е. в природе не существующим, индоевропейским «народам», собственно почтенному классу, тоже ведь породе людской, так и родившейся на свет божий мудростью надстроечного происхождения, из головы, да какой головы? Мужской. *Σοφία* 'мудрость', и сама «Афина», да «голова» все женского рода, а родитель — Зевс. Мужчина рождает. Это напоминает Библию семитов. Но в Библии, излагая историю соиздания женщины из мужчины, не забывают, что взято было 'ребро' от Адама, а 'ребро', как 'бок', как 'сторона', восходит к 'руке' по палеонтологии речи, а по 'руке-производительнице' была названа и 'женщина' в порядке функционального развития значений слов. Имелось в виду отметить таким образом не физический пол, а производственно-общественное значение женщины, матери-хозяйки-главы. Потому-то одного рода с 'рукой' и 'женщина', и 'рука' женского рода, конечно, не по физическому ее восприятию. Но почему «бабушкины сказки»? А потому же. Потому, что сказки наши, добытые палеонтологическим методом, отнюдь не чужаюсь настоящего и актуального, наоборот, из него исходя и неудержимо проникая в глубь океана материалов, захватывают со дна факты в окаменелости тех доисторических эпох, когда не было еще ни папы, ни, следовательно, дедушки, когда папа не успел еще сместить в социальном строе маму, пройдя через общественные функции, первоначально усвоенные брату, когда еще не успел, следовательно, наследовать название женского возглавления первого человеческого коллектива, отнюдь не семьи и не рода, т. е. отнюдь не социальной группировки по признаку единства крови. Потому понятна основная разница яфетических языков

¹ Про *не*, герср. у мегрелов *qe*, сванизм, см. Н. Марр, Нарисательное значение термина *qera* в «митапских» женских именах, ИАН, 1921, стр. 123.

от так называемых индоевропейских, прометейдских, собственно тех же яфетических по массовому основному материалу, но переработанных в новую систему в процессе социально-экономического перерождения потомства Яфета, или, что то же, Прометея, в потомство прометейдского слоя в Европе и в части Азии. Это то, что названия папы и мамы смещены, отсюда и 'дедушка' и 'бабушка'. У так называемых индоевропейцев как никак, бретонцев, кельтов 'отец' — *tat*, а это ведь пережиток архетипа шипящей группы **ta-taʎ*, ныне представленного у яфетидов в различных по огласовке социально закономерных разновидностях: м. *da-dul* 'самка', чанск. 'курица', ч. *da+d-1* 'тетка' (← *'мать'), ч., г. *da+d-e* 'посаженная мать', м. *di-da* 'мать', г. *de-dal* 'самка', г. *de-da* 'мать', 'женщина'.

А *ma-ma* ← *ma-mal*, *gesp. ba-ba* (в говорах) у грузин, если не перечислять его эквивалентов в ближайших родственных языках, а часто и не ближайших (берб., тур.), наоборот, 'отец', 'мужчина', 'самец', равно отсюда и *bab-ua* 'дедушка', и только в *beb-ia* 'бабушка' еще пережиток того, что и этот элемент (В), также в удвоении, означал первоначально 'мать', 'женщину', в каком смысле и получил он право гражданства в речи господ индоевропейцев, в соответственных составных терминах — со значением 'мать' (лат. *mā-ter* и т. п.). Но 'бабушка' и 'дедушка', равно «дед», как и у армян *tat*¹ 'бабушка' при диалект. *tateu* 'старший брат', с которым отождествляется брет. *tat* 'отец', говорят о той громадной пропасти, которая отделяет мышление яфетидов-грузин с ближайшими сородичами от прометейдов, или так называемых индоевропейцев, следовательно, и украинцев и русских, но не двоящихся в установке своего речевого мышления армян, с двумя их языками стоящих на грани мирового социально-экономического переворота, — того переворота, с которым связано рождение языков «индоевропейской» системы. Выявление этой грани различных ступеней стадийального развития в терминах общественного строя существенно всяких формальных признаков, связанных также в конечном счете все-таки с социальной идеологиею, а не со свойствами звуков, и эту грань, конечно, необходимо учитывать со всеми ее последствиями, и тем не менее сближения яфетических языков с так называемыми индоевропейскими, в интересах необходимости яфетидологического подхода и к украинскому языку приходится относить хотя и правильно к бабушкиным, но все-таки сказкам, лишь потому, что так решили специалисты-лингвисты, мнение которых господствует во всем ученом мире, даже у нас.

Но почему и у нас? Почему и у украинцев?

Ни для кого не тайна, каковы наши бытовые от отживающей, но, увы, далеко не отжившей старины унаследованные взгляды на кавказские народы. Это ведь чуть ли не полудикари. Менее всего это тайна для нас, имевших случай наблюдать живучесть подобных взглядов и в научных кругах самой высокой квалификации. Еще поразительнее могло бы показаться, но это факт, что так «в душе своей» смотрят на дело интеллигенты из самих кавказцев, многие и на себя самих, а более просвещенные, верные тем же, казалось бы, давно осужденным на изживание общественным взглядам, соответственно «добрососедски» оценивают друг друга. Когда же речь заходит о народах без древней национальной письменности или вовсе без письменности, абхазах, сванах, чанах и др., говорить

не приходится о мере уделяемого им пренебрежения и научного, и бытового. А общественного?

Однако в отношении абхазского языка все-таки решились мы, повидимому, к смущению самих абхазов, и в создавшейся обстановке утверждать, что его, этот абхазский язык, нельзя ни статически понять, ни динамически разъяснить, т. е. нельзя анализировать жизненно и, следовательно, в увязке с проблемами и историей материальной культуры, когда дело идет хотя бы о 'сапоге', и современности, как в том освещении, которое достигается при постановке учения об языке в мировом масштабе.¹ Допустима ли и терпима ли иная трактовка украинского языка? Как будто, нет. Между тем нам неизвестно, чтобы кто-либо из украинистов родной страны или страны за ее рубежом в СССР и вне Союза пробовал применить положения нового учения об языке, вообще яфетической теории, к языку многомиллионных масс соответственного причерноморского населения. Ведь когда речь об Украине, то дело идет о той стране, что разделяет ту же привилегию незапамятного сидения на загибе, если не сказать заливе Средиземноморья; дело идет, следовательно, о населении, что сожительствоует с теми его обитателями, непосредственными носителями прасредиземноморской разнокалиберной звуковой речи, пережитки которых выступают доселе перед нами в кавказцах, прежде всего кавказцах с языками многостадийной яфетической системы. Вопрос о когда-то и где-то социально сложившемся (в основе, значит, еще за эпохи матриархального быта) и в области звуковой речи родстве народов зависит, конечно, не от таких географических данных, как нахождение ныне, да хотя бы с исторически засвидетельствованной памяти человечества в одном и том же ущелии, будь оно на Кавказе или в Пиренеях, или как расположение на побережьях одной и той же реки или одного и того же моря, а от схождения и унификации общественных факторов и общественно исползуемых, следовательно, осознаваемых производительных сил окружающей природы, ею же оформляемых в творчестве технических достижений. Твори-то человеческий коллектив, его соответственно организованная и вооруженная производственно-социальная группировка.

Вопрос совсем не в том, что у армян и у исторически обрабатывавшего доисторию, собственно лефо-историю (забытую историю) Украины, Нестора, самого ли летописца Руси или, то безразлично, пусть позднейшего интерполятора, оказались сродные легенды о построении первых городов, в Армении Куара, точнее Ковара (Ko-vag), на Украине — Киева, что в арабской записи — Куяба. Вопрос и не в этом, следовательно, хотя легенды те в основе отнюдь не плоды книжного сочинительства: в них вскрылось наследие от так называемых доисторических насельников и того и другого края, т. е. яфетидов, именно скифов, как то казалось при анализе формальным методом.² Тогда вторые части и топонимических терминов, так в частности Киева или Куябы, учитывались как

¹ Н. Марр, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык, Л., 1929, изд. Восточного института.

² Н. Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИГАИМК, т. III, стр. 257—287 [см. здесь, стр. 44—66].

окончания множ. числа в разновидностях следующей формулы: -ov [\leftrightarrow -еш /
-ер \rightarrow -ев \rightarrow -еф || -ав \leftrightarrow -ам / -ар \rightarrow] -ab [\rightarrow -аф].¹

И от этого морфологического разъяснения отнюдь не надо отрекаться для соответственных позднее наступавших эпох.

Однако анализ по лингвистическим элементам в таких образованиях в целом выявил состав из АВ.² Следовательно, перед нами оказался в конечном счете вклад кимеров, или иберов.

Дело, повторяю, не в этом, так как этот факт сам по себе, не правда ли, легко бы признать случайным эпизодом, анекдотом.

Дело и не в том, что к увязке с тем же яфетическим миром тянется также город Ольвия, что на украинской земле. Не без основания сосредоточивается на этом городище теперь археологический интерес ученого мира.

Основание сугубое, не потому только, что там ведутся систематические раскопки и что город этот был колонией милетских греков. Есть для нас и другое волнующее основание, еще более чреватое последствиями. Само название «Ольвия», также композит из тех же двух элементов, что Киев, есть вклад отнюдь не эллинов, а более древних строителей, оставивших человечеству в Средиземноморьи ряд городов с тем же названием то без изменения (Ὀλβία), то в закономерных перерождениях по нормам языков яфетической системы. На западе, между прочим, в разновидности Alba, так у древних яфетидов-этрусков (Alba Longa),³ на Кавказе все в роли также наименования городов то с той же сохранностью первого элемента (А) — Orbel, местечко на границе Лечхума со Сванией, ныне грузинской провинции, или Urbi-is (род. от Ur-ban), что столица архаической Грузии или, точнее, пра-Грузии, близ Гори, то с утратой плавного исхода обоими элементами — Qore (\leftarrow *Qor-pel) 'Хора'. Это уже название ряда приморских городков Лазистана, Мегрелии, да и внутри Кавказа — Грузии. К этому положению дела, уже разъясненному,⁴ прибавлю разве то, что арабская передача названия Киева, именно Кууāb, в отношении исходного плавного (l || r) первого элемента представляет промежуточную ступень (y) между окончательной его утратой, как в Qo-re, и его наличием, как в Ol-bl, resp. Or-bel, так что архетип Кууāb в отношении первой части должен был звучать при той же огласовке *Kul-ab, при иных же огласовках, разнобойного ли (u — e) они или тождественного социального оформления (o — o, resp. u — o) — Kuleb, Kolob, Kulob и т. п.⁵

¹ Из этого ряда мн. числа разновидности, включенные в угловатые скобки, представлены на Кавказе его современными яфетическими языками, -ев в народном грузинском, его разновидность -еш в мегрельском лишь в определенных случаях (так-то в мегрельском обычно -еф), -ав пережиточно в различных словах, так у грузин var-akul-av 'звезда', собственно 'светило', буквально 'дети (skul+av) неба (var)', а те или иные подвиды в иных языках, так -ар в новозамском (-ра, ср. чайск. -фе). Здесь мы не входим в рассмотрение эволюций этой формы, вскрываемых палеонтологическую звуковую речь.

² И. Мещанинов, Введение в яфетидологию, Ленинград, 1929, стр. 150 сл.

³ Н. Марр, Ольвия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 663—672.

⁴ Н. Марр, Значение и роль изучения наименьшинства в краеведении, Краеведение, 1927, № 1, стр. 14 отд. отд. [ИР, т. I, стр. 231—245]; его же, Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 39—40.

⁵ См. ниже, стр. 265 сл. в трактовке нарицательных имен, названий хлебов и хлебных знаков, как культовых.

Дело и не в этих фактических «схождении концов с концами», когда особенно речь о наименованиях городов или о племенных названиях.

Ведь поскольку дело идет о городах, то их строительство связано в те эпохи (а позднее?) прежде всего с творчеством не всего народа, а определенной производственно-социальной группировки,¹ и таково же положение с племенным образованием, отнюдь не представляющим какого-то однородного массива ни в целом, ни в одной из выделившихся из племени его органических частей, клан ли это или род (ведь семья совершенно новое образование в истории всего человечества). Племенное образование — это построение одной из входивших в его состав производственно-социальных группировок, с которой и переносилось на все племя ее название, оно же звуковая сигнализация магической силы, оси соответственного объединения, с определенной поры — тотема, впоследствии божества, бога или богини (собственно, сначала богини и потом уже бога). Не случайно же в самом деле то, что в индоевропейских языках Рим (Roma), Афины (Ἀθήναι), Спарта (Σπάρτα), не говоря о Трое (Τρόια), женского рода, как и названия стран, отложения так называемых племенных названий, как не случайно и то, что этот производственно-социальный культовый термин «кимер», в архетипе *kimer, сохранился в значения «бога» у грузин — ḡmer-ḡ (← *ḡmer-ḡe), у русских — «кумир» (← *kumir), у грузин же и осетин в значении уже «героев» (груз. gmir ← gumir, осет. gumir).²

Однако все это нас отводит как будто к первотворчеству в речи, а мы начали было хотя и с мифических сказаний о Киеве или Куябе, но все-таки с приближением к историческому строительству, из которого никак нельзя изъять ни дорусского, как и доукраинского Киева, ни доэллинской Ольвии.

И в этом смысле термины «кимеры» или «иберы» ничего конкретного еще не дают, доколе историей и особенно историей материальной культуры они не облечены в кость и плоть как творческие коллективы определенных производственно-социальных группировок, но каких? Востока или Запада, а если Востока, то Юга или Севера? Ибо ничего мы не добьемся, поскольку остаемся при суждении о кимерах и иберах на почве одной Европы, да довольствуемся половинчатым учетом мира, ну, хотя бы древнего мира, т. е. поскольку остаемся на почве одной Европы, отмежевавшись от Азии, даже от Кавказа в его целостности. Ведь двойники по названию кимеров и иберов находятся с весьма равных пор в Азии, это шумеры, и те же по названию шумеры оказались не только на Кавказе в пределах Армении и Иберии, кавказской Иверии,³ но и в восточной Европе на Волге⁴ и на ее северном, ныне финском завершении.⁵

¹ Н. Марр, Ольвия и Альба Лонга; его же, Из переживаний доисторического населения Европы. племенных или классовых, в русской речи и топонимике, Чебоксары, 1925 [см. здесь, стр. 310—322].

² См. Н. Марр, О числительных (К постановке генетического вопроса) в Сборнике статей «Языко-ведные проблемы по числительным», стр. 24 [ИР, т. III, стр. 260], его же, Скифский язык, стр. 376 [см. здесь, стр. 217].

³ Н. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 354 сл. [см. здесь, стр. 202 сл.]; его же, Карфаген и Рим, 23 и jus, СГАИМК, т. II, стр. 384 сл.; его же, О числительных, стр. 52 [ИР, т. III, стр. 260]; его же, Паренейской Гурни, стр. 10, и в других работах.

⁴ Н. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926 [см. здесь, стр. 323—372].

⁵ Н. Марр, Суоми-карельские и сомех-картские языки, стр. 29—33 [см. здесь 389—392].

Правда, за кимерами в районе ближайшего интереса Украины подспевают по истории скифы. Скифы выступают с такой силой своего наглядного в сравнении с кимерами выявления в памятниках материальной культуры, что не удивительно было, шаря в покрытой мраком научно культивируемого забвения доистории, прихватить в первую очередь скифов вместо кимеров при разрешении генетического вопроса о Киеве, однако такое *qui pro quo* в данном случае могло произойти и по существу не без реального основания, поскольку общий закон скрещения не мог миновать кимеров, сожительствовавших со скифами. В этом отношении поучительно народное предание о Киеве: в числе трех строителей-братьев, Кья, Щека и Хорива, и сестры их, Дыбеди, оно с безоговорочной ясностью называет тотемов и скифского, т. е. Кья, и кимерского, т. е. Хорива. Однако этим путем отнюдь не разъясняется вопрос о месте, где протекал процесс скрещения скифов с кимерами, ибо легенда странствует, термин же скифы или *Σκίθαι* оказался разновидностью не только колхов, но и кельтов. А где кельты не водились? Вопрос этот способны поставить и индоевропейцы. Где кельты не встречались с кимерами, или иберами? Следовательно, допустимо ли и терпимо ли изучение вопроса о племенном составе, точнее и прежде всего о производственно-социальном сложении украинского народа без постановки его во всю ширь в мировом масштабе? А племенное образование — уже позднейший факт, это ведь эволюция ряда нарастающих скрещений производственно-социальных группировок, факторов соответственного созидания звуковой речи, протекавшего и в отношении каждого ее отдельного вида на основах, выработанных опять-таки мировым процессом языкотворчества, а не в особых нормах изолированной работы какого-либо отрезка.

Если даже начать с излюбленной у лингвистов-формалистов статьи, именно отрешенной от ее социальной базы фонетики, и в таком случае положение их оказывается не выдерживающим абсолютно никакой критики. В самом деле, разве можно разъяснить генетически такие особенности, как перебой губных гласных *u*, гезр. *o* в *1*, гезр. *e*, характеризующий украинскую речь в сравнении с русской, да и без отношения к русскому языку, не учтя того же положения в других языках, допустим, не родственных, а тем более без их же учета в языках народностей, у которых с украинцами столько связей по истории материальной культуры, не исключая и музыки. Речь о мегрельском, чанском, грузинском и т. д.

В мегрельском, сравнительно с чанским, губной гласный *u* обычно представлен бывает гласным *1*, так м. *ju-1* 'два', при чанск. *ju-1*, м. *ʃkɪd-1* 'кукурузный хлеб' при ч. *ʃkud-1*, м. *ʃma* 'брат' при ч. *ʃma*, м. *ʃkɪ-ua* 'жать' при ч. *o-ʃko-1* 'косить' и т. д. Иногда в самом мегрельском (реже в чанском) то же самое наблюдается в различных его говорах — м. *tɪvɪ* (сенакский говор), *tɪvɪ* (самурзак.) 'теплый', даже м. *gɪs-1* 'русский', рядом с сохранением или новейшим внедрением этого племенного названия и с губной еще огласовкой: м. *gɪs-1*.

Ведь то же самое мы наблюдаем и в грузинском, поскольку один слой его состава определяется как вклад языка той группы, к которой принадлежат мегрельский и чанский языки. Целая категория грамматики, страдательный

залог, в связи с этим у грузин располагает образованием с помощью характера «и» (и «е»), это чаще в народном языке, особенно в причастиях, рядом с губной огласовкой «и» (и «о»), в свою очередь чаще в древнелитературном. И вот в древнелитературном же грузинском отдельные слова проявляют «и» рядом с прошедшей в него же народной огласовкой «и», напр., в *фиџ-ва* 'клясться' при более обычном *фиџ-ва*, а основа *фиџ* — это грузинское видоизменение мегрельского *фиџ*, основы глагола *фиџ-аџа* того же значения: 'клясться'.

Мы не говорим уже о тех случаях, когда то же самое явление наблюдается в словах, одно и то же производственно-социальное происхождение которых вскрыто ныне палеонтологией речи; так, напр., общее у грузинского с мегрельским слово *ги-г* 'порядок', 'должное' (по-груз. и 'очередь'), как известно, восходит к семантическому архетипу 'рука', который должен был звучать соответственно **ги-к[a]*, что сохранено также общим у украинского языка с русским «рука».¹

А, впрочем, кто установил, что в такой же мере не общи по происхождению именно у украинского (да пусть и русского) языка с грузинским, мегрельским, чанским, сванским и т. д. сами слова и из примеров, приведенных выше по тому же звуковому явлению, так, напр., основа грузинского глагола *фиџ*, народн. *фиџ* 'клятва'? Ведь палеонтологией речи установлено, что 'клясться', как и по-русски, и по-украински («божиться», «божитися»), происходит от культового понятия, ныне 'бога' или 'чорта', раньше тотема с тем или иным материальным осмыслением: 1) космическим, напр., 'солнцем', как доселе клянутся грузины,² 2) земледельческо-хозяйственным, в первую голову 'хлебом' и хлебными злаками' да и 3) социальным, в связи с чем находится обозначение им членов семьи, в первую голову матери. Наконец, тот же тотем, с определенной ступени стадияльного развития — культовый предмет, представляет исключительный интерес по «богохульственным» для тех эпох переживаниям в этнографически прослеживаемом богатом словаре соответственной ругани.

В связи со значением 'солнце' можно бы попутно указать, что, поскольку 'огонь' назван по 'солнцу' (это тоже приобретение палеонтологии речи), понятно, почему с нашим словом *фиџ* получается созвучие, кажущееся случайным, у звукового комплекса *фиџ-џ*, основы грузинского глагола (гур. говор в частности), что в аористе с предлогом (*га-*), звуча в III форме *га-а-фиџџ-а*, значит 'он поджарил его' (ломтик кукурузного хлеба или что другое), ибо в основе глагола находится 'огонь'.³ Но дело не в этом. У 'солнца' не одна связь с 'огнем' по хозяйству. Да прежде всего, *фиџ*, герср. *фиџ*, м. *фиџ*, формально представляет двухэлементное скрещение (BC)⁴ с утратой исходного плавного первым элементом *фиџ-*, восходящим ближайше к *вог-* (← *рог-*), и в целом в слове имеем разновид-

¹ Палеонтологически освещаемая история формальной стороны дает разъяснение и недочета исходного согласного первой части этого скрещенного образования и закономерности появления в вместо него именно в шипящей группе, т. е. опять-таки в мегрельском и чанском языках.

² Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 62.

³ Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 37.

⁴ Именно потому, что это слово — скрещенное образование из двух элементов, так в мегрельском из *фи* и *џ*, и объясняется появление местоименного префикса именно у мегрелов как будто в середине слова в виде инфикса, на самом деле перед вторым элементом, например, в настоящем II породе: *и-фи-в+џ-ианџ* 'я клянусь'.

ность грузинского же *boḡ-g*, основы глагола *boḡ-ga* 'бесноваться', а уже установлено, что, во-первых, *boḡ* ($\leftarrow roḡ \leftrightarrow ruḡ$) — архетип русского и чувашского культовых терминов, т. е. общего не с одним украинским «бiг» («бог», «бога») русского слова «бог», и общего не с одним украинским и русским «пiгань» чувашского *puḡaḡ* 'кукла' ('идол').

При учете формулы фонетического колебания $v \leftrightarrow m \nearrow p \rightarrow b \rightarrow \varphi$ круг слов, одного происхождения с этим центральным социально-культовым термином, значительно более богат у одних украинцев в линии или семантического развития, или многозначности одной его культовой и связанной с ним мифологической стороны; так одна из разновидностей этого же слова и укр. *v1-y* («вiй»).

Но сейчас нас интересуют из значений этого слова те виды коренного изменения или перерождения, которые связанны с коренной же эволюцией в материальной жизни, именно с внедрением земледельческого хозяйства. Мы не остановимся на этот раз на использовании того же двухэлементного социально-культового термина в животноводстве, связанном с охотой или же скотоводством, хотя и здесь всплывает не одна точка опоры для осознания того, в какой отрешенности от живой жизни прозябает научная мысль, тем самым обреченная на бесплодие, когда боязнь независимой от заимствования встречи русского, собственно чувашско-русско-украинского звукового комплекса *roḡaḡ* (укр.-русс. «погань», что идеологически восходит к языческому божеству, пережившему в чув. *roḡaḡe* \leftrightarrow *puḡaḡe* 'кукла', герс. 'идол') с лат. *raganus* заставляет кричать «караул!» по поводу такого «невежества» яфетидологов, ибо этим в корне подрывается необходимость смотреть на процесс мирового творчества и звуковой речи из привычных окон, в данном случае римского окна с латинской кухней. Между тем, и для латинской кухни не мешало бы понаблюдать происхождение увязанного с тем же представлением о 'солнце', с тем же, следовательно, звуковым комплексом *roḡ* ($\leftrightarrow ruḡ$) $\leftarrow roḡk$ ($\leftrightarrow ruḡk$) и названия 'свиньи', нареченной не как съедобное животное и не по физическим свойствам, интересующим зоолога, а по социальной тотемически закреплённой в верованиях и обрядах функции. А что делается специалистами-этнологами в массе для увязки этнографических фактов по культуре свиньи в различных странах, хотя бы в Гурии (это, предупреждаю, не в Африке и не в Америке) и на Украине, в путях, более чем сигнализуемых, ярко намечаемых палеонтологией речи, согласно новому учению об языке? А делается то же, к чему привести способны слова одного из представителей индоевропеистики. Это Вандриес (*Vendryès*): к чему, мол, к лингвистике приращивать этнологию или этнографию?¹ Ведь у этнологов также есть свой классический мир, мир и материалов, и авторитетов, вне которого все суета сует или мистика, как другой не менее почтенный лингвист, не знающий основных языков нашей специальности, изволят опираяваться положения, о которых вопиют именно факты, лингвистические факты. И это слово со значением 'бога', герс. 'солнца', не с влета простого словарного заимствования оказывается далее со значением потомства 'свиньи' в более полном виде в русско-украинском «поросенок» **por-son* || **por-sen*,

¹ *Revue celtique*, т. ХLI, № 1—2, Paris, 1924, стр. 392, ср. N. Marr, Postface, ЯС, т. III, Ленинград, 1925, стр. 165—175 [русский перевод ИР, т. I, стр. 189—196].

у русских в слове «поросенок» (мн. ч. «поросы-та») и у украинцев в «поросся», у последних и с акающей огласовкой — «паця» (← *paŋ-ŋep, арм. vaŋ+a-z 'кабан' и его иранские разновидности), точно также как рядом с этим кимеро-иберским яфетическим вкладом, общим у восточной Европы с западной, выступает и скифо-кельтский двойник по значению с такой же ширью распространения. Одноэлементно скифо-кельтский двойник звучит у грузин ḡog 'свинья' ↔ ḡuŋ-, последнее в основе грузинского глагола ḡu+tuŋ-a '[звукоиспускание] свиней и поросят' (см. Чкония, Грузинский глоссарий, s. v., ср. ḡutu-ḡutu 'скликанье поросят'); с учетом фонетических формул k → ḡ → q ↘ 'h' и o ↔ u, греч. χείρος (← *qog-i) и uŋ (← *kuŋ ↔ *koŋ) в основе европейского яфетического слова, именно баскского uŋ-de 'свинья' (-de 'самка'), да uŋ-doŋ 'кабан' (-doŋ 'самец'), откуда основы uŋ ↔ *og, сраздвоением в бретонских глаголах uŋ-ша || uŋ-za 'хрюкать' и oŋ-qa-t (← «euc'ha-t») id., но в составе двухэлементного из АС образования, как скифский тотем, в грузинском наличный в виде основы слова 'бог' ḡu-ḡa, и то же слово в разновидности go (← ko) находим в грузинском, равно арм. go-ḡ 'поросенок', а в полном виде с выдержанной в обеих частях губной огласовкой у французов в их «сочон» (← *ko-ŋon), термине, с действительным возникновением которого в процессе мировой глоттогонии находится в юмористическом расхождении наивное определение лионского профессора Кледа (L. Clédat), преподносимое в популярном этимологическом словаре французского языка: ¹ «неизвестного происхождения (origine incertaine)», точно происхождение его синонима было уже известно и только потому, что слово имеется в латинском! Не осознается еще, что подобно распространению г. ḡog 'свинья' и его разновидностей по всему яфетическому миру Кавказа с захватом и не яфетического, разновидности его с губной огласовкой (o ↔ u) и с утратой плавного, как во фр. «со-чон», имеют необычайно сильную внутреннюю экспансию по странам «кельтского» расселения западной Европы, прежде всего в Галлии (resp. в Валлисе), бретанской и британской. Не осознается еще или во всяком случае не упоминается, что у слова ḡog вполне закономерные разновидности ho ↔ hu, как оно представлено, во-первых, в абх. a-ḡa ² 'свинья', здесь с разложением «o» в wa и с дальнейшим сложением, вернее восприятием hw в фонему ḡ; во-вторых, в скрещенном образовании с элементом C, тут же во Франции на родной галльской почве, именно в бретонском: hu-q («huc'h») ↔ ho-q (диал. Tréguier и Vannes: «oc'h»), пройдя еще в доистории состояние *qog-q ↔ *qug-q. Отсюда же естественно междометие oŋ («oc'h» ← hoŋ), толкуемое как ab oŋ звукоподражание самому хрюканью свиньи, равно глагол oŋ-ul 'grogner comme les porcseaux', разновидности которого, также яфетические, разобраны выше. ³ Нам нет теперь надобности проследивать эту разновидность на Британских островах, где, пережив у англичан в слове ho-g, служит уже давно камнем преткновения при известности его двойников вал. (welsh) «hweh», корн. «hoch», да и самого английск. «sow», и запутавшиеся с ними, точно меж трех сосен, надо-

¹ Dictionnaire étymologique de la langue française. Под рукой у меня лишь издание 1920 г. — это.

² Н. Марр, Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 41.

³ Ср. выше.

европейцы находят в своих зыбких, с поверхности собираемых, чисто формальных наблюдениях основание для обычных своих наивных утверждений, в роде следующего: так как, мол, «*hu* в зендском значит 'боров'», или независимо *sow* «*perhaps 'producer' from the prolific nature of sow (~su, to produce)*»,¹ или что англ. *hog* «не заимствовано из валийского или корнского».²

Мы сказали бы несколько, быть может, грубым стилем: «бери поглубже!».

Какое же, однако, все это имеет отношение специально к украинскому? Большое, да многообразное.

Прежде всего так называемый звукоподражательный глагол русский «хрю+к-ать», наличный у украинцев в той же разновидности «хрю+к-ати», да и в параллельной с оканием «хрю+к-ати» (ср. г. *ǵru+tuŋ-a*, см. выше, стр. 233) и др. восходят к тому же слову, в их основе *ǵru+k ↔ ǵro+k* представляющей перестановку **ǵurk ↔ *ǵork*.

Затем, связь 'свиньи', как культового существа, в увязке тотэмных предметов одного и того же «племени», точнее, определенной производственно-социальной группировки, уже не скифо-кельтского, а рошского объединения, выплывает в укр. «роха» 'свинья' (отсюда «рох» 'хрюканье свиньи', «рохкати» 'хрюкать', «рохания» 'хрюканье'), а *roǵ (← ro-k) → rok* ведь это означало 'солнце', гесп. 'небесенок'.³

Мы, таким образом, одновременно проникаем в глоттогоническую стадию, когда слагались названия домашних животных, древнейшие из которых 'пес' и 'лошадь' (не забудем и 'олень' на всякий случай), как известно, сместили друг друга по функции животных передвижения — 'конь' 'собаку', функционально же 'лошадь' унаследовала название 'собаки', и если лат. *can-is* 'собака' с его африканским двойником *juŋ (← ŋuŋ)* в основе берберского ныне *a+k-juŋ* 'собака' в украинском означает 'лошадь', звуча «кинъ» (род. «коня») и восходя к архетипу мегрело-чанского оформления *kon-e (↘ *ron-e) ↔ *kun-e ↘ *rupe*, что древнелитературный язык грузин так и сохранил в виде *hupe* 'лошадь',⁴ то это не значит, что украинцы или русские, хотя бы и древние грузины, не имеют ничего общего в данном случае с римлянами и берберами, но что в расхождениях сличаемых языков вскрываются отложения различных ступеней стадийного развития одной и той же звуковой речи, ступени собачьего хозяйства и ступени лошадиного хозяйства. Ведь и на Кавказе из двух соседящих народов, древних грузин и армян, если первые сохранили, несомненно, в позднее возобладавшем слое с его древнелитературным языком слово *huŋ-e*, спирантизованную разновидность шипящего типа уже со значением 'лошади', то вторые, т. е. армяне, в более архаичной по ступени стадийного развития народной речи (и уже отсюда по усвоению и в древнелитературном языке) донесли до наших дней еще со значением 'собаки' именно шипящий вид того же слова в двух вариантах,

¹ Rev. Walter W. Skeat, *A concise etymological dictionary of the English language, new and corr. impression*, Oxford, 1911, s. v. *sow*.

² Ук. соч., s. v. *hog*.

³ См. ниже, стр. 261.

⁴ Существовало в **hone*, откуда и г. *on+a-gir* при *un+a-gir* 'седло', равно сванск. *hɔŋgir*, см. Н. Марр, Карфаген и Рим, фая и juŋ, стр. 392.

с оканием в прямых падежах — шип¹ и с аканием в косвенных — шап, как, вторя им, сохранили баски заветные им социальными группировками пра-басков глаголы, происходящие от двух видов того же слова, в соответствие армяно-берберскому шип → јип и армяно-латинскому шап ~ кап наименованию 'собаки'. Эти сошедшиеся в едином теперь баскском языке имена действия sawn-ка 'лай' (sawnkas 'лаять'), в спирантизованной разновидности awn-ка, и san-ga 'лай', а также 'питье воды с шумным хлебанием (собачьим)', равно saun-ка 'лай', своими основами восходят при учете баскского раздвоения «о» в «aw» и «е» в «au» к архетипам *son (~ son) || *san || *sen. Таким образом, первой парой огласовочных разновидностей *son (~ hon) || *san баскский вторит архетипом *son армяно-берберскому шип → јип, архетипом *san — армяно-латинскому шап ~ кап, если не касаться сейчас спирантизованной разновидности hon, представленной ныне с другим хозяйственно-семантическим содержанием — конским. Здесь далее вопрос детали, уже формальной, именно фонетической, почему в обоих видах, и в шипящем с губной огласовкой, и в свистящем с аканием или одинаково шипящий сибиллянт, так у армян (шип, шап), или одинаково свистящий сибиллянт, так у басков (sawn-, герс. *son, *san). Конечно, мы сейчас могли бы отвести вопрос ссылкой на позднейшее бытование, разумеется, различное у армян с басками, однако и бытование-то это не изолированное явление, оно увязано с дифференциацией полисемантических слов, прежде всего выделением в отвлеченно-общее понятие того тотема, который в свое время был неразлучен с его материальным выявлением, в данном случае с собакой. В связи с древнейшим актом одомашниения собака — одно из древнейших культовых животных. Напрасно предполагают об исключительном в этом смысле значении кельтов, у которых большое хозяйственное значение собаки отмечается, как то происходит и с лошадью,² как какая-то особая их расовая черта, а не тот факт, что кельты сохранили сравнительно лучше то хозяйственно-культовое значение собаки, которое пережило все человечество на известной степени своего стади-

¹ Не случайно совпадение арм. шип 'собака' с армянским же шип 'распутная женщина', 'любодейка', точно так вал. и др. gast 'собака' ('сука') и ср. gast ж. р. 'распутная женщина' (мн. gzi); в связи с этим и г. voz-1 также 'развратница' при ч. bozo 'девушка', равно груз. древнел. m-gish 'развратница' (герс. 'развратник') при gish 'девушка' (см. Н. Марр, Нарцательное значение термина qera в «митанских» женских именах, стр. 127) требуют пересмотра не только в том так называемом культурно-историческом понимании, что при возникновении термина не могло быть и мысли ни о каком разврате или прелюбодействе, тогда не существовавших и в представлении. Дело в том, что с восприятием породившего эту филиацию значений бытового явления, как хозяйственно-магически или социально-магически осознаваемого акта, мы соприкасаемся с одной стороны с актом отбора 'собаки' (хозяйственно-магически), с другой — с актом отбора коллективом своей специальной группировки, возглавляемый соответственным тотемным животным и с миром посвященных ему ве 'развратниц', а, наоборот, 'весталок' или 'подвижниц', с тем же, однако, общественным долгом. Надо знать и то, что важнейший подвиг женской природы, рождение, связан был не с физиологией в осознании творцов звуковой речи, а с магией, культом солнца и его рождением. С основой грузинского древнелитературного слова gish стоит в связи gis, наличное в арм. gis-ri и груз. gov-r-ik (по метатезе — goskip) 'развратница', что почитается заимствованием из персидского, хотя соответственное слово в персидском — без рода, без племени, и с тем социально-идеологическим обоснованием то же скрещенное слово в составе элементов DV мы имеем на Западе в латинской речи, именно в термине lupi-в (lupa-p), который ныне отождествляется не с 'собакой', а с 'волком' — lupi-в только потому, что у римлян название 'собаки' успело, как то разъясняется палеонтологией речи, перейти на 'волка' и закрепиться за ним.

² Н. Марр, Государственный Академия истории материальной культуры, Печать и революция, 1927 г., кн. 7, стр. 290—291.

ального развития. Впрочем, указывая на прославленность кельтских собак, особенно тех, что водились у моринов, бретонов и бельгов, и роль их в быту и на охоте,¹ на пользование ими, как пушным зверем, наравне с волком и с другими пушными зверями,² и нахождение их в предметах экспортной торговли Галлии-Бретани,³ доходя до указания обычая случки псицы с волком,⁴ автор *Manuel de l'antiquité celtique*, подобно другим кельтистам, мало учитывает социально-культурный смысл таких явлений, как общность названий собаки с племенным названием,⁵ как ее общественная роль в организации порядка⁶ и охраны⁷ вплоть до мифического образа в ирландском эпосе собаки Ailbe, которая одна-одинешенька справлялась с охраною целого царства *Laighen*.⁸ О тотемизме, как входящем и в распорядок хозяйственной жизни и в быт, вспоминается в связи с собакой, намек делается разве к концу перечня животных, явившихся «символами и тотемами» галльских племен. Здесь упоминается, что «бог с молотком несколько раз представлен в сопровождении собаки или волка».⁹

Между тем кельтский бог с молотком подает руку сродным героям или богам Востока, в кавказском яфетическом мире Абырскилу у абхазов, Амирану у грузин и Мыхеру у армян. И сейчас особенно было бы поучительно опираться на несомненно существовавший пережиточно у армян общечеловеческий культ пса, что уже по утверждению у них христианства религиозные по исповеданию враги армян использовали в своих полемических целях опорочительно, а защитники с религиозно-национальными интересами замалчивали или заметали по ним следы. Однако все-таки культ собаки в Армении — предмет особого интереса, не нами впервые возбуждавшегося, мы лишь увязывали с его отложением в собаках *aralez'ax* сказания о Шамираме (Семирамиде) и Арае с абхазским культовым печением.¹⁰ Само название этих мифических существ «аралезов», толкуемых по народной этимологии точно это существа, что лжгут (раны) Арая, дает основание его сблизить с названием собаки и по своему составу, ибо вторая часть *lez*, сибилантичная разновидность *le* (← *leh*), означавшая 'собаку', вместе с ее законо-

¹ G. Dottin, *Manuel de l'antiquité celtique*, стр. 201—202.

² Там же стр. 160.

³ Там же, стр. 222.

⁴ Там же, стр. 202: «*Pisme avvure (Hist. nat., VIII, 61, 148) que les Gaulois faisaient couvrir leurs chiens par des loups*».

⁵ Ук. соч., стр. 201, где сообщается, что «из различных кельтских пород собаки *segvii* с внешностью диких зверей обладали чрезвычайно развитым нюхом, имя свое они получали (*trigant*) от названия галльского народа *Segisavi*, их сравнивали в Галлии с пищими, так как их лай похож был на жалобный и плаксивый голос».

⁶ Ук. соч., стр. 202 (все по сообщению Плиния): «каждая свора имела вожаком пса, которому другие повиновались».

⁷ Ук. место: «Бретонские собаки, как и собственной страны, кельтами материка были использованы для войны. Арвернский король *Vituitos* располагал стражею (или гвардиею) из собак, которые должны были без труда справиться с римской армиею в один прием (*qui ne devaient faire qu'une bouchée de l'armée romaine*)».

⁸ Там же.

⁹ Ук. соч., стр. 337, где после указания сравнить оксфордского и ангулемского волка-людоеда, ссылка на литературу: S. Renach, *Revue celtique*, т. XXV, стр. 229 (рис); G. Weiter, *Revue archéologique*, т. XVII, 1911, стр. 55—61, с пометкой, что последний сближает с ним арлонскую «волчицу».

¹⁰ Н. Марр, О религиозных верованиях абхазов, XV, т. IV, вып. I, стр. 128; Джанашия, Религиозные верования абхазов, там же, стр. 82. Об этнографическом на Кавказе пережиточном культе собаки до наших дней освещает нас аспирант В. В. Ломия характерными материалами из только-что совершенной ею поездки к хевсурам.

мерным соответствием в абхазском *la* (a-là) 'собака', откуда у грузин древнел. *le-ku* 'щенок', букв. 'дитя (ku) собаки (le)', а у чапов с армянами *la+ko+t* 'щенок' (я здесь *kot* 'дитя'), у чанов же *la-k ~ la-ṭ* 'собака', равно как 'ляять' от той же основы *la* ← *lau* у чанов с удвоением *lal* (← **la-la*) — *o-la+l-u*, у русских без удвоения *lau* (глагол «ляять»). У армян 'ляять' *haḏ-el* — также от 'собаки', ибо основа этого глагола *haḏ* лишь спирантизованная по начальному согласному разновидность перс. *sag* (← **saḱ ~ *haṭ* → *ha-ḏ*), одинаково с нею двухэлементного (АС) образования, а это первую часть обязывает возводить к архетипу *saḱ*, гесп. *haḱ*, в целом **saḱ-g* ← **saḱ-k*¹ ~ *haḱ-ṭ*, двойник которого *haḱ-z* (у Vannes'-ских бретонцев или *vanetais* — *haḱ-z*) налицо в основе глагола *haḱ-z-al* 'ляять'. Думаю, сейчас можно не приводить эквивалентных разновидностей берберской речи,² чтобы при такой экспансии и в то же время глубоко повсеместно проникновении в народные массовые языки видеть, в какой степени первобытной наивностью отличается попытка произвести перс. *sag* от «мидийского» «срака», когда в составе последнего слова налицо элемент В с усечением плавного исхода (I || г\у): *pa* || *ro^hr¹* || *re^hr¹* → *ba^hr¹* || *bo^hy¹* → *ḫr* || *ḫp*.³

И если в баскском имя действия 'лай' *sawn-ka* с его двойниками находит свой архетип со значением 'собака' **son*, а не, как мы ожидали бы, **jon* (← *шоп*), то только потому, что ожидаемый архетип со всеми его разновидностями закрепился за термином со значением иного порядка, именно магическо-культовым, и его дериватами, постепенно выделявшимися в осознания человечества в процессе роста и осложнения социального строя и его производственно-экономических предпосылок. Это бск. *jawp*, гесп. спирантизованно *uawp* или в подъеме *ḑawp*, смотря по социальной группировке, давшей тот или иной ныне наличный диалект, везде со значением 'господина', но и 'господа', это *jaup-*, гесп. *yaup-* или *ḑaup-*, равно разновидность его архетипа *jp-*, гесп. *up-* или *ḑp-* в основе *jaup-ko-a*, гесп. *yaup-ko-a* и *ḑaup-ko-a*, *jp-ko-a*, гесп. *up-ko-a* или *ḑp-ko-a* 'бог', не говоря о такой семантической родне, как *jau*, гесп. *ya* или *ḑa* 'праздник', буквально 'тотемный день', в христианстве переродившийся в 'день ангела', у одних народов 'именины', у других — 'день рождения', первично одно и то же.

А там, где в значении 'собаки' рядом с закономерным представителем шипящей группы *шп* выступает в косвенных падежах и его двойник с аканьем *шп* вместо ожидавшегося *шп*, т. е. в Армении, этот нехватящий нам вид, равно *sep*, всплывает в названии культового предмета, что в основе имен мифических и даже христианских героев, как то *Sanatruk*, *San-duḡt* или *Seneduḡt*. И в Армении тот же термин шипящей разновидности *шп* (↔ *шп* 'собака') также в термине 'праздник', чем он стал с подъемом начального согласного —

¹ В связи со сказанным выше (стр. 235, прим. 1) о возводимости термина 'распутница', совпадающего с 'собакой', к магически-хозяйственному смыслу увязывающихся в этой семантике бытовых явлений, не мешает указать, что едва ли случайно созвучие с **saḱ-k* 'собака' брет. *veḡ* («*veḡ*'h») 'распутница', 'проститутка', 'putain', но и 'валожница', 'concupine', 'coug'isane', равно полное совпадение с *haṭ* '*собака' арм. *haṭ* 'наложница', 'concupine', груз. древнел. *ḑaḡta* 'валожница', 'concupine' или, как объясняет Сулхан Орбелиан: 'помимо жены другая женщина'.

² См. виже, стр. 241.

³ См. ниже, стр. 242, 249, 260.

top, пройдя через top, наличный у грузин в значении культового термина.¹ Здесь, конечно, не в смысле 'именин' или неразлучного с ним 'дня рождения', ибо дело вначале шло вовсе не о рождении лиц, а о рождении 'солнца'.

Не приходится упрощать дело так, точно семантический переход предполагает филиацию родства слов 'свиньи', хотя бы еще других хозяйственно-тотемных животных, и 'бога'. По пути много еще перерождений не только в порядке смены животных знаками и иными материальными предметами, но и космическими явлениями, не говоря о предметах поклонения из лиц социального строя, куда относятся и предки с их культом. Нет ни одного слова разнообразного перечисленного порядка, которое не являлось бы и идеологически и, разумеется, формально уточненным выходцем из представлений диффузного, не разлучившегося вначале с магиею, состояния. Сами перечисленные выше, например, баскские слова включают в себя явный и по образованию термин космического значения, именно 'солнце', 'солнце-бог', гесп. 'дитя неба', 'небесенок'. Его мы имеем в jaun-ko-a и uin-ko-a с их разновидностями, в которых во всех интересное и для украинского слово ko значит 'дитя', пережиток диффузного sko, а первая часть, как бы она ни звучала, не только jaun, уаун, қаун, јиц, уиц, но и јавиц, уавиц, қавиц значила 'небо' на пространстве всей Афревозии. Касательно ее распространения по Евразии можно осведомиться в печатной литературе, не имеющей притязания быть исчерпывающей.² Из африканского материала обращу внимание на анзар 'кукла, которую носят в селах, когда хотят получить дождь', т. е. 'богиня дождя', следовательно 'божество небо', Иштарь, и, действительно, по-берберски ɛɪshɛ b-ɛanzar значит 'радуга', слово в слово, по объяснению бербериста,³ 'молодая женщина Анзар или дождя'.⁴ Однако, привлекая арм. andrew 'дождь', с конечным w — трехсоставное скрепление ('вода+вода+вода') или трехсоставное сложение ('неба вода') с его основной частью andre (← *andēr), двойником берберского anzar, мы попадаем в эпоху мифотворческого мышления и соответственной глоттогонии, ибо, означая 'дождь', чего мы отнюдь не ослабляем, оно означало и 'воду',⁵ а по семантическому ряду 'рука+женщина+вода' в этом именно двухэлементном составе берб. anzar, его двойник *andēr и арм. andrew лишь разновидности баскского ander-e 'женщина'. Мы сейчас не имеем потребности останавливаться на значении 'рука', присущем каждой из составных частей, так, напр., ðer (арм. нар. ðer, древнел. ðer-ən) с его многочисленной родней, в частности и в составе украинского и русского словарей. Но, означая первично 'дождь', гесп. 'воду' (на дальнейшем этапе уже технологического мышления прямо-таки 'воду неба' или 'неба воду'), палеонтология речи нас вынуждает усматривать в берб. anzar, следовательно, и в andēr — 'небо', что

¹ Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, II. Десибилиция яфетического начального t в айском, ИАН, 1911, стр. 472.

² Н. Марр, Из Пиренейской Гурии стр. 60.

³ G. Huughe, Dictionnaire Kabyle-Français, Paris, 1901, в. v.: «mot-à-mot, la jeune femme d'Anzar, op de la pluie»

⁴ Ср. Н. Марр, Бретонская нацменовская речь в узвязке языков Афревозии, стр. 130.

⁵ Мы не входим сейчас и в рассмотрение также отнюдь не праздного вопроса, не имеем ли в anzar, гесп. *andēr (→ арм. andrew) составного слова иного порядка, именно 'вода неба' или 'неба вода'?

вытекает и из значения каждого из слов этого составного образования, ибо 'небо' означала и вторая часть *der*, озвонченная разновидность слова **ter* (отсюда груз. *tre* ← **ter* 'круг' ↔ арм. *tig* 'круг'), наличная с ослаблением *t* в *s* в бск. *ser*-и 'небо', с его берберским двойником *saɣ*; 'небо' означала, следовательно, и первая часть, общая у берберского с армянским, а в связи со значением 'неба' она же обозначала 'бога' и иные ближайšie дериваты, прежде всего так называемые части неба — 'солнце', 'облако' и т. п. В связи же с этим, когда на Кавказе в качестве племенного названия лазов мы имеем *saɣ*, *taɣ* или *saɣik* (в передаче греков пережило в фамилии целого рода в Гурии — Саникидзе), обычно *taɣ*, а то и *ten* (арм. древнел. *teuɣ* ← *ten*-i), никак уже нельзя исходить в толковании этого термина непременно из его тотемно-животного значения, будь то 'свинья' или 'лошадь', хотя именно разновидность с аканьем *ten*, основа древнелитературного армянского названия лазов, бесспорно означала 'лошадь', как это видно из производного от него грузинского глагола *ten-e-ba* 'гнать лошадь'. Так-то 'гнать' вообще выявляется с основой, общей со словом 'лошадь', и опять-таки отнюдь не случайно созвучие основы укр. «гонити», русск. «гоню» (*gon-e* ← *kon-e*) со словом 'конь' (← *kon-e*), но первоисточник этого созвучия у слов 'гоньбы' и 'движения' не в 'коне', а в предшествовавших отражением в звуковой речи космических представлениях и в именах таких предметов, как 'река-вода' и 'солнце', с чем 'лошадь' увязывается опять-таки мифологически.

Посему, когда *saɣ*, *gesp.* *sen*, у армян появляется, несомненно, с культовым значением в личных именах *San+a-truk*, *San-duɣt*, *resp.* *Sen+e-duɣt*, то нет надобности выбор останавливать на значении 'собаки' или хотя бы 'лошади'. Но пока мы лишь констатируем факт, что и в животном мире ассоциация производилась первобытным мышлением иная, чем привычная нам по общей ныне, казалось бы, предвечной логике. И, в частности, смена 'собаки' 'лошадью', отразившаяся в словотворчестве переходом названия 'собаки' на 'лошадь', имеет кардинальное значение для классификации различных видов звуковой речи по иным, более материально трактуемым признакам, чем отвлеченные звуковые явления и мистически воспринимаемые в отрешении от жизни морфологические признаки. Исходя из учета общественной функции 'собаки' и 'лошади', мы сталкиваемся с необходимостью противопоставлять не только группы языков группам, так называемые семьи семьям, не только отдельные языки друг другу, но и внутри отдельных языков расхождения в этом вопросе возводить к соответственным производственно-социальным группировкам, впоследствии сословиям и классам.

Эту «классовую» (да будет мне позволено, допустим, анахронистически, использовать термин) дифференциацию ныне мы застаем проникшей даже в отдельные слова. Это мы видим в армянском слове со значением 'собака', вкладе производственно-социальной группировки с оформлением шипящей группы: в его склонении с безукоризненной разновидностью шипящего типа *шиц*, наличной лишь в прямых падежах, борется разновидность с аканьем свистящей группы *шап*, прочно засевавшая во всех косвенных падежах, а прямой, *gesp.* прямые и косвенные падежи — ведь это «падежи» пассивные и активные,

т. е. собственно социально расцениваемые величины, поскольку на предшествующей ступени стадивального развития это две различные категории коллектива. Однако, у нашего армянского слова в обоих случаях значение более раннее — 'собака' тогда как у армян же, древних, в иной социальной группировке, отложившей свою речь в древнелитературном армянском языке, это же слово в оформлении сванского типа, т. е. экающей свираптной группы, именно *hep*, означало уже 'лошадь' и оно-то и использовано в основе термина множественного числа *heup-q* (\leftarrow *hep+1-q*) 'разбойничий наезд', первоначально 'конница'. Мы сейчас не входим в дальнейшую богатую историю этого термина, на самом Кавказе увязанную с таким классически известным разбойничьим народом, как энихи, да их тотемами-светилами,¹ и ограничимся ссылкой на наличие этого термина у французов, как вклада первоначального населения их родной земли, яфетидов, в основе глагола 'ржать' — *hennir*, значит от 'лошади' *hep*, что в разновидности «*chien*» у тех же французов сохранилось в значении 'собаки'. И от того же субстрата мы имеем двойник украинского типа в такой кельтской речи, как бретонская, соответственно все еще в значении 'собаки', это ныне *ki* (\leftarrow **ki* \leftarrow *kip*), основа украинского «*kin-ь*» (род. «*кон-я*»), во множественном числе древнебретонского также выявляющая себя в полном виде в обеих разновидностях губной огласовки: *kon* \leftrightarrow *kun*.²

Однако и здесь, во множественном числе — измена социальной группировке, вкладываю слова *ki*, элемента *S*, в значении 'собаки', ибо форма множ. числа — *shas* («*chass*»). Это множественное число вовсе не имеет каких-либо признаков оформления множественного числа, и в то же время в *shas*, конечно, нет ничего от *ki* \leftarrow *ki*, т. е. *kip*, resp. *kon*, ни даже от экающей разновидности *kan* этого элемента *S*, как в латинском *can-is*, где слово сохранилось также с более древнехозяйственным значением 'собаки'; в *shas* налицо элемент *A*, именно *sal*, налицый у европейских яфетидов, т. е. басков, уже также со значением 'лошади', как в скрещенном их образовании *sal-di*, так в производных, например, *sal-dun* 'всадник', буквально 'хозяин коня', *sal-bur-di* 'коляска',³ *sal-bur-ſau* 'кучер', *sal-degi* 'конюшня', буквально 'место лошадей'. Но сохранившееся у бретонцев еще в виде *shas* («*chas*») со значением 'собаки', это яфетическое слово означало вообще 'собаку'. Однако значило ли это слово везде в Галлии 'собаку' или кое-где в ней же и 'лошадь', с которой связано представление о 'беге' по различным основаниям,⁴ так с сохранившейся в значении 'гнать' брет. *shas* («*chas*») основой, что и во французском слове *chasser* 'гнать', да 'гнать', 'преследовать'. Впрочем, хотя мы уже указали более древний источ-

¹ Н. Марр, *Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян*, ЗВО, т. XXV, стр. 254.

² P. Vallée, *Langue bretonne en 40 leçons*, 7e éd., St. Brieux, 1926, стр. 131, прим. 3. Не зная, что во множественном числе здесь используется без всякого добавочного формального признака лишь полный вид слова, переживший в первичном своем состоянии, индоевропейцы делают свои фантастические построения, например, при обсуждении валлийских (welsb) двойников тех же бретонских разновидностей нашего слова, ед. ч. «*ci*» и мн. ч. «*swip*», где восстанавливается никогда не существовавший ряд «*kines*», чтобы разъяснить *kwn*, resp. «*swip*» (J. Strachan, *An introduction to early Welsh*, Manchester, 1909, стр. 23).

³ *Burdi* 'воз'.

⁴ См. выше, стр. 239.

ник созвучия 'бега' с 'лошадью', но тот же французский глагол значит 'охотиться', а его основа «chasse», оказавшаяся в категории женского рода (la chasse), 'охоту', а когда доискиваемся смысла слова из охотничьей жизни, то, понятно, мы и 'собаку' не можем легко скинуть со счетов. Если даже, не пускаясь в мифологию и в ее отражение в памятниках материальной культуры, сосредоточим внимание на одном 'беге', как будто достаточно вспомнить не только о 'гончих', но и о народном представлении у французов, у которых, по поговорке, 'хорошая собака охотится по природе' (un bon chien chasse de gace). Однако ни эта так называемая народная мудрость, ни возможность сослаться на бретонскую лексику, где шас-eal 'охотиться' производится от шас («chas») 'собака', не могли бы послужить исходной точкой для установления семантического положения. Наоборот, ключ к разъяснению и французского фольклорного, и бретонского фонетического факта, равно созвучия также отнюдь не случайного у кабилских берберов между səgləf (→ sə+g-lə+f) 'собака' и sugə-d 'охотиться' находится в истории материальной культуры. Вопрос о действительном мотиве увязки сличаемых слов, конечно, не здесь может быть окончательно разрешен, нельзя походя его разрешать без ознакомления с филлацеею, родящей бесспорно с 'охотой' и 'мясо'. Но пока нас интересует лишь та словарная обстановка по термину, по которой в одном и том же языке один и тот же элемент используется с различным социально-фонетическим оформлением и в значении 'собаки' и в значении сменявшей ее по функции 'лошади': 1) в армянском шип (шап) 'собака' и һеуп-г 'наезд' (← *кони, 'конница'), 2) во французском «һенпг» 'ржать', пережиток образования от *һен 'лошадь' и «һиен» 'собака', по архетипу то же слово и т. д. То же самое наблюдаем мы еще у басков, у которых рядом с sal (sal-dı, sal-dun)¹ 'лошадь' его двойник sag² и шипящий эквивалент *шог, спирантизованный от (← *ʃog), в усечении «о», выявляют явно значение 'собаки', как самостоятельно — og (og-a) 'собака', так в скрещенном образовании — o-sag (← *og-sag) 'собака'.³ Можно еще сомневаться, представляет ли «о» усечение элемента А, наличного в баскском og 'собака', или элемента С, сохранившегося с той же огласовкой самостоятельно лишь со значением 'лошади' у грузин — ʎ'һне ↔ op,⁴ оно же, однако, шип 'собака' у армян, да и у берберов (a-k-һип ← a-k-һип), оно же kap 'собака' у римлян (cap-is). В таком же положении вопрос о первом элементе (г. ɖa-, м., ч. ɖo-) у выявляющегося ныне как будто решительно скрещенным грузинского слова ɖaɣl (← *ɖa-ɣal) 'собака' и м., ч. ɖo-ɣog 'собака', куда примыкает и da-gag 'собака' в составе бск. u-da-gag-a 'выдра', буквально 'воды собака'.

И вот это сближение на почве использования одного и того же скрещенного термина, притом с элементом В, со значением различных эпох хозяйственной жизни, на Востоке 'пса' и на Западе 'лошади', мы имеем в слове «собака», собственно в его основе soba (← so-bal, ср. «соболь») у русских и украинцев

¹ См. выше, стр. 240.

² Об его разновидностях у бретонцев, армян и персов см. выше, стр. 237.

³ Явное дело, что в статье «Du terme basque udagara 'lo outre'» толкования, делавшиеся исключительно формальным методом, ныне требуют пересмотра.

⁴ См. выше, стр. 234.

и ka-bal на Западе. Однако такое массовое противоположение Востока с Западом не выдерживает критики и в отношении значения 'собаки', не говоря о 'лошади',¹ когда речь идет об элементе В. «Мидийское» spraka говорит не об иранском массиве, а об определенном социальном слое, обнаруживаемом вне не только францев, но и вне вообще так называемых индоевропейцев.

Когда интерес направлен к Западу, с элементом В на первом месте выступает исп. perro (← *per-so) и с ним в увязке и укр. pe-s (← *per-so), равно русское «пёсь» (← *por-so).

Затем и в значении 'лошади' не в одном kabal, собственно, в его романских и латинском дериватах,² имеем мы элемент В. Как на Востоке мы имеем спирантную разновидность той же основы soba и с оканием (*hoba / qофа)³ и с аканием (*hab / gav), первую в т. qофа-k 'собака', вторую в украинском глаголе «гав+к-ать» 'лаять', происходящем от имени gav-, resp. gav-ka, означавшем 'собака', так на Западе от той же скрещенной основы, но с разнобойной огласовкой (a — o: *habog ↘ *habou), также означавшей 'собаку', у французов сохранился глагол «aboуег» 'лаять'.

Когда во французском «aboуег» индоевропейцы усматривают «ономаторее», т. е. звукоподражательное, мол, слово, то это напоминает их же этимологию франц. «chasser» 'охотиться' от лат. *carrigare. Вопрос не в том, что такого латинского слова не было, но реально это значит, что в Галлии даже охотиться могли лишь в римском восприятии; выходит, что галльские охотники обзавелись терминами охотничьего быта, став латинистами, да лай галльских собак был особо изысканный, ибо иначе как представить себе всерьез в звуковом комплексе «aboуег» звукоподражание собачьего лая? И тогда, когда правильно додумываются обратиться за разъяснением к своим же недрам, ничего путного не получается, ибо возводить «aboуег» 'лаять' к французскому глаголу «bailer» 'зевать', это значит выдавать себе testimonium paupertatis сугубо — в понимании генезиса и 'лая' и 'зева'. Во всяком случае abou ↙ *habog, resp. *hal-bog (↙ *kal-bog), в усечении *kal-b, у арабов оставило имя kal-b^{an} (в смягченном произношении *qelb^{an}) 'собака', а у грузин с огласовкой «е» глагол кеф-а 'лаять', едва ли, конечно, от того, что французские, арабские и грузинские 'собаки', да и у украинцев при их глаголе «гав+к-ать», тождественно лаяли (или зевали!). Эквивалент грузинского кефа 'лаять' с той же огласовкой, что в украинском «гав-» (аканием), мы имеем в чанском языке, где он звучит қа-фи (кү а-фи) ~ та-фи, но в каком значении? В значении деривата иного порядка от 'собаки'. Дело в том, что название переходило по палеонтологии речи с домашних животных на диких зверей, так по собаке названы где 'лев' или 'волк', где 'лиса' или 'шакал', а то одновременно

¹ Н. Марр, Китайский язык [и палеонтология речи. V. Берская 'лошадь' от моря и до моря, ДАН, 1926, стр. 129—132.

² Н. Марр, Берская 'лошадь' от моря и до моря; его же, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в истории [ИР, т. III, стр. 132, 149].

³ О спирантной разновидности этого же слова в марийском, а равно прибалтийских финских, с увязкой онять-таки с кельтским Западом, см. Н. Марр, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев, стр. 24 [см. здесь, стр. 455].

и 'волк' ('большая собака'), и 'лиса' или 'шакал' ('малая собака').¹ И вот отсюда у абхазов, при учете семантики по говорам, оказывается путаница из-за вытеснения слова *à-bga*² из основного его значения 'собака' термином *a-làk*, поскольку *à-bga* просто применяется для обозначения 'шакала', но и 'лисы', равно 'волка', то же слово с определением 'малый' означает и 'лису' и 'шакала', а с определением 'большой' — 'волка'. И вот на Востоке у чанов *қа-ғи*, *gesp. тағи*, значит 'шакал', а на Западе, в Галлии, у одних, бретонцев, оно значило 'волк', судя по переживанию в междометии *havo 'au loup!*, т. е. в том оформлении, в каком оно же, означая еще 'собаку', легло в основу глагола 'лаять' *кабу-ег*, это у других, именно у французов.

Важнее отметить этот же скрещенный комплекс с оканием во второй части, как во французском *ка+бу-ег*, но с эканием в первой части **he-rog \ he-ro*, налицо у галлов в том же смысле в составе *erogedias*, означавшего 'выезжатель лошадей',³ да и в римской богине Еропа, которую недостаточно признать кельтской по существованию ее официального культа в населенной кельтами Циз-алпине и сопоставлять с древнекельтским *еро* — 'лошадь';⁴ в слове приходится усмотреть наследие яфетической еще речи в значении 'наездницы', буквально 'женщины конской', поскольку *-па* нельзя не усмотреть в уловочном чанском образовании *па-па* 'мать' (→ 'женщина') и не видеть эквивалент в основе баскского слова *пе-ша* 'девушка', буквально 'женщина-дети'. И в то же время нельзя не увязывать с этим божеством также представления о 'воде' и по мифологической группировке 'лошади' с 'родником', 'рекой', 'морем' и по семантическому пучку 'руки+женщины+воды'.⁵

С своей стороны звуковые корреспонденции 'собаки-лошади' присоединяют по украинскому перебою губного гласного в «и» из кельтских, бретонско-валлийских слов или их переживаний в английском и 'свинью', и 'мясо', *gesp. 'охоту'*, и 'дом', т. е. мы получаем семантический круг (случайно ли, или, может быть, это — круг, создаваемый физиологией звуков?) таких предметов, как:

1) бр. *кi* 'собака' (мн. др. *kon* ↔ *kun*), вал. «*ci*» (мн. «*сwп*»).

2) бр. *кi-g* 'мясо' [ср. *kig-gowə(z)* 'le gibier', 'дичь'] ← ← **kor-g* [г. *qor-š* 'мясо', арм. *or-s* 'дичь', 'охота' || бск. *haq+a-g* 'мясо' с его не одним греческим соответствием *сар-к* (в *σαρξ* 'мясо', род. *σαρκός-ς*), ибо его пережиток наличен и у французов в «*charogne*» независимо от усеченного лат. «*сар-о[п]*», род. лишь «*сарп-ис*». Но об этом при установлении баскско-романских, *gesp.* французских взаимоотношений и идеологически-реальных, не только формальных фонетическо-словарных, к тому же обязательно в связи с народным, отнюдь, разумеется, не

¹ Н. Марр, Из двухэлементных абхазских слов (к встречам с чувашским), ДАН, 1927, стр. 143—150 [см. здесь, стр. 385—386]; его же, Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 38 и в других работах.

² В абхазском *a-* член, но еще подлежит установлению, тем не менее, в термине, безусловно ли вторичный в нем прилавок или в качестве члена использована часть самой основы, в каком случае *a+b-g* войдет в один круг с украинским «га+в-каты» и с его сородичами по общей огласовке первого элемента.

³ Плиний, *Nat. hist.*, III, 21, 123: «*Galli bos equorum domitores vocant*», см. G. Dottin, *Manuel de la servit à l'étude de l'antiquité celtique*, Париж, 1915, стр. 66, ср. стр. 325.

⁴ G. Dottin, *Manuel*, стр. 325.

⁵ Н. Марр, Бретонская иацменовская речь в увязке языков Афреазии, стр. 30.

римлянами внесенным термином 'карнавал' — бск. $h^1ag+a-t-uste$ (к брет. kiq 'мясо', ср., впрочем, еще бск. $ki \rightarrow gi$ в значении также 'мяса' в таких составных словах, как $bidoln-ki$ 'ягнячье мясо', 'ягнятина', $ipauefn-ki$ 'мясо ребер' и др.).

3) бр. ti 'дом' [\leftarrow $tI \sim$ арм. tun 'дом'].

4) англ. $pi-g$ 'свинья', вм. $*po-g$, с каковою огласовкой слово это сохранилось у кельтов с низшею ступеню губного ($p \searrow m$), как в Британии в древневаллийском « $mo-sf$ », так во Франции поныне в брет. « $mo-s'h$ », т. е. $mo- $\acute{c}$$, используемом с функциею коллективной формы; сюда же англ. « $bitch$ » ($bi- $\acute{d}$$) 'сука'.

Однако полисемантизм перечисленных слов отнюдь не ограничивался животным миром, первично кругом одомашненных, герм. усыновленных или ассоциированных первичной общественной группировкой животных, животных-тотемов. В этот же круг вступали и представители растительного мира, начиная с 'жолудей', герм. 'дубов', и ковчая хлебными злаками, равно творящая и организующая сила природы, магически воспринимаемая и хозяйственно в столь очевидном «творце», как 'небо' со светилами, в первую очередь 'солнце-отрок', да его собрат 'месяц', первично 'солнышко-девица' и ее сестрица 'луна'. А затем таинственное «классовое» название материально-магического порядка с тем или иным конкретным хозяйственным значением становилось таким отвлеченным термином, как 'бог'. Я вполне понимаю, что люди с мышлением последней стадияльной формации, да еще с европейским самомнением о своей особой белой кости, поддерживаемые учеными техниками звукоедства, прямыми наследниками схоластических буквоедов, не могут себе представить легко, что нельзя при одном созвучии таких русских слов, как «погаль», «поганый», с лат. $raganus$ не приходит, подобно прирученной к определенным мотивам цирковой лошади, в экстаз римского универсализма. Коя римского универсализма, этой по социальной поверхности распространившейся пелены, приходится осаживать даже там, где его пробегу, казалось бы, не было пределов ни вширь, ни вглубь при раболепии вчерашних варваров Европы перед толотом его копыт. Но при чем тут русские или украинцы, тем более чувашы? Ясно, что эти средневековые схоластики не ведают, во-первых, даже того, что с присвоением этого термина $ab ovo$ и целиком латыни во всех значениях, неблагополучно и на Западе, ибо у бретонцев $ragan$, в ванском наречии $rauan$, значит не только 'язычник', но и целую область 'Леонского края' ($bro-Vagan$) и каждого ее обитателя, и именно топонимически, герм. этнонимически, слово, некогда тотем, появляется с аканьем, как в нашем слове, и без утраты плавного r , наблюдаемой в окающей разновидности; во-вторых, не ведают они, разумеется, и того, что чувашское слово с его губной огласовкой ($o \leftrightarrow u$), но с усечением исходного $-an$, именно rig , находится в основе русского «пугаться», что вполне соответствует законам уже эволюционной семантики.

Во всяком случае, не отказывая в мировом значении термину, его приходится производить не из латинского, конечно, Рима, а из общего домашнего источника, общего с чув. $rigace$ 'кукла', 'идол'. Ведь русский «бог» ($\leftarrow bog-g$ — основа грузинского глагола $bog+g-va$ 'бесноваться' $\sim *bog-d$) одно и то же слово, но различных эпох стадияльного осмысления, и с нем. « $bro-d$ » 'хлеб' (сюда же

брет. *bag-a* ← **bag-han* и франц. «*bié*», с его характерным эканием),¹ и с лат. «*rog+с-us*» 'свинья'.

Совершенно так же, как название 'собаки', 'лошади' (герс. 'оменя'), равно и 'свинья', элемент *С* (шан, герс. *kan* || шоп ↔ шип, герс. *kop* и т. д.) у басков со звонкой разновидностью шипящего же сибиланта (**ʃop*, как у берберов *ʃun*) и с раздвоением губного *o* в *aw*, звуча *jawp* (герс. по диалектам *uawp*, *ɟawp*), теперь означает 'господина', но, как разъяснено,² раньше означало 'господа', 'бога', а еще раньше космически 'небо', равно его части — светила, последние с уточнением в *jawp-ko* 'дитя неба' → 'солнце', в настоящее время у басков идущее за слово 'бог'.

И в связи с этими хозяйственно-магическими представлениями находится использование разновидности 'бога' с обычной украинской, по общности одного производственно-социального слоя — украинско-кельтско-колхской перегласовкой в «*i*» (↔ *e*), как в «*біг*» в значении чудесного растения, именно укр. «*бе-х*» '*sicuta vero-sad*', иначе по-южнорусски «*віха*»³ 'вомига'. В украинском фольклоре сохранилось глубоко врезавшееся в народную память предание о нем, как о носителе магической силы.⁴ Важна, конечно, не народная этимология, по которой после того, как его «посіяли оттам у бальці по над ставом, де паслися ляхівські кони, і як башчи поросло це саме зілля. Кони йдуть, а воно стогне: *бех, бе-ех, бе-ех, бех*, і тепер як коняка на його наступити, або почнеш рвати його, то воно дума, що це ляхівські коні, та й стогне: *бе-ех*. Через те його і звуть *бех*, а коні ляхівські наївшись доволі повипричувались». Важна, повторяю, не эта народная этимология, впрочем, по чисто формальному восприятию мало уступающая формально-звуковым построениям индоевропейстики в анализах слов, а важно то, что посеяли это зелье черти или чертята, посылавшиеся «до самої чортихи у самісіньке пекло», откуда они и принесли его. Важно то, что «проце зілля різні ходять розказні; сливе в кожному повіті інші; їх можно звести до того, що народ дуже гарно знає, що це отрута і що мабуть сила скоту вже пропала, а може ним частенько користуються знахарі, а може в війнах чи не потребляли його. Кажуть, що воно говорить і скликає худобу?» Что «*бех*», разновидность слова «*біг*», являлось культовым термином, впоследствии означавшим и 'беса', видно и из его двойника «*біх*» в составе украинского составного слова «*біх-реса*», что, по словарю Гринченко,⁵ означает «род беса, живущего в лесу и похожего на мужика в красной шапке».

Никто не отрицает значения и формально-фонетических сходжений, в данном случае перебоя губного гласного и его общности у украинского языка с группой шипящих языков яфетической системы на Кавказе, мегрельским и чанским языками, а на Западе с кельтскими языками, бретонским и валлийским. Еще

¹ Н. Марр, Бретонская надменовская речь в увязке языков Афревразии, стр. 31.

² См. выше, стр. 237.

³ Это «*віха*», т. е. *vi-ɟa*, герс. *vi-ɟa* лишь разновидность *be-ɟa*.

⁴ Ф. П. Пискунов, Малороссийско-черноворусский словарь, изд. 2-е, значительно дополненное, Киев, 1882 (с ссылкой здесь на Зап. Юго-Зап. отд. РГО, т. I, 1873).

⁵ Словарь украинского языка, Киев, 1909, в. ч., с ссылкой на словарь, приложенный к книге И. Верхратского «Про говор галицких земків», Л., 1902.

более усиливается значение общности этого формального явления, когда то же звуковое явление точно вшивается в двусложные слова с губной огласовкой и создаст перебой, так вместо выдержанной огласовки о — о, герср. и — и, перебойный ряд о — е, герср. и — и. Никто конечно, не будет отрицать родства укр. «борід-ка», с его перебойной огласовкой о — и, с русск. «бород-а», но нельзя же отстранять от того языкового сообщества и арм. шигиц 'борода', нельзя отстранять и диалектической разновидности с тем же разбоем, перерождением губного гласного в и, хотя бы в первой части шиги-ц. И если с bogoda (укр. ум. bogid-ka) и арм. шигиц (диал. шигиц) мы оказываемся в одной социальной среде по формальному признаку, губной огласовке, то с акающей его разновидностью мы должны бы оказаться в стане языков свистящей группы, следовательно, в грузинском, но такая разновидность «Bart» налицо в немецкой речи, ныне налична у германцев как родное их слово, и никто этого не оспаривает. Но разве оно плод славянского и славяно-германского словотворчества? Или оно плод речевого производства литовцев, как более древний, мол, потому, что по-литовски он звучит barzda точно с излишком z, когда на самом деле группа zd представляет лишь позднейшее разложение яфетического еще аффриката, всплывающего в архетипе *paŋta → *barda → *paŋða, что с утратой первым элементом плавного сохранили абхазы, произносящие его с членом (а-) — а-φατα. Слово это у них означает также 'бороду', а то и 'усы'. Мы не расширяем круга полисемантизма этого слова привлечением материала из других яфетических языков, но не можем воздержаться, во-первых, от указания на его же переживание без утраты плавного в грузинском глаголе paŋð-va ↘ paŋs-va, означающем нервно то же, что 'faire la barbe', т. е. 'брить', герср. 'стричь бороду', впоследствии вообще 'брить' и даже 'стричь'. Но в значении 'бороды' разновидность с огласовкой «а» у грузин вытеснена разновидностью с огласовкой «е» с перемещением элементов (АВ вм. ВА) — г. t-ver 'борода', что отнюдь, впрочем, не плод какого-либо позднейшего местного производства, ибо его безукоризненный эквивалент уже определен в родной речи северных африканцев, берберов.¹ Не входя сейчас в вопрос о слове с огласовкой «е» в грузинской речи, нельзя отрицать существования его на Кавказе, притом с тем же размещением элементов (ВА), как в перечисленных европейских языках, но с утратой плавного и элементом В, это использование в значении 'волос глаза', 'волоска' г. be-tu 'респица' (↔ be-to 'волосок' → 'мелочь' в смысле фр. brin) с его армянским двойником со спирантизацией, как в шиги-ц, герср. шиги-ц элемента А, это — be-ŋ (мн. ч. be-ŋ-er) 'усы'.² Армянская дифференциация единого

¹ Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, стр. 373.

² Поцутно не можем не обратить внимания на следующий поучительный казус. В грузинском tver 'борода' означает и 'верх', 'вершина', 'край', 'острие', и при отсутствии палеонтологии казалось, что дело имеем с одним словом и при значении 'борода', и при значении 'верха', 'вершины', 'края', 'острия': не смущались затруднительностью согласовать идеологически 'верх' с 'бородой', удовлетворенные при формальном учении звуковым тожеством двух совершенно различных слов (ср. Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 29), ибо, если tver 'борода' — составное слово 'волос лица', то t-ver 'верх', 'вершина', 'край', 'лончик', 'острие', лишь скрещенное образование, в точности в архетипе означающее 'голова' (t ← taŋ¹, ср. арм. taŋ ← *taŋ-1 id.) 'голова' (ver). И когда мы при арм. be-ŋ 'усы' ожидали бы на Западе в одном с армянским бретонском слове то же be-ŋ в виде *beg (← beŋ → beŋ), то слово beg бретонским сохранено, но не то, что означает 'усы',

слова с закреплением одной разновидности для 'бороды' (migu-q, migu-q), другой — для 'усов' (be-q) произведена не только за счет огласовки (и ~ е), но и губного согласного (m || b), как в бретовском, где, однако, обратно, 'борода' появляется с губным b при огласовке «а» (bago ↔ ~ bag-u и др.), тогда как m с губной огласовкой у 'усов' — mig-ep («мигеп»); но это слово, впрочем, настолько полисеманлично, что рядом со значением 'усов' (специально 'усиков kota') за ним числится и значение 'бороды' (опять 'котов' — barbe des chats), не говоря об остальных значениях — 'бровей' и иных. И в таком окружении фактов трудно высказаться, при паличной разработанности украинского, о взаимоотношениях 'бороды' и 'усов', да указать пути к социальным группировкам, откуда происходит каждая из здесь также дифференцированных разновидностей, пока не установлено, «ус» ли украинский утратил губной согласный элемента В (как в таком случае и русское «усы»), или «вус» украинский, наоборот, имеет позднейший паразитный нарост губного v к элементу А, или в этой среде сошлись от начала различные и по элементам образования. Во всяком случае налицо имеются обе коренные разновидности, одна с элементом В на первом месте: фр. mus+tašə («moustaches»), бр. miš-taš-u («mons-tach-ou») и т. д., другая с элементом А на первом месте г. ul-vaš (в живой речи с утратой v: ul-aš). Интерес к 'усам', особенно 'бороде' чреват последствиями, так как не только 'усы', но и 'борода' получили свое название функционально в порядке наследования от других культурных в более древние эпохи предметов, с чем связано и то, что 'борода', а у бретонов, французов и др. даже 'усы', женского рода.

Однако нас интересует сейчас не 'борода' сама по себе, ни даже связываемые с нею семантические или фонетические закономерные вариации, а увязанность их в мировом масштабе и в формальном отношении, со включением огласовки, и занятие украинским языком особого независимого места еще в допротейдских («доиндоевропейских») звуковых корреспонденциях, внесенных в него, разумеется, иными, чем у русских, социальными группировками, отложившимися в образовании украинцев. Ведь у двухэлементных скрещенных слов перебой одного из губных гласных, когда бы на самом деле они ни произошли, до скрещения ли простых элементов или по их скрещении, украинский тут как тут, точно хранитель особых заветов, проявляющихся в звуковых корреспонденциях, разумеется, не от особенности украинской глотки или голосовых связок, а от изначально особого отличного от русских социального, так называемого этнического сложения. Воспроизводя обычный в мегрельском и чанском перебой двух губных в о — i, герс. u — i, украинский не только вторит обратному порядку i — u, герс. o, наблюденному в арм. migu 'борода', так в слове общем с русским «широг», но, как часто и в языках шипящей группы и Кавказа и Пиренеев, выявляет в обоих элементах i, герс. e, так в самом этом слове, наличном у

а другое с расположенными в словарях в обратном порядке значениями 'верх', 'вершина', 'край', 'острие', как в грузинском при iveg 'борода' имеется iveg 'верх', 'вершина', 'край', 'острие', принадлежа при семантическом архетипе 'голова (+гора+небо)' к иному гнезду вместе с сохранившимися полнее словами герм. berg 'гора', русск. вер-х (одноэлементное арм. ver, чув. ver) 'верх' (казалось бы, и русск. «берег», герс. «брег», но на деле последнее слово скрещенное, как арм. ber-an 'рот', ибо в значении 'берега' используется именно 'рот', 'губы').

украинцев и в виде «пиріг», как в баскском *biribil* 'круг', 'круглый' или чанском *vir-vil*-i, детской вертящейся игрушке, когда даже у грузин сохранилось слово с иной разноразной огласовкой в *borbal* 'колесо'.

Ведь, собственно, и «пирог»-то, требующий еще размежевания с чанским *bireğ*-i и т. *büreq*, будь он русский или украинский, по своему составу, независимо от общих норм фонетики — наследие от предков, говоривших еще на языке, вернее языках яфетической системы, причем у современных яфетидов сохранились его составные части, самостоятельные слова, именно *rig*, *gesp*. *rig* 'хлеб' у грузин и комплекс звуков (-og ~ -eğ) от пережитков полногласия (-o ~ -e) и элемента С (-g ← -ğ), если в *og* не предлежит самостоятельное слово, именно то двухэлементное скрещение АС, что у басков (у них несколько полнее, именно *o-gi*) налицо с тем же, разумеется, значением 'хлеба' и с той же разноразной огласовкой *o*, *gesp*. *u* — *i*, которое отличает и укр. «борідку» и м. *miriğ* 'звезда'.

Можно, конечно, и эти факты, равно вызываемые ими соображения, отнести как «анекдоты», особенно, когда при незнании техники нового учения об языке сопоставления кажутся маловразумительными,¹ а еще больше, когда научное мышление лингвистов господствующей школы, без различия национальности, в дополнение к европейскому самомнению доселе заковано в шоры того или иного национального мира (когда речь о русском или украинском — миража славянского «братства» и славянского «праязыка»), как изначальной основы в языкотворчестве каждого из входящих в это позднейшее речевое классовое содружество «народов». Национального подъема хватило, чтобы осознать себя народностью, равноправной с русским народом, чтобы не дать застыть общественно родной украинской речи на ступени, на которой полагается замирать любому языку колониальной или колониально используемой страны, да стараться наверстать упущенное в целях возведения украинской речи на ступень культурного развития, достигнутую русской, но, когда дело доходит до приемов и техники, необходимых для научного изучения (и только ли для научного?) этой же закабаленной многовековым культурным засильем братского народа речи, то друзья украинского языка с его мнимыми или действительными недругами, поскольку речь идет об ученых, все одинаково оказываются в умиленно-неразрывной близости по рабски-слепой привязанности к индоевропейской лингвистике. Между тем, если даже оставить в покое вопрос о возникновении вообще звуковой речи человечества, которого правомыслящий индоевропеист чурается как навождения от лукавого, может ли кто указать на конкретный язык, происхождение которого в какой-либо мере было бы разъяснено изжившим себя, как исследовательский метод, учением? Почему такое по устойчивости твердокаменное равнодушие? К чему? К новому учению об языке? Да нет, оставим «новое», которое давно лишилось всяких прелестей молодости, вступив в пятый десяток своего безнадежного и вынужденного топтания на месте (ибо как может такое учение преуспевать в искусственно поддерживаемой изоляции?), однако

¹ Это, понятно, не значит, что после нашего «дивинаторского вещания» по анализу яфетидологу отрезан путь к его уточнению или даже существенной поправке.

имело достаточно времени, чтобы дискредитировать себя всеми смертными грехами — и материализмом, да еще диалектическим, и игнорированием того, чему все учились, и пренебрежением к литературным, особенно классическим языкам мирового значения в пользу чего? В пользу каких-то живых никому неизвестных наречий, в большинстве заведомых *ratois*, да еще с непростительно небрежным, более того — преступным нарушением классической акрибли. Следовательно, об этом учении не придется говорить. Ни о том, что душно работать в такой изоляции. Но ведь душно работать в спертom воздухе и многочисленной рати старого формального учения. Почему никого не тянет к мысли обезвредить в какой-либо мере удушливую атмосферу самого изолирующего лингвистического метода свежим воздухом действительного знания другого языкового мира, что тут же у порога индоевропейского замка? Мы абсолютно не думаем ограничивать своего недоумения пределами ученой среды советской страны. Недоумение у нас, как и яфетическая теория, слагается также в мировом масштабе. Почему, в самом деле, исследователь французского языка доселе не перестает твердить, что фр. слово *bout* 'конец' специалисты производят из германского, объясняя его как «*partie extrême par laquelle on «boute», on passe»*, тогда как достаточно со знанием положения по палеонтологии речи, как будто и индоевропейцу известного, что в значении 'конца' используется 'голова', серьезнее осведомиться о существовании во Франции одного из древнейших языков мира, баскского, пережитка звуковой речи первоначального населения страны, со словом *bugu* 'голова', чтобы тогда уже получить некоторый интерес к новому учению об языке, по которому это слово — двухэлементное (BC) скрещенное образование, второй элемент (-и) — пережиток спирантиный архетипа **h₁un*, *resp.* **kn₁*, и его двойник по сибилантной ветви должен бы звучать **bug-tun*, что и пережило во французском слове «*fon-t*», без надобности совершать окружное путешествие через германскую речь. Если кого-либо смущает отсутствие г во французском слове, то это обычное явление, вовсе не возлагаемое для разъяснения на индоевропейцев, ибо выпадение плавного в этих условиях, да и в иных, происходило еще в языках яфетической системы, да и в самом баскском этот элемент (B) появляется также с утратой г в основе глагола *bu+ka-tu* 'кончать'.

Вопрос, однако, не в одном баскском. Мы абсолютно не думаем о непосредственном переходе от баскского или иного вида яфетической системы во французский. Процесс куда как сложнее. И доля передаточного значения кельтского языка не мала. Однако и все это не может помочь уйти от необходимости восполнять утек своего подлинного материала справкой у яфетических языков кавказской дали. Не какая-либо пара слов, вроде *la gog+ge* || г. *kor-ka*, *le gâteau* || г. *qada* говорит о большей в известных слух близости французов с грузинами, чем с «индоевропейцами». Ведь за нарицательными словами идут собственные имена, они же говорят о большем. Ведь так же обстоит дело и с украинским языком.

Мы заримся как на достойные яфетидов-вкладчиков даже на имена Бориса и Глеба не только потому, что в них как огласовка (o — i, *resp.* 'u' — e), так

остальное оформление находят разъяснение в яфетическом лингвистическом мире. Если бы не было надежды реально подойти к толкованию этих имен, мы не постеснились бы дать их отвлеченно лингвистически вполне устанавливаемое значение, как культовых предметов, светил, даже определенное — Бориса-солнца и Глеба-месяца. Не говоря о 'Борисе-солнце', Глеб фонетически представляет лишь предшествующий вид фонетического состояния слова «хлеб». Конечно, 'солнце' или 'месяц', это лишь одно из проявлений, космическое, предмета культа, и их названия могут оказаться наречениями хозяйственных злаков и животных.

Ту же разноречивую огласовку о, resp. u — i, что в Борисе, по типу м. *тигиді* 'звезда' (древнее ч. *тигиді*), разделяют и украинские названия хлебных злаков и яств, некогда также культовых предметов. Так укр. «кулеб-а» 'густой переваренный куліш' (жидкая каша), первоначально означавшее вообще 'хлебную еду', 'хлеб', как и русск. «кулеб'я'-ка». По восстановлении единства огласовки в обеих частях, т. е. по получении *kulub, его лишь двойник по фонетике яфетической системы kolob оказывается основой термина, означающего 'лепешку круглой формы'. Дело, конечно, и здесь не в круглой форме, а в отвлеченно-культовой лишь позднее, раньше же неразрывной с производством *магии*, увязанной и с теми предметами, которые ныне имеют функцию съедобных изделий и только.

Отсюда, изгоняемые из текущей общественности и так называемой истории, они еще живут в мифах и сказках соответственного социального слоя, разумеется, в тех народных сказках или, вернее, в тех подлежащих выделению из них по стадийности, как и звукового языка речевые координаты той же ступени развития, слоях, которые представляют пережиточные окаменелости соответственных эпох.

Однако новое учение об языке никак нельзя приковывать к скале, да заточать в пещеру, предоставляя ему рыться в мало кого интересующей доистории языка, в ее оторванности от последующих ступеней стадийного развития. Не для того «похищался» палеонтологический свет из упорно отказывавшего в нем массового материала, чтобы укрыть от его лучей явления позднейшего порядка.

Поскольку в украинском и русском обретаются одни и те же слова, хотя бы с расхождениями, но лишь формальными, позднейшего эволюционного происхождения вроде парея губного u ↔ o в i ↔ e, конечно, их учет, захватывающий наглядностью, лишь мешает вскрытию истинного положения дела. Он помогает лишь затушевыванию значения тех индивидуальных черт, наличие которых все-таки дает себя знать. Такой общий тождественный материал не может, очевидно, послужить опорой уяснения особенностей каждого из сличаемых здесь языков. Говорим о таком тождественном материале, как «море», «вода», «земля», «лед» (*lod*), «люб», «плювать» («или путь»), «рог», «река», «речь», «рыба», «слеза» («слёз» = *sloz*), «снег», «собака» и т. д., когда по-украински «вода», «земля», «лід», «ліб», «море», «плювати» (*plivati*), «ріг», «ріка», «річ», «риба», «сльоза» (*sloza*), «сніг», «собака». Но здесь уже требуется проверка, все ли и подобные общие

русско-украинские слова, хотя бы сейчас общие, употребительны во всех социальных слоях каждой из сторон.

Особого учета требуют и сами слова как бы своим значением социально павшие, как, когда, напр., вместо «лица» слово означает 'морду', 'рожу', 'харю', так укр. «шика» (ср. «нисок» 'лицо', 'морда'); ведь основная его часть *pi-* с утратой плавного *r*, *gesp.* 1, лишь разновидность основы порядкового числительного «пер-ши» 'первый', означавшего первично 'лицевой', 'передний', ибо 'лицо' и 'рот' раньше обозначались одним словом, как пережиточно наблюдается даже в латинском; украинское слово *pi-*, за отстранением второй части *-ka*, в его архетипе **piŋ*, *gesp.* *piŋ* (\leftrightarrow *peŋ*), то же слово, что св. *pi* 'рот' и груз. *pi* 'лицо', 'рот', 'лезвие', да *ber* (\leftarrow *peŋ*) в составе скрещенного арм. *ber-an* 'рот', 'лезвие'. Утрату исходного плавного *l*, как в украинском *pi*, мы замечаем и у берберов в их слове *l-sh* (мн. *l-sh-awb*) 'рот', 'зев', 'лезвие'.

Да и когда слово общее, не каждый раз подлежит оно разъяснению в порядке усвоенности его украинцами от русских. Палеонтология речи здесь дает средства для вскрытия обратного течения и в таких случаях, какие, казалось бы, не требуют никакого дальнейшего уточненного разъяснения или перерешения. Такие неожиданные поправки всплывут хотя бы в том смысле, что слово (коренное так называемое русское и украинское слово) найдет общий лишь источник в речи третьей группировки. Когда, однако, со словами «лід», «річ» без всякой палеонтологии перед нами выступает «крига», «мова», то дело уже самим материалом ставится иначе, чем принято разбираться, ибо, помимо того, что налицо другие слова («крига», «мова») для термина 'слово', да для глагола 'говорить', на каждой стороне наличен и не один еще лингвистический элемент или комплекс иного состава, но с тем же значением, и надо раньше, чем вести речь о взаимоотношениях русского и украинского или их обоих со славянскими, при генетическом вопросе учесть общность этих же слов с языками более древних ступеней стадияльного развития, прежде всего с языками яфетической системы. Без учета этого материала, более того без установления модальности связи по соответственным лингвистическим элементам (A, B, C, D), простым и составным, в функции идеологического их использования, т. е. в роли слов, нельзя ничего решать ни по морфологии, ни по фонетике. Ведь если «вода», да «Wasser», предполагается, у «индоевропейцев», на самом деле у одного и географически ограниченного социального слоя, двухэлементное (BA) скрещение, тогда как у народов с более древней системой речи тот же предмет первого культового значения, не только первой необходимости, получил тотемическое наречение простым одноэлементным словом (у яфетидов, конечно, со включением басков, из одного элемента A, у финнов из одного элемента B), то это вовсе не значит, что в украинском и русском, как и в других языках прометеидской системы, нет ничего подобного, что в них никаких следов одноэлементности состава того же слова. Не говоря об армянском *řig* (A), одноэлементно это слово и у живых также доселе кельтов, так у бретонцев — *řig*, *gesp.* *řig* (при смягчении).¹

¹ Впрочем, о произношении этого и, тогда среднего между *z* и *j*, придется особо высказаться.

Такая проработка в ином свете представит не один, примерно данный нами в перечне, общий тождественный материал. Так, когда речь о 'воде', то не одно слово «вода» затрагивается ее связями. Понятие 'вода' налицо и в данном перечне — 1) в укр. «плювати» (как и в русском), основа которого рѣ-ва означает 'воду (ва) рта' (рѣ из *ru, перерождения яфетического rug, г. rig 'рот', ср. фиг- в г. фиг-ѳг 'плевок', буквально 'рта вода'), 2) в украинском «сльоза» (как и в русском соответствии), что, звуча slō-za, буквально значит 'вода (za) глаза (slō-, resp. sle-)', ср. г. žre- 'глаз' в составном груз. древнелит. žre-mī 'слеза' (из *žre-mal) и sel ↔ sil как у бретонцев с восхождением к 'глазу' — 'вид' sell, 'видеть' sell-ut, так у финнов прямо со значением 'глаза' в наличном у них скрещенном образовании морд. sel-me, суоми sil-me 'глаз',¹ 3) такой технический подход к восприятию материальных предметов с использованием его в производстве слов говорит уже о позднейшей стадии развития звуковой речи, и о том же еще более свидетельствует словотворчество с учетом техники такого явления, как 'дремота' или 'сон'. Так основа русск. «дремать», укр. «дрімати», равно г. žul-e-ma (drem ↔ drim, resp. žul-e-m) 'дремать', не что иное, как имя, означающее 'глаз', и это выясняется не только с г. žul-em, resp. *žul-m, усечением полного вида *ž^o/_u-mal, сохранившегося в г. žu-^ov'al ↔ žo-wal 'глаз', но и в отношении русск. dre-m, и укр. drī-m в архетипах *der-m и *dir-m, сохранившихся у кельтов в разновидности drem (брет. «dremm») со значением 'зрения', 'лица', у армян же в разновидностях deum (↗ *der-m), в косвенных падежах di-m, со значением 'лица' и восходящих семантически к архетипу 'глаз'.²

Не иначе обстоит дело в смысле общности элементов у украинского и русского с яфетическими и в отношении термина «вода». Из этого двухэлементного образования vo-, разновидность va, что в основе рѣ-ва, обычно признаваемая финской, есть усеченный вид полного val || mal (resp. var || mar), из которых mal, стянутое в виде ml, налицо в груз. древнелит. žre-mī 'слеза' и полностью в бск. mal-ko (с определенным членом mal-ku-a) 'слеза', буквально 'вода глаза'.³

Для нас интерес здесь представляет согласованность или «корреспонденция» окаiania vo с аканием va, вторящая mutatis mutandis взаимоотношениям воп шипящей группы (ч. o-voп-u 'мыть', 'купать', м., ч. voп-u-a) и ван свистящей группы (г. вап-а 'купать'), в которых основа voп || вап со значением, несомненно, 'воды', также скрещенная из vo || va с элементом па (D).⁴ Сванский язык вскрывает отпавший плавный г в исходе окающей разновидности (*vog ↔ bur, resp. vol) св. li-br-e 'промывать' (ср. «вол-на»), а латинский сохранил полный вид свистящей разновидности val в val-ne-um (ср. и арм. ba|ni-q 'баня'). Обошедший весь афреазийский мир этот термин (ибо имеется он и на Кавказе

¹ Н. Марр, Бретонская нацименовская речь в увязке языков Афреазии, стр. 27.

² К dre см. выше žre- в žre-mī.

³ В баском определение ставится и теперь на втором месте. Было бы интересно тщательнее проследить mal-ko по диалектам, из коих словарь Azkie называет лишь бискайский, гипускуанский и с вопросом верхненаварский как хранителей его. Судя по рукописному словарю Sylvain'a Rouveau, в лабурдинском наречии это слово отсутствует.

⁴ Настоящий анализ слова требует истории постепенного к нему подхода, но об этом особо.

у грузин — а-ван-о 'баня', буквально 'место купанья') особый интерес вызывает к себе бытовым значением в русской жизни, но и этого вопроса нельзя осветить без выяснения тех связей, которые присущи в этом слове со значением 'воды' средиземноморцам африканским и европейским, берберам и римлянам. У берберов прежде всего тап в значении 'воды' налицо в составе скрещенного их слова атап, что обыкновенно рассматривается как pl. tantum¹ и, несомненно, еще женского рода,² при отсутствии материального показателя рода.

Для нас и число и род слову бывают присущи, согласно налентологии речи, без соответственного оформления, и скрещение тех же элементов (ВД) мы находим в латинском тапу, означающем 'руку', вполне согласно с первичным семантическим пучком 'рука+женщина+вода'. Мы однако, сейчас довольствуемся другой окающей разновидностью элемента В в значении 'воды', именно то 'погу' (герр. тагу') \ ты, откуда «мы-ть» (наст. «мою») — укр. ти-ты (наст. «мою») — «мию»), что у берберов налицо с закономерным ослаблением о в э в скрещении с t, пережитком элемента С, т. е. в слове тэ-т.

Оба построения повторяются и в Африке у берберов, так: тэтман (pl. t.) 'плевок', 'слюва' и тэти (мн. тит-авн) 'слеза'.

Первое слово по отвлечении префикса i- представляет сложение тэт 'вода' с ти 'рот', причем составное слово получило окончание множественного числа -ап, перед гласным которого «а» исходный гласный слова ти 'рот' отпал.

Второе слово вскрывает более сложную историю, ибо в остающейся по отвлечении форматива i- части тэти также налицо тэт 'вода', но его исходный t успел укрыться в удвоении следующего за ним дебелого t, начального согласного в слове ti, означавшем 'глаз', т. е. как в i-тэт+ти-ап 'плевок', 'слюва' это 'вода рта', так i-тэти (← i-тэт-ti) 'слеза' также составное слово 'вода глаза', с тем, однако, осложнением для анализа, что наличное ныне слово 'глаз' у берберов сохранилось не в простом виде ti, а с утратой исходного i в форме женского рода, да еще множественного числа — ti-t; при этом берберисты никак не поймут, почему вместо искусственного от него множественного числа ti-t-авн сами берберы во множественном числе предпочитают употреблять ai-эп, т. е. мн. число другого синонимного слова, т. е. берберисты не знают, что ti-t 'глаз' уже образование мн. числа, это plur. tantum, собственно, значит 'глаза',³ и никак далее без насилия не вникающего в истинное положение формалиста от мн. числа не образовать еще нового мн. числа, но так то без признаков женского оформления t, собственно ti, означая 'глаз', первоначально означало 'солнце', и вот почему мы его находим в каб. ti-а, тоже pl. tant. и потому «без мн. числа» в значении 'света', 'луча света' и т. п.; и вообще основа ti, пережиток tir, не что иное, как двойник берб. i-tij 'солнце' (мн. ч. i-tij-эп) и сохранилась

¹ Nanoteau, Essai de grammaire Kabyle², стр. 35.

² Huughe, Dictionnaire Kabyle-Français², с. v.

³ Как бы то ни было, в перечне слов женского рода без женского окончания Nanoteau должен был его отметить рядом с 'огнем'.

в полном своем звуковом составе со скоплением согласных в начале в берб. 1-ṭrī (мп. 1-ṭr-an) 'звезда'. У кабиллов кое-где, однако, так в Тизи-узу, в слове со значением 'слюны' вм. mət 'вода' употребляется su-s, разновидность по перебойной смене исходного плавного (sus) или удвоенно усеченной основы su-s ← su-sə (✓ su-su), в обоих случаях пережиток архетипа sug 'вода', что послужило, между прочим, основой берберского слова su 'пить', и при замене в pl. t. 1-mə-t-m-an слова mət 'вода' его синонимом su-s с учетом обычного чередования согласного (v(f) ↔ m и т. д.) получаем 1-sus-f-an 'слюна', буквально 'вода (sus) рта (fi)', и глагол susə-f 'плевать' — отыменный (обхожу сейчас молчанием встречи с семитическими эквивалентами).

В значении 'воды' у берберов ныне ашан, тоже pl. t., основа скрещенного a+m[ə], resp. a-w[p]. Во всяком случае в mə-t основа с ослаблением губной огласовки mə ↔ mи сближает нас с шипящей группой. Также лишь усеченно представлен элемент A в значении 'воды' в разновидностях za, resp. da (вм. яфетического ḏai, кат. которые восходят при полноте к виду zal, dal, resp. при яфетическом аффрикатном произношении ḏal, с сохранением диффузности начального коренного, еще глухого, в разложении tk—г. ṭkal 'вода').

И остальные разновидности удостоверяются фактически, но нас сейчас интересует то, что и zaṭṭ и daṭṭ, resp. ḏal — достояние свистящей группы, которой принадлежат грузинский язык, двойники же их по шипящей группе должны бы звучать juḡ в соответствии zal и ḏuḡ в соответствии ḏal, а по утрате аффрикатности — duḡ в соответствии dal. Если duḡ 'вода' сейчас представлена бретонским языком, а ḏuḡ 'вода' — армянским, то, конечно, эта разновидность не бретонское, даже не кельтское, как и не армянское создание; в них переживание слова яфетического оформления по шипящей группе, и это переживание с бретонским и армянским разделяют и русский, и украинский, каждый в особой разновидности, именно juḡ и ḏuḡ («дзюр»), что налицо в скрещенных из двух элементов (АС основах глаголов русск. «жур+ч-ать» и укр. «дзюр+ч-ати» 'журчать'. Ведь на Западе ту же особенность в отношении начального согласного, именно подъем зубного z в ḏ, с утратой фриктивности — d, проявляет и единственный западноевропейский яфетический язык, баскский, в акающей разновидности, в основе глагола e-da-n 'пить', тождественной с русско-украинским da, в скрещенном образовании voda.

Мы не думаем, что наличие разновидности с начальным зубным одинаково в подъеме в четырех языках армянском (ḏ), украинском (ḏ), бретонском (d) и баскском (d) было случайно, и что не требовало бы особого учета и то, что в трех из них, армянском, украинском и бретонском, разновидность относится по огласовке всегда к шипящей группе, куда, помимо мегрельского, чанского, сохраняющих речь колхов, или сколотов, т. е. скифов, и гибридных языков, сванского и армянского, особенно народного армянского (в их слоях шипящего склада), входит также скифский, с которыми ныне сближается кельтский.

В этом смысле нельзя отстранять по существу и основы juḡ, как наследия колхо-скифского или сколото-скифского словотворчества, имеющего с глухим произношением начального согласного шuḡ (✓ шцу) → ши, resp. su, распростра-

нение и на далеком Востоке, также у турок (у карачаев на Кавказе с долготой, как у берберов), и на севере у финских народов с своеобразными по переходности типа чувашами на Волге, и на юге вплоть до Африки, и на Западе, да, конечно, и у кавказских яфетидов, в значении то 'воды', то дериватного от 'воды' глагола 'пить'.¹

Но сейчас по интересу к так называемому субстрату не может не интересоваться сходжение украинского более широкое именно с баскским, да с бретонским, по связи его с речью близких к баскам аборигенов Галлии, и с армянским, также переходным мостом между состоянием яфетической системы и позднейшей протейдской (индоевропейской) стадией развития звуковой речи.

Баскский уже определен как скрепленный шипяще-спирантный язык, в котором не мало отложений и свистящей группы. В «Пиренейской Гурии» далее выяснено, в каких любопытно тесных взаимоотношениях находится баскский с армянским именно по шипящей разновидности интересующего нас слова, когда подходим к материалам с учетом палеонтологии речи, именно ее положения в том, что 'вода' и 'огонь' одинаково увязаны космическим мировоззрением с 'небом'. В связи именно с тем, что *jug* означало и 'небо', это слово, или в этом именно виде, или в спирантизованных двойниках (*ug*, *og*), появляется в составном двухэлементном (АВ) образовании наименования той или иной птицы, поскольку всякая 'птица' в силу семантического положения «часть по целому» носила название 'неба', герср. его части — 'дита неба', как 'солнце'; так русск. «журавль», укр. «журавель» (← *jug+a-vel-e*) и г. *og-b* (← **og-bel*) 'орел' (ср. также армянское удвоенное образование *ug-ug* 'коршун' и др.).

С журавлем связаны древнейшие памятники материальной культуры Армении и кельтской Галлии. О кельтских журавлях, о трехжуравлином воле,² о том, что галльские щиты украшались журавлями³ значительная литература. В Армении журавля находим еще на вишане, здесь воспроизводимом в ожидании, что еще через 18 лет, т. е. когда годков станет 36 по обнаружении вишанов, будущее поколение авось увидит их в подобающем цельном издании.⁴

Конечно, значение журавля было культовое, раньше магическо-тотемическое, и общностью названия подтверждается наличие тождественной тотемически скрепленной социальной группировки. В Армении и у кельтов (мы не доискиваемся дальнейшего их внедрения или выявления у германцев) на вани журавля находятся во взаимоотношениях окающего, герср. укающего (арм. *kəg+up-k* / **kug+up-*) и акающего (брет. *gag-an*, при смягчении *qag-an*) коллективов. Это окание и акание, связанные в яфетических языках Кавказа первое с шипящей, второе с свистящей группой, имеют свои отложения в украинском, русском, где элемент первой части названия «журавля», *jug*, как восходящего к 'небу [-огню]',

¹ Н. Марр, Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. § 1. 'Пить' ← 'вода', ДАН, 1927, стр. 82—84; его же, Карфаг и Рим, *fas* и *ius*, стр. 374

² G. Dottin, *Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique*, Paris, 1915, стр. 317—318, стр. 320—321.

³ Ук. с., стр. 286—321.

⁴ [См. Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов, Вишаны, русское и французское издания, Труды ГАИМК, т. I, 1932. Упоминаемое в настоящей статье изображение см. «Вишаны», рис. на стр. 95 и табл. 12.]

находится в том же соотношении к слову «жар». Но ведь сюда же и название 'птицы', как полагается сказочной, 'жар-птицы'. Конечно, для схематически правильной выдержки двух групп, свистящей и пищащей, следовало бы, чтобы слово звучало *zar*, если не *zal*, но ведь эта разновидность занята была названием 'воды', как мы то видим в «слс-за», где *za* значит 'вода'. И вот в значении именно 'воды' украинцы выявляют разновидность третьей социальной группировки с огласовкой «е» в своем названии 'источника' — «жерело», «джерело». Der 'вода' из семалитического пучка 'рука' (откуда г. *der* 'крат', 'раз', арм. *deṛ*-*an* 'рука' ~ г. *ḡer* 'штука' → *ḡer*, откуда греч. *χεῖρ*, груз. *qel*)+ 'женщина' (с утратой аффрикатности *der* в составе баскского скрещенного слова *an-der-e* 'женщина')+ 'вода' (экающая разновидность армянского *dur* 'вода' ↘ *jur*, что в основе разобранного выше¹ русск. «жур+ч-ать», укр. «дзюр+ч-ат-и», с сохранением диффузного (ḡ → ḡq) эквивалента на следующей за *ḡ* ступени озвонченности (ḡ) — г. *ḡqera* 'бешие источника', фр. «*jaillir*», в живой гурийской речи — *ḡqer-i* 'водопад'.

Значительно важнее расхождение во втором элементе названия «журавля», где элементу *B* (*vel*) бретонский противопоставляет элемент *C* — *-an* (*gar-an*), поддержанный в этом армянским *-un*, даже грузинским *-o[n]* ↔ *-u[n]* (арм. *kəg-un-k*, г. *ter-o* ← **ter-ō* ← **ter-on*), но именно в значении 'воды' и на Западе кельтские языки выявляют эквивалент элемента *vel*: на галльском (*gaulois*) это *do-bur* → *du-br* 'вода', то же слово в среднеирландском со значением 'источника', 'колодца' — *to-rur*, равно *to-rar*, усеченная разновидность которого со значением 'моря', 'озера' у мегрелов и чанов звучит *toba*, оно же стинуту в груз. *tba* 'озеро', 'пруд'.²

Здесь тот же *bur*, resp. *biwr*, что входит в состав также двухэлементного скрещенного образования арм. древнелит. *a|-biwr* (народное чтение *aḡbiwr*, диалектически же — *aḡbur*). Первая часть скрещения на яфетической ступени еще *a|*, с сохранением спиранта *h*, да в подъеме *ḡ*, так и сохранилась у армян в значениях, восходящих к семантическому архетипу 'вода', что у шумеров *ā* 'вода' (← *a|*, resp. *ag*), так *a|+i-q* 'волны', *ḡa|-a|* 'течь', 'двигаться' и т. п., тогда как у грузин *a|-i* 'пламя' [← 'огонь'].

Особый интерес представляет разновидность второй части с огласовкой «е» (*a|-ber* в косвенных падежах), ибо в языках более древней системы, именно яфетической, она появляется и самостоятельно, одноэлементно, так в грузинском древнелитературном *ḡre* 'источник' (из **ḡer* ← *ber*). В языках и иных системах мы находим это же слово, элемент *B*, в значении и 'воды' и 'огня', хотя уже с дифференциацией огласовки, так у греков *ḡre* 'вода' в *ḡré-αρ* 'источник' и *rur* 'огонь' в *πῦρ* 'огонь'. И, конечно, заслуживает особого внимания, когда рядом с 'огнем', общим у украинцев с русскими, в украинском же всплывает то же слово, элемент *B*, с огласовкой «а», как в кельтском *to-rar*, усеченно, как в чанском и мегрельском — *to-ba*, да с дополнительной редукцией (*o* ↘ *ə* →) и в грузинском — *t-ba*, именно в значении 'огня' в скрещенном украинском «ба+гати»,

¹ См. выше, стр. 254.

² Н. Марр, Отчет о третьей лингвистической поездке за границу, ИАН, 1928, стр. 540.

т. е. вскрывается эпоха, когда одно и то же слово в разновидности с огласовкой «а» — *bā* значило 'огонь' (у яфетидов она без изменения 'вода' в г. *t-ba* 'озеро' и т. д.), а в разновидности с губной огласовкой — *vo-* 'воду' (у русских «во-да» и т. д.). Однако было бы ошибочно думать, что сохранением *ba-* со значением 'огня' в слове «ба-гаття» украинский коренным образом расходится с русским, ибо полный вид усеченной разновидности *ba-*, притом с глухим губным, в общем *pa1* (ср. *paq* в кельтском *to-paq*), находим в русском, то непочто в основе глагола «пал-ить», «раc-пал-ить», то с перестановкой гласного *pa-* в имени «пла-мя», «пла-мен-и», не говоря об усеченном виде *to-p* всего двухэлементного образования *topaq* (**toral*), означавшего в архетипе не только 'воду' ('небо³'), но и 'солнце' ('небо¹'), и отсюда и 'огонь', в зависимости от чего его мы имеем в основе двух глаголов, отнюдь не одного семантического источника, хотя при отсутствии палеонтологической перспективы лексикографы, да и лингвисты-формалисты, естественно их помещают в одном гнезде: это 1. укр. «топ-ити», русск. «топ-ить» (от *top* 'вода'), 'погружать в воду' и 2. укр. «топ-ити» (от *top* 'огонь'), русск. «топ-ить» (печку), одного происхождения с грузинским глаголом (аор. III^п пор.) *a-ḡb-o* 'он его нагрел' || 'согрел', и прилагательное груз. *ḡbi* 'теплый', св. *tebde id.*, укр. «тепл-ий», русск. «тепл-ый».

И поскольку 'вода' была увязана с 'подземным небом' или 'морем', а 'огонь' с 'верхним небом', положение это было общее, оба предмета носили одно и то же название, лишь впоследствии дифференцированное фонетически. Совершенно так же, как то наблюдаем с *ḡop*, элементом С: с окапием (оформление шипящей группы) при семантическом архетипе 'огонь+вода', украинский и русский его сохранили со значением 'огня' лишь в разновидности спирантного типа *gop-e* (← *kop-e*) и с решительной поддержкой реальности такого значения в факте паличия *kop* (→ *g'n*) ↔ *kip* (→ *gip -- g'i'n¹*) со значением 'солнца+дня' (чв. *kip* 'день', т. *kün* → *gün* 'солнце', 'день', ср. *günäsh* 'солнце', бек. *e-gi* 'солнце' ~ ← *e-gip* 'день'), по 'солнцу' у русских и украинцев и 'огонь', но, как у басков, в скрещенном или составном образовании: «о-го-нь» (← **o-kop-e*), причем дифференциации, возникшая от использования такого сложного оформления, вызывалась тем, что простой вид слова *kop-e* (← *gop-e*) использован был для увязанной и с 'водой' и с 'солнцем' мифологически 'лошади': русск. «конь», укр. «кiнь» (род. «коня»), откуда и «гонять».¹ Соответственно и его эквивалент по сибиллентному типу *don*, означая 'воду', гесп. 'реку', и т. п., в архетипе должен был означать и 'огонь', и, действительно, если то же слово на более древней ступени озвончения, глухой, *top*, с наличной губной огласовкой, как основа со значением 'вода', сохранилось в глаголе чанском *o-top-u* 'погружаться в воду', укр. «тон-ути», русск. «тон-уть», с аканием при том же его значении в составном названии реки *Tan-ais* оно появляется не только у чанов *o-ḡap-u* 'сиять', 'сверкать', 'светать' и мегрелов *ḡap-aḡa* 'рассветать', но и у кельтов в виде *tā* (← *tan*) со значением 'света', всегда с восхождением к космическому архетипу

¹ Требуется оговорки, что, если «гонять», «гнать» в значении 'преследования' или 'погоны', вообще 'движения', восходит к 'лошади' (← 'собаке'), собственно 'лошади-солнцу', гесп. 'лошади-реке' или 'лошади-воде', «гонять» в смысле 'гонки напитка' восходит к 'воде-капле' (ср. фр. *distiller*).

‘солнцу’ (← ‘небу’), по которому наречен был и ‘огонь’. Мы не останавливаемся здесь на входящем в тот же круг укр.-русск. «день», с той же огласовкой, что у грузинской ее разновидности в основе глаг. ღერ-ე-ბა ‘рассветать’.

И вот шиг у басков, звуча с усечением исходного плавного ши, означает ‘огонь’, в значении же ‘воды’ спирантизованно *hiŋ* → *ig* (даже *i*, но это в сложных словах); тот же процесс дифференциации, очевидно, в иной социальной группировке, у армян отложившей свою речевую продукцию в соответственном слое в языке, завещал сибилитную разновидность шипящей группы со звонким подъемом (*ш* ↗ *ʃ*), именно *ʃig* в значении ‘воды’, а спирантизованный ее двойник *hiŋ* в значении ‘огня’. На кавказской почве яфетические языки дают отложения того же процесса с большим обилием; так *hiŋ* в значении ‘огня’, с подъемом спиранта *h* в *ʃ* налично в основе грузинского глагола *a-ʃiga* ‘он разгорячил’, ‘распалил’, а с утратой того же спиранта разновидность *ig* находится в основе слов, означающих ‘горесть’, ‘грусть’, ‘тоска’, ‘забота’, ‘печаль’, ибо, как выяснено палеонтологией речи, ‘горесть’ и ее синонимы восходят к представлению о ‘боли от ожигания’, т. е. материально к ‘огню’, и вот такого же происхождения укр. «жур-и-ти» ‘печалить’, ‘озабочивать’, укр. «жур-ба» ‘печаль’, ‘горесть’, ‘забота’ и т. д., основа которых *jug* ‘огонь’ тождественна с основой *jug* ‘вода’ русского скрещенного термина «жур+ч-ать» и представляет с основой синонимного украинского глагола *ʃig+ʃa+ti* «джурчати» фонетические разновидности лишь в связи с потребностью выражать ‘воду’ и ‘огонь’ дифференцированно.

Эти глубокие корни захватывают уже такие надстроечные понятия, как ‘слово’, ‘речь’, притом в украинском, да и в русском вклады не одной социальной группировки. Ведь, если взять лишь одну пару — «рiч» (русск. «рѣчь») и «мова», это вклад двух различных социальных группировок. «Мова», как ни смотреть на наличное в украинском «в», в себе содержит в первой части основу с огласовкой шипящей группировки *mol* (элемент В), *gesp.* *mog* ↔ *miŋ*, соответствующую двойнику с аканием свистящей группы **maŋ*, наличному усеченно в основе украинского же глагола «ма-е» ‘говорит’, с подъемом *m* ↗ *b* русск. «ба-ить», у армян в полном виде *baŋ* ‘слово’, откуда и *baŋ-baŋ* ‘язык’,¹ в грузинском — в виде также *baŋ* в составе скрещенного имени существительного *za-n+baŋ* ‘беседа’, отрицательного прилагательного *n-baŋ* ‘не говорящий’ (ср. также *paŋ* ↘ *ʒaŋ* в скрещенном груз. *la-paŋ-ak* ‘беседа’, ‘разговоры’).

В целостности «мова», скрещение двух разновидностей одного и того же элемента в оформлении двух различных социальных огласовок (о || а), в архетипе **mol-va*[r], с эквивалентным скрещенным образованием из элемента В окающего оформления *mo* [l] и элемента С (-te = -tə ↗ to [n]): ит. *mot-to* (← **mol-to* ↔ **mul-tu* см. в народной латыни *mut+tu-m*), исп., порт. *mo-te*, фр. «*mo-t*» (бурж. *mb* на яфетической почве предполагает архетип *mol*, т. е. лишь первую часть слова).²

¹ Н. Марр, Карфаген в Рим, *fas* и *jns*, стр. 382.

² Когда в 11-м издании массового издания *Dictionnaire étymologique de la langue française* автор Жюлье (L. Clédat) пишет: «*mot*, d'où *motet* (petit morceau de chant) et peut-être le mot plaisant *motus*»

Нас сейчас не могут занять всплывающие в этой литературе любопытные материалы, в частности те, что, действительно, ведут одни к французскому шутше 'бормотание', другие, как, например, «народное» латинское *mutmut* к г. *butbut* 'бормотание', небезытересные и для обсуждаемого нами языкового мирка, русского «бор+мо+т-ать» (← «-ате») ↔ укр. «бор+мо+т-ати», герср. «бур+мо+т-ати». Палеонтологически весьма ценно то же совпадение в романских языках глаголов 'указывать' в древнефранц. «*motir*» и 'звать' сард. «*mutire*», что имеет свою параллель в укр. «по-каз-ати» и русск. «у-казать» и укр. «каз-ати», русск. «сказать». Но когда дело касается 'слова', 'речи', то увязка на архаических ступенях стаднального развития говорения ожидается с выделившимися из одного трудмагического действия 'пляской', 'пением', 'игрой' и их дальнейшими перерождениями — 'мифом', 'заговором', 'поговоркой', 'пословицей', 'эпосом' и иными магическими, позднее культово-героическими терминами, а никак не с бессмысленным или неосмысленным 'бормотанием'. Если даже забыть об их акающей армянской разновидности *bar-bar* 'язык', 'наречие', глас', то другой эквивалент и по смыслу также армянский *bar-band* || *bar-baq* 'болтание', 'бормотание', 'пештание' включает в свои значения 'нашептывание чародея'.¹

Первично осмысливающий предмет и здесь — тотем, впоследствии становящийся тем или иным конкретным в представлении человечества на данной ступени стаднального развития, при космическом мировоззрении, разумеется, 'небом', 'светилом' — 'луной' или 'солнцем' и т. п. И в таком случае, если г. *mzega* 'смотреть', 'смотрение' (диал. *bzega*), происходя так или иначе обязательно от 'глаза',² т. е. микрокосмического применения 'солаца' (или 'луны'), чисто технически увязывается с небесным глазом, герср. светилом, то г. *mzega* 'пение', 'петь', лишь фонетическая разновидность спирантного порядка ($z \rightarrow \check{d} \sim \check{g}$), увязано с тем же 'солнцем' по трудмагическому, впоследствии культовому значению акта, выражавшегося термином *mzega*, а *mzega* лишь впоследствии дифференцировалось и выделилось с обычным значением 'пение', 'петь', ныне по-грузински кажущимся первичным; у грузин же *mzega* обозначает, при учете и древнего и средневекового литературных языков, и 'пляску', и 'пение', и 'игру', т. е. в итоге диффузно — весь комплекс нераздельно входивших в акт адорации

(*pas un mot*), paraît être le latin *muttum*, grognement», то это изумительное по наивности толкование абсолютно не продукт индивидуальной изобретательности или легкомыслия. Цитованная публикация, премированная Французской Академией, упирается в длинный ряд авторитетных справочных трудов и даже таких солидных трудов и авторитетов, как Gamillscheg, *Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache* (Heidelberg, 1927, s. v. *mot*); W. Meyer-Lübke, *Romanisches Etymologisches Wörterbuch* (Heidelberg, 1913, s. v. **muttum* Muckser); Hartzfeld, Darmsteter, Thomas, *Dict. général de la langue française* (Paris, s. v.); Körting, *Lateinisch-romanisches Wörterbuch* (Polderborn, 1891, № 11, 5517, 5518); Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik (IV-ter Jahrg., herausgeg. Ed. Wölflin, Leipzig, 1887, стр. 127); Littré, *Dict. de la langue française* (Paris, 1863, s. v.); Diez, *Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen*, 4 (Bonn, 1878, стр. 218). Думаю, довольно, чтобы убедиться, как в отношении существа один переторкает или пересказывает другого, и все вместе образуют накопление и высокого научного авторитета и ржавой традиции.

¹ Фонетическое явление с *nd*, герср. *ñ* (← *nt*, герср. *t*) вм. *г* (*г*), свойственное шипящей группе, вызывает тревогу, сигнализируя возможность наличия в слове *mot* и его разновидностях утратившего аффрикатность (*t*) простого зубного звука *t*.

² Н. Марр, Из Пиренейской Гурии (К вопросу о методе), стр. 58—59.

солнца элементов, выделившихся из трудмагического действия. Давно, давно, до возникновения палеонтологии речи, в работе «Из поездок в Сванию (летом 1911—1912 гг.)»¹ была изловлена связь названия хороводной пляски, общего по составным частям с армянским (ճիճ, րաղ-ր) грузинского древнелит. փիշ-րաղ и живого, в частности сванского, փիշ-րաղ. И тогда же был дан анализ технологически воспринятого составного термина փишраг в смысле определенного технически выполняемого действия (րաղ 'круг', 'хоровод', րաղ || груз. ֆეղ 'нога') луны (փиш, ճիճ, м.-ч. ճիճ-а 'луна').² И, действительно, это технологическое восприятие настолько перевешивает впоследствии во взгляде человечества на 'пляску', 'танец', что теперь было бы трудно поднять вопрос о том, правда ли г. ֆեղի 'хоровод', 'пляска', синоним термина փишраг и явно происходящий от ֆеղ 'нога', возникло в зависимости от 'ноги', хотя у хевсуров доселе говорят так про песню — vsճղաճ ֆեղիսա 'споем (песню) хороводной пляски', буквально '(песню) ноги', — что сомнения никакого не может быть о наличии здесь именно 'ноги' — ֆեղ, в род. п. ֆեղ-իսա. Правда ли такой же сванский синоним термина փишраг, именно փիշრაп 'хоровод', 'хороводная пляска', 'песня' возник в зависимости от 'ноги', хотя в нем также имеем бесспорно род. падеж (-аш) сванского слова փիշ 'нога'? Ведь для этого надо поднять тревогу о том, что 'ноги', как и 'руки', микрокосмические термины, нареченные также по космической паре терминов и т. д. Куда покойнее, чем пускаться в какие-то «дивинаторские» фантазии, одинаково смущающие и полиглотта болландиста Петерса (Peeters), и лингвиста проф. Мейе (Meillet), и кое-кого из моих действительных или мнимых учеников (этих мирских специалистов особенно), оставаться при своих трезвых взглядах на 'руки' и тем более 'ноги', дабы не свалиться в бездну «неисповедимых» вопросов. Но с более «экзотическим», собственно архаичным не только по составу, но и по общему к нему отношению термином փишраг (арм. ճիճ րաղի) заведомо из древнего эпоса, да из Свани с седой стариной в живом быту, позволительно поднять вопрос, что слову րաղ, равно րաղ || не мешает ничто быть двойником г. ֆеղ и означать подобно ему 'ногу', тем более не мешает арм. րաղ, resp. pl. tantum րաղ, быть не только 'кругом', 'хороводом', но и 'сонмом (светил)', и в то же время означать светило 'солнце', и в փишраг по совокупности в первичном восприятии видеть не технику 'пения' или 'пляски кругом' или 'хороводом', тем менее с 'топанием' или 'дрыганьем ног', а опять-таки трудмагическое действие и с пением, не только с пляской, в честь 'луны' (փиш) и 'солнца' (րաղ); что րաղ → րաг → րаг в пределах Армении и Грузии, вообще на яфетическом Кавказе, означало 'солнце', это факт, свидетельствуемый халдскими клинописными текстами Вана, где потому-то имеем бога րаг 'солнце', это факт, свидетельствуемый палеонтологически его двойником по окающей группе րոг (→ րог) ←→ րго, наличным в значении 'неба+солнца' в имени Прометей³ и т. д., не говоря о десятках нарица-

¹ ХВ, т. II, Спб, 1914, стр. 26—28.

² Н. Марр, Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 29 сл.

³ См. ниже, стр. 270; акающему эквиваленту слова րго (← րог ↔ րгг), собственно, следовало бы звучать րаг, что также сохранилось, см. выше стр. 257

тельных имен и глаголов, дериватов от него, как 'солнца', предмета культа, или как по солнцу нареченного 'огня'.

Обычно ныне у грузин в общественной речи слово для обозначения 'пляски', 'танца' *ḡekv*-а (аор. *ḡekva*) такого же происхождения, ибо основа *ḡekv*, гесп. *ḡeku*, составное слово из *ḡe* 'небо', разновидности акающего эквивалента *ḡa* 'небо' и *ku* (~ *sku*) 'дитя', в целом 'дитя неба', гесп. 'солнце' *ḡe* ← **te*-, без усечения — *tel* или **teḡ*, сохранившиеся у грузин же: первое в значении 'года' (из полисемантического ряда 'небо' → 'солнце' ~ 'время' → 'год' и т. д.), второе, архетип с армянским однозначным двойником *ḡr*, налично в перемещенном по грузинской норме *ḡre* 'круг', деривате также от 'неба'. Из перечисленных и других еще пережитков имени, сигнализовавшего трудмагическое действие, также имеем термины 'говорения' — 'слово', 'речь' и т. п. Достаточно сослаться на разъясненное выше *baḡ* (арм. *baḡ*) и в составе *la+raḡ-ak* 'разговор', равно *zḡa-raḡ* 'сказка', *raḡ* 'слово', 'речь', не случайно, следовательно, созвучное с культовым термином *raḡ* → *baḡ* 'бог' (← 'небо', гесп. 'солнце' и т. п.). Но для нашей темы актуальное значение имеет элемент с той же осложненностью *go+k* в роли основы глагола *go+k-va* 'плясать'. В древней Грузии и в Армении этот элемент и в значении 'руки', акающе даже в простом виде *ge*, как суффикс, означающий 'способ', 'образ', и в значении космических предметов или явлений с дериватами весьма сильно используется. Когда этот же *gok* встречаем не раз в значении исторического имени в списке первых царей Грузии, то по всей социально-языковой обстановке мы имеем основание видеть в нем название культового предмета, первично с эпохи космического мировоззрения 'солнце', но для иной ступени стадильного развития и из растительного мира 'дуб' (с жолудями), 'дерево', от чего, как пережиток, по семантическому положению «часть по целому» — *gok* 'сук', согласно разъяснению словарей, на самом деле — нечто иное. Так как тот же звуковой комплекс у грузин дифференцировался с эквивалентом — *ge+k* для дериватов от 'руки', напр., *geka* 'ударять' (звонить), 'бить' и т. п., то у них астрально-культовое значение в линии 'неба+солнца' не сохранилось, как у армян и басков, у которых *ge-k* (← **ge-kin*) → *ge-g'ḡ* → *ge-qḡ* находится со значением 'солнца', у первых — в составе *a-geḡ*, у вторых — самостоятельно в *e-qḡ* или в других говорах *e-gḡ* (← **geḡin*).¹

При *gok* (↔ *guk*) и *gek* (← *gēk*), первично тотемах, впоследствии культовых предметах, мы имеем от производившейся от них, вместе с 'пляской' и 'леннем', также 'игрой' возможность перейти к хорошо знакомым словам «рѣчь», «рѣч» и, как мы ожидали бы, «руч» — *guḡ* (~ **guq*, гесп. **gūq* → *guq*). Нет надобности *gēḡ* считать позднейшим видоизменением вместо «руч», в аналитической транскрипции *guḡ*, как мы наблюдаем чередование тех же гласных у русских в словах «рѣка» и «ручей». Разновидности с «ѣ» (*e* ← *eu*) и «у» (*u* ← *ū*) имеют своих двойников в яфетических языках Кавказа, это св. *gēqw* 'он сказал' и древнел. груз. *gqi* а 'он сказал', *gqi* 'скажи', получившееся из *guq* (← **gū-q*) в грузинском, в силу его свойства согласные скоплять в начале слова. Нет, однако, разновид-

¹ См. стр. 257.

ности с аканием в том же значении, т. е. разновидности, основной для той социальной группировки, к которой относится грузинский язык, если не привлечь сюда груз. а-га+к (арм. а-ға+к) 'притча', 'поговорка', 'поговорка', 'пословица', признав ее соответственно трехэлементным образованием, двухэлементно появляющимся в скрещенном с *spel* термине а-ға-*spel*-¹ 'сказка', 'миф', причем разнобойный по огласовке двойник арм.-груз. слова ага-к — м. а-г1+к-1 'сказка', перешедший кой-где в имерский говор, восходит к разнобойному же архетипу *а-го+к-1 (вм. *о-го+к-).

Наличие элемента *D* в терминах звуковой речи представляет особый интерес по вопросу о роли социальной группировки, первично не только по модальности оформления, но и по существу материала, по выбору именно этого лингвистического элемента, так называемого рошского племенного названия. Имеет ли использование этого звукового комплекса связь с легендой о появлении русов в историческую эпоху или нет, это дело будущих изысканий историков, способных учитывать перспективы, вскрываемые палеонтологами речи, и готовых вести с ними комплексные изыскания, но пока-что мы можем утверждать, что наличие указанного элемента и в русском и в украинском языках никак не может быть разъяснено как изолированный приток в процессе такого позднейшего влияния: это также привнес раньше сложившегося дославянского «племенного» образования, и во всяком случае элемент *D* увязывает «до-славян» неразрывными узлами с яфетическими народами, ныне и с незапамятных исторических времен пребывающими на Кавказе, равно и с теми языками переходной или промежуточной гибридной системы, и армянским на Востоке и кельтским ныне лишь на Западе, степень близости которых не вообще со славянскими, но, в частности, с каждым из них, это ближайшая очередная исследовательская задача, как смеем думать, не для одних яфетидологов.

Элемент *D* всплывает в хозяйственно-культурных терминах и у русских и у украинцев.

Аналогичную разновидность того же элемента в значении 'неба' имеем в укр. «рай-дуга», русск. «ра-дуга», эквиваленте чанск. *run-đ* (← **run-đa*, герр. **run-đa*) 'радуга', что во всех случаях буквально значит 'свод' или 'арка (оттуда же 'пояс') неба'.

Из многих десятков случаев, в которых используется элемент *D* для выражения первичных, а затем и позднейших понятий, здесь особо выдвигаю лишь название 'воды' (← 'неба²'), использованное у украинцев и русских в значении 'реки', укр. «р1ч-ка» (~*«руч-ка», ср. р. «ручей») и русск. «рѣ-ка» (= *rey-ka*), а у грузин для образования скрещенного имени *geđq* (← *-đqal* ← *-tkal*)¹ 'вода+вода', лежащего в основе глагола *ge-đq-a* 'стирать'.

Особенно любопытно наличие элемента *D* в украинском названии свиньи «роха» (отсюда «рох» 'хрюканье'), увязывающее тотемно лексику и с названиями 'неба' и его частей. Не иного происхождения и «рід» (русск. «рождение», «род»), ибо 'рождение' связано палеонтологически с восхождением 'солнца', его появле-

¹ Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 28; его же, Иштарь, ЯС, т. V, стр. 124, 125 [ИР, т. III, стр. 316].

нием; следовательно, это также микрокосмически в связи с отверзанием 'неба' ('дверью') и с появлением 'солнца' ('лица'), 'открытием неба' (ср. у грузин ზისკაგ-1 'заря', букв. 'неба дверь', герм. 'врата') и т. д., сюда же «rit» (русск. «рот») и т. п. Но интересно в серии слов этого слоя остановиться на случае, когда одно и то же слово, наличное в русском и украинском, выявляет в них два значения, в каждом из них особое, ныне в свете палеонтологии речи оказывающиеся дериватами одного архетипа, это русск. «рок» 'судьба' и укр. «рік» ('року', ср. польск.) 'год', ибо 'год', как вообще 'время', восходит к 'солнцу', вообще к 'небу', как и 'судьба'. Отсюда встреча с одной стороны с названием утренней 'зари' в груз. გიჯ (\leftarrow *გიჯი)-გაჯ (\leftarrow *გაჯი) из *გიჯ-გოჯ, с другой с именем тотема или позднее божества, наличным в виде Rок в именах родных царей, как было сказано, в первых же летописных сказаниях Грузии.

Итак, мы как будто добрались по палеонтологической лесенке от 'свиньи' до 'солнышка', хотя не все ступени этой лестницы прочно закреплены на своих местах.

К какой ступени стадияльного развития относятся каждый из семантических рядов, этого мы сейчас не решаем, но, не подлежит никакому сомнению, астральный ряд с 'солнцем' в архетипе еще элинам на заре жизни суждено было воспринять как мифическое явление. Тем более и тем глубже может в даль времен быть отнесено использование 'неба' (\rightarrow 'солнца') в значении 'огня'. И еще от того времени и украинский и русский язык, т. е., говоря реальнее, один слой их состава, имеют общественные связи с яфетидами Кавказа, ныне вскрываемые, между прочим, русск. «палить», укр. «палити». Основа глагола pal по палеонтологии речи должна бы означать 'огонь', что доказывается целым рядом лингвистических фактов, так прежде всего в дополнение или развитие уже сказанного¹ тем, что:

1) двойник основы pal, по шипящей группе rug, сохранился в греческом πῦρ 'огонь' (см. стр. 256);

2) разновидность rog со стянутыми в начале согласными —рго — означала 'глаз', как использованное микрокосмически слово 'солнце', отсюда его значение как предлога про 'пред', сохраненное в виде bro (\leftarrow рго) в значении именно 'глаза' в русск. «бро+в-ь», укр. «бро+ва», «бри+в-ка», буквально 'глаза в волос';

3) уже известная нам² разновидность того же pal с усвоенным г в м. 1 — pag именно в значении 'солнца' и служит основой брет. глагола paga-t (диалект vapetais pag-a+t) 'блистать', 'являться' (говорится особенно о 'солнце'); но раз слово означало 'солнце', оно не могло не быть использовано в значении 'глаза', следовательно было нормальной основой глагола 'видеть', 'смотреть' и т. п.; и вот почему тот же бретонский глагол значит в применении к птице 'fixer sa proie en restant immobile'. т. е. 'упорно *смотреть* на свою добычу, оставаясь неподвижным';

4) однако 'солнце' нарекалось 'небом' pal-, как часть по целому, позднее же для обозначения специально 'солнца' использовалась техника социального строя,

¹ См. выше, стр. 257, 260.

² См. выше, стр. 257.

именно 'часть неба', следовательно, 'дига неба', и в *pa1-me* мы имеем *pa1* 'небо' с *-me* (*ve* / *be*) 'дигя', что сохранилось с перестановкой гласного в основе имени «пла+ме-я», и вот двойник *pa* по шипящей группе, т. е. *pa*, также находим в сложении с *me*, с пережитком плавного исхода — *meu* → *me* в **pa-me*.

Значение же 'солнца' было присуще и яфетическому термину св. *ǵer-be-ǵ* или *ǵor+mo-ǵ*, ч. *ǵer-me-ǵ*, г. *ǵ+mer-ǵ*, представляющему собой синоним Прометея, двойника по образованию, с заменой элемента А (*ǵer* || *ǵor*) элементом В (*pa*) в том же значении и с позднейшим наростом *ǵe* 'дигя' (груз. *ǵe*), повторяю, — с позднейшим наростом, так как *me*, пережиток *mer*, означало то же самое, звуча **ǵor-mer* ↔ *ǵi-mig*, откуда их уже известные нам разновидности, одни в значении 'героя', другие в роли Библию засвидетельствованного племенного названия, некогда, следовательно, тотема.¹ Нам сейчас нет надобности оспариваться на ряде других разновидностей, все в значении уже тех или иных божеств у различных народов, в числе их у греков с их Гермесом и у приволжских народов с их Кереметом или Киреметом (*Ker+e-me-ǵ* ↔ *Kir+e-me-t*) и т. п. Но не можем не указать на необходимость приобщить к этому же тотему и 'хлеб', унаследовавший по функции наименование 'жолудя', которым человечество питалось, изготавливая из него 'муку' и 'печенье'. По вступлении в стадию земледельческой культуры, повлекшей внесение 'хлеба' в круг культовых предметов в увязке как растения и с культом 'солнца-матери'² и с культом 'земли-матери', человечество выработало в наследие соответственно увязанную номенклатуру с использованием различных разновидностей того же слова, означавшего 'солнце', для приложения и к 'хлебу', и к 'земле'. В приложении к космическим телам, 'земле' и 'небу', равно к 'солнцу', мы находим одно его переживание в мощной производственно-социальной группировке киммерской [(*√* иберской) || кимврской] ~ шумерской, ныне вскрываемой у трех различных этнических образований восточной Европы, это у германцев с их «Himmel» (← *H1-mel* ↔ *He-mel*) 'небо', у славян с их «землею» (← *ze-mel e*) и у чувашей с их *χǵǵ-vǵǵl* 'солнце' (← **ǵe-mel* ↔ **ǵi-mel*), что имеет свои особые палеонтологические связи не только у сванов в их усеченной разновидности *gim* (← **ǵi-mil*) в значении 'земли', но и у грузин в деривате уже от слова 'солнце' также спираниго, как бы сванского типа, как и *ǵ-mer-ǵ*, стянутый или редуцированный вид сванского *ǵer-me[l]-ǵ* / *ǵer-be-ǵ* 'бог' [солнце], собственно пережиток его более древнего состояния, без придатка третьего элемента (*C:ǵ* ← *ǵe'n*¹), именно *ǵ-mer-*: при конкретном еще значении космического тела — 'солнца', герср. 'неба'² = 'земли', это грузинское прилагательное древнелит. *q-mel* 'сухой', народн. *q-mel* (ср. чув. *χǵǵǵl* 'солнце' при герм. *himmel* 'небо', русск. *zemel-e* 'земля' и т. д.).

Но для нас сейчас представляет непосредственный интерес переживание того же термина в применении к 'хлебу', герср. к 'хлебным злакам', в русском и украинском языках. Тот же первичный вид сванского *ǵer-be-ǵ*, именно **ker-rel* (→ **ker-rel*, ср. в усечении у грузин *ker-r* 'пшл'), с обычным колебанием плавного *r* || *l* по социальной звуковой корреспонденции сообразно огласовке

¹ См. выше, стр. 229.

² В представлении яфетидов солнце — женщина.

трех групп, акающей — русск. «каравай» (kaɾ+a-vaɪ) 'хлеб', акающей — русск. «коровой» (koɾ+o-vaɪ)¹ id., укр., русск. «колобок» (koɪ+o-b) 'лепешка круглой формы', русск. «кулебяка» (kuɪ+e-b) 'пирог', укр. «коливо» (koɪ+ɪ-vo) 'кутья', по акающей — русск. «хлѣб» ↔ укр. «хліб» (← *kel+e-b ↔ *kɪl-ɪ-b) 'хлеб'. Мы сейчас не гоняемся за констатированием факта, что те же слова в том же первичном двухэлементном их составе (AB), как украинские и русские названия 'хлеба' и 'хлебных печений', сохранились у кавказских яфетидов — абхазов, мегрелов с чапами и грузин в разновидностях той же (ɾ'o ↔ u¹ — e ↔ ɪ) или иной (ɾ'o¹ — a) социальной огласовки также в значении 'пшеницы', 'хлеба', 'колобка'. Таковы слова, исходя из идеологической датировки:

а) во-первых, k-vaɾ у абхазов в удвоении a-ka+kaɾ 'хлеб' (*жертвенный*), у мегрелов k+vaɾ-ɪ 'колобок', 'хлебец', 'лепешка', в частности 'культовая',² св. kvaɾ (тавр. говор) 'хлебец' (кукурузный, хлебный), сюда же kwaɕ (лахам., реже kwaɕ-ɪɪ, уменьш. обычно) 'кукурузный хлебец' (казалось бы, разновидность по перебою ɾ ~ ɕ → j ↗ d слова kvaɾ, но при лашском диалекте kwaɕ+ɕ ← *kvaɾ-ɕɕ и в kwaɕ исходный звук ɕ может быть пережитком выросшего в лашском элементе C), св. kveɾ-ɔɪ (халд. говор) 'маленький хлебец', обыкновенно выпекаемый для детей, все равно из кукурузы или другого хлебного злака, уменьшительная форма (-ɔɪ) от kveɾ, долженствовавшего означать 'хлеб', но сохранившегося у грузин в значении 'колобка', 'выпекаемой в золе круглой лепешки', раньше, несомненно, имевшей значение 'жертвенного хлеба' (вообще 'хлеба'), как видно из того, что слово попало в христианскую культовую терминологию в виде seɾɪs-kveɾ-ɪ 'просфоры', буквально 'господний (seɾe 'боярское дятя') хлеб';

б) во-вторых, с большим формальным архаизмом — г. qoɾ-bal 'пшеница', м. qo-bal-ɪ 'пшеница', 'пшеничный хлеб', ч. qo-val-ɪ 'хлеб' и др.

И здесь с 'хлебом' qoɾal ↔ *qɪɾal не случайно созвучен термин, представляющий разновидность его названия с падением заднеязычного q и передвижением губного b на следующую ступень озвонченности — ф: u-fal 'господь' (← 'бог'), предмет культа — космически (тотем) → 'бог'; 'солнце', хозяйственно (тотем) → 'бог', 'хлеб', выросший из производства.

Архетип полной формы qoɾbal ↘ *koɾmal, герр. при выдержанной губной огласовке *koɾ-ɕoɪ, наличный с усечением плавного в культовом термине народа с языком шивящей группы — ч. qoɾ+ɕo-ɕ 'бог', в линии культовых же слов нас доводит до кельтов (*koɾmɕ → kɕoɾm 'бог', ирл. koymh-dhe)³ и в связи с обозначением 'хлебного злака' пережил в значении общего понятия: это укр., русск. «корм'ть» *koɾ-ɕo.

Первая группа разновидностей, формально — продукций позднейших эпох, также увязана с культом, как то явствует не только из присущего им, как пече-

¹ В прекрасной работе В. Ф. Ржиги «Очерки из истории быта домонгольской Руси» (Москва, 1929), где «коровой», как культовому печению, посвящены стр. 68—69, анализы слов доселе индоевропейскими.

² И. А. Квицилдзе, Грамматика мегрельского (иверского) языка, Спб., 1914. Словарь.

³ Н. Марр, In tempore ultorom, ДАН, 1928, стр. 324—327; его же, Отчет о третьей лингвистической поездке за границу, ИАН, 1928, стр. 540.

ниям, культового значения, но и из того, что у сванов в говорах ушкульском, ипарском (халд., мулахск. *kwaḡ*, лашхск. *kwaḡaḡ* означает по сей день также 'быка с белым пятном на лбу', то же, что *ṭab* ჳṭბო у ['мечный, со знаком'], тр 'корова с белым пятном на лбу', хл, ип, м ჳṭბო, тх ჳṭბṭ, шх ჳṭბṭṭ, равно *пшав*), первично *kwaḡ*, *resp.* *ṭab* (равно *пш*) сигнализировало 'знак', 'метку', 'тотем'.

И как в ряде перечисленных русских и украинских терминов только при укр. «колива» у русских выплывает скифский вклад, это «кутья» (← **sku-t*), имеющий связи и в таких культовых терминах, как «кудесник» (*ku+de-sn*), «чудо» (*sku-t*), так на Кавказе скифский эквивалент, наличный с той же губной огласовкой в чанском *ṭku-d* [↔ **ṭkod*] / м. *ṭkə-d*, мегр., чан. *ṭki-d* со значением 'манса',¹ в спирантизованном как русская разновидность *ku-t*, именно *ḡu-ḡa*, представляет народный грузинский эквивалент древнелитературного термина *ḡ-meḡ-ḡ*, своим архетипом **ḡu-ḡan* неразрывно увязанный с таким первостепенной важности земледельческим орудием, как 'плуг', по-грузински звучащий *gu-ḡan*. С обоими последними терминами мы проникаем в подосновы хозяйственной и культовой речевой культуры и других соседящих с яфетическим населением Кавказа народов. Но мы отсекаем сближения слов, напрашивающиеся к учету как нарочно изготовленные препараты.

Наша задача не разрабатывать, а сигнализировать, дать тревожный знак не по одному данному термину, лишь иллюстрирующему общее положение, что пора прекратить всякие генетические искания работой над одними индоевропейскими материалами, да еще формальным методом, что нельзя отселе ни шагу сделать без палеонтологии речи, как она установлена новым учением об языке, и без учета фактов из языков яфетической системы.

Нужно ли оговариваться, что при яфетидологическом подходе постановка вопроса об украинском языке не может быть иной, чем о любой другой звуковой речи, великодержавного ли она народа с культурными достижениями мирового значения или эксплуатировавшейся народности, следовательно, отсталой по буржуазному просвещению или вовсе к нему непричастной. Как в других случаях, вопрос ставится в первую очередь о месте украинского языка в мировой глоттогонии. Только при соответственном учете фактов украинского языка в целокупности, именно не только тех, что при первой встрече манят своей схожестью, но и тех, которые смущают своими расхождениями, можно надеяться на правильную оценку близости украинского языка к русскому и его так называемого родства вообще со славянскими и неславянскими, в числе их и яфетическими.

И под несхожими формально явлениями идеологический анализ, в словах так же, как в морфологии, палеонтологически разъясняемая семантика вскрывает так называемое родство, собственно факт социального схождения не всего, разумеется, языка, в данном случае украинского, а его того или иного слоя, вклада определенной, разумеется, более древней производственно-общественной группировки на соответственно ранней ступени стадияльного развития. Так,

¹ Н. Марр, Скифский язык, стр. 370 [см. здесь, стр. 212].

например, глагол укр. «шук-ат-и» и русск. «иск-ать» было бы безнадежно сводить к одному источнику, между тем оба они образованы согласно тождественному мышлению, по которому глагол 'искать' производился от 'руки': первично искание представлялось так, как если бы 'шарили *руками*' в поисках чего-либо. Это установлено палеонтологией речи как общее явление, и украинскому и русскому материалам так же не обойтись без тех же норм, как и французскому языку с его «chercher». Единство идеологической нормы, однако, ничего не говорит само по себе в пользу родства украинского глагола с русским: основа в них обоих значит 'руку', но тогда как в украинском ши-к мы имеем скрещенное образование из двух элементов АС, как во французском «cher+ch-er», ит. «ser+ser», в русск. is-k ~ is-t уже иная группировка элементов, именно ДА с утратой плавного г в начале слова, как в баскском, сохранившем двойник той же основы самостоятельно в роли имени епіки 'рука'. Можно бы думать, что вторая часть представляет элемент С, а не А, если бы не наличие того же двухэлементного русского слова полностью в основе термина «ис+кус+ство»,¹ в архетипе означавшего, следовательно, 'ремесло', как бы 'рук'одей'ство'. Первую часть этого скрещенного образования is- ↔ es-, герм. ris- ↔ res-, в спирантизованном виде ге-(← *geh-), русский же язык сохранил в скрещении с элементом В в основе однозначного «ре+мес+ло». В трактовке начального плавного г мы получаем нить для выслеживания двух различных производственно-социальных группировок, отлившихся в русское национальное образование каждая с своей речью.

Сейчас мы отводим вопрос о том, как получили его украинский и русский языки, располагая одинаково этим словом? Получили ли друг через друга или непосредственно в процессе независимого скрещенного с указанной производственно-общественной группировкой? Вопрос связан с историей наличия в этих языках таких слов с этим же элементом Д, как «рѣ-ка», «ру-чей», «ру-ка», «ро-к», укр. «рі-к» 'год', «рѣ-чѣ», укр. «річ» и т. д.

Существование рядом с 'рукой', что в оформлении губной огласовки экающего эквивалента в восточной Европе документируется его семантическим дериватом — 'ножом', лежащим в основе русск. глагола «рѣ+з-ать» ↔ укр. «ри+з-ати», а на Западе спирантизованным пережитком кельтского глагола 'давать', среднев. брет. неопр. «gei-f», пов. «gey-t».

В привлекаемых прометеидских эквивалентах выступает двухэлементное образование, за исключением отчасти бретонского; так и в украинском «шу+к-ати», первая, ныне основная, часть которого ши, воспроизводя в точности шумерское слово с тем же значением 'рука', вместе с ним находит полноту своего вида в шиг ['рука'], основе грузинского глагола шг-о+та (← шгw-о+та ← шпwг-о+та) 'трудиться', н. v-шуг+eb-и 'тужусь', народн. 'делаю'.

Само ши [← шиу / шиг] 'рука' требует восстановления факта, что существовало это же слово со значением 'солнца' (← 'неба'), и это, действительно, подтверждается его пережитком у мариев в виде шу → ши со значением

¹ N. Marr, Origine japhétique de la langue basque, стр. 232.

‘серебра’,¹ равно комийским словом *шунд* ‘солнце’, уже техническим построением по типу ‘неба (ши-п) дтя (д)’. Более того, ши (\leftrightarrow шо), архетип *шиг* \leftrightarrow шог, с переоформлением согласных по свистящей группе — *sol* переживает со значением ‘руки’ в терминологии по этому члену тела, и в то же время у украинцев и у русских он сохранял космическое значение в составном *sol+n-še* ‘солнце’, буквально ‘неба дтя’.² Идеологическое же оправдание своего космического значения (‘солнце’ \leftarrow ‘небо’³) *sol*, resp. *шиг* \leftrightarrow ши ‘рука’ находит в семантическом пучке ‘рука’+‘женщина’³+‘вода’ (‘небо’).⁴

Но на этом не кончается увязка украинского и русского с грузинским благодаря тому же имени в полном виде *шиг*, ибо непочато появляющийся здесь в оформлении шипящей группы элемент А, в подъеме шипящего в аффрикат (*ш* \nearrow *ʃ*) с утратой аффрикатности (*ʃ* \rightarrow *t*) и с перестановкой (*tug* \rightsquigarrow) *tru* \leftrightarrow *tro* служит в скрещении с элементом С основой двух глаголов, одинаково происходящих от ‘руки’: один из них русск. «тру+д-иться», укр. «тру+д-итися», другое — русск. «тро+г-ать».

Как на Западе, так и на Востоке та же основа имеет двойников не только от уже дифференцированного впоследствии значения ‘руки’, но и выражавшегося им же слова ‘нога’, что можно наблюдать в основе грузинского глагола *ფრ+გინ-ა* (\surd **ფრ+ გინ-*) ‘он поправил его’, у древних грузин и самостоятельно в форме *pl. tantum* со значением ‘ног’, у бретонцев средневековых *tro-at* ‘нога’ (мн. ч. *treut*) и т. п.

Мы уже подошли к моменту, чтобы указанную постановку вопроса об украинском языке с разысканием его места в мировой глоттогонии наметить с перспективой современного этапа в развитии яфетической теории, именно этапа, на котором разъясняется и должна получить свое разрешение и научное оформление проблема о стадильном развитии звуковой речи и ступенях ее развития. Пока речь идет об эксплуатируемых активностью человеческого коллектива предметах, животные ли это из хозяйственного инвентаря или производительные силы природы, следить за яфетидологической мыслью нетрудно. Наоборот, было бы трудно кому бы то ни было без риска быть заподозренным в явной неосведомленности по истории материальной культуры оспаривать, что ‘собака’ предшествовала ‘лошади’ в отравлении обязанностей животного передвижения, и до появления ‘лошади’ в хозяйственном обиходе не могло быть и не было слова для ее обозначения, как до появления хлебных злаков и смены ими жолудей не было слов для обозначения ‘ячменя’, ‘пшеницы’ и вообще ‘хлеба’ и т. п. С появлением же соответственных слов, вернее — при соответственном функцио-

¹ Н. Марр, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев, стр. 9 [см. здесь, стр. 444].

² Н. Марр, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев, стр. 9 [см. здесь, стр. 444].

³ *шиг* \nearrow *ფრ* ‘женщина’: м. *ფრ-ი* ‘*uřiva*’ (\leftarrow ‘женщина’, в каковом значении сохранилось в мегрельской его позднейшее перерождение: *ფი* и др.), спирантно *шг* \leftrightarrow *ог* ‘женщина’, ‘девушка’ в армянских составных словах *ог+ոգ* ‘девица’, *u’r’hn*, суффикс женского рода, см. выше, стр. 225.

⁴ О *шиг* \nearrow *ფრ* ‘вода’ см. Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 26; прибавить разве экзотическую разновидность *ფე* в укр. составном *ფეგ* ‘источник’, ‘родник’ (ср. Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 43).

нальном развитии их значений (ибо слова не сочинялись новые, а лишь получали новое назначение), в таких случаях ступени стадильного развития не менялись ни в хозяйстве, ни в мышлении. Казалось бы, происходило лишь эволюционное видоизменение стабилизированного положения вещей и стабилизированного восприятия их и отвлеченной ассоциации по материальному их виду или материально наглядной их функции.

Другое дело, когда производством переводилось хозяйство с использования готовых даров природы на обработанные из них продукции с техникой, перестраивавшей мышление и с ним по реакции и строй речи. Вместо словопроизводства по увязке самих предметов в представлении первобытного человека на очередь выступало словотворчество по техническому восприятию предмета или явления, как то мы наблюдаем, например, в таких словах, как укр. «сліза» 'вода глаза' и вообще громадное количество слов, произведенных от 'руки'.

Однако смена значений по функции сигнализуемых предметов также не такой простой процесс, как может казаться.

Звуковая речь не располагала на первых этапах таким изолированным и самостоятельно развивавшимся свободным бытием, она не представляла столь определенной обслуживающей лишь общение людей категории. Получение новых слов, т. е. наречение новых предметов хотя бы и старыми словами, представляло акт не словесный лишь, а производственно-магический и общественный, зависевший от дотоле сложившегося мировоззрения. Сама речь была частью производства, магическо-теоретическим его обоснованием. Вовлечение в хозяйство хлебных злаков взамен жолудей воспринималось не просто с точки зрения смены одного растительного вида другим, а как акт, восходящий к научно еще не разгаданной творческой силе природы, собственно определенному конкретно зримому ее выявлению в целом или в части, как то 'небу', 'солнцу' и т. п. Следовательно, не название 'дуба', герм. 'жолудей' переходило на 'ячмень', впоследствии на 'пшеницу', как мы то воспринимаем, а названию 'неба-природы', его частей, так 'солнца', одновременно и их магически воспринимавшейся силе приобщался новый предмет питания в представлении современного творившего язык человеческого коллектива. Отсюда тот факт, что за общим отвлеченным названием 'бог' палеонтологией речи вскрывается ряд сменных его использований в наречении или в сигнализации хозяйственных предметов, в частности питательных веществ, и при такой перспективе совершенно не случайно и созвучие украинского названия 'зернового хлеба' — «з+біж-жя» с культовым термином «біг» («бог»), род. «бога», прилагат. «божий», как не случайно созвучие названия обычного украинского культового термина «біг», русск. «бо-г», в архетипе bog-g ('бес' в основе груз. bog+g-va 'бесноваться'), с нем. bro-d 'хлеб'. Излишек z-в изолированно стоящей теперь основе z+bi-j (↔ *z+bej ~ *z+bo-j) — пережиток элемента A, в общей сложности представляющий культовый термин, следовательно, некогда тотем, двойник соответственной производственно-социальной группировки, порой и так называемого племенного названия s+meг-d, спирантная разновидность которого ġ-meг-š у грузин сохранилась в значении 'бога'.

Об исконных связях и украинцев, и русских, собственно, одного общего их слоя, с Кавказом можно судить по общности надстроечного термина, успешного за время отхода от яфетической ступени стадильного развития разлучиться в новой сложившейся системе с присущим ему первичным материальным значением. Речь о слове «правда». Этот надстроечный термин имеет двоякую филиацию в зависимости от тех двух восприятий его значения, решимся быть последовательными и точными — от тех двух существенно различных значений, которые ему присущи. Одно значение, синонимное с 'правом', 'законом', восходит к семантическому архетипу 'рука' (→ 'сила' → 'право', в частности 'правая рука' и т. п.),¹ другое значение — 'истина', это непосредственный дериват 'солнца'. Попутно отметим, что двузначность слова «правда», это пережиток полисемантизма, характеризующего русский язык, как стоящий на более архаичной ступени развития, чем другие прометеидские языки, не исключая и украинского, если и в нем 'правда' не имеет значения также 'права'. Заслуживает внимания и то, что 'правда' в так называемых индоевропейских, т. е. прометеидских, языках отсутствует как общее слово, оно в них также, конечно, позднейшее стяжание, и если не считаться с заимствованием латинского *veritas* в романских языках (*verita*, *vérité*) и английском (*verity*), при немецком *Wahrheit*, в английском имеем *true-th*, прилаг. *true* и в греческом ἀλήθεια. В армянском позднейшим технически скроенным *ṭəšmarit* (г. *ṭəšmarit* 'истинный', иранского происхождения) занесен подлинный родной термин *ard* 'действительный' (обычно в твор. падеже мн. ч. *arde-aw+q*), дериват халдского божества солнца *Ardim*, и имя состояния от *ṭəšmarit* и служит для обозначения 'истины' — *ṭəšmarit-u-šiwṇ*, как в грузинском прил. *ṭəšmarit* и суц. *ṭəšmarit-e+ba* 'истина'.

Что же касается украинского и русского, то в них пара, одна и та же в обоих — «истина» (укр. «істина») и «правда», оба одинаково восходящие к семантическому архетипу 'солнце'. Из них история термина «истина» разъясняется в работе «Родной язык — могучий рычаг культурного подъема».² Здесь ограничимся указанием, что этим термином русский и украинский увязываются и с северным ныне миром чувашей и восточных финнов, и южным — кавказских яфетидов. Что касается термина «правда», трехэлементного образования по оформлению акающей группы *pra-v-da*, то это эквивалент сохраненного греками имени кавказского или скифо-кавказского мифического героя, уже получившего свое истолкование в смысле 'солнца': речь о носителе имени *Ṗro+ṃē-De* (Προμηθεύς), буквально означающего 'дитя неба', 'солнце', 'солнышко'.³

Выдержанный по огласовке окающий эквивалент, но лишь двухэлементный (BD), и тот усеченный *pro+ṃ*, наличный в основе лат. *probus* 'честный' (← '*блестящий'), 'хороший', тянет в Средиземноморье на Запад,⁴ а с такой же

¹ П. Марр, *Иштарь*, ЯС, т. V, стр. 110 [ИР, т. III, стр. 307].

² См. также Н. Марр, *Первая выдвиненческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев*, стр. 20—21 [см. здесь, стр. 452].

³ П. Марр, *Из Пиренейской Гурли*, стр. 61; его же, *Родная речь — могучий рычаг культурного подъема*, и в настоящей работе, стр. 260, 264, 271.

⁴ Индоевропейцам неизвестно, что *pro+ṃ* лишь полный над того же слова и появление его в основе *probus* 'позор', т. е. термина диаметрально противоположного смысла, находится в органической связи с обоюдным употреблением культового термина в значениях и 'бога' и 'беса'.

выдержкой акакия эквивалент, также лишь из двух элементов, но иного подбора (ДС), нас приводит к позднему историческому Кавказу с его реликтовым яфетическим миром, где в именах национальных героев армянского *Vaḡ-dan* и грузинского *Vaḡ-tan-g* мы имеем свидетельство мифически пережившего не то еще 'бога', не то уже 'героя' Прометея-солнца, в имени которого элемент С — де 'дитя' — вырос на однозначный элемент В — те, как в украинско-русском *pra-v-da* этот же элемент С — да — на элемент В — у, но не вытеснил его целиком, как то наблюдаем в именах арм. *Vaḡ-dan*, груз. *Vaḡ-tan-g*, причем сравнительно раньше использованный в армянской литературе народный эпос при Вардане-Солнце сохранил его эпитет *oḡnals* 'красный' (*kaḡnir*), обеспечивая нам, таким образом, основание *Vardan Kaḡnir* в целом перевести 'Красным Солнышком'.

Что же? Это все нам позволено строить лишь в мире отверженных европейской наукой яфетидов? По погребальному ритуалу — да; ибо, когда речь о 'Владимире Красном Солнышке', да о Глебе и Борисе мы должны замолкнуть, поскольку здесь все разъяснено и историками, и археологами, и этнологами, и лингвистами покойной памяти старого учения, давно совершена тризна по мифологическому истолкованию легендарных имен. Не возвращаться же к ним в самом деле, когда после яфетидологической трактовки «Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении» в публикации авторитетнейшей коллегии по близости предмета к ее сердцу, интереснейшее по фактическим данным и ими вызываемым соображениям исследование о строителях того же Киева — Кии, Щеке и Хориве, да их сестре Лыбели, автора выявляет в полной растерянности перед мифом обращения 'женщины' в 'воду', герс. 'реку', а 'воды' ('неба^в'), следовательно, и 'женщины', в 'птицу' ('небо^л'). Почему же? А потому, что нельзя объяснить переход «и» в «е» в слове «Либедь». Не правда ли, невероятно?!.. Мы не будем отвечать автору, обошедшему гробовым молчанием первый исследовательский опыт по вопросу в путях нового учения об языке (беды в этом не видим), наоборот, процитируем его слова досконально, в назидание неверующих Фом: «Метаморфоза Либеди в Лебедь, рікі, згл. дівчини у птаху, має своє джерело у людській етимології, бо наукова етимологія не дозволяє виводити *Либ-* і *Леб-* з того самого мовного джерела».¹

Ясно, что нам в самом деле ничего не остается, как прервать наши бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке в ожидании более зрелой аудитории. Но придет ли она? Конечно, да, однако, едва ли из академических Назаретов; только бы терпения. Предполагаемый «создатель» яфетической теории почти столетия ждал, а человечество по большому великодушию, да основательно уверенное в большей длительности своего существования, может спокойно ждать еще сотню лет. Торопиться некуда, спешить незачем. Яфетическая теория со всем ее страшилищем, новым учением об языке, не зверь, в лес не убежит.

¹ Проф. Михайло Тершаковець (Львів), Переказ про Кия, Щєка і Хоріва та їх сестру Либєдь (Епізод із українсько-германських взаємин давньої доби), Ювілейний збірник в честь акад. М. С. Грушевського (часть ист.-лит.), публикация Украинской АН, Киев, 1928, стр. 410—411.

О происхождении имени Анапа¹

Связь черкесского, или адыгейского, племени с абхазским, помимо лингвистических данных, ярче всего доказывается сродством, а иногда и тождеством черкесских и абхазских имен и названий. Особенно поучительны в этом смысле географические названия, свидетельствующие о более обширной площади распространения абхазского племени, притом в северном направлении. Постепенно абхазы отеснялись не только с севера на юг, но и от моря в горы, и не удивительно, что и приморские населенные пункты южнее, в пределах нынешней этнографической Абхазии, сохранившие абхазские названия, менее всего насчитывают в своей среде абхазский элемент; иногда в них не бывает ни одного абхаза. При таком положении дела нет ничего удивительного, что, чем севернее, тем более оторванно от абхазского населения лежат те приморские пункты, местные названия которых, будучи исконного происхождения, находят свое объяснение в абхазском лингвистическом материале. К таким названиям относится термин «Анапа» с его характерным абхазским префиксом «а-». Исходный гласный «а», если бы он оказался первоначальным, также мог бы найти объяснение в абхазской морфологии, где именные основы завершаются обыкновенно гласным -а, ослабевающим в -ə. В указанном названии мы имеем, почти без изменения, абхазское слово а-парə (аналə) 'рука'. Приморский пункт, расположенный у устья реки, по всей видимости, получил такое название в связи с местоположением у *рукава реки* или, что вероятнее, у *гавани*. Не мешает заметить, что слово а-парə представляет *plurale tantum*, т. е. первоначально означало 'руки'.² Суффикс множественного числа -рə, столь характерный в виде -ре || -рi для языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей, более или менее распространен в яфетических языках как сибилантной группы (в мегрельском — -ef, в лазском или чанском — -fe, в грузинском — -eb), так и спирантной (в наречиях андо-дидойской группы и в других — -bi). В абхазском этот суффикс всплывает в именах *pluralia tantum*, как, например, еще а-ща-рə 'нога' (первоначально 'ноги'). Здесь нет надобности выяснять все разновидности данного суффикса, но для одной формы названия Анапы, для той, которая сохранена на средневековых географических картах, именно Мара (Mara), мы находим фонетическую поддержку в диалектических разновидностях абхазского слова, и потому даем перечень некоторых абхазских слов, имеющих в составе наше слово а-па-рə или его основу па. Есть глагол с прə (парə) в составе в значении 'рук', так: а-прə-тцəга 'выпускание из рук', от основы па 'рука' произведено а-пагуні 'ладонь', собственно па-г-гуні, буквально: 'рук (па — 'рука' собирательно) их сердца низ', т. е. 'внутренняя' или 'нижняя (часть) руки'; таких производных несколько. Особый интерес представляет для нас обычное абхазское

¹ [Напечатано в Записках разряда военной археологии и археографии Русского Военно-Исторического общества, 1914, стр. 1—3 отд. отт.]

² У города Анапы находятся две бухты, называемые в настоящее время Большою и Малою.

мн. число на -фа, образованное от основы па, означавшей 'рука': а-пафа 'пальцы'; диалектически последнее слово звучит и а-ша-фа; очевидно, основа па появлялась и в ниде ша, следовательно, в форме мн. числа на -рə рядом с а-па-рə могло существовать и а-ша-рə что, за изъятием члена-префикса а-, и засвидетельствовано генуэзцами в названии Мара.

Если бы не эта форма с губным ш вместо носового п, я бы не считал нужным не только умалчивать, но и ставить на последнее место другое возможное объяснение нашего географического названия, опять-таки в связи с предположением о нахождении абхазского этнического элемента в составе туземного населения, дающего имя местечку с гаванью. В абхазском п, герр. па, с префиксом же ап, герр. апа, значит нечто совершенно иное, именно 'бог', но появляется в этом значении исключительно как *plurale tantum*, притом с суффиксом фа — ап-фа, что первоначально означало 'бога'. Однако та же основа могла иметь форму мн. числа на рə — апарə. Появление имени 'бога' в качестве названия местечка могло бы найти объяснение в том, что там пребывала, по всей вероятности, главная святыня народа; такое толкование, пожалуй, получило бы поддержку в показании Арриана, называющего, как предполагают специалисты, местоположение Анапы *ἱερός λιμήν*.¹ Второе наше толкование более сложно и более ответственно: оно невольно внушает мысль связать местное население теснее с народом, говорившим на языке второй категории Ахеменидских клинообразных надписей, так называемом новозламском, как можно видеть из относящегося сюда материала этого языка, именно из того, что 'бог' на этом языке также *plurale tantum* от той же основы па, но со своим, для него единственно обычным, суффиксом мн. числа -р| -ре-парр| (← па-р|), даже с сугубой постановкой этого суффикса пар-р|ре (← па-р|ре).² В древнеэламском то же слово употребляется как детерминатив в форме пар, т. е. без сугубого мн. числа.³ Для устранения затруднения с вопросом о том, как примирить такую древность термина «Анапа» с тем, что из источников единственно известно название того же пункта — Горгиппия,⁴ на худой конец всегда имеется выход: это — не первый случай расхождения местного, народного, хотя и древнего названия с литературным, тем более иноземным литературным.

¹ В. В. Латышев, Заметки по древней географии северного побережья Черного моря, *Путник*, стр. 279.

² Н. Марр, Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей, ЗВО, т. XXII, стр. 48, § 48, стр. 62, § 62.

³ V. Scheil, *Textes elamites-akkadites*, напр., VII (стр. 16), 12 (bis), 34 (bis).

⁴ Горγίππεια (Стефан Византийский), Горγίππειον (легенда на монетах), но пока следует помнить и Горγίππια (Страбон) и Горγίππη (Стефан Византийский). См. В. В. Латышев, *указ. соч.*, стр. 279, прим. 2.

Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам¹

Побуждаемый сделанным мною еще в конце лета наблюдением факта родства чувашского языка с яфетическими, перед вторичной за прошлый год побывкой на Кавказе для участия в Краеведческом съезде Черноморского побережья и западного Кавказа в Сухуме, в столице Абхазской республики, я все время рвался в чувашскую среду, чтобы получить возможность произвести непосредственные наблюдения над живой чувашской речью в ее природной бытовой обстановке и завязать с работниками на месте связи, необходимые для дальнейшего изучения вновь возникшего у яфетидологии вопроса. Задержкой более длительной, чем я предполагал, в Абхазской республике было опрокинуто мое намерение побывать на обратном пути, сделав его по Волге, в столице Чувашской автономной области, именно Чебоксарах (архетип **Ōebos-kaŋ* \ **Šemos-kaŋ*, по чувашски Шивашкаг), что значит по палеонтологии яфетических языков 'чувашское', собственно 'шумарское' (в Месопотамии 'шумерское') или усеченно — 'чумское', герс. 'чхумское' (на Кавказе 'ле-чхумское') 'поселение', собственно 'город' (ЯС, т. III, стр. 17) — *-kaŋ* (← *skaŋ* 'город' [особо будет теперь разъяснена природа этого унаследованного от яфетидов и финнами слова, спирантной разновидности салского (сар-матского) **hal*, т. е. *sal*, герс. *skal* или *ʃkaŋ*], оказавшим двойником чего является скифская или мегрело-чанская разновидность термина *sko*¹ || *sku*¹ 'дитя' → 'дети' || 'люди', 'обитатели' ← 'поселение', собственно *определенное племенное поселение*). Мне не удалось при всех стараниях хотя бы в Ленинграде сойтись с каким-либо чувашем для разъяснения возникавших у меня вопросов по природному произношению.² Первый чуваш, с которым случай свел меня в Москве на лекции, читанной в Доме ученых «О происхождении языка», был Мели, научный работник Музея народоведения, даривший мне возможность убедиться, что произношение иотированного свистящего (*ʃ* в большинстве говоров) или гибридного свистяще-спирантного (*ʃ̣*), во многих говорах почти шипящего (*ʃ̣* в некоторых говорах) чувашского сибиланта (в принятых миссионерских и научных туркологических или угро-финских транскрипциях всегда одинаково или «сь», или *ç*, или *š* и т. п.), мною было понято правильно, как в том пришлось убедиться в беглой беседе с единственным, до только-что совершенной поездки к чувашам, чувашем на примере слова *риʃ* 'голова', в архетипе **риш*, эквивалента баскского *bir-* в слове *bir-n* 'голова'. Получив досуг для научных работ на три недели по командировке Академии наук, я вынужден был урезать ее и перед поездкой, на пути задержанный в столице участием в комиссии Гос. Ученого совета по разработке программы Этнологического факультета Московского университета, и в конце

¹ [Читан во II заседании Отделения исторических наук и филологии АН, напечатан ИАН, 1925, стр. 673—698]

² Чувашами уже на месте я был осведомлен, что их молодежи не мало в Ленинграде, но они рас-
сеяны по различным учебным заведениям

поездки, спеша опять в Москву на обсуждение проекта нового устава РАИМК в Коллегии Главнауки 19-го и 20-го января и в Ленинград на открытие филиального отделения Российской Публичной библиотеки, именно библиотеки, по многим вразумительным основаниям предполагавшейся к наречению именем Ленина, 23-го января. Таким образом, в моем распоряжении для работы на месте оставалось всего-навсего 9—10 дней, с 8-го по 17-е января, и если за это короткое время мне удалось сделать некоторую работу (не скрою, больше, чем я рассчитывал успеть в три недели), то этим я всецело обязан местным научным силам Симбирска, в первую голову П. Я. Гречкину, заведующему губмузеем, а также Н. Н. Столову, директору местной Публичной библиотеки. В здании Дворца книги я нашел прекрасные условия для ведения своих лингвистических занятий с чувашами, подбор которых, конечно, сыграл особенно благотворную роль в возмещении краткости времени, которым я располагал для научной работы в Симбирске.

Мысль о поездке в Чебоксары зимой была своевременно покинута по совету П. Я. Гречкина, так как иначе все бывшее в моем распоряжении время я употребил бы на путешествие из Симбирска в Чебоксары и обратно. Как это ни странно, столица Автономной Чувашской области совершенно изолирована от окружающего мира за долгие зимние месяцы, точно Свания на Кавказе; напр., в Симбирске, где национальное меньшинство с чувашскими культурными запросами и заботами, казалось бы, должно быть заинтересовано соответственной деятельностью чувашской центральной власти, никаких сведений нельзя получить о ней. Ближайшая железнодорожная станция от Чебоксар расположена в 70 верстах от чувашской столицы. Между тем в Симбирске находятся такие основные, если не центральные, культурно-просветительные учреждения, как чувашские педагогический и сельскохозяйственный техникумы. Потому-то еще из Москвы я просил телеграфно П. Я. Гречкина пригласить к часу моего приезда двух чувашей из двух различных диалектических районов. В Симбирске в моем распоряжении оказалось не менее двенадцати молодых чувашей, студентов и студенток Педагогического техникума (говорю о постоянном составе, в работе моей их прошло не менее двенадцати), возглавлявшихся преподавателем чувашского языка Ф. Т. Тимофеевым (Qwedeg Timiçä), автором наиболее полной на чувашском языке грамматики, пока появившейся в свет в своей морфологической части.¹ Знакомством с ней, еще в Ленинграде, я обязан был научному сотруднику МАЭ Б. Н. Вишневному, любезно поделившемуся со мной своими научными изысканиями по чувашам из длительной командировки к нам, независимо от прослушанного живого о чувашах его доклада в Радловском кружке. Осведомленным о чувашах я обязан также Д. А. Золотареву, ученому сотруднику РАИМК, снабдившему меня рядом указаний и некоторыми изданиями, которые в Симбирске было трудно достать, так, напр., большой картой Автономной Чувашской области.²

¹ После поездки появилась синтаксическая часть: *Чуваш ʒełçyĕn krammatigĕ, sintaksis tĕbĕzem, Шувашкар (Çăваш Ёлçийĕн крăмăтикĕ, Синтăксис тĕбĕсем, Шувашкар), 1924.*

² Составлена Картограф. отделом Высшего Геодезического управления ВСНХ, изд. Наркомвнудела, М., 1923 г.

Осведомлен был я и о чувашской лингвистической проблеме в традиционной туркологической или урало-алгайской постановке благодаря прекрасному докладу Н. Н. Поппе в ЯИ по этому вопросу, причем в день отъезда из Ленинграда я мог, благодаря участию автора, получить и печатающуюся в ИАН основную пока его работу в корректурных листах. Наконец, молодые сотрудники ЯИ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин, начинающие работники по истории материальной культуры, первобытной, внимательные слушатели моих курсов по яфетическому языкознанию, имели поручение сделать сводку существующей на русском языке литературы о чувашах, главным образом о быте материальном и общественном, и они не только своевременно доставили мне соответственные данные, разнесенные на регистрационные карточки (при этом выяснилась филиация чувашеведных сведений, возведшая различных авторов к одному и тому же литературному источнику, когда они казались непосредственными наблюдателями явлений в самом живом быту), но поделились со мной своими в значительной мере удачными опытами по определению яфетических элементов в чувашской речи и фактов яфетической доисторической племенной культуры в чувашском быту. Более того, молодые работники поставили некоторые вопросы для разъяснения на месте, получившие удовлетворительные ответы, очень интересные для установления не одних лишь чувашских дохристианских и домусульманских верований, но и для этнической культуры, доисторической, окружающих народов, не исключая и русской, разъяснившейся благодаря этому в таких частях, как область, обнимаемая чисто русскими терминами «бог», «погань» 'язычники',¹ «истукан» и т. п. Подготовке к работе по чувашскому языку на месте послужили не в малой степени изыскания по памятникам материальной культуры чувашской земли и сопредельных стран, которые систематически вел И. И. Мещаннов в ГАИМК в разряде «Кавказ и яфетический мир». Эти изыскания выявили конкретно связи вещественных древностей Волжско-Камского края, в частности Чувашии, не только с Сибирью, но и с Кавказом и Пиренейским полуостровом (пермская и кубанские фибулы, аналогию которых пиренейскую см. Portugalia, т. II, вып. I, рис. 1—2,5, 399 и северо-кавказскую см. МАК, т. VIII, табл. LXXXI, 2 и табл. CIV, 10; любопытно отметить и фигуру, толковавшуюся как человек в лодке, из Вол-камья, Сибири и Передней Азии, из Гляденовского городища на р. Каме Пермской губ., см. Труды Пермск. арх. ком., т. XI, табл. II, рис. 22; из Чувашского мыса близ Тобольска, см. Сипцын, Шаманские изображения, рис. 62; из Суз, см. L. Legrain, Mission en Susiane, рис. 333, 334). Я не упоминаю о том, чем я обязан личному общению с целым рядом моих коллег, в числе их В. В. Бартольд, вторичное прочтение статьи которого о болгарях в «Энциклопедии ислама» и подвело решительно к яфетидологической постановке чувашской проблемы, а также А. Н. Самойловичу, в котором, снабдившем меня, между прочим, редчайшими у нас европейскими трудами по чувашскому языку, неизбежность вовлечения с чувашами в круг яфетических изысканий и

¹ «Погань», «поганин», «поганец» и т. д. так же не происходит из лат. paganus через польск. «поганин», как и «бог» (теперь выяснилось, что последний термин, яфетического происхождения, есть лишь разновидность Перуна, герм. Perkun'a).

тюркских языков встретила живой отклик, выразившийся в тяге его, совершенно, как теперь я вижу, основательной, к пересмотру литературы бесследно прошедшей туранской теории, пытавшейся отвести в свое ведение кавказские языки, т. е. яфетические языки Кавказа и др., и потерпевшей крушение именно потому, что в то время ни в какой мере не было подготовлено ни материальной, ни теоретической базы реальным знанием яфетического языкового мира. Само собою понятно, что к подготовке для работы над чувашской проблемой послужили некогда личные мои изыскания, случайно совпавшие с интересами определения яфетической природы чувашского языка, как то: по ЯИ исследование (в рукописи) месопотамского термина *Intar*, оказавшегося разновидностью этрусского в Италии названия «Туран», Афродиты-Туран (ср. Афродита-Урания), равно давнишний также не напечатанный до сих пор труд по КИПС, между прочим, с лингвистической историей термина «Азербейджан».¹ Не мало помогло правильной общей постановке чувашской проблемы чтение изданного *Prognů* подлинника законодательства хеттов, занявшего меня в связи с совершенно иным научным интересом, именно интересом к тотемным переживаниям в исторической общественности, каковой вопрос поставлен был на очередь в организуемом в РАИМК разряде первобытной культуры. Естественно, благодаря всему сказанному чувашский язык дал мне основание установить, еще до поездки к чувашам, ряд новых вех для хронологического или территориального размежевания продуктов человеческого творчества в речи: так, напр., чуваша с турками с одной стороны и египтяне с другой оказались обладателями двух различных названий 'серебра', одинаково яфетических по происхождению, причем формально или реально более древних, чем яфетические и неразрывно связанные с ними индоевропейские, поскольку и яфетические, и индоевропейские разновидности этого металлургического термина представляют всегда позднейшее скрещение или спаяние двух простых племенных слов, и-талского (салского) и и-берского, в том или другом порядке, то «итало-ибер», как во всех бесспорных индоевропейских языках, кроме испанского, то «иберо-итал», как во всех чистых яфетических языках, да еще в армянском и испанском, тогда как египтяне и турки пользуются в том же значении 'серебра' или простым племенным названием всегда спирантизованного типа, салским или и-талским (спирантизовано — *har* ~ *hat*), как египтяне (*ḥd*, копт. *ḥd*), или также скрещенным, но исторически более древним двухплеменным *skul*¹-берским, именно и-берским — ки-мерским, как чуваша (*kəməi*) и турки (*gümüş*). Это не мешает, однако, в чувашском быту находиться слову, наличному не (как отмечалось раньше) в шумерском, а по всему афревразийскому миру, именно *pur-də* 'топор' (← **pur-tun*), которое, как теперь нам известно из палеонтологии речи, представляет составной термин, по скрещенным в нем племенным словам — и+беро-ион или шу+меро-чан, в архетипе, скрещенном с колебанием в племенной огласовке, и **por-tan* || **por-ten*² со значением 'железа', раз-

¹ Пока см. Н. Марр, Краеведение, стр. 9—10 и сл.

² По группе свистящей, слезнотельно, акающей, выдержанно при «о» в шипящей, — **bal-tan* (значение и **bal-ten*), что и сохранено в турецких языках. И, конечно, прав был П. И. Якобий, когда писал (ниже ук. соч., стр. 44): «Это слово очень древнее, несомненно тюркское», но турками оно зна-

новидность баскск. *big-din* 'железо' и сванск. *bege-j* (из **bege-jep*, при колеблющемся скрещении **bege-jan*) 'железо', в грузинском сохранившегося в качестве гибридного племенного названия *ber-dēn* в значении не 'и-бера' и не 'чана', а 'грека'.

Специально в порядке чувашеведных и смежных языковых и исторических интересов до поездки на Волгу были мною уже разъяснены как яфетическое наследие дославянские болгарские слова и термины и восстановлены некоторые требовавшиеся чувашские разновидности, теоретически построенные и потому снабженные звездочкой, которую на месте приходилось снимать.

Естественно, благоприятные условия, прекрасный подбор молодых охотно занимавшихся чувашей и руководителя их чувашевода, были интенсивно использованы; работа велась ежедневно в три смены, утром и днем 12 молодых студентов и студентов чувашей, по группе то в 7, то в 5 минимум человек, вечером же специалист чувашевед Ф. Т. Тимофеев, старавшийся не пропускать ни одной смены и групповой. Один день порядок был сбит, так как из-за холода молодые чуваша, плохо обутые и жившие на расстоянии двух с лишним верст от меня, не могли явиться ко мне утром, их заменил один Ф. Т. Тимофеев, а когда я к ним поехал сам к вечеру в Педагогический техникум для ознакомления с чувашским музеем при нем и возмещения утреннего отсутствия молодых чувашей, ко мне обратились с просьбой ознакомить учащихся с яфетической теорией и ее положением, и слово мое на эту тему, длившееся два часа, и последовавшая беседа заняли все время. Так-то всего несколько часов, посвященных ознакомлению с культурно-просветительными учреждениями города Симбирска, собственно осмотру двух музеев, естественноисторического и художественного, а равно библиотеки, равно как время лекции на тему о происхождении человеческой речи, прочитанной по приглашению Симбирского краеведческого общества аудитории, к сожалению, по случайности состава малоподготовленной, были урваны от перерывов работы с чувашами, когда я с трудом успеваю подготовиться к очередной смене.

В результате всех удобств, давших мне возможность интенсивно использовать то короткое время, которое было в моем распоряжении, достигнуто следующее:

1) Получил возможность читать по-чувашски и вести далее более углубленное изучение существующей литературы о чувашском языке и чувашских текстов.

2) Ознакомился конкретно с характерными особенностями ряда говоров, независимо от двух наречий, окающего и укающего, — говоров, настолько определенных в отношении и лексики, и фонетики, что к концу занятий я уже предусматривал, что представитель того или иного населенного пункта скажет как эквивалентное выражение обсуждавшегося материала.

3) Выяснилось, что быговая сторона доисторических переживаний и, следовательно, соответственная словарная часть чувашского языка вымерла почти полностью в христианской и еще более, повидному, в мусульманской части

следовано от яфетидов, а о распространении его можно говорить лишь зная его основу (*rig-* (< **rog-*) || *bal-*) и т. п. «трехгласную» ее разновидность, наличную и в индоевропейских языках, между прочим в русском, о чем особо.

чувашского населения, и этот зияющий пробел должен быть восполнен безотлагательно работой среди чувашей-язычников.

4) Работа с молодежью приохотила ее к ведшимся с нею занятиям, и она просила использовать ее как сотрудников, выражая готовность собирать материалы этнографические и лингвистические по программным заданиям, причем перед отъездом ряду из них было предложено составить список чувашских названий населенных пунктов, рек, гор и т. п. из непосредственно известного каждому окружения, что и было выполнено.

5) Укрепилось положение, наметившееся до поездки, что в чувашском языке имеем пережиток скрещенного типа яфетических языков с основным слоем из элементов их шипищей группы при наличии в нем одной поразительно совпадающей с грузинским прослойки свистящей группы. Конечно, надо учитывать утрату чувашским большинства архаичных аффрикатов, и заднеязычного, и даже переднеязычного порядка или сохранение на низшей ступени слабых их сибилантов, напр.:

чув. sɪv-ĕ («сив-е») 'холодный'	груз. ḡɪv-ɪ (↘ *sɪv-ɪ) id.;
чув. səvl-əm 'роса', səl-əm сыл-ым id. ← *sul- ← *sol- в м. *sor	груз. ḡvar-ɪ 'роса' (↘ *svar), арм. ḡol (↘ *sor) id., до шп: м. ḡund-ɪ (↘ sund-ɪ) → ḡund-ɪ;
чув. sər 'писать'	груз. tər-a 'писать', спирантн. (v sr ~) v ~ уг: св. lɪr-ɪ (← lɪ-yr-ɪ) id.; ¹
чув. sər-lĕ («сёрлĕ») 'жужжать', 'гу- деть', от основы sər-	груз. tər-ɪ (↘ *ser-ɪ) 'муха';
чув. ṣəm 'шерсть', ṣəm (Второ-Чура- шево) ↘ ṣəm (Урмары)	арм. tam 'волос' → *ḡam → *ḡam (↘ груз. ḡma), м. ḡoma (← *ḡom-a);
чув. ṣumər ṣomər 'дождь'	груз. tɪm-a (← tum-a);
чув. sĕd («сĕт») 'молоко'	груз. ∞ sĕ (← *sed) 'молоко';
чув. sorəq 'овца' в некоторых говорах, напр., в деревне Кошкинево — surəq	груз. *zər-aq- → zərəq 'корова' (из- вестна группа слов, примыкающих сюда, начиная с zowar-ak).

К семантическому расхождению см. И. Кипшидзе по поводу м. ḡqɪ[1] 'корова' (s. v.), где отдается предпочтение его сопоставлению с груз. ḡqovər-ɪ 'овца', 'животное', 'живой', особенно груз. ḡqovel-ɪ 'живой' 'животное', чем с груз. ḡrəq (↘ zərəq) 'корова', чув. sɪvl-as 'дышать' от sɪvl ← sul, груз. sul 'дух', 'душа'.

чув. ḡɪr 'боль', 'болезнь', 'недуг'	груз. tɪr-ɪ 'болезнь', 'чума', 'беда' ~ *kɪr; арм. kɪr-q 'страсти', 'сострада- ние';
чув. ḡəm-la 'жевать'	груз. tam-a 'есть', 'кушать', арм. tam- el 'жевать'.

¹ Сейчас примыкающих сюда венгерских эквивалентов не касаюсь, как и турецких.

С утратой фрикативности (ʃ → t):

чув. tum (← *tum) 'одежда', 'убор', груз. ʃum-a 'одевать', 'одеваться', sa-
'наряд', tum-lan- 'одеваться' ʃum-el-1 'одежда'.

Слова без сибилантных в составе:

kud («кут») 'корень', 'хвост' (растений), груз. kud1 'хвост', м., ч. kud-el-1, св.
'зад' la-kwád, a-kwat;
kig-1ʃ 'нужный', 'необходимый', 'полез- kig ~ tir: груз. sa-tig-o 'нужный', 'не-
ный' обходимый';
pэг-и (← *hpig-и) → pг-и 'теленки', qbo ← qbog- (мн. ч. qbog-el-1 → вульг.
без обозначения пола pэг-и-шк1 || qbog-el) 'теленки' (ср. также груз.
pг-и-шка qig-1 'корова').

Естественно, чаще встречаем в чувашском формы шипящей группы, так, напр.:

чув. vad-ə 'старый', 'престарелый' м. bad-1 ← *bad- (|| груз. ber-1) id.;
чув. миңда (↘ miŋʂa) → моҫда → муҫ- mon- / bou-: ч. o-bou-и 'мыть', м. bou-
да (← т. monʂa) → «мольча» 'баня' и-а, id. || груз. ban-a id., откуда
груз. a-ban-o 'баня', св. li-br-e
'мыть';
в в. м. ш, как в баскском шп шʃhʀ / tʃkʀ || сс tkk:
чув. sur-an 'рана', 'ушиб', 'порез', шп 1. баск. saur-1 (← *salur-1, «zauri») 'рана', 2. ч. o-tkog-и 'косить', 'ре-
'ссадина', 'язва' и др. зать', м. tkig-и-а 'резать', 'рубить',
'жать', ср. груз. tpa 'резать', 'равить';
сс груз. tkla 'равить';
чув. шап 'завядать' ш / t, resp. tk: груз. tkna, tpa 'увял',
'исхудал'; -ʃap-1 'худой';
чув. ʂur || ʂor 'половина' ← 'вторая груз. jug 'два' ~ м. jir-1 и т. п.
часть' (← 'два')
чув. ʂ1 'верх', 'на' м. j1 (сс: груз. ze) 'вверху';
чув. ʂer 'ночь' м. ser-1 'ночь', ч. 'вечер' (др.-л. груз.
ser-1 'вечеря');
чув. kətkə 'муравей', со сипрантиза- м: tketkət-ia (→ dɔdɔgə-t-ia) ← tk-
цией первой парной группы tk, resp. .tkit-ia и т. д. 'муравей';
tk ~ k из *tkətkə
чув. ʂib 'нитка', 'шнур' ~ *шор груз. ʃap-1 'нитка' (↘ *sap) ~ сипр.:
св. qir;
чув. ига-ба 'колесо', 'телега', 'воз' груз. uge-m-1 'арба'

Любопытно, что чувашский сохраняет сибилантность, притом свистящую, хотя бы на низшей ступени, и тогда, когда грузинский под влиянием сванского успел

утратить ее, разделяя с чувашским лишь огласовку, также сваяского типа (экание).

чув. *sĕr-dĕp* 'касаться', 'дотронуться', арм. *ġer* (↘ *zer- ← ser) 'рука', груз. *qel* (древнелит. *qel* и др.), от которого и происходит грузинские глаголы со значением 'касаться', 'дотронуться', от основы *ser-* 'рука' по общей норме семантики яфетических языков

Грузинский язык сохранил свою природную разновидность того же слова 'рука', опять таки со звонким аффрикатом, но в обычных дериватных значениях 'сила', 'мощь' — *dal* и в *sam-dal* 'трехкратный', '-крат', 'раз' — *dal* (↘ *zal ← sal), и вот чрезвычайно любопытно, что эту закономерную разновидность свистящей группы *sal* чувашский сохранил в значении 'руки', точно также спирантизованно (с утратой спиранта): *al-ə* 'рука', в чем чувашский вторит до тождества баскскому.

С кавказскими басками, именно абасками, т. е. абхазами, и *хайками-басками* (*hauk ~ rak*), т. е. армянами, у чувашей в речи также особо интимные встречи. Помимо *laja* (← *лаша*) 'лошадь', абхазского вклада (*a-lapna*), имеются и другие, специально их выделяющие явления, так в словах — чув. *qun* или *qen*, *qĕp* 'страдание', абх. *qa : a-qn-ga* 'рожать'.

В значении 'сам' (← 'особа'), 'себя' яфетические языки употребляют 'голову'; таково, между прочим, первичное значение *ǰ* 'себя', в качестве префикса, служащего в абхазском для образования возвратного залога; это *ǰə* 'себя' (← 'голова') в абхазском же налично и самостоятельно в виде его заднеязычного неберойного эквивалента *qĕ* в значении 'голова', и вот его имеем в чувашском в форме *qĕ* → *q* в сочетаниях *qĕ-m* 'я сам' ← 'голова моя', *q-n* 'ты сам' → 'голова твоя' (кстати, суффикс *-n* 'ты', 'твой' = абхазскому префиксу *n-* 'ты', 'твой', равно в третьем лице *qĕ-n* 'он сам' ← 'голова его', где *-n* / *-n* суффикс третьего лица = абхазскому префиксу 3-го лица *n-* / *n-* и только в глаголах грузинскому суффиксу третьего лица *-n* (↘ *-n*), как *qĕ-m* 'я сам' ← 'голова моя' своим суффиксом первого лица стоит рядом с грузинским, мегрельским и др., где *m-* — префикс первого лица.

Спирантизация захватила в чувашском одинаково и слои шипящих разновидностей, так, напр., *olbut* (вм. **ɣor-bot*) 'господин', двад. и *ulbut*, представляет спирантизованный вид шипящей оканшей группы, эквивалент свистящего *saɣmat* / *ʃaɣmaʃ*, тотемного божества сарматов, как, впрочем, спирантизованно появляется обычно этот термин в шипящей группе и на Кавказе, т. е. в языках мегрельском и чанском, но и здесь яфетические языки Кавказа вместо исчезающего спиранта сохраняют аффрикат, так в чанском — *ǰogmoʃ* 'бог'.¹

¹ Турецких эквивалентов сейчас не касаюсь, лишь огорюсь, что не все созвучное с чув. *olbut* непременно есть подобность отождествлять с ним, а то, что в турецком действительно представляет эту закономерную разновидность, требует разъяснения по нормам дон-торической семантики где, конечно, нет места такому толкованию, и предлагаю П. И. Якобсону и для чув. *olbut* 'чяновник' как 'собиратель даян' (Вятчи Орловской губ., Зап. Геогр. общ. по отд. этнограф., т. XXXII, 1905, стр. 29).

Нельзя, однако, сказать, что низшую ступень согласного проявляет всегда чувашский язык: в губных, напр., мы наблюдаем обратное явление; так

груз. *maḡ+a* 'весь' (см. *maḡa-dḡ* 'еже- чув. (с оканием) *piḡ-* 'весь', *piḡ-de* 'дневно'), новоэлам. *maḡ+ta id.*¹ 'все' = 'всѣ';

груз. *maḡ-* 'рука' в *maḡ-ḡnep-e* 'правая рука', *maḡ-ḡḡene* 'левая рука' чув. (с аканием) *paḡ* ['рука' → 'сила'], откуда глагол *paḡ-* 'давать', чув. *paḡ-ga* 'сильный', 'здоровый', 'толстый'.

Чувашский утратил почти полностью префиксовое образование, но такая утрата доисторического состояния замечается и в других яфетических языках: в баскском многие префиксы наличны лишь пережиточно, как неотделимые части цельных основ. С другой стороны, в чувашском сильно развита, как и в турецких языках, агармонизация гласных в зависимости от твердых и мягких согласных, но есть ли это явление впервые целиком создавшееся в чувашском и турецких языках, это еще вопрос. Некоторые признаки агармонизации наблюдаются именно в языках шипящей группы Кавказа, мегрельском и чанском.

Но семантика почти непочато сохранена яфетическая в чувашском, так, напр., 'колена' у чувашей по одним говорам *ḡḡerḡuḡi*, по другим — *ḡḡerḡbuḡi*; собственно, это не вообще 'колена', а специальная его часть — 'головка изгиба', 'верх колена', что по-грузински называется *miḡlis-ḡav-i* 'голова колена', равно *miḡlis-ḡval-i* 'глаз колена', и именно буквально такое же построение имеем мы в двух диалектических словах чувашского языка — *ḡḡerḡbuḡ-i* ← *ḡḡer-puḡ-i* 'голова колена' и *ḡḡerḡuḡi* ← *ḡḡer-kuḡ-i* 'глаз колена'. О первичном значении самого *ḡḡer* с баскск. *i-ḡtar* || *i-ḡter* 'лядвья' и т. п. речь будет особо, когда разъяснен будет и тот курьез, не первый этого порядка, вскрываемый палеонтологией речи, что в грузинском прибавка слова *ḡav-i* 'голова' собственно излишня: она вызвана затемнением в языковом сознании позднейших грузин факта, что в полученном по наследию *miḡli* 'колена' уже налицо 'голова' *mi-* (*miḡ* / *piḡ*, *gesp.* *puḡ* → *buḡ*), ибо *mi-ḡli* (← **mi-ḡal*) есть составной термин такого яфетического языка, в каком определяемое слово ставилось на первом месте (ср. шумерский, баскский, пережиточно часто французский и др.).

Дело, однако, не в том, что выясняется положение чувашского языка (кстати, и в отношении морфологии) среди яфетических путем установления закономерных корреспонденций, а в том, что палеонтология нам вскрывает происхождение каждого данного факта, в яфетических языках представленного еще в видах доисторического состояния. Вопрос не в том только, что чув. *uḡaba* 'арба' корреспондирует не только с т. *agaḡa*, но и с яфетическими, в частности груз. *uḡeḡ*, а в разъясненности теперь его генетической истории, в восхождении его к основе *og-* → *uḡ-*, стоящей во мн. числе *-ba* ← *-ra* \ *-m*, с первичным значением 'небо', с дериватами одного семантического разреза 'круг' → 'колесо' → 'колесница',

¹ Н. Марр, Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXII, стр. 89 (§ 57).

‘телега’, ‘воз’, почему по-чуваши слово значит и ‘колесо’. Я не поднимаю сейчас ни формального вопроса о так наз. множественном числе, собственно также племенном названии, герр. племенном слове, со значением первой части, ни чисто семантического, когда ‘колесо’ по-грузински იგმის ზვალ-ი, буквально, казалось бы, ‘глаз арбы’, на самом деле палеонтологически ‘глаз неба’ → ‘солнце’ (герр. ‘луна’) → ‘колесо’.¹

При таких условиях не имеет никакого смысла вновь устанавливать по примеру индоевропейской лингвистики и для общих чувашскому с турецкими и монгольскими языками слов праформы, которые, помимо того, что никогда не существовали, помогают лишь искажению представления о действительно предшествовавшем их состоянии, наглядном в яфетических языках. Тем, которые хотели бы отвести чувашский язык к турецким, любопытно знать, что даже тогда, когда в чувашском есть общие слова с турецким, — именно чувашский дает часто материал в более архаичном виде, так, напр., ‘левый’ и ‘правый’, как и в яфетических языках (так в грузинском) выражается соединением двух слов: ‘рука+левая’, ‘рука+правая’.¹ В значении ‘руки’ чувашский язык в данном случае употребляет и-талское (салское) племенное слово sol- → səl-: sol-aγau ‘левый’, syl-dəm ‘правый’. Что в чувашском существовало некогда слово sol- (→ syl-) со значением ‘рука’, видно из таких производных от него чувашских глаголов и имен, как 1) sol-a (→ spl-a → sul-ə) ← sol-ga² ‘запястье’, ‘браслет’ (букв. ‘для руки’), 2) sol-a ‘махать’, ‘размалывать’ и т. п. -aγau или -ağau со звонким скорее спирантом (γ), чем аффрикатом в м. среднего ḡ, герр. h — *-ahaγ, это разновидность хайкского или древнеит. армянского aheak ‘левый’ (ср. ahok),³ точно также вторая часть чув. syl-dəm ‘правый’ — dəm — представляет, с утратой фрикативности ḡ и ослаблением о в ы (*ḡom) эквивалент простой основы ḡow- → ḡv- грузинского ḡowep-e ‘правый’, как мы ее видим в груз. maḡ-ḡve ‘ловкий’ и т. п.⁴ Что касается слова sol- ‘рука’, то по законам чувашской сравнительной фонетики сравнительно с яфетическими оно восходит к архетипу *шог, идеальному соответствию представляемой им разновидности слова со значением ‘рука’ по шипящей группе, и вот только это слово sol || sal в турецких языках употребляется в значении ‘левого’, между тем оно означает лишь ‘руку’.⁵

Впрочем, аналогичное явление мы наблюдаем и в чувашском сравнительно с яфетическими; так известно, что ‘слеза’ в яфетических языках выражалась словами ‘глаза вода’,⁶ у чувашей ‘слеза’ şul, что представляет одну из разновидностей шипящего вида слова ‘вода’, эквивалента свистящего ʃal / tkal ‘вода’

¹ Собственно значения ‘левый’, ‘правый’ присущи, как выясняет палеонтология речи, не самим прилагательным, а в сочетании с ‘рукой’ → ‘стороной’.

² Ср. абхазский суффикс -ga: arə-ga ‘посуда для варенья’.

³ Об яфетидизме этого армянского слова и его яфетических эквивалентах см. Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, VI, ИРАН, 1913, стр. 417 сл.

⁴ Чув. ш при груз w || v воспроизводит соотношение семитическо-яфетическое, поскольку по сравнительной грамматике яфетических языков с семитическими уже трехгласный корень ḡw+p грузинского ḡwep- соответствует семитическому у-ш-п (араб. ušp ‘правый’).

⁵ В полном составе чувашский термин наличен в кирг. «судакай» ‘левша’, иж. зыр. «шудьга» (?), чер. (с акаjiem) «шалахай» ‘левша’.

⁶ Н. Марр, Заметки по яфетическим клинописям, ИРАИМК, т. III, 1924, стр. 288 сл.

без удержания слова 'глаз', тогда как в грузинском *kur-šqal* 'глаза вода', однако по говорам из ряда сел в чувашском наличен этот термин со словом 'глаз' *kuş*,¹ эквивалентом груз. *kur-* по-чув. *kuş-şul*, равно и *kuş-ши*, т. е. в последнем случае с использованием обычной чувашской разновидности слова *ши*, пережитка *шиг* (сохранился в значении 'болота'), низшей ступени арм. *ḡur* 'вода'.

6) Наметился специальный вопрос, есть ли наличие двух, иногда трех произношений одного и того же начертания в шумерской клинописи, именно глухое и звонкое, иногда и среднее, свод исторически засвидетельствованных разновидностей различных эпох, как это мы наблюдаем в таком чистом яфетическом языке, как грузинский, или это в данном шумерском языке двойное, то глухое, то звонкое, произношение, напр., *pur* || *bur*, *tur* || *dub*, зависит от местонахождения данных звуков, между гласными, в паузе, в начале, после известных согласных и т. п., как это наблюдается в чувашском языке. Вообще то недочет звонких в эгрусском, то не уловленные для хеттского нормы колебания между звонкими и глухими, вполне ясные в чувашском, или чередование трех ступеней озвонченности в том же хеттском, как то мы наблюдаем, напр., в грузинском и других яфетических языках, выдвигают все ту же проблему.²

7) В отношении к «хеттскому», в котором на Западе поспешили признать индоевропейскую речь,³ у чувашского оказалась общность значимости и-берской глагольной основы, усвоение ее в смысле 'дарить', 'давать' (чув. *paḡ-*, хг. *paḡ-*), а не 'брать'. Дело в том, что 'дарить', 'давать' и 'брать' палеонтологически разъяснились как действия, выражаемые одинаково дериватами от имени 'рука', и вот тогда как индоевропейские, за исключением армянского, греческого и германских языков, в значении 'дарить' усвоили и-талское (салское) племенное слово, а в значении 'брать' — и-берское племенное слово, простое ли оно или спирантизованное шумерское, яфетические языки в значении 'дарить' используют шумерское племенное слово (груз. *ḡem* || м., ч. *ḡam* \ **sem* || **šam*, в окающей разновидности это *šom* → *šim* (↙ *ḡḡ'om* → *ḡḡ'im*), усеченная основа, наличная в названиях шумеров, *Le-чхум'* и т. п., лишь вульгарно или новогрузински и-талское (салское) племенное слово (*dal* 'сила' ← '*рука': *dlev-a* 'давать', *a-dlev-s* 'дает ему'),⁴ в значении же 'брать' появляется то же шумерское племенное слово также в усеченном виде, но в произношении спирантивой ветви *ḡeb-* (*vḡb*, resp. *vḡv*) и т. п., чувашский, как и хеттский, имеет глагол именно 'дарить' от и-берского

¹ С тем же соответствием сибиланта *ş*, resp. *ш*, планному *g* имеем эту основу в баскск. *g-kuz-i* 'видеть'. Н. Марр, ук. соч., стр. 289.

² P. Maurus Witzel O. F. M., *Hethitische Keilschrifturkunden in Transcription und Uebersetzung mit Kommentar*, Fulda. 1924, стр. XIII.

³ Мы не стигнем связи так усеченного хеттского языка с индоевропейскими в тех пределах, в каких вообще индоевропейские языки с одной стороны, тюркские с другой — находятся действительно в родстве с яфетическими языками, но когда в нем хотя и усмотреть в какой-либо мере специфически представителя индоевропейской семьи языков, то, не ж три на то, что это возможное восприятие индоевропейского языка ныне даже исследователи права признали господствующим мнением (Ел. Сиг. Les Ins Hittites, *Revue historique de droit français et étranger*, стр. 374), э о утверждение так же преходящее, как то, что в 1907 г. писал П. И. Якобий (ук. соч., стр. 45): «Хетиты были тюрки. Зансе поставил это вне всякого сомнения».

⁴ Груз. *dlev-a* значит и 'осилить', 'победить', но в глагольной окончательной форме с неоформленным отношением ви. дательного: *a-dlev-a* 'он (в-) побеждает его (а)'.

племенного слова, притом тождественной в прототипе разновидности (чув. *paḡ*, хет. *paḡ*, читай *paḡ* / **paḡ*), как, впрочем, и в новогрузинском *paḡ* ← **paḡ*: *ḡa-paḡ-eḡa* 'вручать', 'поручать', а глагол 'брать' в нем представляет, также как в хеттском языке, равно в баскском и армянском, и-талское или салское племенное слово с той разницей, что хеттский пользуется сибилантиной его разновидностью *da-1* (ср. груз. *dāl* '*рука' → 'сила'), а чувашский с примыкающими к нему турецкими языками — спирантной разновидностью, как баскский и армянский, последние с аканием — баск. *ar-tu* 'брать', арм. *aḡ-p-ul id.* [ср. чув. *al-a* 'рука' ← **hal-* / *kaḡ*-(вм. *kaḡ* →) *ḡal*: чув. *ḡal* 'спла', 'здоровье' (возводят к арабскому!), арм. *kaḡ* 'сила', баскск. *al*; равно *a-hal* 'мощь' и т. п., чувашское, казалось бы, с эканьем (е — *ɨ*) — *ɨ-* (← **hɨl* || **hel* / груз. *ḡel* 'рука'), но в данном случае чув. *ɨ* есть обычный перебойный эквивалент губного гласного *o* → *ɨ* (**hoɨ* → **hɨl* / чув. *ḡɨl* 'рука от плеча до кисти'), требуемого и закономерным соответствием чувашского *o* (→ *ɨ*) турецкому *a*, наличному и в тур. глаголе *al-* (при экании в имени 'рука' - *äl*, герс. - *el*). Турецкий при акающей огласовке чувашского *paḡ* проявляет экание (е → *ɨ*), — тур. *veg*, кирг. *ber*, тат. *bir* и т. д., но здесь приходилось вмешиваться в огласовку семантической дифференциации, так как от того же и-берского племенного слова со значением 'рука' происходит и глагол 'бить', но с губной огласовкой *ɨ* (← *o*) — тур. *viḡ*-шак 'бить' (ср. в грузинском *ḡem-a* и 'давать', и 'бить')].

8) В вопросе о взаимоотношениях чувашского с турецкими должны различаться два момента: а) сродство генетическое, поскольку и чувашский и турецкие языки восходят независимо друг от друга к яфетическим языкам, как доисторическому состоянию, и б) сродство от позднейшего взаимообщения, причем мусульманское, в языковом отношении арабское, влияние наблюдается минимально, и во всяком случае ни к арабскому, ни вообще к семитическому отношения не имеет керешид, идеальная экающая спирантная разновидность сарматского тотема-божества, у сваядов звучащая без полногласия *ḡerḡeḡ* / *ḡerḡeḡ* 'бог', у армян с полногласием, но с колебанием огласовки *kaḡaret*, сохранившаяся у них пережиточно и при христианстве в качестве названия Иоанна Крестителя и т. п.

9) Чувашский дал новое средство для углубленных изысканий взаимоотношений яфетических языков с не яфетическими, между прочим числительных, благодаря чему вскрылась палеонтология чув. *təḡaḡd* 'четыре', т. *dōḡḡ* и т. д., оказавшегося составным словом, означающим или 'руки+ноги', герс. 'руки+руки' (человека) или 'ноги' (животных).

10) Основное же положение, выступившее в процессе работы на месте, то, что хотя чувашский язык и является лингвистически лучше сохранившимся по Волге и Каме представителем яфетической речи, но вся этнокультурная основа Волжско-Камского края, со включением языковых данных, выступает ли та или другая народность с финским обликом или турецким, однаково един-яфетическая, быть может, в некоторых случаях другие расчувашенные или отошедшие от языкового яфетидизма народности общественно более яркие яфетиды, ближе стоят к доисторическим яфетидам, чем чуваша. Так, напр., черемисы по религиозным верованиям, вотяки, или уд-мурты, не только по религиозным верованиям,

по и общественному быту. Достаточно сослаться на родовой их быт, притом с яркими переживаниями матриархата.¹

Вопросы болгарский и хазарский, при этой нашей исследовательской тяге к доистории края интерес представляют лишь постольку, поскольку дело имеем с переживаниями таких яфетических народов как иберы-кимеры и шумеры, итады и сарматы, ионы или соны и т. д.; между тем выяснилось не только то, что 'бол-гары' это тезки 'и-беров' или 'шу-меров', что было определено и раньше, но и то, что 'хазары', или 'хазы', закономерные по названию приемники 'саров', гесп. 'саров' или 'и-талов', носивших основную или первую часть названия составного термина «сар-мат». Словом, в общем чуваша это наши баски с тем отличием, чрезвычайно осложняющим изыскание, что они окружены не однородными этническими массами, как баски романскими народами, а различными типологически племенными образованиями, с одной стороны турецкими и финскими, с другой индоевропейскими. В то же время, если верна наметившаяся независимо от яфетидологии исследовательская по истории проблема, именно «восточная Европа, как некоторое историческое целое, не в резком и безусловном противополжении Западу, но как существенная самостоятельная часть общеевропейской истории» (это в формулировке М. А. Полиевктова),² или, как мы предпочли бы формулировать: «Восточная Европа, представляя некоторое историческое целое, есть самостоятельная составная часть общеевропейской истории, новый этап ее развития с базой, расширенной органическим вовлечением восточного мира в ее общественное строительство и углубленной все нарастающим притоком свежих сил из сохранившихся или социально, или национально в массовых низах ее недр этнических образований доисторического населения Старого Света с девственными переживаниями общих и с Европой, и с Азией первобытных племенных культур», — то рядом с этой культурно-исторической проблемой перед нами выступает этнологическая проблема Вол-камского района,³ без разрешения которой немисливо справиться с наметившейся по всеобщей истории восточной Европы проблемой. Одно славянство, само кстати отнюдь не разъясненное ни в общем, ни в видовых своих образованиях, также не может служить отправной точкой для исследовательской работы над генезисом современной общности в восточной Европе, как ничего положительного не дало и не может дать в изысканиях о роли скифов в древней культуре того же территориального района восприятие скифского племенного образования как индоевропейского иранского.

Оставляя лингвистические материалы для разработки затронутых вопросов в отдельных заметках, сейчас не могу не заявить о мыслях, возникших в результате десятидневной работы над чувашским языком в Симбирске:

1) Назревший уже вопрос о пересмотре положения об ЯИ надлежит решить в том смысле, что для члена и сотрудника ЯИ работа на месте должна состав-

¹ М. Худяков, Вотские родовые деления, Изв. Общества арх., ист. и этн. при Казанском университете, т. XXX, вып. 3 и т. XXXI, вып. 1.

² Восточная Европа и Восток в Европе (Вольгастовский сборник), кн. I, 1924, стр. 233.

³ В названии Волги конечное -га = -га есть пережиток окончания множ. числа или оформления -гаг, гесп. -гаг, а чистая основа термина — vol, гесп. vog, окающая разновидность основы (палеонтологически: второй части) племенного названия i ver || i-mer / i-ber и т. п.

лять основное дело. И метод, и объекты исследования ЯИ, в большинстве живые малолитературные народные языки, требуют непрямого общения с их живой средой и в связи с этим отпуска средств на соответствующие поездки работников. Мы не можем себе представить, напр., издание словаря даже такого не чисто яфетического языка, как осетинский, без поездки руководящего изданием к осетинам и общения с живой осетинской средой с ее яфетическим окружением, как ни много сделано индоевропейцами. Когда же дело идет о чистых яфетических языках, зачатного тыла в печатном материале и того меньше: в массовую живую речь, вот куда должен направлять свою исследовательскую работу ЯИ.

2) Совершенно ясно, что надо пересмотреть прежние работы по сближению баскского с одной стороны с турецкими языками и, с другой стороны, с венгерским языком, равно шумерского с турецкими языками. Необходима материальная сводка всего сделанного в этом отношении, хотя бы не всегда мы имели дело с работой таких авторитетных лингвистов, как Шухардт.

3) Рядом с кавказоведением в науке должно быть выдвинуто вол-камоведение, или наука о Волжско-Камском районе, не менее богато насыщенном этнокультурными материалами, чем Кавказ, и имеющем для Европы, не для одной восточной Европы, и Азии важное опорное исследовательское значение.

А пока прощу Конференцию:

1) о разрешении мне повторной командировки в Автономную Чувашскую область и прилежащие сродные культурные районы на пасхальное вакационное время, или, если не смогу по связанности не научными или не теоретическо-научными делами использовать указанное время, — на лето,

2) благодарить от лица АН помогших мне интенсивно использовать короткое время пребывания в Симбирске П. Я. Гречкина (губмузей), директора библиотеки Н. Н. Столова (Дворец книги) и Ф. Т. Тимофеева, преподавателя чувашского языка в Чувашском Педагогическом техникуме.

Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий¹

Не стоило бы говорить, если бы речь была только о племенных названиях. Яфетический анализ племенных названий потому представляет существенный интерес, что его пришлось вскрыть на фоне наличия яфетизмов и фонетических, и морфологических, и лексических в языках соответственных приволжских и территориально примыкающих к ним народностей, независимо от того, финские ли теперь они, турецкие, или не финские, да и не турецкие, как не индоевропейские. Индоевропейцы русские не могут не привходить сюда же, но об их племенных названиях — *rus* (*pc las-g* || *et-rus-k*), даже *sl-av* (славянин), *gerp. skl-av* (сколог, скиф), уже говорилось, здесь требуется лишь уточнение взаимоотношений самих этнических терминов 'сармат', *gerp. sag-*, собственно *sal-* (← *hal-*), 'сколот' и 'скиф' (*skw-ḡa*), с ними и 'кимера' (*ki-mer*). Ведь независимо от законов фонетического взаимоотношения акающей и окающей групп, в какие здесь, повидимому, становятся сарматские и скифские племена (при экающем кимерском), независимо от истории *h*, дающей в одних случаях *s* (на низшей ступени), в других, с полным или частичным подъемом, то *tk*, то *sk*, яфетидологически особому определению поддается в них и морфология, так называемое *мя*. число, восходящее к тому или иному племенному названию. Все это подлежит учету для большей реальности содержания этих племенных названий. Племенные названия, естественно, захватывают и другие слова, в первую голову топонимику. Когда такие бесспорно не русские в смысле принадлежности к исторически известному состоянию русской речи топонимические термины, как Москва, пытаются анализировать вне семантики, связанной с племенным названием, то это есть покушение с негодными средствами, в результате дающее бессмыслицу с точки зрения доистории. А Москва в своем названии во всяком случае есть русская доистория. С племенными названиями связаны вообще слова и нарицательные. Из нарицательных в интересующем нас районе слов приходится вспомнить о 'лошади'.

Третий раз приходится начинать свою яфетическую сказку с коня, яфетического коня, надеюсь, без надобности оговариваясь, что сами вообще индоевропейские его названия, не одни русские «конь», «лошадь» и др., — яфетического происхождения, т. е. пережитки из речи первоначального населения Европы, существовавшие еще в доисторические эпохи его развития, а не новообразования за исторические эпохи, уже индоевропейские. Третий раз приходится выражать пожелание долгой жизни коню, утверждать, что «конь доведет», яфетический конь.²

¹ Доложено в заседании Отделения исторических наук и филологии АН 11 марта 1925 г. [напечатано в ИАН, 1925, стр. 673—698].

² Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси [см. здесь, стр. 44]. Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «тризна» (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения) [см. здесь, стр. 121].

С 'конем', притом не вообще яфетическим, а более конкретным, именно тотемом этрусков или во всяком случае их этнонимом в разновидности скифского произношения, оформленной окончательно по-абхазски, т. е. à-лаша 'лошадь', мы уже доехали до вогулов, причем промежуток оказался усеянным, даже до исчерпывающе веденного исследования, разновидностями этой именно формы в союзе с названием бога Таг || Тог → Туг, собственно слова 'небо', как теперь уже знаем, тотемного божества сарматов, точнее—скрестившихся в сар-матском племени салов или талов (и-талов). Да и абхазское оформление слова à-лаша, без префикса, как во всяком случае целый конструктивный слой самого абхазского языка, оказалось подлежащим определению термином «сарматский», гесп. салский, относимым к сарматскому племенному языку, как вся основная или коренная свистящая порода грузинского языка.¹ Сармат оказался на юге России своей первой частью (sal, гесп. sag / tag → tar), но в ином оформлении в составе названий, теперь уже разъясненных яфетидологически, гибридных Тамотархи, Тмутаракани и простого — Тетраксита.² А на севере? Кончается ли дело тем, что чуваша являются пережитками яфетидов, и затем на всем севере имеем только яфетического коня — à-лаша, гесп. лаша, да разве еще бога Тора, гесп. Тура, все же остальное это турецкое или финское племенное наследие? Мысль, высказанная мною (думаю, не без основания), что чувашский язык перебрасывает мост от яфетидов с одной стороны к угро-финнам, с другой — к туркам, тоже, ведь, может быть, как это делалось и делается не с одним нашим утверждением, признана «стереотипной фразой», чего совершенно достаточно, чтобы отбить охоту у более живых и отзывчивых элементов заняться делом. Ведь признают же все наше общее утверждение положением, для работы по которому будто еще не назрело время! Но яфетическое дело не терпит. Наличие единственного, хотя и бесспорного яфетического слова àлаша 'лошадь' годилось бы, пожалуй, для стихотворения с лирическим настроением вроде «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна» или «Стоит одиноко, как путник в пустыне», но едва ли для обоснования мало-мальски надежной научной тезы, если бы действительно дело обстояло так. В то же время урок, неоднократно полученный, я нас делает осторожными, чтобы не обольщаться мыслью, что если чуваша — носители ярко выраженных яфетидизмов в своей речи, то, следовательно, кругом в этом отношении пустыня, т. е. опять-таки «стоит одиноко, как путник в пустыне», тем более, что в этот раз путник уже коллективный, целый чувашский сложносоставный народ. Пусть даже нет ничего кругом в той же мере яфетического хотя бы пережиточно, как в чувашском, ведь по яфетической теории пережитки подлежат разысканию и в так наз. инорасовых языках, славянские ли они или, допустим, угро-финские.

В предварительном отчете о «Поездке к восточным яфетидам», доложенном на заседании ОИФ 28 января, мною было допущено утверждение, что народности

¹ Об этом — в грядущем возможности напечатания доклада моем на Краеведческом съезде (лето 1924 г.) Черноморского побережья и западного Кавказа в Сухуме «Абхазоведение и абхазы» [см. здесь, стр. 162—186].

² См. тот же доклад «Абхазоведение и абхазы».

Вол-Камья и примыкающие к ним с севера зыряне, вогулы и остяки бытом своим иногда больше, чем чуваша, сохранили яфетидизмы доисторического состояния. Это не значит вовсе, что в языковом отношении, кроме чувашей, другие приволжские соседящие с ними народы не проявляют характерных черт яфетидизма, хотя бы пережиточных. Иногда они, эти, казалось бы, случайно и лишь территориально примыкающие народы и сохраняют нам по сей день древнейший вид яфетидизмов, казалось бы, прежде всего долженствовавших быть в чувашском, так, напр., когда у коми (зырян) в значении 'ручья' (← 'воды') констатируем шог при чувашском ши (→ шэв) 'вода' ← шиг 'болото'.

В составе звуков коми сохранил лучше, чем даже чувашский, доисторические фонемы, характеризующие яфетические языки, менее пострадавшие в этом отношении: в нем, как, впрочем, и в чувашском, имеем ʒ (следовательно, в зубных яфетическая лестница трех ступеней озвонченности $t \rightarrow d \rightarrow \text{ʒ} (= \text{t})$, также и в аффрикатах шипящего ряда $\text{t} (\text{«щ»}) \rightarrow \text{d} (\text{«ж»} = \text{дж}) \rightarrow \text{ʒ} (\text{ч})$, а в аффрикатах свистящего ряда нет ни глухого $\text{t} (= \text{ts})$, ни среднего $\text{ʒ} (\text{ц} = \text{ʒs})$, но звонкий, и тот смягченный или йотированный $\text{d} (\text{з} = \text{дзь})$, зато есть, как в мегрельском, смягченные $\text{l} (= \text{ль})$, $\text{n} (\text{= нь})$, равно еще $\text{d} (\text{д'})$ и $\text{z} (\text{з})$, как в чувашском и абхазском (бзыбском наречии), равно в баскском (у французских басков $s = \text{z}$ или ʃ с большим сужением рта при его произношении). Но из заднеязычных аффрикатов нет ни одного, даже d , как нет ни одного спиранта.

Идеологически при нашем пристрастии к коню не может не представлять живейшего интереса пережиточного явления господство следов несомненно доисторического культа особого подбора животных, в первую голову лошади в пределах древней Мери. Повидимому, имеется достаточный бытовой материал, чтобы вопросу посвятить специальную работу.

Недаром, следовательно, началось наше вторжение с яфетического коня, со слова «лошадл», у вогулов оказавшегося в абхазской форме, затем у чувашей в виде чистой основы laja (л в м. п. между гласными). Дальнейшее прослеживание распространения этой акающей на вид разновидности выпало на долю цитованной выше работы моей о «лошади» и «тризне». Но в самом вол-камском мире уточнение истории этого слова приводит опять-таки к поразительному сближению с абхазским. При вторичном, уже весной 1924 года, в Абхазии запросе о слове a-lasha в значении 'лошади' лыхпеп мне сделал поправку: «Это не 'лошадь' вообще, а 'мерви'». Уже в чувашском Н. В. Никольский переводит «лаша» («лажа» = laja) 'лошадь', 'мерви', а в языке мари (черемисском) прямо-таки абхазская форма alasha со значением только 'мерви'.¹

Правда, что при господствовавшем кругозоре ученые не могли выйти из заколдованного круга чувашо-турецкого родства, не могли добраться хотя бы до абхазского, где слово имеет и формальные, и семантические корни, и русское «лошадь» производили из турецкого. Но дело, однако, не в том материале, который каждый даже неграмотный может отождествить без всяких познаний

¹ Так В. С. Шорин, Маро-русский словарь горного наречия (черемис). Под редакцией С. Г. Эпина, издание Центр. издат. Мари, Казань, 1920.

в яфетической теории. Дело идет о таком материале, который разъясняется лишь после подготовки по яфетической фонетике или яфетической семантике, иначе исследователь и не замечает фактического родства, так, напр., т. ат 'лошадь' || чув. ut id., что изолирует, как мы видели, чувашскую речь наравне с турецкими наречиями, разлучая их с приволжскими народами, а это происходит лишь по недоразумению.

Я уже не говорю о том, что в чувашском и в примыкающих к нему языках слабо обстоит даже с сибиллянтными яфетическими аффрикатами, в частности даже в армянском (бывает это иногда и в чистом яфетическом): яфетический аффрикат t представлен простым зубным t , как tag-1 'год', tag 'буква' и т. п. Значит, т. ат 'лошадь' я хочу возвести к архетипу $*\text{at}$ и в нем признать разновидность абх. а- $\text{d}\dot{\text{e}}$ 'лошадь'? Нет. Мы, действительно, имеем в приволжских и далее на севере следующих языках слово с абхазским префиксом а— $\dot{\text{a}}$ -лаша, 'лошадь', 'мерин', но в чувашском оно без этого префикса, laja , а слово ат 'лошадь' в чувашском имеет губную огласовку ut , герср. ud 'лошадь'. Конечно, префикс а- имеет закономерное соответствие о- \rightarrow и-, так в частности сюда относится племенное название O-bez , название страны O-din , Ut-1 (халд. E-ti-un+1) и т. д. Затем, в абх. а- $\text{d}\dot{\text{e}}$ 'лошадь' как, впрочем, $\dot{\text{a}}$ -лаша 'лошадь', 'мерин', «а-» не образовательный префикс, а неопределенный член. Однако это мы знаем достоверно про $\dot{\text{a}}$ -лаша, так как основа $\text{la}\text{sh-}$ имеет бесспорную палеонтологию, что касается а- $\text{d}\dot{\text{e}}$ 'лошадь', то основа $\text{d}\dot{\text{e}}$ имеет разъяснение своего происхождения в связи с ионским племенным названием $\leftarrow \text{d}\dot{\text{e}}\text{on}$, но надо и здесь быть осторожным, поскольку в односложных словах абхазский префикс иногда поглощает огласовку основы, так в ап 'бог' огласовка корня трактуется как префикс а-. Бесспорно, что абх. $\text{d}\dot{\text{e}}$ 'лошадь' существовало без предшествующего а- давно: в грузинском $\text{d}\dot{\text{e}}\text{en}$ 'лошадь' начальный звук $\text{d}\dot{\text{e}}$ из группы $\text{d}\dot{\text{e}}\text{q}$, парного представителя, как бы раздвоения начального или $\text{d}\dot{\text{e}}$ || $\text{d}\dot{\text{e}}$ или $\text{q}\dot{\text{e}}$ || $\text{q}\dot{\text{e}}$, герср. разложения b , или пережиток самостоятельного слова, грузинского сюсюкающего усвоения того же $\text{d}\dot{\text{e}}$ абхазского а- $\text{d}\dot{\text{e}}$ 'лошадь' (остающаяся часть $\text{d}\dot{\text{e}}\text{en}$ тогда действительно может означать независимо 'лошадь', ср. арм. heu-n), если даже не имеем в $\text{d}\dot{\text{e}}\text{+d}\dot{\text{e}}\text{en}$ обычного гибрида, слияния двух слов, синонимов, раньше существовавших каждое самостоятельно. Разумеется, вся эта палеонтология не касается термина абх. а- $\text{d}\dot{\text{e}}$, еще менее она касается чув. ut 'лошадь', т. ат. Но когда речь о чувашском, надо учесть с одной стороны принадлежность чувашского и соседящих с ним языков к кругу, избегающему начального плавного г: таковы из яфетических хеттский, баскский, ряд горских яфетических и переходный или гибридный армянский. Следовательно, их архетип $*\text{gat}$ || $*\text{gut}$, т. е. налицо расено-этрусские тотемные лошади.

В сосредоточении приволжских народов в доисторические эпохи существования чистых яфетидов, естественно, не могли не быть в значении 'лошади' и другие племенные названия, помимо этрусского, не могло не быть такого использования особенно шумеро-иберского племенного названия, названия, в частности, чувашского народа. И, действительно, во-первых, у самих чувашей найдена стирпантная разновидность $\text{kom-} \rightarrow \text{kpm-}$ ($\leftarrow * \text{kom-} \rightarrow * \text{kum-}$) усеченной основы

составного шумерского племенного названия ши-мер в виде *kēm, resp. qēm, в слове qēm-lāna 'ожеребиться' (qēm 'жеребенок'). Не останавливаясь сейчас на появлении п вместо ожидавшегося г, попутно отметим, что с этим вторичным п термин восходит к архетипу в полной форме kōmōp, сохранившейся в значении 'коны' в русском усвоении в Слове о полку Игореве. Если отвлечься от специального значения тотемного животного 'лошадь', самое шумерское, оно же иберское племенное название в тех же самых спирантизованных разновидностях шипящей группы сохранилось в мегрельском и чанском в значении 'мужа', 'мужчины', эквивалента груз. qmāq 'муж': это — м. qomōnq 'муж', 'супруг', resp. с утратой q — *qomōp, да и qomol 'муж'.¹ Во-вторых, в параллель иберской или берской разновидности этого же названия с утратой первого спирантизованного согласного в акающей форме мы могли бы иметь слова maq || ma, resp. va, из коих последнее — эквивалент западноевропейского полногласного трехслогового, собственно составного термина ka-val (ca-bal-us 'лошадь'), и это не может не быть сейчас предметом особого нашего внимания, так как по-вотски 'лошадь' называется именно va. Но почему у вотяков, собственно, как себя они называют, уд-муртов, в значении 'лошади' сохранилось иберское, вернее берское племенное слово? Разве они беры или имеют что-либо общее с иберами? Посмотрим.

Вопрос, однородный, невольно встает в связи с 'лошадью' и другой: почему у вотяков отсутствует расенское или этрусское, собственно ласское или рушское название лошади? Почему обошел вотяков абхазский термин à-lāpa 'лошадь', проскочивший, однако, дальше их к вогулам? Так ли чуждо всему этрусскому и в частности абхазским разновидностям этого племенного названия вотское племня? Любопытно последний вопрос осветить положением дела в вотском языке, судьбою этого племенного слова именно в значении племенного названия: им называются ведь 'русские', и 'русских' у вотяков называют zuq || zuq, что восходит к зыр. гоq и черем. гиш, идеальной окающей шипящей разновидности термина, от которой в связи с семантическим развитием 'неба' → 'утренней зари' || 'лошади' у грузин из соответственного племенного источника, шипящего слоя сванского языка giu || gajw 'утренняя заря' (← *gwiq || *gwaq ← гиш || гош), у абхазов а-щэ, 'утро', 'утренняя заря'² (фонетически ср. вотск. zuq).

Мари допускает падение и начального k, так же как баскский: черем. al-pə 'калым', т. kal-əm.

Странно то, что в баскском и в мари, однако, начальный k хорошо представлен, и не относится ли падение k к тому времени, когда k имел аффрикатное произношение k || ḳ, что и уступает обычно слабому своему представителю в яфетических языках шипящей группы: k ↘ h || ḳ ↘ ɸ → -.

¹ В яфетических языках со значением 'лошадь' это иберское племенное слово имеется и в сибирянской разновидности, так у басков zamaq-1 'лошадь'. Слово распространено, естественно, и вне яфетического мира, на этом основании теперь уже нет никакой возможности производить термин из киргизского языка — kumaq [← *kumar] = qumal (Ср. Junker, Zur altiranssischer Benennung des «Pferdes», Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, т. 50, 1922, стр. 249), см. ниже стр. 307.

² Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «тризна» [см. здесь, стр. 146].

Из явлений с г надо отметить случаи с и-берским первословом в его двухслого-гласном составе *mg*. Трехслого-гласный состав *smg* || *smg* ← *šmg* (*skmg*) проявляется, как известно, в составном племенном названии «шумер» в Месопотамии, а также на древней Руси и далее, в названии одного социального слоя, земледельческого, вышедшего, очевидно, из соименного племенного образования: это смерды в ряде разновидностей, как то прослежено вплоть до Пиренеев, то *s+mag-don*, то *j+mg-d*, у Пиренеев в баскской речи со спирантизацией первого коренного *mor-de* 'господин', некогда тотем-божество и-беров или лишь беров. Основа *mog-*, с сужением губного гласного при губном *m* — *mg* имеет распространение и на востоке, но за дальнейшим следить можно лишь по усвоении основ яфетической семантики в связи с палеонтологией речи, так положение о том, что племенное название в одном разрезе означает 'людей', 'детей', *resp.* 'человека', 'дитя', 'сына', а функционально, смотря по восприятию, то признак мн. ч. ('дети', 'люди'), то родит. падежа ('дитя' кого || чего) и т. п., но в другом разрезе племенное название, тотем-божество данного племени, прежде всего 'небо', а раз 'небо', то каждое из трех 'небес', именно 'верхнее небо' — наше 'небо', 'среднее небо' — 'земля', 'поле', и 'небо нижнее' — 'преисподняя', 'море', а в то же время 'небо' → 'круг' является 'временем' → 'годом' и т. п.; и вот *mg* с утратой в паузе г — *mi* в месопотамской клинописи имеет одно дериватное значение, именно 'год' (чей это вклад, ясно: шумеров — и-беров), а на Волге в коми то же *mi* значит 'земля', 'поле', но опять-таки возникает вопрос: на каком основании? Разве коми (те же зыряне) — шумеры или иберы? Разве в коми, тех же зырянах, есть основание предполагать какой-либо элемент шумерской или иберской речи? Посмотрим. А пока факты. Основа полная *mg*, первичное *mog*; на Кавказе на земле иберов-шумеров, здесь ле-чхумов, ныне грузинизованной, раньше бывшей в сванском владении, сванская речь сохранила *mog* с раздвоением *o* → *aw* и именным окончанием *e*: *maġ-e* 'мужчина', 'человек'; долгий *ā* в сванском получается из *aw*, представляющего раздвоение не сванское, а еще иберское гласного «*o*», т. е. архетип слова **mog-e*, что одновременно могло означать любой космический предмет и действительно означало, но сейчас мы держимся семантического разреза в значении 'человека', и вот вотский или уд-муртский язык сохранил его в форме мн. ч. на *-t* в слове *mog-t* 'человек'.

Но в этой же яфетической среде, подоснове приволжских народов, с одной стороны г чередовался с сибилантом (здесь на нижней ступени, как в Свании, *z* || *j*), с другой рядом с окающим *mog* → *mg* должны были находиться акающая и экающая, и вот акающая разновидность *maġ-* с окончанием «-*ŷ*» (=диал. -*ə*), именно *maġ-ə*, у черемисов действительно значит 'муж', 'мужчина'. Этим вскрывается в самом черемисском этнонимическое, если не тотемное, происхождение данного слова, так как *maġ-ə* значит одновременно и племенное название 'черемис'¹ и 'человек', именно 'муж', 'мужчина'.

Следовательно, с другой стороны, надо усвоить элементы яфетической семантики, иначе никогда не понять неразрывной связи длинного ряда слов в языках

¹ В. С. Шорин замечает (Маро-русский словарь, в. v.): «по старой терминологии».

приволжских народов с чувашскими бесспорными двойниками, так, напр., существует семантическое положение, что 'рука' в яфетических языках значит в одном разрезе 'раз', '-жды', в другом — 'сторона', 'край' и т. п., и в то же время от 'руки' происходит, между прочим, глагол 'прикаса́ться', 'трога́ть'. И вот, когда в мари мы имеем в значении 'руки' *kíd*, а с утратой *-d* в паузе — *kí*, то это именно *kí* в коми, т. е. в зырянском, значит 'рука'.

Но мы не можем не отметить, что, во-первых, *kíd*, сохранившееся в мари (черемисском) в именном значении 'рука', одним из основных, несомненно существовало с тем же значением в одном из языков, отложившихся в грузинском, и от него и произведен глагол г. *kíd-eb-a* 'прикаса́ться', 'тронуть' и т. п., равно г. *kíd-e* 'край', 'сторона', во-вторых, *i* представляет перебойный представитель губного гласного *i* (\leftrightarrow *o*) и в чувашском мы имеем с аффрикатом \dot{q} (вм. простого *k*) в начале: *qut* 'раз', 'сторона'.

В мари (черемисском) *kíd* употребляется и в составных словах, и в одном из таких, именно в значении 'браслета' мари (черемисский) проявляет общее с чувашским слово, в чувашском звучащее *şol-a* ← *şol-ga* в значении 'браслета', букв., как уже разъяснено,¹ 'для руки', и вот слово без необходимого суффикса, собственно чистая основа *şol*, использовано в мари (черемисском) в форме *şol* в выражении *kíd-şol* 'браслет', 'запястье'.

'Запястье' в данном случае произведено по исторической семантике, свойственной логическому мышлению, — 'предмет для руки' → 'запястье', 'браслет', не по доисторической, дологической, когда, мысля в образах, человек, например, от материала переходил по ассоциации или диссоциации к частичному его проявлению в обиходе, от металла к предмету, изготовленному из него, без всяких образовательных частиц дополнительного суффикса или префикса, руководствовался лишь функцией и 'железом' называл 'топор' (так называют и теперь чистые яфетиды), а 'браслет' — 'бронзой', что пережиточно наблюдаем даже у армян в слове *арак+ап-дан* 'браслет', собственно 'бронза', 'красная медь' (ср. г. *spil+ep-đ* и др.). С металлом мы стоим уже в круге не только норм, но и самих предметов доистории или соприкасающихся с доисториею, как, впрочем, и с 'лошадью'.

Однако в давнишней, но от этого не перестающей быть, по крайней мере для нас, предметом животрепещущего интереса работе финского ученого Д. Европеуса «К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян», при анализе терминов, привлекаемых им для подтверждения его положения, именно угорского происхождения первоначального населения занимающего нас района, поразительное дело, ни разу не выплывает понятие 'лошадь': его нет в громадном большинстве названий рек и представлений, связанных вообще с водой. Это естественно, разумеется, для Д. Европеуса в данной статье, посвященной топонимике, преимущественно названиям рек. Для нас, однако, поразительно, что в доисторической терминологии этого ряда в анализе названий рек, казалось бы, нигде не выплывает 'лошадь'. Ведь когда на Кавказе в западной ныне Грузии, именно в Имерии и Мегрелии, протекает река Рион

¹ Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам [см. здесь, стр. 283].

с притоком Цхенис-цхал (по-грузински 'Лошадьяная река') или *Lāp̄q̄* ('лошади', св. *Lāp̄q̄wīg*), в древности в греческой передаче *Ἰπλος*, т. е. опять-таки 'лошадь', то это отнюдь не есть «исторический факт, требующий закрепления во времени и пространстве» и соответственного исторического разъяснения, иначе мы будем вынуждены согласиться с преданием о происхождении этого названия от множества загубленных при переходе реки коней (в VIII веке н. э.).

Название реки 'лошадью' или 'конем' есть факт этнологический, по распространению повсеместное и хронологически доисторическое явление. Собственно, река формально носит название племени, которое в свою очередь может означать чрезвычайно разнообразный подбор предметов, но то же племенное название, любое из яфетических, в приложении к реке может означать и даже должно было означать не только 'лошадь', но и 'воду', гесп. 'реку' ('вода' и 'река' у яфетидов до сих пор носят одно и то же название), и обратно. Так, Дон есть яфетическое слово, означающее не только 'реку', 'воду',¹ но и 'лошадь'.² Когда на притоке Риона мы наблюдаем сохранение различных названий с одним и тем же значением 'лошадь' (греч. *Ἰπλος*, яф. этр.-абх. *lāš-a*, груз. *ჭყენ*), то это говорит о сохранении доисторического понимания термина преемственно, но понимания одностороннего, так как первоначально то же слово не могло не означать 'воды', гесп. 'реки', у любого яфетического племени в его доисторическом состоянии. И, если, наконец, отказаться от значения 'конь', с названием реки в восприятии его как слова, означающего 'реку' или 'воду', мы неминуемо обязаны вскрыть племенную принадлежность самого термина, так как и 'вода' восходит к племенному названию. Определить то или иное название, допустим, 'реки' в его созвучиях с угорским или финским словом требуемого хотя бы значения, это вовсе не значит определить происхождение термина, если при этом мы не доходим до тотемизма или хотя бы до этнонимизма, до вскрытия в нем по данным фонетической закономерности слова, означающего определенное племя. С другой стороны, раз мы доискались в этих странах до названия 'бога', собственно 'неба', то мы знаем, следовательно, и название 'воды', так как по яфетической палеонтологии слово 'небо' означает 'небо+воду'. Так, в частности чув. *toŋ-ə*, диал. *tuŋə* 'бог', прежде всего 'небо', значило и 'воду', гесп. 'реку', отсюда и название реки, понятно, с дифференциацией, для образования особого вида специально для обозначения 'реки', так именно *tuŋ*, с префиксом *e-* — *Etul*, как называет Волгу Кезай.³

Многочисленные разновидности этого названия реки, то с оканьем, то с аканием, иногда с ослаблением, как то чув. *Atəl*, у грузин в оде XII—XIII века *A-tal-a*⁴ и др. говорят лишь о множестве племенных произошедших, в том числе и скрещенных, этого термина, в числе их в нарушение свистяще-шипящей нормы: с плавным *l* в шипящей окающей форме и с плавным *ŋ* в свистящей акающей форме и т. п. В самих чистых яфетических языках такое скрещение наблю-

¹ Из яфетических языков в грузинском с этим словом связан глагол *den-a* 'течь', *m-din-ge* 'река'.

² Бацб. *dō* (← *don*) 'лошадь', бацб. *don-ge* 'относящийся к лошади', чеч. *din* (вахч.), 'верховая лошадь', дэ (ингуш.) *dī*, арм. *dī*.

³ См. ниже стр. 297.

⁴ Чахрухадзе, VI, 9, I: *Atalas* *moŋkvis* 'последовал на Волгу (*Atala*)'. Любопытно, что в параллельной глоссаторской оде этому стиху соответствует: *alı Qazaŋeŋs* 'или в Хазарию'.

дается и в начальном согласном, произносимом фрикативно, при огласовке свистящей группы (а) аффрикат шипящего ряда, так в св. *tal*-а 'река', 'долина', а при огласовке шипящей группы аффрикат свистящей группы в арм. *ḏor* 'долина', тогда как закономерно в свистящей акающей группе полагается аффрикат *t̥*, следовательно, ожидали бы **tal*-а, а в шипящей окающей группе *t̥* — *tor*-а и т. п., что мы имеем при проявлении начальным коренным согласным своей двузвучности ($\text{ḫ} \nearrow \text{tk}$): ср. г. *tkal*-1 'вода', 'река', шп **tkor* (отсюда с дессибилляцией *tkor* → *tkwar*, ныне грузинское название Куры: *m-tkwar*-1), при полногласии *toḡor* и т. п.

Дезаспирированная основа чувашского термина *tor* → *tur* в яфетическом аффрикатном произношении закономерно должна, следовательно, звучать *tor* → *ṭur*, на последующей ступени развития (озвончения) *ḏor* → *ḑur*, а на низшей ступени *ṣog* → *ṣug*. Нам сейчас нет надобности удаляться с севера и юга в далекие яфетические страны, Кавказ и далее, за этими разновидностями известного яфетического термина 'НЕБО-ВОДА', хотя бы в одном его семантическом разрезе 'вода'. Напомню разве, что в пределах Армении халдский язык ванских надписей сохранил со значением ['воды' →] 'милости' спирантизованную разновидность шипящего вида *ṣug*, именно *ḥug* → *ug* в слове *e-ḥug*-1 → *e-ug*-1 'милость', т. е. ту разновидность *ḥug* → *ug*, которая в баскском языке — обычное слово в значении 'воды': *ug* ← *ḥug*,¹ а с префиксом *e-*, как в халдском, иногда и без префикса, но всегда с именным характером -1 'дождь' — *e-ug*-1 (*g*, *b*, *bn*), *ug*1 (*l*, *b*).

Но возвращаемся к нашему северному району, волжскому яфетическому, где из приведенных прямо-таки шипящих разновидностей мы находим в неочечном виде следующие случаи:

- 1) На низшей ступени *ṣog* в зырянском в значении 'реки'.
- 2) Во-вторых, *ṣog* 'ручей' (← 'вода'), как мы видели у вотяков.

Как известно, *ṣog* → *ṣug* имеет точный закономерный эквивалент по свистящей группе *sal*, со скрещенными разновидностями то акающего порядка *zag*, то окающего *soḡ*, то экающего *seḡ*, *geḡ*. *ṣeg*, и все эти разновидности в значении 'воды' → 'реки' наличны в названиях рек интересующего нас района. По поводу их еще Европеус писал: «Имена рек, кончающиеся на *sora*, *sara*, *sar*, *шера*, *шура*, встречаются не выше 20 верст на юг от Белоозера и должны быть признаны по крайней мере частью за сложные зырянские слова, образованные именно с зырянским «шор» 'река'».

3) Все из круга шипящей группы: в Приволжском районе аффрикатов глухого ряда не досчитываемся, на верхней ступени потому идеальный представитель шипящей группы трехсогласный *ṭoḡog* в такой среде естественно должен был обратиться в *Toḡog*, и вот эту именно разновидность и передает Кезай, когда, описывая местоположение «Спитий», собственно Скифии, он пишет,² что она лежит в Европе, и определяет ее пределы с одной стороны Северным морем, с другой Уральскими горами (*montibus kitei*), причем говорит, что там выте-

¹ См. Н. Марр, Об яфетической теории, ИВ Москва, 1924, кн. 5, стр. 311—312, [см. ИР, т. III, стр. 79].

² Стр. 67.

кают две большие реки Etul, т. е. Волга, и Тогога, «родившаяся в снежных горах, а текущая в Северный океан, следовательно Печора, у которой приток, вытекающий с самых высших вершин Урала, называется Шугорою, по-вогульски Сакурия». Толкование, сообщаемое при этом, интересно лишь как образчик народной этимологии.

Самая разновидность формы *saqur* представляет для нас исключительный интерес, так как, первичен ли в ней начальный *s*, т. е. относится к свпстичей группе, или заменяет *ш*, как часто в чувашском, форма по самой огласовке гибридная с раздвоением огласовки *a* — *u* (← *o*) совершенно так же, как то наблюдаем в бск. *шакур* / *шакур* 'собака' при г. *šaq̄l* || м., ч. *doğor* 'собака'.

Нас теперь не смущает созвучие слова, означающего 'собака', с названием 'воды', в них имеем две дифференцированные разновидности первой части сарматского племенного названия в грузинском *šaq̄l* 'собака' ← **ikal* || *tkal* → *šqal* 'вода'.

Грузинский язык такое смещение гласного со второго коренного на первый использует для получения от корня на низшей ступени *sq̄l* разновидности для выражения ['неба' →] 'дома' — *saq̄l*, что появляется с полногласием, то с «е» || 1 на втором коренном, в семантическом разрезе ['небо' → 'знамя' →] 'вид' || 'имя', именно *saq̄el* 'имя',¹ с потерей *l* в паузе *saq̄e* 'вид', то опять-таки в значении 'дома', но с заменой *l* зубным *d*, только неформально — *saq̄id* (вм. **saq̄il*) 'домой'.

Ясное дело, что раз *saq̄l* 'означало 'небо', то эта же форма или любая ее разновидность по яфетической семасиологии не могла не значить 'воду', т. е. 'воду' должно было означать и **saq̄il* || *saq̄id* или же с интервокальным озвончением *saq̄il* || *saq̄id*, следовательно, в подъеме *taq̄il* || *taq̄id* и, действительно,

4) такой трехсложный по корню вид, разумеется, с утратой фрикативности *taq̄il*, равно с огласовкой *e*, как в г. *saq̄el*, но с заменой *l* зубным, как в г. *saq̄id*, именно *taq̄et*, а также с огласовкой *u*, как в баскском *шакур*, *tagul*, т. е. все три разновидности *taq̄il* || *taq̄et* || *tagul* могли одинаково означать 'воду', 'реку' в яфетической языковой среде, откуда и унаследованы, по всей видимости, вог. *tagil*, вог. *tagul* и ост. *taget*, все три в значении 'рукава', также 'притока реки', собственно, как теперь разъясняется, — 'реки' || 'воды'.

Несомненно, разновидность этого *Togor*'а, в архетипе **Toğor*, представляет, как то уже отождествлял Европеус,² приток Печоры, «вытекающий с самых высших вершин Урала» — Шугора, по-вогульски Сакурия.

Как известно, *sal* || *шог* представляет двухсложный корень, сведенный из трехсложного *shl* || *шhg*, конкретно наличного в кавказских яфетических языках в подъемных разновидностях *ikl* → *šq̄l* || *t̄ğr* → *šqr* и т. п. или с подъемом лишь исчезающего иначе спиранта *sq̄l* (*sq̄r*) || *шqr*, resp. *шkr*.

Но сами термины срывают с лица доисторических незнакомцев отнюдь не густую вуаль, и перед нами в их подлинных собственниках выступают совершенно

¹ Связь с глаголом *zaqa* / *šaq̄a* 'он звал' бесспорна, но филиация не от глагола, а от имени, причём с 'небом' спорит 'рука', ср. груз. *dal* 'сила' ['рука' двухсложный корень, ср. ниже] по вопросу о назначении, к которому восходит 'имя'.

² Стр. 67.

несокровенные, оголенные, чистейшие по речи яфетиды, притом определенных групп, если не свистящей, т. е. сарматской (на Кавказе грузинской), то шипящей, т. е. скифской (на Кавказе мегрело-чанской, в древности колхской) группы.

Однако, если в Приволжском яфетическом районе такое бесспорное наличие скрещенных разновидностей сибилантной ветви, и свистящей, и шипящей, порою же и спирантизация, то мало основания утверждать, что они представляют случайный занос, а в таком случае в этом же Чудском районе должны вскрыться племенные названия всех этих яфетических групп. Мы этим и займемся в свое время, не смущаясь их нахождением теперь в русской речи или в номенклатуре Русской земли.

Сейчас остановлюсь на круге терминов, сохранных народностями не русского племени. Вотяки, как осведомляют их исследователи, придают различие двум частям своей народности, южной и северной. Северные зовутся калмезами, южные — ватками (так зовут себя глазовские вотяки).¹ Вопрос, однако, теперь едва ли может быть только о территориальном учете двух вотских племен. Вотяки идут, по всей видимости, как и соседящие с ними народности от яфетической подосновы, а яфетические народности всегда являются скрещенными, скрещением не одного, а ряда племен.

М. Г. Худяков в отношении вотяков приходит к той же мысли, исходя из диалектических данных. «Можно думать», пишет он,² «что на основании диалектических различий вотяки распадаются более чем на два племени». С. К. Кузнецов утверждал, что «вотяки Вятской губернии делятся по крайней мере на 6 говоров и продолжал утверждать то же самое и после того, как Б. Мункач признал существование лишь 4 диалектов».

Однако эти диалектические различия в племенных названиях какого порядка отражаются — в таких ли, которые представляют фонетические разновидности одного и того же племенного названия, или в таких, которые коренным образом различаются? Ведь, как мы сейчас видели, части вотяков прилагается особое название. Думаю, вопрос мы можем поставить, но ответ может быть дан лишь после того, как не только исследование вотского языка будет углублено и материально и теоретически, но и общий вопрос о соотношениях различных языков данного племенного образования, всегда скрещенного, и его же диалектов с другой стороны получит достаточное разъяснение. Можно утверждать заранее, что связь между ними существует, но диалектические расхождения сами по себе не могли бы вызвать к жизни коренное различие племенных названий, а лишь чисто фонетическое; так, мы имеем три основные разновидности, чисто фонетические, названия для одного и того же вотского племени, акающее — *vat* (ватка), окающее — *vot* (вот-як) и экающее — *vent* (→ вят-: вят-ка, вят-ичи, но и венды). Отожествляя ватку и сродные термины Вотской земли с Вяткой, тем более с вендами, мы отнюдь не вносим чего-либо нового, неожиданного реально: «Б. Г. Гавриловым записаны предания о том, что племя ватка жило первоначально по берегам р. Вятки, к западу от устья Ченды, в местности, где теперь находится

¹ М. Г. Худяков, Вотские родовые деления, стр. 342.

² Ук. соч., стр. 342.

город Вятка».¹ Что же касается появления nt ($\rightarrow nd$) вм. t в $vent \rightarrow vend$,² это совершенно закономерное явление по сравнительной грамматике яфетических языков, так как во всех перечисленных разновидностях зубной вторичный во всяком случае представляет эквивалент плавного $г$, перебой которого, однако, в зубной бывает в зависимости от среды с носовым, как в лат. *argentum* 'серебро', или без носового, как в лат. *vet-us* 'древний'. В шипящих языках Кавказа мы застаем в таких случаях с носовым зубной звонкой без утраты фрикативности nd , что, как и весь ряд различной озвонченности $nt \rightarrow nd \rightarrow nd$, представляет высокую ступень состояния, на низшей ступени аффрикаты этого ряда являются естественно слабыми сибялянтами по шипящей группе — $ш \rightarrow j$ и т. п., по свистящей — $s \rightarrow z$ и т. п., и с этим вместе мы получаем ту плоскость звукоотношений между плавным $г$ (\parallel) и сибялянтами $ш \rightarrow j$, гесп. $\xi \rightarrow z \parallel s \rightarrow z$ и т. п., на которой выявляется чередование плавных с сибялянтами у сванов и армян с грузинами на Кавказе, у чувашей с турками на Волге и т. п. На этой плоскости и-берская основа *veg*, эквивалент *vent*, гесп. *vet*, может быть и действительно бывает представлена видом *ves* (\parallel *mes*).

Что же касается наличия другого еще по корню отличного названия хотя бы части вотяков, т. е. существования двух племенных названий, как то было упомянуто, именно «калмезы» и «ватки», мы могли бы априорно утверждать, что носители их представляют скрещение в той или иной мере этих двух племен, если бы не было уже того, что сами названия свидетельствуют о таком скрещенном состоянии. *Kalmez* — это составной двуплеменной термин из *kal* и *mez*: *kal* разновидность *sal*, гесп. *sar*, а *mez* с эканьем разновидность, именно низшая ступень по состоянию исходного согласного звонкого z , глухого s (\parallel $ш$), на верхней ступени должествующего звучать t (\parallel t), по десибяляции t , т. е. *mes* (\rightarrow *mez*) \swarrow **met* \rightarrow *met*, по акающей группе *mat*, т. е. *kal-mez*, как термин, есть эквивалент племенного названия *sar-mat* (вм. **sal-mat*), а так как m в *mat* чередуется с v , и по акающей и по окающей группам это название звучит *vat* \parallel *tot* (ср. выше, а также *qog-vat*, спирантный эквивалент *sar-mat'a*), то, очевидно, ват-ка и вотяк своими основами *vat* \parallel *tot* воспроизводят *mat*, акающую разновидность второй составной части племенного названия *kalmez*; в то же время уже установлено, что как $z \leftarrow s$, так $t (\leftarrow t \parallel t)$ в данном термине это перебой плавного $г$, т. е. *mez*, равно *mat* \parallel *vat*, если ограничиться национальными названиями вотяков, вскрывают собою и-берское племенное название — *mer* \parallel *mar* \parallel *vat*, и, следовательно, выходит, что одна часть вотяков носит в разновидности *kalmez* то общеизвестное племенное название *sar-mat*, второй составной частью которого *mat* в разновидности *vat-* (*vat-ka*) именуется себя другая часть тех же вотяков.

Нечто подобное с теми же племенными названиями происходит и у черемисов: народы со стороны называют их *qeremis*, *qarmas* (по-чувашски), т. е. сарматами,

¹ Произведения народной словесности, стр. 144, 149 по М. Худякову, Вотские родовые деления, стр. 343.

² Вопрос иной, нужно ли наших *vend*'ов отождествлять с *vetes'* ами, если в последнем «е» первичный гласный между n и t .

так как анализ выявил в ʒer-mis'e , ʒar-məs'e лишь разновидности ʒar-mat'a , а сами себя они называют $\text{maŋ-1} \parallel \text{māŋ-1}$ и т. п., т. е. 'и-берами'.

Явление само по себе общее в яфетических районах и как таковое наблюдаемое и на Кавказе; так армян называют грузины со-мехами, т. е. свано-месхами или свано-месами, т. е. ионо-берами, а остальные народы аг-мен'ами, т. е. салононами, а национальные их названия (имеются два) сводятся лишь к одному племенному термину, именно древнее национальное название hauk , это bask или mesq , т. е. воспроизводит лишь вторую часть грузинского термина $\text{so-meq} \leftarrow \text{svap-mes+q}$, а известное со средних веков и ныне живое национальное их же название hau — это пережиток первой составной части того же грузинского названия so-meq'a или son-mesq'a и разновидность второй составной части — $\text{men} \parallel \text{maŋ} \leftarrow \text{svap}$ общеизвестного названия ag-men .

Самостоятельно иберское племенное название находим лишь у черемисов: таково их национальное название maŋ-ə , окающей группы. Окающей формой того же названия с подъемом $\text{m} \nearrow \text{p}$, т. е. рог, их величают вотяки. Разновидность же окающей группы без подъема $\text{m} \nearrow \text{p}$ мы имели случай наблюдать в языке коми в значении нарицательных имен, так mog-t 'человек'; но mog-t это усеченная форма $\text{*mog-ton} \rightarrow \text{*mog-don}$, эквивалент сибирянского smag-don , уже отмеченного выше социально пережившего племенного названия, что спирантно с утратой исходного носового дает mog-do , архетип названия мордвы. Но вот на севере тот же mog при зубном показателе множественности, но с сужением о в и, т. е. migt , появляется во второй части бесспорно составного племенного названия ud-migt , как зовут себя вотяки. Огласовка и нас не может смущать в ud , как и в migt : ее мы имеем в спирантной разновидности ʒar-mat'a , гесп. sal-mat'a . именно — *hul-but , сохраненной чувашами в виде ul-but со значением 'героя', 'господина',¹ первично 'тотемного божества', 'бога' и т. д., эквивалента грузинского (сохранилось в сванском) ʒar-maŋ ($\searrow \text{ʒar-mat}$) 'бог'.

Как было выше выяснено, название части вотяков kalmex представляет разновидность того же племенного названия ʒar-mat , в котором вторая часть подвергла перебою плавный r в t , но сохранила этот плавный в термине ud-migt , названии тех же вотяков, при общей губной огласовке как в чувашском ulbut ($\leftarrow \text{*hur-but}$ вм. $\text{*hog-mot} \swarrow$ ч. ʒog-moŋ 'бог', тотем того же племени). Сохранение r может быть здесь объяснено стечением с суффиксом -t : migt . Первая часть того же составного термина, наоборот, подвергла плавный r перебою в d , почему *hur-migt преобразено в ud-migt , представляя спирантизованный представитель шипящей разновидности названия сарматов; в этот раз, следовательно, вотяки в целом носят в качестве национального наименования фонетическую разновидность того этнического термина sarmat , другой разновидностью которого — kalmex — именуется, как мы видели, лишь их часть.

Итак, вотяки двояко именуются сарматами, но, не говоря о том, что зовут их просто «ват-ка», т. е. 'бер', в обеих усвоенных ими разновидностях составного племенного названия налицо опять-таки берское племенное наименование, в составе

¹ Чув. ul-əb (гесп. pl-əp) 'великан', 'богатырь' представляет усеченную форму того же тотемного термина, как ker-p , гесп. $\text{*ger-m} \swarrow \text{*ger-b}$ вм. $\text{ger-med} \swarrow \text{ger-bed}$ 'бог' и т. п.

коренных в одном случае подлинно берского (mг), в другом баскско-чувашиского (mz ← ms) типа, в формах окающей (mгг: ud mгг+t) и экающей (mez ← mes ~ meг: kal-mez) против акающей формы mat ~ maг общеизвестного термина sag- mat.

Не естественно ли, что и 'лошадь' у них, как было указано, берское тотемное создание val? Вопрос, однако, идет не об одном уд-муртском населении, не об одной Вотской земле, как вместилище и в настоящем пережиток в берского племени. Так как по закономерности чередования v || ш три перегласовочные формы vat || vot || ves представляют ряд, закономерный двойник разновидностей mat (sag-mat) || mot || mes → mez, то при первом же взгляде на топонимку всего окружения вотских земель для каждого знакомого с элементами яфетического языкознания очевидно, что берское население, ныне, разумеется, его лишь пережиточный слой, переливается значительно за пределы, занимаемые вотяками, особенно если приклинем сюда же прежде всего термин Везь (→ *ves-e), его закономерный по исходному согласному — ver || meг (~ ves и т. д.) ↙ per → ber — двойник берского типа — Пермь (← Per-me ← *Per-men), да еще формальные лишь по огласовке разновидности берского племенного названия. Я имею в виду не загадочное до сих пор Ваг-шап (|| *Pog-шап [ср. rog, воиское название черемисов] ¹ || Per-men), этот ясный акающий эквивалент термина Vol-ġar, и в связи с этим, понятно, наличный на монетах болгарских царей, как наименование,² по всей видимости, в роли теофорного имени, тотема болгар, а не лишь племенного их названия. Я имею в виду чистую основу с оканием vor, resp. vol, с утратой r (||l) в паузе — vo-, наличную в составном племенном названии vo-ġul, безукоризненно окающем эквиваленте не только племенного названия vol-ġar, с колебанием в огласовке двух его составных частей, но и отложившегося в наименовании насивенной различными представителями болгарского, resp. берского этнического образования реки Волги (Vol-ga ← *Vol-ġar, resp. vol-ġar, ср. название вюгушей gal-ġa ← *ġal-ġar). Как известно, gar || ġul ← kar || kul, спирантизованные двойники skar || skul, нарицательно значат 'дитя', resp. 'дети', палеонтологически представляя также племенное название. В качестве нарицательного слова этот термин в виде skul сохранился между прочим в основе грузинского слова var-skul-av → va-skul-av || ma 'r¹-skul-av с суффиксом мн. числа -av: слово используется в смысле 'звезды', resp. 'звезд', но буквально означает палеонтологически 'дитя неба', 'небесенок', притом специально 'дитя (skul) берского (var → va) неба', т. е. хочу сказать, что если бы мы решились толковать племенное название вогулов нарицательно, оно могло бы быть понято без уточнения как 'дети неба'. Такая доисторическая от мифических времен связь севера, не только приволжского, но и бассейна Печоры и даже Оби, с кавказским югом нас не должна бы смущать и после доследования истории с одним алаша 'лошадь'. Теперь же по выступлении картины, вскрываемой чувашским мостом, устраняется перегородка, завеса рвется и, например, мы регистрируем как нормальное явление, что чув. ʒages (Paasonen: «ʒages», Золоти.: «чигес») 'ласточка' при так наз. чувашском законе s, resp. ʒ ~ r представляет, можно сказать, диалектическую

¹ См. выше, стр. 300.

² В. В. Бартольд, *Bulghār, Einz. des Isl.*, s. v., стр. 621: Bāgmān.

разновидность с инг. təgig-ǰ , имеющем свои соответственно перегласованные разновидности на Кавказе в чеченском, в частности майст. təkaŋ-q , дид. təqar-a , среди приволжан в чер. «чЫгас».

Однако 'дети неба', или 'небесята', по палеонтология речи оказались использованными для обозначения не одних 'светил', в частности 'солнца', 'звезд' и т. п., но и 'птиц' вообще и далее различных видов птиц без изъятия, так в грузинском основа того же составного термина var-skul || mar-skul в непочатой целости, но с использованием других огласовочных форм (mar || mer , skul || skar / ǰqar , $\text{gesp. } \text{ǰqal}$), именно mer-ǰqal означает 'ласточку'. Приволжский край отнюдь не чужд такому же семантическому использованию берского племенного названия в форме var с окончанием мн. ч. $-\text{ga}$ и ионским племенным словом sen в значении 'дитя', как окончание мн. ч. $-\text{av}$ и 'дитя' skul в грузинском var-skul-av 'звезда'; с равным значением на Волге черемисы сохранили varaŋenga , как справедливо указала мне сотрудница ЯИ Т. С. Пассек. Не надо особого усилия, чтобы с 'ласточкой', вообще с 'птицей' попасть в мир 'лошадей'. Это происходит не в одном еврейском мире.¹ Правда, в других случаях еще в чисто яфетических языках 'ласточка' выделяется формой уменьшительной или мн. ч., вообще видом производного от 'неба' слова, так, напр., баскский термин в значении 'ласточки' во всех его разновидностях получил то же племенное определение, что в грузинском в составе соответственного слова mer-ǰqal , т. е. ǰqal ($\rightarrow \text{ǰqar}$), но спирантизовано haŋ ~ $[\text{h}]ad$, принять ли его за признак ласкательного слова или мн. ч. — en-haŋ-a || in-haŋ-a \rightarrow in-aŋ-a || en-ad-a , причем основная часть en || in , означавшая 'небо',² представляет тотемное название в архетипе hen || hin , у армян в форме heun-q означавшее 'кони' \rightarrow 'наезд'.³ В германских языках иберское племенное слово с той же функцией в слове нем. «Schwal-be» (англ. «swallow») 'ласточка' оформливает чистую основу hwal- (\leftarrow дуплем. * ha-val), при полногласии с подъемом начального согласного (h / t \rightarrow ht || st) звучащую по-свански htaval (\leftarrow * taval) \rightarrow htaval 'ласточка', причем архетип * taval без разложения, но с перегласовкой a в o при губном v , gesp. w (ср. арм. yovaz 'барс', 'пантера', вм. yavaz),⁴ и с дальнейшим перебоем o , gesp. u в i , именно towa ($\sim \text{towa}$) армяне сохранили в значении 'чудовища', специально то 'водяного чудовища', или 'дракона', то 'онокентавра',⁵ или 'иппокентавра'.

Однако сейчас наша линия суждения по семантике иная. Мы утверждаем пока лишь то, что если формально племенное название vo-gul подобно его двой-

¹ Н. Я. Марр, 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрасского племени, и еще дваэтапа его миграции, ЯС, т. I, стр. 134.

² Н. Я. Марр, Шумерские слова с основой en в освещении одного из положений яфетической семантики. ДАН, 1924, стр. 45. В разновидности in , слово это со значением 'небо' обычно у вотяков, причем сибилантный эквивалент его архетипа hin , т. е. sin , 'небо' лежит в основе бск. sinisten 'верить' (см. Н. Я. Марр, Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба', ДАН, 1924, стр. 30—31).

³ Н. Я. Марр, Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян, ЗВО, т. XXV, стр. 254.

⁴ Н. Я. Марр, Физиолог, армяно-грузинский извод, стр. 93.

⁵ Ук. соч., стр. 85. Толкование этого термина, равно его грузинского эквивалента otǰul по Иер. 50, 39, вместе с сопутствующими им арм. hambar-i (ушкаралк) || г. signoz-i 'полурыбы-полуженщины' (Орб.), все одинаково водяные божества, ныне требует моревного семантологического просмотра.

никам может быть истолковано в смысле 'дети неба', или 'небесята', то это не решает вовсе того, каково было конкретное использование того же термина или его двойников в приложении к тому или иному предмету, сохранял ли он, напр., в применении к реке в форме Волги (→ *vol-gai) прямой смысл племенного названия или предметное по материальному составу или естественному виду значение 'река' → 'вода', или в мифологическом восприятии он обязательно передавал образ 'лошади', вначале, конечно, 'тотемной лошади'. Таково положение и с более древним исторически этрусским племенным названием той же Волги Rha, в яфетических языках еще в клинописи означавшим 'лошадь'.¹

Однако в занимающем нас сейчас Вол-камском и прилегающем районе с переживаниями и-берского племени мы попадаем на север не только в мнимо-чужеродные эглические массы к вогулам и в пермяцкие земли, но и, казалось бы, чисто русскую Костромскую губернию, поныне сохраняющую не одни бытовые переживания своего сложного племенного состава, в числе бытовых и характерные признаки культа лошади: «Население Костромского края», как читаем в недавно вышедшей краеведческой работе В. И. Смирнова,² «почти сплошь великорусское, далеко, однако, неоднородно, как по своим условиям жизни, так и по физическому типу, поговору, понятиям и обычаям. Не только отдельные группы селений и уезды... но и отдельные населенные пункты одной и той же волости часто являются примерами чрезвычайной пестроты в этнологическом отношении. Совершенно очевидно, что эта разнородность обуславливается не только разницей в условиях окружающей ту или иную группу населения природы и условий труда, но и степенью влияния тех или иных племен первоначальников края на пришельцев». Увы, здесь я вынужден прервать цитату, иначе из доисторического мира с правильно поставленным о нем вопросом мы угодим в исторический, не имеющий никакого отношения к доистории племенной жизни, действительной этногонии и глоттогонии во всем крае. Если бы я не прервал цитату, мы прочли бы строки о влиянии первоначальников края «на пришельцев-славян» и т. д. Между тем соотношение русских с действительными «первоначальниками края» отнюдь не определяется влиянием последних на славян. Хотя В. И. Смирнов подлинных первоначальников, когда речь приходится невольно вести о них, и считает не установленными,³ но литература вынуждает в их роли выдвигать финские племена, да и его самого преувеличивает (стр. 5) мысль Кузнецова, «к сожалению, недостаточно обоснованная, что меряне имели предшественников в лице частью западных, частью северных финнов, напр., лопарей», т. е. автор имеет в виду исторических «первоначальников» финнов, уже сложившихся в племена современного финского типа, но взаимоотношения их со славянами явно исторические, и мы не можем вносить исто-

¹ Н. Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении, стр. 268 [см. здесь, стр. 49].

² Из вопросов и фактов этнологии Костромского края (отд. отт. из вып. XXXIII Трудов Костромского научного общества по изучению местного края, Кострома, 1924, стр. 1).

³ Напр., стр. 1: «Кто были эти первоначальники края, до сих пор, за отсутствием прочных сведений доисторической антропологии, неизвестно; там же: «в отношении населения каменно бронзового периода, к которому относится так называемая Фатьяновская культура..., существуют лишь научные гипотезы, взаимно исключающие друг друга»; стр. 2—3: «Кто была... загадочная меря — какова ее дальнейшая судьба — мнения исследователей расходятся».

ризма в доисторические вопросы. Финских разъяснений так же нельзя вовлекать в обсуждение, напр., доисторической топонимики края, как большинство из семи категорий, на которые распределил В. П. Семенов-Тянь-Шанский все названия населенных пунктов в своем интересном «антропо-географическом этюде» «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест». Надеюсь, никто не будет навязывать доисторику, как имеющую отношение к доисторической топонимике, ни одной из следующих категорий, именно: «происходящие от человеческих имен собственных и прозвищ» (фамилий) (1 кат.), «происходящие от церковных праздников — Вознесенское, Воскресенское, Сретенское и пр.» (2 кат.), «происходящие от исторических имен — Ростиславль, Изяслав, Мирославщина и пр.» (3 кат.), «происходящие от современных наименований в честь различных событий и лиц» (6 кат.), ни даже «происходящие от предметов, составляющих типичный географический пейзаж данной местности или участвующих в нем» (7 кат.), ибо самое представление о пейзаже и мировоззрение доисторического племенного мышления несоизмеримы. Остаются, следовательно, две категории из перечисленных В. П. Семеновым-Тянь-Шанским: 4-я — «происходящие от языческого культа — Белые боги, Прибожье поле, Ярилно, Перуново и пр.» и 5-я — «происходящие от древних аборигенов или колонизаторов данной территории», да и те не могут быть целиком безоговорочно вносимы в подлинный доисторический материал, так, не говоря о полной историчности «племен колонизаторов», названия «древние аборигены», равно «от языческого культа» сами по себе еще ничего по доисторичности не вмещают. Да, наконец, при той сложности переплета, которая вскрывается яфетической теорией во взаимоотношениях доисторических и исторических племенных образований, с устранением инорасовых вторжений, этого *dei ex machina*, становится совсем не таким легким делом, как это могло представляться раньше, определять подлинную, напр., финскую часть в названиях. Беру, казалось, бесспорные случаи, про которые М. П. Веске писал: ¹ «Окончания «юг», «юга», часто встречающиеся в названиях местностей Костромского края (как и окончание «ма»), встречаются как суффикс не только в словах прикамских, но и прибалтийских финских наречий». Оставим в этот раз окончание -ма [|| -ва ↙ -ба и т. п.], встречающееся в тех же и других соответственных значениях далеко за пределами распространения финского племени и в западной Европе, где, как и в восточной Европе, оно разъясняется в связи с языками доисторического яфетического населения. Остановимся на окончаниях «юг» и «юга». Что же нам выяснил М. П. Веске? Вот его конечный вывод: ² «На первый взгляд это название «юг» и «юги» есть западнофинское слово, потому что река называется на финском языке «йюкя», на эстонском языке «йюги», на лопарском «йюкка» (йюга), а у зырян «йю». Но в древнейшие времена у последних это слово звучало, как доказывает сравнительное языковедение, как «йюг» или точнее «йюго» или «йюга». Этот самый корень «йюг» встречается и в других восточных наречиях: остяцкое «йюган» — 'река', 'ручей',

¹ Славяно-финские культурные отношения по данным языка, ИОАИЭ при Каз. унив., т. VIII, вып. I, Каз, 1890, см. В. И. Смирнов, Из вопросов и фактов этнологии Костромского края, стр. 8.

² Ук. соч., стр. 9; см. В. И. Смирнов, стр. 8, пр. 5.

«йэга» — «приток»; черемисское — «йога» — «течет». Вследствие таких обстоятельств трудно решительно сказать, к какой группе финских племен относится данное слово — к прибалтийским или прикамским». Но прежде чем искать собственника в племенах той или иной финской группы, разве не следовало бы узнать палеонтологию самого термина и с нею подлинное его происхождение? Тогда, может быть, не было бы надобности присваивать его *ab ovo* непременно тем или иным финским племенам, окажись он доисторически оправданным? Но сравнительное языковедение, как оно построено господствующей школой, ничего не способно ни видеть, ни сказать по палеонтологии термина. Подходя же от яфетических данных палеонтологически, мы имеем основание сомневаться даже в первичности *yug* и т. п. в зырянской речи. Наоборот, чрезвычайно важно, что зырянский язык сохранил простую основу *yu*, означавшую палеонтологически не только «реку», но и «воду», откуда «пить» *yu-nə*, «запить» *yu+gə-nə* в повелительном наклонении — чистая основа *yu* «пей»; с нею в неразрывной связи находятся и по утрате начального спиранта зырянские же слова *yu-nə* «ильть», *yu-t* «низменность, затопляемая в половодье», *u* (resp. **ur*) «сырой», «влажный». Вид слова *yug* абсолютно не может почитаться корнем, это составное или производное слово от чистой основы *yo*, resp. **yu* ← **you*, resp. **yu*, в архетипе *yog* → *yug*, спирантизованной разновидности по шишящей группе яфетических языков термина *шог* → *шуг*, наличного у вотяков в значении «воды», а с потерей *g* и *u* чувашей — *ши* ← *шəv* «вода» (*шуг* «болото»). В яфетических языках, не говоря о сибилантных эквивалентах, наличны и спирантные, так «река» по-аварски *ʃog* (отсюда в Грузии название заселенной раньше лезгинами реки *Yog*, по-груз. *Yog-i*), бск. *hug* → *ug* → *u* «вода». Что касается второй части *g* ← *ga* || *go* || *gi* ← *gan* || **gon* || **gin*, воспринимать ли ее в качестве окончания (мн. ч. и т. п.) или, как мы думаем, синонима (ср. лезг. *hən* || *hın* → *hē* || *hī* «вода», уд. *qen* «вода», ч. *qıu*, баб. *qı* «вода», «река» и т. д.), скрестившегося с первым словом, она — ионское племенное слово; такое слияние двух племенных слов со значением «воды+реки» наблюдается и в других яфетических языках, в удинском тех же самых племенных слов — *oq* «река» ← **hog-qen*. Первая часть салское племенное слово, вторая — ионское, в целом составное «сал-ионское», параллельное «сар-матскому», т. е. «сал-берскому». Само собою понятно, что скрещение двух слов в *yo-gan* ← **yog-gan* || **yog-gon* || **yog-gen* и т. п., каково бы ни было их семантическое использование, формально материально вызвано скрещением самих племен, т. е. такой гибридный термин со значением «сал-ионский» существовал в действительности как племенное название определенного составного этнического образования, и так как сал-ионское племенное образование не могло доисторически не быть оседлым на юге, где не только сарматы, но и ионы оставили неизблемые от мифических времен следы, последние в названиях рек — Танаис-Дон, Днепр, Дануб-Дунай, то на этом реальном пути доистории хотели бы мы подойти к толкованию русского слов «юг» (← **yug-gon*), равно германского «Süden» (← **Shug-den* ~ **yug-gen*), занесенного и в романские языки (фр. *su-d*, исп. *sur*, порт. *su!*), поскольку для славян и германцев в те доисторические времена юг мог отождествляться с нахождением там населения соответствен-

ного племенного состава, равно как север у славян, повидимому, определялся отлично от немцев доисторическим нахождением иберского племени на соответственной стороне, как то вскрывает анализ доисторической топонимики крайнего севера. Однако общая семантическая норма, именно связь 'юга' с 'полуднем' и соответственная хорошо документированная родня у русского слова «юг» в самом русском и других славянских, о чем речь ведется особо,¹ вынуждает отбросить географическое его разъяснение в пользу *хронологического*, именно 'полудня', так как это формально, конечно, двуплеменное скрещенное образование реально оказывается составным из двух различных понятий словом *уиг-гоп* со значением несомненно 'полдень' (*уиг-*), 'день' (*-гоп*), так как это явно спирантизованный вид чувашского *ꞥog-ꞥop*, гезр. *ꞥuig-ꞥop* (← *ꞥuig-ꞥop и т. п.) 'полдень'. Очевидно, с гибридным сал-ионским племенным названием, совпавшим у русских, как славян, с «югом»-полуднем, у финнов пережившим в значении 'реки', гезр. 'воды', нельзя отождествлять *uꞥta* (|| *uꞥog*) ← *uꞥag*, поскольку в них, исходя из *u-ꞥug* с архетипом **vo-ꞥag*, намечаем бер-салский скрещенный термин, эквивалент *vol-ꞥag*, разновидности *vo-ꞥul*, или, исходя вернее из *u-ꞥog* (← **uꞥ-gꞥer*), получаем 'сал-иберское' скрещенне, причем ни тот, ни другой ни в каком случае не представляют в нашем районе вклада тех исторических эпох, о которых могли бы осведомлять какие-либо писанные источники. Сам термин «славянин», как и «русский», равным образом не вклад исторических эпох в пределах России. В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая матерьяльная сила формирования: оно послужило в процессе зарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещення фактором образования и русских (славян) и финнов. Доисторические племена, следовательно, по речи все те же яфетиды одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и в финнах, равно и в приволжских турках, получивших вместе с финнами доисторическое пра-урало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, более раннее, чем индоевропейцы получили из той же доисторической этнической среды свое праиндоевропейское оформление, но конкретные народы, русский, финский и турецкий, Приволжского района можно располагать хронологически в порядке лишь событий исторического значения, но одну не в смысле явлений этногонического характера, поскольку речь идет о генезисе новых видов. Происхождение новых исторических видов протекало путем отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшего на экономической базе концентрации этнических масс скрещення многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе и не дошедших в совершенно чистом виде во всем обширном районе, если даже не забывать о чувашах. И вот, когда в этих новообразованиях, русские ли они или финские, мы находим такое распространение составного и-берского или простого берского племенного названия в разнообразнейших, нами здесь, разумеется, вовсе не исчерпываемых видах, то вполне естественно появление берского племенного названия 'лошади'

¹ Н. Я. Марр, Чувашские слова с основой *уу*, ДАН, 1925 [см. здесь, стр. 309].

в этой среде, в частности сохранение его именно у вотяков в виде *val*.¹ Этот термин с утратой или отсутствием начального неогласованного спиранта (*h*), пережитка целого слова в составе **h-val* сохранился в таком полном, собственно скрещенном виде с подъемом *h* ↗ *k* (→ *k*) → *q* при полногласии не только на Западе в слове «*cabalus*» с его родней, если держаться одних спирантных разновидностей,² но и на занимающем нас Востоке, здесь, не говоря о русских словах «кобыла» и даже «комон» (*комон* || **комог*), у чувашей, как уже разъяснено, в виде *q̄m̄* ← *q̄m̄* ~ чер. *šama-* 'жеребенок' и т. п.³ и представляющих его более архаичные разновидности акающей *kama* (**kamaq*) и окающей *kom̄* (← **komig* ~ *komog*). Однако из последней пары слов *kama* || *kom̄* одно означает реку Каму, другое — зырянский народ коми, ни одно не говорит ничего о лошади. Совершенно верно, но одно из них *kom̄* — племенное шумеро-иберское название, усвоенное зырянами, конечно, не случайно, а в результате этногонического процесса, и перед нами красноречивый факт наличия пережиточно племени, тотемом которого является животное конского круга — русск. *комоц* 'лошадь', герср. **комог* ← *комог* (дид. *š̄mo* 'осел', анд. *hamaqo-qi id.*, хвар. *omo-qe* и т. д. в Дагестане, равно чув. *q̄m̄* ← *q̄m̄* 'жеребенок' (← **kom* → *kom*), все окающие разновидности, а с аканием *kama*, в Дагестане, — авар. и карат. *š̄ma* 'осел' и т. п.). Но, когда это наименование реки, не имеем ли в нем то, чего нам не хватало: 'реку-лошадь', специально 'иберскую тотемную лошадь'? 'Осел' в яфетических языках носит название общее с лошадию. Употребление иберского племенного названия, таким образом, даже в грузинском, где 'осел' звучит *viq*, обычная предсеченная или первичная одноплеменная форма 'и-бера' (древнелит. арм. *viq-q* 'иверы', 'грузины'), нас не отводит в сторону от 'коня'. Наоборот, иберское же племенное название в акающей разновидности *val*, как мы уже знаем, у вотяков, тоже иберов, означает 'лошадь', а в вотской земле протекает река Вала (вотск. *val-o*), впадающая в Килмез (вотск. *Kalmez*), приток Вяжки, и в этой реке, по вятской легенде, передаваемой мною сокращенно со слов М. Г. Худякова, водились крылатые лошади, огнедышащие, иногда выходившие из своей природной среды на сушу с риском не быть в силах вернуться, если бы в это мгновение кто успел бросить железо, собственно топор, в реку. Одному удалось это сделать и стать хозяином крылатого коня. Но иберское племенное название носила не одна река Вала, его разновидностями именовались и Кама, и Волга, да и Каспийское море, не так уж давно, ибо Хвалыцкое море связано с тем же иберским племенем, причем сейчас имею в виду, обходя термин Гурган и его источники, вотскую форму чисгой основы *val-*, да и его или архетип, или двуплеменной составной вид **h-val* ↗ *q-val*, притом не только в значении племенного названия 'лошади' и 'лошади-реки', но и 'лошади-света', 'лошади-восходящего солнца', 'утренней зари', как обстоит дело с этрусской тотемной лошадию.⁴ И действительно, *val* в значении 'зари', 'утра', а отсюда и 'завтра', сохранили армяне и грузины, послед-

¹ Сюда же по корню относятся чер. *v̄iŋa* 'кобыла'.

² Иначе пришлось бы назвать и бск. *zamaq-1* (*uzamaq-1*) 'лошадь' || *zama1* в *zama1-dup* 'всадник' и т. п.

³ См. выше, стр. 292.

⁴ См. выше, стр. 292.

ние с удержанием спиранта в подъеме в слове $\dot{c}+val-e$ 'завтра', первые с утратой начального спиранта в слове или в первичном доскрещенном виде val 'утро', 'заря'. И когда в то же время одно и то же слово то в сибиряцких эквивалентах с сохранением первого коренного в подъеме ч. $\dot{c}uman-1$ и $\dot{c}ume$ ($\leftarrow *tuma1 \leftarrow *tuma\dot{c}$, ср. м. $o-tuma\dot{c}-a$ || $o-tuma\dot{c}-e$ 'завтра' \sim $\dot{c}ova\dot{c} \rightarrow \dot{c}eva\dot{c}$ 'чуващ' || чанск. $\dot{c}uman$ 'утро', м. 'завтра'), то в спирантных эквивалентах $komal$, resp. $komop$, означает где бы то ни было в яфетическом районе и племенное название, и 'коня', и 'ласточку', как не быть спокойным насчет того, что дело обстоит прочно, хотя и тяжело нести это ответственное бремя при общем убеждении окружающих в его легковесности. И, естественно, все-таки легко, когда из удушьющего заключения в мертвящей господствующей языковедной так называемой исследовательской схеме не нас лишь, а сами языковые материалы выносят на свежий воздух, на простор свободных разысканий опять яфетический конь, в этот раз крылатый иберский или проще и первичнее 'берский конь', 'конь огнедышащий в черной от глубины реке и сияющий на красном небе', 'лошадь-река', 'лошадь-женщина' и 'лошадь-солнце'. Как не вспомнить Лермонтова:

«Отворите мне темницу,
 Дайте мне сиянье дня [*солнце*],
 Черноглазую *девицу*,
 Черногривого *коня*».

Чувашские слова с основой «цу» в освещении одного из положений яфетической семантики¹

В параллель к заметке «Шумерские слова с основой еп в освещении одного из положений яфетической семантики»,² в связи все с прагмездом значений 'НЕБО — ВОДА', интерес представляет своими дериватными значениями спирантная основа цу, восходящая к архетипу уиг (ср. бск. һиг 'вода' → ц, финск. уи → ц³) ~ сибил. шог → шиг: чув. шиг 'болого' (← '*море'), зыр. шиц 'речка' → чув. ши (↘ шэв) 'вода' и др.

Семантические дериваты этой основы восходят к значению 'НЕБО':

- 1) Чув. цу 'поле' [← '*пространство'].
- 2) цу ['*божество' || 'праздник']: чув. цу-а 'праздновать', цу-ав 'праздник'.
- 3) цу ['облако' ← '*небо']: чув. цу-аг 'безоблачный'.
- 4) цу-ар, герр. цу-ир [мн. ч. → уменьш. 'небесенок' → 'птица']: чув. цу-эр 'снигирь'.
- 5) цу-эр (фонет. архет. см. п. 4) 'ясный', 'веселый', 'приветливый' [← '*ясные, солнечные небеса' ← 'небеса']. Последнее значение, по осведомлению Н. Г. Янчикова, из д. Тиханкиной б. Ядринского уезда.

Сейчас я не останавливаюсь на разновидностях сибилантной ветви по окающей же, герр. шипящей, группе, одной из которых является т. toy (← tor || tur) со значением и 'свадьбы', 'пира' [← 'праздника'], и 'птицы', именно 'птицы дрохвы'.

¹ Доложено в ОИФ 15 IV 1925 [напечатано в ДАН, 1925, стр. 50].

² ДАН, 1924, стр. 45—46.

³ Обычно в составе слов.

Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике¹

(Вперед к чувашам и на Волгу!)

Давно, давно в качестве начинающего исследователя армянской вещественной культуры я ставил вопрос: может ли архитектурное строительство в стране быть в противоречии с нормами, определяющими возникновение и развитие литературы? В ответ систематические раскопки, ведшиеся нами в Ани (городище в Карсской области, ныне в пределах Турции), и органически связанные с ними археологические разведки и изыскания в окрестностях городища во все более и более расширявшемся охвате памятников окружения, сосредоточив в поле нашего зрения остатки древнеармянского зодчества, вскрыли сирийское влияние, раньше выдвигавшееся мною в историко-литературных изысканиях не как эфемерное явление, как то освещалось традиционным взглядом армянской национальной историографии, а как реальный, притом важнейший, фактор в эволюции армянской христианской письменности, источник особого течения в литературной жизни Армении. В самом деле, могут ли расходиться изыскания ученых по доисторическим языковым древностям и доисторическим вещественным древностям, если они идут методологически правильно? Судьбы самих памятников доисторической материальной культуры едва ли могут расходиться с судьбами слов доистории соответственной страны, и когда мы видим наличие кобанского орнаментального мотива на современном нам бытовом предмете Осетии, как то было показано, между прочим, недавно (в июне 1925 г.) в научном кружке студентов горцев Северного Кавказа в Ленинграде при Исследовательском институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока, случайно ли, что такие же словесные переживания от глубоких времен вскрываются в речи осетин, успевших за это время пройти процесс языковой трансформации из яфетического состояния в индоевропейское, как это обнаруживают читанные в ЯИ работы наших осетиноведов проф. Вс. Бр. Томашевского и В. И. Абаева.

В более широком масштабе, вне приурочения к нашей территории, выяснилось, что племенные названия совпали с названием металлов. И уже неустраняемые факты заставили выдвинуть вопрос, заключающий статью мою «Les Puyénées ou Monts Ioniens»² с соответственными данными: «Случайно ли тождество составного этнического термина и названий металлов, таких, как 'железо', 'свинец' ('цинк'), 'медь' и 'бронза'?» Думаю, что нет.

Последний год, в самые последние месяцы, в яфетических изысканиях не раз и не два раза, *terque quaterque* и более, стали подводиться мы изысканиями слов к необходимости того или иного (пожалуй, чаще иного, чем было принято) освещения памятников материальной культуры Приволжья. В самом деле, как же

¹ [Доклад, прочитанный весной 1925 г. на заседании разряда первобытной культуры РАИМК. Издан отдельной брошюрой Чув. Госиздатом, Чебоксары, 1926 г.]

² ДАН, 1925, стр. 18

оставаться при прежних взглядах о важности этнических культур, финской и турецкой (последняя — большой важности и на юге, здесь она вторая в науке после иранизма), если элементы, из которых слагались обоснования для соответственного мышления, тают как вешний снег, да набегают новые факты с каждым ударом раскопачной лопатки языковеда в палеонтологические слои речи населения. Из терминов, особенно характерных для быта не только кочевнического, но и земледельческого, русское название «лошадь» производилось из турецкого, по наследию от эпохи, когда скифов склонялись считать турками, и при этом ученые продолжали оставаться и тогда, когда в отождествлении с скифами францы давно сменили турок; но вот теперь незыблемый факт, что «лошадь» — яфетическое достояние, и это культурное сокровище еще яфетидов успело проскочить на далекий север к вогулам, оставив по пути неподдельные следы в устах различных народов, населяющих бассейны Волги, Терека, Куры, Риона, Кодора, от Черного моря до Северного в различных разновидностях, и в русском не только «лошадь», «лошак», да еще «конь», да еще «комонь», но и так наз. звукоподражательный глагол «ржать» и т. п. оказались бесспорными яфетическими элементами, при том вкладами определенных яфетических племен, этрусков, собственно русов¹ и ионов. Из топонимических терминов название такой издревле важной артерии жизни, как Волга, именно первое по ветхости Rā (Rha), признавалось финским, тогда как оно подобно всем прочим названиям, как-то: Itil, A-tal, Atal-a и др., различные племенные названия яфетические, нарицательно означающие конкретно 'воду', 'реку', мифологически опять 'лошадь' или 'коня'; древнейшее из них, Rha, паличное еще в клинописи халдской, вклад также этрусского или урартского племени, того племени, которое с неласками в Средиземноморьи предшествовало своей культурой грекам и римлянам и отложило свое название в основе названия старого, герм. старейшего света — Ew-gō-ra, более того, дало египтянам в наследие того же коня Rā, по разъясненной уже мифологическо-семантической связи, в значении 'солнца', все равно читать ли египетское слово 'солнце' — Rā или Rē, одно из важнейших у египтян божеств. Но, может быть, с 'лошадью' и 'рекой', одинаково бегущими, утекающими или кочующими, трудно сочетать оседлый быт с рукотворными памятниками материальной культуры. Примерно остановлюсь на более устойчивом по своей функции неподвижном предмете — на 'стуле', из приволжской пережиточной среды чув. roḡan || ruḡan, с которым также врывается в русскую речь. У чуваш термин значит с одной стороны 'стул', 'трон', с другой 'куклу', в последнем значении с прирощенным к нему притяжательным местоимением roḡaḡ-e || ruḡaḡ-e; все это позднейшее бытование культового термина, означавшего 'небеса', 'божество', 'бога', с другой — культовый ['алтарь' →] 'трон', 'кресло', 'стул', сначала обрядовый стул, на который до сих пор садился языческий жрец, чув. уотəз. Полная форма слова *roḡ-gan, название племени, двойника болгар, для которого roḡ-gan → roḡg, с утратой г — roḡaḡ, являлось 'тотемом', 'тотемным божеством'.

¹ В термине *etrusk* «et-» и «-k» дополнительные образовательные элементы, как «re-» и «-g» в *relaag*.

И вот этот тотем и есть русское название 'бога', имеющее широкое распространение у ряда индоевропейских, еще больше яфетических, народов.

У слова многочисленная родня с огласовкой и остальных групп, т. е. группы акающей и группы экающей: их теперь мы находим не только в яфетических, но и в выпедших из яфетической стадии развития индоевропейских языках, здесь или в значении 'бога', общего понятия, отсюда у армян и 'кумирня' — *bagin*, а в западной Европе *ra-gan-us* 'поклонник языческого бога', или в значении населенного пункта, сельского, первоначально специально смешанного бер-понского — *rāg-us* 'село'; в яфетических языках то же самое слово сохраняет еще конкретное значение или определенного божества, или определенного космического явления, как 'солица'. В частности, в грузинском, в одном из яфетических, та же усеченная основа *bog*, с сохранением плавного *g* — *borg*, есть тема для образования глагола *bot+g-va*, означающего 'бесноваться' и т. п. Но и в грузинском в связи со значением племенного названия, перерождающегося в классовый термин, в полноте второй части *bo+gan-o* означает категорию населения с тем или иным достатком, именно 'крестьянин, не имеющий тягла или собственной пашни', 'бобыль' и т. д., и т. д.

Полутно оговорюсь в предупреждение недоразумения, что тогда как по индоевропейской грамматике *rāgan-us* есть прилагательное, произведенное от *rāg-us* 'село', по доисторическому состоянию речи, как то вскрывает яфетическая палеонтология, основа *rā-g* есть усеченная форма основы *rā-gan*, своим долгим *ā* подтверждающей архегип **rag-gan*, спирантизованный эквивалент с аканием сибилантного, наличного в грузинском с экваньем *ber-ḡen*; буквально и то, и другое значат 'бер-ион',¹ реально груз. *ber-ḡen* значит 'грек', а **rā-gan* (лат. *rāgan-us*) 'сельчанин', собственно древнее бер-понское население Италии, предшествовавшее позднейшим организуемым племенным образованиям, в том числе индоевропейцам-римлянам.

Я не думаю оспаривать, что русское «поган» 'язычник' находится в родстве с лат. *ragan-us*, как чув. *rogaц* || *ruгац*, но при выяснившихся фактах разве можно утверждать, что эти чувашские и русские слова, которые разъединить никак нельзя, в восточную Европу проникли из Италии? Ведь в таком же положении находимся при встрече с этр. *Tur-an* 'Афродита' и чув. *Tur-ə* 'бог'. И если мы действительно находим вещи, родством своих линейных колебаний или линейной выразительности, своей формы, вторящие родству слов, их одинаково осмысленному созвучию, в восточной Европе и в этрусско-римской стране, то можем ли делать иной вывод для вещей и иной для слов?

Не зная норм этой внутренней наследственной связи от эпохи к эпохе, от местного народа одного типа к местному же народу другого типа, в объяснение эволюции естественно легко усвоить по внешнему сходству процесс заимствования извне, что действительно является одним из звеньев в цепи фактов и явлений, внешне переливающихся из одних форм в другие, из старых в новые, в более же глубоком процессе нарождения новых видов и типов источники происхождения

¹ Первое слово есть основа *r-ber'a*, вернее, как теперь выяснилось, его вторая составная часть.

и дериваты нормально теряют внешние признаки сходства друг с другом и требуют для своего выявления не примитивного внешне-сравнительного метода, а метода, основанного на палеонтологии.

Конечно, каждый раз перед нами должен стоять для учета вопрос: имеем ли дело с объективно доисторическим явлением или доисторическим лишь относительно, поскольку многие этапы исторической жизни человечества протекли без отображения в собственной письменности и без всяких или с весьма слабыми показаниями в чужих литературных преданиях. Иногда опасность — от трактовки доисторической проблемы средствами критики, состоятельной для явлений исторического порядка. Особенно в этом отношении достается скифам. Я беру пока мелочь. Эфор, как известно, современной критике рисуется как автор назидательного чтения о скифах, риторического и морализующего об этом народе, потому, идеализуя их, Эфор, предполагается, изображает нереальных скифов. Развивая эту точку зрения,¹ М. И. Ростовцев делает заключение, что Эфор — автор двух книг *Περὶ εὐρημάτων*, т. е. попытки культурной истории человечества — приписал скифам и Анахарсису ряд *εὐρημάτων*: трут, двузубый якорь и гончарный круг. «В этом пункте», продолжает М. И. Ростовцев, «даже Страбон, в общем разделяющий идеализирующую точку зрения Эфора на скифов, не мог воздержаться от возражения по поводу гончарного круга, известного уже Гомеру, а схолиаст к Аполлон. Родосск. I, 1276, высмеивает изобретение якоря, известного уже аргонавтам».

Совершенно непонятно, каким образом известность Гомеру гончарного круга опорачивает показание об его изобретении скифами: ведь это изобретение надо относить, конечно, не к эпохе исторической их жизни. Еще менее понятно для этнолога решение вопроса ссылкой на высмеивание греческим писателем определенного предания. Подход к этим этнологическим вопросам доистории и пути их отрицательного или положительного разъяснения имеются иные. Любопытно, что М. И. Ростовцев промолчал вопрос об изобретении трута, не знаю из кажущейся незначительности этого предмета, или трут заводил и М. И. Ростовцева на иное размышление. Ведь трут, связанный с высеканием огня, трудно разлучить с яфетидами, изобретателями металлов, в частности со скифами, или скелотами-колхами, имеющими, как выяснила палеонтология, прямое отношение к изобретению золота. Судьбу трута нельзя разлучать и с Прометеем, resp. *Jarēt'om*, также героем греческого предания, а палеонтология речи вскрывает, что, во-первых, названия трута яфетидов Кавказа, грузин, сванов, мегрелов и пр. — *abed* и пр., будучи одного происхождения с франц. *amadou*, словом баскского оформления, и являясь в одной разновидности тождественным с *Jarēt'om*, отцом Прометея, восходит к архетипу, покрывающему племенное название сарматов; это точно их тотем, а сарматы все-таки круга скифского племенного образования, а, во-вторых, самое русское слово «трут» скифо-сарматское наследие. Эти два факта:

¹ Скифия и Боспор, 1925, стр. 90. По любезно переданной мне С. А. Жебелевым справке Эфор изобретение трута *τῶ ζῶπλορῶ* приписывает собственно не скифам, а Анахарсису (Страбон, VII, 3, 9). С. А. Жебелев допускает, что соответствующее греческое слово не «трут», а «раздувательный мех». Предмет все-таки связанный с огнем.

распространение названия труда от Кавказа до Пиренеев, того именно вида, который отождествляется с именем отца похитителя огня с неба, и восхождение этого термина к племенному названию сарматов, народа скифского типа, — нам диктуют сугубую осторожность в обращении с соответственным преданием, даже тогда, когда его мы находим у такого тенденциозного писателя, как Эфор.

В чрезвычайно интересной работе «Метод культурных комплексов в применении к изучению финской культуры», обстоятельно проделанной П. П. К. Фименко и доложенной в РАИМК на заседании 30 мая 1925 г. в разряде первобытной культуры, было указано на исключительное сродство по форме фибул из финских древностей восточной Европы III в. н. э. с фибулами римского культурного мира, и в связи с этим и с другими данными, или, вернее, соображениями, преуспевшие для достижения восточноевропейской культуры возводятся к римскому источнику. Не касаясь вопроса о степени реальности использования племенного названия «фин», как мы теперь представляем это племя, в применении к памятникам доисторической культуры Приволжского района, не касаясь вопроса о первоисточнике, мы не могли бы не приветствовать сродство форм и техники вещественных памятников восточной Европы и Апеннинского полуострова за действительно доисторические эпохи, если бы это положение получило общее признание и утвердилось как факт дальнейшими наблюдениями и изысканиями.

Но на пути этих изысканий стоит еще один основной вопрос, без правильного разъяснения которого мы ничего никуда с места не тронем, это вопрос о племени: что понимать под племенем? Тварей одного вида, зоологический тип с врожденными ab ovo племенными особенностями, как у племенных коней, племенных коров? Мы таких человеческих племен не знаем, когда дело касается языка. Племя в людях это общественное образование, естественно, не отвлеченное, а конкретное, классовое. Для нас финской, иранской, турецкой единой племенной природы и единоприродно созданной ею культуры не может существовать, как не существует подобной индоевропейской племенной культуры и как заведомо нет и не было ни одной яфетической культуры, как нет ни одного яфетического языка без примеси племенного, без скрещения. Когда говорим о конкретном племени (а не об отвлеченном племени-примитиве), то это определенное скрещение ряда племен, собственно племенное образование по признакам классового производства, классовое племенное образование, и без учета этого сложного состава нельзя подводить под общее племенное наименование природу памятников определенной культуры, также не отвлеченной, а конкретно-классовой. Иранское течение или турецкое влияние требует расшифровки не как мистическое национальное или расовое содержание, а как производственно-классовое. Мы готовы бы не спорить, что одно время хазары это турки, но с восприятием того, что лишь определенный их класс — турецкий. Когда говорят, что скифы иранцы, что определенный круг памятников это скифский, следовательно, постольку иранский, то это совершенное игнорирование элементов этнологического знания и для той эпохи, когда скифы действительно были иранизованы, иранцы. Ведь такое

более соответственное реальности восприятие этнических культур не безразлично и для вопроса о роли миграции, когда она действительно имела место, в деле распространения относящихся к той или иной культуре памятников, в деле правильного подхода к разным переплетающимся сетям распределения каждого типа. Миграция всего народа донизу это как норма — иллюзия, во всяком случае легкость миграции одних классов сравнительно с другими, если даже не иметь в виду торговцев, не подлежит никакому сомнению.

В работе нашей «Ольвия и Альба Лонга (Из классовых пережитков средиземноморской культуры)»¹ выступает с достаточной ясностью, что существует противоположение языков городского и сельского населения, как двух различных производственных классовых организаций, с господством определенного племенного состава речи в каждом из этих классовых языков, и что на Апеннинском полуострове, также в Армении, городская классовая организация этнически противопологается сельской, как салская (и-талская) — эт-русской (русской или рас-енской) или бер-ионской. В то же время та же работа выявляет, что именно племенной термин городской классовой организации, не в пример сельской, получает более широкое мировое распространение, причем, однако, термин 'город' представляет преимущественно, у индоевропейцев исключительно, двуплеменное образование — в одном мире сал-берское (тал-берское), так у римлян, греков и др., в другом мире сал-ионское, так у армян, русских и др.

Это положение дела, выявляемое палеонтологией речи и имеющее конкретное значение для эпох с доисторической общественностью, не терпит ничего оттого, что в значении города рядом со словом *urb* с сал-берской (и-тал-и-берской) основой *ur-be*, герм. *urb* (← **rig-be*, герм. **rog-bir*), латинский язык проявляет пережиточное наличие другого слова со значением 'город' — *oppid-um*. За привычным нам со школьной скамьи восприятием последнего термина в смысле 'укрепленного города', или, с другой стороны, как теперь разъясняют лингвисты-индоевропейцы, 'местечка', *Laudstadt'a*, в отличие от *urb-s*, трудно отстаивать безоговорочное значение для самого индоевропейского латинского языка, но никакого нет у нас основания считаться с этой семантической дифференциацией, когда мы интересуемся доисторическим его смыслом. На самом деле и другое слово первично означало одинаково 'крепость', сосредоточение той или иной организации, не исключая разбойничьей по своим действиям, и 'резиденцию феодала с дружиной', и 'торговый пункт', и, конечно, 'культурный центр'. В первобытные эпохи соответственной общественности — и то, и другое, и третье, и четвертое одновременно, почему название города не могло не означать также одновременно сосредоточения — 'крепости', 'окружения', 'круга', следовательно, палеонтологически в ту эпоху 'неба', сборища с неизбежной для его питания меновой куплей-продажей, т. е. 'торжища-города', и также неизбежно названия божества, культ которого был сосредоточен в данном городе, т. е. тотема данной племенной организации. Предположение, что город возник в условиях феодального средневековья, такое же недоразумение, предубеждение европейской научной мысли с ее огра-

¹ ИАН, 1925, стр. 663—673.

ниченностью кругозора, как и то, будто буржуазия вырабатывалась в одной средневековой Европе. Город имеет свою историю с подлинно доисторических времен, не исключаящую переходную ступень развития, когда соответственный пункт являлся одновременно и 'селом' или 'деревней', и 'городом', что между прочим отразилось и в речи, именно в наличии термина 'село-град', напр., у армян *gyuġa-qaġaq*, синонима в известной степени нашего 'местечка'. Армения и Грузия и за исторические эпохи известны развитием густой сети именно этих 'село-градов', 'местечек', а не городов, сосредоточения властного, организующего племени, классового образования: Еще на заре государственной жизни, задолго до расцвета средневекового феодализма, армянский историк открывает перед нами картину господства городского населения, как организующего начала, когда он пишет про государственные организационные предприятия первой исторической династии в родном его крае:¹ Вагаршак ставит «правотворцев (судей) при царском дворе, правотворцев также в городах и местечках, и дает он приказ и о том, чтобы горожане были в большем почете и уважении, чем сельчане, и чтобы сельчане почитали горожан, как князей, но горожанам не особенно возноситься над сельчанами, а обращаться братски» и т. д.

Конечно, здесь мы имеем в виду не горожан-купцов и не горожан-воинов, но горожан по всей совокупности функций города, и торжища, и укрепления, но и племенной дружины, и культовой организации. В связи с последней чертой особой, совершенно реальный интерес приобретают сообщения о смене богов в тех или иных городах Армении при первых членах той же династии, о новшествах, имевших не столько религиозное, сколько политически-организующее значение. Такое же сосредоточение, тождество, равнозначимость, мы видим по существу в материальном составе обоих терминов *ur+b-s* и *o-rrid-um*. В последнем особого разъяснения требует лишь повторное наличие глухого губного — *rr*, что могло быть истолковано как передача (транскрипция) особой, четвертой разновидности сильного губного, как то наблюдаем, напр., в армянских диалектах именно *r* рядом с *p*, *b*, *ph* = *φ*, или в группе *rr* мы усмотрели бы удвоение губного между двумя гласными (*r̄*) для сохранения глухого его произношения (обратное тому, что наблюдается в чувашском с глухими согласными, становящимися звонкими в тех же условиях). Во всяком случае *orridum*, resp. основа *o-rrid*, такое же двухплеменное сал-берское слово, как *urb-s*, resp. основа *ur-be* || *ur-bi*, с тою разницей, что тогда как в *ur-be* плавный исход утратило иберское племенное слово — *-be* || *-bi* ← *-ber* || *-bir*, в *o-rrid* такую утрату проявляет и-талское племенное слово — *o* вм. *or*, как звучит именно то же слово *ur* при значении 'круг' в составе *or+bi-s* (кстати, *orridum* значило *die Schranken des Zirkus*² и в связи с этим индоевропейцы основным значением выставляют 'обрамление' (*Umfassung, Einfriedigung*). Во всяком случае подобно *orbis* и термину *orridum*, палеонтологически представляя слово 'небо', означал 'круг', но вместе с тем употреблялся еще в форме *orrido* в значении 'премного' (*valde, multum*), как то

¹ М. Хоренский, История Армении, II, гл. 8.

² По Walde (Lateinisches Etymologisches Wörterbuch), у Varro, I, 1, 153.

свидетельствует Фест.¹ Формально, следовательно, чистая основа *orridum* 'а полностью — **or-rid*, resp. **or-riđ*, архетип **ʕor-riđ* || **ʕor-peg*, он же архетип слова *ur+b-s*.

Из перечисленных полных форм архетипа **or-beg* в грузинском не могло иначе звучать как *or-bel*, что сохранилось в качестве названия местечка *Orbel* в Лечхуме, близ Свании, причем с губным на низшей ступени — **Or-vel* есть архетип русск. «Орёл». ² Однако созвучие с названием птицы, семантически случайное, не случайно по материалу, так как подобно тому, как *ur-b* || *or-b* гибридное племенное название сал-берское (и-тало-и-берское) тотемно означает «*небо» и оттуда *or-bis* 'круг', так оно же, **or-bel* || **or-vel*, в русском в виде «орёл», означая некогда 'небо', сохранилось в значении эпифании 'неба' — 'птицы', в частности 'птицы орла', как то мы видим и в грузинском, где *orbel* в усеченной форме *or-b-i* означает 'орёл'.

Итак, *orridum* в одной степени с *ur+b-s* утверждает наличие салского (и-талского) элемента в племенном составе классовой организации, имевшей свое сосредоточение в городах. Этому собственно и посвящена цитованная выше заметка моя «Ольвия и Альба Лонга (Из классовых пережитков средиземноморской культуры)». Здесь упомяну лишь то, что в русской речи салское племенное слово, самостоятельно и в скрещении то с иберским, то с ионским, имеет громадное распространение, и это его роднит часто до тождества то с грузинским, то с армянским, как, напр., в словах «целый» — груз. *del-i*, «дере-во» лишь по первой составной части (салской) — груз. *del-* до скрещения со второй (берской) *vo* (←*-vor*)→*bor* 'лес', арм. полностью *ter+e-v'n* 'листва', 'сѣмя', р. «сѣмен-и» (←**ser-men*) — арм. *ser-men* и др.

Однако древнейший город средиземноморского мира Троя — *Troia* || *Troās* это **T-гош-а*, т. е. с этрусским племенным названием в основе, как и греческое название главного города латинского мира *Rō-ma* ←**Roш-ma* (←**Roш-ma* || ? *ma*). Основанный в 753 г. город, по всей видимости, закреплял прежнее местное название, современное господству этрусов, отложивших свое название еще в названии самой Европы (*Ew-gō-ra*).

И вот этот племенной состав, этрусский или расенский или, проще, если откинуть префикс *et-* в первом случае и суффикс *-en* во втором, русский или расский, и характеризует классовую организацию строителей древнейших городов на Руси.

Но здесь возникает вопрос о том, относятся ли к доистории эти древнейшие города своим основанием, или они — дело уже исторической жизни края?

Академик Шахматов обосновывал в «Древнейших судьбах русского государства»³ положение о приурочимости первоочага древнейшей Руси к Старой Русе. Поддерживая и развивая эту мысль, академик С. Ф. Платонов в статье «Русь»⁴

¹ Pauli excerpta apud Festum, стр. 207 Th. (стр. 201 Lindsay); значение 'много' указывает на племенное значение этого составного слова и в целом, так как с племенным названием связано и наименование 'неба', каким словом обычно выражается 'ведичина', 'множество' и т. п.

² Такого же происхождения русск. «-сл», восходя к доисторическому *-vel*, в слове «ос-сл» и др.

³ Гл. V.

⁴ Дела и Дни, 1920, Петербург, т. I, стр. 1—5.

восполнил использованные Шахматовым летописные тексты, дающие подтверждающий топонимический материал, другими письменными показаниями, по которым: 1) имя Русы мелькает на всех важнейших путях от Ильмена и 2) в частности называет «Русино» и «Росино» у р. Рытой, крепость «Руска», река «Русская», приток или рукав р. Рого. Исходя из совокупности пущенных в оборот фактов, подбора их А. А. Шахматовым и собственных дополнений, С. Ф. Платонов содержание термина «Руса» распространяет с города на страну и заключает: гипотеза Шахматова «уже теперь имеет все свойства доброкачественного научного построения и открывает нам новую историческую перспективу», благодаря чему его вывод: «Руса-город и Руса-область получает новый и весьма значительный смысл».

Однако топонимического подтверждения той же мысли немало и в других, тут же привлеченных, но в этом смысле не использованных материалах, прежде всего в живых текстах доистории, т. е. в названиях населенных пунктов, рек и т. п. Ни акад. Шахматов, ни акад. Платонов не подозревали, что племенное название *rus*, *resp.* его диалектическая по огласовке спирантизованная разновидность, есть название реки «Рог», у которой приток «Русская»; спирантизованная же разновидность *ru-*, с ослаблением узкого губного *u* в «ь» (как в слове «ры-ба» того же русского тотемного происхождения), но с ионским зубным оформлением *t*, в архегипе *-ton* || *-ten* (*Ruten* и т. п.), налицо в названиях реки Ры-т-ая, на которой расположено «Русино» || «Росино», сюда же «Пере-рыт-ица» из писцовых книг XV в., с тем же зубным оформлением, именно «-ть», в архетипе *-ten*; этрусское племенное название *rus* в разновидности с плавным *l*, как в слове «лошадь», *vm. g*, налицо в основе названия реки «По-листь», на которой расположена Старая Руса, само «По-листь», в архетипе **Po-lus-te'n'*, как название, лишь разновидность, следовательно, протекающего тут же «Порусья» и помимо других все в том же районе Старой Русы экающие разновидности того же этнического термина реки «Редья» и название города Кречево на берегу Полисти, название исключительной важности по своей основе Крече, в которой начальный звук *k-*, если не доискиваться его доистории, есть префикс, как в названии «К-лязьма», как в прилагательном «к-рас-н-ый», а шипящий аффрикат *ʃ*, в яфетическом архетипе *ʃ*, или разлагается в *st*, так особенно в индоевропейских языках, или сам — сложение группы *st*. К этой исключительной, повторяю, по значению разновидности племенного названия *rus* мы еще вернемся, но вот при таком множестве разновидностей или перерождений самой чистой основы этрусского племенного названия *rus*, объяснимых как родство терминов *et-rus-k*, *re-las-g*, *p-lō-be-s*, *Les-b-os* и т. д., и т. д., лишь на основе норм яфетических языков, одинаково доисторических и в Средиземноморьи и в восточной Европе, можем ли мы ограничивать значение открывающихся перспектив историческими эпохами, считая совершенно правильным заключение акад. Платонова, что гипотеза А. А. Шахматова «уже теперь имеет все свойства доброкачественного научного построения и открывает нам новую историческую перспективу», благодаря чему его вывод: «Руса-город и Руса-область получает новый и весьма значительный смысл»? Мы вовсе не думаем впутываться в исторически выясняемые древ-

нейшие судьбы русского государства, надеемся, что нам не припишут дикой мысли, что образование русского государства мы с хорошо известной исторической эпохи отодвигаем в подлинную доисторию европейского человечества, но факт тот, что топонимика при свете палеонтологии речи нам вскрывает, что русское племенное образование жило в том же районе еще в доисторические эпохи, когда еще не было ни финнов, ни индоевропейцев, славян или других, как не было индоевропейцев в Средиземноморьи при возникновении терминов *pe-las-g*, *et-rus+k*, *p-lē+be-s*, *Les+b-os* и сотни других. Средоточие такого же внедрения с бесконечно переливающимися разновидностями племенного названия *rus* || *ros* оказывается не в одном районе Старой Русы. К тому же этрусскому или пеласгскому племенному названию восходят названия городов *P-las-kov* или *Ps-kov* (впрочем, последнее название, вероятно, из *Puskov*), *K-laz-ma*, *Razañ*, *Raj-sk*, «Ржев» из *Ruñ-ev* (ср. «ржать» от *roj* || *юш* — 'лошадь'), *Ros-tov* и т. д., и т. д.

Но мы остановимся на одном районе сосредоточения строительства того же племенного образования, именно Суздальском, в этот раз выдвигаемом перед нами в первую очередь вопросом не о древнейших судьбах русского государственного строительства, а о происхождении своеобразия развивавшегося в этом районе зодчества. К. К. Романов давно обратил внимание на сродство орнаментальных форм храма в Юрьеве-Польском (в этом последнем, по его словам, позднейшем выражении исключительно своеобразной суздальской архитектуры) с кавказскими памятниками в Армении и затем особенно в Дагестане, не забудем, в обоих случаях — это края с руштуниями-урарту и лазгами-леками, т. е. этрусским или пеласгским, собственно по отвлечении префиксов (*et-*, *pe-*) и суффиксов (*-k*, *-g*), русским племенным элементом в составе основного их населения. В Дагестане особенно поразительное сродство проявляют с техникой и формами архитектурной орнаментации Юрьева-Польского, вообще находящей аналогии преимущественно в рисунках «восточных» тканей, так наз. дагестанские котлы. В них же, да и в примыкающих к Юрьеву-Польскому архитектурных памятниках ярко выступает «сасанидское» течение, но конкретно тот вид этого искусства, который является элементами творчества, как то намечает И. А. Орбели, независимо от влияния развившегося на самом Иране сасанидского искусства; эти элементарные иранские проявления, иногда весьма пышные, того же так называемого сасанидского искусства, имеющего глубокие корни в древней доисторической культуре Ирана, равным образом яфетической, также идут из своих доисторических недр. В частности и своеобразии суздальской архитектурной декорации К. К. Романов склонен объяснять не пришлым культурным влиянием, а идущим из этнических глубин течением, культурно-историческим выявлением традиций местного этнического искусства.

И вот тут у нас и возникает сомнение обратное тому, что возникало у нас при исторической исследовательской трактовке такого предмета доисторической культуры, как 'трут', в связи с вопросом о скифах. Русское, resp. пеласгское или этрусское, племенное образование есть не привлекция того или иного района восточной Европы, а повсеместное явление доисторических эпох в связи с повсеместным расселением всех яфетических племен в неразрывном сообществе

в те времена. Поэтому-то оформлявшаяся на той же территории русская речь полна этрусцизмов в составе наиболее природных коренных русских слов. От этрусского племенного слова, в путях первично тотемных, а затем и иных, происходят не только «лошадь» и «дрозд», равно «орех», но и «радость», «раз», «разить», «род», «рождать», «рок», «рог», «рука», «ручей», «рус+ал-ка»,¹ «река», «речь», «племя», первично специально пеласгское племя с архетипом $r+les-me'n$, представляющим разновидность термина $plē+bes$, также из племенного ставшего социальным, классовым. Из экающих форм того же племенного названия исключительный в этом отношении интерес представляет $kređe-vo$, упомянутый уже нами город на р. Полисти у Старей Русы, в основе которого с префиксом $k-$ $k-tes$ имеем двойник $k-tes-te$, название «ресов-этрусков», при спирантизации s с долгим $ē$ давшее в Средиземноморьи название острова $K-rē-te$ 'Крит', букв. «этруски», в русском с сохранением s — $k-tes-te$ 'этруск', что именно, а вовсе не христианский символ «крест», лежит в основе ныне пережиточного общеизвестного социального термина «крестьянин».

Это все говорит, конечно, о доисторическом этническом внедрении этого яфетического племени в восточной Европе, и когда то же племенное образование, этрусское, несомненно, выявляется благодаря топонимике наличным с доисторических эпох в Суздальском культурном районе, естественно в этом находить почву для увязки своеобразия суздальской архитектурной декорации, идущей из общих доисторических культурных пластов всей Евразии, с доисторическим яфетическим населением края, этрусским или русским, носителем тех же классово-этнических культурных традиций. Но тут, повторяю, у нас возникает колебание, и перед нами, думаю, благодарная для разработки проблема о путях проникновения своеобразного архитектурного стиля с яфетического юга хотя и древнейших, но все-таки исторических эпох. В названном Приволжском районе мы, действительно, видим ряд городов этрусского племенного происхождения, таковы $Ros-tov$, $K+dz-ma$ и др. и, что особенно любопытно, сам «Суздаль», двойник по названию находящегося в персидском Двуречии Шуштара: оба названия в архетипе $*Rus-dal \leftarrow *Rus-tal \parallel *Roш-tar$,² в восточной Европе с сибилантом $s \parallel ш$ вм. плавного $г$ по чувашскому фонетическому закону.

Оформление Клязьмы, Ростова суффиксами $-ma, -tov$ ($k-tov$ относится и спирантный эквивалент $-kov$ в «Харьков», «Mos-kov», с падением гортанного $-om$: «Mur-om»), при всех связях на севере, не только имеет и на яфетическом юге, в частности на Кавказе, также широкое применение, напр., $qarđq-ma$ (село), $Zarz-ma$ (село, монастырь), $Vořog-ma$ (город, крепость) и т. п. в Грузии, — $-kam \parallel -tam, -gom \parallel đom$ в племенных названиях $Ras-kam$ (эпоним) $\parallel \Thetaog-gom$ (эпоним), у армян, в грузинской топонимике $Boğ-đom$ и др.; но и получает разъяснение своего происхождения также из определенных племенных названий. Однако, несколько не преуменьшая значения доисторического обретания этрусков в восточной Европе, наличие уже памятников исторических эпох, хотя и древ-

¹ Если основа этого термина по отвлечению окончания «-ка» не есть составная, двуплеменная — «ру-сал» 'речная женщина', ср. и «русло».

² Суффикс $-tal$ налицо и в русск. «рис+тал-ище».

нейших по корням, эта суздальская архитектурная декоративка и ее островное развитее лишь в определенном приволжском уюте вынуждает ставить вопрос о чисто исторических путях внедрения этого искусства вместе с соответственным классовым племенным образованием, быть может, путем миграции одних классово организованных русов-этрусков, здесь строителей городов. Этот вопрос придется ставить, чтобы не двигать явления исторического порядка в доисторию. Разрешу себе повторить здесь мысли о сношениях культурного юга с восточной Европой, требующие ныне конкретизации на определенном материале, из недавно лишь опубликованной старой нашей работы «По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века»: ¹ «Те же торговые пути до кувшитических монет выявляются сасанидскими блюдами и сасанидскими же их сверстницами — монетами. И едва ли есть основание вообще культурные, следовательно, торговые сношения Кавказа и Передней Азии с тем же севером начинать с сасанидских монет V и VI вв. н. э.». Справедливо было замечание А. И. Черепнина, ² что «начало торговых сношений северо-восточной Европы с востоком (Азией) скрыто от нас в глубине веков и, очевидно, для этих эпох глубокой древности, раз не находим таких показательных предметов материальной культуры, как монеты (или хотя бы блюда с бытовыми картинками и надписями), тем более неизбежно сосредоточение внимания на лингвистических кавказских и переднеазиатских материалах соответственной давности, или письменных, значительно предшествовавших сасанидским и вообще иранским письменам, или живых словесных, пережиточно сохранившихся на Кавказе [добавлю: «и в восточной Европе»] до позднейших времен, до наших дней». Мы, впрочем, отказались бы в нашей проблеме от использования таких памятников, как откопанная в Ване халдская надпись царя Сардура, повествующая об его походе, как выходит, до берегов Черного моря в VIII в. до н. э. Они также намечают пути интересующего нас юга и севера, но вообще, а не специально волжский. Для нас все более и более становится неизбежным в параллель к эллинской колониальной культурной работе на причерноморском юге со скифской в основе общественно-племенной средой проследить работу месопотамского культурного напора на восток и север. Глубже на восток в Средней Азии Месопотамия могла своими культурными вкладами оседать и переживать также в скифской среде, встречаясь здесь с дальневосточным, в частности с китайским течением, но когда речь возникает о культурном напоре Месопотамии в северную Европу, в Приволжский край, следовательно, в Суздальский район через водный путь Каспий — Волга, то здесь неизбежна увязка с сарматской в основе общественно-племенной средой первичного состояния, в отношении которой исторические хазары, русы, болгары лишь эпитеты, и без учета культурного заноса из не только семитического, но и досемитического, и особенно доисторического движения на север, именно яфетического Междуречья этим путем культурных навыков исторических эпох, нет возможности правильно поставить и, следовательно, правильно разрешить проблему о доисторических памятниках восточной Европы, идет ли речь

¹ [См. здесь, стр. 101.]

² А. И. Черепнин, Значение кладов с кувшитическими монетами, Рязань, 1892, стр. 7.

Избранные работы, V.

о доисторических племенных образованиях или ионян, или этрусков, или скифов, салов-италов, сарматов и шумеров, лучших живых пережитков которых мы теперь имеем в приволжских и соседящих народах, на первом плане чувашах, ни проблему о средневековом суздальском зодчестве древней Руси, представляющем в своем островном развитии такое разительное сходство с яфетическим Востоком не то в этнографических путях, не то, вероятнее, в путях торговых сношений и культурного колониального влияния исторической жизни человечества. Но тут опять вопрос, в путях торговых сношений и культурного колониального влияния отдаленнейших ли времен со связями Приволжья с Месопотамией или, когда речь о средневековом Суздале и его своеобразной архитектуре, в торгово-культурных путях хазаро-болгарского средневековья, перекидывающего мост, повидимому, с Приволжья на Кавказ и с Кавказа на Приволжье в национально-государственных строительствах одинаково уже поздних эпох?

Чуваши-яфетиды на Волге¹

«В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая материальная сила формирования».²

I

Почти ровно пять лет тому назад в Академии истории материальной культуры был прочитан мною доклад «Третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры».³ Это был момент, когда я собирался по командировке от советской власти к западноевропейским яфетидам, баскам, небольшому народу в 600 или 800 тысяч душ, для изучения его живого языка на месте, в пределах смежных Франции и Испании у Пиренейских гор. Баскский язык мне тогда еще до отъезда наметился как один из языков яфетической семьи, впервые мною определенной по относящимся к ней коренным языкам Кавказа. Тогда же вплотную подходил я к признанию яфетическим другого европейского языка, этрусского, уже мертвого, языка, предшествовавшего латинскому на Апеннинском полуострове, языка, известного теперь лишь по оставленным этрусским народом надписям, малопонятным. Это был момент, когда в результате 30-летней посильной для меня и немногих моих учеников работы над культурой и речью, мертвой и живой, Кавказа, равно Сирии, Палестины и Месопотамии, мы приходили к убеждению, что народы вновь определявшейся яфетической семьи и в средиземноморской Европе предшествовали индоевропейцам, что яфетическая речь на берегах Средиземноморья и островах раздавалась раньше, чем индоевропейская, и из нее, уже значительно культурной, черпали впоследствии появившиеся здесь индоевропейцы богатства своей речи; потому так пышно богат древнейший язык европейцев, греческий, и потому так универсально выразителен древнейший общий язык той же Европы, языческой и затем римско-христианской, — латинский. Это языки, хотя теперь одинаково мертвые, оба — молодые сравнительно с предшествовавшими им яфетическими языками, до их появления в Европе занимавшими нераздельно все Средиземноморье. В баском, равно этрусском, я искал союзников или свидетелей этой научной моей мысли. В ней нас поддерживали и памятники материальной культуры Средиземноморья, обнаруженные величайшими культурными предприятиями наиболее просвещенных европейских народов XIX в., именно археологическими раскопками. Само собою понятно, что эта научная мысль, это частью гипотетическое, но в основной своей части проработанное на вовсе не изучавшихся раньше просве-

¹ Доклад, читанный 30 VI 1925 г. в Чебоксарах на объединенном заседании IV сессии Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской Советской Социалистической Республики V созыва с участием членов Общества изучения местного края, членов РКП (б) и членов профсоюзов, и повторно 26 IX 1925 г. в Российской Академии истории материальной культуры [Издан отдельной брошюрой Чув. Госиздатом, Чебоксары, 1926 г.].

² Н. Марр. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, стр. 696 [см. здесь, стр. 306.].

³ [См. ИР, т. I, стр. 79—124].

щенной Европою языках «дикого» Кавказа или на изучавшихся с совершенно иной, обратной, точки зрения, научное построение повлекло за собою пересмотр взаимоотношений языков вообще, наметилась, а в некоторых частях обосновалась, определенная система возникновения и развития человеческой речи, постепенность размножения, тогда казалось, из одного языка, и последовательность усовершенствования форм, самих типов речи; словом, наметились в значительной степени иные взаимоотношения языков Африки (северной), Европы и Азии, т. е. всей Афроэразии, и я с моими последователями оказался в полном расхождении с европейским ученым миром, со всей господствующей школой учения об языке, лингвистики.

В этом расхождении я находился, однако, давно, с первых же шагов научной работы над не изучавшимися раньше вовсе, или с тем же углублением, или в том же масштабе, языками Кавказа и соседящих с Кавказом стран, с 1886 г., когда я впервые наметил, еще студентом, родство коренных языков, в первую голову грузинского, с семитическими. Это расхождение закрепилось, когда та же мысль, проношенная и проработанная в течение 20 лет с лишним, получила первую, казалось, окончательную свою формулировку в труде моем «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими».¹ Это было уже в 1908 году. По наивности я предполагал, что с появлением таблиц, разъяснявших основы раньше совершенно не понимавшейся природы грузинского глагола, вообще строя грузинской речи, ученый мир сразу увидит ценность учения, сравнительной яфетическо-семитической грамматики, без которой не постичь бы сложного механизма грузинского спряжения. Ученый мир вовсе, однако, не знал грузинского языка и не думал им интересоваться, и эффект получился обратный: никакого внимания, точно на свет появился мертворожденный.

Впрочем, этот период новой теории, в значительной мере обоснованной на изучении литературных языков Кавказа, грузинского и армянского, в значительной же мере сохранял характер и привкус филологической дисциплины. За это время в науке робко, но все-таки вводился, закреплялся, хотя и в кругу немногих специалистов, термин «яфетический», возникший впервые потому, что дело началось с выявления родства грузинского языка с семитическими, и группа языков с относившимся к ней грузинским была названа по имени Ноева сына Яфета — яфетической из-за родства ее с семитической семьей, так как по родству с семитической еще одна группа языков Африки называлась именем другого Ноева сына — хамитической, и свободным термином для указания родственного отношения новой семьи с семитической оставалось имя среднего брата Яфета.

С тех пор шло углубление учения об яфетических языках по линии сравнительной грамматики вплоть до Октябрьской революции. До начала европейской войны круг сравнивавшихся языков расширился включением живых бесписьменных языков Кавказа; война сузила и вскоре прервала живую работу на Кавказе, направленную на изучение северных бесписьменных горских его языков.

¹ [См. ИР, т. I, стр. 23—38.]

В 1916 году был открыт один яфетический язык, живой бесписьменный, вершицкий, на южном склоне Пампра, в сторону, значит, Индии. Перед войной и за войну все в линии той же сравнительной грамматики теория была развита далее привлечением в исследование древнейших письменных яфетических языков, клинообразных, эламского из Ирана (Персии) времени Ахеменидов за VI—V вв. до н. э., халдского из языческой Армении на Ванском озере IX—VII вв. до н. э., шумерского языка богатой литературы в Месопотамии с V тысячелетия до н. э.

Прочитанный в 1920 г. доклад «Третий этнический элемент в созидаании средиземноморской культуры», хотя и с проблесками и предвосхищением некоторых моментов последующего развития теории, был составлен все-таки со старыми приемами сравнительного метода. Ознакомление с баскским языком в первую поездку к ним вскрыло более широкое значение яфетических племен и языков, с захватом всего западного мира, романского и германского. Ко мне примкнуло известный лингвист старой школы проф. Браун, прочитавший в Лейпцигском университете, в этой твердыне старой школы науки об языке, индоевропейской, вступительную лекцию о происхождении германских языков путем скрещения с яфетическими, с обоснованием на положениях яфетической теории. Яфетическая теория, мало кому известная и никому из катедральных лингвистов неизвестная, из кавказоведной науки обращалась по своим основным заданиям, по проблемам, в общеевропейскую, с углублением языковедных изысканий по северной Африке и Передней Азии. Дело потребовало коллективной работы различных специалистов. При Академии наук учрежден был специально для такой работы Яфетический институт.¹

Яфетическая теория вступила в третий период своего развития с такой быстротой, особенно после второй моей поездки в западную Европу к маленькому баскскому народу, что еще в немецком переводе «Третьего этнического элемента в созидаании средиземноморской культуры», появившемся в свет в Лейпциге в 1923 году, я вынужден был оговориться, что работа, напечатанная по-русски там же, тремя годами раньше, устарела.² С тех пор, однако, много воды утекло, но и притекло много нового. В Москве и Ленинграде в среде частью сочувствующих тем или иным нашим мыслям, частью самих учеников наших, началась непосредственная работа над яфетическими языками в смысле необходимого выявления материалов мало изученных из них. Основан был Комитет по изучению языков и этнических культур северного Кавказа в Москве, ныне Кавказский комитет, образовался кружок северокавказской молодежи в Ленинграде, наметивший новый путь тех же работ в сотрудничестве привлекаемых к ним объектов исследования.

Между тем, в 1924 году вскрылось, что индоевропейские языки вовсе не представляют языков особой расы, это первоначально те же яфетические, из которых они выработались в особый новый тип в результате коренной экономи-

¹ См. ЯС, т. I, стр. V—XV.

² Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, Leipzig, 1923 [перевод предисловия к немецкому изданию этой работы см. в ИР, т. I, стр. 149—157].

ческо-общественной перестройки, связанной с открытием металлов и особенно с широким введением их в хозяйственную жизнь.¹ Все языки того же очерченного района Африки, Азии и целиком аррийской Европы, т. е. и хамитические, и семитические, и индоевропейские, оказались членами одной и той же семьи с яфетическими языками, но лишь различных ступеней развития человеческой речи. Яфетические языки оказались древнейшими, притом из них дошедшие в живом виде до наших дней в общем оказались носителями ярких переживаний различных эпох. Открылась материальная перспектива на состояния языков, типы доисторических различных языков, вплоть до эпох, когда еще не было звуковой речи человечества, и мы получили возможность изучать исторические языки индоевропейские, семитические и другие, подходя к ним от предшествующих эпох, изначальных, и с этим зародилась наука о происхождении и древностях языка, так называемая палеонтология речи, и стали выработываться ее особые методы. Вскрылось, что сравнительный метод вообще обманчив, существовавший же сравнительный метод индоевропейцев оказался учением лишь формальным, упустившим, что человечество меняло формы, самые типы языка, меняло с ними не только значения слов, но и основы распределения значений, и даже их созидания в связи с изменением системы мышления в зависимости от коренной перестройки хозяйственной и общественной жизни. Так, напр., 'небо', 'земля' и 'преисподняя' первоначально носили одно и то же название. 'Небо' и части его, 'светила', 'солнце', 'луна', 'звезды', равно окружение 'неба' — 'облака', даже 'птицы', носили одно и то же название, так что слово 'птица' и каждое название особого вида птицы оказались разновидностями слов, означающих 'небо' или 'небеса', впоследствии 'небесенок'.² 'Небо' воспринималось и как 'твердь' и как 'вода', воспринималось оно как протяжение и во времени и в пространстве, так что 'небо' и 'вода', 'небо' и 'год', 'пространство' и 'время' оказались также одинаково означающими 'небо'.³ Мышление доисторического человека было не отвлеченное, не научное, не логическое, а конкретное, поэтическое, образное, с родством слов-символов, как выразителей образов. Когда хотели сказать 'круг', 'свод', 'арка', 'шар', они говорили 'небо'.⁴ С другой стороны, 'небо' и 'гору', также 'голову', обозначали одним и тем же словом. 'Небо' же служило названием племенного божества, так называемого тотема, потому чувашское слово Тиг-э ↔ Тог-э 'бог', значившее первично 'небо', означало и 'гору', отсюда в усеченной форме tu 'гора'.

Как 'небо' и его части, так 'тело' и его части назывались одним и тем же словом, и так как у каждого первобытного племени, собственно первичной хозяйственной группировки, был свой тотем, свой 'бог', свое 'небо' по названию своего объединения, то по названию своего же объединения у каждой первичной хозяйственной группировки, скажем — «первобытного племени», было свое слово для 'человека', для 'тела' и для его частей, и в одном и том же

¹ ДАН. 1924, стр. 6—7 [см. ИР, т. I, стр. 185—186].

² N. Marr, Die Entstehung der Sprache в журнале Unter dem Banner des Marxismus, 1926.

³ Н. Марр, груз. журн. Мнатоб-и, № 5, 1924, стр. 231—237.

⁴ См. отчасти Н. Марр, Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 137—167 [перевод см. ИР, т. III, стр. 199—218].

племени первоначально и 'небо' и 'человек', 'тело' ('душа' тогда не имела особого названия, точнее — не было аналитического восприятия особо души и особо тела) назывались одним и тем же словом; чтобы различать одни и те же слова-символы различных представлений, люди пользовались указанием рукой, так как раньше люди говорили линейной речью — жестами, руками; когда же человечество стало говорить звуковой речью, племена были скрещенные, и тогда в каждом племенном образовании пользовались различными первобытно-племенными словами и различным произношением одних и тех же первобытно-племенных слов, чтобы иметь возможность свободно говорить звуковой речью. На звуковую речь человечество перешло, оно создало свою звуковую речь после того, как создало искусственное орудие производства, после того как руку оно заменило искусственно приспособленным орудием для того или иного вида производства, так что 'рука' лежит в основе всех первичных слов. Если 'небо' играет громадную роль с известной эпохи, именно с эпохи возникновения мирового, космического мышления и соответственных религиозных представлений, когда 'небо' есть 'бог', когда с одной стороны 'небо' значит и 'знамение', 'имя', а с другой — первично 'рука' есть 'знак', 'указание', 'знамение', 'рука' — 'сила', 'мощь', 'рука' — 'право', 'рука' — 'бог', то 'рука' спорит с 'небом-богом', несомненно 'рука' берет верх над ним — 'небом', как более древний образ, более древнее представление, как древнейшее, я бы сказал, первое слово звуковой речи. Термин 'рука', 'творец' он же глагол: отдельных отвлеченных глагольных понятий не было, ни, конечно, неопределенного наклонения, ни вообще глагола. Действие или состояние выражалось в самой фразе тем или иным именем, его образным восприятием, напр., для 'действия' нужен был образ 'руки', для 'брапия' или 'дачи' — одинаково тот же образ 'руки', для 'бытия' тот же образ 'руки', для указания — тот же образ 'руки' и т. д., и т. д. Нет глагола, который не происходил бы прямо или посредственно от образа, для нас понятия, 'рука', т. е. нет глагола-действия, который не происходил бы от слова 'рука', орудия действия. В то же время нет глагола-состояния, который не происходил бы от того же слова 'рука', так как первобытный человек не представлял абсолютного, отвлеченного бытия или состояния, не представлял его без отношения к человеку, собственно к племени, так как представления о чем бы то ни было, даже об индивиду-человеке еще не было вне обладания или вне принадлежности ему, т. е. племени; потому 'быть' выражалось тем же словом, что 'иметь', 'владеть', т. е. словом, выражающим орудие держания, владения, следовательно, опять-таки 'рукой', точнее 'руками'. И дужно ли говорить, что от 'руки' получилась возможность в великой сложившейся в одну общественность семье производить числительные и 'один' и 'два', и 'пять', и 'десять', и промежуточные числа. И как совершенно не случайно, что баск. *bir*-и и чув. *piç* ↔ *poç* по закону чувашского соответствия свистящего или шипящего *ç, s, ш* плавному *l, r* одинаково означают 'голову', как совершенно не случайно, что 'нести', происходящее от 'руки', и 'быть', 'иметь', происходящее от 'руки', имеют одинаково основу *rog*, в чув. *rog* 'существует', и во французском «*rog+te*» 'нести', так как французы это слово получили, разумеется, не от чувашей, а от западноевро-

пейских яфетидов, басков-иберов, находившихся в доисторические эпохи в ближайшем родстве по языку с чувашами; так же не случайно, что чув. *rog* 'иметь-быть', происходящее от 'руки', чув. *rag-às* 'давать', происходящее от 'руки', имеют одни и те же коренные согласные *p* и *g*, что же касается огласовки, то это говорит лишь о различном племенном произношении, так как чувашский народ не первобытное племя, а еще доисторическое образование из скрещения различных первобытных племен. Первобытное племя не представляло себе и отвлеченного внеплеменного языка, отвлеченного внеплеменного говорения: 'говорить' представлялось и означало как действие племенное, способность того или иного племени, тогда только яфетического, 'ионить', если говорил яфетид ион, или ионянин, 'иберить', если говорил яфетид ибер, и т. д. Когда в чувашском имеем *səmaq* 'слово', 'речь' и т. п., то это форма от основы *səma-*, пережитка племенного названия шумер, или сумар, откуда происходит и национальное племенное название *šəvaš*, и *səmaq*, *səmaq-la* 'говорить' первоначально означало 'шумерить' или 'чувашить', т. е. говорить племенным языком шумеров и т. п.

Ясное дело такое палеонтологическое углубление в изучение языка обнаружило и несостоятельность формального сравнительного метода, т. е. основного метода индоевропейской лингвистики, и яфетическое языкознание, вступив в третий период своего развития, стало разрабатывать и уточнять методы палеонтологии речи и конкретно отдельных языков в связи с историей общественности и ее базы — материальной культуры. Яфетическое языкознание с самого начала было связано с изучением материальной культуры исторической и бытовой, т. е. с исторической археологией и этнологией, но, раскрыв настежь двери неожиданно для себя в доисторию человеческой речи и, следовательно, и мышления, в обладании конкретными языковыми материалами, отложениями эволюции культур различных эпох и различных стран, оно вплотную подошло к истории развития общественности, как фактора языкового творчества, и также неожиданно и без подготовки для себя оказалось утверждающим положения учения об историческом материализме, т. е. в методе скрестилось с марксистским учением. В то же время яфетическое языкознание, осознавая связь речи как продукции общества с другими культурными ценностями, также продуктами общества, все более и более стало осуществлять свое давнишнее положение об изучении языка в связи с изучением общественности, следовательно, с изучением истории материальной культуры, быта, общественного мировоззрения, права, начиная с первобытного права. Учувя невольно источник уразумения смысла вещей не в нашей мудрости, а в полноте материалов и исчерпывающей экстенсивности охвата, оно, как и раньше, но более упорно, стало выдвигать в первую очередь изучение всякого живого языка и быта, и верования, и права, независимо от исторического значения и письменной культуры, т. е. стало выдвигать необходимость и важность изучения в первую голову языков и культур бесписьменных или недревнеписьменных народов, и на такой стадии развития год тому назад, не будет и года, яфетическое языкознание напало на родство чувашского языка с яфетическими языками, на принадлежность чувашского языка к яфетическим,

и теперь определяется, уже намечилось ясно, место чувашского языка среди яфетических.

Каково же это место?

Для этого я должен бы изложить всю классификацию яфетических языков и очертить их взаимоотношения не только формально-сравнительные, но палеонтологические по состоянию их принадлежности различным эпохам развития человеческой речи. Самое краткое изложение этого вопроса нас заняло бы еще столько, сколько я уже прочитал, а это ведь все лишь одно вступление, и мы до чувашского народа и его языка так бы и не дошли своевременно. Я, конечно, могу дать определение места чувашского языка среди яфетических в степени их разработки, и его сейчас и дам, но, как всегда в таких случаях, с риском, что самая точная в стадии изученности чувашского языка формулировка этого определения не представит ничего осязуемого или конкретного для непосвященных в классификацию яфетических языков и ее научные основы, разве в части иллюстрации примерами, и, конечно, оно скажет еще меньше тем, кто и желания не имеет быть в нее посвященным по соображениям конфессиональных (классово-научных) убеждений, и тем не менее утверждаю, что: 1) чувашский язык принадлежит к сибилантной ветви, именно шипящей ее группе, окающей с осложнением огласовки и аканием, т. е. к той группе, к которой принадлежат яфетические языки причерноморские: из живых мегрельский и лазский, из мертвых, по всем видамостям, скифский и шумерский (~ киммерский); 2) чувашский язык имеет поразительные встречи, общие слои, с языком свистящей группы, к которой принадлежат из живых грузинский, из мертвых, по всей видимости, сарматский, или, что то же по составу, салский-харский, он же италский, в средние века хазарский; 3) чувашский сильно осложнен спирантизацией, обращением свистящих и шипящих согласных в придыхательные при огласовке «е» (ё), т. е. в общем отмечен характерными признаками особой окающей группы.

Конкретно, в общем чувашский язык с одной стороны по коренному слою своей целиком яфетической природы становится в один тесный круг с языками баскским в Европе и с армянским в Армении, собственно с его доисторической яфетической основой.

С другой стороны, особо от родства чувашского языка со всеми яфетическими языками по его изначальному положению и особо же от более тесного потому же родства с определенным кругом из них, приходится в первую голову обсудить исключительные точки соприкосновения чувашского с тем или другим из яфетических языков по позднейшей, по всей видимости, встрече и скрещению с ним, так прежде всего с грузинским.

Так достаточно прослушать список настолько близко созвучных чувашских и грузинских слов,¹ как:

- 1) чув. *çiv-ё* 'холодный'; груз. *ჭივი*-1 'холодный',
- 2) чув. *çiv-es* 'дотрагиваться', 'достигать'; груз. *ტივი*'а 'достиг', 'настиг',
- 3) чув. *çim-es* 'есть', 'кушать'; груз. *ში-*; чув. *çi-mêş* 'пища', 'еда'.

¹ Н. Марр, Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам [см. здесь, стр. 279].

Эта чувашская основа имеет не один закономерный свой эквивалент ши в грузинском, но -mes и -mё в чувашском функциональные части; 'купать', 'есть' по-чувашски выражается собственно основой *ʃi*, и вот в грузинском эта чистая основа, чувашская, используется в виде ши в глаголе *m-ʃi-a* 'я хочу есть', 'я голоден', *g-ʃi-a* 'ты хочешь есть', 'ты голоден' и т. п. Однако такой односложный вид основы ши- в грузинском — пережиточное состояние, сохранившееся в глаголе со специальным значением 'голодать', 'хотеть есть', в значении же 'есть' у грузин глагол *ʃam-*, у мегрелов и чанов — *ʃkom-*, с вобранным в основу функциональным губным *m* в качестве коренного, так что в шипящей группе как бы трехсложный корень *ʃkm*, в точности соответствующий сем. *tʃm* 'есть', 'купать', тогда как в чувашском именно в значении 'кушать', 'есть' лишь слог *ʃi* (← *ʃki ~ mki*), т. е. чувашский представляет этап состояния яфетических языков до выделения семитической семьи, предшествующей зарождению трехсложия, и то же наблюдаем мы у грузин, но лишь пережиточно в слове 'голодать'. Несомненно, сюда же относится как арм. *ʃam-el* 'жевать', так чув. *ʃəm+la* 'жевать'.

4) Чув. *ʃir* 'боль', 'болезнь'; груз. *ʃir* 'болезнь'.

Однако *ʃir* 'болезнь', 'страдание' налично и в армянском языке в разновидности спирантной ветви — *kir* (*kir-q* 'страсти'), и вот в груз. *ʃir* употребляется в значении 'необходимости', 'нужности', отсюда г. *sa-ʃir-o* 'необходимый', *m-ʃir+1-a* 'мне он нужен', но и чувашский использует с тем же значением это слово в разновидности *kir* (*kir-lë*) 'необходимый'.

С этим возникает, уже возник, вопрос какой-то особой исключительной связи чувашского языка, языка шипящей группы по своей массовой природе, с грузинским языком, языком свистящей группы, как результата особой позднейшей встречи и скрещения, произошел ли этот акт если не в доисторические, то все-таки в архаичные поры на северном Кавказе в процессе естественного непосредственного общения чувашского с сарматским, также языком свистящей породы, или позднее на самом Кавказе, в процессе классово-дружинных внедрений хазарского племени. Иногда эти чувашские элементы выслеживаются в живой диалектической речи грузинского, так, напр., рядом с древнелитературным, да и современным *ʃreml* для понятия 'слеза' грузинский располагает словом *kir-ʃqal*, уже разобранным¹ и, как было выяснено, означающим буквально гла за вода: вторая часть *ʃqal* ← *ikal* 'вода', коренное грузинское слово, как и двухсложно *dal*, на низшей ступени *zal* ← *sal*, эквивалент слова шипящей группы *ʃur* (← *jur*), в арм. *ʃur* 'вода', и в волжском яфетическом районе, с перебросом до северного предела, у зырян в значении 'воды' обращается этот *ʃur* ↔ *ʃog*, в чувашском *ʃur* в значении 'топкого места', а в значении 'воды' с утратой исходного плавного — ши, с раздвоением *u* в *yu* — *ʃyu*. Что же касается первой части слова *kir-ʃqal*, то *kir* 'глаз' совершенно не ладит с груз. *ʃqal* 'глаз', но находит свое оправдание в основе *kir* глагола из живой грузинской народной речи — *kir-eb-a* 'смотреть', и затем та же основа *kir* и дезаspirованно, как ее видим в составном *kir-ʃqal*; *kir* в значении 'глаза' до сих

¹ Н. Марр, Заметки по яфетическим клинописям, ИАИМК, т. III, стр. 288—293

пор имел поддержку в баскском $1-ku\check{s}-1$ 'видеть', основа которого $ku\check{s}$, следовательно, должна бы означать 'глаз', и вот в чувашском и находим мы этот $ku\check{s}$ в значении 'глаза', откуда в нем же $ku\check{s}u$ или $ku\check{s}\check{a}v$ 'слеза', букв. 'глаза вода', и его двойник $ku\check{r}$, как основу глагола $ku\check{r}-as$ 'видеть'. Может показаться, что в грузинском $ku\check{r}$ в значении 'глаза' в составе $ku\check{r}-\check{q}al$ 'слеза' ← 'вода глаза' изолированное в грузинском явление, результат местного стороннего влияния, а связываемое с ним $ku\check{r}-eb-a$ 'смотреть', означающее и 'слушать', может, мол, найти и иное объяснение. Было бы, однако, желательно услышать это иное объяснение без палеонтологии речи! А пока что укажем и на другие связи у $ku\check{r}$ 'глаз' в грузинской речи, так 1) с сванским раздвоением и в wi это имя дает основу $kwir$ грузинского глагола со значением 'устремляю взор', 'наблюдаю', $v-a-kwir-d-eb-1$ 'вперяю глаз', 'удивляюсь' $m-kwir-s$; 2) с палатализацией $ku\check{r} \rightarrow kwir$ соответственно представлен разновидностями $\check{t}ur \rightarrow \check{t}wir$, из которых $\check{t}wir$ у грузин значит 'прозрачный' (← 'видный насквозь'), а $\check{t}ur$, основа грузинского глагола $\check{t}ur-et-a$ 'смотреть', избранного у поэта Шогы из Рустава, происходящего из Месхип, т. е. племени басков или болов, т. е. болгар.

Но едва ли это представит для вас что-либо осязаемо конкретное.

Потому я обращаю ваше внимание на одно положение яфетического языкознания, это то, что различные семьи языков, семитическая, индоевропейская, урало-алтайская, т. е. турецко-монголо-угро-финская, в языковом отношении не представляют расово различных образований, это семьи хозяйственно-общественно народившихся языковых типов, возникавших в процессе сложения и развития общественного хозяйства и связанного с ним схождения, скрещения различных племенных языков. Яфетические языки, в числе их и чувашский, представляют по типу переживание доисторического состояния человеческой речи, следовательно, доисторических яфетических языков, из которых в различные эпохи и в различных странах вылупились семьи и хамитическая, и семитическая, и индоевропейская, и, как теперь мы получаем возможность утверждать, также угро-финская и монголо-турецкая, к которым нам перебрасывает мост чувашский язык. Было бы мало, если бы мы могли сказать только то, что чувашский язык не примитив. Это можно бы утверждать и а priori, так как примитивных языков в мире не существует. Но у нас есть путь для выяснения, какие примитивные социальные группы отложились в племенном составе, руководясь с одной стороны племенным названием и названиями богов, также племенными названиями, поскольку они тотемного происхождения, а затем и соответственными сложными особенностями самой чувашской речи вообще. По названию «чуваши» — шумеры. И мы увидим, что чувашская речь сохранила культовый термин, название шумерского тотемного бога, по норме палеонтологии речи в роли служителя этого бога.

Племенной состав чувашей, конечно, образован не из одних шумеров, но на первом месте стоит тот племенной слой, тотемный бог которого у чувашей служит общим названием вообще бога $Tog-\check{a} \leftrightarrow Tur-\check{a}$, т. е. салское (фе-салское) или талское (и-галское) племя с названием в шипяще-окающей форме. Такова и природа, шипяще-окающая, чувашского языка. Более того, в связи с богом-

небом, т. е. небом, птицы и все относящееся к пернатому, в том числе и перья, носили одно название с небом, и, как уже разъясняется в работе об Иштари,¹ именно окающая разновидность $\text{ḫog} \leftrightarrow \text{ḫug}$ означала различные виды птиц, вообще птицу и перья, но в то же время небо являлось гомонимом всех космических явлений, и в частности, как мы видели, ḫug , бск. $e\text{-ḫug}$ означало 'снег', так, должно быть, обстояло дело и в чувашском, где ныне вместо ḫug — спир. uig 'снег'. Но раз ḫug значило и 'перья', и 'снег', то интерес представляет следующее у Геродота место соблазна для ученых (IV, 7). Описывая Скифию, Геродот замечает: «А о землях, лежащих далее, на север от народов, живущих за их краем (т. е. за собственно скифским краем), они (т. е. скифы) говорят, что нет возможности ни видеть, ни проходить далее из-за рассыпанных там перьев, потому что земля-де и воздух наполнены ими, и они-то, дескать, заслоняют вид». Геродот это известие объясняет так: «А что касается до перьев, которыми, по словам скифов, воздух наполнен . . . я думаю вот что: в странах, лежащих за этой землею, постоянно снег идет, только — как это понятно — летом менее, нежели зимою. А уж всякий, кто поближе видел, знает, что я хочу сказать: снег именно походит на перья, и вследствие такой суровости тамошней зимы северная часть этого материка необитаема. Итак, по моему мнению, перьями скифы с окрестными народами, выражаясь иносказательно, означают 'снег' ($\tauὰ \deltaὲ ἄν πτερὰ εἰκάζοντες τὴν χιόνα$).»²

У первоначального доисторического населения северо-восточной Европы 'снег' назывался перьями не иносказательно, а прямо-таки словарно. К этой мысли подходил 50 лет тому назад Л. Расмузен, который в работе «О двух преданиях у Геродота» после пространного обсуждения вопроса, каким образом могло случиться, что скифы сказали 'перья', когда речь была о 'снеге,' заключает (стр. 63): «Во всяком случае было в языке скифов (или какого-нибудь другого северного народа) слово, которое допускало перевод: 1) 'перья', 2) 'снег' известного свойства, напр., 'густой снег', и в переданном Геродоту известии это слово было переведено, в данной связи, неправильно».

Бесспорно, чувашский язык родственен с турецким. Это близкое родство теперь поддерживается и общностью племенного названия турок (анализ этого термина вполне в этом убеждает) и названием основного божества чувашей $tug\text{-}ə$. Мы теперь уже не можем отмахиваться от созвучия терминов $tur \sim tuš$ и $terek$, как явления бесспорного закономерного родства. Мы не можем отмахиваться не только потому, что в них наблюдается закономерное созвучие, но и потому, что ḫup и даже ḫup-k , в произношении греков и римлян $tus-k$, действительно служили, наравне с ḫug-q 'ом, племенным названием народов различного порядка, одни из которых на Кавказе были 'коренные' ($bup\ ḫugq$), 'местные', другие, следовательно, заведомо 'пришлые'. Более того, когда в опи-

¹ Прочитанная еще в 1923 г. в качестве доклада в ЛИ, повторенная чтением в Баку на собрании Восточного факультета, она входит в состав статей, предназначенных для напечатания в ЯС, т. V [см. ИР, т. III, стр. 307—350].

² ЖМНИ, 1876, отд. класс. филол., стр. 52 сл., где приводится мнение Ширна, сопоставлявшего то же известие с обычаем обсыпания поля перьями до засева. Обычай черемисов, чувашей и секлгров в Трансильвании. Расмузен, знакомящий с литературой вопроса до своего времени, сам против гипотезы Ширна».

сании заскифских северных стран у Геродота народ именно чувашского района называется *Τουσαγέται* (ср. *Τουραγέται*), то правильно отмечали, что мы имеем дело с племенным названием, в составе которого налично название чувашей, *tuş-* или *tur-*; это, однако, не 'чуваш', а второе название чувашей, оно же название чувашского бога (*Tor-ə* ↔ *Tur-ə*).¹

Но родство с турками исходит из того, что чувашский язык — один единственно сохранившийся из той тесно связанной группы яфетических языков, из которой сложились впоследствии турецкие языки. Чувашский язык теперь дает возможность разъяснить древности турецкой языковой семьи, используя через свое посредство все богатство родственных с ним, однаково с ним доисторических, яфетических языков. Турецкие языки, с момента их возникновения исторические, так же не в силах служить источником для разъяснения подлинных древностей ни своих, ни тем более чувашских, как нельзя возникновение реки разъяснить условиями местоположения устья, или хотя бы среднего ее течения, а не по месту нахождения источников и вообще верховьев, образующих данную реку притоков, речек и ручьев. Таково же отношение индоевропейских, также исторических языков, к яфетическим, доисторическим, из которых они вышли. Таково, в частности, положение дела с русским. Он также образовался в конечном результате на той территории, где он впервые выступает исторически: он также образовывался из доисторического населения Европы, повсеместно яфетического, из которого никак нельзя исключить чувашский, где бы процесс оформления русской речи ни происходил — на западе, на юге или на востоке, в частности в восточной Европе. В восточной Европе, во всяком случае, русский язык получил завершение своей формовки в среде древнейшего, также яфетического населения, от которого в настоящее время в наиболее чистом виде сохранился один чувашский язык, и можно себе представить, какое огромное значение должен получить чувашский язык для изучения действительных древностей русской речи и вообще его происхождения, хотя бы с нашей точки зрения.

На вопросе о значении чувашского языка для изучения русского языка и вообще русской племенной культуры, для толкования названий доисторических населенных пунктов, рек и т. п., т. е. так называемой топонимики, на роли чувашей, вообще классово-племенных образований Приволжья с их средневековой исторической культурой, и останавливаю ваше внимание, подходя к этой ограниченной теме, в том числе к вопросу о болгарях, с точки зрения данных яфетического языкознания. Вместе с этим отпадает в нашем докладе речь, почти всякая, о значении чувашского для вопросов о мировых средиземноморских и западноевропейских культурах, доисторических и исторических, равно обхожу молчанием значение чувашского языка и для глубоких теоретическо-научных вопросов о происхождении вообще человеческой речи и т. п.

Достаточно если удастся наметить лишь основные моменты значения чувашского языка в связи с одним положением яфетической теории, положением о возникновении исторических языков, турецких и индоевропейских, из яфетических.

¹ Ср. М. П. Петров, О происхождении чуваш, стр. 54—55.

II

Если легенда об основании на юге Киева, внесенная в русскую летопись, повесть о трех братьях Кие, Щеке и Хориве, оказалась, едва ли кто теперь может оспаривать это, — еще яфетическим народным преданием — скифским или, как теперь уточняется анализ, — киммерским,¹ преданием, существовавшим на юге и на Руси, и в Армении, то утверждаю, что в той же и большей мере чувашские и сродные яфетические материалы разъясняют имена трех братьев — сказания о призвании варягов: Рюрика, Трувора и Синеуса, как имена тотемных божеств доисторических народов Новгород и Волжско-Камского района; в то же время племенные названия Рюрик — 'рус', Трувор — 'сармат' и Синеус, казалось бы, просто 'ион', но это скрещенный термин «ионо-рус» (кстати сказать, последнее имя Sin+e-us 'ион-рус' в части просто ионской у чувашей отложился в роли тотемно возникшего племенного названия человека — *шын*, а скрещенно в названии земледельческого бога, ныне названии праздника земледелия, по-чувашски *Шин'е'зе* (← **Шин-tes-e*)). Прямо суздальско-волжско-камским племенным тотемным божеством *шинег'ов-шомаг'ов*, или чувашей, является герой русских былин Добрыня: это, собственно, сибиряцкая разновидность чувашского слова *ушэз*, первично **ушог*, как русское слово «дуб», «дубняк» (сюда же черем. *тш* 'дуб') по основе есть такая же разновидность чув. *ушан* ↔ *ушан* 'дуб'. Независимо совершенно от наших лингвистических изысканий по доистории восточной Европы, вот что пишет нам, интересуясь тем же вопросом как русский историк, проф. В. А. Пархоменко, абсолютно не ведавший высказанных впервые здесь наших взглядов о Синеусе и Добрыне:² после Бориса и Глеба [добавляю от себя — совершенно легендарных личностей] в течение восьмидесяти лет мы не видим на Ростово-Мурома-Суздальской территории ни одного князя из киевской династии. Мы имеем отрывочные летописные сведения, лишь вскользь затрагивающие жизнь этой земли за это время. Во-первых, мы имеем неясное летописное предание про пребывание на ближайшей к этой территории земле, на Белоозере, князя Синеуса, вставленного в известное предание о призвании варягов. Как показали изыскания А. А. Шахматова,³ «это — имя местного князя неизвестной точно эпохи, во всяком случае ранней, о котором долго помнило местное предание. Позже мы встречаем также летописные указания как будто на местных князей и во всяком случае на происходящую здесь политическую борьбу. Так прежде всего знаменитый полулегендарный Добрыня, причтенный к сонму героев Владимирова эпоса, имел, по всей видимости, приокское происхождение и, во всяком случае, летописью связывается с борьбой против волжско-камских «серебряных болгар» и т. д.

¹ Хотя скифы с киммерами различные племенные образования, в истории известные как взаимоборствующие силы, все-таки речь идет о племенах одинаково яфетической семьи. Результат формального подхода, отождествление Киева со скифом, приходится заменить выводом палеонтологического анализа термина Киев, с возведением обеих его частей, и второй, к племенным названиям, именно отождествлением с киммером. Существо дела это не изменяет, поскольку остается все то же переживание доисторического вклада еще более древнего, очевидно, через скифов в Киевской Руси.

² В. А. Пархоменко, *У истоков русской государственности*, Ленингр., 1924, стр. 103.

³ А. А. Шахматов, *Изыскания*, стр. 87—92, 173, 377 (по проф. Пархоменко).

Таким образом, с процессом поглощения империалистической политикой русского государственно-национального строительства приволжско-камских яфетических племен шел процесс вращивания народных яфетических богов и преданий, родных северу, его доисторическому населению, в том числе в первую голову чувашам, в цикл героев эпоса Владимира и уже чисто русских былинных сказаний, и теперь по окончании этого исторического процесса громадной силы, почти сведшего на нет все первичное яфетическое население восточной Европы (ведь устояли и остались в сравнительной чистоте одни чуваша), естественно, ученые также захвачены мощью этого процесса и трудно им освободиться от позднее выросшего значения индоевропейцев-русских, равно финнов и татар, и не проглядеть доисторическую роль яфетидов, в числе их и чувашей, в эволюции культуры в восточной Европе и, в частности, трудно им осознать чувашский вклад в русское строительство, русский эпос и русскую речь.

Но народы, поглотившие почти бесследно яфетические национально-государственные образования, не успели также бесследно поглотить их этнически. И вот теперь при условиях новой общественности новая языковедная теория нам дает средства заставить эти империалистически торжествовавшие народы выбросить из пасти все те слова, которые были ими усвоены как в процессе их доисторического сложения, так в процессе их исторического роста от поглощавшихся ими и государственно-национально, и этнически яфетических и ведших с ними общую политику самозащиты полуяфетических приволжских народностей.

В этом процессе возникновения индоевропейских и урало-алтайских языков из яфетических и дальнейшей формовки их в линии определившегося уклона того или иного основного типа и окончательного сложения в частности русского и финского языков чувашский, как яфетический язык, не мог в те отдаленные эпохи не действовать. Он был одним из основных источников в этом окончательном построении русского языка. В настоящее время по тому же вопросу чувашский является единственным основным источником за исчезновением других яфетических языков того же территориального окружения или за затемнением их облика чертами другого языкового образования, нового типа, финского; речь о таких некогда с чувашским исключительно яфетически сродных соседящих с ним своеобразных языках, как мордовский, черемисский, вотский и прилегающие к ним зырянский, вогульский и остяцкий. Помимо этой явно доисторической роли чувашского языка в создании русской речи, непрерывное за многие века существование в непосредственном соседстве в одном и том же Волжском бассейне нас настораживает к восприятию чувашского речевого вклада в русский язык в части уже терминов исторической культуры. Об этом во второй части доклада.

В этом отношении чувашский вклад в русскую речь чрезвычайно и значителен и поучителен.

Я остановлюсь на одном примере. Кстати, это дает повод ознакомить вас с одной из существенных страничек учения о древностях языка, в частности о развитии значений, без чего пример оказался бы непонятным.

Новое учение, яфетическое, о древностях языка, как было сказано, установило, что глаголов в начале не было как самостоятельной части речи. Каждое

имя становилось глаголом лишь во фразе, т. е. все глаголы человеческой речи произведены от имен существительных, равно не различавшихся с ними прилагательных и т. п. Если 'зуб' и 'кусать' на каком-либо языке одного и того же корня, то не 'зуб' происходит от глагола 'кусать', а глагол 'кусать' от имени 'зуб', как глагол 'видеть', мы уже показали, от имени 'глаз'. В кругу самих имен выяснилось, что имя 'путь' возникло от 'направления', для выражения чего первобытное человечество пользовалось словом 'рука'. Вообще образ 'руки' или, как мы теперь сказали бы, понятие 'рука', есть основной источник многих десятков, многих сотен разнообразных значений, их как бы первоисточник. Одно обычное производное понятие от 'руки' из числа отвлеченных — 'сила', т. е. 'сила' первично значит 'рука'. От слова 'рука' происходит, между прочим, и глагол 'дать', также 'протягивать', затем 'обещать', равно 'взять'. Потому, когда мы с одной стороны в русском имеем глагол «сулить» 'обещать', равно «посулы», 'взятка' или 'дача', то и другое слово происходит от имени $sol \leftrightarrow sul$, первоначально означавшего 'рука'. Чувашский язык сохранил яркий след существования в нем самом слова $sol \leftrightarrow sul$ со значением 'рука'; оно налицо в основе чувашского слова $sol\grave{a} \leftrightarrow sul\grave{a}$ 'браслет', 'запястье', первично означающего 'наручник'; он налицо в основе чувашского слова $sola\grave{g}au = sula\grave{g}au$ 'левый', собственно без прибавки слова $al-\grave{a}$, означающего 'рука левая' и т. п.

Когда, с другой стороны, в русском же имеем «посылать», «послать», «посол», то и основа этого глагола $sol \leftrightarrow sul$ в первоисточнике также восходит в конце концов к представлению 'рука', но ближайшим образом она происходит от слова sul со значением 'дорога', и когда с этим именно значением в чувашском налицо имя qul 'путь', а мы имеем возможность не только доказать восхождение его к тому же слову с первичным значением 'рука' в яфетических языках, но и установить, что оно же, как мы видели, находилось и с этим значением наравне с значением 'путь' и в чувашском, как родное, неотделимое от его природы достояние, то иного выхода нет, как признать, что бессорно коренные русские слова и «посылать», «посол» и «сулить», «посулы» представляют лишь русское оформление чувашских и только чувашских слов. Поскольку в яфетических языках шипящей группы по палеонтологии речи слово 'мощь', 'сила' также от 'руки', а в чувашском языке, как языке шипящей группы с оканьем, губной гласный ее огласовки (о — u) исторически перерожден в i , то, значит, чувашское слово «сил-а» чисто, без какого то ни было оформления, усвоено русской речью, которая и сохранила природное именно первичное чувашское слово, тогда как ныне у чувашей в значении 'руки' спирантизированные разновидности то с родным оканьем — qul 'рука от плеча до кисти', то даже с аканьем — $al-\grave{a}$.

У нас сомнение лишь одно: унаследовали ли русские все эти слова одинаково от эпохи доисторического их возникновения, или «посулы», 'взятка' есть позднее заимствование в порядке усвоения русской культурной речью терминов более раннего национально-государственного строительства чувашей? Ведь дело не в одном таком слове, как «сулить», «посулы», и не в одной тройке таких подлинно чувашских по происхождению слов, как «сулить», «посылать» и «сила».

Конечно, мы вовсе не думаем ограничивать яфетических переживаний в русском, гесп. вообще в славянских языках, вкладом одного чувашского, но прочие яфетические языки доисторических эпох до нас в этом районе не дошли и в степени архаизма чувашского языка. С другой стороны, мы не можем не опознать в русском сейчас и чувашизмов архаичного вида, которые в наличном состоянии своей родной речи чуваша могут произносить иногда неузнаваемо, так, напр., русск. «истукан» 'идол', как теперь выяснено, представляет с префиксом 1-скрещенную основу *stu-kan* или основу *stu-* с суффиксом *kan* (→ *gan*), значит, ионским племенным словом, которое, считать ли его независимым элементом скрещения или служебной частицей, имеется и в другом тотемном названии божества, ныне у чувашей 'кукла' — *po-gan*.¹ Первая же часть или основа *stu-* с потерей исходного плавного *g*, как в *po-* (→ *bo* в м. *bor* ← *por*, ср. ши 'вода' в м. *шиг* и т. п.), представляет архетип *ʃur*, с раздвоением аффриката *ʃtur*, гесп. *stur*,² что в позднейшей дезаспированной разновидности и предлежит в основе чув. *tur-ə* ↔ *tor-ə* 'бог'. Дело в том, что в целом *tor-ə* || *tur-ə* пережиток именно *tor-ḡan'a* — *tor-ḡan'a* (точнее — **tor-ḡun'a*), хорошо известного в качестве социального термина (от ионского племенного придатка сохранился лишь звук *ə*), т. е. если отвлечься от префикса, то в русск. *1-stu-kan*, собственно в его яфетическом архетипе **1-ʃtur-kan*, мы имеем древний вид чув. *tor-ə* 'бог', причем префикс отнюдь не чужд некоторым словам чувашского языка, в частности префикс *1-*, отличающийся по виду русскую передачу, у яфетидов чередовался с другими равнозначными префиксами *a-* || *o-*, так *1-ʃtar*, *A-ster-1-a*, *1-ʒar* || *O-ʒar*, почему чувашский язык и проявляет *a-*, как в названии Волги — *1-til* || чув. *A-təl* (ср. груз. *A-tal-a*). Это дает основание восстановить таким образом рядом с *1-stu^гkan* его двойник **A-star gan*, благодаря чему выходим на тот путь, который уже открыт изучением яфетических языков Кавказа, чтобы, во-первых, установить неразрывную связь яфетидов Кавказа, даже армян, с яфетидами Приволжья, общностью терминов топонимии, не исключая Астрахани (ср. др.-р. «Асторохань»), гесп. Аджи-Тархана, и языческого пантеона, не исключая армянского, ныне, кажется, лишь христианского *a-stu^vat* 'бог' || *A-s-pat* (*-vat* ↗ *-pat* это разновидность берского племенного названия *var* ↗ *par*), и, во-вторых, увидеть воочию, как русская речь своими доисторическими переживаниями, переживаниями яфетическими, часто общими с чувашским, есть нечто глубоко вросшее и в территорию русского района и в населяющие ее разнообразные массы.

С экапием, иногда разделяемым из кавказских яфетических языков с грузинским, выступают в русском такие коренные слова, как разъясненные уже яфетидологически:

жен-а	}	ионские
день		
сен-и		

¹ См. Н. Марр, Из переживаний доисторического населения Европы в русской речи и топонимии [см. здесь, стр. 311].

² Не является ли мегрельская фамилия *Stur-ua* теофорной?

рѣ-ка	} этрусские
рѣч-ка в.м. реч-ка	
рѣч-ь в.м. реч-ь	
лѣс (лѣшій)	
пере-д	} шумерские или иберские
пер-в-ый	
пѣ-на ← рег-	
бѣ-г ← бер-г	
Бе-же-цк (← Ber-je ¹ n ¹ -sk, см. ниже)	
вер-х	
вел-+и-кѣй, величина, великан, весь	
смер-ть	
смер-дъ	
смер-ды	
сумер-ки	
смѣ-л-ый ← smer-	
мѣ-ся-ц (← *mer-sen-š)	
сел-о	} салские
сер+е-бро (← *ser+e-bor)	
цѣ-л-ый в.м. цѣл-ый или *šer-л-ый ¹	
чел-о	
дер+е-во / *der-e-vor	
дер+г-ать	
дер+ж-ать	
дер+з-кѣй	
тѣ-н-ь ← ter (ср. груз. der-o)	

С эканьем преобладающий слой по унаследованности от доисторических насельников края представляют элементы с оканьем (о → и), не менее коренные русские, также разъясненные в своем яфетическом происхождении племенные слова:

конь	} ионские
гонѣ, гнать	
тонуть	
Дон	
ро-к	} этрусские
ро-г	
рожь	
род	
рос-т	
лоша-дъ	

¹ Морфологически ср. выше «смѣ-л-ый».

рос рус: Русь, русский, Руса	}	этрусские
рус+ал-ка		
рус-ло		
руч-ей		
ру-ка		
луч		
лу-на		
бор 'лес' (ср. во ← vor в «дереве»)	}	шумерские или иберские
мор		
мор-да		
бур-я~бушевать		
мура-вей		
Мур-ом		
гор+ь-кий	}	салские или сколотские
зол+о-то (skolot)		
сол-н-це сол-ныш-ко		

Конечно, русский язык отнюдь не чужд и завещанного от доистории акания, или тем более «злато || золото», если даже не относить сюда современного диалектического акания и окания. Достаточно вспомнить длинный ряд таких яфетических переживаний, как «зар-я», «скал-а», «ярь» (уаг-е) и др.

Но окание и экание настолько сплелись друг с другом, что никак нельзя устранить мысль о совместной завещанности их от скрещенного уже в доиндоевропейском состоянии друприродного языка вроде сванского спирантно-шипящего или, что то же, экающе-окающего. В русском, как в индоевропейском, т. е. позднейшем по моменту своего возникновения, с эпохи уже исторической, это скрещенное должно быть, естественно, глубже и шире, сильнее проявлено.

От всего этого лишь усиливается реальность мысли, что скрещенность норм окания в русском не славянское или русское новообразование, а наследственное от его доистории явление, что оно унаследовано им в основе от определенного яфетического языка, т. е. доисторического языка, вошедшего мощным творческим слоем в русскую речь в процессе ее окончательного формирования. Но какого? Едва ли находящегося ныне и с давних, еще с доисторических эпох на Кавказе сванского языка, имеющего этот именно друприродный экающе-окающий или спирантно-шипящий характер. Мы могли бы остановить свой выбор на скифском, который, будучи по всем признакам в основе яфетическим языком шипящей группы, следовательно, окающим (об этом красноречиво говорит уже одно национальное название — «сколот»), мог вмещать в себе элементы и спирантной группы с эканием, как наблюдается это в нынешних представителях шипящей группы яфетических языков на Кавказе, мегрельском (на восточном побережье Черного моря) и, особенно, чанском или лазском (на южном побережье того же моря, ближе к Батуму). Как ни реальна перспектива органической

связи вообще современных славян со скифами, от которых происходит самый термин «славянин» или «склав», как ни неизбежен, в частности, путь эволюции в развитии русского этнокультурного типа, идущий от скифов, начинаяющийся в последнее время манить историков и археологов, не одних, следовательно, лингвистов, мы не можем не считаться с тем, что между скифами-яфетидами, даже историческими, уже, допустим, начинавшими индоевропеизоваться (по торопливому заключению ученых уже поголовно яранцам) скифами и сложением индоевропейцев-русских громадное зияние и времен и пространства. Если мы вынуждены отказаться от мысли, что какое-либо племя явилось откуда-то с готовым уже вполне сложившимся русским языком в пределы известности русской речи за исторические эпохи, то нет основания и для того, чтобы русскую, специально великорусскую речь производить из района скифской оседлости, т. е. с северного побережья Черного моря и ближайших к нему подступов. С другой стороны скрещенную природу шипяще-спирантную и соответственно оканье с эканьем проявляют такие казавшиеся раньше вовсе изолированными языки, как язык Армении, особенно древнелитературный язык Армении, и баскский язык, оба проявляющие в определенных своих слоях поразительную близость с чувашским языком, также остающимся по сей день в общем изолированным, несмотря на бесспорные точки соприкосновения с финскими и совершенно яркое родство с турецкими языками. И чувашский язык, в результате яфетидологического анализа, действительно обнаруживает скрещенную природу шипящей со спирантной и в связи с этим — эканья с оканьем. О том, что чувашскому по природе присуще оканье, это знает каждый интересующийся чувашским, независимо от яфетидологии. Это знает и ученый лингвист, знакомый с установленными нормами грамматики этого языка сравнительно с турецким, и ученый и неученый знаток чувашского языка, как родного, в его жизненном разнообразии, в его двух систематических диалектических колебаниях оканья — между открытым губным гласным «о» и закрытой его разновидностью «и».

Но чувашский язык одновременно проявляет и эканье, именно эканье спирантной группы в таких бесспорно коренных своих словах, как:

şĕr 'земля',	qĕn 'страдание', 'боль'
şĕr 'ночь'	qĕr 'дочь'
şĕp-ĕ 'новый'	kĕber 'мост'

и многие десятки, если не сотни других.

Заметим, кстати, что все эти слова наличны в армянском и баскском языках, ближайше родственных с чувашским и по общему оканье-эканью или шипяще-спирантному облику, равно в других ближе примыкающих к ним яфетических языках, и оттуда по усвоению и в иных, всегда и везде как вклад знающего языка в соответственном их слое.

Так, имея в виду палеонтологическое положение о ношении 'землю' общепознания с 'небом' и с 'преисподней', собственно то положение, что первобытный

человек слово 'небо' использовал тройко, в применении к трем плоскостям: 1) 'верхнего *неба*', т. е. нашего 'неба', 2) 'нижнего *неба*', *неба* нашей плоскости, т. е. 'земли'; 3) 'нижнего под нами *неба*', т. е. 'преисподней', космически 'моря', а с другой стороны 'круг', 'арка', 'свод' обозначались тем же словом 'небо', будет, думаю, ясна исконная, именно первобытная близость поименованных яфетических языков с чувашским, раз чув. *şĕr* 'земля' в баскском значит 'небо' в форме мн. ч. на «и» баскск. *seg-i*, букв., следовательно, 'небеса', в армянском то же слово значит 'круг' с подъемом *s* в *t* — *tġr*, собственно **tġr*, отсюда и грузинское со свойственной ему перестановкой *tġe* 'круг'.

Не думайте, однако, что у вас в чувашском от значения 'неба' и следа не осталось. Наоборот, выяснено, что первые и главные боги сложившихся пантеонов на первых уже ступенях культурной жизни у всех народов — 'небеса', 'небо', и вот спирантная разновидность слова *şĕr* ← *seg*, именно *eg* (← *her*) в форме яфетического множ. числа на *-ne* — *eg-ne* — значила 'божество', если не пара божеств, точно братья-боги, — 'божества', которым были посвящены определенные дни недели (меньшему четверг, старшему пятница), оно же было название главного дня недели, и по такому названию главного дня *egne* у чувашей сейчас и именуется вообще 'неделя'. Любопытно, что это именно слово у армян в полной форме по огласовке *eg+an-1* (~ *eg-fan-1-k*) используется как прилагательное, характеризующее состояние 'божества' в представлении уже не одного первобытного человека — 'блаженный', 'хороший' и т. п. И совершенно так же, как в яфетических языках, напр., в грузинском 'блаженный', в частности в армянском этот же двойник нашего чувашского слова *egne*, т. е. *egani* 'блаженный' используется в значении 'о, если бы', так и чув. *egne*, напр., в фразе *şabla tuzan egne-ŋe* (сүтĕ) *tġe* 'о если бы так сделали, хорошо было бы', буквально 'так сделав, было бы божественно', т. е. 'блаженно', 'хорошо', 'без сомнения хорошо' и т. п., т. е. все те значения, которые таким путем получило у чувашей слово *egne*, в эпохи глубокого язычества, когда и помину не было поблизости ни о христианстве, ни о мусульманстве, да и тогда, когда вовсе ни их, ни еврейской Моисеевой религии вовсе не было, это *egne*, собственно его чистая основа *eg*, первично **her*, *gesp. uer*, впоследствии и с оформлением означало 'небо', 'небо-божество' не только в форме мн. ч. на *-ne* — *egne*, но и в форме множ. числа на *-ŋ*, имеющей широкое распространение на Кавказе, в частности у сванов (*ŋ*), равно у армян (*ŋ*) и на Пиренеях у басков (*ŋ, resp. k*), т. е. в форме *eg+ŋ-ŋ*, до сих пор сохранившейся у чувашей в так называемых отсталых слоях народа, как мощный, страшный бог, замещающий *keremeŋ'a*.

Чув. *şĕr* 'ночь' сохранилось с этим же значением у армян в основе *gr-şeg* 'ночь' (*gr-* есть префикс) и у примыкающих своей окающей речью мегрелов и лазов в форме *seg*, здесь в значении и 'ночи', и частью 'вечера', отсюда у грузин *seg-ob-a* 'вечеря' в церковной терминологии древнелит. языка в смысле 'тайной вечери', а так вообще 'вечерней трапезы'; армяне же это слово, чув. *şĕr*, мегр., чанск. и груз. *seg*, арм. *şeg* с эканьем также употребляют в значении 'вечера', но спирантизовано в виде **her* → *eg* в составе [**eg+e-ak* →] *eg+e-ko* 'вечернее время'.

Интересно в связи с *şĕr* 'ночь' разъяснить одно название птицы, у самих чувашей понимаемое в значении то 'стрижа', то чаще 'воробья',¹ для других это 'летучая мышь'; между тем, это слово значит действительно лишь 'летучую мышь', так как это составное слово, построенное так, как того требует одно из восприятий этой птицы яфетидами, именно 'ночная птица' (груз. *meğashiğa*); в нашем чувашском слове *şĕr-zĕ* — *şĕr* значит 'ночь' и по-чувашски, а *şĕ* точный пережиток яфетического *şir*, по-грузински означающего 'птичку', в частности 'воробья', отсюда все слово — 'ночная птичка', или 'ночной воробей', т. е. 'летучая мышь', или лишь с забвением наличия слова со значением 'ночь', просто 'воробей', как то понимают многие чувашки.

Остановлюсь еще на чув. 'дочь'. Не раз разъяснялось и раньше, что у яфетидов слово *ur*, в архетипе **ur*, resp. *hur*, во-первых, означало 'женщину', как окающая разновидность, и соответственно то же самое должны означать в яфетических языках разновидности акающая *h'al* и экающая *her*, и это так и обстоит, и чув. *qĕr* 'девушка' именно из экающей группы спирантной ветви яфетических языков, со значением вообще 'женщина'.

Во-вторых, по положению о пучковости значений 'женщина+вода+рука' то же *ur* в чувашском означало первично 'руку' и сохранилось в значении послелога 'через' в послелоге *ur-lä*. То же самое мы наблюдаем в чувашском со словом *qĕr* 'девушка': первично оно также означало не только 'женщину', но и 'руку', и вот мы имеем его засвидетельствованным в послелоге *qĕr-lä*, образованном, как *ur-lä*, от слова со значением 'рука' и означающем подобно ему 'через', хотя и с отглагольным 'через' → 'вокруг' ('через голову' и т. п.).

О распространении именно *qĕr* в значении 'руки' в длинном ряде яфетических языков (сванском — *qer*, грузинском *qel* || *qel*), а из яфетических и в индоевропейских, в числе их в греческом — *χεῖρ* (← *qer-i*) 'рука', так много печатано, что останавливаться не буду.

Не надо, однако, думать, что чувашский язык весь сплетен из одних окающих и экающих элементов. Чувашскому языку, как индоевропейскому русскому, отнюдь не чуждо акание, т. е. огласовка «а». Притом в чувашском акание не одного порядка. Одно акание природное, свойственное чувашскому как языку шипящей группы, в которой (так в кавказских представителях этой же шипящей группы, мегрельском, лазском) акание налично рядом с оканием, но это такое акание, которому в свистящей группе, так в грузинском, соответствует «е»; таково чувашское акание в местоимениях *man-än* 'мой', *san-än* 'твой', совершенно вторящее аканию шипящей группы в мегрельском: *ma* (← *man*) в 1-м лице 'я', *skan* во 2-м лице (основа притяжательного местоимения *skan-i* 'твой'), тогда как свистящей группе в таких случаях свойственно экание, так в грузинском *me* (← *men*) 'я', *she* ← *shen* 'ты', разница здесь лишь в том, что чувашский охватил в себе и это особое специфически грузинское экание, собственно экание свистящей группы яфетических языков, и его мы имеем у чува-

¹ В этом смысле его находим мы в словаре у Ашмарива. Сборник чувашских пословиц (Шубашкар, 1924), § 14: *Alĕri şĕr-zĕye qedärzan, qirden tydaz zĕg vĕga* 'Выпустив воробья из рук, потом с поля не поймашь'.

шей в тех же местоименных элементах для 1-го лица e-bë 'я', для 2-го e-zë 'ты' и т. п.

И вот чувашскому также не только не чуждо вообще акание, но рядом с природным для него, как языка шипящей группы, аканием в определенных случаях ему отнюдь не чуждо акание другого порядка, именно акание свистящей группы, основной для грузинского языка, потому у чувашского значительный слой лексического материала, общий именно с грузинским языком, как отчасти мы замечаем в яфетидологически разъясненных уже элементах такие же разительные встречи для русского языка с грузинским.

Эта многоприродность, сложная скрещенность чувашского языка, свидетельствуемая не в одной области звуковых явлений, в свою очередь свидетельствует о высокой степени развитости языка. Чувашский язык действительно представляет тип более чем достаточно развитой для усвоения широких культурных возможностей. И если даже пока воздержаться от всяких напрашивающихся по различным и другим основаниям догадок о существовании некогда у чувашей письменного языка, все-таки приходится заключать, что, судя по его развитости, чувашский язык, надо думать, одно время был орудием общения территориально широко раскинутого культурного населения в составе различных племенных образований, он их общее культурное дегище, и, как таковое, чувашский язык в свое время вобрал много окающих элементов, часто в устранение своего основного окающего языкового фонда. И потому иногда получается курьезное положение дела, когда тот или иной из народов, входивших в национальное образование чувашей или общее с чувашами, успел усвоить слово в чувашской форме, окающей, и неразлучно сродниться с ним, а сами чуваша заменили сызначала коренное свое родное слово окающей разновидностью, да еще спирантизованной. Вот пример: 'деревня' по-чувашски обозначается салским племенным словом — sal, окающе, да еще спирантизованно — ual, есть и sal-a, но в экзотическом значении (обычно в применении к деревням с русским населением), но нет вовсе в чувашском природно ожидавшихся его форм, ни окающей sol, ни даже экающей sel. Однако обе эти разновидности, более родные для чувашского, существуют: одна из них, окающая, sol, сохранилась у черемисов, у которых деревня называется sol-a, а другая, экающая, sel, сохранилась у русских, у которых деревня называется, как всем хорошо известно, sel-o. Но вот и окающие, и экающие элементы собственно сплетены были раньше образования исторических языков, индоевропейских, в числе их и русского, в определенном кругу яфетических языков, именно армянском (собственно в доиндоевропейском его яфетическом субстрате), баскском и чувашском. И, как, конечно, сомнения не может быть в том, что Волга течет из своих источников в Каспийское море, а не обратно — из Каспийского моря, как оно ни велико, это Каспийское море, к истокам, так указанное сплетение окающего с экающим может идти из доисторических языков в русский язык, индоевропейский, но не обратно.

Но при естественно возникающем вопросе, какой же конкретно из перечисленных яфетических языков был непосредственно источником указанной скрещен-

ности, за которой должны следовать и другие особенности, понятно, нет нам смысла бросаться ни на армянский, хотя бы на его яфетический субстрат, ни на баскский язык, как не было бы оправдания цепляться непосредственно за далеких по времени скифов или скотов и кимеров, игнорируя время, отделяющее их от эпохи русской этногонии. Нет иного нормального выхода, как остановить первое и основное свое внимание на непосредственно соседних и хронологически (но в то же время пережиточно архаичных) и пространственно чувашах.

В то же время зарубим себе на память, что такой сильно скрещенный природный состав чувашской речи бесповоротно устанавливает, что чувашский язык не только развивался на дальнейшем своем жизненном пути, но в самом начале своего возникновения слагался как орудие общения территориально широко раскинутого населения. Это же говорит о разнообразном родственном окружении чувашей из единоплеменных яфетидов. Чуваша и в настоящее время в конце концов не так изолированы в племенном или языковом отношении, как это принято думать. По своей основе чувашский народ роднится со всеми живущими народностями Приволжья, в окружении которых он находится, и финскими, и турецкими.

Однако настоящий доклад свой я строю на материале не отвлеченно теоретически-научного интереса к древностям человеческой речи и, в частности, чувашского языка, а со вниманием к пределам чувашской земли, чувашской *şerşev* 'земле-воде' (кстати, выражение тождественное с грузинским *mīta-tkal-i*) и чувашскому общественному строительству в древности: основным же предметом изыскания я беру топонимику, т. е. названия населенных пунктов, сел, городов, рек и т. п. И здесь, конечно, мы начинаем с русской ныне территории.

У меня в руках одно из последних, можно бы сказать, последнее слово господствующего ныне мировоззрения о первоначальниках одной чрезвычайно интересной части Приволжья. Это работа известного краеведа В. И. Смирнова о районе со сплошным русским населением, но от этого несколько не менее пестрым по племенному его составу, о Костромском крае. Работа озаглавлена: «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края».¹

Положение дела, казалось бы, отчаянное. «Мы знаем», читаем у В. И. Смирнова,² «что край был довольно густо заселен в эпоху неолита, особенно по берегам крупных рек и при озерах, на что указывают часто находимые здесь подделки и обнаруженные в разных местах неолитические стоянки с предметами робенгаузенского типа, но кто были эти первоначальники края, до сих пор, за отсутствием прочных данных доисторической антропологии, неизвестно. В отношении населения каменно-бронзового периода, к которому относится так наз. Фатьяновская культура, обнаруженная у с. Туровского, Галичского у., на р. Юге недалеко от впадения ее в Чухломское озеро и которая, вероятно, встретится и в других местах края, существуют лишь научные гипотезы, взаимно исклю-

¹ Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XXXIII, Кострома, 1924, отд. отт., стр. 1—26.

² Ук. соч., стр. 1.

чающие друг друга. Неясным остается племенной состав населения сравнительно даже позднего курганного времени, хотя краеведческий курганный материал собран довольно обширный и измерен не один раз. Курганы Костромского края относят к VIII — XIII ст. Население этого времени было уже смешанное: главную массу населения составлял долихоцефальный тип, и среди него численно меньший был вкраплен брахидефальный тип»...

Мы не останавливаемся сейчас на принципиальной стороне вопроса, когда естественно при более усиленном скрещении позднейших эпох, захватывающем в общем процессе и новые этнические образования, мы считаем результатом предвзятости владеющую большинством исследователей мысль, что первичные племенные образования человеческой общности представляли простоту состава, вне какого-либо скрещенния. Когда же А. М. Тальгрэн «считает население Фатьяновской культуры арийским», вопрос не в том, что это одна из «научных гипотез, взаимно исключаящих друг друга»,¹ а сам термин «арийский», означая в наличном пока восприятии современных ученых нечто праарийское, или праиндоевропейское, есть позднейшая фикция, ибо арийские или, что то же в устах А. М. Тальгрэна, индоевропейские народы, это — пароды исторических эпох, а доисторическое их состояние, тем более современное неолиту и даже бронзово-каменному периоду, нас относит мимо не только индоевропейцев, но и финнов, к доисторическим этническим образованиям, яфетидам, но так как индоевропейцы выработались в числе прочих, не исключая финнов и турок, из тех же яфетидов, то Тальгрэн, может быть, имел право в этом смысле утверждать, что те памятники материальной культуры — арийские, т. е. составляют продукт творчества и арийцев на доисторической стадии их развития, доарийской, т. е. в эпохи существования одних яфетических племен, также отнюдь не простых типов. И особенно с этой скрещенностью надо считаться в области языковых материалов с первого же момента выработки человечеством звуковой речи, возникшей многие тысячелетия позднее линейного или ручного языка, языка жестов и неразрывной с ними мимики. По всем сделанным соображениям, когда мы обращаемся к одному из трех, по определению В. И. Смирнова, источников, после антропологии и истории материальной культуры единственному, именно к топонимике, или, как описательно выражается наш краевед, к лингвистическому анализу хорографической номенклатуры края — к географическим названиям населенных мест, рек, гор и урочищ,² то тут мы попадаем в область, сопряженную с гораздо большими опасностями, чем те, против которых предупреждает в числе других и В. И. Смирнов, пишущий:³ «Раскрыть тайну многих народных названий не так легко и едва ли возможно; даже определить иногда, к какому языку принадлежат те или иные названия, трудно. Нужно знать не только языки инородцев, продвигавшихся по здешней территории, нужно знать все местные говоры, уметь восстанавливать теперь испорченные названия, указав скрещенния, прибавки, перемещения букв. Несмотря, однако, на все эти затруднения, в настоя-

¹ В. И. Смирнов, *ук. с.*, стр. 1 и прим. 1.

² *Ук. м.*

³ *Ук. соч.*, стр. 2.

щее время можно считать выясненными некоторые вопросы доисторической этнологии края».

Повторяю, преодолеть перечисленные затруднения далеко недостаточно, это в лучшем случае было бы лишь подготовкой к работе над доисторической топонимикой, если бы поименованные затруднения действительно были преодолены. Но как торжествовать преодоление их, если наука до сих пор не была вооружена данными по доисторическим языкам, не располагала палеонтологией речи, вскрывающей необходимость совершенно иного подхода к языковым материалам, хотя бы и топонимическим, доисторического населения? И какие, собственно, вопросы выяснены по доисторической этнологии, скажем, Костромского края?

Выясненным считается, повидимому, то, что русским в Костромской губ. предшествовали различные финские племена, точнее определить которые так и не удастся. Мы приведем сообщение об этих достигнутых результатах в следующей формулировке самого В. И. Смирнова:¹ «Первый определенно известный нам этнографический слой населения края составляли финские племена; значительное число названий финского корня, рассеянных по всей территории края, служит доказательством когда-то бывшего сплошного инородческого [подразумевай, финского] населения края. Есть целая группа названий, прямо указывающих на национальность этого населения: меря, емь, чудь и т. д.»

Но какое отношение к доистории имеет племенное образование, теперь нам известное под названием финнов? Финский народ, как племенное образование, в нашем районе столь же историческое, сколь и русский. Если бы даже принимаемые за финские названия принадлежали тому или иному племени нам известного финского народа, и это ничего не говорило бы о действительно доисторическом населении края, а лишь о нахождении их в нем в исторические эпохи, когда финны с русскими могли препираться как племена одинаково исторических эпох, и в таком случае доисторическая топонимика, не от них исходящая, им одинаково может быть родной, поскольку и русские, подобно финнам, наследовали их наравне вообще с языковым материалом, который ими усваивался или в процессе сложения среди них как русской, так финской речи, или в процессе позднейшего скрещения уже сложившихся русской и финской речи, — скрещения с ними же, яфетидами, переживавшими еще в этих краях. Возьмем для примера бесспорно финское слово «йюки» 'река'.² От него, от одной из финских его разновидностей, финноведы хотят произвести окончание «юг», «юга», часто встречающееся в названиях местностей Костромского края,³ однако, как теперь выясняется, финноведы ошибались, когда для многочисленных разновидностей этого слова, рассеянных теперь в эстонском, лонарском и остяцком, ученые восстанавливали форму *yug* ← *yuga*. Древнейшая форма из наличных у финнов вовсе не сочиняемая *yug* (← *yuga*), а конкретная остяцкая *yugan*, да и это не

¹ Ук соч, стр. 1—2

² Эти разновидности у западных финнов звучат: эст. «ыги», лонар. «йюга» («йюкка»), зыр. «уй», а у восточных — черемисов «йюга» 'течет', ост *yuga* 'приток', *yugan* 'река', 'ручей'.

³ Ук соч, стр. 8.

первоначальный вид: первоначальный вид — *yurḡan* || *yurḡon*.¹ Теперь мы знаем, что это двуплеменное яфетическое слово в составе *yur* и *ḡan* или *ḡon*, каждое из которых значит 'вода', 'река', и составное тогда значит то же самое, следовательно, и его пережиток *yur* значит то же самое; в то же время надо знать, что *yur* ↔ *uor* опять-таки яфетически значит 'два', 'вторую часть', 'половину', как его чувашский сибилантный двойник *ṣor* ↔ *ṣur*, а *ḡon* ↔ *ḡun* значит 'день', и в целом *yurḡon* значит 'полдень', как его двойник чув. *ṣur-ḡon*, следовательно, и его пережиток «юг» уже в русском в значении 'юга', 'полдневной стороны' и их употребление, равно корни имеют распространение и в значении 'воды', 'реки', 'родника' и в значении 'полудня', 'юга' — самое широкое распространение по всему яфетическому миру, за пределами какого бы то ни было присутствия финнов, и на Кавказе, и в Малой Азии, и в западной Европе, и этих слов никак нельзя разлучить, и нет никакого основания окончание костромских рек «юг» 'река' разлучать с русским «юг»'ом, и искать его происхождение в финском, когда оно и у финнов того же доисторического происхождения, что русское «юг» 'полдень', 'юг', т. е. одинаково происходит от доисторического населения, яфетидов, в том числе и чувашей. Все это имеет доисторические корни и соответственное обоснование в яфетических языках и Кавказа, и Пиренеев. Финский тут примешан в той же мере, как русский, как и другие индоевропейские языки, в которых пережиточно то же слово обретается в сибилантной разновидности и в значении 'источника+воды' и в значении 'юга'.

После этого несколько иначе приходится воспринимать даже осторожно сформулированные В. И. Смирновым достижения по топонимике того же края, когда он пишет: «Многие названия Костромского края звучат тождественно с названиями рек и селений северной половины Владимирской и большей части Ярославской губ., где когда-то по свидетельству летописи жила меря. Кто была эта загадочная меря и какая ее дальнейшая судьба — мнения расходятся». Однако, с нашей точки зрения, это не расхождение, а очередные перебои то туда, то сюда научной мысли, загнавшей себя, с доисторической проблемой на руках, в атмосферу исторической обстановки, как бы колебания маятника между двумя, казалось бы, единственными возможностями. Лет тридцать с лишним тому назад «сходство черепов по Рязанской губ. с черепами других губерний средней полосы России заставляло думать, что в курганный период какое-то длинноголовое племя заселяло всю среднюю Россию».² Еще раньше «проф. А. П. Богданов, основываясь на данных лингвистики, собранных гр. Уваровым, и краптометрическом исследовании, произведенном им самим в губерниях Московской, Владимирской, Ярославской и др., приходил к заключению, что все означенные губернии вместе с Тверской, Вологодской, Рязанской и Нижегородской представляют местность с мерянским населением большим или меньшим, смотря по степени отдаленности от центров Переяславского и Ростовского озер».³ Сводя эти

¹ Н. Марр. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий [см. здесь, стр. 304].

² А. Г. Рождественский, К вопросу о древнем населении Рязанской губ., изд. Ряз. уч. архивн. ком., Рязань, 1893, стр. 17.

³ Ук. соч., стр. 17.

и другие результаты изысканий предшественников по составу населения древнерусской земли в издании Рязанской ученой архивной комиссии, А. Г. Рождественский, на основании новых соображений касательно датировки черепов из Борковского могильника и Зарайского уезда, признавал «древнее население Рязанской губернии весьма сходным по своим краниологическим признакам с мерянским народом, когда-то занимавшим почти всю среднюю Россию», но, несколько не затрагивая тем самым «более сложного вопроса о древних родичах самого мерянского народа», довольствовался следующей ссылкой на проф. Богданова: «Проф. Богданов, во всей полноте изучивший курганный период населения России, основываясь на сходстве типа мерянских черепов с скифскими, северянскими и чудскими (Плтавская, Черниговская губ.) и на тождестве вообще многих курганов Новгорода с мерянскими, склонен думать, что тип этих черепов, в антропологическом смысле, не финский и скорее близок к древнеславянскому».¹ Но, как мы видели, воз и ныне там, ибо для современного краеведа, мы уже знаем, «кто была эта загадочная меря и какая ее дальнейшая судьба — мнения исследователей расходятся». Впрочем, большинство расходитя не в том, что это финское племя, а в том, какое в точности финское племя, но это не удается установить, а главное то, что хотя признание в нем славянского племени ныне окончательно отвергается и термин «меря» настолько же финское слово, насколько русское, если подходить к вопросу как доисторическому, по наследию откуда именно русских, а не себя называют финны финнами. Дело в том, что «финн» и «вен», как финны называют русских, — разновидности одного и того же племенного названия, именно или ионского или берского. Мы с ним, как с названием *гис*, относимся в доисторическое население всей Европы, в частности и восточной Европы, и, естественно, если с русами или этрусками вышлывают в обсуждаемом районе иберы, собственно «беры», т. е. меря, и баски, или месхи, т. е. весы, равно, как то вскрывается фактами иными, сады.

Чтобы понять реальность нашего утверждения и конкретный смысл каждого из этих отождествлений, следовало бы остановиться на присутствии всех этих яфетических племенных названий и в восточной Европе, природных в ней независимо от финнов, также как независимо от турок и также как от индоевропейцев. Но в пределах задач настоящего изложения мы остановимся на одном из них, на боевом термине «меря», занимающем первое место в перечне названий, «прямо указывающих [мол] на национальность [предполагается, финскую] этого населения, т. е. когда-то бывшего сплошного инородческого населения края», Костромского края. Господствующее пока мировоззрение, повторяю, признает, что это финны, но расходитя по вопросу, «кто была загадочная меря». Однако, если доисторические финны-вены вовсе не наши исторические финны, то это же отношение остается применить в вопросе о том, «кто была загадочная меря». Мы как будто и ответили на это, введя ее в круг доисторических яфетических народов, именно, если не отождествив, то сблизив с *iber'*ами, или *mes'*ами, соб-

¹ Уж соч., стр. 17.

ственно со второй частью этих двуплеменных терминов — *ber* или *mer*, но это на основании племенной номенклатуры далеких от Приволжья стран.

Сейчас же нам хотелось бы подойти к вопросу на основании материалов прежде всего Приволжского и соседящих районов и поставить вопрос не «кто это меря», а что это «меря» — поставить вопрос формальный, но и генетический, потому неразрывно связанный с содержанием и подводящий нас вернее к разрешению вопроса: «кто такое загадочная меря».

Но для реального этнологического подхода и этого недостаточно. Надо знать, есть ли спорное наименование массово-народное или классовое. В сообщении, сделанном весной текущего года в АИМК на разряде первобытной культуры, в сообщении, обратившемся в доклад, озаглавленный «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике»,¹ уже разъяснена особая организующая роль городов с доисторических времен и в связи с этим более легкая подвижность их строителей, их особый племенной состав, как класса-организатора, независимо от возглавления, были ли они торговое объединение или военная дружина.

В связи с этим классово-племенным населением организующих городов, находящихся в известном враждебном или договорном отношениях с сельским населением, названия городов имеют иное племенное происхождение. В связи с этим находится, оказывается, разность племенных слов, использованных для обозначения понятий 'город' и 'деревня'. Предупреждаю о важности результатов такого подхода для этнологического вопроса, да и для правильного восприятия внутреннего строя данного национального или государственного образования, но эта разность племенного, классово-племенного состава населения определенной земли, определенного района не разрушает вовсе цельности хозяйственно-культурного, в дальнейшем государственного и национального образования. Это было показано в том же докладе на соотношениях 'города' и 'села', или городов и сел Апеннинского полуострова, собственно на соотношениях их строителей, классово-племенных образований, именно строителей городов, и-тал'ов, собственно сал'ов или тал'ов, и строителей сел, эт-рус-к'ов или пе-лас-г'ов, собственно руш'ов или лас'ов, впоследствии по забвению различных племенных источников своего происхождения, различной племенной природы, оказавшихся в чисто классовых взаимоотношениях патрициев и плебеев.

Возвращаясь к иберскому, племенному названию экающей формы в разновидности *mer-ya*. Мы должны выследить и его классовое использование и в топонимике, и в нарицательных словах, учтя предварительно разновидности *mer'a* по закономерному перерождению как *m* (согласно формуле $v \parallel m \nearrow p \rightarrow b \rightarrow \phi$), так *r* (согласно формуле $r \left[\parallel l \sim s \parallel \right] \searrow y \rightarrow -$).

Так экающий вид *mer* и с подъемом губного *m* в *p* — *per* всплывает в названии города «Пермь» — **Per-me*[п].² Сейчас мы не останавливаемся на том, был ли город пограничным форпостом (против кого?) или центром мерянского сосре-

¹ [См. здесь, стр. 310—322].

² Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий [см. здесь, стр. 301].

доточения. Город с тем же племенным названием $per \rightarrow ber \rightarrow bey$ («бѣ») в основе наименования — «Бѣжецк» ($Be+je-\dot{s}q \swarrow *Per+sen-sk$) уже говорит о крайне западном пункте, на верхнем течении Волги. Формально же пора учесть состав всех этих названий мер-я, Пер-мь, Бѣжецк, не довольствуясь одной чистой основой или тем, что кажется таковой. «Пер-мь» [$\leftarrow *Per-men$] и «Бѣже-цк», за отводом новейшего суффикса «-цк», $Be-je$ ($\leftarrow *Ber-je$), последний бесспорно с ионским оформлением, ничем в этом отношении не отличаются от русского термина «мер-я», так как рассматривать ли «-я» как дериват юса малого, т. е. первично «ен», или как условное начертание слога ya , первично ya , в обоих случаях архетип окончания, будет ли оно ye («ен») или ya , представляет все равно ионское племенное название.

Вопрос кардинальный, однако, имеем ли в архетипах мера, Перми и Бежецка, т. е. $*Mer-ye$ или $*Mer-ya$, $*Per-men$ и $*Ber-je$ действительно берское племенное слово [$mer- \swarrow per- \rightarrow ber-$] с ионским оформлением, или это скрещение двух племенных названий, берского и ионского, причем вторая часть составного термина лишь по истертости времени приняла в устах народа вид окончания. То же самое относится к национальному названию нынешних черемисов — «мар-я» || «мар-а».

Каково бы ни было окончательное разъяснение этого вопроса, факт, не подлежащий оспариванию, что термин русского летописного предания «меря» 'бер-ион' нельзя никак полностью отождествлять с термином «черемис». В последнем вторая часть [$-mys$ || $-mäs$ и т. п.] — берское племенное название, в первом «-я» ионское. В отношении $me\gamma a$ диктуется повелительно другими этно-лингвистическими материалами факт скрещенности именно с ионским племенным образованием, следовательно, наличие ионского племенного слова во второй части $me\gamma e$ → «мер-я», $*Per-men$ → «Пер-мь», $*Ber-je$ → «Бѣже-цк» не в качестве лишь суффиксального придатка, а со смыслом племенного названия.

Все эти города находятся в районе бесспорно тех, казалось бы, ионов, именами которых окрещены и русские в разновидности ye (ср. $*Per-men$) и их с доисторических эпох неразлучные соседи в разновидностях fin («финн» || $*fwe$) и $swen$ (свен) || je (ср. $*Ber-je$). Правда, по всем этим примерам с начальным губным возник уже вопрос, не первичны ли в них звуки v , m , f , в каком случае ионов сменили бы беры, и архетип названия Перми — $Per-men$ явился бы разновидностью $*Per-per$, т. е. налицо было бы удвоение одного берского названия, но все-таки широкое распространение ионского племени в крае не подлежит никакому сомнению.

Это сказало и на других племенных словах, даже в нарицательном их использовании, так, напр., остяцк. $yo-ga$ 'река', где первая основа $yo \swarrow uo$ — без ионского придатка, однако, наличного здесь, значит 'реку'+ 'воду' и она же как племенное название представляет разновидность этнического термина «сал», в скрещении с ga 'ом — 'сал-ион'.

Из этого, конечно, нет основания еще заключать, что такое этническое скрещение впервые состоялось на севере, в северо-восточной Европе. То же самое мы наблюдаем на юге: достаточно вспомнить, напр., в связи с архетипом Бе-

жедка — *Ber-jeŋ, на Кавказе племенное название ber-ĭen 'иберо-ион' (у грузин означающее 'греков') и на причерноморском юге города Ber-e-zan-e 'Березань', 'бер-ион', та Березань, где раскопки обнаружили остатки доисторической культуры в соответственных слоях.

Останавливаясь на мера, как массовом населении Костромского края, мы не можем не уделить особого внимания составу и свойствам происхождения названия главного его города «Кострома», термину несомненной доисторической эпохи.

Если подойти к анализу топонимики Костромского края как к материалу классового производства, т. е. с различением племенного состава строителей городов, их же владельцев, от сельского населения, то главный город Кострома, по устранении окончания, представляет и для чувашевода очень любопытное составное племенное название «Костро». Эта составная основа интересна для чувашевода прежде всего формально, именно фонетически, по огласовке, так как она построена выдержанно с оканьем или, вернее, составлена из двух племенных названий, одинаково оформленных гласным «о», т. е. тем оканьем, которое составляет одну из особенностей, определяющих природу чувашского языка, собственно природу одного из его коренных слоев, именно основного слоя. По материалу скрещенное племенное название Kostro состоит из двух племенных названий, уже по существу интересных для чувашевода, именно kos и tro, первично tor, а это названия двух, казалось бы, изначально различных племен: с одной стороны косов (или каспов, хазаров), с другой — торов, оставивших следы своего строительства на Востоке от Каспия и Азербайджана или Atiopatēn'a, по всей Волге. Собственно, kos и tor — разновидности одного и того же племенного названия, tor — разновидность сибилантной ветви, kos — спирантной. Не останавливаясь на значении кос'ов, или, что то же, хазаров, для истории чувашей по связанности их с болгарами, отмечу исключительное значение для чувашей разновидности племенного названия tor, носители которой, скрестившись с чувашским племенным образованием, отложили в его речи, в чувашской речи, название своего тотемного бога Тор-э или первично Тор-ĭin, и к тому же племени tor ↔ tur восходит господствовавший класс чувашского народа Тор-ĭan или Тэг-он. Те же торы с косами, или хазарами, в классово-племенном объединении и являются еще в доисторические времена, когда на свете не было ни индоевропейцев-русских, ни урало-алтайцев-финнов, строителями города Костромы, по основной своей части Kos-tor ↔ Kos-tro не имеющего ничего общего с массовым населением «меря», хотя племенем также яфетическим, также доисторическим.

Однако tro, в архетипе tor, в этом комплексе, названии города, имеет значение не этнического термина, а нарицательного: 'построение', 'город'; собственно, глагол 'строить' в первую очередь происходит от нарицательного имени 'дом' ['постройка'], каковое значение вытекает из семантической формулы 'небо' ['кров'] || ['защита'] 'дом': это именно tor, resp. tro, первично — tor,¹ resp. *tro,

¹ Вид интересный для разъяснения армянского названия канказского прохода Тора-раһак, где, конечно, племенное название, отложившееся с дессибилляцией на Кавказе и в названии Азербайджана, именно и его разновидностях армянской (A-tēg-pat-akan / -tur-, resp. -tor-) и греческой (A-tēg-pat-en-e, в последней с той же перестановкой, как в составе Kos-tro-ma.

по разложению t в $шт$ || st налицо в основе русского глагола «стро-ить» с его разновидностями в других индоевропейских языках. Следовательно, комплекс $Kos-tio$ значит 'построение косов', герм. 'Косоград', т. е. 'город косов, или хазаров'. Потому-то $-та$ в названии $Kos-tro-та$ является излишним придатком, повторяющим значение $-tio$. Мы должны бы иметь или $*Kostro$, или $*kozma$. Но и окончание $-та$ полной уже позднейшей формы $Kostroma$ не финское слово 'вода' или 'река', а доисторическое яфетическое слово, имеющее значение 'волы+реки', но имеющее также значение 'построения', 'поселения', 'села' или 'города', и, что главное, $-та$ есть усеченный пережиток целого слова mag , одновременно племенного названия массового населения Костромского края в доисторические еще эпохи.

Таким образом, своим хотя и последним придатком $-та$ $Kostroma$ нас возвращает к вопросу о мере.

Наш формальный подход к термину, в частности к топонимическому термину мера, не индивидуальный, требующий его изоляции, а комплексный, находящий проверку не в одном лишь кругу топонимических слов, а в свойствах и материалах окружающих интересующий нас район живых языков, независимо от школьно принятой их классификации родства или неродства; эту надежную проверку мы имеем в их бесспорных конструктивных элементах и нормах.

Термин $mer-ya$, естественно, связывается с национальным названием черемисов mag . Еще Кастрен указывал, «что название *мери* есть славянское изменение слова *мери*, почему он считал, что мера или состояла из черемисов, или представляла племя, близко родственное с ними».¹

Мы не останавливаемся на дальнейшем углублении этой мысли то в ту, то в другую сторону в работах М. Диева,² А. С. Уварова,³ Т. Семенова,⁴ С. К. Кузнецова.⁵ Работы те теперь способны представить интерес лишь материальными данными.

С первичной зачаточной формулировкой Кастрена можно бы, пожалуй, согласиться, если бы «славянский» понималось палеонтологически, т. е. как скифский, вернее — кимерский, или если бы славянский, этот общий и постольку в приложении к древности надуманный термин заменить просто «русским-этрасским», отнюдь не менее древним и в восточной Европе, чем «кимерский-славянский». Между $mer-ya$ и $mag-1$ есть разница и в окончании, требующая особого учета; основы же их представляют две разновидности из цельного трехгласного ряда a || o , герм. u || e , что дает mag || mog ↔ $muig$ || $meig$, если не касаться закономерного по группе колебания плавного, равно перерождения губного звука «и» (русск. «у») по эпохам в соответственно пережиточной диалектической среде.

То обстоятельство, что mag по-черемисски значит 'человек', 'муж' и т. п., ничего по существу не решает и не доказывает, так как такое значение в первую

¹ В. Смирнов, ук. соч., стр. 3, по Кастрену *Reiseb. und Briefe*, 1845—1849, стр. 16 и 17.

² Какой народ в древние времена населял Костромскую сторону и что известно об этом народе, ЧОИД, 1865, кн. 4, стр. 167—178.

³ Меряне и их быт по курганным находкам, Т I АС, стр. 633—847.

⁴ К вопросу о родстве и связи мери с черемисами, Т VII АС, т. II, стр. 228—259.

⁵ Русская историческая география, М, 1910.

голову присуще вообще каждому племенному названию, равно каждой его разновидности, в частности, следовательно, и окающей, но мы имеем теперь возможность проверить природность для доисторического населения всех этих перегласовок на культовых и классово-сословных терминах всех языков всего Волжского района, и в такой связанности существенный интерес представят слова, означающие 'человека' и т. п.

Но пока в вопросе о Костромском и соседящих с ним Ярославском и Владимирском краях в связи с населявшими их мерянами важно отметить, что огласовка «е» отнюдь не случайно характеризует именно разновидность русской части: в русском языке доисторические языки соответственной территории, отложившись именно слоями экающим и окающим, точно русский язык в этом отношении есть наследник гибрида, если ориентироваться по Кавказу, сванского типа, спирантно (экающего) -шипящего (окающего).

Огласовка «е» характеризует и другие племенные названия, отложившиеся в топонимике именно русского района далеко за пределами Костромского, Ярославского и Владимирского краев. Понятно, оно, эkanie, было унаследовано русской речью от экающего доисторического языка или от экающего слоя доисторического языка, т. е. яфетического, так, напр., древнейшее исторически известное название Волги — Rha, отложение этрусского племенного названия в экающей форме — *га^h — сиб. gas, в районе той же русской части пережило в роли названий притока, равно населенных пунктов с эkанием в сибиллнтном виде в трех разновидностях — геш || les || еш в составе села Рѣш-та (Рѣшма), города Кп-еш-та, реки Р-les (Плес) и не без материальной связи с населением Волжского бассейна древний город Р-les-ков (впоследствии Ps-ков, что, впрочем, нет надобности отождествлять по составу материальных частей с Pleskov) на озере Чудском, говорю «не без материальной связи» ввиду не только наличия в реальности ныне соединяющего канала Мариинской системы, а в древние эпохи особого способа перетаскивания суден волоком, но и того топонимического словарного факта, что река, вливающаяся в Чудское озеро, также называется Волгой, естественно по русскому языку, доисторически, следовательно, того же района с эkанием — «Великая» (vel+к-ый), как и далее отнюдь не случайно Дорпат у русских гласил Дерит, находя параллель в звуковых соотношениях нарицательных имен нем. «Dorf» и русск. «деревня» и т. п.

Если перекинемся на юг, мы такую же упорную линию проследим, начав точно из гнезда его в окружении Крыма, страны керкетов-черкесов и кимеров, на восток до реки Оег-g'a, при полногласии Терека, вместо, следовательно, Тог-k'a или Оиг-q'a.

Здесь я обрываю дальнейшее углубление вопроса о мерянах, или мерях, который нас иначе привел бы не только на север к Перми, формально, впрочем, уже разъясненной, но и к средневековому народу того же района, веси или бесам, что нас увлекло бы далеко на юг, на Кавказ, в Крым и далеко на запад, на протяжении от иберов-басков, иберов-кимеров¹ на востоке до иберов и басков

¹ Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, стр. 689 [см. здесь, стр. 301].

на крайнем западе Европы и далее в Африке — к пунам (Pū-nae / *Pug-na-1), bus'am (λi-βυς) и берберам.

Не могу опустить относящуюся сюда часть о названии реки Volga, вообще о племенном названии vol || bog || bog и т. д.

В разъяснении названия Волги¹ мы уже проследили в печати это слово от вотской формы val 'лошадь' до грузинского, созвучного вполне с чувашским и сохранившего след первичной, казалось бы, значимости, на деле же значимости мифических эпох, значимости космической, рядом с 'лошадью', и 'солнца на концах', 'утренней зари', 'утра' (см. груз. qval-e 'утром'), что отложилось, однако, на восточном звене цепи, объединяющей Волгу с Кавказом, Каспийском море, в его старинном русском названии Хвалынское. Нужно ли говорить, что qval (в архетипе *qival), означавшее в качестве имени, следовательно, 'лошадь', есть двойник западноевропейского слова caballus, франц. «cheval», всплывающего там в средние века из местных народных недр, из таких же глубоких доисторических недр, как чувашский на востоке Европы, из массово-народных недр романских наций, прилегающих к западному Средиземноморью, и имеющих это слово как общее, через голову классовых национальностей, римлян и греков, с восточными нациями Средиземноморья, семитическими, у которых то же слово означает по условиям места 'верблюд' (евр. gāmāl, gīmāl, арб. ḡamal, ḡemel и др.). В чувашском qval-ās в значении 'гонять', равно 'преследовать' представляет глагольное образование от имени, собственно действительное использование имени 'лошадь', что то же, 'река', космически 'солнце', все одинаково образов движения, бега и гоньбы, точно также как русское «гнать», «гонять» — от имени «конь» или как лат. sequere 'следовать' — от *sequus ~ equus 'лошадь', но и 'река', отсюда и название реки Sequan-1, ныне Сены, во Франции, как груз. deqa у грузин и 'течь' и 'гнать' от don, и 'река' (у осетин), и 'лошадь' (у горцев-яфетидов).

Основная часть, казалось бы, названия бол-гар, т. е. bul||bug, выступает в поле зрения мировой жизни Европы за очень древние эпохи исторические, даже доисторические, притом выступает, что для нас существенно важно, в экающей форме с начальным придатком i- или ki- — это термины i-beg и ki-meg, две разновидности одного и того же вида, экающего, спиральной группы.²

Начальный придаток i- / ki- ~ ku- в племенных названиях i-beg / ki-meg ~ ku-reg, как и конечный придаток gar ← ġag в племенном названии bul-ġag || bul-gar, долго, до последнего времени, рассматривались как служебные словообразовательные части, так наз. функциональные, из них начальные как префиксы (в яфетических языках существуют словообразовательные префиксы), а конечные как суффиксы мн. числа, и это так и воспринималось самими говорящими в позднейшие эпохи, из них с течением времени действительно возникли соответственные служебные части и, между прочим, использование -ġag как окон-

¹ Ук. соч., стр. 696 сл. [см. здесь, стр. 307].

² Есть еще другие разновидности, как то: Ku-reg, название острова Кипр, Ke-meg, название города на южном берегу Черного моря, в Лазистане, и т. п.

чапия мн. числа объяснялось и тем, что оно означало 'дети' → 'множество'. Но постепенно выяснилось, что мнимые прилагательно-служебные части как начальные $ku- \sim k\dot{u}- \searrow i-$, так конечное $-ğag$, это пережитки племенных названий, $ku- \sim k\dot{u}- \searrow i-$ это спирантизованные разновидности звуковых комплексов в одной группе (шипящей) — $sku \sim sk\dot{u}$, в другой — ши, т. е., если брать в целом $k\dot{u}-mer$, resp. $*sku-mer$, это точнейшая по шипящей группе разновидность без перегласовки названия свистящей группы ши-mer; если бы учесть необходимость и перегласовки по шипящей группе, вм. $*sku-mer$ должны иметь $*sk\dot{u}-mar \parallel stu-mar$, т. е. выявить ту в целом огласовку $u \rightarrow a$ шипящей группы для имен действующего лпца, какую мы находим в основе племенного названия скифов $skw-ða \leftarrow *sku-tan$, где $sku-$ общее со $*sku-mer$, архетипом термина $k\dot{u}-mer$; что же касается второй части, тогда как в названии скифов налицо ионское племенное название $*ðaπ \rightarrow ða$, в названиях $kimer'ov$, $i-ber'ov$, $derwatax *sku-mer'a$, как и в их разновидности ши-mer, — берское или мерское племенное название, т. е. то племенное название, которое с огласовкой $o \leftrightarrow u$ налицо в термине $bol-ğag \parallel bul-ğag$ и т. п., где $ğag$ есть архетипный эквивалент слова $ğaz$, основы племенного названия хазар.

Следовательно, не углубляя пока дела далее (а это есть возможность сделать и уже сделано), мы можем констатировать, что $Ku-mer$ (Киур) $\parallel k\dot{u}-mer$ или $i-ber$, как и $bul-ğag$ или $ber-ğag$, являются скрещенными двуплеменными названиями, причем для первого ряда, т. е. для $Ku-mer$, $k\dot{u}-mer$ и $h^1 i-ber$ первичные виды, архетипы, будут $skumer$, а равно $shkumar \parallel \dot{s}qumar$ (в грузинском произношении $\dot{s}qumar$) и с последовательным оканьем доморфологических эпох — $skomog$. От первого из архетипов — $skumer$ и второго — $shkumar \parallel \dot{s}qumar$, а с последовательным оканьем доморфологических эпох и $shkomog \parallel \dot{s}qomog$, происходят многочисленные слова, один простой перечень которых у нас с избытком занял бы весь вечер. Я выбираю лишь пять терминов, которых, однако, достаточно, чтобы попутно выявить размах научного значения самих чувашских материалов, широту и глубину значения вопросов, находящихся существенную поддержку в чувашских данных. От перечисленных архетипов названий таких и без того древних народов, как $i-ber$, $k\dot{u}-mer$ и населения Киура — $ku-mer$, именно $skumer \parallel shkumar$ или $\dot{s}qumar \parallel skomog$, происходят разновидности с закономерной утратой гортанного звука из начальной пары $sk \nearrow \dot{s}q$ ($shk \nearrow \dot{s}q$), как в русском слове «золото» сравнительно с его предком, национальным племенным названием скифов — $skolot$. Следовательно, от $skumer'a$ получается шумер, или сумер, название известного месопотамского народа с древнейшей в мире письменностью, и от $\dot{s}qumar'a \searrow shkumar'a$, как увидим, во-первых, $\dot{s}uvash \searrow \dot{s}evash$, хорошо вам известное племенное название, и, во-вторых, шиваш, основная часть названия вашего главного города, по всем видимостям, одного из древнейших, если не древнейшего в Приволжьи. В обеих разновидностях и в шиваш'e и в $\dot{s}uvash'e$ выступает известный чувашский закон замены плавных звуков $\dot{s} \parallel g$ или свистящим s , resp. s^1 или, как в данном случае, шипящим звуком ш.

: Звук S_1 в чувашском обычно заменяет яфет. ш.

От тех же архетипов skumer || skumar и последовательно оказавшей формы skomog имеются производные термины исключительной важности в истории мировой культуры, термины важнейшие в порядке воздействия другого звукового закона, когда из пары звуков sk теряется свистящий, как в ряде kureg; kimer и далее iβer, получившемся из skumer'a, архетипа шумер'a. Этому закону подверглась и последовательно оказавшая разновидность skomog, которая, однако, существует и с непотатым сохранением группы sk в производном от нее распространенном по всей Европе интересном термине «скоморох»,¹ что обычно значит 'шут', но на самом деле это те 'шуты-забавники', которые в роли калек-перехожих или странствующих рыцарей творили или хранили такие культурные ценности, как поэзию, это колдовство речи, для первобытного человечества и пророчество, и исторические предания о родословии космических явлений, племенных тотемов в представлении первобытного человечества, впоследствии богов и героев, что позднее легло в основу различных религиозных учений. Эти же «скоморохи», уже странствующие рыцари, занимались цехово торговлею или дружинно разбоем, т. е. военными делами. И нашему термину «скоморох» присущи все намеченные мною значения, в числе их особенно ярко значение поэта, этого колдуна, чародея речи и учителя общности, пророка, обращавшегося в шута там, где строй жизни переставал терпеть прямую правду. И вот теперь, может быть, будет более понятно, что от той же самой основы skomog и остальных уже известных нам разновидностей skumer и řqumar в порядке воздействия другого закона, именно спирантизации свистящего и его утраты, 1) от skomog получилось homog || humog, в чувашском звуковом облике uoməz || uməz 'ворожей', 'колдун', собственно, 'пророк', 'поэт', первоначально 'жрец', служитель тотемного божества сумеров или чувашей, и 'предсказатель', 'пророк', 'поэт', 2) от řqumar, на Кавказе, — řumar, на Кавказе же означающий 'шута', однако не только 'шута-шутника', но и 'шута-юмориста', 3) от skumer, хорошо известного в своем сибилантном произношении «шумер», не только в Месопотамии, но по всей Малой Азии и восточному Средиземноморью, там же в порядке той же закономерной утраты свистящего получен, как уже мною разъяснено, термин, равнозначный чув. uoməz, его двойник ŷumer,² греками сохраненный в значении имени автора знаменитой греческой Илиады, собственно, греками лишь унаследованно о доисторического яфетического эпоса, причем ŷumer был в то время не личное имя поэта, как это можно было бы думать, а общее название 'странствующих певцов-игроков', часто 'слепцов', и 'шутков', 'сказителей', 'поэтов', 'пророков', 'ворожеев', 'колдунов', uoməz'ов, которые и сохраняли знаменитый эпос, в источнике плод коллективного словотворчества доисторического человечества.³ Эпос этот разнесен был еще в доисторические эпохи по всему миру, пережитки его вскрываются в восточной Европе не меньше, чем в западной. В тех же краях, где имя Гомера сохранилось в устах народа как родное, бытующее в значении или 'пророка', 'колдуна', так у чувашей uoməz,

¹ В. А. Брилл, Термин «скоморох», ЯС, т. II, стр. 94—97.

² Н. Марр, К топонимии имени «Гомер», ДАН, 1924, стр. 5.

³ Ук. место.

или героя, так среди яфетидов Кавказа *gumig* → *gmig* (у грузин по усвоению — *gmig*),¹ или тотемного, т. е. племенного бога, так у грузин при функциональном придатке *ǰ* — *ǰmerǰ* 'бог' (← **ǰumer-ǰ*) с архетипом основы, тождественным с именем Гомера — **ǰomer*, и ныне у финских народов *uomala*, естественно, можно наблюдать в живом быту многие доисторические черты эпоса или первобытных верований, которые из-за одного сходства вовсе нельзя возводить то к греческому, то к иранскому, то хотя бы к германскому источнику. Такая попытка ничем не отличается от того, как если бы бронзовые топоры или бляшки, вообще предметы материальной культуры родственного типа, иногда одной и той же техники производства, из Сибири, Приволжья, с Кавказа и Пиренеев, мы признали продукцией общественности впоследствии сложившихся в этих странах национальных образований. Разница же слов и вещей лишь та, что идеологическая сторона предметов материальной культуры не так ясна или самоочевидна, как слов, и потому тогда как в вещах формальная сторона, их индивидуальная отделка, и техника до сих пор доминируют в определении предмета и сближения вне генетической связи с общественностью, слова представляют простор, можно выходить за пределы их функциональных и технических оформлений, сравнивая не только как бы топор с топором или пряжку с пряжкой и их конструктивную и декоративную природу, ибо наука о значимости слов дает возможность рассматривать как предметы одного общественно связанного, т. е. родственного порядка 'пута' и 'бога', и 'рабойника' и 'героя', 'знахаря' и 'поэта' и т. д. и т. д. Когда проф. Грен в январском номере «Зырянского края» указывает слова на «уже давно отмеченное любопытное явление, что большинство русских, именно великорусских, былины было открыто у населения более финского, чем русского; и специально великорусского»,² то, поскольку вопрос ставится о происхождении, финны тут так же ни при чем, как и русские. И те и другие преемствуют на одинаковых правах, получив яфетическое наследие, доисторический эпос севера; как греки являются в Гомере наследниками яфетидов, воспринявшими от них доисторический эпос Средиземноморья.

Разница лишь в том, что на севере доистория длится дольше, а на севере восточной Европы, где письменной литературы не возникало до средних веков; доисторический быт с его языческими верованиями врывается в гущу истории средних веков и частично переживает до наших дней лучше, чем в самых недоступных и отсталых краях Кавказа. И здесь мы имеем удобство проследить, как у новых племенных образований восприняты термины доисторической культуры от яфетидов, также как их племенные названия. Как рядом с шумерами и шумерами, т. е. шубашами-чуваши, появляются кимеры и иберы, сопутствуют им в роли племенных 'поэтов-жрецов', 'пророков', 'колдунов', под названием *uoməz'ov*, тех же гомеров, как с болгарями или булгарами появляются, им сопутствуют племенные 'жрецы-поэты', 'пророки', 'колдуны', этот связанный самим происхождением своих наименований класс лиц, носивших названия по-чуваши или болгарски с оканьем — *vəg* / *voг* || *voĭ*, откуда чув. *vəg*- 'колдо-

¹ Н. Мapp, *Ossetica-Japhetica*, стр. 2071—2072.

² Зырянская мифология, Зырянский край, 1925, № 1, стр. 32.

вать', как и чув. *vəg-ə* 'вор', и с утратой *g* при удвоении — чув. *və-bəg* 'душащий дух', собственно, 'колдун', 'ведьма', и далее его разновидности уже в русском и не только «вор» и «ворог», но и «врожей», «ворожить», «волхв» и др., по-армянски с аканьем — *maġ-gaġ* с именным исходом -e: *maġ-gaġ-e* 'пророк'.

III

Чуваши в поздней древности, именно в средние века, в две их эпохи, более раннюю и позднейшую, намечаются как активные участники не только делом, но и словом, своей родной речью, и как творцы восточноевропейских национальных образований, хазарского и болгарского, следовательно, в те же эпохи приблизительно, когда как бы предваряюще на Кавказе в пределах между Каспийским и Черным морями и Ванским озером на реках Араксе, Куре, в бассейне Каспия, и на Рионе, Чорохе и Энгуре в бассейне Черноморья то там, то сям возникают в христианскую эпоху государственные образования также яфетических или полуяфетических народов.

Попутно обращаю внимание, что связь волжских национально-государственных образований яфетидов Приволжья с яфетидами Кавказа, повидимому, имеет не только далекие доисторические корни, но и более близкие исторические побегии тех корней. Сейчас не касаемся сближений по браку, появления хазарской княжны в роли супруги абхазского царя. На Кавказе в стране с древними письменностями на местных языках об этом свидетельствует грузинская историография, память которой начинается, если исключить мифические этимологии мифических родоначальников народов Кавказа, с нашествия хазарского племени, как факта глубокой древности, до появления Александра Македонского, с тем же настроением свидетельствует армянский историк Моисей Хоренский, сообщающий об иммиграции болгарского племени в Армению до н. э. и заселении им не одной обширной области. Факт же тот, что некоторые княжеские роды Армении носят бесспорно племенные названия болгар, о чем ничего не говорит Моисей Хоренский, но что вскрыто палеонтологическим анализом самих родовых армянских фамилий (*Maġ-ġaz-un+1*, *A+mat-un+1* ← **Har-mat-un-1*). В Приволжье, стране не древнеписьменной, о той же культурно-исторической связи вопиют камни, именно камни в обработке суздальского зодчества с их поразительно своеобразной орнаментацнею, без всякой генетической связи с остальной Русью, вообще с Западом, но имеющей взумительно сродные двойники на Кавказе.

И там, в кавказском мире, и здесь, в волжском мире, новые мировые государства, вооруженные церковной организацией иранского маздеизма, христианства и ислама, одинаково укорачивают дни этих последних, в старой империалистической обстановке, яфетических по племенному составу государств, с одной разницей. На Кавказе яфетические племенные образования вырывают из рук своих противников союзницу-церковь, именно христианскую, и пользуются ее идеологиею для своих также, конечно, империалистических целей, обращая ее в орудие борьбы и против мадагянских и против мусульманских угнетателей. В волжском мире, здесь христианская и исламская церковь, это идеологическое

орудие самозащиты и борьбы, переходит целиком в руки новых государственных образований, русского и турецкого классово-племенного состава, национализуется ими. Этим путем не только сокрушают они молодые яфетические государственные образования, но поглощают их и этнически, пользуясь религиею в особо сильной степени в ассимиляторских целях, естественно и здесь в порядке классового подхода, вбирая в себя в первую голову верхние общественные слои, руководящие и господствующие классы, которые везде, и на Кавказе, легче ассоциировались с господствующими классами новых установившихся государственных образований, классово-национальных.

Нововозникшие религии, мадеизм, христианство и ислам, в первом порыве своего прозелитизма невольно становились оружием империалистической политики господствующих классов, руководивших судьбами государств и через государственную организацию и народов. Все религиозные организации, становясь аппаратом государственной власти, естественно, направляли свои удары в первую очередь против местных верований, языческих, даже своих; тем более они относились враждебно, когда такие народные организации оказывались в чужом, неприятельском стане, естественно, служа его идеологической крепостью. Ведь это те эпохи общественной темноты или определенной степени развития общности, когда нации вне религии, вне определенной религии, не мыслились: как татарин означал мусульманина, русский — христианина, так одно время чуваш — язычника. И когда, наоборот, говоря «мусульманин», подразумевали лишь татарскую нацию и, называя христианина, имели в виду именно русских, тогда в том же порядке 'ворожеями' или 'волхвами' именовали чувашей, как языческий народ, с той разницей, что чувашское наименование ворожея-волхва уошэз не есть религиозный термин по имени основателя учения 'Христа' как «христианин», или по его теоретическому положению («ислам») как «мусульманин», а племенное название, так как жрецы носили название бога, которому они служили, и так как у чувашей был тотемный бог, и потому его название совпадало с племенным названием, то и уошэз есть племенное название: это разновидность известного племенного названия шомог || шимег || шимаг, другой разновидностью которого является с одной стороны *ши-ваш, т. е. нынешнее национальное название чувашей фэваш, с другой — по устному преданию дошедшее до нас наименование чувашских жрецов — уош-з, оба термина — лишь диалектические разновидности одного и того же племенного названия. Потому, когда из отрывочного русского летописного известия мы узнаем о походе Ярослава на Суздаль в 1024 г., представленном в летописи как борьба с местными волхвами, то брать ли русский термин «волхв» или местный его двойник уошэз, они одинаково нас вводят в круг ближайше интересующих нас сейчас народов, болгар и чувашей. Прежде всего это известие сообщается в порядке повествования о волжско-камских болгарях, «серебряных болгарях»: прилагательное «серебряный», раньше вызывавшее недоумение, ныне является вполне уточняющим указанием определением. Дело в том, что русское слово «серебро», как уже разъяснено, представляет подлинное составное племенное название, сал-берское, т. е. то же, что на юге общезвестное племенное название «сармат», в Волжско-Камском

районе — «черемис», или *çarçmäs*, т. е. выходит так, что «серебряные болгары», когда речь идет о севере, это болгары «черемисские», или также «чуваши», так как чуваш или *çä-väsh*, двойник *shmer*'а, представляет, как термин, лишь разновидность *çar-mat*'а или *çar-mäs*'а с оканьем первого племенного названия *çur* \ шур, утратившего исходный плавный звук: *çu* \ шу.

Полностью с сохранением исходного плавного сохранилась и окающая разновидность **çur* \ шур-э, как и акающая *çar*, но в значении «белого», поскольку «белизна» и «серебро» обозначаются одним и тем же словом: *çar* «белый» мы встретим в народной этимологии названия *çar-kel* «белая вежа», а *sur*, его окающий двойник, значит то же самое у басков, это одно с чув. *shur-ä* «белый» слово.

Речь, следовательно, идет о борьбе с «волхвами», т. е. болгарами, и *uomäs*'ами, т. е. шумерами или чувашами, яфетидами, и сродными им черемисами.

В этом освещении приходится подходить к волхвам-кудесникам, как представителям особых племенных образований с своими языческими верованиями. В одном сказании по Ростовской области волхвы так и названы смердами, кстати, социальным термином также племенного происхождения, также яфетическим,¹ они же там излагают вероучение своего народа о боге, создателе души, и диаволе, творце человека, но они же чинители военных наездов, как это читается под 1071 г. в Лаврентьевской летописи: «Бывши бо единою скудости в Ростовстѣи области, вѣстаста два волхва от Ярославя, глаголюща: «яко вѣ свѣвѣ, кто обиле держить»; и поидоста по Волзѣ, кдѣ приидуча в погостъ, тужѣ нарекаста лучышиѣ жены, глаголюща, яко св жито держить, а си медь, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечтѣ прорѣзавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоستا на Бѣлоозеро; и бѣ у нею людей ивѣхъ 300. В се же время приключися ирйти отъ Святослава дань емлющу Яневи, сыну Вышатяну; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзѣ и по Шексѣ, и пришла еста сѣмо. Янѣ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: «выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя». Но этим северным яфетидам пришлось не только сдать тогда врагам-христианам, русским, свою народно-религиозную позицию, но и передать им же дело письменного закрепления сказаний и легенд своего родного народно-религиозного цикла и в связи с этим и народного эпоса. На Кавказе такой же разгром еще в V веке народной яфетической религиозной культуры маджанскими-врапами ратоборцы христианской церкви использовали уже позднее для назидательного сочинения о христианнейших доблестях Армении, тогда еще массово-языческой, причем божество утренней зари, солнышко, предмет эпических сказаний яфетического населения, Вардан Красный, был обращен в христианского героя, также как языческий яфетический бог *Karapet-ğerbed*, двойник чувашско-черемисского Керемета, был превращен в христианского

¹ Н. Марр, Об яфетической теории, НВ, т. V, стр. 324 сл. [ИР, т. III, стр. 20, 22].

святого Иоанна Крестителя Карапета. Там, на Кавказе, прежде всего в Армении, вступив на путь национализации христианства, прежняя организация родной яфетической религии, сильное жреческое сословие, сословие «маргареев», т. е. также ворожеев или волхвов, сосредоточило в своих руках власть в лице главы христианской церкви, католикоса, то оспаривая ее у царей и князей, то деля ее с ними, и опираясь на цеховый союз уже христианских учителей народа, «вардапетов», открывала для сохранения связи с народом путь в быт и учение своей новой религии, христианской, дохристианским народным представлениям, народным празднествам и святыням, построив христианские церкви на местах прежних культов, где раньше поклонялись рыбам-драконам, божествам воды, и другим космическим силам, светилам, открывала одновременно путь к эпическим героям, а по полной национализации христианской литературы в национальном духе воспитанные руководящие классы, феодалы, принудили христианскую интеллигенцию внести в нее народный языческий эпос. Естественно, там на Кавказе, в Армении, христианская религия и как вероучение выработалась особая, церквями империалистических государств признанная еретической, на самом деле феодально-национальная и лишь в этой мере народная. Там, на Кавказе, потому в самой родной письменности, армянской, отчасти и грузинской, сохранились некоторые древнекнижные сведения о дохристианской родной культуре страны, о родном древнем народном армянском и грузинском эпосе. Здесь, в волжско-камском мире, вообще на севере, местные верования и эпические сказания, искони родные для первоначального населения края, чувашей, и кровно родственные тогда с ними, еще не финнизованных и не славянизованных народов — яфетидов, северных сарматов и русов, могла сохранить лишь письменность народа, и религиозно, и классово-национально враждебного им, — народа христианского и индоевропейского — русского, который и использовал их для построения своей начальной легендарной истории. Без местных чувашских и сродных с ними по доисторическому в крае яфетидизму народных материалов не понять ни сказания о призвании варягов, ни племенного состава героев русского эпоса. Сказание о Рюрикe, Труворе и Синеусе историзовалось в те поздние эпохи, когда в реальности истекала или протекала жизнь исторических народов — хазар и болгар, для нас ставших легендарными, полумифическими существами. Для науки по сей день легендарны и мифичны и чувашки, несомненно народность одного круга с хазарской и болгарской, с последней из которых чувашки имеют непосредственные связи и исторические, и этнические в такой мере, что вопрос об их отождествлении может действительно быть поставлен совершенно всерьез научно. Однако с этим болгаризмом нельзя связывать той высокой культуры чувашей, которая доказывается — де фактом предполагаемого заимствования зырянским (коми) и вотским (уд-мурт) языками чувашских слов из области таких кругов общественной жизни, какие находили отражение в речи яфетидов за много веков до появления болгар, более того — за много веков, за много тысячелетий до появления индоевропейцев. Достаточно указать, что к заимствованиям из чувашского относят термины религиозного и мифического мира, равно названия животных и растений, на самом деле даже назва-

ния металлов доиндоевропейские, и большинство мнимых заимствований из чувашского в зырянский и вотский — это наследие общей яфетической основы во всех названных языках, да и многих других.

Во всяком случае факт бесспорный, что тогда как хазары, или хазы,¹ известны в мировом масштабе, т. е. исторически, под племенным названием в акающей разновидности, болгары по основной или первой части своего названия bul || bug или, что то же, bol || bog являются представителями окающей группы, а по огласовке полного своего состава bulğar || bulğar, как национальное название — фэваш (← fuvash), представляют скрещенное сведение окания с аканием, характеризующее природу морфологических эпох, грамматическую категорию имен действующего лица (nomina actoris) в определенном кругу яфетических языков, именно в шипящей группе сибилантной ветви, т. е. в мегрельском и чанском. Огласовка та же, что в нарицательном имени (некогда также племенном названии) stumar 'гость', сохранившемся в качестве чужого усвоения в грузинском языке, языке свистящей группы, где вместо акания второй огласовки ожидалось бы эkanie, *stumer, что имеем в его разновидности, племенном названии шумер.

В обоих, первоначально одинаково скрещенных, одинаково племенных названиях stumar || шумер² вторая часть mar || mer лишь разновидность основы bug || bul, налицо в термине burgar || bulgar. С этим окающим bog || bug или bol || bul мы получаем полноту круга яфетической перегласовки акающей (mar), окающей (mor || mug, откуда ↗ bor || bug и т. п.) и экающей (mer ↗ ber).

Беря же полностью bulğar, qazar, sarmat, шумер и другие составные племенные названия, в отношении их огласовки в целом мы оказываемся во владении ряда обязательных заключений в зависимости от того, подходим ли к материалу с точки зрения позднейших эпох, морфологической, именно самой поздней флективной (с одними суффиксами, раньше с образованием форм перегласовкой и префиксами рядом с суффиксами), еще раньше агглютинативной и древнейшей — синтетической или архаичной доморфологической, при наличии лишь племенной огласовки.

Племенная огласовка это та, которая вытекает из закономерных звукосоответствий (корреспонденций) различных групп одной и той же речи или различных языков одной и той же группы. Рядом с племенной огласовкой к доморфологической эпохе, как будто, можно бы относить и семантическую перегласовку. Но огласовка семантическая, т. е. по значимости слов, это часть той же морфологии, хотя морфологии идеологической, отражающей не социальный строй, как грамматика, а общественное мировоззрение. Такова, напр., перегласовка o || u в словах «стол» и «стул», разновидностях одного и того же культового термина, первоначально 'алгара' (← 'неба'), одновременно и 'стола' и 'стула', 'трона'. Кстати, сами ныне одинаково русские слова stol || стул³ — яфетические пережи-

¹ Последний слог -ag окончание мн. числа, также имеющее, конечно, свою племенную доисторию, с учетом утраты губного ч (см. ниже, стр. 363).

² См. выше, стр. 355.

³ «Стул» считается заимствованием из германского.

вания, на яфетической почве восходящие, с разложением аффриката на st, к архетипу **tor* → *ḡor* → *ḡor*, гесп. *ḡor*, откуда с ионским оформлением (ko ↘ o ← kon ↘ on): груз. *ḡor-ko* 'скамья', арм. а-*ḡor* (род. а-*ḡor+o-y*) и др.

Так как, однако, 'трон', 'алтарь' семантически дериваты 'неба', гесп. 'бога', теперь понятно, что основа армянского названия этого хозяйственного предмета *ḡor* представляет основу чувашского слова *ḡor-ə* || *ḡur-ə* 'бог', а русские термины *stol* || *stul*, уже дифференцированные по значению (с оканьем — одно, с уканием другое), являются не чем иным, как диалектическими разновидностями чувашского слова *ḡor-ə* || *ḡur-ə* 'бог', по примитиву салским или талским племенным словом окающей, гесп. шипящей группы (ср. груз. *ḡor-ko*).¹

Так из группы *bulḡar*, *qazar*, *ḡqur-ḡar*, *шигер* с точки зрения агглютинативно-флективной эпохи *qaz-ar* и *bul-ḡar* представляют основы *qaz-*, *bul-*, с окончанием мн. числа *-ar* в первом случае — *qaz-ar*, *-ḡar* во втором — *bul-ḡar*. Можно бы увлечься (без такого увлечения дело не обходилось) и в *ḡqur-ḡar*, *шигер* усмотреть окончание мн. числа *-ar* || *-er* и остаток *ḡqur-*, *шиш-* признать за чистые основы, между тем, если в них определять форму, то она имеет оправдание с точки зрения огласовочно-флективной эпохи, налицо форма имени действующего лица, образуемая внутренней огласовкой *o* (↔*u*) — *e* || *a*, так *ḡqur-ḡar*, на самом деле во всех случаях мы имеем составные слова, из дофлективных эпох, из эпох синтетических, когда два слова слагались, каждое с присущей ему племенной огласовкой — *ши-шег*, *ḡqur-ḡar*, *bul-ḡar*, *qaz-ar*, причем порядок расположения слов в каждом отдельном случае мог быть, да и бывал, обратный, совершенно так же, как в нарицательном имени «сере-бро» русский, равно греческий (*ἄρ-γυρ-ον*), латинский (*ar-gent-um*) и др. на первом месте имеют салское (*ser+e-*, *ar-*), на втором берское (гверское) племенное слово (*-bro-*, *-γυρ-*, *-gent-*), а грузинский, мегрельский и др. на первом месте ставят берское племенное слово (*veḡr¹-*, *var-*, последнее в армянском с потерей губного *v* — *ar*). При таком палеонтологическом подходе дофлективных эпох, эпох одной примитивной племенной огласовки, наши термины блестяще выдерживают экзамен: за время многих десятков тысяч лет отмершим оказывается в худшем случае один исходный или начальный согласный звук, так *ḡqur-ḡar* вм. **ḡqur-ḡar*, *ши-шег* вместо **шиш-шег*; в термине *qaz-ar* второе племенное слово *-ar* оказывается не салским племенным словом *ar*, а как в армянском названии 'серебра' вместо *var*, т. е. берским племенным названием.

Итак, *bul-ḡar* || *bulḡar*, это гибридное двуплеменное название, имеет ряд двойников, пока выделяю два из них, один средневековый, другой древний.

1) Оставаясь без изменения в первой своей части *bul-* || *bul-* или *bol-* || *bol-*, во вторую часть *-ḡar*, архетип первой части или, как воспринималось позднее, основы названия *хаз-ар* — *qaz-*, разновидности все спирантной ветви, замещает одним из ее сибилантных эквивалентов — *sar* ↗ *tar* || *tas*, именно *tas*, что в скреждении с *bul* в свое время дало *bul-tas*, название средневекового народа также

¹ Н. Марр, Из переживаний доисторического населения Европы в русской речи и топонимике, 3—6 [см. здесь, стр. 311].

из одного круга с хазарами и чувашами, материально представляющее лишь фонетическую разновидность термина *bul-ğar*.

2) Тот же *bor-* с перегласовкой не в эkanie, как в *ki-mer*, *i-ber*, а в акание (*mar*), притом с перебоем плавного *r* в зубной *t* — *mat*, сочетается с обычным сибилантным видом второй части — *sar* в обратном порядке, и получается известное в более ранние эпохи племенное название *sar-mat*, в архетипе **sal-mar*.

Тот же порядок, сначала салское племенное название, потом берское, мы имеем и в спирантной разновидности *qaz-ar*, в архетипе **qaz-var*. Таким образом, если мы возьмем с одной стороны *bul-ğar*, *bur-tas*, с другой — *sar-mat*, *qas-[v]ar*, то это номенклатурно скрещенные виды одних и тех же племенных названий, салского и берского, но в различной последовательности, в одних случаях 'сал-бер', в других 'бер-сал'. Скрещение сал-берское имеем и в *šū-mar'е*, *шu-mer'е*, равно *stu-mar'е*, следовательно, и в национальном названии чувашей — шиваш \nearrow *šū-vash* \searrow *šə-vash*, которое представляет фонетическую разновидность *шu-mer'a* || *stumar'a* с соблюдением звуковых законов чувашской речи. Следовательно, *bul-ğar* и *šū-vash* не только имеют в целом огласовку одной и той же категории (*u* — *a*), но составлены из фонетических разновидностей одних и тех же племенных названий, сала и бера, лишь расположенных в различной последовательности, *bul-ğar* в порядке бер-сала, а *šə-vash* в порядке сал-бера, как *sar-mat*, *qor-vāt* и как *qaz-ar* (\leftarrow **qaz-var*).

Однако, тогда как хазары известны в акающей разновидности своего названия, болгары в основной части своего названия выявляют то окание, в средние века (булгары, болгары, буртасы), то акание, в более древнюю эпоху (*sar-mat*), то эkanie, в древнейшую эпоху (*ku-mer*, *ki-mer* \searrow *i-ber* и т. п.).

Между тем, мы теперь уже знаем, что диапазон звуковых колебаний чувашского языка настолько шок, строй основных звуковых его норм настолько сложен, что он, чувашский язык, обнимает и акание, и окание, и эkanie. Держась пока как бы главной линии наследования исторических народов одного другому в восточной Европе, восходя по ней от современных русских, финнов и турок через хазар и болгар к сарматам и родственным им скифам или скелотам и архаичным кимерам, мы подходим к уже древним народам с названиями, при всей разновидности их корней, составляющими согласованную группу по огласовке, а именно ряда акающего (сармат), окающего (скелот или скиф, по-гречески *škw-ša*) и экающего (*ku-mer*). Мы лишь намечаем магистраль или, правильнее сказать, фарватер того течения, которое несло от донисторических эпох в числе прочих яфетидизмов и скрещенность эkania с оканием, наблюдаемую еще в болгарях+иберах, собственно, выступающую так ярко в живом чувашском языке, еще в архаичные времена, в разновидностях одного и того же племенного названия по спирантной группе *kimar* \nearrow *ku-mer*, по сибилантной *ski-mer* или *шu-mer*, закономерную разновидность которого *šə-vash* по сей день носит живой народ, ныне не начинающий самоопределяться, а лишь восстанавливающий вместе с родной краевой хозяйственностью давнишнее свое национальное самоопределение. Национальное самоопределение им, чувашским народом, в це-

лом отнюдь не утрачивалось, но оно, конечно, дошло до последней степени истощения в процессе империалистического нарастания иных национальных образований, прежде всего турецкого и русского. О силе, устойчивости и высоте древнего культурного уровня чувашского национального самоопределения можно судить уже по одному факту длительного сохранения чувашами родной языческой религии и ее хозяйственно-общественного бытования, если не судить с точки зрения западноевропейской колониальной идеологии, или, если не освещать вопроса, что еще хуже, с миссионерской точки зрения христианской и мусульманской церквей, одинаково становившихся в крае могущественным орудием в захватнических руках новых национальных образований, — орудием для ускорения окончательного национального вырождения чувашей. Не будь высоты древнего культурного уровня чувашей-язычников, мы не могли бы быть теперь свидетелями вскрываемого яфетическим языкознанием изумительного факта, — факта наличия подлинных чувашизмов, не только в турецкой, даже в русской речи в ошеломляющем количестве. Притом эти чувашизмы не только из доисторических усвоений, происходивших в путях этнографического воздействия тогда, когда зарождалось и развивалось русское племя, но и из терминов, требующих учета исторической культуры чувашей значительной высоты, к моменту, когда слагалась русская государственность.

Но вот вопрос уже не отвлеченно-словарный, а жизненно-общественный, вопрос о родстве чувашей с конкретными историческими болгарскими племенами ставится серьезно, как проблема для положительного разрешения, имея в виду и поддержку науки об языке. Что же говорит в этом отношении наш анализ самого племенного названия «чуваш»? Поскольку речь идет о тождестве чувашей по племенному названию с месопотамскими шумерами, кавказскими цхумарами, крымскими или припонтийскими кимерами, средиземноморскими кипрег'ами, населением острова Кипра, равно иберами и на Кавказе и в западной Европе, это касается доистории и не имеет непосредственного значения для вопроса о взаимоотношениях чувашей и исторических болгар. Эти бесспорные связи крайне важны для вопроса о происхождении чувашей, но для проблемы об исторической роли чувашей не имеют значения, несмотря на то, что отождествление названия чувашей с названиями народов перечисленных стран поддерживается ближайшим с чувашским языком родством яфетических языков или их пережитками в соответственных странах.

Когда перед нами конкретный исторический вопрос о близости реальных болгар камских или волжских к чувашам, то, по этой же причине, к его решению нас несколько не подвигает нахождение объяснений в чувашском языке для дославянских элементов в языке уже ославянившихся болгар на Балканах, особенно поскольку эти объяснения касаются вообще словаря, а не терминов исторической общности, выявляющих определенную классовую природу, одну и ту же у чувашей и болгар.

Вообще языковый анализ нам может сказать нечто весьма решительное и определенное, если к вопросу подойти с учетом сложности предмета, поскольку речь идет о племенном составе национальной общности, культурно-исто-

рической, следовательно, национальной государственности, хотя и средневековой. Прежде всего мы знаем ряд культурно-исторических строительств яфетических народов, когда в историческом поле зрения строитель народ известен исключительно под одним названием, а сам себя он именуется никому неизвестным названием. Так халдский народ-строитель на Ванском озере называли и продолжают называть урартами, а он сам себя звал лишь халдами; там же, да и в долине Аракса, позднейший исторически народ-строитель называли и продолжают по сей день называть армянами, а он сам себя называет хаями; народ-строитель грузинской общественности, государства и культуры все называли в древности иберами, потом со средних веков перешли на именование у арабов гурджами, на западе георгианами, у русских грузинами, сам же себя ни в древности, ни ныне никогда ни одним из этих названий не именовал, а именовал и именуется себя *qafḡel'*ами. Следовательно, если бы термин «чуваши» (*ḡəvāṣi*) не имел ничего общего с термином «болгар», то это не представило бы ничего необыкновенного и в том случае, когда исторически было бы совершенно ясно и бесспорно, что болгарская общественность, средневековая болгарская культура, болгарское царство на Волге было делом рук чувашского народа.

Кстати, не могло бы тут иметь никакого значения и то возражение известнейших специалистов, что как же в таком случае мириться с нынешнею культурною отсталостью чувашского народа и даже с наличием в нем не господствовавшей у средневекового болгарского государства мусульманской религии, а пережитков язычества. Во-первых, современная общая национальная отсталость чувашей, в первую голову экономическая, и в связи с нею, понятно, и культурная, есть в значительной мере плод системы правления двух империалистических общественностей и культур, ближайше русской, а раньше еще татарской. Затем другим объяснением той же отсталости широких масс народа является бесспорно классовый строй болгарского государства. В болгарском государстве, с успехами в нем ислама, мусульманами являлись, понятно, лишь правящие круги, и чувашская знать по всей видимости сделала в смысле исламизации своей родной чувашской классовой общественности достаточно, если чувашей соседи их черемисы до сих пор называют татарами, т. е. мусульманами.

С этим мы одновременно подходим к самой научной правильности постановки вопроса о роли чувашей в создании и развитии болгарской национальной общественности на Волге, и по связи с ним к выяснению, во-первых, вообще племенного состава населения болгарского государства неизбежно с классовым и к этому предмету подходом, и, во-вторых, преемственной связи этого несомненного местного культурного болгарского национального образования, определенного восточноевропейского образования из хазаро-болгаро-русского племенного круга, с также несомненно местным из того же племенного круга национально-культурным образованием, более древним, хазарским.

Классовый подход требуется и здесь. Нами уже указано, что организующий социальный слой сосредоточивался в городах, что в древности города заняты были, как организующие центры, населением особого племенного состава. Народ-строитель городов это господствующий или руководящий класс, руково-

дающее племенное образование, и оно отнюдь не примитивно-племенной однородной природы. Но руководящий племенной слой все-таки налагает свою печать на центр общего строительства, отлагая в его наименовании свое племенное название. И с этой стороны представляет существенный интерес для правильного подхода к роли чувашей в болгарском государстве их несомненное участие в строительстве хазарского национального объединения.

При вопросе о племенном происхождении хазар у всех в первую очередь возникали думы о названии столицы хазарского царства Саркел, всем оно становилось поперек дороги, даже когда словарно его благополучно или почти благополучно разрешали. Все так или иначе считались, конечно, с летописным разъяснением, что *sarkele* значит 'белая вежа', 'белый дом'. Ученые или исходя из этого толкования, как реальности, или вовсе его отвергали. Никому не приходило в голову, что это толкование может явиться плодом народной этимологии, т. е. попыткой осмыслить по данным языков окружающих народов, не исключая и самих хазар, непонятное чуждое наименование. Конечно, и это бытовое толкование не лишено важности. *Sar*, действительно, мог значить 'белый' и *kel* 'дом', между прочим, на чувашском языке *kel* 'дом' мог бы быть лишь диалектической разновидностью теперь общепринятого чувашского слова *ki* 'дом'. В самом чувашском как с «о» чередуется «и», так с «е» чередуется «а», что также пережило у чувашей в ряде случаев до сегодняшнего дня. Что касается *sar*, то чувашское созвучное *sar-ə* ныне означает 'желтый', также как тур. *sarə*, а 'белый' по-чувашски *шигə*. Но мы теперь знаем, что *шигə* есть лишь эквивалент слова *sar*, как *шиг-шег* или **шиг-шаг*, разновидность *sar-шаг*'а. Замена свистящего *s* шипящим *ш* отнюдь не связана с тем или иным цветом в такой мере, чтобы слово производить от другого корня, чтобы звуки разлучать с белизной. Надо знать, что чув. *шигə* 'белый' налично в баскском, западноевропейском яфетическом языке в Пиренеях, именно с свистящим *s*, в виде прилагательного *suŋ*, означающего также 'белый'. Что же касается перегласовки, то и акание само по себе не представляет ничего исключаящего белый цвет: в самом чувашском рядом с *шигə* 'белый' в выражении *шар-шигə* 'весьма белый' существует *шар* в *шар-шар* 'весьма белый', и для акающей формы *s* более первичная разновидность, т. е. *sar* в значении 'белого', как *kel* в значении 'дома' в наименовании хазарской столицы *Sar-kel* 'белый дом', это, мы могли бы сказать, чувашские слова или в определенной чувашской диалектической форме, или в архаичной разновидности, естественно для эпохи хазарского господства. Но мы вовсе не думаем доказывать, что хазары как племя тоже чуваша. Да и когда интересуемся племенным происхождением хазар, строителей Саркела и всего края, то и здесь мы не можем подходить к вопросу примитивно как бы с мерилем одной соматической антропологии, мы не можем не ставить вопроса о племенном составе хазарского государства. Данный нами анализ летописного толкования Саркела выясняет, что даже бытовое народное объяснение упирается в материалы и чувашские, т. е. здесь среда была еще массово яфетическая, в частности и чувашская, как и хазарская. Хочу сказать, что яфетические народы севера на Волге строили свое культурное дело так же, как на юге за Кавказом, располагая несомненно одинаково

уже общими культурными данными для такого строительства, что не могло бы не отразиться и в речи. И в самом деле, основные термины городской и торговой жизни у северных яфетидов оказываются общими с южными яфетидами. Торговый термин, на севере обратившийся в «кабак», происхождение которого, до сих пор неизвестное, правда, возводят к турецкому, но на юге у армян и грузин оно сохранилось в полной форме арм. *kəgrak*, груз. *qulbaq* со значением 'торгового помещения', 'магазина', 'лавки'. И арм. *kəgrak* и особенно груз. *qulbaq* представляют полную форму чув. *qubaq*, причем и у кавказских и у приволжских яфетидов мы находим соответственные многочисленные значения составных частей этого слова от специального использования каждого из них в значении маленького помещения; так первая часть в грузинском виде *qul*-а значит 'амбар', до использования его же в широком смысле 'торгового места', 'торжища', 'города', так в чув. *qul*-а 'город' (сюда и черем. *ol*-а ~ морд. *osh* 'город', равно черем. *og* 'крепость').

Точно так же до сих пор тщетно искали подлинное происхождение русского слова «товар» и чув. *mul* 'имущество' 'богатство', 'деньги', также 'товар'. Напрасно старались произвести «товар» из турецкого, а *mul* из арабского. Оба они чистые яфетические племенные слова и как таковые значат то-есть тот или другой вид 'скога', отсюда и 'богатство', 'имущество', 'деньги', что прослеживается на всем протяжении расселения яфетических племен, напр., для *mul* в разнообразных его формах (*qul* || *faq*-а и др.). Это племенное слово именно болгар, а *tovar* племенное слово *ḡovash*'ей или *skumar*'ов. Мы уже видели, что на Кавказе как племенное название оно звучало¹ *ḡqumar*, resp. **ḡqumar*, и вот **ḡqumar* || *ḡqovar* там значит у грузин 'овца', вообще 'животное', 'рогатый скот', там же у грузин другая форма *stumar* означает 'гостя', т. е. иностранного 'купца', потому производный от него глагол значит не только 'угостить', но и 'уплатить'. *Stumar* восходит к **ḡumar* → **ḡumar*, т. е. к архетипу не только термина *ḡuvash*, но и русского *ḡuma-k* (← **ḡumar-k*), первично 'купец'.

В связи с этим находится использование этого слова племени, очевидно, выявлявшего себя как международный торговец, в значении и 'гостя' и специально 'торгового имущества', 'товара', как мы находим его уже в русском в форме *tovar* || *tavar*, сохраняющего у яфетидов на Кавказе, не только у турок, и чисто первобытное тоземное значение 'скота', как у армян 'крупного рогатого скота'. Все-таки факт, что именно племенное чувашское слово *tovar* (|| *ḡovash*) означало повсеместно или 'купец', 'торговца', или 'товар', тогда как болгарское племенное слово (*mul*) означало 'деньги', хотя бы и местами, и нам не хватает лишь термина для 'торгового помещения', 'магазина', 'лавки', или 'торжища', 'города', чтобы получить все элементы определенного производственного труда, 'торговли', но этот термин нами уже разъяснен на словах арм. *kəgrak*, груз. *qul-baq* и чув. *qubaq*, на первичной начальной составной его части *qul*

¹ Аффрикат свистящего ряда *ḡ* вместо шипящего *ḡ* вклад свистящей группы (грузинского языка), следовательно, в этом смысле первоначально *ḡqovar*, к которому, между прочим, казалось бы, восходит выдвинутым гласным «о» армянск. *oḡvar* 'овца', на самом деле армянское слово вульгарно произносили *voḡvar*, что представляет самостоятельное бер-салское скрещение.

(← qul || kar, из которых последнее является, сообщу теперь, внедрившимся в такие северные приволжские финские языки, как удмуртский и коми, хазарским племенным словом, по акающей группе (сюда же и черемисский скрещенный термин kar-man 'крепость').

Чувашский язык, воспринявший в отношении норм звукового строя три типа огласовки, т. е. с оканьем и эканьем также и акание, следовательно, три различных племенных огласовки, именно — сармато-хазарское акание, скифо-скотское оканье и шумеро-кимер (|| ибер-)ское эканье, вобрал в себя и термины исторической культуры соответственных народов, так кар. Эта основа сама по себе означала 'город' не только у северных яфетидов, но южных и на Кавказе и за его пределами далеко на юге и на западе, вплоть до Африки, где южное побережье Средиземноморья первоначально заселено было яфетидами. Отсюда чистая основа kar с окончанием то kar-çe, то kar-ða доисторической основы исторически известного города Kar-ða-gen'a (у римлян) или Kar-çe-don'a (у греков) в Африке, отсюда же на Кавказе qaqa-q || qala-q, в Месопотамии kar-qa 'город', а также 'ограда', и его же мы имеем у чувашей и в производной форме kar-ða в значении 'огороженного места', отсюда 'изгороди', 'скотного двора', 'хлева', и в значении просто 'города' в составе названия главного города шиваш'ов, т. е. чувашей, — Шиваш-kar.

Очевидно, этот «Шубаш-кар», т. е. город шубашов, или суваров, — тот город энох болгарского владычества, который арабские географы называют Suvār'ом, т. е. чувашем. По Ауфию,¹ «расстояние между городами Bulghār'ом и Suvār'ом достигало двух дней пути». Это вполне может соответствовать, насколько я осведомлен, длительности перехода от местоположения городища Болгар к нашему городу Шубашкар. Однако, что для нас представляет особый интерес, арабский географ Мукнаддаси сообщает о Bulghār'e и Suvār'e как о двух частях одного и того же города. По этому источнику,² город «Bulghār был расположен на обеих сторонах реки; соборная мечеть находилась у рынка или торговой площади, дома были построены из дерева и тростника; жители Suvār'a обитали в палатках». Третий арабский географ Истахри имеет в виду части одной и той же болгарской столицы, когда он называет³ два близлежащих города Bulghar и Suvag, т. е., следовательно, 'Шубаш' или 'Чуваш'. В каждом из них была соборная мечеть. Мужское население обоих городов составляло 10 000 душ. Жители зиму проводили в деревянных домах, лето — в палатках.

Что Suvār, название города, — племенное название, что такое племенное название существовало при болгарях и что под этим названием надо понимать чувашей, как теперь вскрывается яфетическим языкознанием, именно наших конкретных чувашей с правого берега Волги, это ясно и из письма хазарского кагана Иосифа, где читается:⁴ «На этой реке (Итиль) живут многие народы... буртас, булгар, сувар, арису (эрзя), цармис (черемис), венентит, север (или

¹ 'Awfi, Djāmi' al-ḥikāyāt, кн. IV, гл. 18, см. Бартольд, Энциклопедия ислама, стр. 822.

² Изд. de Goeje, стр. 361, см. Бартольд, ук. м.

³ Стр. 225, см. Бартольд, ук. м.

⁴ Гаркави, Ein Briefwechsel, стр. 86, по Фр. Вестбергу, ЖМНП, Крит. и библиограф., стр. 19.

савар), славіун (славяне)». Вестберг, цитируя это место, правильно замечает, что «Сувар или сивар племя и город болгар у арабских писателей... Арису или арса тождественны с мордвою. Насупротив последних на другом берегу Волги жили цармис, т. е. черемисы», но Вестберг не чует, что сувары, живущие на этом берегу, это чувашаи, и никто другой, они же народ одной породы с болгарями.

Итак, во-первых, было два чувашских города: один, по всей видимости, наш Шубашкар, или *Suvār*, другой — чувашский город, или *Suvār*, с Болгарами составлявший один общий город болгарский, т. е. одно национально-государственное строительство при двух племенных группировках, судя по всему, говорящих на двух диалектах одного и того же языка.

Одновременно с этим становится ясным, что города Приволжья именовались по племенным названиям, как вообще у всех яфетических народов, а не по каким-либо признакам строительства, цветным или иным. Так Кострома, мы уже видели, значит город косов, или хазов, т. е. хазаров, и торов, или саров; Казань, по-чувашски *Qoz-an* (черем. *Oz-an*), или *Qiz-an*, значит 'город (-an) хазаров', а вовсе не 'котел'. И так как при существовании акающего *kar* 'город' и окающего *kor* || *kur* (*qul*, *qul-a*) то же самое должна была означать и форма *kel*, а основа названия хазар *qaz*, она же с сохранением плавного *g* вместо свистящего *z*, т. е. *qag* \ *haq*, есть лишь спирантизованная разновидность сибилантного *saq*, вошедшего, между прочим, и в состав известного двойного племенного названия *saq-mat*, то название хазарской столицы *Sarkel* мы не имеем основания понять иначе, как город саров, или *haq*'ов, т. е. хазаров, т. е. *saq-* в *Sarkel*, также как *saq-* в *Saq+a-tov* и его спирантный двойник *qag+e* в **Qage-kov* (Харьков) не прилагательное, а племенное название, название великих доисторических строителей городов и весей, т. е. хазаров, еще, следовательно, до появления их в поле зрения истории и ее письменных источников.

Однако и у хазаров речи не может быть об единичности племенного состава, тем более, что строителем городов являлось скрещенное классово-племенное образование, которое в нашем районе не обходилось без объединения всех яфетических народов, из которого менее всего основания исключать неразрывно связанный с болгарским народом чувашский или шумерский народ, племенное название которого стало выразителем основных элементов городской культуры среди соседящих и дальних народов, вплоть до Кавказа.

Формулировку научных положений доклада предоставляю читателям, если в какой-либо мере я смог быть понятен в основных мыслях.

Я ограничусь лишь одним общим научным положением, как неизбежным выводом из работы, именно тем, чем я начал. Оно следующее: из доисторического населения Европы, яфетического, создателя начал европейской культуры, в восточной Европе сохранился один-единешенек чувашский народ, органически связанный и с созданием средневековой культуры того же района, и этот народ с языком, перебрасывающим мост на север к угро-финнам и на восток к туркам и монголам, должен занять первенствующее место в очередных изысканиях человечества по истории зарождения и эволюции своей культуры и по установлению ее источников, чего нельзя достигнуть без интенсивной работы в Чувашии

и сродных по населению прилежащих странах над памятниками материальной культуры, нельзя достигнуть без объединения изысканий по физическим тишам, хозяйству, быту, религиозным верованиям, праву, искусству, фольклору, или живой старине, речи и, конечно, истории за средние века и новейшие времена не с меньшим напором, чем за металлические и каменные века.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Многое изменилось с момента, когда мы формулировали в Чебоксарах различные новые положения, высказанные в настоящей книжке. Изменения касаются не одних дат и других подобных внешних обстоятельств вроде того, что, напр., в первой строке книжки время появления одной из поворотных работ по новому учению указывается словами «почти ровно пять лет тому назад». Слова эти теперь грешат неточностью на целый год. Да многое изменилось не в том направлении, чтобы отказываться от чего-либо, а в том, что высказанное можно теперь обосновывать с большим углублением в понимание фактов, с большей полнотой освещения, с большим уточнением мыслей от усиления увязки с историей материальной культуры и с окружением чувашского языка, в том числе и финским миром. Учение об яфетических языках, а на его основании и общее учение об языке человечества, значительно продвинулось вперед за последние месяцы и в разработке своих теоретических взглядов, и в намечении новых горизонтов. Кому интересно знать об этапах развития яфетической теории за время со включением и настоящего момента, может обратиться, как за справочной работой, к книжке моей «Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии» (Ленинград, 1926), издание Комитета по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР (Москва, Берсеневская набережная, 18), выходящее на днях вторым изданием уже Института этнических и национальных культур народов Востока СССР (там же).

Доклад о чувашах был прочитан в июле прошлого года на основании данных яфетической теории в разработке того момента и сдан в печать осенью в том же году. При отмеченном темпе развития нового учения яфетидологический доклад, естественно, не может не носить некоторых пережиточных взглядов или не оказаться без устарелой техники в приемах доказательств, когда он появляется на свет через год. Мы теперь орудуем возведением всей человеческой речи к четырем звуковым элементам, мы теперь дошли до того, чтобы в отвлеченных символах различных категорий, элементах морфологии, суффиксах (окончаниях), префиксах (начальных служебных частях флексии) и т. п., признавать пережитки определенных цельных слов и соответственно их трактовать, напр., говорить, поскольку дело касается доисторического состояния речи, не о мн. числе как собственных имен, так и нарицательных, а об их составности из различных племенных элементов или о скрещенности в них тех же самостоятельных некогда слов различных племен. В частности, мы теперь говорим не о шумерском или иберском племенном составе, как о первичном, а выделяем из их скрещенного

состава особо первичное или во всяком случае предшествовавшее самостоятельно «берское» племенное слово (или «берский» элемент) и т. п.

С другой стороны сейчас, усматривая в названиях городов использование племенных наименований в значении культовых терминов, в слове Kostro-ma не торопились бы разлагать на элементы Kostro, не попытавшись найти культовое значение этой основы, да и в нарицательном kag-raq || qul-ba-q || qul-ba-k прежде всего усмотрели бы двухэлементное кимерское или шумерское племенное слово, независимо от пережитка (k → q) ионского племенного слова, уже третьего элемента.

9 июля 1926
Чебоксары.

Отчет о лингвистической поездке к вол-камским народам

Первоначальный план мой подвергся поправкам, и вместе с тем изменился и маршрут. Желание совместить в этом году поездку на Волгу с поездкой на Енисей потерпело неудачу; не удалась попытка поездкой к приволжским народам предварить поездку к енисейским осяткам. Была попытка сделать обратное, что также не удалось, так как оказался упущенным момент выступления для летней кампании, а когда все было, как мне казалось, налажено для осенней кампании на Енисее в сопровождении нескольких аспирантов из Грузии, по не зависящим от меня обстоятельствам задуманная экспедиция была сведена к возможности одной моей личной поездки, также в конце концов отправшей из-за, как также мне было неправильно внушено, необходимости принять участие в Керченской конференции археологов СССР в первой половине сентября.

Располагая для работ у приволжских народов — мордвин, чувашей, мариев (черемисов), удмуртов (вотяков) и коми (зырян и пермяков) — лишь 42 днями, первоначальный план делать исследовательские стоянки особо в среде каждого народа я заменил тремя остановками в целях сократить переезды в пользу длительности занятий. Три исследовательские стоянки мои были в Алатыре, Чебоксарах и Перми.

Вся техническо-вспомогательная часть в моих изысканиях, требующих знакомства с яфетидологической транскрипцией, велась везде научной сотрудницей КИПС А. А. Марр.

Ни экспедиции в Чувашскую республику, совместной ГАИМК с ЯИ в целом, ни работам ее участников от ЯИ в настоящем отчете не отводится места.

Поездка была предпринята в момент сильного интереса к увязке языковедения с историей материальной культуры и к проработке учения о четырех элементах (так наз. племенных словах). Продолжая попрежнему собирать материал в порядке от семантических фактов к морфологическим, от лексики к грамматическим категориям, лексическую часть я тут же на месте располагал по эпохам возникновения определенных кругов представлений и понятий. Прежнее деление «сначала представления и конкретные физические образы, затем понятия и отвлеченные предметы» получило и количественную и особенно качественную поправку. Составление реально-эволюционного распределения слов по эпохам — это очередная проблема, в работе над которой выяснилось, что одна из трудностей в ее разрешении — отсутствие учета слов, возникших за исторические, но тем не менее еще доморфологические эпохи. Трудность проистекает не столько (пожалуй, отнюдь не) от отсутствия данных в науке об языке, но оттого, что известным по письменным источникам историческим культурам предшествовали бесписьменные исторические культуры или исторические культуры, не попадавшие в поле зрения письменных источников, и реальной классификации материалов и их эволюционному распределению мешает господствующее в науке факти-

ческое положение, хотя многими принципиально и признаваемое несостоятельным, это то, что в доисторическое относится все, не трактуемое по письменным источникам.

Со сделанными оговорками в этом плане велись работы мои по регистрации нового материала или проверке прежде собранного везде и со всеми языками, которыми мне удалось позаняться, в Алатыре мордовским, почти исключительно эрзя, в Чебоксарах чувашским да марийским, или черемисским (по этому языку со мной работали лица из учащихся и учащихся Марийского техникума в Козьмодемьянске, специально командированные руководителем названного училища), в Перми, как я уже говорил, обоими северными языками, удмуртским (вотским) и коми, последним в двух разновидностях — пермяцким и зырянским, чаще одновременно. При принятой системе зафиксирования фактов со вниманием не только к формальной, но и к идеологической стороне языка, такое комплексное слушание изучаемого материала выявило много черт, на которые иначе не скоро было бы обращено внимание.

Таким образом составлены были мною еще на месте три следующие работы под общим заглавием — «На пути к доистории человечества»:

I. Мордовский язык (мокша, эрзя), палеонтологически-сравнительно разъясненный в освещении яфетической теории с общим по ней введением.

II. Подготовка для труда по чувашскому языку (см. ниже).

III. Марийский (черемисский), палеонтологически-сравнительно разъясненный в освещении яфетической теории.

Таков же был подход в работе над удмуртом и коми, т. е. так как здесь приходилось одновременно работать над коми и удмуртом в ожидании возможного объединения и с другими языками или выделения каждого из языков, т. е. удмурта и коми, как предмета особой трактовки. Работу над ними мы вели нераздельно на тему «Состав языка удмурта и коми в палеонтологическом анализе». По существу же мы могли бы назвать труд, и, вероятно, так и назовем: «Коми и удмурт языки, палеонтологически-сравнительно разъясненные в освещении яфетической теории». Вопрос лишь в том, повторяю, совместно ли трактовать эти два языка или раздельно.

По чувашскому языку материал не подвергался такой проработке, работа велась в прежнем порядке, так как здесь вопрос осложнялся с одной стороны тем, что в чувашском вклады исторических эпох сильнее выступают, в нем доисторизм отошел больше на второй план, несмотря на то, что чувашский язык, не в пример другим вол-камским языкам, сохранился с большими чертами яфетического состояния. Словом, факт, что собственная историческая жизнь разрушительнее повлияла на первичное диалектическое богатство чувашей, в чувашском нет той обычной картины двуязычия, которое выступает в марийском и даже в коми, равно в удмуртском (что, впрочем, не имел я случая непосредственно штудировать в этом отношении), но особенно сильно в мордовском. В чувашском ряд диалектических черт, часто более значительных, чем раздвоение губного гласного, оканье и укание, не ведет деления далее различения говоров. Положение *mutatis mutandis* то же по существу, что в Грузии, где общественно-

политическое господство одного классового языка позднейшей эпохи, поддержанное сильным развитием письменности, убило наречия, свело на нет самостоятельные языки или сводит их на нет, предварительно переводя один класс соответственного иноязычного наследия за другим на двуязычие. Эта сторона дела чувашский язык ставит в исключительное положение. Здесь перед нами особая проблема по выяснению сильных исторических факторов, создавших наличное состояние чувашского языка с его цельностью и сравнительным однообразием. С другой стороны, по чувашскому языку много было проработано и много в ином порядке, вообще много в нашем распоряжении и печатного материала, чтобы так быстро переработать громадный материал в сравнительно-палеонтологическом изложении.

Однако и по тем языкам, по которым делались мною названные работы «На пути к доистории человечества», это лишь начало дела, никакой претензии на исчерпывающее изложение.

Первым кругом понятий приняты так называемые термины родства. В этом отношении любопытный для процесса прометеидизации («индоевропеизации») факт вскрылся в мордовском, именно тот, что архетип прометеидского термина 'брат' в мордовском отложился в двух разновидностях *ba-tau* и *ba-za*, означающих первая 'старший брат', равно 'брат отца' (т. е. 'дядя'), а вторая — 'брат жены'. В палеонтологической классификации слов намечен ряд слоев, в числе которых первое по времени место приходится отводить, однако, не социальным терминам, а культовым, ибо первоначальная звуковая речь культовая с культовым восприятием каждой области хозяйственной и общественной жизни. Это культовое восприятие представлений сдает место лишь по мере увеличения знаний.

За общественными терминами, со включением племенных названий, идут другие круги понятий, в том числе охота и пастушество с временами года, пища-питье и предмет соответственной функции как из растительного, так из животного мира, хозяйственное сосредоточение, приют или дом ('защита' || 'покров') с хозяйственными предметами, наряд и одеяние, орудия производства, да и материал.

Космическое словотворчество от 'неба' до 'птиц' и далее, словотворчество художественных образов линейных и пространственных, члены микрокосма — тела, особо перед отвлеченными понятиями общие понятия, как то 'место', 'время', 'жизнь', 'человек', 'животное' и т. п., местоимения и прилагательные, как использование имен, существительные, числительные, вообще отвлеченные понятия, семантические дериваты без морфологических придатков, когда речь об отвлеченных понятиях и служебных словах, местоимениях, отрицаниях, союзах, и, наконец, глаголы, они же равным образом отвлеченные понятия, расположенные по категориям имен, от которых они произведены, начиная с 'руки', первого орудия производства.

И уже затем слова с производством морфологических эпох, начиная с составных, и сама морфология в своем возникновении, динамике общечеловеческого развития речи, и в статике данного языка.

В процессе работы над каждым языком или на каждой исследовательской стоянке возникали особые вопросы, иногда проблемы, требовавшие немедленного освещения, чтобы ориентированнее и сознательнее относиться к регистрации фактов, да и сами наблюдения усложнить.

Везде велась топонимическая ориентировка, хотя бы с беглой классификацией по племенным названиям или элементам названий населенных пунктов, рек, озер, урочищ и т. п. В этих целях сотрудница КИПС А. А. Марр составляла по наиболее подробным картам топонимические списки. Так ею составлены топонимические списки, в числе их указатель населенных пунктов и рек территории, обнимающей части и удмуртов, и коми, и марьев по подробной «карте Вятской губернии».

Попутно разъяснилось и происхождение термина *Kitej* или *Kitj*, его бесспорное доисторическое культовое значение, как 'Города солнца'.

Топонимическими данными, а также палеонтологическим положением о функциональной семантике, вскрывшим, между прочим, что русское слово «лев», в мордовском сохранившееся еще в первоначальном значении 'собаки', у яфетических народов Кавказа имело, несомненно, культовое значение и отложилось в топонимике, я был подведен к проблеме о нахождении мордвинов на юге, и у меня возникла работа «Прародина мордвы или их сородичей на Кавказе (из опыта по этнической культуре)», имеющая значение для территории с осетинским населением в смысле более точного определения первоначального, допротейдского («доиндоевропейского») его яфетического населения.

Как важно, однако, индивидуально подходить к каждому слову, не только к лексическому составу в целом каждого языка, прежде чем решать, да и ставить правильно, генетические вопросы, легче всего видеть на слове 'лошадь'. Тогда как в западных финских языках скрещенные термины, двухэлементные сал-берские (суоми *he-vol-en*, эст. *ho-bun-e*, resp. *ho-bu-*, *hobu-esel* 'лошак'), как в марийском (i-шце, ибо a-лаша у марьев в значении специально 'мерина'), а в коми (зырянском, пермяцком) и удмуртском (вотском) одноэлементный берский — удм. *vał*, км. *vəl*, равно в чувашском одноэлементный рошский — *laja*, у мордвинов, замыкающих с юга эту группу народов, опять скрещенные термины, двухэлементный рош-берский — *lш-та*, во второй его части отнюдь не случайно созвучный с кит. *ша*,¹ в архетипе **lш-та*, в первой части также не случайно созвучном с русским «лошадь». Интерес представляет господство двух племенных слов, самостоятельно ли они появляются или в скрещении, именно, рошского и берского; интерес состоит в том, что те же племенные слова отложились в названии Волги, — рошское — в древнейшем названии *Rha*, сохраненном клинописными языками в идеограммах в виде 'RA со значением 'лошадь', обычно как второй элемент скрещения *KUR-RA*, берское — в основе сохранившегося до наших дней термина *Vol-ga*, и эту основу *vol*, собственно

¹ Об этом термине см. теперь сообщение мое, предложенное в ОИФ для напечатания в Докладах «Китайский язык и палеонтология речи. V. Берская 'лошадь' от моря и до моря» [напечатано в ДАН, 1926, стр. 129—132].

первый элемент термина, также явно скрещенного, нам сохраняет коми в редуцированном виде *vəl*.

В марийском бросилось в глаза соотношение двух его наречий, горного и лугового, как языков двух различных групп, свистящей — горной, и шипящей — луговой, точно перед нами были мегрельский, что шипящей группы, и грузинский, что свистящей группы.

Другая поразительная черта расхождения лугового марийского наречия с горным в образовании мн. числа (луг. *шамəʃ* || горн. *vlak*) и сходение в этом отношении лугового марийского с чувашским, причем чувашское мн. число представлено в позднейшей разновидности, усеченной — *sa+m* || *se+m* (← **sa-mar*), тогда как у луговых мариев полный вид без усечения — *ша+шəʃ* (← **ша-шəʃ*).

Вообще связь исконная, доисторическая, марийского с чувашским не раз выступает разительно яркими примерами, так, напр., по пучковому значению 'рука+женщина+вода': *ши*, в чувашском означающее 'воду' и отнюдь не случайно созвучное с кит. *шиу* 'река', означало и 'руку', как мы то находим не только в далеком шумерском, но и на берегах Волги, где ныне мари соседят с чувашами, ибо по палеонтологии речи известно, что глагол 'бросать' происходит от слова 'рука', и мар. *ши-аш* 'бросать' происходит от основы *ши*, означавшей, очевидно, 'руку' (в чувашском 'бросать' ныне *pəgaχ-as*).

Отношение лугового к горному, как окающего к акающему, вынуждает выставить в значения 'дома' как слово подлинно горно-марийское *sar-t*, ибо марийское *sur-t*, означающее 'дом', принадлежит окающей группе, представленной луговым наречием, теср. некогда языком, где имеем и полную форму этого скрещения *sur-tan*, и в горном мы иначе и не можем мыслить подлинного его эквивалента, как *sar-t*, причем первая часть скрещения *sar*, двусогласная разновидность наличного в грузинском трехсоголасного *saq̄l* (∞ **sq̄al* ↖ *ʃal*) 'дом', а вторая часть *tan* || *ton* ↔ *tun*, также 'дом', сохранилась у армян в окающей форме **ton* (→ **tawn*)¹ ↔ *tun* 'дом', равно *tan+q* 'кровля', 'крыша', у горных *surt* 'дом' в некоторых районах, а больше — *toṃa* 'дом'. Заимствованность последнего термина из русского еще вопрос, ибо требует урегулирования раньше происхождения мар. *pōr-t* 'изба' и самого русского *из-ба*, термина также скрещенного.

В процессе работы выяснилось существование совершенно не обследованного наречия по Ветлуге.

В части о мариях заслуживает внимания следующий курьез, способный, не будь он отмечен, ввести в заблуждение.

«Луговых» черемисов ныне называют *aləq maḡə*, а близких к ним *kojla maḡə*, а близкие к горным мари, или черемисы, окружения Козьмодемьянска, в восприятии их самих — 'лесные черемисы', однако *aləq maḡə*, сочиненный

¹ Род. *tan+q* от им. **tawn*; впрочем, теперь требуется пересмотр всего вопроса об этом термине и в формальном, и в семантическом отношениях, с привлечением и суффикса *-stan*; в частности, может быть, требуется пересмотр вопроса о названии хазарской столицы *Sar kel*. о чем подробнее у меня в имеющей появиться на днях работе «Чуваши-яфетиды» [см. здесь, стр. 367 сл.].

после революции термин, перевод термина 'луговой', собственно 'низменный' или 'низинный', а раньше звали их *šāglā maḡə*, причем горные черемисы принимали этот термин в смысле производства как черемисов царевкокшайских, между тем *šāḡ* в черемисском племенном названии ничего общего не имеет с русским «царь», поскольку последний термин принято производить от термина «цезарь».

В связи с этим нововведением в этнической номенклатуре надо упомянуть и о следующей новости в топонимике. По языку луговых мариев горные черемисы *šikmoš maḡi*, в их восприятии по теперешнему объяснению уже не луговых, а горных, это 'тык'ские черемисы ('крепостные' — крепости Козьмодемьянска), ибо *šika* на детском языке в игре 'огороженное место', но вообще по-марийски *šika* — 'граница', 'предел'. В то же время название Козьмодемьянска у кокшармарцев — *šikma*, у луговых мариев *šikma* (у чувашей: *šikma* *χiŋi* 'город Чикма'). Что же касается самих горных мариев в отношении именования своего города, то до последнего времени его звали просто 'город' — *χala* или *ala*, в двух диалектических формах этого термина, но после революции, усмотрев по созвучию связь названия луговых мариев *šikma* с ЦИКом, они стали называть его, в интеллигентной среде, *šik χala*. Мы здесь не останавливаемся на происхождении *šik* с его родней (~**šok* || *šak*) \ *sik* ~ *sok* (\ *sək*) || *sak*, имеющих свои неразрывные связи теперь на севере с коми, специально зырянским, а на юге с языками со скифским вкладом (г. *šiqe* 'крепость', *šiq* 'огороженное место') или с языком — пережитком скифского (м. *šiqā* 'крепость'), собственно со скифским, что стало выясняться позднее.

Объединение коми с удмуртом в изучении, происшедшее у меня случайно по сложившимся в Перми в момент моего приезда благоприятным для такого совместного обследования обстоятельствам, впоследствии нашло свое внутреннее оправдание в том, что коми и удмурт оказались опять-таки во взаимоотношениях языков свистящей и шипящей групп, во всяком случае акающего и окающего языков, как то мы отметили и во взаимоотношениях двух марийских наречий, горного и лугового и т. п.

Чего не досчитываемся в более или менее цельном виде в том кругу, так это окающей группы.

Попутно с работой на живом материале, я по возможности вел свои занятия с суомп, главным образом над текстом Калевалы, и так подходил и к анализу морфологии и финских языков и чувашского, к их палеонтологическому освещению, к яфетическим переживаниям в них, и, обратно, — использованию их для разъяснения темных или не разъясненных явлений в дошедших до нас яфетических языках. И на конечной стоянке, в Перми, и произошло, что, во-первых, вскрылось, что в названии зырян мы имеем одну из разновидностей названия скифов, а в национальном названии их города да реки *Sək-tov* — отложение другой разновидности названия тех же скифов-саков, и вслед за тем, вспомнив перечень у Геродота северных народов, в их названиях усмотрел благодарный материал для отождествления с современной приволжской и соседящей племенной номенклатурой, а сообщаемые Геродотом скифские слова и выражения стали разъ-

ясняться как яфетические, и началась не только новая работа по скифскому языку, но, думаю, и новый поворотный пункт в развитии яфетической теории: именно со скифами яфетическая теория вносится в разработку или в освещение тех исторических эпох Средиземноморья, которые покрыты мраком полного забвения.

Пока из работ этого порядка, результата поездки к вол-камским народам, является «Скифский язык»,¹ доклад, читанный 6 сентября на пленуме Керченской конференции археологов в СССР, печатающийся в сборнике моих яфетидологических статей, издании Комитета, ныне Института по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР.

Однако поездка на Волгу не прерывала ни интереса к далекой сибирской речи (хотя работа у енисейских остяков, как было разъяснено, не состоялась) и к китайскому, ни посильных по ним занятий, и рядом с намеченными новыми проблемами выступили другие, открылись и новые перспективы, которые вместо того, чтобы приободрить, подавляют и удручают по несоответствию наших сил. И, несколько не ослабевая объективно в вере в дальнейшие успехи нашего дела, яфетической теории, при активном участии ЯИ и ныне открывающегося в Москве упомянутого института, на возглавление которого я согласился исключительно при условии построения его исследовательской деятельности на яфетической теории, субъективно чувствую до болезненности потребность в длительном отвлечении от всех мешающих моим работам занятий и в досуге для того, чтобы продумать и проработать, пока не иссякли силы мои, хоть часть возникших проблем, и потому прошу Академию о своевременном обеспечении меня годичной командировкой частью в Средиземноморье, его острова, африканское и европейское побережье вплоть до Иберии-Испании (с заездами не только к баскам на север, но, если позволят средства, и на юг, хотя бы к некоторым племенам глубинной Африки с так наз. первобытной речью), частью к палео-азиатам Сибири и в связанные с ними лингвистически дальневосточные районы. программа этих двух поездок, длительностью в целом в один год, мною будет представлена, в случае благоприятного исхода, месяца за два до отъезда.

В заключение прошу Академию выразить благодарность поддерживающим морально наши научные предприятия по приволжским, собственно вол-камским народам председателю ЦИК Чувашской республики т. Ларионову и наркому Просвещения, равно заведующему Марийским техникумом в Козьмодемьянске и преподавательскому его составу, а также заместителю ректора Пермского университета А. П. Дьяконову за исключительно предупредительное внимание к моим потребностям в организации занятий марийским языком в Чебоксарах и коми и удмуртом в Перми.

¹ [См. здесь, стр. 191—223].

Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка¹

В речи чувашей мы не сразу улавливаем свистяще-шипящее взаимоотношение огласовки, т. е. то взаимоотношение, которое отличает схождение языков яфетической системы в одном общем хозяйственно-общественном деле, указывает на наличие в данном районе, хотя бы в одном языке, и в таком случае пережиточное, языков двух групп яфетической системы — группы свистящей с аканием и эканием и группы шипящей с оканием (при акании свистящей группы) и аканием (при экании свистящей группы). В чувашском языке, прошедшем еще в древности проработку письменной речи, хотя бы подвергшемся ее влиянию, или в этом отношении ослабившем следы наличия двух групп, господствовавшего в вол-камском лингвистическом районе, как в кавказском, здесь самостоятельно, сразу же, наоборот, бросается такое разделение речи между двумя оттенками губной огласовки, широким и узким — оканием и уканием. Между тем, в других языках того же района (пока мы имеем в виду языки финской системы) в том или ином виде, в той или иной степени наблюдаются взаимоотношения языков целых двух групп — свистящей и шипящей, на Кавказе существующих раздельно и территориально, каждая из них в виде нескольких самостоятельных языков или одного самостоятельного языка. Впрочем, на севере эти взаимоотношения, сведенные к корреспонденции лишь огласовки, именно акания оканию, геср. уканию, мы наблюдаем также между двумя самостоятельными языками: удмуртом (вотским — свистящий с аканием) и коми (зырянским — шипящий с оканием), с редким проскальзыванием звукосоответствия е || а также из взаимоотношений свистящей и шипящей групп, напр., удм. *ʃel* 'мизинец', коми *ʃal id*. Ниже, у мариев (черемисов) эти взаимоотношения сохранились богаче, захватываются и согласные в порядке соответствий *s* || *ш* и т. п., здесь так корреспондируют два наречия марийского языка — горное (свистящее, геср. акающее) и луговое (шипящее, геср. окающее). Что же касается мордовского языка, здесь те же взаимоотношения богаче представлены в части огласовки. Имеется между двумя наречиями, почти самостоятельными языками, мокшей и эрзей, корреспондирование свистящей и шипящей групп и гласных полностью, т. е. и *a* || *o* и *e* || *a*, но с существенной поправкой. Вопросы о колебании «а» между «а» и «я», равно о колебании «е» между «е» и «и» и губной огласовки между «o» и «и» сейчас не касаюсь. Все они социальные явления одного порядка. В остальном звукосоответствия каждой пары проходят безукоризненно, но распределение их меняется: в мокша «а» при «o» в эрзя, согласно взаимоотношению свистящей группы (а) с шипящей (o) в сибирянской ветви яфетических языков на Кавказе, но корреспондирующая пара *e* || *a* изменяет порядку распределения свистящей и шипящей групп на Кавказе, т. е. тогда как на Кавказе на одной стороне с «а» гласный «е», на другой с «o» — гласный «а», у мордвинков при «o» в эрзя —

¹ Доложено в ОИФ 2 IV 1927 [напечатано в ДАН, 1927, стр. 143—147].

в мокша «а», и затем при «е» в эрзя же в мокша опять «а», гесп. *ǎ*, т. е. в мокша налицо «а» двух различных групп.

Это имеет громадное палеонтологическое значение. Оно взрывает исконность парно закономерных соответствий свистящей и шипящей групп на Кавказе, груз. «а» и «е» || м., ч. «о» и «а». Оно упраздняет вообще первичность такой сложной корреспонденции в гласных у двух коллективов, роднящихся речью. Мы здесь только отметим случаи, уже известные нам по склонению в суффиксах — мкш. *-ta* → *-da* || эрзя *-te*. Наличие указанной пары огласовочных взаимоотношений наблюдаем совместно в числительных.

Мокша	Эрзя
I. а ¹	о
'2' <i>kafta</i>	<i>kavto</i>
'3' <i>kolma</i>	<i>kolmo</i>
'6' <i>kota</i>	<i>koto</i>
'8' <i>kafksa</i>	<i>kafkso</i>
'12' <i>kemgaftuva</i>	<i>kemgavtovo</i>
(также <i>-va</i> <i>-vo</i> в числах '13', '16', '18'),	
'100' <i>šada</i>	<i>šado</i>
II. а ²	е
'1' <i>fkǎ, ifkǎ</i>	<i>weyke</i>
'4' <i>nǎ</i>	<i>nle</i>
'5' <i>vetǎ</i>	<i>vete</i>
'11' <i>kefkǎ</i>	<i>kevi keye</i>
'15' <i>kevetǎ</i>	<i>keveteje</i>
'19' <i>kevehksǎ</i>	<i>keveykseye</i>

Два а (а¹ и а²) это условное различение нами одного и того же мокша с одним «а», гесп. «ǎ» — различение в зависимости от двух соответствий (о и е) в эрзя.

Итак:

1) Прежде всего взрывается, следовательно, исконность наличия в одном и том же языке двух огласовок, так в свистящей «а» и «е» при шипящей «о» и «а», ибо распределение мокша и эрзя раскрывает, что огласовка «е» гуляет: то она в языке шипящей группы (с «о», это в Вол-камье), то она в языке свистящей группы (с «а», это на Кавказе), и в таком случае «е» является особенностью какой-то третьей группы и в Вол-камье, как мы то знаем на Кавказе, где она составляет отличительную черту сванского языка. Какой же язык был носителем этой огласовки в Вол-камье до стабилизации того языкового состояния, какое мы наблюдаем теперь и с исторически древних времен, по исключению заведомо позднее внедрившихся в Европу в исторические эпохи турок в наличном о них стабилизированном у ученых представлении? Не была ли таким языком та речь доисторического народа восточной Европы, языка тогда яфетической системы, которая легла сама целиком в основе русского языка, отличающегося выпячиванием эканья в большей степени, чем все другие соседящие языки, языки еще финской системы? Это проблема.

Затем два дополнительных разъяснения:

1) У чувашей, как сказано, не наблюдаем акания с оканием, его закономерного распределения по наречиям или говорам чувашского языка. Так ли действительно вполне обстоит дело, надо доследовать. Но что значит акание и окание? Ведь это свидетельство наличия двух групп, свистящей и шипящей, сибилантной ветви яфетических языков.

А разве в чувашском не имеем отложения языка свистящей группы? Ведь уже выяснен факт, что в чувашском целый слой слов (и морфологических категорий), до тождества сходящихся с соответственными материалами грузинского языка, а грузинский язык представитель именно свистящей группы.¹

2) Заслуживает внимания разнородность составных слов из числительных, так kol-та (при эрзя kol-mo); сложение kolта происходило, при разное его огласовки (о и а), в среде с языками двух групп — шипящей (окающей) kol- 'два' и свистящей (акающей) та 'один'; это та то же слово, что в абх. -ба 'один' в eu-ba [✓ *er-ba] 'друг друга' → 'один одного', префиксе в глаголах, напр., а-еуба-däg-га 'знать друг друга', в скифском та в слове агт-та, что в составе скрещенного термина в составном агт-та-сруу 'одноглазый' или 'один' или нумеративное число 'нечто' (= 'один').²

Прежде всего о числительном с безукоризненно выдержанным эканием. Это '10' kemeп (AB):

kemeп || keven → kem || kev (kef)

'11' kef-kіá '10+1'.

ак. Ѓа-маг бск. '10' (арм. hamag 'счет' от 'руки' или 'луны').

'12' kem-gaftuva '10+2' (так и в числительных '13', '14', '16', '17', '18').

'15' kevetiá, т. е. может быть ke-vetiá, самостоятельно или вместо *kev-vetia (ср. и эрзя '11' ke-vіkeуe; так и '19').

Скрещенное kemeп, разлагаемое на ke (← *kel, resp. *ker) и meп || ven (*vent) ← vent → *vend и т. д., представляет второй своей частью разновидность vet (мокш. vetá, эрзя vete), что значит у народов Вол-камья 'пять', но на Кавказе у народов шипящей группы — 'десять' (vіđ-1).

Мокша	Эрзя
'1' f-ká, if-ká	weу-ke и ve

Скрещенные оба, эрзя сам выявляет ve ← veh (|| veу ✓ *ver):

эрзя veу-kse || мкш. veh-ksa '9' (← 'без одного [десять]'),

эрзя ke-vі+keу-e '11' ('10+1'),

арм. meу (→ mē) ↔ mі 'один' || скифск. -та.

Экание нам сохранили из финских языков, если не останавливаться на 'четырёх' (здесь особые условия), только мордвыны выдержанно в '10' — kemeп (его имеем лучше представленным и в угорских: '1' венгерск. e-gə, '2' венг. ké-t ↔ вог. kі-t и др.). Но kemeп '10' вообще достояние и по основе, по составу эле-

¹ [См. здесь, стр. 279 и сл.]

² [См. здесь, стр. 219.]

ментов, только двух языков из всех языков угро-финского круга, именно мордовского и суоми, здесь с разноречием в огласовке — \acute{u} , resp. u — e ($k\acute{u}š\acute{e}n \leftarrow *k\acute{u}r-š\acute{e}n$). В остальных для числа '10' — слова, не имеющие ничего общего с $keš\acute{e}n$ || $k\acute{u}š\acute{e}n$ (resp. $*k\acute{u}r-š\acute{e}n$), именно das (коми, удмурт), tiz (венг.), $uač$ (ост.), lu (мар., resp. черем.) и $loke$ (лопарск.).

Сравнительно с $keš\acute{e}n$ в двух разновидностях, объединяющих мордвцев из Вол-камья с прибалтийскими финнами (в частности суоми), слова у громадного большинства остальных перечисленных народов отличаются одной архаичностью, именно одноэлементностью — das , tiz , $uač$, lu , лишь у вогулов и лопарей двухэлементное, у первых — $lo-v$, у вторых — $loke \leftarrow lo-ke$ (DA).

Из этих одноэлементных 1) остяцкый термин $uač$ стоит как будто одиноко в отношении языков Вол-камья, но ведь это элемент С, в акающей форме, эквивалент акающей $op \leftrightarrow up$, наличной прежде всего у чувашей (с паразитным v : $voč \leftrightarrow vuš$), а с ними и у турок. Почему «прежде всего у чувашей»? А потому, что чувашский язык из шипящей группы с оканием, следовательно, по его основному слою, как $ruč$ при т. $bač$ с аканием. Значит, остяцкая форма более закономерна для языков турецкого круга.

2) Зыряно-вотский (коми-удмурт) термин das объединяет не только коми и удмуртов, но многие языки других систем, древнейших и новейшей (прометеидской). Языков прометеидских («индоевропейских») сейчас можно в целом не касаться, поскольку они позднейшей системы, но армянского языка, языка переходного, не можем не тронуть: в нем именно das , resp. tas , древнелит. $tas-ən$ || $tas-ān$. Но прежде чем говорить о других языках, входящих в круг языков с этим общим словом в значении '10', надо отметить неисконность принадлежности das одновременно и коми, и удмурту, поскольку эти два языка переживают в себе соотношения двух групп, шипящей и свистящей, в отношении огласовки акающей и акающей, т. е. при $das \leftarrow *tas$ нехватает $*doš \rightarrow *toš$, resp. $*doš \rightarrow *toš$, что, однако, с позднейшим заместителем $o \leftrightarrow u$, именно $e \leftrightarrow i$, налично у венгерцев в виде $tiz \leftarrow *tis$. Остается изолированность черемисов с их lu '10', т. е. чистым одним элементом D, но его, элемент D, мы имеем в скрещенном виде у вогулов (DB) — $lo-v$ и лопарей (DA) — $lo-ke \leftarrow lo-ke$.

Оба последних слова, лопарское $lo-ke$, resp. $lo-ke$, и вогульское $lo-v$, первым элементом (D) объединяемые с черемисским lu , для нас сейчас интересны тем, что вторыми частями увязываются с абсолютно, казалось бы, изолированным морд. $ke-š\acute{e}n$ || суоми $k\acute{u}š\acute{e}n$ -, ибо вторая часть $lo-ke$, т. е. элемент A,-ke, и вторая часть $lo-v$, т. е. элемент B, в сумме дают скрещение $ke-v$, т. е. усеченный вид слова $*ke-ven$, разновидности $ke-š\acute{e}n$.

Элемент A, в значении '10' объединяющий одноэлементно коми, удмурт, армянский, венгерский в разновидностях сибилантной ветви ($tas \rightarrow das$ || $*tos \rightarrow tis$), а в разновидности спирантной ветви наличный лишь в скрещенных образованиях то с оканием, то с уканием — $k\acute{u}š\acute{e}n$ (суоми), то с эканием,

отсутствует на севере с аканием, но его представитель в полном виде на далеком Западе и далеком Юге: на далеком Западе у басков в скрещенном термине *ha-pag* → *a-pag* с падением *k* в *h* — *ha-*, на далеком Юге, на Кавказе, у народа с речью свистящего строя, грузин, также с падением *k* \ *h* → *a*, как у басков, но с сохранением исходного согласного в виде *š* — *aš*, это *kaš* (да и *aš* в *ша-аš* 'муж-человек' → 'мужественный', *di-aš* 'жена-человек' → 'женщина') 'человек', герр. по палеонтологии и 'один'.

Обобщения не делаю, чтобы не быть соблазном ни для детей, не ведающих, о чем и что говорят, ни для старцев, замогильными голосами приглашающих хоронить их мертвецов, т. е. чтобы не давать повода к тому назиданию, что мы занимаемся одними обобщениями без фактов, утверждениями 'недоказуемыми' (*indémonstrables*) да 'ломкими' (*fragiles*). Попробуйте сломать.

Из двухэлементных абхазских слов (к встречам с чувашским)¹

У абхазского с чувашским встреча далеко не в одном термине 'лошадь' — абх. à-laṃa 'мерин', чув. laja 'лошадь' и т. д.²

Каждый, знакомый с начальным курсом яфетической теории, может разобраться в двухэлементном составе таких абхазских слов, как а-ḡ+ba (AB) 'корабль', а-b+ḡə 'лист' и в их отождествляемости, первого не только с чув. ki-mě (ср. тур., груз. и пр.), но и с груз. q̄o+mal-d 'корабль', второго не только с чанск. q̄uḡ-k (↘ арб. waḡ+a-k) 'лист', но и с груз. q̄uḡ-ḡel || φοḡḡ'-ḡol ~ чанск. q̄u-q̄uḡ 'лист' и т. д. Однако не всегда все так гладко и легко. Не только начинающий яфетидолог, но, казалось бы, и кончающий может впасть в грубую ошибку, если он... невнимателен и, поддавшись дремоте, анализ производит механически. Так, напр., произошло у меня с ḡa+bā-k на стр. XVII «Абхазско-русского словаря», где, признав в нем скрещенье, соответственно его разъяснил, к основательному смущению моих молодых слушателей-абхазов В. Кукба и А. Хашба, любезно указавших мне, что в указанном примере случай не скрещенного слова со значением 'одно яблоко', а составного из а-ḡa и хорошо известного bāa 'гнилой' и значит оно 'гнилое', герср. 'негодное яблоко'. Беда, однако, не в том, что невнимательность проявлена в данном мною анализе. Анализ-то сам основан на неточном разъяснении слова во фразе ḡa-bā-kə q̄ḡāk aḡbāwoyt, цитованной там же под словом а-ḡa 'яблоко' с переводом 'одно яблоко портит сотню', откуда и возникло дальнейшее недоразумение с толкованием основы ḡa+bā-k за скрещенье из равнозначущих элементов, тогда как следовало бы перевести 'одно гнилое яблоко портит сотню', буквально 'сто яблок'. И все-таки, если бы не невнимательность, здесь затруднения не было бы никакого для не только формального, но идеологического анализа, установления палеонтологии семантики.

Иное дело с à-bḡa 'шакал', используемым с прилагательным q̄ḡə 'малый' в значении 'лисицы' — à-bḡa q̄ḡə, а с прилагательным dəw 'большой' в значении 'волка' — à-bḡa dəw.

Формальный анализ не представляет особого затруднения; это скрещенье из двух элементов (BA), причем элемент B, в абхазском представленный усеченно (b-), у грузин сохранился в полном виде mel в mel-a || mel-ḡa, да и mel-ḡ 'лиса', тогда как элемент A, в абхазском сохранивший огласовку, но утративший плавный исход (полностью ḡaḡ, герср. ḡal), сохранился и в значении 'волка' и у армян древнелит. ḡayl ← ḡal-ḡ, и у сванов в виде и ḡal, и ḡaḡ в составе княжеской фамилии цхенис-цхальской Свани — св. ḡal-ḡq̄āp || груз. ḡaḡ+ḡa-ḡq̄a-ḡe, буквально 'сын (-ḡp || -ḡe) волчицы'.³ Слово и в сванский, и в армянский язык

¹ Доложено в ОИФ 16 III 1927 [напечатано в ДАН, 1927, стр. 148—150].

² Н. Марр, Абхазоведение и абхазы, ВС, вып. I, стр. 150 сл. [см. здесь, стр. 177]; его же, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, стр. 676 сл. [см. здесь, стр. 290 сл.].

³ Н. Марр, Наричательное значение термина q̄era в «митанских» женских именах (по яфетическим данным), ИАН, 1920, стр. 126.

проникло, очевидно, из языков шипящей группы, ибо в грузинском, языке сви-
стящей группы, имеем безукоризненно точное его соответствие в виде *gel*, с пре-
фиксом *m-gel* 'волк'. Правда, ни *gal*, ни *gag* не сохранили нам дошедшие до нас
на Кавказе представители шипящей группы: в них или *geg* (мегр. *geg-1*, *n-geg-1* ←
чанск. *m-geg-1*), с огласовкой «е» под влиянием грузинского, или *gwer* (чанск.
m-gwer-1), предмет особого обсуждения, но принадлежность *gag* шипящей группе
подтверждается его нахождением с глухим еще представителем *g* в *kaŋ* ~ *kaŋ*,
именно *kaŋ* у чувашей в первой части удвоения этого слова *kaŋ-kəŋ* со значе-
нием 'волк', а чувашский по основному своему слою представляет язык шипящей
группы, гесп. его переживание.¹

Вопрос, однако, не в этих формальных отождествлениях, а в палеонтологии семан-
тики, поскольку первичное значение слова как не 'волк', так и не 'лиса', да и не
'шакал', а 'собака'; отсюда и скрещенный абхазский термин *à-bga dèw* ['большая
собака' →] 'волк', и *à-bga fètè* ['маленькая собака' →] 'лиса', и если у абхазов,
однако *à-bga* без всякого эпитета означает 'шакал', то, во-первых, это объясняется
тем, что для 'собаки' у абхазов отобран элемент *D*: *a-là* и, во-вторых, 'собака'
и 'шакал' носили общее название, понятно, сначала так называлось домашнее,
гесп. одомашненное животное, впоследствии дикое, но об этом особо.

Интересно наличие того же элемента *A* с губной огласовкой опять-таки ши-
пящей группы по диалектической трактовке плавного (*ɣ*), по его перебойному
замещению звуком *q* ($\searrow J \leftarrow \text{ш}$) согласно норме мегрельского и чанского языков
(обычно *pd*), именно *qud*, в абхазском фонетическом восприятии *qəd*, как это
можно видеть в составе также скрещенного из тех же элементов термина, но
в обратном порядке (*AB*) — *a-qəd+ma* в значении 'волка'.

Без скрещенния элемента *A* в разновидности данного абхазского слова *qəd*, гесп.
qud, представляет двойной интерес:

1) К *qud*, собственно архетипу **kiud* ~ *kiu*, восходит, несомненно, основа с ре-
дукцией губного гласного *kəd* (~ *kəŋ*) → *kəd* с признаком ласкательного суф-
фикса *-ək*, наличная в чувашском слове *kəŋ-ək* 'собака', 'щенок', равно *kəŋ*, что
во второй части удвоения *kaŋ-kəŋ* 'волк' также у чувашей.

2) В связи с тем, что 'волк' появляется как название сказочного героя у ме-
грелов (*Geŋ-1a*),² равно как фамилия или родовое название княжеского дома в Сва-
нии, название, пережиток матриархального строя (*Galq̄q̄an* || *Gardaq̄q̄ade*),³ то
трудно воздержаться от вопроса, не имеем ли *qud* 'волк' в названии одного из родо-
начальников населения Грузии, именно *Quđ*, и перед нами в таком случае при-
мер опять тотемического использования названия животного в качестве личного
имени, собственно, первично племенного названия. Не забыть и то, что *Quđ* вы-
водится владельцем Эгриса, т. е. опять-таки страны с языком шипящей группы —
Мегрелии.

¹ Слово налично у киргиз в виде *kas-kəŋ* || *kaŋ-kəŋ*, равно *kaŋkəŋ*, что требует иного анализа,
именно признания составности слова из *kaŋ* + *ŋ-kəŋ*, поскольку *ŋk* может восходить к диффузному
архетипу \tilde{b} || $\tilde{\text{ш}}$, что закономерно требуется для данной основы, если в *ŋ* перед *ш* не имеем также
обычного у яфетидов (напр., грузин) паразитного наращення.

² Н. Марр, Термин «скиф», ЯС, т. I, стр. 130 [см. здесь, стр. 41 сл.].

³ См. выше, стр. 385.

Булгарский язык¹

Булгарский язык, поскольку он сближается с чувашским, наравне с последним входит в область ведения и яфетического языкознания. Не касаясь пока взаимоотношений названного языка с турецкими, в признании одним из которых отказывают ему ныне и не-яфетидологи, по новому учению самое отождествление булгарского с чувашским возможно лишь при подходе к булгарскому как классовому языку, наравне с хазарским, среды иного быта (военного, торгового) и иного религиозного мышления, чем чуваша, землеробы и лесники, сохранившие по сей день, вместе с финскими народами волжско-камского окружения — мариями (черемисами), мордвинами, удмуртами (вотяками) и коми (зырянскими, пермяками), пережитки древнейших культов Европы и Азии, с 'йомызом' (yomaz), разновидностью на Востоке — шамана, на италийской почве Запада — Карменты.

Классовый характер, однако, несколько не ограничивает особенностей речи одними идеологическими расхождениями. Он отражается и в формальных особенностях, в зависимости от принадлежности языка к той или иной социальной группировке по подбору и межклассовой или межплеменной согласованности его звуковых произношений (сибилянтовой или спирантной ветви, шипящей или свистящей группы) и по учету выбора и расположения элементов (их всего четыре — А, В, С, D) в составе слов, разложимости на эти элементы всех слов, в том числе и племенных названий; так, «бул-гар» и «чу-ваш» представляют одинаково тождественный подбор двух элементов — А и В, расположенных в термине «бул-гар» в одном порядке (ВА), в термине «чу-ваш» — в другом (АВ).

По новому учению, чувашский язык, — а, следовательно, и сближаемый с ним до отождествления булгарский — по главному массиву своего состава принадлежит к той социальной группировке языков яфетической системы, которая определяется формально фонетическим наименованием как шипящая группа сибилянтовой ветви языков. Потому-то выявляющее особенность этой группы слово тәүәг («тәхәр» 'девять'), противопоставляющее плавный звук «г» сибилянту «z» турецкой речи и в огласовке представляющее редуцированный губной гласный (о ↔ u), восходит к архетипу *ḡoḡoḡ («чохор»), благодаря чему чувашский становится в ряд шипящих языков яфетической системы, из коих мегрельский и чанский сохранили это числительное, в виде *ḡoḡoḡo из того же *ḡoḡoḡ («чохор»). Однако булгаро-чувашская группа, — во всяком случае, лучше сохранившаяся чувашская речь, столь резко выделяющаяся своим плавным звуком г в соответствии свистящему z в турецких языках, — сама в других многочисленных случаях проявляет то свистящий, то шипящий звук взамен ожидавшегося плавного г или l, с той же неустойчивостью и колеба-

¹ [Напечатано в БСЭ, т. 8, стб. 30—32].

нием, какие наблюдаются в языках яфетической системы. Принадлежность речи чувашей и, следовательно, болгар по формальным признакам к языкам шипящей группы преемственно сближает их лингвистически со скифами, до иранизации их верхов (никак не всех слоев полностью) говорившими на языке и наречиях яфетической системы той же шипящей группы. Вхождение болгаро-чувашской группы в круг шипящей группы не мешает ей, — по крайней мере, чувашскому языку, — в других основных своих слоях иметь отложение так наз. свистящей группы языков той же яфетической системы, почему у чувашского общие с грузинским такие слова, как 'холодвый' — чув. *sivě* («сивё»), груз. *šiv-i* («пив-и») и др. В материальной части речи, как и в словаре, эта группа языков, порывая в значительном числе вовсе или частично (при двухэлементности слова в отношении одного из его элементов) не только с финскими, но и турецкими, обнаруживает общность коренных своих слов с яфетическим Кавказом и с латинским языком; в последнем это — пережитки архаичной италийской почвы или так наз. доисторического яфетического мира Средиземноморья. Напр., чув. *уывăç* («йывăс») 'дерево', восходящее к архетипу **uug-voç*, двухэлементному (AB), не имея прямого родственного соответствия в турецких языках (здесь 'дерево' *ağaç* [«агач»] полностью, т. е. по обоим элементам), не имея его и в финских языках, является разновидностью с более выдержанной губной огласовкой (*ч ↔ о*) разнобойного в этом отношении (*а, о*) лат. *ag-bos* или *ag-bog*. Наконец, болгаро-чувашская группа представляет исключительный интерес по ее вкладу в русскую речь, так, «посылать», «посол» от чув. *şol ↔ şul* 'дорога', «сулить» от *sol ↔ sul* 'рука' — чув. *sol-ə ↔ sul-ə* 'браслет' и т. п.

Для ознакомления с новой постановкой вопроса о происхождении чувашского, а с ним и болгарского языков см. работы Н. Я. Марра, особенно: «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий», ИАН, 1925, стр. 673—698 [см. здесь, стр. 288—308]; «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике», Чебоксары, 1925 [см. здесь, стр. 310—322]; «Чуваши-яфетиды на Волге», Чебоксары, 1926 [см. здесь, стр. 323—372]; «О числительных (к постановке генетического вопроса)», «Языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. 1—34 [см. ИР, т. III, стр. 246—306].

Суоми-карельские и сомех-картские языки¹

(Предварительный отчет)

В результате непрерывной недельной работы над живой карельской звуковой речью получилось уточнение наших взглядов на взаимоотношения финских языков с кавказскими языками яфетической системы. В отношении суоми с его при статическом подходе наречием, карельским, уточнение формулируется уже сейчас в ряде положений, с чем и делюсь как предварительным отчетным сообщением по завершенной командировке.

Согласно нашей постановке лингвистического дела, учитывающей самое сложение каждого языка как результат ряда этапов исторического процесса, а не только его развитие, мною берутся с одной стороны язык суоми с карельским его двойником, с другой грузинский с ближайшими его сородичами так называемой сибилантной группы вкупе с армянским, оказавшимся в соответственных переживаниях более близким к суоми, чем какой-либо из финских в привычном родовом смысле термина языков.

Положения же, выставляемые мною, следующие:

1) С коренными ныне народами Кавказа разошлись прасуоми и пракарелы, оба последние еще в обладании звуковой речью яфетической системы, хозяйственно в период металлической культуры до изобретения железа, но по вхождению в хозяйственный обиход бронзы или меди. Социально: родовые, а тем более семейные термины не были еще установлены, как выразители родства, но существовали как выражения взаимоотношений внутри хозяйственно-общественных группировок. Лингвистически: общественность находилась на этапе нарождавшегося, отчасти уже сложившегося «имени действия» (глагола) с выработанными другими частями речи, именами и местоимениями, а также числительными, хоть и без стабилизации единой системы.

2) На том этапе — взаимоотношения соответственных социальных слоев речи, в позднейшие эпохи, как сейчас, лишь пережиточных в сличаемых языках, нормировались уже установленными для кавказских представителей яфетической системы законами, с тем среди них положением привлеченных к сравнению языков, что с грузинским и особенно армянским, в обсуждаемых пластах, финский оказывается то тождественным, то закономерно сходящимся, с выявлением таких же или тех же уз с окружением, что объединяет грузинский язык одинаково с мегрельским и чанским, да и сванским, но в суоми и карельском, как в армянском древне-литературном, сильно выступает слой спирантной ветви, сродный со сванским.

3) Спирантный слой бросает особый свет на исключительное значение сванского для обсуждаемой проблемы.

Более тесное схождение сванского с суоми и карельским выявляется и формально, с одной стороны, в тождественности богатого состава гласных, почти всех их модальностей как по смягчению, так по долготе, во-вторых, в господстве

¹ Доложено в ОГН 11 I 1929 [напечатано в ДАН, 1929, стр. 29—33].

в них сонорного звучания рядом с первенствующей спирантностью, поскольку в обоих их в словаре берут верх образования с элементом D. Общность элемента D в разновидностях не только ги ← гиш, но и пош, герс. пог, равно па, пе и т. п. у сванов с абхазами-абасками и пиренейскими басками и на севере у Финнов с соседями в значении первичного семантического пучка 'рука+женщина+вода' дала уже основание для истолкования терминов Nor-d и суом. Nor-ya («Norja») 'Норвегия' как 'ночи', т. е. в одном случае 'ночной страны' (Норвегия), в другом — 'ночной (полночной) стороны', т. е. 'севера'.¹

4) В то же время внутри обсуждаемых «финских» языков карельский выступает в лучших сохранившихся говорах особо ярким носителем фонетических особенностей шипящей группы яфетических языков с ее губной огласовкой сравнительно с суоми.

В настоящем отчетном сообщении обхожу молчанием ряд наблюдений по исторической топонимике, разъясняющих, например, названия христианизованных святилищ в Грузии, так — Kumburdo, одного из древнейших в крае монастырей (возникновение которого национальное предание относит к IV веку), равно наименования различных племен не только населения Армении, Грузии и Финляндии, но и соседящих с ними стран.

Новый свет брошен и на морфологию, и на фонетические нормы, а также на лексический состав, особенно армянского языка и грузинского, в известной мере, допускаю, по большей яфетидологической их изученности.

Поездка дала случай глубже войти в историю г. mīta 'земля' по увязке его с финским, — глубже, чем когда приходилось основывать эту увязку лишь на отождествимости элементов, так первой части mī-, позднейшего перебойного представителя mi, с финскими эквивалентами по формуле (maḡ → ma || moḡ ↔ miḡ ↘ mo → mi ~ mī),² и в финском открылся двухэлементный скрещенный двойник грузинского mī-ta (~*mi-ta) с сохранившимся плавным l (вм. r) у первой части, это mi-l-ta 'земля', 'чернозем', слово, наличное не только в суоми, но и в карельском, здесь в значении 'земли-почвы'.³

Вот еще одна из ярких встреч, намечающих ступень стадиального развития, с которой «финский» (суоми со исключением карельского), один их слоев, стал выделяться из соответственной социальной среды с языком еще яфетической системы. Она выявляется на грузинском числительном kerdo 'половина', филологически уже разъясненном в своих взаимоотношениях с арм. древнелит. keys (народн. kes) 'половина', род. kiso-y (←*ker-so, герс. *ker-zo ↗ груз. ker-do).⁴

Из печатных уже разъяснений известно, что слово это означало 'два' и перешло на обозначение 'половины', как название одной из двух частей. Известно также, что первоначально слово означало 'руку', отсюда использование его

¹ Обо всем этом подробно речь будет в специальной работе.

² Н. Марр, Скифский язык, стр. 382 [см. здесь, стр. 220]; его же, Средства передвижения, стр. 3 [см. ИР, т. III, стр. 123].

³ Сюда же относится выдержанно акающая разновидность maḡa (←*malda), наличная в шумерском с значением 'страны' (ср. и шум. ma 'страна').

⁴ Н. Марр, К вопросу о ближайшем средстве армянского языка с иверским, ЗВО, т. XIX, 1909, стр. 070—071, отд. отд., стр. 2—3.

у грузин (*kerdo*) в значении 'сторопы', 'бока'.¹ И это ослабляло вероятность предположения, что вторая часть *do* в числительном появилась в роли нумеративного придатка лишь в числе еще при значении 'два'; *kerdo* во всяком случае, как и арм. *keys* (← **ker-so*) — скрещенный термин из двух синонимных элементов (АС), означавших каждый, как и скрещенное образование, одинаково 'руку'. Раз слово означало 'руку', то в социальной среде с его обращением оно могло быть использовано в роли числительного со значением не только 'двух', откуда его появление в смысле 'половины' у армян и грузин, но и 'одного', гесп. 'раза', '-жды' и т. п. И вот именно в значении слова 'раз', '-жды' находим мы его в том же составе в суоми *kerta*, равно у карелов *kerta* → *kerda*, с утратой фрикативности зубным и с аканьем вместо губной огласовки во второй части, но в одном из карельских говоров, мной наблюденном на жителе села Сумениско, слово, звуча *kerdu*, разделяет и губную огласовку (о ↔ u) второй части, т. е. дело имеем в источнике с одной и той же социальной средой. Мы сейчас не уточняем эту социальную среду на Кавказе. Достаточно пока знать, что в грузинском, где данное слово редкий термин древнелитературный, как и в армянском, по схематической классификации это вклад экающей группы спирантной ветви, лучшим представителем которой на Кавказе является ныне сванский язык.

В лингвистической связи Кавказа с Финляндией, само собой разумеется, участвуют и окружающие языки, на севере суоми и карельский и языки особенно близкого с ними схождения, так называемой финской группировки, эстонский из балтийских и приволжские. На юге, помимо яфетических и армянского, это схождение, так называемое родство, разделяют в той или иной мере и мертвые языки яфетической системы, клинописно представленные, именно новоэламский, халдский, древнеэламский и шумерский. В известном слое, захватывающем слова космического мировоззрения, хозяйственно-социального строя, членов тела, у шумерского вскрывается такая близость, что слой этот, находящий поддержку и дальнейшее развитие в взаимоотношениях по языку армян-*сомехов* и финнов-*суоми*, тезок по так называемому племенному названию (*som+e-q*, *šuo+mi*) с *шумерами*, дал основание постановке для разработки на ближайшую очередь темы «К схождению и расхождению сомехского и суоми языков. Опыт выделения общего шумерского слоя». Тема эта ставится в увязке с основным положением доклада моего «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» — положением об историчности тех доарабских и доиранских связей яфетического Кавказа с финским и русским севером, также с германским, которые предполагаются входящими в область лишь доисторических, если не «мифологических» исканий.

Само собой понятно, что настоящей поездкой не может ограничиться надлежащая трактовка даже одной нашей лингвистической задачи о связях яфетического Кавказа с Финляндией. Между тем наша исследовательская работа пока ведется индивидуально, без единого сотрудника из специалистов по финским языкам, доселе не давшим себе труда ознакомиться хотя бы элементарно с яфетической

¹ Н. Марр, О числительных, стр. 71 [ИР, т. III, стр. 282].

теорию, подрывшей состоятельность методологических основ всех прежних угро-финских исканий. Настоятельна потребность смены из соответственно подготовленных аспирантов.

В то же время дело осложняется тем, что работа над финской разновидностью звуковой речи, в частности суоми и карельской, требует изысканий с палеонтологическим вниманием к ее взаимоотношениям с германскими, для полного учета независимых от их общения переживаний яфетического «субстрата», что в свою очередь увязывается с такой же работой с помощью ирландского на Британских островах, где не без новой теперь поддержки опять встречаемся с проблемой о роли и значении баскской звуковой речи для романских языков.

В заключение считаю долгом благодарить тех, кто помог своим активным содействием и советом для более интенсивного использования краткосрочной поездки в Карельском центре — Петрозаводске, где работал я с красноармейцами из трех диалектических районов, преимущественно Ухтинского, представленного в сотрудничавшей со мной группе двумя осведомителями, объектами исследования, один из которых из села *Vokmeti*, другой из села *Tolouoki*, и по одному осведомителю-объекту из руссифицировавшейся части Карелии (сел. *Salmenisko*) и части почти перешедшей при родном карельском на двуязычие суоми (сел. *Kiääl-pavolki* Ребольского района), располагая олонецким лишь в пределах печатного материала. И соответственно прошу выразить от Академии наук благодарность Председателю Совнаркома Карелии т. Э. А. Гюлингу и Начальнику Карельского Н-ского Национального батальона.

Считаю долгом вспомнить с благодарностью о т. Г. Х. Богданове, практиканте АН по русско-финской секции КИПС, любезно рекомендованном мне Д. А. Золотаревым, за что ему особая признательность. Г. Х. Богданов почти безотлучно провел со мною всю лингвистическую кампанию, следя попутно за удовлетворением возникавших в процессе работы потребностей.

В поездке припала участие научн. сотр. КИПС А. А. Марр, успевшая составить для ведшейся в спешном порядке работы указатель-словарь карельский по труду А. Genetz'a, *Versuch einer karelischen Lautlehre*, Гельсингфорс, 1877.

Родная речь — могучий рычаг культурного подъема¹

Тема — «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема». Я думаю, раз я обращаюсь если не исключительно к чувашам, то к работникам Чувашской республики, отчасти же к чувашам, слушателям краеведческого курса чувашеведения, следовательно, и чувашского языка, да притом на открытом собрании членов и сотрудников Общества изучения Чувашского края, то не может быть сомнения, что дело касается чувашского языка и в виду имеется культурный подъем чувашского народа. Однако все-таки могут возникнуть вопросы, одни до начала чтения по самой теме, другие во время чтения, третьи, может быть, и по окончании, и все эти недоумения способны или мешать правильному отношению аудитории, или вызвать в ней чрезмерное разочарование. В самом деле, какой смысл говорить теперь о пользе родного языка в преподавании? Ведь, во-первых, и с точки зрения буржуазной науки это значит выступать в поход для вторичного открытия Америки; во-вторых, и, может быть, это самое главное, свобода культурного самоопределения каждой национальности, каждого народа, каждого племени это альфа в строительстве Советского Союза, и нет никакой надобности доказывать разумность того, что предоставлено. Однако вопрос не в том, что предоставлено, а в том, что и как осуществляется или может осуществляться. Ведь, в самом деле, не одной злобой пережитков павшего империализма к раскрепощенным народам и их молодой нарастающей культуре и как будто не одним недомыслием можно объяснять, что даже товарищи, глубоко проникнутые идеологиею нашей актуальной общественности, усматривают противоречие между неуклонным шествием человечества к единому внеклассовому обществу с единым языком, т. е. к унификации речи, и столь изумительно усердной, так неслыханно развертывающейся по всему нашему Союзу общественной работой над насаждением и развитием множества раньше и в помине не водившихся литературных языков. Точно безумцы хотят создать лишние помехи на пути прогресса человечества. Очевидно, за отсутствием специальных знаний да правильных представлений по истории языка, у товарищей с подобными опасениями нехватает понимания того, что действительно мешает унификации языка и что, наоборот, содействовало и содействует унификации. И если к ним, таким все-таки всегда искренним протестам примыкают самоуверенно и звонко раздающиеся голоса тех субъектов, которые возражают против культивирования нововозникающих письменностей с ссылкой на убогость языков, попадающих в эту обработку, на безнадежность и бесполезность самого дела, то я готов был бы поднять перчатку в защиту этих «субогих» языков и в поддержку именно самого дела, если бы эти замечания сами не являлись воплощением убожества мысли и обоснованности, если бы из них не вытекало с очевидностью одно положение,

¹ Доклад, читанный в июле 1928 г. в Чебоксарах и в Ижевске и повторенный в качестве вступительной лекции в Восточном институте имени в Ленинграде. [Напечатан отдельной брошюрой в серии Ленинградского Восточного института имени в 1930 г.]

достаточно разъясняющее их полную непродуманность или, пожалуй, лукавую продуманность.

Имею в виду не то, что авторы таких мыслей становятся по существу в непримиримое противоречие с одним из основных положений советского социалистического строительства. Имею в виду то, что при таком подходе они налагают на себя долг отыскать средства возможно скорейшего по всему СССР искоренения всех бесписьменных или младописьменных языков, ибо ставлю в упор вопрос: о каком новом хозяйственно-культурном строительстве может быть речь и какая при нашем строе органически потребная массовая работа может проистекать, если многомиллионные массы будут еще десятками да сотнями лет во власти некультурных родных языков и неразлучных с ними атавистических мировоззрений часто каменного века? Но как же в таком случае мы говорим или собираемся говорить о родной речи, да еще о чувашской, как о могучем рычаге культурного подъема? Не думаем же мы, что в чувашском языке обрели достоинства таких мировых культурных языков, как классические языки Европы, греческий и латинский? Разумеется, нет надобности так искажать нашу мысль, но, тем не менее, никакая школа не может оставаться без теоретического изучения основного орудия общественности и человечности, языка, и менее всего советская школа, поскольку новая общественность требует более расширенного и более углубленного использования речи, не только письменной, но и устной, притом уже обычно — массово-публичной. Без правильной теоретической основы нельзя достигать грамотности, одними формальными приемами эмпирического порядка не изжить ужасающе неуступчивой безграмотности даже по давно, казалось бы, стабилизовавшимся языкам, в том числе и русскому, когда неслыханно-массовое общественное потребление и массовая тяга к знанию из непросвещенных слоев грозят и, может быть, не без основания, давно сложившимся нормам, казалось, окончательно и навсегда установившегося общесоюзного языка, не говоря о вновь слагающихся письменностях все со спорами еще о том, к чему прислониться и за что держаться при бесконечном разнообразии живой речи. Однако наш доклад вовсе не сводится к вопросу о важности школьного преподавания родного языка и о практических приемах его грамотного усвоения. Дело идет у нас не об обучении тому или иному языку, в том числе хотя бы раньше наименее или вовсе не учитывавшемуся чувашскому, а о постановке теоретического изучения звуковой речи человечества на материалах своего живого родного языка. Бесписьменные и младописьменные языки, вообще живые языки, оказываются наиболее приспособленными для применения нового учения об языке, так называемой яфетической теории. Благодаря освещениям, которые даются этим живым языкам, говорящие на них имеют возможность попутно получить идеологически развивающее осведомление не только по родной речи, но и по предметам, выходящим за пределы интереса своего околотка, за пределы мировоззрений своей колокольни, в частности, по международной увязке ее, родной речи, с языками и соседящих и бесконечно отдаленных стран, и по связи вообще звуковой речи с историей материальной культуры, форм общественного строя и мировоззрений.

При такой постановке дела родной язык в СССР намечается в кандидаты на то место, которое в свое время с честью занимали в европейской школе классические мертвые языки, греческий и латинский. Ясное дело, что это касается каждого родного языка, не одних бесписьменных или младописьменных языков. Это касается и русского языка при соответственном его освещении там, где он родной. Однако не только русский, но и младописьменные, даже бесписьменные языки оказываются более приспособленными и для теоретической трактовки методом нового учения об языке, чем так много изучавшиеся классические языки, греческий и латинский, и обоснованию этой неизбежной смены с соответственным освещением роли, сыгранной в Европе классическими языками в росте мировой культуры, отводится место во второй части нашего доклада.

Само собою понятно, все построение у нас возводится в лингвистической части на положениях яфетической теории, нового учения об языке, и мало уверенные в знакомстве с его техникой и классификацией, им производимой и по формальным признакам звуковой речи в языках яфетической системы, в языковедной части довольствовались мы конкретными фактами сравнительно легкого для усвоения порядка, притом в той среде, где я читал, чувашской, в расчете на знание фактов соответственной родной речи, да и вообще касаемся лишь некоторых сторон яфетической теории.

Давно ли, нет еще пятилетия, как впервые выступил я, еще совершенный незнакомец, да и совсем мало ведающий чувашский язык, с обширным, почти целиком специальным докладом о чувашском языке,¹ о необходимости новой постановки его изучения, о важности чувашского языка, поскольку, независимо от его никем не оспаривавшейся связи и с турецкими, и даже с финскими, оказался он обладателем дотоле неслыханных и невиданных увязок с языками окружения ближнего и дальнего, причем дальние увязки с языками Кавказа, кроме грузинского и армянского, здесь также впервые тогда слышанные, как во всех университетах и академиях научно более просвещенной Европы, дали почву тогда же усмотреть яснее и осмысленнее наблюдавшиеся специалистами и раньше связи с языками непосредственного окружения и впервые не замечавшиеся дотоле совсем родственные схождения с русским. Тогда же было усмотрено необычайно важное научно-исследовательское значение чувашского языка, в своем своеобразии одинокого и в то же время способного стать средством увязки живых языков Запада с живыми языками Востока, но главное внимание все-таки было обращено на поразительные факты общности самого существенно-значимого материала в языке, слов, у русского с чувашским, у русского в оформлениях и осмыслениях, ныне находящихся объяснение лишь в чувашском.

Доклад на эту тему вам, предполагается, известный «Чуваши-яфетицы на Волге»² здесь, в Чебоксарах, в столице Чувашской республики; читал он 30 июня 1925 г. на объединенном заседании исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской ССР с участием членов

¹ Чебоксары, 1926 [см. здесь, стр. 323—372].

² [Изд. Чув. гос. изд., Чебоксары, 1926.]

Общества изучения местного края, членов ВКП(б) и членов профсоюзов. Мне не известно, в какой степени важность, приданная заслушанию первого доклада нового учения об языке, была оправдана на месте у вас, у чувашей, в какой степени понимание нового учения об языке проникло в сознание тех, которым ведать то надлежит или по своей специальности научного изучения чувашского языка и школьного ему обучения, или по общественному интересу к языку Чувашской республики, языку родному, языку своей возрождающейся на новых советских началах национальной культуры. Мое участие в Ленинграде и Москве в занятиях с националами-аспирантами по теории нового учения об языке, яфетической теории, мое участие в предприятиях возглавляемых мною научно-исследовательских учреждений, Академии истории материальной культуры и Яфетического института Академии наук СССР, не дают мне вовсе права быть осведомителем того, что в интересующем нас вопросе сделано на месте, какой успех или неуспех и почему выпал новому учению об языке, точнее постановке изучения чувашского языка его методами в вашей стране.

Вероятно, вас интересует, изменилось ли за три года что-либо в приеме, с каким была встречена впервые яфетическая теория в ученой среде, именно гробовое молчание и убийственное равнодушие? Имею в виду именно научные круги, не общественные, и притом из этих кругов исключительно специалистов по языку, не историков материальной культуры, не историков права и не историков вообще, у которых новое учение об языке не только вызвало интерес и активное сочувствие, но побудило кое-кого к мысли о пересмотре существующих построений по их специальности или об использовании уже установленных положений яфетической теории по языку в их независимых новых исторических построениях, в корне расходящихся с господствующими доселе взглядами. Назову один такой труд — «Три древнейших центра Руси»¹ называю этот труд потому, что он принадлежит научному работнику не центра, а мест, — преподавателю Педтехникума в Вятке т. Быковскому.² Однако и в кругу специалистов-лингвистов лед взламывается, гробовое молчание и убийственное равнодушие сдаются, уступая место активному выявлению интереса. Но интерес этот проявляется различно у нас, в РСФСР, и за границей. В русских лингвистических кругах, с усилением интереса к яфетической теории в общественных кругах, учащейся молодежи, былое молчание, а иногда благожелательная терпимость сменялись прямыми яркими выступлениями или попутным пусканием парфянских стрел, язвительных замечаний, но, увы, настоящей критики мы до сих пор не имели удовольствия читать, ибо все, что преподносится под таким названием, основано на недоразумении, на искаженном восприятии яфетической теории, причем не всегда ясно, что это — искажение сознательное, бессознательное или происходит, что также бывает, от отсутствия малейшего знакомства с печатной литературой по яфетической теории.

¹ [С. Н. Быковский, К вопросу о трех древнейших центрах Руси, Труды Вятского педагогического института им. В. И. Ленина, т. III, вып. VI, изд. института, Вятка, 1928 г.]

² Из других исторических работ назову последние работы проф. Преснякова: Задачи синтеза протосторических судеб восточной Европы, ЯС, т. V, стр. 1—22; его же, Вальгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории, Очерки по истории языков, вып. IV, изд. АН СССР, Ленинград, 1928, стр. 35—50.

Мы не говорим вовсе о тех, которые у нас ссылаются на незнание яфетических языков, чтобы оправдать свое молчание, а на Западе — на незнание русского языка, на котором напечатана основная масса яфетидологических изысканий. При этом упускается из виду, что само усвоение яфетической теории вовсе не требует знания яфетических языков, поскольку рядом с яфетическим языкознанием, имеющим отношение непосредственно к яфетическим языкам, сложилась самостоятельная дисциплина, новое общее учение об языке, специально о звуковой речи, основанное отнюдь не на материалах одних яфетических языков, часто вовсе обходящееся без них. Да и, наконец, если ученый лингвист действительно интересуется своим предметом вне традиционных завещанных шор, то путь к новому учению нельзя считать загражденным ни незнанием языков, которых раньше не изучали, а теперь надлежит знать, ни незнанием языка, хотя бы русского языка, раз лишь на нем имеется фондовая по вопросу часть специальной литературы. Для ученого лингвиста простой способ преодолеть такие мнимые препятствия — это выучиться этим языкам.

Так разрешен этот вопрос там, за границей, где к тому оказалась действительная охота: это в Вене. В результате — появление яфетидологической ячейки в Венском университете. Возглавляет ее молодой лингвист, Роберт Блейхштейнер (Robert Bleichsteiner), пришедший к яфетическому языкознанию из интереса к эламскому языку клинописей, теоретически из школы Хюзинга (Hüsing), практически от занятий мегрельским, бесписьменным языком Кавказа, в лагере военнопленных, и по укреплении своей тяги к новому учению об языке нашедший поддержку в научной атмосфере австрийских лингвистов, этнологов и археологов. В результате ряд специальных изысканий методом яфетической теории и систематические выступления с пропагандой этого нового учения в западной литературе. Чтобы дать вам общее представление о положении яфетической теории за границей, ограничусь оглашением вступительной части одной специальной работы Роберта Блейхштейнера, помещенной в первом выпуске за этот год венского этнологического журнала «Anthropos». Работа эта озаглавлена так: «Этюды к познанию эламского языка»¹

Цитату мы приведем без усечения все расточаемых лично по нашему адресу похвал, не боясь быть заподозренным в желании выставиться ими, ибо, как не раз приходилось высказываться, само новое учение об языке имеет более глубокие историко-материалистически прослеживаемые корни, чем какое-либо личное дело или чем создание каких-либо экстраординарных индивидуальных данных кого бы то ни было, тем более таких или мистических или сомнительных качеств, как гениальность, всезнайство и т. п.

Итак, Блейхштейнер пишет: «Если мы ныне можем подходить с совершенно новыми предположениями к исследованию связей между кавказскими языками, баскским и доиндогерманско-досемитическими языками Средиземноморья и соседнего (angrenzenden) с ним Востока, мы этим обязаны, помимо богато представленных ныне языковых материалов, гениальности русского исследователя Н. Марра.

¹ Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache, Anthropos, т. XXIII, вып. 1—2, январь — апрель, 1928, стр. 167—198.

Марр — создатель яфетической теории и того опирающегося на нее языковедного метода, который имеет в высокой степени значение не только для поставленной здесь у нас проблемы эламского языка, но также для проблемы общего учения об языке. Беря свое начало с отношений южнокавказских языков с семитическими, яфетическая теория проработкой громадного языкового материала постепенно вывела на свет божий широкое распространение яфетических народов в пределах (im Bereiche) Евразии, вскрыла отложения их языков и культур в среде наций, занимающих ныне их место, и, раздвигая (absteckend) все далее веки своей работы с опорой на совершенно новые в лингвистике методы палеонтологии речи, она ищет проникновения в загадку самого языкотворчества. Представителям господствующей ныне языковедной школы, конечно, не легко усвоить себе мысли Марра, которые постигаются лишь по ознакомлению со всей необычайной жизненной работой русского языковедоведателя. Но, к сожалению, большинство того, что писано им, с трудом можно достать, кроме того оно составлено по-русски и вдобавок предполагает основательное знание кавказских языков, особенно грузинского и сврещенного индогерманско-яфетического армянского. . . При пламенном интересе, который уделяется [в мировой науке] проблеме третьего этнического элемента в средиземноморской культуре лингвистическими кругами, особенно с открытия Богазкейских надписей, уже давно пора сделать доступными результаты и методы теории Марра языковедам и не русской Европы, и это — задача, которую возымел намерение взять на себя автор этой статьи. Если я начинаю с эламского языка, основание этого лежит в том, что у нас, в кругу немецких ученых, изучение этого языка [эламского] и развернуло впервые проблему о связях с кавказскими языками. Обширная работа Марра «Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания» появилась в Записках Восточного отделения Русского Археологического общества именно в год, когда разразилась война. Распространение этой работы было задержано из-за мировой войны и последовавшей за ней в России разрухи. Между тем этот первый опыт подхода к эламской проблеме во всеоружии яфетидологического метода, и прежде всего также действительного знания нынешних кавказских языков, представляет необычайную ценность. И настоящая [немецкая] работа содержит с одной стороны все важнейшее из названной работы Марра, с другой стороны — также результаты моих [т. е. автора, Блейхштейнера] собственных изысканий в области эламского языка, достигнутые применением яфетидологического метода».

Мы не входим сейчас в рассмотрение вопроса, в какой мере на Западе, даже при желании, возможно усвоение яфетической теории, особенно идеологической, ныне наиболее существенной ее части, мы этого вопроса касались в другой работе, озаглавленной «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком».¹ Да вы сами поймете трудности восприятия научного построения о таком в корне социальном явлении, как язык, при разности общественного мировоззрения у Запада с нами. Для нас сейчас интересен лишь факт, что яфетическая теория

¹ Языковедение и материализм, изд. ИЛЯЗВ, Л., 1929.

входит в эксплуатацию западноевропейского научного производства, машина заработала, и могли бы, пожалуй, лишь добавить, что по бывшим у меня в распоряжении еще в Чебоксарах, досланным сюда выпискам из полученных новых специальных его работ Блейхштейнер не только использует положения яфетической теории по части формального порядка, но все с большей и большей полнотою, захватывая и идеологическую сторону, усваивает ее методы.

Мы могли бы кое-что еще рассказать об интересе, растущем к новому учению об языке на Западе: не без внимания, хотя и опасливого, но тем не менее весьма чуткого и напряженного именно к яфетидологическому ее обоснованию, прошел в Париже курс грузинской грамматики,¹ прочитанный там мною минувшей зимой в Школе живых восточных языков по приглашению группы интересующихся французских ученых.

Для нас, однако, представляет более существенный, во всяком случае первоочередной интерес не внешний успех или неуспех, не то, что другие говорят хорошего или нехорошего про яфетическую теорию, а самая ее внутренняя положительная работа, ее успехи за эти три года, притом сейчас только те, которые имеют прямое отношение или к общей постановке изучения чувашского языка, или к детальным разъяснениям его материалов.

Несмотря на кажущуюся отдаленность от нашей темы двух печатающихся докладов, результатов заграничной поездки минувшей зимой, одного читанного в Сухуме, в Абхазии, «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык»,² другого в Тифлисе, в Грузии, «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком»,³ и тот, и другой доклад имеют непосредственное отношение к вопросу, как надо ставить лингвистическое изучение чувашского языка и что надо преодолеть, если кто хочет разрабатывать чувашский как лингвист-теоретик, т. е. методом нового учения об языке. Это не так легко.

Настоящий наш доклад в своем построении — также результат заграничной поездки, и он органически связан с двумя названными, образуя с ними одну цельную триаду.

Заграничная поездка была предпринята в целях войти в непосредственное общение с африканскими языками, выметившимися как сочлены коллектива языков яфетической системы, и если не удалось осуществить это общение с языком дальней Африки, готтентотским или намайским,⁴ на ее юге, то к ближнеафриканскому, именно берберскому языку, доступ был получен, и вовлечение в яфетидологическую работу берберского языка имеет непосредственное отношение к общей постановке изучения чувашского языка, ибо берберский язык разъясняется как переживание одного из языков первоначального населения Средиземноморья, выходцем откуда намечен на известной ступени развития звуковой речи человечества турецкий язык в первичном его состоянии, как то мотивировано мною в работе «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких

¹ [N. Marr et M. Brière, *La langue géorgienne*, Paris, 1931.]

² [Изд. ЛВИ, Л., 1928.]

³ [Сборник «Языковедение и материализм», изд. ИЛЛЗВ, Л., 1929.]

⁴ [См. Готтентоты — средиземноморцы, ИАН, 1927, стр. 361—368.]

языков»,¹ напечатанной еще до отъезда за границу. Посему нас отнюдь не поразили такие факты, как то, что одно из древнейших в мире слов, именно название 'воды', в одной и той же усеченной форме, почти тождественной, оказалось в чувашском, турецком, мегрельском, чанском, абхазском, грузинском, берберском, с той разницей, что в чувашском ши и в тур. su означают имя 'вода', тогда как в мегрельском и чанском ши, в абх. ꞑә (из ꞑи), а в грузинском и берберском одинаково ши, это производный, как то указывает палеонтология речи, глагол 'пить' (повелительное наклонение).²

Суммируя, да еще кратко, мы можем сказать, что общая постановка изучения чувашского языка, как она была намечена три года тому назад, увязка его с языками различных систем, углубилась и уточнилась, и расширился путь, открытый еще тогда для специального освещения и разъяснения отдельных фактов и явлений чувашской речи. В результате получилось, что подлежит пересмотру изданная самими чувашами отдельной книжкой работа наша «Чуваши-лфетидь ны Волге», в том смысле, что отстаиваемые в ней положения могут быть установлены более решительным средством и более четкими данными методом палеонтологического анализа.

Я уже не говорю о том, какой громадный сдвиг мог бы получиться, если бы в эту работу впряглись владеющие чувашским, вообще любым языком, как родным, тем более специалистами по материальному его знанию, мастера своего дела.

Разумеется, о таком сдвиге можно говорить при усвоении основного нерва новейших достижений теории, именно идеологической ее стороны, т. е. при подведении и под формальную ее сторону хозяйственно-общественного обоснования, тем более при потребном усвоении совершенно новой, соответственно разрабатываемой семантики, да еще палеонтологической, т. е. учения о значениях слов в разрезе обнажившихся пластов человеческой звуковой речи различных языко-творческих эпох, следовательно, различных ступеней стадийного развития.

До палеонтологии речи, как она сложилась теперь, в лингвистике нельзя было ничего ни утверждать, ни отрицать по самым основным вопросам. Например, слово заимствованное или коренное, конечно, решали, но решения эти теперь не имеют абсолютно никакого значения, поскольку вопрос о происхождении языка игнорировался, происхождение же слов определялось по формальным признакам, без увязки с историей материальной культуры, общественностью и мировоззрением в их генегической последовательности, и, естественно, без такой палеонтологии не было и не могло быть и представления о скрещенности всех языков, чтобы учесть не одно поверхностное взаимодействие наличных языков, а и глубокую, захватывающую недра зависимость каждого языка от языка или языков предшествовавшего в стране населения. И это сказывается в чувашском даже на составлении словаря лучшими его знатоками. Возьмем, например, в чувашском глагол ꞑ+эшәт+ð-ас. В словаре вы найдете значения — 'сжимать', 'тискать', 'округлить'. Мы этих значений отнюдь не отрицаем, но факт тот, что в основе глагола лежит имя существительное, но не одно в данном случае, а два различных имени суще-

¹ Под знаменем марксизма, 1927, № 6, стр. 18—60.

² Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, СГАИМК, т. II, стр. 374.

ствительных, одно, именно 'кулак', для глагола 'сжимать', 'тискать', а другое — 'круг' для глагола 'округлить'. И вот Паасонен (Paasonen), который, как будто, различает глаголы, поскольку *фэштгас* 'округлять' и *фэштгдас* 'сжимать' помещает в двух различных гнездах, не представляя себе разницы 'кулака' и 'круга', их различного происхождения, однако помещает в одном гнезде имена-основы, и слово *фэштэг* 'круглый' и слово *фэштэг* 'кулак'.¹ И если включить сюда еще указание на существование разновидности *фэштэг* у чувашей в значении 'круглого', то дальше идет лишь сопоставление чувашского с турецким, и на этом кончается обследование слова. Неизвестно даже то, откуда это слово: может быть, кто-либо у кого-либо заимствовал? Между тем из палеонтологии речи известно, что по семантическому положению с 'кругом' или 'шаром' связано и название 'яйца'. И мне не надо подсказывать, что такое созвучное с *фэштэг*, *фэштэг*, *фэштгдас* слово в значении 'яйца' по-чувашски действительно существует, и это созвучие совсем не случайное: это слово — *фэштгдас*, причем налицо и его закономерный эквивалент грузинский *k+ver-ჭყ*. Но этого мало. Из палеонтологии речи, как установлено яфетической теорией, известно и то, что 'круг', равно 'шар' первоначально означались космически термином — 'небо'.² Отсюда тот факт, что *фэштэг*, первоначально звучавший **фэштог*, по спирантной ветви имел разновидность *комог*, с аканьем *камаг*, означавшую в яфетических языках не только 'арку', 'свод', в частности 'небесный свод' (груз., св.), но прямо-таки 'небо'.³ От языков яфетической системы, субстрата или подосновы всех языков Европы, слово это унаследовано и греческим, и латинским, отсюда фр. «*chambre*» 'комната', и русск. «*комора*», и, конечно, это одно из глубочайших недоразумений, когда русск. «*комора*» (уменьш. «*коморка*») славист провозглашает «очень древним заимствованием праславянского периода из греческого»,⁴ где, между тем, для слова не существует абсолютно никакого специального индоевропейского объяснения. Но этого мало. Раз чув. *фэштэг* 'круглый' когда-то означало 'небо', то теперь понятно, почему в чувашском это именно *фэштэг* 'круглый' сохранилось без всякого изменения в одном из палеонтологиче-ских производных от его праразличия 'небо' слов, именно 'дождь+вода': хорошо известно, что *фэштэг* действительно означает 'дождь', и в диалектах отмечается и *штэг*, а если учесть огласовку второго элемента «а» происходящего также от 'неба' слова 'лицо' — *фэштгдас*, то есть железная закономерность и для слова 'дождь', палеонтологически — 'небо+дождь', существовать рядом с *фэштэг* и *штэг*, также разновидности **штгдас*, а это значит, что:

1) поскольку некогда это слово в разновидности **штгдас* означало 'небо', мы получаем новое подкрепление, что чувашки не случайно носят свое племенное название *фэвш* (✓ *фичаш*), некогда звучавшее и *сываг*, равно *сываг*, ибо **штгдас* лишь их разновидность;⁵

¹ Ср. зыр. *фавыг* 'кулак'.

² Н. Марр, Из яфетических пережитков в русском языке. I. Мяс., ДАН, 1924 [см. здесь стр. 114—116].

³ N. Marr, Quelques termes d'architecture, désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 141 сл. [перевод в ИР, т. III, стр. 201.]

⁴ [См. работу Л. Д. Васильева «О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков», Сборн. по русск. яз. и словесности АН СССР, т. I, вып. 2, Л., 1929].

⁵ Н. Марр, Чувашско-яфетиды на Волге, стр. 50 сл. [см. здесь, стр. 355 сл.]

2) по взаимоотношениям с другими народами этот закономерно установленный в значении 'дождя' первообраз **ʒm̥ag*, наличный в ряде слов, как-то *ʒm̥ag* ~ [h]ə^hm̥ag 'пасмурный', ə^hm̥ag-t 'огромный', 'сильный' [← 'небесный'], ə^hm̥ag-t ka^huək ['птица небо' →] 'орел', вводит, как племенное название (см. п. 1), в определенный круг этнических образований, первично — производственно-социальных.

По другому, более сложному положению палеонтологии речи 'круг', т. е. всякий предмет округлости, будь это 'колесо', 'яйцо' или 'арка' и 'свод', обозначался словом, означавшим 'небо'. По-вотски 'яйцо' *ruʒ*, и как будто им изолирован вотский от всего мира; по-вотски 'погода' — *kwaʒ*, и им изолирован вотский от всего мира. Между тем 'погода' по палеонтологии речи, как сказано, это 'небо', т. е. *kwaʒ* первоначально означало 'небо', следовательно, могло означать и 'яйцо', и, действительно, его двойники *kwaʒ* значат 'шутливое яйцо' в языках той группы на Кавказе, мегрельском (*ʃvaʒ*) и чанском (*kvaʒ*, ср. *kvaʒ* 'жеребец'), которые одного социально-фонетического типа с вотским по его древнеродовому слою; но 'небо' по-вотски сейчас *in*, у предков же вотяков именовалось и означавшим теперь 'бога' скрещенным термином *in-mag*, т. е. 'яйцо' могло бы обозначаться и словом *mag*, и, действительно, *mag* означает 'яйцо' у чувашей в составе двухэлементного слова *ʒə-mag*, снабженного уменьшительным окончанием -*ða* — *ʒə-mag-ða* 'яйцо', букв. 'небесенок' или 'солнце', 'шар'. Без уменьшительного признака *ʒə-mag*, означавшее 'небо', есть разновидность вотского *kwaʒ*, также означавшего 'небо', откуда ныне его значение 'погода'. Следовательно, выходит, что вотск. *ruʒ* имеет двойника, наличного не только в составе *k-waʒ*, но и самостийно в различных языках Кавказа в соответственном значении, и это именно *mag*, означавшее не только 'небо', но и 'яйцо', что сохранили чуваше. Но этого мало, вотск. *kwaʒ* 'погода', некогда 'небо', в мегрельском *ʃvaʒ* и чанском *k-vaʒ*, означавшее 'шутливое яйцо', в грузинском имеет разновидность *k-ver* с уменьшительным окончанием -*ʒq̄*, как -*ta* (→ -*ða*) в чув. *ʒə-mag-ða* — *k-ver-ʒq̄* 'яйцо', и именно двойник этого грузинского слова мы имеем у финнов-суоми со специальным значением анатомического яйца в *ki-ve-ks-et*.

Таким образом, раньше не было возможности учесть вклад этого субстрата, т. е. подосновы, в ныне соседящие языки, независимо от взаимного их влияния. Посему все почтенные работы о древних заимствованиях из финского в чувашский или из чувашского в финский, равно о русских заимствованиях или из русского и т. п., оказались никудышными, они все подлежат коренному пересмотру.

С обычным хозяйственным термином *ига́за* 'арба' чуваше, казалось бы, увязаны лишь с турками, и в самом деле достаточно лишь знать, что по-турецки то же слово звучит *агаба*, чтобы их сопоставить, отождествить, и на этом основании говорить не только о родстве этих двух языков, об исключительной их близости. Однако, новое учение об языке этим никак не может удовлетвориться. Во-первых, формально возникает вопрос, почему при закономерном в первом слоговом соотношении губного гласного и ↔ о (это безразлично) чувашского слова *ига́за* ↔ *ога́за* с аканьем турецкого *агаба*, далее мы имеем в обеих разновидностях, и в чувашской, и в турецкой, одинаково «а». Одно формальное указание на неизменяемость огласовки именно во второй части ничего не разъясняет,

не говоря о том, что в иных случаях и во второй части чувашская разновидность выявляет ту же губную огласовку $o \leftrightarrow u$ или ее ослабление $\bar{a} \leftrightarrow \bar{y}$ против турецкого акания. Но стоит перенести чувашское слово на почву звуковых взаимоотношений яфетических языков, признав в нем, как это надлежит для основного слоя чувашского языка, разновидность шипящей группы, т. е. мегрельского и чанского (сюда относится и скифский), как для свистящей группы, в частности грузинского, обязательной является разновидность **игешеп*, что и имеем в наличии у грузин родном их усеченном слове *игеш*, означающем также 'арбу', 'телегу',¹ т. е. выявляется совершенно наглядно закономерность этого звукового по огласовке оформления чувашского слова по социальному взаимоотношению, совершенно независимому от турецкого языка.

Но этого мало. Далее идет идеологический анализ слова с учетом палеонтологии речи, по которой, во-первых, 'телега', 'колесо', 'круг' и их синонимы носили при полисемантизме речи название, общее с названием 'неба', и, во-вторых, 'небо' и 'время' в то же время обозначались одним словом, и тогда, думаю, вы сами могли бы подсказать, что грузинское слово *игеш* 'телега', собственно его не усеченный вид **игешеп*, обозначавший первично не только 'телегу', но и 'небо', равно 'время', в последнем именно значении пережило в русском слове «время», «времени», равно в украинском «уремня», *гесп.* «уремя» 'час'.

Но этого мало. И чув. *игаза*, и груз. *игеш* анализируются далее по формальной палеонтологии как слова, скрещенные из двух элементов, каждый из которых, т. е. и *иг* и *га* || *ме*, без усечения *bal* || *мер*, *гесп.* *шеп*, одновременно должны иметь те же указанные значения, и это могло бы быть на ступени стадияльного развития моносиллабической, т. е. когда слова были еще все односложны; однако до вскрытия такого именно положения в фактах необходимо ориентироваться в семантических возможностях того же термина, идя с эпохи определенной ступени стадияльного развития от конкретных представлений к отвлеченным и общим. Вообще все слова не материального или не конкретного порядка, т. е. все слова надстроечного мира, в том числе и нравственного, относятся также к достижениям позднейшей стадии речевой культуры, и вот палеонтология речи устанавливает первичные их материальные значения. И в отношении чувашского остается лишь наблюдать, как факты этого общего положения находят свое оправдание, служа в то же время уяснению степени подлинных связей этого языка с другими, различных на различных стадиях развития звуковой речи.

Не менее существенную поправку внесла палеонтология речи в топонимику, именно в названия населенных пунктов, гор, рек, озер морей, да и неразлучных с ними племенных названий, т. е. в важнейший текст, в подлинно-первичных частях превосходящий древностью самые древние в мире письменности, а по значению его, как современника мировоззрений человечества на древнейших ступенях его развития, да притом современника, говорящего языком тех эпох, этот

¹ Н. Марр, Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам, ИАН, 1925, стр. 960 [см. здесь, стр. 262]; его же, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, изд. КИАИ, 1928, стр. 34 [ИР, т. III, стр. 142].

текст не имеет ничего себе равного ни в каких других памятниках ни речевой, ни материальной культуры. Палеонтология речи в этой работе сама развилась в такой степени, что эти материалы, казалось, лишь этнологические (правильнее — социологические), одних доисторических времен, ныне распределяются по эпохам, одни — древнейшим, другие — близким к нам. Так два названия, интересные для истории Чувашского края, одно название самих чуваш, другое — интересное для чувашевода по связи с булгарами, это название хазарского города Саркел. Мы сейчас не будем останавливаться на его толковании, имеющем значение для уразумения названий целого ряда приволжских городов, как Саркел, город сравнительно позднего исторического времени. Мы вносим его толкование в работу «Топонимика Волги и Приволжья», но можем поделиться фактом, что смысл его определен окончательно.

Совершенно иной давности национальное ныне название чуваш. Это одно из древнейших так наз. племенных названий. В средние века это название звучало и как *subar*.¹ Указывая его разновидности, в том числе *шизар*, наличную в основе национального названия родного чувашам *Шушарка* (Чебоксар), столицы Чувашской республики, мы с другой стороны в перечне не упоминали разновидности *subar*, ныне наличной лишь в качестве названия деревни *Subar*, да не одной, а трех, через одну из которых, Ядринского у., как отмечал еще в 1912 г. проф. Ашмарин, в направлении от села Богатырева перерезыванием реки Большой Цивиль и далее по границе Цивильского и Ядринского уездов идет до с. Ямашево (Θαρπυς) межа, отделяющая *anatri* или *malusenfi* 'низовых' чувашей от *vir-yal* 'верхних'. Мы в свое время доказывали и остаемся на том же, что название *шуваш* (чув. *шэваш*) — разновидность названия древнейшего народа Месопотамии, шумеров. Доказывали в связи с общностью слов чувашского с шумерским. Ныне вопрос встал о субарах, выдвигаемых ленинградским яфетидологом И. И. Мещаниновым, специалистом по эламским древностям и ванской клинописи, в его труде «Халдоведение»,² где разъясняется историческая роль субаров в полосе между Ассирио-Вавилониею и Ванским царством, позднее Армениею, а венский яфетидолог Блейхштейнер в специальном исследовании об этом же народе доказывает весьма основательно,³ что субары и шумеры — одно и то же. И вот связь шумеров-субаров месопотамно-армянского юга с субаро-суваро-чувашами и их соседями Приволжья явно не доисторическая, а исторических времен, хотя и древних и основательно забытых. Волжский путь, хорошо использованный позднее персами Ирана и арабами, был продолжен, как нам приходилось высказываться,⁴ более древними, чем персы, обитателями Ирана, отложившими свою речь с поразительной яркостью, как будет показано, в приволжских языках того района. Все как будто в порядке.

¹ Чуваша-яфетиды на Волге, стр. 70—71 [см. здесь, стр. 369].

² Изд. Об-ва изучения и обследования Азербайджана, Баку, 1927.

³ Die Subarier des alten Orients im Lichte der Japhetitenforschung, Publication d'hommage offerte à P. W. Schmidt, стр. 1—19, Вена, 1928.

⁴ Н. Марр, По поводу русского слова «сало» в описании хазарской трапезы VII века, ТРКФ, т. I, стр. 107 сл. [см. здесь, стр. 101 сл.]; его же, Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике, стр. 20 сл. [см. здесь, стр. 321].

Но нет. Палеонтология речи не позволяет так легко успокаиваться на кажущихся достижениях. Откуда известно, что чуваши по праву носят свое нынешнее название? В какой степени это название покрывает всю сумму составных частей, из которых сформирован чувашский язык, всю сложность производственно-социальных группировок, из каких составилось племенное образование, ныне носящее название чувашей?

Дело в том, что по яфетической теории нет ни одного языка, ни одного народа, ни одного племени (и при возникновении их не было) простого, не мепанного или, по нашей терминологии, не скрещенного. И человеческая общественность, в отличие от звериной, начинается объединением не по кровному признаку, а по интересам оборонительно-хозяйственным, производственно-хозяйственным. Звуковая речь сложилась ведь по возникновении и значительном развитии производства. И название, ныне и с давних исторических эпох носимое тем или иным народом, есть наименование всегда одной из производственно-социальных группировок, вошедших в состав коллектива, лишь позднее выступавшего как племенное образование на крови, когда соответственная группа своей руководящей активностью приобщала все сложное уже образование своему имени; собственно своему групповому тотему. Таким образом, у чувашей в целом, как у каждого народа, настоящее название, вообще древнейшее, — одно из поздних его наименований, оно же — наименование одной лишь социальной группировки, входившей к тому же не в то лишь племенное образование, которое теперь носит такое имя, но и в другие, и в то же время на различных ступенях развития человеческой общественности одно и то же название вовсе не предполагает единства племенного типа, единства, в частности, системы языка, которое может подразумеваться под тем или иным названием, т. е. взрывается, давно уже взрыто ни на чем не основанное учение о существовании не увязанных друг с другом семей языков. Это азбука яфетической теории по подходу к этнологическим проблемам. И когда ставится вопрос о степени неслучайности их ныне национального наименования или принадлежности его чувашам, то на почве изучения языка это расшифровывается конкретно так: есть ли в чувашском языке признаки того, что в состав этого народа когда-то, действительно, вошла социальная группировка с тотемным названием чуваш или с его какой-либо закономерной разновидностью? И мы отвечаем: есть, ибо узнается это по наличию этого термина в словах, означающих предметы необходимости древнейшей общественно-хозяйственной среды, они же выделявшиеся из трудомagических символов магические символы для первобытного человечества 'солнце', 'год', 'луна', 'месяц', 'огонь', 'вода', впоследствии ее продукция — 'дуб', 'хлеб' и их служитель 'жрец', 'знахарь'. Ибо известно, что при первобытном мышлении 'жрец' представлялся олицетворением божества, тогда еще лишь тотема, по которому звалось племя, изрекателем его воли и постольку не только предсказателем, но и творцом слова, 'поэтом', да и само слово в представлении тех эпох не было тем, чем оно теперь и с давних пор является в обиходном употреблении, — средством взаимного общения: оно было орудием магического воздействия. Между прочим, чувашское название знахаря, уошэз или уишез (разво-

видность вотск. абыз) оказалось разновидностью племенного названия чуваш — subar или шуварш или фэвалш, suvas и т. д.¹

По созвучию ушмэз кажется более близким с чув. уштах 'сказка'. Мы этого не только не отрицаем, но под чисто формальное сближение подводим, уже подвели идеологическое обоснование, ибо на соответственной ступени развития общности 'знахарь', 'чародей' были 'сказителями', 'поэтами', сама 'сказка', как 'поэзия', считалась 'колдовством', 'чарами'; 'петь' и 'колдовать' значило одно и то же,² и в чувашском термине ушмэз мы имеем не только 'знахаря', но и 'поэта', мы в нем имеем переживание доиндоевропейского средиземноморского слова *ῥομηγ*, сохраненного греками по недоразумению в качестве личного имени поэта ('*Ὀμηρος*'),³ и слово это означало не только 'чародея', 'мага', 'поэта' определенной социальной группировки, именно шумеро-кимеро-иберской, но, естественно, также орудие их воздействия, как бы 'заклипания', с позднейшим их обиходным значением то 'сказки', по-чувашски уштах, то просто 'слова', 'речи', по-чувашски сэшах (✓ сумах).

Вт. 'говорить' — шуу легко сопоставить с черем. шау 'слово', но с чув. сэшах 'слово', предполагается, у него нет никакой связи. На самом деле, анализ по элементам вскрывает, что чувашское слово сэшах — двухэлементное скрещение, позднейшее образование из *su* и *тах*, означавших первоначально каждый то же самое, также как в вт. *тизем* 'земля' мы имеем скрещение родного *ти* 'земля' с русск. *зем* 'земля'.⁴ И первая часть термина *su* 'слово', первично *ши*, целиком воспроизводит вотское *ши'у'*, означавшее 'слово' и затем 'говорить' — *ши'у'ыны*.

Для этой же цели использовались и скрещенные двухэлементные слова, так, напр., в марийском *шауа* значит 'речь', 'молва' и 'обман', 'ложный слух'. То же самое мы наблюдаем в таком культурном яфетическом языке, как грузинский, с основой *tku: 1-tku-is (itkws)* 'говорить' и *tku-is* 'лжет'; основе *шау* этого марийского слова с двумя значениями в чувашском соответствует разновидность с губной огласовкой — *суу*, но в чувашском языке этот случай многозначности устранен использованием двухэлементного образования *сэ-тах* (из *su-тах*, первично **суу-таq*) в значении 'слова', 'речи' и с сохранением одноэлементного *суу* для обозначения глагола 'лгать' — *суу-ас*, имени 'ложь', 'вранье', 'тщета' — *суу-а* и т. п.

От таких скрещенных образований, соединений однозначных слов двух, а иногда и трех различных социальных групп, отличаются образования с повторением одного элемента, как в племенном названии африканского народа *be-beg*, напр., вт. *ши-шы* 'мать', из *ши-ши*, по-пы 'грудь женщины', первоначально 'женщина-мать', из по-пи и т. п. Это древнейшие в звуковой речи человечества формы образования.

Наоборот, уже к позднейшим эпохам относятся такие составные слова, как вт. *кышно мурт* 'женщина'. Я имею в виду в этом сложном термине не *мурт*

¹ Н. Марр, Чуваша-яфетиды на Волге, стр. 50—53 [см. здесь, стр. 355 сл.].

² Н. Марр, Заметки и извлечения из армянских рукописей, ЗВО, т. V, стр. 216, прим. 3.

³ Н. Марр, К толкованию имени Гомер, ДАН, 1924, стр. 2—5.

⁴ Н. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1928, стр. 120.

‘человек’, а слово кышпо, которое сейчас понимается в значении ‘жены’. Кышпо — составное слово и значило ‘женщина’, букв. ‘человек-женщина’, собственно ‘человек-самка’; оно составлено из кыш ‘человек’, общего у вотского ныне с определенной группой яфетических языков Кавказа, мегрельского и чанского (коф ↘ *кош ↘ кэш, гспр. кыш) и с баскским в Пиренеях, а вторая часть пы из пи ↔ по, разновидность не только венг. по ‘женщина’, но баскского пе- (в составе пе-пка ‘девушка’, букв. ‘женщина-дитя’).

А как же в таком случае ‘бог’ по-чувашски теперь гласит тор-э ↔ тур-э? Ведь он является тотемом иной социальной группировки, впоследствии племени — скифского? Дело опять-таки в том, что любой род, любое племя есть скрещенное ряда производственно-социальных группировок, отлагавших в нем каждая свой тотем, впоследствии божество. Не только у чувашей и у соседящих народов, равно северных приморских финнов, но и на юге у грузин и других народов с языками яфетической системы, да и на Западе мы наблюдаем встречи тех же божеств, некогда тотемов, киммерского и скифского, и застаем эти термины как отложения различных ступеней стадияльного развития общественного строя. Так, чув. турэ это общее понятие ‘бог’, мужского рода, порождение позднейшего строя — патриархального; а полный его вид Тур-ап еще женское божество этрусков, аборигенов Италии, богиня любви Афродита, так называемая Афродита небесная (*οὐρανίη*), порождение более древнего строя — матриархального; еще ступень более глубокого стадияльного развития того же термина, когда в общественности с соответственным космическим мировоззрением, без всякой антропоморфизации, турап означало ‘небо’, и отложение одной из его разновидностей иган сохранили нам греки в их слове *οὐρανός* ‘небо’.¹ У термина прослеживается еще более древняя ступень развития не только идеологически, но и формально; так, слово это скрещенное, состоит из двух частей тур, гспр. ur, и ап, и до объединения соответственных социальных группировок каждая часть служила самостоятельно словом, означая ‘небо’, и показания этого состояния мы находим в соответственных пережиточных слоях чувашского, да и в ряде других языков.

Если у зырян в значении ‘бога’ ныне имеем термин уеп, а не скифский тотем, то это свидетельствует лишь о том, что зыряне дошли до нас после главенства другой социальной группировки, не скифской, и потому с тотемом лишь уеп, да, кроме того, в названии ‘бога’, которое всегда восходит к ‘небу’, у них успел уже присоединиться тотем третьей социальной группировки, еј, почему ‘небо’ по-зырянски — уеп-еј. У вотяков, или удмуртов, общим с зырянами был последний господствующий класс, с общим тотемом — ш ‘небо’, наличным и в названии вотского ‘бога’, но с придачей тотема другой социальной группировки, уже четвертой — марийской, почему бог по-вотски ип-маг. И это общее у зырян и вотяков господствующее сословие, хотя и позднейшее, уже не скифское, однако одного времени с тем господствующим сословием в Месопотамии, которое одному из древнейших в мире письменных народов,

¹ Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «тризна». Л., 1924, стр. 39 [см. здесь, стр. 140]; его же, Иштарь, ИС, т. V, стр. 123 [ИР, т. III, стр. 316].

шумерам, завещало письменность со своим тотемом ап, разновидностью того же зыряно-вотского $uep \leftrightarrow ip$, причем еще дошумерское ап 'небо' также сохранилось в вотской живой речи, но исключительно в смысле 'неба'. Вот какие глубины вскрываются по культурным связям у вотяков, да и зырян, с древнейшими письменно-просвещенными народами человечества, жившими в Месопотамии и ее окружении, еще досемитическими, а ученые предполагают общие связи с этими краями разъяснить, точно от основоположников, от иранцев-персов, которых тогда и не было еще в мире.

Ведь и формальный прием нового учения об языке по опознаванию слов совершенно иной. Он напоминает химическое разложение, напр., воды, на составные творчески значимые элементы. В звуковой речи также эти элементы были значимые величины, а не механически вскрываемые отдельные звуки. В языке имеются всего четыре элемента, обозначаемые заглавными латинскими буквами А, В, С, D. О среде возникновения их в процессе трудмагического действия с пением, пляской и музыкой можно осведомиться в работе «Яфетическая теория».¹ Все слова всех языков составлены из этих четырех элементов. Одно время эти элементы, каждый в отдельности, был уже отличительным звуковым комплексом того или иного коллектива, той или иной социальной группировки, лишь впоследствии племенного образования, когда тотем становился уже божеством.

Естественно, без идеологического обоснования, увязанного с производством, общественностью и ее мировоззрением на той или иной ступени развития, анализ по четырем элементам способен был бы завести в такие же дебри, в какие завело старое учение об языке с его голым формальным методом.

А звуковые законы?.. Да разве мы их отбрасываем? Абсолютно нет. Когда рядом с термином *subag*, племенным названием чувашей, и *səmaγ* (✓ **sumaγ*) 'слово', 'речь' мы выставляем происшедшие от них разновидности — *uštaγ* 'сказка' и *uštəz* 'знахарь', то это происходит лишь с учетом так называемого звукового закона, перебоя свистящего *s* в спирантный ($h \rightarrow \gamma \parallel \varepsilon \rightarrow$) *γ*. Новое учение об языке, яфетическая теория, не отбрасывает звуковых законов, а разъясняет. А это что значит? А это значит то, что звуковые законы, во-первых, законы не физиологические, а социальные, и, как таковые, они возникли лишь на определенной ступени развития звуковой речи, именно на той ступени развития; когда надстроечный мир, мир отвлеченных представлений и отвлеченных понятий, так оторвался в господствующем классовом сознании от реального материального мира, что их взаимоотношения стали выражаться техникой отвлеченного порядка, сначала символической окончаний или представок, суффиксов и префиксов, выработанных из цельных слов и усневших, однако, утратить свое присущее им раньше материальное значение, а затем символической отдельных звуков такого же происхождения.

Но и по возникновении звуковых соответствий в языках различных социальных групп строгая система вовсе не устанавливалась сразу, звуковые соответ-

¹ Стр. 99 сл.

ствия вовсе не становятся сразу такими закономерными явлениями, а когда они становятся такими закономерными явлениями, то, как выявляет палеонтология речи, примеры такой закономерности охватывают лишь определенный круг слов, вне которого тот же закон абсолютно не обнаруживает себя ничем. Да и тот круг слов, где имеет силу наблюдаемый фонетический закон, определяется в нормативной своей части вовсе не физиологическими данными говорящего, а, во-первых, дифференциацией понятий, составляющих содержание слов и разновидностью своего звукового выявления углаживающих принадлежность к определенной социальной группе, да лишь еще на определенной ступени стадийного развития, во-вторых, звукосоответствиями различных племен одного общественного круга, представляющими в дальнейшем развитии согласованные звуковые соответствия (корреспонденции), порождение производственного процесса объединявшихся в нем первичных руководящих хозяйственных коллективов человечества. Не правда ли, все это очень сложно? И, конечно, легче цепляться за простые детские-наивные построения, своего рода арифметические действия, притом основанные на учете одних формальных признаков. В результате? Мы не будем говорить о результате для общего учения об языке. Это известно теперь каждому младенцу языковедной специальности. Но не можем не остановиться на бедствии, возникающем в особо сильной степени для языков той системы, к которой принадлежит чувашский язык. Чувашский язык принадлежит к той ступени стадийного развития, на которой звуковые законы не получили еще даже стабилизации, свойственной хотя бы турецкому, откуда целый ряд недоумений у специалистов старой лингвистической школы: им такое состояние звуковой системы, совершенно правильное на определенной стадии развития, представляется чем-то ненормальным и смущающим. И это вполне естественно, так как у этих так называемых лингвистов в распоряжении нет ничего материалистически-идеологического, увязывающего жизнь языка органически с общественностью и ее экономической базой, чтобы помочь изменяющим формальным признакам и проистекающей отсюда хрупкости навязываемых чувашскому законов учетом закономерностей идеологической истории языка в зависимости от материальной базы и обоснованной на них палеонтологии речи.

Фонетическая техника по яфетической теории несколько сложнее, чем то, что дала и способна дать индоевропейская лингвистика, ибо ею учитываются не взаимоотношения лишь стабилизированных звуков исторических эпох, а соотношения простых позднейших звуков и предшествовавших им видов в недифференцированном диффузном еще состоянии, пережившем в языках архаичной яфетической системы в виде групповых комплексов $\dot{d}q$, $\dot{d}g$, $\dot{t}k$ и т. п. В чувашском мы имеем пережитки диффузных звуков только в двух случаях, это в ξ и ψ , а обычно в нем простые звуки, как в языках позднейших систем, турецких, финских, да так называемых индоевропейских. Так, в чувашском — простой зубной звук t , когда его диффузный прототип в грузинском — $\dot{d}q$, напр., в слове чувашском, марийском *тавар*, русск. «товар»,¹ которое, означая первоначально 'скот', считают

¹ Н. Марр, *Чуваши-яфетиды на Волге*, стр. 68 [см. здесь, стр. 368].

древним заимствованием из турецкого, потому же думают, что в русском «о» — позднейшее искажение, и все это глубочайшее недоразумение, как и то, что слово «товарищ» толкуется (еще хуже) на русской почве, как 'член обоза', 'сообщник'.¹

Слово это не только предшествует русскому представлению об обозе, но и образованию русского, да и турецкого, равно угро-финских языков, ему десяток тысяч лет, и в яфетических языках его мы имеем в более древнем виде *ḡḡovag* (первично **ḡḡo-vag* из шипящей группы) в значении также 'животного', '*овцы' в одной группе, и в закономерных соответствиях другой группы — *ḡḡo-vel* в значении 'животного', и третьей группы *t̃kems* '*овца', сохранившееся как основа груз. *m-t̃ke+m̃s* 'пастух', буквально 'овечник', откуда *m̃ksa* 'пасты'; однако и эти значения отнюдь не первоначальны, как не первоначально значения 'товара', да, разумеется, не 'богатство', вообще и не 'золото', каковые значения это слово имеет на европейском Западе (лат. *aurum*, чит. *a+wr-um*)² вместе со значением 'овцы', 'животного', 'имущества' (бск. *a+ber-e*).³

Если же в чувашском слово *tavaq* не сохранилось даже в сравнительно древнем значении 'животного', 'скота', 'стада', 'овцы', то это потому, что его вытеснило слово другой социальной группировки, впоследствии племени и нации, скифской или скотской, наличное на Востоке и в значении 'золота': это само слово русское «золото», да его сивранские разновидности — суоми *kulta* ← **kultan* (в русских летописях раз *kolot*, откуда нем. *gold* ← *kolt*, см. ниже), чув. *eltan* из **ultan*, тур. *altun*, и в значении 'скота', 'стада' — груз. *kolt* 'стадо', арм. *koyt* 'стадо', 'куча', чув. *kētū* 'стадо' и *kētes* 'пасты', марийское *kēto*, равно *kütō* 'стадо' и *kēt-āш* 'пасты', и в звуковом отношении любопытно, что переживание диффузного звука в виде *t̃k*, *ḡq*, присущее грузинскому, у этого слова отсутствует во всех перечисленных языках, нет его даже в грузинском, языке яфетической системы, но был он в виде слабой ступени *sk* в названии скифов, *ski-ḡa* и *skol-ot*, откуда у русских оно, в редуцированной разновидности *ska-t*, означало не только 'скот', как груз. *kol-t* и арм. *koyt* 'стадо', но и 'имущество', 'деньги', как финск. *kul-ta* 'золото', нем. *gold*.

Но русское «товарищ», так явно созвучное с «товаром», на самом деле идеологически не имеет ничего общего ни со 'скотом', ни с 'товаром', ни с 'обозом'; так можно рассуждать только при отсутствии метода, или когда располагают одним формальным методом, без палеонтологии речи, ибо палеонтология речи вскрывает, что 'брат', 'товарищ', 'друг', 'сосед', как и 'человек', значили первоначально 'один из коллектива', впоследствии 'один из племени', и слово *tovar*, будучи племенным названием, первично тотемом определенной социальной группировки, ныне прослеживается в различных видах на пространстве от Японии до Бербери, в Африке, в значении 'брата', 'товарища', 'друга' и т. д., и т. д., а само основное значение термина *to-var* — коллективистическое

¹ И. И. Огиенко, *Иноземные элементы*, Киев, 1915, стр. 16.

² О среднем роде речь будет особа, см. стр. 418.

³ Н. Марр, *Скифский язык*, стр. 347 [см. здесь, стр. 199]; его же, *О числительных* (к постановке генетического вопроса), стр. 78 [ИР, т. III, стр. 294—296].

по первичной социальной группировке, впоследствии племенное, нас опять приводит к необходимости признать в нем разновидность нынешнего национального названия чувашей — *фә-ваш*.

Ведь без немедленного сейчас же использования уже правильно нащупанных и прочно установленных положений идеологического порядка нельзя ничего понять в самом существе строя чувашской речи, в том, что составляет ее именно основу.

Наоборот, с усвоением этих положений нового учения об языке, при знании родной речи, любой, не только чувашской, перед нами открываются поразительные реальные перспективы, опирающиеся на ее материалы и в глубь времен, и вширь, и горизонт вашего мировоззрения заставляет вас выходить из узко национального мира, а когда речь о чувашском — из заколдованной традиционной турецко-чувашской изоляции, хотя бы угро-финско-турецко-монгольской, в мир широких международных хозяйственно-культурных взаимоотношений, вклада былых производственно-социальных группировок.

По палеонтологии речи глагол 'находить' есть дальнейшее развитие глагола 'видеть': в языках яфетической системы 'видеть' и 'находить' выражаются одним словом, а 'видеть' в свою очередь происходит от имени 'глаз'. Основа чувашского глагола 'находить' *tuβ-as* ↔ *toβ-as*, это *tuβ* ↔ *toβ*, усеченный вид двухэлементного слова *t°/u-bal*, которое сохранено в грузинском в виде *Ე-wal* в значении 'глаза', в усечении *Ე-w-*, основа арм. *ճիւ* 'число', родит. *ճո+w-ու*, ибо счет велся по месяцу-луне, светилу, по которому наречен был 'глаз'.

Но второй элемент этого слова *bal* или *pa*, с усечением плавного *l*, входит в состав также двухэлементного слова в турецком с аканием *ba+k* → *ba+q* 'видеть', в чувашском с оканием, в ослаблении — *pəχ* (*pəχ-as*) 'смотреть' и с эканием. Сначала повторим, что 'видеть', 'смотреть' происходят от имени 'глаз', и вот с эканием *begi* значит 'глаз' по-баскски. Но этого мало. Тут везде имеем скрещенные слова и в значении глагола 'смотреть', 'видеть', 'находить' и в значении имени 'глаз', но элемент *ba*, полная форма — *bal* и т. д., имеется самостоятельно в значении 'видеть' у абхазов, с яфетическим языком древнейшей системы, в виде *ba* или *bə* (основы глагола *a-ba-gà* || [**a-bo-gà*] *a-bə-gà* 'видеть') и у контов *bal* 'глаз'.¹

И, наоборот, в чувашском *kuç* значит 'глаз', как и его турецкий эквивалент *göz*, но именно чувашская разновидность *kuç* служит основой баскского глагола 'видеть' *1-kus-1*, тогда как в самом чувашском то же слово в разновидности *kuç*, эквиваленте тур. *göz*, служит основой глагола 'видеть', и именно чув. *kuç* в живой речи грузинского языка означает 'глаз' в составе *kuç-Ეqal* 'слеза', букв. 'вода (*Ეqal*) глаза' (*kuç*).²

Мы лишь для иллюстрации простых случаев, наглядных и на примере отдельных слов, выделили эти термины в одиночестве, на самом деле каждый из них имеет особое гнездо, образующее пучок одновременных значений доисторических эпох и существовавшее везде при особом мифологическом мышлении челове-

¹ Н. Марр, Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы', ДАН, 1926, стр. 193—196.

² Н. Марр, Чуваша-яфетиды, стр. 14 [см. здесь, стр. 330].

ства, или в другом разрезе одно и то же слово имело по смене функции обозначаемого им предмета, следовательно, на различных стадиях развития хозяйства, различные, для современного мышления также необъединимые значения.

Напр., один из семантических пучков эпох мифологического или, по терминологии французского этнолога Леви-Брюля (Levy-Bruhl), дологического мышления это, когда слово имеет три следующих значения — 'рука + женщина + вода', и когда у шумеров ши, как у мариев шо ↔ ши означало 'руку' (от 'руки' произведен с помощью суффикса кш 'рукав', звучащий по-марийски шо-кш), а появление того же ши в основе грузинского глагола шиа 'родила' объясняется наличием некогда имени ши со значением 'женщины', 'матери', 'самки',¹ то это выявляет с ясностью очевидного факта, что один слой, общий здравствующим теперь марьям или черемисам, чувашам, грузинам и исчезнувшим шумерам, на соответственной степени стадияльного развития речи располагал полисемантическим словом ши о трех значениях — 'руки + женщины + воды'. Липшь краткость времени мешает иллюстрировать соответственными фактами, что этот общий слой той же эпохи присущ еще многим языкам, в числе их баскскому.

Из другого круга многозначности, именно, когда одно слово означало 'небо' и в линии ассоциации по форме 'яйцо', 'шар', 'круг', 'круглый', 'арка', 'свод', но раз 'небо', то по производству 'дождь', и я беру соответственное чувашское слово şətəg, в архетипе *so-mog ↔ || *sumag, разновидность названия чувашей subag, шцзаш, фəваш, ибо народы на известной ступени стадияльного развития человечества назывались 'детьми неба',² и беру я слово в его значении 'дождя', в каком смысле это чувашское слово имеет ближайше увязанную с ним разновидность в г. tu-ma (→ tw-ma, нар. tvi-mo) 'дождь', и далее факт, не менее поучительный — груз. tu-ma, как чув. şə-təg, скрещенный термин, составленный из двух элементов, означающих каждый одинаково 'воду', из них тур. su, чув. и мегр. ши, прослеживаются, как мы видели, на пространстве от Средней Азии и до Берберии; таково же значение слова ma, не менее распространенного в названиях рек в значении 'воды' и 'реки',³ и вот представляет не меньший интерес, что в таком архаическом космическом термине, у хлебопашцев, естественно, учитываемом культово-бережно и переживаемом архаически, чувашский земледельческий народ, сходясь с грузинским земледельческим народом, оказывается разошедшимся с турецким, где 'дождь' yağmur. А почему так? И откуда такая разновидность? Яфетическая теория и это, казалось бы, странное явление разъясняет, вплоть от зарождения термина. Однако мы вовсе не думаем излагать здесь подробности истории хотя бы одного лишь частью разобранныго слова. Мы хотели лишь показать хотя бы на одном примере, в какой поразительной мере в словах бесспорно одного происхождения колеблются формальные их звуковые признаки, и гласные, и согласные, как во взаимоотношениях различных языков,

¹ Ср. груз. dū 'самка'

² Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН, 1926, стр. 690 [см. здесь, стр. 301], его же, Скифский язык, стр. 384 [см. здесь, стр. 221]

³ Н. Марр, К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории, ИАН, 1926, стр. 349—354.

даже в такой облюбованной формалистами-языковедами паре будто исключительно родственных друг с другом языков, как чувашский и турецкий. Эти, казалось, ненормальные звуковые изменения на самом деле вызывались необходимостью пособить одному горю на первичных этапах развития звуковой речи, именно многозначности слов, полисемантизму, чтобы усовершенствовать орудие социального общения, и чтобы для каждого понятия, хотя бы для каждого рода понятий, иметь по возможности отдельное слово.

Имеем десятки, сотни других случаев, в которых противоядием многозначности слов используется изменение одного лишь звука.

Так, по одному положению палеонтологии речи глагол 'делать', как и 'бросать', 'пускать', 'отпускать' происходит от слова 'рука'. Было слово *leṣ*, означавшее 'руку', но глухой свистящий звук *ṣ* слова *leṣ* в производных от него глаголах у «правотков», собственно одного из производственно-социальных слоев, отложившихся в вотках, заменяется звонким *z* в значении 'отпускать' — *lez-ышы* и так и представлен палатальным *ṣ* в значении 'делать' — *leṣ-тышы*, и это все по требованию большего уточнения речи в удовлетворение общественных идеологических запросов, а не в силу каких-то так называемых законов фонетики, будто физиологически возникающих. Пример этот, однако, из слоя от социальной группировки с эканьем. Основным слоем в чувашском представляется отложение социальной группировки с губной огласовкой (*o* ↔ *u*).

Вотский сохранил его употребление в смысле 'стороны', 'края' — *dur*, как и зырянский — *dur*, но первичное его значение — 'рука', и с таким значением *dur* является позднейшим упрощенным видом **ḍur*, закономерной разновидностью г. *ḍal* 'рука', и опять-таки по мегрело-чанскому или скифскому социально-звуковому оформлению.

Обычно функциональное значение слов, как предметов, или в роли частиц служебного порядка — службы связи, переживает основное функциональное развитие значимости слов и меняет коренной, казалось бы, смысл слова. Так, я недавно слышал фразу: «когда в конку впрягали лошадей», т. е. «конка» используется в значении 'трамвай'; забыто, что слово «конка» предполагает средство передвижения с помощью 'коней', 'лошадей', и оно перенесено на «трамвай», заменивший по функции «конку». В первобытном хозяйстве так называемых доисторических эпох сменявшие друг друга животные передвижения — 'олень', 'собака', 'лошадь' и др.¹

По этой функциональной семантике интересен случай перехода названия 'собаки' на 'лошадь' по смене в хозяйстве 'собаки' 'лошадью'. В числе слов, означающих 'лошадь', в чувашском имеем *ut*, закономерное с губной огласовкой соответствие т. *at*; приходится отказаться от мысли, что слово утратило плавный звук в начале, причем полный вид слова требует восстановления начального слабого согласного, в чувашском **yut*, разновидность которого с ослаблением *o* ↔ *u*, но с сохранением огласовки второго элемента, представляет в чувашском же *yətə* (✓ *yutə*), что

¹ Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, Лнгр., 1926 [ИР, т. III, стр. 123—151].

значит еще 'собаку', т. е. сохранило значение стаднального развития еще с 'собакой' в основе хозяйственной жизни.

А как обстоит дело в вотском? Казалось бы, лишь татарско-чувашское ат 'лопадь' || уэт, собственно *ut 'собака', оставило след от той же древней как бы «собачьей» ступени развития и у вотяков: у вотяков сохранилось слово именно с более архаичным значением 'собаки' в основе глагола ut-е 'лает', ибо глагол 'лаять' по палеонтологии речи происходит от имени 'собака'; само русское слово «лаять» происходит от имени laу → la, означавшего 'собаку' в наличном в этом значении по сей день у абхазов на Кавказе (о тесных связях абхазского с русским имеется довольно пространная печатная литература).¹

Окающая разновидность этого la 'собака', именно lo или по (↔ pu), сохранена вотским с обычным низведением губного гласного в «ы» в составе скрещенного слова pu-пы 'собака' из *pu-vи (pu \n пы); но это же слово в разновидности lo успело получить у венгров значение 'лошадь'.

Первая же часть вотского pu-пы 'собака', именно pu, представляет усеченный вид полного pui, закономерного двойника окающего pai → bal \n mal || val, что без всякого изменения сохранилось в самом вотском в виде именно val со значением 'лошадь' и со значением же 'лошадь' в скрещенном виде ka-bal в народном латинском, откуда западноевропейское франц. «cheval» 'лошадь' и т. п. История этого термина, как названия уже 'лошадь', теперь прослежена на пространстве от Японии и Китая до Пиренеев,² но мы здесь упомянем усеченный вид ba со значением еще 'собаки' в русском скрещенном слове «со+ба-ка», где -ка позднейший придаток. Это «со+ба», усеченный вид полного *so-bal, двойник которого русское же «соболь», и оба они коренные русские слова, как все другие, между тем «собаку» в русском считают доселе заимствованием из мидийского!

Таким образом, на звуковое изменение возлагалась определенная функция как бы добавочного уточнения слова.

Независимо от этого целые звуковые комплексы в речи рядом с их материальным значением как слов, напр., 'рука', 'глаз', 'рот', равно 'небо', означавшее одновременно и 'голову', имели другое как бы надстроечно-добавочное значение по функции обслужить увязку слов, именно члены тела оказались предлогами или послелогами, многие наречиями со значениями: 'рука' — 'через' (первично в роли 'орудия'), равно 'около', 'близ', 'глаз' — 'на виду', 'перед', 'рот' — 'на краю', 'у', 'небо' [→ 'голова'] — 'вверху', 'земля' — 'низ' и т. д., и т. д. Впоследствии слова эти истерлись, обратились в пережитки-звуки, точно символически означающие тот или иной предлог, послелог, наречие; эти же имена образуют падежные окончания, множественное число, целые части речи, как, напр., глагол. Функциональное значение слов пережило их основное значение,

¹ Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. 'Лошадь' и 'Тризна', изд. Наркомпроса Абхазии, Лнгр., 1924 [см. здесь, стр. 117—152]; его же, Русское «человек», абх. аоуѐ, ДАН, 1926, стр. 81—84 [см. здесь, стр. 187—190]; его же, Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык, Лнгр., 1929 и др. (см. КИ).

² Н. Марр, Берская 'лошадь' от моря до моря, стр. 129—132; его же, Государственная Академия истории материальной культуры, Печаль и революция, 1927, кн. VII, стр. 290—291.

как самостоятельных слов, каковое сейчас приходится откапывать путем палеонтологических изысканий.

Ясное дело, если не подойти к этим надбавочным функциональным значениям палеонтологически, то никогда вы не только не вскроете происхождения данного явления, данного окончания или суффикса, данной приставки или префикса, данного звука, но вы не овладеете в полной и, главное, надлежащей мере ни подлинной техникой, ни подлинным смыслом того или иного звукового явления, вы никогда не поймете структуры языка, следовательно, вы и практически не можете быть сознательным хозяином своей родной речи и творцом дальнейшего ее перерождения, развития в соответствии с новыми потребностями.

С функциональной сменой слов мы подведены к особой части нового учения об языке — стадильности развития слов, отвечающей истории материальной, а потом и так называемой духовной культуры.

Здесь выступает замена 'руки' искусственным орудием производства — 'камнем' (чв. $\text{ʃul} \searrow *ʃul$), ставшим называться по сему 'рукой' (чв. $\text{sol} \leftrightarrow \text{sul}$ — в sol-ga 'запястье', 'браслет'), которая перешла затем как название на металлы, в порядке их появления, бронзу, медь, железо, олово и т. п., равно соответственное название 'рукой' 'топора', 'ножа' и иного орудия, сначала каменного, потом металлического. Такие же переходы наименований хлебных растений, сменивших прежде всего 'жолудь' и другие плоды паразитического хозяйства; все это установлено так же, как с появлением средств передвижения в преемственности оленей, собак, лошадей и т. п. названия животных старой службы перекочевывали на животных нового хозяйственного обихода с той же функцией,¹ а с домашних на дикие, ибо звуковая речь началась по одомашнении собаки.

Слов, означающих 'собаку', в чувашском несколько, их больше, чем чувашам о том сейчас знают. Все они дают основание для такой же иллюстрации перехода названия 'собаки' на 'лошадь'. Другая линия использования собаки в применении к другому животному находится в связи с тем, что по ее одомашнении 'собакой' называли 'волка'. Палеонтология речи установила, что 'волк' это обычно значит 'собака', иногда 'большая собака', в отличие от 'лисы', 'малой собаки'.² И, так как в то же время глагол 'лаять' происходит всегда от 'собаки', то чувашский глагол $\text{v}\acute{\text{e}}\text{g}$ 'лаять'³ порука тому, что $\text{v}\acute{\text{e}}\text{g}$ значило и 'собака', и отсюда полное оправдание чувашскому происхождению болгарского слова $\text{v}\acute{\text{e}}\text{g}$ -e 'волк': Это болгарское слово разъясняется не турецким $\text{b}\acute{\text{ö}}\text{g}$ -i, а именно чувашским $\text{v}\acute{\text{e}}\text{g}$, означавшим некогда 'собаку', и палеонтологически также марийским его двойником $\text{r}\acute{\text{ig}}$ -e или $\text{r}\acute{\text{ig}}$ -ы 'волк'.

Обычное же теперь у чувашей слово для 'волка' $\text{k}\acute{\text{a}}\text{ʃk}\acute{\text{e}}\text{g}$, означавшее, следовательно, первоначально также 'собаку', а по функциональной смене значений — 'лошадь', в марийском служит потому основой глагола $\text{k}\acute{\text{e}}\text{ʃk}\acute{\text{e}}\text{j}$ -ам (дуг.

¹ Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, Лнгр., 1926 [ИР, т. III, стр. 123—151].

² Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus , стр. 392; его же, Из двухэлементных абхазских слов (к встречам с чувашским), ДАН, 1927, стр. 149 [см. здесь, стр. 385—386]; его же, Значение и роль изучения национальностей в краеведении, стр. 11 отд. стт. [ИР, т. I, стр. 240].

³ Ср. $\text{v}\acute{\text{e}}\text{g}$ -t 'дрознить собаку'.

kuşkuç-am) 'еду верхом': уже у прамариев то же слово значило, следовательно, 'лошадь'.

Эта функциональная смена терминов, сообразно со сменой предметов в стадийном развитии хозяйства, имела свое применение и на тех ступенях в росте культуры, создавшей ручной и, при смене руки орудием, инструментальный трудом, когдаросло космическое мировоззрение и с ним стали появляться надстроечные, вообще отвлеченные понятия, когда, следовательно, для их обозначения использовывались слова материального значения.

Пример характерный, когда 'колесо' и 'телега', выражаемые одним термином у приволжских и кавказских народов, встречаются совершенно не случайно с тем же термином в значении такого абстрактного понятия, как 'время', в частности именно с русским словом «время»¹ — повторяю, совершенно не случайно, так как подобно 'колесу+телеге', носившим одно общее название с 'небом+солнцем', 'небо+солнце' в свою очередь было использовано для обозначения абстрактного понятия 'время', собственно 'время+год' и т. п.

В чувашском существует и такое отвлеченное понятие, как 'истина'; слово первично означало 'солнце' гесп. 'день', т. е. отвлеченное понятие явно надстроечного порядка раньше замещалось материальным указанием наглядности; 'правдой' было то, что было видно, более того — указанием материального предмета или конкретного явления, источника зрения: 'правда', 'истина', это 'солнце', 'день' и т. п. Бывает, конечно, что этот термин заимствован из чужой, более культурной речи, напр., у французов «vérité» 'истина' целиком пересажено из латинского, это слово «veritas», а откуда же взято, напр., чув. ღეპ 'истина', 'правда'? Да ниоткуда, т. е. из самого чувашского, ибо представляет в связи с развитием собственной общественности использование соответственного материального или конкретного слова, какое требуется палеонтологией речи, ибо ღეპ — ослабленный вид полного *ღოპ ↔ ღიპ, что в свою очередь по фонетическим соответствиям еще яфетической системы есть не более, не менее, как разновидность კოპ ↔ კიპ, означающего 'день', и постольку, следовательно, означавшего и 'солнце', а это подтверждается уже сравнением не только с турецким, но и с баскским, более того, с целым рядом других языков, в которых имеется то же слово со значениями, связанными с 'солнцем', или материально, напр., 'свет', 'глаз', 'зрение', или мифологически, с эпох еще дологической ступени развития человеческого мышления, с эпох, когда возникали и так называемые греческие мифы, разумеется, до греков, так миф о солнце, выезжающем на лошадях, собственно о 'солнце-коне'. Что касается материальных или конкретных понятий, выражаемых этим же словом, в одном грузинском и ближайше связанных с ним языках налицо длинный ряд терминов со значением не только 'света', 'глаза', 'зрения', но и производных от них служебных слов — наречий, предлогов или послелогов; так, предлог 'пред', как сказано, разъясняется как происходящий от 'глаза', буквально, 'на глазах'. Слово ღიპ, налицо в приволжских языках в значении 'глаза', у грузин означает 'зрение', 'глаз', также 'свет', так как

¹ См. выше, стр. 403.

то же слово означало 'светило', в частности, 'солнце', и чувашки сохранили его с этим значением в своем земледельческом культовом термине *şinçe*, названии известного весеннего праздника.

В связи с 'глазом', одним из членов тела, микрокосмически воспринявших название космических тел, выявляются такие уже космического порядка значения, как 'луна', 'солнце', или, если осмысливать по нашему уже с давних исторических эпох возобладавшему логическому мышлению, 'глаз ночи' и 'глаз дня', как толковалось у египтян это смущавшее и древних совпадение названий 'очей' с названиями 'луны' и 'солнца' в их еще в такой мере архаичных языках.

В самом деле, именно чув. *şep* 'правда', первоначально в языках яфетической системы звучавшее **şin* ↔ *şon* 'солнце' (см. стр. 416), как разновидность шипящей группы, и в ней же по ее закону перерождавшееся в *şip*, в последнем виде сохранено грузинским в значении 'света', 'зрения', но оно же рядом с 'солнцем' или 'луной', что пережило в названии переднеазиатского лунного божества *şin*, значило и 'глаз', последнее же на севере безукоризненно выявляется вотским (удм.) *şin* 'глаз', да зырянским (коми) *şin* 'глаз', откуда в грузинском другая чисто грузинская разновидность свистящего типа *šin* со значением 'перед', буквально 'на глазах', да, кроме того, соседящие ныне с чувашами марий (черемисы) сохранили и *şip-* и *şin-* в значении 'глаза' в составе их двухэлементного скрещенного термина горного *şep+zä* 'глаз' и лугового *şin-ða* 'глаз', и, что представляет исключительный интерес, как свидетельство весьма сложных процессов скрещения, которым подвергались языки Средневожья, то же *şin-*, resp. *şep-* со значением 'глаза' из черемисов же сохранили так называемые лесные в своем трехэлементном скрещенном *şep+ða-ğoj* 'глаз', и только (это по моему наблюдению, но по общепринятому толкованию самих мариев это 'орбита глаза', 'впадина глаза', да и лишь в разновидности *şin+ða-ğoj*), где третий элемент *ğoj*, уже разъяснено, также означал 'глаз', да 'солнце' и т. п., как это свидетельствуется фактами из ряда языков яфетической системы Кавказа, да и за его пределами (при значении 'орбита' семантический архетип по существу не изменится, ибо таким архетипом будет 'небо').

Если кого-либо смущает палеонтологически вскрытый факт, что наречие или послелог, равно предлог 'перед' происходит от имени существительного 'глаз', то обращу внимание, что, во-первых, чув. *im* 'перед' также означало первоначально 'глаз', что это слово анализируется как двухэлементное скрещенное образование из *u-* и *-ş*, одинаково означавших 'глаз', причем второй элемент *-ş* есть, если не учитывать нормального колебания огласовки, усечение слова *mał* ↗ *bal*, означавшего 'глаз', как то также установлено материалами средиземноморских языков, включая и коптский, и абхазский, и грузинский,¹ и потому *mał* также означало и означает 'перед', не только в чувашском, но и в грузинском, здесь в составе скрещенного образования *imał*, усеченным видом которого является уже разъясненное нами чув. *im* 'перед'. Что же касается начального *u-* чувашского слова *u-ş*, также означавшего 'перед', следовательно, первично 'глаз',

¹ Н. Марр, *Абхазоведение и абхазы*, ВС, стр. 142 [см. здесь, стр. 172]; его же, *Китайский язык и палеонтология* р. чи. I. 'Глаза' и 'слезы', стр. 95.

то это усеченный вид слова *иг*, в марийском представленного закономерно в виде *иј*, основы глагола *иј-ас* 'видеть'.

Однако без поразительно яркого переживания в чувашской речи, более того — в чувашском быту не остается основное, нас занявшее слово *фэп*, у чувашей сохранившееся со значением надстроечного порядка 'истина', у мариев же в составе скрещенного *шп+фа* и *фэп+зй* означающее доселе 'глаз'. Надо лишь учесть, что опять-таки в переживаниях начальных стадий развития все перелетено с мифами и производством, ибо раз 'глаз', то и 'светило', именно не только 'луна', но и 'солнце' (см. стр. 416, 417), и вот *шп+фе* или *шп+ђе*, равно *шпђе* → *шпђе*, именно 'солнце', у чувашей пережило в быту как культовый предмет в названии известного весеннего праздника, около Троицы, когда неделю, — другую, если не все три, прекращается всякая полевая работа. К толкованию этого термина в том же смысле мы могли бы теперь подойти и с одними чувашскими материалами, и в то же время вскрывающиеся тут материалы дают основание к тому, чтобы снова вернуться к анализу имени Синеуса в легенде о трех братьях, и дать окончательное разъяснение толкованию, лишь намеченному нами в «Чуваших-яфетидах».¹

Однако сейчас наш мотив интереса к чув. *фэп* 'истина', 'правда', именно то, что это значение есть благоприобретение позднейшей стадии развития чувашской речи, когда чувашаи уже были разобщены и с азиатскими турками, и с кавказскими или иными яфетидами; это благоприобретение их, чувашей, уже национальной исторической жизни; однако и этот процесс развития чувашского коллектива не мог проходить в изоляции и не проходил, как то свидетельствует общность этого надстроечного термина 'истины' у чувашей с русскими, однако с той явной разницей, что тогда как у чувашей слово *фэп* использовано от моносиллабического состояния речи, следовательно, еще в примитивной ее стадии, его эквивалент *тп* в русском появляется лишь в составе уже позднейшего скрещенного образования *ис-тп-а*, да и это *тп* усекается до начального согласного в прилагательном «ис-т-ый»; полный же вид *тп* сохранен опять чувашским, но в конкретном значении 'глаза' в основе произведенного от него глагола *тп-кер-ес* 'вытаращить глаза', как в марийском *шпндам кяр-ащ*, причем мар. *шпнда* (ср. стр. 417) 'глаз' покрывает ясно по значению чув. *тп*.

Естественно, в таком же порядке разъяснились и грамматические категории. Они увязаны с историей общности и ее мировоззрением, различным на различных ступенях стадияльного развития. Напр., грамматический род: мужской, женский, средний. Казалось бы, это идет от естественного пола. Ничего подобного. Да и что за противоестественный средний род? И почему различного грамматического рода бывают и предметы, абсолютно не имеющие ничего общего ни с каким полом? Поучительно, как обстоит дело с металлами в языке, как они называются и почему? Это очень сложный вопрос, требующий специального и детального обоснования, но один факт, не подлежащий никакому сомнению, это то, что металлы, служившие для выделки орудий, а таковы бесспорно бронза, медь,

¹ Стр. 19 [см. здесь, стр. 334].

железо, носят по преемству название 'рука', как 'камень', а 'золото' и 'серебро' одновременно (не по блеску ли и цвету?) увязываются со светилами — 'солнцем', 'луной'. Вопрос этот, повторяю, очень сложный, связанный и с мировоззрением человечества, представляющего себе небо при каменной культуре каменным, при металлической — металлическим (так, обычны у древних народов пережиточные совпадения неба с железом), но, несмотря на известное самодовлеющее их значение, металлы подчинены также грамматическому роду, и где средний род есть, там большинство их названий — этого среднего рода, именно:

'золото' aurum, 'серебро' argentum, 'олово' plumbum, 'железо' ferrum.

Лишь «медь» (русск.) женского рода, если не говорить о считающейся спорной 'бронзе' (франц. le bronze). Этому изменяют романские языки и семитические, в которых нет вовсе среднего рода, только мужской и женский, и вместо среднего — мужской, как, впрочем, и у греков, в названиях металлов.

И вовсе никакого рода в языках без грамматического рода, в языках порой древнейших систем.

В чем же тут дело? Неужели естественное половое различие не сразу было осознано человечеством? Повторяю, первобытное человечество полом, как полом, при сложении своего мировоззрения не интересовалось. Грамматический род — отражение лишь форм общественного строя. При первобытном коммунизме не было никакого рода; при матриархате, древнейшей классовой организации, было господство матери-женщины, и металлы того времени, если уже не бронза, то медь, выявляют использованной как классовый признак частью слова принадлежность социальной группе, возглавляемой женщиной, да к тому же металл, воспринимаемый все еще как орудие производства, должен был разделять «грамматический» род первого орудия — руки; когда же матриархат был сменен патриархатом, то возникли, формальные классовые признаки и переходного времени: так называемый средний род связан с результатами производства, продукцией, отсюда и с материалом, прежний же внеклассовый вид, общий, пошел за мужским, стал выразителем господства классовой организации с отцом-мужчиной во главе, причем эти классовые признаки формально выражались вначале не в самих словах, а во вновь народившейся, со времени возникновения собственности, собственнической части речи, местоимении личном и притяжательном.

Это распределение не только слов, но всех сторон человеческой звуковой речи по стадильности общественного развития от пережитков паразитического хозяйства до современной, построенной на машинной технике промышленности, от недифференцированных первобытнокоммунистических форм социального строя до государственных образований с крайне обострившимися классовыми взаимоотношениями, до порога внеклассового общества в результате руководящей роли рабочего класса, уточняет и укрепляет вскрытые новым учением связи языка с различными по материалу типами хозяйства, в том числе каменного и металлического, с различным социальным строем, матриархальным и патриархальным, с различными идеологическими построениями мировоззрения и даже с различными по складу системами мышления, логической и дологической или образной, мифо-

логической. Вскрыты в языке, в различных частях речи и в различных формах слов, как отложения производства и им создавшейся общественности, не только эти общие типологические формы жизни, но и конкретные факторы ее социальной организации, как то: право собственности, групповые, классовые, сословные, племенные и семейные взаимоотношения. Наблюдено в языке возникновение одних явлений из других, отнюдь не схожих, а противоположных, в путях развития диалектического процесса. И все это делает новое учение об языке чрезвычайно сложным и ставит его в весьма трудное, почти исключительное положение, по связи с социологиею, ее новейшей в Европе формой — марксизмом. Отсюда то понятное перед его положениями смущение академической среды ученых и вообще работников в путях традиционной линии научного мышления, которое освещается мною в работе «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком». Отсюда же также смущение в кругах лингвистов-филологов старой формальной школы, перед положительной оценкой яфетической теории, которую решаются дать ученые марксисты, не будучи языковедами. Еще не осознано в ученой среде, что лингвистика, раньше чем по функции, по самому своему происхождению — обществоведческая наука, и, соответственно, компетенция ученых марксистов вполне обоснована.

В то же время все эти исследовательские возможности вскрылись после того, как были взломаны детальными наблюдениями отдельных фактов перегородки, установленные старым учением об языке, между различными группами языков различными так называемыми семьями, оказавшимися различными системами звуковой речи, которые, отражая различные ступени развития мирового хозяйства и общественности, сами являются показателями лишь различных стадий эволюции звуковой речи в едином языкотворческом процессе всего человечества. Языков, возникших в изоляции, не существует. Следовательно, нельзя и изучать их в изоляции. На эту тему, если кого интересует, отвечает моя работа «Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык».¹

Абхазский язык лишь пример. Вместо него прекрасно можно поставить и чувашский, и черкесский, и чеченский, и аварский, или на севере коми или зырянский, вотский или удмуртский, также вскрывшийся как девственная руда с золотыми россыпями по важнейшим проблемам истории мировой культуры.

Это становится ясным и при специальном освещении национального названия вотяков, оказавшегося связанным с космическими терминами 'небо' и 'солнце'.

Из палеонтологии речи теперь известно, что 'небо' и 'солнце' обозначались одним словом, а 'солнце' использовывалось для обозначения и 'дня', и 'года', как 'луна' для обозначения и 'недели', и 'месяца'. Отсюда, во избежание смешения 'солнце', как часть 'неба', позднее стали отличать уменьшительной кличкой — 'небесенком', буквально 'дитятей неба'. В удмуртском 'день' и 'солнце' уже различены тем, что для 'солнца' взято слово одной социальной группировки, а для 'дня' — слово другой социальной группировки. 'Солнце' — пипды, а 'день' пипал, но, тем не менее, каждое из них означало и 'солнце' и 'день', первично

¹ Изд. Восточного института.

‘небо+солнце’, и в обоих терминах имеем составное слово, означающее ‘небесенок’, буквально ‘дитя неба’. Из них вотск. *шунды* и зырянское *шунди* ‘солнце’ имеют одну основу с русским словом *sol* (в латинском самостоятельно ‘солнце’), это *ши*, которая, как в русском «сол-н-», стоит в родительном падеже *ши-н* и управляется словом, означающим ‘дитя’, в русском *де* из *ġe*, в вотском и зырянском *ды* и *ди* (*do* и *di*): *шунды*, *шунди*. То же самое оказалось в *пипал* ‘день’, первично ‘солнце’, буквально ‘дитя неба’; вторая часть *пал* это ‘дитя’, отсюда *пал* ‘маленький’, ‘молодой’ в вотском же слове, также составном — *ри-пал* или *рипал* ‘молодой’, буквально ‘дитя+молодое’, ‘дитя+дитя’, *пи* ‘небо’.

Оба слова имеют и других сородичей в самом вотском, да у них увязки и с далекими ныне от вотяков языками; так, *пи*, основной простой элемент, сохранился в том же виде в составе латинского скрещенного слова *пи+be-s* со значением ‘облака’, происходящего от ‘неба’, и в разновидности *пе-* в словах, равным образом скрещенных, со значением как также ‘облака’ в греческом *πε-φελ* (πεφελ-η), так и ‘неба’ в русск. «не-бо». Вотское же *шунды* ‘солнце’, букв. ‘дитя неба’, усеченным¹ видом своей основной части *ши* ‘небо+солнце’ появляется на Западе, где *пи* самостоятельно сохраняется теперь у басков в значении ‘огня’, ибо ‘огонь’, как и ‘свет’, оказался по палеонтологии речи происходящим от ‘неба+солнца’, да в разновидности *си* и *ди* ‘горящие уголья’ с родовым значением ‘огонь’ оно же в основе вотских глаголов *си+т-ыпы* ‘сжигать’, *ди+ат-ыпы* ‘зажечь’, равно *диал-ыпы*, а полный его вид *шиг*, в разновидности спирантной *шиг*, в значении ‘огня’ у армян, но она же у целого ряда древнейших народов Средиземноморья в первичном значении ‘неба’, в числе их у басков, пережитка первоначального населения Западной Европы: баскский язык от *иг* ‘небо’ прибавкой *те* ‘дитя’ дает производное слово *игте*, буквально, ‘дитя неба’, которое, как вотское *шунды*, значит ‘[солнце+] год’. Такое же происхождение имеет основная часть национального названия вотяков *ид+мур+т*, т. е. *ид-*. Если бы не было довольно обычной у вотяков спирантизации начального шипящего звука, это слово звучало бы *шид*, что позднее дало бы *диид*, а на предшествующей ступени развития *скид*, т. е. в национальном названии вотяков вскрывается название древнейшего чудского населения края, которому археологи приписывают определенные древности, чудские древности. В его же разновидности *скид* (*←*skul-tan*) мы имеем основу греками сохраненного названия скифов — *скида*.

Самая же вотская разновидность *ид*, при Видемане звучавшая *иг-д* (может быть, и теперь), нарицательно значит, как бск. *иг-те*, буквально ‘дитя неба’, и, следовательно, по этому национальному названию вотяки именуются ‘детьми неба’, а это совпадает с тем, что сообщает греческий историк Геродот про один из северных от причерноморской Скифии народов со слов скифов, не знавших, как и Геродот, что такое название — общее явление для всех народов на определенной ступени развития, потому то же самое значит и племенное название

¹ См. Н. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, СГАИМК, т. I, стр. 61 [ИР, т. III, стр. 53].

vogul, как уже разъяснено в работе о скифском языке,¹ то же самое значило название скифов, и то же самое значит название известного из VIII в. до н. э. кавказского народа uti, тезки прикамских уд'ов, или, отныне, чудов, равно как скифов.

Но сам удский язык сохранил в своем словаре акающий вид того же ит 'небо-солнце', и раз 'солнце', то, следовательно, и 'день' и 'год'. Это — термин со значением 'год', а в клинообразных надписях Вана, где впоследствии возникла Армения, в надписях с IX в. до н. э., это же аг 'год', собственно, 'небо+солнце+год', имеет уменьшительное образование, как шиды, именно ardi, и значит 'солнце', 'божество солнце', и другая диалектическая разновидность sagd 'солнце' входит в состав имени ванского царя Сардура, букв. 'Солнцедара', и это же sagd в основе названия того города Сарды, столицы Лидии, про который Ксантид Лидийский осведомляет, что на местном языке слово означало 'год', следовательно, по палеонтологии речи и 'солнце', как это видно из его спирантной разновидности Ardi, означающей у ванских халдов 'бог солнце'.

И о каком бы языке ни возник вопрос, дело будет касаться не монолитной речи какого-либо народа, а скрепленного языка, в какой отливались и отложены достижения речевой культуры не одного руководящего слоя, не одной производственно-социальной группировки с ее некогда тотемом.

И вот вся эта сложность и богатство не только лингвистических, и формальных, и идеологических разъяснений, но и связанных с ними осведомлений по истории материальной культуры и общественного строя, по пережиточным актуальным мировоззрениям, которые могут и неизбежно должны разворачиваться при прохождении, в свете нового учения об языке, курса чувашского, вообще любого бесписьменного или младописьменного языка, хотя бы лишь сегодня возникающего в литературном оформлении, не дают ли нам основание утверждать, что родная речь — могучий рычаг культурного подъема?

Это в интересах прежде всего укрепления национальной культуры в советских путях не замкнутой в себе, и в таком случае — обреченной на застой, а растекающейся живым потоком движущейся широкой международной человечности.

Однако нас вынуждает другая сторона дела признать необходимость безоглядательного использования того же могучего рычага.

Современный строй выдвинул значение каждого языка, как орудия пропаганды, как средства массовой общественной работы во всех уголках нашего Советского Союза, независимо от его исторических заслуг, независимо от его культурных достижений, часто вопреки его наличной непригодности для такой задачи, можно сказать, для такого общественно-налагаемого нашим строем подвига, собственно для такой не более, не менее как культурной революции. Ясное дело, что для производства такой культурной революции необходимо не только быть знатоком языка, как он есть, но знать и то, как язык сделался тем, что он есть, как бы он ни был несовершенен, значит, как он возник и развивался, и, следовательно, как он может стать тем, чем он общественно должен быть.

¹ Н. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 384 [см. здесь, стр. 221].

К такой же необходимости изучения языков всего мира без учета степени их культурного развития пришло путем своих теоретических изысканий и новое учение об языке, но, когда понадобились работники этого дела, хотя жатвы много, мы это отлично видим теперь все, то жнецов не оказалось. По мертвым, да чужим языкам сколько угодно. По египетскому сейчас в одном Ленинграде легко насчитать одиннадцать прекрасно квалифицированных специалистов, ближайшую нам смену, также по древнегреческому языку одних гомероведов успела высшая школа подготовить человек пять. А по языкам национальностей? Лучше не подводить статистики, ни качественной, ни даже количественной.

Что же мы, следовательно, проповедуем варварскую мысль уничтожить или в какой-либо мере затормозить изучение столь важных для истории культуры языков, как египетский или греческий? Ничего подобного.

Я помню, как раз, лет пять тому назад, нарком просвещения, т. Луначарский, читавший в Академии истории материальной культуры доклад об искусстве в марксистской постановке, на поданную из публики записку, нужны ли в наше время социалистического строительства знания античного мира, эллинского искусства, ответил: «конечно, нужны», и, сравнивая их с пушками, добавил: «как пушки, они нехороши и ненужны в руках буржуазии, но, вырванные из ее рук и обращенные против буржуазии, они хороши и нужны».

Однако со знанием языков не так легко справиться. Не достаточно повернуть дулом классические языки в ту или другую сторону, чтобы использовать их в нашем культурном строительстве. Языки эти бесспорно важны, изучать их полезно, но раньше надо найти им место, да и изучение их должно быть поставлено иначе, чтобы отыскать им место и обеспечить его за ними. А легко ли это сделать с классическими языками? Можно быть уверенным, что с ними, с этими классическими языками, латинским и греческим, наиболее и наидольше научно изучавшимися языками, труднее, чем, напр., с чувашским языком, с ними хуже обстоит дело в отношении проработки методом современного нового учения об языке. Как же так? Ведь латинским и греческим занимались целые века, тысячелетия. Греческий язык изучали с весьма ранних эпох, ибо без особого изучения греческого языка, да его диалектов, не могли надлежаще понять сами греки ни лучшего мирового поэта, Гомера, ни лучшего рассказчика-повествователя, Геродота, величаемого европейцами «отцом истории». В гомеровском языке столько древних переживаний, доклассических, что понять его просто грамотный грек с улицы без специальной подготовки, конечно, не мог. Геродот пишет таким наречием, что не всякий грек даже в его дни мог считать его речь понятной, как свой родной язык. Греческий язык изучали римляне, республиканские и имперские, одинаково империалисты, и их ранняя средневековая византийская смена, также империалисты, далеко не из одних греков. Греческий язык изучали впоследствии арабы, а раньше особо так наз. мелкие народы, копты, сирийцы, армяне и грузины, все народы Востока, посильно пособившие сохранению в человечестве непрерывности культуры, увязке творчества новых дней и их потребностей с достижениями предшествующих эпох человеческой, тогда

социально каторжно построенной трудовой жизни. Греческий язык в то же время изучали по особым мотивам островитяне-ирландцы, раньше чем обитатели европейского материка. Не только вновь под шедшим, мало посвященным в достижения буржуазной науки, но и большинству, прямо-таки массе ее представителей, о широкой по греческому языку просветительной роли этого островного народа, ирландцев, также небольшого народа, об их культурном главенстве, несколько не более известно, пожалуй меньше, чем о роли арабов и сирийцев, хотя бы армян и грузин, в деле культивирования греческого языка и, естественно, его изучения. Греческий язык с исключительным рвением изучали и позднейшие византийцы, уже одни греки, так как с классическим греческим языком имела мало общего по своему складу, по идеологии, да и по технике своего построения разговорная речь и древних эллинов, еще менее в массе огреченных «варваров», аборигенов Малой Азии и Причерноморья, византийцев (на деле же в состав византийцев входила народы, говорившие массово на различных языках, вовсе не греческом), и греческий язык изучали, наконец, в Европе, да так углубились в его изучение, что высота культурного уровня каждой ее страны расценивалась по степени развития в ней эллинистики, т. е. знания греческого языка, а затем и по степени примыкания к греческим образцам даже в литературном творчестве. Конечно, культура с привязанностью к мертвой эллинской речи была классовая, находила почву в тонком верховодящем слое нарождавшихся классовых образований, сама же гуща населения, сами народы европейских стран в низовых массах были совершенно чужды этому классовому просвещению системой своего мышления и системой своего общественного строя, ибо масса продолжала оставаться верной системе своего хозяйства, в ней упорно бытовал соответственно языческий культ, связанный с тем или иным производством, и масса говорила различными языками той же древней, сейчас называемой доисторической системы; масса не только не приобщалась к утонченности занесенного извне просвещенного эллинизма господствующего класса и примыкавших к ним экономически группировок населения, но и туго, чрезвычайно туго поддавалась усвоению государственного языка Римской империи, латыни, становившейся общедоступной речью всего господствующего класса западной Европы. Наоборот, последовала эпоха, весьма длительная, когда массовые языки старой системы стали влиять, через соответственные производственные организации и соответственные группировки, дружины и неразлучный с ними цех и сказителей бардов, на латинскую речь замкнутого класса. Был момент, когда повсеместно вырабатывались особые языки гибридного строя, переходные от древней системы к новой. На Западе это произошло с образованием так называемой кельтской народности, как будто разлившейся путем переселения по всей Европе до Азии. Такого доселе общее мнение интересующихся кельтами ученых, даже тех, которые будучи специалистами по родной стране из самих ирландцев, прекрасно облачают чудовищные искажения, вносившиеся христианскими писателями в изучение ирландского народа, в его предания и т. п.

Совершенно так же, как про первых индоевропейцев вообще, так про кельтов, в частности, существует учеными измышленная легенда, точно они откуда-то

(откуда — это или вовсе неизвестно, или спорно) вселились в Европу в обладании тем или иным видом уже сложившейся индоевропейской речи.

Чтобы получить некоторое представление о зловредной фантастичности этих ходячих по сей день в научной литературе легенд про появление индоевропейцев, интересно знать, как трактуется этот вопрос не у почти забытых устаревших основоположников этого учения, а в современных исследовательских работах актуального значения. Остановлюсь на подобной трактовке в записке ирландца-специалиста Мак-Нейля (Dr. Mac-Neill), внесенной Алисой Стопфорд Грин (Alice Stopford Green) в ее по-английски составленную «Историю Ирландского государства до 1014 г.», книгу, появившуюся в 1925 г.¹

Описав предполагаемое еще на их родине состояние индоевропейцев, ничего в себе специфически индоевропейского не представляющее и отнюдь, разумеется, не первобытное, автор в заключение замечает:² «Но их [т. е. индоевропейцев] наиболее отличительное достижение было укрощение лошади, первоначально дикого животного, природного в той богатой травой равнине, на которой они обитали; овладение ими лошадей, в придачу к здоровому и сильному характеру их социальной организации, и поставило расу эту во главе цивилизации. Гомер, древнейший из поэтов и историков, чьи труды доселе переживают, древних греков называет «конеукротителями» (*ἵπποδάμοι*).³ Были изобретены различные названия, чтобы обозначать эту первоначальную расу (original race) — арийцы, индоевропейцы, индогерманцы, но гомеровское название «конеукротители» является наиболее подходящим и наиболее отличительным.

«Древнейшие воспоминания об индийской ветви [этих так наз. индоевропейцев] восходят к 1600 г. дохристианской эры. В последующие столетия другие ветви той же расы толпились на окраинах Вавилонской империи. В Грецию и Малую Азию они вторглись, вероятно, между 1300 и 1200 годами до р. Хр. С момента, когда ахеи «конеукротители» вторглись в Грецию, начинается, можно сказать, европейская история. Неизвестно, в какой период поселились в средней Италии италийская ветвь, латиняне и прочие».

Во всей приведенной нами тираде единственное состоятельное место это заключительная часть, где автор признает неизвестным, «в какой период поселились в средней Италии италийская ветвь, латиняне и прочие». С другой стороны, потрясающая наивность, проявляемая автором, это то, что ему представляется допустимым устанавливать время возникновения того или иного народа на основании самопоказаний, тогда как начало, вернее возникновение каждого народа, тем более целой так называемой расы, это событие характера длительного социального процесса, никогда никакими сторонними свидетельствами не поддающееся хронологическому определению с точностью хотя бы сотен лет, вообще с датами исторических событий политического характера, это явление, я бы сказал, «этнологическое», если под «этнос» можно было бы подводить социальные явления, предшествующие его образованию, и потому же менее всего сохра-

¹ History of the Irish State to 1014, London.

² Уж соч., стр. 22.

³ Илиада 2,23 сл. и Одиссея 3,17.

няемое в памяти с исторической точностью тем самым народом, который является результатом такого сложного и длительного процесса, как зарождение различных видов племенного образования. Это все равно, как у взрослого человека искали бы осведомления в его воспоминаниях о подробностях процесса его зачатия и рождения.

Но, увы, самый главный изъян это в общей постановке вопроса. Не только нашего автора, но вообще всех последователей индоевропейской школы совершенно не интересует по существу вопрос о происхождении. Ну, допустим, индоевропейцы, действительно, явились бы в указанные места, в частности в Европу, так, как это обычно принято рассказывать вроде приведенного нами изложения, и, допустим, индоевропейцы и были обладателями описанного состояния культурного развития, когда они стали расходиться различными ветвями по тем или иным предполагаемым переселенческим руслу. Ведь это абсолютно не решает ничего, ибо остается вопрос: а как люди дошли до такого, рекомендуемого индоевропейским, развития? Автор же довольствуется констатированием, как ему кажется бесспорного, как бы с неба павшего факта, что «обладание индоевропейцами лошадью, в придачу к здоровому и сильному характеру их социальной организации, и поставило эту расу во главе цивилизации». И, естественно, такое легкомысленное, часто формальное отношение к событию глубокого социального интереса и громадного и для последующих исторических судеб значения несет свои последствия и в общих положениях, ибо, как выясняет яфетическая теория, индоевропейцы ниоткуда не вселялись в Европу, греки, также как латиняне, время появления которых неизвестно, возникли именно там, где их застаёт история, и индоевропейцев никак нельзя принять первыми 'конеукротителями', ибо самая терминология коневодства, да, в частности, многочисленные названия лошадей, в том числе индоевропейские, все унаследованы из языков более древних систем, да, кроме того, так они неразрывно сплетены друг с другом в различных языках, да вдобавок — при совершенно различных значениях, расходящихся от принадлежности их осмысления различным ступеням стадийного развития единого процесса человеческой истории, что не может быть речи ни о каком выделении индоевропейцев, как «конеукротителей», в какую-то особую расу, и тем более ни о какой научной трактовке индоевропейских языков, как независимых образований с особой родиной.

Между тем, предвзятая мысль, предвзятое научное построение не только производит свое мертвящее действие, грозя окончательным застоём более углубленному изучению самих индоевропейских языков, но и опустошает, делает бесплодными попадающиеся ей на пути неустраняемые материалы; оно отмахивается от них, или, что еще хуже, все попрежнему продолжает упрощенно трактовать проблемы об языках и позднейших эпох, связанные с сложнейшими социально-экономическими процессами жизни.

Такова, между прочим, имеющая значение и для восточной Европы, в частности и для истории чувашей, кельтская проблема, разрешаемая попрежнему примитивными приемами расовой этнографии.

Кельты, учат старая школа, это сложившаяся, мол, где-то в одной территориально изолированной среде народность, которая, точно река Нил с ее развет-

влениями в Египте, благодетельствует мир, разливаясь по беду свету многочисленными миграционными потоками. Вот несколько наиболее характерных штрихов такого упрощенного освещения проблемы о кельтах, опять-таки из той же новой книги, посвященной специально истории такой исключительно любопытной кельтской страны, как Ирландия.

«Об отличительной жизни кельтов в древнейшие эпохи их существования», читаем мы здесь, «самое наше осведомление происходит от [археологического] обследования известных стоянок в Верхней Австрии. Кельты здесь были оседлы около 900 лет до христианской эры, живя земледельческой жизнью и разрабатывая железные и иные металлические руды, а равно соляные копи. Отсюда они распространились на запад через южную Францию в Испанию, и имеется указание (evidence), что они были уже оседлыми обитателями в южной Испании между 700 и 600 г. до хр. эры. Когда греческие колонисты обосновались в Марсели на юге Франции, около 600 г. до хр. э., они застали кельтов в обладании соседней страны. В северо-западной Европе кельты могут быть прослежены около 450 г. до хр. эры по остаткам их характерных искусств в долине реки Марны. Вероятно, около столетия позднее они начали занимать острова Британский и Ирландский».¹

«По тысячам таких могил, вскрытым на кладбище в Hallstatt близ Зальцбурга, мы узнаем, что это были крепко сложенные люди среднего роста, первые, открывшие и разрабатывавшие железные руды этого края, и они же положили начало железному веку в Европе. Население более древнего мира могло жить лишь в плодородных и безлесных странах, и только обладание железом, даже теперь единственным хозяином (master) растущего леса, дало кельтам в руки топоры, достаточно мощные, чтобы сделать натиск на лесные массы северной Европы, дало им железные лопаты (spades) и плуги, чтобы извлекать из земли пищу для большого количества народа, и оружие, чтобы рассеивать воинов, вооруженных средствами защиты из кремня, рога и бронзы. Отсюда-то и произошло, что этот народ, сильный чяслон, смелый духом и преуспевший в рудном деле и металлическом производстве, свободно пробивался (struck out) во все стороны как раса-завоевательница. Благодаря железу они были пионерами земледелия и вожаками этого дела».

Все это прекрасно, но если оставить в стороне мистический «смелый дух», неизвестно почему присущий будто одним кельтам, совершенно непонятно, почему вдруг именно у кельтов появляется, как отличительная их черта, обладание железом, и откуда у них это самое «преуспеяние вообще в рудном деле и металлическом производстве»; ведь в этом деле «смелый дух» ни к чему, в нем приходится считаться с историей материальной культуры и, в частности, металлургии, а по этим статьям всем хорошо известно, что все древнейшие показания, не исключая и мифов, направляют наши взоры в страны с языками яфетической системы, и сами металлургические термины даже древнее, чем кельтский, представленных языков все такого же яфетического происхождения и склада. Если же

¹ Доселе все по записке Dr. MacNeill'a.

обратиться к особым так называемым расовым признакам кельтов, то, оказывается, их не существует. Вот буквально выражения того же историка по этому вопросу:¹ «Следует помнить, что ни древняя история, ни современная этнология не дают ничего, чтобы установить кельтский расовый тип как особо отличаемый. Кто говорил кельтским языком, тот считался кельтским народом».

Во-первых, кто и где не говорил кельтским языком? Оказывается, все и во всяком случае везде и на Востоке. Через Балканы и Грецию кельтов представляют переселившиеся в Галлию в Малой Азии, где они, действительно, были. И в то же время ни в одной из этих переселенчески занимаемых стран никаких следов кельтского языка. Можно бы подумать, что не только расовый кельтский тип, но и кельтский язык какой-то мираж, бесследно проходящий по всем странам. Правда, в Ирландии создан центр для глельной и цветущей литературной деятельности на одном из языков кельтской системы, но как раз о вселении кельтов в Ирландию исторических эпох известно мало или ровно ничего. С одной стороны историк Ирландии нас осведомляет, что «новая волна диаспоры [т. е. расселения, буквально «рассеяния»] погнала [кельтских] воинов из Галлии, перерезавших море в направлении к Британии и Ирландии, причем Ирландию они достигли, может быть, в IV в. до хр. эры», но с другой стороны из-под пера того же историка происходят следующие строки:² «Мы не знаем, каким путем, приблизительно около 350 г. до хр. эры, первые обладатели железного оружия вторглись в Ирландию, конечно, не из Испании, но из «солнечной [т. е. южной] Галлии», где *Цезарь* в свое время признал [обратите внимание на важность авторитета: «Цезарь признал»] в вароде кельтов. Они легко одерживали победы своим новым оружием. Их железо шло напролом через всякое препятствие. Однако [слушайте], мы ничего не знаем о поселении этой новой расы в Ирландии.³ Члены ее, вероятно, были мало-численны».

Прошу хорошо оценить два места приведенной цитаты, при самом чтении которой я взывал два раза к особому вниманию. Признание в поселении южной Галлии кельтов производится по определению Цезаря, который был, не спорим, прекрасный наблюдатель, но вовсе не теоретик-этнолог, да и откуда берется, что представление о самих кельтах его времени у Цезаря должно быть тем же, что тепер ь ученые хотят навязать этому таинственному в современной науке народу, величине, имеем основание утверждать, презренной в научной среде; интересно было бы, наоборот, вдуматься в фактические наблюдения того же Цезаря о кельтах, которые не упускает, впрочем, тот же историк случая привести в следующих выражениях: «Цезарь делает замечательное утверждение, что в его время, когда римляне только-что вышли под греческим влиянием из условий практической неграмотности, галлы пользовались греческим письмом почти во всех делах, общественных и частных».

Ставим вопрос: «Почему греческим письмом? Ведь у кельтов-галлов было свое собственное письмо, галльское?» А ведь весьма просто: галльское письмо походит

¹ Стр. 24.

² Ук. соч., стр. 25.

³ Курсив наш. Н. М.

на греческое, и, так как Цезарь вовсе не специалист по истории средиземноморских письмен, то, раз похоже, для него это — греческое письмо, что же касается цитирующего его историка с мировоззрением господствующей филологической школы, то он превосходно знает отличие галльского письма, по раз для него европейская история начинается с греков, то галльское письмо, письмо кельтов в Галлии, следовательно, греческого происхождения. Он так и пишет: «Остатки кельтского письма проявляют явные признаки греческого происхождения». Между тем, вопрос о кельтском письме на Западе вовсе не решенная проблема. Письменность в западной Европе, как вообще в Средиземноморьи, была и до греков, и до финикийян.

Второе место в той же приведенной нами цитате это признание факта, что о поселении новой расы (т. е. кельтов) в Ирландии, собственно, ничего не известно, и желание из этого факта вывести не то, что, следовательно, кельты в Ирландии не появлялись в позднейшие эпохи, чтобы были возможности регистрации их вселения в летописи, а то, что «кельтов, вероятно, было немного в Ирландии», между тем в этой стране, о вселении куда кельтов ничего неизвестно, процветал прежде всего кельтский язык, влияние которого огромно по всей территории Британских островов. То же самое на Востоке. Ничего не известно об иммиграции кельтов на Кавказ или в скифские страны Причерноморья, между тем, деятиок разновидностей термина *kel-t* покрывает территорию Кавказа как племенные названия или названия стран, в числе их одно из наиболее древних *kol-q*, а в Скифии никто как сами скифы с их национальным названием *skolot* являются тезками кельтов, т. е. оба наименования скифов и *sku-da* и *skol+o-t*, как *kol-q*, (с полногласием **kol+o-q*, откуда с перебоем *k-t* название реки *Тог+o-q*), лишь разновидности термина *kel-t*, и, что особенно чревато последствиями, кавказские языки яфетической системы с кельтским языком британских языков, да и Галлии, Франции, ирландским и бретонским, оказываются языками, мало сказать, сродных систем. Ведь по установлении факта, что к яфетической системе относится в западной Европе живой доселе баскский язык, вопрос о сродстве ирландского с яфетическими языками Кавказа сам собою намечался, независимо от нас, так как в баскском и ирландском и раньше указывались разительные материальные встречи. Встречи эти оказались не случайными, ибо вся система ирландского спряжения разъясняется как яфетическая. Мало того, древнейшие культовые термины, да и хозяйственные, выявились тождественными с их мегрело-чанской кавказской разновидностью, ирландское название водного термина в топонимике оказалось также мегрело-чанским словом, означающим 'море', 'озеро', 'пруд'; бретонские слова 'вода' и 'вино' оказались тождественными с теми же словами мегрело-чанского происхождения, на Кавказе наличными теперь частью в армянском, частью и в армянском, и в мегрельском, да чанском. Бретонский 'хлеб' также находит свой двойник в яфетических языках Кавказа, в частности в грузинском. Нужно ли говорить, что с данными этого порядка мы увязываемся с чувашами, да вообще Поволжьем, и все в сопутствии скифов, уже исторических, и их преемников? Впрочем, разве только скифов и их преемников? А кельтов? Ведь если тотемный термин скифов, их племенное название, окружающие народы

используют доселе в значении не только 'скота', но и 'плуга', далее 'золота' и, вообще, 'денег' и т. п., в устах чувашей и соседящих с ними мариев-черемисов тот же термин, покрывающий в оформлении полностью племенное название кельтов, служит для образования терминов только скотоводчества: 'стадо' и 'пасты'. В этом смысле кельтский вопрос интересен не только сам по себе, кельты иллюстрируют своей судьбой судьбы народов, преемствовавших позднее во владениях скифов, от Кавказа с его Каспийско-Черноморским междуморьем до пределов их экспансии по Волге и Дону на север, они иллюстрируют исторические судьбы хазар, исторические судьбы болгар, которые везде были, и никак ничего прочного от них не находят ни по материальной, ни по речевой культуре там, где они известны исторически. Какое поразительное, невероятное явление — ищут и не находят даже целые города, столицу болгар, столицу хазар, ну, хотя бы Саркел, и никогда не найдут; если бы ученые оказались в самой этой хазарской столице (может быть, она и сейчас красуется на Волге или на другой реке без всяких раскопок), то они ее не признали бы, ибо ученые ищут то, чего никто не терял, они ищут доселе примитивными приемами расовой этнологии, ищут народов-массивов без изменчивости типа во времени и пространстве, т. е. в вопросе о текучем социально-экономическом образовании, не устоявшемся типологически коллективе бурного переходного времени, ищут фантомов, создаваемых по образу и подобию представлений о стабилизированном впоследствии историческом или современном нам этнографическом типе, без учета в их речи эволюции «пермутационного» порядка, собственно без учета революционных сдвигов, перерождавших сами типы языков в зависимости от сдвигов в хозяйственной жизни и в развитии общественных форм, и без учета творческой роли руководящих слоев, классов или сословий, выделявшихся в путях диалектического развития, когда при определенных однородных социально-экономических предпосылках один и тот же результат получается в различных местах, независимо от миграции. И, соответственно, с кельтами дело идет не о чудовищном разливе по Европе и Азии племенного образования, фантастического, да потому неулаживаемого, как одна цельная массивная народность, а о слое, кельтском социальном слое, возникшем при одинаковых условиях по всей Евразии с глубокими на местах корнями, но то же самое происходило и произошло и на Востоке, где такой же общественный фактор, скифский или скототский, он же кельтский, с языками гибридного строя выявился в иранском слое, но в подлинном географическом Иране, да в Передней Азии сильнее была доиндоевропейская, даже досемитическая традиция, закрепленная письменностью, которой возраст не одна и не две тысячи лет, а значительно более пяти тысяч.

Этот иранский слой позднее сдал свои господствующие позиции возобладавшему с новой религиею, исламом, арабскому языку, одному из семитических языков, также влиявших раньше, в лице другой своей разновидности — арамейской, на речь подлинного Ирана, особенно его классовую речь, пехлевийскую речь феодалов.

Тем не менее, как западное, кельтское, так и восточное, иранское, хозяйственно-социальные образования создали культурные ячейки с краевыми и пехо-

выми устными традициями эпического и вообще художественного творчества, борясь с нивелирующим мировым хозяйством, выступая антитезой унифицирующей силы, языка «божественной книги» — на Западе латинского Евангелия, на Востоке — арабского Корана.

На Востоке, районе с традициями древнеписьменных народов Малой Азии, Кавказа, Месопотамии и Ирана, взяли верх краевые хозяйственно-культурные строительства с языками различных систем, не только индоевропейской (персидским), но и гибридной, переходной от яфетической к индоевропейской (армянским) и даже чисто яфетической (грузинским), и укрепили себя каждое своей особой классовой письменностью, письменностью своей страны, иногда не одной, и открыли путь гражданственности и другим, раньше бесписьменным, языкам.

И тогда как на Востоке носитель мировой культуры, арабский язык, встретив отпор в длинном ряде письменно окрепших и стабилизовавшихся языков несемитического Востока, не нашел путей, чтобы утвердиться навсегда массово, вне слоев господствующего класса, совершенно так же, как не удалось ему массово утвердиться не только в Испании, но и в Африке, где доселе переживают потомки древнеписьменных народов с их краевой письменностью архаичного типа, в том числе берберы, на Западе, в Европе, наоборот, язык западной мировой культуры, латинский, заполнил все, если исключить лишь одно, именно, островное хозяйственно-культурное строительство ирландцев, кельтское, однако в конце концов сломленное и на наших глазах попираемое вышедшим из того же островного строительства английским хозяйством.

На открытом же западном участке европейского материка руководящие слои раннекультурных народов Запада с отходом из-под их ног почвы для независимого хозяйства были придавлены железной пятой Рима, не его военными силами, а его железной общественной экономической организацией в мировом масштабе. Спасая свое материальное благополучие усвоением новой хозяйственной системы и нового правопорядка — римского, словом, сломленные и общественно, и экономически, эти вчера еще руководящие слои рабски стремились для сохранения своего классового материального благополучия усваивать господскую речь, латынь, и старались приобщать к ней всеми мерами воздействуя возглавлявшиеся ими народы, ныне называющиеся романскими: это итальянцы, это испанцы, это португальцы, это французы, если не говорить о такого рода сателлитах, попутчиках в деле латинизации своей первично-местной речи, как румыны. Чего не доделал языческий Рим и его сторонники в смысле навязывания своего классового латинского языка, то завершил христианский Рим, Рим католический. Латинский язык стал языком господствующих классов, в том числе и духовенства, в такой мере, что и после того, как германские народы сбросили иго папской власти, изучение латинского языка, обычно объединяемого с греческим, стало краеугольным камнем европейского образования. Для западной Европы это был совершенно нормальный путь, повелительно пролагаемый единым процессом социально-экономического развития в порядке смены так называемого натурального хозяйства различного типа, паразитического и активного, одиночно-группового и массово-коллективистического, капиталистическим торговым и торгово-промышленным,

в порядке соответственной смены первобытных форм бесклассовой общественности, первобытного коммунизма, переходной общественности с ее расщеплением, и переходной вечевой кельтской общественности — общественности с ярко выделенной классовой, а затем сословной организацией, феодальной и буржуазной, и, естественно, греческий и латинский языки продолжали лежать во главе угла классовой, и феодальной и буржуазной, культуры, причем даже невольно возникшие в новейшее время при развитии промышленного капитализма реальные училища на Западе не могли обойтись без латинского языка, настолько сильна была традиционная, прекрасно скроенная для своих задач, веками слагавшаяся школьная организация, настолько классовая феодально-буржуазная культура не только казалась, но действительно являлась неизбежной основой просвещения для феодальных и буржуазных слоев безразлично всех стран и, думалось, всех, в том числе и будущих, веков.

И понятно то исключительное внимание, которое уделялось изучению классических языков. Средняя школа, специальные питомники-институты, университеты, академии, все мирские, на государственный или общественный счет, и соревнующие с ними духовные училища различных ступеней, включая и высшие, являлись исключительно благоприятно обставленными очагами для занятий классическими языками, греческим и латинским; разумеется, они же являлись производственными пунктами также исследовательских работ по ним во всех отношениях и во всех разрезах, мыслимых при феодально-буржуазном строе. Из этих производственных пунктов выбрасывались на рынок сотнями и тысячами одних названий руководства и учебники, словари, грамматики, авторы комментированные, многотомные энциклопедии и колоссальные своды надписей с самым точным указанием всех выражений, всех слов, всех строк, где, когда-либо кто-либо на этих языках, греческом и латинском, писал или говорил, да с обстоятельным и исчерпывающим или перечнем, или сводом текстуально всех толкований, какие когда-либо кем-либо делались. Не правда ли, завидная обстановка этих языков, естественно, разработанных так, как никакие языки, — обстановка, чрезвычайно благоприятствовавшая как их преподаванию в старой школе всех ступеней, так и исследовательской работе по ним? И, тем не менее, падение классицизма, особенно занятий классическими языками, и на Западе не подлежит никакому сомнению. Однако технически великолепно проработанная, особенно справочная богатая литература, без которой не обходимся ни в одном серьезном по истории человечества исследовании, продолжает свое действие, а на помощь ей приходит громадная живая сила, ибо надо учесть тот факт, что те же многочисленные производственные институты успели выпустить в мир по гуманитарным предметам армию ученых, естественно, наиболее квалифицированных по всем языкам, так как они росли непосредственно или посредством в атмосфере интенсивных научных занятий греческим и латинским языками. И все это мощное культурное наследие печатных произведений и живых сил, т. е. вся веками, тысячелетиями накопившаяся исследовательская работа над двумя мертвыми языками Европы, часто с переживаниями допотопных представлений и невероятно наивных взглядов, легла тяжелым камнем на лингвистику, на учение об языке, занявшемся было сто лет тому

назад зарей новой эры, так и не взошедшей. Самые основы лингвистической работы, социальные факторы и их живые творческие силы, так и не были даже нацупаны. Греческий и латинский языки, мертвые, сами по себе в свое время помеха присущей им громоздкой программой изучению живых языков Европы, не имели и не могли иметь никакой живой увязки с современным хозяйством и общественностью, и не могло не произойти то, что произошло: созданное в оторванном от жизни схематическом исследовании мертвых письменных языков голое формальное учение стало разлучником между лингвистами старой школы и живой речью, а с нею и живым миром.

Почву для возникновения науки об языке, лингвистики, создало открытие санскрита, оказавшегося в родстве с господствующими европейскими языками, т. е. также классовыми, но этот восточный по местонахождению язык, оторванный в осознании учебного мира от увязки с многочисленными живыми языками массового населения своей же страны — Индии, еще более, чем классические языки Европы у себя, помог лишь построению и углублению формальной сравнительной грамматики, основанной на звуковых отвлеченностях соответственно оторванности мировоззрения господствующих в Европе классов от других слоев того же европейского мира, и лишь закрепил, казалось, окончательно, неизбежность господствующего значения греческого и латинского.

Мы сейчас не прослеживаем первоисточников неведения старого учения об языке, и менее всего можем мы его идеологическое убожество ставить в вину или лично специалистам, или самим мертвым языкам, подневольным жертвам их экспериментов. Отрешенная от увязки с живым окружением их теория соответствует оторванности идеологии господствующих классов от мировоззрений культурно отставших трудящихся слоев своего же европейского мира, пребывавших, также как население эксплуатируемых колониальных стран, во власти первобытных представлений, а эта оторванность происходила от сословно-классового расхождения материальных интересов эксплуатирующих и эксплуатируемых, и нам здесь нет надобности останавливаться на том, что подобно глоттогонии, языкотворчеству, теоретические учения об языке — также продукция социальных факторов и их активных сил, т. е. старое учение об языке своими качествами обязано в конечном счете породившей его целиком буржуазной идеологии. Нам важны факты, имеющие прямое отношение к актуальному расхождению, совершенно непримиримому, старого и нового учения об языке. А факт таков: те основные вопросы, которые были поставлены лингвистически впервые новым учением об языке, никогда не ставились старым учением об языке. Или, если хотите, ставились, но отменялись, как ненаучные, так, напр., вопрос о происхождении языка.

Те положения, которые уже неизбежно установлены новым учением об языке, настолько потому-то и не предвидены, что или они действительно противоречат в корне прежнему учению об языке, так называемой индоевропейской теории, заложенной основными линиями своего построения еще в первой половине прошлого столетия, или они особенно противоречат также в корне массовой квалифицированной рабочей силе старого учения, не идущей дальше общепринятых

в руководствах и учебниках авторитетов и их взглядов и не всегда знающих даже то, что в самой среде индоевропеистов, т. е. специалистов старой школы, возникли, мало сказать, сомнения в правильности принятого ими и освященного давностью исследовательского направления. Критика этих индоевропеистов-уклонистов перешла пределы здоровой самокритики, обращаясь в червоточину, знаменующую внутренний распад так называемого индоевропейского учения об языке. Такие лингвисты-индоевропеисты, притом часто наиболее яркие и талантливые, как обычно признают все, я же скажу — лишь более осведомленные в языках различного типа, или глубже ушедшие в анализ собственной живой речи, всегда были единицами, и ныне их становится все больше и больше, так, напр., итальянский ученый Асколи (Ascoli), смеживший очи по завершении прошлого столетия (1829—1907), австрийский полиглот Шухардт (Schuchardt), скончавшийся лишь два года тому назад, и др. Но этого мало. Рядом с индоевропейской лингвистикой стали возникать, исходя из ее формальных приемов, независимые теоретические учения, особенно те, которые выросли в исследованиях языков так называемых примитивов, африканских, американских, исследованиях всегда комплексных, рука об руку с изучением материальной культуры и бытовых мировоззрений, вообще идеологии культурно отсталых народов и племен. Особо значительные успехи в этом кругу представляет лингвистическая школа, возглавляемая австрийским ученым Шмидтом (кардинал Wilhelm Schmidt), юбилейный (в день его семидесятилетия) сборник которому только-что вышел, составленный из работ 76 авторов на пяти европейских языках (немецком, французском, английском, итальянском, голландском), том большого формата (фолио) в одну тысячу страниц. Первая работа — о субарах-шумерах, о тех субарах у пределов Ванского озера, которые являются, как мы указывали, тезками приволжских суваров, средневековых чувашей, откуда и по сей день название ряда чувашских деревень Субар, принадлежит нашему венскому последователю Блейхштейнеру. Открывая сборник, в вступительных строках своей статьи автор мотивирует свое поднесение чувством преклонения перед широтой взглядов юбиляра, «знаменитого лингвиста» Шмидта, который первый ознакомил Европу с достижениями яфетической теории. Сама индоевропейская лингвистика дала не одну трети по цельности своего учения, и один такой сильный процесс распада сказался в школе, выдвигающей на первый план живые диалекты в лингвистическом построении. Этого мало. В ней же, индоевропейской лингвистике, возникло новое течение, которое осознает, что эта теория не только устарела, но и зашла в тупик; что неразумно изучать сами так называемые индоевропейские языки так, как они изучались доселе — в изоляции, т. е., как не имеющая ничего общего с другими группами «особая семья языков»; что нельзя вовсе развивать далее общее учение об языке, исходя из установленных, казалось, незыблемых положений индоевропейской лингвистики, не скрестив их с результатами независимых работ над языками других групп, более того — нельзя выставлять вообще каких-либо положений или законов реального значения, не проработав их на материалах других языковых групп.

Однако мы мало верим и в покаянные декларации загнанных в тупик индоевропеистов. Нам опять-таки важны факты. А факты таковы, что по проторенной

дороге исследовательски губятся не одни древние кельты и скифы, ныне уже мертвые народы. Тем же гибельным методом за кельтским и скифским языками заземляется истинная природа живой увязанной с ним речи не одного народа. Скифский язык имеет своих непосредственных наследников, более древних, частью на Кавказе, по восточному побережью Черного моря, частью по Поволжью, да на севере — в удмуртах, или вотяках, и в народе коми, или зырянах, которые, оба народа, посят, как теперь выяснено, совершенно не случайно, две разновидности названия скифов (и ᵑᵑᵑ-d, zig-yan).

Факты таковы, и мы, следовательно, имеем право решительно утверждать, что с классическими языками труднее, чем с младописьменными языками какого бы типа они ни были, тем более типа столь многосторонне увязанной во все стороны живой речи, как чувашский язык; с ними хуже обстоит дело в отношении проработки их методом нового учения об языке. Достаточно сказать, что латинский и греческий язык ныне, в результате изолирующего метода индоевропейской лингвистики, не имеют никакой увязки с остальными языками мира, остальным человечеством; более того, весьма плохо увязаны они и друг с другом, с точки же зрения яфетической теории взаимная их увязанность ниже всякой критики, так как она только формально обоснованная, да и так ничтожная. Сейчас не только латинский и греческий, но все индоевропейские языки в лингвистическом отношении находятся в положении грузинского и ближайше сродных с ним, мегрельского, чанского и сванского языков, полстолетие тому назад, когда эту группу кавказских языков называли картвельскими и признавали не имеющими ничего общего ни с семитическими, ни с индоевропейскими, ни с урало-алтайскими, но относили к семье утраченных языков мира, которых никто не ведал. Так индоевропейские языки ныне, это факт, самими специалистами признаются совершенно изолированными, не имеющими ничего общего ни с семитическими, ни с хамитическими, ни с урало-алтайскими, ни, разумеется, с африканскими или американскими, и сохраняющими родство лишь с праиндоевропейским языком, которого никто не знает и не может знать, ибо никогда такого обособленного праязыка и не существовало.

Ни греческий, ни латинский языки в этой разделяемой ими судьбе так называемой индоевропейской «семьи», понятно, сами неповинны, они доселе лишь в плену неправильного учения об языке, и, бесспорно, одна их самых ответственных задач нового учения об языке, яфетической теории, освободить их, освободить эти языки, а с ними и армию их зачарованных исследователей, всех так называемых лингвистов старой школы, но далеко не всегда стариков, из вавилонского плена формального учения.

А пока-что, и как объект исследования, и как материал для иллюстрации современного учения об языке, любой живой язык может заменить классический язык как предмет развивающий и содействующий культурному подъему своего народа более, чем классические языки в наличной их лингвистической разработанности. Преимущество выбора родной речи таким общеобразовательным предметом лингвистического порядка в советской национальной школе вытекает прежде всего из того, что в родной среде ее знают как свой язык и одновременно знают

материальную культуру, быт и мировоззрение ее общественного окружения. Подлинные крестьянские дети приходят сейчас в школу с большей подготовленностью для усвоения нового учения об языке, обладая из практики знанием деревенского быта, живой этнографии и материальной культуры, чем раньше дети даже буржуазного класса, когда они являлись обучаться классическим языкам, не имея, разумеется, из дома ни малейшего понятия о живом быте и общественной жизни греков и римлян, ни малейшего знакомства с их историей материальной культуры. Уже на первых шагах школьного преподавания родного языка, когда дети приносят с собой обычно знание каждый своего говора, учитель, вооруженный методом нового учения об языке, в этих расхождениях детской речи найдет не источник смущения, а материал и для разъяснения особенностей родной речи, и для рационального обоснования использовать грамотность, а если ее нет, учиться и созидать единство типа своего языка, единство и стабилизированность письма, ту же грамотность. Уже на первых шагах школьного преподавания родного языка, когда дети, не одни деревенские, все почти одинаково приносят с собой пережиточное мировоззрение часто первобытной общности, с фетишами различных эпох стадийного развития, предметами магии и культа, тотемами, различными богами, и общими, и классовыми, национальными, учитель, вооруженный методом нового учения об языке и элементарным знанием его основных положений по палеонтологии речи, в этом богатом материале первобытной культуры, привносимом детворой, да взрослыми не менее, найдет опору для разъяснения того, как созидались слова магии и культа, названия фетишей и богов самим человечеством, нуждавшимся в этих фантомах для развития своей классовой культуры на тех ступенях стадийного развития, когда магия замещала науку, и как ныне переживания классовой идеологии тех древних эпох разобщают народы.

А с чувашским языком можно сделать больше по этой уже идеологической грамотности. Несмотря на слабую изученность его в свете яфетической теории, уже теперь он так легко увязывается идеологически и формально с языками различных систем, можно сказать, всего мира, помимо турецкого и угро-финского, прежде всего с яфетическими и яфетидоидными языками Афреазии — Берберии, Пиренеев, Кавказа, Памира, что одно ознакомление с фактами этого порядка, хотя бы в пределах уже выясненного, и попутное сообщение основных данных о соответственных народах и странах не может не содействовать расширению умственного кругозора учащихся. На дальнейшей ступени занятий этот положительный результат получит одновременно и умозрительное углубление и особое практически-общественное применение, когда у чувашского языка, разъясняемого в этих международных путях мировой постановки учения об языке, окажутся новые точки опоры, они уже есть, для сближения с непосредственно соседствующими языками, не только с финскими, зырянским, вотским, мордовским и марийским, но и с таким языком иной ступени, позднейшей, стадийного развития, как русский. И что ставило и до сих пор ставит в тупик ученых лингвистов со старым подходом, то в соответственно подготовленных материалистически просветленным знанием родного и любого соседствующего языка послужит орудием нового просвещения.

щения. Оно даст иную оценку взаимоотношений и иное восприятие и своего и так называемых чужих языков, в том числе и во многих отношениях доселе важных новых европейских языков, более подготовленное для их усвоения и языковедное и общее развитие. Да разве при этих условиях не явится фактом наше положение, что родная речь есть мощный рычаг культурного подъема? Разве при такой постановке изучения и преподавания даже чувашского языка, да вообще всякого младописьменного языка, мы не получим значительного облегчения как в нашем актуальном и без того бесконечно трудном новом социалистическом строительстве, так в бесповоротно нарастающей в той же линии и неизбежной единой общественности и едином хозяйственно-культурном строительстве народов всего мира?

Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев¹

Яфетическая теория в числе грехов, которых не может ей простить старый мир в лице вскормленной им, отрешенной от жизни науки об языке, имеет и тот, что, дерзнув взяться за генетический вопрос, вопрос о происхождении звуковой речи, не признает ничего, что не являлось бы лишь исторической ценностью, продуктом материально предшествующих ей данных и современных творческих общественных факторов, требовавших ее возникновения.

В пути к вам я с удовольствием читал только теперь попавшуюся мне английскую книгу, вышедшую в Кембридже в 1923 г. «Психология и примитивная культура».² Автор ее Бартлет (F. C. Bartlett), член St. John'sкого колледжа, где он читает экспериментальную психологию, и директор Психологической лаборатории в Кембриджском университете. В книге целый ряд мест, психологически оправдывающих положения яфетической теории, между прочим в части о письме, его социальном возникновении и его функции, это уже на основании наблюдений, делавшихся над бытом так наз. диких народов; свои выводы Бартлет формулирует так, что непосвященный мог бы сделать заключение, что или он зависит от меня, или я у него брал, когда я работал в то же время над докладом о происхождении терминов 'книга' и 'письмо', появившемся в печати позже.³

Но об этих сторонах этой книги в другом месте.⁴ Сейчас же я хочу указать на то, что и в ней находим одно смутившее нас положение, это то, что в человеке существуют, мол, какие-то сами собой данные инстинкты.

«Тенденция к организации, в течение которой различные (varied) социальные элементы одной группы совместно устриваются и получают (come to have) более или менее хорошо определенные функции, находится в действии в любой группе, какая только доступна нашему наблюдению. Отсюда мы имеем всякое право трактовать эту тенденцию (it) как инстинктивную с нашей точки зрения».⁵

Оговорка «с нашей точки зрения» несколько смягчает утверждение, поскольку можно понять, что с точки зрения поставленных английским психологом себе задач, эту тенденцию к организации можно оставить в покое, но все-таки не можем не отметить, что даже инстинкт не есть явление таинственного происхождения: он также — стяжание, достигнутое трудом, — словом, требует генетического разъяснения.

¹ Доклад, прочитанный в Йошкар-оле 18 августа 1929, в отсутствие снаряженной мариями лингвистической экспедиции [издан отдельной брошюрой Марийским научным обществом краеведения в Ленинграде в 1930 г.].

² Psychology and primitive culture.

³ Книга о книге, I, изд. Научно-исследовательского института книговедения при Гос. Публичной библиотеке, Ленинград, 1927, стр. 45—82 [см. ИР, т. III, стр. 219—245].

⁴ Вносится в речь, произнесенную в феврале 1929 г. в Ленинградском университете на торжественном заседании в 110-ю его годовщину, на тему: «Яфетидология в Ленинградском университете», в том изложении, в каком она была повторена перед марийской аудиторией в г. Йошкар-оле 16 августа 1929 г.

⁵ Стр. 44.

Нет ничего, что не имело бы своей истории происхождения и не требовало бы разъяснения, чтобы не быть в окружении мистики и не играть втемную вместо планировки и организации. В этом смысле требует разъяснения и пространное заглавие нашего доклада.

Заглавие нашего доклада в связи с упоминанием в заголовке экспедиции не должно смущать настоящее собрание, если посвященные в технику фактической ее на месте, здесь, состоявшейся организации усмотрят расхождение с теми началами, на которых мною мыслилось ее построение в соответствии с ее назначением.

Основной стержень всего предприятия — задание положить начало систематическому изучению марийского языка методом нового учения об языке — яфетической теории, в увязке с конкретным социалистическим строительством, национально протекающим в пределах родной страны в составе нашего Советского Союза. Это значит, что задачей экспедиции является не отрешенное от жизни научное исследование, вообще не освещение хотя бы по-новому поставленной теоретической проблемы, а одновременно искание прикладного применения теоретических достижений в деле нового хозяйственно-культурного строительства Марийской автономной области, марийской национальности.

Из этого стержневого задания должна вытекать целесообразная организация, им же навязывается тот подбор рабочих сил, который мне рисовался. Яфетидологов, специалистов по марийскому языку, пока нет. Сложившиеся вполне специалисты марийского языка, с другой стороны, далеки от методов нового учения об языке и тогда, когда они теоретически, казалось бы, готовы примкнуть к нему, занять позицию сочувствующих и попутчиков, конкретно они работают все-таки формальным методом так называемой индоевропеистики, подходят ли они к марийскому как финноведы или как туркологи.

Таким образом, возглавлять и даже руководить непосредственно работой выпало на меня, хотя и работавшего по марийскому языку, но не как специалист, притом в печати успешного мало выявить и из тех наблюдений, какие уже удалось сделать.

Помимо заметок и брошюр, с мимоходным использованием марийских материалов или с фактами и построениями, с которыми следовало бы считаться и мариеведу, специальное на марийском приходилось останавливаться разве в трех следующих статьях: 1) «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий», ИАН, 1925, № 16 — 17, стр. 673—698; [см. здесь, стр. 288—308]; 2) «Отчет о поездке к вол-камским народам», ИАН, 1926, № 18, стр. 1825—1832 [см. здесь, стр. 373—379]; 3) «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема» (изд. Восточного института [см. здесь стр. 393—437]).

Однако из горького опыта мы убедились, что даже возглавление работы самым свободным от пережиточных взглядов или от уклонов, набегających с различных сторон окружении, не обеспечивает яфетидологической правильности линии, раз рабочие силы самой экспедиции не обладают ясностью представления и об академически-научной и общественной сторонах предприятия. Мы не говорим уже о необходимости, разумеется, обладать достаточной дозой, если не полнотой материального

знания самого языка и знакомством с новой теорией и ее техникой. Во всех этих данных и определившемся деловом настроении их приращать нельзя отказать В. М. Васильеву, В. Т. Соколову и С. Г. Эпину, какие мне только и были известны, как первые работники экспедиции. Связь их здоровую с краевой общественностью обеспечивало не только национальное происхождение, но и то, особенно, обстоятельство, что их командировала Автономная Марийская область, как своих надежных работников, для повышения их научной квалификации. Четвертый мне здесь ставший известным в роли такого же участника экспедиции Г. Г. Кармазин, аспирант Московского института этнических и национальных культур, также мариевед из мариев, посвященный в формальную сторону яфетической теории в достаточной мере, чтобы сотрудничать в полевой работе над родной речью по новому учению об языке. Его обстоятельные опыты изысканий по сравнительной части с использованием и яфетидологических положений и даже яфетических материалов представляют значительный интерес привлекаемыми в них для освещения фактами из марийского языка, главным образом лексическими. Потребность же в более глубоком усвоении яфетической теории, да в полном и окончательном разрыве с формальным учением индоевропеистики и с нею связанным схоластическим восприятием языка, абстрактно грамматическим, стоит перед всеми, как и потребность сблизить работу над ним даже практически с современным хозяйственно-культурным строительством, тем более генетическое понимание самих норм звуковой речи, понятно, и марийской, с их породными производственно-социальными нормами. Я должен заявить, что С. Г. Эпину принадлежит честь открытого выступления в Яфетическом институте на одном из аспирантских рабочих собраний под моим руководством против одностороннего теоретического увлечения в занятиях с аспирантами и за необходимость немедленного организованного учета общественных потребностей районов, сынами которых являются работающие в институте националы. И это имело, еще более имеет вызывать свое благотворное организационное последствие не только для аспирантов. С. Г. Эпин, В. Т. Соколов и В. М. Васильев представили проект плана настоящей экспедиции, в общем одобренный мною в бытность еще в Париже с некоторыми дополнениями, как здесь выяснилось, не дошедшими до авторов плана. Во всяком случае намечен единственный при создавшихся условиях путь работы над языками младонисменных народов, остававшихся и остающихся доселе вне орбиты непосредственного или первоочередного внимания науки, особенно науки об языке. Приходится строить дело руками как бы выдвиженцев, притом выдвиженцев, где есть какая-либо возможность, из самого изучаемого народа.

С этим связан весьма важный, не просто технический, а принципиальный момент в стержневом задании экспедиции: это — самообследование национальных коллективов. Это уже расширенное выдвиженчество, связанное с его перебросом из среды работников высшей школы и исследовательских институтов в практический обиход общественных организаций и советских учреждений национального района, в самую гущу культурно-отсталых народов.

Дело к тому же требует комплексного подхода к заданиям. Ведь яфетическая теория ставит проблему об языке не только в разрезе современных обществен-

ных интересов, развитие языка ею разрабатывается в увязке с другими сторонами производства и человеческого общежития, в частности с историей материальной культуры и форм социальной структуры, мировоззрения и т. д. Отсюда и обязательный интерес экспедиции помимо фольклора, вообще устной литературы, и к живым или пережиточным нормам мировоззрения, обычного права, да и к живой бытовой материальной обстановке актуальной, равно пережиточной — археологической.

Впрочем, в среде и молодежи, как будто интересующейся фольклором, не говоря уже о литературоведах, весьма слабая тяга к новому учению об языке, вскрывающему неизведанные ранее основы и источники понимания мифов, их анализа. Специально у мариев одни пережитки мировоззрения почти палеолитических эпох, имевших доселе актуальное значение в рождении новых, казалось бы, христианских «сект», так, напр., секты Великой Свечи (Kugu Sorta), не могут не манить своими встречами с древними переднеазиатскими верованиями месопотамских сабеев, армянских аревордиев ('детей солнца') и других родных так наз. народных верований. Правда, названные нами наиболее ответственные работники экспедиции в большинстве не археологи и не этнологи, а языковеды (лишь один В. М. Васильев с интересом к этнологическим вопросам фольклорного порядка), но ни один из них, будь он даже собиратель материала, не может, как языковед, уйти от необходимости считаться сознательно и планомерно с указанными сторонами, хотя бы лингвистически.

Как велико значение, скажем, состоятельного анализа, палеонтологически проверенного, одной терминологии той или иной производственно-социальной группировки, разумеется, с соответственно продуманным планом исследовательского собирания материалов! Для палеонтолога речи не важно исчезновение из живого быта самих институтов, если он располагает их пережиточной терминологией, с которой легко восстановить исчезнувшую систему мышления или исчезнувший строй общественности. Правильно отмечает психолог-обществовед Барглет,¹ что «никакая социальная группа, как показывают факты, не сохраняет одинаково всех своих институтов. Взять, напр., случай с числом брачных порядков и ограничений и соответственный ряд терминов родства. Оба могут быть сохранены, но, как правило, термины долго переживут институты. Могут быть указаны многочисленные иллюстрации. Среди северо-американских индейцев, напр., есть много племен, у которых раньше была клановая система социальной организации, с экзогамической группировкой и соответственной системой классификации родства. Благодаря действию различных причин клановая система в ряде случаев частично или полностью распалась, но система наименований все еще держится упорно».

Само дело возрастит нужных работников, если мы не собьемся с намеченного пути от перегрузки рабочего состава экспедиции силами, не посвященными в новое учение об языке по яфетической теории.

Перспективы конечной жатвы бодрящие. Чего, говоря кратко, мы ищем? Как языковеды, лишь двух вещей:

¹ Указ. соч., стр. 42—43.

1) определения места марийского языка в глоттогонии мирового масштаба (в освещении этого вопроса разрешение получают и вопросы о соотношениях марийского с соседящими языками, как более сродными, так менее сродными, в числе их с чувашским, финским, турецкими и русским);

2) выделения не только актуальных, но и пережиточных особенностей марийского языка для применения на практике в удовлетворение возникающих ныне у марийской национальности потребностей в словотворчестве и вообще в технике созидания языка.

Из того, что сейчас можем наметить по увязке марийского языка с мировой глоттогонией, легко предусмотреть обеспеченность действительно жизненных достижений.

Ведь по истории мариев приходится все заново строить, весь строительный материал не просто утрачен, не просто погребен в обломках под залежами построенной позднейших эпох, но по камешкам разобран и разнесен в историческое строительство тех, которые наследовали мариям в хозяйственно-общественном строительстве того же края.

По названию встретим мариев, или черемисов, чтобы затем по содержанию и оформлению их речи наметить место и их кличке. Только вслед за тем, с таким уже проработанным материалом, можно попытаться подойти к освещению основной проблемы теоретической, какое место занимает этот язык в сети мировой глоттогонии (языкотворчества). Конечно, весь наш стимулирующий к решительному выходу на новый исследовательский путь опыт есть лишь попытка освещения. И все-таки с первых же шагов необходимо подойти и к выполнению практических целей, как использовать и развивать далее тот же язык в удовлетворение культурных потребностей в современных конкретных условиях его существования. Ведь факт, что и марии втягиваются через СССР в круг ворот мировой международной жизни. И перед ними встает задача на родном языке выразить новые, из-за социальной закреощенности их творческих сил дотопе не имевшиеся в языке, да и у самого народа, понятия и представления, да отвечающие современной, к тому же пролетарской общественности и мышлению, их оформления и увязки, равно технику их воспроизведения в письменности. Разумеется, такая сложная практическая задача с целесообразным научно оправдываемым подходом стоит не перед одним марийским народом, но еще вопрос, кто при такой действительно коренной перестройке своей культурной обстановки, на пути к бесклассовому обществу, окажется в большем затруднении расстаться со старыми тормозящими прогресс пережитками. Тем не менее не от нашей сегодняшней лекции ждать разрешения столь сложной проблемы, а от начатых осуществлением экспедиций по самообследованию мариев при систематическом из года в год их проведении с правильной установкой современных общественно научных исканий и приемов.

Пока же в этом отношении не у одних или не для одних мариев не сделано ничего или почти ничего, хуже того, делается то, что создает лишь тормоз и препятствия к сближению с одной стороны — науки с социалистическим хозяйственно-культурным строительством, прежде всего его производственными орга-

низациями, с другой — различных национальных групп друг с другом в коллективной исследовательской работе.

Однако первое потрясение для исследователя марийского языка это то, что у народа не одна кличка, не одно название. На поверхности или в руках готовыми имеются в нашем распоряжении два названия, национальное *maru*¹ и в устах окружающих народов в ряде разновидностей *ʒegemis* (русск.), *ʒagmäs* (чув.)

Последнее самим мариям представляется по недоразумению даже уничижительным, если не позорящим. Может быть, потому его нет в изданном в 1928 г. «Русско-марийском словаре (Мутэр). Пособии при изучении марийского языка».²

Между тем, яфетидологический анализ этого названия дан лет пять тому назад. С тех пор много воды утекло в развитии нового учения об языке, но то, что было выявлено или намечено к выявлению, не поколебалось, а получило дальнейшее уточнение и укрепление. Так еще в 1926 г. в напечатанной в Чебоксарах работе «Чуваши-яфетиды на Волге»³ вслед за технической подготовкой отождествления названий *ʒəvash* и *shimeg* [гесп. *shimat*], как звался один мировой известности социальный слой (за ним и народ) населения Месопотамии, мы писали (стр. 56):⁴

«Потому, когда из отрывочного летописного известия мы узнаем о походе Ярослава на Суздаль в 1024 г., представленном в летописи как борьба с местными волхвами, то брать ли русский термин «волхв», или местный его двойник *uomäs* (↔ *uimäs*), они одинаково нас вводят в круг ближайше интересующих нас народов, болгар и чувашей. Прежде всего это известие сообщается в порядке повествования о волжско-камских болгарях, «серебряных болгарях»: прилагательное «серебряный», раньше вызывавшее недоумение, ныне является вполне уточняющим указанием определением. Дело в том, что русское слово «серебро», как уже разъяснено,⁵ представляет подлинное составное племенное название, салберское, т. е. то же, что на юге общеизвестное племенное название «сармат», в Волжско-Камском же районе — черемис или *ʒəvash*, следовательно, выходит так, что «серебряные болгары», когда речь идет о севере, это болгары «черемисские» или также «чувашские», так как «чуваш», или *ʒəvash*, двойник *shimeg*'а, представляет как термин лишь разновидность *ʒagmat*'а, или *ʒagmäs*'а,⁶ с оканием [губной огласовкой о ↔ и] первого племенного названия — *ʒur* ↘ *shig*, утратившего исходный плавный звук: *ʒu* ↘ *shi*».

Это писалось всего-навсего три-четыре года тому назад.⁷ И хотя по существу с точки зрения общих норм и фактических наметок высказанное сохраняет всю свою силу, но с тех пор и идеологически, и технически теория сильно двинулась

¹ Прибавление «-еп» в русской передаче искажает весь смысл и существо термина «марий», который, будучи наследием далеких веков, не допускает его производства от названия страны, где сейчас народ пребывает.

² Изд. Маролиздата, Йошкар-ола.

³ [См. здесь, стр. 323—324].

⁴ [См. здесь, стр. 319—360].

⁵ Н. Марр Об яфетической теории, ПЭРЯТ, стр. 233—236, особенно стр. 235 [см. ИР, т. III, стр. 28], его же, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 348 и сл. [см. здесь, стр. 199 сл.].

⁶ В [не; вом] издании (стр. 56) *ʒag-shas* по опечатке.

⁷ Появилось в печати в 1926 г.

вперед в уточненном понимании и лингвистических явлений. Мы не говорим уже о такой как будто чисто технической стороне дела, как разъяснительное признание русского слова «серебро» «составным племенным названием сал-берским», именно *saɣmat'*ом, тогда как племенным названием слова становились не сразу, и «серебро», хотя действительно составное слово, сродное с *saɣmat'*ом, но входящие в его состав части *sege-* и *-bɣo*, именуемые условно типическими разновидностями *sal* и *ber*, воспринимаются не как племенные слова, а как элементы А и В, с конкретными уже в данном случае значениями, т. е. в общем мы теперь сказали бы «двухэлементное (АВ) образование», а *saɣma-t* — образование трехэлементное с излишком *-t*, пережитком элемента С, условно типически называемого *uop*. Все это существа дела не меняет, но с техническим уточнением за это время разъяснилось и то, что название народа 'серебряным' — совершенно понятное недоразумение или, точнее, плод народной этимологии, ибо дело в том, что название каждого народа, так наз. племенное название, становилось таковым из имени-тотема производственно-социальной группировки, а это имя-тотем на известной ступени стадияльного развития человечества означало 'небо', в частности 'солнце' или, позднее, с уточнением — 'дитя неба', и в то же время светлый металл, серебро, именовался по солнцу, как то установлено не только палеонтологией речи, но и идеографическим начертанием 'серебра' в письменности, в частности в клинообразной письменности, заходящей своим началом за пятое тысячелетие дохристианской эры. Между прочим, марийское слово *ш*, полнее *шу*, 'серебро', также означало некогда и 'солнце', и свидетельство этого имеется у вас, мариев, в вашем же родном языке, где спирантная разновидность этого именно *шу* → *ш*, звучащая *ɣu* → *ɣ*, потому и означает 'год', что она космически означала 'солнце', 'небо'.¹ Разница техническая между русским «серебром» и его марийским синонимом *шу* лишь та, что марийское слово одноэлементно: оно было некогда названием общим и для 'неба' и для его части — 'светила', в данном случае 'солнца'. Это слово — наследие более древней ступени стадияльного развития звуковой речи, тогда как русское «серебро» — двухэлементное образование, также некогда означавшее 'солнце', плод позднейшей уточненной техники: оно представляет составной термин, в отличие от 'неба' выражающий понятие 'солнце' словами 'неба (*sege*) дитя (*bɣo*)'. Попутно замечу, что так же построено нынешнее русское слово «солнце»: 'неба (*sol+n*) дитя (*de*)'.

Не зная этой палеонтологии речи, долженствовавшей подсказать, что *ʒegemš* или *ʒaɣmæs* также означало некогда 'солнце', буквально 'неба (*ʒege*, *ʒaɣ*) дитя (*-mš*, *-mæs*)', но прекрасно осведомленные касательно сохранявшегося у них в быту еще другого его значения, именно 'серебра', местные люди и могли подать русским основание прозвать 'солнечных болгар', 'болгар-детей солнца' или 'болгар-черемисов' — 'серебряными'.

Но все-таки остается факт, что 'серебряными', или, как теперь выясняется палеонтологически, 'солнечными', могли называться и чувашки. Как же так?

¹ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 12—15, 23—24, особенно 58—61, 67—69 [см. здесь, стр. 23з, 261, особенно 263, 268 и сл.].

А просто. Это в порядке вещей, притом не случайное явление общность названий далеко отстоящих друг от друга народов, да не двух, а целого ряда. Так на Кавказе малкары или балкары-турки с осетинами-индоевропейцами и с яфетидами-хевсѹрами, сванами и абхазами, как недавно выяснилось, носили, да и носят, одно общее название, иногда тождественного вида.¹

Да зачем так далеко ходить? У вас в марийском чувашей называют *suasla-maŋu*; отличительная часть этого *suasla* — основа *suas*, двойник средневекового *suvaŋ*, как тогда называет арабский путешественник чувашей,² но тем же *suas*, равно *sūas*, марий называют татар.

На Кавказе некогда грузины с армянами одинаково именовались «соемехами», т. е. соеями, теперь же грузины (можно сказать — они одни) так называют лишь армян, притом ни сами этого племенного названия не лелеют, ни армянам не доставляют удовольствия подобным наречением.

На севере две разновидности того же племенного названия, *suomi* и *коми*, являются национальным названием с одной стороны населения Финляндии, за исключением карел, с другой — зырян.

В своем месте нами уже установлена первичная форма этого термина и ее наличие за пределами расселения таких новых национальных образований, как финны-суоми и финны-коми; та первичная форма пережила на территории чувашей, уже также новой национальности, если исходить от производственно-социальных группировок первоначального населения Афревозии. Термин, обыкновенно, есть наименование первично одного общего у всех перечисленных народов социального слоя, а не какого-либо целостного народа.

Однако, не касаясь сейчас чреватого последствиями для исторического построения бесспорного факта, что мариев с чувашами называли одним общим по происхождению названием (*ʒar̥məs* || *ʒo¹r¹vaš ↙ *ʒəvaš), перед нами все-таки ставит вопрос две разновидности, одна с аканием в первой части (*ʒar̥məs* ↙ *ʒar̥mos), усвоенная мариям чувашами, и другая с выдержанным эканием (*ʒegemis*), усвоенная русскими им же. Вопрос ставят они следующий: действительно ли здесь голое физиологически возникшее фонетическое явление без дальнейшей увязки в социальной структуре марийского языка, или это социально-фонетический факт, свидетельствующий о наличии в то время соответственной производственно-общественной группировки или слоя в населении интересующего нас края? Мы попутно лишь отметим, что такого же социального происхождения, по тяготению к одному слою, представляется пара разновидностей, одна с выраженным в обоих слогах аканием — это *ʒar̥ma* в составе трехэлементного *ʒar̥ma-t*, другая — с разнотонной огласовкой акающе-окающей *ʒar̥məs* (↙ *ʒar̥-mos), или окающе-акающей *ʒəvaš* (↙ *ʒəvaš ↔ *ʒuvaš*). При этом разновидность *ʒar̥məs* также имеется, как *ʒəvaš*, с утратой плавного исхода первого элемента, но в выдержанно окающей огласовке *ʒamas, как она сохранилась в названии русского ныне города *Ar-zamas* (← *Ar-ʒaməs), буквально означающем 'Ар-ский *zamas* (или *ʒar̥məs*)', т. е., если держаться племенного значения определяемой словом *ar* основной.

¹ Н. Марр, Балкаро-сванское скрещение, ДАН, 1929, стр. 45—46.

² Н. Марр, Чуваша-яфетиды на Волге, стр. 70—71 сл. [см. здесь, стр. 369 сл.].

части, 'Ар-ский черемис'. Но дело сложнее. Что же значит слово ar? Разрешите к смысловой стороне этого важного термина, как всего полностью названия города, вернуться в заключении, когда к тому будет сделана необходимая подготовка. Что же касается формальной стороны наименования Ar-zamas, своим выдержанным аканием входящего в круг горного марийского языка, на луговом марийском оно должно бы звучать *ur-jumш, усечением чего и является название города Urum (мар. Wir-jum, отложение социального слоя со сванским разложением u в w в своей звуковой речи) в пределах расселения луговых мариев. Не касаемся факта, утверждавшегося Веске¹ с некоторым удивлением, что именно население Уржума, несмотря на свое географическое расположение среди луговых, говорит горным наречием. Тут в основе научного мышления Веске та же коренная ошибка принципиального характера, которая присуща и до сего дня старому учению об языке, индоевропеистике, и всем ее adeptам, в частности в области изучения так называемых финских языков. Она состоит в том, что народы рассматриваются как массивы, каждый с единым цельным языком, а диалекты, наречия они или говоры, подговоры, — физически воспринимаемыми частями по географическим секторам, т. е. ab ovo (от зачаточных начал) наречия и говоры, как и языки, представляются прикрепленными районно с охватом всей массы населения, всех социальных слоев, если население входит в состав народа классовой или сословной структуры, или всех производственно-социальных группировок, если население является лишь соответственно дифференцированной массой, причем эти слои, классы или сословия, первоначально производственно-социальные группировки, ныне и с давних исторически известных эпох мнятся переходящими свои географически природные границы, когда они лишь всплывают из-под позднее появившихся в процессе скрещивания новых этнических образований, тех именно народов, с которыми мы теперь имеем дело как с великими народами, или изжившими себя — мертвыми древними (не говоря о новых на памяти истории возникших великодержавных нациях), или пережившими доселе в безвестности по завершении круга своей исторической жизни вне черты частей мира, освещавшихся полноценно письменностью.

Марли, или так называемые черемисы, принадлежат к народностям с забытой человечеством историей, и если у них мы не находим страницы истории мирового значения, язык их также бросает, как и языки других «малых сих», по совокупности уничтожающий свет на культивируемую доселе идею о живых народах, как носителях цельных расовых языков особого происхождения, и в то же время дает вскрыть в нем самом, в этом «малом» языке бодрящие и для теоретика-исследователя, и для общественника-строителя залежи отложений значительных достижений. Но как подойти к ним?

Мы сейчас подходим, конечно, с учетом ступеней стадийного развития, пройденных человечеством еще до возникновения мариев и с ними увязанных ныне народов, но как опознать вклады скрестившихся в марийском производственно-социальных, а впоследствии и сословных, герм. классовых, слоев? Можно ли их

¹ О наречиях черемисского языка, I, Казань, 1889, стр. 4—5.

учесть одним формальным изучением, доселе устремляющим все свое внимание на голые звуки, и без каких-либо и в этой области успехов? Конечно, нет. Нам необходимо прежде всего констатировать заслоняющий реальный горизонт и особенно перспективу в глубь времен идеологический охват надстроечного мира, затем состав материально-хозяйственного производства.

В отношении воплощения идей в звуковые комплексы-символы мы, конечно, не отвергаем учета фонетической техники, но, во-первых, мы предпосылаем анализ по четырем элементам, дающий возможность судить прежде всего о степени скрещенности, а, во-вторых, о социально-отличном источнике каждого из элементов, что в известных случаях при соответственных сопутствующих явлениях, так называемых координатах или коррелатах, открывает путь для опознания вкладчиков тех или иных достижений в речи, не только в лексике, но и в морфологии.

Наконец, и фонетическая техника привлекается к делу, но ее закономерные соответствия находят объяснение прежде всего в социальной дифференцированности (по производству) соответственного коллектива, а не в физиологических факторах. Отвлеченные звуковые законы с символическими функциями это позднейшее явление, своего рода предмет роскоши, в языках одной системы с марийским вовсе и не получивший и той степени законченной стройности, которую удается установить в языках так называемой «индоевропейской семьи», т. е. протоеврейской системы, с большим, впрочем, и здесь насильем над отдельными фактами, как они налицо в конкретных языках, и без полноты учета их характернейших индивидуальных особенностей.

Наоборот, для вскрытия истинного исторически сложившегося состояния марийского и ближайше сродных с ним языков рядом с учетом использования того или иного из четырех элементов настоятельно необходимо выявить в полной мере размеры, в каких в нем пережили конструктивные социальные звукосоответствия домарийского еще состояния языка человечества на всем протяжении его расселения.

Установленные уже, в увязке все еще с чисто элементами-словами (см. ниже), звукосоответствия яфетических языков Кавказа, пережитков языков «доисторического» населения не только Европы или Азии, но всей Афреазии, нам дали в руки определенные формулы, которые нас вооружают средством для опознания их пережитков во всех современных, потом народившихся, системах языков и их конкретно представляющих типах. От такого исследования нельзя устранить и марийский язык, как бы дефектен или слаб, допустим, ни оказались эти социально организовавшие в свое время звуковую речь фонетические явления. Надо оговориться, что в звуковых соответствиях языков яфетической системы, «доисторической», видоизменения захватывают не изолированно тот или иной звук, а комплексно с соседящими или соседившими звуками, т. е. первично весь звуковой состав в целостности каждого из четырех элементов, напр., элемент А по одной группе *sal*, по другой шаг \longleftrightarrow шаг, по третьей, спирантной, *hew*. Следовательно, недостаточно видоизменения одного гласного (акания, окания и экания), равно в данном случае недостаточно учесть видоизменения лишь согласного, свистящего *s*, шипящего *ш* и спирантного *h*, хотя для краткости мы так говорим.

Не говоря о том, что в пережиточном состоянии комплексность видоизменения звуков исчезает, в них наблюдаются перебои, вновь нажитые от общения одной социальной группы с другой, от взаимодействия близко роднящихся групп, или с ними переплетаются вновь народившиеся нормы изолированных звукоответствий.

О паличии дифференцированности социального состава марийского языка, по аканию свистящей группы и оканию шипящей группы, нами отчасти кое-что обнаружено.¹

Горное наречие и группирующиеся с ним говоры западные, с другой стороны — восточные говоры, нам представляются говорами или наречиями одного марийского языка; на деле же первые говоры выявляют социальную установку одного языка, а вторые — социальную установку другого языка. Фонетические взаимоотношения этих двух языков и теперь таковы, что их приходится признавать языками двух различных групп — свистящей с аканием и шипящей с оканием, т. е. те же взаимоотношения, что между грузинским, языком свистящей группы, и мегрельским, языком шипящей группы, на яфетическом Кавказе. Так козьмодемьянский обенх сторон, и горной и луговой: 'лес' *šadga*, 'жеребенок' *šapa*, уржумский и царевский — 'лес' *šodga*, 'жеребенок' *šoma*.

Часто из западных козьмодемьянский сдает цокание, но иранский остается ему верен, так:

яр. *vanš-em* 'перехожу', козьмод. *vanšem* при восточном *vonš-em*,
яр. *kašk-am* 'ем', козьмод. *kašk-am* при восточном *košk-am*,
яр. *kaš* 'горький', козьмод. *kašə* при восточном *košo* ↘ *koš*.

В большинстве, однако, при сдаче комплексности звуковых видоизменений западный язык, ныне так называемое наречие, в том числе и горный его говор, легче терпят утрату своего согласного свистящего порядка, чем гласного, т. е. совершенно то же, что в яфетических языках Кавказа, — более упорное отстаивание гласного как социально более значимого, чем согласный, напр., в слове горн. *šamək* (вм. **šamak*) 'слово' при луг. *šomaq*.

Порой, однако, горный говор оказывается усвоившим губную огласовку шипящей группы (восточной), свойственную теперь и луговым, и все социальные группировки, ныне представленные территориально стабилизированными массами с их уже местными диалектами, сходятся на общем подборе ряда слов одного-социального оформления, напр.:

	горн. ← луг.	
'рыба'	<i>kol</i>	<i>kol</i>
'дрова'	<i>pu</i>	<i>pu</i>
'камень'	<i>kü</i>	<i>kü</i>
['руки']	<i>pu</i> , основа глагола	
<i>pu-a</i> 'дает', 'давать'	<i>pu-am</i>	
'добрый'	<i>rog-ə</i> (рогы ↔ ригы)	рого

¹ Н. Я. Марр, Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша-и эрзя мордовского языка, ДАН, 1927, стр. 143—147 [см. здесь, стр. 380—381].

Если бы не воздействие языка социальной группировки, отложившегося в восточном марийском, мы до сего дня располагали бы в горном марийском в значении 'рыбы' не kol, а kal, в значении 'дров' (собственно, 'дерева') не ри, а ра, в значении 'камня' не кй, а кя, в значении 'добрый' не рого \ рогә, а рага, в основе глагола 'давать' — не ри, а ра.

Эти акающие разновидности, принадлежащие так называемому горному наречию марийского языка, не плод научной фикции, а фактически существующие величины, напр., kal 'рыба', не говоря о прибалтийском финском суоми kal на сравнительно близком севере, на далеком юге также налицо, так у грузин в скрещенном термине kal-шаq, используемом в значении 'форели' (по-свански вообще 'рыба' живая из реки); ра, собственно его архетип ral → bal, еще дальше в Средиземноморьи у греков красуется в скрещенном двухэлементном bal-an 'дуб', в связи с ним и 'жолудь', а в зависимости от эволюции растительного питания от 'жолудя' до хлебных злаков, в том числе 'ячменя' и 'шеницы', вообще 'хлеба', то же утраченное марийским ра, в архетипе ral, находим в латинском также скрещенном слове rān-s 'хлеб', в архетипе *ral-an- (греч. bal-an 'дуб', 'жолудь'), да в грузинском также скрещенном qog-bal 'шеница', м. qo-bal-1 'хлеб'.¹

Есть это ра → ба → фа и в турецком в качестве второй части скрещенного аг-фа 'ячмень'.

Другие примеры также имеют своих двойников в виде утраченных горным марийским акающих разновидностей в языках далекого Кавказа и еще более дальнего Средиземноморья; так при кй ожидаемое в горном марийском кя 'камень' налицо в полном виде у армян — qag 'камень', kaqkaq 'куча камней' и у басков в западной Европе — kaq \ 'h'ag 'камень', откуда у кельтов (брет. kaq-eg 'скала'), а за ними и у французов в «саггггге» 'каменоломня'.²

Если горный марийский не сохранил при луговом акающем роге ожидавшейся в нем акающей разновидности рага [resp. rala] или *рагы, то ее выявляют из финских морд. рагә (нокш.), суоми raqas 'лучший', 'благо' (эст. raqem 'лучше') и вне финского оформления стоящий армянский — баг (↔ баге, последний подвид основы — в косвенных падежах).

При основе ри глагола риa 'дает', ожидаемый в горном марийском двойник ра, и в полном объеме рау, без падения плавного — раг, с обязательным значением 'рука', находим на Волге у чувашей в глаголе раг-ас 'давать', а затем у древнейшего с письменностью малоазийского народа Средиземноморья, хеттов, в виде ral (чит. рау) со значением также 'давать', и от той же основы с первичным значением 'рука' происходит предлог со смыслом 'через', выразившийся всегда орудием производства 'рукой', и его также можно проследить до французского языка с его раг 'через'.

¹ Н. Мирр, Китайский язык и палеонтология речи. III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево', ДАН, 1926, стр. 109; его же, Скифский язык, ИЭРЯТ, стр. 370 и сл. [см. здесь, стр. 212 и сл.]; его же, Карфаген и Рим, fas и jus, стр. 381; его же, Готтентоты — средиземноморцы, стр. 412.

² Н. Мирр, Из Пиренейской Гурии, стр. 20; его же, Бретонская национальная речь в увязке языков Африки, стр. 20; его же, Две новые работы С. С. Успенского по баскскому языку, стр. 268.

Я не буду останавливаться на шатком, колеблющемся положении плавных *l* и особенно *g* в конце слов, где *g* легко уступает место *l* и обратно или не менее легко отпадает, порой, впрочем, оставляя вместо себя свое ослабление, полугласный *y*.

По фонетике, вскрытой благодаря палеонтологии речи, мы в марийском наблюдаем спирантизацию сибиллянтов и простых согласных того же порядка с использованием получающихся разновидностей для сокращения многозначности слов усвоением различных значений одного слова различными его разновидностями.

Так, установлено палеонтологией, что первично 'огонь' и 'вода' выражались одним словом, как и 'небо (верхнее) с солнцем' и 'небо (преисподнее) с морем'. И элемент *A* с губной огласовкой шипящей группы *tul* (вм. **tur*) используется в значении 'огня', а спирантная его разновидность, иногда с отсечением плавного исхода — в значении 'воды' и сродных понятий, как то: *Yul* 'Волга', собственно 'вода', 'река' (поэтому, когда теперь марии говорят, прибавляя *vüid* 'вода', 'река', — *Yulvüid*, то это значит, собственно, 'вода+вода'), *yüg* 'дождь' и т. п.

Так, напр., то же слово с усечением плавного исхода — *yü* (← *yul* ~ *yül*) в значении 'воды' лежит в основе глаголов, происходящих от 'воды', как то: *yü-a-nš* 'пить', *il-a-nš* \ *iy-a-nš* 'плавать', *yo-gy-nash* 'течение', *yog-a-nš* 'течь', т. е. получается совершенно такое же распределение двух видов этого слова, сибиллянтного (шипящего) и спирантного, какое мы находим у басков — *lpu* 'огонь' и *hur* → *ur* 'вода', *e-ur-1* 'дождь' и диаметрально противоположное тому, что с тем же словом происходит в армянском, где сибиллянтный (шипящий) вид *hur* означает 'воду', а спирантный *hur* 'огонь'.¹ Марийский опять-таки становится рядом с западноевропейским языком, на этот раз яфетическим.

Однако марийский язык сохранил пережиточно спирантный вид того слова *yü* с первичным значением и 'огня': это в основе от него происходящего глагола *yül-a* 'горит' (горн. *ya-l-a*).

Сюда же, т. е. к возобладанию губной огласовки в марийском, надо присчитывать, когда вм. *o* ↔ *u* в наличности обызывается той же пары эквивалентная перебойная пара небных гласных *e* ↔ *i*. Не в одном только случае архаичный губной «и» марийского языка по общим основным диалектам в грузинском представлен его перебойным эквивалентом «и», так *pi* 'зуб', пережиток полного его вида **pur*, откуда по ослаблению *u* ↔ *o* в *ə* — *rəg*, основа марийского глагола *rəg-a-nš* («пыраш») 'грызть', 'жевать' налицо с перебоем *u* в *i* в виде *bir* в составе мегрело-чанского двухэлементного термина *ki-bir-1* (двал. ч. *kiβr-1*, м. *kəβir-1*, откуда с дальнейшим стяжением первого слога, именно с полной утратой огласовки — груз. *k-bil* 'зуб'); при сохранении первичной губной (*o* ↔ *u*) огласовки второй части, элемента *B*, **ke-bur* (↘ *e-bur*) ↔ *ki-bog*, мы попадаем по палеонтологическому положению «часть по целому» в семантике в мир животных с 'хоботом', 'клещами' и т. п., 'слоном' (копт. *ebu* 'слон', 'слоновая кость', ср. в евр. *šep* 'зуб' и 'слоновая кость') и 'раком' [*kiβog* → *kiβo* в составе груз. *kiβog-ḡal* 'рак', буквально 'водяной (ḡal) *kiβo*'¹']. О дальнейших, более близких по

¹ Н. Я. Марр, Грузинские поправки и дополнения к палеонтологии речи, ДАН, 1927, стр. 100; его же, Из Пиревейской Гурии, стр. 26.

Функции связей того же слова в животном мире, именно в животных передвижения, можно осведомиться в подлежащей яфетидологической работе,¹ сейчас же в связи со значением 'зуб', так именно еще у мариев, и при нем еще высказывающим, казалось бы, случайно, 'кость', необходимо вспомнить, что у одноэлементного марийского слова со значением 'зуб' при рü (✓ *rig) с губной огласовкой в горном марийском ожидали бы рä (✓ *ral или *rag), что же касается кавказских яфетидов при мегрело-чанском двухэлементном образовании с позднейшей от перебоя о ↔ и в е ↔ 1 огласовкой 1 — 1 — kibig, следовательно, при архетипе *kober ↔ *kubug, в грузинском, языке свистящей группы, мы ожидали бы *kabal, что при учете утраты более древнего состояния начального согласного (k), аффрикатного (k) в языке яфетической системы, в этой родной среде подлежащего историческому смещению с глухой ступени на звонкую (k → ğ), и его обязательного наличия в виде точного перебойного соответствия свистящей группы (ğ ~ ð), нас должно бы привести к восстановлению действительно закономерно безукоризненной во всех отношениях для свистящей группы разновидности *daval, ее-то и представляет со стяжением и утратой огласовки первого слога груз. dval 'кость'.

При возможностях такого подхода к лингвистическому материалу и марийского языка, чтобы закончить с не взлюбившимся племенным названием «черемис», нам необходимо осведомиться, правда ли этот термин чужд мариям? Нет ли у него корней или родни в самом марийском языке, бесспорной его части? Какие у него координаты или коррелаты, если они есть? Прежде всего вспомним, что всякое племенное название восходит к наименованию первичной производственно-социальной группировки, ее же тотему, который затем становится предметом культа, определенной конкретной святыней или конкретным божеством, впоследствии общим понятием 'бог'.

Čeremis лишь разновидность keremet'a. Будет ли у какого-либо мариеведа из мариев готовность выкинуть из круга марийских родных слов с такой же готовностью keremet, с какой он откидывает в сторону собственное название, застрявшее в обиходе соседей — «черемисов»? Keremet ведь также не одинок в марийской речи, да с глубокими социальными корнями в ней, как увидим.

Переходя к трактовке техники производства слова в марийском, мы должны сразу же констатировать, что перед нами в нем та весьма древняя ступень стадильного развития звуковой речи, которую можно признать переходной от аморфной или синтетической системы к агглютинативной. Синтетической системе присущ в области словаря полисемантизм, т. е. многозначность одного слова, и мы застаем марийский язык в процессе не совсем завершившегося высвобождения из-под бремени этой многозначности путем использования звуковых разновидностей одного и того же слова для закрепления за каждой из них особого значения, равно путем скрещенных образований и т. д.

¹ Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкознания с историей материальной культуры), изд. КИАИ, Л., 1926, стр. 12—17 и сл. [см. ИР, т. III, стр. 129 и сл.].

В этом смысле марийский язык древнее других финских языков, особенно суоми и эстонского.

Многие, в других языках палеонтологическими раскопками обнаруживаемые парные и более многочисленные значения одного и того же слова в марийском лежат почти как на ладони готовыми для непосредственного наблюдения без надобности докапываться до них какими-либо сложными изысканиями.

Так 'солнце' и 'день', как установлено палеонтологией речи, выражались на первых ступенях стадийного развития одних словом, но в марийском это по сей день актуальный факт живой речи. Любой словарь отмечает, что кефе значит и 'солнце' и 'день', только неправильно, когда на первом месте ставят словари 'день', а на втором 'солнце'. Наоборот, сначала слово сигнализировало 'солнце', собственно кефе значило 'дети (де / ден) неба (ке)', небо сенок, как 'частица 'неба'.

По палеонтологии речи 'птица', как часть окружения неба в предтавлении человечества той эпохи, также именовалась 'небесенком', 'дутьей неба', и потому с кефе 'солнце', 'день' совсем не случайно созвучно марийское диалектическое kede 'голубь', буквально 'дуть (de) неба (ke)', и таким же составным словом является и мар. kõg-õrden || kõ-õrdan 'голубь', буквально kõg 'небо' и õrden, как и õrdan, 'дуть', двухэлементное скрещенное образование, как его армянский двойник or-dı (↔ or-de в косвенных падежах) 'дуть', 'сын', состоящее из or 'отрок' (арм. or-eag 'отроки', мар. or 'новобрачный', собственно 'молодец', 'отрок') и de, ср. марийский суффикс -de (↔ -dı) 'дуть', пережиток den (груз. den-a 'стяжать', 'получать прибавление', груз. de 'дуть', 'сын', мар. -den || -дан).¹

Понятие 'бог' — одно из позднейших слов надстроечного мира, на последнем этапе своего развития означавшее 'небо'. И вот по-марийски ушло 'бог' без раскопок выявляет свое более раннее значение 'неба' в таких выражениях, как уштә-што 'на небе', уштәп-рундаш 'поднебесье', уштәп-кюу 'осколок метеора', буквально 'небесный камень', уштәп-түр 'горизонт', буквально 'край неба'.

Сюда же относится, по всей видимости, уштәп түтәга, что в словаре переводят с вопросом 'божний туман' (tütä 'туман'), на самом же деле буквально гласит 'небесное түтәга', т. е.? Более того, так как известно, что по 'вебу' назван 'шар',² то сам марийский язык нам сохранил с этим значением 'шара' полный вид уштә [небо?] 'бог', именно уштәг, без редукции гласного последнего слога первично — *уштор.

Эта бьющая в глаза архаичность системы не помешала, однако, марийскому располагать словом для выражения такого отвлеченного понятия, как 'истина', 'правда'; но техника его запознания не путем заимствования, а из собственного фонда, действительно, первобытная, поскольку 'истина', 'правда' на соответ-

¹ Касательно og- в og-ueй ↔ u [r] ueй 'молодуха' надо быть осторожным с сводящим в заблуждение полным созвучием: og ↔ u [r] здесь 'девушка', 'женщина', то же слово, что у армян og в составе og-и ogd 'девица', буквально 'женщина+дуть', -ug-hı (в косвенных падежах -u-he) → -u-hı (-u he), суффикс профессиональных названий и вообще названий лиц женского пола, буквально 'женщина' (og, гезр. u → u) + женщина' (he ↔ hı). м. de и т. п. Об этом см. Н. Марр, Нарцательное значение термина qer в «митаанских» женских именах по яфетическим данным, ИАН, 1920, стр. 121—127. Также мар. og-ueй, повидному ['женщина-человек', 'девица'], 'молодуха'.

² Н. Марр, Из яфетических пережитков в русском языке. 1. Мян. ДАН, 1924, стр. 65—66 [см. здесь, стр. 114].

ственной ступени стадийного развития выражалась словом 'солнце': 'солнце' → 'видное', 'явное', 'действительное' → 'правда', 'истина'.

Нам пришлось уже столкнуться с тем же вопросом и подробно обсудить тот же словарный материал в чувашском использовании в работе «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема».¹

По-марийски 'правда', 'истина' — *фен*. Это то же слово, что *шпн*- и *шпн*-, у мариев теперь наличное в скрепленном термине *шпѣа* || *сəпзä* 'глаз' и самостоятельно означавшее, как было разъяснено, и 'солнце' и потому 'глаз'.²

Но, независимо от этого, *фен* 'правда', 'истина', само по себе будучи редуцированным подвидом **фоп*, имеет сипрантного двойника *коп*, что в разновидностях *кшп* → *гшп* прослежено не только в чувашском в значении 'дня', как и в турецком *гшп* (здесь и 'солнца' — *гшпеш*, *герср. гүйѣш*), но и в баскском одновременно и в значении 'дня' (*е-гшп*) и в значении 'солнца' (*е-гш* ~ *е-гш*).³

В связи с *кшп* → *гшп* 'солнце', следовательно, палеонтологически и 'глаз', необходимо доследовать наличие его двойника *коп* в скрепленной основе *коп+ым+таш*, *герср. коп-фы-таш* 'видение', *коп-ф-ем* 'являюсь во сне', поскольку с одной стороны глагол 'видеть' происходит от имени 'глаз', а с другой — 'сон-явление' и в этом смысле 'видение' первично, или по нормам мировоззрения первобытной общности, предполагает приход тотема, предмета культа, осведомителю его активность, следовательно, на известной ступени развития, космической, — 'солнце', как это нам пришлось попутно лингвистически разъяснить на грузинском слове *си-зтаг* 'сон'.⁴

Из первобытного хозяйственного инвентаря в круге животных в первую голову необходимо остановить внимание на 'собаке' и 'лошади'. Новым учением об языке палеонтологически установлены два положения общего значения: 1) 'собака', как домашнее животное, в звуковой речи получила наименование раньше, чем дикие звери, так по 'собаке' были названы 'волк' — 'большая собака' (также и 'лев'), а 'лиса' — 'малая собака', 2) от собаки (*герср. оленя*), как животного передвижения, унаследовала свое название лошадь.⁵

Как же обстоит дело в марийском? 'Собака' *рш*, 'лошадь' *шпц* || *шпце*, т. е. как будто ничего общего между ними.

Однако прежде всего обследуем наименование 'собака' — *рш*, слово, как известно, и финское; марийское имеет лишь одну фонетическую особенность, архаическую, это полугласный «у» в исходе, который не более, не менее, как пережиток плавного г, его падение, т. е. первоначально марийское слово 'собака' звучало *ршг*, с чем еще более расходится марийское название 'лошади', возьмем ли *шпц* или *шпце*. Но марийский язык свидетельствует своим собственным мате-

¹ [См. здесь, стр. 393—437].

² Н. Марр, Из Пиренейской Гурни, стр. 46 и 59; его же, Китайский язык и палеонтология речи. I 'Глаза' и 'слезы'. Глаза космические — 'солнце' и 'луна', ДАН, 1926, стр. 93—95.

³ Н. Я. Марр, Из Пиренейской Гурни, стр. 54; его же, Послановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 36—37, 45.

⁴ Н. Марр, Из Пиренейской Гурни, стр. 52.

⁵ Н. Марр, Средства передвижения, орудия самознания и производства в доистории [ИР, т. III, стр. 123—151], его же, Карфаген и Рим, фаз и јуз, стр. 392; его же, Из двухэлементных абхазских слов, ДАН, 1927, стр. 149 [см. здесь, стр. 385—386].

риалом, что слово *riu* 'собака' первоначально действительно звучало *rig*, ибо по 'собаке' был назван 'волк', а *rig* непочато сохранился в мар. *rig-e*, означающем 'волк'.

Все это, товарищи; по нашей советской мерке времени давно известно, но все не доходит до финского населения, куда относят ученые за Финнами-суоми, карелами и эстонцами не только вас, мариев, но и ваших соседей — вотяков-удмуртов, далее зырян-коми, разумеется, с пермяками, мордовцев, мокша они или эрзя, с попыткой прихватить в тот же круг и чувашей, но между научной мыслью современности и заинтересованным в ней населением, ее новым хозяйственно-культурным строительством становятся не только зрелые и перезрелые возрастом ученые старого научно-общественного мышления, но, увы, далеко нередко и молодежь, аспирантская молодежь из перечисленных народностей, имевшая возможность с избытком слышать полную подлежащих по теме разъяснений, да читать и то, что у названных национальностей, даже бесспорно-финского ныне оформления, вовсе не одни и тот же термин даже для такого необходимого в первичном хозяйственном инвентаре предмета, как 'собака' и то, что сейчас излагаю, как новость, о 'волке', нареченном по 'собаке' и т. п. Достаточно прочитав следующие еще в 1926 г. отпечатанные строки:¹

«. . . семантическая палеонтология одинакова и у простых, и у скрещенных [слов], почему, напр., двойник греч. *κίων* 'собака' у вотяков, или удмуртов, означает 'волк', звуча здесь *ko-in* [коми *kə-in*], а двойник шум. *reg+g* 'лев' у черемисов, или мари, означает 'волка', звуча здесь «пир-ы» [по-горному], причем на севере, в частности у тех же черемисов, основа *rig*, в усеченном виде *ri* (черем. и др.) и в скрещенном *ri-p* [сюда же удм.-вотск. *ри-пы*], значит и 'собаку'».

Мы ожидали от аспирантской в широком смысле молодежи не повторения наших слов, а работы над устававливаемыми ныне положениями на основании своего национального материала, если не вовлечения в эту работу, ну хотя бы привлечения к ней внимания говорящих на этом языке масс, тающих бессознательно в себе и способных привести, в восполнение ее и уточнение или в ограничение, пусть и в опровержение, не одну поправку новых фактических данных. Между тем, эти «аспиранты» не только молчат, точно воды в рог набрали, по новому учению об языке, но, обернувшись к нему спиной, или опять возвращаются к формальным изысканиям в первую голову звуковой стороны, или углубляются в самодельные индивидуалистические теоретические построения на основании их национальной концепции родного языка. Почему так? Спросите их. Пока что нам приходится делать их дело и в порядке продолжения нашей лекции ставить вопрос: «Почему же остается в одиночестве *шцд* || *шце* 'лошадь' без увязки своего названия с 'собакой'?» Однако увязка есть, но обычно не учитывается, что у мариев 'собака' называлась и другим словом, вам всем, говорящим по-марийски, теперь известным с иным значением. Но прежде всего проанализируем слово *шцд* или *шце* 'лошадь'. Оно — трехэлементное скрещенное образование, третий элемент *-цд* или *-це* сам по себе означал 'лошадь', это элемент D (гош),

¹ Н. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, стр. 11 [см. ИР, т. III, стр. 128].

имеющий самостоятельно широкое распространение и в значении 'собаки', и в значении 'лошади': це или цд, позднее перебойное состояние окающего по. как его более полные виды лаш в вогульском алаша, равно юш, основа русского «лошадь», «лошак», а также (речь о пш) означавшего 'коня', теперь же в марийском используемого для понукания лошади. Слово нами уже прослежено по всему Средиземноморью, Европе, Кавказу, Азии в закономерных разновидностях в значении то более позднем 'лошади', то более раннем 'собаки'. В значении 'собаки', в акающем оформлении, но с зубным г в. I, слово застряло в скрещенном образовании, ныне наличном у прибалтийских финнов, суоми — коу-га, аст. кое-г¹а¹ (первая в них часть, коу- || кое- — элемент А). Коу-га [«koi-га»], оставшееся при своем более древнем значении 'собаки', с восстановлением плавного в первой части, элемента А — *ког-га ↔ киг-га, сохранилось у шумеров в клинописи как идеограмма 'лошадь' в KUR-RA, что, следовательно, представляет скрещение двух однозначных слов ('лошадь+лошадь'), а не детерминатив (киг) и яма га 'лошадь'. В значении же и 'лошади' (а-лаш-а) и 'собаки' лаш, спирантизованно ла (а-ла), сохраняют доселе на Кавказе, между прочим абхазы, и от того же ла 'собака' ← лау, первично или потом ставшего известным и на севере, происходит русский глагол «лаять».¹ Самая двухэлементная часть 1-й марийского слова ш-цд || ш-це 'лошадь', до получения придатка -цд || -це, также пережила как самостоятельное слово в коренном изменении своего значения всю историю эволюции человечества в смене лошадей собаки в порядке животных передвижения. Эта же эволюция дело не одного тысячелетия. Естественно, звуковая сторона слова не могла остаться без соответственного сильного изменения. Особо требует учета и то, что слово находим в марийском, где, во-первых, по части гласных господствуют социальные группировки с аканием или оканием, гласный же «и», или его двойник «е», здесь — позднейший перебой губного гласного о ↔ и, а губной согласный т обычно бывает представлен глухим р, как, напр., в слове 'время', по-марийски звучащем жар при его армянском, да и грузинском древнелитературном двойнике јаш 'время', 'час' и т. п.

Следовательно, мы вынуждаемся вместо наличного произношения шш первичной части трехэлементного шшцд || шшце восстановить «ор», что находит разительно полную поддержку в самом марийском, благодаря какому слову? какому глаголу? Знающие по-марийски могли бы мне подсказать. Благодаря глаголу 'лаять', который всегда восходит к названию 'собаки', а наша восстановленная праформа «ор», раньше чем означать 'лошадь' сигнализовавшая 'собаку', и лежит в основе марийского глагола ор+т-а 'лает'.

Но этого мало. Мы уже упоминали об особенностях марийского спирантизовать сибилантичные свои разновидности, свистящая ли она или шипящая, т. е. «ор» есть видоизменение с утратой начального спиранта, resp. һ, сибилантичного *шоб, resp. *sob, следовательно, у мариев вскрываем усеченную основу, еще двухэлементную, русского слова «со-ба-ка». Я отсекаю другие связанные с той же основой марийские слова, чтобы успеть отметить факт его социальной экспансии

¹ Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, стр. 393.

хоть бы указанием на существование той же основы с позднейшей огласовкой $i \leftrightarrow e$, как $i-m$, и на Западе: это $ir \leftrightarrow er$, даже полнее — ero , что нам сохранили греческий язык в своем слове ἵππος 'лошадь', и кельтский и галльский язык в своем ero - 'лошадь'. Оно же в виде $he-vo-$ с элементом $-ne$ сохранилось у прибалтийских финнов, у суоми, в слове двукратно сугубо скрещенном $he+vo-ne+n$ (или $-n-en$) со значением 'лошади', у эстов в трехэлементном образовании $ho+vu-ne$ (ср. параллельное, но не тождественное по третьей части образование $h+vu-se$ в составных выражениях). Еще для нас интереснее по оформлению, более близкому к основе «собаки», лишь двухэлементное образование (AB), наличное в эстонском — $hovu$ в значении и 'лошака', и 'лошади', с последним значением особенно в составных словах.

Но трехэлементное (ABD) образование $he+vo-ne$, наличное в суоми $he+vo-ne+n$ и эст. $ho+vu-ne$, отнюдь не поздний факт, ибо то же имя носит римское, собственно кельтское, божество 'воды-лошади' Еропа. Не зная этой палеонтологией речи устанавливаемой семантической пучковости, отвечающей и мифологическим представлениям, известный кельтовед Доттен (Georges Dottin),¹ профессор Геннского университета, сравнительно недавно писал все-таки: «Римская богиня Еропа, изображаемая часто в виде женщины, сидящей верхом на лошади, с культом, официально праздновавшимся в Цизальпине, является, вне сомнения, божеством кельтского происхождения; ее имя, повидимому, происходит от старого кельтского слова * $ero-$ 'лошадь', ср. галльское слово $ero-gedias$ 'возжак коней'».

Эта связь с кельтами, поддерживаемая рядом фактов и восточной Европы и Кавказа, представляет особый интерес, так как увязывается с историей скифов и их ролью как на Кавказе, так на финском севере, равно у русских и украинцев. Поскольку кельты выявляются пережившей в Европе разновидностью скифов, скифо-кельтский вопрос не только по языку, но и по истории материальной культуры представляет очередную исследовательскую задачу о забытой связи и за исторические эпохи западной Европы с восточной.

Одно из первичных и основных представлений в истории социальной организации человечества, это 'дом', понимать ли его в значении 'родного очага', или 'постройки', 'палатки', 'дома', 'двора', 'усадыбы', впоследствии 'села', 'города', вообще 'жпльа', малого или большого, и вот соответственное у мари в $kido$ 'шалаш', летнее жплое помещение, но также 'двор', 'усадыба', а на Кавказе у абхазов $-qəda$ ($a-qəda$) 'поселение', между прочим основа названия ныне грузинского города Кутаиса ($qəda \swarrow qəda \leftrightarrow qida$), этот социально важнейший, он же магический, впоследствии культовый термин, у финнов ли он сейчас, в частности мариев, у яфетидов-грузин, или хотя бы у русских (находим и у них), есть не что иное как разновидность так называемого племенного названия скифов, т. е. первично тотем определенной производственно-социальной группировки. Это же слово у грузин в виде $gida$, у германцев в виде «Gott», значит с исторических эпох отвлеченно 'бог', а на более ранней ступени стадияльного развития звуковой речи оно же означало космически 'солнце', следовательно

¹ Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique, 2-е изд., Paris, 1915, стр. 325.

и 'год', откуда и русское слово «год». Сюда же относится встречаемое в живой костромской речи и известное и из летописей русское «кут» 'священное место', порой 'святыня', 'огороженное место моления в лесу'. Праформа полностью *skulta или *skurta, что с разряжением нетерпимой в финском группы и при сохранении сибиллянта дает мар. surt 'дом с надворными постройками', 'жилище'. Теперь, думаю, будет понятно, почему это же именно слово surt у мариев входит в состав ряда выражений моления и культа, раньше магических терминов, иногда в словарях и не разъясняемых с толком или вовсе.¹

При спирантизации же группы sk праформы *skulta || *skurta с сохранением k, как в kulo и его разновидностях, утративших плавный звук, горный марийский должен был дать алающий вид kart, что и имеем в марийском в значении культового термина — 'жреца', на которого перешло название самого тотема, впоследствии божества, как на носителя его магических сил, как на шаман'а. На Кавказе мы имеем этот же kart и его разновидности и в значении 'колдуна' (жреца), и в значении тотема — племенного названия; между прочим, это основа национального названия и грузин — qarṣvel, и Грузии — qarṣl-, и бога — племенного названия, именно бога Q̄ldin и народа Q̄aldin, как это засвидетельствовано в клинописных памятниках Вавилонского царства в пределах Армении с IX в. до н. э.

Нам хотелось проследить перед вами не менее тесные связи с русским, в котором с массой переживаний языков еще яфетической системы, языков первоначального населения Афреазии, чрезвычайно много и таких, которые сохранились именно в марийском, без учета чего нельзя иметь правильного представления ни о русском, ни о марийском. Я хотел, в частности, остановиться на русских словах «волшебство», «волхв», «мольба» или «молитва» и других, которые оказались увязанными коренным образом с марийским, и которые представляют первостепенное значение и для исторических эпох, когда русские боролись, как с народом волхвов, с «серебряными черемисами», оказавшимися с такой кличкой «серебряные», в силу вульгарно понятого тотемного названия черемисов — 'солнечных', 'детей неба', что на известной ступени стадийного развития в самом деле значило не только племенное название «черемис» с его двойником keremist'ом, но и нынешнее национальное название того же народа тагу, двойника средневекового тегуа, также двухэлементное образование из tag- 'неба' и -гу или -га, первично -т или -тац, в данном сочетании также что? К ответу на этот вопрос мы хотели бы теперь подойти с исторической перспективой его постепенного разрешения. Отметив наличие тупика, в котором исследователи оказались в отношении «племенного» названия тегуа, в 1926 г. в «Чувашах-яфетидах» в разъяснение положения мы писали:² «Большинство расходится не в том, что это финское племя, а в том, какое в точности финское племя, но это не удастся усановить, а главное то, что хотя признание в нем славянского племени ныне окончательно отвергается и термин «меря» настолько же финское

¹ Surt korgō yem dene kumalme 'семейное моление, совершаемое в июле месяце', «surt-yem (?)», kolšo nlo g:n (а-бя), «kolšo surt yemym maleš», maueš ogot male, surt-kugz'a, surtlo kugz'a 'дух хранитель дома'.

² Ук. соч., стр. 29 [см. здесь, стр. 345].

слово, насколько русское, если подходить к вопросу как доисторическому, по наследию откуда именно русских, а не себя называют финны финнами. Дело в том, что «финн» и «вен», как финны называют русских, — разновидности одного и того же племенного названия, именно или ионского, или берского». Здесь мы вынуждены прервать ход наших мыслей, как он в 1926 г. слагался при подходе к толкованию *тегуа*, ибо с тех пор получил иное освещение вопрос о колебном и: это не пережиток лишь группы *nd*, эквивалента зубного *g*, чтобы в архетипе *veg*, *gesp.* **fir*, признать лингвистический элемент В — *ber*, так называемое племенное название, собственно ставший таковым тотем, имя определенной производственно-социальной группировки; с тех пор же потребовало ограничения и столь широкое применение разложения губного гласного, в одних языках — *o*, в других — *u*, в *we*, *gesp.* *wi*, и уже нельзя безоговорочно возводить наши термины к архетипам *on* (\leftarrow *wen*) \leftrightarrow *un* (\leftarrow *wun*, *gesp.* *fin*), и соответственно в них признать с сохранением начального спиранта лингвистический элемент С — *uon*, так называемое племенное название, собственно опять-таки ставший таковым тотем, имя определенной социальной группировки. Выяснилась в ряде случаев постепенная утрата в языках финского оформления, как и русского, долготы гласного (для занимающих нас сейчас языков финской системы достаточно сослаться на *mu* 'земля' *vm.* **mū* / *mu*) в ряде из них, так в коми и удмуртском, и в связи с навязывающимся восстановлением долготы гласного предпочтительно перед *n* почувствовалась потребность первыми двумя возможностями (признаем одноэлементного «племенного названия» *ber* \leftrightarrow *vir* или *on* \leftrightarrow *un*, с сохранением спиранта — *uon* \leftrightarrow *un*, *gesp.* *hon* \leftrightarrow *hun*) в наших терминах *ven'e* и *fin'e* усмотреть стигнутую форму не дошедших до нас **vēn* и **fīn*, *gesp.* *vīn*, долгогласных разновидностей, в архетипе двухэлементных (BC) — **ver-ēn* или **vir-en*. Поскольку внимание нашей экспедиции будет сосредоточиваться на фонетике, то одна из важнейших по ней проблем, это установление норм утраты долготы и способов ее возмещения или бесследного протекания. Пока что наши наблюдения фактов и их сопоставления нам диктуют предпочтительность признания в *ven* и *fin* двухэлементного (BC) из *veg*, *gesp.* *fir*, и *hen* образования, непосредственно восходящего к разновидностям с долгим гласным **vēn* и **fīn*, *gesp.* **vīn*.

Поскольку с ним отождествляются реально «племенные» названия *venid* или *venet*, соблазн усматривать в конечном *nd* (\leftarrow *nt*), при «полногласии» — *venet*, пережиток группы *nd* \leftarrow *nt*, эквивалента плавного *g*, отсекается противоядием позднейшего морфологического его разъяснения, ибо в *d* \leftarrow *t* имеем показатели множественности. С другой стороны, это объяснение намечается и проверкой доисторической архаичности двухэлементного названия, такого ли (BC) или иного (BD), для прибалтийских народов с финской системой речи, унаследовавших его от первоначального населения Европы с более древней системой речи, яфетической. Важно знать и то, что та же проблема стоит перед нами при разъяснении кельтского, именно бретонского *rep* («реш») 'голова', 'оконечность' ('острие'), 'конец' и его двойника, сохраненного французским в роли не только имени существительного «*fin*» 'конец' (с лат. *fini-s*) в нынешнем произношении *fē*, но и прилагат. «*fin*» 'острый', 'тонкий' [\leftarrow *'острие' || *'оконечность']. Возведение индо-

европейцами фр. «fin» к лат. finis 'конец' имеет только тот смысл, что у воспринявших его от тех же яфетидов в свою латинскую речь римлян слово оказывается омертвелым в усвоении в более древнем его состоянии, именно, когда долгота еще не была утрачена. Кстати, составную основу этого слова, рассматриваемую ими как корень, индоевропейцы старались возвести к глаголу fingo через архетип *fingms, предполагая 'цель', 'предел', 'конец' (любопытно само расположение этих слов, надстроочного на первом месте, во ['голова' ||] 'конец', 'предел', 'цель') возвести к семантическому архетипу 'твердо всажненное' (festgestecktes). Но этих бредней довольно. Нам по здравому делу надлежит в первую очередь устремить внимание на кельто-финские связи, особенно, когда дело имеем с приморскими финнами, да в слове 'голова', следовательно, первично и 'небо' (см. семантический пучок 'голова+гора+небо'), с чем на космической ступени стадияльного развития мышления и звуковой речи связывается использование того же слова в роли так называемого племенного названия со значением 'солнца', 'детей неба'. И эта увязка прибалтийских финнов с кельтами, в частности с приморскими же бретонцами Галлии, длившаяся и при смене хозяйства с собакой на хозяйство с лошадью, свидетельствуется и тем, что, как мы видели, в отличие от восточных финнов, у суоми, да и эстов с бретонцами, переход названия с 'собаки' на 'лошадь' совершен одним и тем же в основе лексическим материалом при почти тождественном оформлении.¹ К этому присоединяется факт, что по также увязанной линии морских побережий, оставаясь в пределах северной Европы, сродные по составу элементов «племенные» названия, пережиточно сохранившиеся, объединяют не только финнов (суоми и эстов) с индоевропейцами русскими (венами) восточной Европы, но и с кельтами (бретонцами), с языком переходной системы от яфетической к так называемой индоевропейской, и с так называемыми индоевропейцами (бельгийцами) западной Европы. Свод их дает термины геоэтнические с взаимоотношениями трех групп по огласовке, не только акающей Bal-t и экающей (e ↔ i) — Bel-gae, Bre-ton (Bre-son ~ Bre-hon, Bre'y'z ~ Bre-'y'h), но и окающей, с чем уже вторгаемся в пиренейско-романские (Pyrénées) страны и их население. Конечно, это не значит, что в настоящем обсуждении вопроса о маридах мы должны или призваны разяснить подобные отвлекающие в даль от темы материалы, но, успев убедиться в поддержке этой связи и подбором общих нарицательных слов соответственной ступени стадияльного развития, мы осознали, что нельзя ни в какой мере выносить какое-либо решение по какому бы то ни было племенному названию без учета этих территориально далеких связей одними средствами тесного круга данного «племенного» мирка, тем более, что дело идет изначально не о сложном уже скрещенном племенном образовании, а о производственно-социальной группе, об ее позднейшем перерождении в подвижное городское или военное сословие. В работе, озаглавленной «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике»² уже разъяснена, как мы писали в «Чувашах-яфетидах на

¹ См. выше, стр. 453 сл.

² Чебоксары, 1925 [см. здесь, стр. 310—322].

Волге»,¹ особая организующая роль горохов с доисторических времен и в связи с этим более легкая подвижность их строителей, их особый «племенной» состав, как класса-организатора, независимо от возглавления, были ли они торговое объединение или военная дружина. Этой первично производственно-социальной группе, впоследствии ее толемом окрещенному торгово-военному классу, и могут принадлежать общие нарицательные слова, общие у кельтов с финнами для таких понятий, как 'мир+земля', ибо одноэлементное бретонское *bro* 'страна' лишь специальное использование 'мира', гесп. 'неба', как финское (коми, удмуртск.) *mi* 'земли', собственно '(нижнее) небо', и на юге у кавказских яфетидов, мегрелов и чапов, в виде *mi* в составе скрепленного слова *m. mi+qut-1* со значением 'страна', причем *mo* ↔ *mi*, известный пережиток *mog* ↔ *mig*, у грузин же, как у бретонцев, при скоплении согласных в начале с подъемом губного, — *bro* ↔ *bru*, находим, исходя от палеонтологической филиации — 'небо' → 'круг', в непочатом воспроизведении — в брет. *bro* 'мир', в груз. *bru* — 'кружение', 'верчение (головы)', а с эканьем в брет. *be-d* ← *be-t* 'мир' || в груз. *bed* 'судьба', оба же последние слова также восходят к семантическому архетипу 'небо' и в полном виде, следовательно, с сохранением и плавного, дают основание восстанавливать соответственно скрепленные в качестве племенного названия бретонцев — *bro-zon* (← *bet-zon*, г.ср. **bet-ton*) → *breton*, как скреплены архетипы *ven'a* и *fin'a*, гесп. **vin'a* — **ver-en* ↔ **vir-en*.

Конечно, в дальнейшем перед нами стоит задача распределить по ступеням стадийного развития и эти два термина, одноэлементный брет. *bro* 'мир', финск. *mi* 'страна' (коми, удмуртск.), пережиток социальной группировки яфетической системы с губной огласовкой (мегр., чанск.), и двухэлементный *be-d* (→ *be-t*) 'мир' [специально бретонско-финский мир], *bro-zon* 'бретонец', *ven* (← **ver-en*) 'русский', *fin* (← **vir-in*) 'финн'.

Задача сводится к вопросу, не есть ли одноэлементное слово более, казалось бы, древнее образование, и не увязано ли по значению идеологически с более ранней ступенью стадийного развития, а двухэлементное слово, позднейшее образование, — с более поздней ступенью, социально отражающей творчество городского населения, сословия или класса?

Во всяком случае с занимающим нас термином *mer-ya* мы входим в круг тех же так называемых двухэлементных образований (BC). И по этому слову еще в «Чуваших-яфетидах на Волге» мы писали:² «...в пределах задач настоящего изложения мы остановимся на одном из них, на боевом термине «меря», занимающем первое место в перечне названий, «прямо указывающих [мол] на национальность [предполагается, финскую] этого населения, т. е. когда го-бывш. го сплошного инородческого населения края, Костромского края. Господствующее пока мировоззрение, повторяю, признает, что это финны, но расходится по вопросу, «кто была загадочная меря». Однако, если доисторические финны-вены вовсе не наши исторические финны (как и не наши исторические русские), то это же отношение остается применить к вопросу о том, «кто была загадочная меря». Мы,

¹ [См. здесь, стр. 366].

² Стр. 39—40 [см. здесь, стр. 348].

однако, оговоркой, именно: и к марийскому народу, к марийскому языку надо подходить не как к цельному массиву, надо подходить не как к сумме, слагающейся из физических районных отрезков с цельными местными диалектами, а как к социальной организации с различными классовыми или пережиточно-классовыми языками, классово отлившимися более или менее полно, но не вполне, в те или иные местные пределы в процессе смены господства одного социального слоя другим. Если мы не застаем у мариев ни феодалов, ни мощного торгового класса или буржуазии, то только потому, что господствующими великодержавными народами обездолена была марийская народность от ее родных господствующих классов и от ее истории. Остался язык, как основной первоисточник, для восстановления утраченной истории и возвращения ее к себе, язык, дошедший до нас на той ступени развития, когда части речи еще не были все выделены и морфология не завершила своего полного сложения.

В звуковом языке, как выяснено, позднее нарастают технически вспомогательные словечки со службой связи, выражающие формально как взаимоотношения слов-понятий, так их самостоятельные идеологические функции. Особо выделяется механизация техники, возникновение которой датируется временем перехода на механизованную сложную технику в производстве.

Указать различные производственно-социальные группировки, к которым восходят те или другие напластования в наличном марийском языке, не трудно и по содержанию слов, по палеонтологически устанавливаемым теперь значениям, по их филиации и по их прототипам. Можно по этой идеологической стороне звуковой речи иногда установить социальный слой, класс или сословие, которому принадлежит тот или иной словарный пласт как его творцу, если не вкладчику в марийскую речь. Легко определяется и наличие того или другого представителя четырех элементов, которые также клонят при известных координатах к соответствующему социальному источнику. Но как вскрыть последовательность напластования, как установить хронологию не только словарных отложений, но вообще различных ступеней стадияльного развития во всем объеме и полноте данного языка и его строя? Как уловить (не забудем и этой подробности) очередность вступления четырех различных элементов в данный, именно марийский язык, если вообще у них есть такая очередность.

Тут мы переходим к технике. Техника звуковой речи начинается с синтаксиса, главнейшей вообще части всякой звуковой речи. Синтаксис отягачается именно тем, что в нем идеология и техника неделимы, еще не расчлененно слиты, диффузны, не дифференцированы так же, как неделимо и не дифференцировано было еще общество без разделения труда и без социальной дифференциации в строе, собственно без осознания такого разделения труда и такой социальной дифференциации. Такое состояние можно усвоить звуковой речи лишь на самых начальных этапах ее развития. Полностью совершенно выдержанный диффузный характер синтаксиса присущ дозвуковой речи человечества, речи линейной или кинетической.

В марийском мы имеем первичную синтаксическую технику в составных, равно скрещенных словах, без всяких посторонних материальных признаков увязки, так, напр., 'глаз' шиц-фа, горн. сәп-зә.

У слова есть в марийском же другие фонетические разновидности, они, конечно, должны быть зарегистрированы все, но нас сейчас интересует объединение в одном слове двух однозначных слов шп- или сәп- п-фа или -зä без посторонней помощи.

Слово шп, гесп. сәп, также значило 'глаз', как фа или зä: из двух слов первое, шп или сәп, — элемент С, а второе, фа или зä, — элемент А в усеченной разновидности, полный его вид фал или зал. В значении 'глаза' элементом С (шп) своего скрещенного слова марийский роднится не только с удмуртским севером, но и с грузинским югом, где фп значит 'свет очей', 'зрение', шум. фп 'глаз', мегр. фп 'глаз' в составном термине, полностью же в роли предлога 'перед', буквально 'на глазах' — груз. ip, баск. fip в составном ау-фп 'перед', опять полностью, но в спирантной разновидности — сир. fip 'глаз' и другие семитические эквиваленты, в усечении баск. gi вместо gp, в составе также скрещенного слова be-gi 'глаз'.¹

И лишь второй частью, фа или зä, марийский роднится с финскими языками Прибалтики, представляя своим фа || зä в архетипе *fal || *zal акающую разновидность (значит, горную, западную) экающей пары sel ↔ sil в составе также скрещенного слова морд. sef-me (эрзя) 'глаз', суоми sil-me, эст. sil-m, равно в основе кельтского глагола, гесп. имени действия, 'видеть', 'зрение', восходящей также к 'глазу', так у бретонцев — «sell-et» || «sell-out» 'смотреть', «sell» 'зрение', 'взгляд', 'вид'.²

Впрочем, слово шп, гесп. шәп, существует в более близких ныне территориально к марийскому финских языках, равно в чувашском, с глубокими корнями, исключаяющими возможность говорить о случайном заносе слова с юга или запада на север и восток. Стоит для признания этого факта вспомнить установленное палеонтологией речи положение, что анатомические термины, как микрокосмические, представляют позднейшее применение космических, что 'глаз' первоначально означал 'светило', 'солнце', 'луна', а в порядке развития космической терминологии 'солнце' было наименовано по 'небу', как часть по целому. И вот сәп, даже скрещенное мар. шпфа || сәпзä в диффузном произношении сәпзә, чуваша сохранили в роли бога земледелия, собственно, как то выяснено теперь, это 'солнце', следовательно, первоначально и 'небо'.

Естественно, со значением 'неба', а впоследствии в линии культовой эволюции 'неба' в 'бога', и со значением 'бог' то же слово встречаем и у удмуртов, п у коми, однако в спирантизованной разновидности: так у удмуртов (вотиков) ip 'небо', ip-mar 'бог' [← 'небо']. Уже установлено, что раньше и сибилантичная разновидность sip без всякой спирантизации означала 'небо', и отсюда русское прилагательное «синий».³

Также без всякой материальной увязки образованы составные слова, находящиеся во взаимоотношениях определения и определяемого; техника лишь син-

¹ N. Marr, Origine japhétique de la langue basque, стр. 238.

² Н. Марр, Бретонская наименовательная речь в увязке языков Афреазии, стр. 27.

³ Н. Марр, Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба', ДАН, 1924, стр. 30; его же, Иштарь, ЯС, т. V, стр. 132 [см. ИР, т. III, стр. 321].

таксическая, осуществляемая расположением слов: сначала определение, за ним непосредственно определяемое, так, напр., шиџ-vüd || горн. sənpa-vəd 'слеза', букв. 'глаза вода'.

Иначе обстоит дело в kegetet, resp. kegeteџ, также составном слове. Помимо того, что в термине три элемента: А — ke, В — te, С — џ, элемент ke снабжен конечным гласным. Обычно говорится, что это полногласие, но на самом деле полногласие имеет идеологическое обоснование: лишний гласный здесь пережиток одного из слов службы связи. Этот технически функционирующий гласный, смотря по социальной группе, заменяется гласным, и «а», и «о»; так на Кавказе эквивалент приволжского kegeteџ у армян звучит kaġaret, у сванов без всякой посторонней увязки ġeġ-te-џ, равно ġeġ-be-џ 'бог', я уже не говорю о двух-элементном еще его составе в греческом также без всякой посторонней увязки — ġeġ-me ('Ερμῆς) 'Гермес'.

Мы хорошо подошли даже наличными в печати материалами к социальным группам с аканием (свистящей) и с оканием (шипящей), но как быть с эканием, присущим таким важным по первичности словам, как общее у соседей название мариев — ġegetis и тотемная их святыня — kegetet? Считать ли черемисов с кереметом действительно чуждым мариям или впоследствии отпавшим от одной общей жизни с мариями социальным слоем, оставшимся за междой познейшей этнографической марийской страны, где пока мы наблюдаем по звуковой речи пережитки главным образом акающей (свистящей) и окающей (шипящей) социальных групп? Или еще тот господствовавший некогда черемисский слой был у себя же в родной краевой среде давно смещен другим и деградировался в эксплуатируемый слой населения, как известные грекам своим богатством и золотом колхи (как теперь выяснилось, кавказские скифы) позднее в исторической Грузии оказались сословием хлеборобов-крестьян с тем же названием (gleq). В этом смысле исключительный интерес представляет марийский пережиточный термин шемеġ 'крестьянин', также не только с эканием, но по составу элементов тождественный с черемисом, да с основной частью керемета. Созвучие с шеме ↔ пше 'черный' не случайно, но это находится в связи с тем палеонтологически разъясненным явлением, что kegetet означает и 'злого духа', и 'духа хранителя'.

Ведь марийский язык абсолютно не первобытен, а представляет многократно скрещенное образование звуковой речи, что, следовательно, свидетельствует о большой исторической жизни.

Достаточно сослаться на такие факты, как то, что для понятия 'год' марийский располагает тремя словами: 1) iу или i, 2) idalyk, 3) taluk.

Дела не меняет, что i-dalyk скрещенное слово из iу → i 'год' и dalyk, собственно taluk, также 'год', как мне указывали, что есть также igod или ikot 'год', слово, скрещенное будто с русским словом «год». А кто это доказал, что русское слово «год» создано русскими или славянами? Это ведь наследие общее от яфетидов, в частности скифов. Оставим «год».

Taluk → dalyk возводят к турецкому. А как оно возникает в турецком? Разве турецкое происхождение этого турецкого слова разъяснено? Мы его знаем

у яфетидов в живой речи, да письменной (арм. tar-^o/₁), мы его знаем из надписей ванской клинописи IX в. до н. э. (халд. māl-), а, главное, мы знаем его происхождение, палеонтологически устанавливаемое как означавшее раньше у яфетидов 'солнце'. Таково же происхождение «г» 'год', полнее гу, полностью и, позднейшего перебойного эквивалента окающей разновидности, двойник которого по окающей группе аг 'год' (так у удмуртов), но мы ожидали бы его и у горных мариев, вообще западных, да в значении не 'года', а первично 'неба', 'солнца'. Мы его и находим не только на Кавказе еще у ванских халдов в клинописи, где Ag-din 'бог солнца', буквально 'дитя (din) неба', но и у вас, у мариев, в племенном названии уаг-ап, также 'солнце', букв. 'дитя' или 'дети неба'. Этот уаг- 'солнце', по утрате начального спиранта — аг- с его двойником шипящей группы при укании — иг- нами был уже сопоставлен и формально оправдан в названиях двух городов, одного теперь русского Ag-zamas, другого еще с пережитками марийского языка — Ur-juш. Здесь выяснилось, что 'солнце' использовано в значении 'полуденного', 'южного', как ре или be (морд. ve) 'ночь', в названии города Перми, первично Виагма, оказалось со значением 'полунощной' или 'северной Армы', или Армаза,¹ в противоположность 'южной Армы' или Saг-mas, Samas — Арзамаса и Уржума.

Вопрос идет, конечно, не о мариях или черемисах, saгməs'ax, как мы теперь то себе представляем, а о том социально-производственном слое марийского народа древних эпох, который, нося название ɟeɟemis'ov, со своим keɟemet'ом причастен к строительству более центральных городов Руси, чем Арзамас.

В самом деле, когда с keɟemet ~ ɟeɟemis наметился ряд слов (их целый слой) окающего оформления, в том числе и племенные названия, с которыми увязываются и по материалу и по огласовке соответственные или сродные кельтские термины, в частности присущие бретонскому, то не можем не допустить наличия и на Западе окающих разновидностей рядом с окающими, да факты с избытком выявляют их. Ну, хотя бы слово krom ↔ krum («kromш», «krumш») 'свод' [← 'небо'], прил. 'согбенный', 'согнутый', 'крючко' (о носе). От первичного его значения 'неба' происходит использование его в значении 'круга' или 'ограды' в культовом термине «kromšlech», 'круг', герср. 'ограда камней', 'священное место'. Термин krom ← *korm нас уже занимал и при разъяснении ирландского слова 'бог' и сродных с ним по семантическому его ближайшему архетипу 'небу' слов.² Здесь в бретонском вскрывшаяся разновидность не снабжена придатком -de → -ə, как в ирландском и чанском («goinh-de», ɟoɟmo-ə), и основа двухэлементная имеет при экации двойник keɟ+e-me в основе также возвращенного придаточным t культового термина keɟeme-ə, в сванском ɟeɟeme-ə / ɟeɟbe-ə 'бог', следовательно, 'небо'. Раз keɟeme, герср. *keɟme, в полной форме *keɟmel, должно было означать 'небо', 'покров', 'защита', равно по небу — 'круг', а также в связи с семантическим пучком 'гора+голова+небо' через 'гору' и 'скалу', 'камень', то достаточно первого ряда значений, чтобы за 'небом', 'покровом' или 'защитой',

¹ Н. Марр, Напутствие к Сборнику аспирантов ГАИМК, т. I, Л., 1929, стр. 9.

² Н. Марр, In tempore ulutorum, ДАН, 1928, стр. 325; его же, Отчет о третьей лингвистической поездке за границу, ИАН, 1928, стр. 540.

признать в числе его значений, как установлено палеонтологией речи, 'жилище', 'дворец', 'крепость', т. е. в *kerme1 с перестановкой губного г к началу *kreme1 признагь архетип русского слова «кремль». С аканьем его разновидность марийский кагмап 'крепость', очевидно, вклад горного марийского языка. Однако об этом термине и с ним связанных словах из круга названий 'камня' впоследствии.

Сейчас выводы в трех пунктах:

1. Марийский язык имеет возможность найти свое определенное место в мировой глоттогонии (языкотворчестве) при систематическом изучении его диалектиско-материалистическим методом нового учения об языке, яфетической теории.

2. При наличном положении дела, когда яфетидологов мало, а соответственно квалифицированных специалистов по марийскому еще меньше, то единственный путь целесообразнейшей работы — экспедиции с выдвиженцами-аспирантами из мариев, усвоившими основы яфетической теории.

3. Экспедиция должны быть так обставлены в смысле их систематичности и довершения подготовки аспирантов и выдвижения их смены, чтобы сам марийский народ в лице своих вышколенных работников оказался преуспевающим выдвиженцем по самообследованию в части нашей специальности, которая, изучая язык комплексно в связи с историей материальной культуры и форм социальной структуры, требует внесения в задачи экспедиции по мере накопления местных рабочих сил и археологических, и этнологических исследований.

В интересах же культурного строительства: а) поставить разработку литературного языка в отношении и лексики и техники (морфологии и синтаксиса) с использованием одинаково всех разновидностей марийского языка, как равноценных его представительниц на различных ступенях развития, а не с подходом к тому или иному наречью, как обычно мнится, как основному, при взгляде на другие диалекты, как искажения, свойственные отсталым районам; б) подготовить лингвистической работой, регистрацией и палеонтологическим анализом разъяснение пережиточных в народе верований, чтобы антирелигиозная пропаганда в Маробласти была актуальна и действительно содействовала тому культурному подъему, который требуется для социалистического строительства.

Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык¹

(К удмуртской экспедиции Научно-исследовательского Института народов Советского Востока)

Несколько примеров из связей удмуртского с далекими от него и по географическому расположению и по системе языками, да и эти примеры приведу по связи с той или иной стадией истории материальной культуры, с учетом не только производства и производственных отношений, т. е. форм социальной структуры, но и соответственного мышления или мировоззрения, что прежде всего и дает возможность проследить стадиальные смены самих основ словотворчества, исключая простейший эволюционный путь развития.

ОРУДИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПРЕДМЕТЫ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ В СВЯЗИ СО СМЕНАМИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

На первом примере выявляется неразрывная связь удмуртов и грузин, у каждого по одному из первичных слоев их социально-экономического образования.

1. Веретено. По ремеслу, в свою очередь упирающемуся в общественность скотоводческого образа жизни, именно по ткацкому делу, 'веретено' по палеонтологии речи, восходит к образу 'круга'; таковым является 'небо' или 'солнце', последнее с уменьшительной частицей буквально 'небеснок', окончание *z* — уменьшительная частица, пережиток слова 'дитя', а *ʒer* — 'небо', как и *ster* || *inter* в составе баскского слова *ge-inter-a* 'точильное колесо', восходят в один круг с груз. *ter* 'потолок', букв. 'небо', resp. (**ter* → *tre* (↔ арм. *ir*) 'круг', это все также дериваты 'неба'. По теме опубликовано много,² и я ограничусь указанием на то, что в грузинском в числе окончаний уменьшительных или ласкательных имеем *-i-a*, с разъясненной уже историей, причем окончание *-i-a* в грузинский язык внесено из мегрельского и чанского, языков шипящей группы, где оно явно имело значение 'дитя', почему его находим в родовых названиях, ныне фамилиях — *Dad-i-a*, *Meunarg-i-a* и др., равно у грузинского теперь населения гурийской области, раньше состоявшего из мегрелов — *ʒodg-i-a* и др., да само название области *Gug-i-a*,³ что некогда было космическим тотемом, на соответственной сталии своей основой *gug* означавшим 'небо' → 'солнце', а в оформлении с *i-a* — 'солнышко'. Это же окончание находим у вас, удмуртов, в родовых названиях. Окончание в языках яфетической системы собственно *-a* (← *-an*), а предшествующий ему гласный — местоименная частица со службой

¹ [Вторая часть доклада, прочитанного в Глазове на публичном заседании Краеведческого кружка летом 1931 г. Первая часть перепечатана в ИР, т. I, стр. 273—289. Доклад полностью был напечатан в 1931 г. в вып. I «Ученых записок Научно-исследовательского Института народов Советского Востока при ЦИК СССР», Москва—Ленинград.]

² Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, Ученые Записки Института народов Востока, т. I, стр. 24, 58 [см. здесь, стр. 239, 261], и в других работах.

Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 56 сл

связи «и» или его двойник «и»; потому в клинописных текстах ванских халдов Меп-и+а, имя халдского царя, как в мегрельском — Stur-и+а (фамилия), затем в грузинском окончание, как это видно и без палеонтологического анализа, служит для образования уменьшительной или ласкательной формы, вообще названия всякого предмета. активного ли производителя, как рабочая сила производственного коллектива, человека или приобщенного к коллективу из круга обслуживающих зверей, именно одомашненных, геср. ручных животных, так орудия производства, самого процесса производства и используемых в нем так называемых производительных сил природы из мира растительного и минерального, некогда также тотемов, так личные имена Каџ-и+а 'Кадия' (от груз. каџ 'человек'), Биџ-и+а 'Бичия' (от би-џ 'мальчик', 'отрок'), От-и+а 'Отия' (от о+т, специфическое тотемное значение которого подлежит выбору: могло бы сигнализировать и тотем-собаку), мегр. Гер-и+а 'Герия', в переводе, казалось бы, 'Волков' или 'Волчонок' (от мегр. гер-и 'волк'), но при палеонтологическом закономерном значении гер-и '*собака' — 'собачка', 'малая собака', т. е. 'лиса', 'лисица',¹ 'Лисицын', герой мегрельской сказки, и нарицательные — груз. шел-и+а и груз. шел-а 'лис-и+ца', палеонтологически буквально — 'собачка', 'малая собака'.

Соответственно, при разном оформлении (удм. -s и груз. -и+а) уменьшительного слова, термины удм. џег-s 'веретено' (коми џыг-s) и груз. џег-и+а 'веретено' имеют тождественную основу.

Однако данное разъяснение пригодно лишь для стадии технологического подхода к словотворчеству, т. е. для самой поздней стадии. Но можно ли успокаиваться на том, что одно из основных орудий пряжи и вообще ткацкого дела, древнейшее в хозяйственном инвентаре человечества, именно 'веретено', разъясняется технологически лишь по формальной связи с 'небом', когда пряжа и ткань играют весьма заметную роль в фольклоре, и когда мифически героини выступают ткачихами или с признаками ткацкого производства, когда даже в сказках не обходится дело без веретена? Роль пряжи в мифах вовсе не ограничивается греческим сказанием об обращении лидийской девицы Арахны богиней Афиной в паука. В этом мифе, рассказанном Овидием в его *Метаморфозах*, важно, однако, то, что обращенная в паука девица-мастерица по ткацкому делу была лидийка, т. е. из социально-экономического образования догреческого происхождения с языком яфетической системы. Потому-то ее имя, оно же греческое название 'паука', легко поддается толкованию как составное из тех же двух элементов (АС) слово, что равнозначный термин у комиев — џег-ап, у удмуртов с обратным расположением тех же элементов (СА) — џеп-аг-и || удм. џеп-аг-и в противоположность комийскому, и если даже не говорить об удмуртском синониме с перестановкой элементов (по мнению финноведов, того меньше — лишь согласных г и п), комийское название 'паука' џег-ап || џег-ап / џог-ап с основой џег-, общей у него с 'веретеном' — џег-s, покрывает полностью груз. џег-и+а (← џег-и+ап), также 'веретено'. А это значит, что перед нами языковая иллю-

См. Н. Марр, Из двухэлементных абхазских слов [см. здесь, стр. 385—386], и в других работах

страция первобытного мышления с орудием ('веретено') производителя ('паука'), и правильно подсказал мне т. Калантар, что паук у армян в «народной» речи так и называется *gorġ-aġar*, т. е. 'производитель (ткач)'.¹

Однако название 'веретена' из той же «народной» армянской речи нас как будто возвращает к представлению о 'круге', 'колесе', 'волюте', 'винте' (ср. *taġrak*). То же самое сулит своим общепринятым толкованием *ḡar-ġ* 'круг', 'оселок', и лишь «поэтически» у персов и 'небо'² (груз. *zeḡa* 'верхнее небо'); однако *ḡar-ġ* — не столь сложное образование, двухэлементный (АС) комизит, как *ḡer-en*, и его двойник *ḡar-a* в восточном грузинском налицо со значением 'веретено' отнюдь не без социальной фонетической поддержки в языках яфетической системы, чтобы считать его заимствованием из персидского, как то казалось раньше. Конечно, в грузинском элемент А *ḡar-* (← *taġ-*) в данном случае мог быть представлен ближе к архаической стадии с диффузным в начале звуком (\bar{h}), по разложению (→ *sh*) в подъеме дающем группу *tk*, в целом *tkal*,³ как в свою очередь *ḡer* в составе ком. *ḡer-an* 'паук' и в составе удм. *ḡer-s* 'веретено' лишь огласовкой представляет третью группу, спирвантную (экающую), ибо девственно непочатая закономерная ее разновидность должна бы звучать **yer*, а при охвате и второй части — **yer-hén* (✓ **yer-ken*), т. е. разновидности всех трех социальных групп по совокупности должны бы представить следующую формулу в отношении первой части (следовательно, элемента А): *ḡar* (← *tkar*, resp. *tkal*) || **ḡor* (✓ *ḡar*) ← *tkur* ~ *yer* (вм. *ḡer*).

И формула эта имеет полную фактическую поддержку в языковых материалах даже в части свистящей группы с ее более по схеме закономерно звучащим *tkal* или *tkar*. Отсутствие *tkar*, resp. *tkal*, в значении 'веретена' (← 'круга') возмещается тем, что *tkar* в составе груз. *tkar-o* (← **tkar-on*) значит 'источник', 'родник' и одноэлементно *tkal* — 'вода', 'река' и т. п., т. е. дело обстоит в грузинском по семантическому развитию обсуждаемого элемента совершенно так же, как с его социально корреспондирующими эквивалентами в мегрельском, где одноэлементно мегр. *tku* (← *tkur* 'вода') значит 'колодезь', двухэлементно *tkur-gil* (← *tkur-gin*)⁴ 'родник', при восприятии же 'воды' как стихии мы попадаем при космическом мировоззрении в 'небо', 'море' или 'подземный мир', как то разъясняется в цитованной выше работе, где речь о пережившем от яфетической стадии у семитов в библейском еврейском *šēḡol* 'преисподнее небо' — груз. *que-ḡa* или 'небо'¹ ('верхнее небо' груз. *ze-ḡa*), т. е. 'небо солнечное' (→ 'солнце'),

¹ О множественности слов, означающих 'паук' см. Ачарян, *Nauceren gawarakan badagan*, Тифлис, 1913, и С. Амадуни, *Naucōḡ var i van*, Вагаршапат, 1914, s. v. *gorġarar*. Богатство армянского материала также льет воду на мельницу яфетической теории, вскрывшей палеонтологически анализом то, что при всем разнообразии не только формальном, но и коренном (когда элементы различны), налицо тождество идеологического построения, меняющегося лишь со сменой стадии. Голый факт не ускользнул и от такого формалиста, как Ачарян (ук. соч., s. v. *tatik*), сделавшего еще более дерзновенный для индоевропеиста шаг: он привлек совершенно правильно остояцк. *nyshbar-imī* 'ткачиха-мать', разумеется, без призрака осознания генезиса и социальной закономерности явления.

² О *ḡar-ġ* и его разновидностях в значении 'точильного круга' см. выше (стр. 467) об испанском названии 'оселка' со ссылкой на литературу.

³ См. Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 26.

⁴ А вовсе не *tku-gil* 'вода-холодная' или 'холодный колодезь', см. Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 43.

отсюда и 'круг', как то явствует из безукоризненной закономерной разновидности так называемой шипящей группы с выдержанной в обеих частях губной огласовкой — $\dot{k}ur-u$ ($\leftarrow *ikur-un$) со значением 'веретена' (\leftarrow 'круга'), что налицо опять-таки в мегр. $\dot{k}ur+u$ -ш (сен. наречие ~ самурз. $\dot{k}ur+i$ -ш) 'кольцо из камня, надеваемое на нижний конец веретена' (ფეტი), т. е. в роли 'веретена' здесь выступают явно $\dot{k}ur+u$ ~ $\dot{k}ur-i$, оно же космически 'небо' (\rightarrow 'солнце'), следовательно, и 'круг', а придаток -ш (\leftrightarrow -ше), тождественный по созвучию с окончанием родительного падежа, палеонтологически на стадии родового строя означая 'дети', сигнализирует 'частицу' веретена, 'кончик', следовательно, и 'головку' низа. И, действительно, та же самая часть 'веретена' у грузин называется в «народной» речи $kur+is$ -ფაუ+ი 'кончик (\leftarrow головка) веретена'. Самостоятельно kur со значением 'веретена' так же не сохранилось, как у мегрелов $\dot{k}ur$. Более того, как мне подсказывают В. Беридзе и И. Карбелашвили, $kur+is$ -ფაუ+ი одновременно в живой речи означает 'чашечку колена (изгиба)', буквально 'голову (ფაუ-ი) колена ($kur+is$)', т. е. то, что обычно грузины называют также в живой речи miq +is-ფაუ-ი, буквально 'голова колена'. И то, что 'веретено' и 'колено' называются одним и тем же словом kur , при обозначении 'колена' синонимом термина miq , не является чем-то неожиданным, ибо в микрокосмической терминологии, словотворчестве позднейшей стадии, использование космических представлений в различных разрезах установлено палеонтологически как неизбежное положение, но сейчас нас отвело бы разъяснение этой отнюдь не случайной встречи 'веретена' с 'коленом' или 'изгибом в ноге' в сторону от нашей конкретной темы об орудии ткацкого дела необходимостью входить в анализ грузинских анатомических названий, тему для целой диссертации.¹ Ограничусь сейчас лишь указанием на то, что груз. miq , двухэлементное (ВА) образование в архетипе $*miq-qal$, есть разновидность полнее сохранившаяся семитического трехсогласного (brk) корня, разновидность, разумеется, арабского утраченного $*bar-k^{un}$ 'колено' (евр. $begek$, brk), откуда и арабский глагол $baraqa$ 'согнуть колена, лег на землю', 'стал на колени', причем грузинский сохранил четырехсогласие того же двухэлементного образования в ближайше сродном с 'коленом', как с частью ноги, $bar-kal$ 'бедро', эквивалент которого, опять-таки трехсогласный ($vrk \leftrightarrow mrg \nearrow brk$) в арабском, звуча $var-k^{un}$, значит 'бедро'.

Что касается kur - в значении 'веретена', то это и в том случае, если подходить технологически, вместе с его двойником $kver$, восходя к семантическому архетипу 'круга' — 'небу', является общим по круглоте для обозначения и 'веретена' и 'лица' (груз. $kver$ -ფე) и 'лепешки' (груз. $kver$) и т. п.

¹ Кстати, не мешает указать, если бы кто взялся за разработку такой темы, теоретически чрезвычайно важной, но несколько не менее актуальной в Грузии для правильной установки ведущейся уже в ней громадной работы над терминологическим словарем, что имеется особый труд по анатомическим терминам одного из древнейших представителей языков яфетической системы, именно баскского, на испанском языке под заглавием *Olabideytar Ertainan S. I. Gizañoa, Tolosa, 1917* (*Olabideytar Ertainan Giza-შოიანი*) 'Человеческое тело'. Нужно ли прибавлять, что яфетидологическая проработка названной темы на конкретном материале грузинского и баскского языков имела бы значение и общее для языков всех систем и специальное для языков так называемой финской системы, в частности удмуртского?

Однако, если пока оставить в стороне 'яйцо', то печенья и ткацкое орудие ('веретено' → 'паук'), как предметы производственного культа, получавшие свое наименование впервые еще на стадиях тотемической общности, соответственного мышления и словотворчества, до технологического восприятия прошли еще стадию родовой общности матриархального и патриархального строя. И в этом смысле приподнимает завесу над сокровенной (т. е. основательно погребенной) частью истории материальной культуры другое, грузинское же, именно древнелитературное название 'паука', общее у армянских и грузинских феодалов, своей социальной огласовкой выявляющее раздвоение между первой и второй частью, где аканье свистящей группы (sar- → zar-, ср. груз. *ikar*) сходится со смелой губной огласовкой (o ↔ u) небной (i), как в мегрельском — *din* (~ *dun* \ арм. *dən*) → г. *dil* \ *dl*, обнаруживая, в противоположность «народному» *dar-a* (← **dar-an*) 'веретено' в начальном согласном и во второй части сибилантный вид (d : *din* вместо спирантного *g* \ *γ* → *χ* : -an). Это грузинское название 'паука' *zar-dl* ← *zar-dil* (← *sar-din*), двойня армянского *sar-din* (✓ *sar-din* ~ **sar-dun*), обычно имеет в начале еще придаток *deda* 'мать' — *deda zard'i'l* 'мать паук', что увязывается по вскрываемой терминной форме социальной структуры, матриархальной, с мифом о лидийской девице — Агаупе.

Кстати, когда при мужском роде русского слова «паук» в греческом слово, означающее тот же предмет (агаупе), женского рода, на что и формалист мог бы обратить внимание, то этот факт сам по себе более решающего значения, чем какие-либо звуковые или формальные различия, что в таких случаях греческий более близок к грузинскому языку «индоевропейской» расы, чем к «индоевропейскому» русскому, на котором даже точный перевод груз. *deda zardil* 'мать паук' представляется противоестественным словосочетанием, ибо у русских оформление названия этого предмета более поздней, именно патриархальной эпохи общественного строя.

Армянский в названии 'паутины' *zard-ostayn*, буквально 'ткань паука', описательно, как бы лишь фигурально, сохранил связь с ткацким делом, на деле самое слово *o-stay-n* 'ткань' имеет то образование тотемической стадии, каким сложены названия 'паука' и 'паутины'.¹

В связи с поступлением в словарь по ткацкому делу социальных терминов 'матери', 'девицы', перенесенных в животный мир на насекомое ('паук') с естественной его пряжей и тканьем в виде 'паутины', мы вступили явно на более древнюю стадию развития производства и производственных отношений, а с ними и словотворчества, отражающего родовую форму общественного строя, казалось бы, изначальную.

В той же линии социологического подхода к восприятию предметов и к созданию их наименований есть всякое основание утверждать, что третье грузинское название 'паука' и 'паутины', народное, диалектическое, именно гурийское, имерское и т. п. — *o-bo-ka*, продукт общности со строем на крови, родовым или патриархальной формы или еще той эпохи, когда в терминах родства

¹ См. выше, стр. 472—473.

элемент В означал все еще 'мать' ('женщину', 'девицу')¹. Во всяком случае усеченно bob, полнее boba, с выдержанной однородностью огласовки шипящей группы bobo² значит 'отец', как мегрело-чанская разновидность грузинского baba \ шата, или 'мать', если счесть его однозначным с удм. шашә (✓ шшо).

У грузин в том же социальном слое рядом с названием 'паутины', включающим в себе удвоенное образование bob ✓ boba — o-bo+ba, o-bo+bi, равно o-bo+b (также в уменьшительной форме o-bo+b-1+a), с тем же словом в разновидности bo-bog, также составное название самого 'паука' — bo+bor-1+ka, как Ivan-1+ka 'Иванушка', мегр. bog+bol-1+a, а также шог+шоб-1+a (по записи рукописного словаря Хвитши) и т. п.

В этих двух композитах мы имеем две лишь формальные разновидности одного слова, приспособленные каждая к моносемантизму, обозначению одного предмета, при полисемантизме же означавшие 'паука', производителя, и 'паутину', продукцию: для обозначения 'паутины' используется удвоенное образование без всякого дополнительного оформления, даже с утратой исходного плавного в обеих частях — bo-bi (~ *bo-bug ↔ bo-bog), bo-b, bo-ba (в составе o-bo+bi, o-bo+b, o-bo+ba), реже уменьшительная форма на -1+a (o-bo+b-1+a); для обозначения же 'паука' более древняя, сохранившаяся с исходным плавным bo-bog в уменьшительной форме на -1+ka — bo+bor-1+ka. У грузин в имерском говоре имеем это же слово bo+bor-1+ka с разпобойной огласовкой, в первых частях грузинской (сви-стящей группы), в последней — мегрельской (шипящей), и с придатком -da (← -dan), мегрело-чанского же соответствия грузинскому de (← den 'сын', 'мальчик') в роли уменьшительной частицы — a-bla+bu-da (← *ag-bal-bug-dan), первично и 'паук' и 'паутина', ныне понимается в значении 'паутины', но в описательном выражении ablabuda-s qseli 'ткань «аблабуды»', т. е. 'паука'.

Такое же использование, но уже элемента А с удвоением его в разновидностях сибилантной (ta^г, ср. ikag-, zag-) и спирантной (qag), да в уменьшительной форме на -ak употребляется у армян в «народном» (казахском и других говорах) термине ta+qag-ak (← tag+qag-ak) 'веретено'. Название самой ткани у армян ostav-n представляет образование тоже тотемического порядка, как грузинское наименование 'паутины' o-bo+b-1a, ибо начальное o- — общее с ним, а конечное -n, пережиток -па, общее с термином груз. o-bo+bi-па, русск. ра-и+ti-па, а основа stay (✓ star), увязанная с 'небом Иштарью', resp. 'солнцем-женщиной', в то же время представляет общую основу с г. sta+v-s 'прядет'.

С теми же функциями элемент В, без удвоения ра (в роли детерминатива), и элемент А, переживший лишь одной огласовкой -и в значении специфика

¹ Ср. груз. be+b-1+a 'бабушка' (груз. be-beg 'старый', но и 'старая') и be+be-g-a 'паук', равно курдск. fig-1+k 'бабушка' и 'паук', а также fig-bevi ['бабушка', букв. 'старая женщина', по личному сообщению И. А. Орбели]. rig ha+vi-k 'старая баба' в смысле 'бабы яги', 'ведьма' и 'паука', при этом особый интерес представляет для вопроса об институте 'матерей-девственников' часть курдского термина, означающая 'женщину', ибо это слово самостоятельно he-vi ~ he-vi значит 'наложница', 'гаремная женщина', а курдянки его употребляют в обращениях друг к другу в смысле 'дорогая подруга', 'милая моя', ha-vi 'жены одного и того же мужа в отношении друг к другу' (И. А. Орбели).

² Полный вид bog-bol (см. ниже мегрельское название 'паука'), откуда самостоятельно груз. bobol вообще 'насекомое'.

в уменьшительной форме на -k (-u+k), и дали в русском термин производителя — ра+u-k (✓ *ра-ш+k) спирантного социального оформления при не сохранившемся самостоятельно эквиваленте сибилантного звучания — ра+u+ti (✓ *ра-ш+ti),¹ наличном, однако, в составе названия продукции — русск. ра+u+ti-па, где -па сигнализирует или социальный момент, поскольку па означало 'мать' ('женщину', 'девицу'), или технологическую сторону 'пряжи', 'тканья', как рукоделья, поскольку па значило 'руку'. И такому же толкованию подлежит па:

а) когда у грузин в «народной» речи Гурии от obovi 'паутина', первоначально одновременно 'паук', имеется с тем же значением производное obo+vi-па, первоначально 'мать (-па) паук', а тогда, следовательно, и русск. ра+u-ti-па 'мать (-па) паук (ра+u-ti)';

б) когда у греков в мифе 'Αράχνη (← *ar-qa-ne) появляется и в значении 'девицы', буквально 'матери (-па) человека' [ar+qa[n] \↘ арм. ar-an в основе мн. числа ar-an-՞ слова arn 'муж' (→ 'человек')].

Но поскольку в начальных приставках ar- \↘ a- || oġ- \↘ o- ↔ ug- \↘ u-, равно ра-, мы имеем детерминативы общего как бы нарицательного значения, для указания следующего за ним специфического тотема, уже космического, как если бы разобранные названия 'паука', производителя, и 'паутины', продукции, в ткацком деле — орудия производства, с выделившимся впоследствии производителем-лицом (субъектом) и продукцией-материалом (объектом), мы имели бы перед собой в клинописном изображении так — у догреков AR^d qa[n]+ne-u и 'ткачиха-мастерица' и 'паук' (→ греч. 'Αράχνη), мегр. TĶUR^d u[n] ~ i[n], км. ΘER^d i+a[n], груз. O^dbovi и т. п., русск. РА^du+k 'паук' || РА^du+ti-, причем следующие за детерминативами слова qaⁿ \↘ an || un ~ in || hep → ep,² bo+vi || bo+va, u+k [← ug+k ~ ug-ti → u+ti] из социальных выявляются также космическими, в конечном счете означавшими 'небо' (→ 'солнце'), но в этот раз связь с 'небом' объясняется не по форме 'круга', а по магической связи с космическим тотемом, представляющим соответственное восприятие данного коллектива с его производством, как бы надстройку этой материальной базы.³

2. Огонь. Факт, что по основному составу фонда удмуртская речь в оформлении представляет создание той части производственно-социальной группировки, которая выделяла свое лицо в звучании, так называемой фонетике, губной огласовкой, т. е. гласным или «о», или «и». Потому слово, обозначавшее один из предметов древнейшего инвентаря материальной культуры всего человечества, именно 'огонь', в удмуртском звучало su-. Вам, удмуртам, это неизвестно, ибо сейчас вы в значении 'огня' употребляете təl, но палеонтология речи вскрыла, что рядом с təl, означавшим и 'огонь', и 'воду' (почему, между прочим, təl 'вода', 'река' появляется вторым членом в составе скрещенного двухэлементного обра-

¹ ug+ti (→ ug+ti) см. в основе французского глагола «our+di-r» 'плести' ('рогожу', 'корзину' [являясь не фигурально, а первично] → 'набирать основу'). Связь же, усматриваемая индоевропейцами с 'начинать', лат. ordior, ordire, или совершенно иного порядка (случайна, формальна), или первенство принадлежит 'тканью'.

² Отсюда hep и 'ткать'.

³ На таком тотемическом мировоззрении разъясняется и созвучие, отнюдь не случайное, русск. «о+сед-оки» 'точильный камень' с «селом» 'деревней'.

зования, хорошо известного за средние века названия реки Волги — *ə-təl* 'Итил' и т. п.), у удмуртов в значении 'огня' существовало слово *su-*.

Я сейчас не буду останавливаться на том, что 'огонь' и 'вода', две противоположности, на известной ступени стадийного развития на всех языках назывались одним словом; почему это было так, разъяснено.¹ Не останавлиюсь и на том, что *su-*, означавшее 'огонь', также означало 'воду', как то уже установлено фактически, не только у турок, но и на Кавказе у грузин и в Африке у берберов, сохранявших от *su* в значении 'воды' производный глагол 'пить'.² Не буду останавливаться на том, что у ваших северных соседей, коми, слово, кажущееся совершенно чуждым в значении 'огня', именно *bi* — лишь фонетическая разновидность слова *vi* 'вода', общего у коми с удмуртами. Хотя в значении 'огня' *bi* отнюдь не коми́йская отсебятина: если вспомнить опять-таки «яфетический» клинописный район, армянский с Ваном,³ то именно *bi* 'огонь' находим мы у ваяских халдов в клинописной скрещенной основе *a+bi-du* глагола *a+bi-du-bi* 'я сжег', причем конечное *-bi* это переживший у удмуртов в спряжении в виде суффикса *-m*, а самостоятельно полное *mi* со значением 'мы', как того требует палеонтология речи, а основа первичная *a+bi* представляет скрещение двух элементов (AB) с усеченными «а» (\sphericalangle *al*) и *bi* (\sphericalangle *bir*) уже знакомых нам слов со значением 'огня', 'солнца'; более того, то же слово *bi* (\sphericalangle *bir*), но с губной огласовкой, как *vi*, притом с сохранением и плавного — *bir* было налицо у древних феодалов Армении в значении 'огня', что теперь пережило лишь в названии церковной утвари 'кадила' — *bir-vaḡ* ('сосуд для горения огня', как гласит и его грузинский перевод (народный) *sa-ḡe-ḡḡig*⁴ 'кадило', буквально 'орудие || вместилще для огня'). Если бы в аудитории присутствовал хоть один яфетидолог-осетинонец, он не преминул бы протестовать в душе, может быть и крикнуть — почему я молчу о роскошных давних овского языка по тому же элементу B с только что сопоставленными мною понятиями 'солнце', 'огонь', 'гореть' и т. д. На этот недоуменный вопрос я и отвечаю на своем месте.

Однако я сейчас останавливаюсь лишь на том, что *su*, как и *təl*, стянутая разновидность *tol* \leftrightarrow *tul*, оформлены губной огласовкой, как и *vi*. И когда *təl* значит 'огонь' не только у удмуртов, но и у мариев или черемисов, которых основной фонд речи оформляется гласным «а», то это не простой факт заимство-

¹ См. Н. Марр, Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревозии, ИГАИМК, т. VI, вып. I, стр. 25 сл.

² Н. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, СГАИМК, т. II, стр. 374.

³ Несколько подробнее об элементе *bi* \rightarrow *ḡi* в значении 'огня' (\leftarrow 'солнца'), да еще за пределами Армении и Грузии, см. Н. Марр, Из Пиренейской Гурни, стр. 62.

⁴ Решительно надо отказаться от мысли, что в вародном диалектическом (так в Гурни) слове *sa-ḡe-ḡḡig* имеем изношенный вид *sa-ḡe-ḡḡi-ig*. Собственно, и в груз. *ḡe-ḡḡi* 'огонь' налицо, с определенным *ḡe* \leftarrow (\leftarrow *e* \rightarrow) *ze* 'верх', 'верхний', стянутый вид *ḡḡi* полной основы *ḡḡa*, при полисемантизме означавшей материально и 'огонь', и 'воду', также как ныне 'вода' (см. *kuḡ-ḡḡa* 'слеза', буквально 'глаза вода'), космически — 'небо', при 'небел' — 'солнце' \sim 'огонь'. И вот двойник этого *ḡḡa* 'огонь' по шипящей группе *ḡḡig*, доселе сохранившийся у чанов в названии 'огня' *da-ḡḡig* (\sim мегр. *da-ḡḡig-i*), также в сочетании с уточняющим придатком *da-* (\leftarrow **ḡa-* \sphericalangle *ja-* || груз. *ze*) и имеем в отложении у грузин диалектически не только в основе названия 'кадила' *ḡḡig*, естественно с подменной снисящей разновидностью аффриката *ḡ* ям. шипящей — *ḡ*, но и самостоятельно с сохранением одного спирантного сочлена *ḡ* диффузной группы *ḡḡ* в *ḡig* (\sphericalangle арм. *bir* 'огонь'), основе глагола *ḡa-a-ḡig* а 'разогрел', 'раскалил'.

вания, а свидетельство того социального явления, что определенный слой марийской речи, а не только слово *təl* 'огонь', есть вклад особой производственно-социальной группировки (мы бы теперь сказали класса), который и принес в черемисскую общественность упомянутый термин, название предмета первой необходимости на древнейшей стадии развития материальной культуры. Что же касается моего утверждения о существовании у удмуртов *su* некогда со значением 'огня', то оно покоится на палеонтологически установленном положении, что глагол 'сжигать' происходит от слова 'огонь', а каждому удмурту хорошо известен глагол *su+t-əпэ*, означающий 'сжечь', и производный от уже переходной глагольной основы *su+t* возвратный глагол *su+t-şk-əпэ* 'обжечься'. Сюда же относится удм. *su* 'сажа', а на Кавказе с подъемом *s* / *t* — *t*u: 1) груз. древнелит. *t*u-a (нар. *t*v-a) 'жер', 2) груз. *t*u-*q*il (← **t*u-*q*in) 'печаль' (от 'сжечь'), арм. *t*u-*q* 'дым' (ср. арм. *su-g* 'печаль' ↔ перс. *s*ō-g *id.*, *so-*q*-ten* 'жечь') и т. п., причем следует вспомнить о приводимом из поговорки в академическом издании осетинского словаря В. Ф. Миллера овс. *su-da* 'загорит', 'обожжется', хотя бы для того, чтобы раскрыть, какой соблазн признать его иранским, раз его разновидность имеется в персидском, тогда как стратификация исключает его присвоение этому искусственно замыкаемому миру и хронологически, и топографически, а прежде всего стадильно. Оставаясь в пределах Кавказа, даже в пределах одного полистадиального грузинского языка, мы наблюдаем, как архетип, вышедший из диффузного *šug* в виде звонкого *z*š[u] [r] и глухого *s*š[u] / *š*š[u], сохранили грузины в составной основе *š*e-*š*š[u] разобранного уже нами производного с префиксом *sa-* термина культового обихода грузинской о *sa-š*e-*š*š[u] 'кадила' и в скрещенном (АС) тотемном термине *z*š[u]-a (древнелит., а нар. *z*šw-a или *z*š-[u]-v-a с гласнораздельным *v*) 'море', т. е. налицо все время две противоположности в одном: из одного полисемантического слова, космически 'неба', получены два, именно 'небо¹' (верхнее), 'солнце', 'небо²' ('преисподнее', 'море'), материально 'огонь' и 'вода'. Тут, если возникает какое-нибудь сомнение, то лишь касательно еще одной армянской разновидности, именно, когда двойник армянского *t*u-*q* 'дым', означающий 'черный', 'темный', появляется у армян в виде *š*u-*q*, и может быть поставлен вопрос, значит ли это слово 'смуглый', 'обгорелый' и восходит к 'солнцу', или это просто 'черный', 'темный' и связано с 'мраком', 'ночью', 'преисподнею'? Вопрос может быть доследован по народному культу *š*u^q *ma*пик'a 'черного отрока', представляющего собою различные предметы, некогда куст, дерево, обвешиваемое тряпьем и другими памятками. Но и сказанным отнюдь не исчерпывается использование той же разновидности с губной огласовкой в грузинском, притом особый для выявления архаичности его появления у грузин интерес представляет самостоятельное без всякого уточняющего придатка *t*u^r со значением 'неба', resp. 'воды' в основе глагола *t*u^r-a 'исчерпал воду', и 'неба' в составе *t*u-*i*-*ma* → древнелит. *t*w^{ma}, нар. *t*vⁱ-*ma*, диал. *t*u-*ma* 'дождь', буквально 'неба (*t*u) вода (*ma*)', термин, как известно, построенный так же, как его синонимы на всех языках. Это находит по существу изобразительное подтверждение и в клинописном начертании слова 'дождь' 𐎠𐎺𐎠 , буквально 'вода (шум. а ← ā) неба' (идеогр. 𐎠 'небо' → детерм. 'бог', resp. 'тотем'). Говорим

мы о подтверждении лишь по существу, так как, во-первых, конкретное чтение идеограммы $\rightarrow \text{†}$, обычно используемой как детерминатив, зависело от социальной лингвистической среды, в которой пользовались данным знаком: оно могло быть не только ап (элемент С), как обычно читают, или аг (элемент А), как то теперь выясняется для такого языкового района, как Армения (и здесь, впрочем, надо оговориться, — в известном социальном слое), но и иная разновидность того или другого элемента (С, А) или иной элемент (В, D); во-вторых, определение 'небо' стоит в клинописи на втором месте ('вода неба'), как в древнелитературных языках шумерском, мидийском (второй категории ахеменидских клинообразных надписей), армянском и также грузинском, тогда как в народном (и у грузин и у армян) определение всегда на первом месте, и так составлен грузинский термин 'дождь' — $\text{t'u}^{\text{h}}\text{t}^{\text{h}}\text{-ma}$ (древнелит. $\text{t}^{\text{h}}\text{ma}$, нар. $\text{t}^{\text{h}}\text{-i+ma}$, диал. $\text{t}^{\text{h}}\text{-ma}$) 'неба вода'. Так же обстоит дело у армян со словом 'дождь' — $\text{an+}^{\text{h}}\text{d}^{\text{h}}\text{e-w}$, где, как теперь выясняется, 'вода' -w, герср. $-\text{v} \leftrightarrow -\text{m}$, усеченный вид $\text{vo} \leftrightarrow \text{vi}$, т. е. равнозначного соответствия по шипящей группе грузинскому ma , полный вид которого mal (ср. удм. val , стр. 482), в стянутом виде ml , налицо в составе древнелит. груз. $\text{d}^{\text{h}}\text{e-m}^{\text{h}}$ 'слеза', буквально 'глаза ($\text{d}^{\text{h}}\text{e}$) вода (mal)'. Однако $\text{d}^{\text{h}}\text{e}$ 'глаз' — наследие от эпох полисемантизма при микрокосмическом использовании космического 'солнца', в целом 'неба' ('верхнего'), и потому $\text{d}^{\text{h}}\text{e}$ лишь фонетическая разновидность груз. $\text{t}^{\text{h}}\text{e}$ 'круг' ('небо'), причем названные разновидности представляют крайние звенья трехступенной формулы полного озвончения $\text{t}^{\text{h}}\text{e} \rightarrow \text{d}^{\text{h}}\text{e} \rightarrow \text{d}^{\text{h}}\text{e}$. Недостающее среднее звено $\text{d}^{\text{h}}\text{e}$ и сохранено у армян в космическом значении 'неба' в термине $\text{an+}^{\text{h}}\text{d}^{\text{h}}\text{e-w}$ 'дождь', буквально 'неба вода', где, однако, $\text{d}^{\text{h}}\text{e}$ стоит не одиноко, а в предшествовании ап 'небо' или со значением 'верха' ($\text{an+}^{\text{h}}\text{d}^{\text{h}}\text{e}$ — 'верхнее небо', т. е. 'небо' = наше 'небо') или в роли детерминатива космического тела $\text{d}^{\text{h}}\text{e}$ 'небо', как предмета культа.

Вообще удмурты в использовании su в значении 'огня' вовсе не изолированы и по отношению к европейскому Западу на соответственной стадии развития материальной культуры, ибо социально-производственное образование со словом su 'вода' употребляло его в значении 'огня', и потому у басков, говорящих на языке яфетической системы, до сих пор 'огонь', именно 'огонь', называется su , герср. su . Мало того, тот же термин su , на этапе более архаического состояния этого баскского языка яфетической системы, застрял (собственно, пережил как окаменелость) в соседящем кельтском языке Франции, бретонском, в процессе трансформации из яфетической системы в так называемую индоевропейскую.¹

3. Соль. Здесь мы наблюдаем обратное явление, именно целый слой слов с аканием, присущим марийскому, в удмуртском языке, по основному фонду своей речи окающему или укающему в ее оформлении. И в числе слов этого слоя одно, обозначающее также существенный предмет хозяйственного обихода, представляет особый интерес по скрещению в нем и окающей, и акающей разновидности: это 'соль', тождественная с комийским $\text{sol} \sim \text{sow}$, не потому, что или коми

¹ Н. Марр, Бретонская наименовательная речь в узязке языков Афреазии, стр. 26.

заимствовали у русских, или русские заимствовали у коми. 'Соль' и не одними русскими и коми, вообще финнами, унаследована от той также весьма древней стадии развития материальной культуры, когда все языки переживали состояние еще яфетической системы: тогда значения слов устанавливались по функции, возлагавшейся производством на данный предмет. Со словом 'соль' сейчас мы связываем представление о 'соленом', 'едком', как приправе пищи, и мы готовы его происхождение искать в связи со словами, означающими 'острый', 'кислый', или со средой, откуда добывается 'соль', как то: соляные копи, море, но все это обывательские догадки, которыми грешил и я. Ими упорно и систематически может орудовать лишь такое формальное учение, как изжитая индоевропеистика. Функция же, возлагавшаяся общественностью той древней стадии развития материальной культуры на 'соль', была сохранять пищевой продукт от 'гниения', 'делать вялым', т. е. функция, для которой использовывалось раньше исключительно 'солнце' с его теплом, жаром, и 'соль' получила свое название от 'солнца'. Таким образом, 'соль', как 'огонь', своей функцией 'жарить', 'греть' и т. п. заменившая 'солнце', как это для наших обычных представлений ни странно, одинаково носят название, означавшее раньше 'солнце'. Естественно, что 'огонь' и 'соль' могут совпасть именно потому, что первоначально они оба одинаково означали один и тот же предмет — 'солнце'. Вот теперь позвольте назвать то родное вам, удмуртам, скрещенное слово, которое означает 'соль': это *sl-ai*, первый член *sl* (← **səl*), закономерное видоизменение окающей разновидности *sol*, как то полагается в удмуртском, а *-ai* с аканием, можно бы думать, марийский вклад (и, действительно, у мариев или черемисов мы находим близкие к *ai* по оформлению разновидности также в скрещенных образованиях *san-za*, равно *šn-šal*, именно — *za* [← *sal*] / *šal*), но все-таки удмуртская разновидность не может быть принята за вклад или заимствование из марийского *-za*, *-šal*. Она находит свои двойники на юге, в Средиземноморьи — у греков *yal* (ἄλ-ς) 'соль' и в кавказском яфетическом мире, у переходных по формации древних армян, у которых 'соль' звучала именно *al* (ныне *ağ*), а у соседящих с армянами грузин *al* означало 'пламя' (← 'огонь'), вам теперь должно быть понятно почему. Это *al* 'огонь', названный так по 'солнцу', почему *al*, resp. с сохранением начального спиранта *yal*, значит именно 'солнце' в составе сложного народного слова (диалектически в Гурии) *yal-on* (произносят: *yal-on*), равно *al-i-on* 'заря', 'утренняя заря', буквально 'восход (on) солнца (*yal* || *hal* → *al*)'.

И опять-таки ни о каком заимствовании мариями у армян, хотя бы у греков, или армянами или греками у мариев, ни о какой миграции финнов, в частности мариев, с Кавказа не может быть речи, да это касается не национальных массивов, не его наличных социальных частей, а молекулярных слоев, производственных образований малого охвата. Слово, так много занявшее нас, не одиноко с аканием, их имеется целый слой, все той же определенной производственно-социальной группировки.

Архетип *al* в значении 'солнца', вклад той же группы, успел дать у тех же удмуртов дериват безукоризненный с точки зрения палеонтологически вскрытой семантической закономерности: 'глаз' с утратой *l* в составе скрещенного *a-đ*,

где и второй член скрещения \check{d} , пережиток элемента С, в значении 'глаза' — $\check{d}in$ ($\check{\searrow} zin$) ← удм. sin 'глаз', отсюда же, т. е. от микрокосмического использования светила ('солнца', герср. 'луны') и 'перед', отдельно элемент С — груз. $\check{t}in$ 'перед', скрещенно — удмуртское а-з 'перед' и т. п. Полный вид последнего с подъемом $s \nearrow \check{d}$ — $*al-\check{d}in$ при падении $l \searrow u$ дается баскским, где $au-\check{d}in$ 'перед'.¹ Остается ли первая часть а-, пережиток al , без какой-либо поддержки в том смысле, что она значила 'глаз'? Нет, ибо опять на Западе, уже африканском, у берберов, у которых 'земля' оказалась общим словом с финнами, но в более архаичной форме,² и с которыми в то же время много общего не только у басков, с языком яфетической системы, но и у бретонцев, с кельтским языком так называемой индоевропейской системы, — так у берберов в единственном числе 'глаз' звучит $\check{t}i-t$,³ но во множ. числе с суффиксом $-en$ — $al-en$, т. е. 'глаз' $al-$, то, что у грузин 'пламя', по 'солнцу', да и 'солнце' в составе названия 'утренней зари' — $yal-on$ || $al+on$ (см. стр. 477), тот al (в архетипе $*hal$), разновидность которого по шипящей группе (значит, с губной огласовкой) hug у армян сигнализирует 'огонь', что с подъемом $h \nearrow q$ — qig в основе соответственного грузинского глагола,⁴ а у басков по известной уже разъясненной прогивоположности 'воду' — $hug \rightarrow ug \searrow u$,⁵ и, наконец, это тот же al , в архетипе hal , разновидность которого по экающей группе сибилантного порядка sel , а спирантного $hel \rightarrow el$. И вот sel , как уже разъяснено палеонтологически, в основе кельтского глагола «sell» 'видеть' микрокосмически значит 'глаз', с каким смыслом он и находится в скрещенной основе морд. $sel-me \leftrightarrow suomi \check{s}il-me$ 'глаз', следовательно, космически опять-таки 'солнце' (\rightarrow 'светило') ← 'небо' \rightarrow 'верх'. Потому тот же sel в основе чанского глагола $o-sel-u$ 'подниматься' (специально для культовой потребности ныне, разумеется, исламской религии). Потому же el , plur tant. $el-q$, и 'восход', и 'выход' (первично в обоих случаях 'солнца') у армян, у которых и в основе глагола $el-an-el$ 'восходить', 'выходить', аор. el (народн. всегда с сохранением длительного спиранта h в виде его звонкого взрывного двойника слабого согласного, герср. полугласного «у» — $uel-q$, $uel-n-el$, $uel-aw$), усеченный его вид e -предлог со значением 'верха', в глаголах — 'воз-' (по противоположности — 'под-', самостоятельно предлог 'низ', 'небо'³ = лат. sub , ср. «под-» в русском «под-нимать») в глаголах чанского и также мегрельского языка, где это вклад социально-экономической формации с языком спирантно-экающего порядка. Между тем в лучшем представителе той же формации на Кавказе, именно в сванском, следов такого звукового оформления как будто не находим; на самом деле оно налицо в виде il в составе сугубо скрещенного слова $De+\check{d}-il$, названия части Латпарского перевала, 'подножия', 'плоскогорья' (← 'небо', ср. $de\check{d}i-l\check{a}rtk \leftrightarrow$

¹ О других разновидностях, в том числе и о двойнике шипящей группы $\check{d}in$ 'свет (очей)' в грузинском, см. Н. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, изд. Восточного института, стр. 39 [см. здесь, стр. 417], его же, Первая выдвинутая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариив, стр. 33 [см. здесь, стр. 463].

² Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jos , стр. 377.

³ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 1, 46—47 [см. здесь, стр. 224].

⁴ См. выше, стр. 474, прим.

⁵ Н. Марр, Первая выдвинутая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариив, стр. 17 [см. здесь, стр. 450].

deđe-lärtik 'радуга', букв. 'пояс неба'), где de+đ (← de+đa), разновидность груз. ze-đa 'небо', буквально 'верхнее небо', а остаток не уменьшительная частица -i, как обычно воспринималось, а самостоятельное имя (ei ↔) i 'небо'. Во всяком случае это i с ролью не менее важного ночного светила 'луны', 'месяца' налицо у басков в названиях месяцев, и с таким значением то же слово в полном виде сибилантного порядка у греков в скрещенном из АС термине Sel-en-ē, а спирантная разновидность в имени эпической героини Илиады — Hel-en-e.

С обсужденными словами и явлениями имеется целый ряд тем принципиального общего теоретического и специального для удмуртской речи значения, но мы да не собьемся со взятой линии, именно той, что такие предметы первобытного хозяйства, как 'огонь', как 'соль', по палеонтологии речи восходящие своим названием вслед за функцией к 'солнцу', в удмуртском выражаются элементом А в социальном оформлении то основном для удмуртского — губным гласным — su, s[ə]! и sol, то дополнительно и с аканием -al в sl-al, и это акание, казалось бы, разъясняющееся соседством с мариями, их влиянием, оказалось имеющим более тесные связи и формально, и идеологически с народами за тридевять земель.

К УЧЕТУ ВРЕМЕНИ В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРОЙ

1. День и термины социального строя. На той ступени стадийного развития человечества, когда первобытное хозяйство знало уже 'огонь' и 'соль', самими же производственными тех отдаленнейших эпох нареченные по 'солнцу', не могли обходиться без учета времени, названия 'дня'. Как они называли 'день', и как по-удмуртски называется 'день'? Я должен предупредить, что по палеонтологии речи установлено, что 'день' назывался по 'солнцу', при полисемантизме первобытной речи 'солнце' и 'день' назывались одним и тем же словом; так нет ли, например, того же al в значении 'дня'? Есть, товарищи, но опять-таки в скрещенном, родном для вас, удмуртов, слове pip-al. А что же значит остающаяся часть? Яфетидолог, не смотрящий ни с удмуртской семейной колокольни, с глазовской, с ижевской, ни с римской, древней повелительницы Рима, средневековой папской, ни с новоримской, подлинной доселе мистической греко-византийской, и ее дальнейших суррогатных колоколен на Востоке, ни даже с подлинных европейских научно-великодержавных кафедр Сорбонны в Париже и т. д., и т. д. без малейшей претензии говорить ex cathedra, вещать с горных мест самых высших кафедр русской речи, так — яфетидолог, которым может стать любой малыш-пионер из ваших же детей, любой комсомолец, любой педвузовец, любой массовый потребитель знания, овладевавший правилами вычитания, если будет соответственное руководство, вам скажет, что остающаяся часть скрещенного слова pip-al, именно pip, также значит 'день'. И что же, только вычитание? Да, только вычитание, с такими, однако, языковыми фактами для тех, кто не упорствует в слепоте вольной (в силу пережиточного общественного мировоззрения) или невольной (по элементарному незнанию фактов), как то, что коми только это pip- и сохранил потому в значении 'дня' в своем lup (~ wup).

2. К увязке 'дня' с его общественностью в элементе D. В *niŋ* (*luŋ*) имеем *ni* (*lu*), элемент D, в удвоении *ni-u[ɥ]* со значением 'солнца', при первоначальном полисемантизме и 'неба', но у вас теперь оно означает в звучании 'женщину'. Этого не знаете? Так яфетидолог вам разъяснит, что уже *kəš-po* 'жена' (*kəš* из **koš* / мегр., чалск. *koš* 'человек') значит 'человек', в общем 'человек-женщина' ('девушка') = 'жена'. В удмуртском *kəš-po niŋt* 'женщина'; в этом длинном слове, сложенном для отличия 'женщины' от 'жены', *niŋt* лишний придаток: *kəš-po* само по себе значит 'женщина', а вовсе не только 'жена', если не руководствоваться тем значением, которое не слову по себе присуще, а коллектив в охвате мышления производства своей эпохи внес в него в удовлетворение общественных потребностей; построено же *kəš-po*, как русское «мужчина», «женщина», где «-щина», означает 'человек', а «муж-» и «жен-» вы сами знаете, что значат; а что касается 'жена', 'женщина', 'девушка', — в «первобытной» речи таких тонких различий не было, потому-то полный вид слова *poŋ* ($\leftrightarrow niŋ \leftarrow poŋ \leftrightarrow niŋt$), кстати вовсе не простого происхождения, у вас же, удмуртов, в виде *poŋ* значит 'девицу'. В первобытной речи, ничего общего не имеющей с выдуманым индоевропейским праязыком, было больше «чудес», в первоначатках речи ничего праязычного не было, в них не было ничего вообще по части языка, особенно звукового языка, потому не в ней, а на бесконечно более поздних этапах созидания человеческими коллективами своей звуковой речи, как документально разъяснено переживаниями в языках яфетической системы, стали различать внове (впервые) сосгавлявшимися терминами 'мать', 'жену', 'женщину', 'дочь', 'девушку', 'сестру', а как? Исходя из понятия о матери-самке? Нет, — матери-хозяйке, без учета ее физиологических данных. Хуже того: потому-то лишь позже стали называть звуковым словом лиц мужского пола, а когда потребность не естественная, а социально-экономическая возникла называть 'отца' как смену главы хозяйства, а вовсе не 'самца', и построен был лишь впоследствии соответственный ряд социальных терминов 'муж' ('супруг'), 'человек', 'сын', 'брат', исходя из названия 'матери-хозяйки', то, естественно, на первых этапах не различались 'брат' и 'сестра', 'отец' и 'мать', и палеонтология вскрывает, что две противоположности — 'мужчина' и 'женщина', о ужас, носят одно и то же название. Далее, только-что при разъяснении 'огня' вы слышали, что 'огонь' и 'вода' (также две противоположности) назывались одним словом, однако в действительности дело не в 'огне' и 'воде', их противоположность в осознании человека отраженная, микрокосмическая, семейно-хозяйственная, ибо, поскольку 'огонь' был назван по 'солнцу' (\leftarrow 'небу'), — дело в противоположности 'солнца' 'воде' (\leftarrow 'небу'), не как веществу-материи, физическому явлению, а как стихии-материи, явно производственно-общественному выявлению природы в осознании коллектива эпохи.

Звуковая речь возникла на стадии уже космического мировоззрения, потому, когда в яфетидологии установлен хорошо известный семантический пучок 'рука+женщина+вода', то надо не только это фактическое положение дела знать, но надо иметь историческое, диалектико-историческое понимание этого факта, результата нарастания у одного слова различных значений, возникших на раз-

личных ступенях стадияльного развития... чего? языка? Да нет! Язык ведь надстройка. В языке развитие отражает развитие материальной культуры, т. е. производства и производственных отношений. Следовательно, эти три понятия, называвшиеся одним словом, — результат нарастания общественных функций одного слова на трех различных стадиях производства и производственных отношений. Эти понятия — отраженный итог перерастания и вrastания одних социальных явлений в другие, ибо семантический пучок

‘рука+женщина+вода’,

стадияльно расположенный с точки зрения не какого-либо механического процесса натурально воспринимаемых сходящихся в быту предметов или натуралистической оценки каждого из них в отдельности, а с точки зрения общественного осознания предметов в их производственной значимости, с приближением от магического к материалистическому, примет вид —

‘вода+женщина+рука’,

где, однако, слова надо воспринять в их значимости не как отвлеченные от материальной жизни самоценности, каждое, мол, со своим имманентным (т. е. присущим слову по неизвестно кем созданной природе) значением, а как звуковые символы, физиологически лишь звуковые раздражители, воспринимаемые соответственным аппаратом больших полушарий, с общественной функцией сигнализировать то и сигнализировать так, чего требовала производственная потребность с ее техникой и как по ней складывалась форма социальной структуры с ее мировоззрением, да с техникой ее мышления. Тогда в ‘воде’ вы имеете стихию космического мировоззрения (древнейшая стадия, выработанная еще до звуковой речи, завершение тотемизма), в ‘женщине’ — форму социальной структуры, именно матриархат (стадия первых этапов развития звуковой речи) и в ‘руке’ (уже не в символе, а орудии) — технологическое восприятие (самая поздняя, самая близкая к нам при всей древности стадия).

Но это не все. Каждое значение имеет свою историю, полученную из борьбы двух противоположностей, конечно, материальной базы, в процессе диалектического развития. Мы не останавливаемся дольше, время уходит, но это вам не «арифметика», притом *плохая* «арифметика» простоты формального учения, это весьма сложная высокая математика, даром ее не получить: пустыми руками не овладеть идеологическим, именно диалектико-материалистическим и историческо-материалистическим учением об языке, когда хотите освоиться с ним до глубин, до корней. Но разве массовый потребитель, наш действительно массовый потребитель, рабочий, крестьянин, требует сейчас, чтобы он владел высшей математикой, теорией вероятности так, как он владеет станком, у которого он работает, орудием своего производства? Но наша, лингвистов, задача, чтобы основные «арифметические» действия, более того — общедоступные элементы «математики» по новому учению об языке стали достоянием масс. А чья это

задача? Не тех ли, которые со рвением, достойным лучшего применения, нагромождают небыллицу на небыллицу, чтобы дискредитировать яфетиологию, чтобы обесславить ее предполагаемого творца, чтобы умалить ее значение суррогатным построением quasi-марксистской материалистической лингвистики из здоровых, мол, остатков отжилого учения индоевропейцев, не смекнув доселе или по не зависящим от знания мотивам не желая смекать, что новое учение об языке, давно зачавшееся в процессе развития современной нашей общественности, уже родилось, родилось из старого (не рождено старым, а роилось из старого в борьбе с ним), и новая теория не может ничего общего с ним иметь, поскольку яфетическая теория, родившаяся в борьбе с пережитками схоластики и преодолевая их, учит по-новому, и с ее рождением нечего возвращаться новой смене идеологически к отходящей на покой «родительнице».

Но вернемся теперь к нашим «баранам», к слову $ni \leftrightarrow no$, элементу D, в полном виде с тем же носовым представителем плавного (r, resp. l) $ni \leftrightarrow no$ (— по $ni \leftrightarrow no$ — $ni \leftrightarrow no$): разновидность $ni-l \leftrightarrow no-l \leftrightarrow ni-l$ представляет не полный вид простого элемента D ($ni \sim lu \parallel ni$), а его удвоение без дифференциации — $ni-n[u]$ и с дифференциацией $ni-l[o]$, как то мы обычно находим также без дифференциации или дифференцированно во многих словах из творчества примитивных эпох (в том числе и в так называемых терминах родства), пережиточно у армян $bar-bar$ 'говор', 'наречие', 'язык',¹ у грузин $ma-ma$ 'отец' и $de-da$ 'мать', у русских «дя-дя» ($da-da$) и т. д. Это удвоение в самом удмуртском означает без дифференциации в первом члене скрещенного образования $ni+n-al$ 'день', с дифференциацией — $ni-l$ 'девица', $ni-l-$ 'рука', ибо основа глагола 'носить' по палеонтологии речи происходит от имени 'рука', и вот $ni-l$ имеем в удм. $ni-l-on$ 'ноша', 'бремя', $ni-l-əne$ 'носить', усеченно $ni \leftrightarrow no$ значат 'женщина', как только что мы видели в удм. $keš-no$ 'жена', удм. $keš-no miŋt$ 'женщина' (стр. 480), ni опять-таки 'рука' в основе глагола $ni-e$ 'несет'. А 'вода'? Ее мы имеем в ряде топонимических терминов, именно в названиях рек костромских — $No+do-ga$, $Nu-kpa$ и др., ограничимся для огласовки «е» — pe в названии всем хорошо известной реки «Нева» ($ne-va$): и ne , resp. pe , как и скрестившийся с ним va , одинаково значит 'вода', resp. 'река' и т. п. Не могу не напомнить, в связи с вкладом акающей группы в удмуртский язык, полного вида val 'лошадь' не только по культово-мифологической спаянности 'коня' с 'водой' ('рекой', 'морем') и его противоположностью — 'солнцем', откуда 'свет' val , у суоми в $val-o$ 'свет', у мариев в $val-gyde$ 'свет', но и по хорошо вам известному с тем же пониманием названию реки $Val-a$ (в архетипе $val-ga \leftarrow val-gan$), притока (через Кылмез и Каму) тетки Волги.

Но покончим с элементом D:

а) С значением 'воды' в форме $ni \sim lu$ налицо то же слово в живой речи сванов — $li-ŋ \parallel ni-ŋ$, в форме же no у мегрелов в названии речки $No-ŋel-a$ в Сенакском уезде и $no-ŋo$ 'рукав реки', 'ветвь' (может быть, и от значения

¹ Н. Марр, Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений [см. ИР, т. III, стр. 181].

‘руки’), во всяком случае название села Нога в Гурии, равно в Мегрелии, не связано уже с ‘водой’, каково, разумеется, значение акающей основы мегрельского глагола $na+q-u+a$ ‘стирать’.

б) Легендарная просветительница Грузии Нина, по-грузински давно *Nino*, носила в армянской передаче имя *Nine*-у, по преданию означавшее ‘женщину’, ‘девицу’, ибо сюда врезывается своей историей и пошла ‘монахиня’, собственно ‘девица’, ‘дева’, как наглядно можно видеть по армянскому термину *kuys* (древнелит. *koys*), означающему и ‘девицу’ и ‘монахиню’, притом ни слово *kuys* не позднейшее приобретение армянской, именно феодальной армянской речи (древнелитературного языка Армении), ни с ‘монахиней’ в данной постановке вопроса не стоим мы в кругу лишь христианских представлений о монашенках даже в Армении; более того — именно в Армении и Грузии, да в Иране, равно в семитическом мире мы стоим с этим сюжетом на почве яфетической системы не только речи, но, понятно, и общественности, и мышления. В отношении языка арм. *kuys* ($\surd *kor-so[n]$) — двухэлементное образование, эквивалент акающей разновидности древнелит. *keu-s'o*¹ (нар. *kes* \leftrightarrow *kis*), означающей у армян ‘половину’ (собственно ‘вторую часть’, ‘два’ от архетипа ‘рука’), у грузин-феодалов в лучшей сохранности *ker-do* оно же означало не только ‘половину’, но и, как теперь, ‘сторону’, именно в связи с первобытным мышлением. Потому-то *kuys* ‘дева’, ‘девица’, следовательно, и ‘женщина’, означает также и ‘сторону’, первично, следовательно, ‘руку’, по палеонтологически установленному семантическому пучку ‘рука+женщина+вода’ (космически и ‘солнце’). С этим опять-таки все в линии языковых интересов, взрывая замкнутость кавказского мира, вступаем в так называемый финский мир, как то можно видеть из следующего: во-первых, в отношении армянского в работе наших «Суоми-карельские и сомех-картские языки»¹ до тождества разъяснена связь карельской разновидности *kerdu*, что поговору села Сумениско, слова *суоми*, да и карельского *kerta* \rightarrow *kerda* ‘раз’, ‘-жды’, восходящего к ‘руке’, с груз. *kerdo* ‘сторона’, ‘половина’ и арм. *keus* (\rightarrow *kes* \leftrightarrow *kis*) ‘половина’, восходящими к той же ‘руке’; во-вторых, *kuys* ‘девица’ [‘женщина’ \rightarrow ‘самка’] налицо в ослаблении закономерном, именно т. *kaz* ‘девушка’, и рядом у чувашей *хёг*, что нас выводит далее в Средиземноморье в языковой связи и с ‘рукой’ (греч. *χέρ* женск. р.), и ‘женщиной’ (*χήρ* ‘старуха’), а в линии связей непосредственно по социальной структуре арм. *koys* ‘монахиня+девица’ ведет к архаичной организации — досемейной (до рода с преемством крови), к институту «матерей-девственниц» общественного назначения, пережившему в феодальной Армении и Грузии.

ЕВНУХ И ИНСТИТУТ «ДЕВСТВЕННИЦ-МАТЕРЕЙ»

С кругом представлений об этой социальной структуре, предшествовавшей кровному родству, на Кавказе и у семитов связаны такие термины, как груз. *sa-tur-is* ‘евнух’, особо же богато у армян в древнелит. *per-qin-^o/₁* ‘евнух’, *perqin-*

¹ ДАН, 1929, стр. 31 [см. здесь, стр. 390—391].

parēt 'глава евнухов', kurt 'евнух', mardapet 'евнух', он же именуется 'отец (haur) женщин во дворце', евр. sāguis → sāris 'евнух'. Семитологи легко решают вопрос и об этом семитическом слове, вопрос того порядка, про который, по случаю арабского термина ḥanīf, исламовед Буль (Buhl) совершенно правильно признается, что с первичного его значения существующими приемами исследования завесы не совлечь, или, как выражается он сам:¹ «историческая эволюция соответственной тенденции (dans cette tendance) покрыта такой завесой (d'un voile), какая не может быть снята средствами, которыми мы располагаем». Однако Буль имеет в виду прагматическую «историческую эволюцию», тогда как дело касается не эволюции в понимании той или иной общественности, как какой-то неизвестно откуда возникающей тенденции, а революции, диалектического процесса с коренными сменами противоположностей, с рядом социально-экономических сдвигов в основе, которые есть возможность проследить в переживаниях позднейших эпох. Между тем семитологи подходят к вопросу формально с технологическим восприятием явления: источник его они видят в самом акте оскотления мужчины. Они же потому считают позднейшим делом использование sāris'a как социального термина в смысле звания персидских должностных лиц, тем более, мол, что это показание извлекается из позднеегипетского «словоупотребления» и, естественно, в их представлении евнух — придворный чин, корнями уходящий в структуру двора,² и только. Им, конечно, неизвестно, что семитическое sāris неразрывно связано с яфетическим эквивалентом saḡuis, и из их общих частей конечная (груз. -is, евр. -is) требует особого обсуждения, начальная же, груз. sa ← sal | евр. sāg, представляет групповой двойник излишка в груз. sa-tur-is. Этот излишек tur лишь звуковое оформление шипящей группы в противоположность sal'у свистящей группы, архетипу, грузинским в нашем термине сохраненному с усечением — sa-:

а) Начальная часть, груз. sa- ← sal, resp. sag || евр. sāg (← *sa-wr ← шог ↔ шиг), означает 'женщину'. И это выявляют наглядными примерами бытующие на Кавказе и вне Кавказа в живых языках яфетической системы слова с архетипом sal 'девица' ~ 'мать' → 'жена' → 'женщина'. Значение 'жепщина' подтверждается разновидностями, сохранившимися в клинописных текстах мертвого шумерского языка от четырехтысячелетней давности дохристианской эры, что семитологам должно быть хорошо известно, это sal ~ gal. У грузин в свою очередь

¹ Encyclopédie de l'Islam под словом haurif, стр. 275.

² В действительности же все групповые, тем более индивидуальные проявления первобытного мышления и форм первобытной общественности — дело позднейших стадий, как антропоморфизация (в христианстве бого-человек, источник неразрешенных противоречий об ипостасях и их взаимоотношениях и вероисповедных споров внутри церкви). Все эти споры на более широкой материальной базе с охватом низовых масс и перестройки ими социально-экономической формации феодальных эпох разрешились в мировоззрении, теоретической части религии, ее философии, двумя противоположающимися построениями — христианским триединством и мусульманским единобожием. В быту же индивидуальные проявления архаичных черт общественности представляются лишь пережитками коллективных актов или явлений групп производственно дифференцированного общества, так, в частности, побратимство между женщиной и мужчиной, предоставление брачного ложа гостю, институт кормилиц, впоследствии кормильцев и т. п. Это пережитки, по всей видимости, коллективно-общественной организации девственности-матерей. В связи с этим интересно наглядное самое позднее перерождение у курдов группового явления 'гаремных женщин' в индивидуальное — 'жены одного мужа' (см. выше, стр. 472).

это же слово представлено большим количеством разновидностей не только в отношении звучания, но и осмысления в зависимости от стадияльно нарастающего полисемантизма. Они появляются или самостоятельно, или в сочетаниях, так — *dal* 'девушка' → 'жена', *gesp.* 'женщина', в *s-dal* 'невестка', 'невеста', *qal* (усеченно в обращении *qa*) 'девушка', 'женщина', *gesp.* *qag* (в *qag+a-biṭa* 'гермафродит') и др., но опять-таки *dal*, без фрикативности — *dal* 'сестра' (еще при матриархальном строе), у грузин лишь в усечении *da*, и эта же разновидность 'мать' в составе удвоения *de-da* в полном виде *de-dal* и т. д.¹

б) С разновидностью шипящей группы *ṭur*, что количественно является излишком, сравнительно с еврейским *sār-is*, в его грузинском эквиваленте *sa-ṭur-is* дело обстоит не так просто. Это, конечно, безукоризненное звуковое оформление по шипящей группе, потому-то сохранившееся в языках шипящей группы у мегрелов и чанов в позднейших переосмыслениях и переформлениях, именно в мегр. *ṭur* 'vulva' (анатомическая часть по целому 'мать', 'женщина') и *ṭi* ↘ *ṭu* → *ṭi* 'жена', 'женщина'. В библейском *sār* по всем обстоятельствам имеем разновидность шипящей группы, как то полагается — даже в кругу семитических языков — иметь древнееврейскому, как представителю шипящей группы сравнительно с арабским, языком свистящей группы. С этим фактом, здесь обстоятельнее не обсуждаемом, находится в связи и наличие *ā* (← *aw* [доселе и семитически, далее яфетически] ← *o* ↔ *u*), и появление г в м. л, иначе эта смена находила бы объяснение в результате качественного скрещения с шипящей группой, так называемого влияния, как у грузин в *qaga-biṭa* (см. выше), и такое «влияние», но уже обратное, приходится видеть в наличии *s* (однако все-таки *ṣ* [яфет. *ṣ*], а не *š*) в м. ш. В результате выходит, что излишком в грузинском *sa-ṭur-is*, сравнительно с евр. *sār-is*, является не *ṭur*, а *sa* (↗ *sal*), но из этого отнюдь нельзя делать еще заключения, что груз. *sa-ṭur-is* представляет «заимствованное» от евреев *sār-is*, когда налицо его яфетический архетип *ṣog-is* ↔ *ṣur-is* с придатком *sa-* (↗ *sal*): **sa-ṣur-is* ↗ *sa-ṭur-is*.

в) По отвлечении конечного, морфологически функционального *-is* (← *-is*), основа грузинского термина *sa-ṭur* представляет самостоятельное образование соответственной скрещенной социальной среды, именно тип удвоения одного слова, но в разновидностях двух групп, как арм. *ma-mur* 'мох', арм. *sar-sur* 'дрожь', 'трепет' (ср. *sar+sa-φ* 'ужас'), и скрещенное *sa+ṭur*, следовательно, значит то же самое — 'женщина', *gesp.* 'девица', 'мать' (космически и 'солнце'), что каждая из составных ее частей в отдельности, а социально — коллектив из матерей+девиц, *gesp.* женщин, с чем мы находимся в кругу сообщений классических писателей Запада о, казалось, баснословных амазонках. Между тем, социально-экономические образования с таким строем, носившие имена указанного осмысления, и завещали нам в номенклатуре населения Кавказа соответственные (позднее уже «племенные») названия, как, например, *D1-do* при однородной огласовке с *N1no* 'Нина' (см. ниже, стр. 488), разновидность мегр. *di-da* 'мать' и др. Такого же происхождения и *a+ma* 'мать+девушка' → 'жена' и т. д. (бск. *e+ma*,

¹ См. стр. 482.

вариант $e-me \leftrightarrow he-va \nearrow$ св. $qe-^{\prime}w^{\prime}$ 'женщина') в составе $a-ma-d\ddot{o}n$, где $\ddot{o}n$ ($\leftarrow \dot{d}o\ddot{n}$) уже морфологически функциональная часть как $\dot{d}in$ (у басков) $\leftrightarrow \dot{d}o\ddot{n}$ (на Кавказе) $\sim \dot{d}e\ddot{n} \leftrightarrow \dot{d}i\ddot{n}$ и их усечения в различных семантических использованиях и множества коллектива (грамм.: собират. \rightarrow мн. ч.), тотема, впоследствии господа (при патриархате, социально — 'господина', 'хозяина', грамм.: $po\ddot{m}e\ddot{n} \text{ actoris}$ 'имя действующего лица'), технически — 'орудия' ('мастера', 'творца').

г) Наконец, окончание $-i-s \rightarrow -i-s$, уже образование местоименное ($\leftarrow u$, $gesp. o \sim i$, $gesp. e$), также служебное с частицей s ($\parallel \text{ш} \leftarrow sk \sim k$), пережитком слова, имевшего при родовом строе значение 'дети', 'детей', также в различных использованиях, и в смысле коллективного имени, самого коллектива — груз. $Egr-is$ 'эгры' и 'мегрелы', и $Megetel-i+a$, название страны от так называемого племенного названия, равно личного имени (раньше тотема) — арм. Агамайс, мифический основатель города Армавира, и в топонимике, названиях населенных пунктов, так $T\ddot{e}q\ddot{n}-is$ 'Тихнис', название крепости близ Шурагела в Шираке, горы $Ma\ddot{s}-is$ 'Арагат' и др. все в Армении ($-i^{\prime}$ позднее в армянском вообще мн. число прямого падежа, в древнеит. — винительного, в народном — именительного). В грузинском и еврейских терминах, означающих 'евнуха', это 'глава', 'хозяин', а в связи с анализированными их основами рационалистически социально — 'глава девиц-матерей', тотемически — тотем социально-экономического образования, впоследствии племени.

д) Таков же смысл другого армянского термина для обозначения 'евнуха' — $kur-t$, возводимого обычно к мнимому глагольному праязычку 'оскоплять', возникшему с функцией евнуха в условиях позднейшего социального строя, патриархального. Значение 'оскоплять' так же не первично, независимо от самой глагольной формы, позднее возникшей части речи, как значение арабского глагола $sa\ddot{r}isa$ 'был импотентным', что самими семитологами, вполне правильно и палеонтологически, производится от имени $sa\ddot{r}is$ ($\leftarrow sa\ddot{r}iys$) 'евнух', также общепризнанного арабского заимствования. Скорее следовало бы обратить внимание на отнюдь не случайное созвучие термина с племенным названием курдов, разновидности которого, то применительно к ним самим в национальном использовании — $g\ddot{u}r-an$ 'курды', то в применении к другим «племенам», т. е. другим социальным образованиям — арм. $ko\ddot{r}+t\ddot{a}u$ 'армянское племя', мегр. $qo\ddot{r}-\ddot{d}u$ 'грузин' (груз. $q\ddot{a}g-\ddot{d}$, ср. $K\ddot{a}r+\ddot{d}o\ddot{u}-\chi-si$) свидетельствуют лишь о том, что не только через матриархат вообще, но в частности через строй с организацией особого института производства детей и их, разумеется, натурального питания прошли все народы, все племена, собственно все дородовые еще социально-экономические образования.

е) Только при таком палеонтологическом подходе и разъясняется третий, опять кавказский (второй армянский), термин $ma\ddot{r}dret$ 'евнух', абсолютно непонятный без палеонтологии речи, ибо при толковании со стабилизовавшимся в феодальной письменной речи значением 'человек', 'муж', получается 'глава мужей', т. е. совершенная бессмыслица. Конечно, $ma\ddot{r}d$ ($\leftarrow ma\ddot{r}t$) значит 'человек', равно 'муж', 'мужчина', как его эквивалент с губной огласовкой $mu\ddot{r}t$ у приволжских так называемых финнов, именно удмуртов с комиями (при $ma\ddot{r}-lu$ 'мужчина' у акающих мариев или черемисов), но это с эпох патриархального строя, при

матриархальном же строе то же слово означало 'женщину', собственно 'мать', 'девицу' и т. д. И пережиток его имеем в армянском слове *шауг* (← *шаг-г*) одноэлементно и в его основе в косвенных падежах множественного числа, да и творительного единственного числа *шаг-ап* из тех же двух элементов (BC), что *шаг-т*, *гезр. шаг-гу* || *шуг*. К учету же положительному подлежит при выяснении первоначального значения 'евнуха' и то, что *шард* 'мард' является также племенным названием.

ж) Четвертый, опять кавказский, именно третий армянский термин — *пег-қип-г*, где точно так же сочетание *қип* (← халдск. *қип* 'дитя', ср. арм. древнелит. *аја-қип* 'служанка') с *пег* 'женщина' (← 'девица+мать' → 'женщина') с придатком *-е/г*, в данном случае, следовательно, признаком не имени вообще, вышедшем из местоимения, а имени действующего лица, первично 'человека', *г* «е», как то имеем пережиточно (при втором префиксальном признаке *дз* «ше» в грузинском, напр., *дз-дзоб-г* *шегип-е* 'виночерпий', буквально 'человек (ше- || -е) (при виле)'). Не место здесь останавливаться на самой скрещенной из элементов DC основе, имеющей многочисленную родню в круге слов, обозначающих 'народ' и вообще понятия этнического порядка, а в связи с ним и топонимического, равно личные имена эпических героев, все с семантическим архетипом в тотеме. Это все идет в так называемую доисторическую даль. Но и оставаясь в пределах позднейших антропоморфизованных представлений на конкретной исторической почве Армении и ее социального строя, может быть, не одним семитологам неизвестно и то, что по палеонтологии речи 'отец' сместил существование раньше, чем словарно, 'мать', т. е. армянское наименование 'евнуха' *шауг* 'отец' до реконструкции возглавляемого им социально-экономического образования древнейшей стадии в развитии всего человечества в тот или иной специальный институт как бы обычного права понималось так, как позднее сказали бы *шауг* 'мать', ибо такой уже институт и при царском дворе армянских Аршакидов представлял организацию с переживаниями тотемического социально-экономического образования самого массового населения страны: *шардпет*, являвшийся главой евнухов, был владетельным князем с земельными угодьями в Тароне, при христианстве — области с особой епископской епархией. Само название *шард-пет* чисто так называемое племенное: так арм. *куг-т*, тотем и название особого племени, раньше социально-экономического образования — куртов или курдов, так *шард-пет* — глава (*пет*) такого же по структуре племени мардов, т. е. мидян, ибо название мидян *шāда* с долгим *ā* восходит к *шард*, как архетипу, а в свою очередь армянское название мидян, племени *шаг* (ср. такой же простой вид основы в социальном термине 'мать', стр. 512), это первая часть скрещенного племенного названия мидян (*шā-да* ← *шаг-да* || *-до*).

НА ПУТИ КЛАССОВОЙ, ДОРОДОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ТОТЕМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ПАМЯТНИКАМ

Но в этом пункте, казалось бы, социологических терминов бесспорно письменно-исторической эпохи в национальной жизни феодальной Армении, еще при аршакидских царях, мы попадаем благодаря армянскому историку Фаусту вместе

со званием мардпет в мир эпоса и любовной драмы в эпическом повествовании об отроке Гнель и его возлюбленной *Ṙarandēm'e* (груз. *Ṙwarandē* ← *Ṙorandē*), что уже переносит нас в литературные сюжеты более седой старины о богах и полубогах, более того о производственных предметах первичных тотемических стадий. Исследовательская задача здесь осложняется вои́рсом об источнике, Фаусте, историке Армении, именуемом Византийцем, о дошедшем до нас состоянии его текста (формально бесспорно киликийской эпохи, т. е. не ранее XI—XII вв.), о переработке, вставках и вообще искажениях различных и по эпохе и по заинтересованной общественной среде первичного изложения и взаимоотношениях этого подлинного древнейшего бытописателя армянской феодальной общественности, историка с иноземным прозвищем, с общепризнанным у сородичей отцом национальной армянской истории (Моисеем Хоренским), тем более далеким от живой родной общественности, выучеником греческой риторической византийщины, чем более интеллигентски и многословно говорит он о событиях, от него, очевидно, так же далеких, как вся живая общественность, где они имели свои корни. Но у Фауста псевдовизантийца доселе неразрешенные связи не только с псевдоармянином (националистичным Хоренским), но и с рядом других армянских писателей, в первую очередь с анонимным историком, в этот раз псевдосирийцем (Мар-абасом).

Не место трактовать эту, независимо от источника, тему в настоящем докладе. Нас, однако, не может не интересовать и сейчас то, что у Фауста упоминаемая с отцом мардпетом в Армении форма социальной структуры, некогда на ранней стадии еще при матриархальном строе была связана с институтом девственниц как весталок, с функцией общественно организованной семьи и независимо от ее перестройки в феодальных государствах в виде придворного института и перестройки раньше и позднее в народных слоях, перестроивших девственниц-матерей по своему возобладанию в новом религиозно-общественном строительстве вслед за перевоплощением Иштари в два высших культовых типа, беспорочную Марию-богоматерь и грешницу Марию Магдалину и в институт девиц-монахинь для обслуживания страждущего на земле человечества в христианстве, в магометанстве же в институт гурий, по-арабски *ḡur*, обслуживающих победоносных слуг ислама, героев и мучеников, в загробной жизни. Само слово гурия (*ḡur*) первоначально означало 'девицу', как и *ḡorpa* (← *ḡo-pa*). И есть все основания сделать следующие заключения:

а) Просветительница грузин, арм. *ḡu-pe* = груз. *ḡi-po* 'Нина', в мере реальности ее образа была девицей-знахаркой, девицей-гадальщицей из весталок-матерей, связанных с соответственным дохристианским мировоззрением и практикой. Она носит название *ḡu-pe* ~ *ḡu-po* [~ *ḡu-po* || *ḡi-pa*], сигнализовавшее 'солнце', но еще тогда с придачей социального значения не 'солнца-мальчика', как русск. «отрок», а 'солнца-девицы' (ср. св. *pe-po* 'девчонка'), почему *ḡu-pa* у мегрелов в основе глагола *ḡu-pa-la* 'служить', первично служить 'солнцу' (см. у семитов сир. *šmšā* (ж. р.) 'солнце' и *šmšānā* 'он служил', *šmšānā* 'слуга', 'диакон', ср. Марр, Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка, стр. 3, пр. 2, 3).

б) Из дохристианской практики происходит, что христианская *проповедница Нина* появляется при грузинском дворе, точнее при дворе иверского царя, для *лечения* его жены.

в) С дохристианским мировоззрением как проповедницы, так, разумеется, всей той общественности, в которой легенда составлялась, связаны такие подробности легендарной истории об обращении Грузии Ниной, как роль переживающего в христианстве у грузин живого столпа во Мцхете, светозарного, срубаемого из кипарисового дерева (paḥu: им. древнел. paḥw, нар. paḥv-1) и получающего источник озарения в виде пучка лучей с неба, т. е. от солнца, равно роль сплетаемой в крест культовой еще в язычестве виноградной лозы (vaz, св. waz и ġ-waz), причем у сванов по районам термин означает не только 'виноградную лозу' с соответственным добавлением и 'росток фасоли',¹ но и вообще 'свежий росток', как у армян tīg ← tīgḡ (древнел. tīw, нар. tīg и др.).

О лозе vaz нам уже пришлось упомянуть как о тотемном термине растительного мира, космически о 'солнце' и 'дитяти' (герс. при патриархальном строе — 'отроке'): св., груз. vaj, св. ġ-vaj, скрещенное образование с ġ-, пережитком ġas (ср. бск. gas- 'мальчик', 'отрок', в простом одноэлементном виде, также усеченно — va, в родовых названиях абхазов и мегрелов), как 'отроке-солнышке'. Но здесь требуется уточнение, имеем ли в данном случае 'солнышко', буквально 'дитя неба', наше общее космическое 'солнце', или специальное, также увязанное с 'солнцем' и антропоморфизованное из растительного тотема существо, отрок-вакх; грузинский термин va-z 'лоза', герс. va-j, поддается и тому и другому толкованию, восходя с восстановлением первого элемента (B) val, герс. vaz, к архетипу vaġ-z, с подъемом z в ġ составляющему основу культового места Vard-1'ḡ'-a. В этом еще в язычестве культовом месте, у армян называвшемся более полным видом Vard-ḡup-1-q, хранился по водворении новой религии новый предмет культа, христианский символ, так и называвшийся Вардзунийским (Vard-ḡup-e-aḡ → Vard-ḡup-e-aḡ по параллельной армянской версии):² он был сделан из tīg'a ← tīgḡ'a, т. е. 'ростка', который получил грешный монах из рая непосредственно от богородицы с поручением передать Месропу для изготовления из него креста и сложения в нем, т. е. в архаично-культовом месте — Вардзии или Вардзунии; и вот основа vaġ-ḡ, усечение vaġ-ḡup || vaġ-ḡep, с утратой фриктивности представляющая, не спорим, также название культового некогда растения, то цветка 'розы' — vard (груз., арм., арабск. → перс.), то 'шипа' или 'шиповника' — груз. bard,³ равно у армян культовое дерево vard-1 'тополь' нас приводит, однако, опять к солнечному культу, в связи с чем находится как армянский языческий еще термин vardavaġ, буквально 'пылание огня' (солнца),

¹ Н. Марр, Яфетические названия деревьев и растений, ИАН, 1915, стр. 941—942. Нужно ли оговариваться, что ныне отпадает формальный подход того времени к самому звуковому анализу слова с различными фонетическими выкладками, без учета неизвестных тогда четырех лингвистических элементов?

² Н. Марр, Сборники притч Вардана, т. II, стр. 303, § 304. В списке подробность о «положении» (derivatio) культового предмета в этой местности изложена так (shed dne), точно речь об изготовлении креста из другого материала и вложении в него переданного из рая ростка.

³ Ср. Обращение Грузии (Житие Нины, изд. Е. С. Такашвили), стр. 14: qolo me davmḡi ekalḡa shpa vardavaḡa 'а я осталась в шипах розы'.

прикрепленный к христианскому празднику Преображения, так основа грузинского названия месяца 'мая' *vard-obis* Эдие по празднику *vard'a*, т. е. 'солнца', а не 'роз'.¹

Из других терминов, связанных с отмеченными подробностями языческого мировоззрения, *svet* (нар. *svet*) 'столп' по линии светозарности и животворчества увязан с 'солнцем' и по своему происхождению, ибо слово это составлено из трех элементов А+В+С, причем А+В — *sue* (← *so-we*), герср. *sve*, значит 'судьба', и это по палеонтологии речи одновременно — 'небо'; конечный -t, элемент С, уже пережиток слова 'двтя', обычно в грузинском звучащего *de* 'сын', 'двтя', так что *s+ve-t* (древнел. *so+we-t*) буквально значит 'двтя неба', 'небесенок', т. е. 'солнце', оно же народно без скрещенного состава первой части *s+ve*, т. е. с одним элементом В, знача *be-d* (← *be-din*), означает также 'судьбу', 'счастье', но означало, несомненно, и культовый предмет, космически — 'солнце'. В таком значении это слово и появляется в Мегрелии как в основе культового первично в язычестве места *Bed-1-a*, известного впоследствии христианского монастыря, так в родовом названии князей *Bed-1-an*. Тот же столп, как срубленный из дерева и увязанный с древесным культом, прежде всего его плодов, в данном случае легенда связывает не с дубом с его жолудями и не с орехом с его плодами, а с кипарисом с его шишками; однако само грузинское наименование его *pa-đi* (|| шип: м. *pu-đi* \ *pu-zu* 'ель') с разновидностью *pe-đi* (нар. *pe-đv-1*), названием известного в «Картии» монастыря, построенного еще Федором, одним из учеников Григория Хандзтийского, на речке того же имени *Ne-đi*, притоке Куры, у мегрелов и чанов в звучании *pe-đi* означает 'орех', 'ореховое дерево', груз. *pi-goz* (у чанов только плод).² Культовое значение 'ореха' *pe-đi* \ *pezi* у мегрелов, роль его плода в гадании, наличие названия самого дерева в топонимике — *Didi-pedi*, названии села, все говорит об его культовом издревле значении. Самый факт сооружения храма первым миссионером в соответственном районе на месте с таким дохристианским наименованием свидетельствует об его господствовавшем культовом значении и тогда, когда это не постройка, приписываемая Вахтангу Горгасару, т. е. не архаичного по преданию времени. Язычество в Грузии держалось в массах до X—XI вв. Этого мало. Термин *pe-đi* нас переносит и в мир космических представлений. Дело в том, что у мегрелов по шипящей группе это название 'ореха' должно было звучать собственно *pe-đ³* → *pe-đ*, при

¹ Кавказское, каппадокийско-кавказское, в частности, армянское происхождение этого христианского праздника утверждалось и раньше в среде самих историков церкви, особенно обстоятель и четок в этом отношении был В. Болотов, но в данный момент нас занимают лишь языческие корни, и те в разрезе космического восприятия.

² Слово *pi-goz* (← *pi-goz* ↔) древнел. арм. *ep-kouz* в разновидности *pi-goz* также появляется в топонимике Грузии: это местность на Б. Лиахве с древнейшим монастырем, по преданию постройка Вахтанга Горгасара. Относительно самого слова ср. «Яфетические названия деревьев и растений», стр. 92.

³ Ср. с *pi*, двойником *pe*, *pi-đ-gog*, как название населенного пункта в Самцхе (*Nadzor* = *Nador*), на подробной русской карте отмечал его еще в 1842 г. Броссе в приложении к изданной и переведенной им «Географии Вахушта» (стр. 93), с тем же *gog* ← *kog*, окающей разновидностью груз. *ka* не только 'дверь', герср. 'двор', но и 'поселение' от одного лишь *pi* имеем *pi-kog*, архаичное название местности, букв. означающее, однако, не только 'село тотема', впоследствии 'бога' *pi*, но и просто лишь 'тотем' *pi-kog*, ибо при космическом мировоззрении *ka* || *ka* означало также 'небо', как *pi* (ср. *Te-kog* ↔ *Ti-kog* → *Di-gog* в Армении), название лишь населенного пункта с древнейшим по

наличии чанской диалектической разновидности (или с удвоением первой части, или в силу смещения плавного г, гезр. 1, плавным п) пе+n-zi, мы ставимся в необходимость восстановить и пег-ди, чем «в общезжитии... обозначается основание чего-либо или клочок земли», на котором стоит 'дом', а в области народного мировоззрения это «какое-то божество», с соответственным молением и молитвенным обрядом в среду за 25 дней до Пасхи, которого нельзя совершать, если дом высокий, т. е. с деревянным полом, а не с землею, и И. А. Кипшидзе¹ совершенно верно заключил, что это 'бог [при мировоззрении патриархального строя] земля', точнее 'богиня' [при мировоззрении более ранней социальной структуры — матриархальной], и тогда просто 'мать-земля'. Полный вид спирантного типа пег-ди, у армян значит 'внутренний', что палеонтологически должно означать и 'верхний' (ср. грузинский предлог в глаголах ше-, а равно в армянском при пег-s 'внутри' диалектически пи/ шг 'вверх'), поскольку для 'нижнего' древнелитературный сохранил то же слово с губной огласовкой — i-пег-доу 'внизу'. И таким образом, как бы рационалистически ни толковать пег-ди 'евнух', этот термин с наличным в нем значением матриархальных эпох 'женщина' разъясняется его космопическим на более ранней стадии содержанием как основным — 'земля-мать'.

При таком социальном восприятии удвоенного образования пи-пе и т. п. простой элемент D (по) со значением 'женщина' налично в составе скрещенного образования по-sal ↔ пи-sal (двойника ги-sal, основы русск. «ру+сал-ка»), ныне наличного в живой речи чанов (лазов) как термин 'невестка', 'новобрачная' — чанск. пи-sa, мн. пи-sal-e+фе (~диал. пи-sa, мн. пи-sal-e+фе, у мегрелов пи-sa, мн. писal-e+фi, лишь в самурзаканском говоре — posa). Сюда же относится арм. пи 'невеста', а при грузинском пепа 'мать' (гур. пепеi, ср. удм. по Герду пепе, суоми пау+n-еп 'жена', 'женщина' и др.), мегр. па-па 'мать', 'мама', личное имя в уменьшительной форме Пап-1+а, одноэлементно ласкательная форма па-1+а 'маменька'.

Среда, в которой проповедывала эта «знахарка» Нунэ или Нино (~Nuno), располагала социальными и культовыми терминами сплошь из элемента D, а не элемента А, как то мы ожидали бы у картов или халдинов (Qaldin, гезр. Qaldin → Qalḏi): жена Мириана называлась Nana, в числе важнейших местных божеств были Ау-пипа и Да-пипа, причем пипа, гезр. пипа || папа (отсюда и разночте-

основанию христианским храмом, ныне в развалинах, и Di-gog, «племенное» название одной из разновидностей овского, так наз. осетинского социально-экономического образования. Это Ni-koг и имеем как в названии древней христианской церкви Nikog-Tmida 'святой Никор', по христианскому искажению в письменности названной было Nikola-Tmida 'святой Николай', так с усечением в обычном грузинском имени всех, кого по крещению нарекали 'Николаем' — Nikis, и от него же nikog 'небо', 'тотем', 'знамение', название 'животных с (белым) пятном', собственно 'меткой' — nikoi-a, букв. 'меченый тотем', да и самое это 'белое пятно'. Двойник этого Ni-koг, именно Ne-koг, гезр. Ne-ker (ср. карачайское в отношении огласовки название дигоров — Zeger), налично в основе Ne+kr-cs-1, гезр. Ne+kr-1s-1s, названии города, основанного еще в язычестве царем Парнаджомом, с древнейшим впоследствии сооруженным христианским храмом и т. д. И вот после этого поучительно прочитать примечание Броссе к Nikog-tmida в «Географии Вахушта» (стр. 375,3): «Это место, обычно называемое по искажению Nikog-tmida!»

¹ ГМ, стр. 288, см. соответственный дух («ангел») у горцев-грузин, Л. Б. Панек, Жилище мтиулов, Сб. МАЭ, IX, 1930, стр. 281, и ср. стр. 245, где речь о шита 'земля' у мтиулов в значении 'пола'.

ние — папа), как культовое слово, означало, несомненно, 'небо', 'солнце', префиксы da- 'верх' (ср. ч. da-žqig-1 ~ м. da-žqig-1 'огонь' при груз. že-žq[a]l), а ау- 'низ' (ср. халдск. ау 'земля', графич. «аа» — ау+па 'земля', 'страна' в Vi-ау+па).¹

Но интерес наш к значению 'день' слова pip из состава pip-al 'день' от его значения 'солнце' при полисемантизме заставляет вспомнить о греч. vñv (атг. vñvi) 'сегодня', 'теперь', лат. nunc, равно русск. «нынѣ», «нынѣ» с разновидностями, у индоевропейцев обильно указываемыми без малейшего проблеска мысли по части происхождения, между тем здесь есть над чем задуматься: от 'дня' ли происходят названные слова (греч. vñv, русск. «нынѣ» или «нынѣ») ² или от 'руки'; по полисемантизму по-n'gey' ↔ pip возможно и то и другое толкование: чтобы 'ныне' теперь увязывать генетически с 'рукой', имеются основания и независимо от «аналогии» с франц. *maintenant* в ряде образований в языках яфетической системы, и настолько же vñv 'ныне' отнюдь не исключает вероятности обозначения им 'сегодня', просто-напросто ввиду даже обычного также в яфетических языках факта, что для обозначения того же обстоятельства времени адвербиально используется неформально 'день', первоначально или одновременно полисемантически 'солнце', как, например, в армянском феодальном агд 'ныне' (← халдск. Arđin-1 'Солнце' [+день] ← ar-tin ↔ ar-ten ↘ ar-te ↘ груз. диал. a-te) → груз. a-t 'ныне'.³

Второй член арабского па-yağ^{an} 'день' (ср. pağar^{an} → pağ^{an} 'река', а также па-yağ^{an} 'питье' к глаголу pağila 'пить'), элемент A, и представлен во второй части удм. pi-p-al, именно al, которое, следовательно, должно было означать 'солнце', и понятно, какая тесная связь с грузинским навязывается нам для учета, когда именно в нем, как было упомянуто, al значит 'пламя'.

Даже в пределах изложенных далеко не исчерпывающе фактов возникают палеонтологические вопросы и положительно разрешают смысл взятого нами под особый прицел взаимоотношения бесписьменно-культурной восточной Европы с ранним Кавказом и архаично-письменным югом. Потому мы не ссылаемся на тесные связи с классическими языками Средиземноморья, мертвыми языками так называемой индоевропейской системы, ни с живыми языками Западной Европы, даже с живой речью яфетической системы, баскским, где, например, пе 'женщина' так и лежит, как на ладони, в самостоятельном некогда социальном термине пе-łka 'девушка', буквально 'женщина (пе)+дитя (łka)', ныне в составе пе-łka-tıl 'девушка', буквально 'девушка-дитя', гесп. 'женщина (pełka) дитя' (tıl, груз. tıl, гесп. tur), выявляющего, что прибавившие tıl не знали того же значения łka, уже наличного в pełka, в противоположность ши-tıl 'мальчик', 'отрок', гесп. 'мужчина (ши) дитя (tıl)', с губной огласовкой и утратой первым

¹ См. ниже, стр. 522.

² И. Д. Дмитриев-Кельда мне подсказывает, что в приволжских русских говорах в том же значении встречается «лонись», однако это требует специального исследования, поскольку «лонись» имеет ряд палеонтологически увязанных с 'солнцем' значений не только из категории времени ('день', 'год' и т. п.), но и из соответственного конского круга животных.

³ См. Н. Марр, Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста, ДАН, 1930, стр. 173 [ИР, т. III, стр. 351—358].

членом плавного исхода двойник акающего в грузинском древнелит. *mar-tvīl* 'мальчик', 'отрок', равно народн. *k+mar-tvīl*, с утратой плавного г элементом В — *k+ma-tvīl*.

Для определения стадиальности удмуртского языка в связи с занявшим нас словом *пи-п-а-л* нам сейчас важнее указать, что понятие 'день' на более древней стадии понималось не как отрезок длительности времени ('один день', 'два дня' и т. д.), а как противоположность 'ночи'; длительность измерялась и в эпохи, когда счет не превышал 'пяти', неделю в пять дней,¹ как определенным состоянием луны, и месяцем в шесть (пять с единицею) недель, как завершением луны, в обоих случаях с переносом названия 'луны' на 'неделю' и на весь 'месяц'.

От эпох такого восприятия 'дня' и сохранилось в языках более древней стадии в зависимости от того или иного слоя социального образования говорящего на нем народа, что рядом с названием 'дня', которым он исчисляет время в порядке общей его системы, имеется другое слово, обозначающее 'день' как отрезок времени, противоположный 'ночи'. В этом отношении удмуртский язык уступает (как, впрочем, и яфетический грузинский, даже народный грузинский язык, прошедший школу чрезвычайного воздействия феодальной речи): он уже не выявляет этой архаичной черты. Но его имеем в более архаичном языке переходного типа — в армянском (*tīw* 'день-свет', *awəg* → *og* 'день-время'). Его имеем в таком семитическом языке, как арабский, где *uawm*^{un}, заодно со всеми семитическими языками, значит 'день' счета (евр. и противоположности 'ночи', араб. и асс. *id.*, но в разновидностях), свидетельство нового (позднейшего) происхождения и самого значения, и особенно общности, а 'день' в противоположность 'ночи' (*leu*^{un}), называется разновидностью последнего слова (ср. мн. ч. *la-u-ā*^{un}) — *pa-γāg*^{un}, некогда, несомненно, и 'солнце', почему 'канал', 'река' (первично 'вода') называется опять лишь фонетической разновидностью того же слова *pa-γ'a*^{un}, и, что для удмуртского представляет интерес определенного его слоя, это скрещенное (DA) слово: элементом D в значении и 'воды' (*pa-*, *pe-*) и 'дня' (*pa-*, *pe-*) оно и формально с отношением акающей, гебр. экающей группы к укающей (+окающей), безукоризненно точно соответствует наличному у удмуртов *пи* (←→ *по*) в составе *пи+п-а-л* 'день'.

Далее, по так блестяще оправдываемой всеми фактами палеонтологии речи скрещенное образование *пи-п* 'день' [некогда 'солнце'] должно было также означать микрокосмически 'руку', которую, как известно, на соответственной стадии (технологически воспринимаемую) сменил 'дух'. И, действительно, 'дух' → 'душа' (по выделению в представлении о ней технического момента, ее социально надстроечная значимость в линии функциональных семантических смен — 'солнце' → 'женщина' → 'рука'), по-удмуртски *lu-l*, — лишь фонетическая разновидность *пи-п*, первой и основной части *пи+п-а-л* 'день'. Так как по палеонтологии речи от 'руки' происходят глаголы с одной стороны 'бороться', 'сталкиваться', 'овладевать', 'захватывать', 'вести', с другой стороны — 'строить', то, очевидно: а) во-первых, *пи* со значением 'руки' и имеем у ванских халдов в аор. *пи-п-а-в-л*

¹ Неделя в семь дней позднейшее стяжание.

в клинообразных надписях, на каком бы из значений перечисленных глаголов ни остановиться в том или другом месте при переводе,¹ б) во-вторых, по смене 'руки', как орудия речевого производства линейного языка, звуковым символом, элементом, словом, *nip* должно было означать 'слово', а равно 'язык' в обоих смыслах (и физическом), что и находим в языке халдской клинописи в глагольном образовании *nip-a+bi* 'я сказал' и с перебоем $o \leftrightarrow u$ и $e \leftrightarrow i$ в чанском, мегрельском и сванском в названиях 'языка': ч. *ne-na* 'язык', 'слово', 'звук', 'голос', 'эхо', мегр. *ni-na* 'язык' (*nina daḡḡiḡi* 'язык пламени-огня'), св. *ni-ni* 'язык', а акающая разновидность налицо в основе глагола 3-го лица *na+n-gi* 'он говорит' в языке мидской клинописи (во 2-м лице *n* с пережитком третьего коренного в виде «у», графически 1: *na+n-ta*, чит. *na+n-ta*). Выходит так, что в данном термине «эламский» (мидский) и халдский находятся во взаимоотношениях акающей (*nan*) и губной (*nip*) огласовки, точно грузинский с мегрело-чанским или удмуртский с акающим «марийским», у самих мариев — горный язык с луговым. Потому естественно, что в соответствие *nip* (коми *lip* 'день'), сохраненному удмуртами в *nip-a1* 'день', в мидском мы находим *nan* всегда за цифрой, указывающей 'день месяца' (*an-nan* воспринимает детерминатив *an*, того же, впрочем, значения). В то же время:

а) Поскольку 'истина', 'правда' происходит палеонтологически от 'солнца', синонима 'дня', то же самое слово в удвоении — *na-n* 'день', resp. 'солнце', мы имеем у грузин в производном с окончанием *d+ul* — *nan-dul* (м. и ч. диал.), равно *na+n-d+v1*; простой же элемент *na* без удвоения в скрещенном образовании с элементом в виде *na+m* налицо в составе производного слова с тем же окончанием *na+m-d+v1* и в том же значении 'истинный', 'подлинный', 'действительный' и т. д.²

Nan 'день', следовательно, и 'солнце', 'небо', нам уже известно в мидском клинописном языке второй категории Ахеменидских надписей. И вот тот же мидский клинописный язык с присущим ему аканием сохранил нам *na-m* (*m* с тем же значением 'солнце' в груз. *m-ze*), восходящее к космическому термину 'солнце' (← '*небо'), почти без изменения в виде *na-r* (↘ *na-m*) со значением 'бог', по палеонтологии языка, восстанавливающей место такого значения за космическую стадию в формуле 'бог' [космич. ← 'небо' → 'солнце'] ~ микрокосмич. 'рука', вскрывает связь в линии не только микрокосмического использования с абх. *a-na+ḡe* 'рука', равно «грамматического» — с шум. *na-m*-, префиксом отвлеченных терминов, и с груз. *ne-b* 'рука' → 'ладонь', но и космического — с русск. «небо», мн. «небеса». Эта мидско-грузинская разновидность пар || *neb* побуждает к постановке вопроса о пересмотре целого ряда важнейших социальных терминов, напр., в связи с тем, что на стадии функциональной смены значений первобытное

¹ Надписи Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Раскопки двух ниш на Ванской скале и надпись Сардура II из раскопок западной ниши. Доклады Н. Марра и И. Орбели, Петроград, 1922, стр. 43, 54.

² Относим для разъяснения в более специальные работы остающуюся часть *-d+v1*, где *d*, нарост вторичного скрещения, намечается как известный пережиток *dge* → *de* → *d* (ср. *na-g-d* 'ежедневно', 'постоянно') 'день', следовательно 'солнце', а также 'заря', 'утром', редкое чтение *ni-ad* 'рано утром' (Мк 16, 25, акад. изд. *da niad gaudiasa mas eršababāzasa movides*) из пережитков первоначального перевода евангелия в Грузии, а *v1* суффикс прилагательного.

общество переносило имя космического 'тотема' на его 'служителя', 'проповедника', одержимого им 'шамана', resp. 'пророка', а далее и на 'царя-жреца', то, во-первых, дериват этого сохранившегося в мидском («ново-¹эламском») термине, наличного в древнеэламском (с V тысячелетия до н. э.), имеем в семитическом названии 'пророка' — арб. *naḥū*²³ и др.; во-вторых, при микрокосмическом у грузин *peb* 'рука' — грузинское же народное *pefe* 'царь' является дериватом его космического значения 'небо' (ср. русск. «небо») → 'бог'.

б) У грузин же в *paḥ-va* 'раскаиваться', 'жалеть' и *si-paḥ-ūl* 'раскаяние', 'покаяние', 'понимать', основа *paḥ* также может быть понята или в смысле 'речи' (русск. «от-рекаюсь»), или палеонтологически в смысле 'руки', семантического архетипа, как линейного символа отрицания (соответственные встречи 'руки' и 'речи' прослеживаются и в русском).

Однако в вопросе об удмуртском наш интерес к палеонтологически откопанным *-al* 'соль', *-al* 'день' и т. д., не только идеологический, но и формальный, ибо они нарушают основное губное ($o \leftrightarrow u \searrow \text{э} \leftrightarrow y$) обобществление родных слов аканьем, как, казалось бы, привнос чуждой группы или использование звуковых данных своей же среды для обогащения огласовки первичной системы в удовлетворение нараставших потребностей в звуковых символах, средствах более четкого выявления идеологического накопления.

Р У К А

1) тотемическая стадия (линейная речь, производственно магическая) → ЦИТ;
 2) космическая стадия — социально-надстроечный мир (коллектив ↗) ТО-ТЕМ ↗ НЕБО (+СОЛНЦЕ ~ ЗЕМЛЯ ~ ВОДА) → БОГ, СЛОВО (МЫСЛЬ), ЯЗЫК (РЕЧЬ);

3) технологическая стадия → а) СЛОВО (физиол.), ЯЗЫК (анат.), МЕЧ,
 б) глаголы 'брать', 'давать', 'бить' и т. д.

К тому же слою с аканьем принадлежит и слово *paḥ*, элемент В, опять-таки в двухэлементном образовании, скрещении из двух элементов СВ, именно удм. *paḥ* 'бог'. Понятие 'бог' — позднее отвлеченное понятие, оно создание отрешенного от жизни мировоззрения, тем более отрешенного, чем более развивалась материальная культура, точнее — чем более развивалось производство, усложнялась его техника и вместе с тем развивалась сама техника мышления, и человечество осознавало, что не человек создание божьих рук, а бог создание человеческих рук. Потому-то яфетидология утверждает: «в истории человечества бог имеет час прибытия и час отбытия».

Бога не было при начале созидания человечества, начавшегося производством с магическими средствами, которое трудящийся коллектив усматривал во всех предметах потребления и производства. Предметы потребления, вообще ресурсы природы, используемые коллективом, становились сопричастными производительными силами, двойниками коллективного человека, по мере его становления производителем-творцом. В производстве эти сопричастные силы стали постепенно производственными тотемами, сначала растительными,

звериными, затем космическими, затем производственный тотем уступил место культовому, и космические тела, небо и светила, оцениваемые уже в их природе как культовые, по возникновении понятия о душе и анимизме, по наступлении культа предков и антропоморфизации космических тел, стихийных сил, когда одновременно названия космических тел перешли на микрокосм и человеческое хозяйство, появился 'бог' и затем по развитию техники и усилении технологического восприятия явлений название бога стало словом, означающим 'руку', не как раньше символ или сущность человека, смененную 'духом' (и потом 'душой'), но как простую техническую силу.

Фонетическая история слова *rag* в пределах одной и той же производственной группы, первичной формы социально-экономической формации: *rag* || *rag* ↗ *rag* → *rag* → *rag*. Его общественная функция (значимость) на различных стадиях:

а) Разновидность *rag* находится в основе слова «вар+еж-к-и», наличного в русском фонде как двойник «рукавиц» со специальным назначением.

б) Со значением 'руки' *rag* доходит в направлении к югу вплоть до крайней полосы населения Арабского полуострова (арабск. *rag-аḡ*^{un} 'раз', первоначально 'рука' и др., усеченно в массе скрещенных слов, в вопросительных местоимениях, отрицательных частицах, числительных, предлогах и особенно обильно по морфологии, превосходя в этом отношении выдержанностью сибилантичную ветвь кавказских языков яфетической системы, — в префиксовых образованиях).

в) На Кавказе у грузин и абхазов: груз. *rag* 'рука' в составе названий 'рук' *rag-ḡep*^{o/a} 'рука правая', *rag-ḡep*^{-o/a} 'рука левая', от 'руки' 'рукою' с падением *g* в полугласный, удлиняющий огласовку *mā* — абхазское с членом *ā-mā* 'рукою' (возврат абхазов к старой орфографии *ā-maa* характеризует руководство, предпочтенное в этой, именно абхазской, национальной среде с отрывом от яфетидологии), усеченный вид *ma* 'меч', что как оружие, смена 'руки', носит его название, в скрещенном греч. *ma-χαυγ-α* 'меч'. Его грузинский двойник, также скрещенный лишь с расположением элементов в обратном порядке, сохранил плавный исход, первичный для акающей группы (или *g*, но с заменой *g* всегда плавным *l* в грузинском при втором *g* в том же слове: это ныне *q-mal* 'меч', древнеит. *qg-mal*).

г) Далее, *rag* кажется наиболее свойственным языкам севера, поскольку его находим на Поволжье у чувашей в основе глагола 'давать' — *rag*, однако с падением в «у»; он же на малоазийском юге в основе глагола одного из древнейших мертвых языков, хеттского — *ra-u* (графически *ra-1*) 'дает', а полностью *rag* ['рука'], с обычной для нее функцией 'орудия', в речи — предлога (а где послелога) 'посредством', 'через', это у французов предлог *rag*.¹

д) Наоборот, *rag*, с обычным начальным звуком яфетической системы, в грузинском представляет камень преткновения в своей двойной толкуемости по палеонтологии речи, в смысле и 'руки', и 'неба'; это потому, что в одном понимании — технологический подход, позднейший, в другом — производственно-маги-

¹ Н. Марр, Первая выдвинутая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариет, стр. 13 [см. здесь, стр. 449].

ческий, при космическом мировоззрении — 'небо'. Дело в том, что *φαγ* у Древних грузин значил 'щип', при технологическом походе 'оружие', смена 'руки', при тотемическом подходе — производственно-магическое средство, у общества с космическим мировоззрением — 'небо', 'кров', 'покров', отсюда и круглая форма по слову 'круг', семантически восходящему в путях образного мышления при липейных образных символах ручной речи опять-таки к 'небу', равно к его части 'солнцу'; потому же от слова *φαγ* происходит глагол *1-φαγ-α* (аор.), означающий материально 'прикрыл у себя (1-) то (← рукой)', а надстроечно 'покровительствовал ему', 'заступился за него', 'защищал его', буквально '(тотем) прикрыл его у себя'. Наконец, поскольку в топонимических терминах вскрываются, раз они первичны, отложения имени тогема или названия социально-экономических образований («племенное название»), в названии сванского села *1-φαγ* (← *1-βαγ*), как в двойнике *1-βερ* (↘ *1-βερ*), мы имеем благодарный материал для работы над установлением многочисленных конкретных значений, возникших за тотемический период, не говоря о позднейших значениях с раздвоением на материальное (тоже конкретное) и надматериальное (абстрактное или отвлеченное) осмысление.

е) В этом смысле особо наглядно и поучительно употребление разновидности *βαγ* у грузин, как основы глагола: нар. *φα-α+βαγ-α* (аор.) 'он ему поручил', это от *βαγ*, означавшего 'руку', и *δα-α+βαγ-α* (аор.) 'он поручил ему сказать', это от *βαγ* 'слово', с каковым значением оно сохранилось и самостоятельно у армян в виде *βαγ* 'слово'.¹

ж) Посему и в удмуртском *шаг* в его усеченной разновидности *ша* со значением звукового 'слова', как орудия речевого производства, сменившего не только технически ручное, налицо в скрещенном двухэлементном (BC) термине *ша-d* 'рассказ', а с огласовкой *е* — *ше* (из *μεг*) значит 'позволь', 'на', 'возьми', 'прими', а затем в скрещенных опять-таки из элементов BC основах, происходящих от 'руки' (уже технически воспринятой), глаголов [*пускать*] — *ше-d* 'пустить', [*работать*] →] *ше-do* 'работник'.

з) Полный вид *μεг* ↘ *ше*, также наличный в удмуртском, но с надматериальным, своего рода «вторично надстроечным» в надстроечном мире, значением в разновидности *μεγ*, служит основой глагола *μεγ-α+πə* 'говорить', разумеется, с определенной стадией — 'говорить *звуковым словом*', как в латинском ее удвоенный вид с усечением *μεγ+b-π+η* '*звуковое слово*', а раньше '*ручное слово*', полный же вид той же основы — *μεγ-βερ*, двойник арм. *βαγ-βαγ* 'язык', 'говор', 'наречие', 'глас', в самом латинском использован еще со значением 'руки', семантического архетипа *μεγ-βερ* 'бич', 'плеть', 'кнул' и т. п., как основа для образования глагола *μεγ+βερ-αγε*, почему глагол и значит 'бить'.² А разве

¹ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 54, 56, 58 [см. здесь, стр. 258, 259, 261].

² Согласно своей обреченности Воггу выводить из Каспийского моря, индоевропеистика *μεγβερ* разъясняет под *μεγβερ* 'листья и нежные ветви лавра', 'масличного дерева', 'мирты' и т. д., как священные зелья (Walde, LEW), не чуя, что 'ветви' при всей лишь образной связи с 'руками' — 'часть дерева' и соответственно получают «этимологию». Даже наведенная правильно сознанием на необходимость связать с латинским глаголом 'бить' *μεγβεραγε* нем. *werfen* 'бросать' (оба от 'руки'), индоевропеистика предпочитает оставаться при 'биче из лавровишни'!

в удмуртском, отнюдь не паре по высоте своей культуры фетишу мракобесной средневековой Европы, дело обстоит иначе, если подойти яфетидологически к *viu-э-па* 'убить'? Ведь основа этого глагола сохранилась, следовательно, лучше, именно с пережитком элемента В в полугласном у — *viu* (✓ *viŋ*), причем:

1. *Viu* раз означало 'руку' по палеонтологически до корней разъясненной семантической формуле 'рука+женщина+вода', оно не только могло, но должно было означать и 'воду', и это так и есть, как каждый удмуртовед-яфетидолог вам скажет, сославшись на то, что *viu* 'вода' лежит в основе глагола *viu-a* [формалист пишет «вия» по привычке к русской грамотности, ничего не осмысливая, кроме наличного учета звука, все безразлично], что означает 'бежит', но в применении к 'воде' или [как толкует В. Д. Крылов в своем «Вотско-русском словаре глазовского наречия вотяков», составленном названным «реполавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии»] — 'бежит (о жидкости)'. Любопытно, что в новейших удмуртских (вотских) словарях авторы, не зная общего семантического закона о связи 'бега' с 'водой', теряются и повторяют ту же никчемную так называемую русскую историческую орфографию «виюны» вм. «вийаны» (яфетидологически в данном случае без всякого надстрочного знака *viu-a+па*), ставят значение 'течь' лишь в скобках при 'бежать' (Н. М. и П. Я. Русских, Русско-вотский словарь, Удкнига, 1928, Ижевск) или только 'бежит' (С. П. Жуikov, Практический вотско-русский словарь. Допущен Научно-педагогической секцией ГУСа, Удкнига, Ижевск, 1930), вероятно по злобной забывчивости стрелочника-наборщика, ибо в личном экземпляре автора, в списке преподнесенном мне, уже в Глазове, как учителю по яфетидологии, 'бежит' зачеркнуто карандашом и тем же карандашом сбоку приписано 'течет'. Такое колебание (да нечеткость) тоже нехорошо для яфетидолога. В чем же источник этого снижения интереса к семантическим тонкостям существенной практической потребности и значительной теоретической важности? Не в том ли, что В. Д. Крылов издавал словарь «глазовского наречия вотяков», не мудрствуя лукаво, как подлинный краевед, и словарь был издан еще в 1919 г. в Вятке «под редакцией Вятского губернского отдела народного образования», как бы в походе, без специального аппарата, местным уездным отделом по вотским делам при Глазовском исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а позднейшие публикации (одна из них, именно новейшая 1930 г., получившая одобрение Научно-педагогической секции ГУСа) принадлежат центру (Ижевск, 1928, 1930) и, задаваясь, естественно, основной для всех целевой установкой добиться хорошего вообще вотского, т. е. удмуртского, словаря, соскакивают при незнакомстве с яфетидологией на формальный метод индоевропеистики в такой степени, что даже коренной глазовец забывает свое родное (с этой точки зрения постылое) «наречие», и тем более новичок яфетидологии безропотно сдает усвоенные им начатки основ нового учения об языке. Случайно ли это? Не знаю, как ответят в Ижевске, но совершенно ясно, как мы можем ответить, держась в наших специальных по языку яфетидологически ведомых работах диалектпческо-материалистического метода: «абсолютно не случайно».

2. Архетип vir — двойник лат. ver ($\leftrightarrow vir$) и ber ($\swarrow meг$) $\leftrightarrow ver$, и если в охарактеризованной среде кого эта математически точная формула смущает за непривычностью к отвлеченностям, не один удмурт мог бы учесть такой живой факт из самого удмуртского, как то, что перечисленные разновидности, и ver , и $meг$ \swarrow me использованы со значением именно 'руки' или с дериватными от него значениями, как только что было указано (стр. 497) в основах глаголов 'работать', 'пускать', в междометии 'на', собственно 'возьми', а по смене орудия линейной речи 'руки' (отвлеченно 'мысли') орудием звуковой речи — 'языком' (анатом.) отвлеченно — 'словом', откуда и 'говорить', 'рассказ'.

3. Основа ver 'рука' \rightarrow 'слово' отождествляет соответственный слой удмуртского не только с тем слоем латинского, которому принадлежат разновидности ver и ber и в значении 'руки' (в глаголе $verber-āre$ 'бить') и в значении 'слова' ($verb-um$), но и с тем же слоем турецкого языка, здесь только технически в значении 'руки' в основе глагола $ver-mak$ 'дать' без как будто уже впоследствии выросшего раньше возникшего значения звукового слова, что мы находим, как признак более глубокой связи с удмуртским по указанному слою, у армян в термине древнедат. $veur-p$ [$\swarrow ver-p$] 'эпос', ныне уже 'роман', а в произношении еще со средних веков $ve-r$, т. е. с утратой «у», пережитка плавного г.

4. С такой же утратой «у» и с подъемным губным согласным bi ($\swarrow m$) $\leftrightarrow vi$ мы имеем удмуртскую же разновидность того же слова со значением 'руки' в основе (bi \swarrow $bu \rightarrow b$) русского глагола «би-ть», «бь-ешь» ($\leftarrow bu-o-шь$), где, следовательно, в основе bi позднее состояние удмуртской основы viu в глаголе $viu-ə-ne$ 'убить'; что касается b в. v , достаточно вспомнить уже привлекавшееся нами (см. стр. 474) комийское слово bi 'огонь', двойник и комийского и удмуртского vi ($\leftrightarrow vo$) 'вода', по разъясненному уже (стр. 474 сл.) закону противоположностей, но в то же время полный вид этого элемента B — vir со значением 'руки', неотъемлемым от него по известной уже теперь и вам семантической формуле 'рука+женщина+вода', сохранен турками в основе глагола $vir-mak$ 'бить'.

5. Что касается m в составе $m-mag$ со значением 'бог', то космическое его значение, именно 'небо', выступает наглядно в самом удмуртском, где m отдельно значит 'небо', но 'небо' же сигнализировалось другой звуковой разновидностью того же элемента A — ap , пережившей у вас, удмуртов, в значении 'неба', как оно сохранилось у шумеров в клинописи за пять тысяч лет, у мидов в клинописи эпохи Ахеменидов в составе скрещенного термина $ap-ki-k$ и у них же в значении культового детерминатива и у абхазов в живой речи во множественном числе со значением уже 'бога' — $ap-ŕá$.¹

Мы могли бы, более того — должны бы, иметь это же культовое слово с губной огласовкой om \leftrightarrow up . И оно, действительно, существовало в удмуртском или в более древнем еще доудмуртском образовании. Потому-то и m и его архетип up находим со значением дериватов от космического 'неба' в линии с одной стороны строительных терминов, именно 'неба' \rightarrow 'мира', 'населенных пунктов',

¹ См. Н. Марр, Скифский язык, стр. 376 [и здесь, стр. 216]; его же, О числительных [см. ИР, т. III, стр. 280].

в частности 'города', с другой — в линии развития социальных терминов, именно космической — тотем 'небо' → 'бог' → 'жрец' → 'царь', в двух архаично-письменных языках Кавказа и яфетического юга, халдском и мидском, в обоих в скрещении с акающей разновидностью ап, как то требовалось бы только в мидском, собственно скифо-мидском: это в социальной линии семантического развития мидское ип-ап 'царь',¹ а в линии развития строительной терминологии — в халдском ип+ап-1 'город'. В мидском ип появляется со значением прямо космического термина в составе скрещенного образования шиг-ип 'земля' (в древнеэламском: 'земля', 'шар'). Это скрещенное образование шиг-ип заставляет снова вернуться к удмуртскому с так называемым финским ти 'земля' в составе его также скрещенного образования ти-зем, 'земля'; так называемое финское ти, появляющееся с долгим «и» у финнов, в свое время было в полном виде шиг вскрыто у берберов.² Есть возможность проследить это двухэлементное образование с выдержанной губной огласовкой и на Западе в сродном с берберским иберо-баскском мире, и в восточном Средиземноморьи и у более близких халдов Вана. Сейчас, однако, мы заняты выслеживанием материального значения элемента оп ↔ ип на менее сложных примерах яфетического юга, и вот именно в армянском районе, т. е. в насыщенной халдами стране, найдем в том по степени несохраненности начального согласного (h, resp. ʃ) состоянии, как обычно в языках так называемой финской системы, а в яфетической Грузии в том же социальном оформлении (по огласовке о ↔ и), да еще с сильным согласным (h ↙ q), хотя и не аффрикатом (q ← q̣), лишь в родной шипящей среде (мег релье-ской, чанской, по скрещению и сванской (ǵ), здесь — вклад тотемного социально-экономического образования шоп ↔ шип) со звонким аффрикатом (см. формулу соответственных звуков) элемента С в их паличных фонетических взаимоотношениях — [h]op ↔ [h]ip ↙ ǵop ↔ ǵuʔpʔ → qop ↔ qip, все, кроме ǵop, основы глагола 'иметь' в построении 'у меня есть' ('владение' ← 'рука'), а ǵop, с оформлением шипящей группы ǵop-е, сохранено грузинами в феодальном языке со значением 'средство', 'хитрость', в народной речи — 'сила', в обоих случаях с семантическим архетипом 'рука'. Но мы, повторяю, ограничиваемся армянским ип-ип 'племя' (← 'владение' ← 'рука у меня'), и в Армении же находим с акающим оформлением все еще при значении 'руки' ап, даже с сохранением начального спирванта (h) — hap в основе армянского глагола hap-el 'извлекать', а с переносом названия орудия на вещество, т. е. конкретно с переносом 'руки', первого орудия, на материал первичный и их смесы, 'камень', 'бронзу', 'медь', 'железо', мы попадаем на основании удмуртских слов в мир хозяйственных предметов, уже датируемых и, следовательно, датирующих время связей удмуртов по звуковой речи с теми или иными первичными социально-экономическими образованиями. Эти же связи определяют сложный основной состав также социально-экономических образований, но большего охвата, — тех образований, что обычно сопоставляются по языку, как нацональные образования, именуемые «племенными» названиями. Этот большой социальный охват — генетически также тотемный, производ-

¹ См. ниже, стр. 518—525.

² Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, стр. 377.

ственно-культурный, по космический, в частности астральный, и с металлами здесь увязываются основные древнейшие виды хлебных злаков, о чем особо.

Несомненного широкого охвата социально-экономическое образование во все-ленском для своего времени масштабе, с которым у удмуртов выявляется связь уже в кругу таких отвлеченных понятий, как 'бог', — это халдская «мировая» держава: в халдских надписях *maḡ* из состава удм. *m-maḡ* 'бог' с подъемом в *p* → *b* в виде *paḡ* → *baḡ* представлен в значении 'бог' *baḡ*: 1) прежде всего в *Ba-g-baḡ-tu*, «названии одного из божеств халдского Пантеона по ассирийским источникам», с чем отпадает ставившийся Б. А. Тураевым вопрос об «арийском» его происхождении,¹ 2) в составе названия бога *Baḡ-t-ia*;² 3) в составе названия культового помещения — 'кумирня' *baḡ-zaḡ-1* и 4) бога 'солнца' *Paḡ-a* [→ *Paḡ-an*] → *Baḡ-a*, бога народа Этиупи, собственно этиев.³ Однако акающая огласовка могла бы рекомендовать все эти термины как достойные мидской («эламской») речи, где мы находим дериваты от *baḡ* ← *paḡ* (↗ удм. *maḡ*) 'рука': а) *paḡ+u* 'работать', да в скрещенном с элементом *D* (см. выше, стр. 494) *paḡ+u* 'трудиться', 'работать' (таким образом и в этом примере вскрывается материальная сторона двузначного полисемантизма 'работать+говорить', поскольку разновидность того же слова лежит в основе грузинского имени *la+paḡ-ak* 'разговор' и бретонского [кельтского] глагола *la+vaḡ* 'говорить'); б) *baḡ+b-1* 'брат'. Особого внимания, однако, заслуживает по связи феодального армянского языка с халдским *baḡzan* 'кумирня', 'культовое место', 'культовое помещение', поскольку: 1) арм. *ba-gin* (← *bā-kin*) 'кумирня' — лишь разновидность, в составе из тех же элементов *BC* (с утратой плавного и перебоем губной огласовки в *i*, т. е. архетип **baḡ^hkin* при глухом состоянии согласных — *paḡ^hkin*). Однако значение 'кумирня' — позднейшее восприятие (именно — технологическое) соответственной стадии, поскольку вторая часть, элемент *C*, сибилантичного типа *zaḡ* должна означать 'место', подобно спирантной ее разновидности *-an* (← *han* ↙ *kin* → *kan*)⁴ и так может обстоять дело в халдском тексте вапской клинописи. Однако, если термин *baḡzan* создан на более древней стадии, тотемической, об обозначаемом им предмете можно говорить как о 'кумирне', о культовом помещении там кумиров или кумира, лишь в зависимости от культовых представлений и обстановки позднейших стадий, как и в отношении арм. *ba-gin*, который сам по себе, как наследие тотемического восприятия, означает и предмет культа, и место культа. Между прочим, составители Большого словаря стараются дать реальное представление об уногреблении этого термина у армян в следующем толковании: «алтарь... трапеза жертвоприношений, особенно язычников, жертвенник визкий или высокий (отсюда и *baḡdun-q* 'жертвенника' [одновременно в обычном пользовании 'высокие' или 'высоты?']), сооруженный (*kaḡneal*) из камней, на котором находилось обычно у язычников изображение идола». Авторы не учли, что встреча с *baḡdər* 'высокий' (мн. *baḡdun-q*), появляю-

¹ Ср. Археологическая экспедиция в Ван, стр. 62.

² Уб. м.

³ Ук. соч., стр. 50.

⁴ (м. ниже, стр. 525.

щимся во множ. числе со значением культового места, зависит от двух фактов: во-первых, высоты, т. е. горы, служили местами культа независимо от кумира, даже от алтаря, сами вершины-площадки служили алтарями, почему и по утверждению христианства у армян, да и не у одних армян, церкви в гористых местностях строились на соответственных культовых площадках; во-вторых, в лицах чисто языкового толкования по палеонтологии речи с одной стороны 'небо+гора+голова' составляют один семантический пучок, с другой — 'высокий' — это слово 'небо' и естественно, что *горнее* (значит, небесное) культовое место совпадает с прилагательным 'высокий', также первично 'небесный', и отсюда то, что *bag-zap* 'культовое помещение', повторю, первично культовое место ('горная высота'), в армянском имеет два формальных эквивалента: один с губной огласовкой *bag-đun* в прямых падежах, другой с выдержанным аканьем *bag-đan*, халдск. *bag+zap-1* в косвенных падежах, в обоих случаях со значением 'высокий', а во множ. числе (*bag-đun-q*) и 'культовые высоты', 'культовые горы' ← 'небеса'.

ОЛЕНЬ, СОБАКА, ЛОШАДЬ

После или рядом с первым орудием производства — 'рукой', в начале воспринимавшимся вовсе не по-современному (лишь голо-технологически), а как символ производства, трудоматического действия людей, противоположного природному действию животных, эту коллективно организованную людьми страду, источник и основу прогресса всего мира, и природного, разделяют прирученные или одомашненные животные: олень, собака и лошадь.

'Олень' по-удмуртски *pu-jeu* (коми *кыг*, самка *va-jeu-ka*). В отношении названий 'олень' пока обращу внимание лишь на связь их с 'лодкой': и удмуртское, и коми *рә-ј*, но, кроме того, коми *кыг* («кбг»).

По удмуртским материалам, не одним языковедным, нам приходится остановиться прежде всего на 'собаке' и 'лошади'. Их названия, особенно более древней по приручению собаки, — многочисленны; они добываются палеонтологическими раскопками в самой удмуртской речи. Так, по-удмуртски 'собака' — *ripə* (коми *роп*), 'лошадь' — удм. *val* (коми *выл* = «вёл» ~ *выл*). Если мы возьмем из названия 'собаки', несомненно, двухэлементного (BD) скрещения, первый член — *ро* ↔ *ри*, то название 'лошади' окажется лишь с полным видом элемента В — удм. *val*, коми *выл* [✓ *vil*]; в названиях же 'олень' тождественное социальное оформление с удмуртским *и* (↔ *о*) — *ри* (↔ коми *ро*) названия 'собаки', а в коми название 'самки оленя' *va-jeu-ka* — усеченный вид удмуртского названия 'лошади' *val* и *-jeu-ka*, усвоения разновидности русского «жилика» в смысле 'самки' (но из русского ли, еще вопрос). Марийский сохранил элемент В и в усечении плавного, с ослаблением его в у — *ри* ← *ру*, и полностью, но в скрещенном образовании «пй-ньэ-гы», в три элемента, из коих два первых члена, элементы BD «пй-ньэ-», дают разновидность названия 'собаки' — удм. *ри-пə*, коми *ро-пы*, а третий член «-гы», элемент С, имеет громадную филиацию по всей Афроазии и самостоятельно на Кавказе у ряда яфетических народов, у русских, у кельтов, у римлян и у берберов, в значении то 'собаки', то 'лошади',

у финнов же не самостоятельно, а в скрещенных образованиях — 'волка', как известно, названного по одомашненному животному 'собаке', уdm. *ki-on*, герсп. *kəu-on*, коми «*köj-in*» = *kyu-in* (✓ **kyip*, ср. коми *kyg* 'олень'), равно у суоми 'лошадь' — *he+vo-ne*, причем наличны здесь в трехчленном образовании не элементы ABC, как казалось раньше,¹ а элементы ABD или CBD.

Элемент В (vo), у мариев в полном виде *rig* \ *riu* 'собака', в скрещении с элементом С (скорее чем А) дает мар. *rig-e* (равно «шир-ы́» = *rig-ə*) в значении 'волка'.

Что касается элемента А, в основной огласовке удмуртского языка — *ur*, то мы его имеем с утратой плавного в скрещенной с элементом С основе *u-t* ['собака'] глагола *u-t-e* 'лает' и тур. *a+t* 'лошадь' (сюда же с озвончением *a-de* в составе русск. «лош-а-дъ», множ. число род. падеж «лош-а-де-й»), несомненно, лишь разновидность иного, характеризуемого огласовкой, социально-экономического образования, в лоне которого иросло новое значение с новым акающим оформлением, как т. *ваш* 'голова' против чув. *rəʒ* ↔ *riʒ*, поддерживаемого не только его двойником *bug* 'голова', 'верх', 'край', что и в скрещенном бск. *bug-u* 'голова', и в основе глагола г. *da-i-bug-a* 'покрыл себе *голову*' и т. д., но и словом из самого удмуртского языка в форме удвоения (ВВ) — *ru-m* ↔ коми *ro-m* (ср. также ВD — *ro-n*) в значении 'конца', ибо 'голова' [герсп. 'начало'] и 'конец' [герсп. 'хвост'] носили одно название (см. суоми «*fää* 'голова', 'глава', 'верх', 'конец'). Любопытно, что, при верности своей огласовке в слове 'конец' — *ra-ʒ*, марийский в значении 'головы' использует слово, во всех отношениях собственность фондового слоя удмуртского и коми, именно *vuu*, в роли же 'хвоста' марийский использует и акающее *ra-ʒ*, следовательно, актуально и 'хвост', и 'конец', и акающее *ro-ʒ*, т. е. одно общее тождественное с армянским (в народной речи) слово *ro-ʒ* все в том же значении 'хвост'. А русское «хвост»? Разве это не то же самое *ro-ʒ* (← **ro-t*), на яфетической почве представляющее уточненную детерминативом (✓ *q̄* || *q̄*) разновидность с закономерным разложением *t* (→ *ʒ*) в *шт* || *st* : *q̄-vo+st*?

В заключение — касательно первого члена в значении 'собаки', откопанного в основе глагола *u-te* 'лает': не может быть сомнения, что это элемент А, следовательно, его прежний вид со значением 'собаки' звучал *ur* (↔ *or*, ср. бск. *or* 'собака'), ибо этот древний вид сохранился в таком скрещенном с *kon* образовании, наличном теперь в русской речи, что становится очевидным, как русское слово «кон-ь» (✓ *kon-e*) некогда своей основой *kon* означало 'собаку': это драгоценный пережиток *kon+ur-a* 'помещение (-а) собаки (*kon* || *ur*)'. Вывод формального значения тот, что скрещенная основа *u-t* 'собака' в той же сохранности должна бы звучать *ur-t* → *ur-d* → *ur-ʒ*.

Естественно, что если *ur-t* 'собака', сменная 'лошадью', передавала ей свое название, то такой же процесс происходил, как известно, с 'верблюдом': сем. *gamal* (арб. *ḡamal*^{un} || *gamal*^{un}, евр. *gāmāl*, *gmal*), откуда греч. *camel-o+s*, все это у прометеидов (синдоевропейцев) наследие от 'собаки' → 'лошади', на

¹ Ср. Первая выдвигенческая экспедиция по обследованию мариев, стр. 24 [см. здесь, стр. 456].

Западе больше 'лошадь' — *kabal* (см. в латинском и романских языках присущие им разновидности), а в Армении *uğt* (др.-л. *uĭ-t*) ← *ug-t* нас приводит к архетипу праудмуртской 'собаки' *u-t*. А армянское слово *uġt* (← **uğt*) 'место культа', 'обет', 'братство', ведь это тотем, по 'собака' ли?

Оставаясь даже в пределах элемента *ug* / *u* → *u*, было бы ошибочно думать, что в удмуртском все пало связывать обязательно с 'собакой' или 'лошадью', каковы бы ни были заслуги этих трудовых сочленов человеческого коллектива с палеолитических этапов его материального и общественного развития. И данная выше формула звуковых разновидностей того же слова, независимо от 'собаки', отправляет по речевой палеонтологии функцию сигнализации предметов из производственного слоя слов, послуживших как бы базой, опорой для скачка в материальной базе, неразрывно увязанных друг с другом так, как то наглядно можно было бы видеть по семантической таблице, где, нельзя замалчивать, по космопическому мировоззрению термин *u-j* ['лошадь'], отканиваемый из *u-j-rg* 'жеребец' (-*rg* 'мальчик'), может быть увязан с 'солнцем' (ср. в то же время по функции одомашненных животных: 'собака' — *u-t* → 'лошадь' — *u-j*).

К ПАЛЕОНТОЛОГИИ МЕСТОИМЕНИЙ

Из палеонтологического разъяснения структуры удмуртского языка мы выделяем в первую очередь местоимения, имеющие функцию не одной службы связи. Местоимения личные настолько общи, что независимо от сложения удмуртских суффиксов с грузинскими местоименными частицами и самостоятельными местоимениями, с удмуртскими легче анализируется халдский глагол так, точно это один язык. Но мы сейчас стоим все на термине с акающим оформлением *maġ* 'рука'.

Слово *maġ*, элемент *B* с аканием, врезывается не только в словарный фонд, но и в структуру речи, т. е. в то, что обычно и в наши дни называется, повторяюсь, допотопным термином — «грамматика», наследием от схоластики, буквально означающим «учение о буквах». Палеонтология же речи по яфетической теории установила, что 'вещь' была названа не по ее составу, а по орудью, хотя оно само изготовлялось из материала (вещества), а первым орудием была 'рука', и 'рука-вещь' одновременно стала местоимением, служащим для указания 'вещи', именно 'что', и, естественно, *maġ*, которое, как мы видели, некогда означало 'руку', в удмуртском является местоимением 'что'. Это местоимение, появляющееся и с усечением исходного плавного в виде *ma*, имеет распространение и на Кавказе в таком языке яфетической системы, как опять-таки сванский (*mā*, *ma*, м., ч. *miu* → *mi*), и на Аравийском полуострове в таком языке семитической системы, как арабский (*mā* → *ma*, ср. евр. *māh* и др.), только в удмуртском сохранило себя полностью в виде *maġ*. В удмуртском также появляется это местоимение в усеченном виде (*ma* 'что', *ma-in* 'чем', *ma-ke* 'что-нибудь', *ma-lə* 'зачем', 'почему', *ma rop-na* 'из-за чего', 'за что'), но междоименно удивления *ma-ma-ma*, по всей вероятности, восходит не к местоимению или 'руке', а 'богу', раньше к 'тотему'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Ни в чем так, как в числительных, не выступает статически — мозаичность формирования речи, динамически — обобществление ее с техникой. Предполагаемая природная (расовая) простота — это фикция, созданная формальным методом индоевропеистики.

Мы уже коснулись попутно анализа ряда числительных, среди них и тех, что общи у удмуртского с грузинским языком феодальным (древнелитературным) и русским. Но нас сейчас интересуют принципиальные вопросы вроде вопроса об общности семантических норм у всех народов, следовательно, и у удмуртов.

В работе о финских числительных, доставленной мне недавно на суд одним из кавказоведов, ориентированным и по финским языкам, мы прочли: «В угро-финских языках понятия 'восемь' совсем не было, и оно заменялось описательными формами, означающими 'два из десяти'. Таковы финское [суоми] kahdeksan» и т. д. Между тем такое или аналогичное построение числа 'восемь' ничего исключительного не представляет. Во всех языках наблюдается то же самое. Но это явление с особой последовательностью реализовано в удмуртском, ибо так же построено не одно число 'восемь' *ṭa-məs* 'без двух десят', слово в слово — 'два десят', где, обратите внимание, для выражения 'десяти' использовано не так называемое общезинское слово, в удмуртском звучащее *das*, а *məs* (*ṭa-məs*). Так же построено число 'восемьдесят' *ṭaməston* 'без двух десятков сто', буквально 'два сто', где 'сто' получено путем умножения: 'десять (*məs*) десять (*ton*)'. Так же построено 'восемьсот' *ṭameşu* 'без двух сотен тысяча', буквально 'два тысяча', причем 'тысяча' здесь *məs-şu* образована так же описательно 'десять (*məs*) сто (*şur*)', как в грузинском (*aḡ-as* '10', '100').

То же самое мы видим, как то показано при анализе 'единицы', с 'девятью' — *u+k-məs*, с 'девяносто' — *u+k-məs+ton*, с 'девятысот' *u+k-məs-şu*. Пример с 'девятью' тем интереснее, что удмурт, которому также легко понять яфетидологический анализ названия собственного числа, ясный для него как солнечный день, при одном знании родной речи без классического образования не менее легко поймет, почему, когда 'десять' указывают, например, на часах знаком (римской цифрой) X, то IX значат 'девять'. Ведь то же происходит не с одной цифрой 'девять', не с одними числительными, когда удмурту легче освоиться, да сознательнее, с элементами хотя бы техники европейской культуры, чем неграмотному члену просвещенной нации, хотя бы европейской. Почему же мешать и удмурту ликвидировать беспрепятственно свою культурную безграмотность, опираясь на то теоретическое разъяснение хорошо ему известных фактов родной речи, что дает новое учение об языке? С его помощью он легко поймет при встрече своих сограждан-кавказцев с языком яфетической системы, даже негра или зарубежника по основной своей массе лаза (чала), произносящего *uḡ-ṭ¹* 'десять', так как удмурту и в данном более сложном случае легче, чем кому-либо понять, что другие граждане, от «малой» ли они или «великой» народности, вовсе ему не так чужды, как то его мнимые друзья изображают, ни одна народность не особого расового происхождения, ни одна, даже самая малая, не

обречена на вымирание, что по обстоятельствам истории удмурты, как финны, разошлись с кавказцами, мегрелами и их почти соседями лазами (чанами) на узловых числах еще тогда, когда счет существовал лишь до пяти. Разумеется, это расхождение касается не всей массы удмуртов, мегрелов и лазов (чанов). Ни те, ни другие, ни третьи не представляют вовсе примитивных племенных образований. Расхождение то касается одной из наличных или в процессе их нарастания отложившихся в их пестром социальном составе многочисленных социально-экономических образований малого охвата. Такое же расхождение у тех кавказцев наблюдается в отношении 'десяти' с ближайше, на формальный взгляд, родственными грузинами в отношении именно 'десяти', что мегрелы и лазы (чаны) называют *viši* при груз. *ad-i*. Но в числе, кроме того, приходится учитывать наиболее сильно именованья и новшества, вносимые экономическим влиянием и характером торговых сношений, т. е. по числительным можно строить не только историю примитивно-тотемических эпох, т. е. не только дофеодальную, да и родовую так называемую доисторию, собственно историю доудмуртского тотемического еще общества, но и «подлинную» (с буржуазной точки зрения) историю удмуртов, некогда самостоятельного феодально-национального объединения. Чего стоит один тот факт, что для 'десяти' у них три, четыре термина.

Когда в таких случаях мы встречаемся с созвучиями так называемых финских языков, в частности удмуртского, с германским или русским, то говорить, что удмуртский заимствовал у более успешных в современной культуре, это значит утверждать в сотый раз, что Волга течет из Каспийского моря. Дело обстоит сложнее и обратно. Сейчас нам важно отметить, что каждое числительное узлового значения, как то 'три', 'пять', 'десять', 'сто', 'тысяча', 'десять тысяч', поскольку оно выражено не описательно, указывает на одно из первичных социально-экономических образований, вошедших в состав данного теперь «племенного» или национального образования, так как эти узловые числа раньше означали 'тотем' и в то же время наименование всего производственно-социального коллектива; потому тем же названием в данном коллективе выражали понятие 'все' или 'целый', равно 'много', как бы 'весь мир'; например, 'десять' получило каждое из своих многочисленных названий, в частности *top*, тогда, когда производственно-социальный коллектив не превышал 'десяти' (в начале — групп), весь мир этой социальной группировки завершался числом 'десять' (в начале — из коллективных единиц), это было 'все', это было 'целое', это было 'много', это было прелепное числовое обозначение, от которого отсчитывали то, что меньше, именно 'девять' = 'десять без одного', 'восемь' = 'десять без двух', и к нему досчитывали единицами, что было выше, так 'одиннадцать' = 'один десять', 'двенадцать' = 'два десять' и т. д.¹ Потому спирантная разновидность слова *top*, именно *op*, означает у турок 'десять', а ее двойник *up* у вас, удмуртов, означает 'много' в слове *up-o*.

¹ См. печатающуюся в ближайшем томе серии АН СССР «Записки коллегии востоковедов» мою статью: «К вопросу о происхождении арабских числительных» [напечатано ЗКВ, т. V, стр. 611—645].

Вообще *ton* и его разновидность *on* и др., элемент *C*, т. е. *YON*, вначале название первичной производственно-социальной группировки, мы находим и в названиях таких животных, которые были тотемами, и в служебных словах стройки удмуртского языка, так называемой грамматики: раз слово означало число, то с известной стадией развития речи оно же означало 'руку', и уже рука, как орудие, сигнализировала и действие, неопределенное наклонение или отвлеченное понятие, и само орудие действия; так с окончанием *-ton*, как и его двойником *-on*, мы имеем *su-ton* 'жжение' и 'сжигало', *si-on* 'едение', *kas-on* 'тушильник', как бы 'угольник' (тушильник угли — *egər*).

С *t* → *d* не в этом только случае надо быть осторожным, ибо эти согласные независимо несут другую функцию, именно перехода основы из безразличного состояния (пассивного в бытовом смысле слова, ибо на самом деле пассивность исходит из действительности, «грамматически» — среднего) в действительные (активное, «действительный залог»).

ИЗ ТОПОНИМИКИ

Названия населенных пунктов, в числе их не только сел, деревень, городов, но и гор, на склонах которых обитали, морей, по побережью которых население вело свою трудовую жизнь, рек, по которым организовывались первобытные общества с начальных эпох, представляют большой теоретический интерес для истории, да и практический.

Я остановлюсь лишь на одном ряде названий населенных пунктов, именно тех, что связаны с термином *gurt*, означающим 'деревню'; таких деревень у вас довольно много, так —

<i>U+meḡ-gurt</i>	<i>Pa+ḡa-gurt</i>
<i>Bur-gurt</i>	<i>Por-gurt</i>
<i>Ko+ḡe-gurt</i>	<i>Sar+ḡe-gurt</i>
<i>Mun-ḡe-gurt</i>	<i>Šu+man-gurt</i>
<i>Naḡ-gurt</i>	<i>Vylm-gurt</i>

и случай с глухим *k* вм. звонкого *g* в *gurt* — *Tara-kur+t*.

Можно бы перечислить более привычные вашему околотку названия, уже рек, которые так любовно изучает как родной мир член нашей экспедиции аспирант т. Жуйков:

<i>Šymḡa-šur</i>	<i>Koḡa-šur</i>
<i>ḡua-šur</i>	<i>Dondə-šur</i>
<i>Ḳtem-šur</i>	<i>Inma-šur</i>
<i>Yago-šur</i>	<i>Vuḡ Ḳudna-šur</i>
<i>Kəu-šur</i>	<i>Nakaḡamu-šur</i>
<i>Beḡyši-šur</i>	<i>Ky+ḡon-šur</i>

Ведь *šur* 'вода' — это арм. *ḡur* (↗ *jur*) 'вода' и кельтское (брет.) *dur* 'вода'. Судя по переживаниям в дериватах, выявленных в таблице, удмуртский язык

имел спирвантную разновидность в значении 'воды' *uig*, точный перебойный эквивалент разновидности с шипящим начальным согласным *jug*, она же прослеживается за пределами и перечисленных языков, ведь то же слово в основе русского глагола «жур+ч-ать» — *jug+ǝ*.¹

In̄ta-šug это река *In̄ta*, полностью *In̄taḡ*, т. е. река тотема некогда, позднее бога *In̄-taḡ*, но с такими заключениями при нашем современном мышлении надо быть очень осторожным, ибо каждое слово имеет, должно иметь одно определенное значение, тогда как при полисемантизме речи первобытного общества 'бог', *resp.* тотем, и 'вода' означались одним словом, и когда дело идет о названии реки *In̄-ta-šug*, по отвлечении *šug* сохраняется *ta ↔ va*, также означавшее 'воду', как и его двойник с губной огласовкой *vi* (удм) ↔ *ti*, последнее — конец упомянутого в перечне названия реки *Naḡaḡaḡa-šug*, по отвлечении *šug* 'река', значит, следовательно, также 'воду', 'реку' и т. д.²

В первом перечне названия все — с конечным словом *gurt* 'деревня', но это лишь одно из значений. Уже язык соседних *зырян* или *коми* изменяет принятому у вас, удмуртов, осмыслению этого слова. По *коми gurt* это совместное выявление группы лиц, как в русском «гуртом» 'кучка'. Русское «гуртом», именно *gur-t ← kur-t*, арм. *kuḡ-t* (древнелит.) ↔ *kuḡ-t* (нар.) 'куча', 'ватага', 'стадо', груз. *kol-t id.*, русск. «куча» — разновидности одного слова. Однако по палеонтологии речи установлено, что 'деревня', 'город', 'мир' или 'вселенная' носили одно и то же название. По-удмуртски 'деревня' — *gurt → kurt*, 'город' — *kaḡ* по акающей группе, а по окающей *kuḡ* в клинописи есть название и 'стран', и 'городов'.³ Так-то *gur-ta* с *kaḡ* как будто слова различные; на самом деле, помимо общности первой основной части, рядом с *gur-ta → kur-ta* в значении 'города' налицо и *kaḡ-ḡa* и его двойник *kaḡ-ǝḡ*. Это, как уже разъяснялось, в Африке название *Naḡ-ḡa-go[n] ~-gḡn* || *kaḡ-ǝḡ-don*, город досемитический так же, как *Ольвия* у нас доэллинская.⁴

Да кроме того, и *gur-t*, в более древнем виде *gurta*, с утратой плавного — *guta ← kuta* (Κύτα) в Грузии, точнее у колхов, был 'город', это ныне *Кутаис*.⁵ Однако в грузинском названии налицо уже тотем, ибо иначе не понять родительного падежа, ни древнелит. *ḡu+ḡa+ǝ-is*, ни народного *ḡu+ḡa-is*.

Тотем *ḡuḡa* это на позднейшей ступени озвончения начального согласного *вм. ḡuḡa* (у грузин *ḡuḡa → ḡuḡa*, основа слова 'бог'), а раньше **kuta*, при первичном диффузном звуке, представленном группой *sk* — *skuḡa* 'скиф', с сохранением плавного *skurta, resp. skulta*, что и использовано как нарицательное имя 'села',

¹ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 48 [см. здесь, стр. 254], см. также: Из семантических дериватов 'исба', стр. 28; Чувацкие слова с основой *cu* в освещении одного из положений яфетической семантики [см. здесь, стр. 309]; Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам, стр. 25 [см. здесь, стр. 284], К вопросу о названии рек Сибири в освещении яфетической теории, стр. 351, 364; Китайский язык и палеонтология речи, стр. 104 и др.

² См. Н. Марр, К вопросу о названии рек Сибири в освещении яфетической теории, стр. 350, 351.

³ Н. Марр, Чуваши яфетиды на Волге, стр. 70 [см. здесь, стр. 369], его же, Скифский язык, стр. 347, 348 [см. здесь, стр. 217, 218]; его же, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, стр. 28—29 [см. здесь, стр. 410].

⁴ Н. Марр, Карфаген и Рим. *fas* и *jus*, стр. 385—395, и другие работы.

⁵ Н. Марр, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по обследованию *мариив*, стр. 25 [см. здесь, стр. 456].

первоначально тотемически 'скифского села' (удм. *gurta*), и как название 'золота' — *kulta* (суоми). Но нельзя смешивать со второй частью скрещенного образования морфологическое производство с помощью суффикса *-do* — в порядке агглютинативного строя, как то находим в названии древнейшего храма в Грузии *Ншиг-do*, сооруженного, несомненно, на месте прежнего языческого культа *Кшиг'a*. Оформление его по шипящей группе с губной огласовкой (*и — u*), где по мегрельской норме во втором слове губная огласовка (*u*) сменяется небной (*а*) — *ku-шг*, пережило у русских в виде «кумир». ¹ Суффикс же *-do*, признак имени места, в кавказских языках яфетической системы является префиксом *do*. ² В обычной линии семантического развития, отражающего смену социальной базы, 'кумир' ('тотем', 'бог') → 'полубог' или 'герой' и в последнем значении налицо в г. *gшг*, и с сохранением полноты огласовки у «осетин» (овсов): *gшгг* 'великан', 'исполн'. ³

ТОТЕМИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Это — дородовая или на меже с нею форма социальной структуры (между матриархальной и патриархальной формами).

Датировка стадии удмуртского языка по терминам социального строя, полисемантизму и образованию множественного числа нас относит в доудмуртское состояние речи. В этом смысле термины социального строя и полисемантизм в языках так называемой финской системы чрезвычайно показательны. Показательны они по той недоработанной ступени стадияльного развития, которая более всего определяет систему языка. Система языка у индоевропейцев носила под различными названиями, обычно под названием семьи, расовый смысл, и доселе их представление отнюдь не утратило отпечатка, да сильного привкуса этой расовости, упираясь в замкнутость рода на крови, как первичной ячейки, четкой формы социальной структуры. На этом общественно зиждется союз индоевропейстики и узкого национализма, а порой не только национализма, но и его противоположности, именно великодержавного шовинизма. Между тем показательность недоработанной ступени стадияльного развития в отношении так называемой финской системы такова, что приходится более сомневаться не в названии «финский», а в состоятельности применения термина «система» к этому кругу языков. В то же время о стадияльности никак нельзя говорить в той мере, в какой замечаем в языках яфетического круга, особенно, когда речь заходит о парных языках, языке феодалов и так наз. народном, грузин и армян. Финская и яфетическая системы в этом кругу языков стоят на противоположных полюсах: одна мало доработана или вовсе не доработана, другая ярко полистадияльна, особенно грузинская речь; если взять народные языки грузин и армян, то это расхождение систем сближается. Особенная близость сказывается в общем

¹ Н. Марр, Скифский язык, стр. 376, [см. здесь, стр. 217]; его же, О числительных, стр. 28 [ИР, т. III, стр. 260], его же, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 9 [см. здесь, стр. 229].

² О *-do* в племенных названиях см. *Mordva* (← *Mor-do*) в «Бретонской нацменовской речи в уязыке языков Африказии», стр. 5.

³ Ср. В. Миллер, Осетинские этюды, I, стр. 125.

у финских языков с армянским, и возникает прежде всего в корне социологический вопрос, два социологических вопроса, которые, особенно первый, приходится направить для решения прежде всего к историкам пока что восточной Европы. Эти два вопроса следующие:

1. Не сняты ли историей родные древние господствовавшие классы «финских» народов, а с этим процессом снята, следовательно, их феодальная, феодально-буржуазная классовая, а, может быть, более архаичная — «тотемическо-городская» речь? Нужно ли разъяснять, что архаичеккий город, о котором идет речь в существование которого находится вне сомнения, качественно иной, чем город феодальных или феодальных эпох, как его обычно себе представляют.

2. Надо ли снятие понимать как разгром, результат нашествия и бесследное уничтожение и прежнего социально-господствовавшего слоя и его языка? Или снятие, как вынуждаются думать яфетидологи, предполагает в данном случае длительный диалектический процесс мирового масштаба, в результате которого в восточной Европе получились новые социально-экономические образования, в том числе вместе с германским или гуд'ским (в первую очередь готским) и русское, и в языках их. в частности в русской речи, надо искать следы утраченного финнами буржуазно-феодального или еще более раннего «тотемическо-городского языка», следы более выдержанной некогда единой финской системы того или иного языка?

А пока что особо показательны термины социального строя, полисемантизм и образование множественного числа у удмуртов не только для датировки стадий или вообще социально-экономических образований, в языке — систем, но и по ярким собственным конкретным связям с дальними языками. Чего стоит одна такая встреча в термине тотемическом, как у кельтов-бретонцев *vññid*, получивший смысл отвлеченного 'чуда', и у удмуртов *vojñid*, сохранивший еще значение социального термина в строе матриархальных, так называемых воршудных родов. Матриархальный строй по фамильному названию, именно *Galʒqān* (← *Gal-ʒ+qā-an*, у грузин *Gar+da-ʒ+qā-dē*) нами был прослежен у сванов,¹ это общий для всего человечества стадия, пройденная предками каждого народа. Но у удмуртов с южными яфетическими народами тотемической и переходной тотемно-космической («раннефеодальной») общности, бесписьменными и архаично-письменными, общность элементов и оформления в первую очередь с так называемой шипящей группой, т. е. с мегрело-чанским, халдским, но также с другими народами Понта.

В наименованиях же удмуртских родов мы имеем тождественные порою во всех отношениях образования, так:

удмурты	халды Вана (Лазистана и Мегрелии)
<i>Meñ-a</i> (← <i>Meñ-ya</i>)	<i>Meñ-u+a</i> , имя халдского царя
<i>Diq-a</i> (<i>Dl-q-ya</i>) \ <i>Jiq-a</i> (← <i>Jiq-ya</i>)	<i>Diq-ɹ+a</i> , мегрельская фамилия

¹ Н. Марр, Нарядительное значение термина *qera* в «мигальских» женских именах (по яфетическим данным), стр. 125 и др.

Другие наименования в наиболее пока полном списке, составленном М. Г. Худиковым,¹ представляют не меньший интерес бесспорно исторической связи, но ценность представляет и тожество оформления у «финнов» с непосредственной придачею окончания -ya || *-ya (/ -ka → -ga) → -a, как часто бывает и у грузин: mcl-a 'лисица' вм. mcl-1+a² и др.

Из мертвых языков яфетической системы, клинописных, такое же образование племенных названий и личных имен выявляет мидский Ахеменидской эпохи, примыкая к грузинской модальности множ. числа Vurkan-1+ya-p 'Вурканы' («Гирканцы»), так Assagart-1+ya 'сагартиец', Mart-1+ya, Mardun-1+ya и т. д., а из названий богов, раньше тотемов, и затем личных имен, Bag-t-1a 'Барция', божество, упоминаемое в халдской клинописи, Gobr-у+а-s (ср. Gobar-va, асе. Kubar-га, перс. Gaubr-п+va), Berd-1+ya. Последнее, означающее 'Смерда', его разновидности, имеет, как увидим, связи за пределами Мидии.

По социальной структуре остановимся в удмуртском на терминах родства: их, собственно, как будто и нет с привычной нам определенностью, точно мы на грани, когда с чисто экономическим содержанием социальных терминов общест-венность еще не рассталась и в то же время нарастают первые формы кровного родства, родового строя. Так даже такой общий термин, как пәл-рә 'дети' (множ. число без окончания -у+s или -os,³ о чем особо, точно нет ед. числа 'дитя'), — как бы общего применения, так называемого «среднего рода», и когда хотят сказать 'дети', то выражают это словами 'девушка+мальчик' (как в чувашском ывәл-хәг 'дети' из ывәл 'альчик', 'сын' и хәг 'девушка'), ибо пәл значит 'девица' и рә значит 'мальчик', причем пәл, означающее и 'девушку', и 'дочь' (палеонтологически также и 'жену', и 'мать') — не простое слово, а результат удвоения элемента D — пәл (/ по-lә), разновидности удм. пе-пе 'мать', удм. по-пә 'сосок' (часть по целому, первично 'мать'), глазовск. пи-пә 'ребенок' (раньше 'девушка', палеонтологически 'мать'), ибо одноэлементно (по \ пә), как было показано на анализе кәш+по 'жена', слово означало 'женщину'.

Однако слово 'дитя' в ед. ч. существует у удмуртов, их даже два: одно мы уже разобрали: это рпәл, в нем три элемента рә-, -п- (/ пә / по ↔ пи) и -ал; сейчас в удмуртском рә значит 'мальчик', по ↔ пи значило 'девушку', ал 'дитя', правда, как микроекосмическое использование 'солнца', но ведь и 'солнце' — то было в более раннем представлении 'девушкой', 'женщиной', вслед за тем 'мальчиком', 'мужчиной', а не безразличным «существом», т. е. ал могло бы означать и, действительно, означало 'девушку', 'женщину' на матриархальной стадии (бск. ал+пә-ва 'девушка', слово в слово 'женщина-дитя', шум. gal 'женщина',⁴ г. qal и 'женщина-девушка', и равно г. qag в qaga-biṭ-a 'гермафродит', т. е. и 'женщина', и 'мужчина'),⁵ оно же могло бы означать и, действительно, означало и 'мальчика',

¹ Вотские родовые деления, стр. 352—354.

² См выше, стр. 468.

³ Вариант пәл-ос 'дети' (П. М. и П. Я. Русских, Русско-вотский словарь, см. дети) представлял бы значительный интерес, если бы можно было доказать, что это не новое искусственное по аналогии образование.

⁴ Н. Марр. Заметки по яфетическим клинописям, ИГЭИМК, т. III, стр. 295.

⁵ Н. Марр, Готское слово gasha 'муж' (к увлаке готов с яфетическими народами Кавказа), стр. 417.

‘мужчину’ на патриархальной ступени стаднального развития (шум. gal-u ‘мужчина’,¹ аг ‘мужчина’ в арм. ауг ← аг и др., ср. стр. 513), равным образом по ↔ пи ‘девушка’ (арм. пп ‘невестка’, ‘невеста’), lu в составе халдск. lu-tu ‘женщина’ и шум. lu ‘человек’ и лишь по общественной потребности, когда нарождалось новое представление, на одно и то же слово возлагалась, когда дело шло о термине, функция сменяющих друг друга по профессии же лиц; лицо же без общественной функции, так ‘ребенок’, за малолетством, когда возникла потребность и возможность его именовать также особо звуковым словом, стали именовать или уменьшительной формой лишь в ед. числе — «ребенок» («ребята» уже и взрослые), или безразличным, так называемым средним родом — «дтиа». Там же, где слова сохранили еще четкое значение в зависимости от того или иного строя, по ↔ пи ‘девушка’, ‘женщина’, рi ‘мальчик’, ‘мужчина’, допустим так же, как сейчас, ни по социальному строю, ни по родству ничего не говорящее, то выход из затруднения решался комбинацией различных слов для удовлетворения вновь народившейся потребности и, конечно, в данном термине и части, т. е. и рi, и п (✓ пә), и аl могут иметь и имеют по положению лишь общее значение ‘дтиа’, ‘ребенок’; ведь употребляется же удм. пипә в значении ‘ребенка’, хотя слово значило первоначально ‘мать’, ‘девушку’, ‘женщину’. Самое решающее указание на такое именно положение дела в вопросе о стадии, это удмуртские термины ‘мать’ и ‘отец’: ‘мать’ — шитә (коми шиты), то же слово шитә, что в мегрельском и чанском означает ‘отца’ (в мегр. также ши-а, а в сванском диалектически би-а и одноэлементно ши ✓ шиl, мн. ши-аг || шиl-āl, равно шатаl-аl, шатаl, шатаl-аг), ибо с наступлением патриархального строя название ‘матери’ было перенесено на ‘отца’ и получившийся полисемантизм находил поправку в дифференциации. Дифференциация происходила, как было указано, или фонетическим видоизменением того же слова, так у грузин ‘отец’ — шата (народн.) ✓ рарга¹ → баба (и мегр.), и все разновидности с согласными использованы для терминов родства мужской линии — рар ‘дед’, ‘предок’ (как в армянском), ба+ба (нар.) ‘отец’, баб-и+а ‘дедушка’ (мегр. баб-и или ба-би ← ч. ра-ри ✓ ра-риl и ‘царь’ по Иск. Цитапвили), но след того, что это слово раньше означало ‘мать’, сохранился у грузин же, как было указано при толковании названия ‘паука’, в терминах для обозначения ‘бабушки’ — бев-и+а. В свою очередь и в удмуртском сохранился след такой коренной смены значений: им объясняется то, что шитә ‘мать’ в разновидности с подъемом ш в б употребляется для обозначения родства мужской линии, так ‘бабушка’ — удм. регеş шитә, ‘дедушка’ регеş бибә и даже просто бабау, св. баба (ср. груз. шата ← шата-у ‘отец’ ✓ шатаl ‘самац’, ‘петух’, мегр. шитул, нар. бабау ‘отец’ ✓ *babal).

Другой же способ, более существенный для сокращения полисемантизма, было использование отличного элемента; так в языках яфетической системы сибилантной ветви — элемента А: груз. de-da ‘мать’ (← de-dal ‘самка’), мегр. и чанск. di-da (форма, вытеснившая более закономерную для мегрело-чанской системы

¹ Н. Марр, Надпись Русы II из Маку, ЗВО, т. XXV, стр. 23, 24—25, прим.

da-dul \ da-du, ныне означающая 'самку'¹), мегр. da-d-1+a 'бабушка', чанск. m-dade 'посаженная мать' (также в Гурия у грузин), груз. m-dade 'дружки со стороны матери', однако мегр. dade 'шафера и подруги как со стороны невесты, так со стороны жениха', равно m-dude (ср. огласовку Nune-y 'Нина', см. выше, стр. 483 сл.), первично 'кормилица', но потом и 'кормилец', 'воспитатель', и тогда для различения 'кормилицы' от 'воспитателя' прибавляется deda 'мать': deda-m'dude 'мать+кормилица' и т. п.; в удмуртском, где элемент В был сохранен за 'матерью', иной элемент был изыскан для 'отца', и оказался тот же элемент А, притом da-da лишь как бы случайно попадает с значением 'отца',² но обычно такой сменой послужил составной термин из двух элементов АС, как в армянском, где 'отец' haug (← haг-1, род. haug ← haг-u), 'муж', 'мужчина', 'супруг' aуг (аг-1), 'самец' аг-u и т. п. выявляют второй элемент лишь гласным п, в прямых падежах губным и его эквивалентом небным и (↙ ip) ~ 1 (↙ ip), а в косвенных падежах, особенно во мн. числе, 'отца' и 'мужа' с полной сохранностью элемента С, но с аканьем ʔan haг-an-, аг-an. В удмуртском элемент С представлен ослабленным губного гласного (о ↔ u) в ə, а элемент А с падением плавного г, гесп. 1 (см. ниже, стр. 515) в «у»: 'отец' удм. ау-ə (коми только элемент А: ау), в архетипе *аг-о ← арм. аг-и ← haг-и. Посредствующее звено с выдержанным аканьем и сибилантным видом элемента С — ау-та 'отец' дает баскский язык.

Историю аг и его стратификацию на Кавказе в соответственных значениях на материалах, начиная с халдской клинописи,³ мы здесь обходим, но не можем не указать, что этот термин родства по начальному своему бытию — производственно-культурный, тотемический, и сюда надо направить искание происхождения грузинского излюбленного народного песенного припева: «аг-аг+а1-о». В напеве имеем обращение к 'солнцу', 'солнцу-отроку', а, может быть, и к 'солнцу-девице'.⁴

Полисемантизма мы коснемся лишь в связи с образованием множественного числа, трактуя вопрос с точки зрения стадии родового строя, успешного выделить особый термин для 'детей', ед. число 'дитя'. Проследить более ранние стадии развития мн. числа не представляет затруднения, за исключением одной существенной подробности, связанной с вопросом, на какой стадии началось внешнее, вообще особое звуковое оформление мн. числа, да и единственного, ибо вначале слово не конкретизовало числа, сигнализируя предмет без особой формы, сигнализировало его как множественность, поскольку об индивидуальной единичности и понятия не существовало (само мышление было еще коллективное).⁵

¹ При использовании этого же материала в работе о надписях раскопанной в 1916 г. Ванской ниши, стр. 39, прим. 1, представления о четырех лингвистических элементах не существовало, и, естественно, анализ давался формально-фонетический и соответственный морфологический ded-a1, ded-u1 и т. п.!

² См. С. П. Жуikov, Практический удмуртско-русский словарь, стр. 98: «дядяе мыным шуиз» = da-daе məməш шуиз 'отец мой сказал'.

³ К аг (→ ауг из аг-1) 'муж' || г. ег 'народ' см. Н. Марр, Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале, стр. 38, там же об арм. haug 'отец', все свидетельствующее о том, как долго мы все оставались во власти индоевропейского миража!

⁴ Ср. Из поездок в Сванию, ХВ, т. II, стр. 13.

⁵ См. ниже, стр. 515.

С этими оговорками мы наблюдаем, что слово 'сын', 'дитя' $\dot{q}ip-1$, усеченно $\dot{q}i$, халдской клинописи послужило для образования множественного числа в феодальном армянском, но и в «доиндоевропейско-доармянском», следовательно, в «раннефеодальном», вернее родовом, как в сванском (лишь в глаголах), да дородовом, первобытно-классовом, как в абхазском, здесь с функцией общественной значимости иного порядка. Оно же было так называемой характеристикой того или иного социально-экономического образования (первично — тотемического), обозначая весь его коллектив, представляя его не только в отношении численности (мн. число), но и прав (местоимение), что уже связано с дородовым производственно-магическим, общественно и надстроечно — тотемическим строем.

Оставаясь, таким образом, целиком на почве стадий родового строя, рядом с элементом С $\dot{q}ip1 \searrow \dot{q}i \rightarrow \dot{q} (\rightarrow q)$ и его разновидностями, получившими функцию окончания мн. числа в порядке смены слова ближайшим образом со значением 'дитя', 'дети', такую же функцию имел элемент В, притом не только в оформлении $pi-$, пережитке $piu (\swarrow pig)$, но и vor , resp. $vor-d-$, сохранившемся в глаголе, образованном от основы 'дитя', 'сын', именно $vor+d-\dot{a}+n\dot{e}$ 'растить', 'воспитывать' ($vor+d-sk-\dot{a}+n\dot{e}$ 'родиться'), также как от $pi'u^1$ 'дитя', 'сын' образован $piu-\dot{a}+n\dot{e}$ 'воспитывать'. Элемент В, в удмуртском оформлении pi , означая 'мальчик', значил вообще 'дитя', 'дети'. $Na\dot{p}i$ 'дети' имеет свою историю; но будь $pa\dot{e}$ не со значением 'девушка', а 'ребенок', 'дитя' (что, впрочем, в его простом виде и наблюди в слове $pi+n-a\dot{e}$), $pa\dot{e}-pi$ могло бы иллюстрировать нормальное образование мн. числа окончанием pi , раньше означавшим 'дитя', 'дети', как в другом случае то же слово имеет также морфологическую функцию иную, образуя уменьшительные слова, так $o\dot{a}p$ 'бык' — $o\dot{a}p-pi$ 'бычок'.

Сами слова vor , resp. $vor-d$ 'мальчик', 'отрок', имеют двойника в арм. нар. $vor-d$ 'сын', 'дитя', в произношении феодалов $o\dot{g}-d^{\circ}$, нар. $vor+e-ar$ (произношение феодалов $o\dot{g}+e-ar$) 'отроки', 'дети (бодрские)', появляющиеся с народным окончанием мн. числа ($e+ar \rightarrow er$) даже в феодальном, т. е. древнелитературном языке. Но и $piu \swarrow pig$ имеет своих двойников в кавказских языках яфетической системы с учетом установленной формулы фонетических разновидностей:

$$piu \swarrow pig, \text{ resp. } pil (\rightarrow bil) \leftrightarrow per (\searrow mel \leftrightarrow mil, \text{ resp. } vi) \rightarrow ber (\text{ resp. } bel) \rightarrow per.$$

С семантическим содержанием одной родовой стадии, притом уже патриархального строя, т. е. в значении 'сына', 'мальчика', 'дитяти', эти разновидности представлены, помимо $pi'u^1$ 'мальчика', терминами ber в чанском $ber-e$ 'сын' (см. также ber бацб. 'сын', древнелиг. груз. $ber-i$ 'бесплодный', букв. 'без (-i)-детный'), г. bel 'детеныш' (зверя, преимущественно 'медведя', однако и 'верблюда'), vel 'дитя' в составе племенных названий у грузин — $qat\dot{v}-vel$ 'грузин', букв. 'дитя карта' или 'халда', конкретно, смотря по стадии, 'солнца' или иного тотема, $rat-vel$ 'рачинец', букв. 'дитя $rat'a$ или $go\dot{a}$ ' ($\swarrow go\dot{a}$), т. е. опять-таки 'солнца', и т. п.¹ Разновидность $pil \searrow pi$ 'сын', 'дитя', уже «финского», в частно-

¹ Может быть, тотема-зайца (см. св. $ra-tw$ 'заяц').

сти удмуртского оформления, теперь не может быть поставлена под сомнение, как то делал я десяток лет тому назад (Ванская экспедиция, стр. 53) при анализе имени царя страны Кумахи — $Kūš+taš-riš$, равно $Kūš+taš-ri$. И это не исключит отождествления с ri ни bi , из грузинского «причастия страдательного залога» $шo-bi$ 'рожденный', ни vi из его стянутого вида $ш-vi$ 'сын', ибо эти морфологические формы, так называемые «грамматические», палеонтологически уже разъяснены как скрещенные образования предшествующей стадии. Однако с предшествующей стадией надо учитывать и иное, именно астральное значение в связи с позднейшим переносом космических явлений, так появления (→ рождения) солнца, на микрокосмический, т. е. человеческий мир, в частности — на самого человека. Словом, надо учесть в этом случае полисемангизм данного термина, происходящий от того, что 'дитя' ('девица' → 'мальчик') некогда означало 'солнце', и потому re у грузин означает 'краску', 'цвет' по семантическому архетипу 'солнце' при завещанном от линейной кинетической речи значению 'образ' (← 'рука'). Формально сохранение плавного элемента l , resp. r , свидетельствует также о большой древности слова, его звукового выявления, как на худой конец и пережиток плавного в полугласном «у», как в удм. riu , и далее в происшедшей отсюда долготе огласовки, как в новоэламском $rē$ (← reu / reg), здесь уже с функцией образования мн. числа. Таким образом, нет надобности теперь в удмуртском примере, чтобы связать с ri → riu 'дитя', 'мальчик', 'сын' образование мн. числа; такое окончание мн. числа из элемента В существует в разнородностях, дающих возможность составить, в пределах ее одной небной огласовки $e \leftrightarrow i$, отчасти «а», целую таблицу, от уда выделимо случая использования или в самостоятельном значении 'сына', 'дитя', или в составе социальных терминов, как то $-fa$ в абх. $1-fa$ 'сын', 'дитя', $-fa$ и $-ba$ в абх. фамилиях $Patey-fa$, $Ađ-ba$, $-ba$ у басков в социальном термине $al+ñ'a-ba$ 'девушка' ('женщина-дитя'), равно $mē$ и be ($pe+ñka-me$ 'девушка', см. выше, стр. 492), $pe+a-be$ и $pe+ga-be$ 'холостяк', 'мальчишка'. Если же тут прихватить полный вид акающего социального оформления, то с учетом космического значения предшествующей стадии получим раг 'солнце' (см. стр. 501).

Таблица суффиксов мн. числа из элемента В:

$-ve$ ($\leftrightarrow -vi$) $\leftrightarrow -mi$ / $-re$, resp. $-ri \rightarrow -ri \rightarrow -be \rightarrow -fe \leftrightarrow -fi$ || $-ra \rightarrow -ba$ ($\searrow -b$) $\rightarrow -fa$.

- ve, окончание мн. ч. языка халдской клинописи в косвенных падежах.¹
- vi, армянское окончание мн. ч. в средневековых памятниках, да и диалектах.²
- me, окончание мн. ч., наличное как нарост в составе сугубой формы мн. ч. в мидском (новоэламском) $таш+ши-tu+m-me$ 'люди'.³

¹ Н. Марр, Надпись Сардура II, сына Аргиштиа, в Даш-керпи на Чалдырском озере, Пет., 1913, стр. 29.
² Ср. Н. Марр, К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических, Пет., 1912, стр. 1.—12.
³ Н. Марр К определению языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXII, § 18, см. также $mš-me$ 'уши', § 50.

- рē → -ре, окончание мн. ч. в мидском.
- рi, окончание мн. ч. в мидском.
- фе, окончание мн. ч. в чанском (язском).
- фi, окончание мн. ч. в мегрельском.
- ра, окончание мн. ч. в мидском.
- ба, окончание с именным гласным -а имен действия и усеченно мн. числа в нар. груз. -e+ba, -e-b.
- фа, окончание с именным гласным а- имен действия в мегрельском -а-фа.¹

ОТЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ В УДМУРТСКОМ

Лишь частично использованы нами здесь факты некоторых категорий слов в палеонтологическом, т. е. социально-историческом освещении. Тем не менее, и они намечают совершенно определенный вывод. В удмуртском с примитивными переживаниями есть уже нарастающие слои письменной истории эпох, феодальных, типа архаичных месопотамско-кавказских культур, «доиранских» [протоевропейско-иранских]. Здесь уже языковая увязка бесписьменных «финских» языков с письменными шумерским, халдским, мидским (второй категории ахеменидских надписей). Об этом особо.

Затронутые немногие примеры разностадийных схождения удмуртского с языками яфетической системы дают материалы не для одной квалификационной работы или, как сказали бы встарину, не для одной диссертации по ряду общих теоретических вопросов, по языку, равно по материальной культуре, мировоззрению. Одновременно с ними мы в кругу и теоретических, и практических вопросов специально по удмуртскому языку. Мы лишь слегка коснулись закона противоположностей, когда 'огонь' и 'вода' называются одним и тем же словом, п закона скращения, когда два однозначных слова оказываются вместе для выражения того же самого понятия. Для 'воды' и для 'огня' в удмуртском вскрылись различные слова, свидетельство незаконченности процесса классовой доработки речи, и удмуртский оказался увязанным в мировом масштабе в самых фундаментальных частях своего словаря, но обилие различных слов для таких понятий первой необходимости, предметов обихода первичного хозяйства и производства, говорит уже само за себя в то же время о сложности процесса сложения удмуртского языка на ранних еще стадиях развития звуковой речи, когда удмуртского так же не было, как не было армянского и грузинского, не говоря о русском, английском или хотя бы латинском и греческом. В числе предметов, представленных в удмуртском словами, достижениями различных первичных мелких социально-экономических образований, их производства и производственных отношений, отбился 'рука', первое орудие человечества. Если взглянуть в русско-вотский словарь, у удмуртов (вотяков) в значении 'руки' окажется лишь одно слово *su*, да разве еще вспомнят о *ki* с указанием на его смысловое отличие — 'кисть руки', но рядом с *su* имелось *sa¹u* в значении 'руки', откуда и удм. *sa¹u-es* 'рукав'. 'Руку'

¹ В именах действия, равно отвлеченных понятиях, следовательно, в груз. *ба* и мегр. *фа* встреча со значением архетипа-слова 'рука'.

означали, как было указано, и шаг элемент В,¹ и элемент D — по \searrow пэ,² откуда пэ-d 'черен',³ 'рукрять', и т. д.

Еще более красноречивы в этом отношении культовые слова, тесно связанные с социальными, и, следовательно, производственными. Их помощь лингвисту неопределима в сигнализации непрерывности развития человечества с первых шагов разлучения с животной или звериной жизнью до культурнейшего, как доселе кажется, высшего сословия.

Различные значения культовых слов от тотемических до отвлеченного 'бога' и т. д., это различные стадии развития и истории материальной культуры, различные формы социальной структуры. Вопрос о стадиях — это одна из важнейших сейчас дорабатываемых проблем в диалектико-материалистическом разъяснении истории развития человечества.

Важно теперь уже не то, что термин kegemet, божество, широко распространен по миру, по всей Африке, как то уже разъяснялось в печати не раз,⁴ но что у удмуртов он означает 'божество леса', 'культовый лес', и это уже показатель стадия, которым и можно лишь руководствоваться, чтобы правильно оценивать взаимоотношения с народами и странами, где тот же термин в тождественном формальном виде или разновидности (это не существенно), палицо в другом специфическом значении.

Особый интерес представляет стадия с одомашненными животными 'собакой' и 'лошадью'. По функции название 'собаки' перешло на 'лошадь', потому основа удмуртского глагола ut-e 'лает', именно ut, означавшая по палеонтологии речи 'собаку', своим акающим двойником в татарском имеет at, означающий 'лошадь'. Затем известно, что 'волк' был назван по одомашненному животному 'собаке': ку-оп, ком. ку-ип 'волк' воспринимался как 'большая собака', первично 'волк' так и назывался, ту же самую основу оп (\leftarrow hon \swarrow kup) находим у греков в $\chi\omega\nu$, род. kup-os ($\chi\omega\nu$ -ός) в значении 'собаки'.⁵

Собственно, 'собака' kop \leftrightarrow kup, с падением k (\leftarrow k) \searrow h \rightarrow -: op \leftrightarrow up, как должно было звучать, на своем месте мы уже видели, 'бог', 'небо' (ср. в коми-ском названии 'волк' ку-ип), на юге мы имеем сибирянтную разновидность шип 'собака' и спирантную hon-e \leftrightarrow hun-e у древних грузин 'лошадь', то же слово, что русск. «конь» \swarrow kop-e.⁶

Оба домашних животных были тотемами, потому, когда сваны сами себя именуют не только шwan, ши-шwan, мн. ч. шwan-ар, но и ши-шwni, ши-шп-ег,

¹ См. стр. 496 сл.

² См. стр. 482.

³ Веды и 'черен', русск. «черен» (ножа) \leftarrow $\text{d}e\text{r}e\text{-n}$, как и $\text{d}e\text{r}e\text{-ne[n]}$ \rightarrow русск. «о-чере-дь», «чере-да» и т. д., в сходят к 'руке' (арм. d-г, г. $\text{d}e\text{r}$ -e 'еще', $\text{d}e\text{r}$ 'удел', 'раз' и т. п.), а не к бессмысленному набору звуков и вторичных значений, как то старалась установить индоевропеистика, да до рабологии в генетических вопросах по «духовной культуре» покорная славистика.

⁴ Н. Марр, Первая выдвинутая яфетидологическая экспедиция по обследованию марриен, стр. 35—37 [см. здесь, стр. 454—456]; его же, Из Пиренейской Гурии, стр. 60; его же, К вопросу о происхождении арабских числительных, стр. 6, 7.

⁵ Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, стр. 11 [ИР, т. III, стр. 12*], и другие работы, особенно Карфаген и Рим, fas и jax.

⁶ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 17 [см. здесь, стр. 234]; его же, Бретонская нацменовская речь в увязке языков Африки, стр. 23, и другие работы, особенно же доклады.

пи-шпи-ег, а язык свой — Іи-шпи, то независимо от возможного, но не обязательного возведения шван к шоп по разложению губного гласного (о ↔ wa), они именуют себя, следовательно, разновидностями названия шоп ↔ шип, тотема 'собаки', а когда рядом в Раче город Оп-1, в Имерии недалеко от города Кутанса город Фоп-1, то это города также во имя тотема 'собаки' или, точнее, 'лошади' не потому только, что здесь спиральная разновидность, как в древнелитературном грузинском слове һип-1 [↔ һоп-1] 'лошадь', но и потому, что в Имерии же откопано в Борийском кладе блюдо с изображенным культовой лошади перед алтарем. Так-то культ собаки на Кавказе прослеживается до сего дня в Хевсурии; племенное название ҳип переживает доселе в названии аваров — ҳип-з и т. д. Наконец, тот же тотемный термин ʔhʔip (↙ ҳип) находим у мидян в их клинописном языке в составе социального термина 'царь' (см. ниже, стр. 525); потому-то в средние века письменно засвидетельствованное һоп'ы у армян и грузин нет основания присваивать гунам, как «чуждым» Кавказу туркам. Древний же, более древний культ собаки перешел в V веке в мешающую языческо-христианскую религию, служители которой, позднее уже правоверные христиане, не понимая, в чем дело, замечали его следы и открепивались. Так они отрицали, что при святом Саргисе, раньше Артаназде, т. е. 'Солнце-герое', был спутник щенок, но народный эпос на Кавказе сохранил при солнце-герое Амиране 'собачку' по-грузински ҳип-на, уменьшительное от ҳи-п (см. выше), эквивалент удм. ри-пә 'собака', ком. ро-пы, в марийском одноэлементно (В) — рју.

Теперь нет основания смущаться или обижаться кому-либо, что связь космического Амираана-Солнца, гевр. христианского св. Саргиса «Победоносца» с собачкой, это связь христианского же Георгия Победоносца с лошадью, это раздвоение первичной цельности, выделение новой культовой единицы, эпического героя, полубога в образе уже человека, вместо исчезнувшего 'солнца', сменного отходившими в тень одомашненными животными, верными спутниками ('собачкой', за 'собачкой' 'лошадью'), и так как по палеонтологии речи 'дитя' (у кого 'девица', у кого 'отрок') носит название 'солнца', то понятно, почему с нашим ҳи ← ри ← рју 'собака', сменявшим как тотем 'солнце', встречается своим названием 'дитя', гевр. у удмуртов 'мальчик' ри, 'ребенок', 'дитя' ри-п-а1, где значение 'солнца' за второй частью -а1, как это было разъяснено при анализе һип-а1 'день', si-а1 'соль', подтверждается снова удмуртской речью, уже третий раз.

Но поскольку для тотема 'собака' утверждается слово ри-п [→ в1-п] → ҳи-п (↙ һи-п) ↘ шп-п || в1-п (↔ ве-п), мы не можем не искать соответственных племенных названий, где бы они ни были. Следовательно, название финнов — һп ↙ ҳп, название древнейших обитателей Армении шп- (миней), в Средиземноморьи — мивоев (шп-п¹), творцов мийской культуры, все это тотемные четкие социально-экономические образования с четкими взаимоотношениями, отнюдь не случайными, и в других надстроечных категориях сложной уже производственно-общественной базы.

В заключение — совершенно не случайная мелочь из фонетики. Обычное явление это трансформация «сложных» звуков, собственно качественно диффузных, именно

аффрикатов, в простые, следовательно, $k \rightarrow \check{g} \rightarrow \check{q}$ в $k \rightarrow g \rightarrow q$, но здесь мы останавливаемся на этой общественно по яфетидологии происхождения технической мелочи потому, что с ней мы вынуждены коснуться одного производного слова, а с ним идеологической стороны в построении производных. Так-то мало было у нас речи о заимствованиях в удмуртском. Но это не значит, что отрицаем их существование. Сами по себе заимствования в вопрос о генезисе этой интереснейшей живой звуковой речи ничего не вносят. Так, например, удм. *токтиг*, герм. *тактэг* 'похмелье' (|| мар. *тактэг*) из арб. *тақтīg*²² 'пьяный', интересно для нас не только тем, что аффриката \check{q} удмуртский не приемлет, а свою социальную огласовку ($o \leftrightarrow u$) вводит в заимствованное слово. Точно так же нас не интересует сама по себе легкость чередования в удмуртском языке $v \leftrightarrow m$, равно *подьсм* $v (\leftrightarrow m) \nearrow p$, как то наблюдаем в языках яфетической системы. А интересно то, что с последним явлением выливается стратификация звуковой речи по линии мидо-удмуртской, как, например, когда при груз. *вал*, основе настоящего времени глагола 'ходить', в мидской клиннике имеем основу *рог-1* 'итти', 'ходить', совершенно закономерно для шипящей группы, причем по технологическому восприятию 'хождение' с основой глагола 'ходить' связывается с мегр. *вог+k* 'нога', т. е. опять-таки слово языка шипящей группы (ср. груз. *фег-q* и др.), что входит в круг обсужденных нами таких названий членов тела, как 'колено', 'бедро' и т. п. (см. стр. 470).

А в *токтиг* 'похмелье' нас интересует то, что это заимствованное слово в арабском, где оно значит 'пьяный', образовано технологически от *qamr*²³ 'вино': *та-қтиг* как бы 'нагруженный вином', 'напившийся вина', собственно 'одержимый вином', как от *qay*²⁴ (собират.) 'духи', 'бесы', 'ангелы' — *таqпй*²⁵ 'одержимый бесом', 'бесноватый', 'сумасшедший', но и 'влюбленный до безумия', причем и у арабов и 'бесы' и 'сумасшествие' выражаются также одной формой того же слова как *qay-ад*²⁶. И еще вопрос, как должны мы при учете стабильности понимать *qamr*²⁷, основу (в семитическом корень $q-m-r$) причастной формы *та-қтиг* 'пьяный', откуда в удм. *токтиг* 'похмелье'? В смысле ли в самом деле 'вина' или предмета с ной, именно тотемической силой творческого фермента? Тот же «корень» в других языках семитической системы, а также яфетической, означает 'закваску', 'фермент'.

Дело в том, что в удмуртском фольклоре 'пьяница', в частности, Фома-пьяница, играет значительную роль в ряду героев космического значения.

Тем более приходится обратить внимание на звуковую корреспонденцию удмуртского k русскому «х», герм. яфетическому \check{q} , в культовых терминах, именно *kwal*-а 'молежня', следовательно, в архетипе 'небо', как у римлян уже разъясненные в своих взаимоотношениях *templum* ← *templus* ['небо' → 'солнце' →] 'время'.¹ И, естественно, архетипное значение удмуртского *kwal*-а 'молежня' приходится усматривать с усечением плавного l в основе глагола мегр. $q+va$ -та 'молиться', 'молитва', чанск. $o-q+va-m-u$, св. $l-qwa+m-l$ 'благословлять' → 'благодарить' (отсюда мегр. $o-qwa+m-e$ 'предмет и место молитвы': 'храм', 'церковь',

¹ См. также у нас в работе «К вопросу о происхождении арабских числительных».

чанск. o-qva+m¹b¹-e 'модельня', св. la-qwa+m, resp. la-qwa+m, равно la-qwm-1) и без усечения в основе русского глагола (имени действия) — χ -val-a, χ -val-1-ti 'вносить к небу' и т. п.

Мы здесь опускаем ряд проблем, набравших в процессе работы над занимавшими нас в докладе темами. Работа над ними вылилась в определенные оформления, переросшие план и размеры доклада, и мы их вынуждены выделить в особые статьи. Однако, не уверенный в том, что лично удастся при нашей перегруженности доследовать до конца хотя бы наиболее важные из них с той тщательностью, которая диктуется ответственностью освещаемых ими проблем общего значения, счел я себя обязанным поделиться положениями и перспективами, как они намечаются уже сейчас, не прятать их под спуд.

1. Армяно-арамейская 'пятница' (цг+ва-ճ || ξ gũ+b-ճã) и Херубы-Серафы. Устанавливается факт, что арм. цгваճ 'пятница' вовсе не заимствование из сирийского ξ gũbճã, что это название тотема досемитической системы мышления и речи, главного космического тотема, и в связи с ними разъяснились, как наследие того же древнейшего язычества, и библейско-еврейские «херувим-ы» и «серафим-ы».

2. Средневековые романы и героические повести из космических переживаний в устной речи. Вслед за фольклорной версией эпического сказания о Сартенике, прообразе средневековых романов Висы и Рамна в Персии и Тристана и Исольты на Западе, разъясняется армянское сказание о Давиде и Мхере вместе с грузинской средневековой героической повестью Амирандареджаняна XII—XIII вв. и народными эпическими сказаниями грузинским, овским (осетинским) и абхазским об Амيرانе, из коих самый древний извод, овский, дает опору для возведения типа кавказского Амيرانа-Солнца-Огня, двойника скифо-кавказского Прометея, к Амيرانу Солнцу-Морю, а с ним вишапам — рыбам, давно открытым на армянских Гегамских горах, а теперь, особенно после экспедиции Л. Меликсет-Бекова, в обилии обнаруженным и в Грузии. При этом выясняется, что предки овсов (осетин) разошлись с иранцами Персии, когда название 'олень' (овс. saq → 'собака') было общее, но название 'собака' (перс. sag ← 'олень') не было еще установлено моносемантически, не было еще специального термина для ее сигнализации.

3. К вопросу о пересмотре положения языков Армении среди языков яфетической и финской систем. Выясняется теснейшая связь обоих языков Армении в определенных слоях с конкретными языками яфетической системы, в том числе и мидской и родной ванской клинописи, с другой стороны тех же языков Армении и тех же клинописных языков ванских халдов, мид кого при Ахеменидах и шумерско-месопотамия, и отдельных языков так называемой финской системы по терминам хозяйственным, и производственным, и культовым, и социальным, и по топонимике, и по так называемым племенным названиям, и по терминам градостроительства и т. д., и т. д.

С большим учетом связей языков Армении с севером восточной Европы выдвигается настойчивее вопрос о слоях финского характера в речи армян, в феодальной, и «простонародной», двойного характера:

а) о слое или слоях с граней палеолита, эпох тотемических социально-экономических образований малого охвата, ныне представленных пережиточно отдельными народами Приволжья и севера, именуемыми Фяннами;

б) о слое финской системы, на севере у финнов исчезнувшей вместе с классом, ее создателем и носителем, и перешедшей, между прочим, в русскую речь (имеется в виду еще изучаемая в рамках германских языков — готская речь) вращением этого класса в процесс образования русского феодально-буржуазного класса;

в) также с яфетическим югом, шумерским, сближается коми, а за ним и удмурт не только общим с ним материалом по семантической двузначности 'неба', именно 'верхнего неба' (следовательно, 'года') у шумеров и 'нижнего неба' ши, т. е. 'земли', у коми — ши, как у удмуртов в скрещении ши-дш, но и тем, что коми выявляет в значении именно 'года', как ши (\leftrightarrow то) в шумерском, в его разновидности во, и даже прямо-таки ши с пережитком плавного г в виде «у» в следующих скрещенных образованиях: kol-an-vo 'прошлый год', что построено не по русскому описательному способу, а по норме грузинского народного шаг-шап 'прошлый год', буквально 'год — год', т. е. 'год за год'; ком. kol-an-vo (в пермяцком kol-a-m-god) состоит также из повторения понятия 'год' три раза: vo 'год', an 'год' (шум. 'небо') и kol 'год', и значило, несомненно, не 'прошлый год', а 'позапрошлый год', буквально 'год+год' = '2 года (за этот) год', ибо для 'прошлого года' существовало другое слово тоу-шо (диал.) тәу-ши, по-удм. ти-т, что является с перебоем и в 1 сокращенном пе ти-ши, а ти-шал, ныне ти-шал-а (ти-шал-а агеп 'в прошлом году', ти шалà şапеп 'подобно прошлому году'), ибо шал в удмуртском по его акающему слою — закономерный эквивалент слова шиг, архетипа ти 'год'.

Армяне и грузины также сохранили это слово, элемент В, со значением 'года', герс. 'времени', но в скрещении с элементом А, и каждый в своем феодальном языке: у армян это ја-ш 'час', герс. 'день' (ау-јаш, диал. 1-јит 'теперь'), древнелит. род. ја-ти и со сипранизацией — а-т (\leftarrow уат-, см. основу глагола уат-ел 'временить', 'медлить'), род. армянчн. (в одной из древнейших надписей — Багаванской)¹ а-то-у, у грузин ја-ш время (но мн. ч. ја-ш-п-1 'часы' в культовом языке христианском), равно за-т (см. ниже) \leftrightarrow св. за-w 'год', у грузин же одна и та же основа двух глаголов: 1) зша (\leftarrow заш-а) 'временить', 'медлить' (qап-is da-zша), 2) зша 'делать': наст. в-1+заш 'я делаю', в зависимости от того, что в первом случае основа за-т имеет космическое значение — 'время', в архетипе 'солнце' (\leftarrow 'небо'), во втором микрокосмическое — 'рука'. С космическим значением у армян ја-ш значит 'святыня', 'завет', в христианстве 'литургия' и т. п., у грузин (народн.) по противоположности ['дух разрушения' \rightarrow] 'чума', 'мор'.² Сюда же примыкает народный термин из гурийского говора и-ј+шиг-1 'нечистая сила', буквально 'тотем', герс. впоследствии 'дух', 'господин' и(✓иг)) [и]+шиг; это специфическое название 'злой силы', сохранившее элемент В в полном виде (шиг),

¹ И. А. Орбели, Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII и, XV, т. II, вып. 2, стр. 105—142.

² Н. Марр, К вопросу о происхождении арабских числительных.

и все построение вместе (u-j)[u]+mir) с губной огласовкой, столь естественной в гурийском. Наконец, надо знать и то, что скрещенное образование j-am (||jim) также представлено на «финском» севере, именно у соседящих с удмуртами мариев (черемисов), но с третьей социальной огласовкой — с эканием, это de-r 'время'.¹

4. К общей топонимике севера восточной Европы и Кавказа. В связи с терминами 'времени', включаемыми в культовые, по восхождению к семантическому архетипу 'солнце', 'небо', находятся и названия населенных пунктов. Это проверяется технически тем, что в пределах одного речевого материала, как бы отвлеченно, имеем семантический пучок 'небо+пространство' (динамически 'время' ~ статически 'место'); так, например, при удм. ag 'год' (← 'небо' → 'солнце'+ 'небо', герм. 'время'), у грузин существует ag-e 'страна', и, наоборот, при шаг 'бог' (← 'небо') в составе удм. in-шаг 'бог' у грузин шаг-e опять-таки 'окрестность' (← 'страна') и т. п. в составе ag+e-шаг-e 'окрестности'. Но причина в том, что каждый населенный пункт в зависимости от населяющего его социально-экономического образования своим тотемом увязан при космическом мироощущении с 'небом' → 'солнцем', носит соответствующую кличку, впоследствии так называемое племенное название. Естественно, коснувшись в настоящем докладе топонимики, также включающей, следовательно, и племенные названия, мы не можем не остановиться дольше на случаях, выясняющих взаимоотношения бесписьменных или младописьменных удмуртов и их окружения с живыми, а также мертвыми языками яфетической системы, разумеется, «классовыми» мирового масштаба в оформлении архаической и позднейших письменностей.

В Армении, в Ванском районе, при господстве именно халдов переживал разобравный уже выше термин ш-и, соответственно первая его часть в разновидности bi- в названии страны, основного удела халдов: это Bi-au-na. Думаю, халдоведы с новым методом не будут спорить со мной, что вторая часть au-na могла означать 'страну', т. е. Bi-au-na 'страна халдов'. Ясное дело, что bi-, элемент B, пережиток big ↔ beq, и это еще более укрепляет наше толкование, ибо одно из выдающихся мест градостроительства по побережью Вана отнюдь не позднейших эпох это Биг-Кег-и название и 'города', и 'страны', в древней речки уже христианской Армении. Но отсутствие признака именного оформления -i, как явится в феодальном армянском языке закономерным ослаблением kir, слова, означавшего 'воду', 'реку' (отсюда ва-ра и «Вуры»), в то же время в соответственном контексте и 'страну'; идеог. значение оно так и появляется в клинописи в значении 'страны'; однако мы уже говорили при анализе удмуртского girta ↔ kirta 'деревня', что, как выяснено пальцетомогнею речи, 'село', 'город', 'мир' обозначались одним словом; мы здесь только докажем, что, если мы возьмем самое удмуртское girta ↔ kirta 'село', при сопоставлении с его аналогичной разновидностью kar 'город' оказывающееся позднейшим осложнением первичного girt ↔ kir, помимо того, что kir это 'страна' в клинописях, само удмуртское

¹ Н. Марр, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариев, стр. 24 [см. здесь, стр. 455] и в настоящей работе.

звучание *gug* является архетипом арм. древнелит. *gewl* ↔ нар. *guğ*, диал. *geğ* ↔ *gnğ* (← *gug* ← *kur*) 'село'.

С этими терминами из простых элементов мы спускаемся на стадии тотемических формаций с соответственными так называемыми племенными названиями, как мы знаем в отношении *ber* ↔ *bir* ↘ *be* ↔ *bi* (см. выше, стр. 522), да как то известно и в отношении *kur* (|| *kal*) → *gug*, лежащего в основе армянского нарицательного имени 'село', прошедшего в своей значимости все ступени стадияльного развития до 'города', противоположности 'села', и вместе с ним основной пары сил классовой борьбы, в которой *ber* проводил ту же скалу исторического развития, накапливая в языке (+мышлении) отложения соответственных значений, причем как у удмуртов и коми-в *gug* в сложении с элементом *C* означает 'село', так *ber* в сложении с тем же элементом у армян отложил название крепости — *berd* (← *ber-d°/j*). Уже здесь мы могли бы дать серию соответственных терминов топонимических и этнических, повторяющихся парно и социально созвучно на Кавказе и на «финском» отрезке восточной Европы. Ограничусь одной парой, одинаково двухэлементной с пёбной социальной огласовкой: это *me-ger*, первичный вид названия соседящих ныне с армянами мегрелов (он лежит в основе груз. *me+gr-el* || мегр. *ma-gr-al* ← ∞ *ma-gr-al*, откуда у Птолемея греческое классическое искажение *Ma-gr-al*'ы с п. вм. *g*), и *bi-ger* у удмуртов, именующих так своих соседей 'татар'.

5. Племенные названия удмуртов. Как у всех народов, сохранивших в своем социально-экономическом строе яркие пережитки пройденных стадий своего развития, у удмуртов несколько названий.

а) Удмурты русским известны как «вотяки». Название на плохом счету в местной национальной среде, хотя глазовские удмурты сами себя называют его разновидностью «ваткой». В обоих разновидностях есть позднейшие наросты, указатели единичности, в русском «-я+къ», в глазовском «-ка», так что основа *vat* || *vat* и является архаичным названием всего коллектива. В связи с ними и название «Вятки» (*Vyat-ka*, точнее *Vat-ka*). *Vat* (в архетипе **val-ta* ↔ *val-da*), это одна из первобытных производственных групп тотемической общности малого охвата, наличных в составе удмуртской нации с соответственным вкладом в ее речь.

б) Другое малоизвестное публике название того же народа — «калмез» (*kal-me-z*) с отложением его имени в названии, как было отмечено, реки Кильмезь, притока Волги, и с тотемным божеством *ker+e-me-t*, о чем нпже при анализе племенного названия черемисов. Впрочем, здесь же отметим, что *kalmez* своей двойкой огласовкой отражает соответственные расслоения (с «а» и «е») в удмуртской живой речи.

в) Третье название *u+d-migt* 'удмурт' представляет образование со стандартной характеристикой социальной огласовки, губной, одного из фондовых слоев речи того же народа, причем конечная часть *migt* 'человек' — позднейший придалок, с эпохи возникновения представления о личности как о правомочной единице; функция этого придатка была создана потребностью осознания индивидуума в данном коллективе. Так-то основа *ud* сама по себе является вполне оформленным образованием племенного названия, собственно племенного коллектива, усеченным

вариантом *u+dun ~ u+dun,¹ и оно покрывает полностью название современных нам кавказских удов или удинов, доселе говорящих на одном из языков яфетической системы, не без встреч с языком клинописи ванских халдов. Эти улы в древней Армении составляли население одной из ее областей, известной под названием U-te: им. Uti-q, р. Ute-a+đ. Utāna (греч. Otanes), utāna мидского текста, т. е. второй категории ахеменидских надписей, восставший при Дарии мятежник, признается персидским по административному нахождению в Персии и по «персидскому» его имени и отождествляется с Ойти Геродота (III, 93): имя (тотем), несомненно, связано с этим народом, допустим — лишь по племенному названию — Ute, население-область Армении, что в свою очередь по названию лишь разнovidность народа E-ti, могущественнейшего соперника халдских царей, которые в своих надписях именуют их E-ti-цц, т. е. здесь уже с излишней придачей родного им служебного слова, впоследствии суффикса — ип-1 в племенных, resp. родовых названиях.²

У кавказских этиев, или утеев, ныне Ud'ов, был бог Paг-a (← Paг-an). Это уже анализированное выше (стр. 501) слово сложено из частей удмуртского ип-шаг 'бог', также скрещенного образования из элементов СВ, но в обратном порядке — ВС: шаг-1, у этивинев с подъемом удмуртского m в p в элементе В и с выдержанной в нем же социальной огласовкой (а) в обоих элементах, тогда как у удмуртов свойственное им колебание между огласовкой соответственного фондового слоя их речи (o ↔ u ~ i) в элементе С — ип (~ ип) и огласовкой «а» в элементе В — шаг.

¹ В этнографической литературе спешили опереться на письменные источники Запада: Гр. Верещагин со ссылкой (К вопросу о происхождении вотяков и их верований — Записки этнографа Гр. Верещагина в переработке и под редакцией Ф. Стрельцова, Научное общество по изучению восточного края, Труды, вып. II, 1926, стр. 8) на С. Васильева и Н. Бехтерева (История Вятского края, Вятка, 18 0) писал, что «древний историк Геродот, живший за 400 лет до нашего исчисления, уже знал наших вотяков и называл их «удинами» (?), и с меньшим уточнением на то же самое, повидимому со слов Верещагина, ссылался К. П. Герд, говоря уже о кавказских удинах: «О каких-то удинах рассказывает и Геродот, но подробного и близкого ознакомления с этими кавказскими удинами до сих пор восточные ученые и этнографы не производили» (К вопросу о происхождении вотяков. Удины и уди (вотяки), ук. м., стр. 91). В том же 1926 г. А. Р. Зифельд в заметке «Два слова об удинах Азербайджана», приведенной Гердом как пример к его цитированной статье, высказывался: «И о слова м тов. К. П. Герда, солдаты вотяки, стоявшие еще при старом режиме в Нухинском уезде, нашли какое-то сходство между удинским и вотяцким языками. Обязанность лингвиста проверить всякое наблюдение, всякое предположение, каким бы диким оно ни показалось на первый взгляд» (ук. соч., стр. 93). Удино-удмуртские взаимоотношения требуют сейчас совершенно иной установки. В частности, иной, именно палеонтологической трактовки требует ряд слов, выделенных в той же заметке ('рыба', 'бык', 'дом', 'мать', 'тьма', 'дело', 'большой' и 'высокий'), как общих у удинского и удмуртского и не находящихся, мол, ближайшей связи в «кавказских» языках. Дело обстоит не совсем так. Однако совершенно прав бы по существу (не терминологически) А. Р. Зифельд, когда он настаивал на необходимости проверки наблюдений солдат-вотяков и взгляд за рядом фактически правильных сопоставлений (стр. 94—95) он заключал: «Финно-угорские элементы встречаются в грузинском и осетинском, равно как в финских можно обнаружить и осетинские, вернее скифо-сармато-аланские элементы. Во всяком случае, сравнительное изучение кавказских и финно-угорских языков, фольклора, этнографии и археологии может пролить новый свет на древнюю историю восточной Европы и Передней Азии».

² Однако основы u-te → u-d и их двойник e-ti, помимо не отмеченной нами утраты начального спиранта (h || ε), обходятся без плавного исхода (г, гсп. 1) первого члена, с ним они звучали бы ит-t и ит-d; последняя реконструкция поддерживается названием м городка-крепости Qet+Đu-is (→ QetĐutis-1) u-d до сих пор слышится в гов. рах, как ит-d у удмуртов, и переживает как тотем первично в ряде разнovidностей в культовых терминах (см. выше, стр. 504) и в топонимике Армении и Грузии на большом охвате соответственной стратификации их классового социально-экономического образования.

6. Племенные названия и топонимика окружения удмуртов и яфетического Кавказа. О бигарах по соседству с удмуртами и мегерах, ныне мегрелах, соседивших с армянами, уже сказано. Наличие бога *in*, некогда тотема из элемента *C*, в составе удмуртского слова 'бог' *in-tar*, также разъяснено уже в линии тесных отношений удмуртов с народами Кавказа и с ним связанного яфетического юга. Эти отношения выявляются терминами различных стадий первобытного хозяйства как тотемической общности, в числе их и названиями различных отрезков времени, так общности широкого охвата с космическими, специальными техническими терминами. Из них для топонимики представляют прямой интерес различные оформления элемента *C* (*an* || *on* ↔ *in* ~ *en* ↔ *in*) в значении 'неба' и его дериватов.

В дериватах акающей разновидности *an* в линии обозначения 'пространства' рядом со значением 'времени' (груз. древнелит. *qan*, нар. *qan* 'время') имеется 'место'; так по отвлечении позднейших придатков груз. *-e+θ*, равно *-a-ur* мы получаем арханчные виды названий населенных пунктов *Φas-an* (→ *Φas+an-a+ur*), *An-an* (→ *An+an-a+ur*), как *Til* (см. *Til-an*, ср. фамилию *Til-os+an-1*), как *Θi-an* (→ *Θi+an-eθ*).

Все основы этих названий населенных пунктов — *φas-*, *an-*, *θi-*, *til-* — это тотемы, впоследствии бога, так *θi-an*, сохранившийся в мидской клинописи Ахеменидов, в более древней форме *θi-an*, имеет нарицательное значение 'мольня', буквально 'место [божества] *θi*'.

а) В связи с этим разъясняется и название города *Qin-an*, с которым отождествляется древнеармянский город *Нэв+ar-a+kert*: по устранении позднейшего придатка *-a+kert* — *Цэп+ar* (✓ *Нуп+ar*) — двойник *Qin-an*'а с заменой *an* его синонимом *ar* или в значении 'места' (ср. *An+an-a+ur*),¹ или в значении 'бога', *gesp.* 'тотема'; в таком случае *Qin-an* это удвоение или скрещение двух групповых по огласовке разновидностей одного и того же названия, что в линии дериватного от тотема социального термина мы имеем с утратой спрянта *h* (✓ *q*) в слове языка второй категории ахеменидской клинописи, следовательно, в мидском слове *in-an* 'царь'.

б) Соседящие с удмуртами марий носят также два названия. Это «черемисы», известные всем соседям вояки за национальное достоиние «своего народа», «своего родного края», и марий, как ныне называет себя сам народ. Черемисы с их тотемным божеством *keremet*'ом более или менее прослежены в мировом масштабе; это, несомненно, «классовая» организация с социальной огласовкой «е», оставившая свой след и в наличной марийской речи, напр., в слове *jer* 'время', но в общем опять-таки точно снявшаяся целиком и куда-то перенесшая себя — куда? Вот это сейчас очередная проблема, по которой пока можно сказать, что черемисская классовая организация сыграла определенную роль в процессе трансформаций русского народа. С нею неразрывно скрещивается столь же важная проблема о пределах господства черемисского социально-экономического образования, прежде всего о том, какие низовые массовые слои, дробленные и более арханчной структуры, охватывались ею? В какой мере входили в нее другие

¹ См. выше, стр. 501.

финские народности? И не входили ли и чуваши? Это всё животрепещущие проблемы не только по черемисскому или так называемым финским языкам, да и вообще языкам, но по истории восточной Европы и Кавказа.

Отложение имени Keremet, герср. Kır+e-me-t, имеем в названии реки Kıl-me-z в Вотской автономной области и реки Фер, на которой стоит Глазов (это лишь пережиток стянутого вида основы «черемиса» *ʒeret, с утратой плавного г — *ʒet / ʒer). Не случайно вотяков, или удмуртов, зовут kalmez'ами, словом лишь огласовкой «а» отошедшим от kılmez.

ʒeretis не имеет тотемно произведенного в его среде названия 'человека': разновидностью, наиболее близкою к такому, несомненно, существовавшему социальному термину черемисов, является именно это ныне русское «человѣкъ» ← ← *ʒel+o-veu-къ, с уменьшительным суффиксом ko (ср. абх. а+о+у+әк), эквивалентом конечного -s в названии ʒer+e-ni-s. Тою же классовой социально-экономической средой внесены в русскую речь такие слова, как «теремъ», «черепъ», «чрево» и др., а также «кремль», «кремень», «крѣп-» в основе «крѣп-ить», «крѣп-ость», «крѣпкий» и т. д.

В чувашском произношении этого основного трехчленного термина — ar-та-s черемисы сближаются с сарматами, с которыми или через которых они уже сближены с югом по глубокой связи с грузинами (см. общий тотем tar-taʒ) и с армянами [см. самое спирантизованное их название ar-me-n: из AR-me-n ↔ mп, еще более — нарицательное имя ar-ta-t 'корень' (← 'пиз' ← 'небо' = 'земля')].

в) Что касается tar-и, ныне единственного национального названия народа с его соответственным социальным термином 'человек', 'муж' — tar-и, то это усеченный вид двухэлементного образования (BC) *tar-in. Колебание в огласовке говорит о расслоенном, герср. скрепленном состоянии речи этого народа, что, действительно, подтверждается наблюдаемыми уже соотношениями горных и луговых мариев по языку, как говорящих на языках двух групп: свистящей с аканьем и шипящей с оканьем. При такой фактической обстановке лингвистических материалов удм. in-tar 'бог' мог бы по существу быть признан тотемом мариев лишь с иным порядком в размещении элементов. Однако tar-и имеет свой тотемный термин, сохранившийся лишь в социальном значении 'господина' (некогда, следовательно, 'господа') у русских в слове «барин» («боярин», «болярин» — термин более сложного происхождения, он и трехэлементного состава, вклад иной социально-экономической среды). Двойник же tar-и (← *tar-in) с социальной огласовкой «е» в оформлении ter-и при архетипе имеет свое тотемное животное 'лошадь' — ter-in, наличное сейчас у русских, да у германцев — «Pfer-d» (← *ʒer-din). Этот тотем прослеживается по спецификации от 'собака' (мар. pig-ə 'волк' ← 'собака') до космического тотема — 'грома' (русск. «пер-ун», ср. суоми pig-u 'чорт', ср. per+kel-e и эст. per-gel id).

Мы не углубляем далее изысканий в местных материалах по tar-и (← *tar-in) || ter-in, приводящих к увязке с мариями известных из древнерусской истории «финских племен»¹ — меря (ter-ia, ср. оформление на -ia выше, стр. 510) и веси

¹ Н. Марр, Чувашско-яфетиды, стр. 39 сл. [см. здесь, стр. 348].

(← *ves-in). По трактуемому сейчас вопросу об удах (уд-муртах) с богом *mag-in и кавказских удов-этиев с богом Paq-a, на яфетическом юге непосредственными хозяевами тотемного одноэлементного paq \ mag основательно выступают mag'ы, т. е. миды, по терминологии армян тезки ma-ta (по-мидски), mā-da (по-древнеперс.): гармянского названия mag не перебойный представитель d, как то раньше представлялось, а первичный плавный элемент mag, на месте за его падением возмещенный долготой предшествующего гласного ā (mā / mag), а в самом мидском, как он представлен в языке второй категории ахеменидских надписей, с утратой и долготы ma-ta и 'страна мидов', и 'население', гесп. 'мидянин', мн. mata-re. Не место сейчас выяснять, не есть ли основа косвенных падежей в армянском — разновидность элемента C (-da ~ -ga \ -ya → -a) — mag-a (р. мн. mag-a+ǝ). Во всяком случае, архетип mag-da (→ mā-da) есть прежде всего тотемный термин, следовательно, первоначально название производственно-социальной группировки (социально-экономического образования малого тотемического охвата), впоследствии племенного названия, это известные и в Армении «марды», и этой среде и принадлежит тотемное создание социального термина 'человек' — magd, двойник удмуртского окающего magt и валичный в персидском, как наследие из соответственного языка яфетической системы, равно в армянском, здесь и с разнобойной огласовкой (a — o ↔ u ~ i). Посему в древнеписьменном феодальном языке армян mag-d 'человек', в родительном падеже mag-do-u, в средневековом mag-du (← *mardu-y), мн. ч. mag+d1-k 'люди' и т. п. Палеонтологическое углубление на материалах языков чисто яфетической системы доводит до одноэлементного mag, семантически до значения 'отрока' (→ 'мужа'). гесп. при матриархальном строе — 'девицы' (→ 'матери'). Но для нас в настоящем докладе представляет интерес для увязки с письменно засвидетельствованными эпохами истории армян термин magd-pet 'евнух', вызывающий недоумение при его обычной буквальной значимости — 'главы мужчин', когда речь о 'главе женщины'. О смене же социального содержания этого слова magd, как и слова haug 'отец' → aug 'муж', в терминологии института матерей-девиц уже дано разъяснение (стр. 487, см. стр. 512—513).

Надо, однако, при восприятии социального содержания слова учесть тотемное его происхождение, что ярко выступит из положения евнухов у скифов, выступает ярко вопреки рационалистическому истолкованию Иппократа сообщаемых им (гл. 29—30) о них данных исключительного значения.¹

В заключение такого экскурса уже письменно-исторической топонимики по древнейшим частям и без того древних клинописных памятников кавказо-мидо-месопотамского мира, у нас возникает мысль, что изучение финских и не финских языков Вол-Качья и приморских стран севера, в том числе отнюдь не в последнюю очередь удмуртского и чувашского, представляет не только общий или специальный интерес для изучения и понимания кавказских языков яфетической системы и примыкающих к ним двух языков Армении, но обещает сделать существенный вклад в правильную постановку исследования, я бы сказал прямо —

¹ В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, стр. 63—65.

более уточненной дешифровки клинописных языков, относимых в яфетическую систему, именно древнеэламского, шумерского, халдского и мидского.

Может быть поставлен вопрос: не являются ли перечисленные нами народы севера пережитками массового населения той среды, которая, выделив господствующий слой, дала своей речи первоосновы поименованных клинописных языков? Но уже не вопрос, а решенное дело, что каждый из языков названного района, без учета общефинского, в первую голову удмуртский, является уже теперь ключом для четкого расшифрования халдского и новоэламского, собственно мидского, клинописных языков.

И это отнюдь не может ослаблять ни особого внимания к общим связям кавказских языков яфетической системы с финскими, ни к занимающему нас сейчас вопросу о племенных названиях финнов и тотемическому их толкованию. Наоборот, вопрос об отношении «общефинского», со включением, однако, и чувашского, в наличных условиях его отложений в бесписьменных живых языках, перед нами ставит совершенно конкретно вопрос не о так называемых «доисторических» хотя бы в смысле дописьменности связях, выясняемых на основании лишь вещественной продукции, а о связях таких исторических эпох, как шумерская, халдская, мидская (новоэламская), в части южной стороны находящие опору и в письменных источниках.

Удмуртский не такая простая штука, чтобы третировать его как Золушку какой-то отсталой финской семьи или обсуждать его, удмуртского языка, значимость в замкнутости по-семейному с финской колокольни или иной, будь она какая ни есть буржуазная.

Товарищи, теория — существенная вещь. Мы не зря отметили громадную значимость выступления М. Н. Покровского на XVI партсъезде с речью о необходимости усилить внимание к теоретическому фронту.¹ Внимание к теории никогда не было второстепенным вопросом и не может не быть основным в советском социалистическом государстве, строящемся пролетариатом не стихийно, а планомерно на действительном, революционном марксистском учении с его общим диалектико-материалистическим методом. Но объективные условия, создаваемые нашими врагами, заставляют нас в первую очередь продвигать во что бы то ни было, стиснув зубы и терпя всякие лишения, — продвигать вперед наше капитальное хозяйственное строительство, социалистическое. Допустимо ли, чтобы вообще наш культурный фронт отставал, точно задавшись целью остаться третьим? Как ни туго дается движение в наличных тяжелых объективных условиях, мы должны сделать все, чтобы усилить внимание к теоретическому отрезку культурного фронта не только производственного, но и социального. Ведь иначе мы норовим сдаться изжитым методам идеалистических учений. Речь идет, конечно, не о каких-либо новых методах, речь о марксистском методе, методе диалектического материализма. Но есть области знания, не проработанные марксистски, и необходимо овладеть этими областями знания. Однако это овладение предполагает не легкий акт применения, как прикладной декорации, марксистского метода к той или иной

¹ [ИР, т. I, стр. 277, где напечатана первая часть настоящей работы].

области знания, а проработку ее материалов марксистски или, как Ленин говорит в одной своей приписке касательно языка, «разработку диалектического материализма на языке», на языковых материалах. Надо и то учесть, что ни одна область не представляет в девственности своих материалов: материалы организованы по наличному старому методу специальности, и борьбу приходится вести не легкую, ибо, когда идеологически сдается специалист, хозяин этих материалов, сами материалы доселе организованы так, что их марксистская проработка часто безнадежное дело. В новом учении об языке по яфетической теории, сначала стихийно шедшей по новому методу, марксистскому, марксизму не с чем и не с кем бороться. Все пережиточные недомогания яфетидология безоговорочно отсекала также стихийно в процессе самой работы, и не от недостатка этой самокритики она страдает. Страдает работа от нежелания специалистов стать яфетидологами, поскольку яфетидология выявляет немедленно на работе и на обращении с самим материалом, когда кто объявляет себя сторонником яфетической теории только потому, что он усвоил ее отвлеченные положения. В то же время конкретные достижения нового учения об языке становятся никчемными, поскольку они не становятся достоянием масс. Языковедная работа по яфетической теории настолько сложна, что нельзя далее ее вести с успехом индивидуалистически. Необходим коллективизм в самом процессе собирания материала и тем более исследования. Более, при мировой постановке этого учения об языке, и при охвате им каждого языка, каждого наречия и говора, как прямой цели исследования, может быть гарантирован успех действительный и правильное развитие при активном участии не только местных работников, но местных масс. У меня нет сомнения, школьники различных ступеней при соответственном руководстве преподавателей составят первый авангард таких масс и у вас. Это представит интерес не только для теоретических изысканий, но и для практического преодоления трудностей в деле правильного усвоения своей родной или неродной речи. Тем не менее, факт, что теоретические задачи имеют особый, исследовательский, и нельзя отождествлять их с практическими профессиональными преподавательскими, литературоведческими и т. д.

Думаю, и этот вопрос может быть разрешен без ущерба для каждой стороны. Мы противопоставляем не теорию практике, науку — жизни, а историчность и актуальность. Новое учение об языке так построено, что оно не может не интересовать актуальными вопросами жизни, ибо в них стимул к движению и пища для более углубленной работы над теорией. Но поскольку теория заинтересована в правильном установлении развития языка, его возникновения и конечных форм, т. е., поскольку это вопросы генетического и, следовательно, философского характера, теоретик-лингвист на настоящем этапе развития яфетической теории, когда вопрос о стадийности органически увязан с мировоззрением, так называемую психологию и мышление, не может не придавать основного значения философии, разумеется, марксистской философии, поворачивающей наши рабочие интересы не к прошлому, а к будущему земному же бытию. Это задача архиактуальная.

Из технически срочных вопросов по актуальным языковедным задачам первым за очереди является унификация письма. Принципиально вопрос давно решен

яфетической теорией положительно. Новое учение об языке в мировом масштабе не может иначе работать, как единым алфавитом. А чтобы получить такой составительный алфавит, его надо было проработать идеологически с учетом актуальных функций языка, а не исторических традиций и всякой эстетической оценки или иных посторонних соображений. Такой алфавит существует. Это аналитический алфавит яфетидологический, построенный на началах цифровых знаков. Конечно, есть расхождение между потребностью массового потребления и теоретическим изучением всех деталей. Но, во-первых, яфетическая теория из звуков не делает кумира, звуки расцениваются лишь по идеологической, общественно возникающей их функции. Затем всем известно, что и на практике основное назначение языка — взаимное понимание, и еще лучше известно удмуртам, говорящим на различных говорах, что при всех фонетических расхождениях они друг друга прекрасно понимают. Следовательно, нет надобности в письме масс передавать все разновидности того или иного звука по актуальной массовой значимости. Это труднейшее дело можно решить не кабинетно, а общественно, с переносом исследовательской работы, коллективной, в массы. Но те звуки, которые сохранены в массовом письме, должны быть из того же аналитического алфавита, применяемого полностью в целях теоретических исследований. На самой технике не могу сейчас остановиться. Члены нашей экспедиции охотно поделятся своими знаниями по вопросу. Ограничусь одним замечанием. Унификация письма, конечно, большой финансовый вопрос. Из-за отсутствия унифицированного письма бросаются на ветер безумные деньги. Но унификация письма в то же время и громадной важности социальная проблема. Ее нельзя не только решать, но и ставить в плоскости ликвидации неграмотности на началах учета одних актуальных потребностей отдельных национальных районов. Это проблема не статика, а динамика, имеющая самой действенной установкой своей, гарантией полного решения произвести в путях социалистического строительства мощный революционный сдвиг в массово-общественном мышлении всех национальностей и за пределами Союза. Установка сама может быть только идеологическая, по методу — диалектико-материалистическая, без малейшей угрозы здоровому развитию национальности со стороны растущей противоположности. Здесь не утопия, а единственно реальная перспектива перерастания национальных возможностей в международные, разумеется, в конечном счете бесклассовые. Следовательно, в пределах Советского Союза удел национальностей не замораживание и застой, а рост с вовлечением их в социалистическое строительство и переходом на новую технику, а в связи с этим стройка нового языка. Это мыслимо лишь при новой теории, исходящей из массовой живой речи, а не идущей благодетельствовать ее традиционными дарами от письменных языков отживших и отживающих классов.

По новой теории в пределах удмуртского языка внимание и к отдельным говорам несколько не снижается, ибо идеологическая постановка изучения родной речи ставит не один вопрос о необходимости учесть те или иные особенности любого говора для построения общего родного языка новой системы. С этим стоит в связи и вопрос о создаваемом массовом литературном языке, как языке

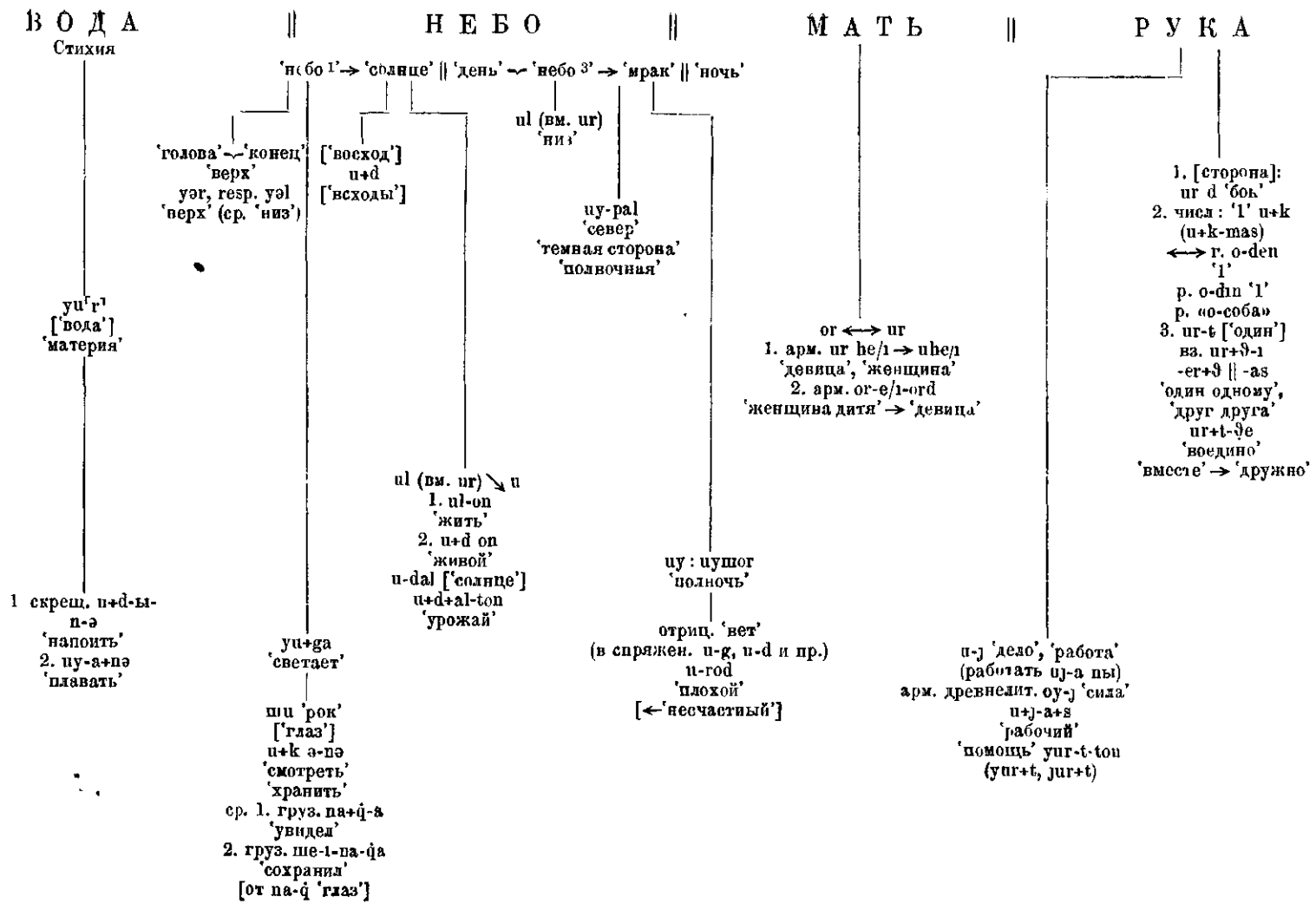
новой системы. Наме отношение легко понять из формулировки следующего основного положения: «если удмуртская литература намерена расти соответственно темпам нашего времени, она должна с одинаковой готовностью и тщательностью использовать все средства речевой культуры в разнообразных говорах удмуртской речи, не отдавая никакого семейственного предпочтения ни одному говору».

Наконец, вопрос организации местной ячейки яфетидологии. Этот вопрос собственно ваш. Мы можем сказать, что яфетидологи примут все меры, чтобы обслужить и ваши кадры и национальные ваши потребности. Лично я от себя, как историк материальной культуры, прибавлю, что осмотрел музей и он мне показатся стоящим ниже того внимания, какого он заслуживает как наиболее эффективное орудие для проведения знаний в массы. Но по существу решающим голосом и в этом деле может быть опять-таки лишь ваша общественность.

Так принимайте же меры массового овладения новым научным мышлением для поднятия вашей общественности в уровень и на пользу социалистического хозяйственного строительства, и с ним для приведения в творческое движение окостенелых от многовековой эксплуатации господствовавшими классами ваших богатых национальных возможностей, добытых жестокой борьбой в общем историческом ходе человечества, как то сигнализует язык. Отсталым национальностям самим приходится прорезать пути и лепить формы для добычи живой воды, актуальных знаний. На научном рынке нет готовых национальных оформлений для новых потребностей, созданных Октябрем.

ПРИВЕСОК

К стр. 486 следует дополнить в линии яфетическо-семитических связей следующее: груз. *ǰvedan*, нар. *ǰodo* 'беда', 'грех' ~ 'счастье' ← '*рок || '*небо' → → '*солнце' и арабск. *ǰādīm^{un}* 'евнух' (уменьш. *ǰuweyǰīm^{un}* только 'евнух', культово-социально, без дифференциации), 'почитающий', 'служитель', 'слуга' (культово при космоическом мировоззрении: от 'солнца'), 'невольник', 'раб', 'слуга' (социально: от коллектива с соответственным тотемом, так наз. «племенным названием» в устах прогивоволожной, в борьбе победившей господствующей группировки) и *ǰādīm^{un}* 'невольник', 'слуга' от *ǰadama* 'он почтал' (космически: тотем 'солнце') → 'служил' (культово → социально) и *ǰādīm^{un}* (мн. *ǰu+d im-āǰ^{un}*) 'друг', 'товарищ' (ср. *hādīm-āǰ^{un}* 'нянька', 'кормилица', мн. *hawādīm^{un}*), *ǰādīm^{un}*, мн. *ǰu+d an-āǰ^{un}* 'друг', 'товарищ', *ǰidn^{un}*, мн. *ǰa-ǰ+dān^{un}* *матриархально* 'любовница', 'подруга' (с семантическим архетипом '*девственница' ~ 'мать'), космически: 'солнце' (ср. микрокосмически *hū-dn^{un}*, мн. *ǰah-dān^{un}* и *hū-dūn^{un}* 'грудь' [первоначально 'женские груди']), *матриархально* 'любовник', 'друг', 'товарищ' с семантическим архетипом '*отрок' ~ 'отец', космически 'солнце', ср. также *ǰu+tǰu^{un}*, *ǰu+tǰaǰ^{un}* 'грех', 'ошибка' и св. *h-ǰ+dəpə* (от **ǰu-dun*) 'ошибаться', 'заблуждаться', 'вводить в заблуждение' и т. п.

Предисловие к работе М. П. Чхаидзе «Вторая марийская языкологическая экспедиция»¹

Важен первый шаг: не марий, не методом, что был и есть доселе в ходу в работе над марийским языком, языком финской системы, вторгается в эту живую речь и техникой новой языковедной теории, яфетической, представляющей результат применения на практике диалектического материализма, метода марксистско-ленинской философии, выворачивает низы и выносит из мрака забвения на свет корни. Без их учета не понять марийской речи ни в целом, ни в частях. С их учетом система, получившая название финской, разъясняется как тонкий налет классовых закономерностей, отнюдь не всегда четких и выдержанных с охватом лишь одного верхнего слоя богатой марийской звуковой речи. В низах вскрываются связи иной системы с языками, выходящими за пределы финской территории и финских речевых возможностей, особенно ярко выступают связи с яфетическими языками Кавказа, в первую голову грузинским. Исследователь, т. Чхаидзе, сам грузин. В работе он сосредоточивает внимание на одном отрезке, но работой имеется в виду, что будет расширена частично освещаемая просека и она получит углубление. Это углубление ждет новых работников, будет ли продолжать свою долю сотрудничества т. Чхаидзе, или нет. Теперь уже не слово, а дело за мариями по интересу к своей родной речи, как орудно социалистического строительства, и не за мариями по интересу к связям с языками иных систем, помимо грузинского: это ведь тоже выявлено в работе. Работа может быть углублена, разумеется, лишь на основе установленных положений нового учения об языке по яфетической теории.

Однако хороший метод сам по себе не представляет гарантий безоговорочных достижений, тем более, когда дело идет об его применении вновь на конкретном языковом материале, да еще на материале, девственном в отношении идеологического осознания и вовсе не проработанном массово-яфетидологически. Недомогания вызываются и тем, что само новое учение переживает период бурного роста, тем скорее успевающего не по дням, а по часам, чем более направленные против него ескепы под эгидой «критики» вскрывают неуязвимость диалектико-материалистического построения новой лингвистической теории в глазах всей советской общественности с сознательной от интересов языковой стройки тягой к действительной марксистской установке изучения каждой живой национальной речи и вообще языка, и начавшей исследовательскую работу с подготовкой вчерашнего дня кончает ее уже при явном, более углубленном состоянии новой теории и соответственно более сложных требованиях, предъявляемых к исследователю. Достаточно указать на то, что скрепление, наличие которого яфетидолог не отрицает и сегодня, получило более четкое разъяснение: это не результат схождения чуждых друг другу общественных группировок, а выделения их из единого глоттогонического процесса, собственно образования

¹ [Изд. Марийского областного общества краеведения, Л., 1981 г.]

языка-мышления, как надстройки базиса, в котором успели выделиться различные общественные группировки. Надо учесть и то, что, не отрицая существования племен и наций, яфетидолог не исходит ни из племен, ни из наций, как не исходит из рода, утверждая, что каждый этап переходных форм социальной структуры, сослужив свою службу, в дальнейшем является помехой на пути развития человечества.

И, тем не менее, только таким решительным поворотом работы в линии нового учения и систематического из года в год ведения исследовательского дела у нас получатся качественно отвечающие нашим запросам накопления. И, конечно, в этом накоплении хотелось бы видеть большее уточнение огласовки «е», на социальную значимость которой и для самого марийского и для увязки с русским в работе справедливо обращается внимание. Однако в русском не «е», а *ue*, герср. смягченный согласный с «е» в таких словах, как *ʒeʒeʒe*, *ʒeʒem*, *ʒeʒeʒe*, *kʒemʒ*, *kʒemʒeʒ*, *kʒer* (← **kʒeʒur*: «крепкий», «крепость», «о-креп»).

А главное, опасением пагрузить читателя непосильным бременем многостороннего подхода яфетидологии к языковым явлениям можно объяснить, что молодой лингвист ограничивается сообщением известного факта — наличия социальной огласовки «е» в марийском языке, не упоминая об общности этой звуковой особенности у обследуемой им звуковой речи не только с соседним русским языком, но и с рядом яфетических языков — черкесским из «северногорских», сванским из закавказских, армянским и германским (немецким) из круга языков, представляющих промежуточную систему между яфетической и протоеврейской («индогерманской»), т. е. не указывается факт, выдвигающий марийский, собственно черемисский, язык в линию языкотворчества в мировом масштабе, при полном восприятии которого утверждение автора, что «черемисская социальная группировка сыграла громадную роль в формировании русского языка» (стр. 9) представляется ограничением общей значимости того процесса, в результате которого и марийский, и русский оказываются обладателями указанной социально-фонетической особенности независимо друг от друга.

В связи с этим смена черемисов мариями связана не формально с территорией, т. е. не со сменой черемисского ее населения марийским, а сменой одной группы социально-экономического образования другой, *ʒeʒ+e-mis*'ов *ʒag-ʒu*'ями, причем трехэлементный, точнее четырехэлементный *ʒeʒ+e-mi-s* красноречиво говорят о различных выступавших в его созидании группировках, судя не только по огласовке, красноречиво говорит о стадильности, от ранних ступеней которой в составе того же термина сохранился комплекс *mi-s* — лишь фонетическая разновидность *ve-s*, современников меры («меря» и «веси»), а *ʒeʒ* — двойник целого ряда слов, обычных и за пределами марийской речи. Сюда пойдет при производственно-культурном и космическом мировоззрении с тотемическим еще мышлением не только груз. *ʒer* 'потолок' (← 'небо'), но и *ter* (← *ter*, груз. *m-ter* 'враг', 'дьявол') || арм. *ʒag-e/1* 'злой', 'зло' (есть и в баскском), и русск. «жар» (по 'небу верхнему' и уменьшительное «жрец» 'служитель', 'поклонник неба'), и «жар-птица» (все по 'небу') и т. д. А теперь, когда «внязь» и «княгиня» разъяснены как наследие от германского, «доиндогерманского» словотворчества, *ʒeʒ* || *ʒag*

с двойником $\dot{\text{z}}\text{ag}$, тотемом, отложившимся и в племенном названии и в топонимическом, это заставляет снова ставить вопрос об одном основном социальном термине русской речи. В самом деле, когда марийское $\dot{\text{z}}\text{ag}$ из группы $\text{ʒeɣe} \parallel \dot{\text{z}}\text{ag}$, resp. $\dot{\text{z}}\text{ag}$, тотем, представляется прошедшим культовое осмысление 'бога' и его 'служителя', 'жреца', правда ли архетип русского термина социальной структуры «царь» ($\leftarrow \dot{\text{z}}\text{ag}+\text{e}$) надо было разъяснять по недоразумению как сокращение «цезаря»? Вообще здесь целый узел различных местных трансформаций, требующий более осторожного обращения с отождествлением и русского $\text{ʒeɣ}+\text{e}+\text{m}-\text{s}$ с тотемом $\text{keɣ}+\text{e}+\text{m}-\text{t}$ при чувашском $\text{ʒag}+\text{ma}-\text{s}$, да и более уточненного анализа по элементам, чем то сделано было нами раньше: $\text{ʒag}+\text{ma}-\text{s}$ — двойник хорошо известного $\text{ʒag}+\text{ma}-\text{t}$ с тотемом $\dot{\text{t}}\text{ag}+\text{ma} \text{ } \dot{\text{r}}^1 \dot{\text{z}}$, сохранившимся у сванов в значении 'бога' — $\dot{\text{t}}\text{ag}+\text{ma}-\dot{\text{z}}$, а у грузин в значении 'язычника' (\leftarrow 'поклонника бога' $\dot{\text{t}}\text{ag}+\text{ma}-\dot{\text{z}}$) — $\dot{\text{t}}\text{ag}+\text{ma}\dot{\text{g}}-\dot{\text{z}}$.

Не досчитываемся в настоящей работе точного обоснования того или иного осмысления, указания на его материальную базу при обсуждении значений слов, представляющих действительно исключительный и местный, и общий интерес то для истории, например, когда $\text{keɣem}\dot{\text{e}}\dot{\text{z}}$ (стр. 8) противопоставляется $\text{ʒeɣem}\text{is}$, то для процесса словотворчества, например, когда uagap , название города, отождествляется с его значением 'пустой', 'свободный', 'без дела', получившимся, мол, «вследствие бытования» (стр. 9). Бытование констатирует лишь факт наличия, но не источник и способ возникновения, не производственный или социальный фактор соответственного словотворчества.

Иногда не использована показательная сила самого марийского языка и в пределах идеологической значимости фонетических изменений, их социальных функций. Так, когда $\text{ma}1$ разъясняется как 'низ', 'под' на основании $\text{ba}1$ ($\searrow \text{ma}1$), второго элемента прилагательного $\text{da}-\text{ba}1$ 'низкий', не указано, что $\text{ma}1$ — разновидность свистящей группы с гортанной огласовкой, точное закономерное соответствие $\text{mog} \leftrightarrow \text{mug}$, разновидности шипящей группы с губной огласовкой, откуда и ком. mi 'земля' ('низ'), и русск. «мор-е» ('под'), и шум. mi 'год' ('небо¹'), да и мар. ma ['небо'] в составе мар. $\text{po}\text{sh}-\text{ma}$ 'небо'.

И все-таки мы можем сказать: и земля вертится, и мы двигаемся вперед, как сигнализует и настоящая работа.

6 июля 1931 г.
Москва.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

- al-Istarhri ['География мусульманских стран']. Bibliotheca geographorum arabicorum, ed. M. J. de Goeje, I. Leyden, 1870. 19
- Амагуни, С. — Науоџ багаран. Вагаршпат, 1914 г. 87. 469
- Амиравдареджаниани — грузинская героическая повесть персидского происхождения. 520
- «Апарат», журнал, изд. в Эмиадзине. 71. 82
- Армянская География VII в. н. э. [приписывалась Моисею Хоренскому]. 19. 20
- Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik. IV-ter Jahrgang, herausg. Ed. Wölflin. Leipzig, 1887. 259
- Awfi — Djāmi'al-hikāyāt. 369
- Azkar, M. R. — Dictionnaire vasco-espagnol-français (Dictionnaire basque-espagnol-français), 2 vls. Bilbao—Paris, 1905—1906. 252
- Ачарян — Науеген гавагакан багаран. Тифлис, 1913. 469
- Ашмарин, Н. И. — Сборник чувашских пословиц. Шубашкар, 1924. 342
- Бабенко, В. А. — Дряниссалтовские придания окрестности южной России. Труды XII Археологического съезда в Харькове, т. I. М., 1905. 77
- Багалеи, Д. И. — Русская история, I. М., 1914. 77. 89
- Бакрадзе, Д. З. — Археологическое путешествие в Гурию и Абхазу. СПб., 1878. 82. 83
- Барсов, Е. В. — Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружины Руси, III. М., 1890. 164
- Bartlett, F. C. — Psychology and primitive culture. Cambridge, 1923. 438. 441
- Бартоломей, И. А. — Поездка в Вольную Сванетию. ЗКОРГО, VII, 1855, 147—237. 112
- Бартольд, В. В. — Bulghār. Enz. des Islams, I. 276. 301. 369
- Беридзе, В. М. — Грузинский (картский) глоссарий. МЯЯ, VI. СПб., 1912. 85. 87
- Берже, Ад. — Краткий обзор горских племен на Кавказе. КК, 1858, 267—312. 168
- Berneker, Br. — Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913. 108
- Библиография абхазской литературы по общественным наукам [не напечатана] 116
- Библия 39. 106. 136. 156. 217. 225. 264. 302
- Blau, Q. — Aramäische Miscellen. 2. Türkische Lehnwörter im Aramäischen, ZDMG, XXIII, 1869. 109. 110
- Bleichsteiner, R. — Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache. Anthropos, XXII, 1—2, 1928, январь—апрель, 157—198. 397
- Bleichsteiner, R. — Die Subaräer des alten Orients im Lichte der Japhetitenforschung. Publication d'hommage offerte à P. W. Schmidt, Wien, 1928, 1—19. 404. 434
- Большой Словарь армянского языка мыслителей [на армянском яз.]. Венеция, 1836—1837. 75. 77. 87. 501
- Boré, E. — Ethnographie. Histoire des Agnovans. L'Institut, journal universel des sciences et des sociétés savantes en France et à l'étranger. II-e section, sciences historiques, archéologiques et philosophiques, 12, 1837, апрель, № 136. 70. 73. 77. 81. 98. 104
- Braun, Fr. — Die Urbewölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. Japhetische Studien, I. Berlin—Stuttgart—Leipzig, 1922. 51
- Брим, В. А. — Термин «скоморох», ЯС, II, 94—97. 356
- Brosset, M. — Deux historiens arméniens. Kiracos de Gantzac, XIII-e siècle. Histoire d'Arménie. Onkhtaes d'Ourha, X-e siècle. Histoire en trois parties, traduites par M. Brosset. St.-P., 1871. 73. 74
- Boissacq, Emile — Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 37. 38
- Buhl — Hanif. Enz. des Islams. 184
- Бундегеш — пехлевийский текст религиозного содержания. 109
- Burhan Qati — Толковый словарь персидского языка [на персидском языке]. Калькутта, 1818. 79
- Буслаев, Ф. И. — Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков, 1-е изд., М., 1861. 90
- Быковский, С. Н. — К вопросу о трех древнейших центрах Руси. Труды Вятского Педагогического Института им. В. И. Ленина, III, вып. VI, изд. Института. Вятка, 1928. 396
- Былина о Дунае 58
- Walde, A. — Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2-те Aufl., Heidelberg, 1910. 38. 114. 316. 497
- Vallée, F. — Langue bretonne en 40 leçons, 7-е éd. St.-Brieux, 1926. 240

- Varronis — De lingua latina. 316
- Васильев, Л. Л. — О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. Сборник по русскому языку и словесности АН СССР, т. I, вып. 2. Л., 1929. 401
- Васильев, С. и Бехтерев, Н. — История Вятского края. Вятка, 1870. 524
- Васильевский, В. Г. — Русско-византийские исследования. Труды В. Г. Васильевского, III, изд. АН. 89
- Вахушт, царевич [XVIII в.]. — География. 490. 491
- Vendryès, J. — Chronique. Revue celtique. т. XLII, № 1—3. Paris, 1924, 221—233. 232
- Welter, G. — Le carnassier anthropophage sur un relief funéraire Gallo-Romain à Arlon. Revue archéologique, XVII, 1911, 55—66. 236
- Венелин, Ю. И. — Критические исследования об истории болгар. М., 1849. 98
- Верещагин, Гр. — К вопросу о происхождении вотяков и их верований. Записки этнографа Гр. Верещагина в переработке и под редакцией Ф. Стрельцова. Научное общество по изучению Вотского края, Труды, II, 1926. 524
- Верхратский, И. — Про говор галицких лемков. Львов, 1902. 245
- Веске, М. П. — О наречиях черемисского языка, I. Казань, 1889. 446
- Веске, М. П. — Славяно-финские культурные отношения по данным языка. ИОАИЭ при Казанском университете, VIII, 1. Казань, 1890. 304
- Вестберг, Фр. — К анализу восточных источников о восточной Европе. ЖМНП, 1908, март, 1—52. 164
- Winckler, H. — Altorientalische Forschungen, Erste Reihe, I—VI. 1893—1897. Leipzig, 1897. 40
- Виса и Рамин — персидский роман. 520
- Witzel, P., Maurus, O. F. M. — Hethitische Keilschrifturkunden in Transcription und Uebersetzung mit Kommentar. Fulda, 1924. 284
- Vullers, Lexicon Persico-Latinum. 2 B-de. Bonn, 1835—1864. 79. 80
- Гаврилов, Б. Г. — Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. 298. 299
- Gamilscheg, E. — Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1927. 259
- Напoteau, A. — Essai de grammaire Kabyle venfermant les principes du langage parlé par les populations du versant nord de Jurjura et spécialement par les Sgaonaouen ou Zouaoua, 1-e éd., 1906. 253
- Garat, D. J. — Origines des Basques de France et d'Espagne. Paris, 1869. 68
- Гаркави, А. Я. — Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan, Russische Revue von Röttger. St.-Petersb., 1875. 369
- Гаркави, А. Я. — Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей. Труды Восточного отделения РАО, XIV. СПб., 1869. 69
- Гаркави, А. Я. — Сказания еврейских писателей о хазарах. СПб., 1874. 91. 97
- Hartzfeld, A. et Darmsteter, A. — Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVII-e s. jusqu'à nos jours, précédé d'un traité de la formation de la langue, avec le concours de A. Thomas, 2 vls. Paris. 259
- Geographi Graeci minores. Rec. instr. C. Muller, H. Paris, 1882. 36
- Geoponica sive de re rustica 87
- Guidonis Geographica 93
- Нюна, У. und Schrader, O. — Kulturpflanzen und Haustiere in ihren Uebergang von Asien in Griechenland und Italien, sowie in das ubrige Europa. Berlin, 1911. 53
- Genetz, A. — Versuch einer karelischen Lautlehre. Helsingf., 1877. 392
- Георгий, варлаам — Толкование Исаи. 75
- Герд, К. П. — К вопросу о происхождении вотяков. Удивы и уды (вотяки). Научное общество по изучению Вотского края, Труды, II, 1926. 524
- Геродот — История. 4—7. 13. 22. 36. 41. 48. 137. 210. 212. 218. 332. 524
- Голубовский, П. В. — Известия Ибн-Фадлана о Руссах (по поводу статьи г. Стасова) Киевские университетские известия, 1882, январь. 72. 192
- Голубовский, П. В. — Кратко-библиографический обзор трудов по древнейшему периоду русской истории. Киевские университетские известия, № 8. 99
- Голубовский, П. В. — Торки, половцы. печенеги до вшествия татар. История южно-русских степей IX—XIV вв. Киев, 1884. 91
- Гомбоев, Галсан, лама — Примечания на письмо Н. И. Ильевского к П. С. Савельеву. Известия Восточного отделения РАО, ч. 1, 5. СПб., 1860. 74
- Гомер — Илиада. 425. 479

- Гомер — Одиссея. 425
- Gradow, Hermann — Ueber die Wortbildungen mit einem Prafix-m im ägyptischen. Abhandl. d. K. Preuss. Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 5. Berlin, 1914. 168
- Грен, А. Н. — Зырянская мифология. «Зырянский край», 1925, № 1. 357
- Григорий Анаварзский — Сиваксарий. 80
- Григорьев, В. — Обзор политической истории хазар. «Россия и Азия», (СПб., 1876. 96
- Григорьев, В. — О древних походах руссов на Восток. «Россия и Азия». 100
- Григорьев, В. В. — О куфических монетах, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории. ЗООИД, Одесса, 1844. «Россия и Азия», СПб., 1876. 70. 92. 101
- Григорьев, В. В. — О скифском народе Саках. СПб., 1871. 4. 5. 18
- Гринчовко — Словарь украинского языка. Киев, 1909. 245
- Грузинские летописи 32. 96
- Гулия, Д. И. — История Абхазии, I. Тифлис, 1925. 168
- Gutschmid, H. — Ueber die Glaubwürdigkeit der armenischen Geschichte des Moses von Khoren. Berichte der phil.-hist. Klasse der K. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, 1876. 96
- Huyghe, G. — Dictionnaire Kabyle-Français. 2-e édit., 1901. 236. 253
- Hubschmann, H. — Armenische Grammatik, I. Armenische Etymologie, I—II. 2 B-de. Strassburg, 1895—1897. 109
- Hubschmann, H. — Die altarmenischen Ortsnamen. Mit Beilagen zur historischen Topographie Armeniens und einer Karte. Strassburg, 1904. 19. 20. 32
- Давид Гандзакский, сын Алалика — Книга правил. 76
- Данилевич, В. Е. — Значение нумизматики в изучении русской истории. Записки Харьковского университета, 1903. 77
- Данилевич, В. Е. — Курс русских древностей. Киев, 1908. 77
- Джавахов, И. А. — К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене по вновь обследованным эпиграфическим памятникам. ХВ, I, 277—297. СПб., 1912. 181
- Джавашия, Н. С. — Религиозные верования абхазов. ХВ, IV, 72—112. СПб., 1915. 236
- Джорджадзе — Samzafentos tigni. 83
- Диев, М. — Какой народ в древние времена населял Костромскую сторону и что известно об этом народе. ЧОИД, 1865, 4, 167—178. 352
- Diccionario de la lengua castellana por la R. Academia Espanola. Décimocuarta edición. Madrid, 1914. 193
- Диодор Сицилийский — История. 6
- Дно Кассий — Римская история. 137
- Diez, F. — Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Bonn, 1878. 259
- Dottin, G. — Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique. Paris, 1915. 236. 243. 255 456
- Dubois de Montpéreux, F. — Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. 6 vols. Paris, 1839—1843. 163
- Евангелие 34. 431. 494
- Европеус, Д. П. — К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян. ЖМНП, 1868, III. 294. 297
- van Euz, W. J. — Dictionnaire basque-français. Paris, 1873. 144
- Ефименко, П. П. — Метод культурных комплексов в применении к изучению финской культуры [доклад]. 314
- Jaba, A. — Dictionnaire Kurde-français, publié par F. Justi. St.-Pét., 1879. 110
- Житие Георгия Амастрийского 89
- Житие Григория Просветителя (арабская версия) 99. 128
- Житие Зосимы и Савватия 90
- Житие Стефана Сурожского 89
- Жуйков, С. П. — Практический восточный словарь. Удкнига, Ижевск, 1930. 498. 513
- Завитневич, В. — К вопросу о культурном влиянии. 102
- Записки Юго-западного отделения РГО, I, 1873. 245
- Зеноб Глак — История. 60
- Зифельт, А. Р. — Два слова об удинах Азербайджана. Научное общество по изучению Вотского края, Труды, II, 1926. 524
- Золотницкий, Н. И. — Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875. 301
- «Зырянский край», журнал. 357
- Ибн-ал-Фахих — Kitāb al-baldān. Manuscript Sprenger в Берлине, № 2. 102
- Ibn-Chaukal, A. — Bibliotheca geographorum arabicorum, ed. M. J. de Goeje, II. Leyden. 1873. 94

- Ибн-Хаукаль, отрывки в переводе Н. А. Караулова. СМОПМК, XXXVIII, 79—123. 91. 94
Ибн-Хаукаль — Отрывки, ЭО, 1902, № 1—2. 91. 94
- Jensen, P. — Elamitische Eigennamen, Wien, Zeitschr. für die Kunde des Morgenlandes, VI, 47—70. 34
- Изборник 1073 г. — 151
- Ильминский, П. И. — Письмо к П. С. Савельеву. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранявшийся у киргизов. Известия Восточного отделения РАО, ч. I, 5. СПб., 1860. 74
- Jordani Getica — 93
- Кавказский календарь на 1846 г. — 83
- Какабадзе, С. Н. — Qarğul saqlatırıqovırbıs geneziis saqlıqıbi [‘Генетические вопросы грузинской государственности’]. 126. 137
- Калевала — 378
- Карамзин, Н. М. — История государства Российского. Изд. Эйнгерлинга. СПб., 1842—1843. 107
- Карта Автономной Чувашской области. Сост. Картографическим отделом Высшего Геодезического управления ВСНХ. Изд. Наркомвнудела. М., 1923. 275
- Карта Вятской губернии — 376
- Кипшидзе, И. А. — Грамматика нингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем, МЯЯ, VII. СПб., 1914. 26. 41. 85. 265 491
- Clédat, L. — Dictionnaire etymologique de la langue française. 11-e éd. Paris, 1920. 233. 258
- Constantini Porphyrogeneti — De administrando imperii. 91
- Constantini Porphyrogeneti — De ceremoniis aulae byzantinae. 19. 105
- Кораи — 437
- Корещенко, Арсений. — Наблюдения над восточной музыкой, преимущественно кавказской. ЭО, 1898, № 1. 54
- Kramer, G. см. Strabo
- Куник, А. А. — Dissertation sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie, 1834. 70
- Куник, А. А. — Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, I. Статьи и разыскания А. Куника и бар. В. Розена. Приложения к т. XXX Записок АН, № 2. СПб., 1878. 96. 98
- Куник, А. А. — Sur l'expédition des Russes Normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizami, Ibn-al-Athir et Ainy. Bull. de la classe hist.-phil. de l'Académie des sciences de St.-Petersb., IV, 1848, 182—202. 100
- Куник, А. А. — Sur la première expédition Caspienne des Russes Normands en 914 d'après la chronique inédite de l'Arménien Moisés Caghanchatovatsi. Bull. de la Classe hist.-phil. de l'Académie des sciences de St.-Petersb., IV, 1848, 202—204. 72
- Костаянц, К. И. — История Армении. М., 1915. 2
- Костомаров, Н. И. — Исторические монографии и исследования, XIII. СПб., М., 1881. 44
- Крылов, В. Д. — Вотско-русский словарь глазовского наречия вятков. Вятка, 1919. 498
- Ксенофонт — Кипедия. 5
- Куницын, С. К. — Русская историческая география. М., 1910. 352
- Cuq, Ed. — Les lois hittites. Revue historique de droit français et étranger. 284
- Körting, G. — Lateinisch-romanisches Wörterbuch. Paderborn, 1891. 259
- Lagarde, P. de — Armenische Studien. Göttingen, 1877. 105
- Lagarde, P. de — Gesammelte Abhandlungen. Leipzig, 1883. 169
- Lagarde, P. de — Рецензия на Nouveaux mélanges critiques. Göttingenische Gelehrte-Anzeigen, 1837. 195
- Латах — О языке водворения в некоторых частях Европы тюркских племен. Вестник РГО, X. СПб., 1854. 1
- Латышев, В. В. — Заметки по древней географии северного побережья Черного моря. Повник, 129—141, 171—173, 273—297. СПб., 1909. 273
- Латышев, В. В. — Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis. 1893—1906. 15. 22. 57. 137. 527
- Löw, J. — Aramäische Pflanznamen. Wien, 1831. 195
- Левченко, М. — Исследования и почечующие южной России жук пина. Киевская старина, год первый, III. Киев, 1852. 105
- Legrain, L. — Mission en Sasiene. 276
- Lindsay см. Festi, S. I.
- Лерх, П. И. — Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. СПб., 1856—1858, три выпуска. 110
- Littre, E. — Dictionnaire de la langue française. Paris, 1833. 259
- Листман-ал Зараб 57
- Домоносов, М. В. — Краткой Российской летописец с родословцем, 1760. 44

- Мальсагов, З. К — Ингушская грамматика со сборником слов. Владикавказ, 1925. 201
- Manandian, Agor — Beitrage zur albanesischen Geschichte. Leipz., 1897. 70. 71. 75
- Марий, Мутэр — Русско-марийский словарь. Изд. Мароблиздата. Йошкар-Ола, 1928. 443
- Marquart, J. — Ostentropaische und Ostasiatische Streifzuge. Leipz., 1903. 95
- Marquart, J. und Bang, W. — Ueber das Volkstum der Komänen. Ostturkische Dialektstudien. Abhandl. d. K. Ges. der Wissenschaften zu Gottingen. Phil.-hist. Klasse. Neue Folge, Bd. XIII Berlin, 1914. 95
- Марр, Н. Я. — Из летней поездки в Армению. Заметки и извлечения из армянских рукописей, I—IX. ЗВО, 1891, V, 211—241. 406
- Марр, Н. Я. — Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Ч. I. — Исследование, СПб., 1899, XI → 594 стр.; ч. II — Текст, СПб., 1893, XVI → 344 стр.; ч. III. — Приложения, СПб., 1893, X → 203 стр. [магистерская диссертация]. 105. 106. 489
- Марр, Н. Я. — Грамматика древнеармянского яз. Этимология. СПб., 1903. XXXVIII → 303 стр. 38
- Марр, Н. Я. — Мученичество девяти отроков колайцев. ТР, V. СПб., 1903. 55
- Марр, Н. Я. — Физиолог. Армяно-грузинский и армянский тексты, исследование, издание и перевод. ТР, VI, XXI → 130 стр., СПб., 1904. 110. 302
- Марр, Н. Я. — Крещение армян, грузин абхазов и аланов св. Григорием (арабская версия). ЗВО, 1905, XVI, 63—211. 25. 99
- Марр, Н. Я. — Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1903, 16 стр. → XX табл. 324. 488
- Марр, Н. Я. — Яфетическое происхождение армянского слова *margareu* 'пророк'. ИАН, 1909, 1153—1158. 42
- Марр, Н. Я. — Антиох Стратиг, Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст исследован, издан, переведен и арабское извлечение приложил Н. Я. Марр. ТР, IX. СПб., 1909. 76
- Марр, Н. Я. — К вопросу о ближайшем родстве армянского языка с иверским. ЗВО, 1909, XIX, 69—72. 390
- Марр, Н. Я. — Вступительные и заключительные строфы грузинской поэмы «Витязь в барсовой шкуре». Грузинский текст, русский перевод с этюдом «Культ женщины и рыцарство в поэме». ТР, XII. СПб., 1910, стр. LVI → 54. 18
- Марр, Н. Я. — Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем. МЯЯ, II, СПб., 1910. VIII → XXVI → 240 стр. 26. 29. 221
- Марр, Н. Я. — Два яфетических суффикса *-te* (|-ti → -t) в грамматике древнеармянского (хайкского) языка. ИАН, 1910, 1245—1250. 10. 11
- Марр, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении. I. Происхождение хайкских слов: *e-kin* 'небо', *e-kač* 'железо', *arġ-ač* 'серебро', *haġ-wġ* 'сто'. ИАН, 1911, 137—145. 38
- Марр, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении. II. Десибилляция яфетического начального *č* в хайском. ИАН, 1911, 469—474. 238
- Марр, Н. Я. — Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности). ЗВО, 1911, XX, 99—151. 181
- Марр, Н. Я. — К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. МЯЯ, V. СПб., 1912. 28. 29. 100. 515
- Марр, Н. Я. — История термина «абхаз». ИАН, 1912, 697—706. 14. 26. 28. 30. 153
- Марр, Н. Я. — Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 гг.). ХВ, 1913, II, 1—36. 260. 513
- Марр, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении, VI. Расклинивание согласных гласными. ИАН, 1913, 417—426. 21. 23. 31. 283
- Марр, Н. Я. — Определение языка второй категории Ахемендских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (предварительное сообщение). ЗВО, 1914, XXII, 31—106. 5. 27—29. 273. 282. 398. 515
- Марр, Н. Я. — О происхождении имени Анадз. Зап. разр. военн. археол. и археограф. Русск. Военно-историч. общ., 1914, III, 1—3 (отд. отд.). 27—29. 153
- Марр, Н. Я. — О религиозных верованиях абхазов (К вопросу об яфетическом культе и мифологии). ХВ, 1915, IV, 113—140. 236
- Марр, Н. Я. — Яфетические названия деревьев и растений (*Pluralia tantum*) ИАН, 1915, 769—780. 821—852. 937—950. 10. 13. 29. 84. 489. 490

- Март, Н. Я. — К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. ИАН, 1916, 1379—1408. 14. 94. 95
- Март, Н. Я. — К дате эмиграции москхов из Армении в Сванию ИАН, 1916, 1689—1692. 14
- Март, Н. Я. — Кавказоведение и абхазский язык. ЖМНП, 1916, май, 1—27. 166
- Март, Н. Я. — О «Набарнугли», мирском имени Петра Ивера. ХВ, 1917, VI, 95—97. 38
- Март, Н. Я. — Непочатый источник истории Кавказского мира (Из третьей лингвистической поездки в Дагестан 24 дек. — 12 янв.), ИАН, 1917, 307—338. 70. 81. 132
- Март, Н. Я. — Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема I. Племенная среда. II. Культурная среда и эпоха. ИАН, 1917, 415—446, 475—506. 103
- Март, Н. Я. — Ossetica-Japhetica. I. Թագով՝ 1 осетинских сказок и яфетический термин *fas-kund* 'маг', 'вестник', 'вещающая птица'. ИАН, 1918, 2069—2160. 41. 42. 184. 357
- Март, Н. Я. — Надпись Сардуря II, сына Аргиштиа, в Даш-Керпи на Чалдырском озере. Издание, перевод, исследование. Зап. Кавказского музея. Серия В, вып. 1. Петр., 1919 3. 32. 131. 515
- Март, Н. Я. — Введение в изучение Кавказского культурного мира [рукопись 1919 г.]. 14
- Март, Н. Я. — Главнейшие этапы развития культуры Кавказа [рукопись 1919 г.]. 14
- Март, Н. Я. — Нарядательное значение термина *сера* в «митанских» женских именах (по яфетическим данным). ИАН, 1920, 121—127. 128. 225. 235. 285. 385. 452. 510
- Март, Н. Я. — Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаии средиземноморской культуры МЯЯ, XI. Лейпциг, 1920. 189. 323. 325
- Март, Н. Я. — Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (Рабочий проект). ТКИПС, № 3, Петр., 1920. 4—6. 13. 14. 17. 18. 30
- Март, Н. Я. — Надпись Русы II из Маку. ЗВО, 1921, XXV, 1—54. 11. 18. 512
- Март, Н. Я. — Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян. ЗВО, 1921, XXV, 229—256. 64. 116. 128. 204. 205. 240. 302
- Март, Н. Я. — К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пелазги». ЗВО, 1921, XXV, 301—336. 122. 130. 155
- Март, Н. Я. — Извлечение из свапо-русского словаря. МЯЯ, X. Петр., 1922. 182
- Март, Н. Я. — Кавказские племенные названия и их местные параллели. ТКИПС, V. Петр., 1922. 93
- Март, Н. Я. — Яфетические названия красок и плодов в греческом. ИРАИМК, II, 325—331. Петр., 1922. 8
- Март, Н. Я. — Батум, Ардаган, Карс — исторический узел международных отношений Кавказа. Петр., 1922. 156
- Март, Н. Я. — Du terme basque «*udaga*» 'loutre'. ЯС, I, 1—30. Петр., 1922. 31. 33. 34. 109. 110. 171. 241
- Март, Н. Я. — К вопросу об яфетидизмах в германских языках. ЯС, I, 43—56. Петр., 1922. 116. 147
- Март, Н. Я. — Термин «скиф». ЯС, I, 67—132. Петр., 1922. 63. 82. 104. 158. 160. 175. 195. 204. 386
- Март, Н. Я. — *Guria* — Иверия [рукопись]. 25
- Март, Н. Я. — 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этруского племени и еще два этапа его миграции. ЯС, I, 133—136. 116. 148. 302
- Март, Н. Я. — Из яфетической семантики: в) 'Дитя + женщина' ('женщина + дитя') → 'девушка' и греч. *παρθένος* [доклад, читанный 9 VII 1922 г. в ИИ] 131
- Mart, N. — La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges. Petr., 1922. 115. 116. 120
- Март, Н. Я. и Орбели, И. А. — Археологическая экспедиция 1916 г. в Вав. Изд. РАО, II, 1922. 63. 82. 101. 494. 501. 513. 515
- Март, Н. Я. — Предисловие к немецкому переводу «Яфетического Кавказа». 1923. 155. 325
- Mart, N. — Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc'. ЯС, II, 137—167. II, 1923. 141. 160. 221. 326. 401
- Март, Н. Я. — К толкованию имени Гомер. ДАН, 1924, 2—5. 187. 356. 406
- Март, Н. Я. — Индоевропейские языки Средиземноморья. ДАН, 1924, 6—7. 173
- Март, Н. Я. — Из семантических дериватов 'неба'. ДАН, 1924, 27—28. 508
- Март, Н. Я. — Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба'. ДАН, 1924, 29—31. 302. 463
- Март, Н. Я. — Книжные легенды об основании Киева на Руси и Кура в Армении. ИРАИМК, III, 257—287. 111. 116. 121. 170. 195. 227. 271. 288

- Март, Н. Я. — Заметки по яфетическим клинописям. ИРАИМК, III, 288—298. 283. 330. 511
- Март, Н. Я. — Об яфетической теории. НВ, 1924, V, 303—339. 116. 117. 119. 120. 122. 129. 135. 145. 149. 155. 156. 175. 360. 443
- Март, Н. Я. — Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «Тризна» (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения). Изд. Наркомпроса Абхазии. Л., 1924. 160. 177. 288. 292. 407. 414
- Март, Н. Я. — Искры и заметки об яфетической теории [на груз. яз.]. Мпавов, 1924, № 5, 231—237. Тифлис, 1924. 326
- Март, Н. Я. — Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков *μεγαρόν*, у римлян *atrium*. ИАН, 1924, 225—236. 169
- Март, Н. Я. — Шумерские слова с основой en в освещении одного из положений яфетической семантики. ДАН, 1924, 45—46. 302. 309
- Март, Н. Я. — Из яфетических пережитков в русском языке. I. Млч. II. Племя. III. Красный. ДАН, 1924, 65—67. 149. 401. 452
- Март, Н. Я. — По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века. (К вопросу о древнерусско-кавказских отношениях). ТРКФ, I, 66—125, Л., 1925. 125. 321. 404
- Marr, N. — Analyse nouvelle du terme «Pyrénées». ДАН, 1925, 5—8. 169. 195
- Marr, N. — Les Pyrénées ou Monts Ioniens. ДАН, 1925, 15—18. 169. 310
- Март, Н. Я. — Чувашские слова с основой cu в освещении одного из положений яфетической семантики. ДАН, 1925, 50. 306. 508
- Март, Н. Я. — Краеведение. Изд. Ассоциации горских краеведческих организаций Северного Кавказа. Лен.—Махач-Кала. 1925. 155. 166. 178. 180. 277
- Март, Н. Я. — Краеведческая работа. «Научный работник», 1925, кн. I, 10—18. 166
- Март, Н. Я. — Культурный фронт грузинского народа с точки зрения науки о языке. Мпавов, 1925, № 4 (12), 192—211; № 5/6 (13/14), 289—328. Тифлис [на грузинском языке]. 116. 195
- Март, Н. Я. — Из поездки к европейским яфетидам. ЯС, III, 1—64. Л., 1925. 150. 169
- Marr, N. — Postface к ЯС, III. ЯС, III, 165—177. Л., 1925. 232
- Март, Н. Я. — Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам. ИАН, 1925, 951—964. 178. 289. 294. 329. 403. 508
- Март, Н. Я. — Ольвия и Альба Лонга. ИАН, 1925, 663—672. 164. 228. 229. 315. 317
- Март, Н. Я. — Приволжские и соседящие с ними вародности в яфетическом освещении их племенных названий. ИАН, 1925, 673—698. 157. 158. 178. 221. 323. 347. 349. 353. 354. 385. 388. 412. 439
- Март, Н. Я. — Прилагательные 'длинный' и 'короткий' (Из доисторической семантики). ИАН, 1925, 797—812. 157
- Март, Н. Я. — Сухум и Туапсе (Кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья). ИРАИМК, II, 299—310. Л., 1925. 162. 172. 176. 207.
- Март, Н. Я. — На пути к доистории человечества [рукопись 1925 г.], 374. 375
- Март, Н. Я. — Мордовский язык (мокша, эрзя), палеонтологически-сравнительно разъясненный в освещении яфетической теории с общими по ней введенным [рукопись 1925 г.]. 374
- Март, Н. Я. — Марийский (черемшский), палеонтологически-сравнительно разъясненный в освещении яфетической теории [рукопись 1925 г.] 374
- Март, Н. Я. — Состав языка удмурт и коми в палеонтологическом анализе [рукопись 1925 г.] 374
- Март, Н. Я. — Коми и удмурт языки, палеонтологически-сравнительно разъясненные в освещении яфетической теории [рукопись 1925 г.]. 374
- Март, Н. Я. — Прародина мордвы или их сородичей на Кавказе (из опыта по этнической культуре) [рукопись 1925 г.] 376
- Март, Н. Я. — Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы). ВС, I, 123—166. Л., 1926. 157. 160. 165. 207. 219. 289. 385. 417
- Март, Н. Я. — Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике. Чув. Госиздат, Чебоксары, 1926. 164. 229. 337. 349. 363. 388. 404. 459
- Март, Н. Я. — К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории. ИАН, 1926. 349—354. 412. 508
- Marr, N. — [О происхождении языка]. Über die Entstehung der Sprache. Unter dem Banner der Marxismus. 1926, январь. 326

- Марр, Н. Я. — Наша 'брат' || 'кровь'. Сборник в честь С. А. Жебелева [рукописный] 456—462. Л., 1926. 187
- Марр, Н. Я. — Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкознания с историей материальной культуры). Изд. КИАИ. Л., 1926. 212. 390. 403. 413. 415. 451. 453. 454. 517
- Марр, Н. Я. — Классифицированный перечень печатных работ по яфетологии [с предисловием]. Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР, 1926. 379
- Марр, Н. Я. — Пособие для изучения живого грузинского языка, вып. I. Труды Яфетического семинария ЛИЖВЯ. Л., 1926. 176
- Марр, Н. Я. — Русское «человек», абх. აოუჲ. ДАН, 1926. 81—84. 414
- Marrr, N. — Origine japhétique de la langue basque. «Язык и литература», I, 193—260. Изд. ИЛЯЗВ. Л., 1926. 267. 463
- Марр, Н. Я. — Две новые работы С. С. Uhlenbeck'a а по баскскому языку. «Язык и литература», I, 261—278. Изд. ИЛЯЗВ. Л., 1926. 449
- Марр, Н. Я. — О полигении семантики ('брат' и 'кровь') ИАН, 1926, 781—786. 187
- Марр, Н. Я. — Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы'. 'Глаза' космические — 'солнце' и 'луна'. ДАН, 1926, 93—96. 411. 417. 453. 508
- Марр, Н. Я. — Китайский язык и палеонтология речи. II. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево'. ДАН, 1926, 109—111. 213. 449
- Марр, Н. Я. — Скифский язык. ПЭРЯТ, 386—387. М.—Л., 1926. 229. 266. 379. 390. 410. 412. 422. 443. 449. 499. 508. 509
- Марр, Н. Я. — Чуваши-яфетиды на Волге. Изд. Чувашск. Госиздата. Чебоксары, 1926. стр. 74 + 1. 157. 164. 185. 211. 229. 377. 388. 395. 400. 401. 404. 406. 409. 411. 418. 443. 445. 457. 459. 460. 508. 526
- Марр, Н. Я. — Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры. СГАИМК, I, 57—70. Л., 1926. 421
- Marrr, N. — Le Synaxaire géorgien, réd. ancienne de l'union arm.-géorg., publié et traduit d'après le manuscrit du couvent Iviron du Mont Athos. Patrologia orientalis, XIX, 5. Париж, 1926. 170
- Марр, Н. Я. — Отчет о лингвистической поездке к вол-камским народам. ИАН, 1926, 1825—1832. 210. 217. 439
- Марр, Н. Я. — Китайский язык и палеонтология речи. V. Берская 'лошадь' от моря и до моря. ДАН, 1926, 129—132. 242. 376. 414
- Марр, Н. Я. — Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Изд. Академии абхазского языка и литературы. Л., 1926. 218. 385
- Марр, Н. Я. — Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории. «Книга о книге», 45—82. Изд. Института книговедения. Л., 1927. 438
- Марр, Н. Я. — Значение и роль изучения наименьшинства в краеведении. «Краеведение», IV, 1927, № 1, 1—20. 228. 415
- Марр, Н. Я. — Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. § I. 'Пить' ← 'вола'. ДАН, 1927. 82—84. 255
- Марр, Н. Я. — Грузинские поправки и дополнения к палеонтологии речи. ДАН, 1927, 97—101. 450
- Марр, Н. Я. — Пережиточные взаимоотношения сисягщей и шипицей группы в огласовке мокша и эзя мордовского языка. ДАН, 1927, 143—147. 448
- Марр, Н. Я. — Из двухэлементных абхазских слов (к встречам с чувашским). ДАН, 1927, 148—150. 243. 415. 453. 468
- Марр, Н. Я. — Расселение языков в народах и вопрос о прародине турецких языков. «Под знаменем марксизма», 1927, № 6, 18—60. 399. 400
- Марр, Н. Я. — Иштарь (от богини матриархальной Афреуззии до героини любви феодальной Европы). ЯС, V, 109—178. Л., 1927. 262. 270. 332. 407. 463
- Марр, Н. Я. — О числительных (к постановке генетического вопроса). Сборник «Языковедные проблемы по числительным», I. Л., 1927, 1—96. 219. 229. 388. 391. 410. 499. 509
- Марр, Н. Я. — Готтентоты-средиземноморцы. ИАН, 1927, 405—416. 449
- Марр, Н. Я. — Государственная Академия истории материальной культуры. «Печать и революция», 1927, кн. 7, 285—292. 235. 411
- Марр, Н. Я. — Яфетическая теория. Изд. Восточного факультета Азербайджанского университета им. В. И. Ленина. Баку, 1928. 405. 408
- Марр, Н. Я. — Из Пиренейской Гурии (К вопросу о методе). Известия КИАИ, V, 1928, 1—62. 229. 231. 238. 246. 255. 259. 262. 268. 270. 449. 450. 453. 467. 469. 474. 517

- Март, Н. Я. — Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык. Изд. ЛВИ. Л., 1928. 227. 228. 233. 243. 260. 399. 414. 420
- Март, Н. Я. — *In tempore ulutorum* (из этногонии к скифо-кельтскому вопросу). ДАН, 1928, 324—327. 265. 465
- Март, Н. Я. — Отчет о третьей лингвистической поездке за границу (19 VШ 1927—3 Ш 1928). ИАН, 1928, 531—544. 256. 265. 465
- Март, Н. Я. — К сложению и расхождению сомехского и суоми языков. Опыт выделения общего шумерского слоя [рукопись 1928 г.]. 391
- Март, Н. Я. — Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. Сборник «Языковедение и материализм». Изд. ИЛЯЭВ. «Прибой», Л., 1929, 1—56. 398. 399. 420
- Март, Н. Я. — Карфаген и Рим, *fas* и *ius*. СГАИМК, II, 372—415. 229. 234. 246. 255. 258. 400. 415. 449. 455. 474. 478. 500. 508. 517
- Март, Н. Я. — Суоми-карельские и сомех-картские языки (предварительный отчет). ДАН, 1929, 29—33. 229. 483
- Март, Н. Я. — Балкаро-сванское скрещение. ДАН, 1929, 45—46. 445
- Март, Н. Я. — Напутствие к «Сборнику» аспирантов ГАИМК. Л., 1929, 1—10. 465
- Март, Н. Я. — Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии. ИГАИМК VI, вып. I. 238. 243. 245. 252. 449. 463. 474. 476. 509. 517
- Март, Н. Я. — К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов, II, 267—292. 391
- Март, Н. Я. — Топонимика Волги и Приволжья [рукопись 1929 г.]. 404
- Март, Н. Я. — Первая выдвинутая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев. Изд. Марийского научного общества краеведения. Л., 1930. 242. 268. 270. 278. 496. 503. 508. 517. 522
- Март, Н. Я. — Родная речь — могучий рычаг культурного подъема. Изд. ЛВИ, 1930. 270. 439. 453. 478. 508
- Март, Н. Я. — Яфетидология в ЛГУ. Известия ЛГУ, II, 47—68. 438
- Март, Н. Я. — Яфетические зори на украинском хуторе (Бабушкины сказки о Свинье — Красной солянышке). Ученые записки Института народов Востока СССР, I, 1—86. 444. 467. 478. 497. 508. 509. 517
- Март, Н. Я. — Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений. Сборник «На боевом посту». Гиз, 1930, 361—384. 482
- Март, Н. Я. — Готское слово *guma* 'муж' (К увязке готов с яфетическими народами Кавказа). ИАН, 1930, 441—465. 511
- Март, Н. Я. — Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста (к датировке Адышского евангелия и опять к вопросу о скифах-русах). ДАН, 1930, 168—176. 492
- Март, Н. Я. — К вопросу о происхождении арабских числительных. ЗКВ, V, 611—645. Л., 1931. 506. 517. 519. 521
- Март, Н. Я. и Смирнов, Я. И. — Вишапы. Труды ГАИМК, I, 1932. 255
- Mart, N. et Brière, M. — *La langue géorgienne*. Париж, 1931. Изд. Firmin-Didot. 399
- el-Mas'udi — *Murûdsch adh-dhababi wa-ma'a din a-dschawahir*. ['Золотые дуга и рудники драгоценных камней']. 9 vols. Paris, 1861—1877. 78. 91. 107
- Материалы по археологии Кавказа, VIII (П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа). М., 1900. 276
- Meyer, L. — *Handbuch der griechischen Etymologie*. Leipzig, 1901—1902. 37
- Meyer-Lübke, W. — *Romanisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1913. 259
- Мещанинов, И. И. — Введение в яфетидологию Л., «Прибой», 1929. 228
- Мещанинов, И. И. — Халдоведение. Изд. Общества изучения и обследования Азербайджана, Баку, 1927. 404
- Миллер, Б. В. — Об армянских надписях в Болгарах и Казани. ИРАИМК, IV, 65—80. Л., 1926. 102
- Миллер, В. Ф. — Осетинские этюды. II.—М., 1881. 10. 509
- Миллер, В. Ф. — Осетинско-русско-немецкий словарь (*Ossetisch-russisch-deutsches Wörterbuch*), I—III. Л., 1927—1935. 475
- Миллер, В. Ф. — Рец. на М. П. Веске: «Славяно-финские культурные отношения по данным языка». ЭО, 1890, № 4. 90
- Миллер, В. Ф. — Эпиграфические следы прапства на юге России. ЖМНП, 1886, октябрь, 231—283. 3. 6. 7. 9. 10. 12—14. 21. 30. 196
- Minns, E. H. — *Scythians and Greeks in South Russia*. Cambridge, 1913. 1
- Моисеев, Л. А. — Из истории западного побережья Тавриды. Херсонес Таврический и

- раскопки 1917 г. в Евпатории. ИТУАК, 54, 1918, отд. отд. стр. 1—19. 8
- Моисей Каганкатвацц. — История албан Моисея Каганкатвацци, писателя X в. Перевод с армянского К. П. Патканова. М., 1861. 73
- Моисей Калайкатуйский (Каганкатвацц). — История албанов. М., 1860 (ред. М. Эмива); Париж, 1860 (ред. Шахназаряна). 70—73. 75. 77. 80. 90. 97
- Моисей Хоренский — История Армении. 19. 32. 37. 57. 59. 124. 316
- al-Muqaddasi — [Описание мусульманской империи]. Bibl. Geograph. Arabico., изд. М. J. de Goeje, III, Лейден, 1877; 2-е изд. — 1906. 369
- Mullenhoff, K. — Deutsche Altertumskunde. 5 B-de. Berlin, 1887—1892. 194
- Никольский, М. В. — Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. Древности Восточные, I, 3. М., 1893. 82
- Никольский, М. В. — Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. Пер. на арм. язык Г. Тер-Мыкыртычяна [Миабана]. «Арапат», 1893. 82
- Notitia episcopatum, ed. de Voog. Zeitschrift für Kirchengeschichte. XII. 182
- Обращение Грузии (Жизнь Нины), изд. Е. С. Такайшвили. 489
- Ovidii — Metamorphoses. 468
- Огнево, И. И. — Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915. 410
- Olabide'tar Egraimun, S. I. — Gizasofa. Tolyoz, 1917. 470
- Орбели, И. А. — Багаванская надпись 689 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в. XV, II, 105—142. 521
- Орбели, И. А. — Город близнецов Агостхорис и племя возниц Πύλοχοι. ЖМНП, 1908, 195—215. 16. 30. 33. 34
- Орбелиан, Сава-Судхан — Лексикон грузинского языка. 82. 85. 86. 103. 156. 221. 302
- Осипов, Г. — Селение Даш-Алты, Шушинского уезда; Елизаветпольской губ. СМОМПК, XLV, 1898, 101—136. 88
- Autran, C. — Phéniciens. Essai de contribution à l'histoire antique de la Méditerranée. Paris, 1920. 52
- Раазонен, Н. — Csuvás szöveggyűjék [Чувашский словарь]. Budapest, 1908. Nyelvtudományi Közlemények, XXXVII, XXXVIII. 301
- Панек, Л. Б. — Жилище ктулов. Сборник МАЭ, IX, 1930, 237—246. 491
- Пархоменко, В. А. — Русь в IX веке. ИРОЯС, 1917, XXII, 2. 47
- Пархоменко, В. А. — Три центра древнейшей Руси. ИРОЯС, 1913, XVIII, 2. 47
- Пархоменко, В. А. — У истоков русской государственности. Л., 1924. 334
- Peisker, J. — Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. III, 1905. 69
- Петров, М. П. — О происхождении чуваш. Чебоксары, 1925. 333
- Pidal, R. Menéndez — Manual de gramática histórica española. Cuarta edición, corregida y aumentada. Madrid, 1918. 193
- Пискунов, Ф. П. — Малороссийско-червоно-русский словарь. Изд. 2-е, значительно дополненное. Киев, 1882. 245
- Платонов, С. Ф. — Руса. «Дела и дни», 1920, I, 1—5. 317
- Plinii Secundi Major — Historia naturalis. 48. 126. 147. 236. 243
- Повесть временных лет — 61. 105
- Покровский, А. М. — Верхне-Салтовский могильник. Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902 г. I. М., 1905. 78
- Покровский, М. Н. — Очерк русской культуры. Изд. 2-е. М., 1918. 7
- Полиевктов, М. А. — Восточная Европа и Восток в Европе. Saistoria moambe, I. Тифлис, 1924. 286
- Pollux, Jul. — Onomasticon. 106
- Потебня, А. — О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860. 143. 149
- Pott, Aug. Fr. — Über haskische Familiennamen. Detmold, 1875. 11
- Prellwitz — Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Изд. 2-е, Геттинген, 1905. 38
- Пресняков, А. Е. — Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории. Очерки по истории знаний, вып. IV. Изд. АН СССР. Л., 1928, 35—50. 396
- Пресняков, А. Е. — Задачи синтеза прото-исторических судеб Восточной Европы. ЯС, V, 1—22. 396
- Procopii Caesariensis — De bello gothico. Лейпциг, 1905—1906. 127
- Птолемей — География. 5. 53. 147
- Roncigeau, Sylvain. — Словарь баскского языка [рукопись]. 252
- Ravenhatis anonimi — Cosmographia, rec. Pinder et Parthey. Берлин, 1860. 93

- Размузен, Л. — О двух преданиях у Геродота. ЖМНП, 1876, август, 45—64. 332
- Rawlinson, G. — History of Herodotus, I. Лондон, 1862. 97
- Rawlinson, G. — History of Herodotus, IV. Лондон, 1862. 97
- Рашшид Эдлин — Сборник летописей. История монголов. Труды Вост. отд. РАО, V, СПб., 1858; VII, СПб., 1861; XIII, СПб., 1868; XV, СПб., 1888. 74
- Renan, E. — Histoire générale des langues sémitiques. Paris, 1855. 144
- Ржига, В. Ф. — Очерки из истории быта домонгольской Руси. М., 1929. 265
- Ridgeway, W. — Who were the Dorians? Anthropological essays presented to Edward Burnett Tylor. Oxford. 1907. 94
- Рождественский, А. Г. — К вопросу о древнем населении Рязанской губернии. Изд. Рязанской учен. архивн. комиссия. Рязань, 1893. 347. 348
- Ростовцев, М. И. — Скифия и Боспор. Крѣпостное обозрение памятников литературных и археологических. Изд. ГАИМК, Л., 1925. 191. 194. 313
- Rottiers — Itinéraire de Tiflis à Constantinople. Bruxelles, 1829. 163
- «Русская история в очерках и статьях». Составлена при участии профессоров и преподавателей под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского, I. М., 1911. 77
- Русских, Н. М. и П. Я. — Русско-вотский словарь. Удкнига, Ижевск. 1928. 498. 511
- Савельев, П. С. — Мухаммеданская нумизматика. СПб., 1846. 107
- Семенов, Т. — К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. Труды VII Археологического съезда, II, 228—259. 352
- Семенов-Тянь-Шанский, В. П. — Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест. 304
- Sergi, G. — Africa Toscana, 1897. 119
- Sergi, G. — The Mediterranean race. A study of the origin of European peoples. London, 1901. 118. 120
- Середонин, С. М. — Историческая география. Посмертное изд., 1916. 93. 105
- Слово о Задонщине — 78
- Слово о полку Игореве — 78. 164. 185. 218. 292
- Смирнов, В. Д. — Что такое Тмутаракань? ВВ, XXIII, 15—73. 164. 180
- Смирнов, В. И. — Из вопросов и фактов этнологии Костромского края. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, XXXIII. Кострома, 1924, отд. отд., 1—26. 303. 304. 344—347. 352
- Смирнов, Я. И. и Бартольд, В. В. — Отзыв о работах Н. Я. Марра в Ани. ЗВО, XXIII, 1916, 373—411. 3
- Соболевский, А. И. — Русско-скифские этюды, I—XII. ИОРЯС, XXVI, 1—44. II, 1923. 95
- Solmsen, F. — Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte, herausgeg. von Ernst Fraenkel. Heidelberg, 1922. 120
- Сперанский — Новый труд Л. Г. Нидерле о славянских древностях. ЭО, 1912, № 3—4. 90
- Спицын, А. А. — Шаманские изображения. ЗОРСА РАО, VIII, 1. СПб., 1906. 276
- Срезневский, И. — Материалы для словаря древнерусского языка. 78. 90. 105
- Срезневский, И. — Следы знакомства русских с южной Азией. Девятый век. Вестник РГО, X, СПб., 1854. 110
- Stephani Byzantini — Thesaurus linguae graecae cum annotationibus L. Holstenii, A. Bekkelii et Th. de Pinedo, III. Lipsiae, 1825. 127
- Stopford Green, Alice — History of the Irish state to 1014. London, 1925. 425. 428
- Стоянов, А. И. — Путешествие по Сванетии. ЗКОРГО. Тифлис, 1876. 112. 113
- Strabonis — Geographica. Rec. commentario critico instr. G. Kramer. Berlin, 1844—1852. 3 B-de. 15. 16. 53. 140. 194. 313
- Strachan, J. — An introduction to early Welsh. Manchester, 1909. 240
- Схолии к Аполонию Родосскому — 313
- Талмуд — 106
- Тамблев, Адлгейские тексты. СМОМПК, XXV Тифлис, 1898. 153
- Тацит — Анналы. 30. 53
- Тер-Мыкыртычал, Галуст (Миабан) — Язык урартских надписей (на арм. яз.). «Арапат», 1893, ноябрь. 82
- Тершаковець, М. — Переказ про Кия, Щека і Хоріва та їх сестру Либедь (Епізод із українсько-германських взаємин давньої доби). Юбілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, I, 399—425. Киев, 1928. 271
- Tsimida, Qweder — Θεωσις ἑλλάδων γραμματικῆ, ἑπὶ τῶν ἐββῆζων. Шибашкал, 1924. 275
- Тристан и Изольда — средневековый роман 520

- Толстой, И. И. — Апаторо на памятниках De la Motraie. ЖМНП, 1909, май, 216—221. 140
- Toscanne, P. — Etudes sur le serpent, figure et symbole dans l'antiquité élamite, Mémoires de la délégation en Perse, XII, 153—228. 58
- Труды Пермской архивной комиссии, XI. 276
- Уваров, А. С. — Меряне и их быт по курганным находкам. Труды I Археологического съезда, II, 633—847. М., 1871. 352
- Ouseley — The Oriental Geography of Ebn-Haukal. London, 1880. 92. 94
- Vasmer, Max. — Die Iranier in Südrussland. Untersuchungen über die älteste Wohnsitze der Slaven. 218
- Фауст Византийский — История Армении. Изд. венецианских мхитаристов. 1-е изд. Венеция, 1832; 2-е изд. Венеция, 1889. 37. 109
- Фауст Византийский — История Армении. Изд. К. П. Патканова. СПб., 1883. 20. 109
- Festi, Sexti Pompei — De verborum significatione libri XX cum Pauli epitome. Thewrewkianis copiis usus ed. W. M. Lindsay. Lipsiae, 1913. 317
- Festschrift Wilhelm Schmidt — Publication d'hommage à Wilhelm Schmidt. Wien, 1928. 434
- Fick, August — Hattiden und Danubier in Griechenland. Göttingen, 1909. 2
- Fick, August — Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für Geschichte Griechenlands. Göttingen, 1905. 51
- Forbiger, A. — Handbuch der alten Geographie. Leipzig, 1842—1843. 48
- Форд, Генри — Моя жизнь, мои достижения. Л., «Время», 1924. 121
- Френ, X. — Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers aus dem XI Jahrhundert über die Stadt Mainz. Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Pét. 6-e série, II. 92
- Френ, X. — Veteres memoriae Chazarorum ex Ibn-Foszlano Ibn-Haukale et Schems-ed-dino Damasceno arabice et latine. Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Pét., VIII, 1822. 74. 92. 94. 98. 105
- Френ, X. — Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren. Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Petersb., VI-e série. 100. 107
- Fraenkel, S. — Die aramäischen Fremdwörter in arabischen. Leiden, 1886. 106
- Хазарское ханство — статья в сборн. «Русская история в очерках и статьях» под ред. проф. Довнар-Запольского, I. 77. 102
- Халатьянц, Г. — Армянский эпос в «Историн» Моисея Хоренского. М., 1896. 32
- Хачик, вардапет — Рукописные списки «Истории албанов» Моисея Каланкаутуйского, находящиеся в библиотеке первопрестольного монастыря [на арм. яз.]. «Арапат», 1895, июль, 235—238; сент., 333—348; окт., 388—390; ноябрь, 424—426; 1896, янв., 22—26; февр., 67—71; март, 125—128; апр., 171—179; 1897, февр., 67—71. 71
- Хантия — Словарь мегрельского языка [рукописный]. 472
- Хвольсон, Д. А. — Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мальярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя вачала X в., по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869. 67. 68. 99—105. 107. 109
- Худяков, М. Г. — Вотские родовые деления. ИОАИЭ, XXX, 3; XXXI, 1. 286. 298. 299. 511
- Чарал, П. — Об отношении абхазского языка к яфетическим. МЯЯ, IV. СПб., 1912. 92. 100. 168
- Чахрузадзе — Оды. 295
- Черепнин, А. И. — Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Изд. Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1892. 101. 321
- Чковия, И. — Грузинский глоссарий. МЯЯ, I. СПб., 1910. 83. 84. 233
- Чубинов, Д. — Грузино-русско-французский словарь. СПб., 1840. 83. 84. 86. 221
- Чубинов, Д. — Грузино-русский словарь. СПб., 18—7. 39. 82—84. 86. 89. 103. 106. 109
- Шахматов, А. А. — Древнейшие судьбы русского государства. Изд. Русского Исторического журнала. II., 1919. 317
- Шахматов, А. А. — Повесть временных лет, I. Вводная часть. Текст. Примечания. Изд. Археографической комиссии. II., 1916. 50. 61
- Шахматов, А. А. — Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Летопись занятий Археографической комиссии, XX. СПб., 1908. 334
- Scheil, V. — Textes élamites-anzanites. Mémoires de la délégation en Perse (Mission en Susiane), III, V, 18. 273
- Шорин, В. С. — Мари-русский словарь горного наречия (черемис). Под ред. С. Г. Элина. Изд. Центр. издат. мари. Казань, 1920. 290. 292
- Шота Рукатавели — Витязь в барсвой коже. Изд. Карачаевлии. Тифлис. 103
- Eucken, R. — Geschichte der philosophischen Terminologie. Leipz., 1878. 1

Eichwald, Ed. — Reise auf dem Kaukasischen Meere und in den Kaukasus. Unternommen in den Jahren 1825—1826. Bd. I, Abt. I. Stuttgart und Tubingen, 1834. 168

Эрдман — Следы азнализма в Слове о Пълку Игореве. ЖМНЦ, 1842, окт. 19. 164

Эристов, Р. Д. — Краевий грузино-русско-латинский словарь из трех естественных царств природы. Тифлис, 1884. 82

Эфор — Пер: ерѣмѣтов. 313

Junker — Zur altrussischen Benennung des «Pferdes». Zeit-schrift fur vergleichende Sprachforschung, Bd. 50, 1922. 292

Justini — Historia 36

Якобий, П. И. — Вятчи Орловской губернии. Зап. РГО по отдел. этнографии, XXXII, 1907. 277. 281. 284

Якут, ибн-Аблаллад — Mu'dscham albuldan ['Алфавитный перечень стран'] Изд. Wustenfelf, Лейпциг, 1866—1873, 6 томов. 94. 106

II. УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ, РАЗБИРАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Абхазский язык

а один, неопределенный член
219
 abagà, abəga видеть 172. 411
 àbga шакал, лисица, волк 243.
385. 386
 àbga dəw волк 385. 386
 àbga q̄tə лисица 385. 386
 abgəð лист 385
 ábla глаз 172. 219
 abəgà видеть 411
 aǵba корабль 385
 aħa господин 128. 129
 aħa свинья 233
 aɫaɫ цепь 130
 adə вода 110
 aɟ дуб 212
 aɟiq̄rey кукуруза 212
 aeybadəǵa знать друг друга
382
 àyɟar baba праздник Айтаро-
вой палки 131
 akaɫaɫ орех 213
 akaɫaɫaɫ хлеб (жертвенный)
263
 aq̄əða поселение, деревня 60.
158. 217. 456
 aq̄ доля 137
 aq̄əɟma волк 386
 alà собака 237. 386. 414. 455
 alàk собака 243
 alana свет 148. 150
 alana мерин, лошадь 146. 147.
150 176. 178. 181. 289. 291.
292. 295. 301. 385. 455
 àtā рукоять 157. 496
 aṭaṭə (диал.) пальцы 273
 aṭza луна 137
 aṭəvda благородное сословие
129
 anapəð рука 29. 272. 273. 494
 anagut̄ ладонь 272
 anaf̄a пальцы 273
 anp̄əṭṭəga выпускание из
рук 272

anəfa бог 216. 273. 499
 anəfa икона 129
 aoyəð человек 187—189. 219
 ap̄əga посуда для варенья
283
 afaia борода, усы 246
 aṭṭəð душа 189
 aṭṭəħa, aṭṭəħa царь 129
 aṭ самец 218
 aṭā яблоко 385
 aṭə раб 157
 aṭəṭəyу бег на лошадях во
время поминок, лошадь 146.
147. 150
 àṭmā рукоять плуга 157
 aɟ золото 39
 aɟe голова 281
 aɟaga рожать 131. 281
 aṭṭəfa воск 100
 aɟəð лошадь 291
 aṭwā люди 188
 aṭwəð дом 172
 aṭarə нога 29. 272. 273
 aṭəɟ, утро 146. 148. 292
 bāa гнилой 385
 dəw большой 385
 ɟə пить 400
 eyba один одного, друг друга
382
 eyda также, еще, и 130
 imowp вспомогательный
глагол 132
 ifa сын, дитя 515
 nəf̄ икона 129
 ooyəðk один человек 187. 189.
190
 fa дитя, сын 221
 q̄ три 132
 q̄agowp далекий 128
 q̄ik золото 200
 q̄ə пуля 36, 200
 q̄tə малый 385

ia дно, низ, под 220. 221
 ṭabəkà ṭəṭ ak arhəwoyt
негодное яблоко портит
сотню 385
 ṭabək̄ гнилое, негодное ябло-
ко 385
 ṭəga улей 100
 ṭəq̄əṭṭə лук 36
 ṭəaq̄tə стрела 36
 ṭqa пчела 100

Аварский язык

alagfa лошадь 177
 beṭəi ħap бог 178. 181
 beṭəð бог 178
 řama осел 307
 řoɟ река 305
 řaɫi слово, речь 132
 řos муж 145
Авестийский язык
 hu бороз 234

Адыгейский язык

ħuɫe дом 172
 dəzzəp серебро 201
 dəṭin (диалект.) золото 201
 dəħne золото 200
 ko сын 34. 35
 ħəħ олень 16
 šəp золотуха 201

Английский язык

bitch сука 244
 verity правда 270
 hog свинья 233. 234
 home дом 172
 pig свинья 244
 sow свинья (самка) 233. 234
 swallow ласточка 302
 true правдивый 270
 truth правда 270

Андийский язык

ħamaoqi осел 307
 řasonqul «ушки» для воды из
тыквы 81
 řəħin небо 139

Арабский язык

alsh улей 100
 ʕahdānⁿⁿ груди 531
 ʕaḳdānⁿⁿ любовницы, по-
 други 531
 ʕaḳniarⁿⁿ красный 150
 baraka согнув колена, лег на
 землю; стал на колени 470
 burtāsī буртасские [меха] 107
 varḳⁿⁿ бедро 470
 warak лист 385
 haḳniāḳⁿⁿ нянька, корми-
 лица 531
 haḳwāḳinⁿⁿ вляньки, корми-
 лицы 531
 gamalⁿⁿ верблюд 503
 haḳif 484
 ḳudnⁿⁿ грудь 531
 ḳudūnⁿⁿ грудь 531
 ḳur гурия 488
 ḳur желтый 197
 ḳamalⁿⁿ, .ḳemal верблюд
 354. 503
 ḳūⁿⁿ духи, бесы, ангелы 519
 ḳūnāḳⁿⁿ бесы, сумасшедшие,
 519
 ḳuzibolgar орехи болгарские
 107
 yawⁿⁿ день 493
 yaḳin правый 283
 kalbⁿⁿ собака 242
 koḳḳay скамья 103
 ḳurtak куртка 103
 qaz шелк-сырец 106
 layālⁿⁿ ночи 493
 leyⁿⁿ ночь 493
 ma ḳto 504
 maḳnūnⁿⁿ одержимый бе-
 сом, бесноватый, сумасшед-
 ший 519
 maḳāḳⁿⁿ раз 496
 maḳmūrⁿⁿ пьяный 519
 nabīⁿⁿ пророк 495

naḳalⁿⁿ питье 492
 naḳarⁿⁿ день 492. 493
 naḳila пил 492
 naḳūrⁿⁿ река 492. 493
 saḳūr соболь 109. 110
 saḳis евнух 486
 saḳisa быть импотентным 486
 semnḳ соболь 110
 siḳāb белка 103
 siḳūr, siḳar кошка 109
 ḳay пушной зверь, бобр 107
 faḳasun лошадь 145
 ḳadama он почитал, служил
 531
 ḳādīmⁿⁿ евнух, почитающий,
 служитель, слуга, неволь-
 ник, раб, слуга 531
 ḳādīnⁿⁿ друг, товарищ 531
 ḳazar бобр 107
 ḳamḳⁿⁿ вино 150. 519
 ḳataḳⁿⁿ грех, ошибка 531
 ḳidaⁿⁿ любовница, подруга 531
 ḳitḳayⁿⁿ грех, ошибка 531
 ḳudanāḳⁿⁿ друзья, товарищи
 531
 ḳuweydimⁿⁿ евнух (уменьш.)
 531
 ḳem есть, кушать 330
 sheḳāb бокал 89
 miḳgabaḳ сосуд, чаша для
 питья 86
 shaḳarib усы 86
 shaḳāb напиток 86

Арамейский язык

sūba лошадь 148
 sūsu лошадь 148
 šunḳa кошка 109

Армянский язык

aḳdahak дракон 57
 aḳ соль 477
 aḳber родник 171
 aḳbuḳ родник 256
 aḳbuḳ (диал.) брат 256
 auḳat теперь 521
 auḳ мужчина, муж, супруг
 218. 478. 512. 513. 527
 aḳiḳ маленький очажок 76
 aragānḳan браслет 294
 arḳel жить 199
 āḳis хорек (мокс.) 106
 aḳ соль 477
 alḳ волны 256
 aḳāḳin девушка, служанка 128.
 131
 aḳḳiḳ брат 256
 andrew дождь 238. 476
 aragānḳ мужи 473
 aragānḳ я сделал 132
 arḳ ныне 492
 arḳi действительный 270
 arḳew солнце 135
 arḳewakn солнышко 135
 arḳeg солнце 134. 135. 144. 261
 arḳegagal заря 134
 arḳegakān солнышко 134
 arḳayordi царевич 72
 arḳat корень 526
 arḳoseak утренняя заря 134
 arḳu самец 218. 513
 arḳuseak утренняя заря 134.
 135. 143
 arḳiḳ silver 199
 arḳshaval наезд, разбойничий
 наезд 134. 146
 arḳshawel делать набег 134
 arḳshawḳ наезд, разбойничий
 наезд 134
 arḳshaloys утренняя заря 134.
 135. 148
 arḳshaloys заря 134. 146. 148
 arḳshawawḳin, arḳshawawḳin восточный
 134
 arḳshawat, arḳshawot утро 134
 arḳak притча, поговорка 132. 262
 arḳat пословица, поговорка 132
 arḳnul брат 256
 arḳey оя говорит 132
 arḳtuat бог 337
 arḳoḳ скамья 76. 363
 arḳḳer брат 171
 azat священный, бог 220
 awag день, время 493
 aḳshanak подсвечник 58
 aḳsharak башня, столп, змея,
 дракон 58
 aḳshay копьё, стрела 58
 baḳin курица 312. 501
 baḳron ступень, лестница,
 скамья, ложе, возвышение
 для печки 76

- badronak ступенька, лестничка 76
 baduđ маленькое хранилище на badron'e 76
 bazmođs восселание 73
 bałnıq баня 252
 bař слово 258. 261. 497
 barbađ, barbañ болтание, бормочание, шептание, нашептывание чародея 259
 barbař язык, говор, наречие 258. 259. 482
 bargı тополь 489
 bargın, bargar высокий 501. 502
 bargınq высокие 501. 502
 bare, bargı лучший 449
 batođ маленькое хранилище в badron'e (эрич.) 76
 begar рот, лезвие 247. 251
 berd крепость 523
 beđ усы 246. 247
 birvař кадилло 474
 val утро 308
 vıgaz кабан 233
 vardarot ученый, учитель 361
 vardavař название праздника 489
 veur эпос, роман 499
 ver верх 247
 viřar рыба-великан 24. 56—58
 vardiñ кисть 106
 wořket, wořteř (мокск.) белка 110
 voski золото 199
 deum лицо 252
 dın дом 172
 dıdım сосуд для вина, тыква 80
 dıdımeau apođ тыквенный сосуд 80
 đag детеныш пернатых и четвероногих 22
 đer рука 238. 281. 517
 đerın рука 238. 256
 dı лошадь 222. 295
 đog долина 296
 đug вода 251. 254. 256. 258. 284. 330. 450. 507
 eđbaug брат 130. 171
 el восход, выход 478
 elanel восходить, выходить 478
 egeko вечернее время 341
 egeu солнце 136
 egewakın солнышко 136
 egewıl являться 136
 eřıvař конь, лошадь 135
 eřkađ железо 193
 eřkın небо 193. 201
 eřqvař плуг 201
 hađ шелк-сырец 105
 hařkakañ, hařkazeař армянский язык 123
 hařг отец 123. 513. 527
 hařar счет 332
 hambarı водяное чудовище 302
 hanel извлекать 500
 hant налогница 237
 hařıwг сто 139
 hařalı, hařađ вид шелкового платья 105
 hařel лаять 237
 heuq наезд, разбойничий наезд 123. 129. 240. 241. 302
 herı далекий 128
 hořkel, herı пахать 201
 hıwг, huřг гость 124
 huřг огонь 258. 421. 450. 474
 hařku, hıřku герой, силач 24
 hařkaу исполин, титан 23
 gařı волк 385
 gařı ямень 129
 gařıш омерзительный, скверный 129
 geđ село 523
 geřard копые 58
 geřı село 623
 geřıш омерзительный, скверный 129
 gıwđ селение 164
 gıřer ночь 341
 guđıđ (нар.) село 523
 guđa qařaq местечко 316
 gořarař паук 469
 gořı поросянок 233
 guđ, gul селение, село 164. 523
 guđau плуг 201
 zařđ-ostaуп паутина 471
 zowařak корова 279
 řař час 455. 521
 řařı святыня, завет, литургия 521
 řıwг теперь 521
 řerqou внизу 491
 řeraг друг друга 219
 yamel временить, медлить 521
 yeřıq восход, выход 478
 yeřınel восходить, выходить 478
 yovaz барс, пантера 302
 kařerıт ковер 102
 kařıwг голубой 15
 kařı сила 235
 kařar лебедь 56. 61
 kařkař куча камней 449
 kařıwг красный 271
 kařı кошка 106
 kařı шелк-сырец 105
 kařıwг топор 38
 keřı половина 122. 390. 391. 483
 keřıdıřı (зокск.) тыквенный сосуд, ложка с ручкой 88
 keřı (нар.) половина 390. 483
 kıřkařel носить 130
 kıřı страсти, сострадание 279. 330
 kus (нар.) половина 483
 kođ (араб.) мера (равна 44 тур. оки) 83
 koуs девица, монахиня 483
 koуt собрание, табун, куча, стадо 175. 198. 410. 508
 kuуs девица, монахиня 483
 kuуt (нар.) куча, ватага, стадо 508
 kuз кот, куница, белка 106
 kuз, (мокск.) куница 106
 kultař глотать 86
 kurt евнух 484. 486. 487
 kızıařıs белка 106
 kızınel глотать 86
 kızıarařd антропия 218
 kızıřak торговое помещение, магазин, лавка 368. 372
 kızıřık журавль 255. 256
 kızıřı кусок 106
 qařaq город 81. 316
 qařaq город 81
 qař камень 449
 qařa мера 83
 qařıwг жрец 217
 řakot щенок 237
 řařı лучший, хороший 129
 řařel глотать, лакать 85
 řıys свет 135
 řıys свет 135

- шауг мать 487
 шамиг мох 485
 шапик мальчик, отрок 18
 шанег мелкий 18
 шаггаре пророк 11. 358. 361
 шагд человек 486. 487. 527
 шагдиқ люди 527
 шагдрет внуч 484. 486. 487. 527
 шагди (средн.) человек 527
 теу, ши один 8. 382
 тигиқ, тигиқ борода 246. 247
 пақабашаут предки 128
 ног женщина 487
 перди внутренниий 491
 пердиарет глава внуков 484
 пердине внуч 483. 487
 пердиш внуч 483. 487. 491
 перс внутрь 491
 ши вверх 491
 ни невеста 491. 512
 пакан выпеченный в золе хлеб 218
 одақ очаг 76
 ог день, время 493
 орде дитя, сын 452. 514
 орди отроки 452. 514
 огеорд, огиорд девушка 225. 268. 452. 533
 орг дичь, охота 243
 оски золотого 38—40
 оскифогик ложка, ковш 87
 оски золотого 199
 осташау ткань 471. 472
 ошдаг овца 159. 368
 пар лед, предок 512
 пар круг, хоровод 260
 пард пляска, хоровод 260
 паратакан ручной, жирный 90
 паранг фаланга, караван, отряд, легион, толпа 75
 гисри развратница 235
 сакиг боевая секира 37
 саккарагот вооруженные боевой секирой 37
 саюу сало 71. 76. 89—91
 сашоуг соболь 109, 110
 сардеш паук 471
 сарсар ужас 485
 сарсиг дрожь 485
 саргоуш лед 71. 90
 серман семя 317
- singuur, singur бекка (александр) 109
 скау исполин, титан 23
 sug печаль 475
 сшдиогик (мокс.) бекка 110
 таниқ кровля 377
 тара год 465
 тари год 291. 465
 тар буква 291. 532
 тасап, тасап десять 383
 тат бабушка 226
 татәу (диал.) старший брат 226
 тегев хиства 190. 317
 тиу день-свет 493
 топ праздник 238
 туп дом 172. 214. 377
 ЭаЭ лапа 172
 Эагашел сохнуть, вянуть 134
 Эиу число 411
 Эошг тоядир, печка 76
 Эити холм 76
 Эиг меч 106
 Эиу черный, темный, смуглый, обгорелый 475
 Эиу шапик черный отрок 475
 Эамбиқ возвышение для печки 76
 уйт, уйт верблюдо 504
 ушп имею 500
 ургаЭ пятница 520
 урге, урди девица, женщина 533
 уигу коршун 255
 уйт место культа, обет, братство 504
 word (нар.) сын, дитя 514
 wordar отроки, дети (боярские) 514
 қалал течь, двигаться 256
 қәмпиз конское молоко, кумыс 274
 тауг голова 246
 там волос 279
 тамел жевать 279. 330
 тиг круг 239. 261. 341. 367
 тиқ дым 475
 Эол роса 279
 Эогеал, Эогеал хлебные злаки 215
 Эиу хороводная пляска 260
 Эиуvel животное 159
 тақарак (диал.) веретено 472
- тақрак веретено 469
 тав, тиг, тиг свежий росток 489
 ташмарит истинный 270
 ташмартуЭиуи истина 270
 Эаф мера 83
 Эифел наполнять сосуд до краев 83
 Эиг злой 129. 535
 шаһар дух-хранитель могил 58
 шаһатак доблестный, герой, бог, змий 58
 шегас, шегаш шельк 102
 шегер большая ложка для снятия пены, шумовка, дурхшлаг 87—89
 шегер уполовник, большая ложка, ковш 71. 77. 78. 87. 89
 шегер факод птичка, насекомое 87
- Ассирийский язык*
- қигаси золото 197
- Ахважский язык*
- гешев небо 139
- Баскский язык*
- абере жертвенное животное, овца, животное, имущество 199. 419
 аһал мощь 285
 аута отец 130. 513
 аушп перед 463. 478
 ал сила 285
 алала девушка 128. 511. 515
 апар десять 382. 384
 аперге женщина 238. 256. 532
 аг камень 449
 агаи делать 132
 агатусте карнавал 244
 агте дуб 213
 арто мяс 212. 213
 арту брать 265
 ази делать, заставлять 132
 ашика лай, питье воды с шумным хлебанием 235
 беги глаз 411. 463
 билдоинки ягнячье мясо, ягнятина 244
 бирibil круг, круглый 248
 букати кончать 249

burda железо 278
 buru голова 114. 249. 274. 327.
 503
 burdı воз 240
 gaysto, gayшто злой, скверный
 129
 gayđ зло, несчастье, болезнь
 129
 harag мясо 243
 garagar ячмень 129
 garı ошевица 129
 heva жена 486
 herdi га чужой язык 122
 geintera точильное колесо
 467. 532
 gison человек 5
 hor собака 171
 gorı красный 222
 hıme дитя 188
 hın хораший 128. 129
 hug вода 33. 258. 296. 305. 309
 hırn, hırnı далекий 128
 hırnı дальность 128
 diađ жемчужина 384
 dođ самец 233
 egi солнце 257. 261. 453
 egnı правда, истина 144
 egnı день 144
 egnı день 144. 257. 453
 eguski солнце 143
 edan пить 254
 edes рассказ, повествование,
 история, описание 143
 edur снег 332
 eyta и 130
 eķarı носить 130
 eķı солнце 144
 eqi солнце 261. 453
 eles рассказ, повествование,
 история, описание 143
 eta жена 485
 ete жена 486
 ene argumentuan я во время мо-
 его детства 114
 egañe разговор, беседа 132
 egañı говорить 132
 egañle оратор 132
 egañı делать 132
 egdi половина 122
 eges рассказ, повествование,
 история, описание 143

egesı погребальная песня, эле-
 гия 142
 egađ бог (страшный) 341
 euri милость 296
 euri дождь 450
 ewñkara баскский язык 122
 eun десять 145
 eñku рука 267
 jau праздник, день ангела 237
 jaunkoa бог 237. 238
 jawı господин, господь 237.
 238. 245
 jawıko бог 245
 jıkoа бог 237
 iguski солнце 143
 ikusı видеть 284. 331. 411
 ignı три 170
 iguski солнце 143. 144
 isar звезда 131. 150
 isarhiđ роса 131
 ihtar, ihtar ладья 282
 yaı праздник, день ангела 237
 yaunkoa бог 237
 yawı господь, господин 129.
 237. 238. 245
 yınkoa бог 237. 238
 yalko, yalkua слеза 252
 yamađ мужественный 384
 mendı гора 115
 mendıska холм 115
 mente время, жизнь 114
 mentu эпоха 114
 morde господин 293
 mundo, mundı мир 114
 neabe, neabe холостяк, маль-
 чиска 515
 neskatı девушка 243
 neñkame девушка 515
 neñkatı девушка 407. 492
 or собака 171. 241. 255. 503
 osar собака 241
 saba небеса 141
 sawıka лай 235
 salburdı коляска 240
 salburđay кучер 240
 saldegi конюшня 240
 saldı лошадь 142. 222. 240. 241
 saldun всадник 240. 241
 samaldun всадник 307
 samarı лошадь 142. 292. 307
 sangı лай, питье воды с шум-
 ным хлебанием 235

saurı рана 280
 sawıka лай 235. 237
 sawıkas лаять 235
 seru небо 140. 239. 341. 532
 silar серебро 199
 silhar серебро 199
 sinısten верить 302
 surı белый 367
 tresna грубый человек, неотте-
 санный, кукла, фигура
 шахматной игры, наряд,
 одеяние, орудие, подбор
 сельскохозяйственных инстру-
 ментов, утварь, мебель,
 приданое 143. 150
 tresnatı надевать (на лошадь)
 упряжь, шоры, сбрую 143
 udagaга выдра 241
 ur вода 33. 255. 258. 296. 305.
 450. 478
 urde свинья 233
 urdođ кабан 233
 urte год 421
 qayı праздник, день ангела 129.
 237
 qawn господь, господин 129.
 238. 245
 qaunkoa бог 129. 237
 qı koа бог 237
 řakur собака 297
 řar зло 129. 131
 řeren дьявол 131
 řpageñki мясо ребер 244
 řıñı огонь 257. 421. 450. 476

Валлийский язык

ber сын 514
 gıgr род тыквы 84
 do лошадь 295
 douře относящийся к лошади
 295
 katı кот дикий 106
 koyт домашняя кошка 106
 kotor кусок 106
 kađ нитки 105
 qalāuqay город 81
 quřđı ласка 106
 sađvı глиняный кувшин для
 вина 85
 tađbñđı ртуть, серебряная во-
 да 91
 řıgēñık рукоять меча 106

qí вода, река 305
tav бобр 110

Берберский язык

akjuñ собака 234. 241
aləñ глаза 233. 478
amañ вода 253. 254
apañ кукла, которую носят
в селах, когда хотят полу-
чить дождь 238
baba отец, мужчина 216
juñ свинья 245
za вода 254
m rot, zev, leavie 251
imīṭawñ слезы 253
imāṭi слеза 253
metmañ плевок, слюна 253.
254
isusṭañ слюна 254
iṭu солнце 253
iṭgi звезда 254
m rot 253
mṭg земля 500
mṭt вода 253. 254
mṭtmañ плевок, слюна 253
sar небо 239
su нить 254. 400. 474
sugəd охотиться 241
sus (ти и-узу) слюна 254
susəf плевать 254
səgləf собака 241
ṭa (каб.) свет, луч света 253
ṭit глаз 478
ṭiməz огонь 224
ṭisliṭ buanzag радуга 238
ṭit глаз 224. 253

Болгарский язык

vēre волк 419

Ботливский язык

māṭu кувшин для воды из
тыквы 81
geññ небо 139

Бретонский язык

bara хлеб 245
bago, baci борода 247
bed мир 460
beg верх, вершина, край,
острие 246

bgo страна, край 244. 460
vṭṭshūd чудо 510
habo род междометия 243
gagan журавль 255. 256
hazal лаять 237
gast распутная женщина 235
hoṭ свинья 233
hiṭ свинья 233
drem зрение, лицо 252
dṭg нога 251. 254. 507
kaṭeg скала 449
ki собака 240. 243
kiṭ мясо 243. 244
kiṭowə дичь 243
krom свод; согбенный, согну-
тый крючком (о носе) 265.
465
kromshleṭ круг, ограда камней,
священное место 465
kṭim свод; согбенный, согну-
тый крючком (о носе) 465
lavag говорить 501
moṭ свинья 244
mṭgṭṭ усы 247
mṭshiamṭṭ усы 247
bṭṭṭ хрюкать 233
oṭ вид междометия 233
oṭal хрюкать 233
raṭan язычник 244
raṭan язычник 244
raṭat блистать, являться, упор-
но смотреть на свою добы-
чу, оставаясь неподвижным
263
rep голова, оконечность,
острие, конец 458
reuf давать 267
reit давать 267
sel, siṭ вид, зрение, взгляд 252.
463. 478
selet смотреть 463
selut видеть, смотреть 252.
463
seṭṭ распутница, проститутка,
наложница 237
tā свет 257
tat отец 226
ti дом 244
troat нога 268
ur женщина, девушка, неве-
ста 224
ureñ облако 224

uzga, uzga хрюкать 233
shas собаки 240. 241
shaseal охотиться 241

Валлийский язык

gast собака (сука) 235
hweh свинья 233
ki собака 240. 243
kwn собаки 240. 243
moṭ свинья 244

Венгерский язык

agani серебро 200
ega один 382
kēt два 382
lo лошадь 414
no женщина 407
tiz десять 383

Волульский язык

alaina лошадь 147. 177. 301.
455
kit два 382
lov десять 383
tagul, tagul рукав реки, приток
реки 297

Галльский язык

dubr, dobur вода 256
*ero лошадь 243. 456
eroredias выезжатель лошадей
243. 456
*na женщина 243
*segus порода собак 236

Годоберитский язык

geññ небо 139

Греческий язык

adelqē сестра 170
adelphos брат 170
aknak меч 37
aqshē топор 37. 38
alēṭe правда 200
androgwnos андрогин, герма-
фродит 218
andṭros человек 187
argwton серебро 199. 363
artos печеный хлеб 212. 213
balanos жолудь 213. 449
badron скамья, ложе, порог,
основание, грунт, земля 76
ṭal соль 477

hipos лошадь 456
 homēros заложник 188
 demon дух 148
 dendroçag древод 212
 epwdrōs выдра 110
 epk-lris выдра 110
 ewtēmeta изобретения, открытия 193. 313
 кашага тип судна
 kamelos верблюд 503
 kosmos мир, украшение 114
 krasī вино 150
 kwōp собака 454. 517
 ma/ауга меч 496
 nepele облако 224. 421
 nwn, nwni сегодня, теперь 492
 ođgros бледно-желтый, желтый или бледный цвет, бледность 197. 198
 relayos море 49. 155
 relayos журавль 49. 137
 pontikon род дерева в Скифии 212. 213
 pwt оговь 256. 263
 falang фаланга 75
 fteag источник 256
 fswqe душа 189
 geo течь 127
 sark мясо 243
 sita хлебные злаки 212
 sitos хлеб 212. 213
 sofia мудрость 225
 takxorwta трут, раздувательный мех 313
 teratos чудовище 532
 Thalāa море 49
 Uranos небо 114. 224. 407
 qalkos медь 38
 qalks медь 30
 xāsdon вид шелкового платья 105
 xaseydon вид шелкового платья 105
 qeug рука 51. 256. 342. 483
 qer старуха 483
 qouros свинья 233
 qonopos время 114
 qrwos золото 197

Грузинский язык
 abano баня 253. 280
 .abed трут 220. 313
 ablabudas qseli паутина 472

adlevs дает ему 284
 akaug лебедь 56
 akpak копьё 37
 akro роі тыквы 84
 al пламя 220. 256. 477
 .alou зари, утренняя заря 477. 478
 amoqarva вычерпывать 83
 angarш счет 193
 arak притча, поговорка, пословица 262
 are страна 522
 aremate окрестности 522
 agazrel сказка, миф 262
 as сто 139
 asqua поливал 212
 asqa лил, проливал 212
 ašas тысяча 505
 adbo он его нагрел, согрел 257
 aš десять 506
 ađiga он разгорячил, раскалил 258
 ai, aie ныне 492
 babz отец, мужчина, самец 226. 512
 babua дедушка 226. 512
 bana купать, мыть 252. 280
 bard шип, шиповник 489
 barkal бедро 470
 beber старый, старая 472
 bebera наук 472
 bebia бабушка 226. 472. 512
 bed судьба, счастье 460. 490
 bel детеныш 514
 ber старый, престарелый 280
 befo волосок, мелочь 246
 beri бесплодный 514
 betu ресница 246
 bzega смотреть, рассмотрение 259
 birdu шар. мяч 114
 bič отрок, мальчик 36. 468
 bobol насекомое 472
 bobotika паук 472
 bogano крестьянин, не имеющий собственной пашни, бобыль 312
 boz развратница 235
 borgal колесо 248
 borgva бесноваться 232. 244. 269. 312
 bogdu холм 114

bru кружение, верчение (головы) 460
 burđ шар, мяч 114
 bntbut бормотание 259
 vaz, vaj виноградная лоза 489
 vakvirdebi вперяю глаз 331
 val ходить 519
 vardobus ššue май 490
 varskulav звезда, светило 228. 301. 302
 vashkagan сума, мешок 39
 ved, vel ходить 57
 veršql серебро 199
 veršqlis tkal ртуть 91
 ved убийца 219
 vizam я буду делать 521
 vir осел 307
 vtšin ласка 106
 vsdqvaš ferqis споем (песню) хороводной пляски 260
 vncgrebi тружусь, делаю 267
 gaafidqa он поджарил его 231
 gaađiga разогрел, раскалил 474
 gleq крестьянин, раб 156. 464
 gumr, gashir, gumir герой 217. 229. 264. 357. 509
 gogman ласкание, дельение 18
 gogta род тыквы, череп, голова, башка, гаупая голова 84
 hon, hone лошадь 517. 518
 hon, hun лошадь 234. 241. 517. 518
 giđan плуг 201. 208. 215. 217. 266
 gšna ты хочешь есть, ты голоден 330
 ğer штука 256
 ğmerđ бог 208. 216. 229. 264. 266. 269. 357
 ğone средство, хитрость,
 ğon сила 500
 ğurbel облако 178
 ğrutuna хрюканье 233. 234
 ğutu-ğutu скликанье поросят 233
 ğuša бог 208. 216. 217. 233. 266. 456. 508
 da и 130
 da низ 220. 221
 daabara он поручил ему сказать 497

- daeiafa он жадно пил, припал к воде 83
 daibura покрыл себе голову 503
 da'1' сестра 486
 daikveveba брат в плен 156
 deda мать, женщина 226. 471. 482. 485. 512. 532
 deda zardl паук 471
 dedal самка 226. 485. 512. 513
 deda-mdude мать - кормилица 513
 deka, dekenl телица 22
 deua течь 295. 354
 did большой 31
 didvau крупные 18
 doq глиняный кувшин 83
 dađl собака 110. 241. 297
 dal сила, мощь, рука 281. 284. 285. 297. 413
 dař нитка 280
 d'ida он звал 297
 dval кость 451
 de дети, сын 452. 472
 del дерево, доска 190. 317
 deua стяжать, получать прибавление 452
 dleva давать, осилить, победить 284
 d'rođa королева 279
 d'ra веретено 469. 471
 datv цепь, кольчуга 103. 130
 datvkurtak панцырь 103
 d'uar крест 157
 d'uarđma распятие 157
 deġ крат, раз, удел 266. 517. 532
 deġars должно 532
 deġe еще 517
 d'owene правый 283
 doġko скамья 363
 eġ народ 513
 eġqvca пахать 201
 eġđ один 533
 jaġ время 455. 521
 jaġ чума, мор 521
 jaġpi часы 521
 juġ два 280
 zaġ детеныш буйвола
 zardl паук 471
 zđaraġ сказка 261
 zđva море 475
 zđua море 156. 475
 zđwa море 475
 ze сверху 280
 zeđa верхнее небо 469. 479
 zma времени, медлить, делать 521
 zrođa королева 279
 zraġa прикрыл у себя, покровительствовал ему, заступился за него, защищал его 497
 itkws говорит, лжет 406
 id'ekva плясал, танцевал, 261
 ualon заря, утренняя заря 477. 478
 kazmva украшать 114
 kalmađ форель 449
 kamaġa свод, арка 401
 kaġ дверь, двор, поселение 490
 katun кот дикий 106
 kađ человек 5. 187. 384. 468
 kbil зуб 450
 kvet колобок, вытекаемая взоле круглая лепешка 265. 470
 kvig колено 470
 kvigisđav кончик веретена, чашечка колена 470
 kwarđ хитон, рубашка 103
 kwarđq1 престол, трон 103
 kwarđq1-bekq1 подножие престола 103
 kvaġ род тыквы 84
 kvetđq1 яйцо 401. 402. 470
 kvuġa куница 108
 keġdo половина, сторона, бок, 122. 390. 391. 483
 keġr идол 264. 300
 kiborđqal рак 450
 kide край, сторона 294
 kideba прикасаться, тронуть 294
 kimekmeġ небо, орбита Юпитера, шестое небо 221
 kma железо 37. 38. 202
 kmeġ копье 37
 kvavil мяуканье 109
 kvavis мяукает 109
 kokoša чаша из тыквы, тыква 89
 kolot мех, пушной зверь 198
 kolt скот, стадо 175. 410. 508
 kore (гур.) черпалка для вина, винный сосуд вмещения десяти тухтов 82
 koġa сосуд для питья из тыквы, тыква 84. 89
 kta умер 51
 kud хвост 280
 kuerna куница, белка 108
 kurtak куртка, шубка, барма 103
 kurtaġa выючное селло 222
 kurđqal слеза 284. 330. 331. 411. 474
 kat мелк-сырец 105
 keġa лаять 242
 klar глоток 86
 klara он глотал 86
 klarva глотать 86
 kmarivil, kmaivil мальчик, отрок 493
 kokmaġ колебание, чванство 18
 kureba смотреть 330. 331
 qada пирог 249
 qal девушка, жемчужина 485. 511
 qalaġ город 81. 369
 darabiġa андрогин, гермафродит 218. 485. 511
 qarđul картский, грузинский 209
 qvevt зарытый в землю сосуд для вина 85
 qeġa рыжий 197
 qmaġ муж 189. 292
 qđvniġa лисица, норка 106
 qđvniġa лисица, норка 106
 qsel основа ткани 102
 queđa небо 469
 qulbaġ торговое помещение, магазин, лавка 368. 372
 qumġ жрец 217
 qurđvniġa лисица, норка 106
 qurđvniġa ласка 106
 quđa поселок, селение 127
 laraġak беседа, разговоры 258. 261. 501
 iekp щенок 237
 lekur, leskur сабля 37
 maġaġ крепкий 15

- маша отец, мужчина, самец
 226. 472. 482. 512
 мага весь 282
 magad ежедневно 494
 magdve ловкий 283
 magdvena правый, правая ру-
 ка 157. 496
 magdvena правый, правая ру-
 ка 157. 282. 496
 martvil мальчик, отрок 493
 magdvena, magdvene левая ру-
 ка 282. 496
 magdju несчастье 157
 matl червь 57
 mdaga я верю 532
 megovar брат, сосед 130. 171
 megvine виночерпий 487
 mela лиса 385. 468. 511
 mel лиса 385
 mela лиса 385. 468. 511
 mgera пение, петь, пляска,
 игра 259
 mdade дружки со стороны ма-
 тери 513
 mdade (гур.) посаженная мать
 513
 mdiuge река 295
 mdide кормилец, воспитатель
 513
 me я 342
 megamiga летучая мышь 342
 megdjal ласточка 302
 mze солнце 494
 mzera смотреть, смотрение 259
 mikvirs удивляюсь 331
 mita земля 220. 390. 491
 mita (мтиул.) пол 491
 mita-ikal земля-вода 344
 motiel скорпион 57
 mojarva срезывать голову 83
 motafe ученик 84
 mguш развратница 285
 mguш распутое существо,
 прелюбодей 133
 mter враг 171. 532. 535
 mdavatangetoz архангел 183
 minq немой 114
 miql колена 282. 470
 miqhsdav верх колена, ча-
 шечка колена 282
 mivav бобр, выдра 110
 mivane зеленый 15
 miksa пасти 410
 mikems пастух 410
 mija мне он нужен 330
 mirs мне присуц 532
 mша я хочу есть, я голоден
 330
 mshobel родительница 159
 padv, padw, padu кипарисовое
 дерево 489. 490
 pandvil истинный, подлинный,
 настоящий 494
 papva раскаиваться, жалеть
 495
 pandvil, pandul истинный, под-
 линный, действительный 494
 paqa увидел 533
 peb ладонь, рука 494. 495
 pedv, pedu кипарисовое дере-
 во 490
 pena, penet (гур.) мать 491
 pefe царь 495
 mad рано утром 494
 mgoz орех, ореховое дерево 490
 mkoга белое пятно, меченое
 животное 491
 obob паутина 472
 oboba паутина 471. 472
 obob паутина 471. 472
 obovina паутина 473
 obovia паутина 472
 odgo золото 198. 199
 ovaqit седло 234
 orb орел 255
 ogшто черпалка для вина из
 зарытого в землю винного
 сосуда 85
 odq четыре 198
 oште тыква для черпания ви-
 на 84—86
 oшто тыква для черпания
 вина 84
 rap дед, предок 512
 rapava, rapava брить, стричь
 246
 rig лицо, рот, лезвие 251. 252
 rig хлеб 248
 rag щит 496. 497
 fer краска, цвет 515
 ferq нога 260. 519
 ferqul хоровод, пляска 260
 fejqva вспыхнуть 220
 fша собачка 518
 fidva клясться 231
 fodol лист 385
 fge источник 256
 figur корона 280
 figurq плевок 252
 figurdel лист 3-5
 fidva клясться 231
 gaj сказочная лошадь 116. 138
 gajw утренняя заря 116. 138.
 263. 292
 gash сказочная лошадь 116. 138
 geka ударять, бить 261
 gedqa стирать 262
 rig порядок, должное, очередь
 231
 guw утренняя заря 116. 138.
 263. 292
 rkina железо 37. 38. 193. 202
 rqi скажи 261
 rqua он сказал 261
 rok сук 261
 rokva плясать 261
 goskip развратница 235
 guш девушка 235
 sag олень 22
 sagap мишень для стрелы,
 цель, предмет 36
 sagwina (посуда) для вина 85
 sagwne (посуда) для вина 85
 sak олень 22
 samdal трехкратный 231
 sam три 170
 samug соболь 109
 sasmel сосуд для питья, ковш,
 чаша, стакан 84. 85
 sasms сосуд для питья, ковш,
 чаша, стакан 84
 saubar беседа 258
 saqel имя 297
 saqul домой 297
 saql вид 297
 saql дом 377
 saqlms плуг, соха 201
 saqto нужный, необходимый
 280. 330
 sadedqur кадило 474
 saquris енук 483—485
 svet (нар.) столп 490
 svlera пить (о собаках), лаять
 85. 86
 sava море 156
 sdal невестка, невеста 485
 sde молоко 279
 sdlevs он побеждает его 284
 sefiskver просфора 265

- ser вечеря 280
 seroba вечерняя трапеза, гай-
 ная вечеря 341
 viasmur черный соболь 109
 viznar сон 453
 vnapul раскаяние, покаяние,
 понимать 495
 vudaf белка круглохвостная
 108, 109
 vir воробей 342
 vripnoz полурыба-полуженщи-
 на 302
 ska улей 100
 skam скамья 103
 savet столп 490
 sprilend бронза 294
 stavs прядет 472
 stumar гость 124. 362. 368
 suet столп 490
 sul дух, душа 279
 sulera пить (о собаках), лакать
 85
 sqal груша 51
 tba озеро, пруд 170. 256. 257
 tkve раб, пленник 156. 157
 tkvia пуля 36
 tkue раб, пленник 156. 157
 tot рука, ветвь 172
 tred голубь 532
 tav голова 282. 470
 vad лапа 172
 vbil теплый 257
 vvala считал 172
 vval глаз 172. 219. 252. 330
 vvaге луна, месяц 172
 vvebeba рассветать 258
 vqulera выедание собаками
 жидкости языком 86
 vqulera маст. вр. от vqulera
 86
 vqulera аорист от vqulera 86
 vuqt мера (33,5 золотника) 82
 vna волос 279
 vovage луна, месяц 172
 voval, vval глаз 172. 252. 411
 voq мотыга 201
 voqva копать мотыгой 201
 vrgupa он поправил его; ноги
 268
 vria белая 108
 vridna белая 108
 vulema дремать 252
 vvar не говорящий 258
- Цмок (гур.) нечистая сила 521.
 522
 vlad, vlvash усы 247
 vmal перед 417
 vpadir седло 234
 vpal господь 265
 vpm арба 280. 282. 403
 vpmvval колесо 283
 vrgul водяное чудовище 302
 vazid соболь 105—107. 109
 vva время 525
 vvaizdazma временно, мед-
 лить 521
 vvar тыква, чериалка из тыквы
 83. 84
 vvaraga, vvarer род тыквы 83
 vvara пьявица 84
 vvarja наложница 237
 vvat икона 129
 vvo теленок 280
 vvozeb телята 280
 vvale завтра 308. 354
 vvel рука 256. 281. 285. 342
 vvar глотать 86
 vvar глотать 86
 vvmal меч 496
 vvmel сухой 264
 vva пахать 201
 vvmald корабль 385
 vvmal пшеница 214. 265. 449
 vvmal мясо 244
 vvmal телята 280
 vvmal амбар 368
 vvmal шут, юморист 356
 vvmal мовета 33
 vvmel, vvmel сухой 264
 vvmal меч 496
 tav бобр, выдра
 tavdaql выдра 110
 tavmad язычник 56. 177. 208.
 216. 281. 300. 526. 536
 tva пить, с жадностью при-
 падать к воде 83
 tva жег 475
 tav бобр, выдра 110
 tver борода; верх, вершина,
 край, острие 246. 247
 tvma дождь 279. 412. 475.
 476
 tvnор выдра 109
 tvma дождь 475. 476
 ter буква 532
 tera писать 279
- ter муха 279
 tero журавль 256
 tertil точка, маленький круг
 532
 tva достиг, настиг 329
 tvn перед 417. 478
 tvnara предки 123
 tkal вода, река 51. 126. 254.
 262. 283. 296. 297. 330. 469
 tkago источник, родник 469
 tkla ранил, резал 51. 280
 tre круг 239. 261. 341. 467. 476.
 532
 tvn глоток 87
 tvnara он пил маленькими глот-
 ками, понемногу, он пил
 насывая 87
 tva жег 475
 tvma (нар.) дождь 412. 475.
 476
 tva исчерпал воду 475
 tvnman мелочья 18
 tvn минута, секунда 15
 tvn печаль 475
 va небо 261
 vadql липа 212
 vvar роса 279
 vvedan беда, грех, счастье
 531
 vveva пляска, танец 261
 vveva дарить, давать, бить 284.
 235
 vvedql огонь 474. 492
 vvn холодный 279. 329. 388
 vvsar заря 263
 vvt крепость 217. 378
 vvo беда, грех, счастье 531
 vvoql живой 51
 vvmel слеза 252. 330. 476
 vvt проворный, быстрый
 186
 vvt лошадь 157. 291. 295
 vvtovag, vvtowel овца, живот-
 ное, живой 159. 198. 199.
 279. 368. 410
 vvtovaba жить, жизнь 159
 vad маисовый хлеб 212
 vva кушать, есть 214. 279.
 330
 tav резал 37
 tvn прозрачный 331
 vveba гнать лошадь 239
 vvt потолок 467, 532. 535

teta держать, ловить, давить, за́тянуть 532
 teshmagи истинный 270
 tshshel небо, орбита Марса, Марс, пятое небо 221
 tп болезнь, чума, беда, мор 279. 330. 532
 tпa необходимо ему 532
 tkua увял, исхудал 280
 tпа увял, исхудал 280
 totpan слана 18
 tra резать, ранить 37. 280
 tureta смотреть 331
 tur (имерск.) зарытый в землю винный сосуд 85
 teshmagiteba истина 270
 faabaга он поручил ему 157. 497
 faabaга вручать, поручать 285
 faф мера жидкости, большой глиняный кувшин, водное (гур) 83
 fazi га кувшин 83
 fatq круг, оселок 469
 fetia веретено 468. 470
 fetо тевь 338
 fia зрение, глаз, свет (очей) 416. 417. 463. 478
 fid ороженное место 378
 fidga биение источника 256
 fidet водопад 256
 шав черный 19
 шaгшап прошлый год 521
 шавш дрозд 148
 шvel козуля 22
 шvil сын 23. 171. 515
 шvild лук 36. 159
 шen ты 342
 шешафа сохранил 533
 шна дом, внутри 172
 шовil рожденный 515
 шопша дрозд 148
 шгома трудиться 267
 штер ошеломленный, пораженный (богом) ter'om, безумный 59. 62
 шна роцила 412
 шил лук 36
 шим цельное вино, вино без воды, чистое, крепкое нано 84—86
 шшпрат хоровадная пляска 260

Дидойский язык

fōmoу осел 307
 kurtāу аркалук, бешмет 103
 kōkōfa кувшин для воды из ты вы 81. 89
 kōkōша кувшин для воды из тыквы 81. 89
 gū хоропий 135. 137. 144
 tpaга ласточка 302

Древнеисламский язык

шиган шар, земля 500

Древнееврейский язык

bākāг крупный скот 199
 bīrēк колено 470
 bīrēк колено 470
 gāmāl верблюды 354. 503
 gmal верблюды 354. 503
 māh что бы 4
 mēšōl преисподнее небо 469
 fāgāш лошадь, наезник 145
 gāfāim покойники, мертвые 145
 sāgīs евнух 484. 485
 sūs лошадь, птица, ласточка 148
 qāpūš золото 197
 шeal загробный мир 145
 шēп зуб, слоновая кость 450

Египетский язык

aris жертвенный, священный бык 199
 š'š-t лошадь 148
 whr собака 171
 dūšū голова 172
 dzt рука 172
 hū серебро 277

Индийский язык

dī лошадь 222
 dīп лошадь 222
 doшī золото 200
 dē лошадь 295
 tēgīq ласточка 302

Ирландский язык

goimhde бог 465
 gūau, gūen солнце 222
 koymhde бог 265
 krom бог 265

torag источник, колодезь 256. 257
 torug источник, колодезь 256

Испанский язык

mote слово 258
 refo собака 242
 gojo красный 116
 yug юг 305

Итальянский язык

verita правда 270
 mofo слово 258
 gosō красный 116
 tēscare искать 267

Кавказский язык

kashkēg, kaskēg, kashkēg волк 386
 kīpав лошадь 292
 sulakaу ланша 283

Каратинский язык

fāma осел 307
 gēshп небо 139

К. рачаевский язык

su вода 255

Карельский язык

kerda, kerdu раз 391. 483
 kuldū золото 197. 216. 221
 multa земля-почва 390
 rougu ребенок 221

Китайский язык

dīп золото 201
 уш серебро 201
 ма лошадь 376
 ти дерево 213
 шу река 377

Комийский язык

ay отец 218. 513
 bī огонь 220. 474. 499
 vajenka оленья самка 502
 vi вода 474
 vyv лошадь 502
 vəl лошадь 376. 377. 502
 wūп день 479
 gort село, деревня 217

gym, gəth гром 221
 gəg, gərd румяный, рыжий, красный 222
 gərdlym рожать 222
 das десять 383
 dor сторона, край 413
 ep женщина 218
 zagd золото 217
 yep образ, икона, бог 216. 407. 408
 yepəj небо 217. 407
 yu пей 315
 yu река 304
 yugənə зашить 305
 yunə пить 305
 k1 рука 294
 kol, злой дух 217
 kul, злой дух, нечистая сила 216
 kyun нолк 503. 517
 kыг олень 502. 503
 kыг лодка 503
 lun лень 479. 480. 494
 l1 сок сосны или липы, служащий для питания 212
 mort человек 300
 mi земля, страна 220. 293. 458. 460. 521. 536
 mity мать 512
 murt человек 486
 paд хлеб 212
 paпpи липа 213
 pош козлец 503
 pошы собака 502. 518
 paj лодка 502
 sow, sol соль 476
 şikt деревня, поселок 217
 şin глаз 417
 şoгd1 разговаривать 217
 şoгd1дыш1 разговаривать 217
 tury дуб 214
 uy река 346
 yut измененность, затопляемая в половодье 305
 ul, сырой, влажный 305
 yunə плыть 305
 şabyг кулак 401
 şeryn паук 468. 469. 473
 şerys веретено 468
 şəgəп паук 468

шоумо прошлый год 521
 шог река 296
 шund1 солине 268
 ши ручей, речка 290
 шиlga левша 283
 шund1 солнце 421
 шəуми прошлый год 521
 zaгd1 (перм.) золото 217
 kołamgət (перм.) прошлый год 521
 l1 (перм.) сок сосны или липы, служащий для питания 212

Коптский язык

bal глаз 172 219. 411
 ebn слон, слоновая кость 450
 kwt строить дом 170
 pal этот, это 169
 pe небо 169
 pe тог 169
 pei этот, это 169
 pei кровь 171
 pei брат 170
 pei сестра 170
 pei серебро 277
 tba десять тысяч 170
 tbt рука 172
 fat враг 171
 uhor собака 171
 uhor друг 171
 шere, шre дитя, сын 171
 шomnt три 170

Корнуаллийский язык

hoq свинья 233

Курдский язык

geşep небо 139
 şəq1sq хорек 106
 havi жены одного и того же мужа в отношении друг к другу 472
 hev1 валожница, гаремная женщина, дорогая подруга, милая моя 472
 hevп валожница, гаремная женщина, дорогая подруга, милая моя 472
 gigan земледельческий класс 206. 208. 217

kūz куница 106
 rıg-hāvuk старая баба, баба-яга, ведьма; паук 472
 fīg-hevп старая баба, баба-яга, ведьма; паук 472
 fīrik бабушка; паук 472
 zaş, zaşvek бобр 110
 zamur соболь 110
 zamurek соболь 110
 saworik белка 110

Латинский язык

arbor дерево 388
 argentum серебро 114. 199. 299. 363. 419
 aurum золото 199. 410. 419
 balneum баня 252
 valde премного 316
 verbena листья в нежные ветви лавра, масличного дерева, мирты 497
 verber бич, плеть, кнут 497
 verberare бить 497. 499
 verbum слово 497. 499
 veritas правда 270. 416
 vetus древний 299
 vir муж, мужчина, человек 188. 189
 homo человек 187. 188. 189
 hospes гость 187
 hospitium гостеприимство 187
 hostis враг 188
 equus лошадь 354
 caballus лошадь 142. 242. 292. 317. 354. 414. 504
 canis собака 234. 240. 241
 carnava! карнавал 244
 caro мясо 243
 litera буква 532
 lupus волк 235
 mare море 155. 156
 mons гора 114
 multum премного 316
 mundus мир 114
 mundus чистый, нарядный 114
 mundus stelliger небо 114
 mater мать 226
 mutmut бормотание 259
 mutum слово 258. 259
 nebula облако 224
 nōna монахиня 483

nubis облако 224. 421
 nuuk сегодня, теперь 492
 ořido премного 316
 ořidum город 163. 315. 316.
 317
 orbis круг 316. 317
 ordior, ordre сновать, ткать
 (паутину), начинать 473
 ragnis село 312
 rānis хлеб 213. 449
 pater отец 123
 rekūna скот 199
 rekns скот 199
 plēbes плебеи 115. 316. 319.
 320
 plumbum свинец, олово 419
 pontus море 155
 porkus свинья 245
 probrum позор 270
 probus честный 270
 ruber красный 116. 150
 rubidus темно-красный 116
 segusu порода собак 236
 sekare сечь 36
 sekuris сенвра 36. 37
 seqwere следовать 354
 sokus заступ, кирка, сошник
 201
 sol солнце 421
 templum храм 519
 tempus время 519
 urbs город 315—317
 feřum железо 419
 řigo всаживать, вбивать 459
 řuis конец 458. 459
 řilum небо 224

Лезгинский язык

ři, řē вода 305

Лидийский язык

sard год 422

Литовский язык

awksas золото 199
 barzda борода 246
 krosas краска 116

Лопарский язык

yoka, yoga река 304. 346
 loke десять 383

Марийский язык

ala (горн.) город 378
 alаша мерин 290. 376
 alne калым 292
 vanřem (яранск.) перехожу 448
 vanřem (козьмод.) перехожу
 448
 vаgasenga звезда 302
 vate жена 461
 volgydo свет 461
 vonřem (вост.) перехожу 448
 vuy голова 461. 503
 vurgə рука 461
 vurgəmla рукоять 461
 vurdə рука 461
 vūd вода, река 450. 461
 vūřə кобыла 307
 dabal нвакий 536
 жар время 455
 јер время 522. 525
 1, igod год 464
 idalyk год 464
 1) год 464. 465
 ikot год 464
 imře лошадь 453. 454. 455.
 376
 imři лошадь 453—455
 iyash плавать 450
 yoga течет 305. 346
 yogash течь 450
 yogyшаш течение 450
 yūash пить 450
 yūla горит 450
 yoto бог 452
 yuшən-kūy осколок метеорита
 452
 yuшən-pundash поднебесье 452
 yuшən-tūg горизонт 452
 yūшən-tutəga божий туман
 452
 yuшəg шар 452
 yuшəшто на небе 452
 yūř дождь 440
 yəla горит 450
 kaва небо 461
 Kařman крепость 369. 466
 kart жрец 457
 kař горький 448
 kařkam (яранск.) ем 448
 kařkam (козьмод.) ем 448
 kařə горький 448
 kede голубь 452

keřemet бог, злой дух, дух хра-
 нитель 451. 457. 464. 465.
 524. 525. 536
 keřemeř бог, злой дух, дух-
 хранитель 464. 465
 kəřash пасти 410
 kəřto стадо 410
 keře солнце, день 452
 keřkeřam еду верхом 415
 kid рука 294
 kidmol браслет, запястье 294
 kol (горн., дуг.) рыба 448. 449
 kolmo surt уешым палеш дух-
 хранитель дома 457
 kolmo plo gəp дух-хранитель
 дома 457
 kořyшаш видение 453
 kořem являюсь во сне 453
 kořyшаш видение 453
 koř горький 448
 kořkam ем 448
 kəřgəřen голубь 452
 kəřgəřan голубь 452
 kudo шалаш, летнее жилое
 помещенье, двор, усадьба
 456
 kushkujan (дуг.) еду верхом 416
 kū (горн., дуг.) камень 448. 449
 kuto стадо 410
 lu десять 383
 makřag похмелье 519
 manəp ořət male дух-храни-
 тель дома 457
 mařу мужчина 436. 526
 mařə муж, мужчина 293. 352
 mlənde земля 461
 mləndəy земля 461
 mo понукание лошади 455
 moшта небо 536
 oла город 368
 орта лаг 455
 og крепость 368
 og новобрачный 452
 ogyey молотуха 452
 ořan дитя 452
 pař конец, хвост 503
 pi собака 454
 piу собака 453. 454. 503. 518
 pin собака 454
 piře волк 415. 454. 503
 piгы волк 415. 503. 526
 poand сосна 212
 poğə добрый 448. 449

- роф хвост 503
 port изба 377
 pu дрова 448. 449
 pua дает 448
 puash давать 448. 449
 pu зуб 450. 451
 pyl облако 461
 pylgom небо 461
 pylgomыш небо 461
 rogash грызть, жевать 450
 рэцегё собака 502
 sanzal соль 477
 surt дом с надворными по-
 стройками 457
 fond сосна 213
 surt деревня 343
 surtau дом 377
 surt-yesh дом 457
 surt korgo yesh dene kumalme
 дух-хранитель дома 457,
 семейное моление, совер-
 шаемое в ноябре месяце
 457
 surt-kugza дух-хранитель
 дома 457
 surtlo-kugza дух-хранитель
 дома 457
 slzavəd слеза 464
 sanzа гла: 417. 418. 453. 462.
 463
 tavag скот 409
 taluk год 464
 tcm дом 377
 tul огонь 450
 tutra туман 452
 tal огонь 475
 цуэй молодуха 452
 чгас видеть 418
 xala город 378
 yadra лес 448
 yama жеребенок 307 448
 ylk горд, крепость 217
 ylkа граница, предел, отгоро-
 женное место (в игре) 378
 yep правда, истина 453
 yoma жеребенок 448
 yoda лес 448
 yegas ласточка 302
 шау слово 406
 шауа речь, молва, обман, лож-
 ный дух 406
 shalaq yу левша 283
 шамак слово 448
- шете черный 464
 шетег крестьянин 464
 шн серебро 267. 444
 шу серебро 267. 444
 ште черный 464
 шндam klgan вытаращить
 глаза 41
 шинza) соль 477
 шинya глаз 417. 418. 453. 462.
 463
 шндvuid слеза 464
 шндaгoу орбита глаза, впади-
 на глаза 417
 шокш рукав 412
 шотаq слово 448
 шмш бросать 377
 шндaгoу глаз 417
- Игерльский язык*
 ađag белка 106
 anđag бог 178
 arđa белка 106
 arik сказка 262
 arđ один 219
 řanř шелк-сырец 105
 baba, babay отец 512
 babu дедушка 512
 bad старый, престарелый 280
 bobo отец 472
 bopna мыль, кунать 252. 280
 borboha паук 472
 bokk нога 519
 řvad шулятное яйцо 402
 vađ убийца 219
 viđ десять 382. 505 506
 gverđ половина 122
 ger волк 41. 386. 468
 guer змея 41
 dade шафера и подруги как со-
 стороны невесты, так и со
 стороны жениха 513
 dadna бабушка 513
 dadu самка 513
 dadul самка 226. 513
 dađqгr огонь 474. 492
 dida мать 226. 483. 512
 dшqаш цоре деревянная лб-
 патка 83
 do и 130
 đake) телица 22
 đima брат 230
 dno нутро, внутри 172
- đinosqua дворянин 63
 điđa крепость 217. 378
 dnd голова 172
 dođor собака 171. 241. 297
 žinosqua дворянин 63
 žиверху 280
 žinosqua дворянин 63
 žг два 230. 280
 řubđuanq я клянусь 231
 katu кот 106
 kvag колобок, хлебец, лепешка
 265
 kwial мяукание 109
 kwiaus мяукает 109
 ker кабан 42
 kvbr зуб 450. 451
 kolof ларчик 42
 коре черпалка для вина 82
 koroша тыква (горькая) 82
 kođ человек 5. 187. 407. 480
 kudel хвост 280
 kvbr зуб 450
 qamvul роговой лук 36
 qasag n роговая стрела 36
 qer кабан 42
 qoba) пшеница 214. 265. 449
 qomol, qomond муж 189. 292
 та я 342
 mangr крепкий 15
 magđqol ласточка 42
 mqvind роговой лук 36
 mormobna паук 472
 ми что 504
 mna отец 512
 mшul самец, петух 512
 mшe) отец 512
 mшnř червь 57
 mшnđq звезда 248. 250
 mшqгr страна 460
 paуan вышечевиныйazole хлеб
 213
 pama маменька 491
 pava мать, мама 491
 paqua стирать 483
 nger волк 386
 ped орех, ореховое дерево 490
 pez орех 490
 peg) основание чего-либо, кло-
 чок земли, ва котором стоит
 дом, бог 491
 pna язык 494
 pna dađqгr язык пламени
 язык огня 494

rot красный 116
 Silber серебро 190
 Silke шелк 102
 Schwalbe ласточка 302

Осетинский язык

alаша лошадь 177
 gmir герой 217
 gumir гер-ий, великан, исполин
 229. 509
 don река 354
 sag олень 22. 520
 sugäg святой 31
 suda загорит, обожжется 475
 Sarandälos архангел 183

Остацкий язык

уадц десять 333
 yega приток 305. 346
 yogan река, ручей 304. 305.
 346. 350
 пытбар-ни ткачиха-мать 469
 taget приток реки, рукав реки
 297
 yugan река, ручей 346

Парфянский язык

sinos соболь 109

Персидский язык

abi вода 220
 ajuhak дракон 57
 aspa лошадь 95
 vard цветок розы 489
 gi грязь 47
 zak детеныш, ребенок 22
 qedi тыква, винный сосуд, кубок, чаша 80
 mag змея, дракон 57
 meqar повозка, верховое животное, судно 79
 шигаqab айва, вид померанца 79
 mit человек 527
 pagan печеный хлеб 213
 nāи хлеб 212
 gosr развратница 235
 sag собака 237. 520
 samir, samog, samir соболь
 109
 vähvamir черный соболь 109
 vinfab белка 108
 sog печаль 475

voften жечь 475
 shagab вино 86
 shawgam гора, чернила 79
 showgam разновидность померанца 79.

Польский язык

rok год
 rogami язычник 276
 sadlo сало 90

Русский язык

баить 258
 барин 526
 бег 338
 бей 69
 бель 105
 берег 247
 бить 499
 бог 232. 244. 269. 276
 божий 209
 божиться 231
 болван 185
 болярин 526
 бор 339
 бормотать 259
 борода 246. 247
 боярин 526
 берег 247
 бровь 263
 буря 339
 бушенать 339
 бьешь 499
 варежки 496
 веверица 105
 великан 338
 великий 338. 353
 величина 338
 верх 247. 338
 весь 338
 вода 250. 252—254. 256. 257
 волна 252
 волхв 358. 359. 360. 443.
 457
 волшебство 457
 вор 353
 ворожей 358. 359
 воровать 358
 время 403. 416
 гнать 257. 338. 354
 год 457. 464
 гони 338
 гоню 239

гонять 257. 354
 горький 339
 гость 188
 гуртом 508
 дед 226
 день 258. 337
 дергать 338
 деревня 353
 дерево 169. 190. 317. 338. 339.
 535
 держать 338
 дерякий 338
 дитя 512
 дремать 252
 дрозд 149. 320
 дуб 334
 дубняк 334
 дядя 482
 жар 256. 535
 жар-птица 535
 жена 337
 женщина 480
 жинка 502
 жир 111
 жито 212
 жрец 457. 535
 журавль 255. 256
 журчать 254. 256. 258. 508
 заря 150. 339
 земля 250. 264. 406
 злати 175. 198
 золото 339
 золото 197. 198. 339. 355. 410
 изба 377
 искать 267
 искусство 267
 истина 270. 418
 истукан 276. 337
 истый 418
 каравай 265
 кимерский 352
 кися 106
 княча 149
 княгиня 535
 князь 535
 кобыла 307
 ковер 102
 ковш 77
 колобок 265
 колоти-золото 175. 198. 410
 комонь 122. 307. 311
 комора 401
 коморка 401

- конка 413
 конура 503
 конь 122. 135. 257. 288. 311.
 338. 354. 503. 517
 корм 265
 коровой 265
 кот 106
 кошка 106
 краса 149
 красивый 149
 красит 149
 красный 115. 116. 149. 150.
 318
 кремль 466. 526. 535
 кремль 526. 535
 крепить 526
 крепкий 526. 535
 крепость 526. 535
 кресло 103
 крест 320
 крестьянин 320
 кудесник 266
 кудебяка 250. 265
 кумир 217. 229. 509
 кувид 108
 курень 164
 куртка 103
 кут 457
 кутья 266
 куча 508
 лаять 237. 414. 455
 лев 376
 лед 210
 лес 338
 лицо 251
 лоб 250
 лони 492
 лонись 492
 лошадь 54. 122. 139. 150. 176.
 288. 311. 318. 319. 320. 338.
 376. 455. 503
 лошак 150. 176. 311. 455
 лува 339
 луч 150. 339
 медь 419
 мерин 526
 месяц 338
 молитва 457
 мольба 457
 мольча 260
 мор 339
 морда 339
 море 155. 250. 536
 мою 253
 мужчина 480
 муравей 339
 мусульманин 359
 мыть 253
 мяч 114. 115
 народ 149
 небеса 169. 494
 небо 169. 224. 421. 494
 ноне 492
 ныне 492
 огонь 257
 один 533
 окрец 535
 орел 317
 орех 320
 осел 317
 оселок 473. 532
 особа 533
 отрекаюсь 495
 отрок 483
 очередь 517
 палить 257. 263
 паук 471. 473
 паутина 472. 473
 пахать 53
 пахнуть 53
 пашня 53
 пена 348
 перед 338
 перун 526
 пес 242. 248
 пирог 217. 248
 пламени 257
 пламя 257
 плевать 250
 племя 114. 115. 320
 плонуть 250
 поган 312
 поганец 276
 поганин 276
 поганый 244
 погань 232. 244. 276
 поднимать 478
 поле 47
 польник 61
 поляница 61
 поросенок 232
 послать 336
 посол 336. 338
 посулы 336
 посылать 336. 338
 правда 270
 пугаться 244
 рад
 радоница 149
 радость 320
 радуга 262
 радунница 149
 раз 320
 разить 320
 распалить 257
 ребенок 512
 ребята 512
 резать 267
 река 149. 250. 261. 262. 267.
 320. 338
 ремесло 267
 речка 338
 речь 149. 250. 258. 261. 267.
 320. 338
 ржать 149. 311. 319
 ристалище 320
 рог 250. 320. 338
 род 149. 262. 320. 338
 рожать 149
 рождать 320
 рождение 262
 рожь 338
 рок 263. 267. 320. 338
 рос 339
 рост 338
 рука 231. 267. 320. 339
 рукавицы 496
 румяный 116. 149
 рус 339
 русалка 320. 339. 491
 русло 320. 339
 русский 138. 339. 352
 русский 116
 ручей 261. 262. 267. 320. 339
 ручка 262
 рыба 250. 318
 рыжий 116. 117. 149
 сало 75—79. 90—93. 98. 111.
 113
 секира 36
 село 338. 343. 473
 семя 317
 севи 337
 серебро 189. 190. 338. 359. 364.
 443. 444
 серебряный 559. 443
 сечь 36
 сила 336
 синий 463

- сказать 259
 скала 339
 скамья 103
 скифский 138
 сколотский 138
 скоморох 356
 скот 175. 198. 410
 славянский 138. 352
 слеза 250. 256
 слез 250
 смелый 338
 смерды 338
 смерть 338
 снег 250
 соба 414
 собака 241. 250. 414. 455
 соболь 241. 414
 солнце 150. 268. 339. 421.
 444
 солнышко 339
 соль 421
 соха 201
 стол 262. 263
 строить 252
 стул 262. 263
 сулить 336. 388
 сумерки 338
 тархан 69. 180
 тень 338
 теплый 257
 терем 526. 535
 товар 368. 409. 410
 товарищ 410
 тендир 76
 тонуть 257. 338
 топить (в воде) 257
 топить (печку) 257
 тризна 139. 150
 тризнице 150
 трогать 268
 трудиться 268
 трут 313
 туман 54
 туман (монета) 54
 тьма 54
 указать 259
 урод 533
 ус 247
 усы 247
 хакав 69
 хвала 520
 хвалить 520
 хвост 503
- хлеб 213. 265
 хорош 149
 христианин 359
 хрюкать 234
 царь 378. 536
 Цезарь 378. 536
 целый 338
 чело 338
 человек 187. 189. 190. 526
 червь 102
 череда 517
 черен (ножа) 517
 череп 89. 526
 черпание 89
 чрево 190. 526. 535
 чудо 266
 чумак 368
 шелк 102
 шелем 78
 этрусский 138. 352
 юг 305. 306. 347
 лрь 339
 ящерица 59
- Сабинский язык*
 awson золото 199
- Санскритский язык*
 deva бог 148
 las, lapi свет 148
 suga бог 148
- Сардинский язык*
 mutige звать 259
- Сванский язык*
 akwat хвост 280
 ashdekъ ящерица 58
 ashг сто 139
 ashaku ящерица 58
 ashakw ящерица 58
 baba дедушка 512
 bask земляника 27
 berej железо 278
 bpa отец 512
 vargar дворня 156
 waz виноградная лоза, свежий
 росток 489
 habed трут 220
 hakwad хвост 280
- hakar тыква (несъедобная)
 сосуд для воды 84
 gezel сын 38
 gim земля 221
 hobed трут 220
 gpa мальчик (до крещения)
 23. 34
 gualar мальчики 23
 hungig седло 234
 gva, gwaz виноградная ло-
 за 489
 gerbeð бог 264. 285. 300. 360.
 464. 465
 germeð бог 264. 285. 300. 464.
 465
 gwinal вино 85
 dedelartk радуга 479
 dedilartk радуга 478
 dugwa море 156
 dugwa море 31
 di жолудь 212
 eqwbar брат 130
 kalmaq рыба (живая из реки)
 449
 kamaga свод, арка 401
 kvar хлебец 265
 kwanol (лент.) лисичка
 108
 kwaгау (лашхск.) бык с белым
 пятном на лбу 266
 kwarl (х., мул.) бык с белым
 пятном на лбу 266
 kwash (лах.) кукурузный хле-
 бец 265
 kwash (лашхск.) кукурузный
 хлебец 265
 kwashl (лашхск.) хлебец
 265
 kweu куница, лисица 108.
 109
 kwenol (лашхск., эц.) лисичка
 108
 kverol (х.) маленький хлебец
 265
 kwop, kop, kob деревянная
 чашка для воды 83
 knut котенок 109
 ker свинья, божество, святыня
 42
 qan пахнет 189
 qip нитка 280
 qemad лук 159
 laqwat церковь 520

laḡwarig лопатка для мешания хлеба-зерна 82
 laḡwmi, laḡwam возносить к небу 520
 laḡurāg лопатка для мешания при чистке хлеба-зерна 82
 lɪbre промывать, мыть 252. 280
 lɪdgaɪ убивать, умирать 51
 lɪdḡe мочить 51
 lɪk'arawɪ глотать 86
 lɪn'kwi глотать 86
 lɪnɪ писать 279
 lɪn'kwi глотать 86
 lɪq'əne ошибаться, заблуждаться, вводить в заблуждение 531
 lɪq'wamɪ благодарить 519
 lɪḡ вода 482
 lɪshwɪne пить 85
 lɪshni сивянский язык 518
 ma что 504
 ma, ɔi земляника 27
 mamāl, mamālal, mamālag отцы 512
 māge мужчина, человек 293
 mā что 504
 meḡwɪbaɪ брат 171
 mi отец 512
 mnaɪ, mnaɪaɪ отцы 512
 mɛno денюжка 488
 mɪn язык 494
 mɪḡ вода 482
 mɪshav корона с белым пятном на лбу 266
 mɪ rot 251
 maḡw заяц 514
 mḡqɪw он сказал 261
 mɪh заря, утро 135
 samkaɪ, samkuɪaɪ святыня, храм, церковь, алтарь, чудотворная икона 182. 184
 sɪya, sɪke сын 23. 38
 sɪke (лентехск.) сын 23
 skeɪaɪ сыны 29
 tebde теплый 257
 ʒardel, ʒārdel, daɪzɪl, ʒa-
 rengzəl, ʒāgungzɪl архан-
 гел 183
 ɟān бык, дыхание, животное 189
 ɟe женщина 486

ɟer большая ложка для черпания похлебки из котла 82
 ɟer рука 342
 ɟoʒa хороший, лучший 129
 ɟab большой глиняный кувшин 83. 84
 ɟarmaʒ бог 536
 ɟḡwi стрела 36
 ɟḡwɪqemɪ (св., эц., ип., лах.) стрела и лук, пуля 36. 159
 ɟḡwɪlāqemet (лапш.) стрела и лук 36. 159
 ɟḡwɪlāqemad стрела и лук 159
 ɟḡqɪ стрела и пуля 36
 ɟəqemɔ стрела и лук 159
 ɟab (тавр.) корона с белым пятном на лбу 266
 ɟabaɪ (лапш.) корона с белым пятном на лбу 266
 ɟabā (лент.) корова с белым пятном на лбу 266
 ɟābɪ (х., ип.) корова с белым пятном на лбу 266
 ɟala река, долина 296
 ɟashɟ нога 260
 ɟashqam хоровод, хороводная пляска, песня 260
 ɟəmpɪn лачмень 113
 ɟāɟ лошадь 135. 148
 ɟāf большой глиняный кувшин 83
 mɪgub, mɪgwɪb жолудь 214
 mɪdavaɪ ласточка 302
 mɪshprāg хороводная пляска 260

Сирийский язык

ʒaḡūbbā херувим 520
 ʒɪn глаз 463
 ɟaz шелк-сырец 105
 ɟaḡōāɟ тыква 80
 ɟūzā ласка, соболь 106
 ɟuɪyaʒ селение, город 164
 mɪshamānā слуга, диакон 488
 baɪnḡā кошка 109
 samḡ соболь 109
 beḡuɪ-ā секира 37
 ɟaḡūɟā желтый 197
 ɟroʒā желтый 197

shamɪn он служил 488
 shemshā солнце 488
 shḡūgā кошка 109

Скифский язык

amaɪɟɪ сев рный 193
 *aɪ земля 220
 *aɪ верхнее небо 220
 *aɪgɪn небо 220. 221
 *aɪgɪma один 219. 382
 aɪnɪnasɪpɪ одноглазый 382
 asḡw сок одного дерева. служащий для питания 212
 *aɪnɪ небо, земля, море 220. 221
 *aɪpɪto солнце 221. 222
 *aɪnape андрогин, гермафродит 218
 *ma один 382
 *aɪpɪ человек 218
 aɪpɪpɪrɪta человекоубийца 192. 218
 *aɪpɪ дитя, сын 221
 *aɪpɪta убийца 219
 pɪnɪt вид дерева в Скифии 212. 213
 *aɪpɪnɪ глаз 219
 *ʒa нижнее небо, преисподняя 220. 221
 *ʒaɪnɪ море 220. 221

Словацкий язык

truznɪtɪsɪa веселиться 143

Старославянский язык

krɛs солноворот 149
 krɛsatɪ, rubɪtɪ ogɔnɪ 149
 kuɪna куница 108
 ɟrɪsɪɟь солнце 149

Суоми

valo свет 482
 hevonen лошадь 376. 456. 503
 hopea серебро 200
 uoki река 304. 346
 yu вода 309
 kahdehksan восемь 505
 kal рыба 449
 kerta раз 391. 483
 kouga собака 455
 kulta золото 197. 216. 221. 410. 509
 kḡmen десять 393

тй земля 500
 multa земля, чернозем 390
 рагаз лучший, благо 449
 рая голова, глана, перх, конец 508
 рекеке, риги чорт 526
 роука сын 221
 ри дерево 213
 сало лесистый, лесная местность 50
 силме глаз 252. 463. 478
 там дуб 214

Татарский (казанский) язык

алаша лошадь 147. 177
 at лошадь 414. 517
 быг рука 285
 монфа баня 280
 таги икона 141

Тиндальский язык

геһец небо 139. 144

Турецкий язык

ағаҫ дерево 389
 алаша лошадь 147
 алтын золото 197. 410
 араба арба 282. 402
 арҫа ячмень 449
 at лошадь 291. 413. 503
 baba отец 226
 баҫ инд.ть 411
 баш голова 503
 бон волк 415
 бугеҫ кирог 248
 бер рука 285
 бершак дать 499
 биттак бить 285
 битшак бить 499
 göz глаз 411
 гүмәш, гүмүш серебро 200. 277
 гүн солнце, день 257. 453
 гүнәш солнце 257. 453
 дәлек год 464
 дөрт четыре 285
 уағшир дождь 412
 каләм калым 292
 көз девушка 483
 кпш песок 154
 қофак собака 242
 он десять 506

бкүз бык 199
 самүг соболь 109
 сага белый 367
 сиңаб белка 108
 су вода 154. 255. 400. 412
 ташан десять тысяч 170
 тоу свадьба, пир; птица 309
 шагәб вино 86

Удинский язык

оҫ река 305
 ҫен вода 305

Удмуртский язык

абыз колдун, морожей, жрец 406
 аз перед 478
 ауә отец 218. 513
 аш небо 408
 ар год 465. 522
 ари отец 218
 babau дедушка 512
 val лошадь 292. 301. 307. 354. 376. 414. 482. 502
 верганә гонорит 497
 виуа бежит 498
 виуанә тень, бжать 498
 виуанә убить 498. 499
 vorḡanә растить, воспитывать 514
 vorḡind матриархальный род 510
 ви нога 474. 499. 508
 gord румяный, рыжий, красный 222
 gurt село, деревня 217. 507. 508. 509. 522
 das десять 333. 505
 dir сторона, край 413
 ҫаҫа отец 513
 ҫаҫае мәнәш шуиз отец мой сказал 513
 ҫа горящие уголья 421
 ҫпаныны, ҫпанывы зажечь 421
 сгәг уголь 507
 ЗАҢҘ золото 217
 интар бог 217. 402. 407. 461. 473. 495. 499. 501. 522. 525. 526
 ин, иң небо 302. 402. 407. 408. 463. 499

yurton помощь 533

kwaz погода 402

keremet божество леса, культовый лес 517. 523. 526

кы кисть руки 516

кош волк 454. 503. 517

каҫаво прошлый год 521

kurta деревня, село 522

kwala молельня 519

кыш человек 407. 480

кышно жена 407. 480. 511

кышнои т женщина 406. 480

кеуон волк 503

кайдәли бог 221

кәсон сушильняк 507

лезыны отпускать 413

лештыны делать 413

лүл душа 493

та что 504

мад рассказ 497

таш чем 504

таке что-нибудь 504

тактаг похмелье 519

талә зачем, почему 504

та междометие удивления 504
 та рол-па из-за чего, за что 504

шаг что 504

те изволь, на, возьми, прими 497

тед пусть 497

тедо работник 497

тпм, тпмала прошлый год 521

тпмала агеи в прошлом году 521

тпмала шамен подобно
 прошлому году 521

токтаг похмелье 519

торт человек 189. 294. 300

ти земля 406. 453. 460. 500

тузем земля 406. 500

тпми груди женщины 406

тпшы мать 406. 472. 512

тпшт человек 189. 300. 406. 486. 523

пап липа 213

пепе мать 491. 511

поп липа 213

попы груди женщины 406

попә сосок 511

ние несет 482
 нил рука 482
 нилəнə носить 482
 нилон ноша, бремя 482
 нин день 479. 480. 493. 494
 нинал день 420. 421. 479. 482.
 492—494. 518
 нино ребенок 511. 512
 нэд черен, рукоять 517
 нэл девница 480. 482 511
 нэри дети 511. 514
 нэриос дети 511
 нцц липа 213
 он бык 514
 онри бычок 514
 рара, рарау лица 218
 ререґ bibə дедушка 512
 ререґ нимə бабушка 512
 ри мальчик 511. 511. 514. 515.
 518
 рцэно воспитывать 514
 ринал молодой, дитя, ребенок
 421. 511. 514. 518
 рцал молодой 421
 рцлү олень 502
 риз лицо 402
 рин ковец 503
 рины собака 414. 454. 502.
 518
 рөј лодка 502
 рэуєс рукав 516
 рш глаз 417. 478
 ршон едение 507
 р'ал соль 477. 479. 518
 су огонь 474
 су сажа 475
 суу рука 516
 сутон жжение, сжигать 507
 sutškənə обжечься 475
 сутыны сжигать 421
 сутəнə сжечь 475
 ŝoŋci разговаривать 217
 ŝoŋciđymı разговаривать 217
 тон десять 505. 506
 тыры дуб 214
 тəl огонь 473. 474
 ʧameŝu носемьсот 505
 ʧaməŝ восемь 505

ʧaməŝton восемьдесят 505
 udalton урожай 533
 udon живой 533
 удына напоить 533
 цу дело, работа
 цяны работать 533
 цяс рабочий 533
 цуанə плавать 533
 цурал север, темная сторона,
 полночная 533
 цумог полночь 533
 шпнəс девять 505
 ukməŝŝu девятьсот 505
 ukməŝton девяносто 505
 ukənə смотреть, хранить
 533
 ulon жить 533
 уно много 506
 уг год 422
 ute лает 414. 503. 517
 wordškənə родиться 514
 ʧers неретено 468. 469
 ʧənəг наук 468
 шог ручей 296
 шуу говорить 406
 шпнды солнце 420—422
 шшыны говорить 406

Украинский язык

багаття 256. 257
 бех 245
 биг — бег 232. 245. 269
 божитися — клясться (богом)
 231
 борідка — бородка 246. 248
 бормотати — бормотать 259
 бривка — бровка 263
 брова — бровь 263
 бурмотати — бормотать 259
 віха — вежа 245
 вус — ус 247
 гавкати — лаять 242. 243
 гарный — красивый 149
 день — день 258
 джерело — источник 256
 дзюрчали — журчат 254. 256.
 258
 дримати — дремать 252
 жерело см. джерело 256
 журавель — журавль 255
 журити — журить 258
 збіжжя — семя, семена 269
 земля — земля 250
 істина — истина 270
 казати — сказать 259
 кінь — конь 234. 240. 257
 коливо — кутья 265. 266
 корм — корм 265
 крига — льдина 251
 кулеба 250
 куліш — украинское кушанье
 250
 лід — лед 250. 251
 ліб — лоб 250
 має — имеет 258
 мити — мыть 253
 мию — мою 253
 мова — язык 251. 258
 море — море 250
 огонь — огонь 257
 палити — курить 263
 паця — свинья 233
 перний — первый 251
 пиріг — пирог 248
 плювати — плевать 250. 252
 погань — нечисть 232
 показати — показать 259
 порося — поросенок 233
 райдуга — радуга 262
 ріг — рог 250
 рід — род 262
 рік — рок 263. 267
 ріка — река 250
 річ — язык, речь 250. 258. 261.
 267
 річка — река, речка 262
 риба — рыба 250
 ризати — резать 267
 року — году 263
 рох — боров 234. 262
 роха — свинья 234. 262
 рохканье — хрюканье 234
 рохкати — хрюкать 234
 рука — рука 231
 сліза — слеза 269
 слюза — слеза 250. 252
 сніг — снег 260
 собака — собака 241. 250
 сонце — солнце 268
 теплий — теплый 257
 тонути — тонуть 257
 топити — топить (в воде) 257
 топити — топить (печку) 257
 уремня — время 403
 уремя — час 403

хліб — хлеб 265
хрюкати — хрюкать 234
чловік — муж, мужчина, человек 189
шукати — искать 267

Французский язык

aboyer лаять 242. 243
amadou трут 313
bailler зевать 242
barbe борода 246. 247
blé хлеб 212. 245
bout конец 249
bronze бронза 419
carrière каменоломня 449
chambre комната 401
chagogne падаль 243
chasse охота 241
chasser гнать, преследовать 240. 242
chat кот 247
chercher искать 267
cheval лошадь 254. 414
chien собака 240. 241
ciel небо 224
cochon свинья 233
concubine наложница 237
courtisane куртизанка 237
distiller перегонять, гнать 257
fin острый, тонкий; конец 453. 459
gâteau пирог 249
gibier дичь 243
gorge ущелье 249
hennir ржать 240. 241
jaillir брызгать 256
maintenant ныне, теперь, сегодня 492
mot слово 258. 259
motir (древн.) указывать 259
murmure бормотание 259
moustaches усы 247
nuage облако 224
nuée облако 224
ourdir плести (рогожу, корзину) 473
par через 449. 496
porter нести 327
rouge красный 116
sud юг 305
vérité правда, истина 270. 416

Халдский язык

abidubi я сжег 474
ala бог земли 220
ale в страну 220
au земля, страна 220. 492
arđi солнце 422
ardini солнце, бог солнца 222
bar бог 501
barzan кумирня 501. 502
šanal город 500
lutu женщина 512
pšanal и сказал 493. 494
rađiš бык 53
đi сын, дитя 131. 514
đini сын, дитя 131

Хваршинский язык

omode осел 307

Хеттский язык

day брат 285
kir лошадь 292
paу дарить, давать 284. 285. 449. 496

Хорватский язык

šišće улей 100

Чанский (лазский) язык

ar, arđi один 219
bere слы 514
bobo отец 472
bozo девушка 235
bonna мыть, купать 252
buređ пирог 248
vađ убийца 219
vıvıl детская вертящаяся игрушка 248
viđ десять 382. 505. 506
gwer волк 41
đalikatu бобр 110
đermeđ бог 264
đogmođ бог 265. 281. 300. 465
dade посаженная мать 226
dadı тетка 226
dadu самка 513
dadni курица 226
dađđur огонь 474. 492
dida мать 512
dođog собака 171. 241. 297
dud голова 172
đuma брат 230
erkina железо 193. 201

jug два 171. 230
yug два 171
қағи шакал 242. 243
katū кот 106
kilyr, kibz зуб 450
kvađ пулятное яйцо 402
kod строить 170
koda стена 170
kora большая ложка, ложка для свимання пены 82
kođ человек 51. 187. 407. 480
kudel хвост 280
kvađ жеребец 402
qoval хлеб 265
qomol, qomolđ муж 189
lak собака 237
lakot щенок 237
lař собака 237
mgwer, mger волк 386
mdade посаженная мать 513
mi что 504
mimə отец 512
muntı червь, большой червь. 57
mıgıđđ звезда 250
nana мать 243
pedı орех, ореховое дерево 490
pepa язык, слово, звук, голос. эхо 494
penzi орех 491
pıgoz орех 490
pıva, pıva невестка, новобрачная 491
pıvalere, pıvalere невестки, новобрачные 491
obonu мыть, купать 252. 280
olalı лаять 237
omımeš усы 86
oselu подниматься 478
otoni погружаться в воду 257
ođanı силть, сверкать, светать. 257
ođvame молельня 520
ođvamu молиться, молитва 519
ođkoci косить 230. 280
oni сто 139
parı дедушка, царь 512
pıqur лист 385

firk лист 385
 gupñ радуга 262
 seg вечер 280. 341
 skir сын 171. 221
 skpa сын 23. 24
 sqir сын 221
 sqpa сын 23. 24. 221
 toba море, озеро 256
 ðođ мотыга 201
 ðuða луна 260
 t̄w̄naq, t̄waq бобр 109
 t̄w̄naq маленькая зеленая птичка 15
 t̄arq шакал 242. 243
 t̄kad маис 266
 t̄kox кушать, есть 214
 t̄kop дуб, жолудь 212
 t̄kad маисовый хлеб 212. 230. 266
 t̄uman завтра, утро 308
 t̄uše завтра 308
 ðam дарить 284
 ð̄om рыба 214
 ð̄ogo десять 387
 mw̄w̄ вино (цельное) 86
 пeуа строить 23
 шегер большая ложка для черпания из котла 87
 шиг сын 171. 221
 шогот тыква 75
 ши пить 400
 шuаla ткать 102

Чеченский язык

gotā плуг, лошадь и т. д. для пахоты 201
 .dēl бор 183
 dešī золото 200
 d̄in верховая лошадь 295
 ð̄u вода 305
 t̄akaŋq ласточка 302

Чувашский язык

.alē рука 281. 285. 336
 aðel вода, река 178
 vadē старый, престарелый 280
 ver верх 247
 v̄er лаять 415
 v̄ert дразнить собаку 415
 v̄eb̄er душачный дух, ведьма 356

v̄eg колдовать 357
 v̄eḡe нор 358
 ḡni день 453
 eb̄ē я 343
 ez̄ē ты 343
 eḡne неделя 341
 yał деревня 343
 УБИVƏŞ деревня 388
 yoman, yuman дуб 214. 334
 yoməz, yuməz жрец, ворожей, колдун 311. 344. 356. 357. 359. 603. 405. 408. 443
 yumaх сказка 406. 408
 yur снег 332
 ȳet̄a собака 413. 414
 karda огороженное место, изгородь, скотный двор, хлев 369
 kashkəg ноля 386. 415
 k̄eber мост 340
 k̄etes пасты 410
 k̄et̄a стадо 410
 k̄il дом 367
 k̄w̄š̄e корабль 385
 k̄ir̄l̄ə нужный, необходимый, полезный 280. 330
 k̄ud корень, хвост (растений), зад 280
 k̄un день 257. 453
 k̄uras видеть 331. 411
 kuş глас 284. 411
 kuşul слеза 284
 kuşun, kuşunəв слеза 284. 331
 k̄əm̄əł серебро 277
 k̄ət̄k̄a муравей 280
 k̄əð̄ək собака, щенок 386
 laja лошадь 177. 281. 290. 291. 376. 385
 man̄an мой 342
 moł̄da, muł̄da, munda баня 280
 muł̄ имущество, богатство, деньги, товар 368
 oibut господин, чиновник 281
 oŋaba арба 402
 paŋas давать, дарить 282. 284. 285. 328. 419. 496

parga сильный, здоровый, толстый 282
 roŋan стул, трон 311
 roŋaŋe кукла 311. 312. 337
 rog существует, имеет быть 327. 328
 roş голова 327. 503
 r̄gu, r̄gupka теленок 280
 r̄ganan стул, трон 311
 r̄ugaŋe кукла, идол 185. 282. 244. 311. 312
 rul̄a хлебные злаки 215
 purd̄a нсе 282
 purd̄a топор 277
 puş голова 274. 282. 327. 503
 p̄əxas смотреть 411
 p̄əxaxas бросать 377
 p̄əgu, p̄əguški теленок 280
 sala деревня 343
 san̄an твой 342
 saŋə желтый 367
 s̄ēd молоко 279
 s̄ērd̄ēn касаться, дотронуться 281
 s̄eŋz̄iŋy летучая мышь, норо-бей 342
 s̄ērl̄ē жужжать, гудеть 279
 siv̄e холодный 279. 329. 388
 sin̄ze праздник земледелия 334
 solagay, sulagay левый 283. 336
 sola махать, размахивать 283
 solga запястье, браслет 283. 415
 sol̄ə, sul̄ə браслет, запястье 336. 388
 soŋəq овца 279
 soŋa соха 201
 suya ложка, вранье, тщета 406
 suyas лгать 406
 suran рана, ушиб, порез, ссадина, язва 280
 surəŋq овца 279
 syv̄las дышать 279
 syld̄em правый 283

- зылым, səvləm, sələm роса 279
 səməq, səməqla гонорить 328
 səməx слово, речь 406. 408
 səg писать 279
 şənë новый 340
 şëg ночь, земля 280. 340. 341. 312
 şëgşəv земля-вода 344
 şı верх, на 280
 şıb нитка, шнур 280
 şıyes есть, кушать 329
 şımëş пицца, еда 329
 şındë, şınze, mñe название праздника весны 417. 418
 şol дорога 388
 şola запястье, браслет 283
 şõm шерсть 279
 şoməg şıməg дождь 379. 401
 şog половина 280. 347
 şoigon полдень 306
 şul слеза 283
 şul путь, дорога 336. 388
 şug половина 280. 347
 şuggon половина 347
 şyñ человек 187. 334
 şəm шерсть 279
 şumagda яйцо 401. 402
 şəməg круглый; дождь 401. 402. 412
 tives дотрагиваться, достигать 329
 tınkëgь вытаращить глаза 418
 tozas находить 411
 toğan господствующий класс 180. 337. 351
 toğ хлебные злаки 215
 taşas находить 411
 tım одежда, убор, наряд 280
 tımlan одеваться 280
 turā бог 141
 təvard четыре 285
 təgon господствующий класс 351
 təxəg девять 387
 ʒogə бог, икона 141. 178 180. 295. 337. 363. 407
 ʒıgə бог 141. 178. 295. 337. 363. 407
 uy поле 309
 uya праздновать 309
 uyaв праздник 309
 uyaг безоблачный 309
 uyəр сныгирь; ясный, веселый, приветливый 309
 uıbut господина, герой 281. 300
 uləb великан, богатырь 300
 um перед 417
 ugaba колесо, телега, воз 280. 282. 402. 403
 uŋlə через 344
 ut лошадь 291. 413
 ǵal сила, здоровье 285
 ǵəvəl солнце 264
 ǵəp страдание, боль 281. 340
 ǵəg дочь, девушка 340. 342. 483. 511
 ǵərlə через 342
 ǵun страдание 281
 ǵõm жеребенок 292. 307
 ǵı ты сам 281
 ǵıbaǵ торговое помещение, магазин, лавка 368
 ǵıl рука от плеча до кисти 285. 336
 ǵıla город 368
 ǵıt раз, сторона 194
 ǵəvaləs гонять, преследовать 354
 ǵəu он сам 281
 ǵəm я сам 281
 ǵəmləna ожеребиться 292
 ǵıg боль, болезнь, недуг 279. 330
 ǵıl камень 415
 ǵıp истина, правда 416. 417. 418
 ǵəges ласточка 301
 ǵemla жевать 279. 330
 ǵamğas округлять 401
 ǵəməg круглый, кулак 401
 ǵəməğdas сжимать, тискать, округлить 400. 401
 ǵərgbuşı, ǵərguşı колено 282
 şan завядать 280
 şarşag, şarşıgə весьма белый 367
 şıv вода 290. 305. 309. 330. 337. 377. 400. 412
 şıv болото 284. 290. 305. 309. 330
 şıgə белый 360. 367
 şıv вода 330
 ымыл мальчик, сын 511
 ымыл-хəг дети 511
 ылтəн золото 197
 əltan золото 410
 əməg пасмурный 402
 əmərt огромный, сильный 402
 əmərt-kayək орел 402

Шумерский язык
 ā вода 256. 475
 an бог 216. 408. 475. 476. 499. 521
 ag мужчина 512
 gal женщина 481. 511
 gıñ мужчина, господин, человек 5
 gıñkın золото 197. 200
 kıgu идеограмма золота 197
 kuğa лошадь 455
 lu человек 512
 ma, mađa страна 390
 mu год 293. 521. 536
 peŋg лев 454
 val женщина 484
 ʒı глаз 463
 şı рука 267. 412

Эстонский язык
 hõbe серебро 200
 hobu лошак, лошадь 456
 hobuseel лошак 376
 hobune лошадь 376. 456
 hobuse лошадь 456
 uygı река 304. 346

коер собака 455
 рагет лучше 449
 pərgel чорт 526
 роег сын 221
 silt глаз 468
 таи дуб 214

Этрусский язык

аузар бог 131
 ама (вспомогательный глагол)
 132
 раг отец 123
 ги лошадь 135
 usil солнце 150

Якутский язык

altan медь, золото 197
 altan орел, дух 197
 sārba соболь 109

Японский язык

gin серебро 201
 kin золото 201

ЭТНОНИМИКА

abadeq 32
 abazg 93
 abasg 32
 abask 31. 42. 45. 125. 129. 163.
 179. 189
 abasq 28. 31. 32
 absne 168
 avasg 28. 31
 agašwrs 93. 94
 Agrašwrs 93
 agrwa 31. 189
 adəge 13. 16. 17. 31. 93
 akatir 93
 akatir 93
 akašir 93. 94
 aqərdwā 189
 Alarod 3. 124
 alban 70
 aləq marə 377
 a[ʰo]ʷan 70
 anatri 404
 apsil 32
 apneḡ 32
 a[ʰswā] 125. 126
 a[ʰswā] 125. 126. 127. 158.
 179

apsil 93
 a[ʰqaz] 31. 42
 arast 136
 argi[ʰay] 210
 arimas[ʰoy] 210. 219
 armanin 206
 armen 124. 204—207. 300. 526
 askw 122
 ašagartu[ʰa] 511
 a[ʰay] 8. 32. 128. 129. 131
 a[ʰkuza] 24. 32. 35. 40
 bazg 31
 balt 459
 basil 95
 bask 27. 125. 145. 205. 300
 bašbi 27. 28. 93. 95
 ba[ʰkır] 67
 belgae 459
 ber 348. 349
 berden 278. 312. 351
 berber 406
 biger 523
 bolgar 185. 301. 366
 bolgar 185. 301. 355. 362. 363
 brehon 459
 bre[ʰy]ʰh 459
 bre[ʰy]ʷz 459
 breson 459
 breton 459. 461
 brezon 460
 britan 116
 brytan 149
 budin 210. 215. 216
 bulgar 354. 362. 367
 bulgar 354. 355. 362—364
 bunšurq 332
 burtas 363. 364
 bus 354
 bəzəunni 204. 206
 van 18. 20
 vatka 299. 300. 523
 ven 348. 350. 458. 460
 venet 299. 458
 vent 298. 299
 ves 535
 viryal 404
 virkaniyap 511
 virq 124. 307
 vogul 221. 301. 302. 306. 422
 votyak 523
 vərəši 124

hay 63. 129. 204—207. 300
 hayk 204—207. 281. 300
 hal 70
 galat 195
 halbi 49. 70
 galga 301
 gamir 30
 gamirq 217
 hen 26
 hemoq 129
 hıvd 63
 gomer 217
 hon 26. 94. 97. 518
 gumā 125
 gumir 217. 264
 hun 75. 94
 gur 26. 175
 guran 486
 gurul 26
 dandarn 30
 digor 491
 dido 485
 d[ʰw]g 16
 d[ʰw]lq 16
 d[ʰw]q 16. 17
 d[ʰ]q 16
 d[ʰ]q 217
 egeraš 82
 egerswanq 26
 erastoy 136
 eskw 122
 etinun 524
 etrusk 127. 187. 143. 150. 288.
 311. 318. 320
 eti 524
 ewskel 122
 ewinkaldun 122. 143
 jmurd 293
 zikq 217
 zok 22. 35. 195. 217
 ziryau 435
 zəryau 217
 z[ʰn]š 292
 iber 26. 119. 123. 124. 157. 160.
 175. 178. 179. 184. 185. 188.
 195. 229. 286. 312. 348. 354.
 355. 358. 364. 497
 iberu-ital 277
 iver 175. 286
 imer 286. 348. 497
 ind[ʰe]š 60
 išedon 210. 215. 216
 ital 178

- italo-iber 277
 iuni 209
 iunki 24. 32
 iukuza 32. 40
 imteluamı 61
 yaran 465
 yon 49. 50. 334
 yono-rus 334
 juika 210
 kalmez 299. 301. 523. 526
 kamarı 176
 kantabr 195
 kantaber 195
 kardıq 486
 kas 5. 93. 95. 107
 kasp 4. 5. 95
 kasper 5
 kelt 195. 429
 keltiber 194
 keltoskwşa 194. 195
 kerket 13. 31. 163. 164
 kimer 30. 158. 160. 175. 185.
 189. 195. 207. 217. 288.
 354—356. 361
 kişer 30. 196
 kissı 5
 kojlamare 377
 kozare 105
 kolq 15. 25. 31. 33—35. 40.
 429
 komı 217. 219. 307. 445
 kortay 486
 kruten 116. 149
 kurd 206
 kurmanq 206
 kurtı 206
 kazoq 93
 qarş 486
 qarşvel 137. 179. 206. 209. 366.
 457. 514
 qorşa 486
 laz 127
 lazg 177
 laziw 28
 lezgin 177
 lbys 119. 354
 lbu 120
 lıgur 119. 123
 lıgus 119
 luğar 69
 Lüdžana 99. 125
 el-Lüdžanaş 99
- læpin 41
 mada 57. 487. 527
 madape 57
 mayöt 27
 malyenşi 404
 man 20
 mana 17. 18. 20
 mar 57. 208. 293. 300. 350. 352.
 527
 margal 523
 mard 487
 mariy 443. 457. 526. 535
 maşaget 13
 masıq 136
 mask 27
 mata 527
 matape 527
 matien 15
 mari 300. 526
 megrel 82. 523
 med 57
 men 17. 18
 men-ı 20
 merya 348—352. 457. 458. 460.
 461. 525. 535
 mesq 136. 205. 300
 miđane 57
 min-ı 20
 min 17. 18. 513
 mokıma 216
 mon 17
 mordva 216. 509
 mosq 15
 momoq 136
 momoq 136. 205
 momq 205
 mwrget 4
 mumk 136. 205. 206. 207
 nürmān 99
 obez 163. 189. 291
 obr 189
 palumı 61
 pelasg 49. 127. 137. 150. 178.
 181. 288. 311. 318
 pıkt 145
 poļane 47. 61
 puzum 204. 206
 pulna 61. 204. 206
 pun 49. 354
 ças 136
 çoynik 49. 50
 rasena 116. 177
- rask 48
 raşvel 514
 rbu 120
 res 320
 roqsolan 128
 ros 97. 124. 145. 319
 roş 292
 row 97. 122. 124
 rus 92—94. 124. 143. 288. 318.
 319. 334
 ruskiy 306. 339
 ruten 318
 rum 122. 124. 133. 299
 rəşāim 145
 sak 4. 6. 8—10. 14. 20—21.
 24. 35. 37. 195. 205.
 217
 saka 5. 7—9. 35
 saka amırg-ıos 4. 7
 sakā humavarkā 7
 sakā tıgraxauda 7
 sakā tya y paradaraya 7
 saklab 62
 sal 49
 samkar 183
 san 239
 samk 239
 sarmat 31. 134. 159. 177. 179.
 184. 189. 194. 207. 210. 281.
 286. 299—301. 334. 359.
 360. 362. 364. 367. 370.
 443—445. 536
 sawromat 210
 se 18. 19
 sevordıq 18. 19
 segustav-ı 236
 seordı 19
 sı 18. 19
 sıawerdı 19
 sılvı 189
 sınd 31. 63. 64
 sıntı 31
 sırak 53
 sırakēn 53
 sırakes 53
 sıunı 14. 19
 sıunıq 19
 skıf 4—6. 14. 21. 31. 35. 36. 60
 98. 175. 194—196. 204
 sklav 62. 196. 288. 340
 skolot 6. 7. 34. 35. 98. 175.
 194—198. 204. 219. 221.
 339. 355. 410. 429

skwša 5. 7—10. 12. 14. 21. 29.
31—35. 40. 155—157. 158.
194—197. 204. 215—217.
219. 222. 230. 288. 355. 364.
410. 421. 429. 508
sqwša 34
slawcanu 98. 100. 196. 288. 306
340
smardon 293. 300
smerd 123. 124. 269
someq 204—207. 300. 391. 445
sonmesq 300
suas 445
suasla-mariy 445
subar 401. 404. 406. 408. 412
suvar 401. 404. 445
suvas 406
sul 188
suləton 188
suomal 217
suomen 217
suomi 217. 445
sūas 445
šarməs 299. 300. 360. 443—
445. 465. 526. 536
tawrit 8
tal 49
tamotarq 183
temgoy 182
temrgoy 182
toret 8
twreget 4. 13
tyraget 4
tyrhenus 147
tyrsen 147. 150
tūlas 69
turk 94. 95. 104
turka 210
turma 147. 150
turma 147. 150
tusk 332
twraget 333
twšaget 210. 333
twmageta 210
Jeger 491
Jetal 51. 178
Jyrsaget 13
Jwšaget 13
Jubal 172
Jurq 95. 332
ugr 95
ud 435. 524

udi 16
udin 524
udmurt 300. 301. 421. 523
urartu 204. 206. 207
uteađı 82
uti 16. 422. 524
uñ 314. 348. 350. 458. 460. 518
foja 204—207
qazar 30. 93. 95. 96. 107. 362—
364
qazq 93
qazır 30. 93. 95. 107
qaynid 107
qald 129. 194. 207
qaldayoi 38
qaldı 194. 206. 207. 222
qaldın 194. 206. 207. 215. 222.
457
qalıb 30. 31. 38. 62
qalk 30
qalte 38
qalı 30. 31. 38
qaltq 38
qalub 31 38
qalwb 38. 194. 207
qervat 134. 299. 364
quuz 518
tan 239
Şarlamarı 378
Şikmenımarı 378
Şqumar 155. 160. 355
tan 239
tanıw 28. 62
teyn 239
ten 239
tılb 189
Jeremis 299. 300. 350. 360.
443—445. 451. 457. 465.
525. 526. 535. 536
Jerkes 13. 164
Jerqes 13
Juvam 158. 331. 355. 364. 365.
368. 387. 401. 404. 443 445
Jqum 122. 162. 207
Jəvam 158—160. 308. 328.
355. 359. 360. 362. 364. 365.
401. 404. 406. 410. 412. 443.
445
İuober 188
İuomı 391
ıak 20. 24
ıuanar 517

ıwanar 30
ıuşam 404. 406. 412
ıum 162
ıumer 124. 159. 162. 183. 189.
205. 292. 293. 334. 355. 356.
359. 360. 362—364. 443
ıummer 517
ııummer 518
ııııwan 517
ııııwııı 517
ıwan 517. 518

ТОПОНИМИКА

Absar 126
Azerbaydan 180. 277
Ayrarat 124. 132
Akulis 35
Akwa 35
Akqa 160
Aquitan 144
Alama 147
Alba 228
Alba Longa 228
Albama 49
Alpi 169
Anapa 27. 28. 31. 272. 273
Ananur 525
Apatūron 140
Apatūron 140
Apirka 120
Apirka 120
Aragva 137
Aragvı 137
Aragw 137
Aragu 137
Araqs 124
Arar 49
Ararat 3. 49. 124
Arasq 124
Arzamas 445. 446. 465
Aria 221
Arya-kma'2
Arya-sta 2
Artanud 164. 205 207
Astoroqan 337
Atala 178. 295. 311. 337
AŞel 178. 295. 311. 337
Atropatene 351
Atərpatakan 20. 351
AŞenay 229
Afrika 120
Aqarde 51. 52

- Aardeos 51
 Aqerdows 51
 Aqerdoenta 51
 Aqeron 51
 Aqurean 51
 Atkur-ı 163
 Axtarak 58
 Bagan 244
 Baileš 27. 32
 Bayburd 207
 Bardağa 72. 102
 Barman 301
 Begymlıur 507
 Bedia 16. 17. 26. 490
 Bejeđq 350
 Berezane 351
 Berkar-ı 522
 Biayna 18. 492. 522
 Biarma 465
 Bı-kay 145
 Biçvinğa 212
 Bolğar 301
 Borçom 320
 Botorma 320
 Bulghar 369
 Burgurt 507
 Vala 482
 Valo 307
 Van 18
 Vardıa 489
 Vardımq 489
 Varka 523
 Vehkaya 353
 Vyatka 523
 Vokmemı 392
 Volga 178. 301. 354. 376
 Vuç Qudnamur 507
 Vılungurt 507
 Wirjum 446
 Halys 25
 Hanıtean 57
 Geçam 56
 Hypanes 35
 Hiços 136. 147. 148. 150. 176.
 177. 295
 Gıpuskoan 145
 Hispania 49
 Gorgıpe 28. 273
 Gorgıpeya 273
 Gorgıpeın 273
 Gorgıpia 273
 Hıpanes 35
 Guria 25. 26. 174. 467
 Gurıanğa 25
 Honarakert 525
 Dandar 30
 Danub 49. 209
 Dğamem 25
 Deñil 478
 Dıgor 490
 Dıdinedı 490
 Dioskurias 163
 Dnepr 209
 Dnestr 209
 Don 49. 64. 209
 Donaw 49
 Dondımur 507
 Dranda 30. 160
 Duabzu 153
 Dıncay 209
 Dvarđıma 157
 Dvarđıma 157
 Ewrōpa 145. 169. 187. 314.
 317
 Eğıpet 50
 Egrewkē 31
 Egris 30. 35. 82. 486
 Engur 26
 Erasıj 124
 Eraqııı 124
 Erumeđ 125
 Etıunı 15—18. 20. 81. 82.
 291
 Etul 295. 297
 Zarzıma 320
 Zugdud-ı 31
 JƏRGİDİ 31
 Id wa 216
 İjevsk 216
 İjma 216
 Ingur 26
 Inma 508
 Inmamur 507. 508
 İorı 305
 İpar 497
 Iskurnı 33. 163
 İskurğa 33
 İskurđe 33
 İstr 209
 İtaha 49. 196
 İul 178. 311. 337
 İunı 25
 İmkıgulu 24. 32. 40
 İuter 52
 Jagomur 507
 Jaransk 526
 Jul 450
 Julvuđ 450
 Jor 305
 Kabarda 31. 160. 163
 Kalmez 507
 Kaçankaytu 81
 Kama 307
 Karđagen 369
 Karđago 508
 Karđedon 369. 508
 Karđ 182
 Katarza 24. 32
 Kemer 354
 Kerđ 30. 31. 182
 Kiebaıınavolku 392
 Kiev 196
 Kilmez 526
 Kueııma 353
 Kitej 376
 Kitıj 376
 Klazma 318. 319. 320
 Koban 35
 Kovar 227
 Kodor 33
 Koytayın 127
 Koçımur 507
 Korıdeđ 164
 Korkodam 184
 Korđev 192
 Korđem 182
 Korwd 164
 Kostroma 251. 252. 372
 Kotais 127
 Kotıayon 127
 Kođegurt 507
 Krēta 11
 Krēte 11. 116. 147. 149. 320
 Kređevo 320
 Krotona 116
 Kuar 121
 Kuban 35
 Kudıe 33
 Kudər 33
 Kuyāb 62. 121. 196. 228
 Kumur 509
 Kumurdo 390. 509
 Kuper 354. 355
 Kura 137. 522
 Kurıan-ı 25
 Kuta 127. 147. 508

- Kutaya 127
 Kwta 147. 508
 Kwtaɣon 147
 Kœv 62
 Kœymur 507
 Kœlard 32
Кыџонмур 507
 Keberde 160. 163
 Kwaban 35
 Qarq 61
 Qarɟl 206. 457
 Qobuleɟ 127
 Quɟas 127. 508
 Lagus 48
 Laighen 236
 Lanɟquɟ 33
 Lamq̄ 136. 146—148. 150.
 295
 Lœmq̄wɔr 295
 Ld̄a 99. 125
 Lesbos 318. 319
 Leɟqum 32. 33. 122. 162
 Labwē 120
 Maykop 27. 31
 Mapa 273
 Masiq 136
 Masis 486
 Matiane 15. 16
 Mantiane 15. 16
 Megreha 82. 486
 Moskov 320
 Mtkwar-ı 126. 137. 296
 Munɟegurt 507
 Murom 320
 Mɟq̄eɟa 137
 Nador 490
 Naygurt 507
 Nakaɟamumur 507. 508
 Neɟu 490
 Nekisqua 26
 Nekresi, Nekrisis 491
 Niɟgor 490
 Niqoz 490
 Nikolatında 491
 Nikor 490. 491
 Nikorimında, Nikorimında 491
 Noɟa 483
 Noɟela 482
 Nodoga 482
 Nord 390
 Norya 390
 Noɟnare 109
 Nukma 482
 Neva 482
 Oar 48
 Odun 16. 17. 30. 82. 291
 Ozan 370
 Olbi 228
 Olbia 228
 Olvia 228
 Oni 518
 Orbel 228. 317
 Orel 317
 Oskikoɟay, Oskioɟay 32
 Otene 15. 16. 18. 81. 82
 Omki 39
 Pantikape 27. 28
 Paɟagurt 507
 Pelör 137
 Pelusion 137
 Pererɟitida 318
 Perm, 349. 350
 Pyrene 169
 Ples 353
 Pleskov 319. 353
 Pohst, 318. 320
 Pont 49
 Porgurt 507
Poruɟye 318
 Pskov 319. 353
Qarɟqma 157. 320
Qasanaur 525
 Rah 48
 Razan. 319
 Rajsik 319
 Rata 127
 Ratw 127
 Rha 48. 177. 178. 311. 353.
 376
Redya 318
 Reon 127
 Remma 353
 Rjev 319
 Rion 127. 128. 135. 136
 Roma 229. 317
 Rog 318
 Rosino, Rusino 318
 Rostov 319. 320
 Rusa 318
 Russkaya 318
 Runtune 124
 Runtum 136
 Rytaya 318
 Rəmtum 124
 Sawkor 49
 Sakapenē 20
 Sakasanı 20
 Sakasēnē 20
 Salmenisko 392
 Samas 465
 Sambatas 208
 Samkarɟ 182
 Samkarın 182
 Sammivide 36
 Sammoyt 36
 Saon 49
 Sarankaspe 32
 Saratov 370
 Sarkel 360. 367. 370. 377
 Sarmas 465
 Sevan 15. 18—20
 Sequam 354
 Sinda 31
 Sinop 27. 63
 Sinope 27. 31
 Sisakan 20. 35. 36. 47
 Siuni 15. 18—20
 Skurnev 163
 Skwɟa 32
 Skurɟa 163
 Sogda 31
 Sparta 229
 Subar 404
 Suvär 369. 370
 Sugda, Sugdaya 31
 Suguda 31
 Sngndaspe, Sunkdaspe 32
Suzdal 320
 Surev 126
 Suqum 155. 166
 Sitia 296
 Sıktıv 217
 Sıktıvdın 217
 Sıktıvkar 217
 Sektov 378
 Səmbatgrad 207
 Sapɟəgnrt 507
Taman 182
 Tamatarɟa 180—182. 165
 Tanais 30. 49. 209. 257
 Tapakurt 507
 Teberda 159. 163
 Tekor, Tikor 490
Tkaqɟ 156—158. 160
 Tmutarakan, 181. 182
 Togora 297

- Toloyok 392
 Tomēn 182
 Trōas, Troya 229. 317
 Tuapse 153. 156
 Twmatarça 182
 Təqnis 486
 Təps 160
 Təps 160
 Əaməm 176
 Əerg 353
 Əəšana 49. 196
 Əəšana 49. 196
 Əaneš 525
 Uzen 48
 Umešgurt 507
 Urartu 3. 49. 81. 124. 204.
 208
 Uraštu 124
 Uramtu 204
 Urbnis 228
 Urjum 446. 465
 Ute 524
 Utemmur 507
 Uti 16. 291
 Utiq 15—18. 81. 82. 521
 Ušimereos, Ušimereos 127
 Umkul 39
 Xaldaya 30
 Qalde 39
 Qarḱov 320. 376
 Qers 30
 Qeršvis-1 524
 Qozan, Quzan 370
 Qoni 518
 Qope 27. 228
 Qunan 525
 Tabal 159. 160
 Tebel 159
 Tebelda 159. 163
 Tilkau 189
 Təkəbən 160
 Əik xala 378
 Əqenis-əkai-1 127. 136. 177
 Əqom, Əqum 32—35. 155. 157.
 158. 207
 Əqumur 33
 Tilow 189
 Toğor 296
 Təps 160
 Toroq 25. 126. 429
 Əaqv-1 22
 Əep 526
 Əikma 378
 Əik xala 378
 Əoloq 25
 Əuramur 507
 Şavmeš 148
 Şakameyn, Şikameyn 20.
 35
 Şirak 53
 Şubamkar 274. 369
 Şimangurt 507
 Şynšamur 507
 ərašum 52
 atal 474

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА
 (мифические, культовые,
 бытовые)
 Abud 220
 Abərskul 189
 Ajdahak 57. 58
 Ajderhak 55
 Ailbe 236
 Ayḱar 131. 141. 177. 179.
 182
 Aynna 491
 Amatnni 358
 Amiran 189
 Anatori 141
 Apatoro 140
 Apatūros 140
 Apatur 140. 141
 Api 220
 Aproditē Apatūros 140
 Aproditē Urame 140
 Aralez 236
 Aram 56
 Aramaš 486
 Araxnē 471. 473
 Argiwpasa 220
 Ardi 422
 Ardım 222. 270. 465. 492
 Ariaramnes 8
 Arp 41
 Arposkay 40. 41
 Artəpernes 8
 Aspat 337
 Assarhadon 40
 Asteria 337
 Aşba 515
 Amtarak-Ajdahak 59
 Bagbarti 501
 Bar 260
 Bara 501
 Bartia 501. 511
 Bedian 490
 Berdiya 511
 Bitutos 236
 Bitia 29. 468
 Vardan 271
 Vardau Karmir 271
 Vaqtang 271
 Vladimir 149
 Gaya 220
 Gauruva 511
 Gobarva 511
 Gobryas 511
 Hayk 123
 Galqan 385. 386. 510
 Gardapqade 385. 386. 510
 Helene 479
 Geria 41. 386. 468
 Herkules 178
 Hermē 464
 Hestiē 220
 Goytoswr 221
 Gomer 217. 406
 Hoşean 55. 56. 61
 Gua 23
 Dadia 467
 Dał 183
 Danina 491
 Drnstuk 145
 Dakel 22
 Dia 221
 Dinasqea 60. 63. 64
 Dino 63
 Diogenēs 63
 Dioskur-oi 33
 Diotin 63. 64
 Diqia 510
 Diqa 510
 Epōta 243. 456
 Jiqa 510
 Ivanika 472
 Ingorokwa 35
 Iḱar 131. 141. 337
 Imtar 141. 178. 337
 Imtar (басрк.) 131. 277
 Japet 220. 313

- Jomala 357
 Jumal 217
 Jumala 217
 Kambwses 8
 Karapet 55. 56. 59. 61. 285. 464
 Каџа 468
 Ker 42
 Keremeš 264. 235. 341. 464. 526
 Kiremet 526
 Kiremeš 264
 Kokiew 9
 Kokiy 9
 Kokutā 9
 Kol 41
 Kolaskay 40. 41
 Kopal 54
 Kuař 55—65
 Kubāřa 511
 Kumtampī 515
 Kumtampih 515
 Kwbelē 54
 Qerqn 42
 Qud 386
 Lasa 148
 Lyp 41
 Liposkay 40. 41
 Lušifer 134
 Małqazum 358
 Manuk 23
 Marduniya 511
 Martiya 511
 Māšages 13. 14
 Mełte 55. 56. 62
 Menna 468. 510
 Меца 510
 Meunargia 467
 Mikola 183
 Mikula 183
 Miqamgario 183. 184
 Mitrادات 8
 Moqe 59
 Mome 59
 Məqalo-gāberšā 183. 184
 Nana 491
 Nama 491
 Niks 491
 Nikolay 183
 Nino 483. 485. 488
 Noša 488
 Nuney 483. 488. 513
 Nuno 491
 Otia 468
 Ošar 177. 337
 Papay 218
 Para 524. 527
 Pask 123
 Paskam 123. 179. 320
 Pateyqa 515
 Perkun 276
 Promēde 270
 Parnakes 8
 Rā, Rē, Rha 311
 Rok 261. 263
 Sakuk 38
 Salove 90
 Sambat, Sombat 208
 Sana-tā 9
 Sanatruk 237. 239
 Sanikide 239
 Sanduqt Seneduqt 237. 239
 Sev 19
 Sevuk 19
 Selenē 479
 Sin 417
 Sineus 334
 Sisak 20. 35. 104
 Skolopitus 36
 Skolotos 35
 Skivlēs 36
 Storna 337. 468
 Sənzē 463
 Tabal 160
 Tabiti 220
 Targita 40. 41
 Tarqan 180. 181
 Tārqnun 181
 Temba 24
 Terbel 178
 Tor, Tur 178. 269
 Torə, Turə 210. 312. 526. 331. 333. 351
 Tristan 145. 150
 Tukaev 9
 Tukqay 9
 Tukka-tā 9
 Turan 141. 178. 312. 407
 Ūagmasad 220. 221
 Oarandēm 488
 Ūarqan 181
 Ūarqnun 181
 Ūobel 160
 Ūodria 467
 Ūorgom 320
 Ūnbal 159
 ʕamurišqamī 42
 Uran 220
 U'tana 524
 U'šana 524
 Qaldim 457
 Qaron 51
 Qoriv 62
 Tarmaš 208
 Ūwarauđe 438
 Ūilosam 525
 Šian 9
 Šianaev 9

Вследствие отсутствия в типографии Академии Наук СССР некоторых необходимых для настоящего указателя знаков, редакции пришлось согласиться на набор части слов указателя петитом, части — цандеро. *Red.*

III—IV. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

- Абаев, Василий Иванович 192. 310
 Абу-Бекр-Тортуший 92
 Аваг, князь армянский 73
 Азкуе (Azkuе) 252
 ал-Бекри (ум. 1094) 96. 98
 Александр Македонский (356—323) 180. 358
 Амагуни, С. 87. 469
 Анахарсис (VI в. до н. э.) 313
 Антиох Стратиг 76
 Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) 313
 д'Арбуа де Жюбенвиль (d'Arbois de Jubainville) 120
 Артавазд (IV в. до н. э.) 518
 Артаг (I в. до н. э.) 137
 Арриан (II в. н. э.) 127. 273
 Аршакиды (II в. до н. э. — V в. н. э.) 487
 Асколи, Грацидио-Исайя (Graziadio Isaia Ascoli) 431
 Астпаг (VI в. до н. э.) 57
 Ауфий (XIII в.) 369
 Ахемениды (VI—IV вв. до н. э.) 202. 209. 499. 525
 Ачарьян, Рачья 87. 221. 469
 Ашмарин, Николай Иванович 342. 404
 Бабенко, Василий Алексеевич 77
 Багалец, Дмитрий Иванович 77. 89
 Багратиды 126. 208
 Баградзе, Дмитрий Захарович 82. 83
 Баратливиц, Николай Мелитович 137
 Барсов, Елиидифор Васильевич 164
 Барлет, Фредерик-Чарльз (Frederic Charles Bartlett) 438. 441
 Бартоломей, Иван Алексеевич 112
 Бартольд, Василий Владимирович 3. 276. 301. 369
 Берже, Адольф Петрович 168
 Беридзе, Вукол Михайлович 83. 85. 470
 Бернекер, Э. (Berneker) 108
 Блау, Отто Герман (Otto Herman Blau) 109. 110
 Блейхштейнер, Роберт (Robert Bleichsteiner) 397—399. 404. 434
 Блейк, Роберт (Robert Blake) 90
 Богданов, Анатолий Петрович 347. 348
 Богданов, Григорий Хрисанфович 392
 Болозов, Василий Васильевич 490
 де-Борр (de Boor) 182
 Боре, Эжен (Eugène Boré) 70. 73. 77. 81. 97. 98. 104
 Браун, Федор Александрович (Friedrich Braun) 51. 325
 Бриер, Морис (Maurice Brière) 399
 Брим, Вениамин Адамович 356
 Броссе, Мари-Фелисите (Marie-Félicité Brosset) 72—74. 96. 490. 491
 Буазак, Эмиль (Emile Boisacq) 36. 37
 Буль (Buhl) 484
 Буслаев, Федор Иванович 90
 Быковский, Сергей Николаевич 396
 Бэркелий, А. (A. Berkelius) 127
 Валаршак (II в. н. э.) 59. 60
 Валле (F. Vallée) 240
 Вальде, Алоис (Alois Walde) 114. 216
 Вандриес, Жозеф (Joseph Vendryès) 232
 Васильев, Александр Александрович 19. 98
 Васильев, Валериан Михайлович 440. 441
 Васильевский, Василий Григорьевич 89
 Вахтанг VI (1657—1737) 96
 Вельтер (Welter, G.) 236
 Венелин, Юрий Иванович 98
 Верещагин, Григорий Егорович 524
 Верхратский Ив. 245
 Веске, Михаил Петрович 30. 304. 446
 Вестберг, Фр. 369. 370
 Видеман, Фердинанд Иванович 421
 Винклер, Гуго (Hugo Winkler) 40
 Вирой, католикос албанский 72
 Вишневский, Борис Николаевич 275
 Вуллерс (Vullers) 79. 80. 108
 Гаврилов, Борис Гаврилович 295
 Галсан Гомбоев 74
 Гамильшег (Gamilscheg) 259
 Ганото, А. (A. Hanotean) 253
 Гара (D. I. Garat) 68
 Гаркави, Авраам Яковлевич 69. 91. 97. 369
 Гекатей Милетский (VI—V вв. до н. э.) 4. 15
 Геланник (V в. до н. э.) 192. 193
 Генко, Анатолий Несторович 142. 160. 175
 Георгий, вардапет (XIII в.) 75
 Герд, Кузубай (Кузьма) Павлович 491. 524
 Геродот (около 485—425 до н. э.) 4—7. 13. 22. 34. 40. 41. 48. 50. 57. 59. 94. 191. 192. 208. 210. 211. 213. 215. 216. 218. 219. 223. 332. 378. 421. 423. 524
 Гибаль (Paul Gnibal) 163
 Голубовский, Петр Васильевич 78. 91. 99. 102
 Гомер 148. 187. 188. 197. 313. 356. 357. 423. 425
 Грапов, Герман (Герман Grapow) 168
 Грен, Алексей Николаевич 357
 Гречкин, Павел Яковлевич 275. 287
 Григорий Анаварзский 80

- Григорий Проветитель (около 257—320) 55. 60
 Григорий Хандзгийский (760—861 гг.) 490
 Григорьев, Василий Васильевич 4. 5. 36. 70. 95. 100
 Грозны, Бедрих (Bedrieh Hrozny) 277
 Грушевский, Михаил Сергеевич 271
 Гулия, Давид Иосифович 167. 168
 Гурамишвили, Давид 75ⁿ
 Гутпмид, Герман-Альфред (Herman Alfred Gutschmid) 96
 Гюбшман, Генрих (Heinrich Hübschmann) 19. 20. 109.
 Давид Гандзакский (XI в.) 76
 Давилевич, Василий Ефимович 77
 Дарий Гистасп (550—485 до н. э.) 7. 52¹
 Дармштетер (Darmsteter) 259
 Джавахишвили (Джавахов), Иван Александрович 181
 Джанашия, Николай Семенович 167. 236
 Джонсон, Ф. (F. Johnson) 79
 Днев, Михаил Яковлевич 352
 Диоген, царь Ионии Черноморской (IX в. до н. э.) 64
 Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) 4. 6
 Дион Кассий (около 155—232) 137
 Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.) 131
 Дионисий Периегет (II в. н. э.) 36
 Диоциан (Диоген) (IX в. до н. э.) 64
 Дмитриев-Кельда, Игнатий Дмитриевич 492
 Довнар-Запольский, Митрофан Викторович 77
 Дондуа, Карпез Дариспанович 143. 149
 Доттан, Жорж (Georges Dottin) 236. 243. 255. 456
 Дьяконов, Александр Петрович 379
 Европеус, Д. 294. 296. 297
 ван-Ейс, Ж. (J. van Eys) 144
 Ервштедт, Петр Викторович 170
 Ефименко, Петр Петрович 314
 Жаба, Ал. 110
 Жебелев, Сергей Александрович 5. 6. 187. 313
 Жуйков, Сергей Павлович 507
 Зарбаналян, Г. 71
 Зеноб Глак (IV в.) 54. 55. 60
 Зинфельдт, Артур Рудольфович 524
 Золотарев, Давид Алексеевич 275. 392
 Ибн-ал-Асир, ϕ Издедин ал-Джазари (1160—1232) 91
 Ибн-Даст (Абу-Али-Ахмет Ибн-Омар) (X в.) 68. 100. 103
 Ибн-Фадлан, Ахмет (X в.) 74. 92. 94
 Ибн-Хаукаль, Абулькасим (X в.) 92. 94. 107
 Ильминский, Николай Иванович 74
 Иоанн Ванакан (XIII в.) 87
 Иоанн Златоуст (347—407) 75
 Иоанн Католикос (ум. 925) 18. 19. 136
 Иордан (Iordanis, Iornandes) (VI в.) 93
 Иосиф, каган хазарский (X в.) 369
 Ирклий, император (VII в.) 74. 98
 Истахри, Абу Исхак (X в.) 19. 369
 Какабадзе, Сергей Песторович 126. 137
 Калантар, Ашхарбек Андреевич 469
 Карамзин, Николай Михайлович 46. 107
 Карбелашвили, Иосиф Полиевктович 470
 Каррьер, А. (A. Carrière) 96
 Кастрен, Матвей Александрович (Mattias Alexander Castren) 352
 Кезай 295. 296
 Кёртинг (Kärting) 259
 Киаксар (684—585 до н. э.) 57
 Кишидзе, Иосиф Алексеевич 41. 85. 160. 265. 279. 491
 Кириак см. Киракос Гандзакский
 Киракос Гандзакский (XIII в.) 73
 Клапрот, Генрих-Юлий (Heinrich Julius Klapproth) 96
 Кледа, Л. (L. Cledat) 233. 258
 Константин Багрянородный (X в.) 19. 91. 105. 208
 Корещенко, Арсений Николаевич 54
 Корш, Федор Евгениевич 185
 Костаянц, К. И. 2 76
 Костомаров, Николай Иванович 44. 47
 Крамер, Густав (Gustav Kramer) 16
 Крачковский, Игнатий Юлианович 87
 Крылов, В. Д. 498
 Ксант Лидийский (V в. до н. э.) 422
 Ксенофонт (ок. 430—ок. 352 до н. э.) 5
 Кузнецов, Степан Кирович 298. 303
 Кукба, Виктор 385
 Куник, Арист Аристович 70. 91. 96. 98
 Курдiani, Давид 112
 Лагард, Поль Антуан (Paul Antoine de Lagarde) 105. 109
 Лазарь Парбский (V в.) 75
 Лагам, Роберт-Гордон (Robert Gordon Latham) 1
 Латынин, Борис Александрович 276
 Латышев, Василий Васильевич 15. 22. 57. 137. 273
 Леви-Брюль (Lucien Lévy-Bruhl) 412
 Легрен (Legrain) 276
 Ленин, Владимир Ильич 275. 529
 Лермонтов, Михаил Юрьевич 308
 Лерх, Петр Иванович 110

- Лессинг, Готгольд-Эфраим (Gothold Ephraim Lessing) 1
 Ломина, Вера Варденовна 236
 Ломоносов, Михаил Васильевич 44
 Луначарский, Анатолий Васильевич 423
 Линдсей (Lindsay) 317
 Литтре (Littre) 259
 Мак-Нейль (Mac-Neill) 425. 427
 Мападжян, Акоп 70. 71. 75
 Маннерт (Mannert) 48
 Мар-абас Катина 488
 Маркварт (J. Marquart) 95
 Марков, Алексей Константинович 61
 Марр, Александра Алексеевна 373. 376. 392
 Масперо, Гастон (Gaston Maspero) 118
 Масудий, Алай-Абуль-Хасан (X в.) 67. 91. 99. 107. 109
 Мейе, Антуан (Antoine Meillet) 260
 Мейер, Лео (Leo Meyer) 37
 Мейер-Любке (Meyer-Lubke) 259
 Мели 274
 Меликсет-Бекон, Леон Меликсетович 520
 Мелиоранский, Платон Михайлович 185
 Месроп, св. (V в.) 59. 489
 Мещанинов, Иван Иванович 228. 276. 404
 Миабан см. Тер-Мыкыртычан
 Микаэлян, Г. С. 88
 Миллер, Александр Александрович 54
 Миллер, Борис Всеволодович 102
 Миллер, Всеволод Федорович 3. 5—14. 21. 30. 31. 90. 183. 196
 Миннс, Эллис (Ellis Mills) 1
 Моисеев, Лаврентий Алексеевич 8
 Моисей Каланкатвацц см. Моисей Каланкатуйский
 Моисей Каланкатуйский (X в.) 70. 73—75. 78. 80. 83. 85. 88. 89. 97. 111
 Моисей Утиец см. Моисей Каланкатуйский
 Моисей Хоренский (ок. V в.) 19. 32. 37. 57. 59. 95. 96. 104. 134. 136. 316. 358. 488
 Морган, Жак, де (Jacques de Morgan) 118. 121
 Мухаддаси 369
 Мункач, Б. (B. Munkacsí) 298
 Мюллергоф, Карл-Виктор (Carl Victor Mullenhoff) 194
 Мюллер, Макс (Max Muller) 12
 Нестор Летописец (1056—ок. 1114) 44
 Низами (шейх Низами Ильяс ибн-Юсеф) (1141—1203) 100
 Никольский, Михаил Васильевич 82
 Никольский, Николай Васильевич 290
 Овидий, Публий Назон (Publius Ovidius Naso) 468
 Огненко, И. И. 410
 Орбели, Иосиф Абгарович 16. 30. 33. 34. 63. 72. 90. 91. 101. 102. 106. 110. 176. 319. 472. 494
 Орбелиан, Сава-Сулхан (XVIII в.) 84. 85. 89. 106. 109. 221. 237
 Отран, Шарль-Жорж-Марсель (Charles Georges Marcel Antiran) 52
 Паасовен, Г. (H. Paasonen) 401
 Панек, Лидия Борисовна 491
 Пари, Гастон (Gaston Paris) 145
 Пархоменко, Владимир Александрович 47. 334
 Пассек, Татьяна Сергеевна 276. 302
 Патейна 167
 Палкавов, Керопе Петрович 19. 20. 70. 73. 75. 77. 80. 89. 90. 97. 109
 Пейскер (J. Peisker) 69
 Петерс, Поль (Paul Peeters) 260
 Петр Великий 45
 Петров, Михаил Петрович 333
 Пидаль, Менендец (R. Menéndez Pidal) 193
 Платонов, Сергей Федорович 317. 318
 Плиний Младший (C. Plinius Caecilius Secundus) (52—114) 4. 20. 48. 126. 147. 210. 236. 243
 Покровский, А. М. 78
 Покровский, Михаил Николаевич 7. 528
 Полневтон, Михаил Александрович 286
 Помпей (Gneius Pompeius Magnus) (106—48 до н. э.) 137
 Поппе, Николай Николаевич 276
 Посидоний (135—50 до н. э.) 194. 195
 Потобня, Александр Афанасьевич 143. 149
 Потт, Август (August Pott) 11
 Прельвиц (Prellwitz) 38
 Пресняков, Александр Евгеньевич 396
 Прокопий (ок. конца V в. — ок. 562) 127
 Птолемей, Клавдий (II в.) 5. 20. 31. 107. 147. 523
 Пушкин, Александр Сергеевич 202
 Радлов, Василий Васильевич 185
 Расмузен, Л. 332
 Раулигсон, Генри (Sir Henry Oreswicke Rawlinson) 97
 Рашид Эддин (XIII—XIV в.) 74
 Рейнак, Соломон (Salomon Reinach) 236
 Ренан, Эрнест (Ernest Renan) 144
 Ржига, Вячеслав Федорович 265
 Розен, Виктор Романович 96. 98
 Розенберг, Федор Александрович 79. 80
 Романов, Константин Константинович 319

- Ростовцев, Михаил Иванович 191. 192. 194.
313
Савельев, П. С. 74. 107.
Самойлович, Александр Николаевич 276
Сардури П (IX в. до н. э.) 24. 25. 32. 101.
132. 209. 321. 422. 494
Святослав (XI в.) 360
Семенов-Тянь-Шанский, Вениамин Петрович
304
Средонин, Сергей Михайлович 105
Серджи, Джузеппе (Giuseppe Sergi) 118. 119.
121
Смирнов, Василий Дмитриевич 164. 180. 181.
185
Смирнов, Василий Иванович 303. 344—347
Смирнов, Яков Иванович 3
Смит (Smith) 50
Соболевский, Алексей Иванович 95. 150.
151
Соколов, Василий Тимофеевич 440
Соловьев, Сергей Михайлович 69
Сольмсен, Фр. (Fr. Solmsen) 120
Спицын, Александр Андреевич 163. 184.
191
Срезневский, Измаил Иванович 105. 110
Стасов, Владимир Васильевич 78
Степан Асогик (XI в.) 18. 104
Стефан Византийский (VI в.) 4. 119. 127. 147.
273
Столов, Николай Николаевич 275. 287
Стопфорд Грин, Алиса (Alice Stopford Green)
425
Стоянов, Александр Ильич 112. 113
Страбон (Strabo) (I в.) 4. 15. 16. 20. 140. 144.
160. 179. 194. 273. 313
Сэйс, Арчибалд д Генри (Archibald Henry Sayce)
15. 118. 284
Такайшвили, Евфимий Семенович 489
Тальгрет, Михаил Маркович (Arne Mikko Tall-
gren) 345
Тамерлан (Тимур) (1336—1405) 180
Тацит, Публий Корнелий (Publius Cornelius
Tacitus) (ок. 55—120 г.) 30
Тер-Мыкыртычан (Миабан), Галуст 82
Тигран (VI в. до н. э.) 57
Тимофеев Федор Тимофеевич (Qweder Тшмуца)
275. 278. 287
Толстой, Иван Иванович 140
Томашевский, Всеволод Брониславович 310
Томсен, Вильгельм (W. Thomsen) 336
Торп, Альф (Alf Torp) 131
Тоскан, Поль (Paul Toscanne) 58
Тураев, Борис Александрович 501
Уваров, Алексей Сергеевич, 347. 352
Фармаковский, Борис Владимирович 37
Фасмер, Максим Романович (Max Vasmer)
218
Фауст Византийский (IV в.) 20. 26. 37. 109.
487. 488
Федор, ученик Григория Хаядзгийского (IX в.)
490
Феофан Византийский (ок. 758—817) 182
Фест (Sextus Pompeius Festus) (II—III в.)
317
Фик, Август (August Fick) 2. 51
Форбигер (Forbiger) 48
Форд, Генри (Henry Ford) 121
Френ, Христиан Данилович (Christian Martin
von Frähn) 92. 94. 93. 100. 105. 107
Френкель, Сигизмунд (Sigismund Fraenkel) 96.
106. 120
Халатьянц, Григорий Абрамович 92. 96
Хачик, вардапет 71. 72
Хашба, Арсений Константинович 385
Хвольсон, Даниил Абрамович 67—69. 99—101.
103—105. 107. 109
Худяков, Михаил Георгиевич 286. 298. 299. 307.
511
Хюзинг, Рихард (Richard Julius Hüsine) 397
Цагарели, Александр Антонович 41
Цезарь, Кай Юлий (Gaius Julius Caesar)
(100—44 до н. э.) 144. 428. 429
Циташвили, Искандер 512
Чарая, Петр 92. 100. 168
Черепнин, А. И. 101. 321
Чковня, Илья 83. 84. 232
Чочуа, Андрей Максимович 167
Чубинов, Давид Иссаевич 39. 84. 86. 106.
221
Чхидзе, Михаил Павлович 534
Шат, царевич хазарский (VII в.) 72
Шахматов, Алексей Александрович 60. 61. 105.
317. 318. 334
Шахназарян 71. 72. 80. 81
Шейль (Scheil) 273
Шилейко, Владимир Казимирович 54
Ширн, Фредерик (Frederik Eginhard Schiern)
332
Шифнер, Антон Антонович (Franz Anton
Schieffner) 105
Шмидт, Вильгельм (Wilhelm Schmidt) 404.
434
Шорин, В. С. 290. 293
Шота Руставели (XII в.) 90. 102. 331
Шрадер (Schradler) 53
Штейнгас (Steingass) 79

- Шультен, Адольф (Adolf Schulten) 194
Шухардт, Гуго (Hugo Schuchardt) 171. 287.
434
Эванс, Артур (Arthur Evans) 118
Эллис, Роберт (Robert Ellis) 148
Эль-Балхи (X в.) 103. 107
Эмин, Мкртич (Никита) Осипович 71. 72.
80. 97
Эппи, Сергей Григорьевич 290. 440
Эраклосфен (276—194 г. до н. э.) 4
- Эркерт, Родерик (Roderik Ecker) 202
Эфор (ок. 400—330 г. до н. э.) 313. 314
Юнкер (Junker) 292
Юсти, Ф. (E. Just) 110
Юстишан 36
Якобий, П. И. 277. 281. 284
Яковьян, Иннокентий Иванович 151
Ян Вышатич (XI в.) 360
Янчиков, П. Г. 309
Ярослав (XI в.) 359. 443
-

- Абырскил 236
 Адам 225
 Аждабак 57. 59
 Алтан 200
 Амирая 236. 518. 520
 Анзар 238
 Анойша 57
 Аполлон 221
 Арам 56
 Араменак 136
 Арахна 468
 Аргаван 59
 Ардини 270
 Арташес 59
 Афина 225. 468
 Афродита 140. 141. 223. 277. 407
 Афродита Тран 221. 277.
 Афродита Ураня 140. 221.
 277. 407
 Горис 249. 250. 271. 334
 Вагаршак 316
 Валаршак 59
 Вардан Красный 271. 360
 Вардан-Солнце 271
 Вахтанг Горгасар 490
 Венера 202. 224
 Вий 232
 Виза 520
 Випац 59
 Владимир Красное Солнышко
 224. 271. 335
 Гавриил архангел 188
 Георгий, св. 59. 518
 Гериа 41. 42
 Гермес 264
 Гисаней 56. 60. 63. 64
 Глеб 249. 250. 271. 334
 Гнелъ 488
 Давид 520
 Деметр 60. 63. 64
 Диваскей 60. 63. 64
 Добрыня 334
 Дунай 58
 Зевс 64. 218. 225
 Иапет 220
 Иоанн Креститель 55. 59. 285.
 361
 Исоolda 123. 133. 520
 Итар 131
 Иштарь 54. 131. 133. 141. 221.
 223. 238. 472. 488
 Карапет 55. 56. 126. 360. 361
 Кариевта 387
 Кер 42
 Керемет 264. 360
 Керович 42
 Кий 44. 47. 54. 55. 60—62. 122.
 123. 230. 264. 271. 334
 Киремет 264
 Куар 60. 62. 64. 121
 Купала 53. 54
 Купало 149
 Лыбедь 61. 62. 230. 271
 Люцифер 134
 Мария богоматерь 488
 Мария Магдалина 488
 Мелтей 56. 60. 64
 Мириан 491
 Михаил архангел 188
 Молла-Насреддин 121
 Мотыга 224
 Мхер 520
 Мыхер 236
 Нестун 131
 Нина Провсвительница 483.
 488. 489. 491
 Нина, св. см. Нина Провсвечи-
 тельница
 Нонна 488
 Нунэ, св. см. Нина Провсвечи-
 тельница
 Перун 276
 Посейдон 220. 221. 223
 Предтеча см. Иоанн Крести-
 тель
 Прометей 220. 225. 226. 260.
 264. 270. 271. 313. 520
 Рамин 520
 Рок 263
 Рука 224
 Рюрик 334. 361
 Сандухт 237
 Саргис, св. 518
 Сартеника 520
 Свинья Красное Солнышко
 224. 271
 Семирамида 236
 Синеус 334. 361. 418
 Славен 44
 Тор 289
 Тристан 133. 520
 Трувор 334. 361
 Тур 289
 Туран 221. 277
 Уамурицхам 42
 Фома-пьяница 519
 Хайк 123
 Хореан 56. 60. 61. 64
 Хорев 44
 Хорив 47. 54—56. 60—62. 122.
 123. 130. 271. 334
 Христос 58. 85
 Черный царь 42
 Шамирам 236
 Щек 44. 47. 54—56. 60—62.
 122. 123. 230. 271. 334
 Ясет 226

V. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния 118
 Абсар река 126
 Абхазский район Кавказа 147
 Абхазия 32. 33. 35. 47. 112. 117. 118. 125. 128. 129. 138. 140. 146. 147. 153. 154. 160. 163—168. 173. 174. 176. 184. 186. 189. 272. 274. 290. 399. См. также: Бзыбская Абхазия. Северная Абхазия. Южная Абхазия
 Аджи-Тархан 337
 Азербайджан 35. 56. 102. 117. 178. 179. 203. 351
 Азия 6. 52. 65. 77. 101. 102. 109. 120. 151. 165. 197. 226. 229. 286. 287. 321. 324. 326. 387. 424. 430. 447. 455
 Алявтия 122
 Аксенское море см. Черное море
 Алатырь 373. 374
 Албания (Кавказская) 15. 26. 71. 72. 76. 79—81. 83. 89. 91—93. 96—98. 100—102. 104. 107. 111. 126. 179
 Албанский район 76
 Алтайская Азия 209
 Алтайские горы 197. 200
 Альпийские горы см. Альпы
 Альпы 48. 49
 Америка 50. 65. 121. 232. 393
 Анапа 25. 27. 28. 153. 272. 273
 Ани 91. 310
 Авийское городище 310
 Апатур 140
 Апеннинский полуостров 49. 51. 178. 209. 215. 314. 315. 323. 349
 Арабский полуостров 496
 Аравийский полуостров 504
 Аравия 118
 Арагва 137
 Аракс 2. 3. 18. 32. 57. 136. 358
 Аракса бассейн 24
 Аракса долина 366
 Аральское море 153
 Арамейская земля 124
 Арарат 48. 136
 Араст 2. 3
 Арацац 32
 Арацаца верховья 32
 Арзамас 465
 Армавир 136. 486
 Армаз 465
 Армения 2. 15. 20. 35. 47. 48. 51. 53—60. 63. 64. 81. 102. 111. 117. 123—125. 130. 136. 148. 164. 169. 203—206. 208. 209. 217. 227. 229. 236. 237. 255. 260. 261. 296. 310. 315. 316. 325. 329. 334. 340. 358. 360. 361. 390. 404. 422. 457. 474. 476. 483. 486—488. 490. 500. 504. 518. 520. 522. 524. 527
 Арпачай 24. 32
 Арпачая бассейн 24. 32
 Артанград 208
 Артанудж 208
 Архипелаг (Эгейского моря) 7
 Арцах 18
 Асия 120
 Ассиро-Вавилония 404
 Астрахань 102. 337
 Агена 181
 Атива 25. 109
 Атинское ущелье 109
 Атлантический океан 119. 196
 Афины 229
 Афон 39
 Африевразия 120. 151. 165. 179. 192. 238. 324. 436. 445. 447. 457. 502. 517
 Африка 50. 52. 65. 119. 120. 151. 164. 165. 169. 212. 230. 253. 255. 324. 326. 354. 369. 379. 399. 410. 431. 474. 508
 Ахалкалаки 24
 Ахалкалакский край 24
 Ахалкалакский район 24
 Ахалкалакский уезд 15
 Ахурян 32. 53. См. также: Арпачай
 Ачара 127
 Аштарак 59
 Аптишат 59. 60
 Байберд, Байбурд 207
 Байград 207. См. также: Байберд
 Баку 332
 Балканский полуостров 49. 51. 178
 Балканы 48. 65. 365. 428
 Бардан 91
 Батум 25. 339
 Батумский залив 27
 Бежецк 338. 350. 351
 Беленджер 94
 Белоозеро 296. 334. 360
 Белые боги 304
 Берберия 410. 412. 436
 Бердак 19. См. также: Партав
 Березань 351
 Бзыбская Абхазия 146
 Биайна 15. 18
 Богатырево, село 404
 Болгария (Волжск.) 92. 107. 109
 Болгары 102. 107
 Большая Анапская бухта 272
 Большая Лиахва 490
 Большой Цивиль 404
 Боричев увоз 61
 Борковский могильник 348
 Боспорский пролив 140
 Босфор Киммерийский 61. 140
 Бретань 236
 Британская Галлия 233
 Британские острова 149. 233. 392. 429
 Британский остров 427
 Британия 47. 65. 150. 244. 428
 Вавилон 75
 Вавилонская империя 425
 Вада 307
 Валлис 233
 Ван, город 63. 90. 101
 Ван, озеро 18. 52. 54. 111. 179. 203. 325. 358. 366. 434
 Ван, страна 17. 124. 260. 422. 474. 500. 510
 Ванская Армения 121. 208
 Ванская Халдиния 209
 Ванский район 124. 203. 522
 Ванского озера бассейн 54. 56. 59
 Ванское царство 131. 203. 207. 404. 457
 Вардзия 489
 Вардзуния 459
 Вартапен 16. 81
 Великий Зуг см. Зугдиды

- Вена 397
Верхние Салты 90
Верхняя Австрия 427
Ветлуга 377
Византия 76. 102. 181
Вишп 60
Владимирская губерния 347
Владимирский край 353
Военно-грузинская дорога 189
Вознесенское 304
Волга 48. 51. 117. 177. 178.
183. 202. 213. 217. 225. 229.
274. 278. 285. 286. 293. 297.
299. 301—303. 307. 311.
321. 337. 343. 351. 353. 354.
360. 366. 367. 369. 370. 373.
376. 377. 379. 430. 449. 474.
482. 497. 506. 523
Волги бассейп 311
Волги верхнее течение 350
Волжско-камский край 276
Волжско-камский мир 361
Волжско-камский район 286.
287. 303. 334. 359. 443
Вол-Камье 276. 290. 381—383.
527
Вологодская губерния 347
Воскресенское 304
Восточная Европа 174. 189.
199. 229. 233. 264. 267. 286.
287. 304. 312. 314. 318—
321. 333—335. 348. 352.
354. 356. 357. 364. 370. 381.
426. 456. 459. 492. 510. 520.
522—524. 526
Восточное Причерноморье 207
Восточное Средиземноморье
145. 356. 500
Восточный Кавказ 76. 100. 189
Восточный Туркестан 5
Вотская автономная область
526
Второ-Чурашево 279
Вятка город 298. 299. 396. 498
Вятка река 298. 307
Вятская губерния 298
Галатия 428
Галичский уезд 344
Галлия 142. 150. 179. 233.
236. 240. 242. 243. 255. 429.
См. также: Бретанская Гал-
лия. Британская Галлия.
Южная Галлия
- Гандзак 76
Гегамские горы 520
Гегамские горы 56. См. также
Гегамские горы
Герия 82
Гилян 47
Гиндукуш 21
Глазов 498. 526
Горгияция 273
Юреан 60
Гоји 228
Гохдан 59
Греция 2. 51. 129. 177. 187.
196. 197. 425. 428
Грузия 15. 25. 33. 47. 55. 56.
100. 117. 126. 137. 163. 179.
183. 189. 203. 208. 228. 260.
261. 263. 305. 316. 320. 373.
374. 386. 390. 399. 457. 464.
470. 474. 483. 489. 490. 494.
500. 508. 509. 520. 524
Гумистипский район Абхазии
125
Гурган 307
Гурья 25—27. 33. 126. 153.
157. 174. 229. 239. 473. 474.
477. 483. 513
Дагестан 17. 70. 81. 177. 178.
189. 307. 319
Дануб 305
Даш-алты 88
Двабау 26. 153
Дербенд 107
Дерпт 353
Диоскуриада 33. 176
Диоскурия 163. 176
Днепр 112. 305
Дон 51. 53. 78. 177. 207. 295.
305. 339. 398. 430
Дорпат 353
Дранда 160
Дунай 305
Евксинское море. См. Черное
море
Еватория 8
Евразия 48. 238. 320. 398. 430
Европа 1. 50. 52. 56. 65. 66.
119. 123. 125. 151. 165. 169.
188. 192. 190. 200. 226. 229.
244. 286—288. 296. 316.
317. 323. 324. 326. 329. 333.
348. 354. 356. 370. 381. 387.
394. 395. 398. 401. 420.
424—427. 430—434. 447.
455. 456. 458. 459. 498.
См. также: Северо-запад-
ная Европа. Восточная
Европа. Западная Европа.
Северная Европа. Южная
Европа. Средиземномор-
ская Европа
Египет 50. 65. 118. 120. 137.
147. 151. 152. 169. 175. 186.
427
Елизаветпольская губерния 88
Енисей 373
Ераст 2
Ерушия 148
Закавказье 176. 179
Закаспийская область 43
Зальцбург 427
Заигезурский уезд Елизавет-
польской губернии 88
Западная Грузия 177. 294
Западная Европа 119. 120.
141. 151. 179. 196. 213. 233.
304. 312. 325. 347. 356. 365.
421. 424. 429. 431. 449. 456.
459. 492
Западного Египта северное
побережье 120
Западное Закавказье 179
Западная Иберия 195
Западное Средиземноморье
145. 354
Западный Египет 120
Западный Кавказ 92. 95
Зарайский уезд 348
Зуганды 31
Иберийский полуостров 200
Иберия (Западная, Средизем-
номорско - Атлантическая,
Пиренейская) 152. 195. 379
Иберия (Кавказская, Восточ-
ная, Черноморская) 126.
137. 195. 229
Иберская Европа 209
Иверья 25. 229
Ижевск 393. 498
Изяслав 304
Ильмень 318
Имерия 294. 513
Имерхев 33
Имерхена бассейн 33
Ингур 39
Индия 4. 63. 212. 325. 433

- Индукш см. Гиндукуш
 Ионня (Черноморская) 24. 25. 208
 Иннос 127. 150
 Иран 12. 37. 56. 57. 192. 212. 325. 404. 430. 431. 483
 Ирландия 427—429
 Ирландский остров 427
 Искурия 163
 Испания 99. 123. 195. 323. 379. 427. 428. 431. См. также: Южная Испания
 Италия 49. 65. 123. 148. 149. 150. 177. 181. 277. 312. 407. См. также: Северная Италия
 Итиль 369
 Йошкар-Ола 438
 Кавказ 1. 2. 4—6. 8—11. 13. 14. 20. 21. 30. 31. 33. 34. 36. 41. 43. 49. 50. 53. 56. 60. 63. 64—67. 69—71. 81. 88. 90—96. 100—102. 106—108. 111—113. 117. 118. 120. 122—126. 130. 131. 137—139. 141. 150—152. 155. 159. 164. 169. 171. 173. 174. 183. 192. 193. 195. 196. 198—200. 202—205. 208. 209. 212—215. 217—219. 221. 222. 227. 228. 233. 234. 236. 239. 240. 245—247. 252. 255. 260—263. 266. 270. 271. 274—277. 281. 282. 287. 293. 294. 296. 298—300. 302. 313. 314. 320—324. 330. 332. 337. 339. 341. 347. 351. 353. 354. 356—361. 365. 367—369. 376. 380—382. 334. 386. 388. 389. 391. 395. 397. 402. 407. 414. 417. 430. 431. 435. 436. 445. 447—449. 455—457. 464. 465. 474—476. 478. 483—486. 492. 496. 502. 504. 513. 518. 522. 523. 525. 526. 534 См. также: Восточный Кавказ. Западный Кавказ. Северный Кавказ. Северо-западный Кавказ. Южный Кавказ. Юго-восточный Кавказ
 Кавказские горы 15. 203
 Кавказский край 21. 40. См. также: Кавказ
 Кавказский хребет 15. 26. 63. 69. 94
 Кавказских гор главный хребет 15. См. также: Кавказские горы. Кавказский хребет
 Кавказского хребта перевальный район 94
 Казанский район 177
 Казань 370
 Каланкату 81
 Калдахвара 146
 Кама 276. 285. 307. 432
 Кашадокия 53
 Карачай 164
 Карелия 392
 Каркея 60
 Карская область 310
 Карфагенский край 120
 Каспий 79. 321. 351
 Каспийского моря бассейн 16. 358
 Каспийского моря западное побережье 49
 Каспийского моря южное побережье 99
 Каспийское море 16. 21. 49. 51. 63. 67. 91. 107. 117. 153. 203. 213. 307. 343. 354. 358. 497. 506
 Каспийское побережье 67. 101
 Каспийско-Черноморское междуморье 430
 Катары 24
 Кашгария 5
 Кембридж 438
 Кемер 25. 207
 Керчь 7. 29. 163. 164. 182. См. также: Паптыкапен
 Киев 44. 47. 54. 60—62. 64. 92. 111. 121. 123. 164. 195. 196. 208. 227—230. 271. 334
 Киевская Русь 121. 334
 Кидеро 137
 Киликия 87
 Килмез 307. 482. 523
 Кимерия 208
 Кипр 147. 354. 355. 365
 Киреня 120
 Китай 107. 213. 414
 Китайский Туркестан 5
 Клязьма 320
 Ковар 227
 Кодора бассейн 311
 Козьмодемьянск 374. 377. 379
 Конкиено 279
 Колхида 26. 120. 212
 Константинополь 99
 Корчев, Корчем 163. 164
 Кострома 351. 352. 370
 Костромская губерния 303. 306. 346
 Костромской край 303. 304. 344. 348. 351—353. 460
 Кречено 318
 Крит 147
 Крым 7. 163. 202. 353
 Куар 60. 111. 123. 195. 208
 Кубанская область 7. 34
 Кубань 33. 179
 Куйаб 60. 62. 92. 107. 111. 195. 227. 229
 Кумахи 515
 Кура 18. 24. 32. 91. 126. 137. 163. 296. 358. 490
 Курян 24
 Куры бассейн 311
 Куры верхнее течение 24
 Кутаме 112. 158. 217. 456. 508. 518
 Лазистан 109. 127. 207. 228. 354. 519
 Латнарский перевал 478
 Ленинград 117. 152. 167. 274. 275. 276. 310. 325. 328. 396. 423
 Лечхум 32. 47. 160. 228. 284. 317
 Лидия 422
 Лихский перевал 26
 Лузитания 122. 125
 Майнц 92
 Малая Азия 2. 7. 43. 49. 56. 65. 179. 181. 192. 347. 356. 424. 425. 428. 431
 Малая Анапская бухта 272
 Мапа 272
 Маринская система 353
 Марийская автономная область 439. 445. 466
 Марны долина 427
 Марсель 427

- Мегрелия 16. 26. 30. 31. 33.
 35. 82. 228. 294. 386. 483.
 490. 517. См. также: Север-
 ная Мегрелия
 Мелтий 60
 Месопотамия 124. 130. 199.
 200. 206. 274. 293. 321—
 323. 325. 356. 369. 404. 407.
 408. 431. 443. 520
 Месхия 15. 331
 Мидия 15. 20. 29. 33. 47. 53.
 54. 511
 Мингрелия см. Мегрелия
 Мпрославица 304
 Мок 110
 Москва 2. 71. 116. 154. 274.
 275. 288. 325. 379. 536
 Московия 97
 Московская губерния 347
 Мтквар 126. См. также: Кура
 Мугни 59
 Мужаль 112
 Мулах 112
 Муром 339
 Муш 59
 Мцхет 137. 489
 Мцхета 137
 Мэотиды 194
 Мэотия 48
 Ниж 16. 81
 Нижегородская губерния 347
 Нил 426
 Новгород 334. 348
 Норвегия 390
 Нуха 81
 Нухинский уезд 524
 Обн бассейн 147
 Обь 301
 Ольвия 154. 191. 209. 228. 229.
 508
 Ови 127
 Осетия 12. 177. 310
 Осия 12
 Офир 120
 Очемчир 25
 Ошакан 59
 Палестина 65. 104. 152. 323
 Палуни 60
 Памир 10. 325. 436
 Пантикапей 17. 25. 27. 29. 140.
 См. также: Керчь
 Париж 45. 71. 116. 399. 440.
 479
 Парнас 120*
 Партав 19. 72. 91. 102. 107.
 См. также: Барлан. Бердак
 Пелопоннес 8
 Пелор 137
 Передняя Азия 11. 40. 53. 68.
 100. 101. 109. 139. 181. 276.
 321. 325. 430. 524
 Переяславское озеро 347
 Пермская губерния 276
 Пермь 350. 353. 373. 374. 378.
 379. 465
 Персидское Двуречье 320
 Персия 2. 43. 47. 109. 325. 520.
 524
 Перуново 304
 Петрозаводск 392
 Печора 297
 Печоры бассейн 301
 Пиреней 65. 120. 122. 125. 129.
 131. 141. 150. 179. 222. 227.
 247. 293. 314. 323. 341. 317.
 357. 367. 407. 414. 436
 Пиренейская Европа 209
 Пиренейский полуостров 151.
 179. 276
 Пицунда 99. 125. 212
 Плес 353
 Поволжье 177. 429. 435. 496
 Полясть 318. 320
 Полтавская губерния 112. 348
 Понт 22. 49
 Понт Евксинский 6. 15. 45.
 См. также: Черное море
 Понтийский мир 100
 Понтийский район Кавказа 92
 Понтийское море см. Понт
 Евксинский
 Порта 33
 Прибалтика 100. 463
 Прибожье поле 304
 Приволжский край 302. 321
 Приволжский район 314. 349
 Приволжье 157. 159. 164. 174.
 310. 322. 333. 337. 344. 349.
 355. 357. 358. 370. 404. 521
 Прикавказье 98
 Прикаспийский край 82
 Прикаспийский район Кавказа
 67. 100. 101. 178
 Припонтный край 69. См.
 также: Причерноморье
 Причерноморье 424. 429
 Рарская долина 48
 Расская долина 48
 Рача 127. 518
 Ребольский район 392
 Решма 353
 Рим 99. 229. 244. 431. 479
 Рион 26. 127. 135. 147. 176.
 234. 235. 358
 Риона бассейн 26. 127. 311
 Риона верховья 122. 160
 Риона истоки 127
 Рог 318
 Россия 1. 3. 45—48. 53. 54. 65.
 66. 69. 70. 75. 90. 97. 99.
 100. 101. 104. 111. 166. 203.
 306. 347. 348. 398. См.
 также: Юго-восточная Рос-
 сия. Южная Россия
 Ростиславль 304
 Ростов 320
 Ростово-Муромо-Суздальская
 территория 334
 Ростовская область 360
 Ростовское озеро 347
 РСФСР 396
 Руса город 318
 Руса область 318. 339
 Русь 47. 48. 52. 55. 70. 90.
 92. 98. 99. 102. 107. 111.
 117. 122. 150. 203. 227.
 293. 317. 322. 334. 339.
 358. 465
 Русь южная 99. См. также:
 Русь
 Рытая 318
 Рязанская губерния 347. 348
 Сакурия 297
 Салово 90
 Салтово 77
 Самбат см. Киев
 Самцха 490
 Сарды 422
 Саркел 367. 404. 430
 Сарматия 9
 Сахара 119
 Сванетия см. Свания
 Свания 14. 26. 32. 39. 112. 113.
 135. 136. 160. 177. 228. 260.
 275. 293. 317
 Севан 15. 17. 18. 24. 47
 Севанский озерный район 24
 Севанского озера бассейн 15
 Севанское озерное нагорье 24

- Северная Абхазия 147. См. также: Взыбская Абхазия
Северная Африка 324. 325
Северная Европа 174. 199. 321. 427. 459
Северная Италия 49
Северная Магрелия 16
Северная Россия 105. 294
Северная Сирия 124
Северное море 296. 311
Северное Причерноморье 207
Северное Средиземноморье 145
Северное Черноморье 163. 207. 209
Северный Кавказ 14. 76. 97. 178. 179. 194. 330
Северный океан 297
Северо-кавказский район 177
Северо-восточная Европа 101. 211. 222. 321. 332. 350
Северо-восточное Черноморье 7
Северо-западная Европа 427
Северо-западный Кавказ 8. 33. 47
Седнево 78
Сейское озеро 18. См. также: Севан
Семендер 94
Сена 45, 354
Севакский уезд 482
Сибирь 104. 108. 276. 357. 379
Симбирск 275. 278. 286. 287
Синоп 17. 25. 27. 29
Сирия 104. 124. 164. 323. См. также: Северная Сирия
Сиро-Палестина 200
Сирт Большой 120
Спсакан 19. 22
Скифия 7. 9. 22. 29. 30. 32. 33. 127. 197. 207—209. 211. 296. 332. 421. 429
Скфско-сарматский район юга России 138
Скурча 163
Спарта 229
Спер 126
Средиземного моря африканское побережье 151
Средиземного моря бассейн 10. 153
Средиземного моря европейское побережье 151
Средиземного моря северное побережье 151
Средиземного моря южное побережье 151
Средиземное море 65
Средиземноморская Европа 323
Средиземноморский мир 181. 199
Средиземноморское побережье 153
Средиземноморье 48—50. 53. 54. 65. 119. 120. 139. 145. 148. 151. 152. 169. 171. 185. 189. 197. 221. 223. 227. 228. 270. 311. 318—321. 354. 357. 379. 388. 397. 399. 421. 429. 449. 455. 477. 483. 492. 518: См. также: Восточное Средиземноморье. Западное Средиземноморье. Северное Средиземноморье. Южное Средиземноморье
Средневожье 417
Средний Кавказ 189
Средняя Азия 4. 11. 48. 68. 180. 181. 197. 412
Средняя Европа 174
Средняя Италия 425
Средняя Россия 234. 347. 348
Сретевское 304
СССР 227. 393—396. 422. 439. 442. 530
Старая Руса 317. 318. 320
Старой Русы район 318. 319
Старый Свет 286
Субар 434
Сувар 370
Судак 31
Суздаль 322. 359. 443
Суздальский район 320. 321
Суменско 391. 433
Супса 126
Супсы верховья 126
Сурия 126
Сухум 25. 32—35. 47. 122. 153—155. 157. 158. 160. 162. 164. 165. 176. 207. 274. 399
Сысола 217
Сюнния 19 22
Талышша 49
Тамотарха 181. 184. 289
Танаис 48. 305
Тарон 60. 487
Тверская губерния 347
Теберда 159
Терек 353
Терека бассейн 311
Тетрацит 289
Тизи-узу 254
Тионеты 15
Тифлис 72. 83. 390
Тифлисская губерния 10
Тиханкина деревня 309
Тмутаракань 99. 152. 163. 164. 180—182. 184—186. 217. 289
Тобольск 276
Топарское озеро 18. См. также: Топараван
Трансильвания 332
Трапезунд 126
Троя 229. 317
Туапсе 153. 154. 156—158. 160
Туран 12
Туркестан 5. 43. 108
Туровское село 344
Турция 125. 310
Украина 47. 227. 230. 232
Урал горы 49. 297
Урал река 48
Уральские горы 296
Урарту 2. 3. 43. 52. 54
Урасту 2. 3
Урашту 3
Уржум 446. 465
Урмары 279
Урмийского озера бассейн 17. 18. 20. 54
Урмии озерное нагорье 15
Урмия 15. 16. 17
Усть-Сысольск 217
Уфа 19. 20. 72
Ухтинский район 392
Фазис 26. 127. 147. См. также: Рион. Чорох
Фалиса бассейн 16. 127
Фанагория 140
Финляндия 212. 390. 391. 445
Франция 11. 45. 49. 65. 123. 142. 233. 244. 249. 323. 354. 429. 476. См. также: Южная Франция
Хазария 92. 99. 102. 104. 107. 295

- Халдея 118
 Халдиния 203. См. также: Вая-
 ская Халдиния
 Хамлидж 94
 Харьков 370
 Харьковская губерния 77
 Хевсурия 518
 Хвальянское море 45. 307. 354
 Хопэ 27
 Хорьвица 61
 Кыцаберд 88
 Цебельда 159
 Цивильский уезд 404
 Цизальпина 243. 456
 Цхенис-пхали 176. 295
 Цхенисцхальская Свания 385
 Цхум 122. 160
 Чебоксары 185. 274. 275. 323.
 371—374. 393. 395. 399.
 404. 443
 Ченца 298
 Черниговская губерния 348
 Черного моря восточное по-
 бережье 25. 30. 41. 82. 104.
 112. 145. 173—175. 179.
 201. 207. 209. 339. 435
 Черного моря северное по-
 бережье, 6. 64. 145. 175.
 194. 340
 Черного моря северо-восточ-
 ное побережье 17. 28. 41.
 94. 99. 100. 145. 163. 164.
 217
 Черного моря юго-восточное
 побережье 25. 32
 Черного моря южное побе-
 режье 25. 63. 64. 179. 194.
 208. 209. 339. 354
 Черное море 26. 32. 43. 45. 49.
 62. 67. 69. 99. 101. 153. 154.
 203. 311. 358. См. также:
 Понт Евксинский
 Черноморская область 7
 Черноморская территория 30
 Черноморский бассейн 48. 49.
 358
 Черноморский район 27. 54. 99
 Черноморского бассейна север-
 ный район 62
 Черноморское побережье 6. 16.
 17. 24. 25. 27. 64. 76. 127.
 153. 154. 174. 176. 207. 321
 Черноморье (Понт) 7. 153.
 183. 209. 510. См. также:
 Северо-восточное Черно-
 морье
 Чорох 25. 26. 33. 39. 126. 164.
 207. 358
 Чороха бассейн 26. 39. 226.
 161
 Чороха верховья 39
 Чувашия 164. 274—276. 287.
 323. 379. 393. 395. 396. 404
 Чувашский мыс 276
 Чудское озеро 353
 Чухломское озеро 344
 Шавшия 148
 Шамкор 19. См. также: Шам-
 кур
 Шамкур 19. См. также: Шам-
 кор
 Шельна 360
 Ширак 53. 486
 Шубашкар 369. 370
 Шурагел 486
 Шушинский уезд Елизавет-
 польской губернии 88
 Шуштар 320
 Щековица 81
 Щутора 297
 Эгрис 386
 Эллада 140. 150. 200. 212
 Энгур 358
 Энгуга верховья 176
 Эраст 3
 Эрасх 2. 3
 Эрахин 24
 Эрущия 125
 Этиуни 16. 81
 Этруския 148
 Эфиопия 120
 Эчмиадзин 58. 59. 72
 Юг 344
 Юго-восточная Россия 48
 Юго-восточный Кавказ 4. 14.
 33
 Южная Абхазия 147
 Южная Галлия 428
 Южная Европа 119
 Южная Россия 1. 3. 8. 9. 48—
 50. 52—54. 61. 65. 101. 105.
 111. 112. 138. 151. 180. 203.
 289
 Южная Франция 427
 Южное Причерноморье 203.
 207—209. 321
 Южное Средиземноморье 145.
 197
 Южный Кавказ 14. 79. 138.
 175. 179. 193. 199
 Южный Прикаспий 177
 Юрьев-Польский 319
 Ядринский уезд 309. 404
 Яксарт 36
 Ямашево село 404
 Японии 410. 414
 Ярилино 304
 Ярославская губерния 149. 347
 Ярославский край 353
 Ярославль 360

VI. ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаски 45, 100, 125, 128, 131, 281, 390. См. также: Абхазы
 Абаский слой абхазского языка 146
 Абаский язык 11, 281, 390. См. также: Абхазский язык
 Абerratия 133, 173
 Абжува (абжуа) 147
 Абнация 94
 Абисинцы 163
 Абorigены 255, 304, 407, 424
 Абсолютное бытие 327
 Абстракция 63, 183, 416
 Абхазоведение и абхазоведы 92, 166, 167, 173, 185
 Абхазоведные материалы 167, 173, 185
 Асхазо-египетские встречи 118
 Абхазо-русские этнические связи 118, 152
 Абхазо-сванские происхождения слов 84
 Абхазо-чувакские встречи 281
 Абхазская оседлость в Мегрелии 26
 Абхазские посланцы 45
 Абхазские тексты 167
 Абхазские фамилии 128
 Абхазские феодалы 126
 Абхазские элементы в греческом языке 129
 Абхазский вклад в чувашском языке 281
 Абхазский слой сванского языка 129
 Абхазский язык 11, 26, 28—31, 33—36, 39, 45, 60, 95, 100, 110, 122, 125—127, 129—132, 135—142, 144—148, 150, 152, 156—161, 163, 167—169, 171—181, 185, 187—190, 200, 212, 213, 216—221, 227, 233, 237, 243, 246, 265, 272, 273, 283, 289—291, 295, 382, 385, 386, 390, 400, 411, 414, 417, 420, 455, 456, 489, 494, 496, 499, 514, 515, 520, 526. См. также: Бзыбский диалект абхазского языка
 Абхазское культовое ечение 236
 Абхазское царство 126
 Абхазы 26—31, 42, 45, 60, 74, 92, 99, 95, 99, 100, 118, 122, 125—132, 139, 140—142, 145—148, 151, 152, 154, 156, 158—163, 167, 168, 173—177, 179—183, 189—200, 207, 212, 213, 217—220, 226, 237, 236, 243, 246, 265, 272, 281, 358, 386, 390, 411, 414, 445, 455, 456, 489, 496, 499, 520
 Аварская группа языков 81
 Аварский язык 81, 132, 145, 181, 205, 307, 420, 518. См. также: Чухское наречие аварского языка
 Аварское племя см. Авары
 Авар[и]ы 70, 145, 177, 178, 518
 Авары 28. См. также: Авары
 Авестийский язык (Зенд) 234
 Австрийские ученые 397, 404, 434
 Австрийцы 397, 404, 434
 Авторы (древние) комментированные 432
 Автохтоны 69, 118, 123
 Агармонизация гласных 282
 Агваны 70. См. также: Албаны кавказские
 Агглютинативная система речи 451, 509
 Агглютинативная эпоха глоттогонии 362
 Агглютинативность 362
 Агглютинативное состояние поэтических языков 13, 174
 Агглютинативно-флективная эпоха глоттогонии 363
 Агглютинативные языки 12, 13
 Агрографические грузинские тексты 90
 Ад 51
 Адаптация 183
 Административная терминология 69
 Административное деление 165
 Адыгги 13
 Адыг[е]и (черкесы) 13, 16, 28, 34, 41, 42, 154, 160, 163, 172, 200, 201, 272, 353
 Адыгго-абхазы 189
 Адыгейский язык (черкесский) 16, 138, 160, 163, 172, 173, 189, 200, 201, 272, 420, 535
 Азербайджанские языки 141
 Азиатские народы и племена 7, 418, 447
 Азиатские скифы 7
 Азиатские турки 418
 Азиатское происхождение хамитических языков 119
 Аит 49, 155
 Айтарова палка 131
 Академическая наука 166. См. также: Наука
 Академическая среда 420
 Академия истории материальной культуры (ГАИМК) см. Гос. Академия истории материальной культуры
 Академия наук СССР 76, 117, 166, 167, 170, 274, 276, 277, 286, 287, 289, 302, 310, 325, 373, 379, 392, 396, 440
 Аканье 6, 22, 128, 159, 172, 189, 197, 207, 208, 219, 222, 235, 237, 239, 242, 244, 252, 255, 257, 262, 271, 282, 283, 285, 295, 307, 312, 329, 336, 339, 342, 343, 358, 362, 364, 367, 369, 380, 382—384, 391, 401—403, 411, 445—448, 455, 464, 466, 471, 477, 479, 494, 495, 502, 504, 513, 526
 Аканская группа 134, 141, 149, 174, 195, 255, 265, 270, 277, 288, 296, 299, 312, 369, 382, 464, 465, 482, 493, 496, 508, 521
 Аканская огласовка 141, 144—146, 148—151, 157, 163, 164, 175, 177, 182, 189, 205, 209, 213—217, 233, 240, 246, 247, 254, 256, 257, 259—262, 285, 290, 292, 293, 295, 296, 298, 299, 301, 307, 342, 343, 353, 360, 362, 364, 367, 370, 380, 383, 380, 401, 414, 422, 445, 449, 455, 457, 459, 461, 463, 476, 483, 486, 493, 494, 500, 501, 503, 504, 515, 517, 522, 525
 Аканские языки 214, 215, 377, 378, 494
 Акт взаимосообщения 135
 Активный падеж 239
 Акты 202
 Акты государственного значения 202
 Аланы 70, 128
 Албанизм 81
 Албано-армяне 81, 97
 Албано-армянская среда 92, 111
 Албано-армянский язык 111
 Албанская среда 89
 Албанские армяне 75, 93
 Албанский язык (на Кавказе) 81, 89, 170
 Албаны (на Кавказе) 73, 76, 104, 111
 Александропольский говор арм. яз. 109

- Алованы 70. См. также: Албаны (на Кавказе)
 Альпы (альпийское племя) см. Салы
 Алтайская раса 68
 Алтарь 182. 311. 362. 363
 Алуаны 70
 Алуваны 70. См. также: Албаны (на Кавказе)
 Алфавит 408. 530
 Алы 70
 'Амазонка' 61
 Амазонки 192. 485
 'Амбар' 368
 Американские ученые 50
 Американцы 50. 121. 139
 Американские языки 139. 434. 435
 Аморфная система речи см. Синтетическая система речи
 Анализ племенного состава 28. 30
 Анализ языков 434. См. также: Лингвистический анализ. Палеонтологический анализ
 Аналитическая транскрипция 261
 Аналитические восприятия 327
 Аналитический алфавит 530
 Анатомические термины 268. 282. 326. 411. 463. 470. 485. 495. 499. 519
 'Ангел' 519
 Ангелы 148
 Английский язык 94. 172. 233. 234. 243. 244. 270. 302. 425. 434. 516
 Англичане 97. 233. 438
 Андзавский язык 28. 139. См. также: Индийский язык. Эламский язык
 Андийский язык 81. 139. 307
 Андоидоэские языки 81. 272
 Анзавский язык см. Андзавский язык
 Анимизм 496
 Антирелигиозная пропаганда 466
 Античные греки см. Древние греки
 Античный мир 423
 Античный эпос 142
 Антропологические материалы 344
 Антропологические типы 345. 347. 348
 Антропология и антропологи 118. 303. 344. 345. 348. 367
 Антропоморфизация 407. 484. 487. 489. 496
 Аорст 85. 86. 231. 257. 261. 493. 497
 Апеннинские языки 215
 Арабская версия жития св. Григория 99. 128
 Арабская транскрипция 99. 100
 Арабские географы 67. 69. 94. 369
 Арабские писатели 370
 Арабский язык 38. 62. 68. 79. 86. 87. 89. 92. 100. 102. 103. 105. 106—110. 145. 150. 164. 182. 197. 227. 228. 242. 283. 285. 354. 366. 368. 385. 430. 431. 470. 484—486. 488. 489. 492. 493. 495. 496. 503. 504. 519. 531
 Арабское письмо 79
 Арабское происхождение хамитических языков 119
 Арабское суннитство 100
 Арабы 62. 67. 69. 74. 75. 89. 91. 92. 94. 98—100. 242. 366. 369. 370. 404. 423. 424. 445. 519
 Аравитяне см. Арабы
 Аралезы 236
 Арамейский язык 109. 148. 430. 493
 Арамы 136
 'Арба' 280. 282. 402. 403
 Арверны 236
 Аргипшан 210—213. 215. 221
 Аргоавты 313
 'Аревордиан' 441
 Арийская система языков см. Индоевропейская система языков
 Арийские языки см. Индоевропейские языки
 Арийцы 2. 16. 94. 104. 345. 425. См. также: Индоевропейцы
 Аримаспы 210. 211
 Ариоевропейская лингвистика см. Индоевропейское языкознание
 Ариоевропейская семья языков см. Индоевропейская система (семья) языков
 Ариоевропейские языки см. Индоевропейские языки
 Ариоевропейцы см. Арийцы
 Арису 369. 370
 Арифметика 481
 'Арка' 115. 159. 262. 326. 341. 401. 402. 412
 'Арка неба' 262
 Ардонская волчица 236
 Арменпозованное албанское население 81
 Арменпозованцы и арменисты 2. 20. 76. 82. 96. 166
 Армяне 11. 18—20. 22. 23. 26. 28. 35. 37—39. 53—61. 63. 64. 70. 71. 73—78. 80. 81. 83. 85. 87—89. 91—93. 97. 102. 104. 106. 109. 111. 122—125. 128. 129. 131. 132. 134. 136. 142. 151. 168. 171—173. 175. 179. 193. 195. 198. 201. 202. 204—206. 208. 213. 215. 218—220. 224. 226. 227. 235—237. 239—241. 252. 256. 258. 261. 271. 281. 285. 294. 299. 300. 302. 307. 310. 312. 315. 316. 320. 337. 341. 358. 366. 368. 377. 385. 391. 421. 423. 424. 441. 445. 449. 464. 469. 471. 472. 474—478. 482. 483. 487—489. 491. 497. 499—502. 509. 518. 520. 521. 523. 525—527
 Армяны 204. 206. 486
 Армяно-чувакские встречи 281
 Армянская версия скифского предания 61. 62. 64. 66. 111
 Армянская историография 310
 Армянская колония в Болгарах 102
 Армянская литература 18. 57. 59. 78. 206. 271
 Армянская морфология 35
 Армянская письменность 310. 361
 Армянская христианская письменность 310
 Армянские авторы 20. 26. 37. 54. 57. 59. 63. 70. 73—78. 80. 81. 83. 85. 88. 89. 91. 92. 95—97. 104. 109. 111. 113. 134. 136. 316. 353
 Армянские албаны 73. 76
 Армянские баски 125
 Армянские географы 20
 Армянские диалекты 83. 515. См. также: Вапский диалект армянского языка. Мокский диалект армянского языка. Карабахский диалект армянского языка. Зокский диалект армянского языка. Эриванский диалект армянского языка
 Армянские историки 70. 73—75. 77. 78. 80. 81. 83. 85. 88. 89. 92. 95—97. 104. 109. 111. 113. 134. 136. 316. 358. 487. 488
 Армянские легенды 60—62. 64

- Армянские летописи и летописцы 55, 57, 59, 74, 75, 80, 83, 85, 88, 89, 96, 97, 111, 134
- Армянские народные термины 19, 37
- Армянские народные этимологии 18, 19
- Армянские писатели 26, 37, 54, 57, 70, 73—76, 78, 80, 83, 85, 88, 89, 91, 96, 104, 111, 134, 488
- Армянские предания 64, 96, 104
- Армянские феодалы 361, 471, 474, 514
- Армянский вопрос 65
- Армянский народный язык 18, 19, 129, 130, 238, 254, 390, 469, 472, 476, 478, 483, 486, 489, 503, 508, 509, 512, 514, 520, 523
- Армянский феодальный язык 471, 474, 483, 492, 501, 509, 514, 520—522, 527
- Армянский эпос 208, 271, 361
- Армянский язык 10, 11, 15, 18, 19, 22, 23, 29, 32, 35—39, 41, 52, 55—59, 61—63, 70, 73, 75—77, 80—82, 85—91, 93, 96, 102, 103, 105, 106, 109—111, 122—124, 128—136, 139, 142—144, 146, 148, 152, 157, 159, 164, 171—173, 175, 187, 189, 190, 193, 195, 198, 199, 201, 204, 205, 209, 213, 215, 220, 222, 224—226, 233—235, 237—239, 241, 243, 244, 246, 247, 251, 252, 254—256, 259—262, 263, 270, 271, 277, 279, 281, 283—285, 291, 295, 296, 299, 302, 307, 310, 312, 315—317, 320, 324, 329, 330, 337, 340, 341, 343, 344, 351, 353, 361, 363, 368, 377, 382, 383, 385, 389—391, 395, 398, 410, 411, 421, 429, 431, 449, 450, 452, 455, 464, 465, 467, 469, 471—478, 482, 483, 485—493, 497, 499—504, 507—510, 512—518, 520—523, 526, 527, 532, 533, 535. См. также: Армянские диалекты. Армянский феодальный язык. Ванский диалект арм. яз. Александропольский говор арм. яз. Армянский народный яз. Зокское наречие армянского языка Кейский яз. Мокский яз. Рейский яз. Новонармянский яз. Древнеармянский яз. Древне-литературный армянский язык. Говор селения Даш-алты. Карабахский диалект армянского языка. Эриванский говор армянского языка. Вайский язык. Казахский говор армянского языка
- Армянское древнелитературное произношение 70
- Армянское новое произношение 70
- Армянское письмо 59
- Армянское произношение 70
- Арс 370
- Архавзы 86, 179, 265, 279, 337, 450, 453, 458, 461, 475, 493
- 'Архалук' 103
- Архаические термины 3, 412, 473, 490, 525
- 'Архангел' 133
- Архангелы 133
- Археологическая технология и археологи-технологии 200
- Археологические культурные районы 7
- Археологические находки 78
- Археологические разведки 310, 427
- Археологические раскопки 52, 63, 101, 160, 194, 228, 310, 323, 351, 430
- Археология и археологи 1, 2, 3, 7, 47, 50, 53, 63, 69, 72, 101, 117, 118, 160, 194, 200, 202, 204, 228, 271, 323, 328, 340, 373, 397, 398, 421, 427, 441, 466, 524
- Архитектура 120, 310, 319—322, 358. См. также: Памятники архитектурные
- Архитектурная орнаментация 319—321, 358
- Архитектурная техника 319
- Архитектурное строительство 310
- Архитектурный стиль 320
- Ассимилированный подъем звуков 93
- Ассимиляция 93
- Ассимиляция 359
- Ассирийская трагедия 3, 32
- Ассирийские клинописные надписи 136
- Ассирийский язык 3, 20, 32, 40, 124, 136, 160, 197, 204, 493, 501, 511
- Ассирийцы 40, 136, 197, 204
- Ассириология и ассириологи 82
- Ассиро-вавилонский язык 204, 206
- Ассиро-вавилоняне 204, 206
- Ассоциации (логические) 239, 269, 294, 412
- Астральное значение слов 515
- Астрально-культурное значение 261
- Астральный культ 223
- Астральный ряд 263
- Астрономия и астрономы 67
- Атавизм 103, 394
- Аттический говор чанского (лазского) языка 87
- Аттический демос 51
- Аттический язык 492
- Афреэвзийский мвр 252, 277
- Африканские этнические названия 50
- Африканские языки 119, 164, 185, 234, 237, 324, 369, 399, 434, 435
- Африканское происхождение египетского языка 118
- Африканцы 119, 246, 253, 379, 406
- Аффиксы 82
- Аффрикатное произношение 176, 214, 254, 296, 463
- Аффрикатность 220, 254, 256, 259, 263
- Аффрикаты (диффузиды) 13, 15, 16, 34, 82, 93, 130, 131, 142, 143, 155, 171, 189, 198, 246, 263, 279, 281, 283, 290, 291, 294, 296, 299, 313, 337, 363, 368, 451, 474, 500, 519
- Ахан 129
- Ахвахский язык 139
- Ахвахцы 139
- Ахеи 425
- Ахейцы 8, 425
- Ахеменидские клинообразные надписи 28, 29, 34, 53, 202, 272, 273, 476, 494, 516, 524, 525, 527
- Аштаранский храм 59
- 'Баба-яга' 472
- 'Бабушка' 226, 472, 512, 513
- Багаванская надпись 521
- Баджгарды 67
- Бактрийцы 4
- Балкарский язык 164
- Балкары 164, 445
- Балы 172
- 'Баня' 252, 253, 280
- 'Баран' 193
- Барды 424
- 'Барс' 302

- Басиды 90. 95
 'Баск' 145
 Баски (эскуары, евскалдуны) 34. 45. 55. 100.
 122—125. 127—129. 131. 132. 136. 137. 141.
 144. 145. 151. 179. 188. 207. 212. 222. 235.
 240. 241. 243. 245. 248. 251. 252. 255. 257.
 258. 261. 281. 286. 323. 325. 328. 331. 341.
 348. 353. 360. 379. 384. 421. 449. 450. 476.
 478. 479. 486. 515
 Баскизмы 122
 Баскские элементы в греческом языке 129
 Баскский слой абхазского языка 138
 Баскский слой армянского языка 122. 123
 Баскский этнический слой в баскском языке
 123
 Баскский (евскарский) язык 5. 11. 55. 56. 58.
 114. 115. 120. 122—124. 127—132. 135.
 140—145. 150. 169—171. 188. 190. 193. 199.
 204. 213. 216. 223. 233. 235. 237—239. 241.
 243—245. 248. 249. 254—258. 261. 267. 274.
 278. 280—282. 284. 287. 287. 290. 291. 293.
 296. 297. 301. 302. 305. 307. 309. 313. 323.
 325. 327—329. 331. 340. 341. 343. 344. 360.
 367. 384. 392. 397. 407. 410—412. 416. 421.
 429. 449. 450. 453. 463. 467. 470. 476. 478.
 479. 485. 486. 489. 492. 503. 511. 513. 515.
 532. 535. См. также: Бискайское наречие
 баскского языка. Баскский (евскарский)
 язык. Верхнеаварское наречие баскского
 языка. Гипускаяское наречие баскского
 языка. Лабурдинское наречие баскского
 языка. Нижнеаварское наречие баскского
 языка
 Баско-романские взаимоотношения 243
 Баско-этрусские элементы в языках 135.
 136
 Баско-этрусский язык 135. 136. 145. 148
 Басы 95
 Бацби (цова-тушины) 27. 28. 31. 34. 35. 90.
 91. 95. 105. 106
 Вацбийский (цова-тушинский) язык 26. 31. 31.
 34. 35. 90. 91. 93. 105. 106. 110. 295. 305.
 514
 Бамы 95
 'Башка' 84
 Башкиры 67
 'Башня' 58
 'Бес' 146. 240. 241. 498
 'Беда' 279. 531
 'Бедро' 470. 519
 'Бежать' (о воде) 498
 'Бездетный' 514
 'Бесоблачный' 309
 'Безумный' 59
 Бельги 236
 Бельгийцы 459
 'Белизна' 360
 'Белка' 106. 108. 110
 Белорусский язык 103
 'Белый' 360. 367
 'Бер' 158. 300
 Бербероведение и берберисты 238. 253
 Берберский язык 224. 226. 234. 235. 237. 238.
 241. 245. 251. 253. 254. 399. 400. 436. 474.
 478. 500. 502. См. также: Тизи-узуаский
 диалект берберского языка
 Берберы 234. 241. 245. 246. 251. 253—255. 354.
 431. 474. 478. 500. 502
 Бердзены см. Греки
 'Берег' 73. 247
 'Бер-ион' 312. 350
 Бер-ионский язык 213. 215. 312
 Бер-ионы 185. 312. 315
 Бер-рошский язык 213
 'Бер-сал' 364
 Бер-салакие племенные слова 199
 Бер-салакий язык 199. 306. 368
 Бер-сары 185
 Берские племенные слова 156—158. 179. 189.
 195. 196. 198. 199. 213. 217. 301. 302. 306.
 337. 348. 350. 355. 363. 364. 372. 376
 'Берский конь' 308
 'Берский человек' 188
 Берский язык 172. 179. 198. 199. 209. 213. 217.
 220. 302. 306. 317. 337. 348. 350. 355. 363.
 364. 372. 376. 458
 Беры 155. 179. 189. 195. 196. 209. 213. 217.
 293. 300. 311. 348. 350. 458
 'Бес' 235. 269. 270. 519
 'Беседа' 132. 258
 Бесклассован первобытная общественность см.
 Первобытный коммунизм
 Бесклассовое общество 393. 419. 442
 'Бесноваться' 232. 244. 269. 312
 'Бесноватый' 519
 Бесписьменные исторические культуры 373.
 492
 Бесписьменные вароды 206. 226. 323. 492. 510.
 522
 Бесписьменные языки 206. 324. 325. 394. 395.
 397. 422. 431. 516. 522. 528
 'Бесплодный' 514
 Бессловесные песни 140. 141
 Бесы 353
 'Бешмет' 103
 Бзыбский абхазский научный кружок 167
 Бзыбское наречие абхазского языка 290
 Бзыбцы 147
 Библейская терминология 97
 Библейские племена и народы 97
 Библейские эпонимные имена 160
 Библейские этнические названия 97
 Библейский идеализм 68
 Библейско-еврейский язык 109. 469. 485. 520
 Библейское мировоззрение 152
 Библиографические вопросы 167
 Библиотека в Ульяновске 273. 287
 Библиотеки и библиотекари 167. 275. 278. 287
 Бигары 525
 'Бис-ие источника' 256
 Бискайское наречие баскского языка 252
 'Бить' 261. 265. 495. 497. 499
 'Бич' 497
 'Благо' 449
 'Благодарить' 519
 'Благодать' 51. 83
 'Благородный металл' 105
 'Благословлять' 519
 'Блаженный' 341
 'Бледножелтый' 197
 'Бледность' 197
 'Бледный' 197

- 'Бледный цвет' 197
 'Блестящий' 270
 'Близнецы' 176
 'Блиль' 414
 'Блестать' 263
 'Бобр' 103 109, 110
 'Бровные гоны' 109
 'Бровный мех' 105
 'Бобыль' 312
 'Бог' см. 129, 181, 141, 148, 177, 178, 180, 182, 183, 185, 187, 188, 216—218, 220, 222, 223, 229, 231—233, 237—239, 244, 245, 261, 264, 265, 269, 270, 271, 273, 271, 285, 291, 295, 300, 311, 312, 326, 227, 337, 357, 363, 402, 407, 451, 452, 456, 461, 463—465, 475, 490, 491, 494, 495, 499, 500, 501, 504, 508, 509, 517, 522, 524, 525, 526, 536
 Богазкүйские надписи 398
 'Богатырша' 61
 'Богатырь' 30
 'Бог-ди вол' 114
 'Бог земли' 220, 491
 Боги и божества 41, 42, 54—57, 59, 61, 63, 64, 120, 131, 133, 135, 140, 148, 160, 176, 178, 180, 181—185, 197, 208, 210, 216, 217, 219—224, 229, 232, 243, 261, 263, 264, 270, 281, 285, 289, 293, 302, 311, 312, 315, 316, 326, 31—335, 337, 341, 351, 356, 357, 359, 361, 361, 405, 407, 408, 417, 436, 451, 456, 457, 463, 408, 486, 488, 491, 495, 496, 501, 508, 511, 517, 523—525, 527
 'Богиня' 220, 491
 'Богиня дождя' 238
 'Богиня небесная' 221
 'Бог моря' 221
 'Бог моря и вод' 221
 Бо о основные имена см. Теофорные имена
 'Бог высшего неба' 220
 'Бог огня' 220
 'Бог солнца' 222, 465, 501, 422
 'Боевая сакира' 37
 'Божество' 14, 42, 129, 133, 220, 309, 311, 341
 'Божество Земля' 220
 'Божество леса' 220, 517
 'Божество небо' 238
 'Божество солнце' 422
 'Бок' 225, 391, 538
 'Бокал' 89
 'Большой' 279, 330, 340
 Болгаро-сарматы 185
 Болгаро-чувашский язык 128
 Болгарская культура 366
 Болгарская столица 430
 Болгарский вопрос 181, 286, 333, 461
 Болгарский язык (балканский) 365
 Болгарский язык (волжский) 147, 164, 278, 357, 364, 415
 Болгары 286, 444
 Болгары балкаские 365. См. также: Болгары (на Черном море)
 Болгары (волжские) 178, 202, 276, 301, 311, 321, 333, 334, 351, 354, 357—361, 364—367, 369, 370, 430, 443, 461
 Болгары камские 365, 443
 Болгары (на Черном море) 67, 100, 103, 107, 141, 147, 164, 185, 331
 'Болезнь' 129, 279, 330, 532
 Болландисты 260
 'Болото' 284, 290, 305, 309
 'Болтание' 259
 'Боль от ожигания' 258
 'Большая ложка' 77, 78
 'Большая собака' 243, 386, 415, 453, 517
 'Большая чумичка' 88
 'Больной' 31, 243, 335, 524
 Борейский клад 518
 Боронский могильник 348
 'Бормотание' 259
 'Боров' 234
 'Борща' 246, 247
 'Бороться' 493
 Борьба армян с кимерами 208
 Борьба армян с турками 125
 Борьба славян с беррами 209
 Борьба скифов с кимерами 208
 Борьба с природой 153
 Ботлихский язык 81, 139
 'Брак' 441
 'Брание' 327
 'Брацлет' 233, 294, 336, 338, 415
 'Брат' 130, 170, 171, 187, 230, 375, 410, 480
 'Брат жены' 375
 'Брат отца' 375
 Братские народы 248
 'Братство' 504
 Братство народов 248
 'Братья' 284, 285, 495, 501
 'Братья' 176
 Брахицефальный тип 345
 'Бреши' 482
 'Бретонец' 460
 Бретонско-валлийский язык 243
 Бретонский язык 224—226, 233, 235, 237, 238, 240, 241, 243—247, 251, 254—256, 267, 268, 429, 449, 458—460, 463, 465, 476, 478, 501, 507, 510. См. также: Ваннский диалект бретонского языка, Древнебретонский язык, Средневековый бретонский язык, Трегьюерский диалект бретонского языка
 Бретонско-финский мир 460
 Бретонцы 226, 236, 237, 240, 241, 243, 244, 247, 251, 252, 268, 459, 460, 463, 478, 510
 'Брить' 246
 Британские языки 429
 'Брови' 247
 'Бронза' 294, 310, 419, 500
 Бронза 389, 415, 418, 419, 427
 Бронзовые бляшки 357
 Бронзовые топоры 357
 'Бросать' 377, 413, 497
 'Буква' 291, 532
 Буквы 79, 345, 408
 Булгари м 361
 Булгаро-чувашская группа языков 387, 388
 Болгарский язык 387, 388. См. также: Болгарский язык (волжский)
 Булгарское племенное слово 368
 Булгары 357, 362, 364, 368, 369, 387, 388, 404. См. также: Болгары (волжские)

- Бургонское наречие французского языка 258
 'Бурдюк' 89
 Бурешки см. Вершики
 Бурешский язык см. Вершицкий язык
 Буржуазия 316. 423. 436. 462. 506
 Буржуазная идеология 433
 Буржуазная культура 266. 433
 Буржуазное мировоззрение 2
 Буржуазная наука 393. 424
 Буржуазная организация общества 432
 Буржуазное просвещение 266
 Буржуазные слои народов 432
 Буришки см. Вершики
 Буришское наречие 21
 Бургасы 107. 364. 369
 Бушмены 212
 'Бык' 53. 189. 199. 514. 524
 'Бык с белым пятном на лбу' 266. 491
 'Бык импотентным' 486
 Былинные термины 61
 Былины 46. 47. 58. 61. 334. 335. 357
 Быль 61
 'Быстрый' 24. 36
 Быт 46. 50. 59. 70. 73. 74. 76—79. 80. 84. 85. 88. 89. 108. 117. 136. 162. 173. 180. 201. 203. 226. 227. 236. 242. 260. 276—278. 287. 290. 294. 310. 311. 321. 328. 357. 361. 367. 371. 387. 418. 436. 438. 441. 444. 481. 484
 'Бытие' 327
 Бытовая история терминов 88. 110
 Бытовая культура 328
 Бытовая обстановка 274. 441
 Бытовая речь см. Обиходная речь
 Бытовое восприятие слов 52. 133
 Бытовое значение 83. 84. 89. 143. 253. 406
 Бытовое мировоззрение 434
 Бытовой культ 28
 Бытовой обиход 89
 Бытовые переживания 303
 Бытовые предметы 83. 85. 89. 120. 310. 311. 481
 Бытовые русско-кавказские отношения 89. 104. 111
 Бытовые связи 76. 89. 104. 108. 111
 Бытовые термины 76—78. 87. 104. 148
 Бытовые черты 50. 54. 64. 303
 Бытовые элементы в славянских языках 181
 Бытовые элементы в турецких языках 181
 Бытовые явления 55. 139. 186. 236. 237. 276. 290
 'Быть' 327
 'Быть длинным, высоким' 58
 'Бычок' 514
 'В' 172
 Вавилонская империя 425
 Вавилоняне 54
 Валлийский язык 233—235. 240. 243. 245.
 См. также: Древневаллийский язык
 Ванские бретонцы 237
 Ванский диалект бретонского языка 233. 237. 244
 Ванская рукопись 72. 90. 457. 465. 501
 Ванская эстетическая культура 136
 Ванские клинообразные надписи 82. 101. 124. 131. 136. 170. 203. 205. 296. 324. 404. 422. 457. 465. 468. 520. 521
 Ванские скифы 208
 Ванские халды 24. 81. 208. 422. 465. 468. 474. 493. 500. 510. 520. 522. 524. См. также: Халды
 Ванский диалект армянского языка 83
 Ванцы 83. См. также: Халды
 Варварские племена (варвары) 74. 97. 244. 424. 438
 Вардапеты 71. 72. 75. 76. 361
 Вардзунийский крест 489
 Варяги 99. 334. 361
 'Ватага' 508
 Ватки 298. 299
 'Вверх' 491
 'Вверху' 280. 414
 'Вводить в заблуждение' 531
 'Ведьма' 358. 472
 'Великая' 23. 300. 509
 Великие народы 446
 Великодержавные нации 446. 462
 Великодержавный шовинизм 509
 Великороссы 303. 357. См. также: Русские
 Великорусская речь 340
 Великорусские былины 357
 'Величина' 317
 Венгерский (мадьярский) язык 174. 200. 279. 287. 382. 383. 407. 414
 Венгерцы (венгры) (мадьяры) 67. 200. 383. 414
 Венды 298
 Венецианские мыхитаристы 72. 75
 Венский университет 397. 456
 Вены 348. 459. 460
 'Вера' 532
 'Верблюд' 354. 503. 514
 'Верстено' 467—472. 532
 'Верить' 302. 532
 Верования 28. 232. 276. 285. 328. 357. 359. 360. 361. 371. 441. 466
 Версии легенд и произведений 61. 62. 64. 66. 87. 92. 94. 99. 111
 'Верх' 220. 221. 246. 247. 280. 474. 478. 492. 503. 533
 'Верх колена' 282
 'Верхнее небо' 220. 221. 257. 293. 341. 469. 475. 476. 479. 521. 535
 Верхнеаварское наречие баскского языка 252
 Верхне-Салтовский могильник 78
 'Верхний' 474. 491
 'Верховая лошадь' 295
 'Верховое животное' 79
 'Верчение головы' 460
 Вершики 21. 325
 Вершицкий язык 21. 325
 'Вершина' 246. 247
 'Веселиться' 143
 'Веселый' 309
 'Веселье' 143
 'Весталки' 235
 'Вести' 493
 Весы 348
 'Весь' 232

- Ветви народов 425, 426
 Ветви языков 5, 15, 19, 20, 24, 26, 27, 37, 62, 85, 86, 108, 109, 118, 128, 149, 168, 171, 173, 214, 249, 272, 284, 298, 309, 329, 330, 342, 351, 362, 364, 380, 382, 383, 387, 389, 391, 401, 496, 512
 'Ветвь' 172, 482, 497
 Ветлужское варечие марийского языка 377
 Вечная общественность 432
 'Вечер' 280, 341
 'Вечернее время' 341
 'Вечерняя звезда' 131, 150
 'Вечерняя роса' 131
 'Вечерняя трапеза' 341
 'Вечера' 260, 341
 Вещеведение и вещеведы 7, 117, 118
 Вещи в науке см. Памятники вещественные
 'Вещь' 504
 Взаимодействие языков 400, 402
 Взаимодействие яфетидов с коптями 25
 Взаимоотношения абхазского языка с египетским языком 172
 Взаимоотношения абхазского языка с коптским языком 172
 Взаимоотношения армянского языка с финским языком 391
 Взаимоотношения баскского языка с армянским языком 255
 Взаимоотношения болгарского языка с турецкими языками 387
 Взаимоотношения греков и римлян 213
 Взаимоотношения греческого языка с языками Апеннинского полуострова 215
 Взаимоотношения грузинского языка с армянским языком 390
 Взаимоотношения доисторических и исторических племенных образований 304
 Взаимоотношения звуков 409, 500
 Взаимоотношения марийского языка с русским языком 442
 Взаимоотношения марийского языка с турецкими языками 442
 Взаимоотношения марийского языка с финскими языками 442
 Взаимоотношения марийского языка с чувашским языком 442
 Взаимоотношения пиренейских басков и пиренейских иберов 179
 Взаимоотношения русских и мегрелов 104
 Взаимоотношения русского языка со славянскими языками 251
 Взаимоотношения русского языка с украинским языком 251
 Взаимоотношения славянского и яфетического миров 104
 Взаимоотношения слоев речи 389
 Взаимоотношения удмуртов с кавказцами 525
 Взаимоотношения украинского языка со славянскими языками 251
 Взаимоотношения финнов со славянами 303
 Взаимоотношения финских языков с германскими языками 392
 Взаимоотношения финских, языков с яфетическими языками Кавказа 389
 Взаимоотношения халдинов с северным Черноморьем 209
 Взаимоотношения в хозяйственно-общественных группировках 389
 Взаимоотношения чувашей и болгар 365
 Взаимоотношения южнокавказских языков с семитическими языками 398
 Взаимоотношения языков 104, 124, 131, 141, 168, 169, 172, 179, 204, 209, 213, 215, 247, 251, 255, 285, 288, 303, 304, 324, 329, 333, 365, 373, 380, 381, 387, 389—392, 398, 402, 412, 437, 442, 448, 494, 522, 524, 526
 Взаимоотношения языков свистящей и шипящей групп 378, 380, 448, 526
 Взаимоотношения яфетических племен 124
 Взаимоотношения яфетических языков с не-яфетическими языками 285
 'Взгляд' 463
 Врывающиеся звуки 15, 142, 478
 'Врыв огня' 220
 'Взятка' 336
 'Взять' 336, 497, 499
 'Вид' 252, 297, 463
 'Видение' 453
 'Видеть' 252, 263, 284, 331, 336, 411, 418, 453, 463, 478
 'Видное' 453
 'Видный насквозь' 331
 Видовое значение слов 110
 Видоизменение звуков 447, 448, 455, 477, 512
 Византизм 25, 181
 Византийская культура 47, 64, 100
 Византийские чиновничьи звания 180
 Византийский язык 185
 Византийское православие 100
 Византийцы 424
 Винительный падеж 35, 51, 71, 81, 486
 'Вино' 85, 86, 151, 189, 429, 519
 'Виноградная лоза' 489
 'Виночерпий' 487
 'Винт' 469
 'Вишал' 41
 Вишалы 24, 41, 51, 56, 59, 208, 255, 520
 Вклад абхазского языка в грузинский 173
 Вклад болгаро-чувашской группы языков в русский язык 388
 Вклад грузинского языка в абхазский язык 173
 Вклад шипящей группы яфетических языков в грузинский язык 230
 'Владение' 500
 'Владеть' 327
 Владимирова эпос 334, 335
 'Владыка' 129
 'Влажный' 305
 Влияние грузинского языка на мегрельский 25, 174, 386
 Влияние грузинского языка на чанский 25
 Влияние иранских языков на кавказские 11
 Влияние монгольского языка на армянский 73
 Влияние сванского языка на грузинский язык 280
 Влияние турецкого языка на армянский 73
 'Влюбленный' 519

- 'Вместе' 533
 'Внизу' 491
 'Внутренний' 491
 'Внутренняя часть руки' 272
 'Внутри' 172
 Внутрикавказские взаимоотношения языков 204
 'Внутрь' 491
 Вогулы 147. 177. 221. 289. 290. 301. 303. 311. 383
 Вогульский язык 147. 290. 297. 335. 382. 383. 455
 'Вода' 17. 33. 49. 51. 84. 86. 109. 110. 126. 154. 211. 220. 238. 243. 252—258. 262. 268. 271. 283. 284. 290. 295. 297. 303. 305. 306. 309. 311. 326. 330. 337. 347. 350. 352. 377. 400. 405. 412. 429. 450. 461. 469. 473—476. 478. 481—483. 493. 495. 498. 499. 507. 508. 516. 522. 533
 'Вода глаза' 252. 253. 269. 411
 'Вода + женщина + рука' 481. 498. 499
 'Вода-капля' 257
 'Вода-лошадь' 456
 'Вода-море' 170
 'Вода неба' 238. 475. 476
 'Вода + река' 305. 352
 'Вода рта' 252—254
 'Вода холодная' 469
 Водные пути сообщения 153. 321
 'Водонос' 83
 'Водопад' 256
 'Волок' 73
 'Водяная собака' 109. 110. 241
 'Водяное чудовище' 302
 'Воедино' 533
 Военное племя-класс 158
 Военное сословие 459
 Военные народы 154
 Военные связи 151
 Военные силы Рима 431
 Военный быт 387
 'Вожаки коней' 456
 'Воз' 240. 280. 283
 Возвратные глаголы 475
 Возвратный залог 281
 Возникновение индоевропейского языкознания 434
 'Возникновение речи см. Происхождение языка
 Вокализация 100
 'Вокруг' 342
 'Вол' 386
 Волжский мир 353
 Волжский путь 404
 Волжско-камские народы 290. 335. 359. 379. 382. 383. 387. 443
 Волжско-камские языки 374. 381—383. 527
 Волжско-камский мир 290. 361
 'Волк' 41. 42. 56. 235. 242. 243. 385. 386. 415. 453. 454. 463. 503. 517. 526
 Вол-камоведение 287
 Вол-камский лингвистический район 380
 'Волны' 256
 'Волос' 279
 'Волос глаза' 246
 'Волос лица' 246
 'Волосок' 246
 'Волхвы' 359
 Волхвы 359—361. 443. 457
 'Волчок' 41. 463
 'Волчица' 469
 Вопросительные местоимения 496
 'Вор' 358
 'Воробей' 312
 'Ворожей' 356. 359
 Воршудные роды 510
 'Восемьдесят' 381. 382
 'Восемь' 381. 505
 'Восемьдесят' 505
 'Восемьсот' 505
 'Воск' 92. 100
 'Восковая лучина' 92
 'Воспитатель' 513
 'Воспитывать' 514
 Восприимчивость 12. 25. 32. 35. 42. 46. 50—52. 54. 55. 63. 70. 83. 85. 94. 105. 121. 128. 131—134. 139. 142. 149. 151. 159. 162. 183. 187. 188. 194. 204. 219. 225. 233. 235. 239. 242. 241. 252. 260. 269. 270. 281. 286. 293. 295. 303. 314. 315. 326. 327. 335. 342. 345. 349. 354. 357. 363. 375. 377. 378. 386. 396. 398. 417. 419. 437. 440. 444. 469. 471. 473. 479. 481. 493. 496. 501. 502. 517. 519. 527. 533
 Востоковедение и востоковеды 12. 40. 67—70. 96. 98. 104. 181. 185
 Восточная цивилизация 64
 Восточноевропейская культура 314
 Восточноевропейская общественность 286
 Восточное отделение Русского Археологического общества 398
 Восточнокавказская традиция 96
 Восточнокавказские пелаги 135
 Восточнокавказские этруски 139
 Восточнокавказские языки 139. 144
 Восточнославянские языки 98
 Восточнославянский элемент 91
 Восточнофинские языки 270. 304. 346. 459
 Восточные армяне 88
 Восточные баски 136
 Восточные говоры марийского языка 448. 449
 Восточные грузины 83. 85. 96
 Восточные индоевропейцы 68
 Восточные монеты 100. 103
 Восточные народы 68. 101. 423
 Восточные писатели 47
 Восточные предания 57
 Восточные славяне 97. 101
 Восточные ткани 319
 Восточные финны 270. 346. 459
 Восточные языки 69. 310. 395. 397. 433
 'Восточный' 134
 Восточный мир 286
 Восточный факультет Азербайджанского университета им. В. И. Ленина 332
 'Всход' 478. 533
 'Восходить' 135. 478
 'Всход солнца' 477
 Вотки 413
 Вотьяки см. Удмурты
 Вотянский (вотский) язык см. Удмуртский язык
 'Впадина глаза' 417
 'Вперю глаз' 331

- 'Браг' 171. 187. 188. 532. 535
 'Враждебное' 124
 'Вранье' 406
 'Врата' 263
 Времена года 375
 'Временить' 521
 'Время' 114. 261. 293. 326. 375. 403. 416. 455. 493. 519. 521. 522. 525
 Время (лаг.) 86. 127. 231. 253. 519
 Время 55. 65. 70. 295. 326. 340. 344. 354. 479. 492. 493. 525
 'Время + год' 416
 'Вручать' 285
 'Всадник' 240. 307
 'Всё' 282. 506
 'Все' 282
 Вселенная 114. 508
 Всеобщая история 207. 209. 286
 Вспомогательные глаголы 132
 'Вспыхнуть' 220
 'В страну' 220
 'Всходы' 533
 'Вторая часть' 280. 347. 483
 Вторжение иксеев в Грецию 425
 Вторжение индоевропейцев в Грецию 425
 Вторжение индоевропейцев в Малую Азию 4. 5
 Вторжение кельтов в Ирландию 428
 Вторжение кимеров в Малую Азию 179
 Вторжение скифов 40
 Вторжения русских в Каспий 79. 100
 'Ворник' 202
 Второе лицо 342. 343. 494
 Вульгарное произношение 85. 106. 280. 284. 368
 Выдвижение звуков 368
 'Выдра' 109. 110. 241
 'Выжигатель лошадей' 243
 'Вылизывание' 86
 Вымершие языки см. Мертвые языки
 'Выпеченный в золе хлеб' 213
 'Выпил' 86
 'Выпускание из рук' 272
 'Высокий' 53. 501. 502. 524
 'Высота' 501. 502
 'Вытаращить глаза' 418
 Вытеснение слов 243. 110
 'Выход' 478
 'Выходить' 478
 'Вычерпывать' 83
 'Вьючное седло' 222
 'Вянуть' 134
 'Вяичи' 105. 298
 'Вятка' 298
 Вятская легенда 307
 Газеты 44
 Газовый мотор 121
 байк 55. 123. 204. 366
 Гайканский язык см. байский язык
 байки 55. 125. 131. 136. 144. 179. 281
 байский слог армянского языка 122. 123
 байский язык 11. 55. 56. 123. 281. 283.
 См. также: Древнеармянский язык
 байско-баскский слог армянского языка 144
 байны 123
 байско-баскское произношение 56
 Галлы 236. 242. 243. 428
 Галльский язык 243. 256. 428. 429. 456. 459
 Галльское письмо 428. 429
 'Гаремная женщина' 472. 484
 Гебраистика и гебраисты 68. 69
 Генеалогические предания 40. 41
 Генеалогические таблицы языческих языков 26
 Генеалогический вопрос 186
 Генезис восточноевропейской общественности 286
 Генезис имен 46. 242
 Генезис скифов 1
 Генезис сюжетов 46
 Генетическая история 282
 Генетическая связь кавказских яфетидов со скифами 1
 Генетическая связь легенд 62
 Генетическая связь народов 1. 21. 25. 31. 90. 126. 358
 Генетическая связь турецкого языка с яфетическими языками 170
 Генетическая связь яфетидов со скифами 1
 Генетическая связь терминов «саки» и «скифы» 21
 Генетические соотношения языков 215
 Генетический вопрос 185. 192. 202—204. 210. 215. 230. 251. 349. 376. 438. 517. 529
 Генетическое родство 17. 21. 65. 108. 133. 151. 183. 285
 Генетическое родство языков см. Родство языков
 Генуэзцы 273
 Географическая номенклатура 35. 40. 45. 48
 Географическая номенклатура Кавказа 40
 Географическая номенклатура Франции 45
 Географические карты 272. 275. 376. 490
 Географические термины 3. 11. 12. 14. 15. 18—20. 25—28. 30—33. 35. 39—41. 45. 47—49. 51. 53. 56. 57. 62. 82. 97. 99. 109. 129. 122. 124. 126. 127. 134. 145. 148. 160. 162. 163. 174. 182. 184. 196. 203. 229. 272. 273. 291. 304. 345. 346. 351. 376. 429. 443. 478. 486. 508. 522. 524
 Географические факты и материалы 97. 227
 Географический пейзаж 304
 Географический словарь 94
 География и географы 20. 67. 69. 94. 97. 127. 304. 369. 446. 467
 Геологическая секция ГАИМК 39
 Геологические масштабы 52
 Геологические периоды 65
 Геология и геологи 65
 Геотническая среда 141
 Геотнические единицы 100. 165
 Геотнические единицы Кавказа 100
 Геотнические переживания 136
 Геотнические термины 124. 459
 Геотнический район 94. 99
 'Гер' 82
 Германские языки 102. 116. 171. 174. 175. 192. 213. 246. 247. 249. 284. 302. 305. 325. 362. 391. 392. 456. 506. 510. 521. 526. 535

- Германский мир 213. 325
 Германцы 175. 246. 255. 264. 305. 357. 431.
 456. 510. 526
 'Термафродит' 218. 485. 511
 Герои 41. 42. 55. 56. 61. 62. 63. 123. 133. 145.
 148. 178. 180. 217. 236. 237. 270. 271. 313.
 334. 335. 356. 357. 360. 361. 386. 468. 479.
 487. 488. 518. 519
 'Герой' 23. 24. 58. 136. 217. 220. 229. 264. 271.
 300. 357. 509
 Герский язык 82. 84. См. также: Мегрельский
 язык
 Геры 42. См. также: Мегрелы
 Гибридизация см. Скрещение языков
 Гибридованные народы см. Скрещенные
 племена
 Гибридная языковая среда см. Скрещенная
 лингвистическая среда
 Гибридные системы языков см. Переходные
 системы языков
 Гибридные термины см. Скрещенные термины
 Гибридные языки см. Скрещенные языки
 'Гигант' 61
 Гигиена 92
 Гинекия 211
 Гипотезы 4. 5. 94. 175. 303. 318. 323. 332.
 343—345
 Гипускуанское наречие баскского языка 252
 Гирканы 5
 'Глава' 486. 503
 'Глава девиц — матерей' 486
 'Глава еннухов' 484
 'Глава мужей' 486. 527
 Главнаука 275
 Глагол 23. 29. 36. 37. 57. 83. 85—87. 127.
 130—135. 143. 156. 157. 159. 170. 172. 199.
 201. 214. 217. 220. 221. 231—235. 237. 239—
 244. 246. 249. 251. 254. 255. 257—259.
 261—263. 267. 268. 272. 281—285. 294. 295.
 297. 311. 312. 324. 327. 330. 331. 335. 351.
 352. 354. 375. 377. 382. 389. 400. 401.
 411—415. 418. 421. 448—450. 453. 455. 459.
 463. 470. 473—475. 478. 482. 486. 488.
 491—501. 503. 504. 508. 514. 517. 519—521.
 485. См. также: Вспомогательные глаголы.
 Отымненные глаголы. Возвратные глаголы.
 Имена действия
 Глагольные имена см. Отглагольные имена
 Глагольные образования 354
 Глагольные понятия 327
 'Глаз' 172. 219. 224. 252. 253. 259. 263. 284.
 330. 331. 336. 411. 414. 416—418. 453. 462.
 463. 476. 477. 478. 533
 'Глаз арбы' 233
 'Глаз дня' 417
 'Глаз — единственный' 219
 'Глаз колена' 282
 'Глаз неба' 283
 'Глаз ночи' 417
 'Глаза' 253
 'Глаза вода' 283. 284. 330. 331. 464. 474. 476
 'Глаза волос' 263
 Глазовские удмурты 298. 498. 523
 Глазовское наречие удмуртского языка 498.
 511. 523
 'Глас' 259
 Гласнораздельные звуки 475
 Гласные звуки 8. 12. 15. 17. 21—24. 26. 27.
 31. 37. 40. 51. 62. 82. 85. 87. 88. 110. 115.
 116. 130. 132. 134. 135. 143. 155—157. 163.
 169. 172. 177. 189. 215. 217. 230. 243. 245—
 247. 250. 253. 257. 261. 264. 272. 282. 284.
 285. 290. 293. 294. 297. 299. 312. 316. 318.
 320. 336. 340. 351. 368. 374. 380. 381. 386.
 387. 389. 402. 403. 412. 414. 416. 447. 448.
 450. 452. 455. 458. 464. 467. 473. 474. 479.
 487. 500. 516. 518
 'Глина' 85
 'Глиняный кувшин для вина' 85
 Глоссарий 85
 Глоссатор 89
 Глоссы 71. 77. 78. 89. 90. 295
 'Глотать' 85. 86
 Глоттогоническая эпоха 138. 400
 Глоттогонический вопрос 186. 442
 Глоттогония см. Языкотворчество
 'Глоток' 86. 87
 'Глухая голова' 84
 Глухие губные звуки 87. 110. 169. 257. 316.
 455. 501
 Глухие звуки 87. 110. 142. 169. 201. 254. 257.
 284. 290. 296. 299. 316. 386. 413. 451. 455.
 475. 501. 507
 Глухие согласные звуки 87. 142. 201. 254. 257.
 284. 290. 296. 299. 316. 386. 413. 455. 475
 Глухое произношение 87. 110. 254. 284. 316
 'Глухой' 114
 'Гнать' 239. 240. 354
 'Гнать лошадь' 239
 'Гниение' 477
 'Гнилой' 385
 'Говор' 482. 497
 'Говорение' 261
 'Говорить' 132. 133. 251. 258. 328. 406. 494.
 497. 499. 501
 Говор села Сумениско 391
 Говор селения Даш-алты 88
 Говоры 17. 23. 36. 58. 76. 81—84. 87. 88. 103.
 106. 108—110. 135. 137. 147. 174. 176. 199.
 201. 212. 215. 226. 230. 231. 248. 256. 261.
 262. 265. 266. 274. 278. 279. 282. 284. 285.
 303. 345. 374. 378. 382. 390. 391. 436. 446.
 448. 449. 451. 457. 461. 463—466. 470. 472.
 473. 477. 483. 489. 491. 492. 494. 493. 511.
 521—524. 526. 529—531
 Гоги 104
 'Год' 114. 150. 261. 263. 267. 291. 293. 326. 405.
 420—422. 444. 457. 464. 465. 492. 521. 522.
 536
 Годаберинский язык 139
 Голландский язык 434
 'Голова' 83. 84. 114. 170. 172. 176. 246. 249.
 274. 281. 282. 326. 327. 414. 458. 459. 461.
 503. 533
 'Голова — гора — небо' 247. 459
 'Голова колена' 282. 470
 'Головастик' 87
 'Головка' 470
 'Головка изгиба' 282
 'Голодать' 330
 'Голос' 494. 497
 'Голосовой аппарат' 247

- 'Голубой' 15, 17
 'Голубь' 452, 532
 Гомеристы 423
 Гомеровский эпос 47, 356
 Гомеровский язык 423
 Гомоним 332
 'Гонья напиток' 257
 'Гончие' 241
 'Гоньба' 239
 'Гонять' 354
 'Гора' 79, 114, 115, 163, 247, 326, 465
 'Гора + голова + небо' 465
 'Горесть' 258
 'Гореть' 474, 450
 'Горизонт' 452
 Горное наречие марийского языка 377, 378, 380, 417, 446, 448—451, 454, 457, 461, 463—466, 494, 526
 'Город' 60, 157, 158, 163, 164, 274, 315, 316, 349, 351, 352, 368, 370, 378, 456, 500, 508, 522, 523
 Города 15, 16, 27, 28, 30—33, 35, 36, 39, 44—47, 55, 60—64, 68, 72, 74, 77, 81, 94, 104, 111, 121, 123, 127, 137, 147, 153—160, 162—165, 196, 207, 208, 217, 227—229, 272, 278, 299, 315—321, 349—351, 353—355, 366, 369, 370, 372, 377, 378, 404, 422, 430, 445, 446, 456, 460, 465, 486, 510, 518, 524, 525, 536
 Горолище 60, 228, 310, 369
 'Городки' 81
 Городская жизнь 368
 Городская классовая организация 315
 Городская культура 370
 Городское население 46, 191, 315, 316, 349, 366, 369, 459, 460
 'Город солнца' 376
 Горские племена и народности 64, 92, 93, 95, 100, 106, 141, 491
 Горские языки Кавказа 291, 324, 354, 491
 Горско-племенные вопросы 96
 Гортанная огласовка 536
 Гортанные звуки см. Спирантные звуки
 Гортанный африкат 34
 'Горький' 449
 'Горющие уголья' 421
 'Господин' 5, 128, 129, 237, 245, 281, 293, 300, 486, 521, 526
 'Господний хлеб' 265
 Господская речь 431. См. также: Языки господствующих классов
 Господствующее мировоззрение 344, 348, 460
 Господствующее учение о языке см. Индо-европейское языкознание
 Господствующие группы населения 8, 18, 30, 74, 126, 129, 155, 204, 234, 315, 316, 366, 367, 419, 462, 464, 510, 528, 531
 Господствующие звуки 156
 Господствующие классы 74, 126, 203, 351, 358, 359, 361, 366, 407, 419, 424, 431, 433, 462, 510, 531
 Господствующие племена и народы 18, 30, 126, 137, 154, 203, 207, 248, 266, 315—317, 335, 522, 525
 Господствующие языки 25, 81, 203, 248, 315, 375, 433
 Господствующий культ 58, 178, 183, 216 (религия) 366
 'Господь' 128, 129, 187, 188, 237, 245, 265, 526
 'Госпожи мужчин' 192
 'Гость' 124, 187, 362, 368
 Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) 39, 44, 76, 91, 117, 118, 166, 202, 275, 276, 277, 314, 323, 349, 373, 396, 423
 Государственная власть 359
 Государственная жизнь 316
 Государственная религия см. Господствующая религия
 Государственное строительство 202, 203, 319, 322, 335, 336, 370
 Государственность 46, 208
 Государственные образования 153, 163, 184, 206, 210, 335, 349, 358, 359, 419
 Государственные предприятия (организационные) 316, 359
 Государственный аппарат 359
 Государственный ученый совет 274
 Государственный язык 424
 Государство 68, 202, 203, 319, 358, 359, 364, 366, 367, 488, 528
 'Готовить' 143
 Готский язык 521
 Готтентотский язык см. намайский язык
 Готы 510
 Гражданская война 167
 Грамматика 134, 159, 168, 169, 176, 182, 205, 214, 236, 299, 275, 283, 312, 324, 325, 340, 362, 373, 399, 418, 419, 440, 486, 494, 504, 507, 515
 Грамматика грузинского языка 399
 Грамматика чувашского языка 275, 340
 Грамматика яфетических языков 134, 168, 283, 299, 325
 Грамматическая морфология 159
 Грамматические категории 130, 169, 170, 230, 241, 362, 373, 418
 Грамматические нормы 340
 Грамматический строй см. Типология языка
 Грамматическое полногласие 159
 Грамматическо-морфологические эпохи 159
 'Грамотность' 84
 Грамотность 394, 423, 436, 497
 'Граница' 378
 Графический язык см. Линейный язык
 'Грек' 278, 312, 350
 Греки 4, 7, 8, 22, 25, 26, 34, 37, 38, 40, 41, 45, 48—51, 57, 63, 64, 81, 94, 100, 120, 127, 128, 131, 137, 140, 143, 147, 148, 154, 155, 160, 169, 182, 187—189, 191, 194, 195, 197, 208—213, 215, 216, 218, 219, 223, 225, 228, 239, 256, 264, 270, 273, 277, 313—315, 332, 333, 354, 356, 357, 369, 378, 406, 407, 416, 419, 421—429, 436, 449, 464, 473, 477, 479, 517, 523, 524
 Греко-македонская история 209
 Грекомания 181
 'Греть' 477
 'Грех' 531
 Греческая культура 25
 Греческая литература 19

- Греческая политическая ориентация 100
 Греческая среда 76
 Греческая транскрипция 8
 Греческая христианская культура 25, 100
 Греческая церковность 25
 Греческие вещественные памятники 191
 Греческие мифы 416, 468, 471, 473
 Греческие писатели 4, 22, 34, 40, 41, 43, 50, 57, 94, 127, 131, 137, 140, 143, 147, 148, 160, 182, 187, 188, 191, 192, 194, 195, 197, 208, 210—213, 215, 216, 218, 219, 223, 273, 313, 314, 332, 333, 356, 378, 421—423, 425, 523, 524
 Греческие предания 8, 313
 Греческий элемент населения Скифии 7
 Греческий эпос 142, 187, 356
 Греческий язык 8, 16, 19, 25, 27, 28, 30, 32, 33, 37, 38, 40, 49, 51, 75, 76, 87, 95, 105, 106, 110, 114, 124, 127, 129, 137, 142, 147, 150, 155, 160, 164, 169, 170, 177, 180, 187—189, 191, 195, 197, 198, 200, 212, 213, 215, 217, 218, 224, 233, 243, 256, 263, 270, 284, 295, 313, 315, 317, 323, 342, 351, 354, 363, 364, 369, 394, 395, 401, 406, 407, 416, 419, 421, 423, 424, 428, 429, 431—433, 435, 449, 454, 456, 464, 468, 471, 473, 477, 479, 483, 492, 496, 503, 516, 517, 523, 524, 532
 Греческое влияние на римлян 428
 Греческое письмо 428, 429
 Греческое православие 100
 Грецизмы 25, 76, 1
 Грецизованные термины 176
 Гроза' 211
 Гром' 221, 526
 Грубый человек' 143
 Грудь женщины' 406, 531
 Грудь' 531
 Груши' 124, 209, 486, 514, 189, 307
 Грузинизованные метрелы см. Гурпыцы
 Грузиноведение и грузиноведы 96, 103, 126, 158, 166
 Грузинская знать см. Грузинские феодалы
 Грузинская историография 358
 Грузинская культура 25
 Грузинская литература 90, 206
 Грузинская морфология 33
 Грузинская народная музыка 54, 111
 Грузинская письменность 361
 Грузинские летописи 96, 263
 Грузинские монеты 33
 Грузинские феодалы 126, 471, 483
 Грузинский народный язык 228, 231, 264, 266, 267, 330, 412, 470, 471, 473—477, 489, 490, 493, 495, 497, 500, 503, 509, 512, 516, 521, 525, 531
 Грузинский припев 141
 Грузинский феодальный язык 126, 471, 483, 493, 500, 503, 509, 521
 Грузинский эпос 361
 Грузинский язык и диалекты 5, 11, 12, 15, 16, 18, 19, 22, 23, 25, 27—29, 31—33, 35—37, 39, 41, 52, 56, 57, 59, 62, 73, 76, 80—87, 89—91, 96, 100, 102, 103, 105—110, 113, 114, 116, 122—127, 129, 130, 133, 136—138, 140—142, 148, 155—159, 164, 169—176, 178, 183, 187, 189, 190, 193, 197—199, 201, 202, 204, 208, 212—222, 226, 228—235, 237—239, 241—244, 246—249, 251—272, 278—285, 287, 291, 292, 294, 295, 297—302, 305, 307, 312, 313, 317, 320, 324, 329—331, 337, 338, 341—343, 351, 354, 355, 357, 358, 361—363, 368, 377, 378, 381, 382, 384—386, 388—391, 395, 398—403, 406, 409, 410, 411, 412, 413, 416, 417, 429, 431, 435, 445, 448—453, 455, 456, 460, 463, 467—479, 482—497, 500, 501, 503—506, 508—526, 531—536. См. также: Грузинский народный язык. Древнегрузинский язык. Древнелитературный грузинский язык. Средневековый грузинский язык. Церковно-грузинский язык. Гурпийский говор грузинского языка. Имерский говор грузинского языка. Мтикульский говор грузинского языка. Рачинский говор грузинского языка
 Грузинское царство 125, 126
 Грузины 16, 18, 22, 25, 28, 31, 32, 36, 37, 39, 41, 54, 56, 73, 75, 79, 83—85, 96, 102, 108, 109, 124—127, 137, 155—157, 172, 175, 177, 198, 199, 201, 202, 206, 208, 209, 213—215, 217, 218, 220—222, 226, 228, 229, 231, 233, 234, 236—238, 241, 242, 246, 248, 249, 253, 256, 259, 261—265, 268, 269, 271, 282, 295, 296, 299, 300, 307, 313, 330, 331, 341, 351, 354, 357, 366, 368, 384—386, 391, 403, 407, 412, 416, 423, 424, 445, 449, 456, 457, 460, 467, 470, 471—473, 482—485, 483, 489, 491, 494, 495—497, 500, 506, 508—515, 517, 518, 520—522, 526, 534, 536
 Грунт' 76
 Групповая огласовка 182
 Групповая перегласовка 12, 18, 51, 56, 115, 128, 145, 182
 Групповое чередование звуков 134
 Групповое чередование согласных 134
 Групповой тотем 405
 Групповые взаимоотношения 420
 Группы народов и племен 4, 48, 63, 135, 165, 215, 305, 376, 420
 Группы языков 5, 7, 11, 15—17, 19—24, 26, 27, 29—34, 36—40, 51, 56, 57, 62, 81—89, 93, 108, 127, 128, 134, 135, 138, 139, 141, 143, 149, 156, 159, 160, 168—175, 177, 195, 196, 207, 210, 214, 215, 218—221, 226, 230, 231, 237, 239, 240, 245—247, 252, 254—260, 263—265, 268, 270, 272, 277, 279—283, 283, 296—300, 305, 309, 312, 324, 329, 330, 333, 336, 339, 340, 342, 343, 354, 355, 362—364, 368, 369, 377, 378, 380—383, 386—391, 402, 403, 407, 410, 417, 420, 434, 435, 447, 448, 450, 451, 464, 465, 467, 469—472, 474, 476—478, 482, 484, 485, 490, 495, 496, 500, 503—510, 519, 521, 526, 536
 Гурсть' 258
 Груша' 51
 Грызь' 450
 Губная огласовка 221, 230, 231, 233, 235, 240, 244, 245, 254, 257, 265, 266, 285, 291, 300, 380, 386, 388, 390, 391, 403, 406, 413, 443, 448, 450, 451, 460, 461, 470, 471, 473—475, 478, 486, 491, 492, 494, 495, 499, 500, 501, 502, 508, 509, 522, 523, 536
 Губная форма множественного числа 5, 23, 24, 27, 32, 34, 35, 49, 62, 107, 145

- Губной ряд 5
 Губные гласные звуки 87, 88, 110, 155, 156, 169, 172, 215, 217, 230, 243, 247, 257, 285, 293, 294, 316, 318, 336, 340, 374, 386, 387, 402, 414, 458, 479, 518
 Губные звуки 5, 23, 24, 27, 34, 82, 87—89, 110, 134, 135, 145, 149, 155, 156, 159, 168, 169, 172, 215—217, 221, 230, 231, 233, 235, 240, 243—247, 250, 254, 257, 265, 273, 282, 285, 293, 294, 302, 316—318, 330, 336, 340, 350, 352, 362, 363, 374, 386, 387, 402, 450, 458, 460, 461, 466, 479, 499, 513, 518
 'Губы' 73, 247
 'Гудеть' 279
 Гуманитарные науки и гуманитаристы 44, 67, 167, 432. См. также: Обществоведение и обществоведы
 Гумы 125
 Гунны 1, 94, 97, 518
 Гурджи 366
 Гуриец 26
 Гурийский говор грузинского языка 82—84, 108, 174, 176, 201, 281, 256, 471, 473, 474, 477, 491, 513, 521, 522
 Гурийцы 26, 82, 83, 88, 176, 178, 201
 Гуро-йоны 26
 Гуры 175
 'Давать' 267, 282, 284, 285, 328, 448, 449, 495, 496
 'Данить' 532
 Дагеста-ские котлы 319
 Дагестанские языки 81
 'Далекий' 128
 'Дальность' 128
 'Дань' 105
 'Дар' 532
 'Дарить' 284
 Дательный падеж 284
 'Дать' 336, 499
 'Дача' 327, 336
 'Два' 171, 219, 230, 280, 327, 347, 381, 382, 390, 391, 483
 'Двадцатка' 170
 'Двенадцать' 381, 382, 506
 'Дверь' 263, 490
 'Двигаться' 256
 'Движение' 239, 257
 Движение народов 30, 208, 321
 Движения см. Жесты
 'Двор' 456, 490
 'Дворец' 466
 Дворец канги в Ульяновске 275, 287
 Дворяне 178
 'Дворянин' 156
 Двугласные звуки 28, 135
 Двухзвучные 160, 296
 Двухзначность слова 270
 Двухзначные названия 159, 160, 162, 170, 172, 175, 176, 184, 187, 195, 197, 199, 200, 208, 277, 299, 302, 307, 316, 320, 347, 349, 355, 368
 Двуплеменные образования 159, 306, 315
 Двуродные языки см. Скращенные языки
 Двуродный строй языка 179, 181, 339
 Двусложные слова 246
 Двухгласные корни 51, 83, 86, 293, 297, 330, 377
 Двухэлементные образования 257, 262, 265, 267, 270, 372, 376, 383, 3-б, 388, 391, 402, 406, 411, 417, 444, 449, 450—452, 455—458, 460, 464, 465, 469, 470, 473, 483, 495, 497, 500, 502, 523, 526
 Длительные 374, 375, 392
 Дебильные согласные 253
 'Дева' 483
 'Девичья' 268, 452, 471—473, 480, 482, 484, 485, 487, 488, 511, 515, 518, 527, 533
 'Девственница' 531
 'Девушка' 128, 131, 225, 235, 243, 268, 342, 407, 452, 480, 483, 485, 492, 511, 512, 514
 'Девчонка' 488
 'Девяносто' 505
 'Девятнадцать' 381, 382
 'Девять' 282, 337, 505, 506
 'Девятьсот' 505
 Деградиция образных представлений 144
 'Дед' 512
 'Дедушка' 226, 512
 Дезаширация 114, 296, 330, 337
 'Действительное' 453
 'Действительность' 143
 'Действительный' 270, 494
 Действительный залог 86, 507
 'Делание' 327
 'Делать' 132, 133, 157, 267, 413, 521
 'Делать явным' 477
 Деление языков см. Классификация языков
 'Дело' 524, 533
 Демотический язык см. Египетский язык
 Десятичная единица 105 см. Метрическая единица
 'День' 144, 257, 306, 347, 416, 420, 421, 422, 452, 453, 479, 480, 482, 492—495, 518, 521, 533
 'День ангела' 237
 'День моляца' 494
 'День рождения' 237, 238
 'Деньги' 368, 410, 430
 'Деревня' 158, 217, 316, 343, 349, 473, 507, 508, 522
 'Дерво' 190, 201, 213, 261, 388, 449
 'Дервяная лопатка' 83
 'Держать' 532
 Деряты 83, 84, 114, 116, 124, 127, 142, 146, 148, 149, 155, 159, 160, 163, 164, 169, 199, 218, 221, 237, 239, 242, 255, 261, 263, 264, 267, 270, 281, 282, 284, 293, 309, 313, 350, 363, 375, 407, 477, 495, 499, 501, 507, 525
 Десибиллизованная разновидность 63, 155
 Десибиллизованный подъем 93
 Десибилляция 22, 63, 93, 114, 155, 296, 299, 351
 'Десяток' 170
 'Десять' 139, 145, 170, 327, 382, 383, 505, 506
 'Десять тысяч' 170, 506
 'Детеныш' 22, 514
 Детерминативы 223, 273, 455, 472, 473, 475, 476, 494, 499, 503
 'Дети' 14, 18, 188, 274, 293, 301, 354, 486, 511, 513, 514. См. также: дитя
 'Дети неба' 221, 228, 301—303, 412, 457, 459, 461, 465. См. также: дитя неба
 'Дети солнца' 441, 461
 'Детская игрушка' 143

- Детский язык 378, 436
 Дефекты научного мышления 46
 Дефекты письма и перевода 75, 77, 443, 468
 Дешифровка клинописных языков 528
 'Диавол' 131, 535
 'Диакон' 488
 Диалектно-материалистический метод 466, 480, 498, 517, 528, 530
 Диалектическая перегласовка 22
 Диалектическая среда 17, 21, 352
 Диалектические районы 275, 392
 Диалектический материализм 249, 466, 480, 481, 498, 517, 528—530, 534
 Диалектический перебой согласных 135
 Диалектический процесс 420, 430, 481, 484, 510
 Диалектическое развитие см. Диалектический процесс
 Диалекты (наречия, говоры) 3, 15, 17, 18, 21—23, 31, 32, 36, 42, 46, 58, 69, 76, 81—83, 103, 106, 108—110, 118, 122—124, 130, 131, 137, 142, 143, 146—148, 174—176, 186, 199—201, 209, 212, 213, 215, 218—220, 226, 230, 231, 233, 237, 243—246, 252, 254, 256, 258, 261—263, 265, 266, 272—274, 278, 279, 281—284, 290, 291, 203, 295, 298, 301, 303—305, 316, 318, 330, 339, 340, 345, 352, 359, 363, 367, 370, 373, 375, 376, 378, 380, 381—383, 386, 388—391, 441, 415, 417, 420, 423, 436, 446, 448, 449—452, 457, 461—466, 470—474, 476, 477, 483, 489, 491, 492, 496, 498, 511, 512, 515, 521—523, 526, 529—534
 Дидойский язык (цепский) 81, 103, 135, 137, 144, 302, 307. См. также: Кидеройский говор
 Дидойцы (дидои) 135, 144
 Дикие народы (дикари) см. Варварские племена
 'Дикий кот' 106
 Династии 203, 208, 316, 334
 Диссертации 69, 71, 187, 470, 516
 Диссимилиция 31
 Диссоциация 294
 'Дитя' 14, 18, 115, 125, 128, 131, 171, 178, 185, 188, 221, 224, 237, 261, 264, 271, 274, 293, 301, 302, 421, 452, 461, 465, 467, 470, 486, 487, 489, 490, 511—515, 518, 532
 'Дитя неба' 178, 221, 233, 245, 255, 261, 264, 270, 301, 420, 421, 444, 452, 465, 489, 490
 Дифференциация звуков 139, 201, 256—258, 261, 297, 432, 512
 Дифференциация понятий 409
 Дифференциация слов 235, 246, 247, 258, 259, 268, 295, 363
 Диффузное произношение см. Африкатное произношение
 Диффузные звуки 238, 254, 256, 259, 386, 409, 410, 469, 474, 475, 509, 518
 'Дичь' 243
 Длинноголовые племена 347
 'Длинный' 58
 'Для руки' 283, 294
 'Дяо' 220
 Доарийское происхождение географических терминов 20
 'Доблестный' 58
 'Добро' 216
 'Добрый' 448, 449
 Добывание золота 39, 40
 Догматизм 10
 Дограмматическая племенная морфология 159
 'Дождь' 238, 279, 296, 401, 402, 412, 450, 475, 476
 'Дождь + вода' 401
 Доиндоевропейский язык Армении 136
 Доиндоевропейское состояние языка 339, 343
 Доиндоевропейское этническое состояние Русь 47
 Доисторизм 374
 Доисторическая антропология 303, 344
 Доисторическая археология 50
 Доисторическая культура 117, 276, 310, 314, 319, 320, 333, 351, 357
 Доисторическая материальная культура 310
 Доисторическая общественная жизнь 133, 162, 186, 315
 Доисторическая племенная культура 276
 Доисторическая племенная общественность 118, 119
 Доисторическая подоснова евразийского населения 111
 Доисторическая связь бассейна Печоры и Оби с кавказским югом 301
 Доисторическая связь марийского языка с чувашским языком 377
 Доисторическая связь Приволжского бассейна с кавказским югом 301
 Доисторическая семантика 133, 281, 294
 Доисторическая терминология 294
 Доисторическая топонимика 145, 169, 294, 304, 306, 333, 346
 Доисторическая топонимика Европы 145, 169
 Доисторическая этническая среда 306
 Доисторическая этнография 50, 55
 Доисторическая этнография Армении 55
 Доисторическая этнография Египта 50
 Доисторическая этнология 346
 Доисторическая яфетическая основа армянского языка 329
 Доисторическая яфетическая семаспология 34
 Доисторические вещественные памятники 310
 Доисторические вопросы 119, 304, 313, 347
 Доисторические звуки 162
 Доисторические иберизмы 193
 Доисторические общественные связи 126, 147
 Доисторические общественные связи абхазов 126
 Доисторические памятники 321
 Доисторические переживания 278, 337
 Доисторические племена и народы 48, 133, 162, 181, 285, 303, 306, 322, 323, 334, 343, 351, 381, 460, 461
 Доисторические предания 54
 Доисторические представления 133, 144
 Доисторические термины 140, 143, 162, 176, 317, 333, 351, 353, 357
 Доисторические финны 348
 Доисторические фонемы 290
 Доисторические эпохи 45, 49—51, 55, 57, 64, 123, 124, 128, 169, 175, 186, 194, 216, 225, 288, 291, 305, 314, 316, 319, 320, 328, 330, 337, 339, 349—352, 354, 356, 364, 404, 411, 413, 460, 467

- Доисторические этнические образования 345
 Доисторические явления 120, 140, 170, 200, 209, 219, 295, 313
 Доисторические языки 13, 141, 318, 326, 331, 333, 337, 339, 343, 346, 352, 353, 381, 424
 Доисторические яфетиды 285, 348, 351
 Доисторические яфетические языки 13, 381, 337, 352
 Доисторические яфетические языки Средиземноморья 169
 Доисторический быт 357
 Доисторический владык 334
 Доисторический культ 290
 Доисторический мир 303, 388
 Доисторический облик средиземноморской расы 120
 Доисторический состав населения Египта 120
 Доисторический состав населения исторических стран 120
 Доисторический человек 119, 132, 188, 326, 356
 Доисторический эпос 356, 357
 Доисторический этнический слой в баскском языке 123
 Доисторический яфетидизм 361
 Доисторическое восприятие 51, 188
 Доисторическое значение слов 213, 315, 376
 Доисторическое мировоззрение 50, 304
 Доисторическое мышление 133, 156, 188, 304, 326
 Доисторическое население Азии 447
 Доисторическое население Апеннинского полуострова 51
 Доисторическое население Армении 123, 227
 Доисторическое население Африки 165, 447
 Доисторическое население восточной Европы 348, 381
 Доисторическое население Евразии 320
 Доисторическое население Европы 286, 304, 333, 348, 370, 447
 Доисторическое население Египта 50
 Доисторическое население Испании 123
 Доисторическое население Италии 150
 Доисторическое население Костромского края 346, 347, 352, 353
 Доисторическое население Лузитании 125
 Доисторическое население России 306, 338, 347
 Доисторическое население севера 335
 Доисторическое население северо-восточной Европы 211, 332
 Доисторическое население Украины 227
 Доисторическое население Франции 123
 Доисторическое население Элады 150
 Доисторическое происхождение 163
 Доисторическое происхождение слов 76, 90, 107, 162, 347
 Доисторическое происхождение топонимии 126
 Доисторическое происхождение этнических названий 61, 90, 107
 Доисторическое расселение 151
 Доисторическое словотворчество 156, 356
 Доисторическое словоупотребление 146
 Доисторическое сожительство яфетических племен 137
 Доисторическое состояние Евразийского населения 111
 Доисторическое состояние индоевропейцев 345
 Доисторическое состояние языка 13, 108, 117, 142, 196, 282, 285, 290, 312, 331, 371
 Доисторическое состояние яфетических племен 295
 Доисторическое состояние яфетических языков 13, 108, 282
 Доистория и доисторика 45, 50, 52, 54, 59, 60, 88, 115, 117, 118, 120, 149, 153, 188, 202, 204, 209, 215, 222, 223, 227, 230, 233, 286, 288, 294, 303, 305, 310, 313, 317—319, 321, 328, 334, 339, 346, 357, 362, 365, 506
 Доистория Армении 59, 60
 Доистория Европы 188, 334
 Доистория племенной жизни 303
 Доистория Руси 45, 54, 288
 Доистория Средиземноморья 50, 54
 Доистория терминов 149
 Доистория Украины 227
 Доистория языка 250, 328
 Докиевское этническое состояние Руси 47
 Доклады Н. Я. Марра (лекции) 1, 47, 117, 118, 121, 140, 149, 152, 164, 165, 173, 185, 186, 274, 278, 289, 323, 325, 333, 335, 344, 349, 370, 371, 379, 391, 394—396, 399, 438, 439, 442, 454, 461, 488, 520, 522, 527
 'Долг' 532
 Долгие гласные звуки 27, 51, 58, 62, 82, 115, 116, 135, 146, 148, 177, 198, 293, 312, 320, 389, 458, 487, 500, 527
 'Долгий' 58
 Долгота звуков 27, 51, 58, 62, 82, 115, 116, 137, 146—148, 157, 177, 198, 255, 458, 459, 487, 515, 527. См. также: Долгие гласные
 Долевая эпифания неба 139
 'Должный' 231, 532
 'Долина' 296
 Долихоцефальный тип 345
 Дологическая семантика 294
 Дологическое мышление 412, 419
 'Доля' 137
 'Дом' 81, 172, 248, 244, 297, 351, 367, 377, 456, 491, 524
 Домашние животные 198, 234, 242, 244, 386, 415, 453, 468, 502, 503, 504, 517, 518
 'Домашний кот' 106
 'Домашняя кошка' 106
 'Домой' 297
 Доморфологические эпохи 355, 362, 373
 Дом Ученых в Москве 274
 'Дорога' 336, 388
 'Дорогая' 472
 'Доска' 190
 Дославянские элементы в болгарском (балканском) языке 365
 'Достиг' 329
 'Достигать' 329
 'Дотрагиваться' 329
 'Дотриваться' 281
 Довлективная эпоха 363
 'Дочь' 170, 340, 342, 480, 511
 Доэллинные языки 11, 169

- Доэллинские поэтические языки 51
 Дравидические племена и народы (дравиды) 65
 'Дразнить собаку' 415
 'Дракон' 41, 42, 57—59, 302
 Древнеармянская архитектура 310
 Древнеармянский эпос 57, 59
 Древнеармянский язык 11, 18, 29, 32, 35, 37—39, 57, 59, 70, 73, 76, 80, 81, 83, 87, 89, 106, 109, 123, 124, 129, 130, 132, 134—136, 143, 164, 173, 206, 234, 237, 239, 240, 256, 261, 283, 307, 340, 343, 3-5, 389, 390, 4, 5, 477, 483, 486, 487, 489—491, 499, 504, 508, 514, 521, 529, 533
 Древнеаретонский язык 210, 243
 Древневаллийский язык 244
 Древнегрузинский язык 29, 35, 76, 84, 103, 106, 114, 133, 137, 138, 156, 157, 190, 198, 201, 231, 234, 235, 237, 252, 256, 260, 261, 264, 266, 268, 281, 281, 330, 341, 391, 455, 471, 475, 476, 489, 490, 493, 496, 497, 505, 508, 514, 517, 518, 525
 Древнеевропейский язык 485
 Древнее население Армении 128, 136, 518, 524
 Древнее население Европы 56
 Древнее население Ирана 56
 Древнее население Кавказа 56
 Древнее население Малой Азии 56
 Древнее население Рязанской губернии 348
 Древнее население Черноморья 127, 173
 Древнее население Эфиопии 16
 Древнее население юга России 112
 Древнеиранские языки 12. См. также: Авестийский язык. Древнеиранский язык. Согдийский язык
 Древнейшая географическая номенклатура Франции 45
 Древнекельтский язык 243
 Древнекультурная общность 125
 Древнекультурные (раннекультурные) народы 431
 Древнелитературный армянский язык 11, 18, 29, 35, 37, 38, 39, 57, 59, 70, 75, 76, 80, 81, 83, 87, 106, 109, 123, 124, 129, 130, 132, 134—136, 143, 164, 173, 234, 237, 239, 240, 256, 283, 307, 340, 383, 385, 389, 390, 455, 483, 486, 4-7, 489—491, 499, 504, 508, 514, 521, 523, 533
 Древнелитературный грузинский язык 29, 35, 76, 84, 103, 106, 114, 133, 138, 156, 157, 190, 201, 231, 234, 235, 237, 252, 256, 259—261, 264, 266, 280, 281, 330, 341, 391, 455, 471, 475, 476, 489, 490, 493—490, 505, 508, 514, 518, 525
 Древнеперсидские надписи 7, 31
 Древнеперсидский язык 5, 7, 31, 527
 Древнеписьменные источники 23
 Древнеписьменные народы 328, 355, 407, 408, 431, 449, 510
 Древнеписьменные языки 81, 84, 129, 197, 201, 206, 226, 500, 516, 522, 527
 Древнепородовой слой языка 402
 Древнерусская транскрипция 182
 Древнерусские легенды 123
 Древнерусский язык 78, 337
 Древнерусско-грузинские отношения 76
 Древнесарийский язык 80
 Древнеславянский язык 69, 108
 Древнеславянский язык 259
 Древнесамский язык 28, 58, 273, 391, 495, 510, 528
 Древние арии 28, 57, 58, 75, 76, 81, 83, 109, 113, 132, 171, 206, 234, 240, 310, 474, 477, 525
 Древние греки 25, 26, 45, 425. См. также: Греки
 Древние грузины 84, 234, 268, 497, 517
 Древние западные писатели 126
 Древние кавказцы 178
 Древние названия городов 60, 355
 Древние народы 4, 25, 26, 28, 31, 45, 52, 57, 58, 61, 63, 64, 75, 76, 81, 83, 84, 93, 103, 109, 113, 119, 123, 132, 169, 171, 178, 206, 228, 234, 240, 264, 310, 344, 355, 364, 404, 417, 419, 421, 424, 425, 427, 446, 449, 474, 477, 497, 517, 525
 Древние национальные названия 300, 404
 Древние печеры 4
 Древние писатели 126, 179, 193, 468
 Древние русские 103
 Древние руссы 68, 76, 123
 Древние славяне 348
 Древние халитические языки 119
 Древние этнические названия 129, 163, 206, 216, 311, 352, 404, 405, 429
 Древние языки 5, 7, 11, 12, 18, 28, 29, 32, 35, 37—39, 57, 59, 69, 70, 76, 80, 81, 83, 84, 87, 89, 103, 106, 109, 114, 119, 123, 124, 129, 130, 132—138, 143, 156, 157, 164, 169, 175, 197, 2, 6, 224, 231, 234, 235, 237—240, 243, 244, 249, 252, 256, 259—261, 264, 266, 269, 273, 280, 281, 283, 307, 323, 325, 326, 330, 337, 340, 341, 383, 3-5, 389, 390, 391, 417, 419, 423, 426, 455, 470, 471, 475—477, 483, 485—487, 489—491, 493, 495, 496, 499, 500, 504, 505, 508, 514, 517, 518, 521, 523, 525, 527, 528, 533
 Древние яфетиды 58, 93, 228
 'Древний' 209
 Древний культурный уровень 365
 Древний мир 163, 299, 427
 Древний эпос 260, 361
 Древний яфетический мир 93
 Древности 2, 3, 7, 8, 42, 46, 48, 77, 118, 139, 194, 314, 404, 421
 Древности языка 3
 Древность 41, 45, 46, 54, 58, 68, 85, 90, 101, 107, 127, 131, 132, 136, 147, 154, 155, 163, 169, 174, 175, 177, 182, 206—208, 224, 273, 295, 298, 320, 321, 344, 352, 353, 358, 366, 380
 Древняя история 38, 209, 428, 524
 Древняя история Руси 98
 Древняя история Средиземноморья 209
 Древняя культура 8, 286, 319
 Древняя культура юга России 8
 Древняя письменность 169, 206, 226, 355, 358, 403
 Древняя эпоха 203, 427
 'Древоведы' 212
 'Дремазь' 252

- 'Дремота' 252
 'Дрова' 448. 449
 'Дрожь' 485
 'Дрозд' 148
 'Друг' 171. 187. 410. 531
 'Друг друга' 219. 382
 Дружина 163. 184. 208. 316. 349. 424. 460
 'Дружки' 513
 'Дружно' 533
 'Друшлаг' 87. 88
 'Дрыгание ног' 260
 Дуалистические теории 7
 'Дуб' 212. 213. 214. 244. 261. 269. 334. 405. 449
 'Дурной' 185
 'Дух' 197. 279. 493. 496. 519. 521
 Духи 148
 Духовенство 431
 Духовные училища 432
 'Дух разрушения' 521
 'Дух хранитель' 464
 'Дух хранитель' дома 457
 'Душа' 189. 279. 327. 493. 496
 'Дым' 475
 Дым (хоз.) 105
 'Дыхание' 189
 'Дышать' 279
 'Дышащий' 358
 'Дядя' 375
 Евангельские тексты 52
 'Евнух' 483. 484. 486. 487. 491. 527. 531
 Евнухи 484. 486. 487. 527
 Евреи 93. 97. 145. 184. 197. 341. 485
 Еврейская религия 341
 Еврейские писатели 97
 Еврейский мир 302
 Еврейский язык 109. 145. 148. 159. 182. 197. 199. 354. 450. 469. 470. 484—486. 493. 503. 504. 520 См. также: Древнееврейский язык
 Европейская культура 125. 370. 505
 Европейская наука 209. 271. 315
 Европейская цивилизация 64. 68
 Европейские ученые 11. 20. 45. 57. 73. 95. 96. 324
 Европейские школы 395
 Европейские языки 119. 130. 198. 233. 254. 323. 354. 394. 401. 410. 433. 434. 437. 492. См. также: Западноевропейские языки
 Европейские языки 100. 240. 246
 Европейский мир 149. 433
 Европейское мышление 52
 Европейское образование 431
 Европейцы 7. 11. 20. 45. 46. 53. 57. 73. 100. 119. 120. 125. 150. 168. 240. 253. 323. 381. 423. 424. 505
 Евскалдуинский язык см. Баскский язык
 Евскалдуну см. Баски
 Евскарский язык см. Баскский язык
 Египетская культура 50. 118—120
 Египетская литература 169
 Египетская цивилизация 118
 Египетские цилиндровые печати 118
 Египетский язык 11. 118—120. 144. 147. 148. 150. 167. 169. 171. 172. 175. 180. 186. 199. 277. 311. 423. 484
 Египетское письмо 118
 Египтология и египтологи 50
 Египтяне 50. 118—120. 147. 150. 167—169. 178. 180. 186. 199. 277. 311. 417
 'Еда' 213. 214. 329
 'Едение' 507
 'Единица' 505
 Единичность 187. 189. 190
 Единственное число 5. 31. 62. 107. 130. 240. 478. 487. 511—513
 'Единственный' 140
 Единство кавказской культуры с крито-эгейской 8
 Елиный алфавит 530
 Елиный язык 44. 235. 393
 'Елкий' 477
 'Еду верхом' 416
 'Ежедневно' 282. 494
 'Ель' 490
 'Ем' 346
 Енисейские остиаги 373. 379
 Ераси 361
 'Есть' 214. 279. 329. 330. 448
 Естественно-исторический музей в Ульяновске 278
 Естествознание (естественные науки) и естествоведы (натуралисты) 67. 165
 'Еще' 130. 517
 'Жалеть' 495
 'Жарить' 477
 'Жар-птица' 256
 'Жать' 230. 280
 'Жевать' 279. 330. 450
 Железный век 427
 'Железо' 16. 37. 38. 193. 201. 202. 277. 278. 294. 310. 419. 500
 Железо 37. 193. 201. 339. 415. 419. 427. 428
 'Желтизна' 198
 'Желтый' 197. 198. 367. 199
 'Жена' 407. 461. 480. 482. 484. 485. 491. 511
 'Жена-человек' 384. 452
 Женские имена 128
 Женские окончания 253
 Женский род 22. 56. 169. 224. 225. 229. 235. 241. 247. 253. 263. 413. 419. 471. 483
 'Женщина' 51. 128. 218. 225. 226. 238. 243. 254. 268. 271. 342. 384. 406. 407. 412. 452. 461. 472. 473. 480—487. 491. 493. 511. 512. 532. 533
 'Женщина + вода + рука' 342
 'Женщина + дитя' 128. 131. 225. 243. 406. 452. 492. 511. 515. 533
 'Женщина мать' 406
 'Женщина + мужчина' 218
 'Жены одного мужа' 434
 'Жеребенок' 292. 307. 448
 'Жеребец' 402. 504
 'Жертвенник' 504
 'Жертвенное животное' 199
 'Жертвенный хлеб' 265
 Жертвы 90
 Жесты 52. 327. 345
 'Жечь' 475
 'Жжение' 507
 Живая старина 371

- 'Живой' 51. 159. 278. 533
 Живой быт 70. 117. 136. 162. 260. 276. 357. 436. 441
 'Живот' 190
 Животноводство 232
 'Животное' 159. 189. 198. 199. 279. 368. 375. 410
 Животно-стадная общественность 119. 517
 Животные герои 41
 Животные передвижения 44. 53. 73. 74. 115. 121. 122. 134. 138. 142. 146. 147. 151. 223. 234. 268. 295. 307. 413. 415. 425. 426. 451. 453. 455. 492. См также: Средства передвижения
 Животный мир 22. 41. 108. 165. 239. 244. 268. 375. 450. 451. 468. 471
 Живые бытовые элементы в славянских языках 181
 Живые бытовые элементы в турецких языках 181
 Живые материалы 321. 378
 Живые племена и народы 70. 164. 251. 364. 412. 446
 Живые тексты 318
 Живые языки и наречия 5. 27. 29. 33. 34. 70. 75. 85. 88. 92. 95. 101. 104. 106. 148. 203. 204. 247. 249. 256. 260. 274. 287. 323. 324—326. 328—330. 352. 364. 389. 394. 395. 408. 411. 429. 433—435. 452. 457. 465. 470. 482. 484. 491. 492. 499. 519. 522. 523. 528. 530. 534
 'Жизнь' 51. 114. 159. 375
 Жизнь языка 115. 133. 139. 409
 Жилище 457. 466
 Жилье 456
 'Жир' 90
 'Жирный' 90
 'Жития святых' 99
 'Жить' 159. 199. 533
 'Жолудь' 212—214. 223. 224. 264. 269. 415. 449
 'Жолудь-дуб' 213—215
 'Жреп' 217. 356. 405. 457. 495. 500. 536
 Жрепы 217. 311. 359. 361. 457
 'Жрецы-поэты' 357
 Жреческо-государственная письменность 203
 'Жужжать' 279
 'Журавль' 137
 'Журчать' 254
 'Заблуждаться' 531
 'Забота' 258
 Забыто-исторические эпохи см. Лето-исторические эпохи
 Завершающий слог 182
 'Завет' 521
 'Завтра' 307. 338
 'Завядать' 280
 Заглавные буквы 408
 'Заговор' 259
 'Загорит' 475
 'Загробный мир' 51
 'Зад' 280
 Заднеязычные звуки 27. 31. 135. 142. 143. 159. 265. 279. 281. 290
 Заднеязычные согласные 27. 31. 135. 159. См. также: Спирантные согласные
 Заднеязычный показатель множественности 27
 'Зажечь' 421
 Заимствования и заимствованные слова 37. 38. 69. 84—86. 89. 102. 103. 110. 111. 138. 147. 149. 151. 170. 197. 213. 217. 232. 234. 235. 270. 312. 361. 362. 377. 400—402. 410. 414. 416. 452. 469. 474. 477. 485. 486. 506. 519. 520
 'Закатная звезда' 131
 'Закваска' 519
 'Заклинание' 406
 'Закон' 270
 Закон нисхождения 28. 32
 Законодательство хеттов 277
 Закон скрещения племен 230
 Закономерное перерождение звуков 108. 134. 228. 349
 Закономерное чередование звуков 134. 301
 Закономерное чередование согласных 134
 Закрытые гласные звуки 340
 Закрытый слог 172
 Залог (грамм.) 86. 133. 230. 231. 281. 507. 515
 'Заложник' 188
 Западноевропейская культура 333. 505
 Западноевропейская наука 399
 Западноевропейские востоковеды 12
 Западноевропейские языки 354. 367. 410. 414. 450. 492
 Западноевропейские яфетиды 129. 209. 323. 328
 Западнокавказские племена и народы 160
 Западнокавказские языки 87. 160. 169
 Западнофинские языки 304. 346. 376
 Западные говоры марийского языка 448. 463. 465
 Западные грузины 85
 Западные финны 217. 303. 346
 Западные языки 310. 312. 376. 395. 456
 Западный мир 325
 'Запить' 305
 Запорожцы 112
 'Запястье' 283. 294. 336. 415
 'Заря' 131—135. 138. 144. 146. 148. 150. 151. 263. 307. 308. 477. 493
 'Заря + лошадь' 133. 138. 139. 141
 'Заря + лошадь + солнце' 135. 139. 141. 144. 149. 150. 152
 'Заставлять' 132. 133
 'Заступ' 201
 'Заступаться' 497
 'Затянуть' 532
 'Захватывать' 493
 'Заходящее солнце' 146. 151
 Зачаточные языки 108
 'Зачем' 504
 'За что' 504
 'Защита' 351. 375. 465
 'Защищать' 497
 'Залц' 514
 Звания и чины 180. 181
 'Звать' 259
 Звезда 27. 42. 131. 150. 228. 248. 250. 254. 301. 302. 326
 Звериная общественность 405
 Зверные тотемы 41. 42. 496
 Звонкие звуки 16. 29. 31. 142. 201. 245. 258. 284. 290. 299. 316. 413. 451. 475. 478. 500. 507

- Звонкое произношение 284
 Звонкость см. Озвончения
 'Звук' 494
 Звуки 162. 163. 186. 367. 517
 Звуки речи 5. 8. 10—17. 19. 21—27. 29. 40. 46.
 49. 51. 52. 55. 58. 62—64. 80—83. 85—89.
 93. 102. 103. 107. 108. 110. 114—116. 121.
 123—125. 127. 128. 130—136. 138—146. 148.
 149. 155—159. 162. 163. 168—172. 175—177.
 179. 182. 184. 185. 188. 189. 196—198. 200.
 201. 205. 206. 208. 212. 215—217. 219—222.
 226. 228. 230. 231. 233—259. 261. 265.
 267—269. 272—274. 277. 279—285. 289—291.
 293.—297. 299—302. 305. 306. 308. 309.
 312. 316—318. 320. 327—330. 332. 334. 336.
 337. 340. 341. 347. 349—353. 355. 356. 358.
 360. 362—364. 367. 368. 370. 374. 380.
 384—387. 389—391. 402. 403. 408. 409—418.
 421. 422. 429. 443. 445. 447—453. 455. 457.
 358. 460. 464—466. 468. 469. 471—475.
 477—479. 481. 482. 484. 485. 487. 489. 491.
 493—501. 504. 506—508. 512. 513. 515—519.
 521. 524. 526. 530. 535
 Звуковая дифференциация см. Дифференциация звуков
 Звуковая речь 153. 162. 186. 227. 230. 232.
 234. 235. 239. 248—250. 252. 259. 262. 266.
 268. 269. 326. 327. 345. 375. 389. 392. 394.
 395. 397. 399. 400. 404. 405. 406. 408. 413.
 415. 419. 420. 438. 440. 444. 446. 447. 451.
 453. 456. 459. 462. 464. 480. 481. 497. 499.
 500. 412. 513. 516. 519. 535
 Звуковая связь 31
 Звуковая сигнализация 229
 Звуковое различие слов см. Семантическая фонетика
 Звуковое тождество 246
 Звуковой состав языка 46. 177. 183. 187. 254.
 290. 389. 447. 478
 Звуковой строй языка 369. 384. 409
 Звуковые законы (нормы) 6. 9. 10. 15. 16. 21.
 23. 26. 56. 86. 88. 108. 114. 115. 123. 124.
 132. 135. 143. 144. 156. 158. 205. 214. 233.
 248. 283. 288. 295. 301. 320. 355. 356. 364.
 369. 390. 408. 409. 413. 417. 447. 448. 458.
 509
 Звуковые комплексы 19. 121. 141. 169. 172.
 187. 189. 196. 213. 214. 231. 232. 242. 243.
 248. 251. 261. 262. 355. 408. 409. 414. 447.
 448. 535
 Звуковые корреспонденции (закономерные соотношения звуков) 3. 5. 10. 23—25. 36. 56.
 85. 128. 133. 156. 169. 176. 179. 205. 214.
 236. 247. 248. 247. 252. 254. 264. 282—285.
 291. 295. 327. 332. 355. 362. 380. 381.
 386—388. 403. 408—410. 413. 416. 447.
 448. 451. 469. 472. 476. 494. 519. 536
 Звуковые особенности 132. 134. 157. 390
 Звуковые переходы 21. 413
 Звуковые ряды 12. 13. 32. 130. 148. 159. 182.
 228. 246. 290. 296. 299. 301. 352. 368
 Звуковые символы 481. 494. 495
 'Звукоиспускание свивей и поросят' 233
 Звукоподражательность 133. 233. 234. 242. 311
 Звукосоотношения 299. 403. 447. 448
 Звукосочетания 22
 Звучание 5. 8. 10. 15. 18. 20. 22. 23. 34. 35. 39.
 40. 42. 49. 51. 63. 81. 83. 85—87. 108. 110.
 130. 131. 134. 143. 150. 158—160. 163. 164.
 170. 171. 175. 180. 183. 192. 200. 203. 205.
 212. 216—218. 223. 231. 233. 234. 238. 245.
 246. 249. 252. 254. 256. 260. 264. 266. 273.
 285. 294. 296. 299. 302. 304. 307. 316. 317.
 346. 347. 368. 390. 391. 401. 402. 404. 412.
 417. 421. 444. 446. 453—455. 464. 469. 470.
 473. 477. 478. 480. 485. 490. 503. 505. 517.
 523. 524
 Звучные губные 110
 'Здоровый' 282
 'Здоровье' 285
 'Зев' 242. 251
 'Зевать' 242
 'Зеленый' 15
 Земледелие 193. 202. 210. 212. 214. 232. 266.
 334. 417. 427. 463
 Земледельческая культура 264
 Земледельческие боги 334
 Земледельческие орудия 266
 Земледельческие термины 53. 202. 208. 215.
 216. 231. 266. 269. 417
 Земледельческий быт 311. 427
 Земледельческий класс 158. 201. 206. 208. 215.
 293. 412. 464
 Земледельческий народ 412
 'Земля' 16. 52. 76. 114. 159. 220. 221. 224. 264.
 293. 326. 340. 341. 390. 406. 414. 458. 460.
 461. 478. 491. 492. 495. 500. 521. 526. 536
 'Земля-вода' 343
 'Земля-мать' 264. 491
 'Земляника' 27
 'Земля-почва' 390
 Зендский язык см. Авестийский язык
 'Зерновой хлеб' 269
 'Злал сила' 521
 'Зло' 129. 131. 216. 535
 Злободневность 69. 121
 'Злой' 129. 535
 'Злой дух' 216. 464
 Змей-вишач 41
 'Змея' 41. 52. 57
 'Змий' 58
 'Змий-рыба' 42
 'Знак' 266. 327
 Знаки 58. 476. 498. 505. 530
 'Знашение' 327. 491. 532
 'Знамя' 297
 'Знать друг друга' 382
 'Знахарь' 357. 405. 406. 408
 Значение слов 2. 7. 14—25. 27. 31—42. 49. 51.
 52. 54. 56—63. 71. 73. 75—90. 98. 100. 102.
 103. 105—111. 114—116. 121. 122. 124. 126.
 128—139. 141—154. 156—160. 163. 170—
 172. 175—180. 182—185. 187—190. 192—
 194. 197—202. 205. 206. 211—222. 225. 226.
 229. 231—270. 272—274. 277. 278. 281—
 285. 290—297. 300—309. 311. 312. 315—
 318. 326—328. 330—332. 335. 336. 341—
 343. 345. 347. 349—358. 359. 360. 363. 367—
 370. 372. 375—377. 385. 386. 390. 391. 400—
 403. 405—407. 409—422. 426. 429. 430.
 444—446. 449—457. 459—519. 521—523.
 525—527. 536

- Значимость слов см. Семантика
 Зодчество см. Архитектура
 Зонн 83
 Зонская огласовка 88
 Зонское наречие армянского языка 88
 'Золото' 38, 39, 40, 197—201, 213, 216, 217, 222, 223, 410, 419, 430, 509
 Золото 39—41, 73, 193, 197, 198, 200, 201, 313
 'Золотуха' 201
 Золотых дел мастерство 40
 Зоологические типы 119, 314
 Зоологически-племенное расхождение 121
 Зоология и зоологи 232
 'Зрение' 252, 416, 417, 463
 'Зуб' 336, 450, 451
 Зубная форма множ. числа 10, 27, 32—34, 36, 38, 49, 63, 107, 136, 142, 300
 Зубные звуки 10, 22, 27, 32—34, 36, 38, 49, 63, 64, 107, 131, 136, 142, 143, 145, 157, 159, 169, 171, 172, 182, 196, 254, 259, 290, 291, 297, 299, 300, 318, 364, 391, 409, 455, 458
 Зыряне см. Коми
 Зырянский язык см. Комийский язык
 'И' 130
 'Ибер' 158, 278, 288, 300, 307
 Иберязымы 120, 193
 Иберийские древности 194
 Иберо-баскский мир 500
 'Иберо-ион' 350
 Иберо-ионские слои в абхазском языке 138
 Иберо-ионы 277 см. Греки
 Иберо-италский язык 277
 Иберо-италы 277
 Иберо-сарматы 179, 181, 185
 Ибер-сары 181, 184, 185
 Иберо-чаны 26
 'Иберская тотемная лошадь' 307
 Иберские племенные слова 156, 163, 284, 285, 291, 300, 302, 306, 307, 316, 317, 338, 339, 349
 Иберские слои в абхазском языке 138
 Иберские слои в армянском языке 123
 Иберский этнический слой в баскском языке 124
 Иберский язык 138, 142, 179, 199, 200, 208, 209, 215, 216, 233, 264, 277, 284, 285, 293, 294, 302, 306, 307, 315—317, 328, 338, 349, 364, 369
 Иберское (иверское) го ударство 126
 Иберы 120, 123—127, 155, 160, 165, 175, 176, 179, 185, 188, 192, 194—196, 199, 207, 208, 216, 223, 223, 229, 264, 277, 286, 291, 293, 303, 306, 307, 328, 348, 353, 357, 364—366, 369, 371, 406
 'Ивер' 124, 307
 Иверо-ионский язык см. Греческий язык
 Иверо-ионы см. Греки
 Иверские племенные слова 125
 Иверский монастырь 39
 Иверы 4, 25, 26, 124, 126, 175, 489
 'Игра' 259, 261
 Идеализм 68, 528. См. также: Библиейский идеализм
 Идеи 68, 191, 446, 447
 Идеограммы 139, 197, 203, 222, 376, 444, 455, 475, 476, 522
 Идеологическая датировка 265
 Идеологическая морфология 362
 Идеологические нормы 267
 Идеологически-семантические дифференциации 189
 Идеологический анализ 266, 385, 403
 Идеологический смысл 132, 138
 Идеологическое использование элементов 251
 Идеология 226, 252, 233, 243, 246, 251, 268, 290, 358, 359, 365, 374, 387, 393, 394, 398—400, 406—411, 413, 422, 424, 433, 434, 436, 443, 447, 460, 462, 464, 469, 479, 482, 495, 519, 529, 530, 536
 Идеология господствующих классов 433
 Идеология культурно-отсталых племен и народов 434
 Идеопластика 133
 'Идол' 185, 218, 232, 244, 264, 337
 Идолы 56, 60
 Иероглифы 169
 Ижемское наречие комийского языка 283
 'Изба' 337
 'Извлекать' 500
 'Изволь' 497
 'Изгиб в ноге' 470
 'Изгородь' 369
 Изведы 143
 'Из-за чего' 504
 Изменение звуков 413, 414
 Изменчивость народных типов 430
 Изображения 64, 203, 473, 475, 501
 Изобразительные символы 203
 Изобретение терминов 1
 'Изобретения' 193
 Изобретения и изобретатели 121, 193, 194, 223, 313
 Изолированные языки и народы 204, 291, 340, 383, 402, 411, 418, 420, 426, 435
 Изучение истории 70, 204
 Изучение языков 14, 112, 122, 139, 167, 248, 274, 323, 324, 326, 328, 329, 333, 337, 374, 378, 390, 394—400, 405, 420, 423, 424, 426, 431—434, 436, 437, 439, 440, 446, 447, 466, 521, 527, 529, 530
 'Икона' 129, 141, 216
 Имена 2—4, 6—9, 13—15, 18—20, 23, 25, 29, 31, 33—36, 38—42, 46, 49, 55—58, 60—63, 84, 89, 90, 99, 104, 105, 112, 115, 116, 120, 124, 127—131, 134—137, 139, 145, 148—150, 155, 157—160, 162, 163, 170, 174—176, 178—181, 183, 187, 188, 193—195, 197, 198, 204, 207, 208, 217, 219—221, 228, 235—237, 239, 242, 249, 250, 252, 257, 258, 260—264, 267—273, 283—285, 288, 296, 297, 300, 301, 304, 312, 314, 318, 324, 327, 331, 334, 336, 337, 341, 349—351, 353—357, 359, 362, 363, 367, 370, 371, 375, 385, 386, 389, 400, 401, 405, 406, 411, 412, 414, 417, 418, 422, 443, 444, 453, 455, 456, 458, 463, 468, 479, 482, 483, 485—487, 490, 491, 494, 495, 497, 502, 508—511, 515, 516, 518, 519, 522—524, 526, 536
 Имена действия 235, 237, 327, 389, 463, 516, 519. См. также: Глагол
 Имена действующих лиц 23, 55, 56, 57, 60—63, 84, 136, 159, 355, 362, 363, 487
 Имена места 509

- Имена прилагательные 15, 18, 19, 29, 31, 36, 89, 91, 116, 128, 139, 134, 135, 137, 149, 197, 257, 258, 264, 269, 270, 283, 318, 336, 341, 359, 367, 370, 375, 385, 418, 443, 458, 463, 494, 502, 536
- Имена состояния 327
- Имена существительные 29, 33, 197, 258, 270, 336, 375, 400, 417, 458
- Имена-тогемы 444
- 'Имяны' 237, 238
- Именительный падеж 35, 39, 106, 130, 377, 486
- Именно префикс 24, 40, 93
- Именные окончания 14, 39, 58, 134, 140, 171, 293, 296, 358, 516
- Именные основы 272
- Имерский говор грузинского языка 201, 218, 262, 471, 472, 489
- Имеры 26, 201
- 'Иметь' 327, 500
- 'Иметь-быть' 328
- Иммиграция и иммигранты 8, 15, 358, 429
- Империализм 39, 167, 168, 210, 324, 325, 335, 358, 359, 365, 393
- Империалистическая война 39, 167, 168, 324, 325, 393
- Империалистическая общественность 336
- Империалистическая политика 335, 359
- Империалистические государственные образования 210, 364
- Империалисты 423
- 'Имущество' 198, 368, 410
- 'Имя' 297, 327
- 'Имя действующего лица' 486
- Ингуши 301
- Ингушский язык 200, 222, 295, 302
- Индейцы 411
- Индивидуум 327
- Индийская ветвь индоевропейцев 425
- Индогерманская система языков см. Индоевропейская система языков
- Индогерманские языки см. Индоевропейские языки
- Индогерманцы см. Индоевропейцы
- Индоевропеизация 98, 128, 145, 152, 375
- Индоевропеизмы 2, 46, 195, 284
- Индоевропеизовавшиеся осетины 183
- Индоевропеизованная Армения 57, 128, 142
- Индоевропеизованные славяне 38
- Индоевропеизованные яфетиды 63, 340
- Индоевропейская грамматика 312
- Индоевропейская культура 314
- Индоевропейская раса 108
- Индоевропейская (прометеидская) система (семья) языков 108, 155, 173, 196, 206, 251, 284, 311, 383, 409, 431, 435, 447, 459, 476, 478, 492, 509, 535
- Индоевропейская (прометеидская) стадия развития 255
- Индоевропейские (прометеидские) языки 11, 15, 19, 21, 37, 51, 57, 86, 108, 109, 111, 123, 138, 139, 145, 148, 150, 152, 173, 185, 187, 191, 196, 199, 206, 213, 224, 229, 266, 270, 277, 278, 284, 288, 310, 312, 315, 318, 323, 325, 326, 333, 335, 339, 342, 343, 347, 352, 375, 383, 409, 425, 426, 431, 435, 447, 459, 471, 476, 478, 492, 503, 535
- Индоевропейский иранизм 109
- Индоевропейский праязык 108, 113, 122, 135, 480
- Индоевропейский родовой строй 56
- Индоевропейский элемент населения Скифии 7
- Индоевропейское состояние языков 138, 310, 425
- Индоевропейское языкознание и индоевропейцы 2, 10, 11, 29, 38, 46, 49, 95, 192, 193, 214, 225, 230, 232, 233, 240, 242, 246, 248, 249, 257, 265, 270, 271, 283, 304, 305, 308, 315, 316, 324—326, 328, 337, 396, 398, 401, 408, 409, 413, 420, 4, 6, 433—436, 438—440, 446, 454, 459, 469, 471, 473, 477, 481, 482, 492, 497, 498, 505, 513, 517, 529
- Индоевропейцы-диссиденты 434
- Индоевропейцы (племена и народы) 3, 4, 7, 11, 15, 52, 53, 57, 64, 68, 111, 120, 128, 148, 178, 185, 202, 206, 207, 209, 210, 213, 223, 225, 226, 242, 249, 251, 288, 306, 310, 312, 315, 319, 323, 335, 340, 345, 348, 351, 361, 424, 425, 426, 445, 459, 503
- Инды 60
- Инорасовые вторжения 304
- Иноязычные языки 289
- Инородцы 345, 346, 348, 460
- Инстинкты 438
- Институт археологической технологии 39
- Институт по научению языков и этнических культур народов Востока СССР 379
- Институт этнических и национальных культур народов Востока СССР 371, 440
- Институты 117, 166, 167, 170, 276, 277, 286, 287, 302, 310, 325, 371, 373, 379, 396, 432, 440
- Инструментальный труд 416
- Интеллигенция 226, 378
- Интервокальное озвончение 297
- Ификсы 231
- 'Имьз' 387
- Иовизы 25
- Ионийский слой населения России 45
- Ионо-баски см. Армяне
- Ионо-беры 300
- 'Ион рус' 324
- Ионские племенные слова 127, 129, 158, 182, 187, 189, 195, 200, 205, 291, 302, 305, 317, 337, 338, 348, 350, 355, 372
- Ионские элементы в грузинском языке 137
- Ионский слой в армянском языке 123
- Ионский тотем 127, 131
- Ионский этнический слой в баскском языке 123
- Ионский язык 135, 137, 182, 187, 189, 197—201, 205, 209, 212, 213, 215, 516, 222, 291, 302, 305, 317, 318, 334, 337, 338, 348, 350, 355, 362, 372, 458
- Ионско-эниохский язык 129
- Ионы 48—50, 63, 122, 123, 127, 135, 158, 187, 189, 195—197, 200, 205, 207, 208, 216, 286, 305, 311, 328, 350, 458
- Ионяне (ионийцы) 25, 45, 48, 50, 63, 128, 129, 322, 328
- Иогированные свистящие звуки 274, 290
- Ишарский говор сванского языка 266
- 'Ишюкентавр' 302
- Иранизация скифов 388

- Иранизм 10. 11. 109. 191. 192. 194. 218. 311
- Иранизм морфологических явлений 6
- Иранизм скифов 191. 192. 218
- Ирановедение и ирановеды 2. 10. 12. 30. 181. 192. 193. 196
- Иранская группа языков 196
- Иранская племенная природа 314
- Иранские письмена 101. 321
- Иранские языки 7. 8. 11. 12. 15. 20. 30. 31. 37. 69. 80. 95. 106. 148. 185. 191—193. 196. 206. 212. 213. 216. 217. 233. 270. 404. 475. См. также: Древнеиранские языки
- Иранский мир 11. 109
- Иранский слой населения Передней Азии 430
- Иранский элемент населения Скифии 7
- Иранский элемент припонтийского населения 69
- Иранское культурное воздействие 79
- Иранское происхождение скифов 1. 6. 7
- Иранское происхождение термидов 30. 57. 106. 110. 185. 270
- Иранцы 1. 6. 7. 11. 12. 15. 16. 57. 65. 123. 148. 194. 195. 202. 210. 213. 220. 242. 286. 311. 314. 340. 357. 358. 360. 404. 408. 520
- Ирландский эпос 236
- Ирландский язык 222. 236. 265. 392. 429. 465. См. также: Среднеирландский язык
- Ирландцы 222. 236. 424. 425. 431
- 'Искать' 267
- Ископаемый человек 65
- Искусство 7. 120. 319. 321. 371. 423. 427
- Ислам 178. 358. 359. 366. 430. 478. 488
- Исламизация 366
- Исламоведение и исламоведы 484
- Испанские арабы 92
- Испанские баски 122. См. также: Баски
- Испанский язык 116. 122. 193. 242. 258. 277. 305. 469. 470
- Исландцы 193. 431
- Исланды 50
- 'Исполни' 23. 509
- Исседоны 210
- Исследование (исследовательская работа, изыскания) и исследователи 1—7. 9—14. 18. 20. 21. 30. 31. 34. 35. 39—41. 44. 46. 47. 51—54. 56. 58. 63. 66—73. 76. 77. 82. 84. 85. 87. 90. 91. 93—96. 98. 99. 101—103. 111—113. 116—120. 122. 126. 127. 131. 138—140. 142. 145. 147—150. 153. 157. 164—168. 174. 177. 180. 181. 191. 193. 194. 200. 204. 210. 211. 213. 215. 219. 236. 241. 248. 249. 259. 260. 262. 265. 270. 271. 274—278. 284—287. 289—291. 294. 298. 302. 303. 309. 310. 314. 315. 317. 319. 321. 323—325. 332. 334. 341—348. 352. 370. 371. 373—374. 385. 389—393. 396—400. 402. 404. 408. 418. 420. 422. 423. 425. 427. 432—435. 439—443. 446. 451—454. 456. 457. 466. 469. 470. 483. 484. 488. 492. 494. 497. 505. 512. 516. 519. 520. 524. 526. 527. 529. 530. 534—536
- Исследовательский институт сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока 310
- 'Истина' 144. 270. 416. 418. 452. 453. 494
- 'Истинный' 270. 494
- Историзм 303
- Историки-словесники 7
- Историко-географические вопросы 2
- Историко-географические представления 67
- Историко-географические сочинения 92
- Историко-культурная среда 74. 78
- Историко-литературные изыскания 310
- Историография 105. 310. 358
- Историческая жизнь 14. 54. 55. 65. 101. 127. 136. 203. 208. 209. 313. 317. 322. 374. 418. 446. 464
- Историческая жизнь Армении 55. 136
- Историческая жизнь Кавказа 14
- Историческая жизнь России 54. 101
- Историческая культура 2. 53. 70. 104. 118. 151. 167. 186. 328. 333. 335. 365. 369. 373
- Историческая культура египтян 118
- Историческая общественность 162. 277. 365
- Историческая правда 136
- Историческая связь 361
- Историческая семантика 294
- Историческая топонимика 390
- Историческая фонетика 88. 122. 124
- Историческая фонетика негетических языков 122
- Историческая цивилизация 118
- Историческая цивилизация египтян 118
- Исторические вопросы 5
- Исторические имена 204. 261. 304
- Исторические источники 6. 20. 24. 30. 44. 57. 61. 71. 91. 96. 104. 105. 120. 126. 165. 186. 192. 194. 204. 206. 209. 223
- Исторические лица 136
- Исторические народы 17. 30. 65. 81. 94. 95. 126. 151. 162. 176. 215. 321. 340. 361. 362. 364. 365. 429. 460
- Исторические науки 119
- Исторические племенные образования 304
- Исторические предания 356
- Исторические процессы 335
- Исторические события и факты 41. 70. 72. 93. 99. 105. 136. 165. 203. 209. 223. 295. 306. 313. 321. 353. 425
- Исторические страны 120. 126. 137. 203. 271. 286. 464
- Исторические типы народов 430
- Исторические эпохи 45. 51. 52. 57. 93. 115. 117. 124. 151. 162. 174. 176. 186. 200. 202. 207. 223. 262. 288. 306. 313. 316. 318—321. 334. 340. 345. 346. 354. 373. 374. 379. 381. 404. 405. 409. 417. 428. 446. 456. 457. 487. 528
- Исторические языки 148. 155. 326. 333. 343
- Исторический материализм см. Марксизм
- Исторический метод 52. 151
- Исторический подход 120. 140
- Исторический процесс 152. 389. 426
- Историческое мировоззрение 50
- Историческое мышление 120. 133. 144
- Историческое общение 141. 209
- Историческое строительство 209. 229. 442
- 'История' 143
- История и историки 4. 6. 7. 14. 19. 22. 30. 31. 34. 37. 38. 40. 41. 44—48. 50. 52. 54. 55. 57. 59. 60. 63—65. 70. 71. 73—78. 80—83. 85.

88. 89. 92. 94—98. 103—105. 109. 111. 113.
119. 121. 126. 129. 130. 132. 134. 136. 137.
144. 153. 154. 163. 165. 170. 180. 186. 193.
202. 204. 206—209. 212. 215. 218. 223. 227.
229—231. 240. 241. 250. 253. 262. 267. 268.
270. 271. 276. 277. 282. 286. 288. 290. 301.
316. 323. 328. 334. 340. 345. 351. 356—358.
361. 370. 371. 373. 390. 393. 394. 396. 400.
404. 409. 412. 415. 418. 420—423. 425—429.
442. 445—447. 451. 455. 456. 462. 466. 467.
471. 480. 481. 483. 484. 487. 488. 490. 495.
496. 506. 507. 509. 511. 513. 514. 517. 523.
524. 526. 527. 530. 531
- История Албании (Кавказской) 71. 73. 97
- История Армении 19. 55. 57. 70. 73. 488.
527
- История города 316
- История Грузии 96
- История Европы 286. 425. 429
- История звуков 288
- История Ирландии 427. 428
- История Кавказа 14. 19. 170. 209. 526
- История культуры 7. 96. 105. 109. 121. 165. 186.
202. 223. 227. 229. 230. 241. 268. 276. 323.
328. 345. 356. 370. 371. 373. 394. 396. 400.
420. 422. 423. 427. 438. 441. 455. 466. 467.
471. 517. 531
- История мариев 442. 446. 462
- История материальной культуры 7. 96. 105. 109.
121. 186. 202. 227. 229. 230. 241. 268. 276.
323. 328. 345. 371. 373. 394. 396. 400. 415.
422. 427. 436. 441. 456. 466. 467. 517. 531
- История металлургии 427
- История мировой культуры 193. 356. 420
- История общественности 328. 418. 422
- История права 396
- История России 54. 70. 98. 163. 361. 526
- История скифов 40. 456
- История средиземноморских писем 429
- История Средиземноморья 209
- История средневековья 357
- История терминов 34. 37. 38. 45. 76. 88. 109.
129. 132. 218. 231. 240. 253. 267. 270. 277.
282. 290. 301. 390. 412. 414. 483. 496. 513.
514
- История Украины 47
- История хазар 98
- История халдинов 208
- История церкви 490
- История человечества 432. 495. 517
- История чувашей 351. 404. 426
- История языка 30. 31. 44. 82. 103. 130. 153.
393. 409
- История яфетических языков 82
- 'Источник' 256. 268. 469
- 'Источник — вода' 347
- Источниковедение 98
- 'Истукан' 185
- Исходные звуки 15. 25. 36. 39. 157. 198. 205.
228. 231. 237. 251—254. 258. 264. 265. 272.
299—301. 316. 330. 337. 358. 360. 363. 384.
385. 443. 445. 450. 453. 472. 493. 496. 504.
524
- Исходный падеж 81
- Исходный слог 9. 81. 244
- 'Исхудал' 280
- Исчезновение звуков 26. 56. 82. 85. 142. 144.
281. 297
- 'Исчерпал воду' 475
- Итальянская ветвь индоевропейцев 425
- Итало-альпийский тотем 131
- Итало-альпийский этнический слой в баскском
языке 123
- Итало-альпийский язык 142
- Итало-иберский язык 277. 317
- Итало-иберы 277
- Итало-сальский тотем 150
- Итальянские племенные слова 316
- Итальянский язык 283—285. 315. 319. 329
- Итаско-альпийский слой в армянском языке
123
- 'Италы' 286
- Италы см. Салы
- Итальянские ученые 434
- Итальянский язык 116. 258. 434
- Итальянцы 431. 434
- 'Итти' 519. См. также: 'ходить'
- Иудизм 94
- Иудеи (иудейский народ) 68. 94. См. также:
Евреи
- Иунии 208. 209
- Кабан 42. 233
- Кабардинский язык 173
- Кабильские берберы 241. 254
- Кабильский язык 253. 254
- Кабинетные ученые 68
- Кавказоведение и кавказоведы 2. 4. 6. 12. 68.
77. 94. 95. 113. 126. 166. 185. 287. 325.
505
- Кавказоведные материалы 4. 10. 17. 68. 94. 95.
101. 113. 185. 193. 321
- Кавказо-мидо-месопотамский мир 527
- Кавказская культура 8. 323
- Кавказская литература 97
- Кавказская музыка 140
- Кавказская среда 76
- Кавказские архитектурные памятники 319
- Кавказские ахейцы 8
- Кавказские баски 45. 125. 127. 281
- Кавказские горцы 64. 74. 88. 94. 141. 310. 354
- Кавказские полужафетиды 40
- Кавказские сарматы 4
- Кавказские турки-жафетиды 94
- Кавказские жафетиды 1. 34. 36. 40. 41. 48. 56.
67. 69. 70. 94. 192. 212. 214. 217. 255. 262.
263. 265. 266. 270. 313. 337. 357. 358. 368.
376. 418. 451. 460. 502
- Кавказские бессловесные песни 140
- Кавказские песни 140
- Кавказские предания 96
- Кавказские сказки 41
- Кавказские скрещенные племена 64
- Кавказские языки и наречия 5. 6. 11. 30. 36.
38. 40. 81. 87. 93. 101. 102. 108. 127. 136.
138. 139. 141. 144. 145. 152. 155. 162. 164.
169. 171. 173. 193. 196. 199. 201. 203. 204.
212—214. 219. 221. 227. 228. 245. 249. 255.
258. 260. 261. 263. 265. 266. 270. 277. 281.
282. 291. 297. 299. 313. 320. 323. 324. 337.
339. 347. 354. 357. 358. 369. 376. 381. 382.
384. 389. 391. 395. 397. 398. 402. 407. 416.
417. 429. 435. 436. 447. 448. 450. 451. 457.

460. 475. 477. 486. 487. 491. 496. 500. 504. 506. 509. 514. 524. 527. 528. 534. См. также: Восточнокавказские языки. Горские языки. Западнокавказские языки. Северокавказские языки. Южнокавказские языки. Яфетические языки Кавказа
- Кавказский историко-археологический институт в Тифлисе 91
- Кавказский комитет 325. 371. 379
- Кавказский лингвистический район 380
- Кавказский мир 11. 12. 14. 42. 67. 70. 75. 81. 198. 233. 236. 358. 477. 483
- Кавказский разряд Государственной Академии истории материальной культуры 117. 166. 276
- Кавказско-зырянские встречи 218
- Кавказцы 1. 4—6. 8. 13. 14. 24—26. 28. 34. 36. 40. 41. 45. 48—50. 53. 56. 64. 66. 67. 69. 70. 74. 80. 81. 88. 92—96. 103. 104. 108. 120. 125. 128. 131. 139. 141. 154. 163. 178. 180. 183. 192. 212. 214. 217. 226. 227. 255. 262. 263. 265. 266. 270. 281. 311. 337. 354. 357. 358. 365. 368. 376. 382. 389. 416. 418. 422. 451. 460. 464. 485. 502. 505. 506. 520. 524. 525. 527
- 'Кадло' 474. 475
- Кадусии 5
- Казахский (киргизский) язык 283. 285. 386
- Казанские татары 141. 147
- Казанские турки 147
- Казанско-татарский язык 147
- Казикумуский язык см. Лакский язык
- Калики-перехожие 356
- Калмезы 298. 299
- 'Калым' 292
- Камариты 160
- 'Камень' 415. 419. 448. 449. 465. 466. 500
- Каменная культура 419
- Каменно-бронзовый период 303. 344. 345
- Каменное хозяйство 419
- Каменные орудия 415
- Каменный век 371. 394
- 'Каменоломня' 449
- Каменописные документы 203. 204
- 'Канал' 493
- Капиталистическо-торговое хозяйство 431
- Капиталистическое торгово-промышленное хозяйство 431
- Каппадокийцы 30. 217
- Карабахский диалект армянского языка 83
- Карабахцы 83
- 'Караван' 75
- Каратинский язык 139. 307
- Карачаи 255
- Карачайско-балкарский язык 491
- Карелы 391. 445. 454
- Карельские говоры 391
- Карельский язык 197. 216. 221. 389—392. 463. См. также: Говор села Сумевиско
- 'Карнавал' 244
- Картвельские языки 435
- Картвельский язык см. Грузинский язык
- Картвельское государство см. Грузинское царство
- Картвелы см. Грузины
- Картская группа языков см. Свистящая группа яфетических языков
- 'Картский' 209
- Картский язык 209. 491
- Карты 491
- Карфагеняне 68
- 'Касаться' 281
- Каситские племенные слова 139
- Каситы 48. 139
- Каспий (каспы) 4. 5. 48. 95. 351
- Каспийско-пантийский путь 76
- Касские племенные слова 139
- Касы 48. 95. 139. 187
- Католический Рим 431
- Католикос 361
- Катедры 11
- Кейский язык 11. См. также: Армянский язык
- Кельтиберы 194
- Кельтоведение и кельтисты 236. 456
- Кельто-финские связи 459
- Кельтская общественность 432
- Кельтская проблема 426. 427. 430
- Кельтские языки 149. 224. 233. 240. 243. 245. 249. 254. 256. 257. 262. 265. 267. 427—429. 435. 449. 456. 458—460. 463. 465. 476. 478. 501. 502. 507. 510. См. также: Древнекельтский язык
- Кельтский слой населения Евразии 430
- Кельтское письмо 429
- Кельты 149. 195. 222. 226. 230. 233—236. 242—244. 251. 252. 255. 257. 265. 424. 426—430. 449. 456. 459—461. 502. 510
- Кембриджский университет 438
- Керемет 464
- Керкеты 8. 13. 42. 353
- Кесра 100
- Кидеройский говор дядойского языка 81. 103. 135. 137
- Киевская княжеская династия 334
- Киликийская эпоха 438
- Киликийское произношение 87
- Киликийцы 75
- Кимбро-кимерский вопрос 194
- Кимбры 194
- Киммерский язык 264
- Киявры 195. 264
- 'Кимер' 206. 288
- Кимерийцы см. Кимеры
- Кимеро-иберский язык 138
- Киверо-сарматы 179. 181
- Кивер-сары 181
- Кимерские племенные названия 163. 199. 200. 372
- 'Кимерский' 33
- Кимерский язык 182. 190. 199. 200. 208. 209. 216. 233. 264. 277. 288. 329. 352. 369. 372. 473
- Кимеры 122. 154. 160. 163. 175. 176. 179. 187. 189. 194—196. 200. 207. 208. 216. 223. 228—230. 264. 286. 331. 344. 353. 357. 364. 365. 369. 406. 407
- Кинетическая речь см. Линейный язык
- Киргизы 386
- 'Кирья' 201
- 'Кислый' 477
- Киссии (киссийцы) 5

- Коми 210—214, 216—218, 220, 222, 290, 293, 303, 304, 307, 373, 376, 383, 387, 407, 408, 435, 445, 454, 463, 468, 474, 476, 477, 486, 508, 521, 523
 Комийский язык (зырянский) 174, 211—214, 216—218, 220—222, 268, 289, 290, 293, 294, 296, 300, 304, 305, 307, 309, 335, 346, 361, 362, 369, 374, 376, 380, 383, 401, 407, 408, 413, 417, 420, 421, 436, 454, 458, 460, 463, 469, 469, 474, 476, 477, 479, 486, 494, 499, 502, 503, 508, 512, 513, 517, 518, 521, 523, 536. См. также: Коми-пермяцкий язык, Ижемское наречие коми́йского языка
 Коми-пермяцкий язык 374, 376, 521
 Комиссия Государственного ученого совета по разработке программ Этнологического факультета Московского университета 274
 Комиссия по изучению племенного состава (КИПС) 277, 373, 376, 392
 Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа см. Кавказский комитет
 Комментарии и комментаторы 5, 127, 164
 'Комната' 401
 Комплексные исследования 434
 Комсомол и комсомолцы 479
 Копеводство 53, 426
 'Копеукротители' 426
 'Конец' 249, 458, 459, 503, 533
 Конечный слог 28, 39, 355
 'Конница' 240, 241
 Контаминация 32, 79
 Конференция археологов СССР в Керчи 373, 379
 'Кончать' 249
 'Кончик' 246, 470
 'Кончик-веретена' 470
 'Конь' 16, 17, 44, 127—129, 135, 139, 234, 239, 241, 289, 292, 295, 302, 307, 308, 311, 413, 455, 482
 'Конюшня' 240
 'Копаль мотыгой' 201
 Коптоведение и коптологи 170
 Коптская литература 169
 Коптский язык 169—172, 175, 180, 185, 219, 277, 411, 417, 450
 Копты 169—171, 180, 219, 411, 423
 'Копье' 37, 58
 'Корабль' 335
 'Корень' 280, 526
 Коренное население 45, 67, 69, 93, 94, 104, 108, 126, 154, 389
 Коренное население Кавказа 69, 93, 104, 108, 389
 Коренное население России 45
 Коренные звуки 8, 13, 15, 23, 36, 82, 85, 87, 89, 110, 114, 125, 142, 172, 176, 247, 254, 293, 296, 297, 300, 308, 328, 330, 494
 Коренные слова 251, 337, 338, 340, 343, 388, 400, 414
 'Корзина' 473
 'Кормилец' 513
 'Кормилица' 513, 531
 Кори 16, 21, 23, 24, 32, 37, 40, 42, 49, 51, 69, 81—90, 106, 109, 110, 115, 127, 130, 142, 150, 159, 160, 170—172, 180, 182, 197, 283, 291, 297, 299, 304, 305, 307, 330, 336, 347, 364, 367, 459, 470, 490, 519
 Корпуэльский язык 233, 234
 'Корова' 193, 279, 280
 'Корова с белым пятном на лбу' 266, 492
 'Коршун' 255
 Косвенные падежи 39, 208, 235, 237, 239, 252, 256, 449, 452, 487, 502, 513, 515, 527
 'Косить' 230, 280
 Космическая стадия развития 453, 459, 461, 495
 Космическая эпоха 141, 222, 261
 Космически-астральное значение слов 461
 Космические герои 518, 519
 Космические представления 16, 142, 222, 223, 231, 239, 470, 490
 Космические термины 14, 52, 123, 193, 202, 216, 219, 220, 221, 238, 245, 250, 255, 257, 260, 262, 265, 269, 302, 317, 326, 332, 340, 341, 354, 391, 401, 403, 412, 416, 417, 420, 444, 461, 463, 473, 476, 494, 496, 499, 500, 518, 525
 Космические явления 202, 238, 250, 261, 312, 332, 356, 361, 515
 Космический тотем 473, 495, 496, 520, 526
 Космическое восприятие 490
 Космическое значение 268, 354, 417, 444, 456, 461, 470, 474—476, 478, 484, 485, 489—491, 495, 499, 515, 521
 Космическое мировоззрение 222, 223, 255, 259, 261, 291, 407, 416, 469, 480, 481, 497, 504, 522, 531, 535
 Космическое мышление 327
 Космическое словотворчество 375
 Костромской говор русского языка 457
 'Кость' 451
 Косы 351, 370
 'Кот' 106
 'Котел' 370
 'Котенок' 109
 Кочевники 69, 77
 Кочевой быт 77, 311
 'Котка' 106, 109
 Краеведение и краеведы 153, 164—168, 173, 185, 274, 303, 344, 345, 348, 393, 395, 498
 Краеведческие вопросы 164
 Краеведческие общества и кружки 278, 363, 395
 Краеведческие съезды 153, 164—168, 274, 289
 Краеведческий подход 164, 165
 Краеведческий съезд в Сухуме 164, 165, 167, 168, 274, 289
 'Край' 73, 246, 247, 294, 413, 503
 'Край неба' 452
 Краниологические материалы 345
 Краниология и краниологи 345, 347, 348
 Краниометрические исследования 347, 348
 'Краса' 115, 150
 'Краска' 116, 515
 Красная армия 392
 'Красная медь' 294
 'Краснота' 115
 'Красный' 115, 116, 134, 149, 150, 222, 271
 'Красный цвет' 222
 'Красота' 115, 143
 'Крепкий' 115

- Крепости 316, 318, 320, 378
 'Крепостные' 378
 'Крепость' 217, 315, 368, 369, 378, 466
 'Кресло' 311
 'Крест' 157
 'Крестьянин' 156, 464
 Критика 313, 396
 Критика индоевропеизма 434
 Крито-эгейская культура 8
 'Кров' 351, 497
 'Кровля' 377
 Кровное родство 483, 511
 'Кровь' 171
 'Кропия' 212
 'Круг' 114, 115, 239, 248, 260, 261, 282, 293, 315—317, 326, 341, 401—403, 412, 460, 465, 467, 469, 470, 473, 476, 497, 532
 Круги народов 65, 94, 150, 152, 221, 313, 348, 359, 361, 364, 366, 443, 454, 461
 Круги понятий и значений 106, 139, 142, 143, 147, 150, 217, 243, 246, 373, 375, 412, 483, 501
 Круги терминов 63, 80, 84, 132, 141, 143, 145, 232, 243, 244, 258, 296, 298, 336, 352, 409, 451, 466, 467, 487, 519
 Круги этнических образований 402
 Круги языков 12, 81, 218, 291, 324, 329, 343, 362, 378, 383, 388, 485, 509, 535
 'Круглый' 243, 401, 412
 'Круговращение' 114
 'Кружево' 460, 532
 Кружок севернокавказской молодежи в Ленинграде 325
 'Крупные' 18
 'Крупный скот' 199, 368
 Крымские народы 365
 'Крыша' 377
 'Крючком' 465
 Квадраты 139
 Квадрийский язык 139
 Кубанская фибула 276
 Кубаны 122
 'Кубок' 80
 'Кувшин' 83, 85
 'Кузнец' 180
 'Кукла' 185, 232, 244, 311, 337
 'Кукуруза' 212, 213
 'Кукурузный хлеб' 230
 'Кукурузный хлебец' 265
 'Кулак' 401
 Культ 2, 28, 33, 34, 38, 55, 58—60, 63, 68, 120, 131, 133, 137, 140, 148, 160, 176, 180, 182—184, 202, 207, 208, 212, 216, 217, 219, 223, 225, 228, 231, 232, 234—239, 243, 245, 247, 250, 251, 255, 259, 261, 263—266, 269, 270, 290, 303, 304, 311, 315, 316, 331, 353, 359, 361, 372, 375, 376, 387, 412, 418, 429, 436, 451, 453, 456, 457, 463, 465, 471, 474—476, 478, 482, 488—492, 496, 499, 501, 502, 509, 517—520, 524, 531, 536
 Культ близнецов 34
 Культ воды 361
 Культ дракона 59, 361
 Культ змеи 58, 59
 Культ лошади 303
 Культ неба 225, 361
 Культ оружия 58, 68
 Культ предков 238, 496
 Культ пса 236, 518
 Культ растений 490
 Культ рыб 361
 Культ свиньи 232
 Культ солнца 235, 259, 489
 'Культурная лепешка' 265
 Культурно-героические термины 259
 Культурное восприятие 375
 Культурное значение 55, 137, 176, 202, 239, 251, 255, 259, 266, 372, 376, 490, 531
 Культурное печение 236, 265, 471
 'Культурное помешение' 501, 502
 Культурное понимание 133
 Культурно-семейное значение 202
 Культурные животные 223, 234, 235, 518
 Культурные места 59, 184, 361, 489, 490, 591, 502
 Культурные образы 223
 Культурные организации 316
 Культурные понятия 231, 501
 Культурные предметы 58, 120, 183, 184, 212, 216, 228, 231, 237, 247, 250, 251, 263, 264, 312, 418, 471, 474, 475, 489, 490, 518
 Культурные растения 489
 Культурные термины (названия) 55, 137, 143, 176, 180, 183—184, 208, 217, 219, 229, 232, 238, 245, 261, 265, 266, 269, 270, 331, 353, 359, 361, 362, 372, 375, 417, 429, 456, 457, 465, 475, 491, 492, 499, 517, 519—522, 524
 'Культурный центр' 315
 Культурный детерминатив 499
 Культурный тотем 496
 Культурный язык 375
 Культура 2, 7, 24, 37, 47, 50, 52, 53, 65, 67, 68, 70, 75—78, 80, 84, 94, 100, 102, 104, 105, 109, 117—121, 125, 136, 151, 155, 160, 165—167, 173, 183, 186, 191, 197, 202, 203, 208, 210, 215, 216, 223, 227, 229, 230, 241, 248, 255, 264, 266, 268, 276, 277, 286, 310, 311, 314, 315, 319—321, 323, 328, 333, 335, 341, 343, 345, 351, 356, 357, 360, 361, 365—371, 373, 389, 393—396, 398, 400, 403, 404, 408, 415, 416, 419, 420, 422—424, 426, 427, 430, 434, 436, 437, 441, 442, 456, 466, 467, 471, 473, 475—477, 481, 495, 498, 505, 506, 516—518, 528, 531
 Культурная жизнь 341
 Культурная история 7, 313
 Культурная обстановка 442
 Культурная отсталость 366, 434, 440, 466
 Культурная революция 422
 Культурное засилье 248
 Культурное колониальное влияние 322
 Культурное население Средиземноморья 65
 Культурное развитие 248, 423, 426
 Культурное самоопределение наций 393
 Культурное строительство 210, 367, 368, 423, 466
 Культурно-историческая государственность 366
 Культурно-историческая жизнь 30
 Культурно-историческая проблема 286
 Культурно-историческая связь 100, 358
 Культурно-историческая связь восточнокавказского мусульманского мира с понтийским миром 100

- Культурно-историческая среда 84
 Культурно-исторические народы 65
 Культурно-исторические отношения 68
 Культурно-историческое восприятие 51. 52. 235.
 Культурно-историческое мировоззрение 2
 Культурно-историческое созидаание городов 64
 Культурно-историческое строительство 366
 Культурно-исторические племена и народы 434. 440
 Культурно-просветительные учреждения 275. 278
 Культурные вклады Месопотамии 321
 Культурные влияния 319
 Культурные достижения 266. 422
 Культурные народы 154. 343
 Культурные нации 66
 Культурные нации Кавказа 65
 Культурные образования 366
 Культурные потребности 442
 Культурные предприятия 323
 Культурные районы 2-7. 320
 Культурные связи коми с месопотамскими народами 408
 Культурные связи удмуртов с месопотамскими народами 408
 Культурные сношения и связи 101. 111. 193. 321. 408
 Культурные сношения и связи Передней Азии и Кавказа 101. 321
 Культурные страны 101. 321
 Культурные традиции 320
 Культурные ценности 186. 328. 356
 Культурные языки 109. 323. 336. 394. 406. 416
 Культурные яфетиды 58
 Культурный мир 52. 104. 105. 314
 Культурный подъем 394. 422. 437. 466
 Культурный уровень 365. 424
 Культурный фронт 528
 'Кумир' 208. 509
 'Кумирня' 312. 501
 Кумыс 74
 Кунеология см. Ассириология и ассириологи
 'Куница' 106. 108. 109
 'Купать' 252
 'Купец' 368
 Купцы (торговцы) 50. 75. 101. 107. 315. 316. 368. 462
 Курган 78. 345. 348
 Курганные времена 345. 347
 Курганные материалы 345
 'Курд' 206. 486
 Курдский язык 11. 106. 110. 192. 204—206. 208. 472. 486
 Курды 6. 206. 208. 472. 484. 486. 487
 'Курица' 226
 'Куртка' 103
 'Кусать' 333
 'Кусок' 106
 Кутанская гимназия 113
 'Кутыя' 265
 Куфические монеты 100—102. 321
 'Куча' 410. 503
 'Куча камней' 449
 'Кучер' 240
 'Кушать' 214. 279. 329. 330
 Кюринский язык см. Лезгинский язык
 Кюринцы см. Лезгины
 Лабиализованные звуки 156. 157
 Лабиальная огласовка см. Губная огласовка
 Лабурдинское наречие баскского языка 252
 'Лавка' 363
 'Лавр' 497
 'Ладонь' 272. 495
 'Лает' 414. 455
 'Лаз' 127
 Лазги 177. 319
 Лазский язык см. Чанский язык
 Лазы см. Чаны
 'Лай' 235. 237. 242
 'Лалать' 85
 Лальский (казикумукский) язык 81
 Ламблэм 57
 Ландшафт 165
 'Лапа' 172
 'Ласка' 106. 108
 'Ласкание' 18
 'Ласка с пушистым хвостом' 106
 Ласкательные слова 39. 302. 346. 467. 468. 491
 'Ласточка' 42. 149. 301. 302. 308
 Латинизация языков
 Латиноведение и латинисты 242
 Латинские народы и племена (латиняне) 37. 169. 188. 213. 425. 426
 Латинский алфавит 408
 Латинский мир 317
 Латинский язык (латынь) 36. 37. 38. 47. 49. 114. 115. 116. 144. 147. 150. 155. 156. 169. 170. 187. 188. 189. 196. 199. 200. 201. 213. 224. 226. 242—235. 240—245. 251—253. 258. 259. 270. 276. 299. 312. 315. 323. 354. 363. 369. 378. 394. 395. 401. 410. 414. 416. 421. 423. 424. 431—435. 449. 458. 459. 473. 478. 492. 497. 499. 502. 504. 516. 519. 532. См. также: Народная латынь
 Лахамульский говор сванского языка 36. 265
 Лашхский говор сванского языка 36. 82. 265. 266
 'Лаять' 235. 237. 242. 243. 414. 455. 503. 517
 'Лгать' 406
 'Лебедь' 56. 61
 'Лев' 242. 453
 'Левая рука' 157. 193. 282. 396
 'Левый' 289. 336
 'Левша' 283
 Легендарные имена 271
 Легенды 46. 47. 54. 56. 58. 59. 60—65. 70. 96. 105. 112. 121. 122. 123. 137. 199. 193. 195. 203. 212. 223. 127. 230. 262. 271. 273. 334. 361. 418. 424. 425. 489. 490
 'Легион' 75
 'Лед' 71. 90
 'Лезвие' 251
 Лезгинские языки 103. 135. 137. 139. 144. 305
 Лезгины (лезгинские племена) 41. 48. 98. 135. 139. 144. 277. 305
 Лейпцигский университет 325
 Леки 319
 Лексика 241. 262. 278. 288. 367. 373. 376. 390. 447. 465
 Лексикография и лексикографы 79. 84. 109. 257
 Лексикон см. Словарь

- Лексический (словарный) материал 21, 91, 101, 103, 107, 121, 132, 145, 170, 197, 211, 218, 232, 241, 243, 278, 310, 321, 332, 343, 353, 395, 410, 453, 459, 462, 487, 504
- Лексический состав языка 376, 390
- 'Леленне' 18
- Лентехский говор сваяского языка 23
- 'Лепешка' 265, 470
- 'Лепешка круглой формы' 250, 265
- 'Лес' 317, 3: 9, 448
- Лесное наречие марийского языка 417
- Лесные марии 417
- 'Лестница' 76
- Летописи и летописцы 44, 46, 47, 54, 55, 60, 61, 72, 74, 77, 80, 96, 105, 107, 175, 198, 203, 208, 209, 227, 263, 318, 334, 347, 350, 367, 410, 429, 443, 457
- Летописные предания 334, 350
- 'Летучая мышь' 342
- Лео-исторические эпохи 206, 223, 262, 404
- Лео-история 227, 446
- Лечумы 293
- 'Лжет' 406
- 'Либенц' 119
- Либийское население Египта см. Либийцы
- Либийцы 118, 119
- Лигуры 120, 123
- Лидийский язык 422
- Лидийцы 468, 471
- 'Лиа' 212
- Лингвистика см. Языкознание
- Лингвистическая среда 19, 23, 31, 37, 38, 39, 82, 86, 87, 132, 247, 297, 299, 307, 311, 476, 500
- Лингвистические круги 398, 420
- Лингвистические представления 80
- Лингвистические русско-кавказские отношения 103
- Лингвистические связи 207, 225, 391, 483
- Лингвистические славяно-яфетические отношения 89
- Лингвистические сравнительные материалы 9, 10, 12
- Лингвистические факты и материалы 1—4, 6, 8—10, 12, 14, 16, 17, 20, 22, 24, 25, 27, 31, 37, 38, 47, 50, 53, 58, 67, 68, 75, 78, 79, 81, 82, 86, 93—95, 98—105, 111, 121, 122, 129—131, 138, 139, 141, 149, 151, 152, 155, 156, 158, 163, 169, 171, 173, 177, 179—181, 191, 193, 195—197, 200, 203, 210, 213—215, 218, 225, 226, 230, 232, 235, 236, 238, 247—252, 255, 257, 259, 260, 262, 263, 266, 267, 272—274, 279, 281—283, 285, 286, 290, 291, 293, 298—301, 308, 310—313, 318, 321, 325, 328, 331, 334, 344—349, 352, 355, 361, 362, 365, 367, 371, 373—376, 378, 382, 394, 395, 397, 398, 399, 400, 403, 409, 411, 412, 415, 417, 418, 420, 426, 429, 435, 436, 439, 440—442, 444, 447, 451, 452, 454, 456, 459, 461, 464, 465, 469, 470, 471, 474, 479, 480, 485, 492, 497, 499, 502, 505, 513, 516, 520, 521, 522, 526, 527, 529, 534, 535
- Лингвистические школы 434. См. также: Индо-европейское языкознание. Индоевропейцы-диссиденты. Яфетическая теория
- Лингвистический анализ 3, 5, 13, 26, 31, 36, 40, 64, 88, 93, 99, 128, 131, 139, 153, 155, 158, 170, 172, 179, 180, 195, 196, 209, 218, 219, 226, 227, 228, 248, 252, 253, 260, 265, 266, 288, 294, 300, 306, 332, 334, 339, 340, 345, 351, 365, 367, 385, 386, 406, 408, 417, 418, 434, 441, 443, 447, 454, 470, 486, 489, 504, 505, 511, 513, 515, 518, 522, 523, 524, 536
- Линейный (графический) язык 153, 327, 345, 462, 494, 495, 496, 497, 499, 515
- 'Липа' 212, 213
- 'Лиса' 242, 243, 385, 386, 415, 453, 468
- 'Лисица' 103, 243, 385, 468, 511
- 'Лист' 385
- 'Листва' 190, 317
- Литература 18, 76, 77, 78, 83, 87, 88, 90, 92, 97, 169, 182, 206, 238, 255, 259, 271, 310, 325, 357, 361, 422, 424, 428, 441, 469, 488, 531
- Литературная деятельность 428
- Литературная жизнь Армении 310
- Литературное творчество 424
- Литературные источники 74
- Литературные памятники 78, 83, 87, 88, 90, 92, 109, 110, 124
- Литературные предания 313
- Литературные произведения 71, 87, 96, 100, 133
- Литературные связи 106
- Литературные сюжеты 46, 488
- Литературные языки 11, 18, 29, 35, 37—39, 57, 59, 70, 75, 76, 80, 83, 84, 87, 92, 103, 106, 109, 114, 123, 124, 129, 131, 132—136, 138, 143, 156, 157, 164, 173, 182, 190, 201, 231, 234, 235, 237—240, 249, 252, 256, 259—261, 264, 266, 273, 280, 281, 283, 307, 324, 330, 340, 341, 383, 385, 389, 390, 391, 393, 455, 466, 471, 475, 476, 483, 486, 489, 490, 491, 493, 496, 499, 504, 505, 508, 514, 518, 521, 529, 530, 533
- Литературоведение и литературоведы 414, 529
- Литонский язык 103, 116, 199, 246
- Литовцы 36, 246
- 'Литургия' 531
- 'Липовой' 251
- 'Лино' 251, 252, 253
- Лицо (рам.) 130, 281, 342, 343, 494
- Лицо (юрид.) 19, 67, 136, 204, 238, 304, 357, 523
- Личные имена 35, 38, 56, 57, 62, 239, 356, 386, 406, 418, 422, 468, 486, 487, 491, 511
- Личные местоимения 419, 504
- 'Ловиль' 532
- 'Ловкий' 233
- Логика 239
- Логическое мышление 294, 326, 417, 419
- 'Лодка' 502
- 'Ложе' 76
- 'Ложка' 78, 87, 88
- 'Ложный слух' 406
- 'Ложь' 406
- 'Лоза' 489
- Лондонское Азиатское общество 1
- Лопари 303, 383
- Лопарский язык 304, 346, 383

- Лошадь 44. 122. 95. 116. 132. 133. 134. 135.
 136. 139. 142—148. 150. 157. 176. 177. 178.
 222. 234. 239. 240—243. 245. 257. 263. 281.
 288. 289. 290—292. 294. 295. 301—303. 306.
 307. 311. 354. 376. 385. 413. 414—416. 453—
 456. 459. 482. 502—504. 517. 518. 526
 'Лошадь - вода' 257
 'Лошадь—восходящее солнце' 307
 'Лошадь - женщина' 308
 'Лошадь - река' 257. 308
 'Лошадь - свет' 307
 'Лошадь - солнце' 134. 144. 151. 257. 308
 'Лошак' 376. 456
 Луговое наречие марийского языка 210. 377.
 378. 380. 415. 417. 446. 448. 449. 461. 494.
 526
 'Луговой' 378
 Луговые марии 210. 377. 378. 446. 526
 Лузы 125
 'Лук' 36. 159
 'Лува' 137. 172. 222. 244. 259. 260. 283. 326.
 382. 405. 417. 418. 419. 420. 463. 478. 479.
 493
 'Луч света' 253
 'Лучше' 449
 'Лучший' 129. 449
 'Любовник' 531
 'Любовница' 531
 Любовный эпос 123
 'Любовь' 133
 'Любодейка' 235
 'Людь' 14. 139. 145. 188. 274. 293. 515. 527
 'Людоед' 216
 'Лядвель' 282
 'Маг' 406
 'Магазин' 368
 Магическая связь 473
 Магическая сила 229. 245. 457
 Магические символы 405
 Магические термины 259. 456. 457
 Магическое воздействие 405
 Магическое восприятие 244. 473. 481
 Магическо-тотемическое значение 255
 Магия и маги 225. 229. 235. 238. 244. 250. 259.
 436. 456. 457. 473. 495
 Магоги 104
 Магометане см. Мусульмане
 Магометанские писатели 68
 Мадридский академический словарь испанского
 языка 193
 Мадьярский язык см. Венгерский язык
 Мадьяры см. Венгерцы
 Маздензм 178. 353. 359. 360
 'Маис' 212. 213. 266
 'Маисовый хлеб' 212
 'Май' 490
 Майстийский язык 302
 'Малая собака' 243. 386. 415. 453. 463
 'Маленький' 421
 'Маленький хлебец' 265
 Малкары 445
 Малоазийские боги 54
 Малоазийские народы 449
 Малоазийско-европейские скрещенные пле-
 мена 64
 Малолитературные языки 287
 Малороссийские песни см. Украинская народ-
 ная музыка
 Малороссийский язык см. Украинский язык
 Малороссы см. Украинцы
 'Малый' 243. 385
 'Мальчик' 18. 23. 34. 463. 472. 488. 489. 492.
 493. 504. 511. 512. 514. 515. 518
 'Мама' 491
 'Маменька' 491
 Мардапеты 488
 Марды 487 см. Мидяне
 Марии 210. 212. 217. 267. 293. 299—302. 332.
 343. 346. 350. 352. 360. 366. 369. 370. 373.
 376. 377. 378. 380. 383. 387. 407. 412. 417.
 418. 430. 439. 440—446. 450—457. 459. 461.
 462. 464. 465. 466. 474. 477. 479. 482. 494.
 503. 522. 525. 526. 534. 535
 Марии горы 377. 378. 465. 526
 Марии западные 465
 Марийский техникум в Козьмодемьянке 374.
 379
 Марийский язык 210. 212—214. 221. 242. 267.
 283. 290. 293. 294. 301. 302. 305. 307. 334.
 335. 343. 346. 352. 366. 368—370. 374. 376.
 380. 383. 406. 409. 410. 412. 415. 417. 418.
 436. 437. 439. 440. 442—457. 461—466.
 474—477. 479. 482. 486. 494. 502. 503. 518.
 519. 522. 526. 534. 535. 536. См. также:
 Ветлужское наречие марийского языка.
 Горное наречие марийского языка. Лесное
 наречие. Луговое наречие. Кокшармар-
 ский говор марийского языка. Козьмо-
 демьянский говор. Уржумский говор. Ца-
 ревский говор. Яранский говор марийского
 языка
 Марповедение и мариеведы 439. 440. 451. 466
 Марксизм и марксисты 323. 420. 423. 481. 482.
 517. 523. 529. 534
 Мары 208
 Масагеты 4
 Масихи 136
 'Масличное дерево' 497
 Массово-публицистический язык 394
 'Мастер' 486. 532
 Математика и математики 68. 481
 Материализм 482
 Материальная база 409. 473. 481. 484. 504. 536
 Материальная культура 7. 24. 37. 67. 70. 75.
 78. 80. 84. 94. 100. 102. 104. 105. 109. 117.
 121. 160. 186. 191. 197. 202. 203. 223. 227.
 229. 230. 241. 255. 268. 276. 277. 310. 311.
 321. 323. 328. 345. 357. 371. 373. 394. 396.
 400. 404. 415. 422. 427. 430. 434. 436. 441.
 456. 466. 467. 471. 473. 475—477. 481. 495.
 516. 517. 531
 Материальная среда 46. 52. 72
 Материальное значение слов 85. 403. 408. 414.
 416. 474. 475. 497. 500
 Материально-хозяйственное производство см.
 Производство
 Материальные интересы 433
 Материальный мир 96. 408
 Матисны 15
 Матриархат 56. 211. 224. 227. 286. 386. 407.
 419. 471. 481. 485—488. 491. 509. 510. 511.
 527

- Матриархия 94
 'Маль' 54. 226. 243. 406. 412. 461. 471. 472.
 473. 480. 482. 484. 485. 487. 491. 511. 512.
 513. 525. 527. 531. 532. 533
 'Мать-девственница' 472
 'Мать-девушка' 485
 'Мать-земля' 491
 'Мать-ко милица' 513
 'Мать-хозяйка' 480
 'Мать-человек' 473
 'Махать' 283
 Машинная техника 419
 'Мебель' 143
 Мегалитическая культура 50
 Мегалитический мир 50
 Мегеры см. Мегрелы
 'Мегрел' 30. 82. 189. 486
 Мегрелизмы 174
 Мегрело-чанская группа языков 86. 138. 298
 Мегрело-чанский язык 34. 75. 86. 102. 140. 164.
 170. 174. 186. 234. 274. 298. 413. 450. 451.
 472. 494. 510. 512
 Мегрело-чань 30. 126. 510
 Мегрельские сказки 40. 41. 42
 Мегрельский язык 5. 15—17. 19. 22—29. 31.
 33. 35—37. 40—42. 56. 57. 63. 81—87. 89.
 100. 105. 106. 109. 113. 122. 124. 127—131.
 133. 141. 153. 163. 169—172. 174—177. 180.
 183. 184. 187. 189. 198. 201. 212. 214. 215.
 217. 219. 221. 226. 228. 230. 231. 234. 241.
 245. 247. 248. 250. 252. 254. 256. 257. 260.
 265. 266. 268. 272. 279—282. 284. 290. 297.
 308. 313. 329. 330. 337. 339. 341. 342. 362.
 363. 373. 381. 386. 387. 389. 397. 400. 402.
 403. 407. 412. 429. 435. 448—450. 460. 463.
 467—474. 478. 480. 482. 483. 485. 486.
 488—492. 494. 500. 504. 505. 506. 509. 510.
 512. 513. 516. 519. 523. См. также: Самур-
 заканский говор мегрельского языка. Сенак-
 ский говор мегрельского языка
 Мегрелы 22—28. 36. 41. 42. 56. 63. 74. 82. 85.
 104. 106. 124. 127. 154. 163. 170. 171. 172.
 174. 175. 176. 178. 180. 201. 212. 214. 215.
 217. 219. 225. 231. 256. 257. 265. 313. 330.
 341. 377. 386. 460. 467. 468. 470. 482.
 485. 488. 489. 490. 491. 505. 506. 510. 523.
 525
 'Медведь' 514
 Медицина 92
 'Медлить' 521
 Меды 208
 'Медь' 38. 197. 310. 500
 Медь 193. 389. 415. 418. 419
 Междометия 233. 243. 499. 504
 Междометия удивления 504
 Международные термины 14
 Международные языки 44
 'Мелкий' 18
 'Мелочь' 216. 18
 Мелы 61
 Меновые единицы 101. 105
 'Мера' 83
 'Мерин' 146. 147. 290. 291. 376. 385
 Мерские племенные слова 355
 'Мертвые' 145
 Мертвые народы 435. 446
 Мертвые языки 323. 329. 391. 395. 423. 424.
 432. 433. 484. 492. 496. 511. 522
 Меры 83
 Меры жидкостей 83
 Меры сыпучих тел 83
 Мера (меряне) 290. 303. 346—353. 460. 526.
 535
 Месопотамско-кавказские культуры 516
 Месопотамская клинопись 293
 Месопотамская культура 323
 Месопотамские завоеватели 124
 Месопотамские народы 182. 178. 221. 321. 355.
 365. 404. 408. 441. 443
 Месопотамские языки 277. 293. 323. 369
 'Местечко' 315. 316
 'Мествые' 332
 'Место' 375. 501. 522. 525
 Местоменя 29. 130. 311. 342. 343. 375. 389.
 419. 467. 486. 487. 496. 504. 514
 Местоменные префиксы 130. 231. 467. 504
 Местоменные элементы 169. 343
 'Место кушанья' 253
 Месхи 97. 100. 129. 137. 348
 Месхиазмы 122. 124
 Месхские элементы грузинского языка 137
 Месхский слой сванского языка 11
 Месхский язык 137
 'Месяц' 172. 244. 250. 405. 420. 479. 492
 Металлическая культура 193. 339. 419
 Металлические века 371. 389
 Металлическое хозяйство 419
 Металлургическая терминология 37. 38. 40.
 277. 427
 Металлургические районы 39
 Металлургия 37—39. 40. 277. 427
 Металлы 14. 30. 37—41. 73. 88. 193. 194. 197—
 202. 210. 223. 294. 310. 313. 326. 362. 389.
 415. 418. 419. 427. 444. 501
 Метатеза 235
 Метафоры 73. 80. 83. 88. 89
 Метисация племен см. Скрещение племен
 'Метка' 266. 491
 Метод исследования 11. 46. 52. 75. 84. 86. 98.
 103. 117. 119. 151. 153. 157. 166. 191. 193.
 195. 205. 219. 225. 227. 241. 243. 249. 266.
 286. 313. 325. 326. 328. 396—400. 408. 410.
 423. 435. 439. 447. 454. 466. 498. 505. 522.
 528. 529. 530. 534. См. также: Сравнитель-
 ный метод. Формальный метод
 'Мех' 89. 198
 Меха 90. 92. 104—107. 109
 'Меч' 37. 106. 495. 496
 'Меченый' 266. 491
 Мешанность народов см. Скрещение племен
 Мешанные народы см. Скрещенные племена
 Мешехи 97
 'Мешок' 40
 Миграции (переселения) народов 14. 16. 17.
 70. 99. 104. 123. 148. 151. 165. 194.
 195. 208. 315. 321. 424. 426. 427. 428.
 430. 477
 Миграции слов 141
 Мидийский язык (язык второй категории ахе-
 менидских надписей. Новозлажский язык)
 53. 69. 237. 242. 414. 476. 494. 495. 499—
 501. 511. 515. 516. 518—520. 524. 525. 527.

523. См. также: Язык ахеменидских клинописных надписей
 Мидийцы (мидяне) 5. 53. 57. 59. 61. 208. 487. 499. 513. 527
 Мидяне см. Мидийцы
 'Мизинец' 330
 Микрокосм 263. 375. 417. 496. 515
 Микрокосмическая стадия развития 461
 Микрокосмические термины 260. 417. 463. 470. 473. 480. 493. 495. 531
 Микрокосмическое использование слов 263. 476. 478. 480. 494. 511. 515. 521. 531
 'Милая моя' 472
 Милетские греки 228
 'Милость' 51. 84. 110. 296
 Мирика 153. 345
 Мимический язык 153
 Мингрельский язык см. Мегрельский язык
 Мингрельцы см. Мегрелы
 Мингрелы см. Мегрелы
 Миней 518
 Минеральный мир 468
 Мипон 518
 Минойская культура 518
 'Минута' 15
 'Мир' 114. 460. 499. 506. 508. 522
 'Мир + земля' 460
 Мировая глоттогония 266. 268. 442. 466. 535
 Мировая история скифов 40
 Мировая культура 8. 193. 356. 420. 431
 Мировая наука 398
 Мировое значение терминов 244
 Мировое хозяйство 420. 431
 Мировоззрение 2. 50. 66. 119. 152. 166. 202. 219. 222. 223. 255. 259. 261. 269. 304. 328. 344. 348. 362. 391. 394. 398. 400. 403. 407. 408. 411. 416. 418. 419. 422. 429. 433. 434. 436. 441. 453. 460. 467. 469. 473. 479. 480. 481. 484. 488. 489. 490. 491. 495. 497. 504. 516. 522. 529. 531. 535
 Мировосприятие см. Мировоззрение
 Мировые государства 202. 358
 Мировые языки 192. 394
 'Мирт' 497
 Миссионерская транскрипция 274
 Миссионерство и миссионеры 107. 274. 365. 490
 Мистика 232. 439
 Мистическое восприятие 239
 Митани 197
 Митанский язык 197
 'Миф' 259. 262
 Мифические времена 305
 Мифические герои 41. 237. 270
 Мифические образы 236
 Мифические существа 236. 361. 486
 Мифические явления 263
 Мифические эпохи 354
 Мифический мир 361
 Мифологическая группировка 243
 Мифологическая школа 46
 Мифологические представления 16. 54. 115. 132. 239. 303. 456
 Мифологические пучковые значения 135. 141. 152
 Мифологические термины 220. 257. 311. 361
 Мифологическое мышление 411. 412. 419
 Мифологическое словотворчество 141
 Мифологическо-семантическая связь 311
 Мифотворческое мышление 233
 Мифотворчество 40. 238
 Мифы и мифология 16. 40. 41. 46. 47. 141. 202. 223. 229. 232. 236. 241. 243. 250. 257. 271. 361. 416. 418. 427. 441. 456. 468. 471. 473. 482
 'Мишень для стрелы' 36
 Младописьменные народы 440. 522
 Младописьменные языки 394. 395. 422. 435. 437. 440. 522
 'Много' 317. 506
 Многозначимость слов см. Полисемантизм
 Многоплеменность 46. 47. 55. 93. 177
 Многоприродные языки 343
 Множественное число 5. 6. 9. 10—21. 23—36. 40. 49. 51. 55. 56—58. 62. 63. 70. 71. 81—83. 89. 93. 95. 103. 106. 107. 124. 125. 129. 130. 134—137. 139—146. 157. 158. 162—164. 170. 180. 182. 184. 188. 189. 196. 205. 210. 212. 217. 218. 222. 228. 233. 235. 240. 243. 246. 251. 253. 254. 270. 272. 273. 280. 283. 283. 286. 288. 293. 301. 302. 305. 309. 341. 354. 355. 362. 363. 371. 377. 414. 473. 473. 486. 487. 491. 493. 499. 501. 502. 503. 509—517. 521. 527. 531
 'Множество' 139. 145. 317. 354
 Могильник Зарайского уезда 348
 Могильники 77. 78. 101. 348. 427
 Модальность гласных звуков 389
 Модальность оформления 262. 511
 Модальность связи 251
 Мокский говор армянского языка 106. 110
 Мокский говор кураского языка 106
 Мокша-диалект мордовского языка 218. 219. 380. 381. 382. 449
 Мокшане см. Мордовцы - мокша
 'Молва' 406
 'Молебен' 519. 520. 525
 'Молитва' 519
 'Молиться' 519
 'Молодец' 452
 'Молодой' 24. 421
 'Молодуха' 452
 'Молюко' 279
 Монастыри 39. 59. 82. 320. 390. 490
 Монастырь св. Георгия в Мугни 59
 Монастырь на Большой Лиакве 490
 Монахи 82. 483. 489
 'Монахиня' 483
 'Монахиня + девица' 483
 Монголо-турецкая семья языков 331
 Монгольские языки 73. 289. 411
 Монгольский титул 180
 Монголы 73. 74. 75. 180. 370
 'Монетная единица' 105
 Монеты 33. 70. 92. 100—103. 105. 273. 301. 321
 Мовографини 4
 Монолитные языки 422
 Моносемантизм 472. 516. 520
 Моносиллабическая стадия развития 403. 418
 Монументальные памятники см. Памятники архитектуры

- Мор' 521, 532
 Мораль 133
 'Морда' 251
 Мордовский язык 218—220, 252, 335, 368, 374—376, 380—383, 436, 449, 465, 478. См. также: Мокша-диалект. Эрзя-диалект
 Мордовцы (мордвинны) 300, 370, 373, 376, 380, 382, 383, 387, 454
 Мордонцы-мокша 216, 454
 Мордовцы-эрзя 220, 369, 454
 'Море' 16, 17, 31, 49, 156, 160, 169, 170, 220, 221, 256, 257, 293, 309, 341, 429, 461, 469, 475, 482
 Мореплаватели 223
 Морфологическая часть грамматики чувашского языка 275
 Морфологические категории 382
 Морфологическиеращения 27
 Морфологические придатки 375
 Морфологические разъяснения 228, 458
 Морфологические элементы 12, 31, 81, 239, 354, 371
 Морфологические эпохи 362, 375
 Морфологические явления 27, 82, 115, 116, 373, 515,
 Морфологический анализ 13, 25, 55, 378, 513
 Морфология 6, 8, 12, 18, 15, 21, 25, 27, 31, 33, 35, 37, 38, 49, 55, 81, 82, 93, 95, 115, 116, 121, 149, 159, 160, 192, 195, 196, 228, 239, 251, 266, 272, 275, 282, 288, 338, 354, 362, 371, 373, 375, 378, 382, 390, 447, 458, 462, 466, 485, 486, 496, 509, 513—515
 Морфология имен 13, 55
 Морфология терминов 31, 95
 Морфология яфетических языков 49, 82
 Московитяне 97
 Московский университет 274
 Мосохи 97. См. Месхи
 Мосоховский язык см. Месхский язык
 'Мост' 340
 Мосхи 15, 97
 'Мотыга' 201
 Мотыжная культура 202
 Мотыжная эпоха 202
 Мотыжное земледелие 202
 'Мочить' 51
 Мошохи 97. См. Месхи
 Моши 55
 'Мошь' 281, 285, 327, 336
 'Мрак' 475, 533
 Мтиулы 491
 Мтиульский говор грузинского языка 491
 'Мудрость' 225
 'Муж' 145, 188, 189, 292, 293, 352, 473, 480, 486, 513, 526, 527
 'Мужественный' 384
 'Мужик' 143
 Мужские имена 23
 Мужской род 224, 407, 418, 419, 471
 'Муж-супруг' 188, 189
 'Муж-человек' 384
 'Мужчина' 5, 188, 189, 218, 226, 292, 293, 480, 486, 492, 511, 512, 513
 Музеи 274, 275, 278, 287, 531
 Музей народоведения 274
 Музыка 54, 57, 111, 140, 141, 162, 230, 408
 'Мука' 264
 Мулахский говор сванского языка 266
 'Муравей' 280
 Мусульмане 68, 121, 125, 278, 358, 359, 366
 Мусульманисты 108
 Мусульманская культура 100
 Мусульманская религия см. Ислам
 Мусульманские восточные писатели 47
 Мусульманские языки 108
 Мусульманский мир 100
 Мусульманское влияние 285
 Мусульманство 341, 365, 366, 484
 Мутация звуков 171, 172
 'Муха' 279
 Мушки 97, 136, 179
 Мхитаристы 72, 75, 89
 'Мы' 474
 Мысли 16, 21, 90, 121, 154, 204, 294
 Мыслители 68, 202
 'Мысль' 495, 499
 'Мышь' 252, 280
 Мышление 3, 46, 50, 52, 120, 133, 138, 144, 153, 156, 167, 180—188, 220, 226, 233, 239, 244, 248, 267, 269, 294, 304, 311, 326—328, 387, 405, 411, 412, 416, 417, 419, 424, 441, 442, 446, 454, 459, 467, 469, 471, 480, 481, 483, 484, 495, 497, 498, 513, 520, 523, 529, 530, 531, 535
 Мягкие согласные 282, 290
 'Мясо' 241, 243, 244
 'Мясо ребер' 244
 'Мяукание' 109
 'Мяукать' 109
 'Мяч' 114
 'На' 280, 497, 499
 'Набер' 146
 'Набирать основу' 473
 'Наблюдаю' 331
 'На виду' 414
 'На глазах' 416, 417, 463
 'Награда' 151
 'Нагревать' 267
 Надгробные надписи 202
 'Надевать' 143
 'Надевать упряжь, шоры, сбрую' 143
 Надписи 3, 7, 15, 20, 25, 28, 29, 32, 34, 40, 53, 61, 63, 82, 101, 102, 124, 131, 136, 140, 144, 148, 170, 202, 203, 206, 208, 272, 273, 296, 311, 321, 323, 398, 422, 494, 501, 513—516, 520, 521, 524, 525, 527
 Надстрочные понятия 416, 493, 518
 Надстрочные термины 258, 270, 403, 418, 459, 497
 Надстрочный мир 403, 408, 447, 452, 495, 497
 Надстройка 225, 258, 270, 473, 481, 514, 535
 'Наезд' 128, 129, 134, 146, 241
 'Наездник' 145
 'Наездница' 243
 Названия см. термины
 Названия богов (божества) 14, 55, 60, 120, 140, 141, 148, 160, 176, 183, 197, 216, 218, 219, 222, 269, 277, 289, 295, 312, 315, 326, 331—334, 337, 351, 359, 407, 417, 496, 501, 511
 Названия героев 62, 336
 Названия гор 48, 49, 51, 61, 136, 165, 197, 279, 345, 403, 486, 507

- Названия городов и населенных пунктов 15.
 16. 27. 28. 30—33. 35. 36. 39. 45. 60—63.
 77. 80. 81. 90. 99. 111. 122. 125. 127. 137.
 147. 155—160. 162—165. 176. 182. 184. 189.
 207—209. 217. 228. 229. 272. 273. 279. 288.
 289. 304. 315. 317—319. 333. 343—345.
 349—355. 367. 369. 370. 372. 376—378. 403.
 404. 422. 445. 446. 456. 465. 483. 486. 490.
 491. 497. 507. 508. 518. 520. 522. 523—525.
 536
- Названия дней 202. 341. 479. 493. 525
- Названия животных, насекомых и птиц 14. 33.
 41. 53. 67. 87. 105—109. 122. 133. 142. 148.
 176. 197. 198. 222. 232. 234—236. 239. 242.
 245. 250. 255. 256. 262. 288. 303. 307. 311.
 317. 326. 332. 342. 361. 386. 413. 414. 426.
 453—455. 459. 468. 471—473. 491. 502. 503.
 507. 512. 517. 518. 520
- Название заливов 140. 272
- Названия злавов 53. 113. 212. 213. 215. 228.
 250. 268. 269. 415
- Названия индивидуумов 26. 37. 187
- Названия мебели 103
- Названия месяцев 479—490. 525
- Названия металлов 14. 30. 37. 38. 40. 193.
 197—202. 277. 310. 361—363. 415. 418. 419.
 509
- Названия морей 49. 107. 155. 165. 307. 354.
 403. 507
- Название мысов 33
- Названия напитков 100
- Названия народов см. Этнические названия
- Названия одежды 103
- Названия озер 15—18. 165. 376. 403
- Названия оружия и орудий 36. 37. 58. 294.
 415. 469. 471. 500
- Названия островов 11. 147. 320. 354
- Названия племен см. Этнические названия
- Названия плодов 107. 212. 213. 264. 490
- Названия посуды 84. 85
- Названия праздников 417. 418. 490
- Названия предметов культа 237. 250. 261. 471.
 474. 489
- Названия предметов питания 212. 213. 215.
 228. 250. 265
- Названия растений 80. 87. 108. 212—214. 269.
 361. 415. 489. 490
- Названия рек 2. 3. 22. 25. 26. 32. 33. 45. 48.
 49. 51. 62. 64. 126. 127. 135. 136. 137. 146—
 148. 150. 165. 177. 178. 209. 217. 257. 279.
 294—297. 303—305. 307. 311. 318. 333. 337.
 344. 345. 347. 353. 354. 376. 378. 403. 412.
 429. 474. 482. 490. 507. 508. 522. 523. 526
- Названия рыб 52. 214
- Названия светил см. Космические термины
- Названия святилищ и святых 140. 212. 285.
 390. 509
- Названия семейных отношений см. Термины
 родства
- Названия словесий 51. 63. 69. 115. 208. 293
- Название Старого Света 311. 317
- Названия строительных материалов 136
- Название судов 160
- Названия товаров 93. 101. 105—107
- Названия хозяйственных предметов 363. 475.
 476. 479
- Наклонення 130. 267. 305. 327. 400. 507
- 'На краю' 414
- 'Наложница' 237. 472
- Намайский язык 399
- 'На небе' 452
- 'Найиток' 85. 86. 88. 89
- 'Напоить' 89. 533
- 'Направление' 336
- Нарашение 8. 217. 386
- Нарашение показателей многожественности 30
- 'Наречие' 259. 482. 497
- Наречие (грамм.) 414. 416. 417
- Наречия и говоры. 17. 21—23. 27. 31. 36. 46.
 58. 69. 76. 81—84. 87. 88. 103. 106. 108—
 110. 131. 135. 137. 142. 147. 148. 174—176.
 186. 199. 201. 212. 215. 226. 230. 231. 243.
 244. 249. 252. 256. 258. 261. 262. 265. 266.
 272. 274. 278. 279. 282—284. 290. 291. 298.
 303—305. 345. 375. 377. 378. 380. 382. 383.
 388—391. 415. 417. 423. 446. 448. 449. 451.
 457. 461. 463—466. 470. 494. 498. 510. 523.
 526. 529
- Наречия и говоры яфетических языков 21. 23.
 388
- Нарцательное значение слова 24. 51. 32. 35.
 49. 51. 131. 135. 136. 158. 176. 178. 187. 188.
 311. 350. 372. 421. 473. 525
- Нарцательные имена 35. 36. 38. 41. 60. 124.
 155. 157. 158. 163. 170. 175. 176. 188. 193.
 194. 220. 228. 249. 260. 288. 300. 301. 349.
 351. 353. 362. 363. 371. 459. 460. 468. 508.
 523. 526
- 'Народ' 18. 487. 513
- Народ 1—8. 11—42. 44—113. 115. 116. 118—
 129. 131—145. 147—152. 154—158. 160.
 162—165. 167—189. 191—249. 251—279.
 281—291. 293—307. 310—317. 319—323.
 325. 327—337. 340—371. 378. 374. 376—391.
 393. 395—408. 410—431. 434—438. 440—
 446. 449—451. 453—480. 483—491. 493—
 503. 505. 506. 508—528. 530. 534—536
- Народная жизнь 139
- Народная латынь 258. 259. 414
- Народная материальная культура 104
- Народная мудрость 241
- Народная музыка 54. 57. 111. 513
- Народная огласовка 231
- Народная память 245
- Народная религия 360. 361
- Народная среда 92
- Народная этимология 18. 19. 47. 49. 57. 219.
 236. 245. 297. 360. 367. 444
- Народное мировоззрение 491
- Народное мифотворчество 40. 47
- Народное чтение 256
- Народно-психологическое мышление 3
- Народно-языческий культ 55. 59. 183. 361
- Народные боги 335
- Народные верования 59. 361. 441. 466. 475
- Народные мифы 47
- На; одные обычаи 121. 139
- Народные организации 359
- Народные песни см. Народная музыка
- Народные празднества 361
- Народные предания 6. 40. 57. 64. 96. 230. 334.
 335

- Народные представления 241. 361
 Народные святыни 361
 Народные сказки 250
 Народные термины 18. 19. 26. 28. 87. 110. 121. 139. 183. 184. 243. 345. 349
 Народные этнические термины 18. 19. 26
 Народные языки 8. 18. 19. 76. 87. 92. 169. 173. 223. 231. 234. 237. 254. 258. 259. 266. 267. 273. 277. 330. 469. 471—478. 483. 489. 490. 493. 495. 497. 503. 508. 509. 512. 514. 520. 521. 523. 525. 531. См. также: Народный армянский. Народный грузинский. Народная латынь
 Народный быт 59. 117
 Народный культ 475
 Народный эпос 57. 59. 139. 271. 360. 361. 518. 520
 Народы Кавказа см. Кавказцы
 Народы-строители 366
 'Наручник' 336
 'Наряд' 143. 150
 'Нарядный' 114
 'Наряжать' 143
 'Насекомое' 472
 'Население' 527
 Население Абхазии 125. 129. 131. 160. 174. 176. 272. 273
 Население Азербайджана 56
 Население Аквитании 144
 Население Албании (кавказской) 76. 80. 81. 91. 96. 104
 Население Алтая 200
 Население Америки 65
 Население Апеннинского полуострова 49. 51. 173
 Население Аравийского полуострова 496
 Население Арамейской земли 124
 Население Армении 23. 35. 53. 56. 57. 123. 124. 128. 136. 195. 204—207. 319. 360. 390. 487. 513
 Население Азербайджана 151. 165. 192. 445. 447. 457
 Население Африки 50
 Население Балканского полуострова 49. 51. 173
 Население Болгарского государства 366
 Население восточного побережья Черного моря 82
 Население восточной Европы 335. 348
 Население Галлии 179. 428
 Население Грузии 56. 386. 390
 Население Гурии 174. 467
 Население Дагестана 70. 319
 Население древней Руси 348
 Население Евразии 111. 320
 Население Европы 50. 56. 120. 286. 287. 304. 333. 348. 370. 447. 458
 Население Египта см. Население Северной Африки
 Население западной Европы 120. 141. 179. 421
 Население Ирана 56
 Население Испании 123
 Население Италии 49. 150. 312
 Население Кавказа см. Кавказцы
 Население каменно-бронзового периода 303. 344
 Население Каппадокии 53
 Население Кипра 147. 355. 365
 Население колониальных стран 433
 Население Колхиды 26
 Население Костромского края 303. 345. 346. 348. 351—353. 460
 Население Крита 147
 Население Крыма 163
 Население Леонского края 244
 Население Лечхума 160
 Население Лузитании 125
 Население Малой Азии 49. 56. 424
 Население Мегрелии 174
 Население Месопотамии 443
 Население Месхии 15
 Население Мидии 53
 Население Палестины 145
 Население Паргава (Берлака) 19
 Население Передней Азии 109. 417. 441
 Население Парнейского полуострова 45. 179. 193. 459
 Население Приволжья 68. 102. 158. 210. 215. 264. 277. 290. 291—293. 294. 302. 306. 311. 322. 335. 337. 344. 353. 361. 368. 373. 378. 379. 404. 416
 Население Прикаспия 79. 82
 Население Причерноморья 17. 22. 31. 69. 75. 99. 365. 424
 Население России 45—47. 50. 51. 53. 70. 111. 306. 337. 338. 348
 Население Рязанской губернии 348
 Население севера 335
 Население Северной Африки 50
 Население северо-восточной Европы 211. 332
 Население Скифии 7. 22. 195
 Население Средиземноморья 48—50. 53. 65. 171. 399
 Население Талышии 49
 Население Тжугараками 184. 185
 Население Ужуганы 227
 Население Уржума 446
 Население Урмийского бассейна 17. 18. 20
 Население Утии 19
 Население Финляндии 390. 445
 Население Франции 123. 142. 240. 249
 Население Халдинии 203—205
 Население Цизальпины 243
 Население Черноморья 49. 104. 127. 153. 154. 160. 163. 172. 174. 227
 Население Шамхора (Шамхур) 19
 Население Элады 150
 Население Этиуни 16. 81
 Население юга России 111. 112. 305
 Население южного Причерноморья 203
 'Населенный пункт' 163. 164. 499
 Наследственность 68
 'Настиг' 329
 Настоящее время 85. 127. 231. 253. 519
 Насыпная почва 52
 Натуральное хозяйство 431
 Наука 7. 45. 46. 50. 63. 69. 90. 95. 96. 113. 117. 119. 121. 133. 154. 164—167. 203. 204. 209. 225. 244. 271. 287. 311. 324. 325. 346. 361. 370. 373. 393. 398. 399. 423. 426. 428. 436. 439. 440. 442. 446. 449. 461. 529. 531

- Научная литература 8. 19. 43. 46.77. 92. 100. 122. 167. 173. 181. 187. 238. 255. 276. 278. 287. 303. 332. 354. 375. 396. 397. 414. 425
 Научная мысль 232. 315. 323—325. 347. 370. 371. 398. 426. 454
 Научная среда 7. 12. 428
 Научная тенденциозность 193
 Научная техника 46. 160. 204. 248. 371
 Научное мышление 46. 50. 52. 113. 117. 248. 326. 420. 446. 531
 Научное строительство 46. 67
 Научное творчество 46. 66
 Научно-исследовательские учреждения 396
 Научные достижения 2. 173. 439. 446
 Научные задания 69. 279. 325. 439. 440
 Научные круги 164. 226. 396. 398
 Научные материалы 1. 21. 45. 46. 48. 50. 57. 63. 68. 70. 78. 99. 118. 152. 168. 232. 276. 404
 Научные общества 1. 4. 45. 113. 166. 167. 363. 395. 396. 398
 Научные теории 67
 Научные школы 46. 50. 103. 133. 248. 305. 324. 325. 397. 398. 409. 420. 426. 429
 Научный кружок студентов-горцев в Ленинграде 310
 Научный мир 67
 'Находить' 411
 Находки см. Археологические находки
 Нахчайский язык см. Чеченский язык
 Нахча-чеченские племена см. Чеченцы
 Национализация христианства 361
 Национализм 509
 Национальная государственность 366
 Национальная жизнь 59. 105. 418. 437
 Национальная культура 396. 422
 Национальная общественность 365
 Национальная отсталость 366
 Национальная письменность 226
 Национальная среда 496. 523
 Национальная школа 167
 Национальное вырождение 365
 Национальное просвещение 167
 Национальное самоопределение 364. 365. 393
 Национальное самосознание 122
 Национальное строительство 195. 322. 335. 336. 351. 367. 370. 392. 439
 Национальности (нации) 66. 68. 78. 97. 105. 112. 137. 158. 186. 204. 248. 346. 348. 354. 359. 393. 398. 410. 423. 439. 440. 442. 443. 445. 446. 454. 460. 486. 496. 505. 525. 530. 535
 Национальные герои 271
 Национальные группы 443
 Национальные интересы 167
 Национальные меньшинства 275
 Национальные названия 36. 63. 116. 122. 125. 126. 131. 158. 188. 196. 197. 198. 204. 205. 206. 209. 217. 219. 299. 300. 323. 339. 350. 352. 355. 359. 362. 364. 378. 404. 405. 411. 420. 421. 429. 443. 445. 457. 526. См. также: Этнические названия
 Национальные образования 165. 186. 220. 267. 335. 348. 349. 357. 358. 359. 365. 366. 445. 500. 506
 Национальные объединения 125. 186. 367
 Национальные предания 390
 Национальные традиции 96
 Национальные черты 46. 112'
 Национальный мир 248. 411
 Национальный подъем 248
 Национальный тип 25
 Национальный эпос 208
 Националы 396
 'Начало' 503
 Начальная история России 46. 47. 861
 Начальное государственное строительство на Руси 47
 Начальные школы 167
 'Начинать' 473
 'Напечтывание чародея' 259
 'Неба вода' 238. 475. 476
 'Неба дверь' 263
 'Неба дитя' 268. 444
 'Небеса' 139. 140. 141. 144. 169. 193. 293. 309. 311. 326. 341
 'Небесенок' 221. 234. 238. 301. 309. 329. 402. 420. 421. 452. 467. 490. 532
 'Небесного цвета' 15. 17
 Небесные тела (светила) 38. 244. 245. 250. 259. 260—264. 411. 417. 419. 476. 478. 479. 496
 'Небесный' 221. 402
 'Небесный камень' 452
 'Небесный свод' 401
 'Небесята' 221. 302. 303
 Небная огласовка 471. 509. 515. 523
 Небные гласные 450. 513
 'Небо' 221. 408. 536
 'Небо' 16. 52. 103. 114. 115. 131. 139. 140. 141. 144. 145. 150. 159. 160. 163. 169. 170. 178. 180. 193. 201. 202. 211. 216. 218. 220. 224. 238. 239. 244. 245. 255. 257. 259. 261—264. 267—269. 271. 282. 289. 292. 293. 295. 297. 302. 309. 315—317. 326. 327. 340. 341. 351. 362. 363. 375. 401—403. 407. 408. 412. 414. 417. 420. 421. 444. 452. 457. 459—461. 463. 465. 467—470. 473—476. 478—480. 490—492. 494—500. 502. 517. 519. 521. 522. 525. 526. 531—533. 535. 536
 'Небо-бог' 327
 'Небо-божество' 341
 'Небо-вода' 84. 141. 170. 178. 295. 296. 309
 'Небо + гора + голова' 114. 170. 502
 'Небо + дождь' 401
 'Небо-земля' 16
 'Небо-море' 16
 'Небо нижнее' 293
 'Небо-огонь' 255
 'Небо под ногами' 221
 'Небо преисподнее' 221
 'Небо-природа' 269
 'Небо + пространство' 522
 'Небо (преисподнее) с морем' 450
 'Небо солнечное' 469
 'Небо + солнце' 260. 261. 416. 421. 422. 522
 'Небо + солнце + год' 422
 'Небо (верхнее) с солнцем' 450
 'Невеста' 225. 485. 491. 512
 'Невестка' 485. 491. 512
 'Невольник' 531
 'Не говорящий' 258
 'Неделя' 341. 420. 492

- 'Недуг' 279
 Немецкие ученые 96, 398
 Немецкий язык 115, 116, 176, 177, 190, 197, 221, 244, 246, 247, 269, 270, 302, 325, 353, 410, 434, 497, 535
 'Немой' 114
 'Немолотый' 212
 'Немцы' 96, 199, 306
 'Необходимо' 532
 'Необходимость' 330
 'Необходимый' 280, 330
 Неолит 344, 345
 Неолитические стоянки 344
 Неопределенное наклонение 130, 267, 327, 507
 Неопределенные звуки 146
 Неопределенный член 146, 177, 291
 Непроизносимые звуки 132
 'Неотесавный' 143
 'Несет' 482
 'Несметное количество' 139
 'Нести' 130, 327
 'Несчастный' 533
 'Несчастье' 129, 157
 'Нет' 533
 Неударный слог 134
 'Нечистая сила' 216, 521
 'Нечто' 382
 'Нижнее небо' 114, 159, 220, 341, 460, 521
 'Нижнее под нами небо' 341
 Нижнеингулское наречие сванского языка 82
 Нижнеаварское наречие баскского языка 131
 'Нижний' 491
 'Нижняя часть руки' 272
 'Низ' 220, 221, 414, 478, 492, 526, 533, 536
 'Низинный' 378
 'Низкий' 536
 'Низменный' 378
 'Нытка' 105, 280
 Новгородские славяне 44
 Новоармянский язык 86, 106, 124, 133, 136, См. также: Армянский язык
 'Новобрачная' 491
 'Новобрачный' 452
 Новогреческий язык 127
 Новогрузинская орфография 85, 86
 Новогрузинский язык 85, 86, 137, 142, 156, 284, 285, См. также: Грузинский язык
 Новообразования 339
 Новозамский язык 28, 29, 53, 57, 202, 228, 273, 282, 391, 495, 515, 528
 Новые языки 11, 85, 86, 106, 124, 127, 133, 136, 137, 142, 156, 193, 284, 285, 487
 'Новый' 340
 'Нога' 260, 268, 272, 519
 'Ногайцы' 67
 'Ноги' 272, 285
 'Нож' 267, 415
 Номадное хозяйство 198
 Норманско-финская культура 47
 Норманы 98, 99, 125
 Нормы доистории 294
 Нормы литературы 310
 Нормы языка 11, 15, 20, 31, 34—36, 38, 82, 114, 115, 137, 141, 170, 172, 224, 228, 261, 267, 318, 339, 340, 386, 389, 394, 409, 440, 516, 521
 'Носить' 130, 482
 Носовые звуки 26, 273, 299, 300, 482
 'Ночная птица' 342
 'Ночная сторона' 390
 'Ночь' 280, 340—342, 390, 465, 475, 493, 533
 'Ноша' 482
 Правственный мир 403
 'Нужность' 330
 'Нужный' 330
 Нумеративные придатки 391
 Нумеративные слова 170, 219, 382
 Нумеративные числа 282
 Нумизматика и нумизматы 70, 101
 Нумизматические факты 70
 'Нутро' 172
 'Ныне' 492
 'Нянька' 531
 'Обгорелый' 475
 Обезы 163, 184
 'Обет' 504
 'Обещать' 336
 'Обжечься' 475
 'Обитатели' 274
 Обиход см. Быт
 Обиходная речь 45, 52, 102, 424
 'Облако' 178, 224, 239, 309, 326, 421, 461
 'Обман' 406
 Обмен (товарообмен) 91, 101, 102, 106—108, 110, 111
 'Обожжется' 475
 'Обоз' 410
 Оборонительно-хозяйственные объединения 405
 'Образ' 216, 261, 515
 Образное восприятие 327
 Образное мышление 58, 294, 326, 419, 497, См. также: Дологическое мышление
 Образные представления 58, 144
 Образование залогов 281
 Образование множественного числа 5, 9, 11, 13, 24, 25, 27—30, 32—34, 55, 70, 93, 162, 188, 253, 377, 509, 510, 513—515
 Образование русского государства 319
 Образовательные аффиксы 82
 Образовательные префиксы 86, 291
 Образовательные частицы 294, 311, 354
 Образы 16, 70, 78, 97, 117, 133, 139, 149, 170, 223, 236, 294, 303, 326, 327, 336, 354, 373, 375, 467, 488, 497, 514, 518
 'Обрамление' 316
 Обращения 485, 513
 Обряды см. Церемонии
 Обстоятельства времени 492
 Обстоятельства образа действия 130
 Обычай 92, 121, 139, 212, 236, 303, 332
 Обычное право 441, 487
 Общеευропейская доисторическая семья народов 181
 Общеευропейская семья народов 181
 Общее языкознание см. Языкознание
 Общероманский язык 142
 Общесоюзный язык 394
 Общественная власть 224
 Общественная жизнь 133, 153, 165, 326, 361, 375
 Общественная идеология 226

- Общественная работа 154. 393. 422
 Общественная речь 261
 Общественная среда 133. 138. 246. 290. 291. 488
 Общественное дело 56
 Общественное значение предмета 133. 198. 236
 Общественное мировоззрение 202. 328. 362. 398. 408. 418. 479
 Общественное мышление 168. 530
 Общественное образование 314
 Общественное строительство 286. 344
 Общественное хозяйство 331
 Общественно-научные вопросы 11
 Общественно-организационные факторы 190
 Общественно-племенная среда 321
 Общественность 65. 67—69. 117—119. 125. 133. 153. 162. 166. 186. 194. 206. 219. 233. 250. 277. 286. 306. 315. 327. 328. 335. 345. 356. 357. 359. 365. 366. 380. 393. 394. 400. 405—409. 416. 418. 420. 432. 433. 436. 437. 440—442. 453. 467. 471. 475. 477. 482—484. 488. 489. 510. 511. 523. 525. 531
 Общественно-хозяйственная среда 405
 Общественно-экономическая мировая организация Рима 431
 Общественные взгляды 226
 Общественные восприятия 115
 Общественные запросы 413. 440. 480. 512
 Общественные круги 396. 409
 Общественные настроения 68
 Общественные организации 440. 484. 488
 Общественные связи 126. 263
 Общественные связи абхазов 126
 Общественные факторы 227. 430. 433
 Общественные формы 430. 441. 471. 511. 523
 Общие функции 225. 239. 481. 496. 512. 514. 536
 Общие явления см. Социальные явления
 Общественный быт 276. 286
 Общественный культ 133. 207
 Общественный строй 56. 133. 207. 225—226. 237. 238. 263. 349. 362. 366. 386. 394. 407. 419. 422. 424. 441. 462. 470. 471. 485—487. 489. 491. 509—512. 514. 527
 Общественный тип 133
 Общество 224. 328. 393. 419. 462. 484. 494. 495. 497. 506—508. 512. 514
 Обществоведение и обществоведы см. Социология и социологи
 Общество изучения Чувашского края 363. 396
 Общие понятия 375. 403. 407
 Общие языки 98. 142. 323
 'Овечник' 410
 'Овладеть' 493
 Овский язык 474. 475. 520
 Овсы 491. 509. 520
 'Овца' 189. 198. 199. 279. 368. 410
 Огласовка 6. 20. 22. 23. 27. 29. 34. 39. 62. 82. 85—89. 114. 130. 131. 134. 135. 139. 142—145. 155. 156. 158. 159. 163. 171. 172. 174—178. 182. 189. 190. 196. 197. 201. 205. 209. 214—218. 221. 222. 226. 230. 231. 233. 235. 240—244. 246—250. 252—254. 256—262. 264—270. 274. 277. 281. 284—286. 290—293. 295—298. 300—302. 307. 318. 320. 328. 329. 331. 332. 336. 341—343. 349. 351. 353—356. 360. 362—364. 369. 370. 377. 380—383. 385—388. 390. 391. 401—403. 406. 413. 414. 417. 422. 443. 445. 418—451. 455—457. 459—461. 463. 477. 478. 482. 483. 485. 486. 490—496. 499—504. 508. 509. 515. 517. 519. 522—527. 535. 536
 Огласовочные взаимоотношения 380. 381. 383
 'Огонь' 220. 224. 231. 253. 255—258. 261. 263. 405. 421. 450. 473—480. 492. 499. 516
 'Огонь + вода' 257
 'Огороженное место' 369. 378
 'Ограда' 369. 465
 'Ограда камней' 465
 'Огромный' 402
 'Одевать' 270
 'Одеваться' 280
 'Одежда' 280
 'Одеяние' 143
 'Один' 219. 327. 381. 382. 384. 391. 533
 'Один из племени' 410
 'Одиннадцать' 281. 282. 506
 'Один одного' 282. 533
 'Одноглазый' 210. 219. 382
 Одноглазые 87
 Односложные слова 291. 330. 403
 Одноэлементные слова 444. 451. 458. 460. 469. 487. 489. 491. 512. 518. 527
 Одомашнение животных 235. 244. 386. 415. 421. 425. 502
 Одомашнение лошади 425
 Оды 295
 'Ожеребиться' 292
 'Озабачивать' 258
 Озвончения 12. 13. 16. 17. 31. 35. 87. 131. 155. 171. 176. 182. 212. 220. 239. 244. 256. 257. 265. 279. 280. 282. 284. 288. 290. 293. 296. 297. 299. 317. 330. 410. 451. 476. 503. 508
 'Озеро' 17. 236. 257. 429
 Оканье 22. 27. 81. 46. 128. 134. 135. 150. 159. 178. 189. 197. 200. 217. 215. 219. 235. 242. 243. 252. 255. 257. 278. 282. 295. 301. 336. 338. 339. 340. 342. 351. 355. 357. 360. 362—364. 369. 374. 380. 382. 383. 411. 443. 447. 448. 455. 464. 526
 Окающая группа 134. 135. 149. 195. 215. 255. 260. 265. 281. 288. 296. 299. 300. 309. 329. 362. 363. 377. 382. 464. 493. 508
 Окающая огласовка 23. 37. 34. 114. 124. 133—135. 141—146. 148—150. 152. 163. 164. 174. 178. 182. 196. 197. 205. 209. 214. 215. 217. 222. 244. 246. 250. 252. 253. 270. 274. 284. 292. 293. 295. 296. 298. 300. 301. 307. 331. 332. 342. 343. 353. 356. 360. 362—364. 370. 377. 380. 383. 414. 449. 455. 459. 465. 476. 477. 490. 503. 527
 Окающая перегласовка 35. 128. 178. 362
 Окающие языки 212. 215. 339. 341. 377. 378
 Окающий диалект (варечие) 22. 23
 'Около' 414
 'Оконечность' 458
 Окончания слов 6. 10—12. 17. 18. 22. 23. 27—29. 32—35. 39. 40. 55. 56. 58. 62. 70. 81. 93. 95. 107. 110. 115. 124. 130. 134—137. 140—146. 162. 171. 176. 178. 180—182. 184. 185

- 196, 210—212, 217, 218, 224, 228, 234, 253, 286, 293, 302, 304, 305, 320, 346, 347, 350—352, 354, 362, 363, 369, 371, 402, 408, 414, 415, 467, 468, 470, 486, 494, 507, 511, 514—516
- 'Окрестность' 522
- 'Округлить' 400, 401
- 'Окружения' 315
- Октябрьская революция 324, 378, 531
- Оланы 128
- 'Олень' 16, 17, 22, 234, 245, 413, 453, 502, 503, 520
- 'Олово' 419
- Олово 415
- Олонекский язык 392
- 'Омерзительный' 129
- 'Он звал' 297
- 'Онокечавр' 302
- Ономастикон 8
- 'Он сам' 281
- 'Описание' 142, 143
- Описание хазарской трапезы 71—75, 78, 79, 88, 91, 111
- Описательное образование 133, 472, 505
- Определение 130, 252, 288, 289, 359, 463, 464, 474, 476
- Определенный член 252
- Определяемое слово 282, 463, 464
- Опрощение звуков 155
- 'Оратор' 132
- 'Орбита' 417
- 'Орел' 197, 225, 317, 402
- 'Орех' 213, 490
- 'Ореховое' дерево 490
- Ориенталистика и ориенталисты см. Востоковедение и востоковеды
- Орнаментика 223, 319
- Орудивный падеж 130
- 'Орудие' 143, 414, 486, 496
- Орудия производства 327, 375, 415, 416, 418, 419, 427, 449, 468—471, 473, 481, 494, 497, 500, 502, 504, 507, 516
- 'Оружие' 497
- Оружие 427, 428
- Орфография 75, 85, 106, 224, 496, 498
- Оседлость 26, 77, 120, 305, 311, 340, 427
- Оседлый быт 311
- 'Осел' 307
- 'Оселок' 469
- Осетиноведение и осетиноведы 3, 9, 10, 12, 192, 196, 310, 474
- Осетинские фамилии 9, 11
- Осетинский язык 9—12, 21, 22, 31, 151, 163, 184, 192, 196, 217, 229, 310, 354, 474, 475, 491, 509, 520, 524
- Осетины 6, 12, 151, 183, 229, 287, 310, 354, 376, 445, 509, 520
- 'Осилить' 284
- 'Осколок метеора' 452
- 'Оскопление' 484
- 'Оскопять' 486
- Ослабление гласного звука 8, 33, 36, 37, 134, 146, 178, 253, 254, 272, 283, 295, 318, 416, 483, 502, 513, 522
- Ослабление согласных звуков 289, 411, 413, 450
- Османлисы см. Турки
- Османские турки см. Турки
- Османский турецкий язык см. Турецкий язык
- 'Основание' 76
- Основание городов и основатели 44, 46, 47, 54, 55, 60—64, 121, 123, 136, 154, 158, 195, 207, 208, 227—230, 271, 317, 321, 331, 349, 351, 366, 370, 460, 465, 486, 491, 522
- 'Основа ткани' 102
- Основы слов 5, 8, 9, 13—27, 31—40, 42, 49, 51, 55—60, 62, 80—87, 93, 102, 107, 108, 110, 114—116, 119, 122—125, 127, 129—135, 137, 140—150, 156—158, 160, 162—164, 170—172, 176—180, 182, 184, 185, 187—190, 196, 199, 201, 204, 205, 212, 214, 216, 219—222, 227, 231—235, 237—244, 249—254, 256—258, 261—264, 267—270, 272—273, 278, 279, 281—284, 286, 290, 291, 293, 294, 296, 301, 302, 305, 307, 309, 311, 312, 315—318, 320, 324, 327, 328, 330, 334, 336, 337, 341, 342, 350—352, 354—357, 362—364, 369, 370, 372, 376, 377, 382, 385, 386, 400, 401, 404, 406, 410, 412, 414, 418, 421, 422, 445, 448, 449, 450, 453—457, 459, 463, 464—465, 467, 468, 472—475, 478, 482, 483, 485—491, 494—501, 503, 507, 508, 514, 517, 519—521, 523—527
- 'Особа' 281
- Особенности абхазского языка 168
- Особенности кошского языка 169
- Особенности марийского языка 442
- Особенности чувашского языка 331, 351
- Осознание 105, 120, 157, 172, 224, 232, 233, 235, 237, 244, 248, 259, 419, 469, 480, 481, 495, 523
- 'Острие' 246, 247, 258
- Островные народы (островитяне) 424, 431
- 'Острый' 458, 477
- Остяки 290, 373, 379
- Остяцкий язык 297, 304, 335, 346, 350, 383, 469
- Отвлеченные ассоциации 269
- Отвлеченные понятия 18, 25, 80, 85, 114, 115, 133, 144, 183, 235, 244, 326, 327, 336, 373, 375, 403, 408, 416, 452, 456, 495, 499, 501, 507, 516, 517
- Отвлеченные фонетические явления 239
- Отглагольные имена 11, 159
- Отделение исторических и филологических наук Академии наук 289
- 'Отец' 123, 130, 218, 226, 472, 480, 482, 487, 512, 513, 527, 531
- Открытие металлов 223, 326, 389, 427
- Открытие санскрита европейцами 433
- 'Открытия' 193
- Открытые гласные звуки 340
- 'Отпрыск ветви' 75
- 'Отпускать' 413
- Отражения 239, 241, 316, 361, 362, 363
- Отрицания 375, 533
- Отрицательные прилагательные 258
- Отрицательные частицы 496
- Отрок 14, 18, 24, 35, 36, 188, 224, 452, 468, 489, 492, 493, 514, 518, 527, 531
- 'Отряд' 75
- Отыменные глаголы 87, 156, 254, 354

- Оформление временных отношений в языке см.
Спряжение
- Оформление пространственных отношений
в языке см. Склонение
- 'Охота' 241, 243
- Охота 90, 232, 236, 375
- 'Охотиться' 241, 242
- Охотники 242
- Охотничий быт 242
- Охотничье хозяйство 198
- Охотничьи термины 242
- Охотничья жизнь 241
- 'Очаг' 220
- Очаг 76
- 'Очередь' 231
- 'Очи' 417
- 'Ошеломленный' 59
- 'Ошибка' 531
- 'Ошибаться' 531
- Падежи 35, 39, 51, 71, 81, 89, 106, 114, 115,
130, 208, 221, 228, 235, 237, 239, 240, 249,
252, 256, 260, 269, 270, 284, 293, 363, 377,
390, 411, 421, 449, 452, 470, 486, 487, 499,
502, 503, 508, 513, 514, 517, 521, 527
- Падежные окончания 39, 414
- Падение звуков 23, 56, 146, 157, 216, 265,
320, 384, 449, 453, 478, 496, 513, 517, 527
- Палатализация 331, 413
- 'Палатка' 456
- Палеоазиаты 379
- Палеолит 441, 504, 521
- Палеонтологическая классификация слов 375
- Палеонтологическая флиация 460, 462
- Палеонтологические взаимоотношения языков
329
- Палеонтологические нормы 36, 255, 331, 340,
376, 402, 413, 450, 470, 475
- Палеонтологические связи 264
- Палеонтологические слои 311
- Палеонтологический анализ 5, 11, 37, 41, 86,
103, 109, 161, 164, 195, 200, 205, 206, 221,
328, 334, 358, 400, 403, 415, 441, 452, 466,
468, 469
- Палеонтологический метод 225, 313, 326, 346,
398, 400
- Палеонтология речи и мышления 5, 11, 20, 34,
35, 37, 40—42, 47, 52, 57, 65, 83, 84, 86, 97,
103, 105, 109, 114, 115, 118, 121, 122, 131,
132, 137, 139, 143, 144, 147—150, 153, 157—
159, 161, 163, 165, 170, 172, 176, 177, 182,
184, 187, 193, 195, 196, 198, 200, 204—206,
211, 212, 218—222, 224, 225, 228, 231, 232,
235, 238, 242, 246, 249—251, 253, 255, 257—
260, 262—264, 266, 267, 269, 274, 277, 282—
286, 291, 293, 295, 301, 302, 305, 311—313,
315, 316, 319, 326, 328, 329, 331, 334—336,
340, 346, 352, 358, 363, 375—378, 381,
384—386, 392, 398, 400—405, 409, 410,
411, 413—417, 420—422, 436, 441, 444, 450,
452—454, 456, 459, 462—470, 473—475,
477—480, 482, 483, 486, 487, 490—496,
498, 502, 504, 508, 511, 515—518, 522, 524,
527
- Палеонтология семантики 385, 386
- Палеонтология яфетических языков 176, 274
- Палеоэтнология и палеоэтологи 52
- Палестинская культура 323
- Палестинские языки 323
- 'Пальцы' 273, 532
- Памятники архитектуры 310, 319
- Памятники вещественные 3, 7, 8, 53, 67, 77,
78, 80, 84, 101, 117, 191, 200, 223, 252, 276,
310, 314, 357
- Памятники доисторической культуры 314, 351
- Памятники древности 7, 8, 55, 70, 77, 320, 404,
527
- Памятники искусства 7, 64, 140, 186, 427
- Памятники культуры 37, 101, 173, 314, 315,
351, 404
- Памятники материальной культуры 3, 5, 7, 8,
24, 37, 67, 70, 77, 78, 80, 84, 94, 101, 102,
104, 117, 160, 186, 191, 203, 230, 241, 255,
276, 310, 311, 321, 323, 345, 357, 371, 404
- Памятники письменности 7, 8, 55
- Памятники письменные 75, 78, 99, 321, 457,
515, 527
- Памятники языка 39, 310, 333, 335, 336, 344,
404
- Память 45
- Пантеон 216, 223, 337, 341
- 'Пантера' 302
- 'Панцырь' 103
- Пашская власть 431
- 'Пара' 219
- Паразитическое хозяйство 415, 419
- Паровая машина 121
- Парский гонимый язык 36
- Парфяне 109
- Парфянский язык 109
- 'Пасмурный' 402
- Пассивные падежи 239
- Пассивные слова 219
- 'Паста' 410, 430
- 'Пастух' 410
- Пастухи 201
- Пастушеские племена 69
- Пастушеский быт 201
- Пастушество 375
- Пасха 131
- Патриархальный строй 407, 419, 471, 486, 489,
491, 509, 512, 514
- Патриархи 123, 217
- Патриотизм 68
- Патриция 349
- Патуа (patois) 249
- 'Паук' 468, 469, 471, 472, 473, 512
- 'Паутина' 471—473
- 'Пахоть' 201
- 'Пахот' 189
- Педагогический техникум в г. Вятке 396
- 'Пеласг' 127, 137
- Пеласги 48, 53, 65, 122, 128, 135, 137, 145, 150,
155, 177, 311, 319, 320, 349
- Пеласгизмы 120
- Пеласгский тотем 135
- Пеласгское племенное название 319
- 'Пенне' 259, 260
- Пенне 260, 408
- Первая выдвигенская яфетидологическая
экспедиция по самообследованию мариев
439, 440, 441, 453, 466
- Первичные корни 24

- Первобытная культура 436
 Первобытная материальная культура 276. 277. 314
 Первобытная общественность 119. 436. 453. 484
 Первобытная эпоха 38. 315
 Первобытная этническая культура 286
 Первобытно-племенные слова 327
 Первобытное мышление 156. 220. 239. 405. 469. 471. 483. 484
 Первобытное общество 88. 224. 494. 507. 508
 Первобытное право 328
 Первобытное хозяйство 413. 479. 516. 525
 Первобытное человечество 139. 269. 327. 336. 340. 341. 356. 405. 419
 Первобытные верования 357
 Первобытные племена 326. 328
 Первобытные представления 224
 Первобытные языки 379. 479. 480. 514
 Первобытный коммунизм 419. 432
 Первое лицо 281. 342. 343
 Первое словотворчество 156
 Первоначальное население Апеннинского полуострова 178
 Первоначальное население Африки 445. 457
 Первоначальное население Балканского полуострова 178
 Первоначальное население восточной Европы 335
 Первоначальное население Галлии 179. 240. 249. 255
 Первоначальное население Европы 288. 458
 Первоначальное население Египта 50. 118
 Первоначальное население западной Европы 179. 421
 Первоначальное население Костромского края 303
 Первоначальное население Палестины 145
 Первоначальное население Пиренейского полуострова 179. 193
 Первоначальное население Приволжья 294. 344. 361
 Первоначальное население Руси 48. 104. 111
 Первоначальное население север-восточной Европы 211. 332
 Первоначальное население Средиземноморья 65. 399
 Первоначальный племенной состав Евразии 48
 Первоначальный состав приполярного населения 17
 'Первый' 251
 Переход гласных звуков 17. 20. 24. 27. 85. 88. 145. 172. 215. 217. 230. 243. 245. 246. 247. 250. 254. 285. 294. 390. 450. 451. 455. 465. 494. 501. 508. 521
 Переход согласных звуков 15. 30. 83. 110. 115. 135. 148. 171. 217. 265. 281. 299. 300. 302. 364. 386. 408. 429. 527
 Переходная огласовка 246
 Переводы и переводчики 5. 16. 17. 67. 72. 73. 75. 77. 80. 82. 84. 86. 87. 90. 92—94. 96. 98. 104. 135. 181. 191. 218. 219. 271. 290. 325. 332. 378. 385. 452. 468. 471. 474. 494
 Переворачивания языков см. Перерождения языков
 Перегласовка 12. 17—19. 21. 22. 35. 51. 56. 115. 128. 145. 178. 182. 245. 301. 302. 353. 355. 362. 364. 367
 'Перед' 414. 417. 463. 478. 479
 Передаточное значение языков 249
 Переднеазиатская культура 68. 69
 Переднеазиатские материалы 321
 Переднеазиатские языки 11. 109
 Переднеазиатский мир 102
 Переднеязычные звуки 142. 155. 279
 Передний 251
 Переживания в языках 18. 23. 26. 35. 39. 40. 53. 56. 58. 81. 82. 86. 90. 93. 94. 101. 111. 115. 122—129. 131. 133. 136—141. 144. 145. 147. 149. 150. 151. 155. 157. 162—164. 168—170. 172—175. 184—186. 189. 190. 198. 196. 198. 199. 202. 204. 205. 212—216. 218—220. 222. 226. 227. 228. 231—233. 236. 238. 240. 241. 243. 246. 248. 249. 251. 253. 254. 261. 264. 265. 267—271. 278. 279. 282. 284. 285. 286. 288—291. 294. 300. 301. 303. 306. 307. 310. 311. 315. 318. 320—322. 326. 328. 330. 331. 334. 337. 339. 342. 347. 352. 353. 355. 356. 365. 367. 371. 372. 378. 380. 383. 386. 388. 389. 392. 399. 403. 406. 409. 410. 413. 414. 417—419. 422. 423. 441. 442. 444. 445. 447. 448. 452. 453. 457—460. 464. 465. 467. 469. 472. 474. 476—478. 480. 482. 486—490. 494. 498. 499. 503. 507. 509. 514—516. 518. 521. 522. 524. 526
 Перехиточные географические термины 26. 165
 Переносное значение слова 73
 Переоформление основы 134. 268. 485
 Перерождение звуков 85. 87. 88. 108. 110. 123. 132. 134. 137. 143. 144. 146. 148. 156. 157. 171. 215. 228. 246. 336. 349. 352. 518
 Перерождение племен 124. 154. 185. 195. 525
 Перерождение слов 237. 238. 252. 259. 268. 312. 417
 Перерождение языков 196. 232. 415. 430
 Переселение абхазов в Турцию 125
 Переселения и переселенцы 2. 14. 17. 70. 79. 88. 94. 104. 112. 123. 125. 131. 141. 151. 165. 211. 424. 426. 428. См. также: Миграции
 Перестановка 30. 38. 85. 106. 125. 141. 144. 159. 234. 246. 257. 264. 268. 341. 351. 466. 468
 Переходное время 419. 430
 Переходные основы 475
 Переходные системы языков 431. 451. 459. 535
 Переходные языки 255. 262. 291. 383. 424. 459. 477. 493
 'Перехожу' 448
 Пермская фибула 276
 Пермский говор русского языка 212
 Пермский университет 379
 Пермяки (коми-пермяки) 212. 217. 303. 373. 387. 454
 'Перо' 211
 Персидская версия труда Ибн-Хаукаля 94
 Персидские народные термины 19. 57
 Персидские народные этимологии 57
 Персидский язык 11. 19. 22. 37. 47. 57. 73. 79. 86. 89. 90. 92. 94. 96. 105. 106. 108. 109.

185. 193. 212. 213. 235. 237. 469. 475. 489.
511. 520. 524. 527. См. также: Древнеперсидский язык
- Персидское происхождение терминов 105
- Персы 4. 5. 7. 13. 45. 57. 73. 80. 100. 107. 180.
209. 212. 213. 241. 404. 408. 469. 484. 520.
524
- 'Перья' 211. 332
- 'Пес' 234. 241
- Песни 45. 54. 57. 59. 140—142. 260. 513
- 'Песня' 142. 260
- 'Песок' 154. 170
- 'Петух' 512
- 'Петь' 259. 406
- Пехлевийский язык 109. 430
- 'Печаль' 258. 475
- 'Печальть' 258
- Печенеги 67. 77. 91. 98. 103
- 'Печение' 264
- 'Печеный хлеб' 212. 213
- Пиктский язык 145. 150
- Пикты 47. 145. 222
- 'Пир' 309
- Пиренейская фибула 276
- Пиренейские баски см. Баски
- Пиренейские иберы 179
- Пиренейские языки 212. 347. 390
- 'Пирос' 247. 248. 265
- Писатели 4. 20. 22. 26. 34. 37. 40. 47. 48. 50. 57.
68. 70. 71. 73—76. 78. 80. 81. 83. 85. 88. 89.
91. 94. 96. 97. 104. 111. 126. 127. 131. 134.
137. 140. 143. 147. 148. 160. 179. 182.
187. 188. 191—195. 197. 208. 210—213. 215.
216. 218. 219. 223. 273. 313. 314. 332. 333.
356. 370. 378. 421. 422—425. 468. 485. 488.
523. 524
- 'Писать' 279
- Письменная культура 328
- Письменно-исторические эпохи 516
- Письменность 7. 32. 59. 102. 105. 106. 130. 169.
197. 201—203. 206. 226. 310. 313. 328. 355.
357. 358. 361. 375. 393. 394. 403. 408. 429.
430. 431. 442. 444. 446. 449. 487. 491. 518.
522. 524. 527. 528. 530
- Письменные источники 17. 28. 32. 41. 76. 93.
94. 96. 98. 101. 207. 209. 223. 306. 318. 321.
370. 373. 374. 518. 524. 527. 528
- Письменные народы 328. 355. 407. 408. 440.
449
- Письменные языки 39. 129. 136. 197. 201. 226.
325. 343. 350. 394. 395. 422. 433. 435. 437.
440. 465. 486. 500. 516. 522. 527. 530
- 'Письмо' 433
- Письмо 23. 59. 79. 86. 118. 428. 429. 438. 529.
530
- Писцовые книги 318
- Писцы (переписчики) 71. 89. 127
- 'Питух' 84
- 'Пить' 82—86. 214. 254. 255. 305. 400. 450. 474.
492
- 'Питье' 88. 89. 492
- 'Пища' 329
- 'Плавать' 450. 533
- Плавные звуки 23. 27. 33. 37. 62. 85. 87. 130.
132. 136. 140. 142. 143. 146. 148. 157. 158.
159. 169. 172. 185. 189. 198. 216. 228. 231.
233. 237. 244. 246. 249. 251. 252. 254. 258.
264. 265. 267. 284. 291. 295. 299. 309. 316.
318. 320. 327. 330. 337. 352. 355. 360. 364.
370. 385. 386. 387. 390. 411. 413. 443. 445.
449. 460. 453. 455. 457. 469. 472. 474. 482.
491. 493. 496. 499. 501—504. 508. 513. 515.
519. 521. 524. 526. 527
- Плавный показатель мрощественности 27. 62
- 'Пламя' 220. 256. 477. 478. 492. 494
- Плебейское сословие (плебе, плебей) 349
- 'Плевать' 254
- 'Плевок' 252. 253
- Племена-примитивы 65. 126. 139. 159. 314.
434
- Племенная культура см. Этническая культура
- Племенная культура египтян 118
- Племенная морфология 159
- Племенная общественность 118. 186
- Племенная общественность египтян 118
- Племенная огласовка 215. 277. 362. 363. 369
- Племенная природа 314
- Племенная среда 22. 64. 69. 93. 181. 184. 211.
306
- Племенное значение слов 317. 411. 445
- Племенное мышление 304
- Племенное побратимство 48
- Племенное произношение 295. 328
- Племенное происхождение слов 34. 37. 141. 150.
153. 158. 172. 223. 293. 331. 349. 360. 368
- Племенное содружество 95
- Племенное хозяйство 38
- Племенной бог 41. 56. 57. 63. 176. 180. 184.
208. 326. 334. 357
- Племенной мир 42. 75. 169
- Племенной состав 5—8. 17. 26. 28. 29. 31. 45.
47. 48. 56. 57. 59. 69. 81. 96. 103. 111. 115.
120. 123. 125. 131. 136. 137. 147. 151. 160.
216. 220. 303. 306. 315. 317—331. 344. 345.
348. 349. 351. 358. 361. 365. 366. 367. 370.
371. 460
- Племенной состав Абхазии 125. 131. 160
- Племенной состав Армении 56. 57. 59. 123
- Племенной состав Азербайджана 151
- Племенной состав болгарского государства 366
- Племенной состав Грузии 137
- Племенной состав древней Руси 348
- Племенной состав Евразии 48. 111
- Племенной состав населения Египта 120
- Племенной состав населения Кавказа 5. 6. 8.
96
- Племенной состав населения Кипра 147
- Племенной состав населения Крита 147
- Племенной состав русского народа 45. 47. 103.
303
- Племенной состав скифов 216
- Племенной состав Украины 230
- Племенной состав Хазарского государства 367.
370
- Племенной тотем 135. 182. 356
- 'Племенной человек' 188
- Племенные взаимоотношения 420
- Племенные дружины 316
- Племенные ландшафты 165. 166
- Племенные названия см. Этнические названия
- Племенные объединения 41. 48. 63. 73. 91. 97.
125. 186. 229. 234. 315. 326. 370

- Племенные образования см. Этнические образования
 Племенные особенности 92. 96. 314
 Племенные переживания 123. 150
 Племенные предания 54. 59. 60. 62. 96. 104. 124
 Племенные придатки 337
 Племенные слова см. Этнические названия
 Племенные слои 45. 48. 57. 59. 132. 157
 Племенные типы 138. 405
 Племенные языки 55. 123. 129. 137. 175. 177. 199. 289. 314. 328. 331
 'Племя' 24. 34. 139. 145. 188
 Племя 1. 4. 5. 14—19. 21. 22. 25. 27—29. 31—34. 38. 39. 41. 47. 48—51. 53. 55—57. 60—65. 67. 69. 70. 77. 84. 86. 91. 93. 95—99. 104—106. 111. 115. 118—125. 127—129. 131. 132. 136—139. 142. 143. 145. 151. 154—160. 163—165. 169. 174—176. 179. 180. 183. 185. 187. 188. 192. 194. 195. 203. 210. 211. 214. 216. 220. 229. 234. 236. 272. 288. 289. 292. 293. 295. 298—307. 311. 314. 316. 319. 320. 325—328. 330. 331. 334. 335. 340. 344—348. 350—352. 358. 359. 365—370. 372. 379. 390. 393. 405. 407. 409. 410. 420. 434. 441. 457. 460. 486. 487. 526. 535
 Племя-класс 158
 'Пленник' 156. 157. 188
 'Плести' 473
 'Плоскогорье' 478
 'Плохой' 533
 'Плуг' 193. 201. 215. 223. 266. 430
 'Плыть' 305
 'Плясать' 261
 'Пляска' 259. 260. 261
 Пляски 260. 408
 'Победить' 284
 Побратимство 48. 484
 Побудительный залог 133
 Повелительное наклонение 267. 305. 400
 'Повествование' 143
 'Повозка' 79
 'Поговорка' 132. 259. 262
 Поговорки 79. 241. 475
 'Погода' 402
 'Погоня' 257
 'Погребальная песнь' 142
 Погребальный ритуал 271
 Погребения 77. 78. 427
 'Погружать в воду' 257
 'Погружаться в воду' 257
 'Под' 220. 221. 536
 Под чем-либо' 220
 'Подбор земледельческих инструментов' 143
 'Подвиг' 151
 'Подвижности' 235
 'Подговоры' 446
 'Подземное небо' 257
 'Подземный мир' 469
 'Подлинники' 19. 39. 76. 77. 80. 94. 27
 'Подлинный' 494
 'Поднебесье' 452
 'Подниматься' 478
 'Подножие' 478
 Подножие престола 103
 Подосновы культовой речевой культуры 266
 Подосновы хозяйственной речевой культуры 266
 'Подруга' 531
 'Подсвечник' 58
 'Подъем согласных звуков' 14. 19. 30. 32. 34. 36. 49. 63. 85. 87. 93. 103. 110. 115. 130. 146. 157. 169. 216. 220. 237. 254. 256. 258. 268. 288. 297. 301. 302. 307. 308. 341. 349. 460. 461. 469. 475. 478. 489. 499. 500. 512. 519. 524
 Поездка Н. Я. Марра к волжско-камским народам 379
 Поездка Н. Я. Марра на Енисей 373
 Поездка Н. Я. Марра в Карелию 389. 390—392
 Поездки Н. Я. Марра к баскам 323. 325
 Поездки Н. Я. Марра за границу 150. 323. 325. 379. 399. 400
 Поездки Н. Я. Марра на Кавказ 122. 146. 147. 154. 274
 Поездки Н. Я. Марра к чувашам 174. 274. 275. 277—279. 373
 'Позор' 270
 Показатели единичности 523
 Показатели множественности 6. 9. 10. 11—14. 18. 23—25. 27—36. 38. 49. 62. 81. 93. 107. 115. 130. 131. 158. 172. 182. 205. 240. 293. 300. 302. 458
 Показатели рода 225. 253
 'Покаяние' 495
 'Поклонник' языческого бога 312
 'Покройники' 145
 'Покров' 375. 465. 497
 'Покровительствовать' 497
 'Пол' 491
 Пол (физический) 225. 280. 418. 419. 480
 'Полдень' 306. 347
 'Полдневная сторона' 347
 'Поле' 293. 309
 'Полезный' 280
 Полемика 236
 Полиандрия 94
 'Поливал' 212
 Полигенизм значений 214
 Полиглоты 260. 434
 Полисемантизм 232. 244. 246. 247. 261. 270. 403. 406. 412. 413. 450. 451. 472. 474. 475. 476. 479. 480. 485. 492. 501. 508—510. 512. 513. 515. 521
 Полисемантические ряды 261
 Полисемантические слова 235. 244. 246. 247. 412. 475
 Полистадиальные языки 475. 509
 Политика 46. 68. 316. 335
 Политико-экономические вопросы 98
 Политическая борьба 334. 335
 Политическая организация хазар 93. 94
 Политическая роль мегрело-чанов 126
 Политические интересы 154
 Политическое господство 126
 Полногласие 25. 31. 32. 37. 56. 81. 87. 154. 159. 198. 205. 248. 285. 296. 297. 302. 307. 353. 429. 458. 464
 'Полночь' 533
 Полные формы этнических названий 13. 62. 147. 155. 176. 179. 182. 185. 207. 215. 216

- 'Половина' 122. 123. 280. 247. 390. 391. 483
 Половцы 77. 91
 'Полубог' 220. 509
 Полубоги 180. 488. 518
 Полугласные звуки 23. 40. 80. 83. 85. 146. 450.
 478. 496. 498. 515
 'Полудень' 306. 347
 'Полудевный' 465
 'Полурыба-полуженщина' 302
 'Получать прибавление' 452
 Подуяфетиды 40. 202. 335. 358
 Польский язык 90. 103. 149. 263. 276
 Поляне 44. 47. 61. 105
 Поминки 142. 146. 147. 151
 'Помощь' 533
 'Понимать' 495
 Понтийский мир 100
 Понятия 16. 18. 25. 36. 51. 53. 58. 78. 80. 82.
 83. 85. 90. 106. 110. 114. 115. 132. 133. 139.
 142. 144. 150. 156. 175. 188. 217. 231. 235.
 252. 258. 262. 265. 294. 303. 306. 312. 327.
 330. 336. 349. 373. 375. 407. 408. 409. 413.
 416. 442. 444. 450—452. 460—462. 464. 474.
 480. 481. 487. 493. 495. 496. 501. 505—507.
 513. 516. 517. 521
 Порабощенные племена и народы 143. 164.
 248. 266
 Порабощенные языки 248
 'Порез' 280
 'Порог' 76
 'Порождение' 60
 'Поросянок' 233
 Португальский язык 258. 305
 'Поручать' 285
 'Порция' 532
 Порядковые числительные 251
 'Порядок' 231
 'Посаженная мать' 226. 513
 'Посвящать' 532
 'Поселение' 34. 60. 158. 274. 352. 456. 490
 'Поселок' 127. 217
 Послелоги 342. 415. 416. 417
 'Пословица' 132. 259. 262
 Пословицы 45
 'Посредством' 496
 Посредствующий вид слова 129
 'Постоянно' 494
 'Построение' 351. 352
 Построение речи см. Типология языка
 'Постройка' 157. 351. 456
 'Посуда' 84. 85
 'Посуда для варенья' 233
 'Потолок' 467. 532. 535
 'Потомок' 24
 'Потомство' 34
 Потребители 186
 'Похмелье' 519
 Поход Сардура II к Черному морю 101. 321
 Поход Ярослава на Суздаль 359. 443
 Походы Ахеменидов в Скифию 209
 Похороны 142. 147. 151
 'Почему' 504
 'Почитать' 531
 'Почитающий' 531
 'Поэзия' 406
 Поэзия 100. 149. 180. 356. 469
 'Поэт' 356. 357. 405. 406
 Поэтическое мышление 326
 Поэты 76. 79. 100. 137. 187. 188. 331. 356. 406.
 423. 425
 'Поэты-жрецы' 357
 'Пояс' 262
 'Пояс неба' 479
 Пробаски 235
 'Правая рука' 193. 270. 282. 461. 496
 'Правда' 143. 144. 270. 416. 417. 418. 452. 453.
 494
 'Право' 270. 327
 Право 328. 371. 396. 420. 441. 487. 514
 Православие 100
 'Правый' 157. 233
 Прагматизм значений 83. 309
 Празднества и праздники 361. 417. 418. 490
 'Праздник' 129. 237. 309
 Праздник земледелия 334
 'Праздновать' 309
 Праздничества 297
 Пракарелы 389
 Прамарип 416
 Прамарийский язык 416
 Прародина 55. 119
 Прародина яфетидов 65
 Прасредиземноморская речь 227
 Прасуомни 389
 Праформа слова 164. 283
 Празык 108. 113. 192. 480. См. также: Индо-
 европейский празык
 Празычное состояние языка 108
 'Пред' 263. 416
 Предать огню 220
 Предания 6. 8. 22. 23. 35. 40. 44. 45. 54. 55.
 57. 59. 62. 63. 64. 66. 71. 89. 93. 96. 97.
 100. 104. 111. 124. 192. 193. 208. 230. 245.
 295. 298. 313. 314. 334. 350. 356. 359. 390.
 424. 483. 490
 'Предел' 378. 459
 Предки 238
 Предлоги 149. 172. 231. 263. 414. 416. 417. 449.
 463. 478. 491. 496
 Предложение (грам.) 77
 'Предмет' 36
 Предметы культа 120. 129. 160. 250. 261. 265.
 273. 436. 453. 476. 489. 490. 501
 Предметы туалета 90. 92
 'Предок' 123. 512
 'Предсказатель' 356
 Предстанки см. Префиксы
 Представления 16. 19. 23. 38. 40. 51. 52. 54.
 58. 67. 74. 78. 80. 83. 86. 88. 97. 101. 103—
 105. 115. 117. 132—134. 142—144. 151. 169.
 170. 188. 194. 199. 216. 222—224. 232. 235.
 238. 241. 243. 245. 258. 259. 267. 269. 283.
 294. 304. 327. 336. 341. 356. 361. 371. 373.
 375. 381. 393. 400. 403. 405. 408. 410. 419.
 428. 430. 432. 439. 442. 452. 456. 457. 469.
 470. 477. 483. 484. 487. 490. 493. 501. 509.
 511—513. 523
 'Преисподнее небо' 159. 220. 469. 475
 'Преисподняя' 220. 293. 326. 340. 341. 475
 'Прекрасный' 149
 'Прелюбодей' 133
 'Премного' 316

- Преподавание языков 432. 436. 437. 438
 Преподаватели чувашского языка 275. 287
 'Преследование' 257
 'Преследовать' 240. 354
 'Пресмыкающееся' 58
 'Престарелый' 280
 'Престола' 103
 Префиксальные образования 146. 168. 282. 496
 Префиксы 13—16. 19. 23. 24. 26. 32. 33. 35.
 37—40. 51. 58. 59. 62. 82. 84—86. 93. 106.
 110. 115. 116. 119. 123. 125. 129. 135. 137.
 141—147. 149. 153. 162. 163. 168. 171.
 175—179. 181. 183. 185. 201. 231. 253. 272.
 273. 281. 282. 289. 291. 294—296. 317. 320.
 337. 341. 354. 362. 371. 382. 385. 408. 415.
 473. 475. 487. 492. 494. 496. 509
 Прибалтийские финны 200. 305. 383. 455. 456.
 458. 459
 Прибалтийские финские языки и наречия 304.
 305. 383. 391. 449. 455. 456. 459. 463
 'Приветливый' 309
 Приволжские сувары см. Сувары
 Приволжские турецкие языки 306
 Приволжские турки 306
 Приволжские финны 186. 521
 Приволжские языки 147. 158. 160. 164. 210.
 288. 290. 291. 302. 306. 353. 368. 369. 377.
 391. 404. 416. 464. 486. 492
 Приволжские яфетиды 337. 358. 368
 Приволжский район 298
 Приволжско-камские народы 335
 Приволжско-камские яфетиды 335
 Приволжско-уральские народы 210
 Приволжско-уральские языки 210
 'Приданое' 143
 Придатки 337. 350. 352. 354. 355. 357. 375.
 391. 414. 455. 465. 471. 472. 474. 475. 480.
 485. 487. 523. 525
 Придыхательные звуки см. Спирантные звуки
 Признак множественного числа см. Показа-
 тели множественного числа
 Признаки единичности 190
 Прикавказские народы 93. 96. 98
 Прикавказские яфетиды 98
 Прикамские народы 305. 422
 Прикамские уды 422
 Прикамские финны 305
 Прикамские финские языки и наречия 304. 305
 'Прикасаться' 294
 Прикаспийский мир 75
 'Прикрывать у себя' 497
 Прилагательные см. Имена прилагательные
 'Прими' 497
 'Приносить дар' 532
 Припонтийские иранцы 12
 Природа абхазского языка 168
 Природа чувашского языка 351
 Приставки см. Префиксы
 'Приток' 305. 347
 'Приток реки' 297
 'Притча' 132. 262
 Притяжательные местоимения 311. 342. 419
 Притяжательные слова 149
 Причастия 86. 127. 231. 515
 Причерноморские языки 31. 62. 75. 145. 152.
 169. 172. 185. 329
 Причитания 142
 'Прищлые' 332
 'Проворный' 24. 36
 'Проглотил' 86
 Прогресс 442. 502
 Продвижение звуков 26. 31
 Прозвища и клички 112. 204. 304. 420. 442.
 444. 457. 488. 522
 'Прозрачный' 331
 Производители 186. 468. 469. 472. 473. 495
 'Производитель' 469
 Производительные силы 227. 268. 495
 Производительные силы природы 468. 495
 Производные слова 14. 39. 58. 86. 143. 146.
 156. 201. 237. 239. 240. 241. 244. 261. 269.
 272. 283. 294. 302. 305. 312. 336. 356. 367.
 368. 369. 375. 378. 400. 401. 412. 416. 418.
 421. 473—475. 494. 519
 Производственно-классовые объединения 186.
 315
 Производственно-культурные термины 513
 Производственно-магический подход 496. 497
 Производственно-магический строй 514
 Производственно-общественное значение жен-
 щины 225
 Производственно-социальная группировка
 227—229. 230. 234. 239. 245. 264. 266. 267.
 269. 405. 407. 444—446. 451. 456. 458—460.
 462. 473. 475. 477. 506. 507. 518. 527
 Производственно-социальное происхождение
 слов 231
 Производственно-социальное сложение наро-
 дов 230
 Производственно-социальные образования и
 группировки 402. 411. 413. 422. 441
 Производственно-социальные термины 229
 Производственно-хозяйственные объединения
 405. 409
 Производственные группировки 424. 496. 523
 Производственные образования 477
 Производственные организации 424. 442
 Производственные отношения 467. 471. 481.
 516
 Производственные термины 517. 520
 Производственный коллектив 468
 Производственный культ 471
 Производственный процесс 409. 468
 Производственный тотем 495. 496
 Производственный труд 368
 Производство 38. 186. 250. 265. 269. 327. 357.
 368. 375. 405. 408. 415. 416. 418—420. 424.
 427. 441. 442. 447. 449. 462. 467—469. 471.
 473. 477. 480. 481. 484. 488. 495. 502. 504.
 516
 Произносятельные органы 22. 49. 85
 Произношение 22. 23. 32. 35. 39. 56. 70. 75.
 87. 88. 110. 127. 132. 155—157. 163. 164.
 171. 172. 176—178. 189. 194. 198. 214. 217.
 242. 246. 251. 254. 274. 284. 289. 290. 295.
 296. 316. 327. 328. 332. 337. 355. 356. 368.
 387. 455. 458. 463. 477. 499. 505. 514. 526
 Происхождение абхазов 126. 168
 Происхождение богов 54. 61. 456
 Происхождение германских языков 325
 Происхождение звуковой речи 248. 438. 480
 Происхождение курдского языка 192

- Происхождение мариев 446
 Происхождение письма 438
 Происхождение племен и народов 1. 36. 41. 46. 49. 52. 77. 93. 112. 118. 119. 127. 157. 165. 168. 174. 179. 180. 187. 195. 203. 204. 262. 294. 349. 365. 405. 425. 426. 446. 505
 Происхождение племенной культуры египтян 50. 118. 120
 Происхождение племенной общности египтян 118
 Происхождение праздников 490
 Происхождение русов 52. 203. 262
 Происхождение скифов 1. 36
 Происхождение собственности 419
 Происхождение терминов и слов 8. 20. 21. 33—35. 39. 40. 47. 54. 56. 58. 59. 61. 62. 69. 75. 76. 80—86. 90. 92. 93. 100. 102. 103. 105. 107—111. 115. 116. 124. 127—129. 132—134. 144. 146. 149—151. 153. 154. 156—158. 170. 172. 176. 177. 180. 182. 183. 185. 187. 195—197. 199. 201. 214. 223. 231—233. 235. 242. 244. 257—262. 264. 267. 268. 270. 272. 273. 276. 277. 288. 291. 293—296. 305. 311—313. 317. 318. 320. 327. 331. 336. 338. 342. 347. 349. 351. 355. 357. 360. 368. 376—378. 400. 401. 411—417. 421. 429. 433. 445. 450. 453. 455. 456. 464. 465. 475. 477. 480. 482. 485. 490. 492. 493. 494. 497. 501. 513. 514. 519. 526. 527
 Происхождение хазар 93
 Происхождение халдинов 204
 Происхождение человечества 187
 Происхождение чувашей 365
 Происхождение этнических видов 306. 312
 Происхождение этнических названий 33. 34. 47. 56. 61. 107. 180
 Происхождение языка и языков 118. 119. 152. 157. 174. 248. 278. 324. 325. 326. 333. 335. 339. 344. 345. 388. 400. 405. 410. 422. 433. 438. 446. 529. 534
 Пролетариат 442. 528
 Пролетарская общность 442. 528. 534
 'Провивал' 212
 Промежуточные системы языков 262. См. также: Переходные языки
 Промежуточные числа 327
 Прометейские языки см. Индоевропейские языки
 Прометейды см. Индоевропейцы
 'Промыкать' 252
 Промышленность 419
 Промышленный капитализм 432
 Пропаганда 422
 Пропаганда нового учения о языке 397
 Пропагандисты христианской культуры 25
 'Проповедник' 495
 Пророк' 356. 357. 358. 495
 Пророчества 256
 Просвещенные народы 323. 408
 'Проститутка' 237
 'Пространство' 309. 326. 525
 Пространство 295. 326. 340
 Простые звуки 13. 93. 259. 291. 294. 409. 450
 Простые согласные 13. 93. 259. 291. 294. 409. 450
 'Проссора' 265
 Протоармяне 132
 Протоегиптяне 119
 Протоисторическая культура 52. 117
 Протоисторическая культура Средиземноморья 52
 Протоисторические эпохи 45. 46
 Протоисторический вопрос 65
 Протоисторическое основание городов и основатели 55
 Протоистория 45. 54. 59. 64. 65. 95
 Протоистория Армении 59
 Протоистория Понтийского побережья 64
 'Протягивать' 336
 Процесс образования этнических видов 165
 Процесс скрещения племен 230. 446
 Процесс скрещения языков 417
 'Прошлый год' 521
 'Пруд' 256. 429
 Прусская Академия наук 168
 'Прядет' 472
 'Пряжа' 473
 Прямые падежи 235. 239. 486. 502. 513
 'Псалмы' 142
 Психологическая лаборатория Кембриджского университета 438
 Психология и психологи 11. 53. 438. 441. 529
 'Птица' 116. 211. 218. 255. 256. 271. 302. 309. 317. 326. 375. 402. 452. 532
 Птичий мир 155
 'Птычка' 342
 Публичная библиотека в Ленинграде 167. 275
 Публичная библиотека в Ульяновске 275
 'Пуля' 36
 Пуны 50. 354
 'Пускать' 413. 497. 499
 'Пустой' 536
 Пустые корни 83. 85
 'Пусть' 497
 Путешествия и путешественники 97
 Пути социализма 153. 200. 223. 318. 321
 Путь' 336
 'Пух' 211
 'Пучина' 49
 'Пух ной зверь' 198
 'Пчела' 100
 'Пшеница' 129. 214. 265. 268. 269. 449
 'Пшеничный хлеб' 265
 'Пьяница' 84. 519
 'Пьяный' 519
 'Пятнадцать' 381. 382
 'Пятница' 520
 'Пять' 327. 381. 382. 493. 506
 'Раб' 156. 157. 531
 'Работа' 533
 'Работать' 497. 499. 501. 533
 'Работник' 497
 Рабочая сила 468
 'Рабочий' 533
 Рабочий класс 419
 Рабы 74. 92
 'Радоваться' 149
 'Радость' 51
 'Радуга' 238. 262. 479
 'Раз' 256. 281. 294. 391. 483. 496. 517. 532

- 'Разбойник' 357
 'Разбойничий наезд' 240
 'Развратник' 235
 'Развратница' 235
 'Разговаривать' 217
 'Разговор' 182, 258, 261, 501
 Разговорная речь 424
 Раздвоение богов 223
 Раздвоение звуков 23, 35, 39, 82, 108, 114, 135, 138, 143, 146, 156, 177, 233, 235, 245, 291, 293, 297, 330, 331, 337, 374, 471
 Разделение труда 462
 'Раздувальный мх' 313
 Разложение звьюв 103, 108, 156, 176, 189, 233, 246, 254, 291, 302, 318, 352, 363, 446, 458, 469, 503, 518
 'Размахивать' 283
 'Разогрел' 474
 Разряд «Кавказ и яфетический мир» ГАИМК 276
 Разряд первобытной культуры ГАИМК 277, 314, 349
 'Рай' 51
 Район расселения гогов и магогов 104
 Район расселения ионов 48, 207
 Район расселения кельтов 233, 424
 Район расселения луговых мариев 446
 Район расселения сванов 176
 Район расселения сираков 53
 Район расселения скифов 42, 43, 47, 195
 Район расселения халдов 39
 Район расселения халибов 39
 Район расселения чанов 207
 Район расселения чхумов 162
 Район расселения шумов 162
 Район расселения яфетидов 368, 369
 'Рак' 450
 'Рана' 230
 'Ранить' 51, 280
 Раса 68, 97, 98, 108, 110, 120, 325, 425, 426, 427, 428, 429, 505, 509
 Расенизмы см. Этрусцизмы
 Расенская разновидность этрусского племенного названия 132
 Расенские племенные слова см. Этрусские племенные слова
 Расенский язык см. Этрусский язык
 'Расены' 115
 Расены см. Этруски
 'Раскаиваться' 495
 'Раскалил' 474
 'Раскалание' 495
 Расклинивание 20, 21, 22, 23, 26, 31, 37, 38, 42
 Раскопки см. Археологические раскопки. Языковые раскопки
 Раскопщики см. Археология и археологи
 Расовая среда 10
 Расовая этн. графия 426, 430. См. также: Этнография. Этнология
 Расовые образования 331
 Расовые типы 428
 Расовые черты 45, 212, 235, 428
 Расовые явления 173
 Расовые языки 446
 Распад индоевропейского языкознания
 'Распалил' 258
 'Распутная женщина' 235
 'Распутница' 133, 237
 'Распятие' 157
 'Расцветать' 257, 258
 Расселение кельтов 428
 Расселение яфетидов 21, 319
 'Рассказ' 142, 143, 497, 499
 Расское племя см. Рассы (раши)
 Расслоение первобытной общественности 432
 Рассы 317
 'Растить' 514
 Растительный мир 108, 165, 244, 261, 269, 375, 468, 489
 Растительный тотем 495
 Расы (раши) 48, 65, 97, 120
 Расхождение старого и нового учения об языке 433
 Рачинский говор грузинского языка 83
 Рачинцы 48
 Реалии 36, 102
 Реальные училища 432
 'Ребенок' 22, 221, 512, 514, 518
 'Рсбро' 225
 Революционные сдвиги в развитии 430
 Революция 162, 324, 378, 398, 422, 484
 Редукция 189, 200, 217, 256, 264, 377, 386, 387, 410, 452, 453
 'Резать' 37, 51, 280
 Рейский язык 11, 133. См. также: Армянский язык
 'Река' 51, 243, 257, 262, 271, 295, 296, 297, 303, 304, 305, 306, 311, 346, 347, 350, 352, 354, 377, 412, 450, 469, 473, 482, 492, 493, 508, 522
 'Река-вода' 239
 'Река-лошадь' 307
 Религиозная культура 360
 Религиозное мышление 387
 Религиозно-национальные интелесы 236
 Религиозно-общественное строительство 488
 Религиозные верования 28, 38, 55, 59, 236, 276, 285, 357, 359, 371
 Религиозные организации 359, 361
 Религиозные представления 38, 223, 327
 Религиозные термины см. Культурные термины (названия)
 Религиозные церемонии 74, 491
 Религиозный мир 361
 Религия (религиозные учения) 28, 38, 54, 55, 59, 74, 94, 100, 178, 223, 276, 285, 316, 341, 356, 359, 360, 361, 365, 366, 371, 430, 478, 484, 489, 518
 Реликтовые языки 271
 Ремесла 124, 467
 Ремесленные печи 124
 'Ремесло' 267
 'Реница' 246
 Расские племенные слова см. Этрусские племенные слова
 Речевая культура см. Языковая культура
 Речевое мышление 226
 Речевое производство 246, 248, 494, 497
 Речевые координаты 250
 'Речка' 33, 309
 'Речная женщина' 320
 'Речная кошка' 110

- 'Речь' 132. 258. 259. 261. 328. 406. 408. 495
 'Ржать' 222. 240. 241
 Римляне 37. 49. 120. 196. 202. 210. 213. 234.
 237. 236. 241. 242. 243. 244. 253. 311. 312.
 314. 315. 332. 354. 369. 423. 428. 436. 456.
 459. 502. 519
 Римская армия 236. 431
 Римская империя 424
 Римская речь 37 См. также: Латинский язык
 Римская хозяйственная система 431
 Римские провинции 120
 Римский культурный мир 314
 Римский порядок 431
 Римский универсализм 244
 Римский университет 118
 Рисунки 319
 Ритм 50. 64. 65. 162. 133. 186
 Робингаузен кого типа предметы 344
 'Рогатый скот' 368
 'Роговая стрела' 36
 'Роговой лук' 36
 'Рогожа' 473
 'Род' 18. 34
 Род 33. 64. 61. 225. 229. 239. 358. 386. 407.
 483. 509. 510. 524. 535
 Род (грамм.) 22. 56. 169. 224. 225. 229. 235. 241.
 247. 253. 268. 407. 410. 418. 419. 471. 483.
 511. 512
 'Родиль' 23. 412
 'Родитель' 149
 'Родительница' 159
 Родительный падеж 35. 39. 71. 89. 106. 114.
 115. 130. 221. 228. 240. 243. 260. 269. 293.
 363. 377. 390. 411. 421. 470. 503. 508. 517.
 521. 527
 'Родиться' 514
 Родная речь 65. 81. 98. 167. 177. 246. 248.
 337. 340. 358. 392. 393. 394. 395. 396. 400.
 411. 415. 422. 443. 435. 436. 437. 442. 444.
 451. 454. 477. 479. 485. 505. 529. 530. 534
 'Родник' 243. 268. 347. 469
 Родной мир 45
 'Родной очаг' 456
 Родовая общественность 471
 Родовое значение слов 110. 421
 Родовой быт 286
 Родовой строй 56. 470. 471. 486. 511. 513. 514
 Родовые термины см. Термины родства
 Родовые фамилии 358. 467. 489. 490
 Родовые языки 514
 Родоназачальники 44. 56. 123. 358. 386
 Родополовые народы 14. 22. 40. 41. 123
 Родство (сем.) 389. 483. 511. 512
 Родство абхазов с египтянами 168
 Родство абхазского языка с египетским 168
 Родство абхазского языка с коптским языком
 172
 Родство абхазского языка с черкесо (адыгео)-
 кабардинской группой языков 173. 272
 Родство армян с басками 125. 128
 Родство армянского языка с чувашским язы-
 ком 340
 Родство баскского языка с чувашским языком
 328. 340
 Родство грузинского языка с абхазским язы-
 ком 168
 Родство грузинского языка с семитическими
 языками 324
 Родство знаков 58
 Родство копцев (зырян) с финскими племенами
 216
 Родство индоевропейских языков с яфетиче-
 скими языками 284
 Родство кавказских языков с финскими язы-
 ками 218
 Родство колхов с египтянами 186
 Родство колхского языка с египетским языком
 180. 186
 Родство коптского языка с египетским языком
 169
 Родство коптского языка с колхским языком
 180
 Родство коптского языка с мегрельским язы-
 ком 170. 186
 Родство коптского языка с чанским языком
 170. 186
 Родство марийского языка с грузинским язы-
 ком 463
 Родство марийского языка с русским языком
 442
 Родство марийского языка с турецкими язы-
 ками 442
 Родство марийского языка с удмуртским язы-
 ком 463
 Родство марийского языка с финскими язы-
 ками 442. 463
 Родство марийского языка с чувашским язы-
 ком 442
 Родство народов 1. 6. 41. 45. 54. 65. 111. 120.
 141. 146. 150. 151. 154. 157. 168. 175. 180.
 186. 192. 193. 200. 216. 217. 218. 226. 227.
 249. 344. 348. 352. 361. 364. 365. 370
 Родство памятников материальной куль-
 туры 186
 Родство Руси с Галлией 150
 Родство Руси с Италией 150
 Родство русского языка с армянским языком
 317
 Родство русского языка с грузинским языком
 317
 Родство санскрита с европейскими языками 433
 Родство сарматского с киммерским языком 208
 Родство сванского языка с карельским язы-
 ком 389
 Родство сванского языка с суоми 389
 Родство семитических языков с хамитическими
 языками 168
 Родство скифов с ханьбами 193
 Родство терминов 6. 9. 18. 103. 109. 110. 122
 - 143. 147. 149. 150. 175. 182. 208. 213. 215.
 221. 237. 238. 241. 243. 246. 298. 306. 307.
 312. 318. 326. 378. 418. 421. 444. 463. 470.
 512
 Родство турецких языков с яфетическими
 языками 284. 285
 Родство турецкой группы языков с угрофин-
 ской группой языков 174
 Родство удмуртов с комиами (зырянами) 217.
 218
 Родство удмуртов с коми-пермяками 217
 Родство украинского языка с русским языком
 266. 267

- Родство украинского языка со славянскими языками 266
 Родство украинского языка с яфетическими языками 266
 Родство украинской музыки с грузинской 111
 Родство утийского языка с языком халдских вадийсей 82
 Родство финских языков с яфетическими языками 196
 Родство французов с грузинами 149
 Родство черкесов с абхазами 200
 Родство чувашей с болгарами 365
 Родство чувашского языка с абхазским языком 290
 Родство чувашского языка с русским языком 395, 418
 Родство чувашского языка с турецкими языками 240, 332, 333, 340, 402, 413
 Родство чувашского языка с финскими языками 340
 Родство чувашского языка с шумерским языком 404
 Родство чувашского языка с яфетическими языками 274, 285, 328, 329, 334, 335, 365
 Родство этнических названий 6, 150
 Родство языков 17, 21, 41, 65, 81, 82, 87, 108, 119, 123, 133, 150, 151, 156, 168—170, 172—174, 180, 183, 186, 193, 196, 200, 203, 208, 216—218, 226, 230, 249, 266, 267, 274, 284, 285, 290, 291, 317, 324, 328, 329, 332—335, 340, 352, 365, 381, 389, 391, 395, 402, 404, 413, 416, 418, 429, 442, 447, 463, 543
 Родство яфетических языков с семитическими 168
 'Рожка' 251
 'Рожать' 131, 132, 281
 'Рождение' 17, 262
 'Рожденный' 131, 515
 'Роза' 489, 490
 'Рок' 531, 533
 'Роман' 499
 Романовская династия 203
 Романо-германская филология 145
 Романская группа языков см. Романские языки
 Романские народы 195, 213, 236, 354
 Романские языки 116, 204, 213, 242, 243, 259, 270, 307, 392, 419, 431, 504
 Романский мир 213, 325
 Романы и романисты 133, 193, 520
 Российская Академия истории материальной культуры см. Государственная Академия истории материальной культуры
 'Росток' 489
 Росы 97
 'Рот' 247, 251, 252, 253, 414
 Ротатизм 57
 Рош-берекский язык 187, 376
 Рош-беры 187
 Роши 216, 217, 234
 Рош-вожский язык 213
 Рошские племенные слова 376
 Рошский язык 216, 217, 376
 Рошское племя см. Росы (роши)
 Ртутные сосуды 90
 Ртуть 91
 'Рубашка' 103
 'Рубить' 36, 280
 'Ругать' 231
 'Рука' 51, 157, 172, 225, 231, 238, 253, 256, 260, 261, 267, 268, 269, 272, 273, 281, 282, 283, 284, 285, 294, 297, 327, 328, 336, 342, 375, 377, 382, 388, 390, 391, 412, 413, 415, 419, 449, 461, 473, 481, 482, 483, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 504, 507, 515, 516, 517, 521, 532, 533
 'Рука левая' 283, 336
 'Рука правая' 157, 283
 'Рука производительница' 225
 'Рукав' 297, 412, 516
 'Рукав реки' 482
 'Руки' 219, 272, 327, 448
 'Руки + ноги' 285
 Руководящие слои общественные 430, 431
 'Рукодействие' 267
 Рукописи 4, 71, 72, 90, 107, 277, 472
 Рукописный словарь баскского языка 252
 Рукописный словарь грузинского языка 472
 'Рукоять' 157, 461, 490, 517
 'Рукоять меча' 106
 'Рукоять плуга' 157
 Румыны 431
 'Румяная заря' 222
 'Румяный' 222
 'Румяный цвет' 222
 Русалки 54
 Русская государственность 46, 365
 Русская историография 105
 Русская историческая наука 45, 46, 47, 54, 163
 Русская культура 7, 276, 333, 336
 Русская литература 77
 Русская номенклатура 298
 Русская этногония 334
 Русские 3, 7, 12, 45, 46, 48, 54, 56, 67, 75, 78, 79, 89—93, 96—100, 102—104, 106—112, 122, 123, 138, 149, 152, 163, 175, 184, 185, 195, 196, 208, 213, 226, 229, 233, 244, 237, 241, 244, 247, 251, 253, 257, 261, 262, 266, 268, 270, 276, 288, 298, 303, 306, 311, 315, 317, 319, 320, 334, 335, 340, 343, 344, 346, 347, 350, 351, 353, 357, 359—361, 364—366, 396—398, 410, 418, 445, 456, 457, 458, 459, 460, 464, 465, 471, 477, 482, 502, 510, 521, 523, 525, 526
 Русские былины 46, 47, 334, 335, 357
 Русские востоковеды 12, 67, 70, 96
 Русские древности 48, 118, 139
 Русские клады 70
 Русские колонии в Албании 111
 Русские легенды 46, 54, 61, 64, 123
 Русские летописи 44, 46, 47, 54, 55, 60, 61, 175, 198, 227, 334, 350, 359, 410
 Русские летописцы 61, 227
 Русские племенные слова 142
 Русские сказки 41
 'Русский' 239, 460
 Русский вопрос 180
 Русский район 353
 Русский элемент в прикаспийском населении 79

- Русский эпос 361
 Русский этнический мир 75, 189
 Русский язык 36, 53, 59, 61, 62, 70, 73, 75, 77; 78, 86, 89—92, 95, 98, 99, 101—103, 106, 111—113, 115, 116, 135, 138, 142, 149, 150, 152, 155, 164, 169, 175—177, 183, 185, 187—190, 197, 198, 201, 212, 213, 217, 224, 229—234, 237—239, 241, 242, 244, 246—248, 250—252, 254—259, 261—271, 276, 278, 288, 290, 298, 305—307, 311—313, 315, 317, 318, 320, 325, 333—340, 342, 343, 346, 347, 350, 352—354, 357—359, 362, 363, 365, 366, 368, 376—378, 381, 388, 391, 394, 395, 397, 398, 401—403, 406, 409, 410, 414, 416, 418, 419, 419, 421, 436, 442, 443, 444, 455, 450, 457, 458, 459, 463, 464, 466, 471, 472, 473, 477, 478, 479, 480, 482, 488, 491, 492, 494, 495, 496, 498, 499, 502, 503, 505, 506, 508, 509, 510, 516, 517, 518, 520, 521, 523, 526, 533, 535, 536. См. также: Древнерусский язык. Пермский говор русского языка. Костромской говор русского языка
 Русско-восточные культурно-исторические отношения 68
 Русско-волжский словарь 516
 Русское Археологическое общество 4, 398
 Русское государство 319, 335
 Русско-кавказские отношения 99, 103, 108, 111, 112
 Русско-кавказские связи 63
 Русско-кавказский вопрос 185
 Русско-северокавказское население 163
 Русско-средиземноморская связь 149
 Русско-финская секция КИПС 392
 Русско-хазарские этнокультурные связи 98
 Руссы 67, 68, 99, 103
 Русы 52, 53, 98, 99, 101, 122, 203, 262, 311, 315, 321, 348, 361
 'Ручей' 290, 296, 304, 346
 'Ручка ковша' 87
 Ручной труд 416
 Ручной язык см. Линейный язык
 Руши 53, 65, 124, 128, 349
 Рушизмы 125
 Руштуни 124, 125, 319
 'Рыба' 24, 32, 33, 52, 214, 448, 449, 524
 'Рыбный' 33
 'Рыжий' 197, 222
 'Ряженный' 143
 Рязанская ученая архивная комиссия 348
 Сабен 441
 Сабинский язык 199
 'Сабля' 37
 Савары 370
 'Сагартиец' 511
 'Сажа' 475
 Саки 4—7, 18, 20, 21, 24, 35, 36, 42, 47, 53, 109, 195, 378
 Саки-скифы 47
 Сакраментальные слова 140
 Сал-банские племенные слова 170
 'Сал-бер' 364
 Сал-бер-ионский язык 205
 Сал-берские племенные слова 159, 170, 187, 189, 190, 199, 219, 316, 359, 443, 444
 'Сал-берский' 305
 Сал-берский язык 190, 199, 205, 213, 214, 219, 220, 315, 316, 317, 359, 364, 376, 443, 444
 Сал-беры 187, 189
 'Сал иберское' 306
 'Сал-ион' 350
 Сал-ион-берский язык 209
 Сал-ионские племенные слова 170, 197, 306
 'Сал-ионский' 305
 Сал-ионский язык 187, 201, 206, 212, 215, 222, 315
 Сал-ионы 187, 197, 300, 305, 306
 'Сало' 90
 Сало-альпийский язык 150
 Салские племенные слова 187, 195, 196, 199, 205, 217, 283, 284, 285, 305, 317, 338, 339, 343, 363, 364
 Салский слой абхазского языка 289
 Салский язык 142, 190, 197, 198, 199, 200, 205, 209, 212, 213, 217, 220, 222, 274, 277, 283—285, 305, 317, 329, 333, 343, 363, 364
 'Салы' 286
 Салы (алы, альпы, италы) 51, 123, 124, 142, 164, 178, 187, 195, 196, 197, 205, 209, 217, 277, 286, 289, 315, 317, 322, 331, 348, 349
 'Сам' 281
 'Самец' 218, 216, 233, 480, 512, 513
 'Самка' 226, 233, 412, 483, 502, 512, 513
 Самкарский тотем 182
 Самокритика 434
 Самосознание 122—124
 Самурзаканский говор мегрельского языка 230, 470, 491
 Санскрит 148, 433
 'Сапог' 227
 Сардинский язык 259
 Сардурова клинообразная надпись 61, 63
 Сар-иберы 184
 'Сармат' 288
 Сармато-грузинский язык 138
 Сармато-италийский язык 150
 Сармато-яфетические отношения 4
 Сарматская группа языков 298
 Сарматские имена 38
 Сарматские племенные названия 9, 13, 163, 297, 313, 314
 'Сарматский' 305
 Сарматский слой в абхазском языке 138
 Сарматский слой в армянском языке 123
 Сарматский тотем 123, 131, 255, 289
 Сарматский этнический слой в баскском языке 123
 Сарматский язык 38, 41, 138, 142, 150, 179, 208, 215, 216, 274, 289, 298, 305, 329, 330, 369
 Сарматы 4, 41, 56, 90, 123, 124, 177, 178, 179, 189, 192, 194, 207, 208, 211, 241, 285, 286, 288, 289, 297, 299, 300, 305, 313, 314, 321, 322, 359, 361, 364, 369, 526
 'Сары' 286
 Сары 178, 370
 Сасанидские монеты 92, 101, 102, 321
 Сасанидские письма 101, 321
 Сасанидские сокровища 92, 101, 102, 321
 Сасанидское влияние 319

- Сасанидское искусство 319
 Сатрапии и сатрапы 4, 5, 180
 'Свадьба' 309
 Сванизмы 225
 Свано-месхи 300
 Свано-месхские элементы грузинского языка 137
 Свано-месхский язык 137, 205
 Сванский язык 11, 23, 27, 29, 31—36, 38, 39, 42, 51, 55, 56, 58, 63, 62—87, 95, 108, 109, 112—114, 127, 129, 130, 135—139, 146—148, 150, 155, 159, 171, 173, 174, 176, 183, 189, 201, 212, 214, 220, 221, 231, 234, 240, 251, 252, 254, 257, 260, 261, 264—266, 273, 279, 281, 285, 293, 295, 296, 299, 300, 302, 313, 331, 339, 342, 353, 381, 385, 389, 391, 401, 435, 446, 449, 464, 465, 478, 482, 486, 488, 499, 494, 497, 500, 504, 510, 512, 514, 517, 518, 519, 520, 521, 531, 535. См. также: Инарский говор. Лахамульский говор. Лашхский говор. Лентехский говор. Мулахский говор. Парский говор. Таврарский говор. Ушкулский говор. Халдский говор. Эдзерский говор. Нижнеингурское наречие сванского языка
 Сваны 23, 26—27, 30, 35, 36, 38, 48, 55, 56, 64, 62, 83, 86—88, 95, 100, 113, 127, 130, 135, 146, 156, 176—178, 182—184, 189, 212, 214, 220, 221, 226, 264, 266, 285, 293, 299, 313, 341, 385, 390, 445, 464, 489, 497, 510, 517, 536
 Сваны 350
 'Сверкаль' 257
 'Свет' 115, 135, 143, 144, 146—150, 253, 257, 416, 417, 421, 461, 482, 493
 'Светать' 257, 533
 'Светло' 42, 228, 259, 302, 306, 417, 418, 444, 463, 478
 'Светлый' 134
 'Свет очей' 463, 478
 'Свет утренней зари' 134
 'Свинец' 310
 'Свяня' 31, 42, 232—234, 238, 239, 243—245, 263
 Свистящая группа яфетических языков 15, 16, 19, 22, 23, 36, 37, 83, 85, 86, 127, 138, 139, 156, 168, 173, 174, 177, 207, 214, 219, 220, 239, 246, 252, 254—256, 258, 268, 277, 279, 281, 296—299, 329, 330, 342, 343, 355, 362, 368, 377, 378, 380—383, 386—388, 403, 448, 451, 464, 469, 471, 472, 484, 485, 526, 536
 Свистяще-спирантные звуки 274
 Свистяще-шипящая норма 295
 Свистящие звуки 32, 38, 116, 159, 170, 205, 208, 212, 219, 222, 235, 252, 274, 280, 281, 283, 284, 290, 295, 296, 327, 324, 355, 356, 367, 368, 370, 387, 408, 413, 417, 447, 448, 235, 474
 Свистящие языки 179, 330, 384
 Свистящий слой абхазского языка 138, 173
 Свистящий слой грузинского языка 208
 'Свободный' 536
 'Свод' 114, 115, 159, 262, 326, 341, 401, 402, 412, 465
 Сводь надписей 432
 Связь абхазов с этрусками 122
 Связь абхазов с мегрелами 23, 30
 Связь абхазского языка с русским языком 414
 Связь абхазского языка с северо-кавказскими языками 173
 Связь абхазского языка с южнокавказскими языками 173
 Связь адыгеев с абхазами 272
 Связь армянских языков с яфетическими языками 520
 Связь баскского языка с абхазским языком 128, 130, 152
 Связь баскского языка с армянским языком 128, 152
 Связь баскского языка с венгерским языком 287
 Связь баскского языка с турецкими языками 287
 Связь басков с финнами 222
 Связь баскского языка с финскими языками 222
 Связь бассейна Печоры и Оби с кавказским югом 301
 Связь бесписьменных языков с древнеписьменными языками 516
 Связь греков с Востоком 213
 Связь греческого языка с баскским языком 213
 Связь египетского языка с семитическими языками 118
 Связь живых языков Запада с живыми языками Востока 395
 Связь зырян со скифами 218
 Связь кавказских языков с баскским языком 397
 Связь кавказских языков с восточными языками 397
 Связь кавказских языков с средиземноморскими языками 397
 Связь кавказских языков с Финляндией 391, 528
 Связь кавказских языков с эламским языком 398
 Связь кавказских яфетидов со скифами 1, 4, 104, 192, 209
 Связь космических явлений с металлами 202
 Связь легенд с этнографией 64
 Связь марийского языка с русским языком 535
 Связь марийского языка с чуашским языком 377
 Связь населения Прикаспийского края с населением восточного побережья Черного моря 82
 Связь норманов с абхазами 125
 Связь подосновы яфетического слоя армянского языка со сванским языком 87
 Связь приволжских яфетидов с кавказскими яфетидами 358
 Связь Приволжского бассейна с кавказским югом 301
 Связь Приволжья с Месопотамией 322
 Связь русских с Кавказом 270
 Связь русских с Тмуларакью 99
 Связь русских с этрусками 122
 Связь русского языка со сванским 113
 Связь русского языка с восточнофинским языком 270

- Связь русского языка с грузинским языком 268
 Связь русского языка с кавказскими яфетическими языками 263, 270
 Связь русского языка с марийским языком 457
 Связь русского языка с чувашским языком 270
 Связь русского языка со скифским 86
 Связь русских с абхазами 99
 Связь саксов с кавказскими яфетидами 4
 Связь саксов со скифами 21
 Связь саксов с яфетидами 4
 Связь Скифии с турецкой Средней Азией 197
 Связь скифов с иберами 175
 Связь скифов с кимерами 195
 Связь скифов со Средиземноморьем 196
 Связь скифов с сарматами 194
 Связь скифов с северными народами 210
 Связь скифов с финнами 197
 Связь славян со скифами 340
 Связь средиземноморских языков с припонтскими 152
 Связь улмутов и грузин 467
 Связь улмуртского языка с яфетическими языками 516
 Связь украинского языка с восточно-финским языком 270
 Связь украинского языка с грузинским языком 268
 Связь украинского языка с кавказскими яфетическими языками 263, 270
 Связь украинского языка с чувашским языком 270
 Связь украинцев с Кавказом 270
 Связь хазар с булгарами 404
 Связь хазар с русским и кавказским этническим миром 75
 Связь хеттского языка с индоевропейскими языками 284
 Связь чанского языка со сванским 87
 Связь чувашей с болгарями 361, 370
 Связь чувашей и черемисов 210
 Связь чувашского языка с армянским языком 395
 Связь чувашского языка с грузинским языком 390, 395
 Связь чувашского языка с кавказскими языками 395
 Связь чувашского языка с турецкими языками 395, 402
 Связь чувашского языка с финскими языками 395
 Связь шумеров с болгарями 370
 Связь шумеров с чувашами 404
 Связь шумерского языка с турецкими языками 287
 Связь языка с хозяйством 419
 Связь яфетидов со скифами I 4, 104
 Связь яфетических основ восточнокавказского мира с западнокавказским миром 81
 Связь яфетического Кавказа с германским севером 391
 Связь яфетического Кавказа с русским севером 391
 Связь яфетического Кавказа с финским севером 391
 'Святой' 31
 'Святые' 42, 129, 182, 457, 521
 'Священнодействовать' 532
 'Священное место' 457, 465
 'Священный' 220, 221
 'Священный' народ 221
 Священный народ 210, 211
 Сдвиги см. Революционные сдвиги
 'Себя' 281
 'Север' 390, 533
 Северная топонимика 157
 Северное происхождение терминов 110
 Северные африканцы 246. См. также: Берберы. Кабийские берберы
 Северные народы 88, 97, 98, 106, 178, 210—212, 215, 216, 221, 270, 332, 367, 368, 378, 421, 521, 528
 Северные приволжские народы 158
 Северные приволжские языки 158
 Северные удмурты 298
 Северные финны 303, 407
 Северные языки 213, 215, 216, 218, 270, 368, 369, 374, 420, 496
 Северные яфетиды 360, 367, 368, 369
 'Северный' 193
 Северный мир 270
 Северо-американские индейцы 441
 Северо-армянские наречия и говоры 88
 Северо-восточные средиземноморские языки 169
 Северо-кавказская фибула 276
 Северо-кавказские племена и народы 41, 48, 97, 177, 310
 Северо-кавказские языки 93, 138, 173, 324
 Северо-кавказские яфетиды 41, 48
 Северо-кавказские яфетические языки 138
 Северы 369
 Северяне 105, 348
 Севордия 19
 'Сегодня' 492
 'Седло' 222, 234
 Седневские курганы 78
 Сеи 20
 'Секира' 36, 37
 Секлеры 332
 Секта Великой Свечи 441
 Секты и сектантство 441
 'Секунда' 15
 Секция металлов ГАИМК 39
 'Селение' 60, 81, 127, 157, 163, 164, 217
 'Село' 158, 164, 189, 217, 312, 316, 349, 352, 456, 508, 509, 522, 523
 Сельская классовая организация 315
 Сельское население 158, 315, 316, 343, 349, 351
 'Сельчаня' 312
 Семантика 2, 6, 16, 17, 24, 36, 38, 49, 51, 52, 58, 63, 83, 84, 86, 89, 114, 115, 121, 131—135, 139, 141—144, 146, 147, 149, 150, 152, 153, 157, 163, 170, 185, 187—189, 198, 201, 203, 211, 212, 214, 218, 222, 231, 232, 235, 237, 238, 241, 243, 244, 247, 252, 253, 255—257, 261, 263, 266, 267, 268, 270, 279, 281—286, 288, 290, 291, 293, 294, 296, 297, 302, 305, 306, 309, 315, 317, 342, 351, 354, 357, 362, 363, 373, 375, 377, 385, 386, 390, 400, 401, 403, 411, 412, 413, 417, 450, 454, 456, 459, 460, 461, 465, 469, 470, 477, 480, 481, 483, 486, 487, 493, 495—500, 502, 504, 505, 509, 514, 515, 521—523, 527, 531

- Семантика яфетических языков 281, 282
 Семантическая дифференциация 285, 315
 Семантическая огласовка 362
 Семантическая палеонтология 83, 182, 454
 Семантическая перегласовка 362
 Семантическая типология 170
 Семантическая филиация 52, 187, 235, 238, 241, 270, 297, 461
 Семантическая фонетика 121, 471
 Семантические гнезда и пучки >3, 84, 133, 135, 139, 141, 144, 147, 152, 170, 247, 253, 256, 257, 268, 342, 377, 390, 401, 411, 412, 456, 459, 465, 480, 481, 483, 502, 522
 Семантические закономерные вариации 247
 Семантические законы 86, 114, 115, 132, 138, 139, 153, 244, 281, 306, 351, 477, 493, 499, 505
 Семантические положения 114, 115, 211, 212, 218, 222, 241, 255, 257, 261, 294, 401
 Семантические расхождения 279
 Семантические ряды 131, 234, 263
 Семантические факты и материалы 373
 Семантический источник 257
 Семантический разрез 114, 115, 132, 143, 146, 282, 293, 294, 296, 297, 412
 Семантическое восприятие 63
 Семантическое использование терминов 188, 189, 222, 302, 305, 486
 Семантическое развитие 24, 134, 231, 232, 463, 500, 509
 Семантическое раздвоение 114
 Семантическое родство терминов 237
 Семасиологические нормы 83, 170
 Семасиология см. Семантика
 Семейные взаимоотношения 420
 Семейные термины см. Термины родства
 Семитическая система (семья) языков 151, 206, 324, 330, 331, 504, 519
 Семитические языки 37, 38, 40, 80, 86, 103, 106, 109, 118, 139, 145, 148, 151, 163, 170, 187, 197, 206, 213, 254, 285, 321, 326, 330, 354, 398, 419, 430, 435, 463, 469, 470, 483, 484, 485, 488, 493, 495, 503, 504, 519, 531
 Семитический мир 37, 199, 200, 483
 Семитологический анализ 40
 Семитология и семитологи 40, 68, 484, 486, 487
 Семь 37, 38, 40, 50, 52, 65, 68, 73, 80, 94, 124, 202, 206, 223, 225, 321, 354, 469, 483
 'Семнадцать' 382
 Семья корней 86
 Семья языков 11, 16, 21, 26, 81, 108, 151, 155, 168, 173, 174, 196, 206, 210, 226, 227, 228, 239, 245, 248—251, 255, 256, 266, 284, 323, 324, 326, 330, 331, 333, 330, 381, 383, 387—391, 395, 399, 401, 405, 407, 409—411, 416, 417, 420, 427, 429, 434, 435, 447, 451, 457—461, 467—470, 476—478, 480, 483, 484, 492, 496, 500, 504, 505, 509—512, 514, 516, 519—522, 524, 527, 528, 534, 535
 Семья 119, 187, 188, 225, 229, 231, 327, 420, 480, 488, 509
 Семья народов 4, 21, 119, 181, 306, 323, 334
 Сенижский говор мегрельского языка 87, 230, 470
 'Серафим' 520
 'Серебро' 114, 198—222, 268, 277, 299, 360, 363, 419, 444
 Серебро 73, 201, 444
 'Серебряная вода' 91
 Серебряные болгары 334, 335, 359, 360, 443, 444
 'Серебряный' 444
 'Сестра' 130, 170, 171, 480, 485
 'Ожечь' 475
 'Сжигание' 220
 'Сжигать' 220, 421, 475
 'Сжимать' 4, 0, 401
 Сивердин 19
 Сибилантная ветвь яфетических языков 5, 15, 19, 20, 24, 26, 27, 37, 85, 86, 108, 109, 149, 168, 173, 214, 249, 272, 298, 309, 329, 351, 362, 363, 364, 380, 382, 383, 387, 406, 512
 Сибилантные звуки 19, 30, 35—37, 56, 62, 63, 102, 124, 134, 139, 141, 142, 145, 146, 148, 155, 159, 163, 176, 179, 182, 184, 188, 189, 200, 201, 217, 220, 222, 235, 236, 245, 257, 258, 274, 279, 280, 284, 285, 291, 293, 299, 300, 302, 305, 308, 309, 312, 320, 334, 347, 353, 363, 364, 370, 387, 389, 450, 455, 457, 463, 471, 472, 473, 478, 479, 501, 513, 517
 Сибилантные языки 51, 82, 86
 Сибилантный слой сванского языка 85
 Сибирские племена и народы 379
 Сибирские языки 379
 Сивары 370
 Сигнализация 261, 266, 269, 452, 455, 468, 476, 481, 488, 499, 504, 507, 513, 517, 520, 531
 Сии 20
 'Сила' 270, 281, 282, 284, 285, 297, 327, 336, 500, 533
 'Силач' 24
 Сильные звуки 85, 87, 316, 500
 'Сильный' 282, 402
 Сибирское краеведческое общество 278
 Символизм 133, 408
 Символы 58, 134, 139, 145, 147, 151, 157, 203, 236, 320, 326, 327, 371, 405, 414, 447, 481, 489, 494, 495, 496, 497, 502
 Синаксарий 80
 Синадские предания 64
 'Синий' 15
 Сивонимы 18, 90, 187, 189, 217, 221, 233, 253, 254, 258, 260, 264, 270, 291, 305, 316, 391, 403, 444, 468, 470, 475, 494, 525
 Синтаксис 275, 461, 462, 463, 466
 Синтаксическая часть грамматики чувашского языка 275
 Синтетическая (аморфная) система речи 451
 Синтетические эпохи 363
 Сины 64
 Сираки 53
 Сирийская культура 323
 Сирийский язык 37, 38, 80, 105, 106, 109, 164, 197, 323, 463, 488, 520. См. также: Древнесирийский язык
 Сирийское влияние в древнеармянской архитектуре 310
 Сирийцы 37, 107, 164, 310, 423, 424
 Система исчисления см. Система числительных
 Система мышления 419, 424, 441, 520
 Система числительных 389

- Системы языков 11, 26, 151, 155, 168, 173, 196, 206, 210, 226—228, 245, 248—251, 255, 256, 262, 266, 270, 380, 381, 383, 387—391, 395, 399—401, 407—411, 416, 417, 419, 420, 424, 427—429, 431, 436, 437, 451, 452, 457, 458, 460, 461, 467—470, 476—478, 481, 483, 484, 492, 495, 496, 500, 504, 505, 509—512, 514, 516, 519—522, 524, 527, 528, 530, 531, 534, 535
- 'Спать' 257
- 'Скажи' 261
- Сказания 2, 23, 40, 44, 55, 61, 77, 195, 196, 208, 223, 229, 236, 263, 334, 335, 360, 361, 468, 520
- 'Сказители' 356, 46
- Сказители 45, 59, 424
- 'Сказка' 261, 262, 406, 408
- Сказки 16, 23, 40—42, 44—46, 51, 54, 61, 66, 96, 105, 138, 167, 211, 212, 225, 226, 250, 256, 271, 288, 386, 468
- 'Скала' 449, 465
- 'Скамья' 103, 363
- 'Скверный' 129
- 'Скиф' 3—6, 14, 21, 35, 36, 50, 60, 98, 288, 508
- Скифо-кавказские взаимоотношения 193
- Скифо-кельтский вопрос 456
- Скифо-кимерская форма слова 163 *
- Скифо-сакские имена 38
- Скифо-сарматский язык 10
- Скифо-сарматы 179, 313
- Скифо-яфетические отношения 4
- Скифская группа языков 298
- Скифская культура 191, 202
- Скифская среда 321
- Скифская экспансия на север 430
- Скифские древности 7, 42, 151
- Скифские племенные названия 9, 13, 33—36, 40, 127, 155—158, 163, 199, 200, 339, 355
- Скифские племенные предания 62, 64, 66, 111, 334
- Скифские скрещенные образования 158
- 'Скифский' 33, 138
- Скифский вклад в русский язык 62, 266
- Скифский вклад в языки Армении 62, 123, 209
- Скифский вопрос 1, 6, 7, 10, 25, 28, 29, 38, 42, 48, 53, 65, 202, 203, 319
- Скифский золотой плуг 193
- Скифский слой в абхазском языке 138
- Скифский слой населения Армении 57, 59
- Скифский слой населения России 45, 53
- Скифский язык 1, 7, 22, 37, 41, 53, 60, 63, 86, 95, 127, 133, 145, 164, 175, 177, 186, 191—194, 199, 200, 202, 208—211, 213—222, 233, 254, 266, 274, 289, 298, 329, 332, 339, 352, 369, 378, 379, 382, 388, 403, 410, 413, 422, 435, 464
- Скифское племенное объединение 41
- Скифское происхождение легенды 123
- Скифское происхождение терминов 158
- Скифы 1, 4—7, 12, 17, 22, 24, 33—37, 40—42, 45, 47, 48, 53, 57, 59—62, 64, 94, 95, 98, 104, 109, 122, 127, 154—158, 163, 164, 175—177, 179, 191—205, 207, 208, 210, 211, 213—219, 221—223, 227, 230, 234, 254, 286, 288, 311, 313, 314, 319, 321, 322, 332, 334, 340, 344, 348, 355, 364, 369, 378, 379, 383, 407, 410, 421, 422, 429, 430, 435, 456, 464, 527
- Склады 340
- 'Скликание поросят' 233
- Склонение 8, 12, 35, 37, 224, 239, 381
- 'Сколот' 288
- Сколоты см. скифы
- 'Скорпион' 57
- 'Скот' 368, 409, 410, 430
- 'Скотный двор' 369
- Скотоводство 107, 198, 232, 375, 430, 467
- Скотоводческий инвентарь 198
- Скотоводческое хозяйство см. Скотоводство
- Скотоводческо-земледельческий быт 203
- Скрещение в языке и языков 13, 22, 26, 27, 31, 32, 38, 41, 49, 69, 84, 86, 108, 127, 128, 135, 136, 138, 155—159, 162, 163, 170, 173, 174, 184, 185, 187—190, 194, 198—201, 205, 207, 212—214, 216, 219—222, 225, 231, 233, 235, 238, 240—243, 246—249, 251—254, 256—258, 262, 267, 268, 274, 277, 278, 279, 289, 291, 295, 296, 297, 298, 305, 306, 307, 318, 314, 317, 325, 329, 330, 331, 334, 337, 339, 340, 343, 344, 346, 350, 351, 353, 355, 362—364, 368, 369, 371, 376, 377, 382—386, 390, 391, 398, 400, 402, 403, 405—407, 411, 412, 414, 417, 418, 421, 422, 424, 447, 449, 451—456, 460—464, 473—479, 482, 485, 487, 489—491, 493—497, 499—503, 509, 515, 516, 521, 522, 524—526, 533, 534
- Скрещение лингвистических элементов 253, 267, 268, 368, 383, 386, 447, 474, 495, 503, 521
- Скрещение племен 13, 22, 26, 27, 31, 41, 64, 65, 70, 84, 86, 94, 98, 111, 121, 128, 137, 158, 159, 173, 185, 186, 207, 208, 209, 210, 216, 223, 230, 289, 298, 299, 305, 306, 314, 328, 345, 350, 405, 407, 446, 459
- Скрещение производственно-социальных группировок 230, 407
- Скрещенная лингвистическая среда 38
- Скрещенная языковая среда см. Скрещенная лингвистическая среда
- Скрещенное полногласие 159
- Скрещенное произношение 295, 362, 364
- Скрещенные звуки 274
- Скрещенные основы 157, 188, 190, 199, 242, 252, 254, 337, 453, 474, 478, 487, 503
- Скрещенные племена 22, 24, 26, 27, 28, 32, 38, 53, 64, 65, 69, 94, 112, 121, 123, 131, 158, 159, 160, 183, 184, 194, 195, 223, 289, 298, 299, 306, 327, 370, 371, 405, 459
- Скрещенные термины 26, 32, 49, 86, 127, 135, 155, 156, 158, 159, 162, 163, 170, 184, 187—189, 194, 198—201, 205, 212—214, 216, 219—222, 225, 231—233, 235, 238, 240, 241, 246—248, 251—254, 256—258, 262, 277, 278, 289, 291, 296, 298, 305—308, 312, 317, 334, 350, 351, 355, 362—364, 369, 371, 376, 377, 382, 383, 384, 385, 386, 390, 391, 402, 403, 406, 407, 411, 412, 414, 417, 418, 421, 449, 453—456, 460, 462, 463, 464, 473, 475, 477—479, 482, 485, 487, 489, 490, 491, 493, 494, 496, 497, 499—503, 509, 515, 521, 522, 524, 525, 533
- Скрещенные языки 10, 27, 38, 85, 121, 125, 127, 137, 138, 172, 173, 174, 219, 254, 255, 262, 279, 291, 339, 340, 343, 344, 353, 398, 405, 422, 424, 430, 526

- Скульптура и скульпторы 140
 Скульптурные памятники 140
 Скутайские племенные названия 163
 Скуты 47. 48
 Слабые гласные 8. 157. 403
 Слабые звуки 8. 15. 85. 157. 237. 279. 299. 403. 410. 411. 413. 478
 Слабые согласные звуки 85. 239. 299. 410. 411. 413. 478
 'Слава' 18
 Славяны 370
 Славяне 36. 37. 44. 47. 62. 69. 77. 90. 92. 97. 98. 101. 102. 104. 111. 112. 143. 150. 181. 185. 246. 288. 303. 305. 306. 319. 340. 348. 370. 457. 464 См. также: Западные славяне. Русские славяне Восточные славяне. Новгородские славяне
 'Славянин' 196
 Славяноведение и слависты 401. 517
 Славяно-кавказские отношения 111
 Славяно-кавказский вопрос 69
 Славяно-хазарские этнокультурные связи 98
 Славянская группа языков см. Славянские языки
 Славянская раса 98
 Славянские видочные образования 286
 Славянские языки 37. 62. 90. 98—100. 116. 138. 145. 149. 152. 181. 187. 189. 213. 246. 248. 251. 262. 264. 266. 289. 306. 337. 339. 352. См. также: Восточнославянские языки. Древнеславянский язык
 Славянский мир 48. 104. 189. 213
 Славянский праязык 113. 248
 Славянское братство 248
 Славянское единство 47
 Славянское происхождение саков 36
 Славянское происхождение терминов 90
 Славянство 286
 'Следовать' 354
 'Слеза' 252. 253. 283. 330. 331. 411. 464. 474. 476
 'Слепой' 114
 'Слепцы' 356
 Слесарное дело 92
 Словарь мхитаристов 75. 77. 89
 Словарь языка и словаря 75. 77. 79. 81. 85. 89. 91. 94. 110. 119. 145. 146. 192. 193. 219. 231. 233. 238. 245. 247. 252. 261. 287. 342. 365. 388. 390. 392. 400. 422. 332. 451. 452. 457. 470. 471. 475. 498. 516
 Словацкий язык 143
 Словесность и словесники 7. 46
 'Слово' 132. 251. 258. 259. 261. 328. 406. 408. 448. 494. 495. 497. 499
 Слово и слова 5. 8. 13—25. 27. 30—42. 44. 46. 47. 49. 51. 52. 54. 56—60. 63. 67. 69. 71. 73—85. 87—93. 98—100. 102—111. 113—115. 121. 124—135. 137—141. 143—150. 154. 155—160. 162—164. 169—172. 175—178. 180—185. 187—201. 203. 205. 208. 211—222. 225. 228. 231—235. 237—274. 277—285. 288—297. 301. 302. 304—313. 315—318. 320. 326. 327. 329. 330. 332. 334—338. 340—343. 346—350. 352—355. 357—363. 367—369. 371—373. 375—378. 382. 383. 385—388. 390. 391. 395. 400—422. 429. 432. 436. 443—446. 448—497. 499—508. 511—519. 521. 522. 524—527. 535. 536
 Словообразование (морфология) 32. 354
 Словообразовательные частицы см. Аффиксы. Окончания. Префиксы. Суффиксы
 Словопроизводство см. Словотворчество
 Словосочетание 46. 471
 Словотворчество 2. 5. 37. 38. 133. 141. 156. 159. 239. 246. 252. 254. 269. 356. 375. 442. 451. 467. 468. 470. 471. 494. 535. 536
 Словоупотребление 146. 211. 253. 473. 476. 484
 Слог 9. 13. 28. 32. 81. 85. 93. 115. 134. 172. 182. 184. 205. 215. 330. 350. 362. 402. 445. 450. 451. 452. 509
 Сложносоставные народы 289
 Сложные звуки 262. 518
 Сложные звуко сочетания 22. 261. 361
 Сложные термины и слова 71. 129. 141. 158. 257. 258. 296. 370. 406. 469. 477
 Сложные формы множественного числа 29
 Сложные языки 123. 173. 175. 193. 343
 Слои в народах 430. 432. 483. 525. 528
 Слои в языках 11. 23. 26. 34. 38. 85—87. 122—125. 128—132. 137. 138. 141. 144. 146. 157. 160. 169. 171. 173. 175. 177. 179. 192. 196. 197. 203. 207. 208. 210. 217. 219. 223. 225. 229. 230. 234. 236. 240. 247. 249. 255. 258. 263. 266. 270. 279. 281. 289. 294. 301. 311. 328. 329. 334. 338. 340. 343. 351. 353. 354. 375. 376. 378. 382. 383. 386. 388—391. 393. 402. 403. 407. 412. 413. 420. 422. 446. 448. 462. 465. 474. 475. 476. 477. 493. 495. 499. 503. 504. 506. 516. 520. 521. 523. 524. 525. 526. 528. 536
 'Слов' 450
 'Слоновая кость' 450
 'Слуга' 483. 531
 'Служанка' 128. 131. 487
 Служебные элементы, слова и частицы 185. 337. 354. 355. 371. 375. 413. 416. 462. 464. 486. 507. 524. См. также: Аффиксы. Префиксы. Окончания. Суффиксы
 'Служитель' 495. 531. 535. 536
 'Служить' 483. 531
 'Слушать' 331
 'Слюна' 253. 254
 Смена богов 316
 Смерды 122. 293. 360
 'Смерть' 51
 Смешение гласных 297
 'Смотрение' 259
 'Смотреть' 259. 263. 330. 331. 411. 463. 533
 'Смуглый' 475
 Смягченное произношение 242. 251. 255
 Смягченные звуки 290. 339. 535
 'Сваряжать' 143
 'Снег' 211. 332
 'Снигирь' 309
 'Собака' 34. 86. 109. 110. 171. 234. 235. 236. 237. 239. 240. 241. 242. 243. 245. 257. 263. 297. 376. 386. 413. 414. 415. 453. 454. 455. 459. 468. 502. 503. 504. 517. 518. 520. 526
 'Собачка' 468. 518
 'Собиратель дани' 281
 Собирательные имена 4. 18. 25. 139. 158. 486
 'Соболь' 106. 107. 109. 110

- Собственность 419, 420
 Собственные имена 13, 19, 35, 130, 180, 220, 249, 304, 371
 Совершеннолетний человек 189
 Советская власть 323, 394, 396, 422
 Советская национальная школа 435, 436
 Советская школа 394
 Советский Союз (СССР) 227, 249, 393, 394, 422, 528
 Советское строительство 394, 528
 Современные народы 206, 210, 224, 248
 Современные языки 29, 81, 82, 228, 248
 'Согбенный' 465
 Согдийцы (согдиане) 4, 31
 Согды-скифы 47
 Согласные звуки 11—14, 17, 19, 21—23, 26, 27, 29, 31, 34, 35, 39, 49, 62, 81, 83, 85—87, 93, 125, 130, 131, 134, 135, 139, 142, 149, 156, 159, 162, 172, 189, 196, 201, 205, 231, 237, 239, 247, 253, 254, 257, 259, 261, 263, 268, 282, 284, 291, 294, 296, 299, 301, 302, 316, 328—330, 363, 380, 384, 386, 390, 409, 410, 411, 412, 413, 418, 429, 447, 448, 450, 451, 455, 460, 463, 471, 475, 499, 500, 501, 507, 508, 512, 535. См. также: Простые согласные. Сложные согласные. Слабые согласные. Глухие согласные.
 'Согреть' 257
 'Согнуть' 465
 Содружество народов 248
 Соединительные гласные 134
 Соединительные звуки 134
 Созвучие 16, 17, 18, 21, 23, 31, 32, 42, 71, 78, 79, 82, 87, 89, 97, 99, 100, 103, 105, 110, 129, 133, 170, 181, 185, 197, 205, 216, 222, 231, 237, 239, 241, 244, 261, 265, 269, 281, 295, 297, 312, 317, 329, 332, 367, 376, 377, 378, 401, 406, 410, 452, 464, 470, 473, 486, 497, 506
 'Совидаие' 17
 'Со знаком' 266
 Сознание 9, 121
 'Соленый' 477
 'Солнечные' 444, 457
 'Солнце' 116, 132—135, 143—146, 149, 150, 221—224, 231, 232, 234, 238, 239, 245, 250, 253, 255, 257—265, 267—270, 283, 302, 311, 312, 326, 354, 402, 405, 416—422, 444, 452, 453, 456, 459, 461, 463, 465, 467, 469, 470, 473—480, 482, 483, 485, 488—490, 492—495, 497, 511, 513—515, 518, 519, 522, 531, 532, 533
 'Солнце-бог' 238
 'Солнце + год' 421
 'Солнце + день' 257
 'Солнце-женщина' 472
 'Солнце-кони' 416
 'Солнце-Мать' 264
 'Солнце на конях' 354
 'Солнце-Отрок' 214, 513
 'Солнышко' 135, 263, 270, 461, 467, 489
 'Солнышко-девица' 244, 513
 'Соль' 476, 477, 479, 495, 518
 Соматическая антропология 367
 Сомчи 415
 Сомехи 300, 391, 445
 Сомехские элементы грузинского языка 137
 Сомехский язык 137, 209
 'Сон' 252, 453
 'Сонм светил' 260
 Сонорная ветвь афетических языков 62
 Сонорное звучание 390
 Сонорное множественное число 25
 Сонские элементы грузинского языка 137
 Соны см. Сваны
 'Сон-явление' 453
 Соотношение диалектов 123, 128
 Соотношение кавказских и южнорусских языков 213
 Соотношение северных языков со скифским языком 215
 Соотношение черноморских и средиземноморских языков 169
 Соотношение языков 169, 203, 215, 298
 'Сосед' 171, 410
 Сословия 51, 63, 69, 115, 129, 155, 156, 169, 186, 239, 361, 407, 420, 430, 446, 459, 462, 464
 Сословная организация общества 432, 446
 Сословное использование племенных названий 155, 156
 Сословные взаимоотношения 420
 Сословные термины 155, 156, 464
 'Сосна' 212, 213
 'Сосок' 511
 Составные выражения 77, 456
 Составные звуки 176
 Составные слова и термины 14, 15, 18, 20, 21, 24, 28—30, 41, 42, 57, 63, 71, 75, 77, 93, 97, 106, 110, 127—129, 135, 140, 146, 148, 157—160, 162, 170, 172, 177, 178, 180—184, 188, 189, 194—197, 205, 218—221, 226, 238, 239, 244—246, 252, 253, 255, 257, 260, 261, 268, 277, 282, 285, 286, 291—294, 299—302, 305—307, 317, 320, 330, 342, 347, 350, 351, 359, 362, 363, 368, 375, 381, 385, 386, 406, 407, 421, 443, 444, 452, 456, 459, 461, 462, 463, 464, 468, 472, 475, 513
 Составные суффиксы 30, 70, 137
 'Сострадание' 279
 'Сосуды' 80, 83, 86, 88, 89. См. также: Чаши. Ртутные сосуды
 'Сотня' 170
 'Соха' 201, 215
 'Сохнуть' 34
 'Сохрять' 533
 'Сошник' 201
 Социалистическое строительство 393, 394, 423, 437, 442, 466, 528, 530, 531, 534
 Социальная база 230
 Социальная дифференциация 446, 447, 462
 Социальная жизнь см. Общественная жизнь
 Социальная закономерность явлений 469
 Социальная номенклатура 181
 Социальная организация 420, 425, 426, 441, 447, 456, 462
 Социальная связь 188
 Социальная среда 485
 Социальная структура 164, 445, 466, 467, 471, 481, 483, 488, 491, 509, 511, 517, 535, 536
 Социальное значение терминов 180, 187, 461, 487, 488, 526, 527, 531, 532
 Социальное осмысление понятия 231, 491
 Социальное оформление 223
 Социальное сложение 247

- Социально-звуковое оформление 413
 Социально-идеологическое обоснование 235
 Социально-культурное значение 236
 Социально-культурные термины 232
 Социально-магическое сознание 235
 Социально-производственные образования 476
 Социально-производственные слои 465
 Социально-фонетические факты и явления 445
 Социально-фонетическое оформление терминов 241, 402, 469
 Социально-экономическое образование 430, 467, 468, 485, 486, 487, 491, 497, 500, 501, 503, 506, 516, 518, 521, 522, 524—527, 535. См. также: Народы, Племя
 Социально-экономические процессы 426, 431
 Социально-экономические сдвиги 484
 Социально-экономические формации 478, 484, 496, 523
 Социально-экономический переворот 226
 Социально-экономическое развитие 431
 Социально-этнические трансформации 206, 207
 Социально-языковая обстановка 261
 Социальные группировки 235, 237, 240, 244, 247, 250, 255, 256, 258, 262, 312, 331, 387, 405, 416, 407, 408, 409, 410, 411, 413, 419, 420, 424, 441, 448, 449, 455, 458, 460, 464, 469, 506, 534, 535
 Социальные законы 408
 Социальные звуковые корреспонденции 264, 403
 Социальные образования 486, 493
 Социальные огласовки 268, 265, 471, 519, 522—525, 535
 Социальные отношения 50, 94
 Социальные слои 169, 206, 225, 242, 250, 251, 293, 319, 366, 394, 443, 445, 446, 462, 472, 476, 477, 493
 Социальные сходства 266
 Социальные термины 63, 180, 181, 226, 320, 337, 360, 375, 461, 471, 473, 480, 484, 487, 491, 492, 494, 500, 510, 511, 515, 517, 518, 520, 525—527, 536
 Социальные установки языка 448
 Социальные функции 232
 Социальные ценности 121
 Социальные явления 52, 380, 398, 425, 475, 481
 Социальный процесс 425, 426
 Социологические материалы 404
 Социологические термины 487
 Социологический подход 471
 Социология и социологи 404, 420, 441, 471, 510
 Союз (гр.) 130, 375
 Союзные республики 166, 373, 379, 393, 395, 396
 Спирантизация 36, 39, 59, 62, 116, 134, 155, 157, 160, 163, 171, 172, 175, 176, 182, 197, 198, 200, 201, 205, 216, 222, 234, 235, 237, 241, 246, 255, 258, 266, 267, 277, 280, 281, 284, 293, 296, 297, 300, 301, 302, 305, 306, 312, 318, 320, 329, 336, 341, 343, 355, 356, 370, 421, 450, 455, 457, 463, 521, 526
 Спирантная ветвь яфетических языков 15, 27, 85, 86, 108, 171, 214, 284, 330, 342, 351, 363, 383, 387, 389, 391, 401
 Спирантная группа 160, 240, 272, 339, 340, 354, 364, 447, 469
 Спирантно-связящее скрещенное образование 174
 Спирантно-шипящая огласовка 201
 Спирантно-связящие языки 174
 Спирантно-шипящие звуки 34
 Спирантно-шипящие языки 33, 174, 201, 339, 353
 Спирантно-эжающие языки 478
 Спирантные звуки 15, 23, 27, 34, 35, 49, 56, 58—60, 62, 63, 85, 86, 100, 115, 116, 123, 124, 134, 135, 137, 139, 141, 142, 144, 145, 156, 171, 172, 175, 176, 182, 184, 188, 189, 197, 201, 205, 206, 212, 216, 217, 220—222, 242, 249, 257—259, 264, 268, 269, 274, 279—281, 283, 285, 290, 291, 297, 299, 300, 305, 306, 308, 309, 320, 329, 332, 341, 355, 356, 364, 370, 390, 403, 410, 421, 423, 444, 447, 450, 453, 455, 458, 463, 465, 471, 472, 478, 474, 477, 478, 479, 491, 500, 501, 506, 508, 517, 518, 524, 525
 Спирантные языки 35, 56, 62, 82, 133, 173, 179, 340
 Спирантный слой абхазского языка 173
 Спирантный слой армянского языка 173, 339
 Спирантный слой карельского языка 389
 Спирантный слой сванского языка 11, 23, 26, 34, 86, 379
 Спирантный слой суоми 389
 Списки 19, 32, 72, 76, 90, 94, 489
 Список болгарских князей 178
 'Способ' 261
 Способ погребения 118
 Способы образования фамилий 9
 Справочные труды 259, 432
 Спряжения 324, 429, 474, 533
 Сравнительная грамматика 134, 182, 214, 283, 299, 324, 325, 340, 433
 Сравнительная грамматика яфетических языков 134, 283, 299, 325
 Сравнительная морфология 49
 Сравнительная морфология яфетических языков 49
 Сравнительная палеонтология 375
 Сравнительная степень 24, 129
 Сравнительная фонетика 3, 6, 19, 49, 122, 283
 Сравнительная фонетика яфетических языков 3, 6, 9, 49, 122
 Сравнительная яфетическо-семитическая грамматика 324
 Сравнительное изучение языков 524
 Сравнительный анализ 158
 Сравнительный метод 11, 75, 84, 86, 103, 153, 195, 205, 227, 241, 266, 313, 325, 326, 328, 408, 410, 439, 440, 447, 454, 498, 505
 Средиземно-малоазийские дренности 3
 Средиземноморская культура 52, 333, 398
 Средиземноморская раса 120
 Средиземноморская территория 165
 Средиземноморские народы и племена 253, 354, 365, 421. См. также: Население Средиземноморья
 Средиземноморские письмена 429
 Средиземноморские языки см. Языки Средиземноморья
 Средиземноморский вопрос 65
 Средиземноморский мир 181, 199, 317, 388

- Среднеазиатские языки 11. 181
 Среднеазиатское население 4. 68
 Средневековая государственность 366
 Средневековая культура 333. 366. 370
 Средневековые армяне 206
 Средневековые географические карты 272
 Средневековые города 322
 Средневековые государства 366
 Средневековые народы 206. 363. 434
 Средневековые писатели 97
 Средневековые чуваша 434
 Средневековый армянский язык см. Армянский феодальный язык
 Средневековый бретонский язык 267. 268
 Средневековый грузинский язык 259
 Средневожские языки 417
 'Среднее небо' 293
 Среднеиранский язык 10
 Среднеирландский язык 256
 Средние века 14. 49. 67. 68. 86. 87. 97. 102. 122. 124. 125. 126. 133. 145. 150. 151. 163. 178. 180. 181. 186. 203. 206. 209. 222. 224. 244. 300. 315. 316. 322. 329. 353. 357. 358. 364. 366. 371. 404. 474. 499. 515. 518
 'Средний род' 224
 Средний род 410. 418. 419. 511. 512
 Средняя школа 432
 'Средства' 500
 Средства защиты см. Оружие
 Средства передвижения 413. 415
 'Ссадина' 280
 Стабилизация звуковых законов 409
 Стабилизовавшиеся языки 394
 Стабилизированные звуки 409
 'Стада' 198. 410. 430. 508
 Стадии развития (стадийное развитие) 12. 17. 25. 28. 32. 86. 108. 133. 144. 166. 169. 170. 177. 181. 185. 195. 209. 213. 224. 226. 227. 231. 234. 235. 240. 244. 248. 250. 251. 252. 255. 259. 261. 263. 266. 268. 269. 270. 296. 312. 316. 326. 345. 390. 399. 400. 403. 405—409. 412—416. 418—421. 424. 426. 436. 444. 446. 451—453. 456. 457. 459—462. 466—471. 474—477. 479—481. 484. 485. 487. 488. 491. 493—497. 501. 507. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 519. 523. 525. 529. 535
 'Стакан' 84
 'Стакиваться' 493
 'Стал на колени' 470
 'Старая' 472
 'Старая женщина' 472
 Старая школа 432
 'Старуха' 433
 'Старый' 280. 472
 'Старший брат' 226. 375
 Статистика 423
 Статическое изучение языков см. Индоевропейское языковедение
 'Стега' 170
 Степень озвонченности звуков 12. 16. 17. 87. 131. 155. 171. 176. 182. 212. 244. 256. 257. 265. 279. 283. 282. 284. 288. 293. 293. 296. 297. 299. 317. 330. 410. 451. 476. 508
 Степени сравнения 24. 129
 Стиль 71. 73. 83. 90. 92. 191. 233. 320
 'Стирать' 261. 483
 Стихи 57. 75. 76. 103. 164. 289. 295
 'Сто' 139. 331. 505. 506
 'Стоя' 362
 'Стоп' 58. 490
 'Сторона' 225. 233. 294. 391. 413. 483. 533
 'Страние' 281. 330. 340
 Страдательный залог 86. 230. 515
 'Страна' 163. 220. 390. 463. 492. 508. 522
 'Странствующие певцы-игроки' 356
 Странствующие рыцари 356
 Страны 1. 5. 7. 8. 12. 15. 20. 23—26. 29. 31. 32. 41. 46. 48. 51. 52. 53. 54. 55. 58. 60. 61. 63. 68. 81. 82. 96. 97. 101—103. 105. 107. 112. 119. 120. 122. 127. 144. 150. 151. 160. 173. 183. 203. 204. 206. 208. 211. 215. 227. 229. 232. 233. 236. 243. 249. 353. 357. 358. 361. 365. 371. 386. 390. 394. 396. 400. 424. 427. 428. 429. 436. 439. 443. 459. 464. 486. 500. 515. 517. 522. 527
 'Страсти' 279. 330.
 'Стрела' 36. 58. 159
 'Стрела и лук' 36. 159
 'Стриж' 342
 'Стричь' 246
 Строительные термины 499
 'Строительство' 17
 'Строить' 23. 157. 170. 351. 493
 Структура языков (строй) см. Типология языка
 'Стул' 311. 362
 'Ступень' 76
 Ступени развития см. Стадии развития
 'Стяжать' 452
 Стянутая форма слов 85. 159. 201. 252. 256. 263. 264. 450. 451. 458. 474. 476. 515. 526
 Судары 404. 434
 Сувары 369. 370. 404. 434
 Сугубые основы 157
 Сугубые формы множественного числа 13. 28. 29. 32. 34. 70. 81. 93. 273. 515
 Сугубые этнические названия 97. 127
 'Сувно' 79
 'Судьба' 263. 460. 490. 532
 Судьи 316
 Сужение звуков 128. 143. 145. 290. 293. 300
 Суздальская архитектура 319. 320. 321. 322. 358
 'Сук' 261
 'Сука' 235. 244
 Сулетинцы 138
 'Сума' 39
 Сумары 328
 'Сума шедший' 519
 'Сумасшествие' 519
 Сумарский язык см. Шумерский язык
 Сумеры см. Шумеры
 Суннитство 100
 Суоми 200. 210. 214. 216. 378. 383. 391. 402. 445. 454. 455. 456. 459. 482. 503
 Суоми (язык) 174. 200. 210. 216. 221. 252. 335. 373. 376. 378. 383. 389—392. 402. 410. 442. 449. 452. 455. 456. 459. 463. 478. 482. 483. 491. 503. 505. 509. 526
 'Супр г' 292. 430. 513
 Суффинс местонахождения 158

- Суффиксы 8—14. 18. 20—22. 24. 27. 28. 30—35. 37. 39. 40. 42. 51. 58. 59. 70. 81. 83. 98. 103. 110. 114. 116. 129. 131. 134. 135. 137. 143—147. 150. 157—159. 163. 164. 170. 175. 177. 178. 181. 184. 185. 189. 196. 201. 209. 225. 261. 268. 272. 273. 2-1. 283. 294. 300. 301. 304. 317. 319. 320. 337. 350. 354. 362. 371. 377. 381. 386. 408. 412. 415. 452. 467. 472. 474. 478. 494. 504. 509. 515. 524. 526
- 'Сухой' 264
- Существительные см. Имена существительные
- 'Существует' 327
- 'Сущность' 532
- 'Сын' б. 14. 18. 20—24. 34. 35. 38. 63. 131. 170. 171. 188. 221. 452. 472. 480. 490. 511. 514. 515
- 'Сын волчицы' 385
- 'Сын человеческий' 188
- 'Сырой' 305
- Схематический символизм 133
- Схождение языков см. Родство языков
- Схоластика 133. 244. 440. 482. 504
- 'Счастье' 490. 531
- 'Счет' 193. 382
- 'Считал' 172
- Сюсюканье 122. 148. 187. 291
- 'Табун лошадей' 198
- Таврарский говор сванского языка 82. 265. 266
- Тавтология 73. 149
- 'Тайная вечеря' 341
- Тал-берский язык 315
- Талмудический язык 105
- Талские племенные слова 363
- Талский язык 363
- Талы см. Салы
- Таматарский тотем 182
- Тамы 179. 185
- 'Танец' 260. 261
- Тарги см. Черкесы
- Тархан 180. 181
- Татарская культура 366
- Татарский титул 180
- Татарский язык 141. 177. 285. 414. 517
- 'Татары' 523
- Татары 74. 141. 182. 335. 359. 366. 445
- 'Твердо всаженое' 459
- Твердые согласные 232
- 'Твердь' 16. 326
- 'Твой' 281. 342
- 'Творец' 327. 486
- 'Творить' 132
- Творительный падеж 39. 270. 487
- Творчество 1. 5. 64. 65. 111. 121. 138. 153. 161. 166. 186. 227. 229. 232. 277. 319. 339. 345. 423. 424. 431. 460
- Творчество в науке см. Научное творчество
- Тексты 20. 31. 61. 68. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 83. 89. 90. 94. 97. 103. 105. 111. 147. 167. 203. 260. 278. 318. 378. 403. 404. 468. 484. 488. 501. 524
- 'Телега' 280. 283. 403. 416
- 'Теленок' 2-0
- 'Телица' 22
- 'Тело' 189. 190. 326. 327
- 'Темнокрасный' 116
- 'Темный' 475
- Теоретическое языкознание см. Языкознание
- Теория 7. 117. 160. 194. 298. 324. 423. 428. 439. 440. 443. 454. 470. 479. 484. 493. 505. 507. 516. 528. 529. 530
- Теория вероятностей 481
- Теофорные имена 178. 181. 301. 337
- 'Теперь' 492. 521
- 'Теплый' 230. 257
- Терги см. Черкесы
- Терминологический вопрос 93. 102. 108
- Терминологический словарь грузинского языка 470
- Термины в терминология 1—9. 11—28. 30—43. 45—58. 60—64. 67. 69—71. 73—113. 115—117. 119—160. 162—165. 167. 168. 170—248. 250—262. 264—270. 272—274. 276—279. 281—286. 288. 289. 291—303. 310—320. 324. 326—328. 331—373. 375—378. 382—387. 389—391. 400—408. 410—422. 425—427. 429. 430. 434—436. 438. 441—446. 449—461. 463—480. 482—497. 499—523. 531. 532. 534—536
- Термины исторической культуры 335. 369
- Термины материальной культуры 75. 76. 77. 80. 105. 197
- Термины родства 22. 130. 170. 171. 188. 226. 231. 375. 389. 441. 471. 482. 511. 512. 513
- 'Тетка' 226
- Техника 153. 227. 269. 314. 357. 419. 462. 473. 481. 495. 496
- Техника языка 162. 252. 259. 270. 357. 409. 415. 424. 439. 442. 443. 444. 451. 452. 461. 463. 464. 466. 505. 518
- Техническая стадия развития 461. 468
- Технические успехи 153. 227
- Технологическое восприятие 260. 269. 471. 481. 484. 493. 495. 496. 497. 501. 502. 519
- Технологическое мышление 238
- 'Течение' 450
- 'Течь' 127. 256. 295. 305. 346. 354. 450. 498
- Тибарены 175
- Тибетский язык 214
- Тизи-узуский диалект берберского языка 254
- Тидийский (тидальский) язык 139
- Тидийцы (тидальцы) 139
- Типологическая трансформация языка 108
- Типологический метод см. Формально-сравнительный метод
- Типологическое родство языков см. Родство языков
- Типология языка 150. 162. 168. 170. 175. 178. 179. 201. 205. 208. 269. 324. 326. 331. 335. 343. 405. 411. 415. 424. 436. 447. 462. 504. 509
- Тицы хозяйства 419. 424
- Тискать 400. 401
- 'Титан' 23. 42
- Титулы 180
- Тифлисцы 74
- 'Ткань' 211. 471
- 'Ткань паука' 471. 472
- 'Тканье' 473
- 'Ткать' 102. 473
- Тканное дело 467. 468. 470. 471. 473
- 'Ткачиха' 469. 473

- Тмутараканские термины 164. 195. 218
Тмутараканский вопрос 180. 185. 186
Тмутараканский язык 185. 186. 218
Тмутараканское государственное образование 163
Тмутараканско-комийские встречи 218
Товар' 368. 410
Товарищ' 410. 531
Товарообмен см. Обмен
Товары 91. 93. 101. 102. 105. 106. 107. 103. 236
Толва' 75
Толстый 282
Тонкий' 458
Топанье' 260
Топкое место' 330
Топография и топографы 164. 475
Тополь 4-9
Топонимика 2. 25. 26. 48. 51. 53. 90. 107. 122. 123. 126. 136. 137. 145. 153. 157. 160. 164. 165. 169. 175. 176. 178. 197. 205. 207. 216. 227. 244. 288. 294. 301. 304. 306. 311. 318—320. 333. 337. 344—347. 349. 351—353. 375. 378. 390. 403. 429. 482. 486. 487. 490. 520. 522. 523. 524. 527. 536
Топонимика Абхазии 153. 176
Топонимика Армении 123. 136. 524
Топонимика Грузии 320. 490. 524
Топонимика Европы 145. 169
Топонимика Ибрийского полуострова 122
Топонимика Кавказа 2. 25. 26. 12. 176. 178
Топонимика Колтроянского края 344. 345. 346. 347. 351
Топонимика Крита 51
Топонимическая ориентировка 375
Топонимические материалы 318. 346. 353. 376
Топонимические списки 376
Топонимические термины 90. 107. 126. 157. 160. 205. 216. 227. 283. 311. 337. 347. 352. 482. 497. 523. 524. 536
Топор' 37. 38. 277. 294. 415
Торги см. Черкесы
Торговая жизнь 368
Торговец' 368
Торговля' 368
Торговля 68. 78. 91. 92. 93. 99. 100. 101. 102. 104. 106. 107. 108. 110. 111. 200. 209. 236. 315. 321. 322. 356. 368. 506
Торгово-военный класс 460
Торговое имущество' 368
Торговое место' 368
Торговое помещение' 368
Торгово-культурные пути 322
Торговые народы 154
Торговые объединения 349. 450
Торговые предприятия 209
Торговые пути 100. 101. 102. 200. 321
Торговые связи 68. 92. 93. 99. 101. 102. 104. 151. 321. 322. 506
Торговые связи славян с Востоком 92
Торговые связи славян с Прибалтийским краем 92
Торговые термины 368
Торговый быт 387
Торговый пункт 315
Торжище' 315. 368
Торки 77
Торы 351. 370
Тоска' 258
Тот' 169
Тотем' 231. 266. 311. 475. 490. 491. 495. 504. 506. 509. 521. 525
Тотемизм 236. 295. 481
Тотемическая общественность 471. 506. 510. 514. 521. 523. 525
Тотемическая семантика 49
Тотемическая стадия 495. 497. 501. 506. 523
Тотемические восприятия 501
Тотемическое мировоззрение 473. 497. 535
Тотемная лошадь' 303
Тотемная номенклатура 197
Тотемная связь 48. 65
Тотемное божество' 300. 311
Тотемное использование терминов 155. 159. 221. 386. 509
Тотемное происхождение слов 293. 318. 331. 368. 527 см. Племенное происхождение слов
Тотемное словотворчество 159
Тотемно-животное значение 239. 468
Тотемно-космическая общественность 510
Тотемно-магическое значение слова 187. 188. 232
Тотемно-племенные объединения 63
Тотемные группировки 255. 518
Тотемные животные 33. 42. 56. 62. 122. 128. 136. 235. 238. 244. 291. 307. 468. 507. 514. 517. 518. 526
Тотемные переживания 277
Тотемные предметы 234
Тотемные прилагательные 128. 129
Тотемные термины 14. 53. 63. 129. 131. 132. 138. 139. 142. 144. 146. 148. 155. 170. 177. 180. 181. 184. 300. 301. 3 2. 337. 429. 457. 475. 489. 510. 513. 517. 518. 520. 405. 526. 527
Тотемный бог 42. 61. 123. 128. 177. 178. 179. 181. 182. 183. 184. 185. 208. 210. 216. 217. 222. 231. 285. 289. 293. 331. 334. 351. 356. 357. 359. 523. 525
Тотемный день' 237
Тотемный смысл слов 30. 114. 160
Тотем-светило 240
Тотемы 14. 16. 17. 32. 33. 38. 41. 42. 49. 51. 53. 56. 57. 62. 115. 120. 122. 123. 124. 127. 128. 129. 131. 133. 135. 138. 139. 142. 143. 148. 149. 150. 155. 159. 160. 176. 178. 181. 182. 183. 184. 185. 197. 200. 229. 230. 231. 232. 233. 235. 236. 240. 244. 251. 255. 259. 261. 262. 263. 264. 265. 269. 277. 285. 289. 293. 300. 301. 307. 312. 313. 315. 317. 318. 320. 326. 331. 334. 351. 356. 357. 368. 386. 405. 407. 408. 410. 422. 429. 436. 444. 451. 453. 456. 457. 458. 460. 464. 467. 468. 471. 472. 473. 475. 481. 486. 487. 488. 489. 495. 496. 497. 500. 501. 504. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 513. 514. 517. 518. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 531. 535. 336
Тотильное колесо' 467
Тотильный камень' 473
Тотильный круг' 469
Точка' 532
Традиция 1. 41. 96. 259. 319. 320. 430. 431
Трактаты 87. 180

- 'Трамвай' 413
 Транскрипция 3, 8, 32, 40, 99, 100, 106, 182, 201, 274, 284, 318, 350, 373
 Трансформация племен и народов 162, 184, 185, 2 г. 207
 Трансформация языков 152, 164, 173, 185, 310, 476
 Транслундские язы 171
 Третий-орский диалект бретонского языка 233
 'Трепет' 485
 Третичное срединное 184, 238
 Третье лицо 130, 231, 494
 Трехчленный ряд 352
 'Трехкратный' 281
 Трехплеменные термины 162, 187, 195, 205, 209
 Трехсогласные корни 23, 56, 83, 83, 85, 124, 197, 278, 283, 293, 296, 297, 330, 377, 470
 Трехэлементные образования 262, 270, 417, 444, 445, 454, 455, 456, 503, 526, 535
 'Три' 132, 170, 219, 381, 506
 'Тризна' 139, 151
 'Тринадцать' 381, 382
 'Трогать' 294
 Тройные формы множественного числа 13, 23, 29, 32
 'Трон' 103, 311, 362, 363
 'Тронуть' 294
 Труд 368, 416, 433, 462. См. также: Ручной труд. Инструментальный труд. Производственный труд
 'Трудиться' 267, 501
 Трудмагические символы 405
 Трудмагическое действие 259, 260, 261, 408, 502
 Трудмагическое значение 259
 Трудовая жизнь 424
 Трудовая организация 187
 Трудящиеся 433
 'Труп' 220, 313, 319
 Тубал-кайнская группа языков см. Шиняцкая группа афетических языков
 Тубал-кайнский язык 172, 176
 Тубалы 97, 175, 176
 Туземное население Абхазии 273
 Туземное население Америки 65
 Туземные языки 8
 'Тув' 90
 'Туман' 452
 Туранизм 12, 53
 Туранская почва 109
 Туранская раса 97
 Туранская теория 277
 Туранские языки 12, 53, 110
 Туранцы 12, 37
 Турецкая группа языков 174
 Турецкая культура 311
 Турецкая племенная природа 314
 Турецкая политическая организация казар 93, 94
 Турецкая система (семья) языков 210, 333, 409
 Турецкая среда 108
 Турецкие наречия 291
 Турецкие племена 1, 4, 67, 69, 91, 93, 255, 277, 284, 286, 288, 289, 306, 311, 314, 332, 333, 344, 345, 348, 359, 364, 365, 368, 370, 381, 383, 402, 412, 445
 Турецкие элементы казар 94
 Турецкие языки 52, 69, 73, 91, 147, 174, 180, 181, 185, 200, 210, 255, 277, 282, 283, 285, 287, 289, 309, 332, 333, 340, 365, 367, 368, 383, 385, 387, 388, 395, 399, 402, 403, 409, 410, 411, 412, 413, 415, 416, 442, 518
 Турецкий мир 68, 104
 Турецкий этнографический элемент 69
 Турецкий язык 17, 54, 73, 79, 86, 94, 105, 108, 109, 147, 154, 170, 199, 191, 197, 226, 242, 257, 277, 279—285, 290, 299, 311, 399, 400, 401, 402, 403, 409, 410, 411, 412, 413, 415, 416, 436, 449, 453, 464, 474, 483, 499, 503, 506
 Турецкое происхождение терминов 69, 180, 185, 311
 Турецкое суннитство 100
 Турецко-могголо-угрофинская семья языков 331, 411
 Турецко-чувакская изоляция 411
 Турки 17, 54, 65, 67, 69, 73, 93, 94, 109, 125, 147, 180, 181, 197, 200, 210, 277, 299, 402, 418, 474, 499, 506, 518
 Турки-саки 109
 Турки-скифы 109
 Туркологическая абияция 94
 Туркологическая транскрипция 274
 Туркология и туркологи 94, 130, 185, 274, 276, 439
 'Тучный' 90
 'Тушильник' 507
 Тушинский язык 81
 Тушины 81
 'Тщета' 406
 'Ты' 281, 342, 343
 'Ты голоден' 330
 'Ты сам' 281
 'Ты хочешь есть' 330
 'Тыква' 80, 82, 84, 85, 88, 89
 'Тысяча' 170, 505, 506
 'Тьма' 170, 524
 Тюрки см. Турецкие племена
 Тюркская система (семья) языков см. Турецкая система языков
 Тюркские племена см. Турецкие племена
 Тюркские языки см. Турецкие языки
 Тюркское происхождение скифов 1
 'У' 414
 'Убивать' 51, 219
 'Убийца' 219
 'Убить' 498, 499
 'Убор' 2-0
 'Увидеть' 533
 Увязка грузинского языка с финским языком 390
 Увязка языкознания с историей материальной культуры 373, 394, 400, 441
 Увязка языкознания с общественностью 409, 441
 'Увял' 280
 'Угольник' 507
 Угорские языки 295, 382
 Угорское происхождение первоначального населения Приволжья 294
 'Угостить' 368
 Угрофинны 12, 69, 289, 370
 Угрофинская семья языков 174, 331
 Угрофинская транскрипция 274

- Угрофинские языки 6. 12. 174. 191. 274. 289.
383. 410. 411. 436. 505. 524
- Ударение 184. 137
- 'Ударять' 261
- Удвоение 89. 164. 213. 221. 226. 237. 243. 253.
254. 255. 265. 316. 350. 358. 386. 472. 480.
482. 485. 491. 494. 497. 503. 511. 525
- Удиз' 517. 532
- 'Удивляюсь' 331
- Удино-удмуртские взаимоотношения 524
- Удинский язык 81. 82. 305. 524
- Удины 16. 81. 82. 524
- Удмуртоведение и удмуртоведы 498
- Удмуртский язык 174. 189. 211—214. 217. 218.
222. 293. 296. 298—302. 305. 307. 335. 354.
361. 362. 369. 374. 376. 378—380. 383. 402.
406—408. 413. 414. 417. 420—422. 436. 454.
458. 460. 461. 463. 465. 467. 468. 469. 470.
472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480.
482. 486. 491. 492. 498. 494. 495. 497. 498.
499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507.
508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516.
517. 518. 519. 521. 522. 523. 524. 525. 526.
527. 528. 530. 531. См. также: Глазовское
наречие удмуртского языка
- Удмурты 210. 211. 212. 217. 218. 222. 285. 291.
298—302. 305. 307. 373. 376. 383. 387. 402.
407. 408. 413. 414. 420. 421. 435. 454. 463.
465. 467. 468. 473. 474. 475. 476. 477. 479.
480. 486. 493. 494. 498. 499. 500. 501. 505.
506. 508. 510. 511. 516. 517. 518. 521. 522.
523. 524. 525. 526. 527. 530
- Уды 422. 524. 527
- 'Ужас' 485
- Узкие гласные 155. 156. 318
- Узкое произношение губной огласовки 156. 380
- Узловые числа 506
- 'Указание' 327
- 'Указывать' 259
- Уканье 215. 278. 363. 374. 380. 383. 465
- Укающая группа 255. 493
- Уяющая огласовка 297. 300. 478
- Украиноведение и украиноведы 227
- Украинская народная музыка 54. 111
- Украинский фольклор 245
- Украинский язык 189. 266. 227. 230—234. 237.
239—243. 245—259. 262—271. 403
- Украинцы 54. 92. 226. 230. 232. 233. 234. 241.
242. 244. 248. 251. 256. 257. 263. 270. 456
- 'Украшать' 114
- 'Украшение' 114
- 'Укрепленный город' 315
- 'Улей' 100
- Ульяновский губмузей 275
- Уменьшительные формы 39. 53. 79. 86. 103.
108. 110. 114. 115. 134. 135. 246. 265. 302.
309. 401. 402. 420. 422. 467. 468. 472. 473.
479. 491. 512. 514. 518. 526. 531. 535
- Уменьшительный суффикс 134. 135. 467. 472.
479. 526
- 'Умирать' 51
- Университеты 118. 274. 325. 379. 395. 397. 423.
432. 433. 456
- Унигарзм 94
- Унификация письма 529. 530
- Унификация речи 393
- 'Уплатить' 368
- Уполовник 77. 78. 88
- Урало-алтайская группа языков 6. 12
- Урало-алтайская семья языков 331
- Урало-алтайские племена и народы 12. 351
- Урало-алтайские языки 191. 276. 335. 435
- Урало-алтайский мир 12
- Урартские традиции 136
- Урартский слой населения России 45
- Урартский язык см. Халдский язык
- Урарту (урартцы) 45. 48. 124. 136. 204. 311.
319. 366. См. также: Халды
- Уржумский говор марийского языка 448
- 'Урожай' 533
- 'Усадьба' 456
- Усечение 23. 32. 33. 34. 36. 39. 131. 134. 143.
144. 155. 156. 158. 162. 176. 182. 196. 199.
201. 207. 210. 220. 222. 237. 241. 242. 243.
244. 252. 254. 256. 257. 258. 261. 264. 265.
270. 274. 284. 291. 312. 317. 326. 352. 377.
383. 385. 400. 403. 411. 414. 417. 418. 421.
446. 450. 454. 455. 463. 472. 474. 476. 478.
482. 484. 485. 486. 489. 491. 496. 497. 502.
504. 514. 516. 519. 520. 523. 526
- Усеченная форма этнических названий 17. 23.
25. 34. 62. 115. 179. 182. 184. 207. 523
- 'Усики kota' 247
- 'Уста' 73
- Устная литература 441
- Устная редакция 62
- Устная речь 39. 62. 394
- Устные предания 359
- 'Устремляю взор' 331
- 'Усы' 86. 246. 247
- 'Утварь' 143
- Утен 524
- Утийская разновидность албанского языка 31
- Утийская среда 89
- Утийский язык 81. 82. 89
- Утийцы 81. 82
- 'Утренний свет' 146. 148
- 'Утренняя заря' 116. 134. 135. 143. 222. 292.
354. 477. 478
- 'Утренняя звезда' 131. 150
- 'Утренняя роса' 131
- 'Утро' 134. 135. 146. 148. 292. 307. 308. 354
- 'Утром' 354. 494
- Учебники 432. 434
- Учебные заведения 274. 436. 438. 440. См.
также: Духовные училища. Институты.
Реальные училища. Средние школы. Уни-
верситеты
- Ученая среда 94. 98. 209. 249. 396. 420
- 'Учение' 84
- Учение о значениях слов см. Семантика
- Учение об историческом словообразовании см.
Историческая морфология
- Учение о формах вещей 117
- 'Ученик' 84
- Ученки П. Я. Марра 260. 276. 323. 324. 325.
373. 385. 396
- Ученые (специалисты) 1—14. 19—21. 30. 31.
33. 34. 36—38. 41. 44. 50—52. 54. 57. 58.
63. 67—73. 76. 77. 79. 80. 82—85. 89—91.
93—103. 105—108. 110. 112—114. 118—123.
140. 142—145. 148—151. 160. 163—165. 168.

170. 171. 173. 174. 176. 178. 180—181. 184.
185. 192—194. 196. 204. 209. 210. 221. 226.
232. 233. 236. 244. 248. 249. 258. 260. 271.
273. 275—279. 281. 284. 286. 287. 290. 294.
297. 298. 303. 304. 307. 310. 311. 313. 314.
317—319. 321. 324. 325. 332. 334. 335. 340.
342. 345—348. 352. 357. 366. 367. 370. 373.
381. 391. 392. 395. 396. 397. 398. 399. 401.
404. 408. 409. 412. 420. 421. 423. 424. 425.
428. 430. 432. 434. 435. 436. 438. 439. 446.
454. 456. 466. 469. 472. 475. 484. 490. 491.
501. 511. 520. 524. 528
- Ученые и научные учреждения 39. 44. 45. 52.
91. 166. 167. 277. 348. 373. 379. 396. 438.
440
- Ученый мир 2. 46. 50. 73. 98. 193. 223. 226.
228. 324. 433
- Учителя (педагоги) 374. 379. 396. 436. 529
- Учителя Н. Я. Марра 113
- 'Уши' 515
- 'Ушиб' 280
- Ушкульский говор сванского языка 58. 266
- 'Фаланга' 75
- Фамилия 9. 10. 11. 20. 90. 128. 239. 304. 337.
358. 385. 386. 467. 468. 510. 515. 525
- Фамильные имена 9. 25. 34. 35. 41. 42. 56
- Фатьяновская культура 303. 344. 345
- Фауна 108. 165
- Феодализм 315. 316. 484. 487. 488. 510. См.
также: Феодалы. Средневековый феодализм
- Феодальная культура 432
- Феодальная общественность 488
- Феодальная организация общества 432
- Феодально-буржуазная культура 432. 510
- Феодально-буржуазный класс 510. 521
- Феодально-буржуазный строй 432
- Феодальное государство 488
- Феодально-национальная религия 361
- Феодально-национальное объединение 506
- Феодальные слои народов 432
- Феодальные эпохи 484. 510. 516
- Феодальные языки 430. 471. 533. 486. 492. 493.
500. 501. 505. 509. 510. 514. 521. 522. 527
- Феодалы 126. 361. 430. 471. 474. 483. 514. См.
также: Грузинские феодалы. Абхазские
феодалы. Армянские феодалы
- Фессалы 331
- Фессальский язык 142
- Фетиши 181. 436. 498
- Фибулы 276. 314
- Физиологические законы 408
- Физиологический акт 133
- Физиологическо-территориальные факторы 189
- Физиология и физиологи 121. 133. 235. 243. 408.
409. 413. 445. 447. 483. 481. 495
- Физиология звуков 243
- Физические образы 373
- Физические типы 303. 371
- Физические явления 480
- Физическое общение 133
- Фидация родства 186
- Филология и филологи 9. 47. 70. 88. 98. 127.
145. 170. 324. 390. 420. 429
- Философия и философы 1. 153. 484. 529. 534
- Философские термины 1
- Финикийцы 49. 50. 52. 68. 223. 429
- Финикияне см. Финикийцы
- 'Финн' 460
- Финноведение и финноведы 346. 439. 468
- Финноугорские элементы в грузинском языке
524
- Финноугорские элементы в осетинском языке
524
- Финны 65. 90. 97. 164. 197. 200. 210. 213. 216.
217. 221. 222. 251. 252. 255. 270. 274. 286.
288. 294. 303. 304. 305. 306. 311. 314. 319.
335. 344. 345. 346. 347. 348. 350. 351. 357.
364. 373. 387. 390. 391. 402. 445. 454. 457.
458. 459. 460. 461. 477. 478. 486. 500. 503.
506. 510. 511. 518. 521. 522. 526. 523. 534
- Финская группа языков 391
- Финская культура 311
- Финская племенная природа 314
- Финская система (семья) языков 196. 380. 381.
409. 458. 470. 500. 509. 510. 520. 521. 528. 534
- Финские древности 314
- Финские племена см. Финны
- Финские слои в армянском языке 520
- Финские языки 69. 90. 154. 164. 174. 196. 197.
210. 213. 214. 221. 42. 252. 270. 274. 295.
304. 305. 306. 309. 311. 335. 340. 346. 347.
348. 352. 357. 369. 376. 378. 380. 381. 382.
388. 389. 390. 391. 392. 395. 409. 410. 436.
446. 449. 452. 455. 456. 457. 458. 459. 460.
463. 470. 477. 478. 486. 500. 503. 505. 506.
509. 510. 511. 514. 516. 518. 520. 521. 524.
526. 527. 528. 534
- Финский вклад в осетинском языке 196
- Финский круг народов 221
- Финский мир 200. 371. 483
- Финский этнографический элемент 69
- Финский язык см. Суоми
- Флексия 371
- Флективная эпоха глоттогонии 362
- Флективность 162. 362
- Флора 108. 165
- Фовзлы 97
- Фойники 52
- Фольклор 19. 45. 167. 241. 245. 371. 441. 468.
519. 520. 524
- Фонема 233. 290
- Фонетика и фонетицы 3. 6. 9. 15. 19. 22. 26.
31. 49. 51. 56. 86. 88. 114. 115. 121—124.
132. 138. 141. 142. 147. 148. 184. 185. 192.
199. 220. 230—233. 239. 241. 243. 246—251.
257. 259. 264. 272. 278. 283. 288. 291. 295.
298. 300. 309. 320. 351. 364. 336. 387. 390.
409. 413. 415. 416. 445. 447. 448. 450. 453.
454. 455. 458. 463. 469. 473. 474. 476. 489.
493. 496. 499. 500. 504. 509. 512. 514. 515.
518. 523. 530. 535
- Фонетика яфетических языков 3. 6. 9. 19. 49.
88. 122. 250
- Фонетическая дифференциация 220. 257
- Фонетическая номенклатура 133
- Фонетическая техника 409. 447
- Фонетические законы см. Звуковые законы
- Фонетические колебания 232. 364
- Фонетические корреспонденции см. Звуковые
корреспонденции
- Фонетические наросты 31. 148. 247. 264. 386.
515. 523

- Фонетические преломления см. Звуковые преломления 145
- Фоптические разновидности 121, 258, 259, 298, 300, 364, 463, 474, 476, 493, 499, 504, 514, 515, 530, 535
- Фонетические явления 26, 231, 239, 241, 246, 249, 259, 293, 343, 415, 445, 447, 453, 458, 518
- 'Форель' 449
- Формальная палеонтология речи 403
- Формальное языкознание см. Индоевропейское языкознание
- Формально-палеонтологический анализ
- Формально-сравнительные взаимоотношения языков 329, 433
- Формально-сравнительный метод см. Сравнительный метод
- Формально-фонетический сравнительный метод 153, 157, 435
- Формально-фонетическое расхождение 189, 250
- Формально-фонетическое родство терминов 147, 157, 245.
- Формальные явления 246
- Формальный анализ 5, 155, 158, 160, 224, 227, 335, 439, 513
- Форма слова 5, 6, 9, 10, 13, 17, 20, 21, 23—38, 41, 42, 51, 55—58, 61, 63, 70, 71, 78, 81—90, 97, 103, 107—110, 115, 118, 122—124, 126—129, 131, 132, 134, 137, 142—148, 150, 155—157, 159, 160, 162—164, 170, 172, 174—179, 181, 182, 185, 187, 189, 197, 199, 201, 205—207, 209, 214, 216—220, 222, 228, 231, 234, 239—241, 243, 244, 250, 253, 254, 256—158, 262—265, 267, 268, 270, 272, 278, 280, 281, 2*4, 286, 289, 290, 293—295, 297, 300—303, 307, 311—314, 316—318, 320, 326, 328, 331, 336, 341, 343, 346, 349, 350—354, 356, 357, 362, 363, 367, 370, 377, 378, 383, 400, 403, 406, 411, 413, 414, 417, 418, 420, 421, 442, 445, 446, 449, 450, 451, 455, 456, 458, 459, 461, 465, 468, 471, 472, 473, 474, 476, 477, 478, 482, 484, 485, 486, 491, 500, 502, 503, 504, 505, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 518, 519, 522, 525, 526, 531, 535
- Формативы 27, 40, 146, 250
- Формы единственного числа 31
- Формы множественного числа 6, 13, 14, 15, 16, 20, 27, 29, 31, 32, 33, 34, 36, 49, 51, 58, 62, 63, 70, 82, 84, 93, 95, 107, 125, 129, 134, 135, 139, 273, 293, 341, 377
- Формы показателей множественности 6, 13, 29, 34
- 'Формы цивилизации' 118
- Фразы 7, 75, 76, 77, 79, 80, 327, 336, 341, 335, 413
- Фракийский язык 142
- Фракийцы 142
- Французская академия 259
- Французские баски 122, 290. См. также: Баски
- Французские ученые 399, 412
- Французский язык 116, 122, 169, 188, 224, 225, 230, 240, 241, 242, 243, 245, 246, 247, 249, 256, 257, 259, 267, 282, 305, 313, 327, 354, 401, 414, 416, 419, 434, 449, 458, 459, 473, 492. См. также: Древнефранцузский язык, Бургонское наречие франц. яз.
- Французы 169, 224, 233, 240, 241, 242, 243, 247, 249, 327, 399, 412, 416, 431, 449, 496.
- Фрикативность 172, 254, 280, 283, 296, 297, 299, 301, 485, 489
- Фупидии 232, 234, 239, 241, 250, 251, 264, 269, 294, 302, 311, 316, 375, 412, 413, 414, 415, 420, 438, 447, 450, 461, 462, 464, 472, 477, 479, 481, 486, 488, 496, 504, 507, 512, 514, 515, 517, 523, 530, 536
- Функциональная семантика 413, 493
- Функциональная смена слов 413, 415, 416, 459, 493, 494, 503, 512, 514, 517, 518, 527
- Функциональное значение слов 157, 193, 199, 201, 205, 214, 222, 224, 225, 234, 247, 263, 269, 293, 357, 376, 413, 414, 415, 486, 493
- Функциональные прилагки и частицы 184, 185, 196, 330, 354, 357, 485
- Функциональные слова 18, 158, 246
- Функциональные согласные звуки 86, 172, 330
- Хазаро-болгарское средневековье 322
- Хазарская среда 78, 88, 367
- Хазарская столица 430. См. также: Саркел
- Хазарская трапеца 71, 72, 73, 74, 78, 79, 88, 91, 92, 111
- Хазарские древности 77
- Хазарские могильники 77, 78
- Хазарские племенные слова 369
- Хазарский вопрос 48, 69, 77, 94, 96, 180, 286
- Хазарский каган 369
- Хазарский язык 69, 91, 94, 147, 164, 329, 369, 387
- Хазарско-восточная культура 47
- Хазарское пашествие 79, 95, 96
- 'Хазары' 286
- Хазары 69, 71—79, 85, 88, 90—98, 101—105, 107, 111, 141, 147, 164, 181, 202, 314, 321, 330, 351, 355, 358, 361, 362, 303, 364, 366, 367, 369, 370, 404, 430
- Хазы 95, 107, 286, 362, 370
- Хакан 74
- Халд 206, 514
- Халдеи 118
- Халдинский вопрос 203
- Халдинский язык см. Халдский язык
- Халдины 194, 203—205, 207—209, 218, 222, 491. См. также: Халды
- Халдоведение и халдоведы 522
- Халдская триада богов 222
- Халдские падовси 15, 17, 20, 25, 32, 40, 61, 63, 82, 101, 124, 131, 136, 144, 260, 311, 321, 494, 501, 511, 513, 514, 515, 524
- Халдский говор сванского языка 265, 266
- Халдский язык 11, 15, 24, 32, 53, 61, 63, 82, 101, 131, 136, 144, 190, 203, 204, 206, 209, 213, 220, 291, 296, 311, 325, 391, 422, 465, 474, 487, 491, 492, 493, 494, 500—502, 504, 510—516, 520, 522, 528
- Халдское государство 501
- Халды 15, 17, 24, 39, 81, 101, 123, 124, 136, 193, 194, 207, 208, 220, 222, 270, 366, 422, 465, 468, 474, 493, 500, 501, 510, 520, 522, 524
- Халибы 28, 30, 38, 39, 193, 194, 207
- Халифат 100, 104
- Халы 124
- Хамитическая система (семья) языков 324, 331

- Хамитические диалекты 118
 Хамитические языки 118. 119. 168. 224. 324. 326. 435. См. также: Древнехамитические языки
 Хамиты 65
 Харский язык 329
 'Харя' 251
 Хваршинский язык 307
 'Хвост' 280. 503
 Хевсурский язык 141. 160
 Хевсуры 141. 178. 183. 236. 260. 445
 'Херувим' 520
 Хетиты см. Хетты
 Хетский язык 181. 222. 284. 285. 291. 449. 496
 Хетты 277. 284. 449
 Хиния 408
 'Хитон' 103
 'Хитрость' 500
 'Хлеб' 212 - 215. 231. 244. 248. 250. 264. 265. 268. 269. 405. 429. 449
 'Хлебец' 265
 'Хлебная еда' 250
 'Хлебное печенье' 265
 'Хлебные злаки' 212. 213. 231. 264
 'Хлебный злак' 51. 241. 265
 'Хлев' 369
 'Хобот' 450
 'Ходить' 57. 519
 'Хождение' 519
 'Хозяин' 187. 486
 'Хозяин коня' 240
 Хозяйственная жизнь 153. 162. 212. 214. 219. 223. 236. 241. 326. 375. 414. 430
 Хозяйственно-языковая культура 266
 Хозяйственно-государственное строительство 215
 Хозяйственное восприятие 244
 Хозяйственное значение 235. 240. 244. 265
 Хозяйственное использование металлов 200
 Хозяйственное строительство СССР 528. 531
 Хозяйственно-культурное значение 235
 Хозяйственно-культурные термины 262
 Хозяйственно-культурное строительство 394. 430. 437. 439. 440. 442. 454
 Хозяйственно-культурные взаимоотношения 411
 Хозяйственно-культурные образования 349
 Хозяйственно-магические представления 245
 Хозяйственно-магическое основание 235
 Хозяйственно-общественное строительство 442
 Хозяйственно-общественные группировки 339
 Хозяйственно-семантическое содержание 235
 Хозяйственно-социальный строй 391
 Хозяйственно-тотемные животные 238
 Хозяйственность 364
 Хозяйственные группировки 326
 Хозяйственные коллективы 409
 Хозяйственные системы 431
 Хозяйственные термины 402. 429. 476. 520
 Хозяйственный инвентарь 268. 363. 375. 453. 454. 468. 473. 476. 479. 500. 516
 Хозяйственный обиход 268. 389. 415. 476
 Хозяйственный строй 193. 424
 Хозяйство 38. 198. 200. 202. 213. 231. 232. 234. 235. 269. 331. 371. 412. 413. 415. 416. 419. 420. 424. 431. 433. 459. 468. 479. 480. 496. 516. 525
 'Холм' 114. 115
 'Холодный' 279. 329. 388
 'Холостяк' 515
 'Хорватский язык' 100
 'Хорек' 106
 'Хорьмы' 61
 'Хоровод' 260
 'Хороподная пляска' 260
 Хорографическая номенклатура 345
 'Хороший' 128. 129. 135. 137. 144. 270. 341
 'Хорошо' 341
 'Хочет есть' 330
 'Храм' 182. 519
 Храм в Юрьеве-Польском 319
 'Хранить' 533
 Христиане 59. 122. 131. 278. 359. 360. 518
 Христианамания 55. 58. 59. 390
 Христианская интеллигенция 361
 Христианская культура 25. 68. 100. 183
 Христианская литература 169. 361
 Христианская письменность 310
 Христианская церковь 54. 53. 358. 360. 361. 365. 484. 490. 491
 Христианские герои 237. 360
 Христианские легенды 56. 58. 59
 Христианские народы 58. 59. 361
 Христианские писатели 424
 Христианские святые 55. 58. 59. 99. 183. 360. 361. 488. 489. 518
 Христианские секты 441
 Христианские символы 157. 320. 489
 Христианские страны 102
 Христианские термины 183. 265. 337
 Христианские учителя 361
 Христианские эпохи 25. 55. 202. 203. 358
 Христианские языки 521
 Христианский период истории Армении 55. 58. 59
 Христианский Рим 431
 Христианский храм Пизунды 212
 Христианское происхождение терминов 157
 Христианство 55. 58. 59. 107. 144. 178. 183. 212. 216. 236. 237. 285. 320. 341. 358. 359. 360. 361. 441. 483. 484. 487—491. 502. 521
 'Христос' 359
 Хронология 55. 63. 96. 182. 191. 207. 295. 306. 344. 425. 462. 475
 'Хрюкание' 234. 262
 'Хрюкать' 233. 234
 Художественные образы 375
 Художественные произведения 202
 Художественный музей в Ульяновске 278
 'Худой' 280
 Царевский говор марийского языка 448
 Царевкокшайские мари 373
 Цари 6. 7. 15. 17. 18. 24. 25. 35. 36. 42. 50. 57. 59. 60. 63. 64. 72. 73. 74. 97. 98. 101. 126. 202. 236. 261. 263. 301. 321. 358. 361. 422. 468. 487. 489. 491. 515. 524
 'Царь' 129. 137. 495. 500. 512. 518. 525
 Царьмы 369. 370
 Царские скифы 211
 'Цвет' 515
 'Цельный' 506
 'Цель' 36. 459

- Центр зарождения племен и народов 165
 Центральный исполнительный комитет (ЦИК)
 Союза ССР 378
 Центральный исполнительный комитет (ЦИК)
 Чувашской АССР 379
 'Цель' 7. 103. 130
 Церемонии 74. 142. 151. 225. 232. 311. 491
 Церкви (храмы) 24. 59. 212. 319. 361. 390. 490.
 491. 502. 509
 Церковная терминология 341
 Церковная утварь 474
 Церковно-грузинский язык см. Древнелитера-
 турный грузинский язык
 Церковно-славянский язык см. Древнеславян-
 ский язык
 'Церковность' 25
 Церковные организации 358
 Церковные праздники 304
 'Церковь' 182. 519
 Цехи см. Ремесленные цехи
 Цивилизация 64. 68. 118. 425. 426
 'Цинк' 310
 Цифры 494. 505. 530
 Цова-тушинский язык см. Бацбийский язык
 Цова-тушины см. Бацбии
 Цоканье 448
 Цхумары 160. 365
 Цхумы 160
 'Чай' 278
 Чайямы 174
 Чанский (лазский) язык 5. 15. 23—27. 29. 33.
 41. 56. 57. 81. 82. 84. 85. 87—89. 106. 109.
 110. 128. 138. 163. 169—172. 174—177. 180.
 187. 189. 193. 198. 201. 212. 214. 215. 219.
 221. 226. 228. 230. 231. 234. 235. 237. 241—
 243. 245. 247. 248. 250. 252. 254. 256. 257.
 260. 262. 264—266. 272. 280—282. 284. 297.
 298. 305. 308. 329. 330. 339. 341. 342. 362.
 381. 385—387. 389. 400. 402. 403. 407. 429.
 435. 450. 460. 465. 467. 474. 478. 480. 485.
 490. 491. 492. 494. 500. 504. 505. 506. 512.
 513. 514. 516. 519. 520. См. также: Атиянский
 говор чанского языка
 Чанское (лазское) произношение 127
 Чаны (лазы) 16. 24. 25—28. 38. 56. 85. 87. 127.
 154. 163. 170. 171. 175. 176. 180. 193. 201.
 203. 207. 208. 209. 212. 214. 215. 219. 226.
 237. 239. 243. 258. 257. 265. 330. 341. 460.
 474. 485. 490. 491. 505. 506
 'Чародей' 406
 'Чары' 406
 'Час' 403. 455. 521
 'Части речи' 192. 335. 389. 414. 419. 420. 462.
 486
 Части тела 414 417
 'Частица' 470
 'Часть' дерева 497
 'Часть неба' 264
 'Чаша' 30. 84. 86. 89
 'Чашечка колена' 470
 'Чванство' 18
 Челеби 180. 181
 Человек 5. 14. 139. 145. 170. 187. 188. 189. 190.
 218. 219. 293. 300. 320. 327. 352. 353. 375.
 384. 406. 410. 468. 473. 480. 486. 487. 512.
 523. 526. 527
 'Человек-женщина' 407. 480
 'Человек-убийца' 192. 218
 'Человек-самка' 407
 Человечество 44. 65. 117. 118. 121. 133. 139.
 151. 153. 162. 165. 187. 188. 202. 212. 214.
 223. 224. 225. 227. 228. 229. 235. 237. 248.
 259. 260. 264. 268. 269. 271. 277. 294. 313.
 314. 319. 322. 326. 327. 334. 336. 340. 341.
 344—356. 360. 370. 371. 393. 394. 399. 400.
 403. 405. 406. 408. 409. 411. 412. 416. 419.
 420. 423. 426. 436. 438. 441. 444. 447. 452.
 455. 456. 462. 468. 473. 479. 480. 487. 495.
 496. 504. 510. 515. 516. 517. 518. 531.
 535
 'Чем' 504
 'Червь' 57
 Чередование гласных 130. 261. 337. 367
 Чередование звуков 130. 134. 159. 254. 261.
 284. 293. 299. 301. 337. 367. 519
 Чередование согласных звуков 134. 159. 254.
 293. 300. 519
 'Через' 342. 414. 449. 496
 'Через голову' 342
 'Черемис' 293. 461
 Черемисский язык см. Марийский язык
 Черемисы см. Марии
 'Череп' 84. 88
 'Черкасы' 112
 Черкесо-(адыгео) кабардинская группа язы-
 ков 173
 Черкесский язык см. Адыгейский язык
 'Черкесы' 13. 164
 Черкесы 13. См. Адыгеи
 'Чернила' 79
 'Чернозем' 390
 Черноморские краеведческие съезды 153
 Черноморско-африканское родство языков
 186
 'Черный' 18. 19. 464. 475
 'Черный соболь' 109
 'Черпалка' 82. 83. 85. 88. 89
 'Черпанье' 88
 'Честный' 270
 'Четыре' 199. 285. 381. 382
 Четырехсогласие 470
 Четырехэлементные образования 535
 'Четырнадцать' 382
 Чеченская группа языков 26. 93
 Чеченский (вахчайский) язык 84. 200. 201. 222.
 295. 302. 420
 Чеченцы (вахчи) 84. 106. 183. 201
 'Чиновник' 281
 Числа 54. 139. 170. 327. 382. 383. 391. 505. 506.
 507. 513
 Числа (грамм.) 5. 6. 9—21. 23—25. 27—36. 40.
 49. 51. 55—58. 62. 63. 70. 71. 81—83. 89.
 93. 95. 103. 106. 107. 124. 125. 129. 130.
 134—137. 139—146. 157. 158. 162—164.
 170. 180. 182. 184. 188. 189. 196. 205. 210.
 212. 217. 218. 222. 228. 233. 235. 240. 243.
 246. 251. 253. 254. 268. 270. 272. 273. 280.
 282. 283. 286. 293. 301. 302. 305. 309. 341.
 354. 355. 362. 363. 371. 377. 414. 473. 478.
 486. 487. 491. 493. 501. 502. 503. 509. 510.
 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 521. 527.
 531

- Числительные 132. 139. 145. 169. 170. 171. 192.
 199. 219. 251. 285. 327. 375. 381. 382. 387.
 389—391. 496. 505. 506. 533
 Числительные частицы см. Нумеративные
 слова
 'Число' 411
 Числовое значение слова 54. 170
 Числовые термины см. Нумеративные слова
 Чистота этнического состава славян 47
 'Чистый' 31. 114
 Чаен (грамм.) 100. 141. 146. 169. 177. 219. 243.
 246. 252. 291. 496
 'Чорт' 187. 188. 231. 526
 'Чтение' 84
 Чтения (разночтения) 4—6. 19. 32. 70—72. 75.
 77. 79. 89. 90. 92. 94. 99. 100. 103. 105. 106.
 140. 156. 175. 192. 198. 199. 218. 311. 410.
 476. 491. 494
 'Что' 504
 'Что-вибудь' 504
 'Чуваши' 159. 166. 333
 Чувашеведение и чувашеведы 276. 278. 351.
 393. 404
 Чувашеведные материалы 276
 Чувашаи 102. 141. 147. 156. 158. 160. 164. 174.
 177. 178. 181. 183. 185. 210. 214. 215. 244.
 255. 264. 270. 274—279. 281—283. 285. 286.
 289—291. 299. 300. 305—307. 311. 322.
 327—329. 331—337. 341—344. 347. 356—
 361. 364—367. 369—371. 373. 374. 377. 378.
 380. 382. 382. 386—388. 393. 395. 396.
 400—402. 404—408. 411. 412. 415. 417. 418.
 426. 429. 430. 443. 444. 445. 449. 454. 463.
 483. 496. 526
 Чувашизмы 337. 365
 Чувашская среда 274. 395
 Чувашские элементы в грузинском языке 330
 Чувашский вклад в русский язык 335. 336. 337
 Чувашский вопрос 276. 277
 Чувашский музей в Ульяновске 278. 287
 Чувашский педагогический техникум 275. 278.
 287
 Чувашский сельскохозяйственный техникум
 275
 Чувашский язык 102. 141. 147. 156. 158. 164.
 170. 172. 174. 178—180. 185. 187. 196. 197.
 201. 210. 211. 214. 215. 232. 244. 247. 257.
 264. 270. 274—287. 289—291. 294—297.
 299—301. 305—309. 311. 312. 316. 320. 322.
 326—337. 340—344. 347. 351. 354—365.
 367—371. 374—378. 380. 382. 383. 385—
 388. 393—396. 399—418. 420. 422. 423. 429.
 435. 436. 437. 442. 443. 449. 453. 463. 483.
 496. 503. 511. 526. 527. 528. 536
 'Чудо' 510
 'Чудовище' 302. 532
 Чудские древности 421
 Чудотворная икона 182
 Чудь (чуды) 346. 348. 421. 422
 'Чужое' 124
 'Чума' 279. 521
 'Чумичка' 88
 Чухский язык 81. См. также: Аварский язык
 Чухское наречие аварского языка 81
 Чхумары 160
 Чхумы 160. 162
 'Шакал' 242. 243. 385. 386
 Шаки 20. См. Саки
 'Шалаш' 456
 Шамаи 387. 495
 'Шар' 114. 115. 326. 401. 402. 412. 452.
 500
 'Шарики руками' 267
 'Шарообразный предмет' 83
 'Шафера' 513
 Шведский язык 98
 'Шеак' 102
 'Шелк-сыреп' 105. 106
 Шепелявые звуки 22
 'Шептание' 259
 Шерсть' 279
 'Шесть' 381
 Шестнадцатый (XVI) съезд ВКП(б) 528
 'Шестнадцать' 381. 382
 'Шип' 489
 'Шиповник' 489
 Шипящая группа яфетических языков 5. 15.
 16. 17. 20. 22—24. 26. 27. 29—34. 36. 38—
 40. 62. 81—89. 128. 134. 135. 138. 139. 143.
 149. 159. 168—172. 174. 175. 177. 207. 214.
 215. 218. 219. 221. 226. 231. 237. 239. 245.
 247. 252. 255—259. 263—265. 268. 279—
 283. 296. 298. 299. 305. 309. 329. 330. 336.
 339. 342. 343. 355. 362. 363. 377. 378. 380—
 383. 386—390. 403. 407. 410. 417. 448. 450.
 467. 470. 472. 474. 476. 478. 484. 485. 490.
 500. 509. 510. 519. 526. 536.
 Шипящие спирантные языки 255. 340
 Шипящие звуки 32. 87. 93. 116. 130. 135. 136.
 138. 142. 146. 148. 159. 171. 172. 176. 234.
 235. 237. 239. 241. 245. 255. 263. 274. 277.
 281. 290. 295. 296. 300. 318. 327. 329. 355.
 367. 368. 387. 421. 447. 450. 455. 464. 465.
 508
 Шипящие языки 174. 218. 219. 292. 340. 380.
 387
 Шипящий слой абхазского языка 138
 Шипящий слой армянского языка 219
 Шипящий слой сваянского языка 85
 Ширакены 53
 Шираки 53
 Широкая губная огласовка 155. 156. 380
 Широкие гласные звуки 155
 Школа живых восточных языков в Париже
 399
 Школы 166. 167. 394. 395. 396. 436
 Школьная организация 432
 'Шмур' 280
 Шоны 48
 'Штука' 256
 Шубаши 357. 369
 'Шубка' 103
 'Шулявное яйцо' 402
 Шумары 357
 Шумеро-иберский вклад в месопотамскую кли-
 нопись 293
 Шумеро-чаны 277
 Шумерские племенные слова 284. 291. 338.
 339. 372
 Шумерский язык 5. 59. 130. 163. 197. 200. 216.
 256. 264. 267. 277. 282. 284. 287. 293. 325.
 329. 338. 369. 372. 377. 390. 391. 404. 408.

412. 454. 455. 463. 475. 476. 484. 494. 499.
511. 512. 516. 520. 521. 528. 536
'Шумеры' 162. 285
Шумеры 162. 164. 187. 188. 189. 207. 229. 256.
264. 284. 286. 291. 293. 307. 322. 328. 331.
355. 356. 357. 360. 365. 369. 370. 371. 391.
404. 406. 408. 412. 434. 454. 499. 521
'Шумовка' 87. 88
Шумы 162
'Шут' 356. 357
Шумы 47
Щенок 237. 386
'Шит' 495. 497
Эбраистика см. Гебраистика
Эволюционная семантика 244
Эволюция звуковой речи 420. 430
Эволюция культуры 335. 370
Эволюция науки 51. 484
Эволюция хозяйственной жизни 214. 223. 232
Эволюция человечества 455. 484. 517
Эгер-сваны 26
Эканье 22. 115. 128. 134. 159. 160. 163. 171.
219. 239. 243. 245. 261. 281. 285. 299. 312.
318. 337—342. 353. 362. 364. 369. 380.
381—383. 411. 413. 445. 447. 460. 464. 465.
522
Экающая группа 134. 149. 174. 195. 265. 300.
312. 329. 342. 378. 391. 469. 478. 493
Экающая огласовка 114. 135. 139. 142. 144.
145. 163. 178. 182. 189. 190. 205. 215. 216.
240. 246. 256. 261. 267. 268. 285. 493. 296.
297. 298. 301. 320. 329. 342. 343. 349. 353.
354. 364. 381. 386. 459. 463. 465. 483
Экающая перегласовка 178. 362
Экающе-экающие языки 339
Экающие языки 215. 288. 340. 353
Экзогамия 441
Экономика см. Хозяйство
Экономическая отсталость 366
Экономические условия 306
Экономический базис 306. 409
Экономическо-общественная перестройка 326
Экспериментальная психология 438
Эксплуатируемые 433. 464. 531
Эксплуатируемые страны 433
Эксплуатирующие 433
Эламиты 24. 273. 404
Эламская морфология 38
Эламская проблема 398
Эламские древности 404
Эламский (сузский) язык 5. 20. 21. 24. 27. 28.
31. 38. 58. 110. 128. 273. 325. 397. 398. 394.
501. См. также: Древнеэламский язык
Элегия 142
Элементы лингвистические 195—197. 199—201.
205. 208. 209. 212—217. 219. 222. 226. 228.
231. 233. 235. 237. 240—242. 245—249. 251—
253. 261. 262. 264. 265. 267—271. 368.
371—373. 376. 377. 382. 383. 385. 386. 387.
388. 390. 391. 401. 402. 403. 406. 408. 411.
412. 413. 417. 421. 444. 445. 447. 449. 450. 452.
454—465. 468—470. 472—474. 476. 478—
480. 482. 483. 487. 489. 490—505. 507.
511—515. 517. 518. 521—527. 535. 536
Эллинизация имен 8
Эллинизация племен 48
Эллинизм 424
Эллинистика 424
Эллиногалаты 194
Эллинская культура см. Греческая культура
Эллинская речь см. Греческий язык
Эллинские племена (эллины) 7. 25. 197. 199.
263. 321. 424. См. также: Греки
Эллинский мир 199
Эллинский национальный тип 25
Эллинское искусство 423
Эмиграция 39
Эмоции 55. 65. 66
Энохи 123. 131. 205. 240
Энохский тотемный термин 131
Энциклопедии 432
Эпентезис 114
Эпиграфика и эпиграфисты 140
Эпиграфические памятники 140. 209
Эпиграфы 44
Эпитеты 58. 59. 271. 386
Эпифания неба 139. 211. 223. 317
Эпические герои 180. 361. 479. 487. 518
Эпические источники 57
Эпические поэты 187
Эпические представления 224
Эпические сказания 361. 520
Эпические термины 217
Эпонимные герои 41. 42
Эпонимные имена 160
Эпонимы 34. 41. 42. 56. 62. 320
Эпос 47. 57. 59. 120. 123. 139. 142. 180. 187.
208. 217. 224. 236. 259. 260. 271. 344. 335.
356. 361. 479. 487. 488. 499. 518. 520
Эпоха переселения народов (миграции) 123
Эпоха хазарского господства 367
Эрзя-диалект мордовского языка 220. 374. 380.
381. 382. 463
Эрзяне см. Мордовцы-эрзя
Эриванский говор армянского языка 76
Эскалдуны см. Баски
Эскуары см. Баски
Эслонский язык 200. 214. 217. 221. 304. 346.
376. 391. 449. 452. 455. 456. 459. 463. 526
Эстонцы (эсты) 200. 210. 454. 456. 459
Этапы развития ясетической теории 268. 324.
325. 328. 371. 379. 529
Этимологический словарь 233
Этимология и этимологи 18. 19. 20. 30. 31. 34.
47. 49. 80. 84. 95. 103. 110. 129. 193. 219.
233. 236. 242. 245. 297. 358. 360. 367. 444. 497
Этиуни (этии) 501. 524. 527
Этиунский язык 524
Этническая жизнь 47. 48. 180. 303
Этническая культура 2. 117. 118. 155. 167. 173.
276. 286. 311. 314. 315. 333
Этническая номенклатура 4. 5. 18. 20. 26. 47.
50. 93. 96. 165. 181. 195. 349. 378
Этническая номенклатура Иберии 195
Этническая номенклатура Кавказа 4. 5. 18. 20.
93. 96. 195. 485
Этническая связь Киевской Руси и Ванской
Армении 121
Этнические группы и слои 29. 45. 48. 55. 57.
115. 118. 121. 123. 132. 135. 169. 178. 179.
185. 186. 204. 205. 226. 234. 301. 331. 341.
346. 367. 370. 405. 422. 464. 465. 467. 488

- Этнические круги см. Круги народов
- Этнические названия 1. 8. 5—9. 11—22. 24. 26—28. 30—43. 45. 47—53. 55—57. 60—64. 70. 77. 80. 90—97. 99. 105. 107. 111. 112. 115. 116. 119. 120. 122—129. 131—139. 141—145. 147—150. 155—160. 162. 163. 165. 168. 170. 172. 173. 175—182. 184. 185. 187—189. 193—200. 204—208. 210. 211. 213. 215—217. 219. 221. 222. 229. 230. 236. 239. 262. 264. 269. 277. 278. 283—286. 288. 291—293. 295. 297—303. 305—308. 310—320. 328. 331—334. 337. 338. 343. 346. 348—355. 357—360. 362—370. 372. 373. 375. 376. 378. 386. 387. 390. 391. 401—406. 408. 410. 412. 421. 422. 425. 429. 430. 442—445. 451. 456—461. 465. 485—487. 491. 497. 500. 510. 511. 514. 517. 518. 520—523. 531. 536
- Этнические образования 13. 26. 48. 99. 104. 115. 120. 122. 124. 125. 128. 129. 137. 138. 144. 151. 154. 158—160. 165. 166. 176. 179. 181. 184. 185. 186. 187. 194. 204. 207—210. 229. 230. 247. 262. 264. 266. 293. 298. 301. 304. 305. 312. 313. 314. 319—322. 327. 328. 334. 343—346. 350. 354. 357. 358. 360. 367. 402. 405. 408. 426. 430. 446. 459. 506
- Этнические связи 54. 92. 96. 103. 108. 111. 118. 121. 138. 151. 152. 168. 173. 218. 361
- Этнические семьи 65. 306
- Этнические термины см. Этнические названия
- Этнические традиции 96
- Этнические элементы 7. 8. 57. 64. 129. 137. 273. 371. 398
- Этнический мир см. Племенной мир
- Этноческо-географическая номенклатура 2. 5. 16. 18. 35. 56. 94. 97
- Этноческо-географическая номенклатура Армении 2. 16. 18. 56
- Этноческо-географическая номенклатура Кавказа 2. 4. 5. 94. 97
- Этническое искусство 319
- Этническое происхождение терминов см. Племенное происхождение слов
- Этническое происхождение эпонимных имен 34
- Этническое состояние Руси 47
- Этническое творчество 36
- Этноческо-морфологические эпохи 159
- Этногонические связи 104
- Этногонические эпохи 55. 86. 151
- Этногоническое словообразование 38
- Этногония 6. 25. 44. 55. 64. 104. 111. 151. 174. 178. 180. 303. 306. 307. 344
- Этнографическая среда 28. 74. 83. 95. 151. 209
- Этнографические источники и материалы 30. 46. 94. 95. 126. 127. 167. 216. 232. 279. 524
- Этнографические переживания 210. 236
- Этнографические типы народов 430
- Этнографические термины 80. 206
- Этнографический процесс 184
- Этнография и этнографы 4. 8. 17. 28. 30. 33. 46. 48. 49. 50. 53. 55. 64. 69. 74. 76. 80. 88. 94. 95. 103. 112. 126. 127. 138. 162. 165. 167. 174. 184. 207. 209. 210. 231. 232. 272. 322. 346. 305. 426. 436. 464. 524
- Этнография Египта 50
- Этнография Кавказа 4. 55. 95. 174
- Этнография турецких племен 69
- Этно-культурный смысл слов 31
- Этно-культурная основа Волжско-Камского края 285
- Этно-культурная стадия развития 25. 50. 78
- Этно-культурное восприятие 52
- Этно-культурные материалы 287
- Этно-культурные связи 98. 112
- Этно-культурные термины 37
- Этно-культурные типы 340
- Этно-лингвистика и этно-лингвисты 52. 53. 93. 350
- Этно-лингвистические материалы 350
- Этно-лингвистическая подоснова названий 93
- Эволюционные вопросы 1. 2. 5. 7. 22. 30. 46. 47. 50. 94. 95. 126. 179. 204. 286. 313. 349. 405. 441
- Этнологические связи 207
- Этнологические факты и материалы 94. 97. 126. 141. 165. 194. 204. 295. 404. 425
- Этнологический факультет Московского университета 274
- Этнология и этнологи 1. 2. 5. 6. 7. 8. 13. 22. 42. 45. 52. 53. 60. 64. 65. 94. 97. 120. 126. 141. 142. 165. 204. 207. 232. 276. 295. 303. 313. 314. 315. 328. 346. 349. 397. 404. 405. 412. 425. 428. 430. 441. 466
- Этнологическо-лингвистические работы 31. 41. 46
- Этноним 289
- Этнонимизм 295
- Этнонимика 244. 293
- Этнонимическое происхождение слова 293
- Этно-фонетический состав баскского языка 144
- 'Эгот' 169
- 'Этруски' 115. 127. 135. 137. 144. 147. 149. 320
- Этруски (расены) 45. 48. 53. 65. 115. 116. 120. 122. 123—125. 127. 128. 131. 132. 135—137. 139. 141—143. 145. 147. 150. 177. 178. 181. 204. 207. 2. 9. 216. 221. 223. 225. 289. 291. 311. 312. 315. 317. 319. 320—323. 348. 349. 407
- Этруские надписи 131
- Этруские племенные слова 127. 132. 133. 135. 139. 142. 143. 145. 147. 149. 150. 216. 217. 262. 291. 317. 319. 320. 338. 339. 353. 376
- Этруские элементы грузинского языка 137
- Этруские языковые элементы в абхазском языке 132. 138. 139
- Этруский вклад в русский язык 152
- Этруский слой баскского языка 122. 131. 141
- Этруский слой в армянском языке 123 а
- Этруский слой населения России 45
- Этруский тотем 135. 136. 138. 142. 143. 144. 149. 289. 291
- Этруский этнический слой в языке басков 123
- Этруский (расенский) язык 123. 127. 130—133. 135. 137. 138—141. 144. 145. 147. 148. 150. 202. 209. 216. 277. 284. 295. 312. 317. 323. 338
- Этруское племенное происхождение 141. 150
- Этруско-пеласгский тотем 122
- Этрускизмы 120. 125. 132. 136. 141. 149. 150. 320
- 'Эхо' 494
- Эцверский говор сванского языка 36
- Эчмиадзинские рукописи 71. 72

- 'Юг' 306. 347
 Южнокавказские языки 173. 398
 Южнорусская этнография 112
 Южнорусские древности 2. 3.
 Южнорусские памятники 3
 Южнорусские языки 203. 245
 Южнорусский вопрос 65
 Южнорусское поселение в Свании 113
 Южные народы 270. 368. 510
 Южные славяне 112
 Южные удмурты 298
 Южные языки 270. 368
 Южные яфетиды 368. 369
 'Южный' 465
 Южный мир 270
 Юс 350
 Юс малый 350
 'Н' 342. 343
 'Я голоден' 330
 'Яблоко' 385
 'Являться' 135. 263
 'Явлюсь во сне' 453
 'Явное' 453
 'Ягятина' 244
 'Язва' 280
 'Язык' 253. 259. 482. 494. 495. 497. 499
 Язык 1. 3. 5—13. 15—42. 44—49. 51—63. 65.
 69. 70. 73. 75—96. 98—164. 167—318. 320.
 323—437. 439—536
 Язык (как надстройка) 1. 44. 153. 173. 227
 Язык (как орудие пропаганды) 422
 Язык (как орудие социального общения) 413
 Язык (как психологическо-материальное явление) 10
 Язык ахеменидских клинообразных надписей
 (второй категории) 23. 29. 53. 272. 273. 476.
 494. 499. 511. 516. 524. 525. 527. См. также:
 Мидийский новоэламский язык
 Язык горожан 315. 316
 Язык жестов и мимики см. Линейный язык
 Язык сельского населения 315
 Язык Талмуда см. Талмудический язык
 Язык феодалов см. Феодалные языки
 Языки Африки см. Африканские языки
 Языки господствующих классов 431. 530.
 См. также: Феодалные языки
 Языки Европы см. Европейские языки
 Языки мира 435. 436
 Языки Памвры 436
 Языки-примитивы 123. 331. 363
 Языки Средиземноморья 11. 48. 147. 148. 152.
 169. 320. 354. 397. 399. 406. 417. 429. 449.
 492
 Языки Черноморья 31. 62. 75. 145. 152. 169.
 172. 185. 329
 Языковая культура 266. 403. 404. 422. 430. 531
 Языковая психология 11
 Языковое сознание 282
 Языковое сообщество 246
 Языковое строительство СССР 393. 534
 Языковые древности см. Памятники языка
 Языковые нормы см. Нормы языка
 Языковые образования 335
 Языковые особенности 168. 169. 211. 215. 216.
 230. 250. 278. 331. 344. 351. 387. 436. 442.
 447
 Языковые районы 476
 Языковые раскопки 152. 311 См. также: Па-
 леонтология речи
 Языковые типы 430. 436
 Языковый мир 249. 250. 259. 277
 Языкознание и языковеды 2—17. 19—22.
 24—32. 34. 36—38. 40. 44. 46—53. 58. 64.
 65. 67. 68. 75. 77—82. 84. 86. 88. 92—95.
 97. 105. 106. 108. 114. 116—122. 128. 131.
 133. 136—140. 143—145. 148—151. 153.
 155—158. 163. 170. 172—175. 179—182.
 184—186. 191—193. 195. 198. 200. 203. 205.
 206. 209—211. 213—216. 218. 219. 221. 223.
 225—226. 230—233. 240. 242. 245. 246.
 248—250. 252. 253. 257. 260. 262. 265. 266.
 268. 270. 271. 274. 276—278. 282. 283.
 285—289. 291. 294. 295. 297. 298. 300. 301.
 304. 308. 310—312. 314. 316. 319. 320.
 324—326. 328. 331—337. 339. 340. 342—345.
 347. 349. 351. 354. 356. 359. 365. 367—369.
 371. 373. 379. 382. 385—392. 394—402—
 404—406. 408. 409. 411—413. 415—420.
 422. 423. 426. 432—436. 438—441. 443. 444.
 446. 447. 451. 453. 454. 457. 458. 459. 464.
 465. 466. 468. 469. 470. 471. 473. 474. 477.
 478. 479. 480—482. 486. 492. 494. 497. 498.
 499. 504. 505. 508. 509. 510. 513. 515. 516.
 517. 518. 519. 520. 522—552. 527. 529—531.
 534—536
 Языкотворчество (глотогония) 6. 10. 33. 65.
 138. 186. 230. 233. 284. 238. 248. 266. 268.
 277. 303. 328. 398. 400. 420. 433. 442. 466.
 482. 534. 535
 Языческие боги 131. 182. 183. 232. 337. 360
 Языческие верования 54. 55. 358. 359. 360.
 361. 365. 509
 Языческие культы 304. 361. 424. 509
 Языческие святыни 55. 60. 140. 183. 212
 Языческие термины 183. 489
 Языческие эпохи 58. 139. 341
 Языческий Елм 431
 Языческий эпос 361
 Языческое просвещение 133
 Языческо-христианская религия 518
 Язычество 54. 55. 58. 59. 60. 131. 139. 183.
 304. 311. 341. 360. 366. 484. 489. 490. 491.
 501. 509. 520
 'Язычник' 244. 276. 312. 536
 Язычяки 279. 359. 365. 501
 'Яйцо' 401. 402. 412. 470. 471
 Якутский язык 109. 197
 Якуты 104. 109. 197
 Японский язык 201
 Японцы 201
 Яранский говор марийского языка 448
 'Ясный' 309
 Яфетидизм 11. 120. 171. 192. 196. 283. 285.
 288. 289. 290. 361. 364
 Яфетидо-ариевропейцы см. Яфетидо-индо-
 европейцы
 Яфетидо-индоевропейцы 22. 38. 80
 Яфетидологическая ячейка в Венском универ-
 ситете 397. 434
 Яфетидологические изыскания 2. 6. 21. 32. 48.
 49. 94. 174. 268. 276. 277. 285. 289. 308. 310.
 334. 344. 392. 397. 415. 423. 440. 451. 470

- Яфетидологические разъяснения 3. 6. 14. 31. 32. 34. 36. 77. 116. 121. 122. 139. 148. 149. 150. 156. 157. 182. 185. 195. 205. 206. 210. 211. 218. 221. 225. 227. 228. 231. 245. 250. 270. 271. 274. 278. 282. 289. 291. 294. 297. 298. 307. 311. 316. 320. 324. 332. 334. 337. 338. 342. 343. 349. 351. 354. 356. 359. 368. 382. 385. 390. 399. 400. 408. 412. 415. 416. 417. 418. 422. 436. 443. 453. 457. 458. 459. 464. 465. 468. 469. 470. 474. 478. 480. 494. 499. 508. 517. 520. 525. 527. 534. 535. 536
- Яфетидологический анализ 40. 218. 226. 288. 340. 365. 443. 447. 505. 536
- Яфетидология см. Яфетическая теория
- Яфетиды 1. 3. 4. 6. 8. 14. 19. 21. 22. 24. 25. 34. 36. 38. 40. 41. 48—52. 54—56. 58. 62—65. 67. 69. 70. 76. 80. 83. 86. 93—95. 97. 98. 100. 105. 111. 120. 122—125. 128. 129. 131. 137—139. 142. 144. 145. 155—157. 160. 165. 168. 171. 172. 181. 183—185. 192. 193. 195. 201. 202. 209. 212. 214. 217. 222. 224—228. 240. 246. 248. 249. 251. 255. 257. 262—266. 270. 271. 274. 276. 278. 285—287. 289. 291. 294. 295. 298. 304. 306. 310—313. 319. 320. 323. 325. 327. 328. 333—335. 337. 340. 342. 344—348. 351. 354. 357—361. 366—370. 376. 389. 398. 418. 445. 451. 456. 459. 460. 461. 464. 465. 474. 502. 510
- Яфетиды Британских островов 222
- Яфетическая классификация языков 395
- Яфетическая культура 136. 314. 319. 398
- Яфетическая морфология 6. 8. 15. 37. 49. 93. 149
- Яфетическая основа армянского языка 329
- Яфетическая основа коптского языка 171
- Яфетическая основа языков 171. 329. 362
- Яфетическая палеонтология речи 84. 97. 105. 121. 143. 144. 168. 295. 312. 336
- Яфетическая подоснова приволжских народов 293. 298
- Яфетическая природа скифского языка 53
- Яфетическая природа чувашского языка 277. 329
- Яфетическая семантика 36. 49. 51. 52. 58. 84. 114. 139. 282. 291. 293. 297
- Яфетическая семья народов 181. 306. 323. 334
- Яфетическая система (семья) языков 11. 16. 21. 26. 81. 103. 168. 173. 227. 228. 245. 248. 249. 250. 251. 255. 256. 266. 323. 324. 380. 381. 387. 388. 389. 390. 391. 395. 399. 401. 407. 409—411. 416. 417. 427. 429. 431. 447. 451. 457. 458—460. 467. 468. 469. 470. 476. 477. 478. 480. 483. 484. 492. 496. 504. 505. 509. 511. 512. 514. 516. 519. 520. 522. 524. 527. 528. 535
- Яфетическая сравнительная грамматика 182. 214
- Яфетическая среда 19. 21. 106. 124. 213. 258. 293. 297
- Яфетическая теория и яфетидология 2. 4. 6—8. 10. 13—15. 20. 21. 31. 32. 34. 36. 37. 40. 44. 47—49. 51. 52. 58. 65. 75. 77. 80. 84. 86. 92. 94. 97. 105. 106. 114. 116. 117. 119—122. 136—139. 143—145. 148—150. 153. 156. 157. 168. 173—175. 181. 182. 185. 186. 195. 198. 203. 205. 206. 210. 211. 218. 221. 223. 225—228. 231. 232. 245. 248—250. 262. 266. 268. 270. 271. 274. 276—278. 282. 285. 286. 288. 289. 291. 294. 295. 297. 298. 301. 304. 305. 307. 308. 310—312. 314. 316. 319. 320. 324. 325. 328. 331—337. 340. 342—344. 349. 354. 356. 359. 365. 368. 369. 371. 373. 379. 382. 385. 387. 390—392. 394—402. 404. 405. 408. 409. 411. 412. 415—420. 422. 423. 426. 433—436. 438—441. 443. 451. 453. 454. 457. 458. 464. 466. 468. 469. 470. 474. 478. 479. 480. 481. 492. 494. 495. 496. 498. 499. 504. 505. 508. 510. 515. 517. 518. 519. 520. 522. 525. 527. 529. 530. 534. 535. 536
- Яфетическая топонимика 137
- Яфетическая транскрипция 40. 106. 373
- Яфетическая фонетика 3. 6. 49. 291
- Яфетическая этимология 80
- Яфетическая языковая психология 11
- Яфетические законы 114. 149
- Яфетические звуки 22. 55. 85. 86. 108. 291. 355
- Яфетические культы 58
- Яфетические образования 81
- Яфетические переживания 115. 147. 149. 151. 164. 170. 174. 185. 222. 337. 339. 346. 362. 378. 469
- Яфетические показатели множественности 6. 10. 11. 12. 24. 38
- Яфетические пословицы 45
- Яфетические предания 334
- Яфетические районы 163. 164. 296. 298. 308. 330
- Яфетические сложные звукосочетания 22
- Яфетические слов 128. 138. 144
- Яфетические служебные слова 185
- Яфетические страны 40. 65. 164. 208. 296. 321. 322
- Яфетические термины 4. 5. 15. 17. 18. 19. 20. 21. 24. 33. 36. 37. 38. 44. 51. 53. 81. 93. 94. 95. 97. 107. 113. 120. 128. 138. 142. 164. 178. 185. 218. 264. 289. 295. 296. 311
- Яфетические элементы в языках 11. 18. 81. 122. 134. 138. 192. 196. 276. 311
- Яфетические элементы в иранских языках 11. 196
- Яфетические элементы в древнелитературном армянском языке 18
- Яфетические элементы в курдском языке 192
- Яфетические элементы в осетинском языке 192. 196
- Яфетические элементы в чувашском языке 276
- Яфетические элементы в южнорусских надписях 3
- Яфетические языки 3. 5. 6. 9—17. 19—24. 26. 31. 37—40. 49. 51. 57. 59. 62. 65. 75. 81. 82. 86—88. 100. 108. 109. 122. 130. 133. 134. 137—139. 141. 145. 146. 148. 150. 152. 155. 158. 163. 168—176. 179. 181. 182. 185. 187. 193. 196. 198. 199. 201—203. 212—215. 218. 221. 225—228. 233. 240. 243. 245. 246. 248—252. 254. 255. 260. 261. 263—266. 270. 272. 274. 276—279. 281—285. 287. 289—291. 294. 295. 297—299. 302—307. 310—314. 318. 323. 325. 326. 328—331. 339—343. 352—354.

357. 360—362. 365. 367. 368. 370. 371. 374.
378—382. 387. 388. 389. 390. 391. 395. 397.
398. 399. 401. 403. 406. 407. 410. 411. 416.
417. 427. 429. 436. 447. 448. 450. 451. 456.
458. 459. 460. 464. 465. 467. 468. 469. 470.
476. 477. 478. 480. 483. 484. 485. 492. 493.
496. 500. 502. 504. 509. 510. 511. 512. 514.
516. 519. 520. 522. 524. 527. 528. 531. 534.
535
- Яфетические языки Кавказа 5. 6. 10. 11. 38.
40. 87. 108. 136. 138. 141. 145. 155. 169.
171. 173. 196. 199. 201. 203. 212. 213. 214.
219. 221. 227. 228. 245. 249. 255. 258. 260.
261. 263. 265. 266. 270. 277. 281. 297. 299.
313. 337. 339. 347. 357. 368. 389. 391. 407.
417. 429. 436. 447. 448. 454. 460. 477. 496.
504. 509. 514. 534
- Яфетические языки Пиренеев 347. 436. См.
также: Баскский язык
- Яфетические языковые раскопки 152. 311
- Яфетический вклад в русский язык 311
- Яфетический вклад во французский язык 240
- Яфетический институт Академии наук СССР
117. 166. 167. 170. 276. 277. 286. 287. 302.
310. 325. 332. 373. 379. 396. 440
- Яфетический Кавказ 65. 70. 92. 233. 236. 296.
328. 391. 448
- Яфетический мвр 4. 11. 32. 37. 42. 53. 63. 70.
92. 93. 102. 104. 117. 198. 228. 233. 236. 250.
271. 277. 347. 388. 477
- Яфетический слой в абхазском языке 138
- Яфетический слой древнелитературного армян-
ского языка 11. 87
- Яфетический субстрат армянского языка 173.
343. 344
- Яфетический субстрат болгаро-чувакского
языка 128
- Яфетический субстрат германских языков 171.
332
- Яфетический субстрат латинского языка 199
- Яфетический субстрат населения Африки 192
- Яфетический субстрат финских языков 392
- Яфетический субстрат французского языка 240
- Яфетический эпос 356
- Яфетическо-арийско-турецкая помесь 94
- Яфетическо-ариоευропейские племена см. Яфе-
тическо-индоевропейские племена
- Яфетическо-ариоευропейские языки см. Яфе-
тическо-индоевропейские языки
- Яфетическое население Армении 360
- Яфетическое население Дагестана 70
- Яфетическое население Евразии 320
- Яфетическое население Европы 340. 333
- Яфетическое осознание мира 120
- Яфетическое произношение 35. 176. 178. 198.
254. 296
- Яфетическое происхождение богов 54
- Яфетическое происхождение скифов 1
- Яфетическое происхождение слов 8. 20. 40.
76. 92. 100. 111. 170. 276. 277. 288. 338.
427
- Яфетическое словотворчество 5
- Яфетическое состояние коптского языка 169
- Яфетическое состояние племен 216. 219
- Яфетическое состояние языков 169. 310
- Яфетическое ударение 137
- Яфетическое языкознание см. Яфетическая
теория
- Яфетическо-индоевропейские языки 22. 398
- Яфетическо-иранские связи 11
- Яфетическо-семитические связи 531
- 'Ячмень' 113. 129. 268. 269. 449
- 'Ящерица' 58

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук СССР.
 БСЭ — Большая Советская энциклопедия.
 ВВ — Византийский временник.
 ГАИМК — Гос. Академия истории материальной культуры имени Н. Я. Марра.
 ГМ — Грамматика мингральского (инерского) языка.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ЗВО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества.
 ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов.
 ЗКП — Газета «За коммунистическое просвещение».
 ЗКОРГО — Записки Кавказского отделения Русского Географического общества.
 ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей.
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества.
 ИАН — Известия Академии наук СССР.
 ИГАИМК — Известия ГАИМК.
 ИЛЯЗВ — Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока.
 ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН.
 ИР — Избранные работы Н. Я. Марра.
 ИРАИМК — см. ИГАИМК.
 ИРАН — см. ИАН.
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 КВ — Кавказский вестник.
 КК — Кавказский календарь.
 КОРГО — Кавказское отделение Русского Географического общества.
 КП — Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии.
- ЛВИ — Ленинградский Восточный институт.
 ЛИЖВЯ — Ленинградский Институт живых восточных языков.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
 ЛЭ — Литературная энциклопедия.
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН.
 МЛЯЯ — Материалы по яфетическому языкознанию.
 ОИФ — Отделение исторических наук и филологии АН.
 ОЭ — В. Ф. Миллер, Осетинские этюды.
 ПЭРЯТ — Сборник статей Н. Я. Марра «По этапам развития яфетической теории».
 РАО — Русское Археологическое общество.
 РАН — см. АН.
 РГО — Русское Географическое общество.
 СГАИМК — Сообщения ГАИМК.
 СМ — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
 СМОМПК — см. СМ.
 ТАС — Труды Археологических съездов.
 ТКИПС — Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России.
 ТР — Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии.
 ТРКФ — Тексты и разыскания по кавказской филологии.
 ХВ — Христианский Восток.
 ЧОИД — Чтения общества любителей истории и древностей Российских.
 ЭО — Этнографическое обозрение.
 ЯИ — Яфетический Институт АН.
 ЯС — Яфетический сборник.
 AG — Hubschmann, Armenische Grammatik.
 JS — Japhetische Studien.
 LEW — Walde, Lateinisches Etymologisches Wörterbuch.
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	I—XX
<i>Продолжение списка печатных работ Н. Я. Марра (1933—1935 гг.)</i>	XXI
Термин «скиф»	1—43
Книжные легенды об основании Куара в Армени и Клева на Руси	44—66
По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в.	67—118
Из яфетических пережитков в русском языке	114—116
Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «Тризна»	117—152
Сухум и Туапсе	153—161
Абхазоведение и абхазы	162—186
Русское «человек», абхазское <i>аоуџа</i>	187—190
Скифский язык	191—223
Яфетические зори на украинском хуторе	224—271
О происхождении имени «Анапа»	272—273
Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам	274—287
Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий	288—308
Чувашские слова с основой <i>чу</i>	309
Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике	310—322
Чуваши-яфетиды на Волге	323—372
Отчет о лингвистической поездке к вол-камским народам	373—379
Пережиточные взаимоотношения снисходящей и шипящей групп в огласовке <i>мокша</i> и <i>эрзя</i> мордовского языка	380—384
Из двухэлементных абхазских слов	385—386
Булгарский язык	387—388
Суоми-карельские и сомех-картские языки	389—392
Родная речь — могучий рычаг культурного подъема	393—437
Первая выдвинченская яфетидологическая экспедиция по самообследованию <i>маршев</i>	438—466
Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык	467—533
Предисловие к работе М. П. Чхаидзе	534—536
Приложения:	
1) <i>Указатель литературных работ и источников</i>	539—551
2) <i>Указатель разбираемых или упоминаемых терминов</i>	552—582
3—4) <i>Указатель именной и мифологических имен</i>	583—588
5) <i>Указатель географических названий</i>	589—594
6) <i>Указатель предметный</i>	595—666
Список сокращений	667